

Миссионерское обозрение

1901 г. 1 полугодие

Январь

«Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» [Ин.20:21](#).

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева» [Мф.10:6](#).

«Скорбь ми есть велия по братии моей» [Рим.9:1–3](#).

**Приходским пастырям новогодняя миссионерская
памятка // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С.
3–17**

С наступившим новым 1901 годом внутренняя миссия нашей отечественной церкви вступает в новое и это не в первое уже столетие своей духовно-просветительной деятельности. И на всём этом пути своей многовековой службы Церкви Божией и заблудшим братьям нашим внутренняя миссия встречается неизменно – из года в год, из века в век с одним заблуждением, которое является непреодолимым тормозом в развитии этого св. дела, и от которого, как от тяжкого ига, естественно миссия желала бы освободиться как можно скорее в новом веке. Мы имеем в виду всем хорошо знакомое общераспространенное мнение, что миссионерствовать должны будто бы *только миссионеры*, и даже с добавлением в качестве аргумента к этому мнению, – что на то они и миссионеры, чтобы миссионерствовать... Себе же в этом общецерковном, великом и святом деле религиозного перевоспитания сидящего во тьме заблуждений люда не только миряне – пасомые, но и большинство пастырей отмежевывали место зрителей, безучастно, лениво наблюдающих за работой миссионеров и иногда только любопытствующих и то скорее с иронией, чем с тою радостью, которая бывает «у ангелов и о едином кающемся грешнике», на счет того, сколько миссионер *обратил* раскольников или сектантов в лоно Церкви. При этом слишком часты случаи, когда члены церкви, приходская среда, люди общества не только не стараются оказать содействие миссионеру, но даже вырывают то, что миссионерство насаждает, – им посеянное доброе семя забрасывают камешками своего вольнодумства, религиозного индифферентизма и безбожного небрежения к делам веры и Церкви православной. И тем не менее после этого позволяют себе со спокойной совестью недоумевать, почему это «миссионерские труды награждаются всходами хилыми». Но, что всего губительнее для успеха миссии и печальнее, это то, что настоящее заблуждение и в отношении к

миссионерству и миссионерам глубоко укоренено не в среде только мирян, но и в самом приходском духовенстве. Нередко, очень даже нередко можно встретить приходских пастырей, которые смело разделяют своих прихожан на *собственных* пасомых и на *чужих* овец, разумея под последними раскольников и сектантов. Первых, по их разумению, обязаны пасти они, а вторых ведать – долг миссионера. Раз существует миссионер, рассуждают таковые беспечные, близорукие пастыри, то ему и книги в руки: пусть он и считается с отпадшими, а нам священникам – только бы своих овец упасты и в требах удовлетворить. Подобные воззрения есть плод неправильного понимания существа миссии и проистекают из желания приходского священника оставить для себя как можно менее работы собственно пастырско-просветительной, да и этой – только более спокойной; покоятся они на хитросплетенных софизмах и ведут только к уменьшению всё большему и большему деятельности священника со стороны уменьшения количества объектов её, за уходом их в раскол и сектантство. При этом рассуждающие так иереи в своё оправдание указывают на порядки, существующие во внешней среде язычников миссии. Посмотрите, говорят не миссионерствующие пастыри, на внешнюю миссию, кто там работает? – все лишь одни миссионеры; а приходских священников там нет совсем. Но и это оправдание – говоря простым, но выразительным русским языком, только замазывание дела, а не выяснение его. Правда, во внешней миссии подвизаются главным образом миссионеры.

Но в таком ли они положении к самому делу, в каком деятели внутренней миссии? Наши миссионеры имеют в своём ведении обширнейшие районы, целые епархии и области, сотни и более приходов, сел и деревень, зараженных расколом и сектами, где ему обязательно нужно побывать для бесед, исследования, руководства, организации приходской миссии; там, во внешней миссии – миссионер только изредка переезжает из одного района своей деятельности в другой; следовательно, он становится к жителям данной местности на тот или другой срок в положение приходского священника-

миссионера. Это – одно. Другое – как только явится хоть небольшое количество христиан, так сейчас же спешат ставить к ним священника; следовательно, также устрояют дело миссии, как оно и должно быть, и как существует дело у нас во внутренней миссии, т. е. с миссионером и священником-миссионером.

Всё это, конечно, не ново и давным-давно известно, но повторить и оживить в памяти, особенно в начале нового лета и века, далеко не бесполезно; пора рассеять тот туман, под покровом которого дело нашей внутренней миссий вступает в новый век. Многие еще, и ныне склонны думать, что привлечение приходских священников к миссии зависит от произволения власти епархиальной и составляет якобы ухищрение епархиальных или там окружных миссионеров, желающих свалить трудную поклажу со своего на чужой воз, и что будто бы это не есть насущная потребность, вытекающая из дела и из условий нашего времени. Пусть же у врат нового XX века православное русское пастырство проникнется сознанием той истины, что тогда только дело миссии может быть почтено поставленным в надлежащее положение, и успех её – верно обеспеченным, когда приходские священники раскольников с сектантами признают не за чужих, а также за собственных овец и потщатся, подобно доброму евангельскому пастырю, не страшась гор, идти на поиски заблудших овец своих, возложат их на свои рамена и приведут в ограду церкви, где будут и их пасти словом учения, вразумления и страха Господня. Да, об этом все, кому дорога миссия, должны повторять и повторять; повторять громко, чтобы истинность этого миссионерского догмата стала очевидной и для нежелающих видеть её.

Но, благодарение Господу Богу, – истинное понимание дела миссии всё шире и глубже распространяется и проникает в сознание если не мирян, то в среду богословствующего юношества и приходского духовенства. В рядах последнего с каждым годом все чаще и чаще появляются искренно желающие миссионерствовать, трудиться для спасения и вразумления заблуждающихся и нелицемерно пасти всю свою

паству, не разделяя её на *чужих и своих*. Эти ревнующие о миссии деятели – люди новые, в большинстве случаев молодые и малоопытные. Поэтому от них часто слышатся просьбы поруководить их деятельностью, научить их, как и в чём они могут быть полезными миссии, точно определить им сферу влияния на расколо-сектантскую среду и указать средства для сего.

В последнее десятилетие истекшего века, с целью поднятия миссионерской деятельности среди духовенства духовным начальством – епархиальным и высшим – даны те или другие указания и разъяснения, изданы и издаются руководящие циркуляры. Но всё это является отрывочно, по тому или другому поводу, так что вся сфера миссионерской приходской деятельности священника доселе остается точно не регламентированной. И желающие работать часто остаются не у дел, не зная и не умея, как и куда приложить руки.

Итак, на основании всего сказанного более чем когда-либо наш орган считает своим долгом напомнить ту непреложную истину, что дело миссии вперед не пойдет, *пока не сознают пастыри приходские*, что они *первые и самые главные миссионеры*; пока не убедятся они, что при их равнодушии к миссии приходской, при их отчужденности от неё – один епархиальный миссионер малополезен, и пока, проникнувшись этим сознанием, не возьмутся со всей энергией и мощью, присущими духовному ведомству, когда исторические судьбы церкви и отечества поднимают его дух, – за самое настоящее, живое дело приходского миссионерствования. Конечно, приходское миссионерствование *не исключительное лишь дело* среди самых разнообразных служебных занятий пастыря, но, повторяем, оно главное, и пастырь ни на минуту не должен опускать *этого дела*. С другой стороны, на нашем специальном органе лежит обязанность касательно выяснения того, как же священнику устроить приходскую миссию, как её вести, в чём выражать. Выяснение вопроса этого как нельзя более благовременным является опять-таки ныне, когда подводятся итоги прошлому и обсматриваются пути к благоуспешному деланию в новой стадии времени. Тем более, что существуют

инструкции для епархиальных миссионеров, но ничего подобного нет для приходского миссионера священника. Этот-то пробел давно пора, а ныне, повторяем, существенно необходимо восполнить. Наша редакция всегда сознавала важность этого дела и по мере возможности старалась помогать приходским пастырям в устройении приходской их миссии. В настоящий раз мы хотим исполнить это с тем большею готовностью, что имеем пред собою опыт первой, но достойной внимания, полной, целостной *инструкции* приходским священникам для борьбы с расколом, Инструкция эта составлена по инициативе и под ближайшим наблюдением благопопечительного о миссии Олонецкого Архипастыря, еп. Назария, съездом миссионеров этой епархии для местного духовенства. Эта инструкция отдельно и точно обнимает собою всё, что касается приходской миссии, и в чём эта последняя выражается, верно и справедливо очерчивает круг миссионерской деятельности всякого пастыря приходского. А потому мы решились этот опыт, расширив его и пополнив в отношении миссии против сектантства, предложить вниманию читателей, в форме «новогодней миссионерской памятки». Мы питаем надежду, что читатели наши – приходские пастыри – со вниманием примут нашу памятку, воспользуются ею в своей новогодней деятельности на поприще миссии. Наша памятка обнимает лишь *личную* миссионерскую деятельность приходского пастырства. В одной из следующих книжек мы надеемся представить читателям опыт инструкции, касающейся вопроса о привлечении мирян и вообще приходских сил и учреждений к делу миссии.

Если где-либо хорошо сознана справедливость пословицы, что один в поле не воин, то тем более она приложима к делу миссии. Но кто же помощником может быть священнику? Конечно, прежде всего низшие члены клира – диаконы и псаломщики, а за ними и миряне – люди благочестивые, ревнующие о православной вере и грамотные; таковыми вполне могут быть и дети-школьники. На этих помощников за последнее время обращено серьезное внимание и приходских священников, и миссионеров. А нам хорошо известны опыты,

когда священники из школьников устроят целый полк миссионеров – помощников себе. Привившееся у одних имеет по самой сущности своей все основания привиться и в других селах. Но об этом после, а теперь перейдем к инструктированию личной миссионерской деятельности приходского пастыря.

* * *

§ 1. **Каждый** приходской священник, по долгу своего пастырского служения, есть первый миссионер в своём приходе и **обязан непрерывно вести миссионерское дело**, действуя против раскольников и сектантов всеми зависящими от него мерами. Поэтому «учреждение епархиального и окружных миссионеров с их помощниками, действующих в указываемых им пределах и только временно посещающих местности, зараженные расколом, **отнюдь не освобождает приходского пастырства от миссионерской деятельности**» (Прав. об устр. мис., утвержд. Св. Синодом 25 мая 1888 г.).

§ 2. Миссионерская деятельность священника в приходе должна быть двояка: А) по отношению к православным и Б) по отношению к раскольникам и сектантам. По отношению к православному она должна быть направлена а) на утверждение их истинной веры и чистой нравственности и б) на ограждение их от влияния расколо-сектантства и от других неправоверующих, а по отношению к заблудшим и отторгнувшимся от тела – на вразумление и воссоединение их с православною Церковью.

А. Миссионерская деятельность священников по отношению к православным

§ 3. Для утверждения православного приходского населения в истинной вере и нравственности священники обязаны:

а) проводить жизнь свою честно и благочестиво, отечески обращаясь с пасомыми, помня слова апостола: «образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою» (1Тим.4:12);

б) «постоянно внимательно и непременно истово совершать на себе крестное знамение и преподавать благословие другим, – всегда благоговейно и согласно с уставом церкви совершать общественное богослужение, а также частные церковные службы и домашние требы, с вразумительным и внятным чтением и пением молитвословий» (Прав. об устр. мис. § 8, а);

в) обучать прихожан истинам православной веры и нравственности в храме при отправлении богослужений, на внебогослужебных беседах, в домах прихожан, при отправлении треб и молитвословий и при всяком удобном случае, памятуя завет апостола: «проповедай слово, временно и безвременно, настой, обличи, умоли со всяким долготерпением и кротостью» (2Тим.4:2).

§ 4. Для ограждения православных прихожан от заражения лжеучениями раскола и сектантства священник должен: а) во всякое время хорошо знать не только число заблудших чад своего прихода, но и лично знать каждого из них и «вести особую от исповедных росписей запись раскольников и сектантов, с подразделением её на две части: первую для внесения раскольников и сектантов, значащихся таковыми от рождения, и вторую для уклонившихся в раскол и секты, с указанием числа лет уклонения». (Ук. Св. Синода от 26 мая 1900 года за № 5);

б) зорко следить за всеми движениями и явлениями, происходящими в жизни расколо-сектантства в своём приходе,

и немедленно доводить до сведения епархиального начальства и (одновременно) окружного миссионера или его помощника о всяком отдельном случае отпадения в раскол (см. тот же указ) и присоединения к православной Церкви;

в) своевременно иметь точные и верные сведения о состоянии расколо-сектантства в своём приходе, именно: какие раскольнические толки и согласия существуют в приходе, какие расколо-сектантские мнения наиболее распространены в среде отщепенцев в данное время и соблазняют православных, кто из главарей раскола или сектантства занимается исправлением духовных треб для местного расколо-сектантского населения, а равно и распространением и укоренением лжеучений в приходе и руководит местной общиной, не появляются ли расколоучителя из чужих приходов, не обращаются ли между расколо-сектантами какие-либо вновь составленные раскольнические сочинения и цветники (сборники) и друг. противоправославные издания и рукописные тетрадки.

г) «предупреждать своих прихожан о возможности влияния на них со стороны раскольников и сектантов, выясняя им заблуждения тех и других и указывая, как относиться к отпадшим, чтобы, напротив того, самим произвести на них благотворное влияние». Для достижения этой цели священник должен:

1) произносить поучения, направленные к раскрытию заблуждений раскольников и сектантов и «к разъяснению тех именно истин св. веры, правил христианской жизни, обрядов и таинств православной Церкви, которые составляют предмет разномыслия и лжеучений отделяющихся от Церкви» (Прав. об устр. миссий, утвержд. Св. Синод. 25 мая 1881 г. § п. б.);

2) вести внебогослужебные и домашние беседы и чтения о тех же предметах:

3) сообщать в школах на уроках Закона Божия дополнительные сведения по истории и обличению раскола и сект, применительно одобренным программам миссионерскими съездами и епархиальными начальствами.¹

4) «распространять в народе книги, брошюры и листки с кратким, но основательным раскрытием заблуждений

раскольников и сектантов, с ясным и вразумительным, изложением учения православной Церкви о предметах разномыслия раскольников и сектантов с учением Церкви» (Прав. об устр. мис. § 8, п. д.).

§ 5. Предупреждая православных, разъясняя им заблуждения раскольников, священник должен поступать и выражаться спокойно, обличать сектантское лжеучение тоном, достойным служителя алтаря, без всякого раздражения, язвительности, но с сострадательною христианскою любовью и всяческою осмотрительностью, остерегаясь подробного и реального изложения лжеучения и беззаконий отступников, чтобы не вызвать ожесточения со стороны отделяющихся от Церкви и тем не погубить плодов своих начинаний, а с другой, стороны, чтобы не породить соблазна в православных чадах церкви, – не вызвать брожения грешной мысли и нечистых чувствований.

Б. Миссионерская деятельность священника по отношению к расколо-сектантству

§ 6. Священник должен смотреть на раскольников и сектантов, как на людей, хотя и заблуждающих в вере и удалившихся от Св. Церкви, но желающих спасения, и заслуживающих с его стороны не *пренебрежения и осуждения, а сожаления и забот* об обращении на путь православной истины, потому что раскольники и сектанты – не *чужие* овцы, а *его же собственные*, только заблудшие.

§ 7. Сообразно с таким взглядом приходский пастырь должен относиться к отпадшим с милосердствующею отеческою любовью, «которая не ищет своего, не раздражается, не радуется неправде, всё переносит» (1Кор.13:4–7) – и пастырь-миссионер терпеливо должен переносить их обычные дерзости и грубые выходки, стараясь «действовать на заблудших преимущественно состраданием, благожеланием, убеждением, раскрытием душевной пагубы их отпадения от Церкви, а также и страхом праведного Суда Божия по смерти», но никак не угрозою наказания, мерами суда и полицейской расправы, – тюрьмой, ссылкой и проч.

§ 8. При **всяком** удобном случае, священник должен вести частые беседы с приходскими раскольниками или сектантами о предметах разномыслия их с православною Церковью, а *время от времени* и публичные такого же характера.

§ 9. О времени публичных бесед следует заблаговременно извещать прихожан, как православных, так и заблуждающихся, чрез соседей, сельских должностных лиц, волостные правления. Во время беседы нужно обращать особенное внимание на отщепенцев и проч. грамотных, начитанных и более желающих познать истину, а после беседы – стараться стать с таковыми в более близкое и живое общение. Если же, не смотря на извещение, отпавшие не явятся на беседу, то священнику не нужно смущаться этим, а следует беседовать с одними православными, на которых раскол или сектантство так или иначе оказывает влияние, разъяснять лживость и

душепагубность учения местного расколо-сектантства и объяснять отсутствие раскольников или сектантов на беседе сознанием полного бессилия их защитить свои верования.

§ 10. Для публичных бесед должны быть избираемы помещения, по возможности удобные и просторные: училища, волостные правления и подходящие дома частных лиц; в летнее же время, смотря по удобству, они могут происходить и на открытом воздухе. В храмах собеседования могут быть открываемы в случаях исключительных, с большею осмотрительностью и лишь в том случае, когда есть полная надежда, что собравшиеся на беседу не причинят оскорбления святыне храма (Деян. 3 Всерос. мис. съезда в Казани, стр. 204 и прав. об устройст. мис. § 14).

§ 11. На беседах а) с раскольниками священник должен сообщать правильное понятие о первоисточниках веры, – о свящ. Писании и в частности Евангелии и свящ. Предании – и внушить должное к ним уважение; разъяснить значение соборных постановлений и святоотеческих писаний, отличие их от уважаемых старообрядцами книг; утвердить в умах раскольников и православных правильное понятие о догмате и обряде и различии между ними, а затем говорить и об обрядовых разностях и, наконец, разъяснить слушателям, что исполнение Евангельских заповедей выше и обязательнее исполнения внешних обрядовых предписаний (Мф.23:23); должно говорить также и о предтечах второго пришествия Христова на землю и о лице антихриста. Но главным предметом противораскольничьих бесед должно быть учение о Церкви Христовой – о существенных и неизменных её принадлежностях, вечности и неодолимости её. В частности, следует раскрыть то положение, что вне Церкви Христовой нет спасения, так как в ней только содержится Божественное Откровение во всей своей полноте и неповрежденности, в ней только пребывает Дух Святой, дары Которого сообщаются верующим в таинства церковных; что богослужебные действия, совершаемые в обществах раскольников и по внешности напоминающие таинства Церкви, не действительны, так как

совершаются лицами, на то не призванными Богом, не облагодатствованными (Прав. об устр. мис. § 15).

б) Что касается вопроса о начальных предметах для миссионерских полемических собеседований с *сектантами рационалистических толков* то практика миссионерская здесь не одинакова. В большинстве случаев беседы начинаются с выяснения догмата о священном Предании, при чем здесь имеется в виду твердо установить учение православной Церкви об источниках вероучения, чтобы затем в последующих своих беседах иметь возможность обосновывать на священном Предании православное учение о других пререкаемых сектантами вопросах веры, имеющих своё незыблемое основание в божественном откровении, незаписанном в книгах священного Писания, но хранимых Церковью от времен апостольских. Наряду с этим беседы с последователями рационалистических сект начинают с выяснения вопроса о Церкви, как основном пункте христианского вероучения о спасении человека.

в) Программа бесед с *последователями мистических сект – с хлыстами, скопцами* и др. должна быть тесно связываема с системой их учения. В основе хлыстовского учения лежит антропоморфическое представление о божестве, которым человек будто бы может овладеть, сбросивши с себя узы плоти. Первый человек, победивший плоть, Иисус Христос и стал Богом. Он не умер и вновь появляется в них – хлыстах. Если и теперь есть христы, то есть возле них и богородицы, и ангелы и т. д. И в теле можно доходить до состояния вне тела, когда «дух накатит». Радения – «работа Господу», лучшее средство достичь изнурения плоти, внетелесного состояния. Другим средством служит строгий пост, гнушение мясом, вином. Хлысты не признают брака по той же причине, как и николаиты, упорно уклоняются от присутствия на свадьбах, крестинах, от обязанности крестных отцов и матерей. Сходясь в существенных пунктах учения, хлысты делятся на много толков: есть общины, у коих культивируется в широких размерах свальный грех, есть и удерживающиеся от него, есть приближающиеся к духоборчеству, молоканству, духовной

штунде; у всех их общее – радения. Беседы с хлыстами миссионерская практика рекомендует вести по следующей программе: 1) о Боге – Существе непостижимом и человеке – твари – ограниченном, безмерно различном от Бога, о неповторяемости воплощения Христа и различии между Богочеловеком и нами; 2) о втором пришествии Иисуса Христа, которое еще будет и о хлыстовских лжехристах и их штате богородиц, ангелов и т. п.; 3) о дарах Св. Духа и различии между пророками истинными и хлыстовскими; 4) о браке и о великом значении жены и матери-христианки; 5) о средствах угождения Богу: не радениями, а верою и делами добрыми; 6) о пищи; 7) о священстве и праве богослужения; 8) о причащении под видом хлеба и вина истинного Тела и Крови Христовой; 9) о церкви и самочинных обществах и 10) о св. Писании и ложной книге животной.

Принимая также во внимание, что сущность учения хлыстов полагается в стремлении к телесному непосредственному, так сказать, физическому общению с Богом, откуда у них вытекает учение о радениях и изнурительном строгом посте, то с хлыстами можно также начинать беседы с учения о Церкви, направляя доказательства к тому, что только в ней одной можно вступить в Богообщение. Дальше нужно вести беседы о средствах Богообщения, Св. Таинствах, причем попутно нужно разбирать, конечно, и хлыстовские воззрения.

Вообще же нужно сказать, что живое слово собеседования с сектантами, а равно и раскольниками, есть дело творчества, и собеседнику рабски следовать букве плана собеседования не следует, а необходимо его видоизменять сообразно различным местным условиям. Иногда необходимость вызывает прямо начать беседы с того боевого вопроса, который наиболее волнует умы приходского населения, безотлагательно нуждающегося в успокоении своей совести.

§ 12. «Каждое собеседование должно не только начинаться и оканчиваться, но и прерываться общим пением молитв, псалмов и песнопений» (Прав. об устр. мис. 16). Пение освежает и обновляет утомленную мысль и внимание слушателя и поднимает дух ревности по вере.

§ 13. За разрешением недоумений относительно собеседований с расколо-сектантами и по другим вопросам, касающимся внутренней миссии, священник должен обращаться устно или письменно к епархиальному и окружному миссионерам, как ближайшим советникам и соработникам на поприще миссионерского служения Церкви Божией.

§ 14. О своей миссионерской деятельности и о всём выдающемся в жизни местного расколо-сектантства, о затруднениях, встречающихся при исполнении своих обязанностей, о проведенных беседах, о лицах, принимавших участие в беседах, о возражениях, делаемых совопросниками, о посещениях прихода миссионерами и т. п. священник должен вести приходскую *миссионерскую летопись*, которая должна храниться, как важный церковно-исторический документ.

§ 15. Для успешного ведения бесед священнику предварительно необходимо приобрести особые, специальные знания по полемике с расколом и сектами. Такие познания можно приобрести из книг апологетического и полемического содержания, а потому каждый священник, независимо от окружной библиотеки миссионерской, должен завести при своей церкви приходскую миссионерскую библиотеку, заключающую самонужнейшие для сего дела книги и периодические миссионерские издания.

§ 16. При ведении бесед священнику полезно руководствоваться следующими методическими правилами:

а) Важнейшие предметы нужно разъяснять с особенным старанием и вообще не спешить с окончанием беседы, а добиваться того, чтобы все поняли. Поэтому следует избегать школьной терминологии и понятий слишком отвлеченных, вести беседу живою речью (но отнюдь не по тетрадке и записям).

б) На каждую публичную беседу должно являться после тщательной подготовки и с хорошо обдуманым планом собеседования, потому что в противном случае его беседа может принести более вреда, чем пользы.

в) Если раскольники или сектанты будут настаивать на решении вопросов, не относящихся к предмету данной беседы, то следует или отклонять решение этих вопросов до другого

раза, или давать на них краткие ответы, а потом снова возвращаться к главному предмету беседы, по окончании же беседы следует кратко повторить её содержание и непременно сделать прочувствованное заключение, обращенное к сердцу слушателей.

г) Всякая беседа отнюдь не должна иметь характера бесполезного спора, а должна быть серьезным, спокойным рассмотрением предмета и основательным опровержением нареканий и возражений со стороны раскольников.

д) Во время беседы священник должен соблюдать по отношению к раскольникам и православным совопросникам полное спокойствие, самообладание и беспристрастие, потому что раздражительность и не прилична пастырю и вредит делу.

§ 17. Так как полицейские меры – *не меры Церкви*, то священник по миссионерскому принципу не должен бы совсем входить в непосредственное сношение с гражданской властью, решаться же на это, испытав все свои меры духовного воздействия и то *с большою осторожностью и только в крайних случаях*, каковы: а) появление в приходе кого-либо из вожаков расколо-сектантства, производящих особенный соблазн, или смуту в населении, б) нарушение церковного благочиния, в) опасение за личную безопасность и т. п.

§ 18. Возбуждать судебные дела против раскольников священник должен *только чрез Епархиальное Начальство*, но отнюдь не чрез местную полицейскую власть. Такие дела можно возбуждать, когда, наприм., священник заметит и убедится:

а) в публичном оказательстве раскола, именно 1) когда раскольники устроят молитвенные дома без надлежащего разрешения, 2) устроят торжественные процессии и крестные ходы, 3) производят при своих собраниях колокольный звон, 4) допускают публичное пение при погребении умерших и 5) публичное употребление мантий, клобуков, ряс и вообще монашеского и священнослужительского одеяний;

б) в действиях, могущих производить соблазн среди православных, каковы всякие действия противные православной вере, и в особенности публичные хула и

насмешки над правилами и обычаями православной Церкви и над теми, кто оные соблюдает,

и в) в совращении ими в раскол и секты православных. В этом последнем случае священник должен руководствоваться 56 ст. Уст. о пред. и прес. прест.

§ 19. Если кто-либо из раскольников пожелал оставить свои заблуждения и присоединиться к православной Церкви, то «священник, по тщательном испытании искренности раскаяния его в заблуждениях, *присоединяет его по чину церковному*, берет с него *подписку* о пребывании в православии и записывает присоединение в метрическую книгу. В сомнительных случаях священник испрашивает от преосвященного разрешение предварительно присоединения» (См. ст. 58. Уст. о пред. и прес. преступл.).

Примечание. В метрическую книгу следует записывать присоединение только рожденных и крещенных в расколе или в сектантстве.

§ 20. Самое присоединение следует совершать по «Чину, како приимати раскольников, в соединение с православною Церковию приходящих», напечатанному в приложении к книжке митр. Платона «Увещание во утверждение истины» и отдельно. «При этом над принимаемыми чрез миропомазание (как должны быть принимаемы все рожденные и крещенные в расколе), если они присоединяются не на правах единоверия, таинство миропомазания должно совершаться по употребляемому в церкви «Чиноположению», над присоединяемыми же на правах единоверия – по старопечатному Требнику, т. е. с известными дополнениями при помазании членов тела (Прав. об устр. мис. § 24).

§ 21. О всех возвратившихся в православие раскольниках церковные причты должны представлять, кроме особых донесении Епархиальному Преосвященному о каждом присоединении порознь,² *общую ведомость* однажды в год к 15 января следующего года, за подписью всего причта, совершавшего присоединение.³

Итак, да будет же настоящая, приносимая нашим читателям, как новогодний посильный дар любви к делу, и

деятелям, «Миссионерская Памятка», составленная на основании распоряжений духовной власти, отзывчиво принята приходским пастырством и да сослужит она для него службу столпа огненного, освещающего приходской миссии путь в умы и сердца темного расколо-сектантского мира!

Завитневич В. Рационализм, как источник неверия и сектантства, в связи с учением о Церкви, как единственной хранительнице и истолковательнице Богооткровенных истин // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 18–33

Со времени основания на земле Церкви Христовой из её состава выделилось и по сей день выделяется не мало бывших её членов, которые по отпадении обыкновенно соединяются в отдельные общества или секты. Поводом для такого выделения всегда служило и служит разногласие во взгляде или на основные догматы христианского учения, или на более или менее второстепенные вопросы веры и даже обряды. В первом случае Церковь отпадающих от неё членов называет *еретиками*, во втором случае – *раскольниками*.

Но кроме этого деления церковных отступников есть еще другое, которое определяется отношением отступающих от Церкви не к содержимому ею учению, а к самой Церкви, как единственной хранительнице и истолковательнице богооткровенных истин. С отпадением, одни из отступников не утрачивают истинного понимания существа Церкви, если не дух, то внешние учреждения которой они стараются удержать в возможной полноте. Примером такого отпадения могут служить наши старообрядцы так называемого поповского толка. Известно, сколько усилий употребили они на то, чтобы добиться своей собственной иерархии, и как только им показалось, что цель достигнута, они поспешили организовать свою общину на началах православия, т. е. учредили у себя три степени иерархии, стали совершать богослужение, таинства и обряды по чину церковному, хотя и по старым книгам, постановили созывать соборы для обсуждения недоуменных вопросов, словом, стали по возможности во всём копировать ту Церковь, от которой отделились. Этим своим образом действий старообрядцы показали, что, хотя они и отступили от истинной Церкви, но понимания её существа они не утратили: они, очевидно, ясно сознают, что вне Церкви невозможно ни

истинное понимание богооткровенных истин, ни спасение благодатью только в Церкви живущего Св. Духа. Коренная их ошибка заключается в том, что они свою частную общину признают за Вселенскую Церковь.

Совсем иным характером отличаются те отступники, которые, отделяясь от Церкви, утрачивают вместе с тем и понимание её истинного смысла. Характерную особенность составляет то, что каждому отдельному лицу они усваивают те права и преимущества, которые Божественный Основатель Церкви даровал только ей одной. Они, например, думают, что каждый человек, отдельно взятый, может сам собою и достигнуть уразумения богооткровенных истин, и вести жизнь, согласную с этими истинами. Сообразно с тем, какая способность человеческого духа признается орудием познания религиозных истин, представители этого направления подразделяются на два толка или фракции: одни на первый план выдвигают логический рассудок и поэтому называются *рационалистами*; другие думают, что истинное познание Бога и его откровенных истин возможно лишь в акте непосредственного созерцания, орудием которого служит возбужденное воображение и разгоряченное чувство. Представители этой фракции называются *мистиками*. В действительной жизни эти два направления нередко сливаются в одно, с примерами чего легко можно встретиться среди нашего южно-русского сектантства. С точки зрения истинной Церкви это подразделение отступников на рационалистов и мистиков серьезного значения не имеет, так как и те и другие сходятся в том, существенно важном отношении, что, рассчитывая на свои естественные личные силы, одинаково отрицают безусловное значение Церкви в деле спасения человека. Правда, и рационалисты, и особенно мистики, верят, что и отдельная личность, взятая сама по себе, независимо от её отношения к Церкви, может стать орудием проявления Св. Духа; но, не говоря уже о том, что эта вера противоречит прямому учению Церкви, лучшим опровержением этого мнения может служить история, которая наглядно показывает, до какой нелепости, до какого сумасбродства может дойти человек, в

гордом самомнении вообразивший себя органом действия Духа Божия. Ведь все эти самозванные саваофы, христы, богородицы, пророки, которыми кишит наш сектантский мир, суть не что иное, как плод воспаленного, кощунственно направленного воображения, развившегося на почве веры в непосредственное воздействие Св. Духа на каждого отдельного человека.

Хотя в действительной жизни, как сказано, рационализм часто встречается рядом с мистицизмом, но, благодаря воздействию разнообразных исторических, этнографических, бытовых и многих других причин, каждая секта, каждый отдельный толк отличается своими особенностями, которые, между прочим, характеризуются преобладанием одного из указанных начал над другим. Такою отличительною чертою нашего южно-русского сектантства, известного под именем штундизма, является рационализм. В виду этого и мы, сообразно с нашей задачей, постараемся дать понятие о рационализме и указать его значение в религиозной жизни человека.

Слово *рационализм*, как известно, произошло от латинского *ratio*. В нашем литературном языке из этого корня возникло два ряда слов, далеко не тождественных по своему смыслу. От него произошло слово: во-первых – *рациональность, рациональный*, во-вторых – *рационализм, рационалистический*. Слово «рациональный» мы употребляем обыкновенно в смысле *разумный*; под разумностью же понимаем равномерное, гармоническое проявление всех сил и способностей нашего духа. Рациональным, разумным мы называем такой образ действий, в котором рассудочная мысль действует согласно с законами человеческого мышления, чувство не выходит за пределы своего естественного, нормального проявления, движения воли определяются законно направленным рассудком и нормально настроенным чувством; словом, разумным мы называем такой образ действий, в котором видим проявление полноты сил духа в их гармоническом сочетании.

Совершенно в ином смысле употребляем мы слово «рационализм». Рационализм, собственно, значит

рассудочность. В науке различается двоякого рода рационализм: философский и богословский. Выяснение сущности философского рационализма встречает большие трудности, так как здесь приходится иметь дело с такими отвлеченными тонкостями философского мышления, которые для людей, не занимающихся философией, могут показаться неясными, туманными и трудными для понимания. Тем не менее нам невозможно совершенно обойти этот вопрос молчанием в виду того, что рационалисты, пользуясь тем, что большинство людей не в состоянии отнестись к их суждениям критически, пускают в оборот враждебные религии положения, выдавая их за несомненную истину, хотя истинность эта более чем сомнительна и покоится, как сейчас увидим, на простом недоразумении.

Рационализмом в философии называется такое направление, которое единственным орудием возможного для человека знания признает рассудочную мысль, действующую по законам логики. Но так как рассудочная мысль орудует не живыми предметами и явлениями, а лишь отвлеченными от них образами, т. е. сухими, мертвыми логическими схемами, то легко понять, что познание живой, истинной действительности, т. е. всего того, что мы познаем в акте непосредственного восприятия, для неё недоступно. Отсюда понятно, каким образом рационализм пришел к тому странному на первый взгляд выводу, что всё то, что мы видим, слышим, осязаем, всё это обман, иллюзия. Вывод этот был бы верен в том только случае, если бы единственным орудием человеческого знания служила рассудочная мысль. Но так ли это на деле? Самый простой пример покажет нам неверность этого положения. Представим себе двух людей, имеющих понятие о страданиях человека, вброшенного в жерло раскаленной печи, при чем один из них сам вброшен в печь, сам страдает, другой имеет лишь отвлеченное представление о страданиях первого. У того и другого есть знание о данном явлении; но разве это знание одинаково? Конечно нет, знание первого есть факт самой его жизни; это знание живое, непосредственное; тогда как знание второго есть лишь отвлеченное представление о знании

первого. В первом случае мы имеем дело с живым предметом, во втором случае – с его фотографией. Ясно, что различие между этими двумя видами знания не количественное только, но и качественное. Каждый из этих двух видов знания, отдельно взятый, не дает нам полного, истинного знания о познаваемом предмете; ибо каждый из них знакомит нас, как ниже увидим, лишь с одной стороной предмета. Если бы люди обладали только этим вторым, рассудочным знанием, то мы имели бы право назвать его обманом, иллюзией; но об обоих этих видах знания, взятых вместе, мы этого сказать не имеем права. А рационалисты это именно и утверждают. Мало того, последовательно проведенное рационалистическое мировоззрение в своём окончательном выводе утверждает не только то, что окружающую нас действительность мы познаем не истинно, обманчиво, но и то, что эта действительность вовсе не существует. И это понятно: для последовательного рационалиста существует только то, что логически может быть доказано; а как вы докажете человеку бытие того, что он познает в акте непосредственного восприятия посредством органов чувств – зрения, слуха, осязания и др.? Вы, положим, стали бы доказывать хотя бы бытие этой стенки предложением рационалисту пробить её лбом; но прежде чем произвести этот опыт, он потребует от вас логически доказать, что эта стенка, его лоб, ваше предложение, наконец, вы сами – существуете. Вы на это могли бы возразить, что если вы этого не можете доказать, то и он этого не может опровергнуть, так как вне непосредственного восприятия нет ничего такого, на что вы могли бы опереться в своих доказательствах, а он в своём опровержении, и вообще, если так рассуждать, то в конце концов, придется отказаться и от самого мышления, ибо в мышлении мы орудуем готовыми понятиями, элементы для образования которых мы почерпаем из внешнего и внутреннего непосредственного опыта; это самый первый источник нашего знания, и если мы в нём усомнимся, то должны будем усомниться и во всём том, что из него вытекает. Но мысль искреннего рационалиста так настроена, что он не в состоянии

понять истинного смысла такой постановки этого вопроса, а поэтому и толковать с вами на эту тему не станет.

Как бы то, впрочем, ни было, для нас в данном случае важно собственно то, что, отрицая возможность не только познания, но и бытие всей живой, конкретной действительности, рационализм, оставаясь последовательным, неизбежно должен отнестись отрицательно и к самому источнику жизни – Богу. Вот почему последовательно проведенная рационалистическая система, в своём окончательном выводе, непременно должна прийти к отрицанию бытия Бога, как живого источника всякого бытия. Бытие Бога рационалисты должны отрицать потому еще, почему они отрицают бытие всякой живой, конкретной действительности.

Но то, что недоступно для односторонне настроенной рассудочной мысли, то легко может быть понято простым здравым смыслом, над которым, впрочем, рационалисты любят подсмеиваться. Разъясним нашу мысль на примере. Все зрячие люди видят свет. Наука, пытаясь объяснить законы света, пришла к предположению, что свет есть волнообразное движение эфира, т. е., что есть такая особая тончайшая среда, которая способна волноваться подобно воде и воздуху и что эти волны, воспринятые органом зрения, производят в нём впечатление света. Представьте себе, что вы с таким объяснением света явились к человеку, слепому от рождения. Получив при помощи других органов чувств понятие о волнообразном движении воды и воздуха, он легко поймет и ваше определение света, как волнообразного движения эфира. Но спрашивается, узнает ли слепорожденный из вашего определения света то, что знают о нём все зрячие? Конечно нет. Почему? Да потому, что в научном определении света дается понятие лишь о законе, которым управляется свет в своём бытии, а не о самом свете, как живом явлении, которое мы можем воспринять только непосредственно нашими глазами, и сколько бы вы не толковали слепорожденному о волнообразном движении эфира и его действии на глаз, вам никогда не удастся дать ему такое понятие о свете, какое имеют все зрячие люди, никогда не слышавшие ваших научных объяснений. Что сказано

о познании света, то следует сказать и о познании всего Божьего мира, и о познании Самого Бога. Если бы люди решили признавать только то, что можно доказать логическим рассудком, то они должны были бы прийти к тому выводу, что не только мир и Бог, но и что сами они не существуют, т. е. они должны были бы стать в самое нелепое противоречие с самими собой.

Из сказанного легко понять, в чём заключается ошибка рационализма. Во всём познаваемом наша мысль отчетливо различает законы бытия от живой его сущности. Логический рассудок, орудуя сухими, мертвыми понятиями, может познавать только законы бытия; самая же живая его сущность логическому рассудку недоступна; она постигается нами в акте непосредственного восприятия, чрез которое человек вступает в живую, чисто органическую связь с окружающим его миром явлений, сам воздействуя на него и подвергаясь его воздействию. Рационализм, признавая первый путь познания, не может понять по существу второго; в этом и заключается его роковая ошибка.

Таков рационализм в его применении к познанию истин философских. Таков он и в применении к познанию истин религиозных. Уже из того, что раньше сказано, видно, почему одним рассудочным путем нельзя познать Бога, как живого начала всех начал. К сказанному необходимо прибавить еще следующее. Планета, на которой мы обитаем, есть ничто иное как былинка в бесконечном мировом целом; человек на земле есть одна лишь капля в безбрежном океане. И вот этому ничтожному существу, которое имеет возможность наблюдать лишь ничтожную частицу мирового целого, приходится познавать Того, Кто в полноте Своих свойств и качеств проявился только во всём этом мировом целом. Легко понять, как жалок человек в его неразумном притязании своими личными силами постигнуть Непостижимого. Сам принадлежа к миру явлений, непосредственно соприкасаясь с его живыми силами всеми фибрами своего существа, человек не может не чувствовать близкого присутствия Того, Кто, по счастливому выражению поэта, «всё собою наполняет, объемлет, зиждет,

сохраняет, Кого мы называем Бог». Здесь лежит причина того, почему все люди земного шара, пока их не сбивало и не сбивает с толку фальшиво направленная рационалистическая мысль, верили и верят в Бога. Чистая, ничем не засоренная душа человека не может не верить в Бога также, как не может она не верить в бытие неба и земли и всего, что в них и на них. Но легко понять и то, что вера человека, предоставленного одним своим наличным силам, при данных условиях, легко может принять ложное направление. Здесь скрывается причина того, почему, хотя все люди верят в одного и того-же Бога, но вера их не одинакова. Отсюда понятным становится необходимость для человека сверхъестественного откровения. И Церковь нас учит, что даже тогда, когда человек находился в невинном состоянии, т. е. когда его светлый ум не затемнен был грехом, когда его чистое сердце пылало любовью к Богу, даже в это время человек нуждался в откровении. Понятно, в какой степени эта потребность должна была увеличиться с момента грехопадения. И мы знаем, что *многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне, Его же положи наследника всем, Им же и веки сотвори* (Евр.1:1–2). Это последнее откровение Бога в Сыне поражает нас изумительным совмещением простоты и общедоступности с всеобъемлющею полнотою: здесь Невидимый и Непостижимый принял ограниченный образ человека и, став живым историческим лицом, явил в этом Своём унижении всю силу, всю полноту свойств Своего высочайшего существа. Именно, в чудесах Он показал Своё всемогущество, в учении – Свою премудрость, в кротости и смирении – всю высоту, всё обаяние Своей нравственной красоты. Завершая длинный ряд прежде бывших откровений, Он дал заповедь о любви и объяснил, что *сия есть первая и наибольшая заповедь, на которой утверждается весь закон и пророки* (Мф.22:38 и 40). Другими словами: в заповеди любви, как в венце откровения, Он указал тот центральный пункт, исходя из которого человек может уразуметь всю историю домостроительства Божия на земле. В этой заповеди впервые теоретическая сторона Божественного откровения нашла своё

полное примирение со стороны практической. Высочайшая истина любви, объясняя нам истинный смысл творения Богом человека, промышление о нём, спасение его после грехопадения, служа могущественным двигателем в стремлении к Богопознанию, в то же время указывает нам единственно верный путь к осуществлению воли Божией на земле и к достижению человеком общественного благополучия и личного счастья. Но так как любовь крепнет и развивается во взаимном общении лиц, то Господь Иисус соединил людей *в одно общество – Церковь* и, поставив Себя его Главою, даровал ей Святого Духа, Который и обитает в проникнутом любовью единении душ. С этого момента Церковь, руководимая своим Божественным Главою, вдохновляемая живущим в ней Св. Духом, с одной стороны, *сделалась единственно хранильницею и истолковательницею Божественных истин*, с другой стороны, она стала нравственно воспитательным институтом, в котором его члены почерпают благодатные силы для укрепления своих немощей на трудном пути спасения. Человек, как нравственная личность, слабый и ничтожный в своём одиночестве, в каждую минуту способный пошатнуться и пасть вступая в Церковь, в её учении, в её таинствах, в её высокой, нравственно чистой духовной атмосфере, получает такую мощь, которая способна поднять его на недостижимую при других условиях нравственную высоту. Легко понять, как губительно должно быть для личности отпадение от Церкви; с отпадшим, в этом случае, совершается тоже, что случается с живой веткой отрубленной от дерева: отделенная от источника жизни, она вянет, сохнет и замирает. И это следует сказать не только о сектантах, отделившихся от Церкви, но и о тех из нас, которые наружно считая себя членами Церкви, внутренне давно вышли из её состава. Если бы все мы, считающиеся православными христианами, были искренними сынами Церкви, то разве творилось бы в нашем обществе то, что теперь творится. Тут невольно вспоминаются следующие слова бессмертного Н. В. Гоголя. Защищая православную Церковь от нападок иноверцев, он восклицает:

«мы трупы, а не Церковь наша, и по нас они назвали Церковь нашу трупом!». Но теперь речь не об этом.

Уже в первый момент своего существования Церковь на деле показала, где она полагает источники высшего ведения переданных ей на хранение откровенных истин. Среди христиан Антиохийской Церкви возникло разногласие по вопросу о том, обязательно-ли для вступающих в Церковь язычников исполнение всех обрядовых предписаний Моисеева закона. За решением этого вопроса Антиохийская Церковь обратилась к Иерусалимской, в числе членов которой, кроме прибывших из Антиохии ап. Павла и Варнавы, были, между прочим, такие столпы Церкви, как апостолы Петр и Иаков. Казалось бы, что каждый из этих боговдохновенных мужей мог бы взять на себя решение такого, по-видимому, немудреного вопроса. И что же мы видим на деле? Ни один из этих светильников веры, наделенных высшим даром апостольства, не дерзнул объявить себя непогрешимым судьей в вопросе, право решения которого принадлежало Церкви. И действительно, в Иерусалиме состоялся целый собор из представителей Церкви, на котором, после долгого общего рассуждения, право голоса предоставлено было апостолам Петру, Павлу, Варнаве и Иакову. Выслушав мнение всех их, собор пришел к единодушному решению, которое и доведено было до сведения Антиохийской Церкви в послании, чрез особых представителей, причем послание отправлено было от имени не только членов собора, но и *всей Церкви*, вследствие чего и в Антиохии оно встречено было с полным доверием и радостью. Этот первый пример решения недоуменных вопросов голосом всей Церкви позднее выступает в широком применении. Настало время раскрытия и выражения в наукообразных формах хранимых Церковью откровенных истин. Блестящая святоотеческая литература наглядно показывает, что Церковь не стесняла свободы мнения своих членов; но, предоставляя каждому члену право свободы высказываться, Церковь всегда оставляла за собою право последнего слова, которое она обыкновенно и произносила на соборах, составлявшихся из её представителей. Мысль, что голос Церкви непогрешим, при сознании того, что

каждый отдельный человек легко может заблуждаться, имела особенно благотворное влияние на развитие религиозного сознания, ибо каждый отдельный человек мог свободно отдаваться богомыслию в полной уверенности, что если его личный разум и приведет к заблуждению, то его наставит на путь истины Церковь, на суд которой он с полным доверием и любовью отдавал результаты своего умственного труда.

Эта мысль так глубоко проникла общественное сознание, что даже злейшие еретики не смели ей противиться, отдавая свои мнения на суд соборов. Понимая, что прямым путем они не могут доставить торжества своим заблуждениям, еретики, действуя нечистыми средствами, иногда добивались временного признания их мнений на таких соборах, которые имели все внешние признаки законных соборов; таков, напр., известный разбойничий собор 446 г., таков иконоборческий собор 755 г.; но Церковь отвергала эти соборы, показывая этим, что присущий ей Дух жизни не раболепствует ни пред какою формою. В одном только случае Церковь относилась к форме с высоким уважением: это в том случае, когда дело касалось раз принятых ею определений веры. Эти определения Церковь хранила свято и неизменно, доказывая этим, что она всегда верна самой себе, что в ней нет противоречий. Лучшим подтверждением этого может служить историческая судьба никео-цареградского Символа веры, который Церковь хранила и по сей день хранит с неизменною точностью.

Не трудно понять, что при данных условиях в Церкви не могло быть места для личного произвола, следовательно, не могло быть места и для рационализма. Рационализм мог быть лишь уделом небольших еретических обществ; но Церковь, в случае их упорного нежелания подчиняться её голосу, отсекала их от своего организма, подобно тому как отсекает садовник сухую или зараженную ветвь от живого и здорового дерева. Первые следы неисправимого рационализма, охватившего собою огромную церковную область, появились на Западе и выразились в произвольном изменении частною общиною вселенского Символа. Говорим о внесении в VIII член Символа веры слов «и от Сына» (*filioque*). Когда Ахенский собор 809 года

решил закрепить то новшество своими определениями, Папа Лев III не только не утвердил его постановлений, но и приказал выбить для памяти на двух серебряных досках вселенский Символ веры в его неизменном виде. Есть основание думать, что этот первосвященитель Запада не видел в слове и «от Сына» чего-нибудь несогласного с духом вселенского православия; но он отлично понимал, что этим нововведением, допущенным частною общиною, последняя присваивала себе то право, которое принадлежало только Вселенской Церкви. Скоро последовавшие события показали, что этот факт не был чем-нибудь случайным, что он находился в связи с утратою на Западе понимания самого существа Церкви. Это сделалось очевидным в выдвинутой там идее главенства и непогрешимости римского первосвященника. Церковь есть тело Христово, это есть духовный организм, основанный на свободном, чисто нравственном единении душ. Этим проникнутым любовью, единением человеческих душ, создается та высокая, нравственно чистая атмосфера, в которой и пребывает благодать Св. Духа, обуславливающая и святость Церкви и её непогрешимость. Легко представить себе как изуродовал Запад эту великую христианскую истину, выдвинув идею папизма: то, что принадлежит целой Церкви, папизм переносит на одно лицо; благодать Св. Духа, живущая в нравственном единении верующих и обуславливающая внутреннее единство Церкви, как бы похищается из её недр и передается одному из её иерархов; жизненный центр Церкви из её сердца переносится в искусственно подставленную голову. Лишенная своего внутреннего средоточия, западная Церковь естественно начала распадаться. Чтобы спасти церковное здание от разрушения, папизм недостаток внутреннего цемента попытался заменить внешними, чисто механическими скрепами. Так явилась пресловутая инквизиция с её пытками, тюрьмами и кострами. Кто в этом страшном порождении папизма узнает проявление основного закона христианской жизни, – закона любви! Но все эти внешние мероприятия не достигли своей цели и здание стало рушиться: развившаяся личность не снесла гнета деспотизма и выступила с протестом. Так появился на

западе протестантизм. Следовало, казалось бы, ожидать, что протестанты, освободившись от гнета папизма, возвратятся к началам вселенского православия и на развалинах римского католицизма восстанет в новой силе древнее православие. Но вышло иначе. Западному христианину, раз брошенному на путь личного произвола, уже трудно было удержаться на этом скользком пути. Многовековая жизнь вне общения с Церковью уничтожила память о вселенском православии, а поэтому протестанты, отвергнув авторитет римского папы, не возвратились и к авторитету Церкви, а создали себе свой собственный авторитет, каждый в своём личном разуме. Таким образом на место одного непогрешимого папы, в протестантстве появилось множество таких же пап, ибо здесь каждый человек, кому вздумается, может объявить себя органом проявления Духа Божия и явиться непогрешимым истолкователем священного Писания и всех вообще Богооткровенных истин. Римская Церковь, не без некоторого противоречия своему новому учению о непогрешимости папы, еще твердо хранила веру в священное Предание; протестанты отвергли и Предание, находя в нём неприятное ограничение личного произвола. Предание в глазах Церкви есть самая жизнь Церкви: это есть та живая струя истины, которая, переходя из века в век, передает грядущим поколениям то, что предыдущие поколения получили и свято сохранили от своих предков преемственно вглубь до времен апостольских. Для протестанта же Предание – это в течение веков накопившийся исторический балласт, которым каждый может распорядиться, как ему вздумается, по своему личному усмотрению. После сказанного уже не трудно понять, почему в протестантстве так сильно развито дробление на секты. Отвергнув авторитет римского папы, разрушив все твердые устои, обуславливающие единство великой Церкви, словом, отделавшись от всего, что обуздывает произвол личности, протестанты бросились, как говорится в рассыпную и на место деспотически созданной папизмом монархии утвердили ряд республик, в которых великая истина органического единства Церкви, как тела Христова, искоренена до основания. Так зло наказала история западный христианский

мир за первый ложный шаг Рима. Выступив с идеей папизма, римский католицизм поразил Церковь в самое сердце, и вот целая половина этого святейшего Тела Христова, не выдержав смертельного удара, умирая, стала разлагаться в протестантстве на свои первичные клеточки, как разлагается всякий умирающий организм на свои составные элементы. Вот истинный смысл этого, по истине грустного исторического процесса.

Из сказанного видно, что в истории развития религиозного рационализма на Западе, со всею ясностью выступают два момента: момент зарождения и торжества в жизни идеи папизма и момент дальнейшего развития этой идеи на почве протестантства. Для того, кто смотрит на эти два явления из недр Церкви, до очевидности ясно, что протестантство не есть нечто противоположное папизму, как обыкновенно принято думать: протестантство – это есть лишь дальнейшее развитие того же рационалистического начала, которое впервые выступило на Западе в форме папизма, и смысл которого заключается в торжестве индивидуализма, или что тоже: в торжестве личного произвола над органическим единением людей в Церкви.

Наше южно-русское сектантство есть грубое, крайне невежественное проявление рационалистического начала в протестантской стадии его развития. В нашем обществе, часто очень скудном серьезным пониманием исторической жизни, постоянно приходится встречаться с выражениями симпатий в пользу сектантства этого именно типа, подкупающего своим якобы стремлением к свободе личности. Но эти люди не хотят понять, что свобода личности в сектантстве есть та самая свобода, которую получает каждая клеточка при разложении отпавшего от живого организма омертвевшего её члена. *Свобода в сектантстве не есть свобода жизни: это есть свобода смерти, разложения, гниения;* здесь самобытная жизнь части развивается на счет жизни целого, обуславливающего её собственную жизнь. Здесь, таким образом, мы имеем дело сразу с двумя актами смерти: гибнет целое, гибнут и части, жизнь которых возможна лишь под

условием их тесного единения в целом. Свобода личности высоко ставится и в Церкви; ибо сама Церковь, как сказано было, есть ничто иное, как освященное благодатью Божиею свободное единение душ по закону любви. Но иное понимание свободы в Церкви и иное в сектантстве, развивающемся на рационалистической основе. В нашем сектантстве, насколько оно является отражением западного протестантизма, мы имеем дело с тем самым понятием о свободе, которое в истории западных народов проявилось в многовековой кровавой борьбе политической и религиозной, а в последнее время с особою силою выступило там в борьбе социально-экономической. Сущность этой свободы заключается в буйстве эгоизма личности, нежелающей никому и ничему подчиняться и стремящейся задавить другую личность с тем, чтобы на её несчастье основать своё собственное счастье. Наши сектанты любят много говорить о христианской любви; но борьба вожаков в сектантстве и дробление его на мелкие, часто враждебные не только Церкви, но и друг другу толки, при внешних условиях, которые, казалось бы, должны были их спланивать, служат неотразимым доказательством того, что свобода в сектантстве есть ничто иное, как проявление скрытого, плохо замаскированной эгоизма личности. С совершенно иным понятием о свободе встречаемся в Церкви: здесь человек, отрекшись от своей греховной личности, по чисто нравственным побуждениям, следовательно, совершенно принужденно, приносит свой эгоизм в жертву христианскому закону любви, который и является основным законом внутренней жизни Церкви. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин.13:35), сказал Божественный Учитель. Вот почему жить в Церкви и подчиняться её закону – это значит исполнять первую и наибольшую заповедь Христову, на которой утверждается весь закон и пророки. В этом и заключается истинный смысл Церкви, как нравственно-воспитательного института.

И так, в противоположность сектантству, свобода в Церкви есть не торжество личного произвола, а напротив, это есть освобождение от гнета, тянущего врознь, произвола личности, в

пользу любовного единения с нашими братьями во Христе. Великий смысл Церкви, как человеческого общества, в том именно и заключается, что здесь начало свободы нашло себе гармоническое примирение с началом единства: *в церкви всё свободно, ибо всё добровольно*; но в тоже время здесь *все едино, ибо всё объединено согретым Божественною благодатию чувством любви*. Вот почему на развитие духа сектантства, всегда влекущего за собою раздор и разъединение и нарушающего святое единство Церкви, необходимо смотреть, как на явление антихристианское, ибо оно всегда служит доказательством торжества человеческого эгоизма над Божественным законом любви.

Действительная жизнь, как известно, всегда была, есть и будет ниже своего идеала. В этом смысле и в исторической жизни Церкви встречались и будут встречаться явления, свидетельствующие о недостаточном проникновении в жизнь высокого начала, лежащего в её основании. Эта слабая сторона внешней жизни Церкви служила и служит поводом для нарекания, обличения и всевозможных нападок не только со стороны отпавших от неё бывших её членов, но и со стороны многочисленных других её недоброжелателей. Церковь знает это, глубоко скорбит о всём этом и принимает всевозможные меры к искоренению зла. *Но было бы грубой ошибкой высокое, святое начало Церкви смешивать с недостатками его внешнего проявления*. Что же касается самого начала, то Церковь всегда отчетливо сознавала его, свято хранила его и никогда, в самые тяжелые минуты своего исторического бытия, не доводила его до того искажения, с каким встречаемся в папизме, протестантстве и в нашем сектантстве. В этой недостижимой высоте и святости начала, в этой исконной, неизменной верности ему Церкви заключается великий смысл Православия и наша глубокая, непоколебимая вера в его мировое значение, в его будущее торжество на всем земном шаре.⁴

Проф. Киевск. духовной академии В. Завитневич

Потехин С. Критика толстовства В.С. Соловьевым // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 34–43

Перед нами последнее предсмертное произведение покойного писателя философа-богослова В.С. Соловьева: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. С.-Петербург 1900 г.». Для нас оно особенно ценно потому, что в нём самым блестящим образом представлены те приемы, посредством которых В.С. Соловьев обнаруживал действительный обман мнимого «христианства» гр. Толстого.

Предмет «разговоров», происходящих за границей, на одной из вилл, «глядящихся в лазурную глубину Средиземного моря», указан в заглавии – война, прогресс и конец всемирной истории. Рассматривается этот предмет, или эти предметы, с точки зрения одного коренного вопроса: есть-ли зло только естественный *недостаток*, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная *сила*, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия? В предисловии автор ясно указывает полемическую цель своей книги против проповеди мнимого царства Божия и мнимого евангелия, под чем он понимает толстовство, которое, по словам автора, напускает туман на связанные с вопросом о зле жизненные стороны христианской истины. «Много лет тому назад, говорит автор, я прочел известие о новой религии, возникшей где-то в восточных губерниях. Эта религия, последователи которой назывались вертидырниками, или дыромоляями, состояла в том, что, просверлив в каком-нибудь темном углу в стене избы дыру средней величины, эти люди прикладывали к ней губы и много раз настойчиво повторяли: изба моя, дыра моя, спаси меня! Никогда еще, кажется, предмет богочитания не достигал такой крайней степени упрощения. Но эти люди, дико безумствуя, никого не вводили в заблуждение: про избу они так и говорили: изба и место, просверленное в её стене, справедливо называли дырой. Но религия дыромоляев скоро испытала «эволюцию» и

подверглась «трансформации». И в новом своём виде она сохранила прежнюю слабость религиозной мысли и узость философских интересов, прежний приземистый реализм, но утратила прежнюю правдивость: своя изба получила теперь название «царства Божия на земле», а дыра стала называться «новым евангелием», и что всего хуже, различие между этим мнимым евангелием и настоящим совершенно такое же, как между просверленной в избе дырой и живым и целым деревом, – это существенное различие новые евангелисты всячески старались и замолчать, и заговорить...». В этих словах Соловьев не историческую или «генетическую» связь между первоначальной сектой дыромоляев и проповедью графом Толстым мнимого царства Божия и мнимого евангелия утверждает, но устанавливает, что по отрицательности и бессодержательности эти «мировоззрения имеют много тождественного у себя. Хотя «интеллигентные» дыромоляи и называют себя не дыромолями, говорит Соловьев, а христианами, а проповедь свою называют евангелием, но христианство без Христа и евангелие, т. е. *благая весть*, без того блага, о котором стоило бы возвещать, именно без действительного воскресения в полноту блаженной жизни, – есть такое же *пустое место*, как и обыкновенная дыра, просверленная в крестьянской избе».

Зачем же люди прибегают к этому обману, зачем ставят поддельное христианское знамя над своей рационалистической дырой? Зачем, думая и потихоньку утверждая, что Христос устарел и превзойден, или что Его вовсе не было, что Он – миф, выдуманный апостолом Павлом, – зачем они вместе с тем упорно продолжают называть себя «истинными христианами» и проповедь своего пустого места прикрывать перифразированными евангельскими словами? Этот обман не имеет извинения. «Никакое внешнее положение, говорил Соловьев, не может помешать убежденному и добросовестному человеку высказать до конца своё убеждение. Нельзя это сделать дома, – можно за границей, да и кто же более проповедников мнимого евангелия пользуется этою возможностью, когда дело идет о *прикладных* вопросах

политики и религии? А по главному, принципиальному вопросу для воздержания от неискренности и фальши не нужно и за границу ехать, – ведь никакая русская цензура не требует заявлять такие убеждения, которых не имеешь, притворяться верящим в то, во что не веришь, любящим и чтущим то, что презираешь и ненавидишь. Чтобы держать себя добросовестно по отношению к известному историческому Лицу и Его делу, от проповедников пустоты требовалось в России только одно: умолчание об этом Лице, «игнорировать» Его. Но какая странность! Эти люди не хотят пользоваться по этому предмету ни свободой молчания у себя дома, ни свободой слова за границей. И здесь, и там они предпочитают наружно примыкать к Христову Евангелию; и здесь и там они не хотят ни прямо – решительным словом, ни, косвенно – красноречивым умолчанием правдиво показать своё настоящее отношение к Основателю христианства, именно, что Он им совсем чужд, ни на что не нужен и составляет для них только помеху...». С точки зрения толстовства, то, что оно проповедует, *само по себе* понятно, желательно и спасительно для всякого, и если уже они непременно желают опереть свои убеждения на каком-нибудь историческом авторитете, кроме своего разума, то почему они вместо Христа, говорившего и делавшего много такого, что для них есть и «соблазн», и «безумие», не поищут в истории другого лица, более для них подходящего? Почему они, напр., не заменят «галилейского раввина» – «отшельником из рода шакьев», тем более что буддийские сутты гораздо лучше подходят для них, чем Христово Евангелие?

Представителем толстовства в «разговорах» является князь – слишком всем известный, «отменный» тип интеллигентных дыромоляев – проповедников пустоты. Занятый изданием «просветительных» книжек для народа и настолько поглощенный делами евангельской проповеди, по словам одного из собеседников, что ему уже не остается времени поразмыслить о Христе или об антихристе, выдающий себя и своих за настоящих христиан и даже христиан по преимуществу, не имеющий духа Христова, говорящий «высокие» слова и рассуждающий буквально словами своего учителя и убегающий

от серьезных религиозных рассуждений и споров, он представляется одним из тех многочисленных, изломанных, и несчастных сектантов, порвавших со всем своим историческим прошлым, с любовью к родине и ближним, которых породило толстовство среди нашей интеллигенции, и которые с религиозною пустотою толстовства потеряли и всякую жизнерадостность, довольство, веселость и благодущие.

В первом разговоре воззрения толстовства оспариваются, главным образом, от лица генерала, который в своих воззрениях на предмет «разговоров» стоит на религиозно-бытовой точке зрения, и который, по собственным своим словам, после Бога и России, ничего так не любит, как военное и в частности артиллерийское дело. «Спокон веков и до вчерашнего дня, говорит он, всякий военный человек – солдат или фельдмаршал, всё равно, – знал и чувствовал, что он служит делу важному, не полезному только или нужному, как полезна, напр., ассенизация или стирка белья, а в высоком смысле хорошему, благородному, почетному делу, которому всегда служили самые лучшие, первейшие люди, вожди народов, герои. Это наше дело всегда освящалось и возвеличивалось в церквях, прославлялось всеобщей молвою. И вот в одно прекрасное утро мы узнаем, что всё это нам нужно забыть, и что мы должны понимать себя и своё место на свете Божиим в обратном смысле. Дело, которому мы служили и гордились, что служим, объявлено было делом дурным и пагубным: оно противно оказывается Божиим заповедям и человеческим чувствам, оно есть ужаснейшее зло и бедствие, все народы должны против него соединиться, и его окончательное уничтожение есть только вопрос времени... Как же нам теперь быть? Чем я, т. е. всякий военный, должен себя почитать и как на самого себя смотреть: как на настоящего человека или как на изверга естества?... До вчерашнего дня я знал, что я должен поддерживать и укреплять в своих войсках не другой какой-нибудь, а именно боевой дух, – готовность каждого солдата бить врагов и самому быть убитому, – для чего непременно нужна полная уверенность в том, что война есть дело святое. И вот у этой-то уверенности отнимается её

основание, военное дело лишается своей, как это говорят по ученому, «нравственно-религиозной санкции». Это сделало толстовство своим взглядом на войну, как на простое убийство и на военную службу, как на подготовку к убийству.

Но действительно-ли война в самосознании русского православного народа имела эту «религиозно-нравственную санкцию?» По справке беседующих оказалось, что все святые нашей, собственно-русской, Церкви принадлежат к двум классам: они или монахи разных чинов, или князья, т. е. по старине непременно военные, и никаких других святых мужеского пола у нас нет, ибо святые юродивые принадлежат к монашествующему классу. Ни белых священников, ни купцов, ни дьяков или приказных, ни мещан или крестьян между признанными святыми русской Церкви нет. Это не значит, что в этих состояниях не было и нет высокодобродетельных людей, но это значит, что христианские народы, по мысли которых составлялись святцы, не только уважали, но еще особенно уважали военное звание и из всех мирских профессий одну только военную считали воспитывающею, так сказать, лучших своих представителей для святости.

Но может быть в практическом отношении беда от проповеди толстовства еще не так велика; может быть, можно иметь боевые качества, необходимые для армии и без «религиозной санкции», без признания войны делом хорошим, святым». Но кто даст эти боевые качества, когда первое боевое качество, без которого все другие ни к чему, состоит в *бодрости* духа, а оно держится на вере в святость своего дела?» До военных людей, как и до всяких, доходят посторонние влияния, и естественно, что при всеобщей воинской повинности, когда военная служба стала вынужденною повинностью для всех и каждого, все, начиная с начальства, станут смотреть на войну, как на неизбежное покуда зло, и никто не станет избирать добровольно военную профессию на всю жизнь, кроме разве какого-нибудь отречься природы, которому больше деваться некуда, а те, кому поневоле придется нести временно военную повинность, будут нести её с чувствами каторжников, прикованных к тачке и несущих свои цепи. Это конечно

желательно и радостно для толстовцев, но для государства, при теперешнем ускоренном ходе истории, может окончиться упразднением войск и самого государства, как отдельной единицы.

Это практическое следствие толстовских взглядов на войну и военную службу. Но как же решить этот вопрос по существу? Не есть-ли, действительно, как учит Толстой, война и военщина – *безусловное и крайнее зло*, от которого человечество должно непременно и сейчас же избавиться, не взирая на все практические следствия, – должно избавиться для торжества разума и добра? В таком нравственном решении принципиального вопроса толстовство грешит тем, что окрашивает войну сплошь одною черной краской, а мир – одною белую, в то время как с нравственной точки зрения возможна и действительно бывает хорошая война, возможен и бывает и хороший мир: следовательно, «война не есть безусловное зло, и мир не есть безусловное добро». Толстовство утверждает на силлогизме «всякое убийство есть безусловное зло; война есть убийство, следовательно, война есть безусловное зло». Но не всякое убийство есть безусловное зло, уже потому, что быть убитым, – равно как умереть от какой-нибудь эпидемической болезни, – с объективной стороны значит претерпеть то, что в нравственном отношении не всегда есть зло, и что иногда в убийстве даже злой воли совершенно не бывает, как, напр., при неудачной операции, главным же образом потому, что возможно представить такого рода положение, когда воля, хотя и не имеет своею прямою целью лишить жизни человека, однако заранее соглашается на это, как на крайнюю необходимость, напр., при защите невинно подвергающегося насилию со стороны разъяренного злодея, – следовательно, когда убийство этого злодея не есть безусловное зло и с субъективной стороны. О том, что вообще лучше не убивать, чем убивать, в этом все согласны. Но нужно признать и то, это общее или общепризнанное правило не убивать не есть действительно безусловное и, следовательно, не допускающее никакого исключения, ни при каких обстоятельствах и ни в каких единичных случаях. Даже и толстовец не может остаться

равнодушен, когда на глазах его чужое и незнакомое ему слабое существо подвергается неистовому нападению дюжего злодея, – не может проповедовать добродетель в то время, когда осатаневший зверь будет терзать свою жертву. Здесь одно из двух: или обратиться к Богу с молитвою и ждать чуда нравственного или физического, чего толстовство уже, конечно, не допустит, или остановить зверя силою, хотя бы и с возможностью и даже вероятностью убить его. Если допустить третье, именно, не противиться злу и признать всё совершающееся в мире нравственным порядком, или волею Божиею, – иначе говоря, если допустить, что добро и зло вообще безразличны для божества, то божество, попускающее сильному мерзавцу под влиянием животной страсти истреблять слабое существо, и подавно не может иметь ничего против того, чтобы под влиянием сострадания кто-нибудь из нас истребил мерзавца. Но толстовство, в своей заботе не о том, кто убит, а о том, кто убивает, допускает такой нелепый вывод, что убийство слабого, безобидного, невиннейшего и справедливейшего существа может и не быть злом, или, по крайней мере, нравственно невинно, сравнительно с убийством сильного и злого зверя. Толстовство при этом предполагает, что у злодея атрофированы и разум, и совесть, и что при таком его состоянии непозволительно для разумного и добросовестного существа вести борьбу с ним с возможностью убить его. Но такая постановка вопроса совершенно фальшива: зверский человек отличается от разумных и добросовестных людей не отсутствием разума и совести, а только решимостью действовать им наперекор; иначе, если злодей действительно есть зверь без разума и совести, то убить его все равно, что убить волка или тигра, и это вынужденное убийство его не может идти в сравнение с убийством жертвы его насилия, требующей помощи. Совесть и разум говорят о ней и о ней прежде всего, и воля Божия тут в том, чтобы спасти эту жертву, по возможности щадя злодея; но жертве этой должно помочь во чтобы то ни стало и во всяком случае: если можно то увещаниями к злодею, если нет, то силой; ну, а если нет физической возможности, тогда только тем крайним способом,

о котором толстовство намекает, но не говорит, именно, молитвою, т. е. тем высшим напряжением доброй воли, которая действительно иногда творит чудеса, когда это нужно.

Между единичным убийством и войною есть логическая и вместе историческая связь, и вопрос о защите государственной, как и о защите личной, не может с категорическим отрицанием решаться по узко-буквально понимаемой толстовством заповеди «не убий». Например, если бы Владимир Мономах, руководствуясь заповедью – не убий, не отправился на войну с половцами, постоянными набегами разорявшими землю русскую, а жалеючи людей, оставался дома, то при нем не «отдохнула бы» земля, а продолжались бы набеги, а с ними постоянные убийства, пленения и разорения людей. И Владимир Мономах был прав, что воевал с половцами, и прав не только потому, что «в те дикие времена нравственное сознание еще не возвысилось над грубым византийским пониманием христианства и позволяло ради кажущегося добра убивать людей». Нет, и теперь, несмотря на утверждение толстовства, что «убийство есть зло, противное воле Божией, запрещенное издревле заповедью Божиею, что оно ни под каким видом и ни под каким именем не может быть нам позволительно и не может перестать быть злом, когда вместо одного человека убиваются под названием войны тысячи человек», и теперь совесть не только может разрешить, но и признать добрым и святым делом, оставить на веки самым лучшим, самым чистым воспоминанием это массовое убийство на войне. Генерал в подтверждение этого рассказывает случай из своей военной жизни, когда он за разрушенную деревню, за истребление жителей, за изрезанные груди матерей и поджаривание живых младенцев истребил в бою четыре тысячи курдов, устроивших эту «башибузукскую кухню». Война в этом случае есть воистину святое дело, и воинство – воистину может быть названо христолюбивым, хотя вне войны и военных отношений это же воинство может быть «сущие разбойники». Война ни в коем случае не есть «борьба одних разбойников с другими», ибо на стороне одних всегда есть нравственное право и вынужденная обстоятельствами обязанность войны и

сравнительная нравственность военных действий. «Так совесть моя чиста в этом деле, говорит генерал, что я и теперь иногда от всей души жалею, что не умер я после того, как скомандовал последний залп. И ни малейшего у меня сомнения, что умри я тогда, – прямо предстал бы пред Всевышнего со своими тридцатью семью убитыми (в бою с курдаки) казаками, и заняли бы мы своё место в раю рядом с добрым евангельским разбойником!» В своём опасении, «чтобы как-нибудь зла пальцем не тронуть», толстовство должно постоянно делать логические скачки со своими утверждениями то того, что злой человек есть то же, что зверь безответственный, то того, что башибузук, на глазах матерей поджаривающий младенцев, может оказаться добрым евангельским разбойником. На самом же деле, важно не то, что во всяком человеке есть зачатки добра и зла, а то, что из двух в нём пересиливает, и не то, что все люди братья, а то, что братья бывают разные. «Почему же, говорит генерал, мне не поинтересоваться, кто из моих братьев Каин и кто Авель? И если на моих глазах брат мой Каин дерет шкуру с брата моего Авеля, я именно по равнодушию к братьям (а не потому, что братьев забыл) дам брату Каину такую затрещину, чтобы ему больше не до озорства было». Молитва о божественной помощи и вмешательстве при всяком деле – способ хороший, но никакого дела заменить в мирских делах не может: так и в деле вызывающем войну. А без борьбы пресечь зло, или, по Толстому, «пробудить в темных душах то добро, которое таится во всяком человеческом существе» невозможно даже и для «проникнутых истинным евангельским духом». «Я желаю знать, говорит по этому поводу г. Z, один из собеседников, – почему Христос не подействовал силою евангельского духа, чтобы пробудить добро, сокрытое в душах Иуды, Ирода, еврейских первосвященников и, наконец, того злого разбойника, о котором как-то совсем забывают, когда говорят о его добром товарище? Для положительного христианского воззрения непреодолимой трудности тут нет. Ну, а толстовству чем-нибудь из двух уж непременно тут нужно пожертвовать: или привычкой ссылаться на Христа и на Евангелие, как на высший авторитет, или моральным

оптимизмом. Потому что третий, довольно-таки заезженный путь – отрицание самого евангельского факта, как позднейшей выдумки или «жреческого» истолкования – в настоящем случае совершенно закрыт. Как бы толстовцы ни искажали и не обрубали для своей цели текст четырех Евангелий, главное то в нём для нашего вопроса остается все-таки бесспорным, а именно, что Христос подвергся жестокому преследованию и смертной казни по злобе своих врагов. Что Он сам оставался нравственно выше всего этого, что Он не хотел сопротивляться и простил своих врагов – это одинаково понятно как с православно-христианской, так и с толстовской точки зрения. Но почему же, прощая своих врагов, Он (говоря словами Толстого) не избавил их души от той ужасной тьмы, в которой они находились? Почему Он не победил их злобы силою своей кротости? Почему Он не пробудил дремавшего в них добра, не просветил и не возродил их духовно? Одним словом, почему Он не подействовал на Иуду, Ирода, иудейских первосвященников так, как Он подействовал на *одного* только доброго разбойника? Опять-таки: или не мог, или не хотел. В обоих случаях выходит по толстовству, что Он не был *достаточно* проникнут истинным евангельским духом, а так как дело идет о Евангелии Христовом, то, по толстовству, оказывается, что Христос «не был достаточно проникнут истинным духом Христовым».

(Окончание следует).

Киевский епарх. миссионер С. Потехин

**Попов Н. Антикано́нический характер Австрийской
(старообрядческой) иерархии // Миссионерское
обозрение. 1901. № 1. С. 44–51**

I. Происхождение Австрийской (старообрядческой) иерархии

Поповщинский толк и противоречие в нём между догматическим учением и жизнью, как причина искания последователями сего толка «древлеправославного» архиерея. История происхождения Австрийской Белокриницкой иерархии. Чиноприем Амвросия в раскол. Общий взгляд на австрийскую секту.

Неоспоримо, что отрасль русского старообрядческого раскола, известная под именем Австрийского толка, обязана своим появлением в истории многочисленных раскольнических толков несомненным и твердым историческим данным, обуславливавшим и подготовившим её появление. Австрийская секта, лжеиерархия которой подлежит нашему рассмотрению с канонической точки зрения, явилась не случайно, не по замыслу нескольких только личностей, а как результат всей предшествующей появлению австрийского толка истории поповщины. Внутренняя жизнь поповщины с самого образования раскола была такова, что образование в недрах раскола особого толка с характеристическими признаками нынешней австрийской секты должно было произойти с неизбежною логическою последовательностью.

На самом деле, в каком положении оказался толк поповцев с самого первого момента его образования? С одной стороны, поповцы почитали русскую Церковь зараженною всевозможными ересями и вместе с безпоповцами принимали учение о воцарении в мире последнего антихриста, с другой – они не могли забыть ясного учения Слова Божия о вечном существовании Церкви Христовой в её первоначальном устройстве, т. е. с трехчинной иерархией, и потому вместе с православною Церковью учили о вечности и неодоленности Церкви Христовой. Но принимая учение о необходимости церковной иерархии, поповцы в действительности могли пользоваться только беглыми попами из «еретической» Великороссийской Церкви, так как не имели у себя главного

члена церковной иерархии – архиерея. Отсюда у старообрядцев-поповцев выходило полное противоречие между учением и жизнью: признавая необходимым существование трехчинной иерархии, они на самом деле не имели этой самой иерархии, так как не имели главного её члена – епископа. На этот последний недостаток указывали поповцам не только православные, но и безпоповцы. Вот, напр. как остроумно и сильно поражал поповцев безпоповщинский учитель Иван Алексеев, доказывая совершенно справедливо ту мысль, что во главе церковной иерархии должен стоять епископ, а не беглые попы, как то было у поповцев. «Ино есть, говорит он, свет солнца и ино свет луны; луна не светит, аще луч солнца не приимет, иерей не может что осветить, аще свет благодати от архиерея не приимет, первый бо свет солнца – Христа полагается во архиерее, и от него, как от зеркала и от воды луч к стене отпрядающ в прочих предается. Видишь ли, продолжает Алексеев, луну когда в небе сияющую и абие погубляющую свой свет, не иное что виновное разумей быти токмо потеряние света солнечного, кое в полномесячие обыче бывати от средостения земли путь лучи солнечныя пресечением; от сего затмения лунна бывают, разумей сия, дондеже свет архиерея сияет в нём, светоприемен бывает иерей и просвещает народы; аще заградится чим дарование архиерейско на иерея приити, по себе иерей не может свет възьимети и других осветити, но в том пребудет».⁵

Такое печальное состояние поповщинского общества нередко вызывало горькие и трогательные сетования из уст и самих поповцев, по крайней мере, лучших членов их: «Увы, да не оскорбим вас словами, писал один поповец в 1799 г. на Рогожское кладбище, уже бо кончина приближается наша, видно по всему писанию, что основание нашей вере на песце, а не на твердом камени. Не имеем мы ни епископа, ни священника, благословенного от власти церковной, но ожидаем, по мнению нашему, особого епископа».⁶ Поэтому все лучшие старообрядцы-поповцы за всё время существования своего толка искали выхода из такого «горько плачевного» положения, но ничего утешительного не обретали. Много было попыток

сделано ими отыскать себе «древлеправославного епископа», но все они кончались только ко стыду их. Эти искания старообрядцами самостоятельного епископа происходили даже в царствование Александра I, когда раскольникам, в силу указа 1822 г., дозволено было безбоязненно принимать беглых попов из Великороссийской Церкви. Так сильно было желание поповцев иметь у себя трехчинную иерархию с епископом во главе! Но вот в царствование Николая I указ 1822 г. был отменен и раскольникам строго запрещено было принимать беглых попов: поповщине естественно стало угрожать конечное оскудение священства, и вопрос о приискании «древлеправославного» архиерея еще с большею силою начал беспокоить старообрядцев. На этот раз разрешился он удовлетворительно для поповцев, в положительном смысле. Хоть «древлеправославного» архиерея и не было ими найдено, но за то им удалось переманить в общество старообрядцев Белой Криницы⁷ безместного греческого митрополита Амвросия.

Основатель австрийской (старообрядческой) иерархии родился в 1791 г. в Эносе, был сын греческого священника и назывался в мире Амиреем; по окончании курса в духовном училище был поставлен в 1811 г. во священника, в 1814 г. лишился жены и чрез три года принял монашество с именем Амвросия. В сем звании Амвросий был сначала настоятелем одной церкви в Константинополе, а затем протосинкелом великой церкви и наконец в 1835 г. был избран и посвящен в митрополита Босносараевского. Но не долго ему пришлось управлять епархией. Турецкое правительство, весьма подозрительно и даже не благосклонно относившееся к митрополиту Амвросию, достигло скоро того, что его поспешили удалить с кафедры Босносараевской. Это было в 1840 г. 12 Сентября; с этого времени Амвросий начинает проживать в Константинополе в качестве безместного архиерея. И вот в то самое время, когда Провидению угодно было подвергнуть Амвросия столь тяжкому испытанию, в Константинополь прибыли из Белой Криницы старообрядческие депутаты иноки Павел (Великодворский) и Геронтий, взявшие на себя труд отыскания для старообрядцев архиерея. Они и обратились к м.

Амвросию с предложением занять якобы свободную кафедру митрополита в Белой Кринице и соединить под своею властью всех древлеправославных христиан, живших в Австрии. Не мало Павлу потребовалось усилий и хитростей употребить, чтобы склонить Амвросия к своему предложению. Ему потребовалось с одной стороны писать для м. Амвросия целое сочинение по вопросу о древности двоеперстия, а с другой – совершенно скрыть от Амвросия тот факт, что общество старообрядцев Белой Криницы в лице своих предков канонически было отлучено от православной Церкви на соборе 1666–1667 гг. и притом отлучено пастырями как русской, так и греческой Церкви. Отчасти это, а больше в высшей степени бедственное и плачевное положение семьи его, материальная нужда и неотступные просьбы любимого им сына его Георгия⁸ заставили Амвросия согласиться на предложенные ему старообрядческими депутатами условия, т. е. присоединиться к обществу старообрядцев Белой Криницы, принять и носить звание митрополита «древлеправославных христиан и поставить немедленно по приезде в Б. Криницу себе преемника... «Я, митрополит Амвросий, не желая долее проводить жизнь свою праздно, говорится в формальном договоре Амвросия со старообрядческими депутатами, и ни по нужде, ни по какой страсти, но по чистой своей совести согласия с депутатами Белокриницкого монастыря, согласно данному им величайшему указу... поступить в старообрядческую религию, в сущем звании митрополита, над всеми духовными лицами и мирскими людьми, состоящими в оной религии, верховным пастырем; и притом обязуюсь, по прибытии в Белокриницкий монастырь, учинить церковное присоединение согласно правилам св. отец, и неотлагательно поставить нам в наместники по себе другого архиерея, так как дозволено им всевысочайшим указом».⁹

Так совершилось глубоко-прискорбное событие в среде греческой церковной иерархии, член которой, прельщенный материальными удобствами будущего своего положения, решился оставить своего патриарха, порвать связь со своей матерью-Церковью и перейти в общество людей, которых

православная греко-русская Церковь отлучила от себя, как раскольников на соборе 1666–1667 гг.

К месту своего служения Амвросий прибыл после целого ряда трудностей и опасностей 12 Октября 1842 г., а 27 Октября того же года в Белой Кринице уже был составлен собор, на котором решено было принять Амвросия вторым чином. И Амвросий, «как рыба во мрежи сидящая», должен был в своём безвыходном положении в Белой Кринице подчиниться соборному решению, хотя и с оговоркой, «изволяю на ваше предложение, сказал он, только с тем, да будет свидетель Бог, если состоит в этом какой грех, да будет на вас, а я чист от такового».

Наступило 28 Октября 1846 г. – «светлая заря», по выражению раскольного писателя, день, действительно, знаменательный в истории поповщинского толка, так как с совершившимся в этот день принятием Амвросия в раскол, «иерархия» старообрядческая получила свою главу – епископа и чрез то общество старообрядцев-поповцев получило вид якобы истинной Церкви Христовой с трехчинной иерархией. Чиноприем Амвросия в раскол происходил таким образом. Став пред царскими вратами, Амвросий велегласно прочитал на славянском языке и проклял все ереси по чину приятия приходящих от яковит (Патр. Филарета, гл. 79). После проклятия ересей, которыми якобы заражена была греческая Церковь; беглый иеромонах Иероним выисповедал в алтаре Амвросия и там же помазал миром. Выйдя из алтаря чрез царские двери, Иероним «объявил достоинство митрополита», причем в своей речи уверял своих единоверцев в том, что он «тщательно испытал глубины сердца» Амвросия и уже после того разрешил от всех ересей. Наконец, новоприсоединенный, облачившись в архиерейские одежды, вышел чрез царские врата и благословил народ по-архиерейски – дикирием и трикирием.

Так Амвросий исполнил первое своё обещание старообрядческим депутатам: после известного чиноприема он принял на себя звание митрополита Б. Криницы и всех древлеправославных христиан. Оставалось выполнить другое

обещание поставить себе преемника, что Амвросий также не замедлил сделать. 6 Января 1848 г. был поставлен во епископа Майносского природный липован диак Киприан Тимофеев, чем дальнейшее существование т. наз. австрийской, или Амвросианской лжеиерархии вполне было обеспечено.

Нет нужды распространяться о том, какую опасность представляло и доселе представляет для русской Церкви появление в ничтожной деревушке Белой Кринице самочинной, старообрядческой иерархии. Заметим только, что толк поповщинский, окормляемый австрийским священством, стал увеличиваться не только на счет раскольников различных безпоповщинских толков, но и – хотя изредка – на счет чад православной Церкви, в особенности единоверцев.¹⁰ Явление это не случайное. До принятия Амвросия в Белую Криницу поповцы не могли успешно привлекать в своё общество старообрядцев отличных от них согласий, а тем более православных, ибо, не имея трехчинной иерархии, сами не представляли даже вида истинной Церкви Христовой, как общество, окормляемое только беглыми из Великороссийской Церкви попами. Не то стало теперь, когда появилась у тех-же поповцев т. наз. австрийская иерархия, когда, по словам раскольнического писателя: Церковь их «изобилует духовными чинами, яко-же и небо, красящаяся светлыми звездами»,¹¹ – теперь общество их имеет якобы все видимые признаки истинной Церкви Христовой, содержит трехчинную иерархию, имеет несколько десятков собственных «архиереев», а потому не имеет уже никакой нужды заимствоваться беглыми попами из Великороссийской Церкви, напротив того, имеет полную возможность избирать себе духовных пастырей из собственной среды и иногда даже людей безупречной и незазорной жизни. Прибавим ко всему этому показное истовое совершение старообрядческими «архиереями» и «иереями» Богослужения, ревностное содержание австрийским толком всех уважаемых старообрядцами дониконовских обрядов, и мы поймем, почему этот именно толк в старообрядчестве имеет столь притягательную силу, что в его сети уловляются не только беглопоповцы и безпоповцы, но и православные. «Простой

народ, читаем в последнем отчете Г. Обер-Прокурора Святейшего Синода, легко поддающийся обману, по неведению своему охотно отдает себя руководству устроенного обманным образом лжесвященства. Наименование епископа, священника и диакона, служение в облачениях, устройство Церквей и монастырей, сходных с православными, – всё это для простого народа служит приманкой и обманом, особливо в тех местах, где еще не имеется православного храма и благолепного богослужения». ¹² Не без основания, посему, на втором миссионерском съезде в Москве австрийская секта была признана наиболее опасной из всех толков русского старообрядческого раскола.

Представленная краткая история происхождения самозванной австрийской иерархии показывает, сколько неправды, хитрости, лукавства и обмана положено было в основание сего дела. Иезуитское правило – цель оправдывает средства – нашло для себя в этой глубоко-печальной истории полное применение, так как ради задуманной цели – приобретения «древлеправославного» архиерея старообрядцами пущены были в ход все средства, не исключая противных Евангелию. Для всякого, имущего здравый смысл, очевидно, что и самое общество старообрядцев, окормляемое самочинной, незаконной иерархией, ни в коем случае не есть дом Божий, созданный на основании апостол и пророк, «сущу краеугольну Иисусу Христу» (Еф.2:21), а дом, созданный руками человеческими, при помощи лжи и обмана, основанный на песке, а не на твердом камени; если же, по слову Спасителя, «всякий род, его же не насади Отец Небесный, искоренится» (Мф.15:13), то над старообрядческим обществом, окормляемым австрийским лжесвященством, непременно должно исполниться то, что случилось, по словам Божественного Спасителя, с домом, построенным на песке: «сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и опрошася храмину той, и падеша: и бе разрушение ей велие» (Мф.7:27).

Мы и поставили своей задачей показать на основании канонов, что т. наз. австрийская, старообрядческая иерархия есть иерархия незаконная, самочинная, антиканоническая.

Показать антиканонический характер австрийской иерархии значит показать антиканонические действия, совершенные основателем и родоначальником сей иерархии – белого греческого митрополита Амвросия, потому что, если гнил корень австрийской иерархии, гнило и дерево, выросшее из него.

Свящ. Н. Попов

Булгаков Н. К вопросу о причинах обоготворения женщин у хлыстов // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 52–57

Хлыстовская секта в своём учении и культе имеет много сходного с учением нескольких сект древних и новых. Первотип «хлыстовских богородиц» можно находить еще в апостольском времени, в лице Елены, постоянной спутницы ересиарха Симона волхва. Этот Симон волхв выдавал себя за Христа, а свою спутницу за «матерь Божию». По свидетельству блаж. Иеронима, Симон волхв говорил: «Я есмь Слово Божие; я – прекрасен; я – утешитель; я представляю собой всё Божие». Св. Ириней Лионский пишет, что Симон волхв говорил о явлении своём иудеям в качестве Сына, язычникам – в качестве Святого Духа и самарянам – в качестве Отца. Елену он постоянно водил с собою, называя её своею первою мыслью и матерью всех вещей. Нисходя в низший мир, она произвела ангелов и силы, которыми был сотворен низший мир, и была заключена ими в темницу и унижена. И сам он, хотя и не был человеком, но сделался человеком будто бы для того, чтобы освободить её.¹³ Не то же ли самое постоянно проповедовал и основатель хлыстовщины Данило Филиппов: «Я есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю вторично для спасения душ рода человеческого, – нет другого бога кроме меня». – Это сходство хлыстовщины то с тою, то с другою из сект западных и восточных, древних и новых, указывает на общий источник тех и других учений, который содержится в одинаковых для всех людей законах человеческого духа, в их неправильном одностороннем развитии. Дело в том, что среди мистических сект, сходных с нашей хлыстовщиной, женщины играют ту или другую, во всяком случае видную роль. Здесь уместно будет привести наиболее характерный пример из мистической секты квиетистов. Основатель этой секты Михаил Молинос учил, что истинное христианство должно состоять не во внешнем исполнении церковных обрядов, а во внутреннем восторженном стремлении к Богу и упокоении в нём... Особенно горячею

почитательницею его учения явилась во Франции богатая вдова Жанна Мария Ла-Мот Гюйон, которая всё своё состояние и всю свою жизнь посвятила на пропаганду учения о внутреннем стремлении к Богу и общении с Ним. Сочинения этой Гюйон (напр., толкования на Апокалипсис) пользуются большим уважением у хлыстов... Своею проповедью Гюйон даже увлекла известного красноречивого проповедника Фенелона, архиепископа Камбрийского.¹⁴ Этот и многие другие факты, которые собраны в сочинениях Диксона «Новая Америка» (Спб. 1869 г.) и «Книга о духовных женах» (Спб. 1869 г.) дают нам право высказать следующие соображения относительно хлыстовских богородиц. Женщины вообще во всех религиозных движениях принимали самое деятельное участие. В первоначальном, напр., распространении христианства женщины играют среди различных народов очень видную роль; кроме св. Марии Магдалины, проповедовавшей о Воскресшем Спасителе самим апостолам, на страницах истории записаны имена св. Ольги (у русских), св. Нины (у грузин), Берты (у англосаксов). Клотильды (у франков), Теоделинды (у лангобардов) и т. д. Следует заметить, что женщина, живущая по преимуществу сердцем, гораздо глубже и гораздо скорее усвоит известную религиозную истину, нежели мужчина. Религиозная вера женщины поэтому жизненнее, интенсивнее и, так сказать, деятельнее (осязательнее), нежели религиозная вера мужчины. Величие религиозной веры женщины отметил Сам Господь наш Иисус Христос, когда хананеянка просила Спасителя исцелить её бесноватую дочь (Мф.15:22–28). Но если религиозность женщины не нормируется авторитетом Божественного Откровения, правильно понимаемого и достоподобным образом изъясняемого, то она обыкновенно сворачивает на ложный путь и дает очень плачевные результаты. В греческой и римской религиях, в которых так много черт, сходных с нашей хлыстовщиной, женщинам принадлежит очень некрасивое положение. Пифии, стяжавшие себе неувядаемую память, в существе дела были те же хлыстовские богородицы. Кружение (радельное), от которого хлыстовские богини приходят в неистовство и начинают

«пророчествовать», для греческих прорицательниц заменялось одуряющими газами. После землетрясения, возвещающего приближение духа Аполлона, пифию вели в пещеру, сажали на треножник, где вскоре она угоревши приходила в неистовство, мучилась судорогами и с пеной у рта произносила отрывистые слова, в которых по толкованию жрецов именно и таился пророческий смысл.¹⁵ Все её прорицания представляли из себя болтовню пьяного или бред горячечного больного. Приверженцы учения о месмеризме подозревают в древних пифиях современных ясновидящих; нам их напоминают наши деревенские кликуши или порченые (т. е. одержимые падучею болезнью). Во всяком случае в этом явлении нет ничего ни таинственного, ни загадочного. На праздниках в честь Паллады молодые гречанки разделялись на несколько отрядов, вооруженных палками и камнями, и не на шутку дрались между собою. Убитые на этих маневрах признавались бесчестными и тела их бросались в воду. В празднествах в честь Вакха женщины принимали самое деятельное участие. Не нарушая приличия, невозможно передать словами те мерзости и бесчинства, которые производил женский пол на вакханалиях, праздновавшихся ночью при свете факелов... Все эти факты достаточно показывают, что в своих увлечениях на религиозной почве женщина может достигать до чудовищных размеров. В религии ложной или ложно понимаемой она может найти чрез своеобразное сочетание известных понятий удовлетворение всем темным и низким инстинктам своей природы. Но особенно важно здесь то обстоятельство, что, как существо чрезвычайно восприимчивое и интенсивное, женщина замечательно скоро начинает верить в те иллюзии, которые создала её собственная религиозная фантазия. А если женщину окружает невежественная среда, как это всегда бывает с хлыстовскими богородицами, то эта самая среда только способствует укреплению в сознании женщины тех заведомо ложных представлений, какие она выработала на религиозной основе. Женщина в порывах религиозного возбуждения совершенно перерождается: будучи поглощена одной тенденцией, женщина и для окружающей её среды является не тем, чем она есть, и

невольно заставляет признавать в себе иное неземное существо. Все хлыстовские богородицы исключительно убеждены в своей великой мировой роли, и это убеждение естественно передается и их почитателям. И трудно уже чему-либо постороннему всколыхнуть женское сердце, остановившееся и как бы застынувшее на известной религиозной точке. Прекрасно изображает это свойство женщины греческий миф о смерти Орфея. После вторичной смерти своей жены Эвридики Орфей удалился во Фракию на гору Родону, чтобы в уединении оплакивать свою возлюбленную. Фракийские женщины, восхищенные его игрой на лире, пленились певцом, но все их усилия завлечь Орфея в свои сети оставались тщетными. Тогда фракиянки во время празднеств Вакха в религиозном экстазе яростные, как тигрицы, устремились на сладкозвучного певца. Камни, брошенные в Орфея, падали к ногам певца, очарованные чудными звуками его лиры. Но эта лира, заставлявшая плясать бездушные скалы, укрощавшая бурные волны моря, смирившая диких зверей и хищных птиц, не тронула женского сердца, которое обыкновенно считается кротким, нежным и отзывчивым на всякое страдание и скорбь, – сердца, находившегося на величайшей степени религиозного возбуждения. Свирепые вакханки растерзали несчастного певца на куски и бросили последние в реку Гебр.¹⁶

Затем женщина есть существо в высшей степени самолюбивое и тщеславное. Глубоко поучительна в отношении женской психологии история падения наших прародителей. Дьявол, желая склонить Еву к падению, старается польстить именно её самолюбию. Враг человеческого рода хорошо знает, что искусительная его речь найдет для себя полный отголосок в душе праматери, еще не укрепившейся в добре. Демон получил полную власть над Тамарой, пообещав со страшными клятвами между прочим: «Тебя я, вольный сын эфира, возьму в надзвездные края, – И будешь ты царицей мира, подруга вечная моя!».

Та же самая искусительная дьявольская речь слышится и в нравственном учении секты хлыстов. Это учение чрезвычайно

обаятельно для женского сердца, постоянно ищущего себе поклонения и обожания в окружающей среде. Назначение каждого человека, говорят хлысты, состоит в том, чтобы здесь же на земле таинственно умереть, воскреснуть и сделаться ангелом, ибо все ангелы суть ничто иное, как отжившие люди, сподобившиеся таинственного воскресения. Есть смерть о Адаме и есть смерть о Христе, есть мертвые о Адаме и мертвые о Христе. Смерть о Адаме есть последствие Божеского приговора: «земля еси и в землю отыдеши». Смерть о Христе есть смерть таинственная, состоящая в умерщвлении воли, себялюбия и гордости, – а главное в умерщвлении плоти, этого злого демонского начала в природе человека, – в полнейшем бесстрастии и святости. За эту смерть следует погребение о Христе, т. е. отвлечение мыслей от всего внешнего и углубление в самого себя, как в могилу. В тайнике каждой души есть начаток Духа Божия и если кто умер о Христе, говорят хлысты, и спогребся ему в смерть, т. е. после умерщвления воли и плоти низойдет в самого себя, – тот услышит в себе внутренний голос и в глубине души своей найдет царствие Божие, которое внутри нас есть. Кто услышит в себе этот внутренний голос, тот таинственно воскрес. С этой минуты он делается храмом Божиим, и Дух Божий живет в нём; с этой минуты он оправдится от греха, сделается безгрешным, и тогда ему, как праведнику, закон не лежит... Таинственно воскресший вместо своей воли получает волю Божию; что он ни делает, что ни говорит, – делает и говорит не он, но сам, живущий в нём Дух Святой. Если он дурачится, прикидывается юродивым, – во всём нужно видеть волю Божию, ибо безумное Божие премудрее людей. Одним словом – хлысты прямо говорят: поступай в наше общество и ты будешь богом. Разве не обольстительно такое учение для нервного женского существа. Женщина обыкновенно не рассуждает, что тайна воплощения Бога в человеке единожды совершилась и что если раньше мы знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем (2Кор.5:16), – а думает, что стоит только выполнить правила известного учения, чтобы достигнуть этой, никогда недостижимой для обыкновенного смертного, цели. Быть Богом, иметь ум и волю Христову, знать будущее,

проникать в тайны вещей, не стесняться ничем внешним – какое широкое поле для воображения, какая сильная приманка для ума!... И вот ради этого дьявольского желания женщина бросает истинный и прямой путь веры и спасения и идет за теми же вождями, которые, обманываясь сами, обманывают и других обольстительною мечтою сделать всех своих последователей носителями Христа или Духа Божия. – Во время радений, вследствие страшного кружения, хлыстовская богородица приходит обыкновенно в иступление, неистовствует, беснуется, корчится с пеною у рта. В чаду этого бешенства лжебогородица не сознает, что с ней делается, какую безобразную картину она из себя представляет. Хлыстовские богородицы считают всё это действием Св. Духа, а потому среди оглушительного crescendo раздается их дикий вопль: «вот катит, вот катит; Дух, Дух Святой катит; накатил, накатил!». А присутствующие с благоговением взирают на это беснование, ожидая «пророчеств», которые лжебогородица тут же изрекает.

Будем надеяться, что под влиянием нового духа времени погибнет богомерзкая хлыстовская секта, в которой женщина, этот венец всего божественного творения, играет такую кощунственную роль, – восхищает то, что не даровано ей, теряет образ и подобие Божие и из существа, в известном смысле идеального по своему кроткому духу, обращается в безобразную фурию.

Н. Булгаков

Велтистов К. Баптизм как секта // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 58–64

Баптизм – реформатская секта английского происхождения, очень близкая к методизму. Церковь, по учению баптистов, есть общество верующих, возрожденных, святых, в которое принимаются обратившиеся ко Христу чрез крещение по личном сознательном исповедании своей веры и из которого исключаются все павшие. Крещение детей отвергается; всех переходящих из других религий и исповеданий в баптизм перекрещивают; крещение совершается в зрелом возрасте в реках, озерах и прудах чрез погружение.¹⁷ В гордом обольщении своею святостью баптисты заявляют, что все люди, не принадлежащие к обществу «детей Божиих», блуждают во тьме язычества, живут в «Вавилоне». Главная обязанность каждого «верующего» – «строить стены Иерусалима», «проводить души ко Христу», то есть всеми средствами завлекать новых членов в свою секту, – или иначе говоря – *прозелитизм*. Протестантский произвол нашел в баптизме полное обнаружение. Крайний индивидуализм и равнодушие к теоретическим разносям являются причиной того, что баптизм, как губка, впитывает в себя различные мнения, легко поддается воздействию и входит в соединение с самыми разнообразными течениями; на общереформатской основе он подразделился на множество толков.

Баптизм в Англии и в Америке

Баптизм родился в Англии во время упорной реформационной борьбы XVII столетия и вырос на почве английского индипендентства. По заявлению некоторых историков он стоит вне всякой исторической связи с антиномистическим анабаптизмом времен реформации.¹⁸ Сами баптисты стараются отклонить от себя всякую родственность с немецкими анабаптистами.¹⁹ Но нельзя отрицать некоторых точек соприкосновения английского баптизма с анабаптизмом, уже до некоторой степени отрешившимся от политико-социальных и антиномистических тенденций. После мюнстерского погрома много анабаптистов бежало в Нидерланды. Отсюда, под влиянием преследований герцога Альбы, они потянулись в Англию.²⁰ В 1534 г. Генрих VIII издал два приказа против еретиков иностранцев, отвергающих крещение детей и принимающих второе, которые переселяются в Англию и распространяют своё учение.²¹ Были случаи, что английские диссиденты, спасаясь от преследований бегством на материк, знакомились здесь с анабаптистскими воззрениями и возвращались на родину перекрещенцами.²² Но несмотря на пропаганду пришельцев, идеи перекрещенцев в течение XVI столетия не прививались в Англии. Все указы о преследовании перекрещенцев изданные в этом столетии, направлены против иностранцев; так что начало английского баптизма относится собственно к XVII столетию, времени обостренной пуританской борьбы, когда идеи перекрещенцев вошли в концепцию с воззрениями индипендентов.

Первая баптистская община образовалась в Англии в 1633 году, когда «несколько индипендентов, желая быть верными своим принципам, отбросили крещение детей и перешли от опрыскивания к погружению».²³ С этого времени баптизм стал довольно быстро распространяться главным образом среди диссидентов. В скором времени он нашел себе сильного защитника в лице Кромвеля, который в 1644 году принял баптистов, в числе 17 общин, под своё покровительство.²⁴

После смерти Кромвеля баптистов преследовали как зловердных сектантов и революционеров. Преследования продолжались до 1689 года, когда по акту терпимости баптисты, наравне с пресвитерианами и конгрегационалистами, получили правительственное признание. В 1689 году была устроена в Лондоне первая генеральная конференция, на которой присутствовали выборные более чем от ста общин. На конференции обсуждался вопрос об организации союза баптистов для взаимопомощи и пропаганды.²⁵

Свобода однако не принесла баптистам успеха. Конец XVII и почти все XVIII столетие были временем упадка и разложения секты. Поворот замечается в конце XVIII столетия. Методистское движение, поднятое Джоном Весли Вайтфильдом, захватило баптистские общины и подействовало оживляющим образом на баптизм. Среди баптистов появилось непреодолимое стремление к пропаганде. В несколько лет число общин удвоилось: в 1763 году их было 200, в 1790 уже 382.²⁶ В 1770 г. основан колледж для приготовления проповедников.²⁷ В 1792 г. Вильям Карей положил начало баптистскому миссионерскому обществу для проповеди язычникам.²⁸ Тогда же появилось несколько обществ для внутренней миссии. Начавшийся с того времени прогрессивный рост баптизма в Англии наблюдается в течение всего XIX столетия. Целям пропаганды служат миссионерские общества, богатые материальными средствами и учреждениями, библейские общества, распространяющие вместе со священными книгами сектантские трактаты, периодические издания, богословские колледжи и семинарии, школы, приюты и другие благотворительные учреждения, в которых филантропия является средством пропаганды. Не удивительно, что при широком количественном распространении,²⁹ баптизм иногда выделяет из своей среды заметные личности, к каким нужно отнести, например, известного проповедника Спурджона;³⁰ но это чуть-ли не одно имя за целое столетие.

II

Из Англии баптизм проник в Соединенные Северо-Американские Штаты. Первая община в Америке была образована в 1639 году в штате Род-Эйланд бывшим англиканским, священником Рожером Вильямсом, принявшим баптизм уже в Америке.³¹ На первых порах секта туго прививалась вследствие неблагоприятных внешних условий. После войны за независимость к баптистам стали относиться с большей терпимостью и распространение секты пошло быстро вперед. Последовательный рост баптизма в Америке можно видеть из следующих данных:

1688 г. 30 общин

1740 г. 87 общин 3,000 членов.

1790 г. 872 общин 64,970.³²

1877 г. 20,774 общин 2.024,224.³³

1890 г. — 3.712,468.³⁴

1894 г. — 3.980,088.³⁵

Имущество баптистских общин оценивалось в 1890 году в 82.328,123 долларов.

В настоящее время баптизм самая многочисленная в Америке секта после методизма. Он имеет широко поставленные миссионерские общества, из которых обращает на себя особенное внимание American Baptists Missionary Union, основанное в 1814 году в Филадельфии в г. Бостоне. Это общество действует в Бирме, Аннаме, Индии, Китае, Японии, Африке, Греции, Испании, Франции, Германии, Швейцарии, Дании и России.³⁶ Для воспитания в духе своей секты детей американские баптисты содержат богословские и общеобразовательные учебные заведения. Насколько щедры жертвы баптистов на дело образования и воспитания, как главное орудие пропаганды, можно судить по следующему факту: в 80-х годах на устройство своего университета в Вашингтоне баптисты собрали 20 миллионов долларов.³⁷

В своём внутреннем развитии англо-американский баптизм отражает в себе различные направления епископальных и пресвитерианских церквей. Частью в зависимости от них, частью сам собой он подразделился на множество толков. Спор о предопределении, волновавший долгое время западное христианство, разделил баптистов на две главные группы, восходящие к самому началу английского баптизма: 1) частные баптисты (Partikular-Baptisten) в Англии и правильные баптисты (Regular-Baptisten), в Америке держатся строго кальвинистических воззрений. 2) Общие баптисты (General-Baptisten) в Англии и свободомыслящие баптисты (Frei Willen Baptisten) в Америке держатся арминианских воззрений. Из второстепенных толков наиболее заметны следующие: 1) субботники или баптисты 7 дня, празднующие субботу на основании буквального понимания четвертой заповеди. К ним примыкают новые израильтяне, требующие от каждого члена знания еврейского языка, который необходим, по их мнению, для понимания Библии.

2) Баптисты 6-ти принципов, признающие Евр.6:1–2 за своё вероизложение, появились в 1639 г. в Род-Эйланде.

3) Камбеллиты признают за божественное откровение только то в Библии, что предваряется или сопровождается словами: «так говорит Господь». Основатель ирландец Камбелль.

4) Schlangen oder Samen Baptisten, считающие предназначенных к осуждению за потомство змия и Евы. Они в противоположность другим баптистам не прилагают особенных забот к воспитанию детей в религии и к пропаганде, потому что блаженство или осуждение предопределено каждому от вечности.³⁸

И многие другие... В Англии и особенно в Америке, из смешения баптизма с другими сектами, очень часто возникают новые отрасли, из которых многие скоро прекращают своё существование.

Баптисты группируются в союзы и конгрегации в целях взаимопомощи и пропаганды. Но их конвенты и комитеты не имеют характера центральной церковной власти; каждая община в своих внутренних делах остается совершенно независимой и самостоятельной; строй её в общем пресвитерианский. Баптистских союзов много. Почти каждый толк имеет свою союзную организацию. Есть стремление группироваться по национальностям и конечно по географической смежности; так, например, правильные баптисты в Америке составляют три отдельные общества: северное, южное и цветное (негритянское), которые не имеют разногласий в вопросах веры.

Для формулирования и выражения своего вероучения баптисты употребляют символы, хотя не придают им общеобязательного значения, считая Библию единственным руководством в вере и жизни. Каждый союз может выпускать и действительно выпускает своё вероизложение и иногда не одно. Первоисточник баптистских символов нужно искать в символах пресвитерианских; так наиболее уважаемый в Америке Филадельфийский символ, появившийся в Лондоне еще в 17 столетии, представляет из себя почти буквальное повторение Вестминстерского пресвитерианского символа с добавлениями и изменениями в баптистском духе.³⁹

Дробление не ослабляет секты в такой степени, в какой можно было бы ожидать этого по его размерам. Теоретическим разносям не придается большого значения; они не мешают благожелательно относиться друг к другу и не препятствуют объединительным попыткам. Попытки к соглашению начались давно, но не на почве теоретических воззрений, а в форме молитвенного общения, совместной практической деятельности и пропаганды. В 1813 году в Англии основан баптистский союз (Baptists Union), поставивший целью объединить частных и общих баптистов в видах взаимопомощи и пропаганды. Среди общих баптистов с 1868 г. началось усиленное движение к объединению всех баптистов. Объединительные движения захватывают родственные с баптизмом секты, причем на разногласия в вопросах догматических обращается слишком

мало внимания. Баптисты в своих объединительных стремлениях готовы иногда поступиться даже существенными положениями своей секты. Так Free Communion-Baptists допускает к преломлению хлеба лиц крещенных не по баптистскому способу.⁴⁰ Спурдзон в 1887 году обвинял Baptists-Union в том, что он принимает в общение лиц разномыслящих в самых основных вопросах веры: о силе искупительных заслуг Христовых, оправдании верою и т. п.⁴¹ Спурдзон порвал из-за этого всякую связь с Baptists-Union, но протест известного проповедника не удержал течения: в настоящее время у значительной части англо-американских баптистов практикуется интеркоммунион разных толков и сродных сект.

Англо-американский баптизм, представляя из себя в количественном и материальном отношении значительную силу, направляет её для поддержки и распространения секты во все части света. В половине настоящего столетия баптизм утвердился на материке Европы, сначала в Германии, а потом из неё раскинул свои сети в другие страны.

(Продолжение будет).

Свящ. К. Велтистов

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Терлецкий В. Что век грядущий нам готовит? // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 65–69

Что век грядущий нам готовит?

Вопрос этот возникает естественно и неизбежно, когда переходишь грань, отделяющую XIX век от XX-го. Все задают себе этот вопрос, но никто не отвечает на него, потому что это один из тех вопросов, которые всегда остаются без ответа, вызывая лишь смешанное неопределенное чувство смутной тревоги, робкой надежды, томительной неизвестности...

Человеку не дано знать будущего. Однако-же, насколько будущее имеет свои корни в прошлом и обуславливается настоящим; настолько позволительно делать более или менее вероятные предположения и гадания о будущем.

В этом смысле некоторый ответ на поставленный выше вопрос можно находить в статье покойного Владимира Сергеевича Соловьева «По поводу последних событий», написанной им незадолго пред смертью (статья датирована 1 июля, 1900). Здесь В.С. Соловьев высказывает мрачный взгляд на будущее, взгляд, исполненный самого безнадежного пессимизма.

Предчувствуя приближение монгольской грозы и уstraшенный призраком панмонголизма, В.С. Соловьев ожидает великой исторической катастрофы на Дальнем Востоке, которая положит собою конец всемирной истории. Современное человечество, по его мнению, есть больной старик, которого близка уже могила; поэтому бесполезно обманывать себя и успокаивать ходячими модными теориями прогресса, которые обещают возрастание всеобщего благополучия, при условиях теперешней земной жизни, все подобные теории он считает бессмыслицей и невозможностью. Говорите усталому, разочарованному и разбитому параличом старику, что ему предстоит бесконечный прогресс его теперешней жизни и земного благополучия... «Уж какое тут, батюшка, благополучие, какая жизнь! Лишь бы прочее время живота непостыдно да без лишних страданий дотянуть до близкого конца».

Всемирная история, по мнению В.С. Соловьева, внутренне уже кончилась, хотя и продолжается в силу косности какая-то игра марионеток на исторической сцене. Теперь, когда вместо новых, молодых народов нежданно занял историческую сцену сам дедушка-Кронос в лице ветхого деньми китайца, конец истории сошелся с её началом. Историческая драма сыграна, и остался еще один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, сам может растянуться на пять актов, но содержание их в существе дела заранее известно.

Этот взгляд обличает в авторе более поэта философа, чем сына знаменитого историка, с большою осторожностью делавшего свои исторические выводы.

Пораженный дивными апокалипсическими образами последних судеб церкви и мира сего, во зле лежащего, В.С. Соловьев в своём поэтическом созерцании сближает их с настоящим временем и, находя некоторые аналогические черты, видит антихриста уже пришедшим и читает о нём публичную лекцию.

То правда, что царствование последнего антихриста должно предшествовать кончине мира и второму Христову на землю пришествию. Спаситель, на вопрос учеников о кончине мира, отвечал притчами, в которых указал только некоторые общие признаки, каковы: появление лжехристов, великие войны, тяжкие скорби, проповедание Евангелия по всей вселенной (Мф. 24 и 25 гл.). Однако, исполнения всех этих признаков в наличной действительности еще невидны. Евангелие Царствия проповедано уже многим народам, но еще не по всей вселенной.

Наступили также теперь и времена тяжкие, ибо вследствие увеличения беззаконий иссякла любы многих, и в удушливой нездоровой атмосфере конца XIX века тяжело дышится, тяжело живется; но всё же это не та «скорбь велия, какой не было от начала мира доныне и не будет». Мрачными тучами покрыт горизонт наступающего XX столетия, слышны глухие отдаленные раскаты надвигающейся грозы; однако и здесь, среди зловещих туч, готовых разразиться страшною грозою, видны некоторые, лучи просвета...

Это лучи той истины Господней, которая пребывает во век, лучи того незаходимого Света разума, который воссиял миру в рождестве Христа Бога нашего, и которого не может объять никакая тьма.

Светлые лучи истины, принесенные на землю воплощенной Истиной, были сообщены многим народам. К сожалению, преломляясь сквозь призму национальных особенностей, у некоторых народов они дали тусклое отражение, потемненное примесью человеческих страстей. Поэтому единая христианская истина является ныне в форме разных христианских исповеданий: православного (греко-российского) и инославных (римско-католического и протестантского).

На западе инославном основное центральное учение христианства о Богочеловеке Иисусе Христе, нашем Спасителе. Исккупителе и Примирителе, является измененным и поврежденным.

В вероисповедании римско-католическом Божественный Лик Спасителя заслоняется властолюбивыми папами римскими.

В вероисповедании протестантском Он потемняется отвлеченным субъективизмом и сухим рационализмом мысли германской, низведшей Основателя христианской религии в разряд обыкновенных мудрецов земных. И только в православном вероисповедании сохраняется истинное учение и проповедуется Христос, истинный Бог наш, блеском вечным *примирения* в ясном сознании Церкви вселенской сияющий и всё, искупленное Его честною кровию, грешное человечество к Себе призывающий.

Поэтому основная идея христианства, идея *примирения* человека с Богом во Христе – *Богочеловеке*, на западе инославном усвоена поверхностно, не вполне и не всецело. В сознании народов романских и германских она затемнена национальным эгоизмом у первых и эгоизмом мысли у вторых. Гений же нации славянской, нации с душой широкой, мягкой, всепрощающей, воспитанный под животворным веянием духа вселенского православия, воспринял и усвоил эту идею наиболее глубоко, полно и цельно.

В этом заключается объяснение того, почему инициатива проведения *идеи примирения* в область международных отношений, выраженная в знаменитой ноте 12-го августа 1899 г. принадлежит Царю русскому православному, и почему Запад инославный отнесся к ней на Гаагской конференции так двусмысленно, недоверчиво, неискренно. В этом же и объяснение той политики миролюбия, которую так настойчиво и неуклонно проводит Россия в деле улажения восточно-китайского конфликта. Эта миролюбивая политика, представляя собою лишь частное выражение основной идеи православия, носителем и хранителем которого является русский народ, и есть тот светлый луч, который ярко выделяется на темном фоне кровавых жестокостей мнимокультурного англо-германского варвара, – политических страстей, сплетень и интриг, и который позволяет бросить на будущее взгляд, полный доверия и надежды...

И достойно примечания: изуверы боксеры, так беспощадно избивающие китайцев-христиан и всех вообще «голубоглазых дьяволов, чертей второго сорта» европейцев, оказываются более восприимчивы к идее мира, чем просвещенные христианские народы Запада. Когда после взятия Пекина последовало распоряжение Императорского Российского Правительстве о выводе оттуда русских войск, а также предложение и другим державам сделать тоже, то боксеры сложили по этому поводу гимн, который начинался словами: «птичка мира пропела уже второй раз...». Между тем западноевропейские державы отнеслись к этому шагу России очень недоверчиво, они не хотели или не могли по жестокосердию своему понять, как и на Гаагской конференции, «существенно-миролюбивых целей» русского Императора, и вот как бы в ответ на предложение России алчный бритт и расчетливый Михель бросились друг другу в объятия и заключили союз в целях далеко не «существенно-миролюбивых».

И не характерное ли это знамение времени, не признак ли это того, что мехи старые сделались уже негодными и не могут более вмещать в себе вина нового?

И не прав ли англичанин Джорж Уошборн, который в статье о будущем славянства говорит: «Латинская и немецкая расы отжили свои дни и не сумели создать настоящей христианской цивилизации. Они сделали огромные успехи в организации общества, в развитии материального благосостояния, в литературе, искусстве и науке, особенно же в признании и обеспечении в известной степени прав человеческой личности; но они превознесли вещественное над духовным и сотворили Бога из мамы. Они потеряли уже благороднейшие стремления юности и управляются ныне грязным расчетом старости. Ожидается приход славянства, чтобы возродить Европу, водворить принципы всемирного братства и царства Христова на земле... Славянская раса переживает еще свою молодость. Что будет, когда она созреет, до каких пределов она осуществит свои мечты и даст лучшее и высшее развитие цивилизации, чем Запад, – покажет будущий век – *Век Славянский*»!

Таким образом, не с мрачным, тяжелым настроением, навевшим пессимистическим взглядом на будущее В.С. Соловьева, входим мы, православные Россияне, в приотворенную Творцом веков дверь грядущего XX века, а с полной верой в величие исторической миссии Славянской нации. Приведем же в ясность сознания всё богатство наследия, вверенного нам Промыслом на хранение, в виде чистой православной истины. Познаем жизненный смысл этой истины и уяснив основную идею её, *идею примирения*, станем сознательными служителями и проводниками её как в жизни церковной миссионерской, в отношениях, так сказать, домашних личных, так и в области отношений общественных и международных. Тогда обретем мы в хранимом нами наследстве бесценный бисер Христа и явит миру, жаждущему мира, в грядущем веке Христа Примирителя гений Славянский!...

Владимир Терлецкий

Н., свящ. Возможен ли живой обмен религиозной мысли с мухаммеданами? // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 70–76

(Из письма священника-миссионера к епископу)

Дорожа Вашим просвещенным вниманием к моим слабосильным трудам на ниве Христовой, я с чувством искренней благодарности за Ваши отеческие, теплые строки спешу поделиться с Вами своими взглядами на любимый мною предмет – миссию. Поистине, для меня нет другого счастья на жизненной стези, как любовь и полное доверие ко мне пасомых и сочувствие высокопросвещенных лиц, умудренных по своей сугубой св. благодати в духовной жизни.

Я твердо верую в Провидение Божие и надеюсь, что все благие мои начинания раздвинут нависшую темь в этом заброшенном уголке России. Если при своей немощи я многого и не успею сделать, то по крайней мере посею сомнение в правоте Ислама среди коренных мухаммедан громадного аула; а тогда и получится точное исполнение слов Спасителя: «кто не против вас, тот за вас». У нас почему-то мухаммеданскую массу народа оставляют без внимания, позволяя тем им производить большой соблазн и большой успех среди младенствующих в вере инородцев своею пагубной пропагандой. Не вечно же будут пребывать в неведении о Спасительных подвигах Господа нашего Иисуса Христа и пренебрегать Духом Святым в таинствах св. Христовой Церкви мои прихожане. Хочется верить, что придет такое время, когда самые ярые фанатики будут встречать меня с искренней любовью на устах и в сердце, ведь гордый Рим преклонился же пред могуществом Христовой проповеди, почему того же не может произойти и здесь при помощи Божией?

Я вижу и убеждаюсь, что и у меня здесь инородцы много подвинулись к свету, о том свидетельствуют факты: те люди, которые злобно встречали меня, с пренебрежением отворачивались от моих слов, даже замышляли убить меня, теперь сами-же просят меня приходить к ним с книгами,

почитать им о Боге и побеседовать о жизни; прозвали меня «чынга хаклы» (мудрый в истине). Это меня очень радует и подает большие надежды в будущем. На днях я читал в доме отпавших о превосходстве христианства над мухаммеданством по кн: «мухаммат дененя караганда, Христос дене артык», или по-чувашски что тоже «пирен тан тене верентекен Иисус Христос Туррамар (Господь) урах тен каларакан, Мухаммедран калама та сук асза хаватла», – и наглядно убеждался, как по живым картинкам, какое действие производит живое слово проповедника на инородцев. Только ведь мы чего-то боимся выступать прямо с проповедью о Христе к людям не ведущим Писания, ни силы Божией, а хотим с высоты своего величия подойти к ним какими то обходными путями. Измышляется целая система просвещения инородцев, пишутся многотомные трактаты, а святое дело не подвинуто ни на пядь. В действительности дело обстоит очень просто: и то нужно делать и это не забывать, т. е. прекрасным проводником к просвещению инородцев может быть правильно организованная школа, конечно, при хороших руководителях, но это еще не значит, что живое слово пастыря на взрослых не может возыметь желанного успеха, умей пастырь только поставить себя, как того требует его высокое пастырское служение. Вот что создает отчасти раскол и отпадение от православия: наше отчуждение, изолированность, кичливость и надменная гордость по отношению пасомых. Стоит ли думать, чтобы священник был любимый прихожанами, когда в нём самом нет сочувствия и отзывчивости к положению прихожан.

Прежде нужно пересоздать нас самих, как говорится, провести чрез горнило испытаний, а тогда уже вверять нам попечение словесного стада Христова. Не о выездных рысаках священнику нужно заботиться и не выбирать приход со знатью, а идти куда укажет нам Провидение Божие и воля Архипастырская.

Простите меня, я, в увлечении своём, совершенно оставил главную тему моих суждений. И так, значит, я сижу и назидая народ от этого вечного источника жизни, глаголов Божиих; предо мною на столе лежат книги свящ. Писания: св. Евангелие на

арабском, татарском, чувашском и славяно-русском языках, Библия, назидательные брошюры на чувашском и татарском языках, «Чин. ден кнегеся» (истин. вер.) руководительные миссионерские книги и тут же с ними – лжеучение Мухаммеда «Коран» на арабском и русском языках для справок и чтения цитат в оригинале; рядом со мною сидят мои способные школяры – из старших, которые, по указанию моему, где нужно удостоверить слушателей в правдивости слов, читают по-чувашски и по-татарски, то из Евангелия цитату, то из св. истории еп. Агафодора какое-либо событие; всё это исполняется внятным и благозвучным голосом молодых чтецов, а сам я с большим усердием читаю по-татарски, с комментариями по-чувашски (я уже успел и в этом жаргоне) – «о превосходстве христианства пред мухаммеданством, еп. Викторина»; а где требуется пояснить несостоятельность Ислама, то рядом сидящие со мною по другую сторону ученые татары помогают мне отыскивать те места из Корана. Народ выслушивает внимательно, нет даже и тени раздражения или брани по моему адресу. Коснулись мы при чтении о происхождении, рождении, жизни, чудесах и проч., как Господа Иисуса Христа, так и лжепророка Мухаммеда, сделали беспристрастное сравнение и все присутствующие с покорностью согласились с моими аргументами. Правда, заспорили было мухаммедане и долго не соглашались со мною в одном, что Иисус Христос «кюб кодратляр кылган», т. е. много чудес творил, а Мухаммед «берь кодрят тя кыла алмаган», т. е. Мухаммед ни одного чуда не творил; для более осязательного договора, я удостоверил их Кораническими словами, где он сам говорит, что не может творить чудес: (Коран. 29 гл. 49 ст., 46 гл. 8 ст.). Когда мне, в экстазе, мухаммедане стали было перечислять измышленные ими самими чудеса Мухаммеда, я с кротостью их остановил такими словами: «Мохаммья денен тотыучылар ул кылган кодрятляр диб айтя торган кодрятляре гел жалган, беряугя дя пайдалы тоголь»... т. е. верующие в Мухаммеда сами навязали Мухаммеду чудеса бессмысленные, а пользы от них нет никакой. Ну какая, говорю, польза от разделения луны, вымышленного вами самими как бы в

насмешку над Мухаммедом; разговор камней, деревьев; или «слушайте, я говорю, – вам прочитаю еще о его чуде»: «бер табкыр пешергянкязя бяряне Мохаммат белян сойляшкян диляр», т. е. один раз вареная коза с Мухаммедом говорила.

Татары, не подозревая ничего к чему я клоню, с большим воодушевлением стали подтверждать прочитанное мною, говоря: «дорос жазганчи» (правильно написано), а чувашаи заливаются со смеху, повторяя в междометии: «ой сязпа», т. е. ой да правильно так. Наконец и татары стали полуулыбываться. Я спросил зачем они смеются, вероятно, нам и самим хочется сказать, что все его чудеса до глупости умные, даже смешные, не то, что Божественною силою совершаемые чудеса Господом Иисусом Христом на пользу страждущему народу, – каковы: «дауылларны туктаткан, кеше эченнан жиньярне кыуыб чыгарган, чирлезьярне тозяткян, улгяннярне тергезгян» и др. по-русски: ветры и бурю останавливал, изнутри людей бесов изгонял, больных исцелял, мертвых воскрешал и проч. В заключение своей беседы поются молитвы и читаются избранные псалмы. Пение молитв на чувашском языке производит сильное впечатление, в особенности на женщин; поются общеупотребительные молитвы: «Достойно», «Богородице», «Спаси Господи люди твоя» и т. д. Говоря о ветхозаветных жертвах, я указал места в Библии из пророчеств Даниила и Исаии: I, что прекратятся кровавые жертвы, когда Христос за всех принесет единую искупительную жертву, отдав добровольно себя на крестные страдания; II, что Господь говорит устами пророка Исаии: «не хочу крови тельца или овна»... а как говорит пророк Давид: «жертва Богу – сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит», – татары долго не могли со мною согласиться, что кровавые их жертвы в праздник «Курбан байрам» давно Богом отменены, или, по словам моим, заменены христианскими бескровными жертвами, возносимыми свящ. в таинстве евхаристии. Но все мои слова мало имели убедительной силы на черствые сердца исламатов. Для большего убеждения в бесполезности жертв мухаммеданских я вынужден был заметить татарам один афоризм: «вот какая польза от ваших жертв: – мулле-кожа, татарину обед, а душе

ничего нет»... – «Верно, так, говорят чуваши, мулле достаются целые воза кож, а от такого сытного обеда татары болеют»... Все закачали головами, со словами: «булно хитра, булно хитра»... Много, много бы можно Вам написать на эту тему, но я боюсь утомить Вас.

Я всяким случаем в жизни своих пасомых пользуюсь, дабы дать всему христианскую оболочку. Прослышав, что чуваши по погребении своих усопших устрояют в 3-й, 7-й, 40-й дни и т. д. нечто вроде «чука» (остатка язычества и влияния ислама), я своим влиянием направил этот добрый обычай в желательную для меня сторону. Теперь чуваши поняли всю пользу моих указаний и без батюшки не сядут и за приготовленный стол.

Я не вырываю с корнем, не посягаю на дорогие их традиции, а делаю это так, чтобы всё благообразно и по чину христианскому да бывало. Например: перед обедом совершу краткую литию по усопшем; прочитаю на чувашском языке избранные псалмы, благословляю сготовленные ими яства, отведаю сам малую толику и усажу чинно всех.

Когда чуваши кушают, всё время пред иконою горит свеча; я же громким голосом назидаю их чтением по-чувашски «о загробной жизни». Не знаю, такой благочестивый обычай практикуется-ли где нашими священниками; хотя бы в русских православных приходах, а наши раскольнические лжепопы уловляют в свои сети невинные души христиан этим преломлением хлеба.

Сегодня для сеяния слова Божия выдался самый благоприятный день: были похороны; читал в двух домах отпадших; а ночью посещал больных; троих приобщил св. тайн, сказал на чув. языке приличные назидания слишком 20 челов. оказал медицинскую помощь; от всех спасибо-исполать. Что-же удивительного? Наши татары стали обращаться ко мне за помощью. Мои проекты по открытию школы-приюта, кажется, начинают осуществляться, есть сочувствие со стороны христ. благотворителей. На днях с такою сердечною отзывчивостью ответил на мое письмо известный всем многоплодную христианскою благотворительностью отец протоиерей Иоанн Сергиев «Кронштадтский» пожертвовав на мои нужды храма

крупную сумму денег – 137 рублей. Хочется на деле оправдать мне доверие сочувствующих лиц, употребив с пользою жертву. Ожидаются на письма еще пожертвования, «не без добрых душ на свете». Когда-то что будет, а я пока на свои иждивения начинаю вербовать бесприютных детей. Не дальше как три тому недели, заявился ко мне из татар беднейший мальчик в рубище, почти полуногой и голодный, но с довольно осмысленным лицом; я его поместил в свою и без того тесную квартирку; омыли его, одели с ног до головы и мой мальчонка точно переродился. Куда девалась та пришибленность! Лице веселое, глаза сияющие отображают полное довольство своим положением. К обучению книжному он оказывает большое прилежание. На мне лежит святая обязанность направить его на истинный путь в дальнейшем обучении. Не благословит-ли Господь Бог мои начинания; не произрастит-ли Он это зерно горушное «школу-приют» в многоплодное дерево?! Как бы я был рад и воспрянул душою о Господе, когда бы увидел на здешних жителях благодатное действие силы Божией; когда-бы кровавые жертвы в «Кубак байрам», языческие кумирни, языческие очаги ушли-бы для здешних жителей в область предания. Да познают вси, что нет иного имени под небесем, разве имени Господа Иисуса Христа. Да воздадут славу, честь, благодарение, поклонение Единому Богу Триипостасному!

А между тем мухаммеданская пропаганда действует необыкновенно настойчиво и дерзко, и вместе хитро, точно капля точит камень. Всякий раз в доме чувашенина можно встретить кого-либо из татар, – это или гость или работник, по словам чуваш. По своей энергии татарского племени они легко подчиняют себе доверчивых чуваш: начинается с усвоения языка, перенимаются некоторые черты внешнего татарского быта, гладко стригутся волосы, переменяется костюм, усвоятся религиозные татарские понятия, и считай меня уже отреченным. Не легко приходится миссионеру бороться против напора такой массы мухаммедан.

Один татарский язык, без применения его на деле мало окажет пользы. Для святого миссионерского дела нужна благородная душа, и пройти миссионерское крещение. Если

покойной памяти, великий труженик Ильминский и возлагал большие надежды на воспитанников своей школы, то ведь он и старался особенным образом привить им любовь к св. делу просвещения инородцев. Памятны и теперь для меня, как его питомца, лекции его по педагогике, в которых, что не пример из жизни, то хоть целиком вставляй в священные библейские события; речь его отличалась сколько-же теплотой, столько-же религиозною верою в Бога. Я счастлив, что учился у таких талантов по вере, если позволительно так выразиться. Тому, кто хочет проникнуть в глубину человеческого сердца и научиться управлять им, не нужны наши лекции и лаборатории, а он должен приучиться и уметь войти в жизнь всякого, спуститься до их уровня развития, проникнуть в сердечные тайники индивидуума.

А кому это свойственно сделать?

«Тому, чьи мысли не подкупны;

Чьи целомудренны мечты;

Кто дел своих ценою злата

Не взвешивал, не продавал;

Не ухищрялся против брата

И на врага не клеветал;

Но верой в Бога укреплялся,

И сердцем чистым и живым

Ему со страхом поклонялся;

С любовью плакал перед Ним»...

А таковым опять-таки только может быть пастырь церкви по призванию. Не принесут нам желанной пользы в св. деле ни язык, ни школа, стоящая по-своему, веками выработанному, положению как бы в стороне от действительной религиозной жизни народа, если деятели её не будут согреты святыми идеями совне.

**Ивановский Н. Восьмой день по крещении в
обществе бегунов // Миссионерское обозрение. 1901.
№ 1. С. 76–79**

(Рассказ обратившейся Елизаветы Беляковой)

В «Миссионерском Обозрении» (октябрь 1899 г.) мною рассказано о крещении у бегунов. Теперь я хочу рассказать, что совершается у них в 8-й по крещении день. Я буду рассказывать о том, что было со мною.

Означенный день падал на 9-е число ноября, в который празднуется память преподобной Евстолии. Семь дней я должна была ходить в белой одежде, которая была надета на меня по выходе из купели, и в это время не должна была умываться. В 8-й день нужно было омыть меня по особому обряду и переодеть во всё черное. Это переодевание составляет нечто в роде пострижения в монашество.

Пред наступлением означенного дня все мы, т. е. жившие со мною в одной келье, получили от настоятеля приказание явиться к вечерне в соборную келью, которая находилась тогда.

Моя воспитательница Екатерина, дочь Николая (в бегунстве Кирилла) Аполлонова,⁴² и крестная Серафима поставлены были в некоторое затруднение, как быть со мной. Дело в том, что новокрещенным нельзя отнюдь находиться на открытом воздухе. Такое убеждение основывалось на словах Евангелия, где сказано, как нечистый дух бродит по земле, ища места и как бы он не нашел его себе на новокрещенном и не искусил его чем-либо. Поэтому они решили посадить меня в саночки, завернув в теплое одеяло, и закрыть наглухо шалью. Везти же меня снарядили двух послушниц, строго наказав им раскрыть меня уже тогда, когда внесут в комнату.

В следующий день утром совершили утреню, а потом пели молебен. Я была поставлена у аналоя на скамеечку и читала каноны Ангелу Хранителю и преподобной Евстолии. Народу было много, так как в таких случаях, когда праздновали 8-й день новокрещенных, или их первые именины, непременно

собирались из всех келий, даже и из мужских. Много приходило народу и из мирских, т. е. неперекрещенных.

По окончании молебна все поздравляли меня с ангелом, как и при крещении, и дарили разные подарки; я благодарила всех, кто дарил, земными поклонами. После этого все сели за обед, во время которого я читала житие преп. Евстолии.

После обеда начался обряд моего переодевания из белого во всё черное. Зажгли свечи и лампы у всех икон. Крестная и самая старшая игуменья подвели меня к настоятелю (С. О.) и просили благословения положить начал для омовения рабы Божией Евстолии. Настоятель отвечал: «Бог благословит». Все мы вместе и положили начал пред иконами. Затем, поклонившись настоятелю, и всем присутствовавшим на четыре стороны, мы удалились в другую, уединенную комнату. Здесь крестная с игуменьей окатили меня теплой водой и, одев в черное платье, повели обратно. Одевание надели на меня всё черное и голову покрыли черным платком. Теперь, в 6–7 лет я стала совсем черничкой.

Как только показались мы в дверях комнаты, где был народ, все присутствовавшие «христиане», т. е. перекрещенные запели псалом: «Благослови. душе моя, Господа». Настоятель Савва Онисимов, подошел ко мне с иконою и благословил. Крестная с игуменьей тоже взяли по иконе и благословили меня. Потом креститель мой покадил меня три раза и тоже благословил иконою. Ко всем этим иконам я прикладывалась и они потом остались моей принадлежностью. Где они теперь, я не знаю; бегуны, в день моего обнаружения полицией, увезли их из моей кельи и скрыли, неизвестно где. Теперь их уже не разыщешь, а если и узнаешь, где, так не возьмешь, потому что принадлежность их мне не докажешь.

Когда пение смолкло, мы опять положили начал, поклонились в землю настоятелю и встали пред ним в ожидании. Савва Онисимов подошел ко мне и, положив руку на мою голову, начал говорить речь, приблизительно такую: «Братие, вот мы видим, пред нами стоит новорожденное Божие дитя, о котором церковь болела и будет болеть до тех пор, как вообразится Христос в этой маленькой христианке, т. е. когда

она достигнет в меру возраста исполнения Христова, а исконный враг наш не дремлет» и так далее говорил, чего теперь не упомяну. После этого начал говорить о том, как я должна держать себя, помня каждую секунду, что я уже христианка и поступать по этому званию: во-первых, должна держаться твердо своей веры и не оскверняться никонианством и другими ересями. (Как хорошо, думается мне теперь, приложить бы всё это к истинному православию!); во-вторых, поститься, молиться, говорить пред старшими всегда правду.⁴³ (Лгать можно только пред полицией, когда и ложь бывает во спасение для сохранения веры и своей братии),⁴⁴ соблюдать беспрекословное послушание. Затем С. О. обратился с речью к моей восприемнице и к воспитательнице, говоря им, что они обязаны ответ отдать пред Богом за душу, вверенную их попечению.

В продолжение этих речей я стояла пред настоятелем с наклоненной головой и с опущенными глазами, скрестя руки на груди, каждое его слово точно врезывалось в моей памяти раз навсегда.

Когда кончил он говорить, все, обратившись к иконам, поклонились трижды и, погасив свечи и лампы, начали расходиться.

Так я стала монашенкой, хотя и без особых обетов. Теперь я могла уже быть и на открытом воздухе и в виду близкого расстояния в келью свою мы пошли пешком. Долго я потом находилась под влиянием впечатления этого дня. О, счастливые минуты моего детства!...⁴⁵ Где вы?... Прошли безвозвратно... Впрочем, теперь в училище, по явленной мне милости Божией, я чувствую себя прекрасно; хотя сначала и трудно было привыкать, но еще труднее будет расставаться. Печальна бываю лишь тогда, когда своею опрометчивостью причину огорчение начальнице и другим моим благодетелям.⁴⁶

Не долго после описанного обстоятельства пришлось мне оставаться в Казани, в Ягодной слободе. Стали поговаривать о том, чтобы увезти меня в другие места ради странствования и действительно увезли на первый раз в деревню Бирляково, Казанского уезда, где и поселили так же в келье. С этого

времени начинается моя скитальческая жизнь, продолжавшаяся более 10 лет, исполненная многих приключений, о которой намерена рассказывать далее, хотя, вероятно, не скоро, потому что теперь учиться нужно.

Сообщил профессор *Н. Ивановский*

**Вельский В. Современные пропагандисты раскола
// Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 80–84**

Лет сорок тому назад, в посад Мелекесу, Ставропольского уезда, Самарской губ., пришел в рубище и лаптях мужичок – раскольник Федосеевского толка Григорий Маркович Марков с родною своею сестрою Авдотьею Марковной, впоследствии раскольничьей наставницей. Пришли они в Мелекес, как сказано, наги и босы.

«Но сорок лет минуло времени...

И в кармане у них миллион».

Буквально сбылись над ними эти слова народного поэта. До них почти неведомая здесь безпоповщина, вследствие их усилий, за этот период времени, совершенно подавила православие в Мелекесе и его окрестностях, сама же расцвела пышным цветом,⁴⁷ затмила собою все остальные раскольничьи секты в Самарской губ. (австрийского согласия поповцы, скопцы, хлысты или белые голуби, они же здесь называются майданами, – других сект я не встречал в Самарской губ.) и до сих пор открыто процветает в Мелекесе.

Одни учителя и основатели вер и сект привлекают к своей вере своим умом высоким и даром убеждения, горячею проповедью своего учения. Другие покоряют сердца своими добродетелями, любовью, милосердием. Третьи, наконец, собирают последователей страданиями и смертью за свою веру.

Но в данном случае ничего подобного не было, и на вопрос: каким способом Марковский толк приобрел тысячи ревностных поклонников и одолел православие в Мелекесе? – как простые православные, так и чиновники, и мелекесские – соборяне, и посторонние наблюдатели дают один ответ: посредством кабака.

Придя в мелекесские палестины и поселившись там, Григорий Маркович и его достойная сестрица первым делом завели там кабак, а при кабаке «теплушку». Эта теплушка, то есть теплая келейка с лежанкой, где царила Авдотья Марковна,

и была ячейкой народившегося изуверского раскола. В то время, как в кабаке братец сбывал православному народу водку с водицей, сестрица «улещала» тот же народ в свою секту. И дело у них пошло сразу очень ходко, кабаки росли, как грибы, и скоро покрыли густой сетью весь Ставропольский уезд, захватив и соседние уезды. А вместе с кабаками Марковых росла и распространялась марковская раскольничья секта, росло и могущество, и богатство их.

Край был полудикий, народ был темный, земская полиция была Марковыми подкуплена, Мелекесское городское общественное управление всецело находилось в их руках, а губернских самарских чиновников они умели угощать обедами. Всё благоприятствовало расколу.

В скором времени при Авдотье Марковне образовалось нечто на подобие монастыря, двора или свиты; именно целый штат черничек, уставщиц, чтиц и певиц при богослужениях в молельнях, молодых и старых, не выходящих замуж, но и не девиц, так как многие из них рожают детей. Число черничек одни из наблюдателей определяют до ста человек, другие больше. Это самые усердные поклонницы Авдотьи Марковны. По рассказам, все эти поклонницы отдают своей наставнице все свои капиталы и всё имущество, а она в свою очередь отпускает им перед смертью их грехи, будто бы даже по письменным индульгенциям. Капитал, скопившийся таким образом у Авдотьи Марковны, простирается, по словам мелекесских обывателей, до огромной суммы – в несколько сот тысяч рублей. Во время постигавших марковский толк в Мелекесе разных испытаний, как например, когда расколооснователя Григория Марковича осудили с лишением прав в тюрьму за мошенничество, или когда сына его, мелекесского городского голову, судили в Самаре за злостное банкротство, также во время борьбы марковского толка с соборным старостой Таратиным и доктором Сироткиным, ради усиленных молений об избавлении сектантов от «аспида и василиска», как величают приверженцы марковского толка упомянутых ревнителей православия в Мелекесе, – Авдотья

Марковна жаловала своим черничкам каждой по черному платью и по большому черному платку с крапинками.

Рассказывать всю историю усиления марковского толк в Самарской губ. не интересно. Мы здесь передадим лишь о трех знаменательных событиях из этой истории: – о захвате раскольниками в свои руки городского мелекесского управления, о борьбе с этой вредной сектой бывшего самарского епископа, ныне московского митрополита, Владимира и о последней борьбе православия с марковским толком.

Умные вожди и расколоучители марковского толка скоро поняли, как полезно будет им захватить в свои руки посадское управление в Мелекесе, для целей пропаганды своей секты. В то время, т. е. приблизительно в 70 годах, основатель секты Григорий Маркович уже так разбогател от кабаков, что понастроил себе и детям, в искусстве спаивания народа превзошедшим даже своего богомольного папашу, роскошные дома в Мелекесе, захватив себе лучшие городские земли, купил несколько имений, завел три винокуренных завода, паровую мельницу. При таких средствах ему не потребовалось много труда, чтобы из посадской думы Мелекеса искоренить всякую оппозицию, набить её своими приказчиками и единоверцами своей секты, а самому сделаться посадским головой. С тех пор и до сего времени Мелекес уже не выходит из подчинения Марковым, и место посадского головы переходило от отца, когда его упрятали в острог за мошенничество, к его старшему сыну, а когда и этого предали суду за злостное банкротство, то к его брату, и т. д. Житье православным в Мелекесе стало плохое от притеснений раскольников. Одно время дошло до того, – жаловались мне местные православные, – что никакой управы и суда не было на раскольников. А вожди их Марковы дошли до такой смелости, что от имени посадского общественного управления пытались ходатайствовать у правительства о высылке из посада административным порядком полезнейшего человека в Мелекесе, доктора Сироткина, даром или почти даром лечащего всё бедное мелекесское население, но не мирящегося с самоуправством и эксплуатацией раскольниковых

главарей. Но на этот раз низкое дело провалилось, так как решение его зависело не от самарского, а от высшего Петербургского начальства. Но влияние и власть раскольниковых главарей усиливались день ото дня. В 1881 году православное население Мелекеса задумало соорудить в своём городе новую каменную церковь. Стали собирать пожертвования. Но раскольники, чтобы сначала затормозить, а потом погубить и насмеяться над этим святым делом, забрали в своё заведование постройку православной церкви. Это невероятно, но это факт, который сейчас будет подтвержден документально. Была образована для постройки этой церкви комиссия, под председательством раскольника Маркова, с участием его брата, тоже раскольника, и стала заготавливать кирпич на церковь. Но каково же было негодование и отчаяние православных, когда они увидели своими глазами, что строители-раскольники только издеваются над православием и из церковного кирпича строят не церковь, а сначала Марковы построили себе из него великолепные конюшни, потом церковный кирпич отдали на постройку кабака, а затем из него же стали строить раскольничью молельню марковского толка... К этому же времени относится совращение Авдотьей Марковной и другими в свою секту одной богатой православной мелекесской купчихи из старинного рода Бурковых, искони отличавшихся преданностью православию, строителей церквей и монастырей, – в самом Мелекесе построивших православную церковь. Совращенная Буркова покинула семью и душой, и телом предалась Авдотье Марковне и её секте.

От таких ударов православное население Мелекеса пришло в ужас и все, оставшиеся в Мелекесе чистыми и верными своей Матери Церкви, сгруппировались, чтобы дать отпор изуверской секте вокруг двух самых популярных людей в Мелекесе, – соборного старосты Таратина Алексея Андреевича и вольнопрактикующего врача Сироткина Владимира Гавриловича. Первый из них, волжский пароходчик и фабрикант, владелец огромной вальцовой паровой мельницы и один из главных участников мелекесской льнопрядильно-ткацкой мануфактуры, уже довольно пожилой человек, вышедший из

простого народа, известен во всем Самарском крае, как смелый и талантливый предприниматель в области промышленности. Он первый устроил в крае вальцовую мельницу и завел дотоле неизвестное здесь фабричное льнопрядильное производство и выделывание льняной мешочной ткани и из неё мешков, для конкуренции с иностранным джутом. В промышленности мелекесские миллионеры-раскольники, следовали за Таратиным, как рабы, и подражали ему, как обезьяны, заводя себе такие же мельницы и фабрики, стараясь не безуспешно присвоить себе и его заслуги в этой области. Но истинных заслуг нельзя утаить и о полезнейшей для всего края промышленной деятельности г. Таратина в последнее время заговорила как Самарская, так и столичная печать.

Доктор Сироткин в Мелекесе человек более скромный, но не менее почтенный и достойный. Не занимая никакого ни казенного, ни земского места, и не пользуясь общественным пирогом, он довольствуется частной практикой, завел в посаде на свой счет лечебницу и глазную амбулаторию, где лечит почти даром и тем оказывает огромную услугу, как всему населению Ставропольского уезда, где страшно распространены трахома и сифилис, так и уездному земству. Только эти два человека, Таратин и Сироткин, во всем Ставропольском уезде не боялись мелекесских раскольничьих магнатов и открыто возмущались воздвигнутым раскольниками гонением на православие. К Таратину и Сироткину и бросилось за защитой православное население Мелекеса, видя такие безобразия, как постройку из собранного на храм Божий кирпича конюшен, кабака и раскольничьей молельни. Началась борьба. На мелекесских соборян эти защитники православных совсем не могли рассчитывать, потому что, благодаря косности и попустительству местных соборян, марковский толк и получил такую силу и широкое распространение в Мелекесе и во всём уезде. По-видимому, соборяне, с благочинным во главе, лицемерно закрывали глаза на все безобразия, происходившие в их присутствии, в деле постройки кабака и конюшни, вместо православной церкви, и смиренно притворялись глухими и немыми.

(Окончание следует).
В. Вельский

Скворцов В. II. Со скрижалей сердца //
Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 85–99

(Из миссионерских дум, наблюдений и воспоминаний)

Являеми, яко написано не чернилами, но **на скрижалях сердца** плотяных (2Кор.3:13).

Минул год, а с ним и век, наступило новолетие, принесшее человечеству новое столетие, – 20 от Рождества Бога Слова, 75 – от сотворения мира. Тебе, *Царю веков, Единому Премудрому Богу честь и слава во веки веков (1Тим.1:17)*, даровавшему нам новое лето Своей благодати для жизни во спасение! Да будут – *правда, мир и радость о Дусе Святе (Рим.14:16)*, благодатное обновление во Христе заветным счастьем, а спасение, – искание и достижение Царствия Божия – *первейшею* задачею нашей, дорогие читатели, жизни в новом лете и веке! *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, прочее же всё приложится вам (Мф.6:33)*, по неложному обетованию Самого Христа Спасителя!...

Обычным, излюбленным благожеланием и у сынов века, и у сынов света было и есть «будьте здоровы»; даже в церковном многолетствовании – здравие, долгоденствие поставлены на первом плане и уже после спасение... Что это значит? Теплохладность к делу спасения и впечатлительность в отношении этого блага жизни! А ведь спасение-то и есть единственное на потребу... Да, жизнелюбие для мира, лежащего во зле, и забвение единого на потребу возобладали всеми нами в истекшем году... *Не любите мира, ни того, что в мире*, памятуя, что, если кто любит мир, нет в том любви отчей (1Ин.2:15)! Ведь, переживая священное мгновение перехода от одного века к другому, вы, читатель, задумывались, что такое жизнь наша здесь и её скоропреходящие блага в сравнении с тем будущим вечным миром?

«Мы теряем лета наши, как звук. Дней лет наших *семьдесят лет*, а при большей крепости *восемьдесят лет*, и самая лучшая пора их – *труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим*» (Пс.89:9–10). «Дни человека, как трава; как цвет

полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс.102:15–16).

«Пред очами же Божиими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел. Как наводнением уносятся они в бездну всепоглощающего времени; как сон исчезают они; как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает (Пс.89:5–6). Вот что вещает нам Слово Божие!...

Будем же, отцы и братие, благодаряще за новую благодать и дорожа новым временем, как Божиим даром, жить и трудиться для спасения, но не себя только, а и ближних наших, – наипаче же сидящих во тьме заблуждений, ведь избавление грешника от пути заблуждения (Иак.5:20) не только спасает душу его – заблудшего во Христе брата, но и соделывает ту, лучшую в сей юдоли плача, неземную радость в душе спасающего, какою радуются св. ангелы, небесные хранители наши, о каждом кающемся грешнике.

* * *

Как прекрасен обычай, оставленный прошедшим веком в наследие новому, встречать новый год в храмах Божиих тихою светлорадостною общецерковною молитвою благодарения за вся благая и красная прошлого и молитвою прошения о счастье неведомого будущего! Как ад от рая разнствуется, такая разница картин и впечатлений от обычной встречи нового года где-либо среди первой незнакомой толпы, в клубах, ресторанах или в лицемерно гостеприимных светских гостиных, под гром литавр и хлопанье пробок шампанского, в чаду страстей, в угаре всякого дыма, – и от необычной еще встречи нового года в св. храмах, под тихое мелодичное пение церковных молитв, среди благовоний фимиама, в кругу духовно и физически трезвых сестер и братьев о Господе, едиными усты и едиными с вами сердцами возносящих Господу Богу, в этот священный момент жизни каждого, умиловительную жертву молитвенную за грехи истекшего года и воссылающих моления к Творцу веков о новогоднем счастье... В бессильном стремлении приподнять завесу грядущего будущего, на Господа Всемогущего вы возверзаете здесь свои упования, и обремененная многими

заботами душа ваша в молитве облегчается радостною верою в непреложность слов Господа, сказавшего *просите и дастся!*... Благочестивый обычай служения в храмах в полунощный час новогоднего молебствия стал входить в церковную жизнь очень недавно и всё шире и шире распространяется по градам Руси святой.

Дай Бог, чтобы в новом веке он сделался обдержным церковным обычаем по всем градам и селам. В нынешнем году в Москве совершал новогодний полунощный молебен в Кремле в Успенском соборе сам Владыка митрополит и по обычаю произнес глубоко назидательное трогательное слово. В нашей столице также во многих храмах соборных и приходских были совершены в 12 ч. ночи молебствия и произнесены слова и поучения. Какой удобный момент для сеяния слова Божия! В Киеве был молебен в новом Владимирском соборе. Везде народ не только церкви наполнял, но и живую стеною облегал храмы извне. Правда, больше чернь, а не благородные сыны Церкви спешат под сень храма встречать новый год... О, русский благочестивый народ ты темен, говорят, – но как за то и впечатлителен, как ты чуток к сиянию Христова света!? Хвала тебе!!

Да, наш русский православный народ во все века жизни христианской Руси был истинным «христоносцем», – по выражению Достоевского, – непоколебимым оплотом родного православия, остается он и теперь, стоя у порога XX века, лучшею, светлою надеждою отечественной Церкви, не смотря на то, что истекший XIX век, так много сделавший для материальных благ, – для *телесной*, земной жизни человечества вообще, а для нашего русского народа в частности, *так мало* дал собственно душе христианских народов.

А что же именно дал век минувший человечеству? Вот вопрос, о котором хотелось бы ныне, в знаменательный момент перехода из одного века в другой, и подумать, и побеседовать с вами, дорогие друзья-читатели. Много разных мнений и соображений написано по этому вопросу на столбцах и страницах новогодних № № и книжек периодической нашей

прессы светской и духовной. Мы отметим здесь, что наиболее напечатлелось на скрижалях нашего сердца из всего прочитанного, продуманного

В области познания природы и практического применения наук и искусств к удовлетворению необходимых для телесной жизни человечества потребностей, XIX век дал колоссальные приобретения, которые совершенно изменили условия человеческой жизни. Пути сообщения и средства сношений, способы производства и потребления испытали такой глубокий переворот, какого не знала ни одна предшествующая эпоха. Власть человека над природой возросла до поразительных размеров: новые могущественные силы пара, электричества, химии, биологии – всё это служит прочным залогом дальнейших успехов и побед человечества. В XX век человек вступает, как властелин титанических сил, как воистину Царь природы видимой, – «малым чем умаленный от ангелов», увенчанный славой и честью великих дел и гениальных открытий. Этому могучему владыке, по-видимому, предстоит пышный расцвет материального благосостояния в новом веке, так как завоевания в области точных наук и практических искусств суть завоевания вечные, которые не только не могут быть отняты, но влекут за собой каждый день всё новые и новые приобретения.

«Но не о хлебе едином жив будет человек». История свидетельствует, что древние цветущие культуры востока и классического мира гибли не от материального недостатка – не от голода, холода или заразных болезней. Они прекращали свой рост, а затем загнивали и гибли от болезней духа. Греция и Рим пережили свой культ и свои общественные и политические идеалы, утратили внутренние стимулы жизни и пали не под ударами варваров, а вследствие собственной нищеты духовной, – нравственной пустоты и бессилия.

Не грозит-ли с этой стороны в XX в. опасность человечеству и в частности нашему дорогому отечеству и не оставил-ли XIX век тяжких духовных религиозных и социальных болезней своему преемнику? Да, в области новых духовных идеалов и мирозерцании прошлый век нужно признать бедным и бедственным, или вернее *бедоносным*. В области религии, не

забудем, XIX век родил разрушительные для веры анти-христианские теории: у немцев – Штрауса, у французов – Ренана, у нас – гр. Л. Толстого.

На запросы, разосланные многим известным у нас и за границей умам Редакцией «Русского Листка», что самое худшее усматривается в XIX в., Кардинал Рамполла, статс-секретарь папы Льва XIII, справедливо ответил, что «*антихристианское направление, которое, как веяние философских идей, прошло через весь век*», посягнуло даже на божественное происхождение Христа, низвергнув крест и исключив Бога из учебных заведений, законов и тех учреждений, где Он должен быть главным основанием. Зловредный человек – Штраус; он, отвергнув идею божественного происхождения Христа, поколебал основы общества, которое зиждется на божественном учении... *Самыми лучшими* для XX в. пожеланиями кардинал Рамполла считает «торжество идеи всеобщего мира, великая и гуманная попытка к чему сделана уже русским Императором, торжество христианства». При этом представитель папизма находит, что «условия, при которых мы вступаем в XX век, позволяют возлагать надежду на обновление общества и на возвращение его к религии. *«Христианство выйдет победоносным из всех испытаний, все христиане сольются во одну семью и будет един пастырь и едино стадо»*».

Несомненно статс-секретарь папы надеется на единение христианства в XX в. «под главенством папы», – но, при этом условии, тщетна надежда на победоносность христианства...

Во всяком случае миссия духовного обновления человечества в христианстве будет принадлежать не одряхлевшему католицизму, который в XIX в. дошел до последней степени церковного падения, в догмате папы Пия XIX – о непогрешимости главы Римской церкви и с социалистических энцикликах папы Льва XIII... На самом деле, разве это не знамение времени, не декадентство христианства *fin de siècle*: христианский первосвященник подает руку социализму, как его апологет и союзник! Нет, чаяния мира на обновление во Христе могут покоиться только на *истинной*

религии мира и любви, – на восточной православной Церкви, знающей и хранящей одну только миссию – искание на земле духовного небесного господства, а не мирского эгоистического властвования...

* * *

Мрачно характеризуют духовную жизнь истекшего века и наши отечественные представители Церкви. В новогодней своей речи о. Иоанн Кронштадтский говорит:

«Празднуем новый год и благодарим Создателя тварей и Творца времен за дарование нового года, – но обновились ли наши души; сбросили ли мы со своей души греховное, смрадное рубище бесчисленных страстей; отлагаем ли нашего ветхого человека, «истлевающего в обольстительных похотях» (Еф.4:22) – и готовящего нам вечное разлучение от Бога и Ангелов: «ибо какое общение света со тьмою, правды с беззаконием, – верному с неверным, Христу с велиаром» (2Кор.6:15)?

Если судить о мире по делам мира, – то невольно приходишь к заключению, что и люди, и мир идут быстро к нравственному разложению и спешат к концу. Эти бесчисленные секты и расколы, это беспорядочное шатание лжеучителей и лжеучений, это безумное противление словом и писанием Церкви Божией и учению Христову, – это крайнее умножение всяких пороков и свержение с себя всякой узды Закона Божия; – эти разбойнические, упорные войны, – ясно свидетельствуют, что люди лишились разума христианского и духа Христова и в слепоте своей вольной не знают куда идут и к чему придут. Но на небе есть Всевидящее, страшное Око, вникающее во все дела и помышления людей и правителей их и судящее правыми мерами всей вселенной (Пс.9:9). Заклучу слово Евангельским пророческим словом св. Иоанна Предтечи Господня: «лопата в руке Его (Христа), и Он очистит гумно Своё (мир), и соберет пшеницу в житницу Свою (царствие небесное), а солому сожжет огнем неугасаемым» (Лк.3:17).

Вы, читатель, конечно обратили внимание также на замечательную характеристику печального состояния нашей духовной современности, сделанную в конце истекшего года

знаменитым маститым иерархом нашей церкви, архиепископом Амвросием в своей последней речи: «о причинах чрезвычайного распространения пороков и преступлений в современном христианском мире». Вот сущность обвинения духовной стороны истекшего века.

«Так ясно для всех глубокое и всеобщее растление и развращение современных христианских народов, особенно в высших и образованных сословиях их, стоящих во главе народов и своими ложными воззрениями, убеждениями и примерами увлекающих их на путь неверия и пороков. Нужно ли подробно говорить о них? Все заблуждения и пороки нашего века так нам известны из современной жизни христианских народов и у нас перед глазами в отечестве нашем, усердно перенимающем всё дурное у иноземцев. Всюду с необычайной быстротой распространяется в народах неверие и отрицание бытия Божия, души человеческой и вечной её жизни, а вера в Бога истинного заменяется боготворением материи и служением плоти. В нравственной жизни усиливаются отрицание власти родительской и правительственной, цареубийства, бунты, возмущения против богатых, стремление уничтожить право собственности, нарушение супружеских союзов и необузданное сладострастие, страсть к роскоши и плотским наслаждениям, и ради их, подлоги, кражи, убийства и пр. Нет во всемирной истории такого века, в котором бы мы нашли между христианами такое открытое пренебрежение к добродетели, и такое бесстрашие по отношению к порокам и преступлениям. И всё это видим во время не только называемое христианским, но и просвещеннейшим, гордящимся процветанием наук и искусств. Отчего это? Какая сила отторгает христиан нашего времени от веры в живого истинного Бога и от нравственной жизни, заповеданной нам Христом, Спасителем нашим, которою предшествовавшие поколения так были сильны и так преуспевали в истинном духовном просвещении? Где причины этого страшного и губительного поворота в жизни христианских народов, за которым, как Божие наказание, последовало постигшее нас несчастье? Попытаемся по силам нашим раскрыть эти причины.

Все благонамеренные христианские мыслители согласны в том, I. что главная причина распространения неверия и пороков в наше время есть неограниченная свобода мышления и суждения о высших предметах знания и жизни, которую ныне каждый считает своим правом, не признавая никакого авторитета – ни божественного, ни человеческого. Эта свобода, не огражденная уважением к авторитету и не упорядоченная христианским воспитанием, широко открывает двери души человеческой для всякого лжеучения, навета или клеветы на истину и соблазна. «Что хочу, то и принимаю; что мне не нравится, то и отвергаю; никто указывать мне не в праве», – вот девиз современных, особенно молодых мыслителей. Поэтому нам нужно прежде всего рассмотреть границы, которые полагает этой свободе слово Божие. II. Вторая причина, – происходящее отсюда общее и крайнее превозношение ума человеческого, уклонившегося ныне в новый, невиданный род идолопоклонства, который, по внешнему виду, отличается от идолопоклонства древнего образованного языческого мира, но который в сущности оказывает то же развращающее влияние на жизнь современного человечества. Наконец, сюда относятся III. меры, принимаемые ныне образованными людьми, по-видимому, благонамеренные и назначаемые для противодействия развращению народов, но оказывающиеся на деле не только бесплодными, но, к удивлению нашему, вредными и содействующими размножению неверия и пороков».

* * *

Для полноты ответа на поставленный нами в начале беседы вопрос о том, что для жизни души дал нам истекший век, мы считаем небезынтересным привести здесь следующий, чрезвычайно яркий отзыв одного светского человека «о современном духовном настроении на Западе и у нас».

«Близкое знакомство с Западом привело меня к убеждению что он большими шагами идет к неизбежной анархии, что это не зависит от случайных, неблагоприятных обстоятельств, которые могут быть изменены, а логично вытекает из самых основ современной Западно-Европейской культуры, от которых

отравленное ими человечество не откажется раньше, чем скорбным опытом изведает всю силу их зловредности.

Главная из этих основ *индивидуализм*, возведенный в главенствующий принцип, в неотъемлемое право человека. Второстепенные догматы, логично вытекающие из этого верховного догмата: 1) Неотъемлемое право всякого человека на всестороннее развитие своей индивидуальности и широкое проявление, *независимо от нравственного достоинства самой индивидуальности* и требований общего блага, 2) Неограниченная свобода индивидуальности в смысле неограниченного своеволия.

Это и есть истинный *демонизм*, гораздо более опасный, чем тот грубый демонизм, который выражается в служении обедни сатане и в официальном подготовке антихриста небольшою сектою изуверов во Франции и Англии. Этот бессознательный демонизм насчитывает миллионы последователей, возводящих в принцип *эгоизм и своеволие*, признавая их неотъемлемыми правами человека, во имя их отрицая *всякую религию, всякую нравственность, всякий порядок, всякую организацию*. Этот бессознательный демонизм древен как мир, который «весь во зле лежит». Первым индивидуалистом был Сатана, провозгласивший своё право на безграничную свободу индивидуальности, ради неё нарушив единение мира и любви, ради неё изменив Богу и Великому Братству Царства Его.

Быстрые успехи в области наук и прикладных знаний до того отуманили ума и сердца, по гордости и злобе грешного человечества, что оно почти поголовно страдает маниею величия, воображает себя Богом, Творцом, Спасителем и Утешителем. Именно это настроение и выразилось в догмате свободы индивидуальности, который и налагает печать свою на всю современную культуру и воспринимается бессознательно миллионами людей, как необходимая принадлежность истинной культуры и истинной интеллигентности.

Ближайшими последствиями демонического культа безграничной свободы индивидуальности в области мысли является *атеизм, проповедь безверия и безнравственности, осмеяние всякого авторитета и всякой организации*,

порушение всякой святыни, всего возвышенного, вытравление высоких чувств любви, смирения, благоговения. Всё это признается предрассудками, мешающими широкому проявлению свободной индивидуальности.

Ближайшими последствиями его в области практической жизни является, по сознанию одного из умнейших представителей современной Франции, «Распыленность человечества, ставшего *ни на что негодною индивидуальною пылью*», для которой тягостны и ненавистны всякая организация, всякое соглашение, всякий порядок. Отсюда неизбежность бесконечной, ожесточенной, грубой борьбы свободных индивидуальностей, вооруженный мир не только в области международной, но и во внутренней жизни государства, в области социальной, даже в семейном быту. Атеизм лишает практической возможности найти какие-либо объединяющие начала, *индивидуализм* отнимает всякую практическую возможность самоограничения, свобода, понимаемая *в смысле своеволия*, делает практически невозможными всякую организацию, всякий порядок. Марксизм, как его теперь понимают, Нитцшенианство, Ибсен в литературе – особенно яркие проявления этого духа времени, всё разрушающего ради свободы индивидуальности и ничего не способного создать из верности тому же принципу. Под влиянием этого духа времени все ограниченные монархии, неизбежно, в более или менее отдаленном будущем, обратятся в демократические республики, а эти последних в анархию».

«О современном положении в России, автор отзывается так:

Россия государство православное и самодержавное, но многие явления внутренней жизни её находятся в полном⁴⁸ противоречии с этими двумя принципами. Строй жизни семейной, общественной и трудовой далеко недостаточен согласован с верою и стройно организован на её верховном законе, царственном законе о любви к Богу и нелицемерного братолюбия.

Нет достаточно церковного самосознания, что и выражается в крайней шаткости веры, умов и сердец. Слишком

многие православные люди не достаточно понимают, в Кого веруют, веруют более по рутине, нежели сознательно, совершенно не понимают нравственной ответственности мирян в жизни Церкви, считают одно духовенство за Церковь, за ним одним признают права и обязанности в деле устройства жизни церковной, одно духовенство делая за всё ответственным.

Нет и достаточно государственного самосознания. Слишком много у Самодержца Всероссийского подданных, не сознающих громадное и благотворное значение Самодержавия *Божиею Милостию*, отчего и в этой области не менее, чем в области религиозной, проявляется шаткости умов и сердец от высших классов и до низших, как в деле управления страной, так и в деле созидания жизни управляемыми.

В практике жизни церковной эта шаткость выражается в сознательном и бессознательном, явном и тайном отступничестве от истинного Православия. Слишком много представителей интеллигенции оказались неспособными устоять против атеизма, индивидуализма и прочих антиправославных основ Западно-Европейской культуры. Другие, как Гр. Толстой и Пашков, исходя из религиозных побуждений, проявляют изумительное непонимание Православия и значения Церкви, изменяя им, один ради религиозной анархии, другой ради религиозного рационализма. Слишком многие представители простого русского народа оказались неспособными устоять против соблазна сектантства и изменили Церкви, вместо того, чтобы на лоне её стремиться к лучшему.

В практике жизни государственной эта шаткость выражается в сознательном и бессознательном, тайном и явном преклонении перед конституционными, ультра-демократическими, республиканскими и даже анархическими Западно-Европейскими теориями. Слишком много врагов принципа Самодержавия среди русской интеллигенции, слишком много бессознательных анархистов среди народа.

И повременная печать, и русская литература, за малыми исключениями, проникнуты слепым доверием к принципам Западно-Европейской культуры и более или менее

бессознательно отравляют этим ядом ума и сердца наших соотечественников.

При таких обстоятельствах слишком мало единомыслия и единодушия, слишком мало гармонии и возможности единства действий между разными факторами русской жизни. Нет достаточной гармонии между верою, разумом и жизнью. Нет достаточной гармонии между представителями священной иерархии, гражданскими властями, интеллигентными классами общества и массой русского народа. Православие и Самодержавие не в достаточной степени осуществляются в русской жизни, правда их не в достаточной степени ясна для умов, дорога для сердец. Мало-помалу умы и сердца поработаются Западно-Европейскому демонизму, теряют свою православно-русскую самобытность и всё государство втягивается в рутину Западно-Европейской культуры, уклоняясь от самобытного пути, назначенного ей Провидением. Если букве Православия и Самодержавия не будет соответствовать дух жизни русского народа, буква эта станет мертвящею и не будет иметь силы оградить Россию ни от атеистического индивидуализма, ни от прогрессивной анархии жизни».

Обращаясь к вопросу о средствах и путях к лучшему будущему, автор рассуждает так: *«Православие, Самодержавие Божию Милостию и народность в смысле независимой самобытности культуры и жизни – вот три основы, способные оградить Россию от трагической судьбы народов Западной культуры и дать ей возможность процветания и мирного прогресса в то время, когда на Западе будет происходить кровавая вакханалия финальной анархии.*

Основы эти заключают в себе такую высокую и глубокую жизненную правду, что *сила их в сознательном отношении со стороны всех факторов государственной жизни, от Монарха до простолюдина».*

Для пробуждения самосознания и выяснения совершенно определенной программы мирного самобытного прогресса, автор считает необходимым учредить орган печати, который мог быть и соединительным звеном для всех честных элементов русского общества, желающих блага России и

самобытного мирного прогресса для неё. *Для объединения и тесного сплочения всех здоровых и честных элементов истинно русского общества в одну единомысленную и тем могущественную семью, способную быть зерном русского самосознания и доброй закваской в жизни, необходимо учредить, по мнению автора, Всероссийское Братство с центральным объединяющим управлением в Петербурге и автономными отделениями по всей России.*

Не правда-ли, читатель, приведенная характеристика безотрадного духовного настроения христианского мира конца XIX в. делает впечатление *вопля*, вырвавшегося из души человека «доброй воли» и благих намерений, – несомненно русского, православного человека, – славянофила или консерватора, но никак не либерала и западника... А между тем, знаете ли, кто автор этой иеремиады? Черниговский боярин, Н.Н. Неплюев, известный учредитель и попечитель Крестовоздвиженского трудового Братства, с которым вы знакомы по статьям «к лучшему будущему», разобранным на страницах «Мис. Обзор.» свящ. о. Четвериковым. Н.Н. Неплюев – автор многих и других трактатов религиозно-нравственного характера, которые, по цензурным условиям, почти все изданы им за границей... Доселе близко знавшие г. Неплюева, да и сам он – считали его «западником». Печать *западничества* лежит и на детище его – Крестовоздвиженском учреждении, где православно-русские начала воспитания и жизни питомцев и насельников этого, безусловно добродетельного, «учреждения любви» – *volens-nolens* культивируются в тепличной атмосфере западно-христианского пиэтизма и своеобразной обособленности, воспитывающей самосознание, что мы – неплюевцы «не якоже прочие человецы», что так не сродно душе православно-русской, а потому, думаем Крестовоздвиженское Братство с его школами служило и теперь пока еще служит знаменем пререкаемым, какою-то непонятною загадкой для многих.

Вышеприведенная тирада взята нами из напечатанной (не для продажи) Н.Н. Неплюевым в конце истекшего года брошюры, под заглавием: «*путь к лучшему будущему*».

Брошюра эта является *исповедью* автора, где он сказал, по отзыву давно и близко знающих Н. Н., – *новое* для себя и своих друзей и врагов слово, представляющее покаянное и, не сомневаемся, искреннее отречение от своего *западничества*; – отречение это является, полагаем, плодом долгой и несомненно мучительной работы над собой преданного Церкви и отчизне человека с русской душой, но полоненной идеалами запада, – работы над примирением самобытных русско-православных начал с западными началами личной свободы, самоусмотрения в деле веры и жизни в Церкви и глубокого во всём этом разочарования. Здесь необходимо упомянуть, что Н.Н. долгое время усердно и беззаветно работал над организацией, во время всемирной Парижской выставки, – конгресса «Единого человечества», где предполагалось положить начало единению представителей *всего человечества*, независимо от различных религиозных верований, форм правления и условий государственной и социальной жизни – на почве Божественного дара любви и мира. Конгресс состоялся и Н.Н. Неплюев избран был почетным президентом, но в конце концов конгресс принес на мирное это торжество одну лишь вражду и ненависть, поправшие любовь, а вместе и раздавившие исполненное благих намерений сердце учредителя, который, с болью в душе, разочарованный в своих несбыточных мечтаниях, бежал от этой новой вавилонской башни и, к чести его, чистосердечно отрекся в печати от всякой солидарности с парижским конгрессом Единого Человечества. Когда-нибудь подробнее побеседуем об этом любопытном явлении, а теперь лишь отметим такой красноречивый эпизод, сообщенный нам участником конгресса. На втором же заседании, один из делегатов Запада в основу своего доклада положил тезис: «кто верует в Бога – тот идиот, а кто не признает республиканского образа правления – тот варвар»... Вот вам и единение, вот вам мир и любовь... Словом, конгресс, сколько мы понимаем, оказался ниспосланным самим Провидением попечителю Крестовоздвиженского Братства, как целительное чистилище от многих приражений Запада – счастливой операцией, снявшей пелену с глаз нашего уважаемого деятеля, просвещенного и

самоотверженного поборника добра и христианской правды в жизни, который, наконец, с такою чуткостью почувствовал смрад духовного гниения Запада и всё превосходство православия и самобытности русской культуры, – и так правдиво, языком истого славянофила, так ярко очертил надвигающиеся к нам с Запада беды, а вместе так верно указал на наш исконный, самобытный, вековечный «путь к лучшему будущему», заключающийся в сознательном, твердом и нелицемерном стоянии на незыблемых основах православия и самодержавия. Кто из любящих Церковь и отчизну не подпишется под этим призывом и не признает Н.Н. Неплюева, на поприще духовной борьбы за эти идеалы, добрым союзником верных сынов Церкви и отечества? Ничего нельзя, по существу, возразить и против намечаемых Н.Н. Неплюевым средств и мер. Безусловно необходим и желателен независимый, искренний орган литературный, в виду хромания нашей печати на оба плесна – фарисейского её виляния и кривляния и пред либералами, и пред консерваторами, – и пред конституционализмом, и пред монархизмом. В высшей степени важно также и объединение разрозненных ныне, как и всегда, сил нашего лагеря. Вопрос лишь в том, как устроить это объединение? Не может-ли сослужить эту миссию проектированное еще в 1897 г. Казанским миссионерским съездом всероссийское общество для борьбы с расколом и сектами, расширив свои задачи в понимании сектантства более широко, чем народное и религиозное сектантство? Но и об этом в другой раз.

А теперь сердечно пожелаем, чтобы *новое исповедное слово* почтенного «родителя» Крестовоздвиженского Братства, слово так понятное и близкое всякой душе православно-русской, – явилось *путеводною звездой* и для любимого детища его. И будет тогда Братство стоять не на *песце* самоусмотрения и индивидуализма, а на том «недвижимом, Христе, камени заповедей Твоих», на котором стоит вся Русь святая и перестанет оно быть непонятным и сделается тогда, – и только тогда, – первое трудовое Братство способным сослужить службу «доброй закваски». Николай Николаевич –

жаждущая правды душа Братства, которое во всём является ярким отображением его духа.

* * *

Закончим нашу новогоднюю беседу другим, не менее Неплюевского, глубоко поучительным воплем, вырвавшимся из души одного достойного иерея, по поводу упомянутой речи архиеп. Амвросия о современном нечестии.

«Наше время признается нечестивым. Об этом свидетельствуют не только пастыри Церкви, но и светские писатели (пишет о. Ф. Успенский в Янв. кн. «Приход. Жизни»). С этим согласны все, кто наблюдает за жизнью. Но есть ли ныне возможность защищать истину Христову и поддерживать благочестие? Не стесняют ли нас в проповедании Слова Божия? Не заграждают ли уста защитников Христовой истины? Нет и нет. В этом отношении наше время должно признать благополучнейшим для деятельности Церкви Христовой у нас в России.

И в такое-то время неверие и нечестие растут, крепнут и принимают угрожающие размеры!... Господи! не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда же на нём плевелы?... Разве у Тебя мало стражей для охраны святой нивы Твоей? Разве не вооружены они всем необходимым оружием для того, чтобы отгонять волков и всяких врагов от святого стада Твоего? Или... разве *они не бодрствуют*, чтобы не пришел враг человек и не всеял плевелы? – Нас не могут не приводить в великое смущение слова Христовы о причинах появления плевел на ниве Христовой: *спящим человеком прииде враг и всея плевелы*. Если бы они не спали, не подошел бы враг. Спали – и пришел враг. Вот какую причину указывает Господь. Теперь, когда умножаются пороки, у каждого пастыря невольно поднимается в душе страшный вопрос: не я ли, Господи? Не я ли недостаточно бодрствую, охраняя овец Твоих и ниву Твою? – Надвигается с запада грозная туча безверия; плевелы подавляют пшеницу Божию. «Приближается предающий Меня», говорит Господь: «а вы всё еще спите и поживаете! Встаните» (Мк.14:42)!

Пшеницу Божию подавляют плевелы; волки тяжкие, нещадающие стада, хотят расхитить и расхищают овец Христова стада. «Симон! ты спишь?» Вопросает Христос пастыря. Так и вонзаются в сердце эти слова Христовы, когда нам говорят, и мы сами видим, что возрастает нечестие и умножаются пороки.

В самом деле, добрый ли я пастырь? Подобен ли я Христу, образ Которого я ношу на себе? Полагаю ли я, как и Он, душу мою за овцы? На них ли тратится моя жизнь? Их ли спасение и душевная польза для меня дороже и выше всего? Пасу ли я их, или только сам питаюсь от стада? Защищаю ли я овец Христова стада от волков, или постыдно бегу, как наемник? А те, которые отпали от Христова стада... ищет ли их душа моя? Возвратил ли я хотя одного из заблудших? даже звал ли, чтобы возвратились?

– Симоне Ионин! любиши ли Мя? Есть ли в сердце твоём столько любви, чтобы пасти овец Моих и полагать за них душу твою? Не отречешься ли, убоявшись даже привратницы? Любишь ли ты Меня? спрашивает Господь ныне нас? Не наемник ли ты? Мне нужен тот, кто душу свою готов положить за Меня. Блажен тот, кто ныне может сказать: «Господи! Ты всё знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя».

К этим словам горячего пастырского новогоднего призыва остается только добавить: аминь, аминь, да будет!!

* * *

Считаем долгом обратить особое внимание ваше, читатели, в передовой статье «Миссионерская Памятка» на руководящие начала, которыми должна быть проникнута и сопровождается пастырская миссионерская деятельность приходского духовенства, а в статье почтенного проф. Завитневича – на уяснение важного для миссии вопроса об отношении прав рационализма к правам вселенской Церкви, как хранительницы и истолковательницы богооткровенного учения, и на раскрытие того глубоко верного положения, что умножение в христианских церквях сектантства представляет собою совсем *не светлое* явление, как думают наши мнимопросвещенные интеллигенты, а безотрадное, свидетельствующее об оскудении, умирании истинного духа Христова, о разложении здорового организма

Церковного. В статье г. Потехина читатели найдут логически сильную, диалектически тонкую и вообще лучшую из всего, что доселе было в нашей апологетической литературе, – критику лжемудрований толстовства, вышедшую, как последняя лебединая песнь, из под пера безвременно почившего философа-богослова В.С. Соловьева. Считаю долгом обратить также внимание и на статью г. Вельского «современные пропагандисты раскола». Почтенный автор из известных в печати писателей и притом либерального лагеря, с раскольничьим миром он соприкасается давно, в качестве защитника на суде. А потому засвидетельствование г. Вельским в печати о таких громких эксплуататорских подвигах вожаксов современного раскола и угнетенном положении православного населения имеет особенную цену.

В статье «Возможен-ли обмен мнений с последователями мухаммеданства» фактически опровергается существующее предубеждение против живого слова миссии среди инородцев и в частности магометан.

Живое слово о Христе и спасении везде и всегда действительно, нужны лишь со стороны проповедников одушевление, рвение и любовь. Правда, Магометанство, как и еврейство, сильны и трудно проницаемы для слова убеждения, но это не дает права миссии господствующей Церкви опускать руки и не пользоваться самым верным и дорогим орудием собеседовательного живого слова.

В. Скворцов

Из миссионерской полемики

**О. К. Московские собеседования с расколо-
старообрядцами // Миссионерское обозрение. 1901.
№ 1. С. 100–108**

I, «О незаконности иерархического устройства беглопоповщинских обществ». *Собеседование 4-е (12 ноября)*

II, «О незаконности действий безпоповщинских наставников». *Собеседование 5-е (3 декабря)*

В Церкви Христовой, по неложному обетованию Спасителя, должно быть апостольство, должна быть иерархия. Старообрядцы, нарушив единение с православными и порвав с ними всякое общение, естественно, остались с немногими, уклонившимися в раскол, лицами иерархическими, из которых ни одно, впрочем, не имело епископского чина. Понятно, со временем старообрядцы должны были лишиться и этих и так или иначе решить вопрос об иерархии. Таких решений было два – поповщинское и безпоповщинское. Первое, признав необходимость иерархии, стало окормляться бегствующим духовенством, не стараясь по чистой совести разрешить вопрос: возможно-ли в истинной Церкви Христовой такое состояние, когда-бы она, не имея своих пастырей, управлялась беглыми попами из церкви почитаемой ею за еретическую. Законны-ли такие пастыри, да и пастыри-ли они? Эти вопросы были предметом настоящего собеседования. Лектором на сей раз выступил о. С. Орлов.

– Всякое Христианское общество, говорил он, соединенное одною верою и формами обнаружения своего богопочтения, любит называться истинной Христовой церковью, ведущей преемство своё от апостолов и св. отцов. Особенно это замечается на старообрядческих толках, которые при своей многочисленности и противоречивости в учении друг другу проникнуты одинаковой ненавистью и к православной Церкви, и к друг другу. Уже коренное различие двух основных ветвей раскола – безпоповства и поповства должно служить несомненным свидетельством их ложности. Признак истинной Церкви Христовой – апостольство в лице иерархии. Без

священства Церковь невозможна. Где-же истинное священство? У старообрядцев его нет; оно – в греко-восточной православной Церкви. Церковь создана на подобие тела, в которой глава – Христос и тело – верующие. Но как в теле не все члены одинаково важны, посему и говорится в Слове Божием: прежде всего Господь даровал для церкви апостолов, пророков, пастырей и учителей. Где же сосредоточивается теперь совокупность дарований? «Знай, говорит св. Златоуст, что вся совокупность дарований сосредоточивается в апостолах, а их место занимают епископы, без них всё бы разрушилось». Следовательно, в епископах (а не в епископе) заключается полнота апостольства. Начало такому устройству Церкви Господь положил в Сионской горнице, когда явившись, по воскресении, апостолам, сказал: «мир вам» и преподал полномочия «вязать и решить на небе и на земле», оградив авторитетность их суда словами: «слушаяй вас, Мене слушает; отменяяй вас, Мене отменяется». Руководители раскола презрели этот суд и, самовольно отделившись, нарушили мир Церкви Христовой. Получив полномочия, апостолы передавали их и другим чрез рукоположение; эту форму передачи полномочий они заповедали и своим преемникам, когда, напоминая им «не нерадеть о своём даровании и постоянно возгревать дар Божий, живущий в них», наставляли «не возлагать руки скоро ни на кого». Сам ап. Павел, давший эти руководственные правила, поставлял епископов, а во время первого путешествия рукоположил пресвитеров в Ликаонии, Листре, Антиохии и Дервии. Есть упоминания и о диаконах. Указание на них толковники видят в притче о талантах (Феофилакт Болгарский), а Златоуст говорит: «когда я исчисляю иерархию, то именую епископов, пресвитеров и диаконов». Между этими тремя степенями иерархии должны быть отношения строгой подчиненности, что могут видеть старообрядцы из «наказания, в книге Кормчей, новопоставленному попу от епископа хиротонисавшего», из 39 апостольского правила и Толкового апостола. Таким образом, в Церкви должна быть трехчинная иерархия; во главе её стоит епископ, который и является раздаятелем благодати

священства. Посему и говорится в кн. Маргарит, что «церковь без епископа не может быть», а Златоуст учит одинаково стоять, как за веру, так и за епископов. В силу сказанного делается понятным, почему беглопоповцы не могут почитать своё общество истинной Церковью Христовой: нет у них епископа, нет у них и таинства священства, нет у них и строителей тайн Божиих. Не может у них быть и соборной формы правления, принятой и освященной апостолами, ибо по правилу Гангрского собора «проклят всяк, делающий собрания без пресвитера по воле епископа». Беглые попы являются незаконными совершителями тайн Божиих, ибо незаконно отпали от своих епископов и сами себя подвергли отлучению. Можно-ли, посему, назвать общество беглопоповцев обществом иерархическим? Есть-ли у них то устройство, которое передали нам апостолы?

Дегтерев –позвольте узнать Ваше имя?

О. Орлов – о. Сергей. А ваше имя?

Дегтерев – По фамилии Дегтерев, а по прозванию – плохой старообрядец.⁴⁹ Так вот, о. Сергей... «Впрочем, нет-ли здесь кого из беглопоповцев? Дело в том, что я – австриец и по этой части не специалист. Нет?... Так вот, о. Сергей: в Вашем реферате есть выражение: «бесовская трапеза».

Откуда Вы его взяли и что оно значит? Ужели Вы разумеете тут евхаристию?

О. Орлов – нет, г. Дегтерев. А только то, что они дерзают называть евхаристией.

Нужно заметить, что Дегтерев действительно оказался не специалистом по беглопоповщинской части и предложенный им вопрос был ни более ни менее как попыткой уклониться от настоящего предмета собеседования.

О. Мина. Ты ухватился за последнее слово, а дело нужно начинать с начала. Ныне речь была о бегствующем священстве, – отсюда основной вопрос: было ли в Церкви время, когда бы она управлялась приходящим от еретиков священством? Ты помнишь слова пророка: «Сионе, расширь свои кущи на право и на лево», т. е. Церковь должна расширяться в своих пределах, пока не наступит полнота языков и весь Израиль, по слову

пророка, спасется. Есть-ли проповедь у беглопоповцев, есть-ли у них полная иерархия? Вообще могут-ли они оправдать истину Церкви Христовой? А вам, Петр Трофимович, я отвечу словами Иустина Философа жидовину Трифону: вы как мухи, разъедающие раны, рассекаете пророческие сказания, стараясь в них найти не истинный смысл, а недомолвки и недосказанности. Так, кто желает побеседовать о беглопоповцах?

Дегтерев (после непродолжительного общего молчания). Скажите, о. Мина, что-нибудь о бесовской трапезе!

О. Соболев. Возвратимся своей мыслью к давнопрошедшим временам райской жизни. Там всё было хорошо: и прелести рая и лицезрение Бога. Но завистью диавола пали наши прародители. Перенесемся теперь мыслью на гору искушений и здесь увидим, как тот же исконный враг рода человеческого старается увлечь к падению Самого Бога. Присмотримся к нашей жизни и здесь увидим, что диавол как «лев, рыкая, ходит, иский кого поглотити». Что такое старообрядчество, как не огульное, ничем не оправдываемое противление власти? Почему не допустить, что и оно дело диавола? Я ответил Вам, Петр Трофимович, а дальше что, – догадайтесь сами.

О. Мина. Петр Трофимович! У беглопоповцев нет евхаристии. Вас смущает название – бесовская трапеза. А помните, как у св. мученика Киприана названо еретическое крещение? Рождением диаволу.

Дегтерев – Скажите: хиротония беглопоповцев откуда?

О. Мина. У них и нет её.

Дегтерев. Как нет? Да сам Синод ваш признал её. Вот я вам почитаю; у Н. И. Субботина говорится об этом. Дегтерев вынул несколько номеров Московских Ведомостей, намереваясь почитать.

О. пр. Виноградов. Да к чему ты это?

Дегтерев – к тому, что если вы признаете за ними хиротонию, то должны признавать и благодать, а тогда и трапеза их будет не бесовская трапеза.

О. пр. Виноградов – Да ты подумай, дело-ли говоришь: беглые попы самовольно оставили Церковь, отпали от неё, обвинили её в ересях, – и вдруг Церковь признает за ними благодать хиротонии. Нет: иерей, священнодействуя без воли епископа, служит дьяволу. Читай у Игнатия Богоносца: «не подобно убо есть без святителя ни крестити, ни любве творити. Се Богови благоугодно есть, иже бо святитель почтет, то от Бога почтен будет, а иже отай епископа что творит, то дьяволу служит».

О. Мина. Кто желает побеседовать?

Из старообрядцев никто не выступил. Собеседование кончилось молебным пением о здравии Государя Императора.

«О незаконности действий безпоповщинских наставников»

Референтом на 5 собеседовании выступил свящ. П. Марков, который, после обычного объяснения Евангелия, высказал следующие соображения по предложенному предмету.

Со смертью Павла Коломенского, не оставившего после себя преемника в епископском достоинстве, старообрядцы должны были решить вопрос: кем будет поддерживаться преемство иерархии? Единства в решении не последовало и общество распалось на «окормляемых бегствующим от православной Церкви священством» (поповцы) и «безсвященнословных», предоставивших право учить, совершать службы, тайны и пр. мирянам – мужчинам и женщинам (безпоповцы). Имеют ли наставники последних за собой законное право для отправления пастырских обязанностей? – Церковь, как и гражданское общество, необходимо предполагает у себя «управление» с тем лишь различием, что правительство гражданское избирается членами общества, церковное же уполномочивается от Христа. Посему, о нём говорится: «како проповедят, аще не послани будут» (Рим.10:15), разумеется посольство от Бога: «никто же сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон» (Евр.5:4). Первыми «званными посланниками» были апостолы, получившие от Христа, по воскресении, право учить, управлять и священнодействовать, а в день Пятидесятницы и благодатные дары Духа Св., необходимые для прохождения их служения. Указанное право апостолы приписывали только себе, говоря, что они призваны И. Христом и Богом Отцом, воскресившим Его от мертвых. «Той (И. Х.) дал есть овы апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя» (Еф.4:11), посему: «еда вси апостоли, еда вси пророцы, еда вси учителя»... (1Кор.12:29). Основанное в лице апостолов священство должно пребывать «во веки», ибо «во вся дни, до скончания века» обещал пребывать с ними глава Церкви – Христос, и обещанный им Дух Святой имел быть с ними «в век».

Отсюда необходимо преемство апостольское, которое, действительно, и продолжается до настоящего времени чрез рукоположение, как единственную форму передачи благодатных даров священства. Где нет рукоположения, там нет истинного пастырства, там самозванство. У безпоповцев дело обстоит именно так: их наставники ни более ни менее как уполномоченные от общества со властью не божественного, но человеческого происхождения, и с этой стороны безпоповцы, как это ни странно, приближаются к протестантам. Наставники безпоповцев восхищают незаконное, раздражают Бога, как сыны Кореовы. Св. Киприан называет еретиками приемлющих начальство от незаконного скопища, а Церковь подвергает проклятию составляющих собрания без воли епископа и отлучает мирян, дерзнувших самовольно учить (6-го в. с. 64 пр.). Безпоповцы оправдываются царствованием антихриста, якобы уничтожившего истинное священство; но тогда, в силу логической последовательности, они должны были совсем отказаться от священства, как и поступили «нетовцы»; не сделали этого безпоповцы потому, что религиозное чувство потеряло бы свою основу и перешло в отчаяние. Ссылаются безпоповцы еще и на то, что Павел Коломенский разрешил совершать тайны и требы мирянам, получившим на сие «благословение» чрез особое «начало», но историческая достоверность этого предания не может быть ничем доказана. Уже то обстоятельство, что и поповцы оправдываются тем же Павлом, завещавшим будто бы в случае прекращения – смерти священников «древняго» благочестия принимать чрез миропомазание «новорукоположенных», бросает тень на указанное предание и позволяет считать его вымыслом в целях оправдания. Далее: Павел после с. 1654 г. был сослан в заточение и до самой смерти его (не позднее 1654 г.) никто не имел к нему доступа, а, следовательно, никто не мог получать никаких наставлений. Да и самого вопроса о священстве тогда не могло подняться, так как до собора 1667 г. старообрядцы не были отлучены. Наконец, естественнее бы ожидать, что Павел поставил бы себе преемника – епископа, чем стал давать противоречивые наставления.

Самое начало и благословение безпоповщинских наставников нужно считать незаконным, ибо единственно-истинная форма передачи благодатных даров – рукоположение епископа. Об этом говорят и старопечатные книги: по Мал. Катех., благодатные дары нисходят на приемлющего священство, когда епископ возлагает на главу его руки и говорит: «Божественная благодать»...; по Симеону Солунскому рукополагать может только «епископ хиротонисанный», кн. «о Вере» заповедует повиноваться трем степеням иерархии и предостерегает от «прелазящих инуде». Церковь признавала законными только пастырей, рукоположенных епископом, почему на вселенс. и поместных соборах составила правила, касающиеся как рукополагающего, так и принимающего хиротонию. Согласно с этими правилами она не признала бы хиротонии Павла Коломенского, как не представляющего своим лицом собора епископов и не имеющего своей епархии. Нужно думать, что безпоповцы сознают свою неправоту, ибо не облачают наставников в одежды пастырей и не дерзают разрешить им совершение всех тайн, кроме двух, необходимо нужных ко спасению.

О. Мина. Безпоповцы признают два таинства. Не желает ли из них кто побеседовать о покаянии, которое они разрешают совершать мирянину. Оно бывает у них так: приходит к мирянину человек на исповедь; раскрывает ему душу, как отцу духовному, и тот говорит: «не утай от меня». Законно-ли это?

Дегтерев (стар.) Скажите мне, о. Мина: какую «роль играли» в Церкви исповедники?

О. Мина – В какое время?

Дегтерев. – Исповедники были от начала Церкви.

О. Мина. – Так в какое же время?

Дегтерев. – Аполлос, напр., кто был?

О. Мина. – Исповедник.

Дегтерев. – Так какую же «роль они играли»?

О. Мина. – Они исповедовали Христа как Бога и так учили, претерпевали за имя Его мучения и смерть, различно относились к отпадшим от веры...

Дегтерев. – Кающихся принимали?

О. Мина. Они не исповедовали, так как у верующих были пастыри.

Кто-то из старообр. – Я могу просить у мирянина прощения и могу получить его.

О. пр. Виноградов. – Это – не исповедь.

О. Мина. – Так бывает: друг у друга мы просим прощения в личных грехах; и на исповеди духовник, обыкновенно, спрашивает: «не в ссоре ли ты с ближним, иди и примиришься!» Только личные грехи и притом только прощать, а не разрешать могут и безпоповщинские наставники. Где же у них власть вязать и решить и могут ли они сказать «властию И. Христа, мне данную, прощаю и разрешаю»...

Дегтерев. Покажите мне в Евангелии, где бы говорилось, что пастырям дается «власть» прощать и разрешать; покажите мне самое слово «власть».

О. В. Соболев – г. Дегтерев, как поповец, должен бы признавать значение своих австрийских пастырей; оказывается, в самом принципе он отрицает их власть и требует доказательств из Евангелия. Не встает ли он сам с собой в противоречие? Не говорит ли для того, чтобы что-нибудь только сказать: всегда свободомыслящий вдруг является ухватившимся за букву! Господь говорит: «дадеса ми всяка власть на небеси и на земли, шедше убо научите вся языки»... Не ясно ли отсюда, что ту власть, которую получил Господь, Он передает апостолам? Ведь только одно недомыслие может предлагать вопросы, подобные предложенному господином Дегтяревым!

Дегтерев. – За это спасибо.

На этом кончилось собеседование. Несколько слов по поводу возражений г. Дегтерева. Доказывая законность совершения таинства покаяния безпоповщинскими наставниками-мирянами, Дегтярев сослался на исповедников, и, между прочим, на диакона Филиппа, который, по свидетельству Деян. Апост., крестил евнуха эфиопской царицы Кандакии и низвел на него Духа Святого (Деян.8:38–39). Эта ссылка Дегтерева для него бесполезна: 1) диакон Филипп крестил, а не исповедовал; 2) крестил не самовольно, а по

повелению Духа Божия: «Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице» (Деян.8:29); повеление это нельзя, конечно, смешивать с благословением безпоповщинским и в 3) диакон Филипп был не мирянин. Диаконы были выделены апостолами из общего числа верующих для особого служения, которое нужно признать началом диаконского служения вообще.

С недоумением по поводу слова «власть» г. Дегтереву приличнее обратиться к своим австрийским лже-пастырям.

О. К.

**Афанасенко В. Из беседы со штундистами о
молитвах за умерших // Миссионерское обозрение.
1901. № 1. С. 108–113**

Все люди, как-бы кто долго не жил, рано или поздно должны умереть, перейти в другую жизнь – загробную.

Что-же ожидает людей в будущей жизни?

В слове Божиим мы читаем, что на страшном суде пред лицом Божиим все будут разделены на две части. По правую сторону от Бога будут стоять праведники, а по левую – грешники. Стоящим по правую сторону Иисус Христос скажет: «придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25:34). Совсем другое скажет Он стоящим по левую сторону: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (ст. 41).

Наша христианская любовь к своим ближним не ограничивается одною земною жизнью, не прекращается и смертью, так как по апостолу любовь никогда не прекращается, не перестает (1Кор.13:8), а пред Богом все люди и живые и умершие – живы суть, так как Он не есть Бог мертвых, но Бог живых (Лк.20:28).

Эта любовь наша к умершим нашим братьям должна проявляться в молитвах ко Господу, в поминовениях и милостынях за них. Молитва живого за умершего собрата нашего есть самый лучший плод любви, и православная наша церковь, заботясь с материнской любовью о спасении всех живых своих чад, не забывает в своих молитвах и умерших членов церкви.

Пример молитвы за усопших мы находим прежде всего в Священном Писании Ветхого Завета. Во дни благочестивого вождя Иудейского, Иуды Маккавея, когда, при обозрении павших на поле сражения, найдена была в их одеждах добыча от даров идольских (за что они и пали), все Иудеи «благословивше правый суд Господень... к молению обратишася» (2Макк.12:39–42). А сам Иуда Маккавей тогда-же,

собрав дары истинному Богу, послал в Иерусалим принести за грех (мертвых) жертву для того, чтобы Бог простил их грехи. Точно также благочестивый Товит завещал сыну своему раздавать милостыню при гробе праведных (Тов.4:17). А премудрый сын Сирахов учит приносить жертвы по усопшим, подавать милостыню и молиться за них (Сир.7:36). И много есть таких мест в св. Писании Ветхого Завета, которые свидетельствуют о том, что еще в Ветхозаветной церкви существовал обычай молиться за умерших (Исх.13:14; Чис.19:11–12; 20:30; Втор.9:25; 34:8; 1Цар.31:11–13; Пс.85:5; Иер.16:7). Верование ветхозаветной церкви в возможность облегчить участь умерших молитвою и делами благотворительности за них не только не отменено в новозаветной церкви Иисусом Христом и апостолами, но подтверждено и усилено их свидетельствами о нём.

Все христиане, как члены одного духовного тела, или церкви, глава которой есть Иисус Христос, должны любить друг друга (1Ин.4:11); содействовать друг другу в достижении высших целей своей жизни – спасения (1Пет.1:3–6); молиться друг за друга (Иак.5:16) и за всех людей вообще (1Тим.6:18–19); подавать милостыни за них, как жертвы благоприятные Богу (Евр.13:16). В другом месте Христос говорит, что всякий грех и хула простится человеку, хула же на Духа Святого не простится человеку ни в сем веке, ни в будущем (Мф.12:31–32).

Из этих слов ясно, что другие грехи людей, кроме хулы на Св. Духа, *могут быть прощены человеку и в будущей жизни*, т. е. по разлучении его души с телом.

Далее, из слова Божия мы знаем, что Спаситель и ныне имеет ключи смерти и ада (Апок.1:18), следовательно *и ныне может отворять двери ада и выводить оттуда узников*.

Скончавшиеся в правой вере, т. е. в общении с православною Церковью, несмотря на видимое удаление от нас, продолжают вместе с нами принадлежать к одному и тому же Телу Христову (Еф.1:23, Кол.1:18), в котором взаимная связь между членами сохраняется точно так же, как естественно она существует между всеми органами нашего тела (1Кор.12:21). Вот поэтому-то христианская православная Церковь всегда

совершала и совершает молитвы за умерших, в надежде этими молитвами облегчить их участь, твердо памятуя слова Самого Спасителя нашего: «просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам» (Мф.7:7); «всё, чего ни попросите в молитве с верою, – получите» (Мф.21:22).

Словом, поминать усопших своих родных и знакомых – молиться о них, – есть неременная и священная обязанность всякого истинно понимающего Слово Божие.

Далее, при нашей усердной молитве об умерших, мы должны еще и подавать за упокой их милостыню. Милостыня за умерших есть также выражение нашей любви к ним и она приносит великую отраду умершему нашему собрату. Усопший сам не может раздавать милостыню, но могут это делать за него родные его и знакомые, живущие на земле. Это важно, как потому, что милостыня, подаваемая бедным – приемлется Самим Спасителем (Мф.9:18), так и потому, что бедные, получив милостыню, без сомнения не оставят в молитве помянуть того, в чью память получили они подаяние.

Самое-же важное и самое сильное средство облегчить участь умершего собрата – есть принесение за упокой его бескровной жертвы. Во время совершения литургии Сам Господь наш Иисус Христос, в пречистых тайнах Тела и Крови Своей, приносится в жертву за всех и Своею Кровию ходатайствует пред Отцом Своим о прощении грехов умершему.

Тяжелый и непростительный грех принимает на себя тот, кто не поминает усопших, а тем паче, кто отвергает этот догмат христианский.

– Теперь обращаюсь к вам, отделившиеся от нас, ответьте прежде всего на вопрос: любите-ли вы умерших ваших родных и близких братьев и теперь, как и при жизни любили их, и в чём выражается ваша любовь к ним?

Сектант Трофим: – Скажите, пожалуйста, какая может быть любовь, её вовсе не видно; хотя и сказано «молитесь друг за друга», но это говорится о молитвах живых за живых, а как умер человек, то как он мою любовь увидит?

О. Афанасенко: – Так ты хочешь так любить и молиться, чтобы твою молитву непременно замечали твои ближние; это,

брат Трофим, уже дышит фарисейством, а не по Евангелию. Ты от вопроса моего не уклоняйся; скажи, повторяю, ты своего покойного отца теперь любишь?...

Сектант Трофим: – Да, конечно, любить должен, но ведь он умер и я его не вижу.

О. Афанасенко: – Но он умер телом, а духом жив, ибо, по слову Божию, у Бога все живы, мертвых у него нет; и если ты сознаешь, что должен любить – значит должен и поминать его, молиться о нём Господу, чтобы Господь вселил его душу вместе с праведными.

Сектант Трофим: – Откуда же видно, что нужно поминать покойников? В св. Писании нет повеления молиться за умерших.

О. Афанасенко: – Я же указал тебе места св. Писания, касающиеся разбираемого нами предмета, неужели ты не довольствуешься ими; вот хотя-бы в книгах Маккавейских чего яснее тебе еще надо. Если в св. Писании нет особого повеления молиться за умерших, то нет и запрещения. Довольно и того, что св. Писание повелевает молиться друг за друга: «молитесь друг за друга, яко да исцелеете; много-бо может молитва праведника поспешествуема (Иак.5:16); «братие, молитесь о нас», – просит апостол Павел Солунян (1Сол.5:25). Притом-же молитва за умерших есть дело Богоугодное и требуемое естественною любовью к ближнему; и в св. Писании не на каждое доброе дело писан устав.

Сектант Прищенко: – А позвольте мне сказать: в притче о богатом и Лазаре Господь прямо говорит, что никто не может надеяться получить прощение или облегчение своих грехов по смерти, если будет осужден на муку вечную. Слишком великая пропасть лежит между праведниками и грешниками, чрез которую переход не возможен и тут по моему никакая ваша молитва не поможет.

О. Афанасенко: – Скажу тебе, что все мыслящие и говорящие подобно тебе заблуждаются, не зная Писания, ни силы Божией (Мф.22:29). Из ответа Авраамова приточному богачу отнюдь не следует делать такого вывода, будто все без исключения грешники осуждаются на безысходное и вечное заключение во аде. Уже самый вопль богача к Аврааму об

ослаблении мучения намекает на возможность перехода из мучительного в другое состояние, и ответ Авраама, показывая невозможность найти у кого-либо помощь за гробом, не отвергает этим возможность помощи со стороны живых. Действительно, между раем и адом пропасть великая утвердися и переход чрез неё решительно невозможен только для грешников немилосердных, неверующих и нераскаянных, подобно евангельскому богачу, у которого до самой крайней степени осуетился и оступел ум, огрубело сердце, омертвела для добра воля; сластолюбивая душа коего воистину заживо умерла (1Тим.5:6). И вот такому-то человеку-грешнику определено вечное мучение и отказано в милости, ибо, он соделал грех к смерти.

Но эта же пропасть покрывается бездною милосердия Божия к грешнику покаявшемуся в силу молитв церкви и бескровной жертвы Икупителя нашего Иисуса Христа. Св. Евангелист Иоанн говорит о грехе не к смерти и о грехе к смерти и заповедует молиться о первом (1Ин.5:16).

Сектант Прищенко: – А скажите, как-же можно узнать, что умерший согрешил не к смерти или к смерти?

Прав: – А живые могут ведь грешить к смерти?

И ты все-таки за их должен молиться?

Сектант Прищенко: – Да, конечно, должен.

О. Афанасенко: – Почему-же ты, когда тебя на основании св. Писания св. Церковь призывает молиться за покойников, – так начинаешь лукаво мыслить, и какое ты имеешь право не слушаться её божественного гласа? Ведь слово Божие ясно говорит, что у Бога мертвых нет, у него все живы; а за живых ты сам сказал, что молиться должно. Умершие-же наши ближние живут и теперь, но только не в сей нашей земной, временной жизни, а перешли жить в жизнь другую, загробную... Заповедь о любви к ближнему Господь дал, не указав, кого любить и кого нет. Он сказал: «возлюбиши ближнего твоего, яко сам себе», а ближний-то нам всякий человек.

Вот вы может быть слышали, или сами читали: наш, благополучно царствующий, Православный Русский Царь обнародовал манифест по случаю кончины Его бабушки,

Великой Княгини Александры Петровны, в коем (манифесте) выражает Свою Монаршую уверенность в том, что все верноподданные Его соединят теплые молитвы свои с Его молитвами об упокоении в царстве небесном души усопшей инокини Анастасии, в мире Великой Княгини Александры Петровны.

Ответьте мне, друзья, этот манифест и вас касается?

Сектант Трофим: – А как-же, непременно.

О. Афанасенко: – Вы-же молитвы за умерших отвергаете?

Сект. Трофим: – За бабушку Государя помолиться надо.⁵⁰

Свящ. В. Афанасенко

Миссионерство, секты и раскол

Русская Церковь в XIX веке // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 114–118

Значение религиозного начала в жизни Русского народа столь велико и всепроникающе, что состояние православной Церкви в известный период времени служит безошибочным указателем того, какой степени крепости и жизнедеятельности наших внутренних отношений можно ожидать от России в непосредственно следующий период.⁵¹

Оглядываясь с этой точки зрения на пережитый XIX век, мы имеем право с полной надеждой помышлять о будущем.

Конец XVII и особенно начало XVIII веков были временем тяжких расстройств для православной Русской Церкви. XVIII век, с его политическими условиями, а также в силу огромных, и в этом отношении неблагоприятных, европейских влияний на русское общество, – угрожал серьезно подорвать благотворное воздействие Церкви на Русский народ. Эти культурно-неблагоприятные влияния продолжались и почти все XIX столетие, и однако-же – уже в конце XVIII века начался у нас счастливый поворот ко всё большему воскресению влияния церковных начал в национальной жизни.

Это было произведено совокупными усилиями всех элементов церковно-национальной жизни: мудрыми трудами церковной иерархии, глубоким религиозным чувством массы народа, пробудившимся православным сознанием образованных слоев, в государственном же отношении – действием Верховной Власти Русского Самодержавия, по существу связанного с православною Церковью и национальным сознанием.

Верные духу истинного христианства, наши церковные иерархи устремляли в XIX веке всё своё внимание не на достижение каких-либо внешних форм влияния, а на то, чтобы православно воспитывать сердца и умы Русских людей. В отношении внешних форм церковного устройства за XIX век старались обеспечить по преимуществу лишь то, чтобы Церковь не теряла возможности православного воспитания народа и

общества. Затем было устремлено особенное внимание на возможно большее повышение образования самого духовенства, и наконец – на способы воздействия на народ. В результате само собою возрастало и углублялось влияние Церкви даже в тех случаях, когда для нормального действия его не доставало нужных внешних форм.

В первую половину XIX века, как бы по особой милости Божией, Русской Церкви были посланы архипастыри совершенно исключительных дарований, коих огромное личное влияние восполняло многие формальные недочеты церковно-государственной жизни.

Таков был митрополит Платон, с которым Россия перешла из XVIII в XIX век. Таков был особенно митрополит Филарет, полвека уяснявший России истинный смысл православия и преподавший самой государственной власти множество указаний относительно содержания политики православной власти. Учительное значение митрополита Филарета почти беспримерно в истории, так что в настоящее время нам трудно даже представить себе, чем была бы Россия без него. Ряд других церковных деятелей высоких дарований и учености (Иннокентий Херсонский, Филарет Черниговский, Макарий Булгаков и т. д.) создали нашу церковную историографию, расширив до чрезвычайности сознательное понимание Россией своего места в жизни христианской Церкви.

То же поступательное движение продолжалось в XIX веке непрерывно во всех других отраслях богословского знания, причем высокая ученость иерархии, стоявшей во главе просвещения, была причиной того, что наша *богословская наука* оставалась строго православною. Развитие наших Духовных Академий, размножение семинарий и других духовных школ, постоянно повышающиеся требования от духовенства – имели в конце концов своим результатом, что православная Церковь стала одною из могущественнейших просветительных сил страны.

Значению православной иерархии не мало способствовало и улучшение самой церковной организации, а равно и постоянное умножение числа епархий, связанное с численным

развитием нашего епископата. Недостаточное развитие епископата составляло издревле слабую сторону Русской Церкви, и в этом отношении XIX век может по справедливости гордиться произведенными им улучшениями.

В отношении религиозного сознания самого Русского общества, огромное значение имело грозное испытание 1812 года. Это было тяжкое время, которое заставило Русских людей вдуматься в своё духовное содержание и, устами Державного Выразителя национального сознания, – признать Божью волю источником всех благ и силы. «Не нам, не нам, а Имени Твоему слава», признала Россия в минуту торжества, увенчавшего испытания.

Антирелигиозные воззрения, также как и религиозные заблуждения, были и остались сильны в нашем обществе в течении всего XIX века. Однако-же, – в образованном русском классе начали вырабатываться и такие поборники православия, как Хомяков, которому принадлежит, быть может, лучшая формулировка места православия среди других христианских исповеданий. Излишне напоминать ряд имен знаменитейших деятелей русской просвещенной мысли, которые были могущественными апологетами православия в собственном обществе (А. Н. Муравьев, Гоголь, Достоевский, К. Н. Леонтьев и др.). В середине и конце XIX века православная Церковь уже обеспечила себе твердую, сознательную опору в лице образованнейших мирян своих, дружно идущих об руку с духовенством и всё более интересующихся вопросами веры и Церкви, что уже видно из столь широко развившейся у нас в конце XIX века богословской литературы и из образования многочисленных братств, в которых так плодотворно совместно трудятся и миряне, и лица духовные.

Как признаком, так и орудием православной выработки личности русского человека послужило в XIX веке воскресение и развитие *монастырей*. XVIII век довел их до чрезвычайного упадка. Весь XIX век, рядом с развитием православной сознательности, мы видим, напротив, умножение числа монастырей и монашествующих, равно как и блестящие примеры огромного учительного влияния иночества.

Достаточно упомянуть Саровскую обитель и Оптину пустынь, воспитавшую, между прочим, мысль Киреевского.

Влияние епископа Феофана Затворника, ставимого, вместе с митрополитом Филаретом, наравне с древними Отцами Церкви, прославило обитель Вишенскую. Огромное значение воскресшей силы монастырей наших можно было бы подтвердить еще десятками примеров, если б это не было столь общеизвестно.

При помощи вырабатываемых таким образом сил, Русская Церковь в XIX веке широко распространила свою учительную и миссионерскую деятельность. Наша внутренняя религиозная жизнь с XVII века была терзаема расколом, переходящим и в разнообразные ереси, гнездившиеся, впрочем, у нас и раньше. Европейские влияния порождали нередко новые ереси, по преимуществу в образованном, обществе, но переходившие также и в массы народа. Борьба со всеми этими проявлениями духовного зла деятельно велась Русскою Церковью. Конечно, немыслимо было бы и ожидать, чтобы среди десятков миллионов людей не возникало религиозных заблуждений. Но их действие и распространение всегда ослаблялось и парализовалось Церковью. В отношении раскола XIX век имел многие успехи. Учреждение так называемой *Единоверческой* церкви, связанное особенно с именем митрополита Платона, сблизило православных двух обрядов на почве единой веры и Церкви. Что касается упорных раскольников, остающихся вне церковной ограды, то надо все-таки сказать, что сама церковная наука и миссионерская деятельность подготовили уже в значительной мере почву для их будущего воссоединения с Церковью.

Великим церковным событием XIX века было для России *воссоединение униатов* в Западном крае и в пределах Привислянья. Очень большой успех составило также распространение православия среди Эстов и Латышей Балтийского края, а также начало укрепления православной Церкви в Финляндии.

Отрадное явление XIX века составляет и то, что внутренняя миссия возросла в своей организации и деятельность её

получила большое подспорье, вследствие возникновения православных миссионерских братств и обществ, в которых духовенство действует об руку с мирянами.

То же совместное действие замечается и в миссии внешней, среди иноверцев и язычников, а также за пределами России. Имена Православного Миссионерского Общества и Палестинского Общества, равно как их широкая и плодотворная деятельность – общеизвестны.

Нельзя не отметить, что, хотя православная миссия среди иноверцев и язычников имеет место главным образом в пределах Империи, однако православная Русская Церковь в XIX веке выступила активной деятельницей и за пределами Русского Государства, не только оказывая пособие православию ближнего Востока, но уже насадив православие в Японии, привлекая к православию часть Несториан в Персии, а также упрочив и расширив начатки православной Американской Церкви.

Вся эта широкая и сложная деятельность Церкви, совершалась у нас, как сказано, в неразрывном единении с Верховною Властью. Особенно это должно сказать о царствовании Императора Николая I, Императора Александра III и о нынешнем благополучном царствовании, когда со стороны Правительства прилагается особенное попечение о развитии способов церковного воспитания всей массы Русского народа.

Подводя общий итог этому краткому обзору и сравнивая церковно-религиозное состояние России XVIII и XIX веков. нельзя не видеть огромной и благодетельной перемены к лучшему. Конечно, многое у нас еще остается недовершенным, не мало остается недоразумений и даже прямых язв в церковно-религиозной жизни страны, но можно смело сказать, что всё это зло идет на убыль, а силы Церкви – растут и крепнут, так что в наступившем XX веке мы имеем все основания ожидать еще более широкого развития России, как страны *православной*, как народа, остающегося Церковью в своём государстве и освящающего церковною благодатью и церковным учением все свои государственные отношения.

Орлов А. Из миссионерских итогов прошлого года // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 118–126

Болезненное возбуждение религиозного чувства в современном русском обществе. – Стремление духовенства к удовлетворению религиозных запросов общества. – Меры борьбы с болезненными течениями времени. – Деятельность киевского религиозно-просветительного общества. – Просветительная деятельность приходского духовенства. – Проповеднические съезды духовенства. – Участие приходских пастырей в миссионерской деятельности. – Миссионерские съезды. – Миссионерские Комитеты.

Одна из наших, нажитых веками жизненным опытом народной мудрости, пословиц повелевает нам, при каждом шаге вперед, посматривать назад. Простираясь вперед, в новый год жизни, с задачами разъяснения вопросов миссии и расколо-сектоведения, облегчения пастырско-приходского и епархиального миссионерствования, и наш журнал, как хранитель и истолкователь лучших традиций русского православия, по требованию русской мудрой пословицы и по естественной потребности посмотреть на пережитое, не может не предложить своим читателям ретроспективного взгляда на сделанное миссией в прошлом году, на её положение и состояние, и на жизнь расколо-сектантства в том же периоде. – Чем же новым подарил миссию прошлый год? Какими успехами порадовал её? Смотря с этой стороны на него, естественно поставить его на ряду с прежде прожитыми годами, как одно из звеньев длинной цепи, которая в общем своём составляет то, что называется «нашим временем», со всеми характеристичными чертами его. Одною из таковых должно, признать какое-то болезненное возбуждение религиозно-нравственного интереса среди всех слоев нашего русского общества, какое-то напряженное усилие разобраться в вопросах веры и жизни. И если одних эти вопросы приводят к более тесному общению с единственным источником истины – Церковью Христовой, то других, недовольных современным

религиозно-нравственным строем и полагающихся на свои только умственные и нравственные силы, толкают они прокладывать свои новые пути. И вот мысль, лишенная благодатного руководства Церкви и ложно направленная, не только не приводит этих самонадеянных искателей истины к намеченной цели, но всё больше отдаляет от неё и всё глубже заводит в непроходимые дебри лжи и заблуждений. Отсюда то разнoverие, то разнообразие религиозных сект, которыми так богато наше время.

Епархиальные органы печати за истекший 1900 г., отмечая эти болезненные проявления религиозного чувства во всех слоях современного русского общества, это блуждание искателей истины в дебрях религиозной лжи и разнoverия, энергично призывают пастырей церкви стать на страже блага народного, дабы всегда быть готовыми с радостью дать слово здоровое, неукоризненное (Тит.2:8), быть сильными наставлять в здоровом учении и противящихся обличать (Тит.1:9). И пастыри церкви деятельно откликаются на этот призыв; те же епархиальные органы печати полны известий о немалых трудах русского православного духовенства в лице лучшей части его по религиозно-нравственному просвещению паствы своей, по вразумлению сектантствующих, по просвещению иноверцев и инославных христиан. Из мероприятий, способствующих пастырям церкви в их борьбе с болезненными течениями и направлениями нашего времени, епархиальными органами печати отмечаются особенно следующие: усиление церковной проповеди, заведение внебогослужебных чтений и беседований, введение всеобщего богослужебного пения, усиление миссионерского служения, учреждение церковноприходских братств, попечительств, школ, библиотек, миссионерских кружков и комитетов, обществ трезвости, обществ любителей церковного пения. Особую энергию в этих делах проявило Киевское «общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви». Поставив целью своей деятельности распространение и утверждение в сознании христиан истинных понятий о православной вере и христианской нравственности, наилучшим

средством для достижения этой цели, общество признало: чтения, собеседования и богословские лекции, которые велись членами общества в храмах, общественных залах, ночлежных приютах, чайных, столовых, больницах, тюрьмах, мастерских, казармах, и др. пунктах Киева. На основании своего шестилетнего опыта «общество» свидетельствует, что внебогослужебная проповедь, организованная в стройный и по возможности непрерывный ряд чтений и собеседований, есть наилучшее пастырское средство не только против нравственных недугов, создаваемых сложными условиями и соблазнами городской жизни, но и против таких болезней, как современный штундизм и вообще секты и раскол. На ряду с чтениями для простого народа и противосектантскими, Киевское религиозно-нравственное Общество устраивало и богословские лекции для образованного круга, справедливо сознавая, что религиозно-нравственная жизнь простого народа и распространение среди него сектантства стоят во внутренней причинной связи с религиозно-нравственным настроением людей образованных. Внимание Киевского Общества обращено было и на такие вопросы, как вопрос об общественных увеселениях и театрах, которые в современной жизни городов, особенно больших, часто не только идут совершенно вразрез со всем строем церковно-христианской жизни и нравственно деморализуют народ, но являются и открытою пропагандою безнравственности и кощунства. В виду этого Общество, по предложению своего преосвященного председателя, составило по этому вопросу обстоятельный доклад, который уже направлен для рассмотрения в высшие сферы. Отозвалось Киевское религиозно-просветительное Общество и на известный циркуляр министра Народного Просвещения, поставивший на очередь вопрос о нашей средней школе. Оо. законоучители Киевских средних учебных заведений, состоящие членами Общества, по инициативе этого последнего, представили в Совет Общества докладную записку «о желательной постановке дела религиозно-нравственного образования в средних учебных заведениях Министерства Народного Просвещения и о некоторых изменениях в существующих программах Закона

Божия». Советом записка представлена митрополиту с ходатайством дать ей надлежащий ход. Составители записки развивают ту мысль, что русская школа, воспитывающая русское юношество для служения родине – Русской земле, должна быть русской, национальной. А быть национальной для русской школы – значит быть прежде всего православною.

Для этой цели закон Божий в светской средней школе должен быть не учебным только предметом, но действительным руководством учащихся в их религиозно-нравственной жизни. Сообразно с этим и законоучитель должен быть не преподавателем только закона Божия, приходящим на несколько часов в школу, а за стенами её не имеющим никаких пастырских отношений к своим ученикам; он должен быть священником-духовником, действительным пастырем в своей школе, а мир учащихся и учащихся – его паствою в точном и широком значении этого слова. Для этого в каждом среднем учебном заведении должна быть своя церковь, и учащиеся должны быть поставлены под благотворное воздействие храма Божия и церковного богослужения.

В настоящее-же время учащиеся, лишённые в большинстве случаев всякого надзора в своей религиозной жизни, сначала под предлогом послеурочного утомления, а затем по образовавшейся уже привычке, перестают ходить в храм и, таким образом, в результате получается постепенное отчуждение от церкви и охлаждение ко всем вообще религиозным обязанностям православного христианина. В высших учебных заведениях ещё больше благоприятных условий для такого отчуждения. Вот в этих-то ненормальных условиях ученической жизни коренится начало того отчуждения от православной Церкви и индифферентного к ней отношения, которые так часто наблюдаются в светском обществе, и которые так легко колеблют многих в сторону толстовщины, пашковщины и т. п. На средней школе лежит священный долг воспитывать учащихся так, чтобы они выходили из стен учебного заведения верными сынами церкви с убеждением, что кому Церковь не мать, тому Бог не отец (Киев. Епарх. Ведомости).

Собеседования с народом и чтения для него ведутся не только в городах, но и в большинстве сельских приходов, причем являются не проповедью только с одной стороны, а действительным собеседованием, где каждый имеет возможность высказать свои недоумения, суждения с целью получить на них разрешения, наставление или совет.⁵² Таким образом устанавливается всё большее и большее сближение пастыря с пасомыми, пастырь получает возможность непосредственно узнавать духовные нужды пасомых и возможно полнее удовлетворять их. Говоря о повсеместном распространении внебогослужебных чтений и собеседований, епархиальные органы печати свидетельствуют, что под влиянием их, исполнение требований религии становится сознательнее; церковная жизнь в её главнейших проявлениях достигает большего развития; прихожане усерднее посещают храмы; под сводами храмов Божиих кое-где начинает раздаваться всенародное пение, как в первенствующей Церкви; возбуждается всё больший и больший интерес к религиозным вопросам и к чтению душеспасительных книг; прекращаются народные гульбища накануне праздников, усерднее исполняется долг исповеди и Св. Причащения.

Эти собеседования и чтения, особенно интересуют женщин и влияют на них; а в религиозно-нравственном воспитании женщины все уже признают важное значение религиозно-нравственной жизни народа (Воронеж., Орловск. Епарх. Вед.).

Будучи весьма полезными для народа, в некоторых епархиях внебогослужебные собеседования с успехом противодействуют влиянию на население молитвенных собраний сектантов. Таковы напр. в Оренбургской еп. пастырско-миссионерские «беседки» с чтением миссионерских брошюр, миссионерским объяснением слова Божия и общим пением псалмов, устраиваемые с целью противодействия беседкам «людей Божиих» и пропаганде хлыстовства (Оренб. Еп. Вед.).

Такие-же беседки устраиваются и в некоторых местностях Херсонской епарх., с целью противодействия влиянию на население молитвенных собраний штундистов.

Приходские пастыри, работая посильно каждый в своём приходе в деле религиозно-нравственного просвещения своих пасомых, постепенно приходят к сознанию того, что «один в поле не воин», что для успеха дела им необходимо сплотиться в один тесный братский союз и соединёнными силами вести свою религиозно-просветительную деятельность.

Как на лучшее средство такого единения епархиальные органы печати указывают на периодические съезды духовенства для решения религиозно-бытовых вопросов (Архангельские Епарх. Вед.).

Одним из первых опытов таких съездов являются законоучительские и проповеднические собрания священников в Самарской епархии. Мысль об этих собраниях возникла на одном из благочиннических съездов. О. благочинный, указав на общество проповедничества в Петербурге и кратко объяснив цель этого общества, предложил и пастырям своего округа собираться для обсуждения дел проповедничества. Члены собрания охотно отозвались на это предложение. Организовалось пастырское братство, в состав которого вошли все священники округа.

Члены братства периодически собираются для совместного ознакомления с источниками и пособиями проповедничества, для произношения своих и печатных проповедей; для произношения экспромтов, с целью приобретения навыка говорить живым словом; для ознакомления с предметами и содержанием внебогослужебных собеседований; для обсуждения вопросов пастырской практики (Самарск. Епарх. Вед.). Считаю нелишним, со слов Самарских Епарх. Вед. привести описание одного из этих собраний, состоявшегося в селе Л. 15 сентября 98 г.

Кроме шести сельских священников прибыл сюда и местный о. благочинный. Собрание открылось чтением из книги «О должностях пресвитеров приходских» статьи «каким видом учить» (§ 23). Обсуждалось по пунктам: а) о поучениях вероучительных, б) о поучениях полемических, в) о поучениях обличительных, г) о поучениях назидательно-поучительных, и д) о поучениях утешительных.

О поучениях вероучительных – признано полезным и удобоисполнимым объяснение вероучения живым словом, по порядку вопросов и *ответов катехизиса*. В поучениях назидательных – иметь в виду цель – нравственное усовершенствование внутреннего человека, а не внешнюю регламентацию жизни, поставляя последнее как необходимое проявление внутреннего благочестия, по страху Божию.

Практические занятия состояли в произнесении поучений в храме, куда и отправились все присутствовавшие в собрании священники. При этом одни говорили живым словом, а другие произносили по книге. По обсуждению произнесенных поучений собрание пришло к такому заключению: не доверяться вполне печатным поучениям, а следует, по прочтении дома, переделывать их к пониманию и назиданию своих слушателей; относительно произношения иметь такие правила: делать в поучении разметки, где сделать остановки, паузы, повышение голоса и пр.; стараться избегать певучести в голосе с однообразными повышениями и понижениями, даже до упадка голоса, едва слышимого.

Выходить на кафедру с Евангелием, что сообщает проповеднику большой авторитет, как благовестнику слова Божия, может служить воодушевлением и одобрением для проповедника, а на случай затруднения будет средством выйти из затруднения прочтением Евангельского слова. Избегать сочиненности, как в целом, так и в отдельных выражениях и не употреблять деепричастных предложений и отвлеченных слов; говорить лучше просто и короткими предложениями. Проповедник должен устанавливать в проповеди личные, душевные отношения к слушателям, как участвующий своею жизнью во всем их быте.

Для выработки простоты слога, его близости к речи народной и сочувствия к его жизни рекомендовано было читать сочинения Св. Тихона Задонского. Свобода слова, картинность изображения, благочестивое воодушевление может приобретаться чтением проповедей Михаила, Митрополита Новгородского. А высший образец и свободного слова, и трогательного изображения жизни, и душевной близости

отношений в проповедническом слове, раскрытие в себе любви и сострадания к слушателям заключают в себе творения Св. Иоанна Златоустого.

Уже из этого можно видеть, какое важное значение имеют подобные пастырские собрания и как полезны они для приходских пастырей, особенно для молодых и неопытных, которым должны быть дороги каждое указание и совет более опытных собратий. Нельзя не пожелать заведения подобного рода пастырских союзов и в других епархиях, особенно же в приходах, зараженных расколом и разными видами сектантства.

Заботясь о религиозно-нравственном просвещении народа и предохраняя его, т. е. от увлечения различного рода сектантскими лжеучениями, приходские пастыри начинают постепенно принимать деятельное участие и в непосредственной борьбе с расколом и сектантством путем полемических беседований. По свидетельству «Епарх. Вед.» многие пастыри, доселе равнодушные к миссионерскому делу и даже против него предубежденные, считавшие его для себя делом «чуждым и до их прямых обязанностей не относящимся», начинают постепенно приходить к сознанию высоты и важности миссионерского служения и необходимости его, как прямого пастырского долга (Тамб. Еп. Вед.). В некоторых, напр., благочиннических округах Владикавказской епархии беседования ведутся священниками почти во всех приходах, зараженных сектантством (Влад. Еп. Вед.). Деятельное участие в противосектантской и противораскольнической миссии принимают и некоторые пастыри епархий: Херсонской, Екатеринославской, Пермской, Томской и др. Число таких пастырей, по свидетельству Еп. Вед., растет с каждым годом (Херсонские, Екатеринославские, Томские Еп. Вед.). Если где, то в деле борьбы с сектантством и расколом необходимым залогом успеха является объединение пастырей-борцов в тесном союзе.

Наилучшими средствами такого объединения борцов против сектантства и раскола являются епархиальные и окружные съезды священников приходов, зараженных сектантством и расколом, миссионерские комитеты, приходские

и епархиальные братства. Епархиальные съезды состоялись в истекшем году в епархиях: Астраханской, Нижегородской, Олонецкой, Вятской и благочиннические миссионерские съезды в Петербургской и Пермской епархиях. Ближайшие задачи этих съездов заключались во всестороннем обследовании состояния расколо-сектантства в приходах и в выработке мер успешной борьбы с ним. По общему признанию всех съездов, необходимым условием успеха миссионерской борьбы с расколо-сектантством является деятельное участие в этой борьбе приходских пастырей, поэтому съезды стремятся к поднятию в приходском духовенстве знаний по расколо-сектоведению и полемике, средствами для чего служат: учреждение епархиальных и окружных миссионерских библиотек и снабжение приходских церковных библиотек необходимыми для борьбы с расколом и сектантством полемическими изданиями и пособиями (Астраханские, Нижегородские и Олонецкие Еп. Вед.). Астраханский съезд в видах приготовления будущих пастырей к практической миссионерской деятельности признал необходимым привлекать воспитанников 5-го и 6-го классов семинарии к участию в публичных беседах с сектантами и раскольниками (Астр. Еп. Вед.). Ту же цель – приготовление будущих пастырей к практической деятельности, имело и распоряжение Вятского Преосвященного о допущении на некоторые заседания съезда учеников 6-го класса местной семинарии. Распоряжение это, вытекавшее из того соображения, что учеников старших классов семинарии нужно «заинтересовать» практикой жизни приходского священника, «постепенно втягивать» в интересы епархиальной жизни, должно быть признано распоряжением вполне практичным и целесообразным. Ученики семинарии, воспитанные на книжных, оторванных от жизни теориях, многому могут поучиться на съезде, где пред ними развертываются не сухие страницы требника, а картина живой деятельности, с которой, по выходе из школы, придется им столкнуться в качестве активных деятелей (Вят. Еп. Вед.). Пермское духовенство, считая борьбу с расколом прямою своею обязанностью и стремясь к приобретению необходимых

для этого знаний, на одном из съездов постановило: обложить ежегодным рублевым взносом каждый причтовый штат и таким же взносом каждое церк.-прих. попечительство на открытие и пополнение благочинническ. библиотеки; составить общий каталог всех, имеющихся в церковных библиотеках книг и отпечатать его для церквей в потребном количестве, чтобы тем дать причтам возможность обращаться за нужной книгой, не имеющейся у себя, в соседний приход.

Из миссионерских комитетов по своей широкой деятельности выдаются комитеты Томской епархии. Не смотря на недавнее своё возникновение (с 1896 г.), эти комитеты уже успели заявить о себе разносторонней, всё более и более возрастающей и плодотворной деятельностью. Комитеты организуют публичные беседы, заблаговременно определяя их место и время и назначая участников их из состава своих членов; в видах поднятия уровня миссионерских познаний приходского духовенства, организуют миссионерские благочиннические и приходские библиотеки, заботятся о пополнении этих библиотек полемическими изданиями, заботятся об издании противораскольнических брошюр, листов и о распространении их в народе. В видах более успешного противодействия сектантской и раскольнической пропаганде, комитеты внимательно следят за деятельностью пропагандистов, для чего ведут особые раскольнические и сектантские списки, записи событий из расколо-сектантской жизни и случаев миссионерской практики. В видах предупреждения соращения православных в сектантство и раскол из-за материальной помощи, получаемой от сектантов и раскольников, комитеты основывают миссионерские вспомогательные капиталы; так напр., один из комитетов постановил для образования такого капитала отчислять ежегодно по ½% из братских доходов каждого причта и, по мере увеличения капитала, 50 р. выделять ежегодно в запасный капитал, а остальные употреблять на текущие расходы. Но самая главная и принципиальная заслуга комитетов состоит в том, что они содействовали подъему миссионерского духа среди духовенства, росту сознания им своих миссионерских

обязанностей, возбудили в нём горячее желание самому взять в свои руки дело борьбы с религиозными заблуждениями. Уже из этого краткого обзора деятельности миссионерских комитетов можно видеть – как плодотворна их деятельность, как необходима она для успеха миссионерской борьбы с расколом-сектантством и как желательно, поэтому, скорейшее повсеместное открытие этих полезных для дела миссии и ничем другим незаменимых учреждений.

А. Орлов

Э. О. Современный раскол // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 126–131

«Полоса» – местожителство лжееписк. Сильвестра. – Нравы её насельников. – Фанатизм стародубских раскольников в отношении к прав. Церкви; отношение их к суду над В. Мельниковым. – Воззвания Швецова-Картушина к раскольникам о сборе на раненых и на расходы по подаче всеподданнейшего прошения – Раскольники г. Витебска.

Как знают наши читатели, самым крепким ратователем за окружное послание был прежде, остается и теперь лжеепископ Сильвестр, проживающий в Стародубских слободах. Много ему пришлось перенести всяких неприятностей за это и от паствы своей, и от собратий; но он остается и доселе верным окружному посланию. В виду его важности в расколе, не лишне будет подробнее поговорить и о месте жительства его. Живет Сильвестр в «Полосе», в местности известной в расколе под именем «Красноборского Предотечева монастыря», находящейся в 15 верстах от Клинцов. Уединенно раскинутый среди прелестного соснового бора, скит вполне заслуживает название «Красноборского» монастыря. Бор и прилегающие угодья составляют, как говорят раскольники, неотъемлемую собственность монастыря; с приобретением-же Клинцовским обществом от князей Голицыных теперешних земельных угодий, была отведена обществом монастырю целая полоса земли, от чего монастырь получил известное свое название «Полосы». Кроме штата лжеепископа, в монастыре проживает всего не менее 70–80 человек при 10–15 монашествующих.

Управление монастырем, как и вообще всеми молельнями раскольников, лежит на попечителях, которые и заправляют и духовными и хозяйственными делами монастыря. Попечители избирают сами для монастыря игумена, который и отдает все отчеты им. В помощь ему избирается эконо. Содержится монастырь на средства, присылаемые ревнителями древнего благочестия, и на доходы от своих угодий. Все жертвы на монастырь получают чрез попечителей лжеепископом, а

потому-то и не удивительно, что Сильвестр имел столько денег (см. Мис. Обоз. апрель месяц). Неудивительно и то, что тепло живется и гг. попечителям, что хорошо идут их торговые дела и коммерческие обороты. Дележ 9 тысяч живо иллюстрирует действия попечителей. Пред каждым праздником посылаются из монастыря сборщики на «свечу». Эти сборщики ходят из дома в дом и, сотворив по входе в дом Иисусову молитву, говорят: «празднику на свечу такому-то, празднику в «Полосу!» Но собранные деньги редко доставляются в монастырь... Пред праздниками Св. Пасхи и Рождества, из монастыря посылаются несколько человек на лошади с бочкой для сбора молока и яиц, «разговеться». Не проходят без инцидентов эти сборы. Напр., не так давно, кажется к Пасхе, сборщики с собранным молоком и корзинами яиц подъехали к казенной винной лавке. По всей вероятности «старцы скитники» не к одной уже лавке подъезжали, ибо были сильно навеселе. Возница повернул как-то круто; лошадь и воз с огромной бочкой, полной молока и корзины яиц полетели с горы. Молоко из разбитой бочки оросило горку, яйца разлетелись все вдребезги, а сборщики с горя закутили и запили «мертвую». Инцидент этот наделал много смеху и попечители уже стали сами иметь наблюдение за монастырскими сборщиками. Не может обитель похвалиться строгостью жизни и самих насельников. Расположенное близ монастыря село Тулуковщина представляет не малый соблазн «отцам пустынным». Относительно-же дисциплины говорить нечего: она положительно отсутствует. Власть игумена ничто; одна власть в монастыре – это власть попечителей, но они в Клинцах, а за отсутствием их царит полнейший произвол. Для характеристики не лишним будет привести пример. Игуменствовал еще Порфирий, теперь лжеепископ Самарский; во время одного праздника служил он обедню. Апостол вышел читать инок Мартиниан – его духовный и евангельский в монашестве сын, теперешний игумен «Полосы». На Мартиниане были калоши. И вот вместо возгласа «вонмем» из алтаря моленной раздается грозный оклик Порфирия: – «Ступай вон и сними калоши!» – «А твоё какое дело, что я надел калоши» – отвечал Мартиниан. – «Я тебе не благословляю читать

апостола, говорит Порфирий». – «А я и знать не хочу твоего безумного благословения». Здесь Мартиниан бросил апостол и с бранью и шумом выбегает из моленной, грозя поколотить своего евангельского отца и игумена, и всё это в присутствии лжеепископа Сильвестра.

В настоящее время «Красноборский Предотечев монастырь» начинает приходить в упадок. Ненависть гг. С-ных к Сильвестру отразилось на монастыре. Присылок провизией не стало, подаваний на молитву нет. Проникший в печать слух о дележе попечителями денег прекратил присылку из Москвы и Дона, и новый ругатель-игумен разгоняет «отцов-пустынных».

Сильно ропщут на Сильвестра все скитники: «не нам, говорят, дал денег на молитву, а роздал их попечителям-богачам, которые и так ограбили весь монастырь. Мы знаем, что присылают нам по 3–5 руб. на человека, а он дает по гривеннику».

И таковая беспорядочная жизнь не в «Полосе» только: она наблюдается повсюду в стародубском расколе. Но внутри себя, будучи полон всяких неурядиц и нестроений, раскол стародубский однако в ненависти своей к православной Церкви нисколько не сглаживает своего фанатизма. Вот интересный факт, иллюстрирующий это положение.

В некоторых местах «Стародубья» существуют общие кладбища для единоверцев и раскольников; но хозяевами их почему-то почитают себя последние. 31-го июня на местной фабрике Боксant и К° по неосторожности упал и убился маляр, единоверец. Когда кончены были полицейские формальности и предписано было одному из единоверческих причтов предать тело земле по христианскому обряду, кладбищенский сторож-раскольник (содержавшийся на средства посадской думы) не пустил на кладбище и даже прогнал пришедших рыть могилу. «Я, говорил он, не дам рыть могилы для мазепы!» – «У нас есть, отвечали ему пришедшие, от полиции разрешение, да и батюшка прислал нас». «Я знать никого не хочу; пусть пришлют мне записку от попечителей и тогда пушу». Только лишь репрессивные меры сломали мощь раскольниковьего стража. Между тем на самых видных и лучших местах кладбища красуются

памятники с барельефными украшениями Св. Чаши и Евангелия и с надписями: «Священноиерей такой-то». Разве тут не публичное доказательство раскола? Какой-либо мещанин или крестьянин присвоит себе сан православного иерея! Не знающий православный, прочтя надпись, молитвенно помянет его лже-священство. Да и неоднократно приходится слышать заявления, зачем-де позволяют на могилах раскольниковых лже-попов ставить подобные памятники, обидные для чувства нас православных.

С другой стороны есть и были такие случаи, когда могилы некоторых православных совершенно исчезали; покорные попечителям сторожа в ночь срывали холмики, под видом будто бы расчистить дорожки. Относительно-же раскольниковых пения на площадях и улицах при провожании умерших и говорить нечего: не только поют, но и провожают с церковными подсвечниками.

А дома жительства раскольниковых попов более известны, чем православного священника. Мне однажды в бытность в п. Добрянке нужно было съездить к священнику. Но за незнанием подробного адреса его, пришлось побывать у дома двух раскольниковых лже-попов, прежде чем найти православного священника,

Немного было приутихли стародубские раскольники после того, как 24-го прошлого мая стародубский окружной суд вынес обвинительный вердикт неизвестному Василию Мельникову за распространение в России его подпольной газетки «Слова Правды». Но теперь, когда вердикт этот Судебной Палатой отменен, раскольники ликуют и торжествуют сильнее прежнего. Еще до рассмотрения дела Окружным Судом раскольники сильно готовились к тому, чтобы не дать в обиду своего «многоценного» апологета. С каким усердием вносили они свои лепты в корвану отца Мельниковых попа Ефима. Одни Клинцы преподнесли ему 17 тысяч, и, как сами раскольники не скрывая говорили, ко дню суда Василия приготовлено 50 тыс. рублей. Но ни деньги, ни витийские речи столичных светил адвокатского мира не помогли тогда. Даже многие благомыслящие

раскольники говорили после суда, что давно-бы пора пресечь творимое безобразиями-мальчишками.

Но теперь опять смущены православные и торжествуют раскольники.

Сильно взволновал Стародубье известный циркуляр министра внутр. дел от 30 апр. 1900 г. «Над нами разразилась гроза», писал ученик Швецова – Усов, из-за которой «приходится много ездить и хлопотать»... И, действительно, не решаясь сами что-нибудь предпринять, раскольники Стародубья, поразослали запросы в Москву и к известным адвокатам – радетелям раскола. В это-то время появилась копия составленного на Урале О. В. Швецовым прошения на Высочайшее имя от лица старообрядцев. Недоверчиво отнеслись к этой затее Швецова стародубцы, а Сильвестр прямо заявил, что без одобрения Москвы он к ней не присоединится. Чтобы узнать мнение на этот счет Москвы и то, насколько она в ней принимает участие, был послан туда один из попов Иван Юров. Этот разузнал в Москве, что писал Картушин, но москвичи не согласны со Швецовым и затею его отвергают. Если, говорили москвичи, необходимость укажет, они и без еретика (так теперь уже начинают величать Швецова многие из самих раскольников) сумеют написать и подать прошение... Это последнее они и писали; по крайней мере теперь в Стародубье распространяется таковое, оттиснутое на гектографе, в большом количестве. Подавали-ли они его или только думают, пока неизвестно. По содержанию и по характеру это московское прошение ничем не отличается от Швецовского: оно также восхваляет старообрядчество и исполнено злобы и ненависти к Церкви православной.

Мы получили из N. губернии копию с отношения Арсения Швецова к одному из лже-иереев раскольничьих за подписью «Смиранный Арсений старообрядческий епископ Уральский и временный Нижегородский и Уренский».

Вот что пишет лже-епископ: «в виду того, что мы просим, у Государя Императора милости и свободы нашего исповедания, непременно и нам нужно сотворить милость на нужды государства. По всей России сбор в пользу больных и раненных

на войне с Китаем. Положить сюда каждому посильную лепту будет непротивно воле Божией и нашему древнему благочестию. Поэтому благословляю вас в три следующих праздника после службы предложить христианам сотворить пожертвование на Красный Крест, у кого какое найдется усердие.

И еще требовалось бы по мере возможности каждому помочь на ходатайство и подачу прошения Государю, ибо здесь (?) требуются порядочные расходы (?). Сборы на раненых вложите в прилагаемый печатный конверт Красного Креста, а если найдется у кого усердие помочь на ходатайство и на подачу нашего прошения Государю, то пошлите почтою на В-ру М-ну С-ну в Нижний-Новгород, а если можно то руками (?). На что и препровождается Вам мир и благословение Божие». Следует подпись.

Итак, побуждением к сбору на раненых у раскольничьих патриотов послужила затея с подачею Всеподданнейшего прошения о какой-то раскольничьей свободе вероисповедания. Высочайшую милость они хотят предвосхитить своею милостью на нужды государства. Вот где сказался настоящий раскольничий патриотизм!... И тут же агитаторы бесстыдно эксплуатируют доверчивую массу позорными предложениями о сборах *на ходатайство и подачу* всеподданнейшего прошения. Не знаем, шли-ли когда далее раскольничье бесстыдство и распущенность? Легко попят, какое деморализующее влияние на массу производят подобные бесстыжие заявления лжевладык. В местности, о которой идет речь, собрана *одинаковая* сумма и на раненных, и на подачу прошения.

Спрашивается, сколько-же собрано по всей России со старообрядцев на раненых воинов и «на расходы», и куда эти деньги пошли? Не пора-ли положить предел той смуте, которую производят в спокойной массе раскольничьего населения их расколовожди подобными незаконными деяниями?

Кроме Стародубья, есть другой крупный раскольничий центр – на западе России, приютившийся в Витебской губернии. В Витебске живут преимущественно раскольники безпоповцы, федосеевцы и только самая незначительная часть их –

поповцы, управляемая уставщиками (до 10 семейств); численность же всех раскольников г. Витебска достигает до 1000 душ обоюго пола. Официальных моленных они не имеют, но неофициальных – три.

Раскол в городе Витебске еще совершенно не тронут миссией. Он здесь дик, невежествен и фанатичен, и с совершенно ожидовевшим характером и своеобразен. При словах раскольника, разумеется неискренних: «Бог знает, какая вера лучше, мы и сами не знаем», спросишь: «читал ли ты св. Евангелие»? – И получаешь в ответ таковое рассуждение: Евангелие читается у нас в моленной, а не каждый день, на то праздник, чтобы читать его (в моленной), ты служишь и знаешь сам; часослов и псалтырь читаем, молиться мы умеем, нам больше ничего не нужно; в какой вере и в каком кресте родился, в той и помру; а не каждый день читать Евангелие, нужно промышлять и о куске хлеба, мы люди бедные и грешные (семейные)». А посмотришь, имеет несколько лавок или землю и огороды. Но тем не менее и здешний раскол, при всем его индифферентизме, материализме и жизненной ярмарочности, усиливает прозелитизм свой на счет православия. На миссионерские беседы без содействия полиции почти никто не является. «Скажи, Егорка, что там брехали? Я хотел было послушать, да зашел в зверинец, интересно, как еврейская пророчица (ослица) плясала», слышится от наших раскольников.

Как раскольники, так единоверцы здесь какого-то холерического темперамента. «У нас, батюшка, люди дерзкие», – говорил мне по моём прибытии в Витебск один православный человек. Ну и на самом деле «дерзкие»!... Не легко с ними дело иметь миссионеру!

Библиография

**Булгаков Н. Секты хлыстов и скопцов.
Исследование священника Константина Кутепова.
Издание второе. Ставрополь-губернский. 1900 г. 1–
546 стр. Цена 3 руб. // Миссионерское обозрение.
1901. № 1. С. 132–135**

Людам, интересующимся русским мистическим сектантством, а тем более близко стоящим к нашей внутренней миссии, хорошо известна настоящая книга о. Кутепова по её первому изданию (Казань, 1882 г. См. также «Православный Собеседник» за 1882 год в Приложении), а потому естественно поинтересоваться, что же нового дает она во втором её издании? Во втором издании своей книги о. Кутепов не делает никаких изменений и дополнений: как и в первом издании, вслед за обзором литературы по изучению хлыстовщины и скопчества (стр. 1–34) идут три отдела, из коих в первом о. Кутеповым излагается история секты хлыстов и скопцов до 1880 г. включительно (стр. 35–254); во втором автор трактует о догматическом и нравственном учении хлыстов и скопцов (стр. 255–307, 329–375), о физиологии оскотления (стр. 375–396) и о быте тех и других сектантов (стр. 307–328, 396–427); в третьем рассматривает богослужебный культ хлыстовско-скопческой секты (стр. 428–544). Небольшое заключение книги (стр. 545–546) посвящено решению вопроса, что скопчество не составляет хлыстовского монашеского ордена, а есть секта отдельная и отличная от секты хлыстов.

Но, не смотря на отсутствие новизны во втором издании книги о. Кутепова, она и прежним своим содержанием по сие время продолжает занимать главное и, можно сказать, единственное место (если не считать сочинения свящ. А. Рождественского «Хлыстовщина и скопчество в России». Москва. 1882 г., которого нет в продаже) в ряду специальных трудов по исследованию хлыстовщины и скопчества. А ясность изложения, отсутствие ненужного многословия, тщательное критическое отношение к источникам и пособиям, имевшимся под руками у автора при первом издании, простой, без всяких

вычурностей язык – таковы научные достоинства труда о. Кутепова. С этой стороны нельзя не признать, что выход его вторым изданием является как нельзя более кстати. Книг по изучению и обличению хлыстовщины и скопчества в продаже в настоящее время имеется очень мало, а между тем обе гнусные секты не дремлют в своём прозелитизме на счет православия. Достаточным доказательством ползучей, если можно так выразиться, жизнедеятельности этих сект служат столь еще недавние процессы Дурманова, тарусских хлыстов, бр. Утицких и только что закончившееся судебным разбирательством дела о скопцах Петергофского и Царскосельского уездов. В библиотеках приходов, зараженных мистическим сектантством, книга о. Кутепова должна занять бесспорно надлежащее место.

Признавая, однако, всю научную ценность труда о. Кутепова, мы должны на этот счет сделать и некоторые оговорки. Нам, во-первых, кажется странным, что автор не внес в свою книгу никаких изменений и дополнений сообразно с современным состоянием науки о мистическом сектантстве. И прежде всего это нужно сказать об истории хлыстовщины: изложение истории этой секты с 1752–1880 г. состоит в книге о. Кутепова (стр. 83–90) собственно в описании только некоторых эпизодов, имевших место за указанный период времени в 8 губерниях центральной России. Посему, если бы автор дал подобающее место в своём исследовании тому историческому материалу, который представляют нам последние судебные процессы о хлыстах, то его книга только, разумеется, выиграла бы в своей научной обстоятельности. Затем автор, касаясь бракоборного учения хлыстов, ограничивает разврат, присущий этой секте, исключительно свальным грехом, который совершается при всех «трех вицах хлыстовского богослужения» (стр. 516). Между тем, из сообщений членов последнего Всероссийского Миссионерского Съезда выяснилось, что в современных толках хлыстовства существуют и другие виды гнусного разврата. «В настоящее время, – говорит проф. Ивановский в своей экспертизе по делу об Оренбургских хлыстах, – «свальный грех» в прежней форме если и бывает, то очень редко, а изобретаются иные виды разврата, то

относительно сдержанные, почти неприметные, – так что иногда обнаруживаются следы оного чрез освидетельствование, то безобразно-циничные, в роде хождений мужчин и женщин вместе в баню после радений и других гнусных действий» («Миссион. Обзор.» 1897 г., сентябрь). В частности среди хлыстов Петербургской губерний приходится в настоящее время наблюдать разврат, освящаемый догмой хлыстовского учения. исключительно в форме мены жен или же в виде разврата преимущественно «кормщиков» хлыстовских кораблей. – По вопросу о причащении хлыстов автор придерживается своего прежнего мнения о существовании у хлыстов причащения телом и кровью младенцев и грудью «богородицы» (стр. 11, 516 и дал., 543). Едва ли такие суждения почтенного автора можно признать научно-современными, имея опять-таки в виду последние процессы о хлыстах. Если и уместно теперь говорить о причащении человеческим телом и кровью у хлыстов, то только как о «деле давно минувших дней, предании старины глубокой». Нет сомнения, что хлысты, по крайней мере, теперь – не людоеды; из последних официальных и неофициальных известий о хлыстах видно, что они причащаются водою и хлебом, кусочками белого калача, изюмом и т. п.; у некоторых хлыстов причащением служит то, что у сидящей в углу «богородицы» целуют коленку или другую часть «святого и животворящего тела»; у самарских хлыстов Ставропольского уезда обнаружен особый вид причащения: они глотают пламя и дым от зажженных свеч. Но те же известия не дают ни малейших оснований поддерживать «подернутое плесенью давности» мнение о причащении хлыстов человеческим телом и кровью. По всей справедливости, это мнение должно быть теперь отнесено в науке сектоведения к так называемым *idola fori* Бэкона, т. е. научным предрассудкам, которым совсем не место в капитальном исследовании по известному вопросу. В защиту своей гипотезы о людоедстве современных хлыстов о. Кутепов приводит одно только сообщение «Русск. Правды» (из «Моск. Епарх. Вед.» 1879 г., № 6) из Екатеринбурга, что на Невьянском заводе обнаружена в 1878 г. кража детей последователями «какой-то новой секты». Уворованных детей

закаляли и причащались их кровью... «Нам неизвестно, – добавляет автор, – производилось ли судебное следствие по этому весьма важному случаю, и если производилось, то каковы были его результаты» (стр. 527). В виду этой, именно, неизвестности относительно проверки судебно-следственным порядком корреспонденции «Русск. Правды», к названной корреспонденции нужно относиться крайне осторожно. Ведь о. Кутепов несомненно же знает, что светская печать со своими «услужливыми» сообщениями по делам внутренней миссии оказывается в большинстве случаев «опаснее врага». Есть в книге о. Кутепова и другие недочеты, и притом значительные, например, его положения, что кормщица в хлыстовских кораблях должна быть красивой наружности (стр. 349), или что так называемые «духовные скопцы» отвергают необходимость оскопления (стр. 395).

Не смотря на то, что исследование о. Кутепова устарело и отстало в своих сведениях от последнего слова науки сектоведения – повторяем, труд этот из тех, без которого нельзя обойтись специальным деятелям внутренней миссии.

Н. Булгаков

**Чельцов М., Тихомиров И. Раскол в пределах
Калужской епархии. Прошрое и настоящее местного
раскола. Калуга 1900 г. стр. 173. Ц. 1 руб. //**
Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 135–138

История местного раскола – по отдельным епархиям или областям у нас совсем не разработана и потому известна мало – только отрывками. У нас есть истории раскола Стародубского, Донского, Саратовского, Пермского... и только. А между тем раскол креп и развивался не в этих только его центрах: кое-где по местам он был не менее силен, значителен и грозен для Церкви православной, чем в этих центрах своих. Поэтому не можем не приветствовать появления труда г. Тихомирова, взявшегося восстановить пред нами жизнь раскола в пределах Калужской епархии. Раскол Калужский, правда, не имел в истории российского раскола самостоятельного значения, но вся его жизнь так тесно связана и перепутана со всей историей раскола вообще и такие громадные услуги ему оказывала, что она по справедливости заслуживает своей собственной истории. Каковой же эта история рисуется нам в книге г. Тихомирова?

Чтобы изложить исторически жизнь раскола какой-либо местности, необходимо нужно быть знакомым с архивными делами трех, по крайней мере, учреждений – Духовной Консistorии, Губернского Правления и Св. Синода. Да, кроме того, далеко не лишне быть осведомленным в преданиях, верованиях, традициях и т. под. современных раскольников. Не говорим уже того, что вся литература о местном расколе должна быть изучена. К сожалению, эти законнейшие требования г. Тихомировым не были соблюдены. Он писал свою книгу на основании почти исключительно одного лишь источника – архивных данных о расколе из дел местной консистории. Делами из архива Губернского Правления он воспользовался только теми немногими, которые были уже описаны в Калуж. Еп. Ведомостях. В силу такой односторонности пользования источниками и история раскола калужского в его книге

представлена неполной. Он, строго говоря, говорит нам лишь о расколе Боровском, весьма немного о Калужском, еще менее о Медынском и почти ничего о Жиздринском и др. уездов. Эта неполнота труда г. Тихомирова объясняется отчасти виной самого автора – недостаточным его трудолюбием, а главным образом тем, что по разработке архивных дел Губернского Правления и Св. Синода, касающихся Калужского раскола, до него почти ничего не было сделано. Автор, т. об., сам прокладывал себе дорогу...

Рассматривая же книгу г. Тихомирова со стороны того, что в ней есть, мы были странно удивлены одною особенностью её плана. Сказавши о насаждении и распространении раскола в пределах нынешней Калужской епархии и о состоянии его в XVIII в. (1 гл.), он описывает состояние его от учреждения Калужской епархии до царствования Александра II (2 гл.) и от этого времени и до наших дней (3 гл.). Говоря во 2 и 3 гл. о расколе, он оговаривается, что имеет в виду лишь раскол поповщинский, а о безпоповщинском расколе он говорит в 5 главе. О чём же речь в 4 главе? Да не более – ни менее, как о Единоверии. Что же тогда по автору единоверие? Третий, особый вид раскола что-ли? А если нет, то почему же он отвел речи о нём это неподобающее ему место в своей книге? Чем он руководствовался в данном случае? Если тем, что преимущественное влияние он обратил на жизнь поповцев и ей он уделил большую часть своей книги, – то это – совершенно неосновательный мотив. Как бы ни была незначительна безпоповщина Калужская, а таковою она совершенно опять несправедливо представляется автору и представляется лишь в силу опущения им громадной части безпоповщины юго-западных уездов, – все-таки о ней требовалось бы говорить в общей истории Калужского раскола. К тому же едва-ли и сам автор решится утверждать, что единоверцы были только из раскольников-поповцев, что опять давало бы ему хоть какой-нибудь предлог к выделению Единоверия в какую-то промежуточность между поповщиной и безпоповщиной. И так при отсутствии мотивов к своему странному плану, автор однако нанес Единоверию незаслуженную обиду. – Еще о плане.

Заглавие книги автора обещает нам только историю раскола Калужского, а речь о миссии местной лишь постольку и с той стороны, поскольку и с какой стороны она влияла на жизнь раскола и видоизменяла её. У автора же речи о миссии уделено не мало внимания – стр. 90–98, 119–130, при этом он, кажется, не имел в виду указать хоть какое-нибудь взаимоотношение миссии и местного раскола: по крайней мере из книги этого не видно. Такая отдельность одного от другого рассуждения автора о расколе и миссии против него сделала содержание его книги шире, чем должно быть по заглавию её.

Обращаясь к самому содержанию книги г. Тихомирова, мы замечаем большую неполноту в сообщаемом им о Калужском расколе. Кое-что из этого мы уже указали, добавим еще, что о безпоповщине автором сказано очень мало. В калужской епархии есть и брачники, и безбрачники, и филипповцы, и нетовцы. Лет каких-нибудь 30–40 тому назад безпоповцы, напр., Полотняного завода, теперь почти там вымершие, грозили поглотить собою поповцев-австрийцев в виду бывших у последних волнений из-за окружного послания. Опустил автор из виду и такого знаменитого в расколе мужа, как Ил. Г. Кабанов (Ксенос) и такое, в своё время наделавшее много шума среди Калужских раскольников, событие, как беседы с ними в середине 80-х годов Т. И. Филиппова. Недостаточно сказано о главном виновнике появления и распространения, среди Калужских раскольников толка противоокружников, А. Н. Костине. Костин – и сам в расколе лицо немаловажное, и вызванный им раздор среди поповцев-австрийцев весьма значителен, как-то, как бы мельком, без обращения на то должного внимания, ведется у автора рассказ о принятии Калужскими поповцами лжесвященников Амвросиева поставления.

Нельзя не отметить и некоторых неверностей в книге г. Тихомирова. Неверно его утверждение, что «и вообще на Руси» (стр. 86) раскол развивался без воздействия на него со стороны православного духовенства. Мы, напр., знаем, 1) что еще в 20–30-х годах по некоторым епархиям была организуема уже приходская и епархиальная миссия. 2) Лужковская секта известна не с начала 40-х годов (стр. 61 прим.), а с двадцатых.

3) Посад называется не Лужково (стр. 80), а Лужски. 4) Софроний не назывался епископом Калужским (стр. 106). Встречаются у автора неточные выражения, напр., «австрийская духовная власть» (стр. 104) под которой он понимает Белокриницкую лжеиерархию; – архим. Мисаил величается у него «довольно опытным по делам русского раскола» (стр. 119), что означает его миссионерскую опытность. – Не мало неточностей у автора произошло от частого злоупотребления его местоимением третьего лица: его «он», «они», не знаешь, к какому из нескольких приведенных автором существительных следует отнести...

Но при всех нами указанных недостатках книга г. Тихомирова заслуживает того, чтобы её прочли не только все, интересующиеся калужской стороной, но и все занимающиеся изучением истории нашего раскола старообрядства. Автору довольно-таки пришлось поработать над архивными консисторскими делами, многие из них снова вызвав на свет Божий. Не малую его заслугу составляет и то, что жизнь Калужского раскола он старался излагать в связи с общими событиями в российском расколе и освещать их с точки зрения существовавших в то или другое время взглядов, отношений и законов касательно раскола. Вся история Калужского раскола, далее, излагается им, во взятых им пределах совершенно верно с действительно бывшим. По местам сухое прагматическое изложение её у автора прерывается иронией, одобрением и даже «маленьким негодованием». Поэтому в общем книга г. Тихомирова читается легко и с интересом.

Выписывать её можно от автора, учителя Калужского Дух. училища.

**М. Ч. (Чельцов М.), Успенский М.И. и
Рождественский Т.С. Рассудная книга для
старообрядцев, в которой приспособительно к их
понятиям говорится о любомудрии, рассудной
науке и силлогизмах. (Сочинение протопресвитера
И.П. Полубенского). Рязань. 1900 г. VI–80 стр. //
Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 138–140**

Среди наших полемистов против раскола прошлого и начала нынешнего столетия протопресвитер о. И.П. Полубенский стоит как-то одиноко. Его труды полемические только еще приводятся в известность и издаются; открывающийся в них его метод обличения раскольников не столько держится церковно-археологической доказательности, сколько направляется к тому, чтобы доказать раскольникам логическую несостоятельность их заблуждений. В силу этого всего и его заслуги, как деятеля, собственно говоря, еще мало признаны и совсем почти неизвестны. Его сочинение, заглавие которого выписано, только впервые издается, будучи найдено в одном из рукописных сборников Воронежского губернского музея, – сборников, принадлежащих раскольникам. Написано же оно было автором еще в первой четверти 19 столетия и в 1825 г. было уже представлено в цензурный комитет. Как с ним поступили в цензурном комитете, и почему оно не было напечатано, – ничего неизвестно.

«Рассудная книга» – это логика для старообрядцев. Цель её та, чтобы «дать понять старообрядцам о рассудной науке и силлогизмах истинных и ложных, сиречь о софизмах», Это, по словам автора, нужно для того, «чтоб истину во всякой вещи познать и познанную другим уметь достаточно и сильно, непобедимо доказать или от противных защитить, также и ложные мнения вскоре и без промедления узнать и их безвозвратно опровергнуть». Придавая столь большое значение рассудной науке, автор счел нужным оговориться, что и он сам «любомудрие, рассудную науку и знание различать истинные

силлогизмы с софизмами или ложными умствованиями ставит за ничто, когда всё то не будет соединено с истинным деятельным благочестием и богоугодною жизнью».

Издатели нашли в книге 6 глав и 4 приложения, хотя эти приложения они не выделили, как приложениями за таковые их трудно было бы почесть, потому что они составляют собственно дальнейшее развитие и обоснование мыслей самой книги и от глав отличаются разве тем только, что не имеют при себе цифрового счета. *Первая* глава доказывает, что «правое любомудрие, рассудная наука и знание различать истинные силлогизмы от софизмов или ложных умствований не вредит спасению», – доказывает это историческими примерами и текстом уважаемых же старообрядцами книг. Во *второй* главе, «чтоб отдалить всякое неблагоприятное мнение от ума старообрядцев и показать, что здравая философия есть наука непротивная Богу», разъясняется «Понятие о любомудрии или философии вообще»; В *третьей* – сообщается «Понятие о истинных силлогизмах или сорассуждениях». Примеры для силлогизма и его различных родов автор берет из Св. Писания и из богослужебных книг. «Самые, по-видимому, простые речения, пишет автор, из двух только слов состоящие суть в самой вещи силлогизмы, напри^м: *Господи помилуй*. Что по первой фигуре силлогизмов таким образом производится: кто власть имеет помиловать, тому и молиться должно о помиловании; то (но?) Ты, Господи, истинный Боже, власть таковую имеешь, следовательно, (молюся Тебе) Ты, Господи, и помилуй!» *Четвертая и пятая* главы рассуждают «О софизмах или ложных силлогизмах», *шестая* – «О причинах ложного умствования». По словам автора, «ложное умствование и софизмы рождаются из *предпочтения* чего-либо от *скорости в рассуждении, от нерассудности* (курсив автора) верить всему без испытания, также от надменности не верить. Не менее того препятствуют изобретать истину предрассуждение, самолюбие, пристрастие к чему-либо, защищения своей секты, гнев, ненависть, человекоугодие, упрямство, виды корысти и прочие пристрастия»... И для многих из этих причин приводятся примеры. В приложении помещены статьи: а) «О словах, не

одно знаменование имеющих, которые встречаются в церковных книгах», б) «Образцы противоположений и софизмов, опроверженных на пятом вселенском соборе», в) «Опровержение софизмов, которые выставляемы были донатистами в 5 веке» и г) «Два сказания» или проповеди: А) на день Ваий («о действии спасительной благодати Божией и свободного нашего произволения») и Б) «В день Пасхи» («о жизни будущего века»).

О достоинствах и недостатках книги мы приведем, справедливый, по нашему мнению, отзыв самих же издателей её. «Достоинствами трудов о. Полубенского служит сила и ясность его суждений, оригинальность и меткость аргументации, богатство полемического материала. Единственная в своём роде попытка дать в «Рассудной книге» логику для старообрядцев едва ли, может быть признана вполне удачной. При всём своём старании сообщить читателям представление о науке, «соразмерное с понятиями старообрядцев», упростить изложение путем перевода на русский язык научных терминов (напр. «преестествословие вместо «метафизика», «духословие» вместо «психология»), – автор принужден все-таки признаться, что некоторые философские понятия «изъяснить не очень удобно». Как по содержанию, так и по изложению «Рассудная книга» едва ли доступна для раскольников»... Но «для деятелей миссии в их борьбе с расколом и сектантством» издатели находят эту книгу «весьма полезной»...

Два слова по поводу издания. Издатели книги, кажется, пожелали представить в печати точную копию с найденной ими рукописи. Не говоря уже о том, насколько найденная ими рукопись в раскольническом сборнике соответствует в текстуальном отношении подлиннику – рукописи самого автора, скажем лишь, что едва-ли издатели правы, скопировав, насколько об этом можно судить по печатному оттиску, рукопись даже до оставления в печати знаков препинания её и оставив вносные слова не вставленными в принятые кавычки. Следствием этого явилось то, что и без того трудная речь автора приобрела новые затруднения от издания.

М. Ч.

Миссионерский Вестник

**Новогодние приветствия Царю и пожелания Его
Величества России // Миссионерское обозрение.
1901. № 1. С. 141–142**

В день наступавшего Нового года Святейшим Синодом, после божественной литургии и молебствия в Исаакиевском кафедральном соборе, телеграммою принесено было Его Величеству Государю Императору новогоднее приветствие, на которое в тот день в 7 ч. вечера первенствующий синодальный член высокопреосвященный Антоний, митрополит С.-Петербургский, удостоился получить от Его Величества, из Ливадии, следующий ответ:

«Искренно благодарю Святейший Синод за приветствие его с Новым годом. Да ниспошлет Господь Бог благодать Свою на Россию в наступающем новом веке.

Николай»

Телеграмма, отправленная Его Императорскому Величеству, была составлена в следующих выражениях:

«Святейший Синод, совершив торжественно новогоднее молитвословие в Исаакиевском соборе, приветствует Ваше Величество с Новым годом и с новым столетием, молитвенно желая, да будет Ваше мирное и светлое царствование украшением наступившего двадцатого столетия.

Вашего Императорского Величества верноподданные: Антоний, митрополит с.-петербургский и ладожский, Иероним, архиепископ холмский и варшавский, Иаков, епископ кишиневский и хотинский, Епископ Маркелл».

Его Императорское Высочество Московский Генерал-Губернатор Великий Князь Сергей Александрович, на принесенное Им от жителей Москвы, 1 сего января, Их Императорским Величеством Государю Императору и Государыне Императрице Александре Феодоровне поздравление, по случаю Нового года, имел счастье получить следующую телеграмму от Государя Императора:

«Императрица и Я сердечно благодарим Москву и Ваше Императорское Высочество за поздравления и выраженные, по

случаю наступления нового столетия; чувства и пожелания дорогой Нам первопрестольной столицы Нашей».

«Николай»

Поздравление было принесено Его Императорским Высочеством Московским Генерал-Губернатором следующей депешей:

«Ливадия

Его Императорскому Величеству.

Повергая пред Вашим Императорским Величеством верноподданнические поздравления с наступившим Новолетием, Москва горячо молит Всевышнего, да охранит Он Своею милостью Вас, Государь, Государыню Императрицу и всё Ваше Царственное Семейство и да утешит Он сердце Ваше исполнением желаний, направленных ко благу народа, укрепляя в нём и в наступившем столетии семена православной веры и отеческих преданий, составлявших и составляющих несокрушимую силу Богом хранимого Русского Царства». «Генерал-Адъютант Сергей».

Высокопреосвященный Антоний, митрополит с.-петербургский, на посланную Её Величеству Государыне Императрице Александре Феодоровне телеграмму с выражением соболезнования по случаю кончины королевы Англии Виктории, удостоился получить от Государыни Императрицы следующий ответ из Павлограда:

«Ваши добрые слова утешения Моему великому горю запали Мне в сердце, – и ваше истинное понятие о Моей любви к бабушке, которая была для Меня, как мать, глубоко Меня трогает».

«Александра»

Телеграмма, Его Высокопреосвященства была следующая:

«Господь взял к Себе, как зрелую пшеницу, бабушку Вашего Величества. Бабушка и Внучка всегда бывают нежными друзьями. Горестна посему должна быть сердцу Вашему смерть её. Укрепи Вас Господь. Благоволите принять мое глубокое соболезнование Вашему Величеству. Молюсь о почившей». «Антоний, митрополит с.-петербургский».

**Богданович Е. Приезд Их Императорских Величеств
в Петербург // Миссионерское обозрение. 1901. № 1.
С. 142–143**

13 января население северной столицы в полном ликовании: Их Величества и Августейшие Дети возвратились сегодня из Крыма, в добром здравии.

На роскошно убранном вокзале находились Государыня Императрица Мария Феодоровна и все Члены Императорского Дома, а также министры, члены Государственного Совета, сенаторы и высшие чины учреждений. Встреча сотнями тысяч народа на Невском вплоть до Дворца была воистину трогательна. На лицах войск гвардии, расположенных шпалерами по пути следования Царя и Царицы, сияла великая радость. Народный гимн не прерывался по всей линии, но когда Царская карета свернула к Казанскому собору, крики ура прервались, и воцарилась благоговейная тишина. Митрополит Антоний с викариями и столичным духовенством встретил Их Величеств у преддверия храма.

В Казанском соборе высокопреосвященный Антоний приветствовал Их Величеств следующей речью:

«Слава и благодарение Господу, даровавшему нам радость приветствовать Ваши Величества с благополучным возвращением в столицу. Ныне мы светло торжествуем, но недавно еще были для всех нас томительные дни скорби, когда Тебя, Государь, Венценосного Вождя Нашего, постигла тяжкая болезнь, которую с болью сердца разделяла с Тобой и Царственная Твоя Супруга, Государыня наша. Скорбели Вы, скорбели и все мы. Скорбь же не только людей сродняет, но соединенная с молитвой и Бога Самого к ним приближает, низводя на них святую милость Его. И нам скорбевшим даровал Господь милость Свою, возвеличив сердце наше радостью о Тебе, Царе нашем, от недуга лютого милостью же Божиею восстановленном и спасенном. И стал Ты теперь, всегда нам дорогой и сердцу любезный, после дней скорби той, еще драгоценней, еще милей. И вдвойне мы ныне ликуем и

радуемся, счастливые лицезреть Тебя, Государь, и Тебя, Государыня, возвратившихся к нам в здоровье добром, в расцвете крепости и сил, как бы в сиянье светлых живоносных лучей солнца весеннего. Слава и благодарение Господу. Да будет же светел Ваш ныне вход в храм сей и да будут покровом Матери Божией светлы Вам и радостны все дни Царственной жизни Вашей».

После молитвословия и провозглашения многолетия, Державный Хозяин столицы и Государыня Императрица дважды склонили колена пред иконой Божией Матери и приложились к этой святыне.

Выход Их Величеств из собора в сопровождении до паперти митрополитом и всего облаченного духовенства, появление в тот момент солнца, вся эта картина и продолжительная молитва в храме Царской Четы вызвала необычайное отрадное впечатление. Снова перекатное ура и снова народный гимн. Воспитанники училища Правоведения, Лицея и разных гимназий, окружавшие Казанскую площадь, проявляли патриотический восторг; воспитанники военно-учебных заведений и Морского Корпуса, устроенные на Дворцовой площади, называли себя счастливыми быть свидетелями общего народного восторга.

Евгений Богданович

Важнейшие события церковной жизни в 1900 г. // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 144–147

Истекший год богат юбилейными празднествами и воспоминаниями.

27-го октября с большим торжеством праздновалось во всей России столетие единоверия. Особенно торжественно празднество совершалось в Петербурге и Москве.

25-го мая Супральский (Гродненск. губ.) монастырь, выдающийся памятник православия в Северо-Западном крае, праздновал 400-летие своего существования. 11-го мая в Холме торжественно справлялся 25-летний юбилей со дня воссоединения бывших греко-униатов Холмской и Подляшской Руси с Православной Церковью, – событие, которое должно послужить к поднятию энергии у всех работающих на благо Холмской Руси. 26-го сентября состоялось столетие со дня основания вифанской духовной семинарии, а в ноябре – столетие пермской и пензенской семинарий. 30-го сентября, 1-го и 2-го октября рижская епархия праздновала столетие своего самостоятельного существования. Наконец, 18-го мая православное миссионерское общество праздновало своё 30-летие.

15-го декабря в некоторых городах, с особым же торжеством в Одессе, – на последнем месте архипастырской деятельности, – вспоминалось столетие со дня рождения знаменитого из иерархов XIX века, архиепископа херсонского Иннокентия. Могила знаменитого оратора-проповедника, ученого и епископа находится в одесском монастыре, где ко дню юбилея была сооружена икона. – 9-го октября исполнилось 50-летие научно-богословской деятельности протопресвитера и духовника Их Императорских Величеств И. Л. Янышева. Юбиляр стяжал себе почтенную известность, как ректор петербургской академии, как профессор, как оратор и как представитель русских богословов в сношениях со старокатоликами. Другой знаменательный 50-летний юбилей был 20-го декабря. В этот день исполнилось полвека

священнослужения присутствующего в Св. Синоде епископа Маркелла, одного из главных вождей движения, приведшего к воссоединению западно-русских униатов в лоно православия. 27-го октября исполнилось 30 лет служения богословской науке митрополита петербургского Антония и 12-го декабря – 45 лет пастырского служения отца Иоанна Кронштадтского.

Среди выдающихся событий церковно-общественной жизни в 1900 году необходимо поставить на первом месте освящение великолепного собора во имя Александра Невского в Ревеле. Собор этот, строившийся около пяти лет, отвечает назревшей нужде православного населения города на немецкой окраине. 18-го августа в Новгороде, митрополитом киевским Феогностом был освящен реставрированный храм Св. Софии, восьмивековой памятник русского православия. Наконец, 17-го сентября во Владимире Волынском был освящен возобновленный Мстиславов храм, древнейший памятник православия на Волыни.

Русская Церковь в минувшем году понесла большую, утрату в лице киевского митрополита Иоанникия. Почивший пастырь был выдающимся церковным деятелем и знатоком церковной жизни. Будучи архипастырем, он проявлял всюду ревностные заботы об улучшении положения духовенства, считая материальную обеспеченность его залогом независимой духовно-просветительной деятельности. Немалое значение почивший пастырь придавал делу миссионерства и, с целью разработки миссионерских вопросов, он содействовал созыву съездов и устраивал собеседования с расколом. Главное внимание почивший киевский митрополит обращал на религиозно-нравственное просвещение народа в духе православной Церкви. Преемником на киевскую кафедру назначен Феогност, бывший архиепископ новгородский. 4-го августа почил епископ имеретинский Виссарион. На вакантную кафедру назначен епископ горийский Леонид, а на горийскую кафедру – преосвященный Кирион, епископ алавердский. 28-го апреля скончался, управлявший московским Высокопетровским монастырем, епископ Павел.

Нельзя не вспомнить также, что Церковь понесла тяжкую потерю в лице почившей в ночь на 13-е апреля в Киеве настоятельницы Покровского женского монастыря инокини Анастасии, в мире – Её Императорского Высочества Великой Княгини Александры Петровны.

В сфере духовного образования необходимо упомянуть, что при Казанской духовной академии основано философское общество, а при Петербургской – психологическое, имеющие, между прочим, целью распространение интереса к философским и психологическим знаниям среди студентов. В Вятской семинарии в V и VI классах введено преподавание народной медицины. В I и II киевских духовных женских училищах введено преподавание гигиены и медицины. Вопрос о постановке семинарского образования, о реформе его, об иносословных воспитанниках духовных училищ, о переходных экзаменах из духовных училищ в семинарию и др. занимали не только духовную, но и светскую печать. По отдельным епархиям в течение года не мало делалось распоряжений о церковных землях, о свечных заводах, в виде опыта (при симбирском свечном заводе) разрешен центральный епархиальный склад виноградного вина. Опубликован льготный тариф на перевозку для церквей главнейших строительных материалов и колоколов; издавались также распоряжения о мерах к сохранению церковных древностей, о книжных епархиальных складах. В городах устраивались публичные богословские чтения и т. д.

В публицистике горячо, но не без тенденции обсуждались вопросы о роли духовенства в борьбе с народным пьянством, об участии духовенства в деле мелкого кредита, о вторых священниках и об уходе кандидатов академии на светскую службу.

* * *

Из органа Св. Синода читатели уже знают о кончине Нижегородского архипастыря *Преосвященного Владимира*, последовавшей 23 истекшего декабря. Внутренняя миссия считает долгом признательной любви помянуть почившего иерарха добрым словом и молитвою за многое благое,

сделанное им для успеха миссионерского дела. Бог судил святительствовать почившему архипастырю в таких епархиях, как Калуга, Пермь и Нижний, где раскол искони глубоко и широко укоренился. В центре калужского раскола, в Боровске, архипастырь учредил для борьбы с расколом братство преп. Пафнутия, в Перми – расширил миссионерскую деятельность братства св. Стефана, учредил центральную миссионерскую библиотеку и 6 её отделений, расширил также деятельность и Нижегородского Братства св. Креста, образовав новые 6 отделений его в центрах раскола. Местные миссионеры находили в архипастыре заботливое попечение и отзывчивое поощрение. В прошлом году архипастырем был учрежден первый епархиальный миссионерский съезд, который сделал весьма полезные для миссии постановления. На Нижегородской Всероссийской выставке, по мысли архипастыря, был организован миссионерский отдел, являвшийся первым удачным опытом в истории нашей миссии. Отдел останавливал на себе общее внимание – живо интересовались им и раскольники, и сектанты.

Особенно живое попечение принял архипастырь в подавлении проявившегося в Васильском уезде штундистского движения, которое было приостановлено, благодаря организованному воздействию целого ряда соответственных мер. Особенное внимание обращено было почившим владыкою на организацию ярмарочных противораскольничьих бесед.

Миссионерская деятельность и заботы почившего архипастыря об обуздании пропаганды раскола, к сожалению не встречали ни ранее, ни в последние годы должной поддержки со стороны представителей местной администрации Мир праху Святителя Божия, а душе его вечное упокоение в светлых обителях Отца Небесного!

Еще о духоборах в Канаде // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 147

Мы получили новые сведения из Америки о положении духоборов, поселившихся в Канаде. Оказывается, что чем дальше, тем всё тягостнее делается там положение этих несчастных русских сектантов, и не материальное только, но и социальное.

Присматриваясь к духоборам первое время молча, без вмешательства во внутреннюю жизнь этих своеобразных сектантов, местная администрация не долго, однако, потерпела чудачества непротивленцев и их социально-политические по отношению законов и властей вольности, к которым духоборы так привыкли на Кавказе, под опекой благодушнейших российских администраторов. Американские власти потребовали ныне от духоборов полного подчинения во всем местной юрисдикции, начиная с записей в метрические акты выдачи паспортов и продолжая всякими другими обязанностями и повинностями гражданскими. Духоборам и их верховодам толстовцам это пришлось, конечно, очень не по нраву, и среди новоселов начинается новое брожение. «Побежали от волка, а попали на медведя», сетуют молодые на стариков, затеявших безумное дело переселения из России. Слышно, что толстовцам и в частности гр. Л. Н. Толстому «вероломство» канадской администрации причинило велию скорбь, и надо думать, Лев Николаевич не преминет по сему поводу сочинить обличительную иеремиаду по адресу канадских властей; но ведь там не будут расшаркиваться перед «великим писателем земли русской» – как умильно о сем ежедневно возвещают газеты столичные; в Америке умеют проводить свою государственную политику твердо и неуклонно, там не ведают русского благодушия в отношении сектантства. Веруй, как знаешь и хочешь, а в делах государственной важности не шали.

К юбилейному Иннокентиевскому торжеству // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 147–148

15 декабря Херсонская епархия по городам и селам с подобающим образом чествовала память незабвенного архиепископа Иннокентия.

Глубоко и сердечно почитающий в Бозе почившего иерарха Российской Церкви генерал Е. В. Богданович, по случаю молитвенного воспоминания знаменитого пастыря-проповедника в день столетия со времени его рождения, обратился к Его Высокопреосвященству с телеграммой следующего знаменательного содержания: «Достойное чествование вековой годовщины великого святителя Русской Церкви архиепископа Иннокентия, откликнувшего молитвенною памятью о нём здесь, в Петербурге, Москве и во всей Русской православной Церкви, затронуло глубоко душу мою и как современника и свидетеля его архипастырских подвигов среди его паствы и его бомбардирования Одессы и на бастионах Севастополя и как восторженного слушателя вдохновенных, исполненных священного огня, и в тоже время высокохудожественных проповедей Русского Златоуста. Господь судил мне в моей молодости, в родной Одессе, долгое время по вечерам в кельи Владыки пользоваться его глубоко-поучительными беседами и мудрыми советами. Но слезы благодарности льются из моих стареющих очей, когда вспоминаю я, как меня пораженного мучительной болезнью, по совету святителя Иннокентия, принесли к чудотворной иконе Касперовской Божией Матери и как с последним словом моей горячей молитвы мгновенно поднялся я исцеленный с одра тяжкой болезни. Досточтимый Владыко, Вы преемник святителя Иннокентия, Вас прошу, повергните меня мысленно коленопреклоненного к той незабвенной могиле, из которой и до ныне льется благодатный свет великого светильника нашей Русской Церкви. Лишенный возможности быть в Одессе прошу у Вас заочного архипастырского благословения и молитв Ваших».

Миссионерские новости // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 148–149

Противосектантский миссионер Донской области С. А. Романовский, по семейным обстоятельствам, оставил миссионерскую службу и приказом г. Обер-Прокурора Св. Синода назначен преподавателем в Костромскую епархию на кафедру раскола и сект.

Должность противосектантского миссионера в Донской епархии вакантна, желающие занять эту вакансию подают прошение на имя местного архиепископа высокопреосвященного Афанасия.

– В г. Тифлисе при 2 миссионерской церкви вакантна должность священника, на обязанности которого лежит возможно частое во время недели совершение богослужения и проповедание в церкви Слова Божия. Труд священника обеспечен жалованием в 1200 руб. в год.

– Довольно долгое время не имеют причтов два открытые в Карской области прихода, в местах бывших поселений духоборов, между прочим, где было духоборческое село Терпение, заселенное ныне русскими православными переселенцами. Церковь помещается здесь в «духоборческом сионе», построенном для Петруши Веригина, – тут же и школа и квартиры причту. Жалование священнику 600 р. в год от казны. Прошения подаются на имя Экзарха Грузии.

Поразительное изуверство скопцов // **Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 149**

Скопцы, пред вступлением своим в эту секту, между многими обетами дают обет употреблять всевозможные средства к тому, чтобы кого-нибудь породить от себя, т. е. увлечь кого-нибудь в свою секту *per castrationem*, и тем поддержать существование своей секты. По этому поводу каждый из них употребляет всю силу фанатизма к исполнению этого обета, и там, где не действуют их убеждения, они употребляют обман и подкуп, а при крайности не пренебрегают и насилием: в особенности так часто поступают родители с малолетними детьми своими. В 1842 году, когда в нашем крае⁵³ скопцов было не более пяти человек, они оскотили одну женщину, и как, вероятно, оператор был не мастер своего дела, то женщина сия от истощения крови и ужасной боли лишилась рассудка на всю жизнь (из официальн. источ.). Другой еще более ужасный случай был в одном из отдаленных урочищ описываемого края в 1847 году. Там жил один только скопец. Подстрекаемый фанатизмом к своей секте и ревнующий о её продолжении, он всячески искал случая к приведению в исполнение вышесказанного обета своего. Убеждениям его никто не сочувствовал, тем более, что для сего требовалось вынести противоестественное действие. Не видя успеха от испытанных им средств, он задумал употребить насильственно операцию над одним девятилетним мальчиком. Сперва ласками и подарками он заискивал себе доверия и расположения мальчика, потом стал приглашать его к себе и показывать ему свои работы под предлогом, чтобы передать ему своё ремесло, и тем отвлек всякое подозрение со стороны родителей мальчика. Наконец он улавливает удобное время для исполнения своего бесчеловечного намерения, – в полдень, когда все разошлись обедать и в его хате не было ни души, кроме злополучного мальчика, он решился, во чтобы то ни стало, совершить над ним операцию *per castrationem*; мальчик стал биться и кричать, так что скопец не в силах был довершить

предпринятого им злодейства, но за то он совершил более ужасное преступление: в фанатическом своем азарте он просто зарезал этого мальчика. Как преступника его отправили в город для производства над ним следствия и исполнения судебного приговора. Во время сего путешествия, переезжая в брод одну речку, он на середине реки бросился с верховой лошади в воду и утонул.

Жертва в пользу православных китайцев пекинской миссии // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 150

По сбору взносов на праздничное поздравление и рождественский подарок православным Китайцам Пекинской миссии всего получено до праздника Рождества 606 рублей. Из этой суммы редакция *Московских Ведомостей* успела до праздников перевести по телеграфу в распоряжение архимандрита Иннокентия 53 фунта стерлингов (501 рубль). В настоящее время архимандрит Иннокентий прислал нам через Шанхай от 30 декабря следующую телеграмму:

«Поздравляя русских братьев с праздником, китайские православные христиане благодарят жертвователей и за их здоровье возносят молитвы ко Всевышнему».

Оставшиеся за отправкой названных 53 фунтов стерлингов пожертвования, вместе со вновь поступающими, будут отправлены в распоряжение настоятеля Пекинской миссии к Светлому Празднику.

Февраль

«Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» [Ин.20:21](#).

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева» [Мф.10:6](#).

«Скорбь ми есть велия по братии моей» [Рим.9:1–3](#).

Сокольский А. Несколько слов по поводу наиболее распространенных предубеждений против миссии // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 151–161

Кому из миссионеров не приходилось слышать не только от нашей интеллигенции, но и от своих же соратников – священников, что миссия в том виде, в каком она существует в настоящее время, труд совершенно напрасный, не имеющий силы привести когда-либо не только к искоренению, но даже к ослаблению существующего расколо-сектантства. Что может, говорят такие лица, сделать миссионер чрез полгода или даже реже приезжающий в деревню на день – на два для собеседований? Может ли он в течение нескольких часов заставить не только переменить одни убеждения на другие, но хотя бы сколько-нибудь расшатать уверенность в истинности верований сектантов? Случаи же обращений из раскола в православие при этом объясняются просто житейскими выгодами или другими какими-либо практическими соображениями.

Такого рода возражения, как мы убедились продолжительным опытом, обыкновенно высказываются со стороны лиц, знающих о расколо-сектантстве только из книг или по слуху и не желающих поглубже вникнуть в то, какой вред им наносится православию и какой может нанестись, если бы вынуждены были смолкнуть уста миссионеров, разносящих по темным уголкам сел и деревень слово учения о Св. Христовой Церкви и обличающих религиозно-нравственную слепоту расколо-сектантских руководителей с их лжеучениями.

Слышатся возражения против миссии со стороны лиц, весь век живших в православной среде и привыкших смотреть на раскол и секты с точки зрения рассуждения: «это дело нас не касается, пусть кому нужно, те им и занимаются, а нас просим оставить в покое; никакие миссионеры нам не нужны». Эти последние критики миссионерского дела смотрят на расколо-сектантство, или как на такое незначительное зло, которое изгладит само время, или же, наоборот, как на такого сильного

противника, против которого миссионерская борьба бесполезна. Слышатся эти возражения, далее, со стороны лиц, которые, послушав час – другой беседу миссионера, спешат оставить её и увидев на деле, что полемистам приходится испытать и вытерпеть от нередко фанатичных совопросников, каких тяжелых, сверхъестественных усилий стоит разобраться ему обыкновенно сразу, в целой группе беспорядочно набросанных возражений; с каким невероятным терпением и осторожностью приходится ему отделять накопившиеся веками стародавние заветы и лжеучения мнимой старины, по малейшей частичке, с искусством опытного врача, крайне остерегающегося, как-бы ничтожной неосторожностью не повредить глубокой раны и тем не сделать дальнейшее врачевание невозможным. Такие ценители, не имея терпения дождаться конца беседы, уходят с неё, вынося таковое убеждение: «на беседах идут споры, конца которым не предвидится; ничего полезного в беседах нет!» А между тем миссионеру приходится часто еще и еще целые часы, а иногда даже дни, возделывать неблагодарную почву сердец заблуждающихся, чтобы в них, наконец, при всем упорстве явилось сознание, что истина находится только в православной Церкви. Наконец, возражения эти слышатся и от лиц власть имущих, требующих от миссионера, чтобы каждая данная им беседа приносила наглядные результаты, в смысле обращения того или другого сектанта в лоно православной Церкви. Окончившего беседу миссионера последователи такого взгляда непременно спросят: «что, сколько обратили?» И если миссионер ответит им: наше дело сеять, а возрастит ли Господь, не знаю? – то в лучшем случае, кроме презрительной улыбки, он ничего не встретит, или ему прямо скажут в глаза: «беседы пустое дело, не стоят выеденного яйца».

Известно, что домашние враги опаснее внешних. Изложенные кривотолки и заблуждения относительно понимания св. дела миссии приносят не только скорбь деятелям, но и тормоз делу, а потому на рубеже нового времени не бесполезно остановиться на критическом рассмотрении приведенных возражений против смысла и значения миссии.

Начнем изобличение с последнего возражения. Не можем здесь не привести первое всего слов глубокоуважаемого труженика науки расколоведения, профессора-миссионера Н.И. Ивановского. «Нет сомнения», говорит он, «что ценить всякое дело по результатам, для всех очевидным, легко и удобно. Но в области духовной жизни эта мерка далеко не всегда приложима, так как самая эта жизнь не легко поддается обследованию. У нас много говорится прекрасных проповедей против пьянства и воздержания иного рода, против ссор, злобы и вражды... Но спросите любого, лучшего проповедника, много-ли и кого именно обратил он на путь воздержания, где прекратил ссору, утишил вражду... Получите-ли определенные ответы? Увидите-ли очевидные статистические данные? Но если не найдете этих данных, то будете-ли отсюда заключать, что нужно оставить самую проповедь, как вещь бесполезную?... Поэтому не следует даже и вопроса ставить, кто, когда и кого обратил... Нужны годы постоянного неослабного труда, чтобы результаты могли быть заметны. Кто изведal самым опытом всю трудность миссионерского дела, тот не может не разделять высказанного взгляда».⁵⁴ Слова глубокоуважаемого профессора бесспорно доставят не малое утешение трудящимся на поприще миссионерства и вдохнут новые силы к продолжению борьбы с расколом, не смотря на незначительность результатов, какие способна давать противораскольническая миссия.

Но в чём, на самом деле, кроются причины того, почему миссия дает мало ощутительные результаты?

Кто от века мог говорить убедительнее Божественного Учителя, Господа нашего Иисуса Христа, – но святые слова Его сделали-ли достоянием сердца евреев, даже Его ученика Иуды? Внял-ли Симон волхв учению св. апостолов, преизобильно получивших благодатные дары Св. Духа?! Все ли еретики убеждались златословесными речами таких защитников истинного учения Христовой Церкви, каковы были вселенские учителя: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и им подобные?! Многие ли еретики и раскольники внимали убеждениям пастырей и учителей Церкви всей вселенной (на вселенских соборах), и оставляли свои еретические

закоснения?! Возможное ли дело после этого требовать от нас, немощных проповедников, чтобы мы после каждой беседы представляли случаи обращения того или другого отпавшего от Церкви?

Приведенные исторические примеры не убеждают-ли, что миссионерское дело – дело трудное, способное дать и незначительные результаты только после продолжительных настойчивых трудов? Слова и доказательства миссионеров – это капли воды, падающие на камень. Как нельзя искать видимых следов от падения каждой отдельной капли, так нельзя требовать заметных ощутительных результатов от данной единичной беседы, даже в том случае, если беседа удалась вполне. Приснопамятный архимандрит Павел Прусский, изучивший раскол и его апологетику в совершенстве, желающим заниматься обличением раскольников с пользой, давал такой совет: «А ты не спеши и не беседами считай... Поживи на месте подольше и поговори с ними побольше, – и при публике, и наедине, если хочешь начинать дело».⁵⁵

Но вернемся к взятому нами сравнению.

Твердость камня, однако-же, не выдерживает частых падений слабых водных капель, и капли чрез продолжительное время оставляют на камне заметные следы; так и упорные сердца отщепенцев Церкви умягчаются только под продолжительным влиянием миссионерского слова. Чтобы обратить такового в православие, миссионер должен в полном смысле слова перевоспитать его религиозные убеждения, да и после этого не всегда может надеяться на обращение. Прежде всего миссионеру необходимо приобрести от слушателей доверие к себе и своим словам, – разубедить их в несостоятельности и неспасительности содержимого ими вероучения, научить различать существенное в православной вере от второстепенного; непреложные догматы веры от обрядов, в умах же раскольников неправильное понятие о вере резких, или, как принято называть, порицательных, выражениях, сказанных когда-либо пастырями Русской Церкви по адресу раскола, разубедить по вопросу о клятвах собора 166⁶/7 года, якобы наложенных на старые обряды и проч. А разве скоро

всего этого можно достигнуть? Допустим, миссионером всё это сделано; но это далеко еще не значит, что сектант теперь непременно должен сделаться сыном православной Церкви. Глубоко вкоренившаяся ненависть к Церкви изглаживается только более или менее продолжительным временем. Несколько лет сектант, а особливо раскольник, колеблется сделать решительный шаг. То его пугает клятва родителей, завещавших крепко держаться (мнимой) «старой веры», то удерживает его совет какого-либо раскольниковского главаря или грозная анафема лжепопа австрийского; или он сам страшится за своё материальное благосостояние, как бы с переменой веры не обеднеть, потеряв с переходом в православие помощь от богача-раскольника; то страшится семейных раздоров и прочее. Но более всего удерживает сектанта от перехода в православие ложный стыд, напр., пред тем, как он в первый раз пойдет в православный храм, что о нём скажут прежние его единомышленники, а иногда даже опасность со стороны последних мщения и физических насилий. Если для каждого сектанта так трудно решиться на переход в православие, то какой ответ мы должны дать вопрошателям, ценящим миссионерские труды по числу обращений? Явно, что они требуют плодов, так сказать, скороспелых, но желательны ли они? Созревший преждевременно плод по виду часто бывает красив и ничем как будто не отливается от настоящего, но не имеет ни вкуса, ни запаха, подвержен скорой порче. Что это было бы за приобретение, если бы под влиянием медоточивой речи какого-либо миссионера раскольник сразу решил переменить свои религиозные воззрения на другие? Не будет-ли он похож на трость, ветром колеблемую?

Не следует-ли опасаться того, что он, как поспешно обратился, так же скоро способен будет оставить православие? Так это и бывает, по крайней мере, в расколо-сектантстве: является какой-либо говорун, и под влиянием его хитросплетенных речей нетвердый слушатель становится его последователем, но смотришь, прошло мало времени, или явится новой говорун, и прежний последователь первого легко

вербуются вторым и т. д. переходит он из секты в секту. Но прав. Церкви таких обращений и последователей не надо.

Правда, статистические данные обращений из сект в православие не блещут крупными цифрами. Но всегда ли за это возможно упрекать трудящихся на миссионерском поприще и тем более следует ли из-за этого оставить дело миссии в небрежении? Слово Божие на эти вопросы дает такой ответ: «никто не может прийти ко Мне», сказал Христос Спаситель, «аще не Отец привлечет его».⁵⁶ Следовательно, дело обращения заблудших принадлежит Самому Господу. И насаждающий, и поливающий есть ничто, а всё Бог возвращающий.⁵⁷ Господь же, желающий всем человекам спасения, однако-же не стесняет свободы человека, предоставляя ему выбор пользоваться дарами благодати и истины, или до времени оставляет во тьме заблуждений. Поэтому еретик и раскольник, не смотря ни на какие доказательства, приводимые проповедником Христовой Церкви, будут ли они от Слова Божия или разума человеческого, всё равно до тех пор будут коснеть в своём противлении, пока не наступит спасительный момент призывающей благодати Божией, и Сам Глава и Основатель Церкви Христос не изречет приговор: «днесь в дому твоём подобает Мне быти».⁵⁸ К тому же, если бы еретики и раскольники так скоро внимали словам проповедников православия, что после единичных бесед изменяли бы свои религиозные убеждения, то их давно бы и не существовало, а это недостижимо: «Плевелы на ниве Церкви будут расти до жатвы, яже есть кончина века».⁵⁹ «Будет время, егда здраваго учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешими слухом: и от истины слух отвратят и к баснем уклонятся».⁶⁰

Указанием причины, от кого зависит обращение заблудших в лоно Христовой Церкви, упрек, поставляемый за малочисленность случаев обращений, снимается на половину. Но это нисколько не освобождает пастырей, блавестников-миссионеров от обязанности настойчиво продолжать проповедовать слово истины заблуждающимся. «Аще благовествую», говорит великий проповедник учения Христова

язычникам, св. апостол Павел, «несть ми похвала, нужда бо надлежит; горе же мне есть, аще не благовествую».⁶¹ Служитель Церкви должен наставлять других в здравом учении и противящихся обличать. Ибо есть много пустословов и обманщиков, которым должно заграждать уста.⁶² Он должен творить дело благовестника, должен служение своё показать известным, хотя бы пришлось перенести и скорби.⁶³ Не о том должно горевать и скорбеть, что наша проповедь не всякий раз сопровождается желательным успехом, а о том, если мы оставляем заблуждающихся без проповедания. Как не прискорбно, а приходится сказать, что до сего времени встречаются еще пастыри, которые всю тяжесть борьбы с расколом и сектами возлагают непосильным бременем на одних миссионеров. А что сказать про общество, которое относится к миссии равнодушно, чтобы не сказать пренебрежительно? Иной, например, целый век живет среди сектантов и ведет с ними общие дела, но ни разу серьезно не поговорит с ними о своей и их вере. Скорее те будут совращать его в свой толк, чем наш православный христианин позаботится о душе явно погибающего своего собрата. Посему и удивляться нечему, если до сего времени цепи раскола и сектантства так еще крепки, а миссия способна давать незначительное лишь количество случаев обращений.

Там, где действует Бог своею благодатию, как это бывает в деле обращения заблудших к св. Церкви, не наше дело рассуждать и печалиться; наш долг трудиться, насколько возможно, со всею готовностью служить покорным орудием для премудрых целей. Если бы миссия за всё время своей деятельности дала и единичный случай обращения, то и тогда она имела бы полнейшее право на своё существование. Что значат те ничтожные рубли и копейки,⁶⁴ затрачиваемые на институт миссионеров по сравнению с числом обращений?⁶⁵ Если душа одного человека ценнее всего мира (Мф.16:26), спасение одной заблудшей души доставляет радость на небесах (Лк.15:7), за обращение одной заблудшей овцы Слово Божие обещает прощение грехов (Ин.5:19–20), то как должны

быть ценны и дороги и те скудные плоды, какие дает теперь миссия.

Все же существующие в епархиях миссии доказали, что они жизненны, способны давать и дают плоды, не смотря на неблагоприятные условия своей жизнедеятельности.

При недостаточности получения плодов, а иногда при полном неурожае, земледельцы оставляют ли свои занятия? Не с большим ли трудом и старанием они напрягают свои силы: на удобрение почвы, на лучшую, более совершенную обработку её, на приобретение лучших орудий работы и проч. Такой взгляд следует иметь и на сеяние на ниве духовной. Вызывать сочувствие к делу миссионерской проповеди в среде иномыслящих должно служить одною из первых наших задач.

Теперь нужно объяснить, в чём же сказывается польза миссионерских бесед, хотя бы они ведены были и не часто, чрез известные промежутки времени.

Миссионерские беседы полезны для приходского духовенства, для православных и, главным образом, для раскольников и сектантов.

Имея возможность чаще приходских священников вступать в собеседование с различными совопросниками различных толков, миссионер приобретает навык и умение убедительнее разъяснять вопросы разномыслия с православием, сильнее воздействовать на сердце слушателей. Для приходских пастырей миссионер дает или, по крайней мере, должен давать образец того, что и как следует отвечать совопросникам, а в беседах с раскольниками все спорные вопросы решает без замедления, по имеющимся в его распоряжении подлинным старопечатным книгам и другим источникам веры и научного богословского знания.

Если не без затруднения возможно отыскивать и приобретать подлинные старопечатные книги для одних миссионерских библиотек, за их дороговизною и редкостью, то иметь полную противораскольническую библиотеку в каждом селе, где есть раскольники, невозможно. Без указания же спорных вопросов прямо по подлинным книгам достичь успеха

немыслимо: православный собеседник с раскольниками без книг тоже, что и солдат без ружья.

Удачные беседы миссионера вызывают подражания, вызывают желание у приходского священника самому поговорить с сектантами по вопросу веры в силу того общего закона, что всякое дело, когда оно успешно делается другим, кажется легко исполнимым. Затем, приходский священник, встретившись с каким-либо затруднительным вопросом, предложенным от раскольника или сектанта, имеет возможность (если сам не найдет лучшего вывода) ответить ему: «приедет миссионер, тогда и предложи свой вопрос», – таким образом, не подрывая пастырского авторитета, всегда имеет возможность не без некоторого удобства выйти из затруднительного положения. Наконец, замечено, что, привыкнув к приходскому священнику своего села, хотя бы он в совершенстве знал разъяснение всех вопросов по расколу, односельчанин – раскольник или сектант теряет охоту к слушанию и предпочтительнее склонен слушать постороннего человека, хотя бы он сказал то же самое.

Беседы приносят, несомненно, не малую пользу и для православных слушателей. Здесь они воочию убеждаются, насколько шатки основания сектантского учения. Какой-нибудь почтенный главарь раскола или секты, разглашавший в селе про «Никонианскую церковь», что она содержит чуть не все ереси, какие когда-либо были, вдруг на беседе с миссионером сам остается без ответа, показывая полнейшее невежество. Православные тут же на беседе непременно его обличат: почему он не дает ответа, тогда как в другое время всякими хулами поносит православную Церковь? Обаятельный авторитет раскольника падает. Уезжает из села миссионер; при первой попытке расколоучителя навязать свои убеждения православным он уже слышит ответ: «что ты нам говоришь, мы люди темные, ты бы лучше отвечал миссионеру, а нас оставь в покое; у нас есть пастыри, они за нас и дадут тебе ответ, к ним и обратись!» На беседах же православные слышат полное разъяснение положительного учения православной Церкви по тому или другому пререкаемому сектантами вопросу и

научаются сами глубже понимать догматы веры и отвечать сектантам.

Что касается полезности миссионерских бесед для самих сектантов, то в этом легко убедиться. Стоит только поговорить с отпадшими тех сел и деревень, где беседы ведутся миссионерами ежегодно, и из тех, куда миссионеры заглядывают реже. Контраст громадный: сектанты первых сел несравненно развитее. Многие предания старцев они уже утратили; по многим вопросам они единомысленны с православною Церковью; ненависти к православной Церкви и её пастырям не питают; на миссионеров и священников они смотрят как на людей, знающих в делах веры больше сравнительно с ним. Сектанты вторых селений – невежественнее, грубее, резче; от них больше слышится не слово доказательства, а поток ругательства.

Благотворное влияние миссионерских бесед на сектантов обыкновенно отражается в таком порядке. На первые беседы сектанты идут толпою, в полной уверенности: «пойдем – обличим еретика», считая только себя глубокими знатоками истинного учения Христова. Целый ряд грубых глумлений, издевательств и насмешек приходится терпеливо выслушать миссионеру, чтобы тем, так сказать, купить себе право говорить на беседе. Проходят две, три беседы, среди сектантов начинаются объяснения, что они не так задавали вопросы и не то отвечали. Грамотеи хватаются за книги, стараясь отыскать более веские доказательства. Однако-ж пользы делу это не приносит: чем более приходится вступать в объяснения с миссионером, тем более доказательства правоты сектантства и раскола, доселе казавшиеся неопровержимыми оказываются неубедительными. Среди сектантов, которые сравнительно поумнее, появляются вопросы: да уж на самом деле не заблуждаемся ли мы, и не прав ли миссионер? Миссионер провел и еще беседу. Упорный наставник, не видя успеха, начинает теряться и отыскивать предлоги уклониться от беседы. По поводу слышанных на беседах доказательств, свидетельствующих истинность православия, руководимая им паства требует разъяснений. Не имея возможности

противостоять истине, наставник издает приказ – перестать ходить к миссионеру на беседы. Но многие его уже не слушаются и, не смотря на запрещение, на беседу идут. Ранее вызванное сомнение в неправоте раскола или сектантства и истинности православия здесь более и более укрепляется. Уезжает миссионер, и готово уже предположение, что воздействие в деле обращения начавших колебаться пропадет, не принеся желанного плода, и даже бесследно исчезнет, как обреченное на продолжительный застой до нового миссионерского приезда? Но на деле бывает и не так. Заразившемуся скептицизмом по отношению к прежним своим воззрениям, навеянными в сектах, трудно остановиться в колебаниях, и он от своего учителя идет к православному священнику за разъяснением своих сомнений. Самому миссионеру не всегда, конечно, возможно (вследствие дальности расстояния и друг. причин) провести каждого из новообращающихся чрез все ступени колебания и духовной борьбы, ввести потом в ограду Церкви и сделать истинным её чадом. Достаточно, если миссионеру удастся усилить сомнение у раскольников или сектантов в истинности содержимой ими веры, породить недовольство скептицизма, который, сделавшись преобладающим среди других душевных движений, заставляет в конце концов идти к православному священнику, а чрез него искать общения с Церковью, где он может найти душевный покой и вечное спасение.

Священник-миссионер Алексей Сокольский

Потехин С. Критика толстовства В.С. Соловьевым // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 162–176

II

В первом разговоре вопрос о борьбе со злом принципиального решения не получил. Ясно только, что и в отношении личной защиты и в отношении защиты государственной, следовательно, в отношении войны, по рассуждению Влад. С. Соловьева, бороться со злом нужно, бороться всеми способами, до возможности единичного и массового убийства включительно. Убийство как в отдельном случае, так и на войне не только может быть оправдано, но и нравственно обязательно под условием данного положения: это есть необходимый вывод из несомненной действительности и фактов истории. Нельзя, дальше, спорить и против значения войны, как главного, если не единственного средства, которым создавалось и упрочивалось государство. Но, быть может, война, оставаясь допустимой на некоторое время, при наличности современных условий, в недалеком будущем перестанет быть универсальным средством мировой борьбы, подобно тому как и единичное убийство почти перестало уже или перестанет скоро быть средством борьбы индивидуальной? Этот вопрос в таком смысле старается решить *политик*, считающий для взаимных отношений людей единственно необходимой добродетелью – вежливость, а для теоретических рассуждений – отсутствие религии: поменьше, ради Бога, поменьше её, условливается он относительно последующих рассуждений.

Политик, остановившись на утверждении, что нет государства, которое было бы создано и закреплено помимо войны, возражает мимоходом на замечание князя-толстовца, что для людей, отказавшихся от поклонения насилию, государство – неважно. «Попробуйте, говорит он, устроить прочно человеческое общежитие вне принудительных государственных форм, или хоть сами на деле откажитесь от всего, что на них держится, – тогда и говорите о неважности государства. Ну а до тех пор государство и всё то, чем мы ему обязаны, остается огромным фактом». Итак, великое значение

войны, как главного условия при создании государства, несомненно; но это великое дело созидания государства – не завершено-ли уже в существенных чертах?! Война теперь в общем не нужна, и цели её могут быть достигнуты более дешевым и верным путем: *военный период истории*, по мнению политика, *кончился*. Вместе с потерей своего практического смысла, война теряет, хотя и медленно, и свой мистический ореол. Доказательство это в том же русском церковном самосознании: *святые* военные жили в ту эпоху, когда война, действительно, была необходимейшим, спасительным и святым делом. Наши святые воители были все князья киевской и владимирской эпохи, а позднейших генерал-лейтенантов или даже генерал-поручиков между ними нет. Почему? Потому что все последующие войны, даже война с Наполеоном, Севастопольская и Русско-турецкая в практическом смысле, со стороны полезности их для создания и спасения государства, не имели значения. Конечно, всякий человек, свободный от предвзятых «абсолютных» принципов (как толстовцы), должен и по чувству; и по обязанности беспощадно истребить зверского злодея или злодеев, а не думать об их нравственном перерождении; конечно, и военщина или военная рука еще надолго будет необходима для человечества, для поддержания порядка между мелкими некультурными народами, но теперь воинственность в смысле склонности и способности к международным войнам, национальная драчливость, а с нею и война должны исчезнуть и уже исчезают на наших глазах,

Таковы воззрения политика. Но каким же способом, без войны, могут решаться исторические международные вопросы? Этих вопросов и не может существовать, отвечает политик, раз военная политика заменится культурною. Соперничество же между насадителями культуры, приводящее к войнам, не будет иметь места: «Недостойно великой нации уподобляться собаке, которая на сене лежит, – и сама не ест, и другой не дает». В частности, по отношению к России, культурная задача нашего государства будет заключаться с одной стороны в поддержании европейского мира, так как всякая европейская война на теперешней ступени исторического развития была-бы безумным

и преступным междоусобием, а с другой – в культурном воздействии его на варварские народы, находящиеся в сфере нашего влияния; при осуществлении этих задач всякая возможность европейской, а вследствие этого и азиатской (не страшной без европейской) войны устраняется.

Но возможна-ли эта «европейская солидарность», возможен-ли «мир всего мира», когда первого для этого и необходимого условия, – «в человецех благоволения», не было в прошлом, нет в настоящем, не будет, нужно пред полагать, и в будущем? Политик отвечает: «благоволения» между людьми для взаимной солидарности и для всеобщего мира и не нужно. Необходимо только сознание принадлежности к одному исторически-культурному типу, каковым является для нас, а затем и для всего мира тип европейца. «Мы бесповоротные *европейцы*, говорит политик, и настоящее существительное к прилагательному русский есть *европеец*. Мы – русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие. Если я чувствую себя европейцем, то не глупо-ли мне доказывать, что я какой-то славяно-росс или греко-славянин... Я могу и, пожалуй, должен жалеть и беречь всякого человека, как и всякое животное, но признавать себя солидарным, *своим* – я буду не с какими-нибудь зулусами или китайцами, а только с нациями и людьми, создавшими и хранившими все те сокровища высшей культуры, которыми я духовно питаюсь, которые доставляют мне лучшие наслаждения... Прежде всего нужно было, чтобы эти избранные нации сложились и окрепли и устояли против низших элементов, нужна была война, и война была дело святое. Теперь они сложились, окрепли и им нечего бояться, кроме междоусобных раздоров. Теперь наступает эпоха мира и мирного распространения европейской культуры повсюду. Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества. В этом смысл истории. Сначала были только греческие, потом римские европейцы, затем явились всякие другие, сначала на западе, потом на востоке, явились русские европейцы, там за океаном –

европейцы американские, теперь должны появиться турецкие, персидские, индейские, японские, даже может быть китайские... Если мы существительным признаем отвлеченное понятие человека, то мы должны прийти к эгалитарной безразличности: это прежде всего нелепо и на практике пагубно. А если существительное – не человек вообще, а человек, как носитель культуры, т. е. европеец, то для нелепой эгалитарности тут нет места. Понятие *европеец*, или, что тоже, понятие *культуры*, содержит в себе твердое мерило для определения сравнительного достоинства различных рас, наций, индивидов».

Итак, в основу *мирного* разрешения всех тех вопросов, кои раньше разрешались войною, должно поставить то, что в частной жизни называется вежливостью или учтивостью, и что есть необходимое условие всякой культурности. И для этого вовсе ненужно никаких чувств, никакого «благоволения» между людьми. «Можно питать в своей душе самые злобные чувства и никого не грызть зубами. Точно также, каковы-бы ни были национальные антипатии между двумя народами, на известной степени культуры они никогда не дойдут до войны, во-первых, потому что самая процедура войны прямо противна культурному народу, а во-вторых, на известной степени умственного развития народ понимает, как выгодно быть учтивым с другими нациями, и как убыточно с ними драться».

Итак, по мнению политика, «литературная агитация против войны есть явление весьма отрадное. Она не только предваряет, но и ускоряет окончательное решение назревшей задачи. При всех своих странностях и увлечениях, эта проповедь важна тем, что подчеркивает в общественном сознании главную, так сказать, магистральную линию исторического прогресса. Мирное, т. е. вежливое, т. е. для всех выгодное улажение всех международных отношений и столкновений – вот незыблемая норма здоровой политики в культурном человечестве».

Коренной вопрос о том, есть ли зло – владеющая миром сила, или оно есть только недостаток добра, как учит толстовство, в воззрениях политика решается в том же смысле, как и в речах генерала. Зло есть сила, и борьба с нею

предполагает с одинаковою необходимостью и напряженность до последней степени всех физических сил человечества и мирное развитие народов в общей культурной среде. Теснейшее сближение и мирное сотрудничество всех христианских народов и государств – не только возможный, но необходимый и нравственно-обязательный путь спасения для христианского мира от поглощения его низшими стихиями. Поэтому толстовства со своим решительным отрицанием всего того, на чём держится культурный мир, и что служит к его развитию, – государства, войска, суда, науки, промышленности, университетов, фабрик и т. п., также неправо пред судом разума и совести, как неправо и в своём отрицании войны и военной службы, служащих для борьбы со злом. Но возможна-ли совершенная замена одного средства другим, возможно-ли совершенное прекращение войны и установление мира для всего мира посредством развития культуры, или, выражаясь общее, возможно-ли прекращение зла на земле во всех его проявлениях? Этот вопрос решается в третьем разговоре, который ведет, главным образом, г. Z., стоящий в своих рассуждениях на безусловно-религиозной точке зрения. В этом, третьем, разговоре представлен перечень, краткий, но полный, всех тех положений, взаимно уничтожающих друг друга, которые выставило и старается провести в жизнь толстовство со своим игнорированием зла, как реальной силы.

Г. Z. начинает с возражения политику, что идея прогресса не есть разрешение вопроса об окончательном уничтожении зла в мире. Прогресс культуры или культурности есть исторический процесс; этот процесс идет ускоренным темпом, и поэтому необходимо говорит о своём конце, предвещает свою развязку. Конец всемирной истории в связи с пришествием антихриста, конечно, не из тех вопросов, которым дает место в своих воззрениях толстовство, и которые, по его мнению, могут иметь значение только для папуасов каких-нибудь. Эта мрачная нетерпимость к подобного рода вопросам у людей, которые выдают себя за христиан по преимуществу, есть своего рода *знамение времени*. Это печальное положение и есть именно положение антихристово, которое для более умных или чутких

толстовцев должно отягощаться сознанием, что обман в конце концов обнаружится. «Во всяком случае несомненно, что то антихристианство, которое по библейскому воззрению – и ветхозаветному, и новозаветному – обозначает собою последний акт исторической трагедии, что оно будет не простое неверие, или отрицание христианства, или материализм и тому подобное, а что это будет религиозное *самозванство*, когда имя Христово присвоят себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его». Конечно, эти новые книжники и безбрачники, что открыли добродетель и совесть, как Америку какую-то, и при этом потеряли внутреннюю правдивость и всякий здравый смысл, вместе с новыми «благочестивыми аббатами» и «бравыми католическими офицерами», что готовы инквизицию восстановить и религиозные массакры устроить, не есть еще антихристы, но всё же дают некоторые пояснительные намеки на его существо.

Прогресс культуры, затем, не ведет к разрешению вопроса об окончательном уничтожении зла в мире не только потому, что, как всякий прогресс, говорит о своём конце, но и потому еще, что возвещаемый им «мир на земле», или культурное единение человечества, в самом себе будет заключать зло, с которым считается и должно считаться человечество. Вот почему Иисус Христос, *Князь мира*, говорил: «думаете-ли вы, что Я мир пришел принести на землю? Нет, говорю вам, – *но разделение*». Он пришел принести на землю истину, а она, как и добро, прежде всего, *разделяет*. Как война не есть абсолютно хорошее средство для борьбы со злом, так не есть абсолютное средство против него и мир. Есть добрый или истинный мир, и есть мир дурной, или ложный. «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так как мир дает, Я даю вам», говорил Тот, Кто принес истинный мир и добрую вражду. Хороший, Христов мир основывается на разделении между добром и злом, между истиной и ложью, а дурной, мирской мир – на смешении или внешнем соединении того, что внутренне враждует между собою. А затем, и в духовной борьбе, и в политической хороший

мир есть тот, который заключается лишь тогда, когда цель войны достигнута, т. е. когда зло окончательно побеждено.

Но толстовство против этого истинно христианского взгляда подставляет следующее возражение: но может ли быть, в точном смысле, борьба между добром и злом? По представлению толстовцев, как только добрая сторона начинает усиливаться в ком-либо или в чём-либо, то дурная сейчас начинает слабеть, и до борьбы между ними дело никогда не доходит. «Стоит только, поэтому, добрым людям самим становиться еще добрее, чтобы злые теряли свою злобу, пока, наконец, не сделаются еще добрее». Тот исторический факт, что Христос не переродил Своею добротою злые души Иуды и фарисеев, толстовство объясняет темным тогдашним временем, в которое только немногие души стояли на той степени нравственного развития, на которой внутренняя сила истины может быть ощутительна, и приводит слова Спасителя: *«дела, которые Я творю, и вы сотворите, – и больше этого сотворите»*. На высшей ступени нравственного развития в человечестве, какая достигнута в настоящее время, истинные ученики Христовы могут силою своей кротости и непротивления злу творить нравственные чудеса больше тех что были возможны осьмнадцать веков тому назад. Собственное своё бессилие в настоящее время толстовцы объясняют тем, что они являются истинными учениками Христовыми только по направлению своих мыслей и поступков, а не потому, чтобы они достигли большой силы: есть где-нибудь или скоро будут, думают они, истинные христиане более совершенные, чем они – толстовцы, – эти будут всесильны. Но не говоря о том, что такое объяснение бессилия добра – без борьбы уничтожить зло – несостоятельно, потому что апеллирует к неизвестной инстанции будущего, общечеловеческое наблюдение над ежедневными фактами действительности заставляет утверждать противное толстовству, а именно, действительнее добро не уничтожает зла, а *разделяет*, т. е. в добром человеке увеличивает добро и в злом увеличивает зло. От одной и той же влаги живительного дождя растут и благотворные силы в целебных травах, и яд – в ядовитых: можно ли похвалить

родителей, усердно поливающих из доброй лейки ядовитые травы в саду, где гуляют их дети? Так и относительно зла в мире: можно-ли без разбору давать волю своим добрым чувствам там, где добро только усиливает силу зла?...

Установление вечного международного мира, наконец, не только заключает в самом себе смешение того, что внутренне враждует между собою, но и не есть благо само по себе, – то абсолютное благо, которое само по себе было вожделенно и имело оправдание. Вместе с развитием культуры атрофированием многих дурных сторон жизни и развитием хороших, разовьется, только в другой форме, и зло. Напр., в области народного здоровья с развитием санитарных условий жизни, гигиены, антисептики, органотерапии развиваются, с другой стороны, невропатические и психопатические явления вырождения и т. п. Растет плюс, растет и минус. А против смерти, главного зла, *последнего врага*, по Писанию, ничего и нет в культурном прогрессе. Между тем при возможности смерти, как прекращении личного существования, культурный прогресс не может быть ценим высоко. Смертью всё обезразличивается: и пред нею вся культура, как и всякие эгоистические или альтруистические чувства не имеют смысла. Если еще можно иметь любовь и заботы о ближних на почве самоудовлетворения, то уже никак нельзя иметь такой живой, деятельной любви к несуществующему еще человечеству будущего, и «тут вступает во все свои права вопрос разума об *окончательном* смысле или цели наших забот, и если этот вопрос в высшей инстанции решается смертью, если последний результат прогресса и культуры есть все-таки смерть каждого и всех, то ясно, что всякая прогрессивная культурная деятельность – ни к чему, что она бесцельна и бессмысленна».

И против этого объяснения толстовство выставляет возражение, или лучше, своим взглядом на жизнь старается уничтожить самую возможность такого разъяснения. По доктрине толстовства, важно не то, стоит ли заботиться о прогрессе или о смысле жизни, а то, чтобы исполнять волю давшего нам жизнь, волю «Хозяина». Евангельское решение вопроса, говорит Толстой, «с особенною яркостью и силой

выражено в притче о виноградарях. Виноградари вообразили себе, что сад, куда они были посланы для работы *на хозяина*, был их собственностью, что всё, что было сделано в саду, было сделано для них, и что их дело только в том, чтобы наслаждаться в этом саду своею жизнью, забыв о хозяине и убивая тех, которые напоминали им о хозяине и об обязанностях к нему. Как те виноградари, так и теперь почти все люди живут в нелепой уверенности, что они сами хозяева в своей жизни, что она дана для их наслаждения. А ведь это, очевидно, нелепо. Ведь если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь воле и для чего-нибудь. А мы решили, что мы как грибы: родились и живем только для своей радости, и ясно, что нам дурно, как будет дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена в учении Христа. Только исполняй люди это учение, и на земле установится царство Божие, и люди получают наибольшее благо, которое доступно им. В этом всё. *Ищите царства Божия и правды его, а остальное приложится вам.* Мы ищем *остального* и не находим его и не только не устанавливаем Царства Божия, но разрушаем его» культурными учреждениями.

Но это решение толстовством вопроса о смысле жизни представляет собою ряд произвольных и ничем не связанных утверждений. Откуда можно заключить, по простому здравому смыслу, что люди на землю посылаются кем-то и для чего-то? Всё это нужно еще доказать. И затем, если жизнь есть, по толстовству, служба Богу, наградой за которую бывает одинаково для всех смерть, то лучше видеть и в смерти, и в жизни необходимость природы, чем-службу какому-то неизвестному хозяину, который ни для смерти, ни для жизни не спрашивает ни у кого согласия. Наконец, по простому же здравому смыслу, если толстовское Царство Божие на земле оставляет смерть нетронутой, то ведь выходит, что люди поневоле живут и будут жить в этом Царстве Божиим и не для своей радости, не как веселые, выдуманные Толстым, грибы, а как грибы действительные, которых на сковороде жарят для тех, кто любит их есть. Ведь и для людей в толстовском Царстве Божиим всё будет кончаться тем, что их смерть съест. Но самая

главная неправда Толстого в данном решении вопроса та, что он извратил для него евангельскую притчу о виноградарях. Сущность этой притчи не в том, что люди живут, не ведая или не желая слушать волю Хозяина, а в обвинении национальных вождей еврейского народа за их сопротивление Мессии; и виноградари гибнут не за то, что они жили дурно, жили, «как грибы для своей радости, курили табак, пили водку, ели убоину, потом женились, председательствовали в судах и участвовали в войнах», а за то, что не воздавали хозяину должного, били его посланников и наконец, и, это главное по Евангелию, что убили хозяйского сына и наследника. Но Толстой пропускает всё то, что «относится к личной судьбе Христа, как несущественное для того, что есть единое на потребу, т. е. для исполнения евангельского учения, которым достигается Царство Божие и правда его», пропускает и то, что противоречит его доктрине, как напр., слова Евангелия о признании государства в мирских делах, о воскресении мертвых и о Христе, как Сыне Божиим, как «содержащееся в главе неизвестно, кем и когда составленной». В виду этого не лучше-ли Толстому вовсе оставить в покое Евангелие Христово и составить своё учение или изложение христианства? Да и вообще трудно удержать нить во всех тех вариациях, которые дает Евангелию Толстой. Простой человек никак не поймет, в чём сущность Евангелия по Толстому. То, как выражается дама, одна из участниц разговоров, мы слышим, что главная суть в нагорной проповеди; то вдруг нам говорят, что прежде всего нужно трудиться в поте лица над земледелием, хоть этого в Евангелии нет, а есть в книге Бытия, – там же, где в болезнях родит, – но ведь, это же не заповедь, а только печальная судьба; то говорят, что нужно всё раздать нищим, а то – никому ничего не давать, потому что деньги – зло, и не хорошо делать зло другим, а только себе и своей семье, а для других нужно только трудиться; то опять говорят: призвание женщины – родить как можно больше здоровых детей, – а там вдруг – совсем ничего такого не надо; потом мясного не есть – первая ступень, а почему первая – никому не известно; потом против водки и табака, потом блины, а потом военная служба, что главная беда в ней, и главная обязанность христианина от

неё отказываться, а кого в солдаты не берут, тот, значит, и так свят...

Но и помимо этих странностей и противоречий, выставляемых толстовством, как правила жизни, главный догмат, или правило непротивления злу насилием, с отрицанием зла в действительности, предполагает, что дело Христово – поразительно неудачно, что в конце концов из него ничего не вышло, даже вышло гораздо больше дурного, чем хорошего. Христос проповедовал добро и не сопротивлялся злу до конца и умер и не воскрес, по толстовству. Многие тысячи Его последователей претерпели тоже самое. Что же вышло? Какими благами смерть Христа и мученические подвиги Его последователей одарили человечество? Церковь, для которой, по старинному выражению, кровь мучеников была семенем произрастания, по Толстому, есть только искажение и гибель истинного христианства. Восстанавливать же христианство безнадежно. Если Христос и первые поколения христиан всю душу свою положили в это дело и отдали за него жизнь свою, и тем не менее из этого ничего не вышло, то на чём может основываться надежда иного исхода? Один только и есть несомненный и постоянный конец всего этого дела, совершенно одинаковый и для его начинателей, и для его искажителей, и губителей, и для его восстановителей – смерть. В этом обычном порядке вещей зло *явно* сильнее добра, и, если это явное считать единственно реальным, что в конце концов должно сделать толстовство, то должно признать мир делом злого начала.

Вопреки толстовству, «зло, действительно, существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях бытия. Если зло индивидуальное, – оно выражается в том, что низшая сторона человека, скотские и зверские страсти противятся лучшим стремлениям души и осиливают их в огромном большинстве людей. Есть зло общественное, – оно в том, что людская толпа, индивидуально поработанная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей, и одолевает их; есть, наконец, зло физическое в

человеке, – в том, что низшие материальные элементы его тела сопротивляются живой и светлой силе, связывающей их в прекрасную форму организма, сопротивляются и расторгают эту форму, уничтожая реальную подкладку всего высшего. Это есть *крайнее зло*, называемое смертью. И если бы победу этого крайнего физического зла нужно было признать, как окончательную и безусловную, то никакие мнимые победы добра в области лично нравственной и общественной нельзя было бы считать серьезными успехами, и против пессимизма и отчаяния не защитит никакая толстовская моральная словесность».

Какой же выход из этого положения? На чём, действительно, христианин может опереться против отчаяния? «Наша опора одна: действительное воскресение. Мы знаем, что борьба добра со злом ведется не в душе только и в обществе, а глубже в мире физическом. И здесь мы уже знаем в прошедшем одну победу доброго начала жизни – в личном воскресении Одного и ждем будущих побед в собирательном воскресении всех». Тут и зло получает свой смысл, или окончательное объяснение своего бытия в том, что оно служит всё к большему и большему торжеству, реализации и усилению добра: если смерть сильнее смертной жизни, то воскресение в жизнь вечную сильнее того и другого. Царство Божие есть царство торжествующей чрез воскресение жизни, – в ней действительное, осуществляемое, окончательное добро. В этом вся сила и всё дело Христа, в этом Его действительная любовь к нам и наша к Нему. А всё остальное только условие, путь, шаги. Без веры в совершившееся воскресение Одного и без чаяния будущего воскресения всех можно только на словах говорить о каком-то Царствии Божиим, а на деле выходит одно царство смерти. Толстовство, правда, полагает, что закон смерти «не имеет существенной жизненной важности для истинного христианского учения, говорящего через совесть только об одном: что мы должны делать и чего не должны – *здесь и теперь*. При всей своей огромности для наших житейских мирских чувств и желаний, смерть не в нашей воле и потому никакого нравственного значения для нас иметь не

может, как, напр., дурная погода и т. п. Но это соображение толстовства пусто и бессодержательно. Факт смерти имеет неотразимое значение, и ничто в мире по своей общности и значению не может идти в сравнение с ним для нравственного сознания человека. Кроме того, со смертью человека без воскресения должно кончаться Царствие Божие: как же тогда оно может иметь абсолютную ценность?

Толстовство, впрочем, и не приписывает своему Царству Божию и правде Его абсолютного смысла и значения. Под ними оно понимает «такое состояние людей, когда они действуют только по чистой совести и таким образом исполняют волю Божию, которая предписывает им одно только чистое добро». Но и в таком понимании Царство Божие, с толстовским обезличиванием добра и зла, не может быть достигнуто. Совесть человеческая имеет значение в нравственной жизни, только как предостерегатель и укоритель, и не дает положительных практических определенных указаний для нашей деятельности, и наша добрая воля нуждается в уме, как служебном орудии, а между тем ум оказывается для неё сомнительным слугою, так как он одинаково готов и способен служить двум господам – и добру, и злу; значит, для исполнения воли Божией и достижения Царства Божия, кроме совести и ума, нужно еще что-нибудь третье. Это третье есть *вдохновение* добра, или прямое и положительное действие самого доброго начала на нас и в нас. При таком содействии свыше и ум, и совесть становятся надежными помощниками самого добра, и нравственность, вместо всегда сомнительного «хорошего поведения», становится несомненною жизнью в самом добре – органическим ростом и совершенствованием целого человека – внутреннего и внешнего лица и общества, народа и человечества, чтобы завершиться живым единством воскрешаемого былого с осуществляемым будущим в том вечном настоящем Царства Божия, которое хотя и будет на земле, но лишь на новой земле, любовно обрученной с новым небом. У толстовцев – людей, «исполняющих волю Божию по евангельским заповедям», но отрицающих то, что есть «свыше» земли, отсутствует это вдохновение добра; в их деятельности

нет признаков этого вдохновения, свободных и безмерных порывов любви (не мерою дает Бог духа), нет радостного и благодушного спокойствия в чувстве обладания этими дарами, хоть бы только начальными. По толстовству, этого религиозного вдохновения и не нужно. Если добро исчерпывается исполнением «правил», то где же тут место для вдохновения? «Правило» раз навсегда дано, определено и одинаково для всех. Давший это правило давно умер и, по толстовству, не воскрес, и лично живого существования Он и не имеет, а безусловное первоначальное добро представляется не как Отец светов и духов, который мог бы прямо светить и дышать в нас, а как расчетливый хозяин, пославший нас, наемников, на работу в своём винограднике, а сам живущий где-то за границей и посылающий к нам оттуда за своими доходами. В этом образе толстовство произвольно видит высшую норму отношений между человеком и Божеством, произвольно выкидывая из евангельского текста самое существо его – указание на Сына и Наследника, в Котором живет истинная норма богочеловеческого отношения. Толстовский «Хозяин» не настоящий хозяин, а самозванец: требуя от других добра, он сам никакого добра не делает и, налагая обязанности, но не проявляя любви к людям, он и подлинно, есть не иной кто, как бог века сего. И толстовцы принимают выдуманный Толстым образ ловкого самозванца за настоящего Бога, принимают по искреннему заблуждению, потому что, действительно, трудно разобрать в чём дело, и понять обманчивость и соблазнительность этой *личины* добра. Действительно доброе дело для Царства Божия есть действительная победа над злом, победа воскресения над смертью. Только этим открывается действительное царство Божие, а без этого оно есть лишь царство смерти и греха и творца их дьявола. Воскресение – не в переносном смысле, а в настоящем – вот, так сказать, документ настоящего Бога.

Толстовство объявляет факт воскресения Господа нашего Иисуса Христа и основанную на нём надежду нашего воскресения – мифологией. Но разве признание толстовством силы добра и его будущего торжества на земле не есть та же

вера, та же «мифология», только не проведенная последовательно до конца, а остановленная, вопреки логике, в начале пути? «Раз я верю в Добро и в его собственную силу, и в самом понятии этой силы утверждается её существенное и безусловное превосходство, то я *логически* признаю такую силу неограниченную (пределами только нравственной сферы), и ничто не препятствует мне верить в истину воскресения, засвидетельствованную *исторически*». Вера в воскресение Христа есть, следовательно, та *разумная* вера, против которой и со своей точки зрения толстовство ничего не может сказать.

Итак, если добро победит зло, крайнее его проявление – смерть в грядущем воскресении всего человечества, то здесь, на земле, непрестанная борьба и торжество зла над добром чем окончится и чем выразится, разрешится? Христианство отвечает – пришествием антихриста. И г. З. читает собеседникам «краткую повесть об антихристе», где под формою вымысла или в виде заранее воображенной исторической картины, по его мнению, представлено всё, что по священному писанию, церковному преданию и здравому разуму можно сказать наиболее вероятного по этому предмету. В явлении, прославлении и поражении антихриста и есть развязка нашего исторического процесса. В антихристе активная сила зла достигнет своей крайней степени и притом в соблазнительной форме, и падет она от активного проявления добра, от противления всех тех, кто ищет и стремится к живому истинному Добру, Которое и снизойдет на землю во втором славном пришествии Господа нашего Иисуса Христа.

С. Потехин

**Попов Н. Антикано́нический характер Австрийской
(старообрядческой) иерархии // Миссионерское
обозрение. 1901 г. № 2. С. 177– 189**

Переход м. Амвросия в Белую Криницу

I. Понятие о церковных канонах и их значение в церковной дисциплине. Самовольный переход Амвросия от К. патриарха в иную епархию (Б. Криницу) и принятие на себя при помощи светской власти звания «митрополита древлеправославных христиан» с канонической точки зрения. II. Критический разбор доказательств, приводимых апологетами австрийской (старообрядческой) иерархии в оправдание самовольного удаления м. Амвросия от К. патриарха в Б. Криницу. Общество, в которое перешел м. Амвросий по удалении от К. патриарха.

Всякий союз людей, соединенных одною какою-либо целью, должен иметь твердую и крепкую организацию, должен иметь правила, или нормы, которыми руководствовались бы члены его для достижения намеченных целей. Церковь, как основанное Спасителем нашим Иисусом Христом на земле общество правоверующих людей, также есть союз, преследующий определенные цели и, как таковой, должен, естественно, иметь у себя твердо установленный порядок и соответствующую своей сущности внешнюю организацию. Правда, высшие цели Церкви Христовой и главнейшие средства к достижению их должны быть духовно-нравственные; но как в человеке, в настоящем его состоянии, не мыслима душа – сущность простая и несложная – без внешних телесных проявлений, а эти проявления подчиняются известным законам, так и в церковном обществе должны быть такие стороны, которые должны подлежать урегулированию точными и определенными законами.⁶⁶ Понятно поэтому, что так называемые правила церковные, которыми устрояется ко благу жизнь верующих, стали появляться с самых первых времен христианства. Еще Апостолы, частью непосредственно сами, а частью чрез своих преемников, определили правила веры, церковного благочиния и суда, чем старались благоустроить церковный быт верующих. С течением времени жизнь правоверующих чад Церкви более и более усложнялась; некоторые стороны их духовной жизни требовали нового упорядочения, сообразно с новыми

потребностями должны были появляться и новые правила, а вместе с тем должны были последовательно образоваться самостоятельные церковные органы, определявшие и издававшие в руководство верующим церковные правила, словом, должны были появиться соборы вселенские и поместные. Действительно, церковная история повествует, что с самых первых времен христианства в различных местах христианского мира составлялись соборы, на которых по всем предметам религиозной веры, церковного благочиния и духовного суда составлялись преемственной от Апостолов властью, под водительством Духа Божия, положительные узаконения, или каноны церковные, цель которых состояла в показании верующим, *«как подобает в дому Божию жити, яже есть Церковь Блаженства, столп и утверждение истины»* (1Тим.3:15). Авторитет канонов, или правил церковных, как постановлений, изданных от лица целого собора епископов, под водительством Духа Божия, в руководство верующим, чад Церкви должен быть потому очень велик; поэтому на всех непокоряющихся этим определениям изрекалась в древности соборами же анафема: *«ко иже в небрежении полагающим священныя и божественныя правила отец наших, яже Церковь утверждают и все христианское жителство украшают, и к божественному наставляють благобоязньству, анафема»* (старопеч. Кормчая л. 641). О важности церковных правил ясно свидетельствуют Отцы 7 Вселенского собора, когда говорят: *«свидетельства и руководства для лиц, принявших сан священства, заключаются в начертаниях канонических постановлений, которые охотно принимая, мы все вместе с богоглаголивым Давидом воспеваем Владыке Богу, говоря: на пути свидений твоих насладихся, яко о всяком богатстве (Пс.118:14), и: заповедал еси правду, свидения твоя во век: вразуми мя и жив буду (Пс.118:138 и 141). Если же пророческое изречение заповедует нам сохранять во век свидетельства Божии и жить в них, то очевидно, что они постоянно остаются несокрушимыми и непоколебимыми. Об этом и Боговидец Моисей так говорит: к сим не подобает приложить и от сих не подобает отъяти (Втор.12:32,4:2). Также и*

божественный апостол (Петр) хвалясь ими восклицает: *в няже желают ангели приникнути (1Пет.1:12) и (Павел): аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет (Гал.1:8), поелику это так, и поскольку это засвидетельствовано нам, то мы с радостию, подобною той, как если бы кто обрел добычу, и с любовью принимаем божественные правила и содержим всецело и непоколебимо постановления этих правил, изложенных трубами Духа святыми, всеславными апостолами, и шестью святыми и вселенскими соборами, и равно соборами, поместно собиравшимися для издания таких заповедей, и наконец святыми отцами нашими. Все они были просвещены одним и тем же духом и узаконили полезное. И кого они предают анафеме, тех и мы анафематствуем, а кого извержению, тех и мы отлучаем; кого же подвергают епитимии, тех и также подвергаем, потому что восшедший до третьего неба и слышавший неизреченные глаголы божественный апостол Павел ясно взывает: не сребролюбцы нравом, довольни сущими».*⁶⁷

Что же говорят нам по поводу поступка м. Амвросия – основателя Белокриницкой иерархии правила церковные, те правила, которые должны быть свято исполняемы всеми истинными чадами Церкви Христовой, как пастырями, так и пасомыми?

Из краткой истории происхождения Белокриницкой иерархии мы знаем, что первое преступное действие м. Амвросия состояло в том, что он ушел самовольно, без ведома ближайшего своего начальника-патриарха, ушел, следоват., не будучи послан кем-либо или уполномочен на то кем-либо.

Такой поступок м. Амвросия противоречит как Священному Писанию, так и основывающимся на нём правилам церковным.

Иисус Христос, отправляя Своих учеников на всемирную проповедь, сказал: *«якоже посла Мя отец и Аз посылаю вы» (Ин.20:21)*, чем ясно указал на то, что, как Сам Он пришел в мир не самовольно, а вследствие посольства от Отца Своего, так и Его преемники – св. апостолы не самовольно идут в мир, а посылаются на это дело Самим Иисусом Христом. Из сих же

слов Божественного Спасителя ясно усматривается, что по примеру св. апостолов и все преемники апостольского служения – пастыри Церкви, прежде чем решиться на отправление присвоенных их сану пастырских обязанностей, непременно должны быть на сие дело кем-либо уполномочены, кем-либо посланы.⁶⁸ В другой раз Спаситель засвидетельствовал: *«овцы Мои гласа Моего слушают... и не восхищает их никтоже от руки Моея; Отец Мой, иже даде Ми, болии всех есть»* (Ин.10:27–29), чем ясно показал, что Он не самозванный пастырь никем не врученных Ему овец, а пастырь законный, так как принял пасение тех овец, которых дал Ему Отец и св. ап. Павел пишет, что Иисус Христос *«не Себе прослави быти первосвященника, но глалолавый к Нему: Сын Мой если ты, Аз днесь родих тя»* (Евр.5:4–5). Если Иисус Христос-Богочеловек только по воле Отца Своего совершал великое первосвященническое служение, то тем более Его преемники, св. апостолы, а после них пастыри Церкви должны находиться в безусловном послушании и подчинении по отношению к своим начальникам, не делая без воли их ничего важного в деле своего служения. Непосредственные преемники апостолов так и смотрели на взаимные отношения членов церковной иерархии. Так, св. Игнатий Богоносец в послании к Магнезианам пишет: *«Якоже убо Господь без Отца ничтоже творит; не могу бо, рече, Аз о Себе творити ничесоже; так и вы без епископа ни пресвитери, ни диаконы, ни простолюдини, ниже что-либо да явится вам благословно кроме сего произволения, так все бо законопреступно есть и Богу враждебно»*.⁶⁹ Посему правила церковные проповедуют строгое подчинение низших членов церковной иерархии высшим. В доказательство справедливости сего положения достаточно указать на апостольские правила 39 и 34. Апостольское правило 39: *«Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены люди Господни, и он воздаст ответ о душах их»*. Апостольское правило 34 говорит уже о зависимости самих епископов от высшей церковной власти: *«Епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его, яко главу, и ничего, превышающего их власть, не творити без его рассуждения:*

*творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих, но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух».*⁷⁰ М. Амвросий не обратил должного внимания на последнее правило, запрещающее ему, как епископу, делать что-либо «без рассуждения главы его», т. е. в данном случае константинопольского патриарха; не спрашивая согласия непосредственного своего начальника К. патриарха, М. Амвросий самовольно перешел в иную епархию (назовем так Белую Криницу), чем явно нарушил вышеприведенное апостольское правило. Является теперь вопрос, возможны-ли по правилам церковным переходы епископов с одной кафедры на другую и, если возможны, то под каким условием?

Обращаясь к правилам церковным, мы видим, что Церковь вообще неблагосклонно смотрела на перемещения епископов даже с ведома высшей церковной власти с одной кафедры на другую. Такое перемещение в глазах древних христиан было как-бы нарушением духовного союза пастыря со своей паствой. Вот почему 14 апостольское правило говорит: «*Не позволительно епископу оставлять свою епархию, и во иную проходить, аще бы и от многих убеждаем был, разве когда будет некоторая вина благословная, сие творити его понуждающая, яко могущего большую пользу обитающим тамо принести словом благочестия. И сие не по своему произволу, но по суду многих епископов и по сильнейшему убеждению*».⁷¹ 15 правило 1 Вселенского собора: «*По причине многих смятений и происходящих неустройств, заблагоразсуждено совершенно прекратить обычай, вопреки апостольскому правилу обретающийся в некоторых местах, дабы из града в град не преходил ни епископ, ни пресвитер, ни диакон. Аще же кто по сем определении святого и великого собора таковое что-либо предпримет, или допустит сделать с собою такое дело; распоряжение да будет не действительно, и перешедший да будет возвращен в Церковь, в которой рукоположен во епископа или пресвитера или диакона*». Антиохийского собора правило 3: «*Аще кто-либо из*

священного чина, оставив свой предел, перейдет в другой, потом совершенно преселясь, пребудет в ином пределе долгое время: таковому не священнодействовать, а наипаче, когда собственный епископ призывает и убеждает его возвратиться в свой приход, а он не повинуется. Аще же упорствовать будет в безчинии: то совершенно да будет извержен от священнослужительства, без возможности восстановления в прежний чин. Аще же изверженного по сей причине примет иной епископ: то и сей подлежит эпитимии от общего собора, яко нарушитель церковных постановлений».

Западный канонист Беверегий замечает по поводу сих правил, что «то учение, по которому епископы и клирики должны оставаться в той церкви, к которой назначены, древние христиане всегда чтили свято».⁷² Известно, что римский епископ Юлий в письме к восточным епископам порицал Евсевиан за то, что они позволяли епископам переходить с места на место,⁷³ а Евсевий Кесарийский упорно отказывался от предложенной ему клиром и народом кафедры Антиохийской и именно под тем предлогом, что канонам церковным противно перемещение епископов с одной кафедры на другую, за каковой поступок был похваляем Константином Великим.⁷⁴

Запрещая епископам переходить с одной кафедры на другую, церковные правила запрещают им также совершать рукоположения в иных епархиях без соизволения на то местного епископа. Апостольское правило 85. «Епископ да не дерзает вне пределов своея епархии творите рукоположения во градах и селех, ему не подчиненных. Аще же обличен будет, яко сотвори сие без согласия имеющих в подчинении грады оные или села: да будет извержен и он и поставлении от него».⁷⁵ Антиохийского собора правило 22. «Епископ да не приходит в иной град, не подчиненный ему, ни в селение ему не принадлежащее, для рукоположения кого-либо, и да не поставляет пресвитеров в места подчиненные другому епископу разве только по изволению епископа той страны. Аще кто одерзнет на сия: то рукоположение да будет не действительно, и он подлежит эпитимии от собора».

Антиохийского собора правило 13. *«Ни который епископ да не дерзает из единыя епархии преходити в другую, ни поставляти кого-либо в церкви ея для совершения священнослужения, ниже приводить с собою других: разве прибудет, быв призван грамотами Митрополита и сущих с ним епископов, в область которых приходит. Аще же никем не быв призван, вне порядка пойдет для рукоположения некоторых и для устройства церковных дел, до него не принадлежащих: то всё содеянное им да будет не действительным: и он, за бесчиние своё и за безрассудное начинание, да понесет приличное наказание чрез немедленное извержение из своего чина святым собором».*⁷⁶ «Найдешь много правил, говорит в толковании на это правило Аристин, воспрещающих это, то есть, переходить епископу из своей епархии в чужую, и рукополагать в ней, или делать что-либо другое, приличное епископу, разве только кто будет призван и уполномочен местным епископом совершить что-либо такое. Приходящего из своей епархии в другую и совершающего рукоположения, или устрояющего церковные дела ему не подведомые, правила подвергают извергать, а сделанное им почитать недействительным».⁷⁷

По суду этих церковных правил м. Амвросий поступил совершенно незаконно, противоканонически, когда без ведома константинопольского патриарха перешел в другую епархию (Б. Криницу) и стал там без разрешения какого бы то епископа совершать рукоположения в священные степени и присвоил себе все принадлежащие архиерейскому сану права и обязанности. Первый суд над м. Амвросием в таком противоканоническом поступке произнес сам К. патриарх. Не имея точных сведений о том, куда бежал Амвросий, а только предполагая, что он удалился к православным в монастырь; находившийся под ведением Карловицкого митрополита Иосифа, патриарх сему последнему от 14 октября 1845 г. писал, что Амвросий за своё бегство подлежит суду и как таковой не может согласно правилам церковным совершить ни одного архиерейского священнодействия. Вследствие всего этого патриарх просил Карловицкого митрополита запретить

совершение Амвросием приличествующих архиерейскому сану священнодействий.⁷⁸

Не будучи послан в Б. Криницу патриархом, Амвросий решился на переход только вследствие усиленных ходатайств старообрядческих депутатов, чем впоследствии старался извинить свой преступный переход в раскол, говоря, что будто бы он пришел в Белую Криницу только вследствие слезных молений овец, не имущих своего пастыря. Но в правилах церковных есть указания и на этот случай. Так – 21 правило антиохийского собора запрещает епископу переходить с одной кафедры в другую и по принуждению от народа. *«Епископ от единого предела да не переходит в другой, ни по самовольному вторжению, ни по насилию от народа, ни по принуждению от епископов: но да пребывает в церкви, которую принял от Бога в жребий себе в начале, и да не приходит из нея, по изреченному уже о сем определению».*⁷⁹ Тоже содержится и во 2 правиле Сардикийского собора. *«Аще обрящется кто толико безумен, или дерзновен, яко возмнит некое извинение приносить в таковом деле (правило понимает переход епископов из одного города в другой) утверждая, что от народа прислано к нему послание; явно есть, яко могли не многие некие, прельщенные воздаянием и ценою скопище составить в Церкви, аки бы желая имети его Епископом. Посему полагаю, сии ухищрения и козни всеконечно наказывати, да никто из таковых, ниже при кончине своей не будет удостоиваем общения даже наравне с мирянами».*⁸⁰ Не видим-ли мы, как сие последнее правило, будучи вполне приложимо к злосчастной истории перехода м. Амвросия в раскол, в то же время сильно и глубоко-справедливо обличает это незаконное действие Амвросия. Что такое представляло собою белокриницкое общество, домогавшееся иметь у себя епископа, как не «скопище» людей, без законного священноначалия, управлявшееся толпою невежественных мирян. Законно-ли посему поступил м. Амвросий, когда внял голосу представителей сей толпы и, прельщенный земными благами, перешел самовольно, без разрешения К. патриарха в Белую Криницу?

Утвердиться в белой Кринице в качестве «митрополита всех древлеправославных христиан» Амвросий мог не иначе как с согласия на то австрийского императора, во владениях которого находилась Белая Криница; посему, как мы знаем, депутаты старообрядцев, употребив хитрость и обман, добились того, что император австрийский утвердил Амвросия в звании митрополита Белой Криницы прежде сношения по сему делу с патриархом. Между тем церковные правила очень строго относятся к тем лицам, которые получают епископские кафедры при посредстве одной только светской власти без разрешения и согласия духовной власти, как то было при переходе Амвросия в Белую Криницу. Апостольское правило 30. *«Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщаящиеся с ним»*.⁸¹ Посему Афанасий Великий в доказательство того, что Георгий Каппадокийский незаконно был возведен на Александрийский престол, указывал в своё время на то, что Георгий Каппадокийский получил сан епископский услугами и помощью мирских властей: «это (т. е. возведение на церковные должности при помощи одной только светской власти) законы церковные нарушает, прибавляет св. отец, и язычникам подает случай хулить нас и думать, что постановления в церковные степени бывает у нас не по божественному закону, но с торгов и по ходатайству».⁸²

Но Амвросий при своём вступлении в звание митрополита Белой Криницы обращался к светской власти еще с прямой жалобой на Константинопольского патриарха, когда, в своём прошении австрийскому императору указывал на невнимательное отношение к нему К. патриарха, что будто бы и побудило его – Амвросия перейти в чужую епархию (Б. Криницу). Австрийский же император, давший м. Амвросию в силу его просьбы кафедру митрополита, тем самым присвоил себе право быть судьей между патриархом и подчиненным ему митрополитом. Между тем церковные правила, вообще запрещающие без особой нужды беспокоить своими частными делами государя (антиох. соб. пр. 11 и 12), особенно строго относятся к тем членам церковной иерархии, которые

обращаются к светскому суду, минуя духовные судебные инстанции. Карфагенского собора правило 117: *«Постановлено: да аще кто из клира будет просить от царя рассмотрения о себе, в светских судилищах, лишен будет своя честь. Аще же будет от царя просить себе суда епископского; отнюдь да не возбранится ему»*. «Просящий у царя народного суда, не епископ», говорит Аристин в толковании сего правила. Вальсамон в толковании 15 правша карфагенского собора замечает: «Если кто из посвященных будет вести дело о преступлении против клирика, или против монаха, в гражданских судилищах... то, хотя бы одержал верх в этом гражданском судилище в качестве ли истца, или в качестве ответчика, тем не менее должен потерять место своё, т. е. степень и священническую честь, подвергаясь извержению только за то самое, что отрекся от церковного судилища и избрал себе гражданское».⁸³ По постановлению сих правил м. Амвросий, имевший неудовольствие на К. патриарха, должен был просить по своему делу суда духовного, а не обращаться к светской власти, тем более к чуждой для его патриарха.

Заметим, наконец, что корыстное побуждение, побудившее м. Амвросия решиться порвать связь со своим патриархом, является с точки зрения канонов церковных новым обстоятельством, увеличивающим виновность м. Амвросия. Находясь в крайне-бедственном материальном положении, Амвросий прельстился обещанным ему жалованием в количестве 500 червонцев в год и за это согласился продать то, что по учению отцов и учителей Церкви и согласно правилам церковным не может быть ни в коем случае продаваемо, то есть епископский сан. Еще Тертуллиан говорил: «Начальствуют заслуживающие одобрения и старшие, получивши эту честь не ценою, но свидетельством (testimonio), ибо ценою не получается от Бога ни одна вещь».⁸⁴ Св. Амвросий Медиоланский осуждает тех, которые «благодать св. епископства покупают за деньги, нисколько не боясь того, что покупая священническую почесть, выслушивают вместе с Симоном волхвом приговор Петра... которые степень священную ценят деньгам приравнивая».⁸⁵ Посему церковные правила строго осуждают симонию.

Апостольское правило 29. «Аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, деньгами сие достоинство получит: да будет извержен и он и поставивший, и от общения совсем да отсечется, яко Симон волхв мною – Петром». 7-го Вселенского собора правило 5. «Аще который епископ за деньги учинит рукоположение, и непродаемую благодать обратит в куплю, и за деньги поставит кого-либо из числящихся в причте, или произведет вообще в какую-либо церковную должность: то дерзнувший на сие, быв обличен, да подлежит лишению собственной степени, а поставляемый отнюдь да не пользуется купленным постановлением, или производством, но да будет чужд достоинства, или должности, которые получил за деньги. Аще же кто окажет и посредствовавшим в мздопрятии толико гнусном и беззаконном; и сей аще есть клирик, да будет низвержен со своего степени: аще же мирянин, или монах, да будет отлучен от общения церковного».⁸⁶ (Ср. IV. Вел. собора пр. 2, Василия В. 90). Геннадий патриарх Константинопольский в своём окружном послании писал: «Владыка наш и Бог, и Спаситель Иисус Христос, вверив святым своим ученикам проповедь Евангелия и послав их по всей вселенной учителями человеком, ясно заповедал, дабы дар, туне приятый от Него, и они преподавали людям туне, не приобретая за оный меди, или серебра, или злата, или вообще иного какого-либо стяжания естественного, или земного. Ибо земное и тленное не заменяет даров небесных и духовных. Сию заповедь Он дал не токмо им, но чрез них и нам, коих удостоил возвести на их степень и место». По сему «горе по истине тем, кои возомнили приобрести дар Божий, или преподавать оный за деньги. Ибо таковые по изречению св. Петра, в желчи, горести и узах неправды находятся, связанные своим сребролюбием».⁸⁷

Мы рассмотрели целый ряд канонических нарушений, допущенных м. Амвросием чрез самовольное, тайное бегство от К, патриарха в Белую криницу; видели также, какой суд изрекают церковные правила на лиц, допустивших правонарушения, подобные тем, которые совершил м.

Амвросий. По суду всех рассмотренных нами правил, м. Амвросий должен быть извержен из своего сана, причем все священнодействия его должны считаться недействительными; а так как Амвросий и после нарушения стольких правил отправлял все приличествующие сану архиерейскому священнодействия и даже сделался родоначальником и основателем т. н. австрийской (старообрядческой) иерархии, то по суду правил, обвиняющих м. Амвросия и вся иерархия, происшедшая от него, должна считаться антиканоническою, незаконною и самочинною.

(Продолжение следует).

Свящ. Н. Попов

Айвазов И. Тамбовские постники // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 190–203

Верстах в трех от железнодорожной станции Ломовис, на пути из Тамбова в Кирсанов, приютилась небольшая деревушка Каменные-Озерки (Лызовка тож). Лет 30–35 тому назад здесь еще царило затишье: крестьяне жили «по общественному» согласно... правили службу Богу по православному... Но вот прошел по деревне недобрый слух: объявилось на Лызовке новшество. «Гришка Макаров с женой Марфой новую веру начали проповедовать: мяса не едят; рыбу, лук, картошку за грех считают; водки... чаю не пьют..., а за пущий грех детей рожать считают – постниками себя прозывают»!... крестьяне дивились: «что за постники такие?!» «Уж не хлысты-ли»?... заключили бывалые...

И действительно, Макаров, поселившись в Лызовке с женой своей Марфой, открыто не ел мяса, луку, картофеля, рыбы; не пил вина, чаю и с женой своей жил, как «с сестрой»... Прошло лет пять... В деревню воротился другой крестьянин Матвей Таксов, доселе живший в работниках у «постника» села Рассказова⁸⁸... и за ним крестьяне заметили тоже... А уж недаром говорится: «плохая овца всё стадо портит», да при том у обоих «постников» родня на деревне была большая и стало это «постничество» как зараза по домам носиться. Дальше – больше... уж и 20 домов понабралось!.. Приметили крестьяне, что «постники» стали собрания свои чинить и что-то странное на них творить... Нашлись охотники подсматривать, что делают «постники» на собраниях, но немногим то удавалось...

Как видно из показаний крестьян – православных и «постников»,⁸⁹ Лызовские «постники» обычно собираются по воскресным и праздничным дням; иногда под праздники, а «если соскучатся», то и в будни. Сходятся на собрания парочками, причем преимущественно лица молодых и средних лет, а старики дома сидят. Собираются в день дважды: с обеда и до вечера и с ужина до полуночи. На дневных собраниях сидят, гуторят, песни поют – всё больше церковные: «от ночи

утреннюю»... «возопих всем сердцем»... «согреших и беззаконвах»... «безсеменного зачатия»... «благословен еси, Христе Боже наш»⁹⁰... Ночью дом, где происходит собрание, окружается караульщиками из «постников»;⁹¹ двери дома изнутри на запоре; окна занавешены красным кумачом или чем-либо другим закрыты... Если у хозяина дома есть православные работники, то он отсылает их с поручениями в края дальние или на ночлег в «отдаленные риги»... На ночных собраниях читают, молятся Богу и нередко так усердно, что у «постника» Федора «на указательном и среднем пальцах левой руки от прикосновения к полу образовались мозоли»!... Здесь-же «ходит по лавке в одной рубахе постница-грешница и вызывает к духовным братьям и сестрам: простите, простите!...». Слышны пение, топот, хлопанье в ладоши и пляски в такт песен... То лихо «пляшет дедушка Вася»...; то вдруг дядя Матвей «в одних невыразимых, с открытым воротом рубахи» начнет выкидывать затейливые «па»; градом льется с него пот, но песни «братьев и сестер» бодрят старика...; то не стерпит Евдокия: быстро выскочит она из горницы в кухню; вихрем пронесется от двери кухни до печки разудалой пляской «в три ножки»... вдруг станет около стола, с визгом обхватит трех сидящих там мужчин... опрометью бросится в сени и из сеней на вольный воздух... А там и «постник» Степан «в одной рубашке, с всклоченными волосами» бросается в пляс vis-à-vis двух обнявшихся женщин под игривую песенку: «тут-то любо, тут-то любо, тут-то люшеньки мои»... Заскачут, запляшут и другие «постники»..., а в передней уселись на полу, видно, уставшие «две женщины с обнаженными выше колена ногами, а против них стоит мужчина»... в довольно неприличной позе... Пляшут «постники»... льются по горнице их «чудные – народные» песни: «садик мой сад, украшенный рай»... «братцы любезные, не желайте бездна, старайтесь как можно, бог судит не ложно: неужели вам, братья, не в примету, что богом говорится, то и сотворится; не надо, друзья, суетно хвалиться, а богу молиться»;⁹² или: «девка, девица, дано тебе делице; молись богу в землю за всю свою семью, а еще голубушка за всю подвселенную»... «брат хочет постница, а сестра на бок валица;

брат идет на работу не емши, а сестра говорит: я раздевши»⁹³... Но видно, все уж устали... изнемог и хозяин дома... Дело близко было полночи: всё вдруг смолкло... потухли огни... и гробовая тишина длилась около часу... Потом снова огни заблестели... слышался говор: то «духовные братья и сестры» расходились по домам, в досталь поработавши «богу»...

Но «всего, что делается на собраниях «постников», пересказать нельзя, говорил раскаявшийся хлыст, ныне умерший Павел Маноич, потому что у хлыстовского бога в селе Перевозе в земном раю⁹⁴ находятся портреты всех хлыстов и на них из их мизинцев находятся кровь и если он скажет, что делается на собраниях хлыстов, то Перевозский бог узнает об этом, выстрелит в его портрет и тогда он *своею* смертью не умрет»⁹⁵...

Боязнь «бога», обитающего «в земном раю», сковывает уста не одних только «постников», но и православных. Но, если последние молчат «страха ради телесна», то первые – по соображениям почти исключительно религиозного свойства. Мы, говорят «постники» православным, молимся богу нашему, который с нами гуторит, а ваш Бог ничего не говорит... вы поклоняетесь рукотворенному Спасителю, а мы своему, который у нас на земле... ваш Бог когда даст, а наш, чего ни попросишь, дает... и ты найди такого бога, который мог бы с тобой поговорить»... Помимо «бога, живущего на земле», есть у «постников» «пророки», которые «всяк своё дело делает и обличают и научают»... «Была у нас и богородица в селе Перевозе – Анисья, да пострадала и умерла, а теперь не знаю, есть-ли богородица, – по старости лет на собрания не хожу», говорил немощный домосед – «постник»⁹⁶... О Пресвятой Богородице и Христе Спасителе постники отзываются прямо кощунственно, если бы Христос был человек или святой, то его на кресте не распяли бы и руки гвоздями не прибивали бы, а то, значит, он прегрешил, – нисколько не боясь, резонерствуют «постники» открыто, на мирских сходах!...

Казалось, что при таких религиозных взглядах Лызовские «постники» должны были бы выйти «со двора овчаго» Церкви

православной, как овцы, которые «не сего двора..., не слышат гласа Единого Пастыря и не познаны Им»..., но на деле мы видим, что они, как и все хлысты, прекрасно усвоили себе тактику «перелазить инде»... Не входя «дверью» во двор овчий, они входят в Церковь Христову, как «воры и разбойники»...; но, набрасывая на себя личину овцы Христовой, всё же остаются чуждыми Церкви Его. Последнее как нельзя лучше оправдывается жизнью их.

С виду Лызовские «постники» – «народ хороший... и православный»: «усердны к Церкви» – её богослужению и таинствам; любезно-предупредительны к нуждам её и духовенства... да и вообще «всё церковное чтут», так что даже в своём домашнем быту любят петь песни церковные... Но за этой видимой, мнимо-церковной набожностью Лызовского «постника» скрывается и притом неглубоко настоящий хлыст в духе нашего времени, когда тактика старых хлыстов, возведенная в заповедь: «хранить тайну»..., стала часто нарушаться, вследствие чего в «постничестве» обнаружились резкие молоканские тенденции, тщательно скрываемые старым хлыстовством под покровом внешнего послушания Церкви православной, запечатленного изысканно-вежливой и примерной исполнительностью церковного вероучения и правил и предупредительностью в удовлетворении нужд Её духовенства.⁹⁷ «Мы, говорят Лызовские «постники», ходим в церковь православную, чтобы скрыть свою секту, а то нас ушлют отсюда»...: вот главное и единственное правило, лежащее в основе наружно-уважительных отношений «постников» к Православной Церкви, прежде тщательно скрываемое, а ныне, вследствие твердой надежды на полную безнаказанность, открыто высказываемое... Исходя из этого принципа, регулирующего их отношения к православной Церкви, Лызовские «постники» идут далее в своей откровенности, приподнимая завесу, скрывавшую старое хлыстовство. «Православная Церковь, говорят они, блудница, потому что в неё ходят блудники, прелюбодеи и воры, а если бы она была свята, то не горела-бы; наша-же (т. е. хлыстовская) церковь – кафолическая, туда мы ходим непорочные»... «в

православный же храм и в нечистоте (т. е. брачные люди) можно ходить и к Евангелию прикладываться..., потому что он ведь – кузница и священники в нём – кузнецы»... «Откуда, говорят они православным, зайдет в ваше причастие Тело и Кровь Спасителя: хлеб и вино, так они и есть хлеб и вино»... «что вы креститесь, что лошадь хвостом машет – всё равно... и иконы ваши – болваны... вы молитесь им, а ведь это щепки, хоть молись им, хоть не молись – они не помогут: доска – и доска..., а вы найдите такого бога, который с вами мог-бы поговорить»... и «святых отцов ваших в сущности нет... разве св. Пантелеймон ваш угодник?» и «мощи у вас – неистинные, подделанные монахами для своей наживы»...

Таковы истинные, а не показные взгляды Лызовских «постников» на Церковь православную, вполне безнаказанно высказываемые ими православным крестьянам с целью более успешного совращения их в «постничество».

Правда, в целях совращения православных крестьян Лызовские «постники» прибегают и к другому, даже более могущественному и вполне безопасному средству – денежной помощи им. То построят они домик «новобранцу» (т. е. прозелиту), то женят его на хлыстовке «с достатком», сошьют ему боярку, купят сапоги и калоши и свадьбу сыграют на свой счет..., то пообещают «по смерти своей всё отписать ему», иль «считать его за родного»... Как тут устоять православному, особенно бедному и многосемейному?!... Ведь в голодный год волей-неволей придется идти к «постнику» за помощью; а ну, как он в отместку, что не идешь в «постники», да скажет: «запри детей в амбар, а сам удавись»?... Призадумается бедный крестьянин, вспомнит, сколько дома ртов, да все просящих!...

Если теперь обратим внимание на нравственный облик Лызовских «постников», то опять увидим в них тех-же хлыстов. Та же проповедь иночества и аскетизма... тоже восхваление девства..., сведенные к отрицанию плотского сожития между законными мужем и женой и допускающие сожитие с женами «по духу», в смысле известной у хлыстов «Христовой» любви между братьями и сестрами «по духу»..., наконец, то же требование воздержания от употребления известного рода

пищевых продуктов. «Мы живем со *своими* женами, как сестрами..., плотского греха с ними не творим, чтобы Богу угодить и душу спасти», говорят Лызовские «постники», посему и «жены наши – девственницы, так как с мужьями *своими* плотского греха не творят, а вообще девственницы-ли он – за это не ручаемся и не знаем, так как часто из дому в отлучке бываем»... Впрочем, некоторые сознаются, что «жены их не девственницы»... Со своей стороны и «постницы» заявляют, что «живут они со *своими* мужьями, как с братьями»... что сами они «монашки-девственницы, а мужья у них монахи»... Удаляясь от плотского сожития со «*своими*» женами, Лызовские «постники» вступают в известные сношения с «сестрами по духу», говоря: «держи хлеб за пазухой, а не ешь его»...⁹⁸

Отсюда вытекает и их взгляд на детей. «Крыса детей народила, никому не угодила, так и вы»..., говорят «постницы» православным. По словам бывшей Лызовской «постницы», она «сейчас детей родит, а прежде не родила – за грех считала жить с мужем; у всех хлыстов так водится, а если какая родит, то за неё всё собрание Бога молит, чтобы простил ей невольный грех»... Посему «постники» не ходят к православным на крестины в восприемники, избегают крестильных обедов и «гнушаются быть восприемниками даже при крещении детей, рожденных хлыстовками по ошибке»... Брезгуя «детьми», они считают отцов их «долбилами»⁹⁹ и женятся лишь для того, чтобы «жить повеселей, да чтобы было кому в доме за хозяйством смотреть»... На свадьбы и похороны особенно богатых «постников» съезжаются с разных сторон, причем избегают приглашения православных, хотя-бы и родственников, на самую свадьбу, а приглашают «прийти после свадьбы». – Что касается употребления пищевых продуктов, то они не едят: мяса, рыбы, картофеля, луку, чесноку..., не пьют хмельного и чаю: иные «по бедности», иные «по нездоровью», а вообще «для спасения души», считая это «за грех»...

Думаем, что на основании вышесказанного можно вполне убедиться в том, что Лызовские «постники» – никто иные, как хлысты, и что народ справедливо негодует и клеймит их сим названием.

Под влиянием протестующего религиозного чувства православных крестьян, и местный священник стал считаться с Лызовскими «постниками», как с сектой и с 1888 года завел здесь беседы для вразумления заблудших овец и выяснения «зловредности хлыстовства». Но кому неизвестно, сколь действительны «духовные меры» в борьбе с хлыстами?! Там, где среда состоит частью из психопатов, а в огромном большинстве из отъявленных, вполне сознательных плутов и лиц, закабаленных в ней деньгами и страхом, одни духовные меры да притом еще веро-нравоучительного, а не строго обличительного и эпитимийно-карательного характера почти бесполезны, а иногда даже прямо вредны, так как, *удостоверяя* наличность величайшего зла в Церкви, оставляют его безнаказанным и тем еще сильнее возмущают религиозное чувство православной паствы и служат неиссякаемым источником разных кривотолков и нареканий по адресу пастырей... Нет, в борьбе с хлыстовством нужны не мягкие речи, производящие соблазн в среде православных, считающих их за попустительство зла, а грозно-обличительный и в тоже время строго-карательный голос Церкви, потому что только он силен успокоить религиозное чувство православных овец и отрезвить «перелазящих инде», заставив их или «дверью» входить во двор овчий, или вовсе выйти из него. К великому сожалению мысль о необходимости *проведения в жизнь* строгой церковной дисциплины для излечения больных овец доселе остается в проекте, не смотря на то, что язвы от этого пробела в нынешнем строе церковной жизни велики и слишком очевидны!...¹⁰⁰

Посему не удивительно, что «духовные беседки» Лызовского пастыря нисколько не вразумили хлыстов... Не изменяя образа жизни, они по-прежнему поносили православную Церковь и её святыни, совращали крестьян, внося разлад в их семьи и мирские дела... Но вот «плотина прорвалась» – крестьянам «дальше стало невмоготу»: не видя помощи себе ни от Церкви, ни тем паче от светских властей, они сами восстали на защиту своих религиозных, семейных и общественных прав.

9-го Апреля 1896 года крестьяне дер. Каменных-Озерок, в числе 62-х человек, подали Тамбовскому Преосвященному Александру прошение об «уничтожении в их деревне хлыстовской секты», причем заявили, что «хлысты весьма часто устраивают в своих домах собрания, на которых проводят время в пении безобразных стихов, прыганье и прочих безобразиях... Собрания бывают в ночное время, и на оные ходят люди молодых и средних лет... Дом, в котором собираются хлысты, крепко запирается изнутри и по всем ходам выставляется стража из хлыстов; окна занавешены... На сельском сходе хлысты расстраивают общественное единодушие... и всеми мерами стараются совратить в свою секту православных, с каковою целью бедным помогают деньгами... Нам думается, что в короткое время хлысты завлекут к себе всё общество; в последнее время ими совершено два православных семейства... Сейчас всех хлыстов в деревне 78 человек..., причем хлыстовки детей не рожают». При прошении крестьяне приложили книгу хлыстовских стихов, в качестве вещественного доказательства, по которой хлысты распевали на своих собраниях. В тоже время и местный священник вошел к Преосвященному с прошением, в котором заявил, что «он *давно* подозревал несколько семейств крестьян означенной деревни в принадлежности к хлыстовской секте, но уничтожить их не было никакой возможности;¹⁰¹ в настоящее-же время (только теперь?!!) дело становится яснее: хлысты стали часто устраивать собрания, на которых *будто бы* безобразничают; в последнее время очень заметно, что два православных семейства перешли в хлыстовскую секту, а потому просит сделать зависящее распоряжение».¹⁰²

В целях выяснения дела и удовлетворения просителей епархиальная власть указом, от 11 Апреля 1896 г. за № 6696, предписала духовному следователю «ни мало немедля произвести дознание по содержанию означенных прошений и книжки хлыстовских стихов». Получив предписание, следователь тотчас приступил к производству дознания и представил его в Консисторию при рапорте от 24 Апреля 1896 г. № 111.¹⁰³ В дознании, между прочим, ясно установлен факт

принадлежности книги хлыстовских стихов одному из поименованных в прошении Лызовских крестьян хлыстов – Михаилу Тарасову, но богослужebное употребление её на хлыстовских собраниях *фактически* не доказано,¹⁰⁴ хотя в этом нельзя сомневаться, не смотря на заявления хлыстов: «стихов, написанных в сей книге, мы никогда не слыхали и на собраниях их не поём». Любопытно показание владельца сей книги – Михаила Тарасова, изложенное им в особом прощении, поданном на имя Преосвященного Александра. «Я, писал Тарасов, никогда не придерживался хлыстовской или какой-либо другой секты, а содержал и contenu всегда, как и мой отец, православную веру: хожу в церковь, исповедаюсь и причащаюсь. Донос на меня крестьян дер. Каменных-Озерок сделан из вымогательства с меня на угощение, так как я по своей хлебной торговле живу лучше других.¹⁰⁵ Книжка, представленная крестьянами при их прошении, *писана* мною – Тарасовым давно, когда я был еще холостым, можно сказать, еще мальчишкою, стерег стадо и учился писать самоучкою даже на песке, и я даже не понимаю смысла написанного в этой книжке;¹⁰⁶ эта рукопись была прибрана мною,¹⁰⁷ и я не обращал на неё внимания, но каким-то образом эта рукопись чрез работника Степана Самодурова попала в руки бродяги, крестьянина той же деревни, Ермолая Литовского,¹⁰⁸ скрывавшегося безвестно более 6 лет. Литовский, желая угодить обществу своим открытием этой книжки, возбудил общество сделать на меня – Тарасова донос.¹⁰⁹ Я был и буду православным христианином и на всё изложенное прошу обратить внимание».

Приняв во внимание собранные данные касательно дела о Лызовских «постниках», Тамбовская Духовная Консистерия пришла к следующему весьма верному заключению: «так как факт пропагандирования хлыстовщины в деревне Каменных-Озерках и смелого оказательства означенной секты, связанного даже с насмешками над православною верой, в дознании духовно-судебного следователя доказан, то Консистерия, на основании 1006 ст. уст. уголов. судопроизв., полагает передать дело Прокурору Окружного Суда для дальнейшего

производства». По утверждении мнения Консистории Преосвященным, дело и было препровождено 28 Июня 1896 г. к г. Прокурору Тамбовского Окружного Суда.

Между тем Лызовские крестьяне в числе 65 человек вторично подали Преосвященному Тамбовскому прошение от 28 Января 1897 г., в котором писали: «мы доселе не знаем о последствиях нашего первого прошения от 9 Апр. 1896 г., а за это время хлысты, а именно Василий Иванович Макарычев совратил в свою секту нашего православного однообщественника Якова Ксенофоновича Агафонова, и кроме того нам ясно, что сектанты всевозможными ухищрениями приобрели для своего оправдания из общества православных христиан почти $\frac{1}{3}$ часть голосов, посвящающих себя в защиту сектантов, собственно из тех лиц, который находятся с сектантами в сродстве или в соседстве и более из бедного сословия и закоренелых в темноте лжеучений. Из этого нам предвидится большое горе! Что нам делать с зловерными сектантами, если Господь допустит им своими ухищрениями совратить вдруг большое число людей в свою секту, тогда горе будет нашей матушке Св. Церкви и нашему общественному миросогласию, ибо как уж и в настоящее время от хлыстовского наушничества у нас нет миросогласия. Приводя всё и питая на Вас искреннюю надежду, мы всепокорнейше просим Ваше Преосвященство настоящее дополнительное прошение сообщить к делу 1896 г. Апреля 9 дня о хлыстах и сделать зависящие побуждения к скорейшему рассмотрению судом и о последующем нам объявить».

Тогда, по распоряжению Преосвященного, крестьянам дано было знать, что дело их с хлыстами передано в Тамбовский Окружный Суд.

Впоследствии оказалось, что опасения крестьян-просителей не были безосновательны: «дело о распространении хлыстовской секты в дер. Каменных-Озерках определением Тамбовского Окружного Суда от 5 Февраля 1898 года *производством прекращено* и книжка хлыстовских стихов препровождена в Совет Братства».

Такой исход дела с одной стороны крайне опечалил православных крестьян, с другой – сильно ободрил Лызовских «постников». На беседе миссионера в д. Лызовке в сентябре с. г. часто и громко раздавался ропот православных на «постников» за то, что последние смеются над ними, говоря: «а наши-де взяли»... раздавался ропот и на Церковь православную: «зачем-де она держит постников у себя?» изредка слышен был и вопль бедноты – бедноты ужасной: «есть нечего, а хлысты всю землю купили; хошь 20 руб. за десятину давай, хоть в «постники» иди». А между тем «постники» стояли с торжествующим видом, и когда миссионер спросил одного из них С. Т-сова: «кто он»? – последний отвечал: «постник-православный»... на другие вопросы: «знает-ли он Иисуса Христа – Сына Божия, *Един-ли* Бог Отец и Христос – Сын Божий; иль было их много; есть-ли сейчас на земле «Христы» у «постников» – и истинны-ли они? отвечал: «почем знать; можа один, а можа пять и больше было; можа и теперь есть»... Не знал он, во чье имя крестят детей в Церкви православной... Не знал самой важной молитвы Господней и молитв Богородице и на вопрос: «знает-ли он Матерь Иисуса Христа – Деву Марию, одна-ли Богородица была или много, и есть-ли теперь «Богородицы» у «постников»? упорно отвечал: «не знаю; можа одна, а можа и больше было, можа и теперь есть – я не грамотен»!...

Всё это действовало удручающе. И этот 80-летний «постник» числится овцою Церкви православной!... «На что нам такие?» с горечью и болью в сердце спрашивали миссионера православные крестьяне и он невольно говорил им: «да, на что нам такие?...». И как-то сами собой приходили на мысль святые и *вечные* слова Апостола: «отступят некоторые от веры; внимая духам обольстителям и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил... ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением... Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден»

(1Тим.4:1–4; Тит.3:10), и «аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина, удаляется от брака и мяс и вина, не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что вся добра зело, и что Бог, созидавая человека, мужа и жену сотворил их, и таким образом хуля клеветает на создание: или да исправится, или да будет извержен из священного чина и *отвержен* от Церкви. Такожде и мирянин» (51 Ап. прав.).

Тамбов. миссионер Иван Айвазов

Яцкевич В. К допросу о погребении иноверцев и сектантов // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 204–208

(Из миссионерских запросов)

Какие существуют узаконения и распоряжения власти по вопросу о погребении лютеран вообще и в частности в тех случаях, когда нет ни пастора, ни особо отведенного кладбища для таковых покойников? Как поступать в тех случаях, когда просят православного иерея молиться об усопшем инославном христианине и погребении сектанта?

Правила о погребении умерших членов евангелическо-лютеранской церкви изложены в разд. 1, кн. II уст. дух. д. иностр. исп. (Т. XI, ч. 1, изд. 1896 г.), в ст. 308–316. Вот что говорится в этих статьях. Обряд погребения должен быть совершаем проповедником прихода, где умер погребаемый, или же проповедником того прихода, к которому принадлежал умерший, если первый на это согласен. В городах, где лютеране не разделены на приходы, духовный отец умершего, или же, в случае отсутствия его или иных препятствий, и всякий другой проповедник может, по приглашению, совершить над ним обряд погребения. Если проповедник, которому принадлежит право совершить сей обряд, не может приступить к сему по какой-либо достойной уважения причине и нет в том месте другого проповедника, то, с согласия и по наставлению его, тело погребает один из церковнослужителей. Тела членов евангелическо-лютеранской церкви погребаются только в определенных на сие для целых приходов, или же для отдельных семейств и по установленному порядку освященных местах. На учреждение новых кладбищ или особых для погребения мест испрашивается дозволение полицейского начальства.

Изложенные в приведенных статьях закона требования, как показывает самое содержание их, рассчитаны на нормальное течение церковно-приходской жизни живущих в пределах Российской Империи лютеран. Говоря о приходах, предполагая

наличность проповедников-пасторов, означенные требования применимы ко всем тем местностям России, где лютеране живут общинами и колониями. В таких условиях находятся, например, Остзейский край, некоторые города и местности Западной и Юго-Западной России, и такие большие городские центры, как Петербург, Москва и др. Но жизнь на каждом шагу являет уклонения от нормы и таких уклонений в рассматриваемой нами сфере особенно много замечается в последнее время. Тесно стало жить немцу и вообще западноевропейцу в пределах любезного фатерлянда. Природные богатства его давно уже использованы все. Трудно достается ему кусок насущного хлеба. И вот борьба за жизнь, за существование невольно заставляет его искать новых нив и новых поприщ для труда и связанного с ним заработка. Взору его предносится необъятная и еще девственно богатая Россия. А современные обстоятельства создают весьма удобную почву для приложения к делу богатого запаса западноевропейской и особенно немецкой энергии. Быстро развивается в России фабрично-промышленная деятельность, повсюду строятся железные дороги, открываются богатые залежи руды и каменного угля и т. п. Есть к чему приложить руки, есть из чего нажить копейку. Широкою волною хлынули иностранцы в пределы России и в тех местах, где досюда их не знали и не видали, они сделались обычными гостями. Преследуя по преимуществу материальные цели и достигая их, они в религиозном отношении часто терпят значительные затруднения. Невозможно, ведь, для нескольких отдельных лиц учреждать приходы, строить кирки и назначать проповедников. И оказываются иностранцы вдали от своих церквей и пасторов на десятки и сотни верст. В таких условиях неожиданно приходящая смерть естественно выдвигает вопрос о погребении, т. е. о лицах, его совершающих, и местах; ибо крещение, конфирмацию, бракосочетание, а равно и другие требы можно отложить, по усмотрению, до более благоприятного времени, медлить же погребением невозможно. На эти исключительные случаи в нашем законе содержатся следующие постановления. Для погребения иноверцев

кладбища отводятся в городах близ кладбищ, при православных церквах находящихся (Т. XIII, уст. Врач., изд. 1892 г., ст. 696). Обыкновенно на практике бывает так, что отводится место для усопшего иноверца где-либо в укромном уголке при границе православного кладбища. Но масса случаев, когда хоронят иноверцев и среди православных покойников, напр., в фамильных склепах в Александро-Невской лавре в столице, на Оскольдовой могиле в Киеве и т. д. Вообще в подобных случаях приходским, священникам следует избегать острых столкновений с иноверцами из-за места упокоения, чтобы не показаться фанатиками.

Если умрет иноверец христианского исповедания и не будет священника или пастора ни того исповедания, к которому умерший принадлежал, ни иного, то препроводить труп с места до кладбища обязан священник православного исповедания по правилам, в своде церковных законов означенным (Ibid. ст. 709). Какие же это правила?

Православное духовенство не имеет права отпевать умерших иноверных христиан по чиноположению православной Церкви. Если же иноверный христианин «пожелает пред кончиною своею принять наше исповедание, такового присоединять к нашей церкви, в рассуждении краткости времени и слабости больного, при одной, с возложением на него священнической руки, исповеди; а кто не помазан священным миром, то, помазав на челе оным и удостоив потом причастия Св. Таин, погребать по кончине его по всему чиноположению нашей церкви». Но православное духовенство не должно отказываться от погребения и такого иноверного христианина, который пред кончиною не воссоединится с православною Церковью, ибо во всяком случае иноверные христиане, «учение евангельское содержат и надежду полагают во Христе Спасителе всего мира». В таком случае духовенство, облачившись в ризы и епитрахиль, обязано провожать тела умерших с места до кладбища и «опускать в землю при пении стиха: Святый Боже и прочая». (Высоч. утв. указ Св. Синода 1800 г. 20 Февраля. П. С. Зак. Росс. Имп. Т. XXVL. 1800–1801 г.г. № 19289). Тело умершего иноверца христианского исповедания

не может быть вносимо пред погребением в православную церковь (опред. Св. Синода 10–15 Марта 1847 г.).

С вопросом о погребении умерших иноверцев православным духовенством тесно связан и вопрос о молитве за них и служении по ним панихид. В последнее время этот вопрос возбуждается с особою силою, вызывая недоумение во многих местах России. Относящиеся к сему вопросу каноны церковные (Апост. 10, 45, 65; Лаод. 6, 37; Тимоф. Алекс. 9) очень строги и требуют прекращения всякого общения с иноверцами. Но при этом нельзя не иметь в виду тех особых обстоятельств, при коих эти каноны были постановлены. Вера Христова утверждалась на земле. Многие стороны церковной жизни не были еще выяснены с надлежащею полнотою. Было много слабых в вере и колеблющихся. Их нужно было поддержать и оградить от возможных увлечений. Отсюда естественна и понятна строгость в сем отношении. Ныне означенные обстоятельства значительно изменились, а вместе с тем возникла действительная и насущная потребность смягчения оказанной строгости, имевшей, так сказать, исторический временный характер. Жизнь сделалась сложнее, создались новые условия и на службе и в семействах православных так много лютеран и католиков, соединяющихся нередко с православными в общей домашней и даже церковной молитве, что действительно трудно удержаться на строго неуклонной формальной точке зрения, когда православные родные, друзья и подчиненные просят церковной заупокойной молитвы у гроба в доме, или на могиле, за умершего. И не было бы это противно той любви, которую заповедует нам христианская религия ко всем людям (Лк.10:25–37). Ведь Сам Верховный Пастыреначальник был так снисходителен к грешникам и так кротко обращался с заблуждающимися! Этой же кротости, снисходительности и терпимости научал Он и своих учеников (Мф.6:43–48; 13:24–30 и т. д.). Верные слову своего Божественного учителя, апостолы Христовы – сии служители слова, – повсюду встречая заблуждения неверия, внушали верующим терпеливо сносить эти заблуждения (2Тим.2:24–25). Между прочим, они повелевали им молиться за

вся человеки, кто бы они ни были, ибо Бог хочет всем человеком спастися и в разум истины прийти (1Тим.2:4). И св. православная Церковь в своих распоряжениях и действиях являет нам пример снисхождения к иноверным и заблуждающим (Карфаг. Соб. правило 77). Последуя сему и некоторые отечественные пастыри находят возможным молиться за инославных христиан. Приснопамятный святитель Московский митрополит Филарет высказывает по сему предмету следующее мнение, что он признает возможным молиться за усопших иноверцев, но не открыто в церкви, с которою они открыто не соединялись в жизни, а в виде поминовения на проскомидии и панихиде на дому, но под условием, если они при жизни высказывали расположение к православной Церкви, ибо, как говорит митрополит Филарет, «Не странно ли было бы навязывать людям духовную помощь, которой они не требуют и которой они и существования не признают? Надобно также принять в рассуждение и то, что снисхождение к иноверным не должно причинять смущения и соблазна для некоторых ревнителей церковных правил». «Обязанность не смущать и не соблазнять своих, без сомнения, выше обязанности делать угождение чужим» (Собр. мнен. и отз. М. Филарета. Т. дополнит. 1887 г. № 56).

Что касается вопроса о погребении и молитвах за отпадших от православной церкви – о сектантах, еретиках и раскольниках, – то существующие узаконения и действующая в церкви нашей практика вполне совпадают с вышеизложенными правилами о погребении иноверцев. Отпадшие от единства церкви, преслушавшие её догматы и установления делаются ей как иноверцы – чуждыми, – по слову евангелия: «аще преслушает церковь – буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф.18:17). Сектантов погребают так же, как и иноверцев – на особо отведенных кладбищах или же где-либо в угле при границе православного кладбища, – чина отпевания не совершают, в храм не вносят, панихид и литургий не служат, а лишь провожает иерей к месту последнего упокоения с пением молитвы: «Святый Боже».

В. Яцкевич

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Рожественский Т. Несколько слов по поводу предполагаемого учреждения Всероссийского Миссионерского Общества для борьбы с расколом и сектантством // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 209–214

В указе Св. Синода (от 26 Мая 1900 года за № 5), «по отчету о занятиях бывшего в 1897 году в Казани третьего миссионерского съезда», поручено, между прочим, Епархиальным Преосвященным «дать свой отзыв о возможности и способах осуществления выраженного съездом желания учреждения Всероссийского Миссионерского Общества для борьбы с расколом и сектантством с представлением проектов устава Общества» (§ 8 указа).

Бесспорно, конечно, что наша внутренняя миссия, не имеющая до сих пор стройной всероссийской организации, крайне нуждается в учреждении такого Общества, что и засвидетельствовано Казанским съездом миссионеров, и составление для него соответствующего нуждам миссии «устава», в прямой зависимости от которого будет находиться вся деятельность этого Общества, несомненно является делом первостепенной важности. Было бы крайне желательно поэтому, чтобы устав Всерос. Мисс. Общества, ранее его окончательного утверждения, был подвергнут обсуждению со стороны деятелей миссии при посредстве духовных органов печати. Мы позволим себе высказать здесь несколько соображений о задачах и желательной организации Всерос. Мисс. Общества, надеясь, что наши соображения могут быть нелишними, в качестве материала при разработке устава Общества.

Прежде всего о *задачах Общества*. Одною из главных причин малоуспешности борьбы с расколом и сектами нельзя не признать разобщенность всех лиц и учреждений, служащих делу миссии, «отсутствие общей, всероссийской организации этого дела». Епархиальные миссии преследуют, обыкновенно, узкоместные цели, проводят в жизнь различные мероприятия, не зная, как и что делают соседние миссии, и не справляясь о

том – пользу или вред приносят соседним епархиям местные способы борьбы с расколо-сектантством. Враги же православия, тесно сплоченные между собою и довольно хорошо осведомленные о всём, что делается в каждой губернии,¹¹⁰ умеют пользоваться, ко вреду миссии, таким положением вещей. В виду этого главною задачею Всероссийского Мисс. Общества должно быть, мы полагаем, *объединение* всех лиц и учреждений, служащих миссии, и *руководство* их деятельностью, для достижения общей цели, чрез посредство центрального Миссионерского Совета (или Комитета), который должен находиться в столице, при Св. Синоде. Эта цель Общества может быть достигнута, конечно, только при постоянном, живом общении миссионерских учреждений и лиц, входящих в состав епархиальных миссий, с центральным Советом, который, получая подробные донесения из каждой епархии о всём, что творится в мире расколо-сектантства и о местных способах борьбы с ним, – циркулярными или сепаратными отношениями должен осведомлять, в свою очередь, епархиальные миссии, о чём следует (сообщать, напр., своевременно о постановлениях раскольнических съездов, штундовых конференций и проч., предупреждать грозящую опасность со стороны расколо-сектантских миссионеров, сообщать их имена, характеристики и т. п.), и, делая соответственные выводы из полученных донесений, давать руководящие советы и направлять деятельность губернских миссий. *Во-вторых*, Совет Общества должен принять на себя обязанность следить за учено-литературными и полемическими миссионерскими трудами, появляющимися, в разных епархиях, осведомлять губернские миссии о новых изданиях, давать отзывы о них и руководить выбором книг и брошюр для потребностей епархиальных миссий; вместе с тем Совет должен заботиться о составлении и издании таких полемических миссионерско-апологетических сочинений, которые бы заполнили существующие пробелы в нашей противосектантской и противораскольнической литературе, для чего Совет может группировать около себя способных к литературной деятельности людей и поручать им составление *потребных* для

миссии книг и брошюр. Для достижения этой цели желательно учреждение при Совете Общества особой Книжной Комиссии и книжного склада, из которого братства и миссионеры могли бы выписывать книги по возможно удешевленным ценам.¹¹¹ В-третьих, наконец, Миссионерское Общество, чрез посредство Совета, должно оказывать возможно широкую денежную поддержку тем миссионерским учреждениям, какие не могут существовать или правильно функционировать при скудости местных средств, а также – и инвалидам миссии, потерявшим здоровье и способность к добыванию средств к жизни при исполнении миссионерских обязанностей.¹¹² В этих целях желательно образование специального всероссийского миссионерского фонда.¹¹³

Таким образом, Всерос. Мисс. Общество должно иметь, мы полагаем, своею целью административные, ученые и благотворительные заботы о деле миссии.

Состав и организация Общества. В состав Общества должны войти все лица и учреждения, ведающие дело миссий и способные оказывать ему услуги (личным трудом в борьбе с расколо-сектантами, путем миссионерских бесед, составлением полемических книг, денежными средствами и т. д.).

Во главе Общества (или Комитета) в одной из столиц, в состав которого непременно должны быть включены, кроме почетных, собственно, лиц и теоретически подготовленных к делу миссии, практики миссионеры, личным опытом прошедшие школу борьбы с расколо-сектантством. Членами Совета должны числиться и все епархиальные миссионеры, с правом внесения своих предложений, а при посещении столиц – и с правом участия в заседаниях Совета. При Совете желательно учреждение постоянной Книжной Комиссии, книжного склада и миссионерского фонда.

Центральный Мисс. Совет должен иметь свои Отделения в епархиях, причем Епархиальные Братства и другие миссионерские учреждения с разными наименованиями (Мисс. Комитеты, Советы и пр.) следовало бы преобразовать в Отделения Всерос. Мисс. Общества и, поставив в главе их *Епархиальные* Мисс. Советы, дать им единообразную

программу деятельности (в общих чертах, конечно, поскольку эта программа может быть согласована с местными условиями миссионерской деятельности в различных губерниях). Такие Отделения Общества должны находиться в постоянных сношениях и живом общении с Центральным Мисс. Советом; должны представлять Совету свои отчеты и всякого рода сведения о расколо-сектантстве и местных способах борьбы с ним и руководиться в своей деятельности указаниями Центрального Совета. Полное административное подчинение епархиальных Отделений Центр. Совету едва-ли возможно и желательно, потому что оно поставило бы епархиальные миссионерские учреждения в ненормальные отношения к епископу – естественному и прямому начальнику всех епархиальных учреждений; в виду этого желательно, чтобы отношения Центрального Совета к его епархиальным Отделениям имели характер авторитетных указаний, руководящих советов (не более). В состав Епархиальных Мис. Советов могут входить, конечно, разные лица полезные для миссии, по избранию Советов и утверждению епархиальных преосвященных, но непременно членами их должны состоять епархиальные миссионеры, заведующие вероисповедными делами члены Консисторий и преподаватели Семинарий по кафедре истории и обличения расколо-сектантства. Делом особой важности мы считаем урегулирование отношений между епархиальными миссионерами и местными миссионерскими Советами. Несомненно, конечно, что епархиальный миссионер является лицом, наиболее осведомленным о миссионерских нуждах епархии и наиболее ответственным за состояние в ней дела миссии, а вместе и главным (в действительности) руководителем этого дела в епархии. Естественно, что его голос в решении миссионерских вопросов должен иметь и особое значение. Оставаясь в непосредственном, личном подчинении епархиальному преосвященному (согласно утвержденной Св. Синодом инструкции миссионерам), епархиальный миссионер, мы полагаем, в качестве члена Центрального Мис. Совета, должен быть посредствующим звеном между ним и его епархиальными отделениями. Он лично должен получать

распоряжения Центрального Совета, докладывать о них Совету епархиальному и сообщать Центральному Совету, вместе со своими заключениями, о решениях епархиального Совета. Такой порядок сношений с Центральным Советом давал бы, между прочим, возможность епархиальному миссионеру немедленно (что в высшей степени важно для дела миссии) узнавать все миссионерские новости и принимать к руководству постановления Центрального Совета без канцелярских проволочек, неизбежных при этом способе ведения дела.

Средства Общества могут состояться из членских взносов, пособий от Св. Синода, монастырей, церквей и пр., от пожертвований, от издания полезных для миссии сочинений и операций книжного склада.

Мы наметили, таким образом, несколько общих черт устава Всероссийского Миссионерского Общества, входить же в детальную разработку этого устава, имеющего целью удовлетворить многообразным миссионерским нуждам всех губерний России, мы не считаем для себя удобным, так как для этого нужна такая широкая осведомленность о всех условиях борьбы с расколо-сектантством в различных местностях империи, какая может быть только у лиц, близко стоящих к кормилу церковного управления России, но не у губернского деятеля, каковым является автор этих строк.

Воронеж. миссионер Т. Рождественский

Вельский В. Современные пропагандисты раскола¹¹⁴ // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 214–219

В таких крутых обстоятельствах, Таратин и Сироткин решились прибегнуть к покровительству губернского епархиального архиерея, которым тогда был в Самаре епископ Владимир, ныне высокопреосвященнейший Московский митрополит. К нему Таратин с Сироткиным и с другими наиболее почетными лицами из своих единомышленников приехали и изложили жалобы православного мелекесского народа на все обиды и притеснения от зазнавшихся раскольничьих главарей.

Высокопреосвященный, внимательно и милостиво выслушав жалобщиков, был возмущен унижением православия раскольниками марковского толка и сам поехал в Мелекес, где на месте проверил правдивость и основательность жалоб, и, по исследовании дела, написал и послал Самарскому губернатору нижеследующее официальное письмо:

«Епископа Самарского и Ставропольского ⁵/₉ июля 1891 г. № 5871. Ваше Превосходительство, милостивый Государь. Из делопроизводства по постройке новой каменной церкви в пос. Мелекесе, Ставропольского уезда, видно, что постройка церкви разрешена на средства посада, что Посадскою Думою учреждена для сего строительная комиссия под председательством посадского головы Маркова, с назначением в оную комиссию от епархиального ведомства приходского священника Андрея Иванова и с поручением местному благочинному Алексею Люстрицкому о ходе строительных работ доносить епархиальному начальству, и что, по донесениям благочинного, постройка церкви идет успешно. Между тем возбужденною некоторыми из прихожан строящейся церкви перепиской выяснено, что, 1) каменная церковь в посаде Мелекесе строится далеко не исключительно на средства посада: по отчетам самой управы, из средств посада поступило на постройку церкви не много больше $\frac{1}{3}$ всей поступившей на

постройку суммы, и то потому, что отчисление сумм из кассы посада началось еще с 1882 года, что 2) посадская управа и строительная комиссия расходовала на постройку церкви, кроме вышеозначенных сумм, и суммы, подлежащие ведению епархиального начальства, без всякого притом сношения с ним; так она израсходовала 6000 руб., страховой премии за сгоревшую деревянную церковь; что 3) та же посадская управа и строительная комиссия, при изыскании средств на постройку церкви, прибегала к таким источникам, пользоваться которыми закон позволяет не иначе, как с ведома и разрешения епархиального начальства; так, от управы выставлены были кружки для пожертвований на постройку церкви при находящейся в посаде часовне, в управе и банке; от неё же были выданы на тот же предмет подписные листы; что 4) председателем комиссии по постройке церкви состоит посадский голова К.Г. Марков, не православный, а раскольник поморской секты; одним из членов комиссии И.Г. Марков, брат его, тоже раскольник; что 5) такой, не соответствующий делу, состав комиссии сказался в следующих, весьма неблагоприятных для постройки церкви, фактах: когда, в 1889 году, в посаде Мелекесе произошел пожар, то посадский голова Марков из заготовленного на нарочно устроенных для постройки церкви заводах и уже привезенного на место постройки кирпича, до 100 тысяч самовольно употребил на устройство раскольниковой молельни, конюшен и друг. собственных сооружений; затем из того же кирпича, приготовленного на церковь, продал 75 тысяч мещанину Коломину, из этого кирпича построившему на площади дом для питейного заведения Маркова; 10 тысяч – Черемисову и другим, так что церковного кирпича израсходовано, вопреки его назначению, до 300 тысяч. Много также употреблено на частные постройки извести и других материалов, заготовленных на церковь. И хотя за эти материалы (кирпич и известь) уплачены деньги, и деньги эти значатся записанными по книгам управы, но, во 1-х, кирпич, заготовленный на церковь, был лучшего качества; во 2-х, за израсходованием этого кирпича на надобности Маркова и других частных лиц, на церковь довелось покупать кирпич с

частных заводов – плохого качества и разной меры. На основании вышеизложенного, согласно с заключением Консистории, я, во 1-х, нахожу действия учрежденной при посадской думе комиссии по постройке церкви в пос. Мелекесе и в частности действия председателя сей комиссии, посадского головы Маркова во многом неправильными и самочинными; во 2-х, для более успешного хода соборной постройки, нахожу необходимым изъять постройку церкви из ведения посадской управы и состоящей при ней строительной комиссии и вверить это дело строительной комиссии, которая была бы учреждена по распоряжению епархиального начальства из православных прихожан, под председательством приходского священника и под наблюдением местного благочинного.

Почему долгом считаю, во 1-х, о неправильных действиях посадской управы и состоящей при ней комиссии по постройке церкви в посаде Мелекесе и в частности о действиях посад. головы Маркова по постройке сей церкви сообщить Вашему Превосходительству на дальнейшее распоряжение, с приложением всей по этому делу переписки и, во 2-х, покорнейше просить Ваше Превосходительство оказать в настоящем деле своё содействие, именно: дать предложение посадской думе относительно передачи дела постройки каменной церкви в Мелекесе, вместе со всеми строительными документами, денежными суммами и материалами, той строительной комиссии, какая будет учреждена епархиальным начальством, и о последующем не оставить уведомлением, на предмет дальнейших распоряжений об организации новой епархиальной комиссии и о принятии ею от посадской управы строительного капитала и материалов.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства, покорнейшим слугою,

Владимир епископ Самарский и Ставропольский».

Письмо это замечательно по своему истинно архипастырскому и апостольски-смиренному тону и направлению. Описывая в нём такие деяния посадского головы Маркова, которым место и определение в уложении о наказаниях, высокопреосвященный не решает их иначе

назвать, как только «во многом неправильными и самочинными».

Затем высокопреосвященный отдал все деяния марковской комиссии по постройке православной церкви в Мелекесе на суд Самарской Консистории, которая в том же году указом своим за № 5450 все неправильные и незаконные действия этой комиссии отменила, самую комиссию упразднила, а благочинного Люстрицкого за явное попустительство в этом деле отредила от должности.

Православное население Мелекеса было очень признательно высокопреосвященному Владимиру за его высокое покровительство и отныне считало себя безопасным от всяких притеснений и издевательств над верой со стороны раскольников марковского толка. Но судьба решила иначе. Вскоре после описанного разгрома марковской комиссии по постройке церкви, высокопреосвященный Владимир, к сожалению православных Самарского края, был переведен на Кавказ, экзархом Грузии; а на его место в Самару назначен епископ Гурий. Главари марковского толка воспрянули духом и сумели как нельзя лучше воспользоваться незнакомством нового преосвященного как с ними и их деятельностью, так и с местными отношениями и положением православия и марковского раскола в Мелекесе и обошли его.

Надо сказать, что для достижения своей цели мелекесские раскольничьи главари не пожалели ни себя, ни своих средств. И не думая исполнять указа Самарской консистории, устранившего их от всякого участия и вмешательства в дело построения новой церкви в Мелекесе, они, по совету премудрой Авдотьи Марковны, на скорую руку поспешили окончить постройку церкви, затем сами приехали в Самару, явились к новому преосвященному и со всяческим смирением и низкими поклонами стали просить его освятить новую церковь в Мелекесе, обещаясь при этом перейти из раскола, кто в единоверие, а кто и в православие.

Добрый преосвященный, не зная о прошлом этих величайших врагов православия, поверил им, обласкал их и

исполнил их просьбу, лично приехал в Мелекес на торжественное освящение нового храма.

Искони в Мелекесе преосвященные всегда останавливались у купцов Бурковых, сделавших и на этот раз обширные приготовления к приему и встрече епископа. Но и раскольничьи вожди, не дремали. При помощи своих клевретов из полиции они устроили так, что преосвященный как-то задворками провезен был прямо в хоромы раскольников Марковых, где его ожидал роскошный прием и царское угощение. Свиту нового епископа раскольники также привлекли на свою сторону отменным кормлением, и даяниями благими. Православные были сконфужены, и только самые покорные и бессловесные из них были допущены раскольниками до преосвященного. На другой день состоялось освящение преосвященным нового храма. На это торжество собралась масса мелекесских раскольников марковского толка, но, к удивлению преосвященного, ни один из Марковых не пожелал обратиться в православие. Православные на этом торжестве были оттерты на последний план, а их вожди, гг. Таратин и Сироткин, видя всё совершающееся, с горя уехали из посада и не были на освящении. Вернувшись, они имели огорчение узнать, что на их имена были сделаны на торжестве ясные намеки, как на смутьянов...

Уже несколько времени спустя, епископ Гурий, обжившись в Самаре, узнал, конечно, истину, тщетно ожидая исполнения раскольничьими главарями обещания перейти в православие, и неоднократно выражал духовным и светским лицам своё разочарование, прямо говоря, что раскольники марковского толка со своими клевретами его обманули и подвели.

А сами раскольничьи главари, так счастливо отделавшись от всяких неприятностей за своё издевательство над православием, сделались еще нахальнее. Последняя их проделка была – устройство торжественных похорон совращенной ими с свою секту и недавно умершей упомянутой купчихи Бурковой. Уложивши тело её в дубовое корыто, по своему обычаю, они, собравшись большой толпой с начетчиками и Авдотьей Марковной во главе, понесли этот гроб

с Бурковой нарочно кругом православного собора в Мелекесе. А в соборе в это время совершалось богослужение. Но изуверы стали так неистово и громко гнусеть при этом, распевая свои песни, что совсем заглушили церковное пение. Православные уже не смели и роптать на такое явное и умышленное неуважение раскольников к своему богослужению и к святости храма; соборяне тоже молчали. Но церковный староста г. Таратин, не стерпев такого поношения православия, возбудил об этом дело, и в результате оскорбившие святость православного богослужения раскольниковы главари были оштрафованы на 30 рублей. Ничтожность такого наказания, разумеется, не удержит раскольников марковского толка от новых издевательств над соборным храмом.

Так-то обстоит дело православия на этой восточной окраине России, среди инородческого мусульманского населения, с живым интересом следящего за всеми фазисами борьбы православия в Мелекесе с федосеевской раскольниковой сектой марковского толка и с полным сочувствием и жалостью относящегося к угнетенному могущественной сектой и беззащитному православию, так как губящая край эксплуататорская деятельность раскольниковых главарей в Мелекесе даже мусульманам противна и отвратительна.

Владимир Вельский

Двинская А. На пробном экзамене у патронессы пашковистки // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 220–235

То было 8 февраля 1898 г. в 9 ч. утра на одной из улиц С.-Петербурга. Не прошло и двух минут, как на поданный мною звонок в квартиру г. Ц-го показался в дверях молодой лакей, который, увидя меня, радостно улыбнулся, как бы желанному гостю. Распахнув настежь двери, он скороговоркой приглашал меня: пожалуйста, пожалуйста...

Что это, подумала я, неужели лакей меня знает, или ему так хорошо описали мои приметы? Почему он так, уверен, что я непременно та самая, которая должна сегодня явиться в этот дом и час, да еще по интимному делу. – Дома г-жа Ц-ая? – спросила я лакея.

– Пожалуйста, пожалуйста, ждут...

– Едва лакей успел снять с меня пальто, как раздался приветливый женский голос из дамской комнаты: сюда, сюда, пожалуйста... Господи, думаю, как они стерегут мою душу. Вот чем сильны сектанты: они никогда не медлят и всегда торопятся ковать железо, пока оно горячо.

Мельком окинув взглядом богато обставленную первую комнату, я пошла к дверям следующей комнаты, в которых стояла хозяйка, ожидавшая меня, пожилая, довольно полная женщина среднего роста, с некрасивым круглым лицом, с маленьким толстым носом, с серо-голубоватыми тусклыми глазами и с гладко причесанными жидкими русыми волосами на голове.

Нужно объяснить читателю, что барыня эта одна из «уповающих» столичных пашковисток патронесс. Назвав мою фамилию, Ц-ая крепко пожала мне руку и с приветливой улыбкой указывала на кресло. Я села в некотором смущении. Хозяйка поместилась напротив меня и смерила всю меня своими тусклыми глазами.

– Снимите вашу шапочку, сказала хозяйка, – мы с вами позавтракаем, а потом побеседуем, – муж в 11 часов уедет по

делам, тогда мы можем говорить свободнее... Барыня говорила тоном полным таинственности и нерешительности, как будто предстояла какая-то мистерия масонская. Наступило молчание. – Я только что в субботу приехала, заговорила барыня, – мне писала о вас А. П., а завтра я опять уеду, ведь я здесь не живу, а только приезжаю к мужу за деньгами, живу-же я с сыном в Ямбурге. Наступило молчание, которое прервала на этот раз я.

– Вы не были вчера на собрании? – спросила я г-жу Ц.

– Нет, а что, хорошо-ли было вчера на собрании?

– Не столько хорошо, сколько смешно, подумала я, хотя каюсь – ответила: да, «очень даже».

– А кто проповедовал? – спросила г-жа Ц.

– Старичок, англичанин, сказала я.

– Который? «их ведь двое, один полный»...

– Нет, худощавый с длинной бородой, ответила я.

– А, это дедушка. «Я больше хожу в шведское общество на собрание».

– Я не знаю шведского языка, да при том у нас и русских собраний довольно.

– Я вот тоже хочу так устроиться, чтобы могли собираться и у нас верующие, – здесь у мужа нельзя: к нему много ходят по делу. Я хочу в Гавани, или на острове близ Гавани.

– Мне об этом говорила А. П.

– Что же вы согласны? оживляясь спросила г-жа Ц. и снова пристально взглянула на меня.

– Да, – нерешительно ответила я. – Вы жить не будете, а только будете приходить иногда и ночевать, – объяснила г-жа Ц.

– Знаю – и об этом мне говорила А. П.

– А квартира ведь будет на ваше имя?

– Не знаю, – ответила я.

– Итак, Господь даст, мы устроимся, – сказала г-жа Ц. с довольной улыбкой и благочестивым вздохом.

– Вернее, что нам *устроят*, – подумала я.

В это время вошел господин Цецкий, одетый в черную пару, с коротко-остриженными седыми волосами на голове и с небольшим клочком также седых волос на подбородке.

– Вот и я, – проговорил он, и отрекомендовавшись, опустился на стоящее у стола кресло напротив нас.

– Мы позавтракаем с сестрой. «Мы теперь с ней сестры по вере», – сказала хозяйка, с ласкающей улыбкой глядя на меня. Г-н Ц. также с довольной улыбкой смотрел на меня. Я улыбнулась им обоим, как бы подтверждая слова, сказанные г-жею Ц. и подумала: не по вере, а по секте, но я еще пока не сектантка и надеюсь Ангел Хранитель оградит меня от ваших сетей погибельных.

– А где вы, м. г., теперь живете? – улыбаясь спросил меня г. Ц-кий.

– В гавани, я живу недалеко от Е-ты Ивановны.

– Муж над нами смеется, – со вздохом проговорила г-жа Ц.

– Именно над чем? – спросила я.

– Простите, – заговорил г-н Ц., – но я что-то сомневаюсь в вашей вере.

– Он не верит, – вмешалась г-жа Ц.

– Во что именно вы не верите, – спросила я г-на Ц., – в наше ли верование, или же совсем и во Христа не верите?

– Нет, в Христа я верю, сказал г-н Ц., – у меня есть картинки, портреты Христа, Божией Матери, даже и образ Казанской, если хотите – он указал рукой в другую комнату, из двери которой был виден в углу образ Казанской Божией Матери в киоте и золоченой ризе, перед которым находилась красная лампада без масла.

– Так вы признаете Христа Спасителем мира, и признаете Евангелие? – спросила я г-на Ц.

По правилам наших проповедников надо быть «на страже» – подумала я, – а я сегодня ведь на пробном экзамене.

– Да, я верю во Христа, – сказал г-н Ц.

– Верите, что Он страдал за вас, что Он искупил вас?

– Верю, – ответил г-н Ц. – А где будет находиться ваша душа, когда вы оставите земную жизнь? – продолжала допрашивать я, следуя преподанным мне правилам пашковских проповедников. Патронесса в это время одобрительно покачивала головой.

– Как где? – спросил г-н Ц., шутливым тоном. Его серые, плутоватые глаза говорили: не ново это для меня, я гораздо раньше тебя знаком с фальшивым тоном фарисейского благочестия проповедников вашей секты.

Я тоже рассмеялась, понявши его шутливый тон, но продолжала обычные пашковские вопросы дальше тем-же тоном и порядком: «у нас два пути», сказала я, «один путь ко Христу в Его царство, другой во ад в царство дьявола. Теперь куда пойдет ваша душа?» Меня душил смех. Г-н Ц., кажется, хорошо понимал это. Душа, душа, шутливо проговорил г-н Ц., по моему никуда не пойдет; покуда живется, поживу, а потом умру и больше ничего.

С этими словами он встал с кресла и, заглянув в соседнюю комнату, пригласил нас к завтраку.

– Здесь наша жизнь временная, – сказала я, мы должны заботиться о той жизни, там будем вечны, и, разговаривая, мы вошли в небольшую комнату, где направо от двери стоял небольшой стол, на котором стояли две бутылки вина, 3 рюмки на маленьком блюде и закуска.

– А что будет нам в той жизни, – садясь за стол спросил меня г-н Ц., – есть дадут? а так как за это мне ваши проповедники не поручатся, то я прежде всего забочусь о том, чтобы хорошенько поесть и попить, да пожить весело, для того и тружусь, а по вашему, что надо делать, если имеете средства?

Г-жа Ц-ая пристально глядела на меня, как строгий экзаменатор. Я поняла значение этого вопроса, сделала серьезный вид и ответила опять-таки по пашковскому шаблону, как принято в секте: – Если мы имеем средства, то имеем возможность служить ближнему.

– А как же служить? – спросил г. Ц-ий.

– Кому как дадено свыше: кто, напр., получил спасение, должен стремиться спасти других.

– Ага, – протянул г-н Ц., – а я так иначе, я чтобы поесть хорошенько, да иметь своих лошадок, чтобы покататься.

– А вы? – спросил он меня.

– К чему лошадей, когда и на конке можно прокатиться, – сказала я, ведь вот даже наши патронессы княжны Л-ны и те ездят на конке к нам в Гавань, да еще по какой грязи, а то и пешком, – сказала я, а сама подумала, – и всё это как фарисеи делают для того, чтобы порисоваться пред меньшей скорбной головой братией и чтобы удобнее уловлять в конках и на улицах простодушных.

– Итак, вы находите, что нашей душе ничего не будет *там*? – спросила я г-на Ц., возобновляя наш разговор.

– Нет. Что значит душа? – не больше – не меньше, как пар; выйдет пар и всё, – отчеканил г. Ц.

– В таком случае, для чего же приходил Христос, Которого вы признаете, что Он был, страдал и искупил вас? – спросила я.

– Он приходил, чтобы научить нас, чтобы мы не делали зла друг другу.

– И только, спросила я? – Да, ответил г-н Ц.

– Но тогда достаточно было бы Христу только прийти поучить нас и уйти обратно, не надо было Ему страдать, не надо было входить на крест.

– Да, я учил когда то, что Он сделал это, чтобы искупить нас от греха проклятия и смерти, но я этого не понимал.

– Он не верит, – сказала г-жа Ц-я.

– Александра Ульяновна называет меня неверующим, – смеясь сказал г-н Ц., – а я больше её верующий.

Верю, подумала я, так как в твоём кабинете на стене находится печать принадлежащая вашей секте, цвета вареного на молоке шоколада с золотистыми буквами из послания апостола Павла: «когда что делаете, делайте не как для человека, но как для Господа», печать для замены Лика Того, Кого, вы говорите, так горячо любите, а Лик, Который должен напоминать Его, удаляете от глаз, тогда как каждый человек ставит на видное место перед глазами портрет того друга, которого он любит, а не развешивает слов, выбранных из писем друга.

Лакей доложил, что готова лошадь и г. Ц-ий скоро нас оставил. Уходя г. Ц-ий вынес из кабинета Евангелие и

передавая его жене шутливо заметил: – Вот вам и Евангелие, читайте, – сказал он, подавая мне книгу.

– Вы думаете, что я такой отступник, а у меня и Евангелие имеется.

– Он смеется над нами, – сказала А. У., – а все-таки он больше верующий, чем сын, который совсем неверующий, ничего не признает и слушать не хочет ни о чём.

– А где ваш сын? –

В полку, он военный.

– Ох уж эти военные. Мне недавно пришлось встретиться с одним отставным офицером, он служил где-то на юге и говорил, что он «по секте» живет, кажется баптистской, хорошенько не помню. – Да, баптист, повторила А. У.; баптистами вот и нас называют.

– Как нас? спросила я, делая удивленный вид.

– Баптисты – это мы – с улыбкой сказала А. У.

– Как мы? – спросила я, делая еще более удивленный и серьезный вид.

– Мы называемся пашковцы это здесь, – сказала А. У., – а за границей нас называют баптистами, но это всё равно.

– Но у баптистов есть некоторые обряды, как и у штундистов, – сказала я, как говорил мне об этом офицер, тогда как у нас их нет, – сказала я.

– И штундистами нас называют, как баптисты, так и штундисты это мы, только здесь называют пашковцами, в другом месте штундистами, там баптистами, а всё это одно и тоже; обряды есть и у нас в Ямбурге, за границей.

– Офицеры передавали мне, на юг в одно время приезжал Пашков и всех верующих сгонял к речке для совершения обряда перекрещивания.

– Да, но это только там, сказала А. У.

– А почему у нас нет этого!? – спросила я.

– И здесь есть, как-то нехотя – сказала А. У., – только смотря по требованию: это не необходимость, можно и не совершать обряды, но некоторые требуют, смотря по месту.

– А где же здесь? – спросила я.

У Л-х в Шувалове, там есть речка, кругом загорожена, так что ничего ниоткуда не видать; в Ямбурге у нас так открытая речка, и туда верующих водят, – там свободно, народ смотрит, некоторые смеются, но принявшие Господа не обращают на это внимания.

– Следовательно, это обряд не есть необходимость? – спросила я. – Нет, – сказала А. У., – но некоторые требуют обрядов, для тех это и делается.

– Прекрасно, – подумала я, – сколько разнообразия все и для всех, кто что требует, кому что нравится, кто что пожелает, лишь бы присоединить, а там по усмотрению сортировать можно, кого в баптисты, кого в штундисты кого в пашковцы, кого в толстовцы.

– В Англии Пашков устроил военный собор, сказала А. У.

– Какой такой собор? – спросила я.

– Да такое большое собрание, оно носит название: «военный собор». Вот и мы военными называемся, с улыбкой тихо проговорила А. У., как бы передавая великую тайну. Мы воюем с миром, в том соборе установлены чины как у военных, смотря по заслугам каждого воина; община эта носит название воинствующего собора, а принадлежащие к собору воинами; там имеется и воинское знамя; дается присяга на верность служения цели; там в Англии свободно, не так, как здесь, мы там носим и костюмы совсем другие, у меня тоже есть костюм: вот этот, что на мне и шляпа с большими полями английская.

– Все там так ходят? – спросила я.

– Да, в Англии так, – в другом костюме не может никто войти в тот собор, должны быть знаки у принадлежащих к воинствующему собору, как у мужчин, так и у женщин.

У Лив-ых бывает преломление хлеба, только я не была, но некоторые бывают, но не все, кто желает. Если вы хотите принять крещение, то можете, только придется подождать весны, а то можно простудиться, – сказала А. У., как бы опасаясь, – что я сейчас потребую обряда крещения.

– Конечно, – сказала я, а кто же будет совершать обряд?

– Не знаю, ответила А. У.; может быть придет сам Пашков.

– Она пылливо посмотрела на меня.

– А недавно мне пришлось встретиться еще с толстовцем, он обещал мне дать Евангелие, только рукописное.

– Какое Евангелие? никакого Евангелия нет, – сказала А. У., – это только вывод его на некоторые места Евангелия.

– А чем мы отделяемся от Толстого?

– Мы с ним не сходимся в одном существенном: он не признает брака, а у нас брак существует.

Прекрасная у вас организация, подумала я: баптисты, штундисты, пашковцы, толстовцы все вместе не противятся до времени церкви и все составляют воинствующий собор, все вы одного имеете руководителя, тайно преследуете одну цель – борьбу с православием, а когда вы почувствуете достаточную силу, тогда выступите явно в бой, – баптистов выведет генер. Б., пашковцев полк. П., толстовцев гр. Т., штундистов какой-нибудь бар. Ш. и, соединясь под одно знамя воинствующего собора, предъявите свои права предпишите свои законы и надругаетесь над теми, которые слепо допускали вам свободно действовать.

– И так, повторила я, делая рассеянный вид: баптисты и штундисты – это мы?

– Да, сказала А. У., пытливо вглядываясь мне в глаза и как бы убедившись в бесцельности моего вопроса, стала продолжать дальше: «только называемся там так, здесь иначе, а в сущности мы одно и общее наше название духовные *воины*: мы должны воевать дружно, согласно, тогда мы скорее достигнем своей цели для славы Господа», как-то глухо проговорила А. У., и стукнула рукой по столу:

– Нас и теперь не мало, слава Господу, но еще недостаточно, – глухо проговорила А. У., как бы про себя.

– Давайте почитаем, – сказала она, снова садясь на свой стул. Я взяла Евангелие и спросила А. У.: – кто будет читать? – Да читайте вы, сказала она. – Что-же будем читать? спросила я. – А вот сейчас посмотрим, сказала она и протянула руку к столику, стоявшему у стенки и взяла с него маленькую белую книжечку. – Это молитвы на каждый день, на шведском языке, если вы хотите, то я вам переведу на русский и пришлю или же привезу. – Пожалуйста, – сказала я, если это не затруднит вас.

А. У. посмотрела на низ одного листа в книжечке, где имелись указания глав и стихов Евангелия и послания. – Прочтите Иак.4:7. – Я открыла указанное послание и прочла: И так покоряйтесь Богу: противостойте диаволу и убежит от вас. – Видите, мы должны быть покорны своему Господу во всем, должны бороться с властью диавола, но этого мы можем добиться только поборов его темную силу. Видите теперь, почему мы называемся воинами, – сказала А. У. и пристально посмотрела на меня, как бы желая видеть, какое действие произведут её слова.

– И когда мы будем воевать согласно, тогда непременно победим силы тьмы, может быть уже и недолго осталось ждать; надо только стараться, быть дружными, пояснила А. У.; нас уже довольно, но всё еще не столько, надо стараться, чтобы увеличить. – Тот, кто искренно принял Господа и получил Святого Духа, тот может уже безошибочно толковать Евангелие, но на мне еще нет, дорогая сестра, Духа Господа, нет этой печати Его, а наши проповедники утверждают, что это необходимо и что это должно само прийти каждому. Вот, кто искренно принял Господа и очистил своё сердце, и вполне отдался Господу, тот непременно должен получить эту печать от Господа, тот непременно будет славить Господа, что Дух сам ему откроет это, и непременно принявший Дух Господа будет говорить вот эти слова, – А. У. ткнула пальцем по Евангелию, – непременно, повторила она.

– Прочтите еще Матфея, – сказала А. У., Мф.11:26. Я открыла Евангелие Матфея и стала читать 26 стих. –

– Нет, нет! – остановила меня А. У., смотря в свою книжечку – возьмите выше. Я прочитала 25–27 стихи.

– Видите, это Сам Господь открывает, а не человек, это Его воля, значит нам надо от Него просить непременно этого Духа, только Один Он может дать Его нам, кому захочет Сын открыть, значит кому захочет Он дать слова, то даст, а не всем, вот я не могу говорить Евангелие, значит мне не дано, значит Господь еще не хочет открыть мне.

– А вы давно уже приняли Господа? т. е. публично заявили о поступлении в секту, – спросила я.

– Нет не совсем, года два – я всё не решалась, но один раз как то, на собрании это было у Е. И., я решилась обратиться к Господу.

– Я тоже у Е. И. приняла Господа, – сказала я.

– Радуюсь за вас, – сказала А. У., и поцеловала меня жгучим поцелуем.

– Теперь прочтите 2Кор.1:19, – сказала А. У., и затем объяснила, что мы должны славить Господа делами, которые требует наш Господь. Мы должны служить Ему безотчетно, отдаться совсем Господу, не думая, куда мы идем.

– Еще прочтите от Луки, – сказала А. У. «Лк.2:51». Я открыла 2 гл. и стала читать 51 стих. А. У. не дала мне окончить его, остановила на словах: «и был в повиновении». Господь был в повиновении, значит и мы должны повиноваться во всем Господу, – пояснила А. У.

А вы, милые учителя-искусители, сами вышли из повиновения, да и других уводите от повиновения заповедям Евангелия. Христос был в повиновении у Отца и Матери, вы же извращаете Писание, следовательно и не повинуетесь Отцу; Матери Церкви у вас нет, кому же повиноваться? Обуреваемая такими мыслями, я смотрела на А. У.

«Она поняла, что я жду ответа, хотя он мне не был нужен, так как я не раз слыхала его и хорошо знала, что скажет мне А. У.».

– Мы должны повиноваться тем, кого Он поставил Духом Своим, чтобы вести нас к славе Своей, – пояснила А. У.

«Это я давно слышу», подумала я, «и хорошо знакома с самозванными учителями, восхищающими недарованное; у нас православных есть Святейший Синод, пастыри и учителя законнопоставленные, облагодатствованные, а не Бог знает какой сброд, как у вас сектантов».

– Да, должны повиноваться, а не то мы никогда не будем иметь единения, – сказала А. У.

«Ох, вы жалкие фарисеи и лицемеры», – подумала я, – «твердите о свободе, толкуете о ней другим, сбиваете с толку слабых, обещая свободу; а идете в духовное рабство к

шарлатанам и проходимцам и других ведете за собой в ту же неволю».

– Прочтите еще к Евр.12:9, 1Пет.5:9.

Я прочла, а А. У. смотрела на меня взглядом, который говорил: но теперь ты истолкуй, а я посмотрю, согласно ли будет твоё толкование с нашим, так ли ты понимаешь цель нашего Господа?

– Да, мы должны быть тверды, сказала я, чтобы нас ни ожидало, чтобы ни повстречалось на жизненном пути, каждый должен помнить, что он не один, что и другие также страдают, что все мы должны быть готовыми ко всему и каждый должен знать, что это надо для славы нашего Господа. Проговорила я этот урок свободно, без запинки, так как от всех проповедников, с которыми мне приходилось встречаться, я слышала его не по одному разу. – А. У. была видимо довольна моим пояснением: она не только глазами повторяла мои слова, но и устами.

– Еще прочтите от Ин.14:30, сказала А. У. Я прочла 30 ст. А. У. снова пристально смотрела на меня, как бы говоря, а на это, что скажете. Я еще раз прочла 30 стих, «и во мне не найдете ничего».

– Ничего, – сказала я, подымая глаза на А. У., так как он устоял и был тверд во всех искушениях и не поклонился ему. – Да, сказала А. У., так и нам предстоит искушение: будут смеяться, будут разные миссионеры приводить слова также из этого Писания, она указала на Евангелие, – чтобы отвлечь нас от нашего Господа, будут стараться, чтобы мы отказались от него, но мы должны быть тверды, не должны слушать никого, а только тех, кого Он поставил для этого.

Вот у православных есть те, которых поставляет для того сам Дух Св. в Церкви Христовой чрез таинство священства, а у вас в секте, Бог знает кем собранный русско-немецкий сброд, который толкует слова Писания как ты матушка, по программе шведских учителей и их наемников из русских, извращая слова, когда и как удобно, чтобы сбить с толку или купить слушающего. Помолчав среди такого раздумья, я и сказала А. У.: «иначе и быть не может, какие же мы будем слуги нашему Господу, если

мы будем слушать всех, тогда мы не будем иметь твердой почвы под ногами и будем шататься, как трость от ветра».

А. У. закрыла свою книжку и сказала: тут есть еще, но я не знаю, как объяснить.

Только до сих пор был задан урок, подумала я.

– Я плохо могу говорить, – сказала А. У., я лучше могу читать молитвы.

Но что-же, подумала я, и это самочинство может приносить немалую пользу вашей секте, это для вас необходимо, надо-же кому-нибудь выкрикивать на собраниях, показывая как бы внезапное посещение Святого Духа, чем вы и производите действие на слабонервных и впечатлительных; это тоже в своём роде талант.

– Я очень рада и довольна сегодняшним днем, любезно торжествуяще говорила А. У., что я сегодня нашла по душе сестру. А вот, что вы скажете, относительно образов, – вдруг спросила у меня А. У. и пристально уставила на меня свои бесцветные, голубоватые глаза.

– Ага, – подумала я, – ты думала застигнуть меня врасплох! напрасно: всякий раз, когда я иду к сестрам, или братьям по секте, я готова на все ваши подбросы для моего преткновения. Мы должны поклоняться Богу в духе, образ Его мы должны хранить в сердцах, продиктовала я слова наших проповедников.

– Да, да, радостно закивала головой А. У.

– Но вот, что вы скажете на это? Со мной два раза были такие случаи: у нас в доме был образ Божией Матери, конечно, я Ей никогда не молилась... Но я жила среди православных и привыкла к их порядкам, подобно евреям, жившим в Египте и привыкшим к их идолам. Мне просто нравится эта картина, особенно когда горит лампада. Иногда бывает некоторым необходимо иметь образа по условиям жизни. Но вот со мной был такой случай: у меня был образ Казанской, я не молилась Ей, ведь Божия Матерь спасти нас не может, спасти может только один Бог, но один раз со мной было чудо.

– С вами? – спросила я удивленно.

– Да, я ложилась спать и почему-то взглянула на образ и стала говорить с ним.

А. У. говорила медленно, пристально глядя на меня.

– Как с образом? – спросила я.

– Да, с довольно насмешливой улыбкой ответила А. У., и он мне ответил.

– И даже образ вам ответил? – также с улыбкой спросила я, понимая цель рассказа А. У.

– Да, действительно чудо, с той же насмешливой улыбкой сказала я.

– Лежу я на кровати, а передо мной образ Божией Матери. Я Ей и говорю: Божия Матерь, спаси сегодня меня.

– Но отчего же вы просили Её спасти вас, разве вам предстояла какая опасность? – спросила я.

– Нет, я не знаю, почему мне пришло в голову заговорить с Ней.

– А у кровати стоял столик, на нём горела свечка в бутылке; я заснула – и что-же? свечка медленно как бы выходила и упала из бутылки, опустившись на стол вниз с огнем на скатерть.

– Так это вы видели во сне? – сказала я.

– Нет, в то самое время, когда свечка из бутылки стала выходить, я проснулась и смотрю на неё; свеча легла огнем на скатерть, и огонь уже запалил скатерть, но я сейчас затушила.

– Чему же вы приписываете это? – спросила я.

– Чуду, – сказала А. У., но уже без насмешливой улыбки.

– Значит вы приписываете это образу Божией Матери, что Она послушалась вашей просьбы и разбудила вас в тот момент, когда вам грозила опасность сгореть, если бы вы не проснулись, – сказала я.

– Да, – ответила А. У., не сводя с меня испытующего взгляда.

– Но вот что непонятно, – сказала я, – как могла свечка вылезать из бутылки, – выпасть из подсвечника не мудрено, но вылезти из бутылки довольно странно.

– Да, да, я даже как будто бы смотрела, как она вылезла из бутылки и склонялась на стол, точно её кто вынимал тихонько и

так же тихо склонял.

– Да, действительно это странное явление, – сказала я и подумала: чем ты, великосветская барыня, выше деревенской штундистки Акулины, которая днем отвергает крест, а ночью все углы осенит крестным знаменем.

– Что вы скажете? спросила меня А. У., – можете поверить этому?

– Право, затрудняюсь, что вам ответить, – сказала я.

– Положим, у Божией Матери на руках Младенец, – заметила в раздумье А. У., – но наши говорят, что сатана может принять какой угодно вид и также совершать чудеса, чтобы прельщать людей и заставить их поклоняться чему-нибудь, чтобы привести людей снова к идолопоклонству.

– Довольно тебе богохульствовать, подумала я.

– Как вы скажете? – настаивала А. У., может сатана принимать такой вид и делать чудеса?

– Говорят, что может, и в житиях в прежнее время я читывала об этом, ответила я.

– А то вот был еще другой удивительный случай, – сказала А. У., у меня была картина Михаила Архангела, она стояла на полу у стенки; у Меня была с мужем большая неприятность, так что я думала, что придется мне уехать, и вот, провожая сына в гимназию, я вдруг вижу – этот Михаил Архангел пошел за сыном.

– То есть как это пошел? – спросила я. Эта самая картина пошла за вашим сыном?

– Нет, а такой же юноша и два крыла, как раз как рисуется Михаил Архангел, – так и пошел за ним.

– Что же; вы просили эту фигуру о чём? – спросила я.

– Нет, – ответила А. У., – я была поражена.

– И что же, с вашим сыном ничего не случилось? – спросила я.

– Нет, ничего не случилось, – сказала А. У., – а я боялась и беспокоилась до тех пор, покуда он не вернулся домой, и А. У. затем переменяла разговор, – а вы знаете почему у нас не пьют вина и водки? – спросила А. У. Я думаю оттого, чтобы были всегда в своей памяти, чтобы сознательно могли служить

Господу, – «а то, пожалуй, забудут цели своего Господа и где не следует выполняют тайны Царства Его, подумала я».

– Да, – с улыбкой сказала А. У., – но я иногда пью.

– А я пью иногда ром с чаем, когда простужусь, – в вине же не нахожу вкуса.

Немного выпить можно, но у нас не пьют некоторые основываясь на словах Евангелия: сказано об Иоанне Крестителе, что он не будет пить вина, а выпить иногда можно, – настаивала А. У.

Спасибо за разрешение, – подумала я.

– Я очень рада за сегодняшний день: я так по душе поговорила с вами, я надеюсь, что мы не последний раз беседуем с вами, давайте помолимся, – сказала А. У., – Помолитесь.

Мы перешли в комнату с мягкой мебелью, А. У. опустилась на колени, поставя обе руки на сидение кресла и закрыла ими лицо. Я встала также на колени перед креслом, рядом с А. У., и, поставив локоть левой руки на ручку кресла, тоже закрыла рукой глаза. А. У. начала читать молитву: «Дорогой Господь, благодарю Тебя, что Ты дал мне сегодня провести эти несколько часов для Твоей славы». А. У. говорила редко, медленно и, тихо повернув голову ко мне, из-за рук следила за мной глазами. Меня душил смех и, чтобы скрыть улыбку, могущую появиться на лице, я стала кашлять. «Благодарю Тебя, дорогой Господь», говорила А. У., «что Ты прислал сегодня ко мне эту сестру». «Неправда, подумала я, я пришла к тебе по желанию Е. И.». «Которая, продолжала А. У., не отказалась разделить со мной молитву!» «Следовательно, другие после твоей беседы от молитвы убегали». «Я вижу, дорогой Господь, что Ты любишь меня, такую гадкую, ленивую! Ты принял меня, и я верю, что я Твоё дитя и что Ты со мной, дорогой Господь (барыня всхлипывала), и не оставишь меня вперед, дорогой Господь!» (Если ты не оставишь вводить в заблуждение других и сбивать с истинного пути, то и Он не оставит тебя, подумала я). «Дай, чтобы эта сестра не последний раз была у меня, всхлипывала А. У. – дай, чтобы мы

могли работать вместе для Тебя, дорогой Господь. Аминь». – «Аминь», ответила я.

А. У. не подымалась с колен и повернула голову в мою сторону, ожидая от меня молитвы; делать было нечего, приходилось до конца притворяться ради науки пашковской, простит мне Господь моё согрешение, я начала говорить заученную от других пашковцев молитву. «Господь, избравший меня служить тебе, благослови меня, дай мне Духа Твоего, руководящего для славы Твоей и укрепи меня на всех путях, как бы они ни были скользки и опасны, благослови и тех, у кого и от кого я слышала Слово Твоё, и всех нас спаси, укрепи и соедини для славы Твоей и для служения Тебе Одному. Аминь».

– Аминь, – поспешно повторила А. У., как бы прикладывая печать к моим словам, и поднялась с колен. Я сделала тоже. А. У. вытирала платком глаза, хотя на них не было видно слез. – Я очень слаба, – сказала она, – я не могу молиться без слез, как ни сдерживаюсь, нет непременно слезы, как только стану читать молитву.

«Тебе бы в Архангельске плакальщицей быть, по невестам плакать», думала я.

– Вы будете сегодня на Канареечной? – спросила она меня.

– Да, – ответила я, – отсюда я сейчас заеду, мне надо А. П. видеть.

– Так передайте ей от меня поклон, только не говорите никому из наших о нашем разговоре об образах: они не любят об этом говорить.

– К чему-же? – сказала я, – ты и сама окажешь, подумала я.

– Вам надо отдохнуть, – сказала я А. У. – Вы утомились, – я знала, что на этот раз я от неё ничего больше не добьюсь, что она теперь превратится в незнайку.

– Когда еще в другой раз, если угодно будет Господу побеседуем? – сказала я. – Жаль, что мы не скоро увидимся, – сказала А. У.

– А вы где живете в Я-ге? – спросила я, – если мне придется написать вам. А. У. удивленно вытаращила на меня глаза и молчала.

– Нет, ко мне сейчас нельзя писать, – сбивчиво говорила А. У. – лучше через А. П.

«Странно», – подумала я и простились. Появился Антон, распахнув настежь дверь, он отвесил поклон, пожелав счастливого пути. Остаться счастливой вам безумцам, сказала я про себя.

Агния Двинская

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 236–250

Написано не чернилами, *но на скрижалях сердца плотяных* (2Кор.3:13).

Пишу настоящую беседу, только что вернувшись из служебной поездки в Москву, – торопливо и отрывочно, глубоко скорбя, что и февральская книжка запаздывает выходом в свет, подобно январской, впрочем по причинам не от редакции, а от типографии зависящим, почему рассыпаемые при настоящей книжке два выпуска приложений перенесены нами для ускорения печатанием в две другие типографии. Впредь, – надеемся и обещаемся, – «Миссионер. Обозрение» будет аккуратно выходить между 6–10 числом каждого месяца.

Многое из запечатленного на скрижалях нашего сердца, в дни пребывания «в сердце России» намеревались мы занести на страницы настоящей беседы. Между прочим, интересным, казалось бы, рассказать о нашем свидании и беседе с раскольничьим «архиепископом московским и всея России» Картушиным, о собеседованиях московских миссионеров со старообрядцами, о московской штунде и проч. Но в столице неожиданно встретили мы такой злободневный вопрос, который повелительно требует поговорить о нём, отодвинув московские впечатления и наблюдения на второй план, – до следующей беседы. Мы разумею состоявшийся 6 февраля в С.П.Б. философском обществе доклад известного писателя г. Мережковского о графе Л.Н. Толстом и вызванные этим докладом отголоски в разных слоях столичного общества.

Среди раболепства, так называемого, интеллигентного общества и большинства светской печати пред яснополянским проповедником церковной и государственной анархии, – вдруг в стенах храма университетской науки, с кафедры ученого, да еще философского общества, из уст светского мыслителя – молодого писателя и критика, человека, совершенно чуждого житейской суеты, живущего исключительно интересами отвлеченной философской области, заявившего себя целым

рядом талантливых, полных глубокого и тонкого психологического анализа литературных работ, раздаётся смелый, убежденный голос беспощадной критики учения гр. Л. Толстого, как религиозного мыслителя, с философской точки зрения.

Доклад Д.С. Мережковского 6 февраля был на тему: «Отношение Л.Н. Толстого к христианству». Вот основные тезисы доклада, объявленные в печати.

1) Л.Н. Толстой, как мыслитель, отрицает всякую связь человека с миром сущностей, с непознаваемым, отрицает всякое мистическое восприятие, т. е. самую возможность какого бы то ни было религиозного творчества. То, что Л.Н. Толстой называет своё исключительно нравственное учение «религией» и христианством – есть недоразумение. 2) Из учения Христова сохраняет он лишь этику, но и ту искажает; в основу своей нравственности кладет аскетическое поглощение начала «плотского» («материального») началом «духовным» («идеальным»), тогда как в учении Христа такого поглощающего преобладания духа над плотью нет, а есть совершенное соединение, равновесие, гармония духа и плоти. 3) Крайний религиозный вывод Л.Н. Толстого, как художника: буддийский нигилизм *der Wille zum Nichts* (по выражению Ницше), как мыслителя: позитивный альтруизм. Если это и «религия», то религия без Бога; если и «христианство», то христианство без Христа.

Как хотите, доклад на такую тему и с такими выводами – это крупное событие в области общественной мысли нашей современности, – это своего рода знамение времени, зловещее для самого Толстого, многознаменательное для толстовцев и толстовистов. Можно думать, что для яснополянского философа, вознесшего себя в своём гордом самомнении на высоту религиозного законодателя, – не только наравне с Моисеем, Буддой, Магометом, но с Самим Богочеловеком – Христом Спасителем мира, – видеть такое посягательство науки на его авторитет – значит переживать закат своей славы, – величайшую, нравственную кару (граф очень чуток ко всему, что об нём пишут), а мы должны видеть в этом милость Бога

Промыслителя, зовущего высокоодаренного своего раба, у врат смерти находящегося, на путь покаянного размышления о своих 20-летних ухищрениях против Христовой веры и Церкви. «Трудно тебе противу Мене», – сказал Христос Савлу, утомленному бесплодною, грешною борьбою против Него и Его Церкви. Не чувствует ли ныне в своей душе и совести Лев Николаевич такое же Савловское утомление и призыв свыше?! О, если бы его душу посетило и Савлово обращение! На самом деле, где в жизни творческие плоды философии и религии Толстого? Не являют ли собственная жизнь яснополянского проповедника, и ... судьба последователей колонистов и даже духобор-толстовистов одни лишь парадоксы, – компромиссы, фарисейские сделки и переделки на практике всей теории толстовизма, – нравственное её банкротство? И это понятно: антихристианская религия и мораль Толстого есть плод порывов буйной мысли талантливого духовного крепостника, который фанатически, стихийно набросился на все вековые устои народной веры и жизни, не потрудившись предварительно запастись необходимым научным спокойствием и беспристрастным исследованием того, что ломал, а потому и то, что строил, оказалось созижденным *на песце*, и едва прошел один-другой десяток лет, как храмина толстовизма оказывается уже утлюю, и разносят её первые же порывы критического шквала. Таким шквалом, разметавшим 6 февраля в аудитории философского общества храмину толстовизма, был доклад г. Мережковского, произведший на слушателей глубокое впечатление, но в тоже время и какое-то паническое недоумение.

Недоумение это вполне понятно: ведь выступил с критикой против учения Толстого «не какой-нибудь церковник» и не присяжный богослов, а свободный художник слова, беспартийный писатель-психолог, которого никак нельзя заподозрить в пристрастии к консерватизму, тем паче к клерикализму или церковничеству. Г. Мережковский человек совсем иного лагеря; доклад его пропущен ученым обществом, конечно, после тщательного и осторожного обсуждения в совете представителей философской мысли. И раз в своих конечных

выводах светский писатель-критик неожиданно для либерального общества, а может быть и для самого себя, сошелся с давно установившимся о Толстом убеждением представителей богословской науки и православной Церкви, то не служит ли это новым, сколько очевидным, столько же и убедительным доказательством несостоятельности и лживости учения яснополянского проповедника, как с точки зрения теологической, так равно и философской и этической. «При двоих свидетелях (богословия и философии) станет всяк глагол», по слову Евангелия.

Но как же г. Мережковский охарактеризовал религию и мораль Л.Н. Толстого и что именно сказал? Передаем содержание чрезвычайно интересного для миссии доклада по отчету газеты «Россия (№ 643)», которая едва-ли не одна из всех органов столичной печати дала обстоятельное изложение основных тезисов реферата г. Мережковского и сущность возражений его двух главных оппонентов; другие органы просто замолчали эту новость не по сезону.

Толстой, по характеристике г. Мережковского, разделяется на Толстого сознательного и Толстого бессознательного. Сознательный это – старец Аким из «Власти Тьмы», а стихийно-языческий, т. е. настоящий Толстой, это – дядя Ярошка. По учению Акима Ярошки, христианство не имеет в себе ровно ничего сверхъестественного. Сущность его заключается в ответе на вопрос: зачем я живу, и как должно относиться к окружающему миру? Мистика и метафизика религии – лишь сопутствующий вздор, не более. Бог – сверх-разумен. Даже слово «Он», по признанию Толстого, умаляет Его. Таким образом, христианство Толстого представляет собою религию без Бога. Это ни Бог живых, ни Бог мертвых, это бог ни живых, ни мертвых, бог духовных скопцов, холодных к вере и безверию. Всякое приближение к первопричине мира для Толстого просто неинтересно. Он религию сводит к тому, чтобы жить по Божьи, т. е. по правде, по любви, по разуму. Догмат ложен, потому что из него нельзя вывести нравственных правил. Не Бог освящает нравственные чувства человека, но напротив, нравственные чувства человека освящают понятие

Божества. Такую нравственную философию г. Мережковский называет кощунственной. Это – дорога к религиозному опошлению. Для Толстого Христос только подсчитанная польза. Его учение о Боге равносильно безбожию. Начав с религии уничтожения, он кончил уничтожением религии, отрывнувшись базаровским нигилизмом.

Из Отца небесного он сделал только хозяина, человека, как Сына Божьего превратил в Божьего работника, Божьего наемника. Экономические отношения, которые царят в его сословии, он перенес в религию. Евангельский символ Отчей любви и Сыновней свободы Толстой подменил рабством. Сын знает Отца, работник же входит только в прибыли хозяина. Ростов в «Войне и мире», – тоже, как хозяин, советовал (делает соответствующий жест рукою) держать работника «во как». Бог, по учению яснополянского барина, тоже держит человека «во как». Он загоняет его, как зайца гончими собаками, на путь любви. Без неё всё человечество – не более, как разлагающаяся плоть, смердящая падаль. Это любовь из-под палки. Иван Ильич трепещет и бьется, влезая в темный мешок смерти. Это уже не Отец небесный, а небесный палач. Мережковский не знает ничего безобразнее, холоднее, жестче, чем такая любовь. «Этот человек никогда никого не любил», – говорил о Толстом Тургенев. Лучше быть дрожащей тварью и разлагающеюся плотью, чем работником такого хозяина.

Как в отношении к Отцу, так и в отношении к Сыну, в душе Толстого Ярошка перетягивает Акима. Христа Толстой называет человеком, жившим при Пилате Понтийском, зовет Его даже не Сыном, а Отроком Божиим. Приведя соответствующие тексты из Евангелия, докладчик восклицает: чтобы такого свидетельства не слышать, надо заткнуть уши! Нужно было или отказаться от всего своего построения, или лгать до умопомрачения. Толстой выбрал последний путь. Его христианство – преснейшее из всех пресных вещей, соль, переставшая быть соленою, которую надо выкинуть в навоз. Первою нравственной задачей человека он считает борьбу с природою за существование, отопление, еду и т. д., отопревание и кормление себя самого и других. В его воззрениях немного романо-германской теории борьбы за

существование, немного буддийского неделания, протестантская смесь ветхого завета с новым заветом, нечто ни теплое, ни холодное, – вчерашнее подогретое блюдо. Человек для него – машина, которая заряжается тем, что кормится и выпускает мускульным трудом заряд энергии, принятый в пищу. Это уже даже не «Хозяин и работник», а механик и машина. «Необходимо лишь необходимое». В религиозном опрощении Толстой доходит до идеала старцев, которые молились бессмысленными словами: трое вас, трое нас, – даже без «Отче наш», до отрицания таинств и триединства.

В религии всё символично, прозрачно и прекрасно. Образы стыдливо покрывают наготу священную. В машине же все бесстыдно и голо. Обряды – это ступеньки, по которым человечество восходит к Богу. Пусть старые ступеньки уже разрушились от времени, но я все же благоговейно целую их, как нечто жившее и живое, как дорогое лицо умершей матери. Православная Церковь и для Толстого была матерью. Пусть даже она умерла для него, дает ли это право на бесстыдные надругательства? Это пошло, стыдно, невозможно! То, что написал Толстой о православии, – самые позорные страницы русской литературы. До такого кощунства не доходили и желторотые птенцы материализма. Не надо быть верующим. достаточно только иметь уважение к своему народу и всему человечеству, для того, чтобы не оскорблять обрядов. Барскую брезгливость к вере народа он сочетал с изуверствами санкюлотов. Здравый смысл – добрая вещь; однако, существуют такие области, куда его пускают только подчищать и прислуживать, затворять и отворять двери и пр., но нельзя, с его неприличным мещански-лакейским ликом давать ему там власть барина и господина.

Приведя сцену из «Братьев Карамазовых», – как на вопрос малолетнего Смердякова: каким образом свет создан был на второй день творения, а светила – на третий? благочестивый Григорий ответил ему ударом по лицу, – референт восклицает: «Славная пощечина!» – и прибавляет, что Смердяков вынес её, даже, может быть, считал себя пострадавшим за свободу разума... Вольтер говорил, что Бога нужно было бы выдумать,

даже если бы Его не было, но Толстой далеко опередил Вольтера. Его последний идеал – капиталист-благотворитель.

Вот к чему, вот к какой мрази будущего логически приводит механически-позитивное, бесстыдно-полезное христианство. Таковы положительные герои Толстовского «Воскресения» – Симонсон и друг. Они сделаны из каучука и мертвечиной припахивают. В основе чувства Симонсона к Катюше – та же мужская гадость с точки зрения толстовско-познышевского христианства. Без религии нет любви. Без любви к Богу, Катюша, сойдясь с Симонсоном, продает не только свое тело, но и свою душу. Раньше она знала обнаженную гадость проституции, теперь узнает ту же гадость, прикрытую лицемерием. Все герои «Воскресения» оборвались. Сам Нехлюдов говорит, что его история с Катюшей окончилась не хорошо, а эта история – главное в романе. Толстой не хочет признавать этого банкротства, говорит, что Нехлюдову открылось другое дело – искупление греха перед Катюшей службою всем страдающим. Но если он не сумел полюбить самую близкую, посланную ему Богом, то откуда он возьмет силы полюбить всех людей чужих, далеких, неведомых? Нехлюдов и Толстой просто помогают друг другу обманывать себя и читателей. Опять припоминаются слова Тургенева, что этот человек никого никогда не любил. Нехлюдову остается сделаться куском разлагающейся плоти. Он должен умереть второю смертью, от которой уже нет воскресения. В конце романа мы присутствуем при начале этой смерти. «После ухода Масловой, Нехлюдов закрыл глаза и заснул». Это мертвый сон, которым спят в гробах. Он хочет своего собственного счастья, своей изящной семьи, покойной и красивой жизни. Это крик дяди Ерошки, который не может умереть, задушенный Акимом, который не может воскреснуть. Ерошка пробуждается, – какое это ужасное пробуждение!

Заключительный аккорд романа – страшный, потрясающий хохот каторжников над словами Христа: «и аще кто ударит тебя по ланите, подставь другую», которые проповедует англичанин с помощью переводчика – Нехлюдова. В его жажде эгоистической семьи, приличной человеческой жизни – тот же

ответ англичанину одного из каторжников: пусть сам попробует (подставить щеку!). Вернувшись из острога, Нехлюдов опять засыпает сном умирающей души, разлагающейся плоти. Ему и делать больше нечего, как только засыпать. Автор заставляет его снова воскреснуть от евангельской притчи о виноградаре, хозяине и работнике. В действительности Нехлюдов всё время отвлеченно умствовал и теперь только умствует. В его душе нет ни капли восторга, ни искры религиозного огня. Чем он может заглушить хохот каторжников над словами Евангелия? Самыми слабыми, незначительными 70-ю строками! Такое воскресение было бы истинным чудом Божиим, в которое не верит сам Толстой. От Нехлюдова, как от 4-дневного Лазаря, уже смердит. Заключительная фаза отношения к христианству – зверский хохот. Каторжники, по свидетельству Достоевского, – самая талантливая часть народа. Значит, и весь русский народ погибает второю смертью? Да и один ли русский народ?

Каким отчаянием полно окончание романа! Толстой лжет своею развязкой. Он рассчитывает на всеобщее отупение, в котором люди не заметят подлога и признают смерть за воскресение. Только один Ницше дошел до такого же богохульства. Он бога-зверя противопоставил Богу-человеку. Из этого противоречия сознательной и бессознательной стихии вышла трагедия Ницше и Толстого. У первого бессознательная стихия шла против сознания, у второго наоборот: сознание шло против бессознательной стихии. Ницше – тайный ученик, явный отступник христианства, Толстой – явный ученик, тайный отступник. Природа отмщает за богохульство. Ницше она наказала безумием. Толстого сделала смешным, нравственною пошлостью его рассуждений. Для такого человека, как Толстой, это страшнее страшного. Слепые ведут ясновидящих. Одни, как Ницше, падают в бездну, другие, как Толстой, – хуже, чем в бездну, – в яму. Страшно за них и за нас.

* * *

Первый оппонент, приват-доцент А.П. Нечаев, отметил неточность определения слов у докладчика: христианство Толстой определяет как понимание жизни, а Бог есть самое простое, самое непонятное, следовательно, он не признает

Бога. Но в первом случае под словом «непонятное» подразумевается неприложимое к жизни, а во втором – не поддающееся точному логическому определению. Он доказывает, что Толстой намеренно и даже злонамеренно заменяет слово «Сын Божий» словом «Отрок Божий», но последнее выражение употребляется даже и в Евангелии. Прежде, чем упрекать Толстого во лжи и в умопомрачении, нужно было доказать, что это слово может иметь только одно значение. Понятие «Бог» – тоже толкуется различно. Оно вовсе не чуждо Толстому. Он с большой радостью узнал, «что любовь – закон, лежащий в самой природе, что кто познает людей и природу, тот и к Богу придет».

Второй оппонент сказал, что важно не то, как Толстой относится к церкви, а как церковь должна отнестись к нему. Критика референта и слишком строга, и односторонняя. Есть два типа работников. Одни люди в принципе признают авторитет отцовской власти, но не выполняют её велений; другие авторитета не признают, но на деле требования отца исполняют. Толстой с особенной строгостью нападает на тех, которые внешне признают христианство, но на практике ему не следуют и сами поступают как раз наоборот. Референт видит в его учении помесь буддийского нигилизма с германо-романским дарвинизмом. Напротив, Толстой – явление чисто русское. Он и лицом так похож на того великорусского богатыря-мужика, который выковал великое государство. Так же точно и Толстой хочет сковать царство Божие на земле. В Евангелии говорится: «Не всякий достигнет святости, у кого на устах слова: Господи, Господи!» Для нас важнее всего воля Отца небесного. Прежде всего, нужно познать сердцем волю Его. Многочисленное светское общество не слышит голоса церковников. И вот тут-то является Толстой и ведет вас к Евангелию, которое служит для него настольною книгой. Это роль огромной важности и значения. Виргилий был спутником Данту, но в рай его не повел. Толстой проводит нас сквозь чистилище жизни, подводит к дверям рая – к Евангелию. За это нужно сказать ему большое спасибо. Евангелие само за себя постоит, оно не боится никаких нападок.

Раздался гром рукоплесканий, прекращенной председателем, как неуместный в ученом обществе.

Тогда докладчик спрашивает оппонента, признает ли он Толстого христианином с точки зрения догматов православной Церкви? Но председатель устраняет разговоры на эту тему.

Подробно обсуждать тезисы и выводы доклада г. Мережковского о гр. Л. Толстом в настоящей беседе – не место, а пока и не время. Подождем появления самого доклада в печати (мы слышали, что он появится в журн. «Мир Искусства»). Не можем только обойти молчанием возражений оппонентов, особенно второго, который, как это ни странно, является выразителем коренного заблуждения большинства поклонников гр. Л. Толстого и либерального общества. Нам кажется, что в аудитории 6 февраля между референтом, слушателями и оппонентами царило в своём роде трагическое недоразумение. Г. Мережковский добросовестно и тщательно изучил, глубоко проанализировал *всего* Толстого, публика же знает и судит о Толстом односторонне, как о великом писателе-художнике, – так сказать о показном, *цензурном* Толстом, но не знает и не хочет знать Толстого *подпольного*, прячущего как страус, свою голову за спиною своих страждущих последователей – агентов, – Толстого разрушительного и страшного в своём религиозном нигилизме и государственном анархизме. Иначе нельзя объяснить того грубого заблуждения и непростительной ошибки, в которые впал сорвавший дешёвые аплодисменты защитник того абсурда, что будто бы «Толстой ведёт вас к Евангелию и играет в Церкви роль огромной важности», «приводит к дверям рая»?! Ясно, что оратор говорил о том, чего сам не знает, но слышал на лету, – в либеральных кружках. Как может приводить ко Христу и в Церковь, подводить к дверям рая тот, кто кощунственно извратил, перекроил, перелицевал Христово Евангелие, кто отрицает Самого Христа, как Богочеловека и Спасителя и Его искупительную жертву, кто камня на камне не оставил в Церкви Христовой, – всё, решительно всё, грубо, богохульно обругал, над всем насмеялся, всё отверг! Что-ж сказать тогда о тех сектантах и еретиках, которые почивают на букве Евангелия, – о штундистах, пашковцах и молоканах? По

странному мнению второго оппонента, подобные сектанты, вероятно, лучшие миссионеры и ведут прямо в рай... Так могут рассуждать о значении в Церкви Толстого только неимущие *упования и веры* в силу и действие в Церкви благодати таинств, или же легкомысленные краснобаи, повторяющие либеральные зады. Видно, что оппонент № 2 – хромающий богослов, не вдумчивый мыслитель, любитель хлесткой фразы. Не подлежит сомнению, что гр. Толстой не только не православный, но он даже и не сектант и не христианин, а человек своей, естественно-позитивной религии, сшитой на живую нитку из заплат разных мировоззрений, – в основе которых лежит пантеизм и далеко не научный.

А что это действительно так, и что г. Мережковский совершенно верно определил религиозное суемудрие Толстого, как «религию без Бога и Христианство без Христа», достаточно привести несколько выписок на выдержку из недавно изданного «Христианского учения Л.Н. Толстого», изложенного самим яснополянским лжеучителем. В предисловии гр. Толстой решительно отрекается не только от православной веры, но и от всех существующих религий.

«Я не могу вернуться ни к той вере, которой был научен с детства, ни поверить в какую-либо из тех, которые исповедовали другие народы, потому что во всех были одни и те же противоречия, бессмыслицы, чудеса, отрицающие все другие веры, а главное их обман, – требования слепого доверия своему учению» (Стр. 3-я).

А вот как Л.Н. отзывался о Евангелии Христа, которое будто бы служит ему настольною книгою.

«В Евангелии, несмотря на все извращения, которым оно подверглось в учении христианской церкви, я чуял истину... Откинув все толкования евангельского учения, я стал читать и изучать Евангелие, и уяснялось мне *нечто новое*, совсем непохожее на то, чему учат христианские церкви, но отвечающее на вопрос моей жизни... Евангелие не есть исключительно откровение Христа, но этот самый ответ на вопросы жизни высказали более или менее ясно все лучшие люди человечества до и после Евангелия, начиная от Моисея,

Исаии, Конфуция, древних греков, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха... Так что в познании почерпнутой мной из Евангелия истины, я не только не один, но был со всеми лучшими людьми прежнего и нашего времени. И я утвердился в этой истине, успокоился и радостно прожил после этого 20 лет» (Стр. 5).

В основу своего сочинения новой мнимохристианской веры наш российский реформатор кладет разум:

«Единственное орудие познания есть разум человека, а потому всякая проповедь, утверждающая что-либо противное разуму, есть обман». «Истина не может войти в человека помимо разума, и потому человек, который думает, что он познает истины верою, а не разумом, – только обманывает себя; внушение недоверия к разуму имеет желание обмана и есть величайшее кощунство». «Основа всех грехов и бедствий человека – обман веры, и чтобы жить по учению Христа (читай Толстого), человеку нужно прежде всего освободиться от обманов веры». «Для того, чтобы быть свободным от обманов веры, человеку надо понимать и помнить, что у него нет и не может быть никакого другого, кроме разума, другого познания, всякий человек верит только разуму, и что поэтому люди, говорящие, что они верят не разуму, а Моисею, Будде, Христу, Магомету, Корану, Библии, обманывают себя». «Рассуждения или вымыслы» бесконечно различны о том, как произошел мир или грех, что будет после смерти, правда-ли то, что три Бога вместе составляют Одного, правда-ли, что человек (разумею Христа Богочеловека) умер и воскрес, ходил по водам, улетел на небо в теле, что, съедая хлеб и вино, я съедаю тело и кровь (какое богохульство!), что Бог ходил в огненном столбе, Будда поднялся в лучах солнца, Магомет летал на небо, – решение же разума одно и тоже: это неправда» (Стр. 70–73).

Молитвы, таинства, благолепие храмов, пение, курение фимиама, иконы, священную утварь Толстой кощунственно называет «одуряющими действиями и представлениями, которыми стараются запечатлеть в душах людей обман, выдаваемый за истины веры». «Религиозное воспитание детей – яд». «Пятый прием обмана веры, мудрствует гр. Толстой, самый

жестокий, потому что он состоит в том, что ребенку, спрашивающему у старших, живших прежде него и имевших возможность познать мудрость прежде живших людей о том, что такое этот мир и его жизнь, и какое отношение между тем и другим, отвечают не то, что думают и знают эти старшие, а то, что думали люди, жившие тысячи лет тому назад, и во что никто из больших уже не верит и не может верить. Вместо духовной, необходимой ему пищи, о которой просит ребенок, ему дается губящий его духовное здоровье яд, от которого он может исцелиться только величайшими усилиями и страданиями» (67). Комментарии излишни.

Нужно-ли еще более ясного свидетельства того, что Толстой не христианин, когда сам Л.Н. свидетельствует, о себе так откровенно!

Далее продолжать выписывать безумные, богохульные глаголы сочинителя новой религии не позволяет возмущаемое до глубины души чувство живой веры, всякий раз когда читаешь грубую, бездоказательную, богохульную ругань Толстого о самых святейших вопросах веры человечества. Много у Христа и Церкви на протяжении XIX веков было еретиков и врагов, но таких грубых ругателей в истории не много найдется. Не изрыгал таких богохулений ни Вольтер, ни Штраус, ни Ренан. Здесь – и только здесь – можно согласиться с защитником Толстого, что он богатырь-мужик, но только уж никак не тот, что «выковал русское государство», зиждущееся на православии. Так трактовать о том, что свято векам и миллионам, могут только русские нигилисты.

Приведем в заключение еще одну выдержку, поясняющую, как понимает и определяет Толстой Бога.

«Бог, познаваемый человеком в себе, есть *желание* блага всему существующему, есть начало всякой жизни, *есть любовь*, как и сказано в Евангелии – Бог есть любовь» (Стр. 17).

«Бог – Существо духовное, единое, нераздельное – заключил себя в отдельные тела существ и в тело отдельного человека, единое как бы разделилось само в себе; – Бог – Сущность жизни, которую человек сознает в себе и познает во всём мире, как желание блага, а вместе и та причина, в которой

сущность эта заключена в условия отдельной и телесной жизни». (18–19).

Полагаем, что и этих немногих капель из всего моря антихристианских мудрований Толстого достаточно, чтобы понять, какой веры держится яснополянский пророк, куда он ушел от Христа и Евангелия и отечественной Церкви, и как легкомысленны защитники и апологеты яснополянского лжеучителя! Не будем теперь говорить всего и о политических мудрованиях гр. Толстого, которые также не менее решительно изложены в трактате о новой религии, в главе «государственный соблазн». Сущность этого соблазна гр. Толстой определяет «как внушение людям необходимости государственного порядка, власти, которая во имя этого соблазна совершает якобы массовые злодеяния, – казни, войны и т. д. (59 стр.)». Всё это не ново и пока довольно. Что касается вопроса, как церковь должна относиться к яснополянскому отступнику, это ясно из следующих слов ап. Павла (которого Св. писания так не любит сочинитель нового христианства): «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются в последствии» (1Тим.5:24). Грехи Л.Н. Толстого, как вероотступника и богохульника, явны, а потому вины его неоспоримо влекут и применение церковного закона, основанного на Божественной заповеди: «аще кто преслушает церковь – буди тебе якоже язычник» (Мф.18:16); Еретика после первого и второго вразумления отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи *самоосужден*» (Тит.3:10–11).

* * *

Мы очень виноваты пред нашими читателями, что доселе не исполнили заявленного еще в прошлом году обещания дать на страницах «Мис. Обозр.» критический разбор катехизиса Толстовского. Виною – болезнь и литературные недосуги почтенного проф. Гусева. Теперь портфель редакционный пополнился новыми, еще более ценными для богословской критики трактатами гр. Толстого по вопросам веры, и мы примем все усилия, чтобы дать в течение 1900 г. обстоятельный критический разбор опасных и грубых заблуждений яснополянского ругателя Христа и Церкви.

* * *

Читатели в отделе библиографии найдут отзыв о новом издании К.П. Победоносцева под заглавием «Учитель и учение». В дополнение к сказанному нашим почтенным сотрудником мы считаем необходимым выписать из книжки непререкаемо верное и мудрое наставление великого мыслителя земли русской о преподавании закона Божия. Высказанная истина должна заставить законоучителей глубоко поразмыслить, близка ли эта правда к осуществлению у нас в школах? Вот как говорит об этом важном и для миссии вопросе высокопоставленный автор.

«Ты преподаешь детям Закон Божий... Больше всего берегись делать из Евангелия учебную книгу: это грех. Это значит – в *ребенке* обесценивать для *человека* книгу, которая должна быть для него сокровищем и руководством целой жизни. *Страшно* должно быть для совести разбивать слово жизни на бездушные кусочки и делать из них мучительные вопросы для детей. Приступать с речами о Евангельских словах к детям и вызывать у них ответы для этого потребна душа чуткая к ощущениям детской души, – но когда приступают к делу с одной механикой программных вопросов и ставят цифирные отметки за ответ на вопросы, иногда неловкие и непонятые ребенком, вызывая волнение и слезы, – грех принимают себе на душу экзаменаторы, – и можно сказать об них: не ведают, что творят – с душою ребенка.

Есть какое-то лицемерное обольщение в школьном деле, когда Закон Божий и соединенное с ним внушение начал нравственности составляет лишь один из *предметов* учебной программы. Как будто нечего больше желать и требовать для нравственной цели, – как иметь наличность той или другой цифровой отметки за ответы в предмете, называемом Законом Божиим. Есть в школе законоучитель, есть программа, есть балл, показатель *знания* e *semper bene*. Результаты такой постановки учения – поистине чудовищные. Я видал учебники, в коих по пунктам означено, что требуется для спасения души человека, – и экзаменатор сбавляет цифру балла тому, кто не может припомнить всех пунктов... Где тут разум? Где

нравственность? Где наконец – и прежде всего – *вера*, о коей мы лицемерно заботимся?

Если же мы хотим правды в этом великом деле, то не станем от неё прятаться. И вера, и нравственность – не равные с прочими предметы обучения: одни уроки и наставления для этого недостаточны. И вера, и нравственность воспитываются в душе цельным воздействием (домашней и говоря о школе) школьной жизни. Лишь бы эта школьная жизнь не была раздвоена на две отдельные части – религиозного и светского обучения, но составляла в гармонии частей одно органическое целое. Семья должна посеять и воспитать в душе чувство благоговения и веры: школа должна не только поддержать это чувство, но и осветить в душе *идею*, без которой одно чувство смутно и неустойчиво. Школа должна поставить это чувство и эту идею в нравственную связь с жизнью – воздействовать на ребенка своею нравственной обстановкой. Когда ученики связаны с учителем взаимным сочувственным, искренним отношением, тогда возрастает и воспитывается в детях живое нравственное сознание правды учения Христова, одухотворяющего любовью животную природу человеческую.

Вера должна быть живая и действенная, следовательно, должна быть нераздельна с церковью. Школа, поколику она народная, должна отражать в себе душу народную и веру народную, – тогда только будет она любя народу. Итак, школе прямое место при церкви и в тесной связи с церковью. Она должна быть проникнута *церковностью* в лучшем, духовном смысле этого слова. Одухотворяясь ею, она сама должна одухотворять её, для души народной. Отсюда – неперенное участие школы в действе церковного Богослужения – в чтении и пении. Кто испытал и видел, тот знает, какое это могучее духотворное, воспитательное орудие и для школы, и для души народной, в которую вносит просветление религиозного сознания и чувства. Разумное, осмысленное чтение в церкви вводит ученика в глубокий смысл, в красоту и выразительность церковно-славянского языка, укрепляя в уме и воображении корень разумной, стройной и выразительной русской речи. Пение, нераздельное со словом, исполненным силы и красоты,

проникая в русскую душу, богато одаренную поэзией песни, – воспитывает в ней, вместе с гармонией сродного ей звука, и гармонию чувства».

* * *

Памятуя пример и завет св. апостола Павла, мы, трудящиеся в слове и писании (на страницах «Миссионер. Обзорения», ничем не можем хвалиться, разве только немощами, которых, при специальности и сложности миссионерско-литературного дела, конечно, весьма много... Но, по слову того-же апостола, служащие в Церкви и для Церкви должны иметь, а следовательно и дорожить «добрым свидетельством от внешних» (1Тим.3:7). Дорожа таким свидетельством, в интересах не личных, а «Миссионер. Обзорения», как органа миссии, и в живом Сознании тех добрых чувств, которые должен вызывать в читателях всякий новый успех облюбванного ими себе издания, мы позволяем привести здесь из 3 № «Уфимских Епарх. Вед.» резолюцию Преосвященного Антония, коей он рекомендует вниманию подведомого духовенства наш журнал:

Со своей стороны считаю «Миссионерское Обзорение» лучшим богословским журналом в России, преимущественно пред всеми прочими заслуживающим название богословского, так как в нём действительно изъясняется Св. Писание и христианское учение, а не переводятся бездарные немецкие монографии. Е. А.

Этот лестный отзыв от такого просвещеннейшего иерарха, как епископ Антоний Храповицкий, приемлем со смирением, как авторитетное указание на принятые Мис. Обозр. обязанности твердо держать славное знамя православного апологета и поборника главнейшего из зиждительных начал духовной жизни св. Руси – православия.

В. Скворцов

Из миссионерской полемики

**О. К. Московские собеседования со старообрядцами
// Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 251–255**

Собеседование 5-е (19 ноября). «Может-ли быть оправдываема церковными правилами так называемая австрийская иерархия?»

Заветная мечта поповцев – иметь свою полную иерархию разрешилась в 1846 г. приобретением Амвросия. Здесь начало австрийского священства. Странность и курьезность самых поисков уже наводят на вопрос: есть-ли какие основания для оправдания священства Амвросиева и ставленников его? Без сомнения, из соображений хитро-лукавствующего разума можно подыскать что-нибудь, – но есть-ли основания для этого канонические? С этой стороны дело обстоит не так исправно и лектор о. В. Красновский вполне резонно поставил вопрос на почву церковных правил. Вот сущность его реферата.

«Австрийская иерархия представляет полное подобие иерархии православной: имеет все три чина, совершает рукоположение, богослужение и требы, судит, составляет соборы и вообще действует со всей полнотой благодати. Но... священнодействия её призраки, соборы – игра, ибо недостаточно облечься в одежды, нужно иметь полномочия Св. Духа. Разве старообрядцы не могли убедиться, – как обманчивы надежды на одежды? Разве мало наделали им хлопот Епифаний, Афиноген и Анфим? Австрийские епископы такие же самозванцы, как и вышеперечисленные. Берем один признак истинного пастыря – послушание Церкви и посмотрим: есть-ли он у Амвросия?

Амвросий самовольно оставил своего патриарха и бежал в Белую Криницу, а таковых 13 и 16 пр. антиохийского собора объявляет чуждыми всякого священства; Амвросий в Б. Кринице незаконно рукополагал, и по 35 ап. пр. извергается как сам, так и ставленники его; Амвросий самовольно занял кафедру и по 16 пр. Ант. с. (в кн. Кормчий) должен быть извержен. Старообрядцы стараются ослабить силу приведенных правил ссылкой на 15 пр. Двукратного собора, которым объявляются в общении с Церковью все, оставившие епископ-еретика. К Амвросию правило это неприменимо, так как он ни тогда, ни после не жаловался на ересь патриарха. Настоящую

причиной его удаления, как он сам выяснял после австрийскому правительству, было несправедливое отношение к нему прежних патриархов, – следовательно, он отделился «духовного ради извета» (15 пр. Двукр. с.). Да, если бы и действительно патриарх впал в ересь, то и тогда отделение его незаконно, так как состоялось без соборного суда епископского. Может быть старообрядцы укажут на собор. Белокрыницкий, – но что это за собор, когда заседали на нём беглый иером. Иероним, да инок Иеронтий с уставщиками, купцами и т. п.? Принимал Амвросия тот-же иером. Иероним, а это противно правилам: 39 ап., 6 Карф. с., 16 Ант. с. Таким образом, заключил о. референт, вся история Австрийской иерархии – попрание церковных правил. Правда, старообрядцы (Швецов) ссылаются еще на светоподобия, – но что такое светоподобия?

– Исключения, при которых должен все-таки действовать общий закон. Пусть же старообрядцы укажут нам, – где действовал этот закон, когда попирались в Белой Кринице? Ссылка Швецова на 36 пр. 6 вс. с. не заслуживает внимания: там идет речь о варварских насильствиях, во время которых епископу позволяется управлять своею паствою из другого города.

Т. о. старообрядцы попрали церковный закон, преслушали Церкви, а о таких сказано: «буди тебе, якоже язычник и мытарь».

О. Мина. – Мы знаем, что Австрийская иерархия выродилась из беглопоповства. Существенный вопрос, который нам належит раскрыть сегодня, такой: было-ли в Церкви время, когда бы она, лишившись своего священства, воссоздала его от вне-приходящего?

Дегтерев, – (старообр.). Чем можно оправдать принятие греческою Церковью униатов и русскою – о. Владимира Гетте?

О. Мина. – Русская Церковь имела полноту духовной власти и посему принять могла. Была-ли эта полнота у старообрядцев? – Это нужно доказать.

Дегтярев. – Скажите: как смотрят австрийцы на православную Церковь? Признают-ли они её еретической?

О. Мина – Не знаю. Вам лучше знать.

Дегтерев. – Тогда я Вам скажу взгляд Илариона Георгиевича, как выражение нашего общества!

О. Мина. – Ни к чему.

Дегтерев. – Меня, наконец, спросите!

О. Мина. – Не нахожу нужным. Верно, бр., в реферате было прочитано, что старообрядцы оделись в священные одежды, да и хвалятся, а не подумали о том: мог ли Домовладыка, Который сказал: «куплю дейте, дónдеже прииду», – мог ли Он оставить Церковь Свою без пастырей?

Дегтерев. – Признают-ли старообрядцы Церковь православную еретическою?

О. Мина – Должно быть, признают, когда перекрещивают. Не хочешь-ли, я тебе почитаю из Большого Катехизиса для доказательства?

Дегтерев. – Не нужно. Иларион Георгиевич не признавал, я – его последователь.

Из публики. – Почему же вы не присоединяетесь к нам?

Дегтерев. – Из-за стены кричать нечего, а если желаете рассуждать, – пожалуйста к нам.

О. Орфанитский. – Вы путаете дело, Петр Трофимович: для нас важно не то, как смотрят на нашу Церковь старообрядцы и Ксенос; для нас важно: как смотрели на православную Церковь лица, искавшие и принявшие Амвросия? А они смотрели как на еретическую, иначе им не стоило-бы и перемазывать его.

Дегтерев. – Славянский язык называет ересью всякое разделение, будет-ли оно по вопросам догматическим или обрядовым. Старообрядцы разумели последнее разделение. Иерархию вашу признавали, оскудения, значит, не было.

О. Красновский. – Петр Тр.! Вы говорите не то, что нужно. Почему не хотите поставить вопрос на каноническую почву? Докажите правилами, что ваша иерархия – законна!

Доказать правилами законность австрийского священства, конечно, нельзя и г. Дегтерев счел за лучшее кончить словопрения.

Собеседование 6-е (6-го декабря). «Влияние учения безпоповцев на нравственную жизнь их обществ»

Референтом выступил о. Запрудский. «Я имел в виду, говорил он, выяснить те последствия, которыми должны были сказаться и сказались в жизни особенности безпоповщинской догматики. Но по обстоятельствам, от меня независящим, должен был остановиться на том пункте вероучения безпоповцев, влияние которого было особенно сильно и заметно. Без сомнения, таковым является учение о безбрачии. Оно явилось как необходимое следствие отрицания иерархии, с успехом пропагандировалось выходцами Соловецкой обители и быстро привилось, благодаря распространенным в то время (конец 17 и нач. 18 вв.) ошибочным ожиданиям пришествия антихриста. Отвергнув брак, безпоповцы провозгласили всеобщее девство, но скоро должны были сознаться, что неудобноносимое иго возложили на себя. Иван Алексеев, Василий Емельянов и др. открыто встали на сторону брака; только федосеевцы, поддерживаемые Ковылиным и начальниками Преображенского кладбища, продолжали быть безбрачниками. Каковы же были плоды безбрачия? – Уничтожен брак, – явились различные формы незаконных сожитий, уничтожено законное деторождение, – явилось поколение незаконнорожденных; отняты радости семейной жизни, – явились ужас и трепет за не позволенное законом; порвана связь родителей с детьми, – отняты средства воспитания. Мало того: учение о безбрачии будет постоянною причиною большего и большего дробления безпоповщинского общества, которое в конце концов погибнет, истощенное внутренней междоусобной борьбой». В заключение о. референт приглашает безбрачников серьезно подумать и решить спорный вопрос по совести.

Возражателей на сей раз не нашлось никого, почему о. В. Соболев предложил заключительное слово, приблизительно такого содержания: «Брак, как начало семейной жизни, достоин самого серьезного внимания и исследования. Его явление – от начала мира и первых людей, когда Творец, зиждя словом

Своим мир и законы его, тем же зиждительным словом повелел первозданной чете раститься, множиться, наполнять землю и обладать ею. Слово Творца – неизменно. Мы видим, что в период ветхозаветной сени семейное начало, а с ним и чадорождение, считается делом Божиим. Бездетные супруги просят Бога об избавлении их от поношения. Чистота веры и нравственности обязана своим сохранением семье. Правда, семейная жизнь – многотрудная жизнь, но в ней есть все данные, на которых счастливо может развиваться самоотвержение и гуманность в самом широком и лучшем смысле слова. Не понять безбрачному Иаира, Наинской вдовы, плачущих о детях своих! Не долго остановится он при кресте великого Страдальца, на скорбном лице Богоматери и не омочит подножие креста своею слезою, – ибо непонятны ему тесные узы Сына и Матери! Не хочу я этим бросить камень в жизнь безбрачных, но я желал бы напомнить им: каких внутренних сокровищ лишают себя эти люди! И девства своим словом я не осуждаю, но боюсь предложить его всем, имея в виду зиждительное слово Творца, как закон и трудность девства, которую, как засвидетельствовал Христос, не все могут снести».

Слушателей на собеседовании 6-го Декабря было сравнительно мало; едва-ли можно насчитать человек 300, тогда как обыкновенно бывает до 1000 и более. Причины понятны и известны, и вывод: – в Николин день собеседования назначать не следует.

О. К.

Миссионерство, секты и раскол (хроника)

А. О. (Орлов А.). Из миссионерских итогов прошлого года¹¹⁵ // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 256–263

Миссионерская деятельность в епархиальных братствах в истекшем году. – Значение церковно-приходских школ для дела миссии. – Публичные и частные собеседования.

Под влиянием запросов времени православные епархиальные братства с каждым годом всё более и более развивают свою миссионерскую деятельность, перенося постепенно центр своих забот с устройства и развития церковных школ на специально миссионерские виды духовного просвещения народа. Таковы, напр., братства: Полтавское, Тамбовское, Астраханское, Орловское и др.

Св. Макарьевское Полтавское братство в первые годы своего существования исключительно сосредоточивало свои силы на устройстве церковно-приходских школ и только в последние годы, когда штунда в епархии стала быстро развиваться, когда штундисты со свойственным им фанатизмом и упорством начали вербовать себе единомышленников в окружающей их православной среде, братство энергично выступило на путь специально-миссионерской деятельности; борьба с сектантством составляет в настоящее время одну из главнейших задач его. Кроме обычных средств борьбы с сектантством, братство с целью ослабления штундизма и противодействия ему в пунктах захолустных, отдаленных от приходских храмов устраивает и поддерживает церкви-школы, оказывая им материальную помощь из своих средств. Основывает церковно-приходские братства, которые совокупными силами противодействуют влиянию штунды, заботясь о благолепии храмов и церковного пения, помогая бедным, следя за деятельностью пропагандистов. Так как немаловажную приманку для соращения в секты составляет взаимопомощь, существующая в сектантских общинах, то и братство заботится об организации и усилении материальной

помощи особенно нуждающимся православным (Полт. Еп. Вед.).

Петропавловское Орловское братство, заботясь о религиозном просвещении народа путем внебогослужебных чтений, собеседований и т. п., стремится и непосредственно влиять на сектантов и раскольников. Устраивая с этою целью собеседования с заблуждающимися в храмах, школах и даже домах самих сектантов, оно в то же время озаботилось подготовлением борцов против сектантства и раскола из среды народа, для этого братство вводит в преподавание закона Божия в школах, как церковных так и земских, противосектантский элемент по программе, одобренной третьим Всероссийским миссионерским съездом, и устраивает воскресные уроки закона Божия для взрослых также с привнесением в преподавание противосектантского элемента. Такие миссионеры из народа и в настоящее время уже привлекаются братством к участию в борьбе с сектантами и своею энергичною деятельностью приносят громадную пользу приходской миссии. Следя постоянно за вожаками сектантов, они на каждом шагу противодействуют их пропаганде среди простого народа, несведущего в религиозных вопросах и совершенно безответного при самых наглых и недобросовестных нападках пропагандистов на православную Церковь. Эти простецы миссионеры служат центром, около которого естественно группируются православные, и в котором находят для себя опору и поддержку (Орловские Еп. Вед.). Миссионерские же цели преследуют и вновь возникающие братства. Таково, например, Кишиневское религиозно-просветительное миссионерское Христовоздвиженское братство, имеющее целью не только содействовать религиозно-нравственному просвещению кишиневской паствы, но и предохранять её от заражения расколом и сектантством, заботиться об ослаблении последних и содействовать укреплению в православии новообращенных из раскола и сектантства (Кишиневские Епарх. Вед.).

Таково же имеет быть открыто в Асхабаде «Закаспийское общество Святого Креста», которое ставит своею главною

целью развитие и укрепление на окраине православной веры. По мысли учредителей, общество должно иметь миссионера священника, который мог бы с хорошим хором время от времени посещать русские поселки для совершения в них богослужения (Духовный Вестник Груз. Экзарх.).

Религиозное невежество нашего народа является тою благоприятною почвою на которой возникают и успешно развиваются самые дикие и изуверные секты, поэтому *церковно-приходская школа*, имеющая целью религиозно-нравственное просвещение народа и утверждение в нём православной веры, является наилучшею и самою естественною союзницею миссии. Дети, получив доброе направление в школе, воспитывают в нём и других. Они научают в семье молитвам и старших, и младших, они же являются и первыми чтецами, назидаящими семью в духе веры и благочестия. Под влиянием чтения в семье школьника брошюр о пьянстве, о мерзости сквернословия и т. п. старшие, по собственному их признанию, стали стыдиться посещать места разгула, браниться; по примеру учащихся, крестьяне, прежде нерадивые, стали ежегодно исполнять долг исповеди и Св. Причастия (Тамб. Епарх. Вед.). Раскольники и сектанты также не чуждаются церковной школы, а относятся к ней с полным доверием и расположением, о чём свидетельствуют факты поступления в неё детей раскольников и сектантов, несмотря на полную возможность учить их в гражданских школах. Слушая вместе с детьми православных родителей уроки закона Божия, охотно посещая вместе с ними православное богослужение, участвуя в чтении и пении на клиросе, дети раскольников незаметно сближаются с православием настолько, что при окончании школы нередко высказывают желание присоединиться к православной Церкви. Так, напр., в некоторых школах Новгородской епархии вместе с православными учениками и дети раскольников говели, исповедовались у православного священника, без всякого принуждения, по своему лишь желанию, и очень скорбели о том, что не были допущены к Св. Причастию, как не присоединенные к Св. Церкви через миропомазание. Некоторые же из

окончивших курс школы выразили желание присоединиться к Православной Церкви и не исполнили своего желания только потому, что этому воспротивились их родители (Новг. Еп. Вед.).

Такие питомцы церковно-приходской школы являются первыми и лучшими миссионерами в своей семье. Небезынтересные в этом отношении факты отмечает один из окружных миссионеров Донской епархии в своём отчете за 1899 г. Мальчик – сын раскольника, посещающий церковную школу, возражая своей матери на её грубые понятия о троеперстном сложении для крестного знамения, сказал: «нет, мама, это не «щепоты!»» Батюшка говорил нам в школе, что это та же Троица, что и в нашем кресте. А другой мальчик-раскольник следующим образом доказал своему грамотному отцу, что православное чтение вступительных к Евангелию слов: «во время оно» правильнее, чем старообрядческое. Он заставил отца написать сначала слово «время» с надстрочным знаком, а потом приставить к нему предлог «во». Поставленный в тупик, отец не нашел ничего лучшего, как выбрать сына (Дон. Еп. Вед.).

Но на ряду с этими немногими светлыми явлениями, свидетельствующими о благотворном влиянии церковной школы не только на православных, но и на сектантов и раскольников, к сожалению, наблюдаются и явления печального свойства, говорящие, что часто еще сухой и мертвый формализм заглушает в самом корне благую идею школы и совершенно парализует её деятельность, как верной союзницы миссии. Необходимым условием успешного достижения школами миссионерских целей является живое взаимное объединение деятелей школы и миссии в общем деле попечения о религиозно-нравственном просвещении народа и предохранении его от лжеучений. Необходимость такого объединения признана авторитетнейшими представителями школьного и миссионерского дела.¹¹⁶ Но пока приходится только мечтать об этом объединении. Чем кончаются попытки миссионеров войти в живое взаимодействие с представителями церковно-школьного дела, можно видеть из следующего факта. Один из миссионеров N-ской епархии в своём годичном отчете

указал на крайнюю необходимость открытия церковно-приходских школ в некоторых захолустных хуторах епархии, зараженных сектантством. Епархиальный Училищный Совет, которому сообщено было об этом консисторией, постановил, между прочим, следующее: Совет и его отделения и без *посторонних указаний* знает, где нужно открывать школы; школы в местностях с раскольничьим и сектантским населением причиняют только хлопоты Совету и отделениям его, так как учащихся в них бывает мало, а содержание учащихся и содержание школьных помещений обходится гораздо дороже, чем в приходах православных; а между тем, епархиальная миссия не оказывает Совету никакой материальной помощи. Об этом постановлении своём Совет сообщил и миссионеру. Результатом такого отношения к делу и является тот печальный факт, что на построение церковных школ в селениях богатых, не зараженных расколом и сектантством, притом имеющих земские и министерские школы, тратятся тысячи, а селения захолустные, сильно зараженные расколом и сектантством, не имеющие школ и часто удаленные на целые десятки верст от приходских храмов, остаются без всякого внимания. А в этих-то захолустьях особенно успешно и развивается, и крепнет сектантство.

Лучшим и могущественным средством противодействия раскольничьей и сектантской пропаганде, предохранения православных от тлетворного воздействия на них сектантства, вразумления и обращения отпавших по прежнему являются *публичные и частные собеседования* миссионеров с заблуждающимися. Беседы миссионеров с отступниками и раскольниками практикуются у нас теперь почти повсеместно. Многолюдность собраний и внимание, с которым слушают миссионеров, говорят о пользе этих собеседований. Публичные беседы миссионеров колеблют в народе доверие к пропагандистам и поселяют среди самих раскольников и сектантов сомнение в истинности их учения. Во многих местах раскольники сами приходят к миссионерам за разъяснением своих недоумений и сомнений. Бывают случаи, что целые селения, пораженные недугом раскола и сектантства,

приглашают сами к себе миссионеров для собеседований и разъяснения сомнений. Как на одно из благих последствий собеседований, отчет Ярославского епархиального братства указывает на то, что довольно большие селения, никогда раньше не принимавшие в свои дома священников, начинают сами приглашать их и даже устраивают у себя крестные ходы (Ярослав. Еп. Вед.). О таком же благотворном влиянии миссионерских собеседований говорит и отчет Нижегородского епархиального братства. По свидетельству его, в тех приходах Нижегородской епархии, где прежде православное население под влиянием раскольнических предрассудков отличалось холодностью к православной Церкви, теперь под влиянием собеседований миссионеров замечается вообще усиление православного духа, более исправное исполнение христианского долга исповеди и св. Причастия, более усердное посещение церковных богослужений, увеличение пожертвований на благоуукрашение храмов, расположение к приходскому духовенству, правильный взгляд на раскол и сочувствие к деятельности миссионеров (Нижегор. Епарх. Вед.).

Наиболее благоразумные раскольнические начетчики, вступая в собеседования не по каким-либо житейским соображениям и не для пустого словопрения, а для серьезного и беспристрастного отыскания истины, на этих же беседах на основании слова Божия и уважаемых ими книг, убеждаются в неправоте и пагубности раскола, о чём иногда заявляют публично. О поразительных случаях публичного сознания некоторыми раскольниками несостоятельности раскола и даже обращения на беседах рассказывает один из миссионеров Черниговской еп. На одной беседе после долгих словопрений начетчик Андрей Ермолаев, окружник, громко заявил миссионеру следующее: «Послушайте, о. Иоанн, мы сами знаем, что старообрядцы неправы, а ваша церковь законная, но сознаться в этом не можем, покориться вам не хотим; переломить себя трудно: не допускает гордость, унаследованная от отцов и дедов». Раскольники были поражены таким заявлением Ермолаева. Но еще к большему их огорчению выступили других два влиятельных старообрядца и

заявили: «и мы согласны, что только гордость нас не допускает в церковь... Но нужно нам переломить своё упорство»; причем один из них подошел близко к о. миссионеру и громко произнес: «батюшка, благословите меня, больше я не желаю быть раскольников: я убедился, что церковь от Бога учреждена с вечным трехчинным священством и 7-ю церковными таинствами, а наши старообрядческие секты есть не что иное, как самозванщина». На другой беседе два начетчика Киприан Артемьев и Евтропий Воронин, бывшие раньше ярыми защитниками раскола, вступили в состязание со своими же последователями и энергично защищали православную Церковь и обличали лживость и неправоту раскола, в конце же беседы заявили, что не хотят далее оставаться в расколе, а желают присоединиться к православной Церкви (Черн. Еп. Изв.).

Понимая важное значение публичных собеседований, вожаки раскола употребляют все зависящие от них меры к тому, чтобы парализовать влияние этих бесед на рядовых раскольников. Они сами не вступают в собеседования с миссионерами; а выписывают для этого специалистов начетчиков в роде Швецовых, Мельниковых, Худошиных, Перетрухиных и т. п. «ревнителей древнего благочестия». Эти же последние, являясь на беседу не с целью отыскания и раскрытия истины, а корысти ради, или предъявляют миссионеру такие условия и требования, исполнить которые нет возможности, и, в случае непринятия им этих условий, уходят с беседы и распространяют среди народа слух, что миссионер боится начетчика, не может оправдаться, а потому-де и отказался беседовать; или, если беседа состоится, с первого же слова стараются уклониться от намеченного предмета и запутать собеседника не относящимися к делу вопросами и текстами; или же (что бывает в большинстве случаев) всю беседу сводят на страшную ругань против православной Церкви и её пастырей (Сарат., Самар., Томск. Еп. Вед.). Трудно миссионерам вести беседы с такими начетчиками, проявляющими самый жестокий фанатизм и пускающими в ход хуления и дерзости всякого рода, но все-таки беседы эти

полезны в том отношении, что все эти хуления и дерзости, хотя и с великим нравственным трудом, всё же обращаются в укоризну самим начетчикам и сильно роняют их авторитет. Тогда как начетчик, не будучи в состоянии опровергнуть доводы миссионера, старается только ослабить их своими дерзкими выходками, православный миссионер не оставляет без опровержения ни одного возражения начётчика, а потому этот последний в заключение всегда остается обезоруженным и безответным, что на слушателей производит благоприятное впечатление. (Сарат. Еп. Вед.). Так, напр., когда на одной беседе в Томской еп. Худошин, испытав все недобросовестные способы ведения собеседований, практикуемые обычно начетчиками-промышленниками и, исчерпав все хулы и ругательства на православную Церковь, в бессильной злобе демонстративно ушел с беседы, большинство раскольников не последовало за ним. Они по достоинству оценили своего защитника и после беседы говорили миссионеру: «раньше мы во всём верили Худошину, что бы он ни сказал, а теперь видим, что он неладно поступает; его спрашивают о том, пребудет ли тайна причащения до скончания века, а он читает, чтобы жены мужей слушали и покрывали власы. Да и нам самим он в прошлом году говорил о надписании Пилатовом, что оно было на крестах, а теперь говорит, что его никогда на крестах не писали. Это уж мы и сами видим, что он нас обманывает» (Том. Еп. Вед.). А на одной из бесед в Воронежской епархии, когда миссионер отказал начетчику в выдаче «подписки», раскольники, затратившие на выписку начетчика довольно значительную сумму, боясь, чтобы он под предлогом отказа не ушел с беседы, просили миссионера разрешить их защитнику «лгать», хотя четверть часа (Воронеж. Еп. Вед.). Видя, что расчеты – парализовать влияние бесед и поддержать фанатизм среди раскольниковской массы при помощи наемных начетчиков – не всегда оправдываются, раскольниковские наставники и лжепопы, ревниво охраняющие тьму и невежество своих пасомых, во многих местах положительно запрещают им ходить на миссионерские беседы, угрожая в противном случае тяжелыми епитимьями. Эти слепые вожди слепых скорее

согласны терпеть такое убеждение своих пасомых, что «Христос по всем верам ходил, а лучше раскольнической не находил», чем пускать их на миссионерскую беседу, которая может подорвать в них доверие к своим руководителям и посеять в их душе сомнение касательно истинности «обрядоверия» (Оренб. Еп. Вед.). Поэтому некоторые старообрядцы, боясь своих попов и вообще влиятельных в расколе лиц, от которых многие находятся и в материальной зависимости, охотнее идут на частные беседы, которые, по свидетельству миссионеров, имеют в некоторых отношениях преимущество перед публичными. Здесь, при домашней обстановке, раскольники, и сектанты чувствуют себя гораздо свободнее, с большим доверием относятся к миссионеру, поэтому и беседы здесь отличаются непринужденностью, искренностью, и откровенностью. По свидетельству, напр., одного из миссионеров Черниговской епархии, в частных беседах с ним не только родовые раскольники откровенно высказывали убеждение в истинности православной Церкви и лживости раскола, но даже и начетчики сознавались, что не верят в раскол, но держатся его из-за того только, «чтобы иметь возможность остригать волну с раскольничьего стада». Под влиянием этих бесед, некоторые из начетчиков даже в письмах к миссионеру заявляли о лживости и несостоятельности раскола. «Я давно бы покончил с расколом, писал ему один австрийский поп, но, знаете, жена – змея; если бы она перешла в церковь, или уже бы умерла, я бы одного часу на этом незаконном деле не был, на коем нахожусь». Сознавая недействительность своего священства, некоторые из лжепопов в письмах к миссионеру даже и подписывались: «лжеиерей NN» (Чернигов. Еп. Вед.). Публичные собеседования с заблуждающимися помимо своего обычного, миссионерского, значения имеют и значение, так сказать, дидактическое. Для приходских пастырей они имеют значение живых и образцовых уроков по практике миссионерского дела; присутствие на публичных беседах, внимательное отношение к речам миссионера служит для них самым лучшим средством к усвоению приемов полемики с заблуждающимися и способов

обличительного воздействия на них. Таким образом, пастыри и миссионеры в своей религиозно-просветительной деятельности и в борьбе с антицерковными течениями века прибегают прежде всего и главным образом к мерам духовного порядка. Единственным оружием их в борьбе с врагами церкви служит меч духовный – слово Божие, которым апостолы ниспровергали замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяли всякое помышление в послушание Христу. Они всегда помнят завет апостола, что, только препоясав чресла истиною и обувь ноги в готовность благовествовать мир, и паче всего взяв щит веры, можно надеяться на победу; так как ратники Церкви Христовой не по плоти воинствуют, то и оружия их воинствования должны быть не плотские, а духовные – сильные Богом.

Чем же сильны враги Церкви Христовой – раскольники и сектанты что противопоставляют они религиозно-просветительной деятельности пастырей и миссионеров, каковы современные раскол и сектантство в своей жизни и деятельности, об этом поговорим в следующий раз.

А. О.

**Из жизни инославия и из мира заграничного
сектантства // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2.
С. 264–271**

«Французская Правда» (La vérité Française) о русских «религиозных» делах. Подъем религиозного духа в Англии. Лондонская колония непротивящихся насилию. Скандал в Армии Спасения.

Парижская католическая газета «Французская правда» (La vérité Française) посвятила русским делам статью г. Жозефа Боннэ, представляющую из себя хронику событий русской жизни, которые автор называет «религиозными», хотя некоторые из них никакого отношения к религии не имеют.

Так как статьи, посвященные русской жизни, появляются в заграничной печати весьма не часто, то и эту статью – какова бы ни была её ценность – мы приводим ниже почти всю, параграф за параграфом.

«Св. Синод, – говорит газета, – недавно воспретил сельским священникам становиться председателями и членами правлений сельско-хозяйственных ссудо-сберегательных товариществ. Воспрещение это опирается на канонические правила, возбраняющие клиру торговлю и изыскание прибытка. Св. Синоду, должно быть, кажется, что сельское духовенство, и не мешаясь в ссудные операции, в излишней мере заслуживает со стороны народа упрека в алчности».

Никакого такого распоряжения от Св. Синода не исходило, но если бы оно было, то, конечно, высшее церковное управление опиралось-бы в данном случае на канонические правила – это несомненно; что участие духовенства в делах ссуды денег неуместно – также очевидно для каждого; что казначейство святого отца Льва XIII – и его личная касса – принимали весьма деятельное участие в разнообразнейших биржевых предприятиях, справляясь при этом не с каноническими правилами, а с записками биржевых маклеров – в равной мере известно всему свету. Поэтому об этом говорить

не стоит; намеки на «жадность» русского сельского духовенства заслуживают нескольких замечаний.

Сельское духовенство в России в общем разделяет скудную труженическую жизнь всего русского народа, нередко близкую к прямой нищете; этого не станут отрицать даже те из недругов его, которые близко знают русскую жизнь; в тоже самое время *одно лишь недвижимое* имущество католических конгрегаций во Франции по официальной оценке стоит свыше полутора миллиарда, при чем в сумму эту не входит стоимость имущества воспрещенных конгрегаций, так как оно числится на имя частных лиц. Что касается движимого имущества тех же конгрегаций, то о нём можно судить хотя бы потому факту, что в квартире незначительной общины Ассумационистов было найдено свыше миллиона одних *наличных* денег. Посредством заведомо-ложных лурдских чудес патеры ежегодно приобретают от своей паствы десятки миллионов, но не довольствуются и этим и мечтают о тех благодатных временах, когда в Лурд потекут миллионы «воссоединенных» схизматиков-русских.

При таком положении вещей намеки католического писателя на «жадность» русского сельского духовенства приобретают особую ценность... Они являются вариацией на известный рассказ о дошлом мальчике, который потихоньку съедал конфеты, а затем бежал к отцу и громко жаловался: «папаша, собачка конфетки съела». Но прием этот стар и до того износился, что не стоит и браться за него: он никого не может ввести в заблуждение.

«В России – продолжает газета, – около 35.000 сельских священников; между ними насчитывается много молодых, которые не очень-то любят своё положение, если судить об этом по обмену резких слов между петербургским журналом «Неделей» и одним из священников, который, поздравляя себя с тем, что у него есть родственник в консистории, высокомерно уверяет, что при его содействии он скоро получит место в городе.¹¹⁷ В том, что среди 35.000 сельских священников найдется некоторое число слабодушных, для которых не в силу великие тяготы их служения, – нет ничего удивительного; кто знает условия русской сельской жизни, тот не бросит камнем в

того священника – будь он молодой или старый, всё равно, – которому не дано в нужной мере дара подвижничества и который уйдет в город, где жизнь, несомненно, легче. Но из таких отдельных случаев все-таки нельзя вывести заключения, что русское священство оскудело силами: сама же «Французская правда» указывает, что сельских священников 35.000 человек – целая армия.

Продолжим наш перевод. «Такое же стремление бежать в город замечается у сельских учителей, что объясняется тем обращением, которому они иногда подвергаются. Один молодой инспектор, совершил недавно первый объезд своего округа. Едва только он появлялся в школе, как учитель стремглав бросался освобождать его от верхнего платья и снимать с него калоши; и это повторялось в каждой школе. «Да, послушайте, – восклицал инспектор, – что, вы лакей мой, что ли?» И бедняки объясняли ему, что его предшественники *требовали* от них этих унижительных услуг».

Спесь, чванство и грубость многих из администраций низшей удел не одной России. Во всяком случае и здесь нахохлятся «молодые инспектора», которые понимают, что грубость позорна прежде всего для того, кто её проявляет. Но какое отношение всё это имеет к «русским духовным делам», о которых рассуждает газета?

Рассказав затем известный случай с богомолкой, у которой в Кронштадте выманили 200 р. под тем предлогом, будто этого требует Св. Дева Мария, газета рассуждает:

«Сколько найдется в России добрых людей, которые поступили бы так же, как эта простодушная богомолка! Пусть русский народ вырождается благодаря пьянству, дурным нравам и невежеству (в чём следует видеть последствия схизмы); но он обладает верой и при том верой, готовой ко всяким жертвованиям; у него есть вера, и беспредельное почитание Пресвятой Девы. Если бы ему был известен догмат непорочного зачатия (*l'immaculée Conception*), то – я убежден в этом, – он принял бы его с пламенной верой, и тогда ничто не удержало бы его на дороге в Лурд. И не хватило бы казачьих полков, чтобы сторожить русские границы!» Высокое

одушевление автора, подвигнувшее его на пророчествования, свидетельствует, что чувства его возбуждены чем-то важным, очень важным. Оно так и есть. Дело идет, действительно, о таком предмете, от которого всякий воинствующий член западного клира необходимо приходит в непреодолимое трепетное волнение. Только подумайте: русский народ обладает верою, и при том верою готовой на всякие жертвы! Только бы внушить этому доброму народу веру в Лурд и лурдские чудеса, – и вслед за «верой» неоскудевающие «жертвы» потекут широкой, быстрой и неиссякаемой рекой в места, для этой цели уже приуроченные.

Сообщая о разрешении, данном румынскому православному монастырю послать в Россию для сбора пожертвований двух монахов, г. Боннэ тщательно отмечает, что «монахам этим разрешено собирать пожертвования, но воспрещено заниматься торговлей мощами, крестиками, реликвиями, иконами и другими предметами почитания». Этот мельчайший и совершенно ничтожный с русской точки зрения факт вовсе не ничтожен в глазах г. Боннэ, и он заносит его в свою «религиозную» хронику, затем переходит к размышлениям о Лурде. И это понятно. Что для него за толк в религиозном единении, если, упираясь на него, нельзя заняться даже и легкой торговлей! Единение русской Церкви с Римом, при этом условии, не находка, – но вера в Лурд – дело совсем другого рода, от которого естественно прийти в пафос и ясновидение: в Лурде никто не в силах поставить грубых преград «вере, готовой ко всяким жертвам», в Лурде простодушие русских богомолков найдет себе применение и оценку.

Вот почему, мечтая о воссоединении схизматиков, г. Боннэ совсем забывает о Риме и твердо помнит о Лурде.

Сообщая далее о напечатанном в «Гражданине» рассказе кн. Мещерского о посещении им Лурда, г. Боннэ прибавляет: «Желал бы я, чтобы такие рассказы почаще появлялись в русской печати».

Отдавая должную дань талантам, доброму чувству и государственному смыслу кн. Мещерского, мы в тоже время напоминаем г. Боннэ, что Лурд известен России не по одному

рассказу кн. Мещерского. В России распространен точный и обстоятельный рассказ о Лурде и его чудесах в десятках тысяч экземпляров. Это – Лурд Зола, вышедший по меньшей мере в 6 различных переводах.

Быть может чувства и намерения этих двух авторов, писавших о Лурде, не вполне тождественны, но во всяком случае точности и правдивости Зола никто отрицать не станет.

В заключение автор, сообщая о выходе в свет двух новых интересных работ: «История разделения церквей в IX и X веке» проф. Московского университета Лебедева и «История отношений России к католицизму от X-го по XVI в.» о. Синайского, обещает подвергнуть эти труды изучению и разбору.

Ибо – «было бы безумием – заключает автор – надеяться привести Россию к воссоединению, не изучая того, что совершается и говорится в русском религиозном мире».

Воссоединение церквей является заветною думою не одного г. Боннэ. Но кто припомнит, что весь смысл воссоединения в глазах г. Боннэ и его патронов заключается в соблазнительной перспективе десятков миллионов русских простодушных паломников, стремящихся в Лурд, с готовностью на всякие жертвования, тот не свяжет с таким «воссоединением» никаких христианских упований.

Вопреки всеобщему мнению д-р Хиллис утверждает, что никогда еще не было времени, когда подъем религиозного чувства всюду, а особенно в Англии, достигал такой высоты, как теперь. Недавно он произнес проповедь, в которой он, указав на всеобщее пробуждение религиозных запросов во всех слоях английского общества, где все как бы говорят: «Откройте мне двери Сиона, чтобы я вошел туда», между прочим говорит следующее:

Возник обновленный интерес к богословским проблемам, скептицизм уступает место вере в личного Бога и Отца. Настало время, когда все становятся богословами. Такой сторонник эволюционной доктрины, как некто Джон Фикс, пишет рассуждение об «идее Бога», а его последний философский трактате «от природы к Богу» служит доказательством того, что бессмертие является последнею целью, ради которой работает

весь процесс эволюции. Точно также президент «Британской ассоциации для содействия научным изысканиям» заявляет, что всякая эволюционистская теория необходимо должна предполагать Бога, как условие, без которого она становится беспочвенной и непонятной. В одном из отделений этого великого научного общества заседания начинаются не иначе, как молитвою. Те, кто был в школе двадцать лет тому назад, понимают, как многозначительна такая перемена в строе мыслей. В те времена самыми популярными книгами были сочинения материалистов и атеистов. Студенты зачитывались Клиффордом, доказывавшим, что в мире нет ничего, кроме силы и материи. Эти материалисты отводили Богу место за пределами вселенной, не находя внутри её места для Его бытия. Там, где на деле было бесконечное солнце, у них было пустое черное пятно.

Клиффорд сетовал, что «Великий Компаньон человека умер». Человек, в его глазах, был чем-то в роде умственного Робинзона Крузо, попавшего на уединенный остров.

И если прежде на столе каждого студента можно было найти подобного рода авторов, теперь никто не читает их. Едва ли один студент из сотни знает даже имена писателей, которые двадцать лет тому назад были столь популярны. Их книги похоронены на библиотечных чердаках или среди всякого хлама в книжных лавках, где они продаются на вес старой негодной бумаги. Несомненен факт, что атеизм вновь потерпел полное банкротство. Он не приносит теперь и 2 центов на доллар. Между людьми науки замечается явная склонность к вере. Сотрудник Герберта Спенсера Романес, оставаясь при своей вере в эволюцию, в то же время заявляет, что это эволюция деистическая и утверждает, что она достигает высшей точки своей в воплощении Иисуса Христа, и что как человек является объективной целью, ради которой работают все процессы природы, так Иисус Христос является завершающим откровением Бога в целом нисходящем ряде откровений. Таким образом, великий учёный, рассматривающий происхождение духа с точки зрения эволюционной доктрины, почтительно склоняется пред крестом Иисуса Христа. Многие верят, что если

бы Спенсер был на 10 лет моложе и был одарен нужными силами и здоровьем, он исправил бы свои «Основные начала» в духе теизма, отказавшись от точки зрения агностицизма. Серьезные люди начали чувствовать, что из того, что мы не можем знать относительно Бога всего, не вытекает, что мы не можем знать о Нём ничего. Одна виноградная кисть изъясняет нам весь виноградник, одна пожелтевшая от холода ветвь истолковывает нам весь осенний лес, одна чаша воды объясняет все потоки, озера и океаны. Чистые сердцем узрят Бога. Тот, кто алчет правды, тем самым изъясняет природу правды бесконечной. Тот, кто примыслил хоть одну благую мысль, имеет у себя ключ к Мысли Бесконечной. Тот, кто любит святой подвиг, владеет ключом к уразумению Того, кто Сам весь Вечная Правда. Сознывая, что мы знаем лишь бесконечно малую часть сущего, ученые тем не менее чувствуют, что то, что мы знаем, есть знание, ибо природа не стремится обмануть человека, ввести его в заблуждение ложью.

Вот почему все опять невольно возвращаются к престолу Божию, и самые крайние скептики постоянно устремляются в конце концов к проблем о Боге и Его царстве».

В той же Англии, недалеко от побережья, близ Лондона, поместилась колония мирных анархистов. Поселение это два года тому назад было основано бывшими членами толстовской колонии, которые, в числе 8 человек, решили учредить коммуны «на самых широких основаниях». – Двери её были широко открыты для всякого, кто только решил отказаться от мира и всех условностей света; и скоро там появилось человек 20 поселенцев. Вся обстановка населения – самого первобытного свойства. У колонии нет никакого имени, и колонисты не требуют от новых поселщиков никакого религиозного исповедания. Они не веруют ни во что. Они в некотором роде как бы пассивные анархисты, предоставляющие всему на свете идти своим естественным ходом, не вмешиваясь ни во что. Абсолютная свобода господствует в поселении. Поселенцы для облечения их совместной жизни не имеют никаких принудительных, обязательных для исполнения правил, так как всякое принуждение с их точки зрения представляется

безнравственным. Общность имущества у них безусловна, так как собственность, по их мнению, безнравственна. Каждый поэтому может брать себе то, что ему потребуется. Они презируют деньги, так как золото развращает. Все они совершенные вегетарианцы, и большая часть их отказалась от употребления спиртных напитков. На вопрос, – почему в то время, как одни работают, другие болтаются без всякого дела, – они равнодушно отвечают: «потому что им так нравится». Пренебрежение к современным условиям общежития выражается также и в одежде колонистов. Мужчины носят вязанные фуфайки или шерстяные рубашки, свободные штаны и ходят босиком.

Четыре или пять дам, живущих в колонии, усвоили себе род «блюмеровского» (нового гигиенического вязаного) костюма, на который сверху накидывается нечто в роде древнегреческого пеплума, оставляющего руки и шею свободными. Колонистки принадлежат к разным общественным слоям. Лейпцигский доктор философии нагружает картофелем тачку, которую везет бывший биржевой маклер; бывший доцент древнегреческой литературы в Оксфордском университете копает картофель; благородный польский шляхтич помогает ему; дама-колонистка занимается сожжением картофельной ботвы, а единственный сын богатого бирмингемского фабриканта подносит ботву трудящейся даме; тот – ученый, но оказался от своего места, приносившего ему 3000 рублей ежегодного содержания, чтобы присоединиться к этим идеальным людям. Тут же – весьма респектабельная дама со своими благовоспитанными дочерьми, кучка рабочих, бывший фермер и несколько квакеров. Так тихо, и по-видимому, в нравственном довольстве живет эта тесно переплетенная между собой кучка столь разнородных людей, отказавшаяся от пропаганды своего учения делом и не обещающая своим последователям ничего, кроме свободы жизни.

Но и в этом Эдеме есть свои темные точки. И в нём, как и всюду, где нет порядка, работа идет, что называется, через пень в колоду.

В первые 18 месяцев колонисты, число которых колебалось между 8 и 40, наработали столько, сколько пара обыкновенных сельских полурабочих – подростков. Работал только тот, кому приходила охота, которая была, кстати, редкой гостью, а лень и нерадивость большинства возросли до того, что основатель колонии Самуил Брэчер, журналист из Глочестера, который для учреждения колонии пожертвовал всё своё состояние – около 12.000 р. – нашел, что с него довольно и вместе со своею женою и несколькими единомышленниками покинул идеальную колонию, оставя ради принципа, – хотя и не особенно охотно, – всё своё имущество последователям учения непротивления злу.

В американском корпусе Армии Спасения обнаружили крупные беспорядки. Генерал Бузс-Тукер, исследуя положение дел в Коннектикуте, нашел, что многие из офицеров Армии занимаются игрой на бирже и участвуют в «раздувании» акционерных предприятий. Генерал принял меры к прекращению этого скандала и сообщает, что он заставил всех офицеров, замешанных в названных предприятиях, выйти из состава Армии или бросить свои аферы. Издатель журнала Армии «Клич Войны», полковник Бруэр, оказался заинтересованным в делах крупной золотопромышленной компании. Генерал Тукер заставил его отказаться от участия в делах этой компании. Непорядки в самом штабе Армии не препятствуют, однако, ей работать с большим успехом. На Всемирной Парижской выставке Армия Спасения получила золотую медаль за свои американские экспонаты, представляющие методы, применяемые сальвационистами для обращения падших на правый путь. (Siam Free Press в Бангкоке).

Венгерскому правительству предстоит решить, распространяется ли признанная венгерской конституцией свобода исповеданий также и на мормонов, так как два миссионера этой секты прибыли в Темешвар с намерением учредить церковь. Соседство мормонов всюду является благодарною почвой для появления таких сект, как баптисты, назареяне и др., причиняющие особые хлопоты военным

властям, так как члены этих сект отказываются приносить присягу знаменам. Мормонские миссионеры уведомили о своём намерении учредить в Темешваре церковь венгерское правительство, и власти заняты теперь изучением доктрин Джо Смита и Брайгама Юнга с целью открыть, не заключается ли в них чего-либо враждебного благу и безопасности государства. Много членов уже присоединилось к новой церкви.

Библиография

**Э. О. Летопись светской печати по вопросам миссии
и расколо-сектантства // Миссионерское обозрение.
1901 г. № 2. С. 272–278**

Вера простого народа; её выражение в суевериях. – Вера в таинственность разных местностей, в колдунов и гадалок, в чудодейственную силу священных предметов. – Злоупотребление именем о. Иоанна Кронштадтского.

Если наша «умствующая» интеллигенция не желает никакой веры, бежит её, и хочет всё измерить и взвесить, чтобы опытно всё познать; то наш простой народ, наоборот, всецело, всем своим существом живет верою и все свои познания основывает на вере. Если первая в своих умствованиях дошла до того, что и Бого-человека Христа-Спасителя трактует, как простого человека, одного из мудрецов; то второй настолько верует в него, как просветителя и в его близость к себе, что вселяет его в людей-христов и смотрит на себя, как на непосредственного носителя Духа Святого. Если первая всё своё спасение хочет создать собственными усилиями; то второй старается утвердиться на положении, что человек оправдан крестными страданиями Спасителя и что ему после этого остается только верить и верить. Вера народа – это его драгоценное имущество, это – его Божий дар; она хранит и утверждает православие на Руси и среди язычников, она крепит и поддерживает его в трудностях жизни, в несчастях и бедах. Но эта же вера влечет его и в сектантство, делает его врагом Православной Церкви. Что же за причина такого разного до противоположности действия веры? Где причины влечения верою в стан противников её? Темен наш народ, слышим от одних, а. потому и веровать разумно он не может. Нет направляющих на правильное русло для течения веры народной, слышим от других... Не будем входить в рассмотрение справедливости этих объяснений. Обратимся к жизни самой, к действительности; посмотрим, куда и на что направляется вера народная, в чём она выражается. Факты лучше и справедливее всяких рассуждений, ответят на наши вопросы.

Наши предки населили все для них неведомые места – леса, болота, моря и т. п. таинственной духовной силой, так или иначе воздействующей на жизнь их. Прошли целые века, и что же? Мы не оставили пока еще этой веры их. Мы верим тою же их верой, видоизменив её применительно лишь к обстоятельствам. Вот сообщения газет.

В Сибири, близ Ачинска, в одной пещере, по народному убеждению живет зачатая дева, обладательница огромных богатств. В тихие лунные ночи она выходит к близлежащему озеру, плещется в воде, расчесывает свои густые косы и снова уходит в свою самородную пещеру. Без перерыва стонет и плачет эта дева, и проезжие и прохожие издали слышат её рыдания. Рассказывают старые люди, будто какой-то калмык проник однажды в пещеру и видел печальную деву. Она подарила ему конька, сделанного из чистого золота. – «Хватит тебе его на целую жизнь, сказала она ему, но если расскажешь кому об этом, – умрешь». Разбогател калмык, но не вытерпел: рассказал и умер...

В с. Богоявление, Нижегородской губ., по преданию, жил в старые годы вещий человек. Жил он под развесистым дубом в земляной пещере и варил свои зелья. В темные зимние вечера далеко стояли шум и гуденье, разносившиеся по окрестностям из логовья недоброго человека, куда слеталась на бесовский праздник нечистая сила... И теперь, после смерти старика, место почитается нечистым, и многие смельчаки, пытавшиеся в него пробраться, поплатились жизнью...

Населяя разные места таинственной силой, народ и доселе продолжает верить в какую-то особливую духовную силу тех или других лиц – в разного рода вещунный, гадалок и колдунов.

В Калуге проживает гадалка – некая Федосья Акимовна. Из-за сотни верст приезжают к ней «просители», желающие узнать свою судьбу. Богатые же люди выписывают её к себе, щедро благодаря её за хлопоты. Должно быть для поддержания репутации в последнее время Акимовна пустила в ход молитву «от всех болезней, порчи и вражеских козней». Стоит молитва всего рубль и, носимая на кресте, не теряет своей силы до той поры, пока её обладатель не войдет с нею в баню.

В Саратове славой вещуньи пользуется молодая девушка, окончившая курс гимназии. Она гадает на картах. С десяти часов утра до пяти вечера небольшой её двор пестреет народом самых разнообразных профессий и сословий. Приходят к «пифии» пешком, приезжают издали и на лошадях. Предметы гадания её различны. Гадает о том, чтобы узнать вора, определить неверность мужей, составить представление о суженом.

В д. Романово, Балахнинского у., имеется и свой собственный колдун, – крестьянин Алексей Иванов. У селян он пользуется почетом и уважением, хотя в тоже время его и крепко побаиваются. Без его присутствия не обходится ни одна свадьба; к нему обращаются за заговорами, для лечения и даже для суда в спорных делах. В ноябре Алексей Иванов обошел деревню и собрал с крестьян по двугривенному – «на подарок антихристу». Этот, будто бы, побывал у колдуна и сообщил ему, что сожжет деревню, если ему не будет подарка.

Особливо верит наш простой народ в чудодейственную силу разных священных предметов, способных, по его верованию, исцелить его от всевозможных недугов, избавить от неприятностей и горя и т. п. Вера эта такого характера, что предметы священные теряют уже свой религиозный характер и обращаются в предметы суеверий, в своего рода фетишей.

Так, в Воронежской губ., верными средствами для исцеления от болезней считается «херувимский ладан», вода от полоскания потира, воск, собираемый от свечи после чтения 12-ти Евангелий в четверг страстной седмицы. В Жиздринском у., Калужской губ., пьют воду, оставшуюся от омовения покойников и верят в её целебную силу. А «Тифлисский Листок» рассказывает прямо-таки о злоупотреблениях священными предметами, к чему приводят народ их темные суеверия. Именно в Мингрелии существует обычай брать из Церкви иконы, которые известны в народе своим чудотворным действием, для предания проклятию ближнего из-за личных споров и раздоров. И при одной лишь угрозе – принести икону, тот, кому ею угрожали, должен бывает исполнить требование своего противника. Если же в продолжении трех месяцев со дня

предания анафеме требование не будет исполнено добровольно, то, по верованию и рассказам жителей той местности, лицо, обязанное возвратить требуемое, сходит с ума, начинает бить плетью себя по спине, выкрикивая: «Освободи меня от проклятия»! В конце концов умалишённый отправляется будто бы в дом проклявшего его и удовлетворяет его требование. Бывают, будто бы, случаи, что преданный анафеме не лишается рассудка, но во всяком случае тяжело заболевает. Правом брать икону – в данной местности – икону Георгия Победоносца – пользуется всякий, кто пожелает. Приносится она, будто бы, в сопровождении священника и церковного старосты и проклятие произносится публично и торжественно. Вера же у народа в непереносимое воздействие этой иконы и проклятия – безгранична.

Но гораздо сильнее вера у народа в могущество и чудодейственную силу уважаемых им личностей, почитаемых за прозорливцев, молитвенников и даже за святых. Таковым в настоящее время почитается всеми уважаемый кронштадтский пастырь о. Иоанн. До того вера и любовь народа к нему велики, что он верит всему, что о почтенном пастыре, о силе его молитвы, рассказывает народная молва, не различая истинного от сочиненного и выдуманного. Этою верою нередко пользуются разные проходимцы и, злоупотребляя народною верою, предлагают ей свои выдумки и рассказы. И народ верит. Так в последнее время появились в обращении «молитвы о. Иоанна Кронштадтского». Этим именем называются вновь недобросовестными эксплуататорами народной веры составленные заговоры на всякий случай. «Самарская Газета» приводит два образца «молитв» с сохранением их орфографических особенностей.

1) От воров. «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Господи возвах к тебе услыши мя сего дни а ето ночь все родившая мати к тебе вопиюще от бед и напасти и от того человека яко: зеница око: который придет к огради моей и к каменному моему или к ослиати моей; не даждь: ему Господи; отыми у него ум и разум и помышлений ему не дай Боже до трех седмиц: от роды и огради его Господи; быстрыми

зареками, крутыми берегами; темными лесами, полунощными зорями как на мори наскыяни на прекрасном острове; лежит Благой Благоразумный бель горючь камень, на сим камни сидит строфил птица: окрест ея; моря волнуется; строфил птица; спусти; свою темную тучу; на того человека; и взяв этого камня, ключи, замкни у того человека, ясные очи, свяжи ему руки и ноги; жилы и кости, егда приидиши судить землю и наследиши все языцц воскресни Господи; во веки. Аминь.

2) От болезней. Воскресни Господи. Они. Аминь. Ни разбойников, ни притиков ни диавола каких, козней, но извидя волки, Духов небесных Мечтаний звери Лютых негадов ядовитых недеревянного лолому не бури ни грому, не молнии не огненного оружия, не топорного случая, от пожара, никакия тяжайшия болезни тою ни чародейского недуга, и падучия болезни ни младенческие болезни не двух надесяти трясониц, не дневных, не начало месяца, невушерб невпереди внезади непереходи и вполовини и восходи каждого месяца от всякие междоусобые болезни и брани от смертного смерти от напрасного язвы избавлен будет. Аминь.

Крестьяне нарасхват покупают «молитвы». Только в одно село приезжими было куплено 32 экземпляра, а это составляет 8 руб., так как каждая молитва продается по 25 коп. Продавая крестьянам «молитвы», проходимец советует никому их не давать для чтения, а носить на кресте, в противном случае молитвы не принесут-де пользы.

Эти, взятые нами из газетных сообщений, факты – не исключительны: нужно быть глухим, чтобы о них не слышать, и умственно слепым, чтобы их не замечать. Они наблюдаются и в столицах, и в глухих уголках матушки Руси, – там, где бьется русское сердце, где слышится русская речь. О чём же они говорят? Не говорят только, а громко, громко вопиют к нам – людям интеллигентным, изверившимся и уж очень изумничавшим, – что жив русский народ и жива его вера, но что эта вера требует просветления людей, держащих её, требует разъяснения основ её и объектов. И наш грех, если народ с сильной жаждой веры ищет удовлетворения для неё или в разного рода суевериях, или, что самое опасное, – в

сектантстве. Наш русский народ с его верой всё еще богатырь, не знающий, куда приложить, на что направить богатырские силы своей веры...

* * *

Но если в таких темных суевериях выражается часто вера православного русского человека, просвещаемого истинным светом христианского учения и руководимого сведущими пастырями, то что же сказать о религиозной темноте наших раскольников и сектантов?! Вот какие-нибудь дырники с проверченной в одной из стен их хат дырой для молитвы, – дырой, заткнутой грязными лохмотьями и тряпками. Желающих перейти к ним они, после 40-дневного поста и проклятия им иконовских ересей, везут вместе с их восприемниками на озеро или реку, где бывают заблаговременно приготовлены две проруби. Раздев новообращаемого донага, погружают его в одну прорубь и при помощи холстов, вытаскивают и опускают в другую; затем закутав в шубы, отвозят в дом к восприемнику, где происходит велие угощение с возлияниями («Бирж. Вед.»).

Или вот – называющие себя «рабами Христовыми» – староверы, а вернее сказать, язычествующие христиане. В «Царицын. Вестн.» о них рассказываются следующие подробности.

На вопрос: «Чей ты?» – они отвечают: «Раб Христов». Они учат, что земля плоская и стоит «на трех китах», а в океане-море стоит в воде по колено большой петух, который при восходе солнца поет. Железные дороги, телеграф и телефон считают «действием антихриста». При ограждении себя крестным знаменем последним взмахом руки нужно ткнуть пальцем в живот, да так и оставить расprostертую ладонь на животе. Это, говорят, для того нужно, что Христос был во чреве и потому нужно делать «смирненное втыкание».

Когда случится у кого покойник, то его отпевают так: В ту избу, где лежит тело, собираются самые нечёсанные мужики и стоя вертят бессмысленно в руках свои шапки, ожидая прихода «старшего», который, придя, подходит к покойнику и вместо обычных молитв начинает: «Протекла река огненная с востока на запад; да по этой реке ехал Михаил Архангел – царь...

Помолимся! – Чтобы душа его попала прямо в рай!... Мужики, вертя головами в обе стороны, подхватывают: «Так и надо прямо в рай!»... После сего старший говорит тихонько на ухо покойнику: «Слушай, брат, Саваоф тебе рад, он тебя не оставит, сорок ангелов к тебе приставит». После сего, погладив его по голове, выносят в овраг и зарывают.

Да, и сектантство наше, на которое у нас принято смотреть, как на более просвещенное и разумно верующее, таковым представляется только в период своего зарождения и первоначального развития. А потом, когда жизнь сложится и, вылившись в определенные рамки, потечет обычным порядком, обычная темнота народная является её неизбежным спутником. Это особенно хорошо приходится наблюдать на молоканах. Они-ли не привлекали к себе в своё время внимание интеллигенции?! Ими-ли не интересовались как людьми просвещенными и нравственно развитыми?! Теперь молоканство почти повсюду переживает разложение, и, оставивши свою прежнюю красивую внешность, является пред нами в его настоящем, обычном для простого непросвещенного народа, свете и виде. Вот что читаем о тамбовских молоканах в «Тамб. Губ. Вedom.».

Молоканство там некогда проявилось стихийно: перешло сразу множество крестьян в молокане, и движение кончилось. Многие из первых прозелитов с убеленными теперь сединою волосами здравствуют и поднесь. Период перехода их в сектантство был периодом подъема духа, крест гонений окружал их ореолом мученичества и поддерживал их дух.

Переход в сектантство был актом отречения от употребления водки, табака, сквернословия и вообще от всего непотребного, в них развился промышленный дух, многие неграмотные женатыми садились за «книгу» и изучали «Писание». Но вот крест гонений с них сняли, психический момент подъема духа прошел и наступила реакция, особенно сказавшаяся в молодом поколении. Старики впали в косность, а самый главный «пресвитер», при переходе в молокане, женатым начавший учиться грамоте, изучивший текст «Писания», из бедняка сделавшийся капиталистом, под

старость впал в пьянство, распутство и умер от вина, оставив большую семью и большие капиталы. Некоторые из молодежи попали прямо в червонные валеты низшего разбора. Баптизм для молокан является стадией подъема духа, и многие в иных местах переходят в баптисты. Лучшие из молокан, сохранившие свой крестьянский пуританизм и искренне чтущие «Писание», сами говорят об упадке духа своих собратий. Правда, в этом районе есть несколько молоканских хуторов, представляющих довольно патриархальные семьи, но это, если не последние молокане, то все же исключение.

Так и блуждает наш простой народ, ища наилучшего, действительного, истинного выражения для проявления его живой, деятельной веры. И Бог знает, сколько времени пройдет еще, пока он найдет это выражение в истине православной Церкви, в свете её учения познает единственный источник, просвещающий всякого христианина.

Э. О.

**Фудель И. Новое издание К.П. Победоносцева
«Учение и учитель». (Педагогические заметки).
Москва 1900 Синод. Тип. Ц. 50 к. // Миссионерское
обозрение. 1901 г. № 2. С. 278–279**

Вопросы школьной жизни, учения, воспитания особенно волнуют общество. И не напрасно. Каждый из нас с тем или другим решением этих вопросов связывает слишком много надежды и также не мало разочарований. И тот или другой строй школьного дела вызывает страстную борьбу защитников и противников этого строя, ибо жизнь школы (в обширном смысле этого слова) всегда непосредственно отражается на общем течении жизни не только общественной, но и государственной и церковной всей страны.

К сожалению, жизненному значению вопросов школы и образования нисколько не соответствует ясность их понимания теми, кто их берется решать. Здесь повторяется лишь общее явление современной мысли. Среди общей разноголосицы и здесь господствующее положение принадлежит тем, кто на первый план выдвигает нечто внешнее, партийное, случайное, забывая о внутреннем, общечеловеческом, вечном. И только редкие голоса стараются напомнить обществу об этом «вечном» в деле воспитания души. Тем большего внимания заслуживают они.

Вот перед нами только что появившееся в продаже новое издание К. П. Победоносцева Учение и учитель. (Педагогические заметки). Не большая, очень изящная по внешности, книжка.

Действительно, ряд заметок, отрывочных по-видимому. Характер этих заметок разнообразен: то пред вами непререкаемый совет и наставление учителю, то глубокомысленное размышление, а то классическая мысль, выраженная в двух-трех строках. Но когда вы дочитаете книжку до конца, то вам ясно станет, что всё это разнообразие заметок связывает внутренне одна мысль, которая просвечивается из каждой строчки.

«Духа не угашайте», – ибо в этом весь секрет успешных и живых результатов в педагогическом деле – вот мысль автора. И начальник заведения, и учитель, и законоучитель должны одинаково свято блюсти это правило.

«Во всяком звании человек должен смотреть за собой, чтобы духа не угашать в себе...», «одушевление, ревность, любовь, чувство долга – самое существенное в школьном деле...», «школа не канцелярия, – и если возобладает в ней канцелярия, – школа пропала».

С особенною любовью и сердечною теплотой говорит автор о звании учителя. «Учитель не есть какая-либо принадлежность школы, которая при ней предполагается; это есть самая сущность школы, и без учителя никакая школа немыслима: учитель должен быть создан для школы...» «Учитель-ремесленник, учитель-чиновник не годятся для живого дела. Учитель должен быть подвижником своего дела, полагающий душу свою в дело обучения и воспитания»... «Тесен, по-видимому, и скуден, и одинок круг деятельности учителя. А если ему суждено учить и действовать в глуши, он становится подвижником. Но благо тому, кто и на этом месте успел духа не угасить в себе, сберечь свои крылья»...

С великою пользою для себя прочитают эти, скромные по названию, «педагогические заметки» все, кто поставлен на великое дело учительства. Многих они заставят задуматься, а иных ободрят и поддержат в их святом деле. И дай Бог, чтобы те вечные истины, защите коих посвящены «заметки», распространялись как можно шире и глубже в сознании педагогического мира. Это общий интерес. Не угаснет дух в школе – не угаснет он и в жизни.¹¹⁸

Свящ. И. Фудель

Леонович М. Философия монизма (критический разбор сочинения Геккеля. «Die Welträthsel». Bonn. 1899). – Прот. Т.А. Буткевич, профессор Харьковского Университета. Харьков 1900 г. // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 280–281

В конце 1899 года издано в Бонне довольно интересное сочинение выдающегося представителя новейшего философского мировоззрения – Эрнста Геккеля – «Die Welträthsel. Gemeinverständliche Studien über monistische Philosophie». Оно интересно потому, что «на него можно смотреть, как на последнее слово западноевропейской философии новейшего времени, в котором в сжатом и популярном изложении представлено всё то, что было высказано материалистами и дарвинистами по важнейшим вопросам в области философского исследования. Но что это за мировые загадки (Welträthsel), которые Геккель обещает нам разрешить в своей книге.

Он имеет в виду семь мировых загадок, названных Эмилем Дю-Буа-Реймондом в известной речи, произнесенной в Лейбницевском заседании Берлинской академии наук в 1880 году. Это – 1) сущность материи и силы, 2) происхождение движения, 3) первое происхождение жизни, 4) целесообразное устройство природы, 5) происхождение простого чувственного ощущения и сознания, 6) разумное мышление и соединенное с ним происхождение языка и 7) вопрос о свободе воли. Решению этих загадок посвящена названная книга Геккеля. Она распадается на четыре больших отдела: I. Антропологическая часть: человек (стр. 1–100); II. Психологическая часть: душа (101–242); III. Космологическая часть: мир (стр. 243–336); IV. Теологическая часть: Бог (стр. 337–440). Таким образом, здесь затронуты все важнейшие философские вопросы.

Сущность мировоззрения Геккеля состоит в следующем: им отрицается бытие Божие и Промысл, весь духовный мир, бытие души, как особого нематериального существа, самостоятельность психических явлений, личное бессмертие

человека, свобода воли, различие между добром и злом, ответственность за грех и вообще за поведение человека; в основании всей мировой жизни, по учению Геккеля, лежит какая-то универсальная субстанция с её вечными атрибутами – материей и энергией; мир существует от вечности; организмы произошли из неорганической природы посредством произвольного самозарождения, вследствие чего не признается существенного различия между неорганической природой и организмами; более сложные организмы произошли будто бы из низших; человек произошел от обезьяны; религия есть дело намеренного или ненамеренного обмана, а худшая и для человечества вреднейшая из всех религий – христианство; мир существует и будет существовать вечно, но сам Геккель не знает – зачем и для кого; он есть слепое, безотчетное и бесцельное дело слепой и неразумной субстанции, а его жизнь, поистине; какая-то «пустая и глупая шутка». Таково-то новое мировоззрение!! Справедливо замечает о. Буткевич, что «оно не представляет ничего оригинального». Это какая-то смесь чужих мыслей и выводов. Воспользовавшись материалом эволюционизма, удержав основные положения Дарвина и многие выводы германского материализма, Геккель создал свою собственную философскую систему, которая старается занять средину между материализмом и пантеизмом.

Совмещая все антихристианские нападки этих уже отживших врагов христианства, система Геккеля является самым злейшим врагом христианства в настоящее время. Конечно, ему не поколебать нашей св. Церкви и веры, имеющих такое незыблемое основание, как Христос Спаситель. Много врагов было у них за 19 веков их славного существования. Как бурные волны на море, вставали они один за другим; с диким шумом, в яростной злобе устремлялись они на церковь и, скользя по этой несокрушимой твердыне, разбитые падали и уходили в лету забвения, унося с собой лишь поверхностные, слегка прицепившиеся, но не успевшие органически срастись с телом церкви, частицы. А Церковь, как неприступная скала, оставалась непобедимой и «после каждой бури» становилась еще чище, светлее, крепче и величественнее. Сама она, не

нуждалась в защите, но ради слабых, малых, соблазняющихся всегда нужно мощное слово обличения, дабы увлекшись ветром лжеучения, многие младенцы по вере не были захвачены волнами неверия. И такое слово всегда раздавалось. Из среды Церкви выходили апологеты, которые со знанием веры соединяли еще и знание «всех ухищрений мирской философии», и они писали специальные сочинения в защиту веры и в них разбирали «суемудрие пустословов». К числу подобного рода трудов относится и сочинение почтенного прот. Буткевича. Имя этого ревностного защитника христианской веры хорошо известно в богословском мире. Ему принадлежат весьма многие апологетические труды, каковы, напр. «Жизнь Господа Нашего Иисуса Христа», «Язычество и иудейство» и др. Что особенно придает цену сочинениям прот. Буткевича, так это его широкая начитанность во всех областях современного знания. По его книгам (возьмите, напр., разбираемую «Философию монизма»), вы можете познакомиться с современным положением психологии, естествознания и богословия. Кроме апологетического значения, они имеют, таким образом, чисто образовательный интерес.

Несмотря на большой объем книги (805 стр.), он не пожалеет труда, потраченного на её чтение. Книга издана весьма хорошо.

М. Леонович

Миссионерский Вестник

Архипастыри-миссионеры // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 282–284

Наступление нового года ознаменовано отрадными для внутренней миссии церковно-иерархическими новостями. Преосвященный Назарий, епископ Олонецкий, перемещен на старейшую кафедру Нижнего града. Досточтимый архипастырь за короткое время своего управления епархией дикого севера стяжал себе у олончан благодарную память архипастыря-миссионера. Олонецкая миссия при нём вся вновь переустроена и получила образцовую организацию. Любовь архипастыря к делу миссии расположила к этому многотрудному служению известного в полемической литературе деятеля о. К. Плотникова, ставшего во главе епархиальной миссии, которая увеличена в своём составе и средствах обеспечения; заведены периодические миссионерские съезды, сделан первый почин учреждения миссионерских курсов, для урегулирования миссионерской деятельности приходского духовенства составлена инструкция. Владыка сам посетил со словом проповеди и увещания все приходы зараженные расколом.

Величественный и в тоже время смиренный, властный и благодатный, новый нижегородск. архипастырь владеет счастливым даром – пленять сердца и умы сопастырей и пасомых в послушание себе не ради страха, а по сыновней любви и оставил по себе в Олонецкой епархии самые светлые воспоминания.

В новом месте служения ожидают архипастыря новые труды и заботы на пользу миссии.

Нижегородская епархия – крупный центр раскола, руководимого таким заклятым врагом господствующей Церкви, как Арсений Швецов, – «временный нижегородский лжеепископ».

Пробивают себе путь в землю низовскую и рационалистические секты.

Да обновятся же влияние и силы местной – всегда и ранее усердной – миссии под руководством нового, столь

благопопечительного, неутомимо энергичного архипастыря!

В январе состоялась епископская хиротония двух достохвальных деятелей миссии: настоятеля Самарского Иргизского единоверческого монастыря о. архим. Тихона (в мире доктора Оболенского) во епископа Николаевского, викария Самарского, и ректора Тифлисской семинарии архим. Гермогена во епископа Вольского, викария Саратовского.

Еп. Гермоген много и в высшей степени благотворно потрудился над развитием миссионерской деятельности юного тифлисского миссионерского общества: им учреждены миссионерские собеседования во многих пунктах города, устроены молитвенные дома, привлечено в лоно Церкви нескольких главарей молоканской секты и др.

Миссионерская деятельность еп. Тихона так широка и разностороння, что мы о ней скажем особо в следующей книжке.

**Птицын В. Сорокалетие со дня освобождения
крестьян и участие духовенства в этом
историческом событии // Миссионерское обозрение.
1901 г. № 2. С. 284–287**

19 февраля настоящего года минет 40 лет со времени освобождения крестьян в Бозе почившим Государем нашим Александром Николаевичем. Этот сорокалетний юбилей великой крестьянской реформы многие наши газеты и журналы собираются праздновать выпуском иллюстрированных прибавлений с портретами деятелей освобождения и статьями, посвященными участию разных сословий, обществ и отдельных лиц в освобождении крестьян.

При этом, судя по направлению наших печатных органов, заранее можно предполагать с большою вероятностью, что ни один журнал, ни одна газета не обмолвится ни одним добрым словом об участии нашего православного духовенства в этой великой реформе.

А между тем духовенству нашему, в особенности смиренному и убогому сельскому русскому духовенству нечего краснеть за свою роль в освобождении крестьян, и оно может смело смотреть в глаза другим сословиям и обществам русским, взиравшим на это дело со стороны, с высоты своего благополучия, тогда как духовенство принимало в нём активное, живое участие, не казовое, правда, не торжественное, не триумфальное, а скорее страдальческое, но такое почтенное и с государственной точки зрения важное и ответственное, что, может быть, не лишне теперь напомнить, по случаю юбилея, об участии духовенства в освобождении крестьян, тем более, что заслуги духовенства в этом деле никогда не были по достоинству оценены ни русским обществом, ни дворянством, ни даже правительством, а теперь и совсем забыты.

Должно различать роль высшего нашего духовенства, в лице Святейшего Синода, архипастырей и епархиального начальства, и роль сельского духовенства в освобождении крестьян. Городское духовенство никакой выдающейся роли в освобождении крестьян не играло, как и вполне понятно: городская его паства была свободна, крепостное право её не касалось, а распавшись, по выражению поэта, «ударил одним концом по барину, другим по мужику», а и тот, и другой жили в деревне и соприкасались с сельским духовенством, об участии которого в освобождении и будет теперь речь.

Но сначала необходимо сказать несколько слов о положении сельского духовенства при крепостном праве. Положение это было разве немного лишь лучше крестьянского. Суда и управы на господ трудно было найти сельскому священнику, и обыкновенно барин помыкал и издевался над причтом своей приходской церкви вволю, требовал от причта подчинения своим капризам и преклонения пред своим авторитетом. Гнев барина был страшен для причта, жившего барскими милостями. Кажется, главная привилегия причта, сравнительно с крестьянами, заключалась в том, что барин не смел бить и сечь на конюшне священнослужителей своего прихода, хотя и это бывало. Вспомните рассказы Щедрина или Сергея Атавы, например, о травле дьякона борзыми собаками.

Понятно, что при таком положении, сельское духовенство всем сердцем и всеми помыслами своими было на стороне крестьян, разделяя их надежды на свободу и томясь в ожидании её, но не смея громко заявлять о своей солидарности с крепостными, из страха помещичьего гнева и расправы. А между тем уже с 1854 года во многих губерниях, по свидетельству проф. Иванюкова, в Рязанской Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Киевской, Воронежской и др.¹¹⁹ начались волнения крестьян, терявших терпение в рабстве и поднимавших руку на своих ненавистных господ. Вот тут-то и выступило духовенство на

первый план. Из Св. Синода один за другим посылались к сельским священникам, чрез епархиальное начальство, строгие указы о неустанном и всяческом нравственном успокоении простого народа и об отвращении его от насильственных действий.

И сельские священники в церквах и вне церквей именем Божиим уговаривали и заклинали крепостных потерпеть, не доверять всяким вздорным слухам, волновавшим в то время деревни и села, положиться во всём, на царя и ожидать манифеста. Простой народ, не веривший в то время ни полиции, ни чиновникам, только своим пастырям доверял, видя, что они ему и делу освобождения сердечно сочувствуют, и слушался их, терпеливо ожидая манифеста. Так тянулись в ожидании целые месяцы и годы. По словам переживших эту пору сельских священников, то было страшно тяжелое время; сами священники ничего определенного не знали, будет ли манифест о воле, какой и пр., но они имели глубокую веру в молодого Государя и всё своё упование возлагали на него, и эту веру и упование они и народу внушили. Нет никакого сомнения, что если крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. обошлась у нас весьма благополучно, без восстаний, без Пугачевщины, без пролития целого моря крови, как дворянской, так и крестьянской, то таким мирным исходом Россия обязана, прежде всего и больше всего, не военной силе, не чиновникам, а именно сельскому православному духовенству, бывшему в то роковое время ангелом-хранителем и дворянства, и самого правительства.

Иное, но не менее важное и благотворное участие в освобождении крестьян принимали в 1861 году наши высшие церковные власти. Об участии Святейшего Синода уже упоминалось выше. Руководящая роль при этом выпала на долю известного Московского митрополита Филарета. Он вообще был очень близок к царствующему дому и в случаях величайшей государственной важности призывался на совет. Так, например, ему была вверена тайна отречения великого князя Константина Павловича от престола, и он, один из немногих, участвовал в самом акте отречения цесаревича.

Сначала митрополит Филарет был противником освобождения крестьян, указывая, как и многие весьма гуманные люди того времени, на неподготовленность народа к освобождению и на опасность злоупотреблений его своей свободой, и откровенно высказывал своё мнение Александру II-му. Но когда он ясно увидел твердую решимость молодого Государя во чтобы то ни стало освободить крестьян, то сам предложил свои услуги по составлению всемилостивейшего манифеста об освобождении. Из-под его пера вышел этот исторический, вечный документ 19 февраля 1861 года: «Осени себя крестным знаменем, православный народ» и пр. Полный текст этого манифеста теперь трудно и найти. По какому-то недомыслию нашему, его не печатают ни в хрестоматиях для школ, ни в азбуках и начальных для чтения книгах, не учат наизусть в народных школах, отдавая предпочтение назидательным стишкам, в роде: «Чижик, чирик, где ты был!» ... и пр. Не вывешен этот манифест в рамках, ни в присутственных местах, ни даже в волостных правлениях, хотя, несомненно, имеет большее значение, чем указы Петра Великого, помещенные в зеркале, в каждом присутственном месте. Высокопреосвященный Филарет совершенно основательно забраковал составленный ранее проект манифеста, написанный торжественным, официальным языком, разъяснив, что народ не поймет такого манифеста, будет вкривь и вкось его толковать, а

если манифест будет начинаться с молитвы и крестного знамения, то народ и отнесется к нему, как к молитве, не мудрствуя лукаво и с глубокой верою, что и оправдалось.

Кто жывал в деревнях, тот знает, что в народе вкоренилось глубочайшее убеждение, что трагическая смерть его Освободителя есть результат мести ему недовольных за освобождение крестьян. Какими грозными последствиями может отражаться подробные и другие опасные народные заблуждения в какую-нибудь горькую историческую минуту русской жизни, это понятно всякому.

Чтобы искоренить в народе опасные, политические заблуждения, нельзя обойтись без посредничества сельского духовенства. Чтобы там ни говорили о недостатках, происходящих, главным образом от бедности и общественной приниженности нашего сельского духовенства, а только ему одному и верит еще наш бедный изверившийся во всё и во вся народ простой.

Влад. Птицын

Православное миссионерское общество в 1899 году // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 287–288

В отчетном году исполнилось 30 лет со времени открытия общества. Итоги деятельности выражаются во внушительных цифрах. На попечении общества находятся: 9 миссий в Сибири, 1 в Японии и несколько миссий в Европейской России в епархиях с инородческим населением. В течение всего времени обращено нашими миссиями в христианство из язычества и магометанства 121,207 человек. На поддержание и развитие миссионерского дела в России употреблено более 4 мил. руб. Сочувствие публики к задачам общества с каждым годом возрастает и теперь число членов достигло свыше 15 тыс. Общая сумма пожертвований, сделанных за весь период, простирается до 6 мил. руб. слишком. В частности, за последнее время ежегодные затраты общества достигли значительных размеров. В 1896 году на содержание миссий и миссионерских учреждений (школы, церкви и проч.) обществом отпущено более 285 тыс. руб. Учащихся в школах и получивших средства содержания, вполне или частью, от миссионерского общества было свыше 15 тыс. чел. Результаты деятельности миссий были значительно успешнее предшествовавшего года, – всего за год обращено было в христианство 4,393 чел. Кроме этого в разных пунктах открыто много новых церковно-приходских школ, школ грамоты и разных благотворительных учреждений. К прежним 44 комитетам общества прибавилось 4 новых: забайкальский (в г. Чите), тульский, владивостокский и псковский. Общий приход по совету и комитетам вместе с остатком от предшествовавшего года выразился в сумме 538,203 руб. В остатке к нынешнему году всех капиталов состоит 1,250,581 руб. Сумма эта однако не представляется значительной, так как с каждым годом нужды всё более и более расширяются, в особенности же если иметь в виду нынешние события в Китае, повлекшие полное разорение нашей пекинской миссии и уничтожение нескольких церквей и

благотворительных учреждений. Неослабное сочувствие жертвователей поэтому необходимо.

Присоединение к православию // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 288–291

12 дек. 1900 г. в кафедральном соборе в С. Франциско Иеромонахом Севастианом был присоединен из баптистической секты ветеран междоусобной Американской войны (civil war) Вильям А. Госкин, во св. крещении нареченный Иоанном. Едва ли новоприсоединенный, не старейший член юной американской православной Церкви; ему исполнилось 89 лет. Более 20 лет тому назад он стал знакомиться с истиной православного учения. Читал он много по сему предмету. Читал он историю Российского Государства и неразрывно связанной с ним православной Русской Церкви и её значении для России, читал он историю религий, разные газетные статьи о Русской Церкви и специальные о сем издания. Везде старик Госкин искал сведений о православной вере и благодатию Божией нашел.

«Её истину и чистоту я почувствовал сразу, говорит он, и необъяснимо для себя я горел желанием соделаться членом Православной Церкви, ибо видел только в принадлежности к ней спасение».

«Сухое противоречивое учение баптизма вызывало всегда ко мне, говорит Госкин, чувство сожаления о заблуждениях людей».

С такими мыслями и чувствами прожил Госкин в доме для престарелых воинов около Лос-Анжелеса более 20 лет, пока не узнал (случайно), что в С. Франциско есть Русская православная Церковь. Не смотря на дальность расстояния (более 600 миль от Лос-Анжелеса до С. Франциско) 90-летний старик Госкин испрашивает себе 2-х недельный отпуск и благополучно приезжает в С. Франциско. О желании старика Госкина принять св. крещение было доложено Его Преосвященству, Преосвященнейшему Тихону, и Владыка поручил Иеромонаху Севастиану предварительное наставление Госкина в истинах православной веры. Оказалось, что старик почти был подготовлен к принятию св. крещения, а потому

через три дня и был крещен. Нужно было видеть его радость, когда совершено было св. таинство над ним, чтобы понять, как счастлив он был, что обрел истину. Он сам читал Символ Веры и ясно и твердо давал ответы на предлагавшиеся ему вопросы.

«Я несказанно рад, говорил он, что Господь сподобил меня познать истину и быть членом Апостольской святой Церкви. Если бы не нашел церкви здесь, я поехал бы в Москву».

При совершении таинства крещения присутствовал Преосвященный Тихон и подарил новокрещенному крестик и книгу «Изъяснение Богослужения Православной церкви» на англ. яз. На другой день новокрещенный сподобился причаститься св. Таин Христовых и через два дня поехал обратно, неся с собой свет истины в темный уголок престарелых воинов.

* * *

Конгресс истории религий. На всемирной выставке в Париже, состоявшейся в текущем 1900 г. и теперь уже закрытой, происходил, между прочим, конгресс, предметом которого было обсуждение вопросов, касавшихся истории религиозных верований в человечестве. Само собою разумеется, что большинство конгрессиистов состояло из лиц рационалистического воззрения на религию; тем не менее здесь-же было высказано несколько мыслей, удобоприемлемых и для верующего человека. В председатели конгресса был избран профессор истории религий во французской коллегии Ревиль, почетными президентами провозглашены: Макс Мюллер (англичанин) и Тиле (голландец), а вице-президентами: Дегубернатис (итальянец), Гольдцигэр (по предмету ислама), Карпентер (по вопросу о христианстве), Гобле д'Альвиелло (по общим религиозным вопросам) и Навиль (по египтологии). Постоянных слушателей было около 200; к ним присоединились впоследствии до 340 человек, в том числе несколько дам. Между этими лицами были представители: 19 европейских государств, 3 азиатских, 5 американских и 1 африканского. Речи и доклады, прочитанные на общих собраниях, были проникнуты высокими стремлениями и полным беспристрастием и уважением к чужим мнениям; догматические вопросы вовсе не

затрагивались, и каждый лектор ограничивался изучением фактов, лежащих в основе религиозных верований.

Проф. Ревиль, в своей вступительной речи, говорил о происхождении истории религии, о том интересе какой возбуждают исследования, относящиеся к этой области, и о месте, какое они занимают в энциклопедии современных знаний. Затем конгресс подразделился на отделения, в которых и обсуждались различные отдельные вопросы.

Общих собраний было два, 4 и 6 сентября по новому стилю (по нашему во 2-й половине августа). В первом из них, член французского института Сепар говорил «О буддизме и религии Йога»; Сабатье затронул очень деликатный вопрос «О библейской критике и науке истории религий». В следующем общем собрании говорил проф. Гольдцигэр, из Буда-Пешта, «Об исламе и парсизме». По словам этого ученого, иудейство и христианство не были единственными источниками Ислама или религии Магомета; к ним следует причислить и парсизм, что и неудивительно, принимая во внимание торговые сношения персов с арабами; в исламе, как и в парсизме, встречаются нетерпимость и гонения, обрядовая чистота с одной стороны и нечистота с другой, – и вменяется в заслугу пред Богом простое чтение религиозных книг. По поводу науки о религиях, проф. Маринье обращает внимание на то обстоятельство, что во всех частях земного шара встречаются одни и те же обряды, одинаковые предания и одинаковые легенды. Еще и доньше сохраняются во Франции нравы и обычаи, совершенно языческого характера. Фурнье де Флэр сообщает несколько статистических данных, из коих явствует, что исповедуют христианство во всех его формах 555 миллионов человек, евреев считается 8 миллионов и магометан 200 миллионов, при 1,550 миллионов людей, населяющих землю. Проф. Гобле д'Альвиелло, из Брюсселя, прочел реферат «Об исторических отношениях между религией и нравственностью».

Заключительное заседание конгресса, собравшее массу учащейся молодежи и ученого люда, было посвящено речи проф. Дегубернатиса. Знаменитый ученый более часа говорил на тему о будущности науки религий. «Знать всё, – сказал он, –

значит отказаться от пошлых насмешек бесплодного разрушения и непристойного богохульства». В дальнейших словах, профессор коснулся всех проблем религиозной истории, приняв во внимание два главных элемента в каждой великой религии: элемент обрядовый и литургический, и элемент нравственный, созданный вдохновением или личной волею героя, поэта, философа, святого, который подчиняет сознание людей божественному внушению, верховной воле, высшему закону. В заключение, оратор утверждает, что все религии суть дело человеческое, и только одна религия есть дело Божие и может водворить совершенный мир между людьми. Сравнительные исследования представят в полном свете всё, что в каждой религии есть наиболее божественного и поведут человечество путем постепенности, по возвышенной лестнице, от религий к религии.

Эта последняя мысль ученого профессора не чужда, конечно, остроумия, но её нельзя назвать христианскою: христианство не может допустить, чтобы его считали одною из многих религий: оно есть единственная и исключительно истинная религия. Мы убеждены, что чем более мыслящие люди будут изучать религии, тем более должны будут признать исключительное совершенство религии христианской. Ученые исследователи, собравшиеся на религиозный конгресс, равно как смиренные и нищие духом, соединившиеся в церковь, должны будут единодушно преклониться пред Тем, Чья искупительная смерть и победоносное воскресение возвестили всему миру, что Он есть едиnorodный Сын Божий, творческое Слово, верный Свидетель, открывший нам Отца Небесного, единый могущий примирить человечество с Богом.

Миссионерство приходского пастыря // **Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С.291–292**

Усердное исполнение пастырями одной из главнейших их обязанностей, а именно религиозно-нравственное просвещение прихожан путем проповеди и собеседований, – самый лучший способ предохранения народа от сектантских заблуждений. Таково мнение, вынесенное из жизненного опыта одним из священников Курской епархии. Этому священнику было предложено епарх. Архипастырем занять место противосектантского миссионера. От такого предложения батюшка, главным образом по болезненному состоянию, отказался, но при этом в своём официальном отказе на имя Архипастыря решился высказать своё личное убеждение, что в епархии не будет нужды в противосектантском миссионере, если все пастыри начнут усердно проповедовать слово Божие. В период своего четырехлетнего пастырского служения батюшка «с очевидностью убедился» в важнейшем значении проповеди, особенно, если она предлагается наизусть, излагается общедоступно и оживляется примерами и уроками из жизни святых. При соблюдении этих условий она становится для слушателей «слаще меда», влечет их в храм и вместе с тем вызывает у них почтение, благодарность и любовь к пастырю-проповеднику. Священник предлагал пасомым слово Божие трижды в каждый воскресный и праздничный день: на всенощном бдении – катехизическое поучение или историю праздника, на литургии – объяснение евангельского чтения, на вечерне – житие святого, чествуемого в тот или последующий день. К этому присоединялось и хоровое (при участии всех богомольцев) заучивание молитв, Символа Веры и заповедей. Слушателей постоянно бывает так много, что храм, обыкновенно прежде пустовавший, оказывался совершенно недостаточным по своему объему. Кроме своих прихожан, почти всегда посещают храм в значительном количестве и иноприходские; живущие от посещаемого храма за две, за три, за пять и более верст. Таким образом, все самые заурядные

священники могут при помощи проповеди и законоучительства привлечь своих пасомых к церкви и предохранить их от губительной заразы сектантства. – Преосвященный Владыка, в своей резолюции на приведенном заявлении священника, выразил ему полное своё одобрение и согласие, что «народ не пойдет ни к каким лжеучителям, если будет удовлетворяема его жажда слушать слово Божие» («Курск. Епарх. Вед.», 1900 г., № 2). Правда, нужно сознаться, что троекратное проповедание слова Божия в воскресные и праздничные дни возможно только в приходах городских и тех сельских, прихожане которых живут недалеко от своего храма. Там же, где селения прихода разбросаны на значительном пространстве, большинство прихожан посещает только одну праздничную службу – литургию.

О церковно-приходских братствах // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С. 292–293

В полтавской епархии, в ведении епархиального Св.-Макарьевского братства, имеется 40 церковно-приходских братств (в это число не входят приходские братства, находящиеся в Лубенском уезде и подчиненные Лубенскому Спасо-Преображенскому братству). Указанные приходские братства, кроме забот о приходских церквях, о церковных хорах, о школах, о братских читальнях и книжных лавочках, принимают на себя наблюдение и за поведением прихожан. С этою целью, как видно из «Полт. Е. В.», из братчиков избираются почетные в приходе и пользующиеся общим доверием лица, которые удерживают старых людей от разгула, а молодежь – от собраний накануне воскресных и праздничных дней и следят за их поведением в дни праздников. Братчики оказывают на соприхожан доброе влияние и собственным добрым поведением. Далее, братства помогают нуждающимся деньгами, хлебом, одеждою, личным трудом (устройством или поправкой изб бедняков), выдачею ссуд или без %, или с небольшими % – не больше 10%, тогда как евреям приходится платить до 30%, одно братство устроило приют для детей и озабочено устройством ткацкой мастерской, чтобы улучшить кустарные работы ткачества. В только что появившийся отчет одного из сельских братств Симбирской епархии занесено указание на заведенную этим братством небольшую аптечку, с необходимыми медикаментами, и на большую пользу, приносимую этою аптечкою.

**Маракулин Ин. Как беседуют безпоповщинские
«отче» // Миссионерское обозрение. 1901 г. № 2. С.
293–294**

На пасхальной седмице филипповцы старики-наставники объезжают, обычно, раскольнические селения и устраивают мольбы (молебны). И рады бывают несчастные наши заблудшие братья прибытию такого собора, рады как Светлому Дню. К первому дню Св. Пасхи не готовятся так, как готовятся к дню прибытия наставников-стариков. По примеру прежних лет и ныне Евланинцы (жители с. Евланина) ждали наставников в конце Пасхальной Седмицы. Но с тугой сердечной ехали старики в означенное селение. Знали они, что хотя и готовы для них белые, вкусные пироги и проч., но что прежде того попросят их доказать от Писания и то и это. Горе бедных взяло. Да и как не горевать, когда трое из лучших начетчиков начинают восставать на «древнее благочестие». Не радостно поют безпоповские старики «Христос Воскресе», будучи злой тоской удручены... Кончилась служба. Рядком по лавке уселись старички-наставники, чуб чуба больше, борода бороды шире, только на макушке головы или плешь, или выстрижено. Один из них и говорит: «а что ныне Евланинская молодежь не желает отцам-старикам и поклону отдать?!» На это начетчик А. Н. лет 50-ти заметил: «а велик ли пестер-то (ранец) на поклоны привез. Поклоны то собирать ты горазд, а спросить от писания, так вокурат и не знаешь». Зароптали старики. Начетчик И. Ф. сделав старикам поклоны, высказал, что всем православным нужно держаться Св. Писания и доказывал непобедимость Соборной Церкви и необходимость Св. Причащения.

Но такие речи не по душе пришлись наставникам старикам. Зашумели старики и бабы и особенно неграмотная тётушка Лаврушиха. Тогда начетчик Т. Ив., подойдя к столу, сказал, что беседовать Св. отцы учат со кротостью и страхом, а не с бранью, и предложил рассмотреть его выписки из патриарших книг, и если они сделаны правильно, утвердить, а если неправильно, то указать, что неправильно. Более начитанный из

стариков, почитав их не много, промолвил «читать их нельзя, надо сжечь». Прежде не их надо сжечь, сказал Т. Ив., а патриаршие книги, с которых они сделаны. Брат начетчика А. Н-ва, неграмотный, спросил высказавшегося за уничтожение выписок: а что разве из еретических книг сделаны эти выписки? И в ответ услышал: хотя не из еретических, да ведь тут всё на нас подобрано... Неграмотный спросил: а разве у нас не всё же ладно? Если не ладно, так что же не исправляете? Народ сильно зашумел; старики же встали и заявили, что пора бы пообедать. На это один из бывших тут заметил: «то-то, о пирогах же беспокоитесь». Чтобы снять с себя такое поношение старики-наставники изъявили желание разобрать высказываемое начетчиками после обеда чему многие искренно были рады. Но, пообедав основательно, старики-наставники немедленно отправились всей ватагой в следующую деревню Багыр.

Священник Иоанн Маракулин

Март

«Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» [Ин.20:21](#).

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева» [Мф.10:6](#).

«Скорбь ми есть велия по братии моей» [Рим.9:1–3](#).

**Определение Святейшего Синода от 20–22 Февраля
1901 года № 557, с посланием верным чадам
Православной Греко-российской Церкви о графе
Льве Толстом // Миссионерское обозрение 1901 г. №
3. С. 295–297**

Святейший Синод, в своём попечении о чадах Православной Церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имев суждение о графе Льве Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным, в предупреждение нарушения мира церковного, обнародовать, чрез напечатание в «Церковных Ведомостях», нижеследующее своё послание:

Божиею милостию,
Святейший Всероссийский Синод верным чадам Православной Кафолической Греко-российской Церкви
о Господе радоваться.

«Молим вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже вы научитесь, и уклонитесь от них» (Рим.16:17).

Изначала Церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть её и поколебать в существенных её основаниях, утверждающихся на вере во Христа, Сына Бога Живаго. Но все силы ада, по обетованию Господню, не могли одолеть Церкви святой, которая пребудет неодоленною во веки. И в наши дни, Божиим попущением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление

в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного живого Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из Таинств, святую Евхаристию. Всё сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствуем пред всею Церковью к утверждению правостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особливо же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из ближних его, храпящих веру, со скорбью помышляют о том, что он, на конце дней своих, остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2Тим.2:25). Молимся, милосердый Господи, не хотяй

смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный *Антоний*, Митрополит С.-Петербургский и Ладожский.

Смиренный *Феогност*, Митрополит Киевский и Галицкий.

Смиренный *Владимир*, Митрополит Московский и Коломенский.

Смиренный *Иероним*, Архиепископ Холмский и Варшавский.

Смиренный *Иаков*, Епископ Кишиневский и Хотинский.

Смиренный *Маркелл* Епископ.

Смиренный *Борис* Епископ.

Чельцов М. К вопросу об улучшении пастырско-миссионерской подготовки воспитанников духовных семинарий // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 298–309

По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: предложенный Г. Товарищем Синодального Обер-Прокурора, 21 Июня 1900 г. за № 686, журнал Учебного Комитета при Святейшем Синоде, за № 216, с мнением по возбужденному бывшим в городе Казани в 1897 г. третьим миссионерским съездом вопросу относительно мер к улучшению пастырско-миссионерской подготовки воспитанников духовных академий и семинарий. Приказали: Рассмотрев журнал Учебного Комитета с мнением по возбужденному бывшим в городе Казани в 1897 г. третьим миссионерским съездом вопросу относительно мер к улучшению пастырско-миссионерской подготовки воспитанников духовных академий и семинарий, Святейший Синод, согласно заключению Учебного Комитета, определяет: 1) предоставить Епархиальным Преосвященным обратить внимание подведомых им начальств духовных академий и семинарий на необходимость более усиленного применения практикующихся в духовных академиях и семинариях мер для привлечения воспитанников к деятельному участию в церковной жизни, каковы: а) частое проповедание слова Божия не только в храмах при духовно-учебных заведениях, но и в других городских церквах, после надлежащей подготовки к тому и при руководстве начальствующих и наставников, б) повсеместное устройство при духовно-учебных заведениях собеседований с раскольниками и сектантами и религиозно-нравственных чтений с участием в них воспитанников, и в) деятельное участие воспитанников в отправлении богослужения, в церковном чтении и пении; 2) поручить Епархиальным Преосвященным предложить, чрез подведомые им начальства, воспитанникам духовных академий и двух последних классов духовных семинарий, буде они пожелают, вести поучения и беседы в

вакационное время, с дозволения и благословения настоятеля местной приходской церкви; 3) в видах поднятия знакомства воспитанников со святоотеческими творениями, а также и в целях приготовления их к миссионерской деятельности, предписать Епархиальным Преосвященным рекомендовать наставникам всех богословских предметов в семинариях, включая и преподавателей истории и обличения раскола и сект, располагать воспитанников к чтению свято-отеческих творений, прочитывать им во время классных занятий соответственные места из сих творений и назначать им таковые для домашнего прочтения, и 4) обращая внимание на ходатайство состоявшей при третьем миссионерском съезде особой комиссии о предоставлении семинарским наставникам истории и обличения раскола и сект епархиальных средств на поездки в села и станицы для ознакомления с состоянием раскола и сект, предоставить выдачу таковых средств усмотрению епархиальной власти, но под условием, чтобы средства эти предоставлялись упомянутым наставникам лишь в том случае, когда поездки в села и станицы для ознакомления с местным расколом и сектами предпринимаются ими по поручению епархиальной власти, и чтобы поездки сих наставников предпринимались в свободное от учебных занятий время. Для должного по сему определению исполнения, послать Епархиальным Преосвященным циркулярные указы. Декабря 15 дня 1900 года № 14-й.

Вышеприведенные определения Св. Синода, по вопросу относительно мер к улучшению пастырско-миссионерской подготовки воспитанников духовных академий и семинарий, наводят на многие размышления. Св. Синод ими точно устанавливает то положение, что одного изучения науки о расколе и сектантстве и книжного ознакомления с обличением их еще не достаточно для того, чтобы быть подготовленным к практическому миссионерствованию среди заблуждающихся. К этому непреложному выводу приводит и долгий исторический опыт. На самом деле, изучение науки о расколе было введено еще в начале истекшего столетия в курс богословских наук в Рязанской духовной семинарии епископом Симоном; с

пятидесятых годов стали открываться миссионерские противораскольничьи отделения по всем академиям и семинариям; по уставу 1884 г. изучение истории и обличения раскола и сектантства введено в семинариях и академиях в качестве обязательного предмета на ряду с прочими предметами академий и семинарий, с 6-ю часовыми уроками в неделю в последних; а в истекшем 1900 году знание этого предмета было поставлено в качестве одного из критериев для определения правоспособности студентов семинарий для слушания ими высших богословских наук в СПб. духовной академии. Итак, казалось бы, о подготовке кандидатов священства для борьбы с расколо-сектантством нечего и говорить: она есть и началась не со вчерашнего дня; за нею уже многолетняя практика и долгий опыт. Но что же на самом деле? Подготовлены-ли к борьбе с расколо-сектантством выпускаемые из духовно-учебных заведений кандидаты священства? Слов нет, что эти последние в большинстве своём достаточно осведомлены в истории раскола и сект, сумеют очень часто словами, силлогизмами изобличить заблуждающихся; но как только дело коснется бесед с последними (не говорим уже про публичные беседы), эти кандидаты, а потом – молодые пастыри в один голос начинают петь заунывную песнь, что они не подготовлены к этому делу, что они не могут вести его. Тоже самое подтверждают почти единогласно и миссионеры. Получается, таким образом, какая-то странная путаница: с одной стороны наши молодые священники подготовлены к делу вразумления заблуждающихся, с другой – по их же нелицемерному признанию – нет. Подготовлены они так, как бывает подготовлен семинарист к сдаче экзамена по какой-нибудь церковной истории, философии и т. под. Если по этим предметам семинарист бывает подготовлен настолько и с тем, чтобы быть в состоянии ответить на экзамене, а затем всё позабыть на другой же день; так и по изучению расколо-сектантства семинарист бывает подготовлен лишь настолько, чтобы сдать экзамен, насколько это от него требуется семинарской ученической этикой. Что-ж после этого удивительного, если мы,

изучив в семинариях гомилетику, не почитаем себя способными к проповеданию, изучив литургику, – ни за что не отправим даже простого богослужения и, изучив расколо-сектантство, бежим от первого невежды-раскольника. – Отсюда с неизбежной необходимостью следует тот вывод, что как для того, чтобы быть Орфеем в пении, недостаточно знания нот, чтобы быть Суворовым в военном деле, недостаточно умения стрелять и маршировать, – так и для того, чтобы быть Павлом Прусским в миссионерском деле, очень недостаточно только одного семинарского изучения расколо-сектантства и при том в той обстановке, какая сопровождает это изучение. Но как и чем помочь этой неотложной нужде? Конечно, ответить на этот вопрос решительно и определенно невозможно: вопрос очень сложен и содержателен. Мы хотели бы наметить хоть только некоторые вехи к наилучшему и вернейшему разрешению его.

Прежде всего необходимо вывести нашего семинариста из той мертвенной пустыни, какую представляет собой обстановка семинарской жизни, вдохнуть «душу живу» во весь строй наших духовно-учебных заведений, Наблюдатели за семинарской жизнью не мало укажут таких семинаристов – из посредственных, но прилежных, которые и идут обычно во священники, – которые не знают жизни и людей совсем, которых кругозор не простирается дальше ограды семинарского сада и которые с людьми сталкиваются только по делам купли и по родству. И это будущие пастыри, – и так-то готовятся влиять на людей, воспитывать их работать с ними!! Что же удивительного, что они теряются при первых же жизненных неурядицах, потом опускают жезл и начинают все ниже и ниже погрязать в мелочах жизненной прозы?! Поэтому-то со вниманием на третьем миссионерском съезде были выслушаны рассуждения преосвященного председателя его, архим. Антония, а ныне епископа Уфимского, по вопросу о привлечении семинаристов к участию в протекающей около них духовной жизни. Вследствие рассуждений и миссионерских соображений этих и составлены определения Св. Синода о привлечении семинаристов к частому проповеданию Слова Божия не только в храмах при духовно-учебных заведениях, но и в других

городских церквях, – к деятельному участию их в отправлении богослужения, в церковном чтении и пении, в ведении религиозно-нравственных чтений, и о предложении им вести поучения и беседы в вакационное время с дозволения и благословения настоятеля местной приходской церкви. И это немного, но весьма существенное, в чём предоставлена семинаристу возможность проявить свою самостоятельность и духовную личность, может принести добрые плоды, если сердечно, отзывчиво отнесутся к этому делу начальствующие и учащие семинаристов. Семинарист положит доброе начало делу церковного учительства, по привычке говорить пред народом и для народа, познакомится с литературой для бесед, переживет те возвышенные движения души и сердца, которые заставляют полюбить, отдаться новому живому делу, а иной, быть может, и вникнет в душу народную, в нужды его и т. под. После этого он, как пастырь-священник, не явится уже чуждым своим прихожанам, не заговорит с ними на неведомом для них языке...

Если столь важное значение заключается в проповедях и чтениях, как средстве, сближающем семинариста с народом и приучающем его работать для последнего, то тем большее значение мы придаем другому постановлению Св. Синода о повсеместном устройстве при духовно-учебных заведениях собеседований с раскольниками и сектантами и о материальном пособии преподавателям учения о русском расколе и сектантстве, для поездок в села и станицы с целью ознакомления их с состоянием местного раскола и сектантства.

Священник из молодых и, значит, изучавших науку о расколе и сектантстве, на вопрос о причинах его удаления от собеседований, хотя бы и частных, с заблуждающимися из его прихожан, обычно и вполне резонно отвечает, что он боится этих бесед, что он не знает, как их вести, что он не опытен. Остается после этого ждать его ознакомления с ведением бесед, его опытности; но то и другое возможно только тогда, когда священник будет пытаться ознакомиться и получит опытность; сделать же это он боится. Вот и получается круг, из которого молодой священник не выходит, а в котором запутывается.

Чтобы избавить его от этого круга запутанностей, нужно только избавить его от робости перед живыми беседами с сектантами, ознакомить с беседами и хоть какой-нибудь опыт доставить ему. Сделать же это могут только миссионеры и преподаватели семинарии. Но первые имеют дело только уже со священниками; след., работа с кандидатами священства со стороны приучения их к беседам с сектантами должна всецело лежать на преподавателях семинарий по кафедре учения о расколе и сектантстве. Выполнить же по мере возможности этот долг преподаватели только тогда будут в состоянии, когда будут знакомить семинаристов не с тем только расколом, о котором говорится в руководственных книгах, но и с тем, который живет и действует в той или другой местности и предъявляет к православным те или другие свои запросы религиозные и отстаивает свои верования. Другими словами – семинаристы последних двух классов, на ряду с изучением ими теоретически расколо-сектантства, должны и практически познакомиться хотя с некоторыми из местных раскольников и сектантов, присутствовать на частных или публичных беседах с ними и, если возможно, побывать в их моленных. Чем чаще и непосредственнее будут эти столкновения и ознакомления у семинаристов, тем больше они сойдутся с раскольниками и сектантами, лучше узнают их и не только не будут бояться их, но будут искать случаев побеседовать с ними. После этого они не будут почитать себя неподготовленными и как пастыри приходские к борьбе с заблуждающимся; а привычка беседовать с ними будет побуждать их, как уж потом священников, искать бесед со своими сектантами. Говорим это по опыту. Напомним и то, что и в семинарии интересующимися изучением расколо-сектантства являются всегда те из воспитанников, которые до семинарии помимо её имели случаи сталкиваться с раскольниками или с сектантами. Это не с убедительностью-ли свидетельствует, что та заинтересованность расколо-сектантством, которая может быть внедрена в семинаристов путем практического ознакомления их с расколо-сектантством, есть наилучшее средство выпускать из семинарии

действительно подготовленных к пастырско-миссионерской деятельности кандидатов священства?!

Но, скажут, как быть, когда в городе нет ни раскольников, ни сектантов? Сектанты, действительно, хотя и живут в городах, но на публичные беседы по большей части не являются. А раскольников хотя и нет в некоторых городах в таком количестве, чтобы для них вести публичные беседы; но почти всюду найдется столько из них, чтобы можно было с ними вести частные хотя бы разговоры и чрез то хотя отчасти знакомить семинаристов с раскольниками. В некоторых семинариях, вместо собеседований с раскольниками, устраиваются практические собеседования семинаристов между собой, при чем одна часть из них высказывает возражения раскольников, другая – ведет защиту православия. Нет слов, что и эти собеседования полезны для семинаристов: они познакомят их хотя с некоторыми правилами бесед и научат их держаться единства предмета беседы. Но только от руководителя этими беседами – преподавателя требуется много такту и искусства, чтобы держать семинаристов в кругу раскольнических возражений и не давать им увлекаться общими или умозрительными рассуждениями. На наш же взгляд гораздо полезнее было бы, если бы в таких семинариях, где в городах нет раскольников, в конце года – после Пасхи или до неё – вызывались бы из сел один или два из бывших раскольников или сектантов, и им предоставлялось бы провести, выставя сектантские возражения, с семинаристами бесед хотя бы пять. Такие вызовы потребовали бы от семинарского или епархиального начальства некоторых расходов; но эти так, конечно, должны быть незначительны, что едва ли они могут быть препятствием для дела. – Известна нам и такая семинария, где преподаватель возил с собою по несколько человек семинаристов в недалекие от губернского города деревушки на беседы с раскольниками. Это опять весьма хорошее и полезное дело. Затруднения для введения в более распространенную практику этого обычая могут встретиться, как и встречались иногда у того преподавателя, не в денежных расходах, а со стороны начальства семинарского и

преподавателей. Первому трудно было выпустить из-под своей опеки несколько человек, а вторым – на следующий за беседой день на уроках приходилось иногда выслушивать неудовлетворительные ответы из их предметов. Но эти затруднения покоятся на личных отношениях и чрез личные же сношения могут быть улаживаемы.

Итак, несколько средств к тому, чтобы знакомить семинаристов с живым делом собеседования с заблуждающимися. Те или другие из этих средств, а необходимо должны практиковаться. Иначе получается такой абсурд, который может еще оставаться только в наших семинариях. Как-же? мы имеем целью подготовить священников-борцов против заблуждающихся людей, и – этих-то им не показываем, с этими-то их не знакомим, а представляем им одни лишь мертвые книги!? Мы хотим, чтобы священники были подготовлены к практическому делу, а знакомим их лишь с одной его теоретической стороной, не показывая им самого дела!!

Наконец, практическое ознакомление с местным расколом и сектантством существенно необходимо для самих преподавателей: чтобы изучить известное явление, нужно самому лично ознакомиться с ним. Ни один преподаватель медицины не преподаёт той или другой медицинской науки, не обследовавши и не ознакомившись лично сам с тем или другим родом болезней. А среди наших преподавателей найдутся и такие, которые совершенно не видали ни одного раскольника. Откуда же они могут знать о местном расколе?! Раскольники и сектанты известной местности очень нередко далеко не походят на тех, о которых говорят нам наши учебные руководства; а возражения против православной Церкви и оправдания самих себя в каждой местности у сектантов и раскольников свои собственные – или по самому своему содержанию, или по их постановке. Поэтому часто, изучая расколо-сектантство с семинаристами только по книгам, преподаватель не учит-ли их сражаться с мельницами? Нам хорошо известна одна семинария, где преподаватель усердно изучает обличение раскола со стороны тех его возражений, которые помечены в

книге профессора Ивановского, но которые совершенно не слышатся от местных раскольников. Что же получается? А то, что «подготовленный» – священник опять-таки оказывается не готовым к миссии. «Я не слыхивал этих возражений, которые здесь от раскольников слышатся; нам в семинарии о них ничего не говорили» – часто говорит такой священник. – Такое, необходимое для него, практическое знакомство с расколосектантством преподаватель получит тогда только, когда будет в свободное от своих учебных занятий время ездить на беседы в села и деревни. Теперь, по приведенному выше Синодальному распоряжению, и материально его поездки должны быть обеспечиваемы из епархиальных средств.

Самое же лучшее и для пастырско-миссионерской подготовки семинаристов, и для дела миссии вообще, если бы преподаватели семинарий по учению о расколе и сектах в то же время или состояли бы епархиальными миссионерами, или заведовали бы какою-нибудь только частью этой миссии. Ведь примеры этому были и есть. Редактор нашего журнала, состоя преподавателем киевской семинарии, несколько лет исполнял обязанности городского и епархиального миссионера. Теперешний Оренбургский миссионер М. Головкин немало времени исправлял обязанности миссионера, будучи преподавателем семинарии; бывший преподаватель Тульской семинарии – А. Бриллиантов был в то же время и епархиальным миссионером; преподаватель Орловской семинарии – А. Георгиевский состоит и теперь противосектантским миссионером; преподаватель Томской семинарии И. Новиков руководит всем делом миссии в епархии; преподаватель Курской семинарии – Вознесенский миссионерствует в известном определенном округе. Мы перечислили не все случаи, а привели только примеры совмещения обязанностей преподавателя и миссионера. Насколько удобно такое совмещение, об этом весьма желательно было бы слышать голос от самих совместителей этих должностей; но что трудно, – то это правда. Только эта беда не большой руки: следует лишь освободить преподавателя от побочных, возложенных на него, обязанностей. Таковую,

несправедливо на нём тяготеющей, обязанностью является обязанность заведовать фундаментальной и учебной семинарской библиотеками. Далее – не имеет смысла требовать от семинаристов писания сочинений по истории и обличению раскола старообрядства: для дела миссии эти сочинения пользы никакой не приносят, а для развития у семинаристов писательских талантов темы по истории и обличению раскола не представляют ничего особого, сравнительно с темами из других предметов, и поэтому вполне могут быть заменены последними. Далее – совершенно необеспеченный, сравнительно с сослуживцами, преподаватель по учению о расколе бегаёт за уроками по другим учебным заведениям. Избавьте его от этих тягостей и, обеспечив его материально, поставьте ближе к делу миссии, – и большинство из преподавателей с большей охотой возьмётся за миссионерствование.

Близкое, непосредственное отношение преподавателя к местной миссии невольно обратит его внимание на историю епархиального раскола и сектантства и побудит заняться изучением его. Изучив же его сам, преподаватель, конечно, познакомит с ним и учеников. А ознакомление с местным расколом может быть одним из побуждений для семинариста заняться в вакационное время или по выходе из семинарии самостоятельным изучением его; да и помимо этого, само по себе теоретическое ознакомление с историей местного явления или события важно и необходимо для всякого призываемого иметь дело с ним. Теперь же преподаватели семинарий, за немногими исключениями, не зная сами истории местного раскола, не интересуют ею и воспитанников своих. Этому много содействует и то обстоятельство, что немногие преподаватели по истории и обличению раскола долго остаются на этих должностях; необеспеченность, трудности заведования библиотеками, сознание большей сравнительно с другими преподавателями нравственной ответственности – заставляют их бежать с этого предмета на другие. А если прибавим к этому то еще, что на эту должность назначаются большею частью люди не из местных уроженцев и с обычными поверхностными

познаниями в области науки о расколе, то не будет для нас ничего непонятного в том, что целые выпуски семинаристов не выносят с уроков никаких сведений о местном расколе и сектантстве.

Не может не принести большой пользы делу пастырско-миссионерской подготовки семинаристов и предоставление преподавателям права более свободного и самостоятельного их отношения к требованиям семинарской программы по истории и обличению раскола и к содержащемуся в пособиях и руководствах материалу. Зачем, спрашивается, изучать подробно историю и обличение поповщины, где в епархии только безпоповщина, и наоборот? Зачем подробно изучать науку о расколе вообще в тех епархиях, где раскольники имеются в незначительном количестве и где бурлит сильно сектантское движение? А по нашим программам и учебным книгам от преподавателя и в этих последних епархиях требуется изучение науки о расколе и сообщение только немногого о сектантстве. Или еще: программа требует подробного ознакомления учеников с источниками, откуда могут быть почерпаемы доказательства против раскольников, с сочинениями раскольнических писателей и полемических против них писателей. Всё это в книжке о. Плотникова занимает до 50 страниц самого сухого, очень трудного для заучивания и скоро улетающего из памяти материала. Поэтому в некоторых семинариях вполне умно и справедливо поступали, когда всю эту, убивающую ученика, сушь выпускали. Бесполезность её засвидетельствовали и собравшиеся в количестве 35 преподаватели на Казанском миссионерском съезде. – Некоторую самостоятельность в обращении с учебным материалом предоставляла преподавателям и объяснительная записка к программе, рекомендовавшая преподавателям подробнее знакомит учеников с теми сектами и толками, которые существуют в епархии и, след., дававшая им право кратко говорить о тех толках, которых в епархии нет. Но вот в 1900 г. на приемных экзаменах в С.-Петербургскую духовную академию по предмету науки о расколе потребовано было от поступающих студентов знание их в объеме всей

программы, и естественно, что многие из них не могли давать ответов на многие вопросы, за непрохождением в семинариях или за самым кратким прохождением тех или других отделов программы. И что же? В ответе окажутся, как виновные, опять-таки преподаватели; им поставят в вину и ту долю самостоятельности, которую им предоставляла объяснительная записка и которая по существу совершенно необходима для пользы дела – для пастырско-миссионерской подготовки кандидатов священства. И вот, предвидя беду, некоторые из них не знают, что и делать: забивать-ли головы учеников ненужными, бесполезными материалами и быть «исправными», или продолжать дело по-прежнему на разумных началах пользы от него и ждать замечаний в неисправности откуда-нибудь из другой академии на другой год. Нет, не ответы на экзаменах в академиях, а пастырско-миссионерскую подготовку семинаристов должно преследовать преподавание науки о расколе; а поэтому преподавателям должна быть предоставлена необходимая для пользы дела самостоятельность в их отношениях к требованию семинарской программы по предмету науки о расколе.

Многое и еще можно бы сказать по настоящему вопросу! Но целью данной статьи было высказаться по поводу новых определений Св. Синода, а не трактовать о постановке преподавания науки о расколе в духовных семинариях.

Итак, какие же общие выводы из всего сказанного? Следующие: необходимо семинаристов последних классов сблизить с народом, с его жизнью и нуждами духовными; необходимо познакомить их с живым расколом, беседами практическими приучить их к разговорам о вере с невежественной массой и на уроках обличения раскола сообщать то, чем действительно живет духовно местный раскол; а для этого необходимо и преподавателю семинарии быть близко знакому с местным расколом и пользоваться известной свободой в деле преподавания.

М. Чельцов

**Потехин С. Нравственно-христианская точка зрения
на сектантство и на отпадения от Церкви //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 310–321

В Св. Писании есть несколько образов, наглядно уясняющих сущность и происхождение той нравственной силы, которая отличает христиан от последователей других религий: иудеев, магометан и язычников. Это священные образы виноградной Лозы с её ветвями, Тела Христова с Его членами, мужа и жены с их супружескою жизнью. Первый образ дал нам Сам Господь наш Иисус Христос. «Аз есмь виноградная Лоза, говорил Он в Своей предсмертной беседе с учениками, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает, и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... Пребудьте во мне и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы – ветви; кто пребывает во Мне и Я в нём, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Ин.15:1–6). Из этих слов Спасителя ясно, что сущность нравственной силы христианской состоит в самом тесном единении христиан с Господом Иисусом Христом. Это единение должно простираться и собою обнимать всё, что представляется делом веры и делом нравственности христианской, что относится ко Христу и исходит от Него. Вся вера и вся нравственность христианская должны быть в самом тесном органическом союзе и единении с Христом, подобном тесному органическому единению ветвей с их виноградною лозою. Только такое единение веры и нравственности со Христом, только такое пребывание во Христе может принести плод и даже «много плода», а наоборот, отрешение веры и нравственности христианской от Христа, подобное отсечению ветвей от своей лозы, является для христиан причиною их полного нравственного бесплодия и грозит участью нравственной смерти и всепоглощающего огня.

Это отрешение христиан от Христа, как ветвей от их лозы, происходит двояким образом. С одной стороны его производит Сам Виноградарь – Бог, когда видимо и невидимо Он отсекает от Христа всех тех, кто безнадежен для царства Божия, кто, называясь христианином, не имеет ни веры, ни духа Христова и совершенно не способен для христианской жизни. С другой стороны, это отрешение от Христа производят сами люди, когда они, оставаясь, по-видимому, христианами, отделяют свою нравственность и свою веру от Христа, когда они самовольно отрешают свою христианскую жизнь от жизни Христовой и самостоятельно, своим собственным путем и своими собственными силами ищут спасения. Такие люди получают название сектантов от латинского слова: *сесо*, что означает: отделяю, отрешаю.

Но что дает нам право и основание думать, что сектанты действительно отделяют себя от Христа и, называясь христианами и даже, по любимому сектантскому выражению, искренно «желая быть со Христом», на самом деле содержат веру и проводят жизнь свою вне тесного единения с Ним, а следовательно и утрачивают происходящую от этого единения нравственную силу христианскую? Почему мы можем думать, что сектанты только мыслимо, а не в действительности принадлежат Христу и пребывают во Христе? На это отвечает и этому нас учит второй образ единения христиан со Христом, находящийся в учении св. апостола Павла. Это образ Церкви, как Тела Христова, у которого членами являются состоящие в Церкви христиане, а главой – Сам Господь Иисус Христос. Нельзя быть во Христе, не будучи членом этого Тела Его, и где бы ни жил христианин, когда бы он ни жил, он всею своею жизнью должен принадлежать к Церкви, как Телу Христову. «Мы многие, учит нас св. апостол Павел, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены (Рим.12:5)». «Тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело. Тело же не из одного члена, но из многих... И вы Тело Христово, а порознь члены (1Кор.12:12, 14, 27)». Чтобы принадлежать к этому Телу Христову, необходимо содержать действительную веру и нравственное

учение Христово, необходимо принять в руководство и основу своей христианской жизни всё, что действительно относится ко Христу и что исходит от Него, необходимо принять и сохранить единую веру Христову, Его учение, благодать освящающих нас Его таинств и Им поставленное пастырское священноначалие, необходимо, одним словом, принадлежать к единой, святой, соборной и апостольской Церкви, которая, по учению апостола, одна лишь на земле и на небе является тем Телом Христовым, у которого глава Христос, а члены христиане. «Бог всё покорил под ноги Христа, говорит св. апостол, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего всё во всём (Еф.1:22, 23)». «Господь Глава Церкви, и Он же Спаситель тела, а мы члены Тела Его от Плоти Его и от костей Его (Еф.5:22, 30)». Церковь это не мыслимое только, а живое, действительное единение христиан со Христом в Его вере, учении, таинствах и священноначалии. Вот почему сектанты, хотя и желают быть со Христом и во Христе, но, отступая от Церкви, как Тела Христова, отрешают свою христианскую веру и жизнь от Христа, отступают и отделяются от Христа, как ветви от своей лозы. И как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и христиане не могут приносить плода, если не будут в Церкви, которая есть Тело Христово. Сектанты, отделяющиеся от Церкви, и являются, поэтому, этими мертвыми, бесплодными ветвями, не имеющими жизни Христовой христианами.

Св. апостол Павел не оставляет в этом для нас никакого сомнения. Только Церковь в своей вере, учении, таинствах и священноначалии представляет собою Христа на земле, только Церковь есть, по словам апостола, «полнота Христа, наполняющего всё во всём (Еф.1:23)», т. е. только Церковь и только она одна есть вполне достаточный для всех в мире и во всех отношениях источник присущей Христу Божественной силы. Эта проявляемая в Церкви полнота Христа, или действующая в Церкви Его Божественная сила, уже сама по себе достаточна, как источник нравственной христианской жизни, для членов Церкви, но св. апостол, в объяснение значения церковного единения со Христом в нравственном

отношении, указывает еще на существующие в Церкви «взаимно скрепляющие связи», т. е. догматы, правила и уставы церковные, и на «действие в свою меру каждого члена», т. е. на определенное положение и действие каждого члена Церкви, как на условие нравственного христианского преуспевания. «Из Главы Христа, говорит св. апостол, всё тело, т. е. вся Церковь, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви (Еф.4:16)». И мысль о том, что только Церковь находится в тесном и живом союзе со Христом, с одной стороны, и что только Церкви Христос отдает Свою Божественную силу, с другой, была для св. апостола настолько ясна и несомненна, что он пользуется этим живым и благодатным исключительно для Церкви союзом Христа с Нею, как Главы со Своим Телом, чтобы дать наставление для мужей и жен в их супружеской жизни. «Муж есть глава жены, учит нас св. апостол, – как и Христос Глава Церкви. Мужие, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё, чтобы освятить её, очистив банею водною посредством слова, чтобы представить её славною Церковью, не имеющею пятна или порока или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна... Любящий свою жену любит самого себя, ибо никто не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как и Господь Церковь, потому что мы члены Тела Его, от плоти Его и от костей Его (Еф.5:23, 30)».

Эти священные образы союза Христа и Церкви решительно отвечают на вопрос, почему только члены Церкви Христовой имеют единение и пребывание во Христе, и почему сектанты только мыслимо, а не в действительности принадлежат к Христу. Только между мужем и женой действителен, свят и благодатен супружеский союз, только в жизненном, органическом союзе членов тела со своим главою – условие их жизни и деятельности только в тесном единении и пребывании ветвей на их виноградной лозе – источник их крепости и многоплодности. Но нарушьте союз мужа и жены, – и взаимной любви, взаимных забот как и не бывало; отнимите член от

своего тела, он потеряет жизнь, станет гнить и обратится в прах; оторвите ветвь от её лозы, она поблекнет и засохнет. «А такие ветви, по слову Спасителя, собирают и бросают в огонь и они сгорают». Так и с сектантством. Пусть упадет христианин от Церкви, от её веры, учения, таинств и священноначалия, он упадет, как член, от Тела Христова, отрешится от жизни Христа на земле, утратит Божественную силу Христа, станет безжизненным трупом для царства Христова, прелюбодейною женою для Мужа – Христа, засохнувшей ветвью на её Божественной Лозе. Вне Церкви нет спасения, говорили великие ревнители веры Христовой: нет его и для сектантов!

Тяжко сие слово! Жестокостью и суровостью, как будто нехристианским чувством дышит оно, и сердце даже верных сынов Церкви Христовой сжимается от того могильного холода, который веет от этого приговора над отступниками от Церкви. Так некогда ученики Христа, выслушав и не уразумев учение Его о том, что «если кто не будет есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будет иметь в себе жизни вечной», смутились и в недоумении и страхе говорили: «жестокое слово сие и кто может его послушати (Ин.6:60)?» Многие из учеников Христа ушли тогда от Него, но мы в своём смущении и недоумении последуем дальше за Словом Божиим и в нём найдем для себя и разумение, и успокоение, и утверждение.

Что представляет сектантство в отношении к делу Господа Иисуса Христа на земле? Создать Церковь и собрать всех в неё единую, соединить всех во едино с Собою и Богом Отцом было величайшею и самою последнею целью служения Господа Иисуса Христа роду человеческому. Этому единству Он учил, это единство Он заповедал людям, о противлении этому единству Он скорбел, об осуществлении этого единства Он молился! «Да будут вси едино», взывал Он ко Отцу Своему тогда, когда уже «дело соверших» (Ин.17:4), «как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Да будут едино, как Мы едино (Ин.17:21)». Что же представляет собою сектантство, отделяющее христиан от этого, осуществляемого в Церкви Христовой единства, как не противление воле Божией, как не нарушение заповеди Христовой, как не разрушение дела

Христовая? И что может значить здесь вся вера сектантов при этом противлении Христу и разрушении дела Его?! «И бесы веруют и трепещут», по слову апостола (Иак.3:10), и однако эти «силы адовы» стараются разрушить Церковь Христову, по слову Спасителя (Мф.16:18). Что могут значить здесь все молитвы сектантов ко Христу, всё их благочестие и религиозность при этом неисполнении заповеди Христовой?! «Что вы зовете: Господи, Господи», – говорил Господь иудеям, которых Он захотел собрать во едино, «как птица собирает птенцов своих, и они не захотели (Мф.23:37)», – «а не делаете того, что Я говорю вам (Лк.6:46)». Сектантство сознательное, произвольное и упорное есть величайший грех против искупления, против Бога и Христа Его, против братства во Христе всех христиан. Сила и глубина этого греха таковы, что апостол Павел в церковной практике своего времени даже не находил возможным принимать отпадших обратно в Церковь. «Невозможно, писал он в послании к евреям, однажды просвещенных и вкусивших дара небесного и соделавшихся причастниками Духа Святого и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают Сына Божия и ругаются Ему... Если отвергшиеся закона Моисеева при двух или трех свидетелях без милосердия наказывались смертью, то сколь тяжчайшему наказанию, думаете, повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь Завета и Духа благодати оскорбляет?... Страшно впасть в руки Бога живаго», заключает речь свою св. апостол (Евр.6:46, 28–31). За страшным грехом сектантства, как его неизбежная участь и следствие, является его наказание. Всякий грех уже в самом себе есть разложение нравственной природы человека, есть её полное или частичное падение, есть притупление духовных способностей, утрата нравственных природных сил человека. Тоже самое представляет собою и несет в себе грех сектантства. Отпадение от Церкви Христовой отдельных членов Её и целых обществ сопровождается падением воссозданной Христом в Церкви природы человеческой, разложением нравственной христианской жизни, утратою благодатных сил и способностей к

жизни по Христу и во Христе. Еще задолго до страшного суда Божия, в которой можно только верить, сектантство само себя наказывает тем, очевидным для всех наказанием, которое проявляется утратою христианских сил и способностей, нравственным бессилием и бесплодием, религиозным неверием и безумием. От дней апостольских и доныне отпадение отдельных членов и целых обществ от Церкви Христовой постоянно повторяется. Постоянно слышится призыв сектантский оставить Церковь Христову и пойти ко Христу другим путем, путем веры рационалистической, основанной на разуме, или веры мистической, состоящей в одном лишь внутреннем, без внешнего проявления, чувстве. Постоянно бесчисленные и самые различные секты зовут и указывают; «вот здесь Христос, вот там Христос; вот Он в пустыни, вот Он в потаенных комнатах», как об этом предсказывал Единый и Истинный Христос, создавший Церковь Свою и запретивший верить этим призывам лжехристов и лжепророков (Мф.24:26; Мк.13:21–23). Постоянное отпадение от Церкви и следующее за этим сектантское христианство оканчиваются полным извращением христианской веры и полным отрешением от Единого и Истинного Христа. Возьмите все существовавшие в истории Церкви Христовой секты от рационалистов и мистиков апостольского времени, всех этих гностиков, николаитов, докетов, антиномистов и проч., включите в это число бесчисленные протестантские секты: анабаптизм, методизм, квакерство, шведенборгианство и проч., закончите этот обзор всеми русскими сектами: безпоповщиной, скопчеством, хлыстовством, духовоборчеством, штундизмом, и вы увидите, что эти секты являются извращением самой сущности христианства не только в его догматической, вероучительной стороне, но и в нравственной. Беспристрастный суд истории произнес уже свой приговор над исчезнувшими с лица земли сектами прошлого; он произнесет его и над сектами настоящего времени. Несомненный исторический факт, что рационалистическое сектантство всегда оканчивается неверием во Христа, как Богочеловека, и проповедники этого рационалистического сектантства являются проповедниками неверия во Христа, а

сектантство мистическое всегда оканчивалось отрицанием самого дела искупления, совершенного Иисусом Христом «при Понтийском Пилате», т. е. в исторически определенное время, и представители этого мистического христианства постоянно отождествляют себя с Лицом Бога и Христа Его и нравственность христианскую низводят до извращения естества. Наше южнорусское сектантство, в частности штундизм, киевской губернии, носит в себе эти признаки нравственного вырождения и извращения христианства. В то время как часть штундистов занята отстаиванием своих прав на пропаганду, стараясь отождествить себя с немецкою сектою баптистов, другая часть, штундисты уманского уезда, впали в полный рационализм и неверие в Бога и Господа Иисуса Христа и св. Духа, как Ипостасных Лиц Божества, третья часть, многочисленные штундисты Васильковского и Сквирского уездов, впали в хлыстовство, воплотив Бога и Господа Иисуса Христа в личность тарашанского мещанина Кондрата Малеванного и дойдя до противоестественных радений. Так штундизм, начав проповедь о духовном, разумном христианстве, по слову апостола, впал в бессмысленность и оканчивает плотью (Ин.3:3)!

Но отчего это происходит? В чём найти объяснение тому, что сектантство низвращает христианскую веру и нравственность и оканчивает или религиозным неверием, или религиозным безумием? Почему сектанты, выставляя на своём знамени имя Христово и, как можно предполагать, имея в начале веру в Бога и Господа Иисуса Христа, утрачивают силу Христову, становясь нравственно бессильными, бесплодными, нравственно мертвыми? Отчего грех отпадения от Церкви оканчивается нравственной смертью?

Чтобы уразуметь это печальное следствие сектантства, нужно вникнуть в те внутренние мотивы или побуждения, по которым христиане отпадают от Церкви Христовой. Но «кто весть от человек, яже в человецех, говорит св. апостол Павел, точию дух, живущий в нём (1Кор.2:11)?» Мы, поэтому, для выяснения внутренних мотивов сектантства, не будем заглядывать в душу сектанта, не будем обнаруживать и

раскрывать все язвы его, все эти самолюбивые, честолюбивые и корыстолюбивые стремления, которые на протяжении всей истории Церкви порождали сектантство, не будем входить в атмосферу и современного нам сектантства и раскрывать лично нами изученную ту психологию хитрости, лжи и лицемерия, которыми русское сектантство порождено и держится. В разъяснении мотивов отпадения от Церкви мы будем держаться указаний св. апостолов, еще при жизни которых уже были первообразы всех ересей, сект и расколов. Св. апостолы указывают, что побуждением к отделению от Церкви прежде всего являются личные, эгоистические стремления, низменные плотские похоти и вожделения. Корысть духовная и телесная – вот что отделяет людей от Церкви. Об этом св. апостол Иуда, брат Господень, так и говорит: «В последнее время появятся ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям. Это люди, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие духа (Иуд.1:18–19)». Точно так смотрит на сектантство и св. апостол Иаков. «Откуда у вас вражды и распри, – спрашивает он у склонных к разделению христиан своего времени, – не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших (Иак.4:1)?» Тоже самое говорит и св. апостол Павел. «Умоляю вас, братие, пишет он к римской Церкви, где появились сектанты, остерегайтесь производящих разделения и соблазны вопреки тому учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них. Ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, но своему чреву и ласкательством и обольщением обольщают, сердца простодушных. Ваша же покорность вере всем известна (Рим.16:17–19)». Апостол особенно отмечает гордость и высокомерие, не соглашающиеся с этою «покорностью вере» и порождающие сектантство. «Будьте единомысленны между собою, увещевал он римских христиан, не высокоумствуйте, но последуйте смиренным (Рим.12:16)».

Но мы допускаем возможность и других, не столь низменных и не столь эгоистических, грубо-корыстных мотивов. Были и есть сектанты, которые отделились от Церкви в чаянии иной, высшей и лучшей жизни, чем та, которою они жили, пока

находились в Церкви Христовой. Не всё в Церкви Христовой, далее, легко и доступно для ума, не всё легко и приятно для сердца. От христиан в Церкви требуется подвиг веры, смирение помыслов ума, отречение от желаний сердца. Много есть в Церкви, наконец, соблазнов и опасностей от лжебратий, и всё это требуется в Церкви покрыть верою и любовью. И не мирятся с этим незрелый ум, слабое сердце и склонная к соблазну воля, душа нетвердая в своей верности Церкви Христовой, и христианин, в каком-то чувстве страха впасть в ошибку и соблазны и погрешить против Христа, отделяется от Церкви, замыкается в себе или идет туда, где ему покажут Христа соблазнитель его. В этом сектантстве нет злостности, нет осмысленного и упорного противления истине и правде, но нет и христианского величия веры и любви. Таких сектантов порождают недомыслие, слабоумие, недоумение, нравственная дряблость и боязливость, которые, как и плотские вожделения, как и духовная гордость, приводят, всё же, к расстройству дела Христова, к разрушению Церкви Христовой, к извращению самого христианства. Слабости души, как и низкие, темные её силы, не могут принести добра для дела Христова.

Здесь является целый ряд вопросов, которые невольно возникают при рассмотрении мотивов сектантства. Можно спросить, как же быть в том случае, когда среди членов Церкви Христовой возникает разногласие и несогласие в воззрениях на требования Церкви, или когда в одних членах Церкви Христовой появляются такие пороки и недостатки, которые служат преткновением и соблазном для других, чистых членов Церкви? Не могут ли эти несогласия и разногласия в воззрениях и эти пороки и недостатки нравственные служить благословным мотивом к отделению от Церкви? Слово Божие на это отвечает отрицательно, и св. апостолы учат нас, что истина единства Церкви, как единого и живого Тела Христова, должна быть выше частных разногласий и разномыслий и частных пороков и недостатков. Когда, напр., в насажденной апостолом Павлом коринфской Церкви образовались религиозные партии, и каждая из них ставила себя под знамя одного какого-либо из апостолов, так что дело могло окончиться расколом, апостол Павел строго

осудил это разделение, указав на то, что оно грозит извращением самой христианской веры, грозит отпадением от Христа и заменой Христа другим лицом. «Умоляю вас братие, именем Господа Нашего Иисуса Христа, писал он в Коринф по этому поводу, чтобы вы говорили одно, и чтобы не было между вами разделений, но чтобы вы были соединены в одном духе и в одних мыслях. Я понимаю то, что у вас говорят: я Павлов, я Аполоссов, я Кифин, а я Христов. Разве разделился Христос, разве Павел распялся за вас, или во имя Павла вы крестились (1Кор.1:10–13)?» Не к отделению от церкви, а к возможному единомыслию должно быть приводимо разногласие по предметам христианской веры. Равным образом, апостол не видит оснований, а наоборот, указывает всю неосновательность и гибельность отделения от Церкви из-за того, что в ней есть нравственно больные, порочные и слабые члены. «Не может глаз сказать руке, пишет он к Коринфянам, ты мне не надобна, или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенных большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены. И вы тело Христово, заключает апостол речь свою, а порознь члены (1Кор.12:21–27)».

С. Потехин

Шарапов С.Ф. Где правда? // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 322–336

Недавно я получил письмо от одного из священников нашего Юга, молодого еще человека, с большим образованием и жгучими душевными запросами. Меня это письмо глубоко поразило. Он пришел к мысли уходить из Церкви к старообрядцам.

Вот относящиеся сюда строки из его письма:

«...До того все мы заплесневели, одичали и во всём уподобились нашим пасомым, темным и заброшенным, крестьянам. Мечтаем о наградах, набедренниках, скуфьях, медалях, орденах, прибавках жалования, о выходе дьякона. Жалуемся на учительниц, тяготимся законоучительством в школах и измышляем новые статьи доходов. Всё это крайне печально и заставляет людей впечатлительных мучиться и болеть за судьбы православия вообще и нашей русской церковной жизни в частности. Сергей Федорович, Вы надеюсь, поймете меня. Не удивляйтесь пожалуйста, если я вас спрошу, могу ли я перейти в старообрядчество? Если это можно, укажите мне то лицо, к кому бы я мог обратиться по этому вопросу. Вы живете в Москве; там, кажется, центр старообрядчества. Вы, наверно, знаете многих. Посоветуйте мне по-братски, откровенно. Я слишком измучился, служа не Церкви, а «ведомству православного исповедания». Я хотел было совсем сложить духовное звание и идти в университет, но подожду еще. Хочется попробовать послужить в ином мире, отличном от «православного» и представляющем более надежные устои церковной жизни. Ведь о. Люцернов когда-то нашел успокоение именно в старообрядчестве»...

На это письмо я счел долгом совести ответить нижеследующими строками, которые – в виду необходимости выяснить вполне и окончательно мои отношения к старообрядцам, отношения, подвергавшиеся стольким кривотолкованиям и даже вызвавшие отлучение меня от

славянофильства со стороны преосвященного Антония бывшего Чебоксарского, ныне Уфимского – решаюсь предать гласности.

Да не посетуют на меня мои добрые друзья в старообрядческом мире. Я остаюсь верен моим воззрениям, высказанным еще в 1888 году на страницах «Русского Дела». Но я не хочу, чтобы моя искренняя и горячая защита старообрядцев и моя к ним искренняя любовь, как к цельным и коренным русским людям, возбуждала недоразумения и смущала слабые совести. Да и любовь, если она бескорыстна и искренна, не налагает ли повелительно обязанность высказать всю правду своего убеждения?

Вот это письмо:

Уважаемый о. ХХ!

Я вполне понимаю, что при Вашем душевном настроении, сложившемся на почве вопиющего противоречия между православными идеалами и нашей действительностью, можно было прийти даже к Вашей несчастной и грешной мысли о переходе в старообрядчество, и потому не смею Вас осуждать. Но так как вы спрашиваете моего совета, то позволю себе быть откровенным.

Если бы я мог подозревать в Вас только желание лучшего материального положения, желание «сделать карьеру», как её сделали многие священники, ушедши к раскольникам-беглопоповцам, я не стал бы Вам и отвечать. Что-же? В наши дни православному священнику можно без всякого риска и неприятности перейти в «тайную унию», т. е. довольно дорого себя продать заправилам беглопоповства. Здесь, не смотря на все выгоды сделки, к чести нашего духовенства спрос, по-видимому, сильно превышает предложение, так как в Нижнем «перемазанном» попам платят еще жирные куши...

Но у Вас очевидно не те мотивы, и тянет Вас не сюда. Под «старообрядцами» я должен разумею приемлющих священство австрийского поставления и, конечно, окружников? Увы! Как ни велики мои симпатии к этим истинно доблестным, истинно-церковным и истинно-русским людям, я не могу признать их стоящими на истинном пути, не могу их общину принять за то, за что они её принимают, т. е. за «единую, святую, соборную и

апостольскую Церковь». Если бы я мог прийти до такого признания, неужели Вы думаете, что я сам одну минуту поколебался бы к ним перейти?

Но в том-то и дело, что, если я не называю вместе с нашими оо. миссионерами и господами Субботинскими старообрядческую церковь «самочинным скопищем», а между старообрядцами имею много искренних друзей и сам им глубоко симпатизирую, – то все-таки церковной их правоты признать не могу, благодатность их иерархии, происшедшей от Амвросия, для меня более, чем под сомнением, нетерпимость их и узость мне прямо претят. Я не могу согласиться и никогда не соглашусь с тем положением, что они – истинная Христова Церковь, а мы ушедшие из неё раскольники.

Двух православных церквей нет, церковь одна. Это признаем мы, признают и они. Но они эту Церковь отождествляют со своей протестующей общиной, мы разумеем здесь весь греко-восточный православный мир. Кто-нибудь из нас прав, и я думаю, что правы мы, как бы ни погрязли мы в грехах и какими-бы нестроениями ни была смущена наша церковная жизнь.

Я отдаю полную справедливость ревности к вере старообрядцев, их твердости в защите церковной старины, их благочестию и быту, насквозь проникнутому началами истинно русской общинности. Более того, я признаю, что сейчас они более, чем мы, хранят в себе тот здоровый исторический и народный русский корень, от которого в будущем пойдет новое дерево русской общественной жизни. Посреди всеобщего разложения церковного, гражданского и бытового, эти несколько миллионов русских людей держатся твердо, недоступные никаким соблазнам (отдельных единиц не считаю), хранят русские предания, даже истинную церковность в её внешнем проявлении, в её древнем богослужении, обрядах, традициях, связывающих непосредственно какую-нибудь Громовскую молельню с Успенским собором первых патриархов. Между их епископами и священниками, из которых я многих знаю, есть люди истинно-огромной нравственной величины и духовного подвига.

Всё это так, но всё же на нашем православном епископе, часто плохом, недостойном и слабым, лежит благодать апостольского преемства, а на их, может быть, чудо-доблестном и лично праведном иерархе я этой благодати признать не решаюсь.

Почему? потому-ли, что Амвросий посвятил их первых архиереев в нарушение канонов? Нет, о канонических нарушениях не нам говорить. Потому ли, что мне дорого современное устройство русской церкви? Нет, недостатки и скорбь этого неустройства я глубоко сознаю. Не признаю я благодатности их иерархии потому, что не обстановка, а самая цель её основания была грешна и противна духу Церкви и православия.

Старообрядцы стремились себя выделить в особую церковь. На наши клятвы, наложенные пусть даже жестоко и несправедливо, но наложенные *на людей*, они ответили хулой *на всю Церковь*, на самую идею Церкви. Русский народ остался при своём, хотя-бы и погрешившем деспотизмом и нетерпимостью, чиноначалии. Русская Церковь осталась, старообрядцы из неё ушли. Ушли, объявив эту Церковь еретической, предавшеюся Антихристу, т. е. для них несуществующую, нравственно умершую. Отсюда необходимость организовать в свою особую, «истинную» Церковь. Но для Церкви необходимо апостольское преемство и благодать рукоположения, иначе в Церкви нет таинств. И вот эту благодать они решились похитить, украсть.

Ведь как ни восхваляй Амвросия, как ни оправдывай его формально, что запрещен он не был и т. д., факт остается фактом.

Старообрядцы, теснимые и в гражданском, и в церковном отношении трудностью иметь духовенство русского поставления, которое они «восхищали» от той же «еретической» Церкви, отправились на поиски за архиереем, который согласился бы основать им отдельную церковь внутри православной Церкви и в отрицании её. Какой православный епископ на это решится, независимо от его «свободы» или «запрещения»? Решиться на это можно было или по глубокому,

фанатическому заблуждению, или за деньги. Но Греку неоткуда было набраться такого фанатизма; следовательно, он вступил в сделку со своей собственной совестью и с лицами, уполномоченными от старообрядцев. Ведь нельзя же и мысли допустить, чтобы это был акт христианской любви! Ведь знал же Амвросий, что своим согласием стать родоначальником новой иерархии, он вырывает глубокую окончательную пропасть в лоне той самой Церкви, к которой он принадлежал и от которой, отрекался! Повторяю, я ни слова не говорю о каноничности или неканоничности посвященных им старообрядческих архиереев. Чтобы этот вопрос вовсе устранить, я предположу, что старообрядцы ассигновали больше средств, уговорили перейти к ним не одного Боснийского митрополита, а целых трех архиереев, т. е. число, могущее поставлять во епископа уже совершенно законно и канонически. Представьте себе, что старообрядческая иерархия возникла-бы таким путем. Была-ли бы она благодатною и законною?

Я смело скажу: нет, и в этом случае она не была бы ни благодатною, ни законною по тем же самым причинам, по которым Ефесский разбойничий собор остался разбойничьим и не сделался вселенским, несмотря на то что на нём были соблюдены все внешние формальности. Важна цель, а не обстановка, важен дух, а не формальности.

Представьте себе обратный случай. Вследствие какого-нибудь, стихийного что-ли, несчастья или иных причин, напр., гонений, Церковь (местная) подвергается опасности лишиться епископов. В виду крайней нужды один из них единолично рукополагает себе одного или нескольких преемников. Будут они каноничны и законны или нет? Такие примеры мы имеем в истории нашей русской Церкви, и старообрядцы приводят их, как оправдание Амвросию, но напрасно!

Старообрядцы в своё оправдание говорят, что, приняв новый обряд и произнеся клятву над старым, Русская Церковь стала еретическою, т. е. перестала быть для них тем, чем была, — истинною Церковью стали они, а потому и должны были прервать с ней общение. Это великая натяжка. Русская Церковь не изменила своим догматам, но её тогдашняя иерархия в пылу,

может быть, и несправедливого увлечения обидела часть своих сынов, оскорбила их верования, вызвала непокорство и целый ряд недоразумений и гонений. Охотно готов это признать. Готов признать, что соборы 1666 и 1667 года поступили слишком жестоко и круто. Но что же здесь общего с ересью? Разве не слепое поклонение букве увидало здесь ересь? Разве все страсти и на той, и на этой стороне разгорелись не в силу фанатического сопротивления сторонников старого обряда, доходивших в своей борьбе до невозможных хулений, насилий и иных крайностей? Зачем же сваливать вину только на эту, нашу сторону, которая тоже ведь была раздражена и выведена из себя, хотя борьбу довольно неловко начала сама? Мы преклоняемся перед великой доблестью и нравственной высотой протопопа Аввакума, перед этим дивным и цельным русским характером.

И однако, разве он не был тоже узким фанатиком? Разве его не ослепляла буква? Разве возвращенный из ссылки и окруженный почтением и вниманием, он не ставил и Церковь, и Московское правительство минутами в явно невозможное положение своим фанатизмом?

Разумеется, на стороне старообрядцев множество самых веских *извинений*. Но эти извинения не суть *оправдания* не суть источник их правоты в их основной идее – необходимости выйти из «еретической» Церкви. Нет, эта необходимость была мнимая и в наших глазах является таким же грехом, как и последовавшие за нею, два века длившиеся, насилия. И то, и другое одинаково противны духу Церкви и христианской любви.

Затем, как объяснить такое совершенно непримиримое противоречие: Церковь стала еретической, утратила благодать, предалась Антихристу. Зачем же старообрядцы, желавшие священства, «восхищали» эту утраченную благодать у еретиков, сманивая к себе поставленных еретическими епископами священников? Зачем у этой же Церкви взяли архиерея, чтобы создать своё священноначалие? Неужели оттого, что Амвросий стал креститься двуперстно и двоить «Аллилуйю», он вернул себе утраченную ранее благодать? Нет. Безпоповцы по крайней мере последовательны. Кончилась Церковь, кончилась

благодать, – нет ни священства, ни таинств. Грубое заблуждение, явно противоречит оно обетованию Христа, но оно вполне ясно и последовательно. Здесь нет ни обходов, ни компромиссов. От этого-то безпоповцы, при всей безвыходности их нравственного состояния, при всём их отвращении от нашей Церкви, не идут к австрийцам. Они отлично понимают, что их Церковь основана на диалектических натяжках, что уверовать в её истинность и правоту невозможно.

Возвращаюсь к Вашим колебаниям и сомнениям. Вы хотите уйти из Церкви, Вас прельщает внешняя сторона церковного быта у старообрядцев, их удивительный общественный строй? Да, эта внешняя сторона подкупает. Особенно дорога у них эта сила русского, национального сознания, эта преданность заветам народной старины, эта крепкая, как скала, подлинно-русская общинность. Но внутренней правды единой и цельной у них нет, и Ваша верующая совесть не может быть спокойна. Эта совесть неспокойна и у них. Я прочитал много старообрядческих полемических книг, был поражен глубокой ученостью и великолепной эрудицией их богословов. Но все эти сочинения красною нитью проникает глубокая, едва скрываемая тревога за внутреннюю правоту. Не своих противников, а *самых себя* всё время стараются убедить их писатели; им всё чувствуется, что для полного убеждения чего-то не хватает, и вот они мечутся, разыскивают новые данные, проверяют, налаживают и перелаживают свою диалектику, подбирают мельчайшие обстоятельства и аргументы.

Позвольте в нескольких словах выразить сущность нашего с ними спора. Они правы во всей *обстановке*. Они сохранили всю древнерусскую церковную обстановку: у них уставность Богослужения, правильное отношение клира и народа, истовое благочестие, крепкая церковная и бытовая связь. Неправы они *по существу*. Отломанная от Церкви, за сохшая её ветвь в лице Амвросия не принесла и не могла принести им ни апостольского преемства, ни благодати Прекрасная внешность прикрывает *внутреннее ничто, пустоту*.

Наоборот, *мы неправы во всей обстановке*. Здесь православный человек искренно позавидует старообрядцу на

всех пунктах. О, сохрани мы нашу древнюю церковную организацию, не такова была бы современная православная Русь! Старая Московская Россия вероисповедных поражений не знала, она видела только победы. У той Руси никого не отняли бы ни штунда, ни толстовство, ни редстокизм, ни рационализм с атеизмом. При нынешней обстановке мы, как православные люди, до неузнаваемости ослабели... Всё это так, всё это верно, но все-таки мы – русская Церковь, а не старообрядцы. Под нашей нездоровой внешностью хранится здоровое, благодатно-жизненное апостольское преемство, ничем не нарушенное, хотя и окруженное наносным мусором протекших двух веков, когда русская цивилизация гнулась под страшными ударами цивилизации европейской... Нам возродиться к истинно русской и истинно церковной жизни – значит только сбросить с себя обветшавшие ризы церковного бюрократизма. Для старообрядцев слиться с Церковью значит *снова найти её*, отверженную и возненавиденную ими, покаяться перед нею, упразднить свою условную и неистинную церковь и в свою прекрасную обстановку влить совсем новое содержание.

Вот почему так ратую я за скорейшее снятие церковных клятв собора 1667 года. Я верю, что только тогда процветет наша церковная жизнь, когда восстановится церковное русское единство, и наступит примирение между двумя равно ценными и дорогими частями русского народа, разлученными взрывом страстей в конце XVII века. Мы принесем в это единство то, что мы сохранили, – *внутреннюю святую сущность православия, истинную Церковь Христову*. Они принесут то, что мы потеряли, но что они так упорно и бережно хранили – церковную *обстановку*, церковную *традицию* и *организацию* древней русской церкви, крепкий русский быт, органическую живую и разумную *церковную общину*. Сущность они воспримут от нас, обстановку мы возьмем от них, и тогда на русской земле будет подлинно «едино стадо и един Пастырь». Тогда не страшны будут нам ни неверие, ни рационализм...

Мне кажется, я достаточно уяснил Вам сущность нашего спора и возможный, логический и христианский его конец. Это должно быть достаточно для успокоения Вашей совести. А

затем, так как Вы лично чувствуете себя тяжело и не можете ждать этого благодатного конца спора, вам остается лично-же сделать всё от вас зависящее в той сфере, которая вам, как пастырю, отведена для вашего личного делания. О, как много можете вы сделать, какие великие исправить ошибки, какие тяжелые устранить недоразумения! Но об этом позвольте поговорить особо.

Сергей Шарапов

От редакции

Вышепомещенная статья, принадлежащая перу С.Ф. Шарапова (бывшего редактора журн. «Русский Труд»), прислана нам преосвященным Антонием, епископом Уфимским, с предложением и советом напечатать эту статью в «Мисс. Обозрении». К преосвященному статья эта направлена была самим автором, при письме следующего содержания:

Ваше Преосвященство!

Два года назад Вам угодно было обвинить меня в отступничестве от заветов славянофильства и в защите раскола, как такового. Своевременно я отвечал на Ваши обвинения, но тогда я не мог выяснить мои отношения к старообрядцам во всем объеме. Я надеялся сделать это позднее, вполне обстоятельно.

Письмо свящ. Х* дало к этому подходящий случай. (Цензурное тяготение надо мной так велико, что в моих *бесцензурных* (по имени) сборниках я не мог поместить прилагаемой статьи, имеющей, надеюсь, достаточный общий интерес.

Я, действительно, быть может, делал ошибку, давая место статьям Н. Н. Дурново. Но за это я уже достаточно поплатился. Прилагаемая статья выяснит Вам основания моего отношения к расколу и, я думаю, заставит Вас, Владыко, не только изменить Ваше заключение, сделанное в минуту гнева, но и помочь мне.

Вы человек широких взглядов и не осудите моего несколько отрицательного отношения к современному *устройству* нашей Церкви. Прикажете поместить моё письмо в Вашем епархиальном органе.

Затем прошу Вас, Владыко, верить в моё искреннее к Вам уважение и не лишать меня Ваших святых молитв и благословения.

Сергей Шарапов

2 февраля 1901 г. Москва.

Держась принципа – *audiatur et altera pars* – мы тем охотнее дали место на страницах органа миссии статье С.Ф. Шарапова,

что испытанный друг раскола в ней ныне высказывает ту горькую правду, которую давно раскрывает расколу миссия господствующей Церкви. Голос недавнего еще защитника апологетов раскола (по делу Мельникова – за что Еп. Антоний и отлучил С.Ф. от славянофильства) должен быть выслушан расколовождями со вниманием и пользой.

* * *

Но, поместив в видах беспристрастия настоящую статью в миссионерском органе, мы в тех же видах беспристрастия не можем не сделать автору нескольких возражений и замечаний на некоторых из его суждений.

Прежде всего мы очень благодарны г. Шарапову за прямо и открыто высказанный в статье взгляд его на старообрядческий раскол вообще и на австрийскую (белокриницкую) иерархию в частности.

Отделение, «выход» старообрядцев из Церкви г. Шарапов признает «грехом» их. Их ссылки на клятвы собора 1666–1667 г. для него неосновательны. «Что здесь (т. е. в постановлениях собора) общего с ересью? Разве не слепое поклонение букве увидало здесь ересь?» Поэтому-то автор не видит и не признает у раскольников «внутренней правды». В частности, относительно иерархии белокриницкой г. Шарапов замечает: «на их иерархии благодати апостольского преемства признать не решаюсь...»; в другом месте: «церковной их правоты признать не могу, благодатность их иерархии для меня более, чем сомнительна, нетерпимость их и узость мне прямо претят...». Делая же как бы общий вывод, он заключает: «отломанная от Церкви, засохшая ветвь в лице Амвросия не принесла и не могла принести им ни апостольского преемства, ни благодати. Прекрасная (?) внешность прикрывает *внутреннее ничто, пустоту*»...

Высказываясь так открыто и определенно о расколе старообрядства, г. Шарапов в предупреждение «сетования» на него его «добрых друзей в старообрядческом мире», заявляет, что он «остается верным его воззрениям, высказанным еще в 1888 г. на страницах «Русского Дела». Насколько помнится, в «Рус. Деле» и «Труде» г. Шарапов не так ясно высказывался,

так что из его рассуждений выводились заключения далеко не те, которые он теперь высказал. Но не верить ему не желаем. Поэтому прежние заключения из его прежних статей о расколе, несогласные с настоящими его взглядами, отнесем к неясности этих статей и охотно признаем, что г. Шарапов и тогда держался того же взгляда на раскол, как и теперь, т. е. что в нём нет «внутренней правды», а только «внутреннее ничто, пустота», но только мы его не понимали...

После этого странно читать у г. Шарапова отказ его «называть вместо с о. о. миссионерами и г. г. Субботинными старообрядческую церковь «самочинным скопищем»». Прежде всего – последним именем очень, очень редкие из православных полемистов называют старообрядческие общины, да и то в пылу раздражения. Но если и называют, то разве они не правы? Разве сам г. Шарапов не тоже-ли самое выразил всею своею характеристикой старообрядства? Он не произнес этого слова, а, наоборот, отказывается от него!! Но, кажется, пора бы нам оставить ломать копья из-за слов, из-за названий. Ведь не в них дело. Это хорошо знает и сам г. Шарапов, обвиняющий старообрядцев за отделение их от Церкви из-за «буквы»...

Симпатии г. Шарапова, по его же заявлению, на стороне старообрядцев. Невольно недоумеваешь при таком направлении симпатий г. Шарапова. Чем вызвали их г.г. старообрядцы? А тем, что они «цельные, коренные люди... истинно доблестные, истинно церковные и истинно русские люди»... Что это – комплименты по адресу «добрых друзей в старообрядчестве», дабы не раздражить их, а потому – громкие только фразы? После открыто высказанного взгляда автора на старообрядчество только за фразы, казалось бы, и следовало признать эти комплименты. Но нет! Г. Шарапов в них мыслит определенное содержание. «Посреди всеобщего разложения церковного, гражданского и бытового, эти несколько миллионов русских людей держатся твердо, недоступные никаким соблазнам (отдельных людей не считаю), хранят русские предания, даже истинную церковность в её внешнем проявлении, её древнем богослужении, обрядах, традициях»...

«Они сохранили русскую церковную обстановку: у них уставность богослужения, правильные отношения клира и народа, истовое благочестие, крепкая церковная и бытовая связь»...

Итак, старообрядцы «цельные, коренные, доблестные русские люди» потому, что твердо хранят «внешнюю церковную обстановку». Но неужели *доблесть русской* древней Руси состояла в хранении только церковной обстановки?! Кажется, никто из славянофилов так не думал. Да и не обидно-ли будет для древней Руси её сущность, её хорошее в этой только обстановке полагать?! И непрочно будет тогда эта доблесть, неустойчив её корень. Кто хоть немного знаком с историей нашего богослужения – этой церковной обстановки, тот знает, как часто она изменялась, переменялась. Ведь, конечно, и г. Шарапову известно, что к XVII в. даже устав богослужебный у нас был другой, чем который принят был при кн. Владимире. Не говорим про изменяемость обычаев, обрядов, установлений церковных. Далее – придавая такое существенное, «коренное» значение «церковной обстановке» г. Шарапов должен *volens-polens* признать за «целостных, коренных, доблестных» христиан четьердесятников, новациан, донатистов и др. древних раскольников, ратовавших за «церковную обстановку»... Он должен воспеть хвалебную песнь и фарисеям, из-за охранения «церковной обстановки» постоянно обличавшим Христа, как нарушителя её.

Вот к каким абсурдам приводит дружеское восхваление мнимой доблести старообрядцев! Но посмотрим, действительно ли у старообрядцев «церковная обстановка» такова, какой она была в древней русской Церкви. Прежде всего заметим, что даже сами старообрядцы отказываются от *древней русской* церковной обстановки: им нравится только церковный уклад XVII в., а не более древний, – этот они и признавать не хотят. Поэтому совершенно несправедливо утверждать, что они хранят русские предания, истинную церковность в её внешнем проявлении, в её богослужении, обрядах, традициях, как это было в древней Руси; они, если и хранят, то только то, что сложилось со второй половины XVI в. Но хранят ли и это? Г.

Шарапов похваляет их за уставность богослужения и истовое благочестие. Кто бывал в раскольничьих молельнях не официальных, показных и не при торжественных, открытых церемониях, а в простых деревенских или губернских и при обычном богослужении, тот хорошо знает, что как уставность, так и истовость, если и были прежде, то теперь, выражаясь словами самих же старообрядцев, «улетели на небо».

В подтверждение себя сошлемся хотя бы на свидетельство о. И.М. Жарова, бывшего раскольника и хорошо знакомого с уставностью старообрядческого богослужения. См. об этом в статье: «Справедливо-ли, что у старообрядцев церковно-богослужебный устав исполняется точно и без опущений?» (Мисс. Об. 1900 г., февр., стр. 296–300). Всем известен порядок найма у старообрядцев лиц для выполнения положенных от духовника епитимийных поклонов. И вот факт, рассказанный в «Калужском Вестнике» за 1896 г. «Молодые старообрядцы (с. Тихонова Калуж. еп.), придя в моленную и положив обычное начало, оставляют на предназначенных для того гвоздях свои шапки, как свидетелей перед старшими их пребывания в часовне, а сами уходят на улицу для гуляния с девицами. Зазябнувшие при непокрытых головах, они охотно большую часть служб проводят в трактирах»... Это – к характеристике их истового благочестия. Много и других фактов можно было бы привести, но – не в них дело. Порекомендуем г. Шарапову поговорить об уставности богослужения и истовом благочестии с кем-нибудь из рядовых старообрядцев, фанатически не настроенных или по каким-либо видам не отстаивающих своё старообрядчество.

Г. Шарапову нравится «крепкая церковная и бытовая связь» у старообрядцев. Но эта связь у сектантов наших еще гораздо сильнее; почему же эти не нравятся ему? Да и связь эта есть не более – ни менее, как только явление оппозиции, вызывается и проявляется обстоятельствами гражданской и церковной жизни, как и у сектантов, а не есть что-либо внутренне присущее старообрядчеству.

Шарапов восхваляет отношения клира и народа у старообрядцев. Что же ему здесь нравится? Не то-ли уж, что

«владыки» и «попы» избираются каким-нибудь миллионером-фабрикантом, что «поп» в обществе ничего не значит, что всё его влияние выражается лишь в епитимийных запретах, что не угодивший мироеду – он должен уходить, куда знает, что без оглядки на своих пасомых он не может шагу ступить, знакомства свести и т. п.? Глубоко наш почтенный публицист, как и многие другие, ошибается, предполагая в отношениях клира и народа у старообрядцев проявление древнерусских начал.

При восхвалении «церковной обстановки» у старообрядцев г. Шарапову естественно было переступить меру и истину в отзывах об устройстве нашего настоящего церковного порядка, управления и обстановки. Не считаем нужным делать каких-нибудь замечаний на них: для беспристрастного читателя неосновательность намеков г. Шарапова ясна.

Нельзя также не отметить и исторической ошибки г. Шарапова, – ошибки, проистекшей из теоретичности его рассуждений. Древняя Русь, по его словам, «вероисповедных поражений не знала». На это припомним ему хотя бы историю ереси жидовствующих, – как она сильно и быстро распространилась, как она «победила» многих из бояр, из членов княжеского дома и из духовенства, как она возвела на митрополию «одного из своих собратий, монаха-либерала и гуляку», чудовского архимандрита Зосиму.¹²⁰ Конечно, Церковь потом, с течением времени, победила эту ересь, но семена её глубоко запали на Русскую почву и потом отпрыгнулись в XVII и в XVIII в. в лжеучении различных сектантов. И теперь, по милости Божьей, наша Церковь еще ни кем не побеждалась, а побеждать – побеждает понемногу и раскол, и сектантство. Но побеждала бы больше и действеннее, если бы русская мыслящая и пишущая интеллигенция более любила и дорожила своею матерью Церковью и менее хвалила и тем поддерживала раскол и секты.

Нам остается спросить еще г. Шарапова, где он обрел в расколе епископов и священников «огромной нравственной величины и духовного подвига», и старообрядческих богословов «великолепной эрудиции»? Кто эти великаны? Уж не Арсений Швецов с Картушиным? Ведь мы тоже их знаем и сочинения

читали и лишь можем удивляться доброте и дружеской щедрости на похвалы нашего публициста.

В заключение два слова о письме молодого иерея, давшего повод г. Шарапову к написанию настоящей его статьи. Г. Шарапов характеризует его, как «человека с большим образованием и жгучими душевными запросами». Но не дружеская-ли и это похвала со стороны Шарапова? Судя по письму молодого иерея, он – просто сын века сего, да еще «декадентского».

В семье не без урода. А семья нашего православного духовенства велика. Какое уже тут «большое образование», – когда иерей обращается за справками и советом к г. С. Шарапову по вопросам, которых всякий хорошо образованный пастырь не может не разуместь. Какие жгучие запросы могут быть у человека, который смотрит в след оо. Луцерновых! Письмо этого молодого священника в одних своих положениях явно лживо, в других легкомысленно: говорить о заплесневелости и одичании современного пастырства могут только наветники на духовенство... Последнее никогда еще не напрягало так кипуче свою пастырскую просветительную деятельность, как в наше трудное время. А что это за служение «ведомству, а не Церкви»? Любимая, но бессодержательная фраза Н. Дурново! Вообще письмо ниже всякой критики...

Разве только можно посоветовать этому иерею одно – идти в университет...

Велтистов К.И. Баптизм как секта¹²¹ //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 337–350

Начало немецкому баптизму, или, как его называют, необаптизму, положил Онкен. Иоганн Гергардт Онкен родился в 1800 году в Ольденбурге в лютеранской семье. Годы отрочества и юности он провел в Англии, где примкнул к индипендентам. Лондонское континентальное общество, основанное для проповеди Евангелия на материке Европы, отправило в 1823 г. Онкена, как своего миссионера, в Германию.¹²² Поселившись в Гамбурге, он открыл здесь воскресную школу, книжный магазин и стал устраивать молитвенные собрания, на которых сам проповедовал. Онкен в это время не был еще баптистом, а принадлежал к английской реформатской (общине) Церкви. Баптистское крещение он принял в 1834 году от американского миссионера Варнавы Сирса, профессора Hamilton College в Бостоне, который крестил его с 6 товарищами в Эльбе. На следующий день Онкен получил ординацию во пресвитера и основал таким образом первую немецкую баптистскую общину под именем общества «друзей христианской истины».¹²³ Он скоро нашел себе деятельных помощников в еврее Кебнере и немце Лемане. В 1837 г. явилась маленькая община в Штутгарте, в 1838 г. в Неккаре, затем в других пунктах Германии и Дании.¹²⁴

Как в Англии баптизм распространялся главным образом среди диссидентов, так и в Германии он стал пожинать лавры между пиэтистами и особенно среди разных сектантских общин.¹²⁵

Меннониты выделили без сомнения не мало последователей для нового, но довольно близкого им учения.¹²⁶ Последователи баптизма вербовались главным образом из простого народа. Правительство на первых порах не замечало секты; но, когда движение усилилось, оно приняло строгие меры против сектантов. Власти окружали места баптистских собраний, разгоняли участников, штрафовали, сажали в тюрьмы, отбирали насильно детей для крещения.¹²⁷ Потом

строгости постепенно смягчились; в 1843 году баптисты получили правительственное признание в Пруссии, а к 1854 году во всей Германии.¹²⁸ Из политических партий баптисты пользовались всегда особенным сочувствием со стороны социал-демократов, которые оказывали им разные услуги и материальную помощь; правда, сектанты, чтобы не уронить себя в глазах правительства и других партий, остерегались пользоваться услугами социал-демократов и иногда даже отклоняли их помощь.¹²⁹ Католическое и лютеранское духовенство видело в баптистах опасных врагов и боролось с ними. Евангелический союз признал баптистов.¹³⁰

Распространение баптизма в Германии, задержанное в начале строгими мероприятиями, пошло вперед, как только обстоятельства изменились в пользу сектантов. В 1854 г. баптистов в Германии насчитывалось 3,000;¹³¹ в 1877 г. – 13.000,¹³² в 1893 г. – 29.556.¹³³ Сюда не вошли члены новоменнонитских общин, усвоивших баптистские воззрения. Число всех баптистов на материке Европы превышает, эти цифры в несколько раз.¹³⁴

II

Распространяясь в Германии главным образом среди пиэтистов, баптизм необходимо должен был получить от них повышенную мистическую окраску. Но пиэтизм – более направление, чем секта; его влияние не могло повести к усиленному дроблению на толки. Правда меннонитство выделило из себя так называемые новоменнонитские общины, которые, усвоив баптистское учение и организацию, удержали меннонитские воззрения на клятву, войну, государственную службу и т. п. Из Америки и Англии часто доносятся отголоски разных течений; возникают они и внутри секты под местными воздействиями; но в общем немецкий баптизм до сих пор обладает большою устойчивостью в сравнении с англо-американским: формализм и стремление немецкого духа к систематичности до некоторой степени сдерживают в нём центробежные течения.

В 1849 г. созвана была в Гамбурге первая генеральная конференция баптистов Германии и Дании. На обсуждение и утверждение её был представлен подготовленный Онкеном, Кебнером и Леманом проект «вероизложения и устройства общин крещенных христиан, называемых обыкновенно баптистами».¹³⁵ Вериозложение составлено на основании англо-американских символов. Оно состоит из 16 членов, обнимающих вероучение, устройство общины, и дисциплину. Содержание его следующее:

I гл. О Слове Божием.

«Мы веруем, что священное Писание составляет единственно истинное божественное откровение роду человеческому и единственный источник богопознания и должно быть единственным руководством и правилом веры и жизни».¹³⁶

II гл. О Боге.

III. О грехе.

...«Человек согрешил, отпал от Бога, потерял образ своего Творца и тотчас же впал телом и душою в состояние смерти». Все люди, происходя от Адама, наследуют «падшую и

совершенно поврежденную природу, так что они в грехах зачинаются и рождаются, суть чада гнева, совершенно неспособны и не расположены ни к чему доброму, но способны и склонны ко всему злему».¹³⁷

IV. Об искуплении.

...Мы веруем, что всеполное искупление, совершенное Сыном Божиим, есть единственная причина нашего спасения.¹³⁸

V. Об избрании к блаженству.

...Те лица из погибшего рода человеческого, которым действительно должно быть присвоено искупление, избраны Отцом, имена их написаны на небесах, и сами они преданы в руки Икупителя, как Его народ. Этим лицам определена вечная жизнь во Христе, и в тоже время предназначены все средства, которые должны привести их к вере во Христа, к святости и, наконец, к вечному блаженству. Такое определение Божие неизменно и вечно, так что те избранные, которых оно касается, не могут быть вырваны из рук Христовых.¹³⁹

VI. О благодатных средствах.

Средства благодати: Слово Божие, крещение, святая вечеря общение святых. Молитва – душа всех средств.¹⁴⁰

VII. Об обращении грешника посредством Слова Божия.

Путь спасения состоит в том, что человек Словом Божиим, которое живо и действенно, пробуждается от своего греховного сна, сознает свои грехи и свою вину и сердечно раскаивается. Чувствуя грозящую опасность, он прибегает ко Христу, как к единственному своему Избавителю и Спасителю, и верою в Него получает прощение своих грехов и вместе свидетельство в своём сердце, что он дитя Божие и наследник вечной жизни.

*Великая перемена в сердце и в познании грешника есть исключительно дело Святого Духа, Который по милостивой воле Божией сопровождает слово Своим могучим плодотворным действием и производит чрез него возрождение плотски мыслящего грешника, открывает его сердце, просвещает его душу и производит живую веру во Христа.*¹⁴¹

VIII. О святом крещении.

Крещение состоит в том, что крещаемый определенным на то служителем Господним, во имя Отца и Сына и Святого

Духа, на одно мгновение *погружается* в воду. Только таким образом совершается божественное повеление и учреждение Христово сохраняет своё первоначальное значение. Принимают это средство такие люди, которые посредством Евангелия и свободной Божией благодати обращены от их грехов к Христу и веруют в Него от всего сердца, как в своего Икупителя. Крещение есть первый плод веры и любви ко Христу, вступление в послушание Господу, и в Его Церковь. Оно есть торжественное объявление и исповедание грешника, который сознал ужас греха и осуждение всего своего существа и всю надежду возлагает на смерть и на воскресение Иисуса Христа, своего Спасителя, искупающего от проклятия и наказания за грех. Со стороны Бога крещение есть торжественное объявление и удостоверение верующему, принимающему крещение, что он во Христа погружается и таким образом с Ним умер, погребен и воскрес, что его грехи смыты, и что он возлюбленное дитя Божие, к которому благоволит Отец. Крещение должно возбуждать в крещаемом еще определеннее и сильнее чувство спасения и блаженства, и Бог производит это запечатлением Святого Духа; но *сие бывает только там, где От прежде посредством Духа произвел истинную спасительную веру* в Сына Божия, в силу Его смерти и воскресения.

Крещение совершается только однажды, посему весьма нужно, чтобы оно было правильно совершено.¹⁴²

IX. О святой вечере.

Сие дарованное Господом Его Церкви благодатное установление состоит в том, что определенным на то лицом при произнесении слов установления и после торжественной благодарственной молитвы *преломляется хлеб*, который также, как и *вино, вкушается* членами Церкви. Искупленные Господом должны, по данному Им святому и благотворному повелению, до второго Его пришествия возвещать этой вечерею Его смерть, как единственную причину нашего спасения. Сим возвещением каждый раз оживляется о Сыне Божием, и Он снова является их душе в Своей кровавой красоте. Мы веруем, что в сем святом

знаке Христос дает верующим вкушать *духовным образом* Своё тело и Свою кровь.¹⁴³

Х. Об обществе Божиим.

Обязанность всякого верующего, обратившегося к Господу, не оставаться одному, но соединяться с другими учениками Господними, как с членами одного тела для взаимного назидания, утешения и помощи на пути спасения, чтобы пребывать в учении апостолов, в общении, в преломлении хлеба и в молитве. Такое соединение истинных учеников Христовых, устроенное по Слову Божию, есть христианская Церковь (общество – Gemeinde).

Церковь избирает из числа своих членов пресвитеров, учителей и служителей (диаконов), которые посредством посвящения облачаются саном (чрез возложение рук). В своём поведении и чистоте учения они стоят под надзором общины.

В совещательных собраниях общины дела решаются большинством голосов. Принятие новых членов, исключение дурных, их вторичное принятие производится посредством голосования.¹⁴⁴

XI. Об освящении.

Мы веруем, что без святости никто не увидит Господа. Она есть следствие оправдания и состоит в том, что, по упразднении господства греха в сердце возрожденного, он, при постоянном содействии Духа Святого, всё старание прилагает умирать для греха, который всегда пристаёт к нему. Это освящение должно продолжаться всю нашу жизнь.¹⁴⁵

XII. О божественном законе.

Божественный закон а) влагает узду и удила в челюсти грубым и необузданным страстям человеческим, б) дает познание греха и бывает детоводителем к Христу. Обрядовая часть закона Моисеева исполнена Христом и упразднена. Но в нравственной части закона, как она изложена в 10 заповедях, на все времена выражена сущность воли Божией.

Четвертая заповедь должна исполняться в применении к воскресному дню.¹⁴⁶

XIII. О браке.

Мы веруем, что брак от Бога установлен... Мы признаем, что христиане могут вступать в брак только в Господе с верующими.

Брак, как божественное и гражданское установление от обеих сторон должен получить утверждение. Первое бывает посредством чтения Слова Божия и молитв, второе по законам страны.¹⁴⁷

XIV. О гражданском порядке.¹⁴⁸

Мы веруем, что правительство установлено Богом и что оно облечено властью для защиты добрых и для наказания злодеев. Мы признаем себя обязанными оказывать безусловное повиновение всем его законам, если только они не ограничивают свободного исполнения обязанностей нашей христианской веры. Мы признаем, что присяга – именно благоговейное призывание нашего Бога во свидетели истины, – правильно требуемая и даваемая, есть только молитва не в обыкновенной форме... Мы считаем себя обязанными, когда потребует начальство, нести повинности военной службы. Однако мы можем сердечно соединяться с теми, которые не разделяют наших убеждений относительно клятвы и военной службы... Мы не видим препятствий со стороны веры принимать правительственные должности.

XV. О втором пришествии, о воскресении мертвых и страшном суде.¹⁴⁹

Из приведенных отрывков можно видеть, что именно это вероизложение было распространено на русском языке среди штундистов. Исповедание Кавказских баптистов, сообщенное в 1881 году священником Каллистовым,¹⁵⁰ и «вероучение косяковских сектантов», напечатанное в 1883 г. Ушинским¹⁵¹ составляют буквальный перевод гамбургского вероизложения баптистов.

Основные черты этого вероизложения следующие: священное Писание единственная норма веры и жизни. Падшая природа человека совершенно повреждена грехом и неспособна ни к чему доброму. Человек оправдывается одной только верой, которую производит в нём Дух Святой своим могучим действием чрез Слово Божие. Внешнее запечатление

обращения – крещение, совершаемое чрез погружение. Крещение и преломление хлеба понимаются в общереформатском смысле (Кальвин), настойчиво требуются и сохраняются, как установление Божие. Учение о предопределении кальвинистическое. Организация пресвитерианская.

Вероизложение составлено общо и осторожно; редакторы при изложении стараются пользоваться языком библии чрез тенденциозный подбор текстов. Дальнейшее развитие положений вероизложения, тот или другой оттенок в понимании их принципиально допускаются баптистами; поэтому Гамбургская генеральная конференция, утвердивши вероизложение, в то же время признала согласие во всех теоретических вопросах только желательным, а не необходимым.¹⁵²

III

Гамбургская конференция 1843 г. является первым актом объединенной деятельности баптистских общин Германии.

Первоначально вновь возникающие общины объединялись только естественным тяготением к гамбургской общине и к вожакам секты; теперь они образовали союз, организация которого, приспособленная и направленная главным образом к целям пропаганды, в значительной степени содействовала успеху секты в Германии и соседних с нею странах. С признанием баптизма баптистский союз получил правительственное утверждение и права корпоративного устройства. Официальное название его следующее: «соединенные общины крещеных христиан в Германии, Дании, Голландии, Швейцарии, Польше, России, Турции и Африке».¹⁵³ Главная цель союза взаимопомощь и пропаганда.

Решающее значение во всех общих вопросах принадлежит генеральной конференции, которая собирается чрез каждые три года и большею частью в Гамбурге. Исполнительным органом генеральной конференции служит миссионерский комитет, члены которого, в числе 8 человек (*dieordneten Bruder des Bundes*), избираются союзной конференцией на три года и дают ей отчет в своей деятельности.¹⁵⁴

Состав комитета устойчив; в члены его обычно избираются наиболее деятельные пресвитеры и миссионеры. Онкен до конца жизни был президентом комитета и имел влияние на дела всего союза.¹⁵⁵

Союз подразделяется на несколько округов. В каждом округе бывает ежегодная конференция; исполнительный орган её окружный совет. Число округов в союзе не могло быть постоянным; оно изменялось в зависимости от распространения секты, которое влекло образование новых округов и выделение старых в самостоятельные союзы. В 70-х годах в Германии было четыре округа: прусский, северо-западный, средне-немецкий и южно-немецкий.¹⁵⁶ В конце 80-х годов уже 6.¹⁵⁷ Кроме того в состав союза входили округа датский и

швейцарский до выделения их в отдельные союзы и три округа в России: русско-турецкий, балтийский и польский до образования из них отдельного русского союза.

Каждый округ состоит из общин вполне равноправных и во внутренних делах самостоятельных. Около общины обыкновенно группируется несколько станций, миссионерских пунктов, где действуют помощники проповедника. С увеличением числа членов миссионерский пункт обращается в самостоятельную общину при материальной помощи от союза или округа.

Разъездные миссионеры, пресвитеры общин, проповедники, книгоноши – все обязаны представлять в окружной комитет каждую $\frac{1}{4}$ года отчеты о своей деятельности и о состоянии общин.¹⁵⁸ На основании этих данных комитет составляет годичный отчет для конференции. Союзный миссионерский комитет, на основании окружных годичных отчетов и присланных непосредственно ему от состоящих в его ведении миссионеров, prepares ежегодно статистику всего союза, а к генеральной конференции трехгодичный отчет. Члены конференции из отчета и устных сообщений знакомятся с состоянием баптизма в разных частях союза, предпринимают новые меры, намечают новые пункты миссионерской деятельности, избирают и посылают миссионеров и т. п.

Большая часть миссионерских отчетов, постановления конференций окружных и генеральных печатались и печатаются в баптистских журналах. В них помещаются также корреспонденции из разных мест о выдающихся происшествиях, успехах, неудачах, преследованиях и т. п.

Баптистские журналы, служа официальными органами для деятелей баптизма, являются в тоже время одним из средств пропаганды. Первым органом немецких баптистов был Missionsblatt der Gemeinde getaufter Christen, выходивший с 1844 г. по 1878. Missionsblatt редактировался, под главным надзором Онкена, его временными сотрудниками по гамбургской общине. С 1879 г. на смену Missionsblatt стал выходит под редакцией Биккеля Wahrheits-Zeuge.¹⁵⁹ Это официальные органы союза; кроме них существуют еще несколько журналов. Литературная

пропаганда баптизма не ограничивается изданием журналов. Книгоиздательская фирма, основанная Онкеном, выпустила в свет много сектантских трактатов, для распространения которых организован компортж: баптистские книгоноши необходимые спутники их миссионеров.

Для приготовления миссионеров и пресвитеров немецкий баптистский союз открыл в Гамбурге миссионерскую семинарию, сначала с двухгодичным курсом, а с 1882 г. с 4-х годичным, который для взрослых сокращается в 10-месячный.¹⁶⁰

В семинарию принимаются воспитанники со всего союза, в ней получили образование даже некоторые природные русские, например, Павлов с Кавказа.

Для развития миссионерской деятельности и содержания своих учреждений баптистский союз нуждается в немалых средствах. Для покрытия расходов существует союзная касса, появившаяся одновременно с образованием союза; она пополняется из ежегодных сборов и пожертвований. Пожертвованиям иногда дается специальное назначение, например, на устройство молитвенных зданий, в пользу русской миссии, в пользу преследуемых братьев и т. п. В каждом округе есть своя окружная касса для нужд округа. Существуют кассы в каждой общине; из них берутся средства на содержание пресвитера, молитвенного дома, воскресной школы, на помощь бедным и т. п.

В своей деятельности немецкий баптистский союз пользуется сочувственною и щедрою поддержкой англо-американских баптистских обществ. Содействие баптистов Англии и Америки насаждению и развитию немецкого баптизма замечается с самого начала последнего. Онкен, главный вождь немецкого баптизма, прибыл в Германию из Англии, крещение принял от американского баптиста,¹⁶¹ с 1840 г. состоял миссионером американского баптистского союза, за что получал 3.000 долларов годового содержания.¹⁶² Главные сотрудники Онкена, без сомнения, как и он, получали содержание от миссионерских обществ Англии или Америки. Эти общества посылают временных и содержат постоянных миссионеров для

пропаганды баптизма на материке Европы. С особенным усердием действует в этом направлении American Baptist Missionary Union.¹⁶³

В Англии и Америке производятся специальные сборы на нужды немецкой миссии, и в каждом частном случае пожертвования англо-американских баптистов занимают очень видное место: открывается в 1875 году в Гамбурге союзная вспомогательная касса для постройки молитвенных домов; в основной фонд её поступает английских пожертвований 14.101 фунт стерлингов.¹⁶⁴ Строится новое здание для Гамбургской семинарии; американские баптисты жертвуют 22.000 марок.¹⁶⁵ Руководители немецких баптистов нередко сами предпринимают поездки в Англию и Америку для сбора пожертвований.¹⁶⁶

Главная цель и назначение баптистского союза: взаимопомощь и пропаганда. Он объединяет разрозненные стремления баптистов к прозелитизму, дает им направление и единство. Каждому члену союза внушается, что он должен употреблять все усилия для распространения своего учения, жертвуя для этого материальными средствами и личным трудом. Ревность в пропаганде, по выражению Missionsblatt, является термометром, или показателем душевного состояния верующего. Отсюда неудержимый прозелитизм секты. Англичанин Крамп, выражая присущее всем баптистам убеждение, говорит: «великая задача распространения и возвещения истины лежит на нас; она требует горячей любви, предприимчивой смелости и непреодолимой настойчивости».¹⁶⁷ Немцы усвоили этот принцип: «мы не ограничиваем свой приход, говорит Missionsblatt, какими-либо политическими или государственными границами; в этом отношении мы, согласно с Веслеянами (методистами), возглашаем: наш приход весь мир, и мы всего более желаем следовать заповеди Спасителя – проповедуйте Евангелие всей твари».¹⁶⁸ Считая за обязанность каждого верующего «строить стены Иерусалима», приводить ко Христу души язычников, пребывающих в «Вавилонском плену и Египетском рабстве», баптисты бредят близостью момента, когда действительно весь мир последует за ними. Missionsblatt в

новогодней редакционной статье за 1877 год восклицает: «все поместные государственные церкви потрясаются теперь великим землетрясением в самых своих основаниях, и становится для всех очевидным, что дни их существования сочтены, и они скоро дадут место другому порядку вещей». Такие надежды, в полном опьянении от восторга, выражает Missionsblatt, сообщая своим читателям об успешном распространении баптизма «на далеком Востоке, в великом русском государстве».¹⁶⁹

Священник *К.И. Велтистов*
(Продолжение будет).

Прозоров В. Почему Селиванов, мнимый Император Петр III-й, называется вторым Сыном Божиим? // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 351–355

(Объяснение главаря скопцов)

По убеждению скопцов, Селиванов, основатель скопческой секты, второй Сын Божий, не кто иной, как Император Петр III-й. Почему же Селиванов (Петр III-й) называется у скопцов Христом, или вторым Сыном Божиим? Потому якобы, что сей блаженный Император обновил духовное возрождение и очистил утраченное Израилем древнее обрезание, т. е. к крещению, установленному Господом нашим И. Христом, и ветхозаветному обрезанию, установленному Саваофом, присовокупил новое обрезание крайней плоти и усечение главы змия. Во всю жизнь свою не быв причастен «девическу ложу», он якобы все приведенные нами обряды сперва исполнил на себе самом, запечатлев себя новым знамением обрезания; а потом и «подданных своих приводил в ту же пресветлую чистоту, и всё время царствования своего в том только и проводил, что вельмож, народ и гвардию скопил». Второго Христа во всю жизнь сопровождали неизглаголаные страды. В Туле на главу его лили растопленный сургуч, в Воронеже долгое время его держали в остроге, в Усмани ему дали 70 ударов кнутом, потом сослали в Сибирь. Во всё время пути, от Усмани до места ссылки, с него не снимали оков. В Сибири он долгое время скитался в неизвестности. Кроткий и сердобольный Государь Император Александр I, по вступлении своём на Всероссийский Престол, как только узнать о великих страдах августейшего своего дедушки, тотчас отправил гонцов во все края Сибири, чтобы отыскать несчастного страдальца. Долгое время послы не могли открыть изгнанника, но, после многих стараний, нашли его, наконец, в г. Иркутске, где он служил, сперва пономарем при Харлампиевской церкви, а потом сторожем при Губернском Правлении, и тотчас донесли о том Государю.

Император Александр до того обрадовался вести о своём прародителе, что сам хотел ехать во сретение ему; но заботы о государстве и советы вельмож отклонили его от этого намерения. А потому, собрав наилучшие царские регалии и уложив их в драгоценный ящик, он отправил их к Петру III чрез знатных вельмож своих в Иркутск. В ящике этом находилась царская корона с драгоценными камнями и царская порфира на горносталям меху. Вельможи на курьерских подводах, как на крыльях, прилетели в Иркутск. На площади близ Губернского Правления, собралось несметное число людей всякого звания. Лишь только открыли ящик, присланный от Его Величества своему дедушке, весь народ пал на колена, сколько от благоговения к царственному страдальцу, столько же из уважения к царским регалиям. Петр III, взглянув на корону и другие царские украшения, во смирении своём сказал: «потерпевши великие страды в Москве, Туле, Воронеже и многих других местах моего царства и прошедши в кандалах от Москвы на край Сибири, я не могу носить на главе своей царской короны: при моих страдах царская честь мне уж неприлична. Дайте мне лучше простую баранью шубу и почтовую повозку; в этом приличнее мне явиться пред светлые царские очи возлюбленного моего внука, который и на краю земли разыскал меня своею любовью. По прибытии Петра III в Петербург, Император Александр встретил его, как старшего Царя, и предложил ему свой царственный трон и корону, но Петр отказался вышеписанными словами. По любви своей к старшему помазаннику, Император Александр сделал ему другое предложение: «если не угодно Великому Государю моему занять мой Престол и принять на рамена свои скипетр Всероссийской Державы, то я прошу и молю августейшего моего дедушку принять от меня в вотчину несколько губерний самых плодородных и богатых, которыми бы мой Великий Государь и Отец мог по-царски содержаться». Непреклонный Петр отверг и это усердие своего внука, говоря: «я греху не отец, а чистоте и святости отец; не для земли я живу, и не земное моё царство: не хочу я себе славы земной, а хочу в страдах своих всю жизнь свою скончать. Буде хочешь послушать меня, Александрюшка,

то утешь меня в моём желании: дай мне место в Преображенской богадельне, что на Васильевском острове, я посвящу себя там на служение нищей братии, больным и убогим по веки веком». С грустью в сердце и с сожалением в душе Государь изъявил царское своё согласие на подвижнический выбор своего деда. Таким образом Петр III свыкся с лишениями всякого рода во время заточения своего в Сибири, трудился и здесь до кровавого пота, и ныне якобы живет в той же богадельне. Тут ересеучитель, смешивая события совершенно превратно, говорит, что страдалец Петр III не избег написанных ему на роду новых скорбей и вскоре паки подвергся царскому гневу, а 12 февраля 1819 года заключен был в Суздальскую Спасоевфимиевскую крепость, где и находился около 13 лет. Но в июне 1832 года, якобы по личной просьбе скопца, Петр III освобожден из заключения Императором Николаем I-м и, по желанию своему, опять помещен в Преображенскую богадельню, где находится и до дне сего. А что действительно Петр III по сию пору жив и имеет пребывание в Преображенской богадельне, подтверждается это во-первых тем, что якобы некоторые из скопцов ходили к нему на поклонение, и лично видели его, а во-вторых тем, что лица царской фамилии, проезжая мимо сего дома к Преображенскому полку на развод, бывающий ежегодно 6 августа, непременно наводят лорнет на окна этой богадельни, чтобы узреть в них своего прадедушку.

Излишне говорить, до какой степени нелепы эти басни; не смотря на то скопцы-ученики простодушно слушают своих лжеучителей и до того уверены в истине их бредней, что готовы положить жизнь свою за каждое слово. Всего страннее в верованиях скопцов то, что они избрали себе в искупители и назвали вторым Христом и Сыном Божиим ни другого кого, как Петра III. Известно, что Петр III по рождению своему был полурусский и полунемец и, по всей вероятности, в детстве был воспитан не в православной вере. А русский народ ко всем вообще, кто с ним не одной веры, не изъявляет особенного расположения. Между тем из той же русской нации нашелся люд, который не только симпатично отозвался к иноземцу, даже не усомнился поставить его превыше всех святых. Откуда же в

нём такая перемена и что за причина тому? Вопрос этот можно уяснить при помощи событий, предшествовавших и последовавших кончине Императора Петра III. Известно, что он, еще при жизни своей и вопреки собственному желанию, должен был уступить Престол супруге своей Императрице Екатерине II; известно также и то, что он целый год не оставлял мысли к восстановлению прав своих на престол, и что смерть разрушила эти намерения. Неожиданная кончина этого монарха естественно могла породить в отдаленных местах разные сомнения и предположения, а злые люди могли не упустить случая к распространению вредных толков, вследствие которых явились самозванцы. Россия тогда не успела еще забыть кровавых крамол, которые терзали её при Отрепьеве и Тушинском. В последний год жизни Императора Петра III она уже начинала испытывать эти невзгоды; по смерти его, вскоре явился на Волге известный своими злодеяниями Емельян Пугачев, который, подобно Гришке Отрепьеву, не устыдился назваться русским императором, выдавая себя за Петра III. Варварские похождения этого изверга известны всякому из истории России, в особенности из истории Пугачевского бунта, составленной Пушкиным. Больших забот и трудов стоило правительству истребить шайку злодея Пугачева и положить конец зверским его разбоям. Но едва он был пойман и рассеяна его шайка, как между Волгою и Доном стали являться новые самозванцы.¹⁷⁰ А ведь известно, что Дон и Волга по сию пору еще остаются скопищем разных сект и притоном разных бродяг и раскольников. Очень можно предположить, что из этого-то гнезда вывелось чудовище-самозванец, который не только не устыдился назваться Императором Петром III, но и возымел дерзость выдать себя невеждам за второго Христа и второго Сына Божия. Мы тем более имеем право считать предположение своё правдоподобным, что г. Максимов в актах Нерчинских заводов нашел, между прочим, дело, в котором говорится, что один из ссыльнокаторжных называл себя Императором Петром Федоровичем, а сторонние называли его Сыном Божиим. Когда этот самозванец Петр Федоров Чернышев убежал из каземата, то Обер-бергмейстер Лодыгин говорил о

нём при многих: «если бы кто одного Чернышева сыскал и, не убив досмерти, представил, то бы я того человека наградил деньгами, и прямой тот человек Сын Божий». Приключения Петра Чернышева во многом имеют сходство со страданиями скопческого патрона Петра III, особенно в отношении к тем местам, где был судим и наказан первый, и терпел свои страды последний. Чернышев этот впоследствии наказан кнутом и сослан в Мангазей (близ Труханска), но, не дошедши до места ссылки, умер в Енисейске. Событие это происходило около 1767 года. (Из официальных источников).

Священник Василий Прозоров

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Дородницын А.Я. Об учреждении всероссийского миссионерского общества¹⁷¹ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 156–361

Учреждение всероссийского миссионерского Братства вызывается, по нашему мнению, теми тревожными событиями которые переживает православная российская Церковь. Религиозный индифферентизм, а часто и открытое неверие внутри, раскол и множество самых разнообразных сект совне вызывают Церковь на напряженную деятельность. Это особенно должно сказать о расколе и сектантстве. Едва-ли не каждый день приносит нам известия то о появлении новых сект, то о фактах поругания сектантами святыни православной Церкви, то, наконец, о публичных оказательствах воинствующего раскола. Одно остается несомненно верным, что расколо-сектантство сделалось великим недугом нашей церковно-общественной жизни, – недугом одинаково опасным, как по своему упорному, трудно поддающемуся врачеванию характеру, так и по силе присущего ему развращающего влияния на окружающую его православную среду. Надменные уверенностью в своей мнимой святости, фанатически ожесточенные против всего, что напоминает им прежнюю их веру, ободряемые сочувствием им известной части общества, часто оправдываемые в судах, – сектанты открыто и дерзко стали нападать на установления Церкви: кощунственно издеваются над священными предметами (иконами, храмами и проч.), открыто оскорбляют пастырей церкви, врываются с проповедью своих заблуждений в дома православных жителей и поселяют в их семьях вражду. Всё это говорит о том, что враг Церкви, с которым приходится ей бороться, силен и многочислен, что борьба с ним должна вестись не отдельными только лицами, но соединенными усилиями ревнителей православия и при этом по строго установленной системе, с ясным сознанием средств и способов этой борьбы. Это в свою очередь доказывает необходимость такого учреждения в России, которое взяло-бы в своё ведение это великое и трудное

дело, определило-бы истинные размеры угрожающей Церкви опасности и дало-бы вполне целесообразную постановку делу внутренней миссии. Лучшей мерой в борьбе с религиозными заблуждениями раскольников и сектантов признаны духовною властью публичные собеседования с ними. Успех сих собеседований в одинаковой мере зависит как от содержания их, так и от тех приемов, какие употребляются в полемике с раскольниками и сектантами. Но, не говоря уже о сравнительно молодой противосектантской богословской литературе, даже противораскольническая литература не отличается желательной полнотой. Многие догматы Церкви, пререкаемые сектантами (напр. о крещении младенцев, поминовении усопших и др.) имеют крайне бедную литературу, которая далеко не дает миссионерам надежного оружия в полемике с сектантами. Что же касается методики собеседований с раскольниками и сектантами, то она еще ожидает своего исследователя. А между тем время в лице расколо-сектантства и неверующего либерализма предъявляет православному богослову требования по вопросам христианской догматики строгие и всесторонние. Выполнить недостающее в нашей духовной литературе и удовлетворить требованиям испытующего духа сектантства и неверия может только такое учреждение, как всероссийское миссионерское Братство, в котором должны быть собраны лучшие богословски образованные силы Российской Церкви. Для сего в состав Братства должны войти в качестве деятельных членов профессор духовных академий, профессор богословия в университетах, – и вообще Братство должно объединить под знаменем борьбы с сектантством и неверием все богословские силы православной Российской Церкви. Оно должно быть всероссийским не только потому, что задачи его деятельности имеют всероссийский интерес, но потому, что в нём, как в центре, будут сходиться духовные силы со всей православной России. Учреждение всероссийского миссионерского Братства, в котором объединялись-бы богословские силы православной Российской Церкви, представляется желательным еще и по следующим соображениям: то сочувствие, которым пользуются раскол и

сектантство у известной части нашего общества и которое (т. е. сочувствие) нравственно поддерживает и ободряет наших раскольников и сектантов, зависит главным образом от того, что наше образованное общество мало ознакомлено с истинным характером раскола и сектантства, имеет неясные представления об основных взглядах и убеждениях раскольников и сектантов, которыми определяются их отношения к Церкви и государству, знает их только как «гонимых» и «преследуемых». Необходимо вывести наше образованное общество из этого состояния неведения истинного характера расколо-сектантства, раскрыть пред ним внутреннюю его жизнь во всех её проявлениях, то соединенных с гнусными, отличающимся животной разнузданностью действиями (напр. у хлыстов), то исполненных фанатической ненависти ко всему, что напоминает православие и русскую народность, – ненависти, прикрытой лицемерной скромностью и фарисейским благочестием (напр., у штундистов); необходимо раскрыть пред обществом ту истину, что раскольники и сектанты – враги не только Церкви, но в одинаковой мере государства и всего уклада нашей жизни, создавшегося под благотворным влиянием Церкви, что борьба с ними есть долг не одного только духовенства, но и всех, кому дороги заветы Церкви и основы русской общественно-государственной жизни. Это может сделать только целое учреждение, которое в состоянии будет располагать надлежащими для сего средствами, напр., издавать посвященный изучению раскола и сектантства журнал, устраивать публичные чтения по тому же предмету и проч. У сектантов и раскольников есть верные союзники – это открытое неверие и религиозный индифферентизм. Дух заблуждения, которым водятся сектанты и раскольники, находит свои жертвы, чаще всего в среде неверия. Внутренняя миссия в виду сего должна развиваться в двух противоположных направлениях – сверху и снизу и, может быть, даже преимущественнее в первом направлении. Необходимо внести в эту среду свет Христовой истины, озарить им помыслы и чувства оцепеневшие под холодом неверия и приобщить их к источнику живой веры Церкви. Эта задача выходит из круга специально-

миссионерской деятельности, притом она настолько сложна и трудна для выполнения, что превосходит силы отдельных деятелей миссии и пастырей Церкви; здесь необходим коллективный труд всех богословских сил Церкви, который только и может противопоставить надежный оплот волнам разливающегося неверия. А это неизбежно вызывает необходимость такого учреждения, которое ведало-бы это дело, собрало-бы вокруг себя деятелей и руководило-бы ими, каким и может быть всероссийское миссионерское Братство.

Одновременно с этим должно озаботиться поднятием религиозно-нравственного уровня народа. Правда, для борьбы с народными пороками во многих епархиях учреждены братства, общества трезвости и проч.

Но при самых добрых намерениях, часто эти учреждения не достигают своих целей, вследствие отсутствия надлежащих духовных средств. Необходимо такое учреждение, которое объединило-бы разрозненно действующие силы разных духовно-просветительных учреждений, каким и может быть всероссийское миссионерское Братство. Итак развитие (в количественном и качественном отношении) сил внутренней миссии, разработка противосектантской и противораскольнической полемической литературы, распространение в обществе путем литературным истинных сведений о сектантах и раскольниках, борьба с неверием и с народными пороками, – вот, по нашему мнению, задачи деятельности проектируемого всероссийского миссионерского Братства, которыми вполне доказывается желательность, – более – необходимость учреждения его.

Для практического осуществления намеченных задач, всероссийское миссионерское Братство, конечно, должно располагать значительными духовными и материальными средствами. Первые оно должно найти в духовной сокровищнице своих членов, в число которых войдут преимущественно лица, получившие богословское образование, которые в силу уже одного этого нравственно обязаны поделиться своим духовным богатством с меньшими братьями; вторые должны состояться из членских взносов. Для сего в

число членов Братства должны войти все российские иерархи, все священники Российской Церкви, а также лица, служащие в учреждениях духовного ведомства. В начале открытия деятельности, которое всегда соединяется со значительными денежными затратами, если в том окажется настоятельная нужда, не должно отказывать Братству в единовременном пособии, хотя-бы взаимнообразно, из сумм Св. Синода. Для увеличения средств Братства, желательно было-бы учредить кружечный сбор по церквам в один из двенадесятых праздников.

Братство должно войти в живое духовное общение с епархиальными духовно-просветительными учреждениями (братства и разные общества), предлагая последним руководящие наставления по части борьбы с расколо-сектантством и неверием, но в тоже время не стесняя свободного развития деятельности сих учреждений. Средствами этого единения могут быть: печатный орган Братства, посвященный разработке вопросов, входящих в сферу деятельности Братств вообще, обмен ежегодными отчетами всероссийского Братства с епархиальными, сношения по частным вопросам, возникающим в практике епархиальных Братств, в решении которых эти последние встретили-бы какое-либо затруднение, издание листов и брошюр и взаимный обмен ими и проч. Для целей борьбы с расколом и сектантством всероссийское миссионерское Братство должно иметь свою миссионерскую семинарию, где подготовлялись бы лица, желающие посвятить себя миссионерской деятельности. Желательно, чтобы эта семинария была учреждена при одном из монастырей внутренних губерний России. Для той-же цели и вместе с этим для выяснения общего состояния раскола и сектантства в России Братство устраивает миссионерские курсы и съезды.

Мы глубоко уверены, что Бог, помогающий всякому доброму начинанию, благословит успехом и деятельность предполагаемого к открытию всероссийского миссионерского Братства.

А. Я. Дородницын

Огибенин М. День в раскольническом скиту // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 361–371

(Из путевых наблюдений)

В 1886 году служил я приказчиком у одного богатого мясоторговца. В числе подведомых мне рабочих скотогонов был один крестьянин, раскольник безпоповщинского толка (часовенный), Терентий Конев, уроженец одного из заводов Верхотурского уезда. Это был человек совершенно неграмотный, но до фанатизма пропитанный старообрядческими взглядами, – горячий сторонник всего того, что старообрядцы называют «древними преданиями». Высокого роста, сутуловатый, с черными, как смоль, волосами, которые он стриг в кружок и на макушке выстригал. Товарищи скотогоны иногда от нечего делать, сидя где-нибудь в степи у костра, спрашивали Терентия: – «Для чего ты, Тереха, свою голову так выстриг? Ровно поляну среди леса». Терентий обведет своим грустным взглядом всех присутствующих, как-то особенно грустно улыбнется и скажет:

– Где же вам, братцы, понять всего! Ведь вы люди неграмотные; а наши «старички» от Писания говорят, что этот наш обычай самый что ни на есть настоящий, «христианский». Все, кто не подпал под власть «антихриста», должны носить волосы так, как я ношу, отличить слугу «Божьева» от слуги антихристового.

– Полно врать Терентий! Где же об этом писано, спросил я его, что во дни антихриста можно будет отличить верующих от неверующих по тому, как они острижены?

– Да где же мне ответить, коли я человек неграмотный! Божье-то Писанье – глубина во какая! и при этом он многозначительно ткнул пальцем вверх и затем вниз, как бы показывая, на сколько для него обширно Писание. Сами знаете, что и ваши попы читают в церкви Евангелие вот по эстольку, сказал Терентий, указывая на свой мизинец. А вот поговорили бы вы, Михайло Максимыч, с нашими «старцами», тогда и вы уразумели бы истинную христианскую веру; они весь свой век живут в пустыне, молятся денно и нощно, да все читают

старинные книги. А как живут-то! Настоящие тоись райские «анделы».

Однажды в октябре, возвращаясь, мы гнали уже скот в пределах Пермской губернии и в один холодный пасмурный день остановились кормить на покосе какого-то крестьянина. Было еще не поздно. Терентий подошел ко мне и, чтобы не услышали рабочие, тихонько заговорил:

– Михайло Максимыч! не желаете ли съездить к нашим «отцам» в пустыню? Они вот тут недалеко живут, верстах в пятнадцати отселева. Дорогу я знаю хорошо и проведу вас прямехонько! Вот видите эту тропинку, – которая едва была заметна на скошенном покосе и уходила налево в лес, – по ней и поедем. Дорога хорошая! Предложение Терентия, по правде сказать, было для меня очень заманчиво: мне представлялась возможность посетить раскольнический скит и ночевать в теплом помещении. Не долго думая, я согласился. Терентий живо оседлал лошадей – и через пять минут я и Терентий были уже на лошадях. Подъезжая к скиту, мы услышали ржание лошадей и стук топора; Терентий, сняв шляпу,¹⁷² истово перекрестился и промолвил:

– Вот и подъезжаем, слава Богу! Не желая оскорбить религиозных чувств своего спутника, и я сделал тоже самое. Минуты через две мы подъехали к реченьке, через которую был построен плохенький мостик. Поднявшись на противоположный берег, мы увидели построенный среди леса, на равнине, скит. Он состоял из так называемых «отходных» маленьких келий в два и три окна; кельи были расположены без всякой симметрии. Ближе к речке была построена конюшня, где помещались скитские лошади, а рядом с ней забраный жердями сеновал. Здесь мы слезли с лошадей и привязали их у ворот сеновала. Среди келий выделялось своими размерами главное здание – молитвенный дом. Он был построен из сухоподстойного леса, с неопиленными заголками, так что сразу было видно, что постройка его производилась на скорую руку и, как надо полагать, в зимнее время, потому что вместо мха из пазов торчало сено. Примыкавшие к молитвенному дому с западной

стороны сени были довольно обширны, но низки и сплошь наставлены ларями и разными кухонными принадлежностями.

Когда мы подошли к двери молитвенного дома, Терентий предварительно кашлянул в кулак и громко нараспев начал произносить:

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! (это условный знак, общепринятый во всех старообрядческих скитах, без которого неприлично и даже грешно, по их мнению, входить постороннему лицу в келью). Сквозь закрытые двери слышно было пение: «И на людях твоих благословение твое». «Отцы» были, по-видимому, очень заняты пением и из-за него не слышали воззвания моего бедного Терентия, почему он постепенно повышал свой голос, повторяя молитву Иисусову. Это мне начинало надоедать, я предложил ему зайти в келью без молитвы.

– Что вы Михайло Максимыч! Да как это можно! замахал руками Терентий и посмотрел на меня с таким страхом в глазах, с каким смотрят на людей, которые сознательно решаются совершить какое-либо преступление.

Пение, наконец, прекратилось, и вопли моего бедного чичероне не остались «гласом вопиющего в пустыне». Нам отворил дверь старичок-монах, сказав:

– Аминь, Святой молитве!

– Бог спасет на аминь! – серьезным тоном ответил Терентий, как будто в этом именно «аминь» заключалось если не всё, то по крайней мере половина спасения.

– Милости просим, гости дорогие! – сказал отворивший нам монах. Когда мы вошли в келью, Терентий шепнул мне:

– Пожалуйста, вместе не молитесь: «старичков» не огорчайте. А сам очень истово начал молиться, низко кланяясь в пояс.

В это время я стал рассматривать внутренность молельни. Во всю переднюю стену были полки в четыре ряда с множеством икон и с обильным освещением лампад и восковых свечей. Перед самым иконостасом была прибита широкая, покрытая какой-то голубой материей, полка, заменявшая аналой, на которой лежали раскрытые книги. В пении

участвовало несколько монахов, послушников и мальчиков, – пели по крюкам и в унисон; пение, как мне показалось, было гнусливое, грубое и неприятное, читали протяжно, но внятно. Поклоны клали все в один раз. Тот же монах, который нам отворил дверь, пошел доложить об нас отцу игумену Паисию, не замедлившему явиться к нам. Пока он подходил, я успел несколько его порассмотреть. Это был старец лет 70, роста выше среднего, с тёмно-русой впроседь длинной бородой, постническим, желтым изможденным лицом, правильным носом и с густыми русыми бровями, из-под которых бойко смотрели серые глаза. На нём была ряса из черной дешёвенькой материи, а поверх рясы «мантия» из грубого черного сукна, с красным кантом по кромкам, покрывавшая его только до талии.¹⁷³ На голове у о. Паисия была надета «камилавка», плотно облегающая его голову; околыш «камилавки» был каракулевый, шириною в вершок, а на «камилавку» был надет, из такого же сукна как и мантия, «каптырь», который сзади был обрезан по талию, а по бокам спускались ниже рук концы в виде крыльев; по кромкам «каптыря», как и у «мантии», были красные канты; в руках у о. игумена была из черного опойка лестовка. Он подошел к нам и поклонился мне, но руки не подал, так как старообрядцы, держащиеся строгих правил, руки никому не подают, считая это смертным грехом и соблазном последнего антихриста. У них на этот случай есть даже собственное, в старообрядческом духе, стихотворение, под заглавием: «Увещевание древне-православных христиан на время антихристово», где, между прочим, говорится:

– Ой вы, верные
Божьи слуги,
Православные
Христиане,
– Не здоровайтесь за руки,
Да избудете вы муки.

Я, уже знавший заранее подобный обычай, нисколько этим не был удивлен. О. Паисий надолго остановил свой взор на мне и тихим, вкрадчивым голосом, как-бы боясь меня, спросил:

– Откелева пожаловали? – Я ответил.

– Милости просим, милости просим! Спаси вас Царица небесная, что не возгнушались посетить смиренных ваших молитвенников... едва слышно промолвил он. Терентий всё время стоял, скрестив руки на груди, переминаясь с ноги на ногу и ждал, пока о. игумен заметил его. Наконец о. Паисий повернул голову по направлению к Терентию, и моментально лицо его приняло другое выражение.

– А! раб Божий Терентий! Вот радость-то воистину с небеси! Чьи же эти благоприятные молитвы дошли ко Всевышнему, что ты к нам пожаловал? – проговорил восторженно о. Паисий. Терентий стремглав шарахнулся в сторону, оказалось, что он бросился за подручником, взявши, положил его на пол у самых ног о. Паисия, затем, скрестив на груди руки, он начал произносить:

– Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, прости мя, Отче Святой, Христа ради! (земной поклон).

– Бог простит, – отвечал о. Паисий; опять таже молитва и «Благослови!» (земной поклон).

– Бог благословит. В третий раз таже молитва с добавлением и «помолись о мне грешнем». (Земной поклон).

– Царица небесная Владычица молится за всех нас грешных, смиренно проговорил о. Паисий. Богослужение было приостановлено. Терентию было прочитано «прощение». Покончив с «прощением», Терентий всем монахам кланялся в ноги, и они ему отвечали тем же. Облегчив исполнением этой обрядности свою душу, он подвинулся ближе к иконостасу и начал молиться «вкупе» с «отцами».

– В виду того, что у старообрядцев, в особенности в скитах, «прощению» придается особое значение, то не излишне сказать и о способе его совершения. Приходящий в скит мирянин или монах, пробывший некоторое время в миру, считает нравственным долгом, посредством прощения, очистить себя от «замирщения». Оно совершается следующим образом. «Измирщенный» лежит неподвижно на полу, упершись руками и головой в «подручник», и начинает прощение следующими словами: «Прости мя, Отче Святой, или Мати Святая,¹⁷⁴ и благослови, елико согреших во вся дни живота моего и в сей

день и час без числа согреших душою и телом, сном и ленью, помрачением бесовским, в мыслях нечистых, в забвении ума и во осуждении. Согреших сердцем и устнами и всеми моими чувствами – слухом и видом, волею и неволею, в молении со иноверными, в ядении, в питии, в любви, в дружбе и во обычаи, и несть бо того греха на земли, его же не сотворих, но о всех каюся: прости мя, Отче Святой (или Мати Святая), и благослови и помолися о мне грешнем». Затем кающийся встает и трижды кланяется до земли игумену, а потом и братии.

Пока служили вечерню, на кухне, которая помещалась налево за заборкой, в одних рубашках, из грубого холста, в таких же шароварах и холщовых фартуках, приготавливали ужин два дюжие монаха. На ногах у них были кожаные башмаки с опушкой из красного сукна, а на других монахах, которые молились, были рясы, на послушниках же вместо ряс были подрясники, с двумя борками сзади, из черной же материи.

Очень долго служили «отцы» вечерню и еще дольше молились о здравии своих благодетелей, которые действительно щедро награждали скитян всем необходимым, как я заметил это во время ужина. Наконец о. Паисий провозгласил:

– Извольте класть начал!

(Это краткая молитва с семью поклонами, принятая у старообрядцев и единоверцев, которой начинается и кончается всякое богослужение). Семьмипоклонный начал через две минуты был окончен. Игумен, обернувшись лицом к братии, сделал ей два земных поклона; братия отвечала ему тем же. Кстати замечу, что у о. игумена «подручник» был сшит несравненно больше, чем у других монахов, по старейшинству ли, по другой ли какой причине, для меня осталось неизвестным.

Служба кончилась. Монахи, в ожидании ужина, разместились по скамейкам, расставленным около стен в молельне и ни на одном монахе я не мог увидеть рясы с широкими рукавами, а потому я и обратился с вопросом к о. Досифею – большому начетчику в ските, о котором речь будет

впереди. Происхождение широких рукавов, как Никоновское изобретение, довольно курьезно объяснил он мне.

– «Никон Патриарх, начал он повествовать, еще будучи простым монахом любил щеголять и рисоваться своею внешностью. Однажды приехав в Москву, он вздумал заказать для себя рясу. Для этой цели он купил самой хорошей в то время материи и отдал её портному – горькому пьянице, последний был с жестокого похмелья, когда её кроил, и был пьян, когда шил, а с пьяных глаз и не заметил, что рукава вышли необыкновенно широки. Через несколько времени приходит Никон и опрашивает:

– Ряса готова?

– Готова! промычал лежавший и уже мертвецки пьяный портной.

Никон примерил рясу, работа ему понравилась, а рукава показались даже очень оригинальными, и он решил их не переделывать, а оставить в таком виде. Никон и тогда, когда был возведен в сан патриарха, носил рясу с такими же рукавами. Современное ему духовенство, из подражания суровому Патриарху, стало заказывать такие же рясы с широкими рукавами». Раскольники-монахи, чтобы не подражать ненавистному им Никону и отличаться по внешности от «Никониан», носят рясы с обыкновенными рукавами.

Пока мы разговаривали с о. Досифеем, повара засуетились: они вносили столы и накрывали их скатертями. Мне, как почетному гостю,¹⁷⁵ был поставлен отдельный стол за левым клиросом. Они особенно вежливы с человеком православным, который в первый раз заедет к ним в скит и стараются всячески угодить ему и словом и делом.

Перед ужином была прочитана всеми монахами краткая молитва: «Ядят нищии и насытятся». Всё время, пока ужинали, на середине молельни читал один монах жития св. отцов, каким-то странным тоскливым речитативом и перед точками последние слоги очень длинно затягивал. Монахи кушали молча и лишь изредка о. Досифей в полголоса объяснял трудно понимаемые места прочитанного. Пока он объяснял, чтец молчал, закрывшись «каптырем».

Ужин продолжался часа полтора. Я отужинал ранее и от нечего делать занялся рассматриванием икон, а так как в кельи было очень темно, то читавший монах, окончив чтение, светил мне восковой свечей и объяснял, которая икона кем написана, откуда она приобретена, сколько за неё заплачено, или кто пожертвовал. Иконы вообще были небольших размеров, но некоторые из них были особенно тщательно написаны.

– Эта вот, показал мне рассказчик пальцем на икону «Рождество Богородицы», писана бр. Богатыревыми в Невьянском заводе 60 лет тому назад, а эта вот, показал он на образ «Одигитрии», работы о. Григория; поди знаете, который подвизался в 17 верстах за Верхне-Тагильским заводом,¹⁷⁶ и куда на 28 июня ежегодно стекаются на поклонение мощам (?) его тысячи богомольцев «христиан». Писал-то сердечный на камню: скала там есть на Урале неприступная, с которой видать верст на 50 кругом, – на ней он, родимый, и трудился в писании св. икон, пояснял мне словоохотливый молодой монах.

– Я там бывал, сказал я ему.

– Слава тебе Господи! воскликнул монах и набожно перекрестился. – Значит «никонианская закваска» в вас уже выдыхается, коли вы посещаете места, чтимые «древлеправославными» христианами, радостно проговорил монах.

Когда кончено было последнее кушанье, о. Паисий скромно сказал:

– «Будьте довольны!»! и, перекрестившись, начал вставать из-за стола; его примеру последовала и вся братия. После ужина была прочитана молитва: «Бысть чрево твое святая трапеза», и т. д., и опять моление о здравии жертвователей и благотворителей.

Потрапезовав, унесли столы из молельни, зажгли лампы и свечи и стали служить «Повечерницу» с пением ирмосов «Иже воды древле». По окончании Повечерницы были прочитаны молитвы на сон грядущим и монахи, испросив благословение у Игумена, разошлись по разным кельям на покой.

Я постарался завязать разговор с о. Паисием и прежде всего спросил:

– Давно ли вы о. Паисий здесь спасаетесь?

– Восемь лет уж, отвечал он, да начальство шибко беспокоит: то пристав приедет, то урядник, то лесничий, который без билета, видите ли, не велит рубить дров, а нам грешным не желательно быть запечатленными печатью антихристовою. Ох! хитер окаянный! всеми ведь «средствами» старается он уловить в свои многоплетенные сети, дабы совратить с пути истинного и низринуть в ров погибели. Намедни вот тоже пристав приехал: зачем, говорит, совращаете в «рашкол» православных? Ох, искушение! Человек желает принять «древнее» благочестие, а тут брадобривец-табашник говорит: зачем совращаете в «рашкол?» Ох, времена тяжкие! Нет уж «прости Христа-ради,¹⁷⁷ я с этим не согласен. Белый свет на волю дан. Мы никого насильно не тащим. Уж если открыл кому что Господь, так оно и выходит. А то пристав разве душа-то приставом сотворена... А табачищем-то от него как несет, ровно из газовой трубы, прости Господи... Приедет урядник, такой вертлявый да непутный, что и не дай Бог! пристанет как смола: покажи да покажи ему стариц! Где, говорит их священная обитель, да где, говорит, у вас воспитываются дети, рожденные под тенью «древ». Что же дети то – еловые шишки что ли? Уж подлинно – слуга антихристов. Он тебя отругает всячески, а ты его благодаришь, благодаришь... да кланяешься.

Пока мы разговаривали, сидя в молельне, на столе в железном подсвечнике, горела сальная свеча, с которой то и дело один послушник железными щипцами снимал нагар. Я заметил о. Паисию, что лучше бы иметь керосиновые лампы, чтобы избежать беспокойства и иметь более сильное и дешевое освещение.

– Нет, Михайло Максимыч, нам новшества не нужны Эти самые «ланпы» – одна вражда на Бога. Ты хоть то пойми: этот самый «карасин», сказывают, из адских недр брызжет; возьми, к примеру, его запах – самый адский, мерзительный. Да и огонь-то от него бесовский: чуть что – такая копоть пойдет, что и Боже упаси. Нет уж, «прости Христа-ради», мы к нему не причинны во веки веков. Те, кто выкопал этот «карасин», и будут гореть в

нём веки вечные. О. Паисий при последних словах, опустив голову, задумался. Всё это прелести века сего, Михайло Максимыч, вновь начал он, а нам грешным нужно стараться при помощи Божией их избегнуть. Прошлой зимой, знаете ли, один «христороубец» привез из деревни к нам в обитель мешок картофелю. Ох, напасть! Ныне в миру все жрут, а святые-то отцы запрещают ясти этот плод. Он вырос, я тебе скажу, оттуда, что срамно есть и глаголати. Что есть кортофель – не знашь? Всякое растенье на верху плод дает, а картофь в самой что ни-на-есть земле. Видишь, совесть не чиста, потому она в землю от глаз людских и прячется. Келарь это приношение не принял, а «христороубцу» я велел увезти картофель за два поприща (за две версты) от кельи и вывалить их в снег. Послушный был раб Божий, спаси его Господи, целый пятипудовый мешок не пожалел. Другие вразумились и дали обет николиже вкушати от сего грешного и запрещенного плода.

– А какие св. отцы, о. Паисий, воспретили есть картофель? полюбопытствовал я.

– А на что тебе это нужно знать? Вышних тебе не ищи и больших себе не испытуй. Возьми хоть книгу преподобного отца нашего Барония (?), – и тамо обрящеши.

Макарий Огибенин

(Продолжение будет).

Бронницкий С. Разговоры вреди друзей по поводу романа «Воскресение» Л.Н. Толстого //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 371–381

(Картинка с натуры)

Молодой человек только что прибывший из подмосковской глуши для того, чтобы отвести душу в подпраздничной кружковой беседе мыслящей, передовой интеллигенции современной Москвы, спешил в Кривоколенный переулок, которых так много в Москве; через четверть часа он остановился у двухэтажного деревянного дома, окрашенного в коричневую краску.

Наш провинциал, взглянув мельком в карманные часы, поспешно спустился в самый нижний этаж названного дома, по лестнице, ведущей с улицы в парадное крыльцо и дернул за ручку звонка.

Ему отворила, молодая служанка с добродушной приветливой улыбкой и на вопрос, здесь ли Владимир Владимирович и Игнатий Иванович, – отвечала, что еще не явились, но вероятно скоро будут. По шуму доносившихся голосов видно было, что гостей собралось не мало. Молодой человек лишь двоим-троим на ходу пожал руки, все остальные были незнакомы ему. Так как большая часть компании сгруппировалась «в библиотеке», заняв все имеющиеся на лицо стулья и диваны, то наш провинциальный интеллигент присоединился к тем, которые стояли около самого шкафа, заваленного сплошь книгами, и уже вели горячий спор о чём-то. Вокруг спорящих, в ажитации с заломанными назад руками, шагали две девушки-курсистки. Значительная часть публики расположились в непринужденных позах за огромным столом, занимавшим почти всю комнату, и друг с другом перебрасывались короткими отдельными фразами, иные смеялись, иные вполголоса пели, а иные бренчали на гитаре. Но вот скоро явились и знакомые нашего одиноко чувствовавшего себя провинциала. Собрание было в полном составе завсегдаев.

– Господа! – начал Владимир Николаевич, – собрались мы сюда, как вам известно, для обсуждения тех жизненных вопросов, которые затронул Л.Н. Толстой в романе «Воскресение». В настоящую минуту мне хотелось бы предварительно коснуться существующих толков, по поводу этого замечательного во всех отношениях гениального произведения. Я нахожу, что означенные как печатные отзывы, так и частные разговоры, во-первых, противоречивы, во-вторых, неискренни. Они не отвечают прямо на запросы автора, суть которых, как справедливо сейчас заметил Рогожин, заключается в следующем: правильно ли настоящее, занимаемое нами, положение в жизни? верен ли вообще наш жизненный кругозор? Это, по моему, самое важное, это то, как увидим ниже, что желал сказать автор устами своего главного героя, кн. Нехлюдова. Остановливаясь на личности сего последнего, вижу, что Нехлюдов, один из тех новых типов, которые правда еще редки, они только что пробиваются на свет Божий, но которым, однако, суждено, может быть, в недалеком будущем поднять упавший дух нашей интеллигенции, указать ей иные формы жизни, чем те, из которых сами вышли, вкусив до пресыщения заманчивых снаружи, но вредных для духа – плодов этой развращенной, ложной жизни. Нечего говорить, что Н. в данном случае далеко не походит на обыкновенные типы «недовольных людей», под какую категорию причисляет его поверхностная фельетонная критика, и которых особенно изобильно расплодилось на почве барства в пореформенное время. Он не подходит ни к Печорину, ни к Чацкому и ни к кому из так называемых передовых людей, он именно новый тип...

– Напротив, я нахожу много общего с означенными передовыми деятелями, – сказал, приподнимаясь из-за стола и приближаясь ко всё более и более увеличивающейся группе спорящих около шкафа, господин лет 30, сутуловатый, худой, с жиденькими, русыми всклокоченными волосами и с обозначавшейся широкой лысиной на темени. Господин этот, по-видимому, был из числа «нервных». Когда он заговорил, то сразу на несколько тонов повысил голос, не соответственно с развитием хода своей аргументации. В продолжение всей речи

серые глаза его искрились задором, а на тонких губах едва заметно мелькала ироническая улыбка.

– Нехлюдов, говорил Виктор Васильевич, по моему, прежде всего представитель известного нам обличительного направления в литературе, которое впервые является у нас с именем *Грибоедова*. Говорят, что Т-й будто бы слишком сгущает краски в изображении темных сторон жизни людей своего круга. Странно! да разве Т-й единственный пример в роли обличителя укоренившихся вредных привычек людей данного круга, их предрассудков, их стремлений к власти, к карьере и т. п. Возьмите хотя беспощадную сатиру Щедрина, или скромную лиру Некрасова, возьмите некоторые типы Гл. Успенского, Островского, Достоевского, даже романы ретроградного кн. Мещерского, – все они в известных своих произведениях являются более или менее обличителями пороков высшего общества, его ханжества, бюрократизма, взяточничества и т. д. А потому таких людей с их пламенными речами в защиту «униженных и оскорбленных», в защиту правды, – мне бы хотелось уподобить ветхозаветным пророкам, в каковом смысле они и охарактеризованы в стихотворениях Лермонтова и Пушкина. «Глаголом жечь сердца людей»... Да и с точки зрения ортодоксии, улыбнулся Виктор Вас. в сторону Игн. Ив., обличительные речи их, надо полагать, не бесполезны: кто знает, какими путями Провидение ведет человечество к свету?

– Пути промысла Божия, конечно, для нас непостижимы, отвечал серьезно Игнатий Иван., это так, но всё же современные пророки ни в образе жизни, ни в образе мысли далеко не походят на известных нам ветхозаветных пророков: у последних было хоть единство цели, – их проповеди покоились на личности Мессии. А у наших пророков, позвольте узнать, в чём высказывается единство их мирозерцания?

– Единство мировоззрений современных мыслящих людей можно формулировать так: *искание смысла жизни*, сказал Аким Михайлович.

– Искание смысла жизни это такая общая формула, которую, во-первых, можно приложить ко всякой разумной личности, живущей хоть мало-мальски духовно, во-вторых,

формула эта по времени её происхождения так же стара, как стар мир. Следовательно, в настоящем вопросе она ничего не объясняет. Надо необходимо иметь предельные границы, и, как мне кажется, не лучше-ли под рассматриваемым единством разуместь просто единую руководящую идею, или, по крайней мере, общие точки соприкосновения в деятельности и мысли передовых людей нашего времени. Не скажите откровенно – где эти точки?

Где, в каких случаях и по каким вопросам современные люди, мысли и идеи сливались бы в стройном гармоничном концерте?

Нет, но все и каждый идут своей собственной дорогой, часто не понимая друг друга, мешая один другому. Если, напр. Чацкий обличал общество за его рабство пред западом, обличал за его пристрастие к той западной цивилизации, которая характеризуется «гнилью», обличал за отступление от коренных основ русской жизни, каковы – вера, язык, патриотизм и т. под.; если славянофилы в лице братьев Киреевских, Аксаковых, Самарина и Хомякова, отчасти и народники, ратовали за патриархальную Русь, – то другая партия мыслящих людей во главе с Герценом и Белинским, что называется, до мозга костей была проникнута западничеством и находилась с первыми в постоянной вражде... Ясно, что все эти люди в искании путей жизни шли вразброд, и ни о каком объединении тут и речи не может быть.

– Вы так думаете, – заметил высокого роста, довольно плотный, с небольшой годовой черноватый, суровый господин, – а ведь Т-й думает иначе: он, мне кажется, со своею проповедью далек от всякой партийности и должен послужить примирителем враждующих из-за идей сторон.

– Это на каком же основании обольщаете себя подобными несбыточными надеждами, может быть, на основании беспощадного отрицания Т-м *всего*, что дорого и свято для большинства людей и что, по моему, составляет сущность жизни? Игнатий Иванов. видимо волновался. Несколько раз он порывисто прошелся по комнате в напряженной задумчивости, потом продолжал: какие же в самом деле у нас могут быть точки

соприкосновения с учением гр. Т-го, и на каком бы из известных нам передовых людей этот «великий писатель земли Русской» остановил своё благосклонное внимание? Решительно ни на ком: все они – и социалисты, и народники, славянофилы и западники, поскольку каждый из них, опираясь на свои теории, старается защитить тот или иной социальный порядок: государство, культуру, религию, церковь, – все они, по мнению Т-го, стоят сознательно или бессознательно за насилие, все хотят властвовать друг над другом, ибо всё это – и культура, и церковь – чистейший самообман, совершенно ложный путь жизни, это, пожалуй, выдумка ловких людей для своей выгоды...

Таким образом, Толстой, отвергнув всю историю жизни человечества, как какой-то сплошной мираж, хочет выдумать для него свою историю действительной разумной жизни; он, как замечает один критик Т-го: «хочет решительно до всего доходить сам. Всё готовое ему претит хуже, чем разогретое блюдо. Ему нужна своя религия, своя политическая экономия («что такое деньги?»), своя нравственность, своя жизнь, своя культура»...¹⁷⁸ Где же, спрашивается, у него примирительные начала с мыслящими людьми разнообразных, но честных убеждений, из которых для многих то, что отрицает Т-й, была сама разумная действительная жизнь?

– Толстой, по-видимому, сам себе закон, сказал, приподнимаясь на локотки маленький субъект и вопросительно посмотрел на Ник. Влад. Это видно из того, что он обходит самые законы жизни.

– Ничего этого не видать, пока вы не объясните, о каких законах думаете, в свою очередь зашумел Николай Владимирович, демонстративно оставляя своё председательское место, под предлогом достать какую-то книгу с полки.

– Я надеюсь, что для большинства из нас, здесь присутствующих, законы эти известны и не требуют особых пояснений с моей стороны, сказал молодой человек и вспыхнул. Впрочем, я готов для большей определенности разъяснить

свою мысль. Законы, о которых я думаю, разделяются на два вида, или на две категории.

Поскольку человек существо живое, «он подчинен всем законам животного существования, которое открывает нам биология». Важнейший основной закон этого порядка прежде всего есть закон поддержания и сохранения животной жизни, – закон, который ап. Павел формулирует так: «никто же плоть свою, ненавидит, но всякий питает и греет её». Рядом с ним другой закон, данный Богом: «раститесь и множитесь и наполняйте землю». Отсюда создалась семья, отсюда явилось стремление к сохранению своего рода, отсюда же и борьба, физические наслаждения, стремление к личному счастью; отсюда, наконец, создалось общество и государство.

Но человек не только животный организм, он и существо духовное, он подчинен (другим законам – внутренним, нравственным, во главе с религиозным чувством. Это последнее человек выразил в религиозном культе, со всеми его ритуалами. История и антропология доказывают, что насколько бы ни было примитивно духовное развитие человека, но без религии он не живет. Правда, некоторые из путешественников утверждают, что будто существуют такие дикие племена, у которых не найдено никаких признаков религиозной жизни. Однако, нам кажется, что подобным исследованиям придавать особого значения нельзя: путешественники могли ошибиться, не понимать дикарей, или превратно истолковать их ответ, да и сами дикари могли неясно выразить свои чувства, словом, могло произойти взаимное непонимание.

С другой стороны, отрицательных фактов несравненно меньше, чем положительных, говорящих в пользу религии. Итак, эти два вида законов – животные и духовные – в общем составляют одно целое – жизнь людей. Притом, если первые необходимы для сохранения животной личности, то вторые, внутренние, регулируют жизнь личностей в их взаимоотношениях и в отношениях к Богу, дают личности соответствующее направление и развитие. В развитии, или прогрессе жизни, кроме законов, громаднейшее значение имеют идеалы.

Идеалы первобытного человека, представителем которого до некоторой степени является современный дикарь, преимущественно сосредоточивались в счастье животной личности, в чувственном наслаждении; этим отчасти объясняется косность, неподвижность людей первобытной культуры.

На высшей ступени развития человека замечаются уже следы духовной жизни, стремление к высшим идеалам, постепенно является все то, что у нас называется творчеством: искусство, литература, наука и др. плоды духовной жизни. К таким культурным народностям принадлежат древние Греки и Римляне. Что касается христианства, как новой эры, то оно является завершителем этого великого движения к прогрессу человечества.

Христос, как свидетельствует ап. и евангелист Иоанн Богослов, есть начало и конец всей мировой истории.¹⁷⁹ Начало в смысле того нового направления в жизни человека, где тело должно подчиняться духу, конец в безусловном, всесовершенном идеале, явленном миру в безгрешной личности Христа.

Но между, этими двумя полюсами жизни – что должно быть существенно в идее царствия Божия (в земной жизни людей по заповедям Христовым) – необходимы известные градации, в зависимости от степени совершенства людей, необходим разнообразнейший строй общежития людского, как-то: семья, общество, государство с его гражданскими законами.

Разнообразнейшие союзы и кооперации обществ в своём истинном назначении должны способствовать развитию в людях взаимной симпатии, взаимной солидарности.

Но утверждать, по примеру Т-го, что тот или другой государственный строй есть выдумка хитрых людей, значит сознательно возводить чудовищное обвинение на этих людей, которые являются ни больше – ни меньше, как только, орудием данных законов жизни, направляемых всемогущею рукою Творца и Промыслителя.

Само собою разумеется, братство и равенство во имя Христово весьма желательно; но ведь это идеал,¹⁸⁰ к которому

стремится человечество, но достижению которого мешают низшие законы, игнорируемые Т-м без всяких твердых оснований. – Сдается мне, что вы не совсем поняли Т-го, заметил бледнолицый молодой человек: вы, напр., неосновательно говорите, что будто бы Т-й отвергает все законы жизни; напротив, закон внутренний, нравственный, – разум и совесть, по его мнению, скорее, по духу христианского учения, должны преобладать над законами внешними, каковы, напр., законы гражданские. Может быть, законы последней категории и необходимы были для языческих народностей, когда государство было всем, а личность ничем, когда личность безусловно подчинялась закону и приносилась в жертву не только государству, создавшему эти жестокие законы, но капризам какого-нибудь тирана, вроде Нерона, для потехи которого ничего не стоило состряпать кровавый человеческий винегрет из рабов и христиан! Другому такому же тирану, глядишь, взбредет в голову сумасбродная мысль объявить войну, с целью порабощения сильными слабых, и затем в виде триумфа принести на алтарь жертвы сотни военнопленных! И всё это проделывалось правителями и законодателями, под личиною выдуманных ими гражданских законов, которые, наверное, считались и тогда, как теперь, божественными установлениями. Мне бы хотелось по этому поводу защитникам ортодоксии заметить, что они забыли, как Христос обличал фарисеев и книжников за то, что они возлагают на плечи человеческие неудобноносимые бремена, под гнетом которых стонал народ, и вместе с тем забывают о Божием законе, о повиновении голосу совести, забывают о том внутреннем свете, который влечет человека к добру, к познанию истины. А истина делает человека свободным от всяких пут и от рабства закону, по слову ап. Павла: «мы умерли для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве».

– Сергей Васильевич! заговорил опять Игн. Ив., вы, во-первых, совершенно произвольно истолковываете приведенный вами текст св. Писания. Не подлежит сомнению, что под законом апостол понимает закон прародительского греха, для

которого мы действительно умерли во Христе, «искупившем нас от клятвы законные», но не закон гражданский, относящийся к общежитию людей. Во-вторых, вы смешиваете этот последний с некоторыми выдумками людей, которые иногда несправедливо прикрываются личиною закона. Как раз подобного рода вставки, осложнения появились и в законе Моисея, когда фарисеи и так называемые законники сделались единственными авторитетными истолкователями помянутого закона и руководителями народа. Очевидно, вставки эти были резким противоречием закону Божию и даже закону гражданскому, определявшему права семейные, общественные и бытовые еврейского народа, почему и вызвали со стороны Господа известное порицание.

Впрочем, всякий гражданский закон в делах высшего блага с течением времени подлежит изменению и развитию, в зависимости от развития общественного самосознания; очевидно, фарисеи не имели в виду последнего при изменении законов, а руководствовались властолюбивыми эгоистическими расчетами, за что и были осуждены Верховным Законодателем. Между тем вопрос, т. ск., пересмотра закона стоял на очереди, и Господь, объясняя смысл этих временных законов, заметил, что некоторые из них были даны по жестокосердию людей и к данному духовному строю общества уж неприложимы. Отсюда однако вовсе не следует, что те или другие гражданские законы не имеют вообще значения для жизни. Нет, на всех степенях общественного развития они, вместе с законами нравственными, имели и будут иметь смысл борьбы со злом, смысл ограждения человека от зла, отовсюду входящего в его жизнь. Вследствие чего упомянутые законы разделяются как бы на два порядка: законы внешние, гражданские и законы внутренние, нравственные, дающие силу первым и в свою очередь санкционирующиеся в Божественном законе, основанном на откровении.

– Позвольте! как же все сейчас сказанное вами согласовать с учением Христа о Царствии Божием в отношении к государству? Как понимать отказ Христа о разделе имения между тяжущимися родными братьями? Да и вообще из

Евангелия видно, что Христос совершенно игнорировал все наши житейские законы.

– Так и понимайте, как сказано об этом в Евангелии, – сказано, что Христос не имел дела с общественной организацией, а имел с организацией человеческой души, которую пришел спасти. Вот что еще добавлю словами одного апологета: «Христос мог преподать только вечную, непреходящую истину, ибо христианство есть свет, предназначенный светить во все века, – и потому Христос не мог давать указаний относительно внешних учреждений общественной жизни, которой Он нигде не касается. – Все установления царства Божия, преподанные Им, относятся до духовной жизни людей, до внутреннего человека («Царствие Божие внутри вас» – Лк.17:21), – не затрагивая непосредственно никаких внешних учреждений древнего мира. Он возродил, создал нового духовного человека, и этот возрожденный и обновленный человек должен был, по мере освобождения его чрез познание истиною (Ин.8:32), пересоздавать и весь внешний строй жизни древнего (и нового) общества».

С этой точки зрения, мне кажется, и можно понять, игнорировал ли Христос наши житейские законы. Нет, Он не игнорировал их; чтобы видеть это, достаточно поразмыслить об ответе Господа иродианам по поводу дани Кесарю, а также об ответе Его Пилату по поводу власти последнего; или, наконец, о повелении Спасителя исцеленным прокаженным идти к священникам и принести очистительную жертву, установленную законом Моисея. Кроме всего этого мы и по самому смыслу христианского Откровения должны понять, что строй жизни людей, охраняемый законом, вовсе не безразличен для христианского вероучения, в частности для Церкви. Глава Церкви – Христос, Который открыл нам Бога, как любвеобильного Отца, непрестанно пекущегося о чадах Своих, – учил о Промысле Божиим, говоря: «если всякую полевую лилию Бог одевает в красивые одежды», тем более печется десница Всевышнего о внешних удобствах нашей жизни, как-то, о пище, одежде, жилище и т. п. Мудрые гражданские законы (в

параллель с законами нравственными); способствующие установлению царства Божия на земле, суть та же красота лилии, ласкающая наше зрение, это твердый покров, под которым спокойно могут развиваться духовные силы.

(Продолжение следует).

С. Бронницкий

**Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 3. С. 382–400**

IV

Написано не чернилами, но на *скрижалях сердца* плотяных (2Кор.3:13).

И настоящую беседу нашу с читателями «Мисс. Обозр.» мы посвящаем *толстовскому* вопросу, как самому животрепещущему в данный момент, когда о гр. Льве Толстом и толстовстве всюду на Святой Руси говорят и судят, недоумевают и негодуют, скорбят и молятся... Причина известна – послание Св. Синода, в котором Св. Церковь, как любящая и долготерпеливая мать, – голосом, полным скорби и молитвенного участия, – наконец, всенародно засвидетельствовала, что, в 1-х, гр. Лев Толстой – новый лжеучитель, проповедующий, с ревностью фанатика, к соблазну и ужасу всего православного мира, ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности христианской веры, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, – 2-х, что он сознательно и намеренно *отторг сам себя* от всякого общения с Церковью православною и, в 3-х, что Церковь не считает его своим членом и не может считать до тех пор, пока гордый лжеучитель не раскается и не восстановит своего общения с нею, и, в 4-х, наконец, Церковь, как сердобольная мать, молится, а следовательно и призывает к молитве и других, кому дорог Лев Николаевич, – а кому он и спасение его души не дороги! – чтобы милосердый Господь, «не хотяй смерти грешника», подал заблудшему в прельщении гордого ума своего рабу «покаяние в разум истины».

Как не похоже это послание, исполненное милосердой, сострадательной, чисто материнской попечительности о заблудшем сыне, на грозные энциклики католической Церкви!¹⁸¹ В тоне послания и во всём отношении Церкви к яснополянскому отступнику сказалась типическая черта нашего русского православия, долготерпеливого и многомилостивого, как Сам Законоположник её, Господь.

Всякий верный сын Церкви должен преклониться пред посланием, как непрерываемым голосом Церкви, как пред актом глубокой исторической важности, знаменующим собою проявление жизненности в церковном нашем организме и неподкупной правды в решениях правящей Церкви. Но теперь говорить должно и в печати, и с кафедр ученых, учебных и церковных, в обществе и семьях о заблуждениях толстовства, о том неисчерпаемом зле, которое принесло и может еще принести пагубное религиозно-социальное учение толстовства, которое, к сожалению, многие еще не ясно определяют.

Казалось бы, в послании Св. Синода все ясно и просто, однако в умах оторвавшейся от устоев церковной жизни интеллигенции событие это порождает некоторые недоразумения и кривотолки. Между прочим, к нам в редакцию поступили следующие пытливые запросы, на которые и считаем долгом дать здесь, хотя бы вкратце, посильный ответ, по мере нашего разумения.

Спрашивают: давно-ли Л.Н. Толстой совершенно отпал от родной православной Церкви?

На это ответим собственными словами Льва Николаевича, заимствованными из предисловия к его книжке «Христианское учение». Над обработкой изложенной в ней системы своего учения наш новый лжеучитель трудился, по словам издателя книжки, г. Черткова, два года, а ему сдал для напечатания 2 сент. 1897 г. Вот что и как говорит здесь гр. Толстой о времени и процессе своего отпадения от православия и христианства.

Жил я до 50-ти лет, думая, что та жизнь человека, которая проходит от рождения и до смерти, и есть вся жизнь его, и что потому цель человека есть счастье в этой смертной жизни, и я старался получить это счастье, но чем дальше я жил, тем очевиднее становилось, что счастья этого нет и не может быть. То счастье, которое я искал, не давалось мне, то же, которого я достигал, тотчас переставало быть счастьем. Несчастий же становилось всё больше и больше, и неизбежность смерти становилась всё очевиднее и очевиднее, и я понял, что после этой бессмысленной и несчастной жизни меня ничего не

ожидает, кроме страдания, болезни, старости и уничтожения, я спросил себя: зачем? и не получил ответа.

И я пришел в отчаяние.

То, что говорили мне некоторые люди, в чём я сам иногда старался уверить себя, что надо желать счастья не себе одному, но другим, близким и всем людям, не удовлетворяло меня, во 1-х, потому, что я не мог искренно так же, как себе, желать счастья другим людям, во 2-х и главное – потому, что другие люди точно так же, как и я, обречены были на несчастье и смерть. И потому все мои старания об их благе были тщетны.

Я пришел в отчаяние. Но я подумал, что моё отчаяние может происходить от того, что я особенный человек, что другие люди знают, зачем живут, и потому не приходят в отчаяние.

И я стал наблюдать других людей, но другие люди точно так же будто бы, как и я, не знали, зачем они живут, – одни старались суетой жизни заглушить это незнание, другие же уверяли себя и других, что они *верят в разные веры*, которые с детства внушены им; но верить в то, во что они верили, невозможно было, *так это было глупо* (sic!). Да и многие из них, мне казалось, *только притворялись*, что они верят, но в глубине души не верили (?).

Какой однако самоуверенный сердцеведец яснополянский лжеучитель! Он забыл предостерегающие от слова св. Писания: «Божия никтоже вестъ, точию дух Божий, и человека никтоже, точию дух человеческий»...

Но последим дальше за откровением яснополянского пророка о том, как далась ему премудрость неверия.

Продолжать суетиться я уже не мог: никакая суета не скрывала непрестанно стоящего передо мною вопроса, и также не мог вновь начать верить в ту веру, которая была преподана мне с детства и которая, как я возмужал умом, сама собой отпала от меня. Но чем больше я изучал, тем больше я убеждался, что тут и не может быть истины, что тут одно лицемерие (?) и корыстные виды обманывающих и слабоумие, упрямство и страх обманутых.

Не говоря уже о внутренних противоречиях этого учения, о низменности, жестокости его, признающего Бога карающим

людей вечными мучениями, – главное, что не позволяло мне поверить в это учение, было то, что я знал, что рядом с этим православным христианским учением, утверждавшим, что оно одно в истине, было другое христианское – католическое, третье лютеранское, четвертое реформатское, и все различные христианские учения, из которых каждое про себя утверждало, что оно одно в истине; знал я и то, что рядом с этими христианскими учениями существуют еще нехристианские религиозные учения, – буддизма, браманизма, магометанства, конфуцианства и др., – точно также считающие только себя истинными, все же другие учения – заблуждением.

Это написано в 1897 году, но те же самые воззрения, но только с большею богохульною резкостью, гр. Л. Толстой высказывал в начале уже 90-х годов, – в первых своих религиозно-еретических трактатах. Так, в «Исследовании Евангелия» наш яснополянский лжеучитель заявляет, что он сначала спрашивал разъяснений своих религиозных сомнений и запросов у монахов, священников, архиереев, митрополитов, ученых богословов. Данные последними разъяснения показались ему неубедительными, неясными, «недобросовестными». Тогда он сам взялся за богословские книги и стал изучать их.

«И вот изучение это, – пишет гр. Толстой, – привело меня к убеждению, что та вера, которую исповедует наша иерархия, и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман. В православном вероучении я нашел изложение самых непонятных, кощунственных (!) и безнравственных (!) положений, не только не допускаемых разумом, но совершенно непостижимых и противных нравственности, и никакого учения о жизни и смысле её».

Неужели и этого мало сказано со стороны яснополянского богохульника, чтоб почувствовать весь ужас зла, им влитого в сердца христиан!

«Я был приведен к убеждению, что Церкви никакой нет. Все различно верующие христиане называют себя истинными христианами и отрицают одни других»...

«И в нашем европейском мире, и в Америке, где всё по новому, все, как сговорились, повторяют тот же самый глупый обман; исповедуют каждый свои истинные веры, считая их едиными истинными, не замечая того, что другие точь-в-точь то же самое делают» (Исслед. Еван., изд. 1893 г., стр. 3–7).

Отступление от Церкви и восстание на Христа явилось у гр. Толстого, не как плод серьезного, научного философского и апологетического исследования христианской религии в её существе и истории и не как плод мучительного душевного переживания и перехода от глубокой живой веры к тяжкому неверию.

Яснополянский реформатор христианства приступил к разрешению мучивших его сомнений не с смиренною верою в Бога и молитвою о помощи свыше, не с добросовестным опасливым научным скепсисом, – он ринулся прямо, с огульным отрицанием всего в Церкви, как лжи и обмана.

Живой веры Л.Н. никогда, по-видимому, не имел и только после 50 лет барской жизни заглянул в своё сердце и, увидав там мерзость запустения, начал тогда искать Господа. Идя скользким путем «лжеименного разума, наш реформатор дошел до отпадения собственным умом».

Научный багаж яснополянского богослова оказывается совсем не громоздкий: он не тратил времени и не утруждал себя ни историей Церкви, ни святоотеческими творениями, хотя там были и Оригены, Златоусты, Василий Великие и Августины, – не говорим о наших отечественных богословах, – ни апологетическими исследованиями западных и восточных богословов.

Я исписал много бумаги. Сначала от слова до слова анализировал символ веры, потом катехизис Филарета, потом послание восточных патриархов, потом введение в богословие Макария, потом догматическое богословие того же Макария. Серьезный научный тон, тот самый, которым написаны эти книги, особенно новейшие – как богословие Макария – при разборе этих книг был невозможен. Только что я хотел ухватиться за мысль, чтобы обсудить её, как она тотчас выскальзывала именно потому, что она была выражена

умышленно неясно, и невольно я возвращался к анализу самого выражения мысли, и оказывалось, что выражения таковы, что мысли определенной никакой нет, все слова не имеют того смысла, который они имеют обыкновенно в русском языке, а какой-то особенный, но такой, определение которого не дано.

С чтением символа веры по-славянски, в том дословном переводе с неясного греческого текста, я мог еще кое-как соединить свои понятия о вере, но при чтении послания восточных патриархов, уже более подробно выражающих те же догматы, я уже не мог соединять своих понятий веры и почти не мог понимать того, что разумелось под словами, которые я читал. С чтением катехизиса это несогласие и непонимание моё еще увеличилось. При чтении богословия сначала Дамаскина, а потом Макария, непонимание и несогласие дошло до высшей степени.

Я долго трудился над этим и наконец достиг того, что выучил богословие, как хороший семинарист, и могу, следуя ходу мыслей, руководивших составителей, объяснить основу всего, связь между собою отдельных догматов и значение в этой связи каждого догмата и, главное, могу объяснить, для чего избрана именно такая, а не другая связь, кажущаяся столь странною.

И достигнув этого, я ужаснулся. Я понял, что всё это вероучение есть искусственный (посредством самых внешних, неточных признаков) свод выражений верований самых различных людей, не сообразованных между собою и взаимно друг другу противоречащих. Я понял, что соединение это никому не может быть нужно, никто никогда не мог верить и не мог не верить во всё это вероучение (Крит. Догм. Бог. стр. 5–8, изд. 1900 г.).

В предисловии к своему «христианскому учению» гр. Толстой рассказывает, что он не мог уже вернуться ни к родной, ни к чужой вере и *смутно* припомнил от детства удержанные представления о Евангелии, – *почуял* в нём истину, несмотря на *все извращения* Евангелия в христианских церквях, *откинув все толкования*, принялся его читать и изучать и толковать по-

своему, покончив предварительно с вопросом о Божестве Христа, зачислив Богочеловека и Спасителя мира в число *лучших людей* человечества, на ряду с Моисеем, Исаией, Буддой, Сократом, Спинозой, Фихте.

Решив, что почерпнутая таким путем из Евангелия истина не есть исключительное его, гр. Толстого, толкование, и что он *не один, а со всеми лучшими людьми* прежнего и нового времени, – следовательно, со Христом, – наш отступник утвердился в *этой истине*, успокоился и прожил 20 л. (стр. 4–5). Следовательно, гр. Л.Н. Толстой отпал от Церкви и Христа уже 23 года.

Из всего приведенного, не ясно-ли, что наш отступник искал истины оцупью, шел по чутью, распоряжался Богооткровенным учением, вековым достоянием христианской богословской науки, с барским самодурством и с решительностью военного человека. Вот почему гр. Толстой с таким легким сердцем облыгает и науку, и верующих во Христа, так что и простецу ясны собственное неверие и самообман яснополянского лжеучителя, впавшего чрез бесовскую гордость ума своего «в явную прелесть». Христианство, изложенное в учении св. Церкви, по вере и разуму всех истинных последователей Христа Спасителя, есть богооткровенное спасительное учение веры, постигая которое своим богопросвещенным умом, сам св. апостол Павел восклицает: *О глубина богатства и премудрости и разума Божия!* (Рим.11:33). А для гр. Толстого вся эта премудрость Божия, в тайне сокровенная, следовательно, только верою постигаемая, – только одна ложь, обман и путаница. Пример не новый в истории христианства такого «буйства мысли премудрых и разумных века сего», от холодного гордого разума которых Господь утаил истинное уразумение своей тайны искупления и спасения человечества, а дал её людям живой младенческой веры. Не даром сказано, – по вере, а не по разуму вашему дано вам будет.

Еще в 1897 г. Миссионерский съезд в Казани признал толстовское движение в интеллигенции, народе и сектантстве определившимся как с положительной, так и с отрицательной стороны распространяемого им лжеучения и признал его за

особую секту. Символическим изложением учения толстовства, как секты, тогда признан был «катехизис Иисусова братства по евангелию (штунды)». Он широко распространен среди последователей этого религиозного движения уже с конца 1880 годов, в гектографированных и ремингтоновских рукописях, нередко начертанных славянским полууставом; составлен катехизис в вопросо-ответной форме, напоминающей форму изложения известного Филаретовского катехизиса. Эпиграфом толстовского катехизиса, названным «догматом братства», служат следующие слова: «Бог Дух = разум, Бог Отец = жизнь, Бог Сын = разум в жизни, три сии едино суть». Катехизис состоит из введения, трактата об откровении *Божественном*, о пяти заповедях секты: из них первая – *не убивай, или не воюй*, вторая – *не прелюбодействуй*, третья – *люби всех людей* одинаково и не предпочитай соотечественников, четвертая – *не противься злу*, пятая – *не клянись* (против присяги); оканчивается катехизис особым трактатом (приложение) «о молитве и других способах общения с Богом».

Сличая религиозно-социальные воззрения гр. Л. Толстого, разбросанные в его нецензурных религиозно-нравственных сочинениях последнего писательского периода с вероизложением «Катехизиса», нельзя не видеть, что последний представлял собою тогда квинтэссенцию упомянутых сочинений и трактатов, – суммирование антихристианских, еретических и социалистических воззрений яснополянского лжепророка, облеченных в катехизическую, общедоступную форму изложения; не подлежит сомнению, что катехизис имеет миссионерские задачи популяризации религиозных воззрений гр. Толстого среди полуинтеллигентных слоев и в среде простого народа.

Разбор догматических положений катехизиса уже тогда приводил к изобличению гр. Толстого и его последователей в явном отступлении от православной Церкви и в антихристианском еретичестве, заключающем в себе отрицание всех основных догматов Церкви, с её устройством, таинствами и обрядами, и сущности христианства.

Отличительной чертой вероизложения толстовского катехизиса служит то, что он затрагивает и стремится разрешить не религиозные только верования, но и социально-политические вопросы жизни народа, но на почве религиозной, в духе или пассивной анархии, или прямого социализма. Вследствие чего, по заключению съезда, толстовство признано, по характеру и направлению своему, не только *еретическою сектою, но и религиозно-социальною*. В народном понимании последняя сторона выступает резче первой, так что все известные анархические действия, и социалистические воззрения Харьковских, Воронежских толстовцев из православного народа, а равно и известные преступные деяния закавказских духобор-постников находят себе и мотив, и оправдание в вероизложении катехизиса.

Тождество катехизиса с несомненными произведениями гр. Толстого, наблюдаемое не только в воззрениях, строе мыслей, но и в выражениях и стиле изложения, дают основание заключать, что дело издания катехизиса не обошлось без непосредственного участия самого Льва Николаевича. Выпущенное же в 1898 г. «Христианское учение» представляется лишь более полным развитием основных положений, высказанных в катехизисе. «Христианское учение» это своего рода догматика толстовства.

Объем нашей беседы не позволяет подробно останавливаться на исследовании процесса отпадения от Церкви и на разборе абсурдов богословствования гр. Толстого; повторяем, что на страницах «Мисс. Обзор.» будет дано подробное научно-апологетическое раскрытие лжеучения толстовства. Поспешим с ответом на другие вопрошания.

Говорят: если Толстой – не христианин и отступник, *то почему же он называет своё мудрование «христианским учением»* и везде в своих писаниях проповедует христианскую мораль, внушая жить «по Божьей воле», «по-христиански», сам живет аскетом, то и дело ссылается в своих сочинениях литературных на Евангелие, из которого приводит тексты и проч.

В этой-то мистификации, а точнее – в фальсификации христианства, и заключается самый страшный обман (вольный или невольный, – этого не будем касаться) и соблазн толстовства, служащий камнем преткновения для нашего так называемого интеллигентного общества, познания которого в области богословия редко у кого идут далее знания нескольких ходячих текстов. Проповедуя религию без живого личного Бога и христианство без Христа Спасителя и Искупителя, опираясь на Евангелие, превращая его, как и прочие «Писания», – гр. Толстой идет обольстительным путем антихриста, почему о. Иоанн Кронштадтский не раз прямо называл яснополянского лжеучителя в своих проповедях – *антихристом*. В предотвращение этого именно, страшного и обольстительного соблазна, губящего души «невежд» (в знании веры) «и неутвержденных» и необходимо было Церкви возвысить свой голос и открыто засвидетельствовать миру, в чём заключается религиозное лжеучение Льва Толстого, и как относится к нему Церковь. Тем более, что соблазн и ухищрения самого яснополянского мудреца и его учеников в распространении мнимо-христианского лжеучения толстовства не прекращаются, а растут; при этом соблазн и проповедь толстовства не ограничиваются только кругом интеллигентного общества, – лжеучение толстовства просачивается в народную среду, производя «истребление» в умах и сердцах «сих малых» самых священных и дорогих чувств веры христианской. Да и справедливо-ли умолчание Церкви о грехах и хулах «великого писателя»? В то время, когда последователи толстовства числятся отпадшими от Церкви и несут все последствия своего сектантского состояния в Церкви и государстве глава новой в русской Церкви секты, наоборот, в смутных понятиях известной части общества величается и превозносится, как образцовый христианин, служит предметом поклонения и не как великий писатель-художник, – за это ему честь и слава, – а именно как религиозный мыслитель как проповедник церковной анархии. Всё это не свидетельствует-ли о смуте в умах и сердцах, и Церковь, по долгу и требованию высшей Правды, не была ли давно обязана произнести свой приговор? У Церкви Божией нет

и быть не может «лицезрения», суд её нелицеприятен, – она всем членам своим воздает «единою мерою», – не наклоняясь ни на шуию, ни на десно, а тем паче не склоняя своего святого знамени пред «идолами времени», не сообразуясь с духом века сего. Страшно, если и соль потеряет силу!...

Спрашивают: *может-ли гр. Толстой раскаяться и будет-ли принят снова в лоно православной Церкви?*

«Божия никтоже весть, – точию Дух Божий и человека никтоже весть, – точию дух человек», – говорит Слово Божие. Для Бога всё возможно, а следовательно и раскаяние Льва Николаевича, если он обратится со смиренною, покаянною молитвою к премилосердому Богу, – ибо сказано: *обратитесь ко мне и Аз обращуся*. Разбойник и со креста вошел в рай чрез веру в Спасителя и покаяние. Много может и молитва Матери-Церкви, к которой призывает в своём послании Св. Синод. Где-то сообщалось, что известный своим благочестием старец Амвросий Оптинский, с которым Лев Николаевич был лично знаком и беседовал о религиозных вопросах, сказал, что Лев Николаевич рано или поздно, но вернется ко Христу и Церкви.

Принят-же он, в случае раскаяния, будет – по установлению церковному – 3 чином, т. е. чрез отречение от своих заблуждений, исповедь в грехах и напутствование св. Тайнами.

Может-ли Лев Николаевич, не будучи ныне членом православной Церкви, невозбранно перейти в лютеранскую или католическую Церкви?

Вопрос этот, по нашему мнению, праздный. Кто внимательно читал религиозные трактаты гр. Толстого и понял его нынешнее миросозерцание, для того ясно, что гр. Толстой нравственно не может перейти ни в какую иную религию, как влюбленный в создание своего гордого ума.

Да если бы и вздумал наш отщепенец переходить, то куда-же, спрашивается? – в католицизм его не примут, а в лютеранстве ведь редки такие патеры, которые проповедовали бы христианство без Христа.

Еще спрашивают, можно-ли ныне служить молебны об отпадшем гр. Толстом, а в случае его смерти нераскаянным – панихиды?

Молиться и всячески вразумлять заблудшего знаменитого писателя земли русской не только можно, но и должно. *Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов (Иак.5:20)*. В церковных чинопоследованиях есть особые моления о вразумлении заблудших и Церковь отнюдь не возбраняет молиться об отпадших.

Что касается служения панихид, погребения и поминовения отпадших от Церкви еретиков, сектантов и раскольников, умерших в отлучении от Церкви, непримиренными с нею чрез раскаяние, то на этот предмет существуют определенные церковные правила и практика, коими не допускается общественная церковная молитва по таким усопшим. И это вполне будет понятно, когда обратим внимание на цель и содержание погребальных и поминальных церковных чинопоследований и песнопений. Церковь во всех них свидетельствует, что умерший до конца жизни сохранил истинную веру Христову, был верным сыном св. Церкви православной, состоял под её покровом и сохраняет своё общение с Церковью и по смерти; в ознаменование чего кладут умершему на грудь св. икону или крест, покрывают священным церковным покровом. Но ведь Л.Н. иконы и крест отвергает!

Твердая вера во всеобщее воскресение умершего, надежда на помилование его, по молитвам Церкви, выражается во всех песнопениях погребального чина, а ведь гр. Толстой отрицает и это учение Церкви о воскресении мертвых.

Церковь призывает к ходатайству за усопшего святых, – в панихиде молит «Едину чистую и непорочную Деву, безсеменно родшую Бога, умолить Господа о спасении души усопшего», – но ведь гр. Толстой не только не почитает, но поносит Богородицу.

Наконец, Церковь молит Спасителя упокоить раба своего с душами праведных, но место-ли там еретикам? Нет, такая молитва будет кощунством, оскорблением Господа Бога, страшным соблазном для людей верующих и поводом к нареканиям на нашу Церковь со стороны раскольников. Только неверие или индифферентизм видящие в панихиде пустой

ритуал, декорум, могут думать иначе. Всяк грех простится, кроме хулы на Духа Святого, который не простится ни в сей, ни в будущей жизни, сказал Спаситель. А грех гр. Толстого, восставшего на Церковь, и есть хула на Самого Духа Святого!! Любовь христианская к почившим в разъединении с Церковью может дерзать лишь на молитву частную келейную и в ней находить облегчение в своей сугубой скорби.

Спрашивают еще: будет-ли послание Св. Синода читаться во всех церквях империи?

В определении Св. Синода на этот предмет нет определенного указания. Надо полагать, священники приходские будут поступать по соображению местных обстоятельств. Если в приходе или в районе есть увлечение толстовством или сектантством в духе толстовства, то, конечно, паству свою пастырь познакомит с посланием Св. Синода, а если о Толстом и его еретичестве не имеют понятия, то и чтение его казалось бы излишним.

Спрашивают далее: справедливо-ли обвинять Льва Николаевича в отступничестве от Церкви, в еретичестве и богохульстве, на основании его произведений заграничных, не допущенных к обращению в России, между тем как во всех своих других творениях, даже в позднейших знаменитый писатель ничего подобного не говорил и никого не соблазнял, а заграничные мало кто читал?

Церковь – не светское судебное учреждение, где требуется для обвинительного или оправдательного решения публичность, – процесс. Для Церкви важно внутреннее убеждение священноначалия (коему свыше вручено «вязать и решать») в греховной преступности против Бога и Церкви или порочности явной или тайной души члена Церкви. – Для суда Церкви совсем не важно, где и когда человек грешил словом или делом, или писанием, в данном случае – где и когда написал или проповедовал гр. Толстой свои богохульные и еретические мысли; здесь безусловно важным и обязательным для решения Церкви является то обстоятельство, остается-ли гр. Толстой истинным сыном Церкви и верным последователем Христа, держит или нет он *лично* основные догматы и верования

христианства или еретические. Раз не подлежит никакому сомнению (так как это подтверждено и критикой научной, и всякими другими исследованиями и аргументами), что те сочинения, в которых ниспровергаются все догматы Церкви и отрицается сущность христианства принадлежат Льву Николаевичу, который вместе с тем уже много лет не сохраняет и не поддерживает никакого общения с церковью в таинствах и обрядах, следовательно, он отпал от Церкви и не находится в общении с нею. И сам Лев Николаевич от этих своих творений и высказанных убеждений никогда не отказывается. Об еретичестве Льва Николаевича свидетельствует открытое исповедание лжеучения гр. Толстого и его многочисленными учениками.

Следовательно, вина его отпадения и еретичества на лицо, и, если нет в полном собрании сочинений гр. Л.Н. Толстого его богохульных трактатов, то заслуга здесь уж никак не самого Льва Николаевича... он на этот счет мудрейший из сынов века сего... А что не все Россияне читали подпольные сочинения гр. Толстого, то это и слава Богу, и от этого дело об еретичестве и отпадении гр. Толстого от Церкви нисколько не изменяется в своём существе и последствиях.

Виновности гр. Толстого в распространении им своего лжеучения Церковь не касается, – тут начинается область ведения закона государственного.

Не верно в настоящем возращении и то положение, будто бы еретические мудрования и подпольные сочинения гр. Толстого в малом обращении среди русского читающего общества. Кто не читал лондонского издания «Воскресения», с его богохульною главою об Евхаристии? Для кого же существуют заграницей две издательские фирмы сочинений гр. Толстого – в Лондоне Черткова и Женеве – Елпидина? Не только в обществе, но и в народе в широком распространении еретические противощерковные и противохристианские трактаты, особенно среди сектантов – молокан, духобор, штундистов. Иначе откуда же образовался целый сектантский толк Толстовства?

В заключение еще один ответ на вопрос о том, в каком отношении Толстовское лжеучение наиболее вредно и опасно – в церковном или государственном?

Конечно, в государственном. Церковь неодоленна, – *«созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей»* (Мф.16:18), сказал Господь Иисус Христос.

Церковь, предотвращая своим посланием соблазн и пресекая дальнейшее обольщение лжеучением Толстого, заботится об ограждении не себя, как божественного учреждения, а об ограждении от разорения храма душ «сих малых». Церковь пережила много ересей и еретиков, оставаясь незыблемой, всегда себе равной. С шумом пронесется и имя Толстого, и память о нём.

Другой вопрос о значении толстовства для государства. Здесь можно смело утверждать, что более вредной и опасной в политическом отношении секты у нас на Руси нет и не было.

Как может глубоко захватывать лжеучение толстовства народные массы, – об этом мы находим поучительные уроки из истории духовоборческого движения, где 8-тысячная толпа беззаветно восприняла весь яд коммунизма и анархии, по рецепту толстовства. Имеет успех толстовство и в молоканстве и штундизме.

Жизненность толстовства именно в учении социально-политическом, а не религиозном или философском. В то время, как все наши секты строго держатся буквы св. Писания, а потому сосредоточивают внимание своих адептов исключительно на решении вопросов метафизических, – о вере и спасении, толстовство сводит религию своих последователей с неба на землю и ограничивает смысл и значение её благами земной социальной жизни, которых так мало у нашего народа и в частности у сектантов. Тот протест против существующих форм жизни общественной, бытовой и государственной, который таится в душе всего нашего рационалистического сектантства, в толстовской доктрине получает своё смелое развитие, систему и обоснование на началах религиозных.

В системе лжеучения толстовства вопросам социально-государственному отведено видное место и выражено отрицание

идеи государственности также смело и решительно, как и идеи о Церкви. Чтобы не быть голословным, приведем здесь выписку подлинных рассуждений самого Льва Николаевича. Вот как соблазнительно трактует гр. Толстой в своём «христианском учении» вопросы государственно-политические. В отделе – «государственный соблазн» он проповедует:

Люди живут в известном общественном устройстве, и устройство это, как и всё в мире, постоянно изменяется соответственно росту сознания в людях.

Но люди, в особенности те, для которых (?) существующий порядок более выгоден, чем для других, считают, что существующий порядок есть благо для всех людей, и потому для поддержания этого блага для всех людей не только считают возможным нарушать любовь по отношению к некоторым людям, но и считают справедливым и хорошим совершать величайшие злодеяния для поддержания этого существующего порядка.

Люди (?) установили право собственности, и одни владеют землями и орудиями труда, а другие не имеют ни того, ни другого. И это несправедливое обладание одними *неработающими* (?) людьми землями и орудиями труда считается тем порядком, который должен быть охраняем, и ради которого считается справедливым и хорошим запереть, казнить людей, нарушающих этот порядок. Точно также в виду опасности того, что соседний народ или властитель может напасть на наш народ и завоевать и уничтожить и изменить установившийся порядок, считается справедливым и хорошим не только содействовать учреждению войска, но и самому быть готовым на убийство (?) людей другого народа и идти убивать их.

Особенность государственного соблазна та, что тогда как во имя тех четырех первых (соблазн личный, семейный или продолжение рода, соблазн дела и соблазн товарищества) соблазнов люди отступают от требований своей совести и совершают отдельные дурные дела, во имя этого государственного соблазна совершаются самые ужасные массовые злодеяния, как казни и войны, и поддерживаются

самые жестокие преступления против большинства, как прежде рабство и теперешнее отнятие (кто-же отнимает ?!) земли у рабочих. – Люди не могли бы совершать эти злодеяния, если бы не были придуманы приемы, посредством которых ответственность за эти совершаемые злодеяния так распределяется между людьми, что никто не чувствует тяжести её.

Прием распределения этой ответственности так, чтобы никто не чувствовал тяжести, состоит в том, *что признается необходимость власти*, которая для блага подданных людей должна предписывать эти злодеяния; подданные же люди для блага всех должны *исполнять предписания власти*.

«Я очень сожалею о том, что должен предписывать отобрание произведений труда, заключение в тюрьму, изгнание, каторгу, казнь, войну, т. е. массовое убийство, но я обязан поступить так, потому что этого самого требуют от меня люди, облекшие меня властью», говорят люди, находящиеся во власти. (Стр. 57–59).

А вот какие преступные социально-политические воззрения и понятия «Катехизис» внедряет в сознание последователей толстовской секты:

По вопросу о *власти в катехизисе* говорится, что она *распоряжается и руководит насилием*, верит в одну всесокрушающую мощь физической силы (стр. 2). На вопросе, какие цели преследует Бог – начало жизни, катехизис отвечает так: *благо всех людей*, – благо, достигаемое *братством, равенством, свободой* (стр. 8).

В трактате о первой заповеди толстовства (*не гневайся*) проповедуется, что все отличия, высокие с точки зрения учения мира, угождения плоти, ничтожны и омерзительны в глазах Бога (стр. 30). В трактате о *третьей* заповеди говорится, что в первой заповеди запрещено делать *различие между людьми по их положению*, во второй запрещается делать различие между мужчиной и женщиной, а в третьей – запрещается делать различие *между людьми по их народностям* (стр. 44). По учению катехизиса, нет ни русских, ни немцев, ни турок, ни евреев (стр. 46), что истинный ученик Спасителя воевать не

может, что войны между народами преступны, что убийство (на войне) сотен и тысяч людей, тебе незнакомых, ни в чём перед тобою неповинных, – бессмысленное, бесцельное и возмутительное дело (стр. 50).

В четвертой заповеди, отрицающей право судей и правительства судить других, задается лукавый вопрос: «так как люди все равны, то как-же относиться к тем из них, которые называют себя начальниками и учителями нашими?» Ответ следует такой: кроме отца и матери по плоти, *у тебя другого отца, другого начальника нет* (стр. 58).

А далее, по вопросу, как относиться к податям, которые взыскивают земские власти, катехизис отвечает силлогизмом: «мы знаем, – говорили апостолы Христу, – что Ты справедлив, что всех людей считаешь братьями, всех равными, от первого и до последнего, от нищего и до самого Кесаря. Разреши-же нам наше недоразумение: равный равному ничем обязан быть не может; как-же нам, равным Кесарю, да платить ему подати? Не прекратить ли это незаконное дело?» (стр. 63).

А в заключение, – для иллюстрации того, какие ранние всходы дает семя лжеучения гр. Толстого на ниве народных сердец, и чего государству можно ожидать в будущем от толстовства, – приведем из Тамбовского Миссионерского отчета 1898 г. следующие поучительные данные (См. кн. Мисс. Обзор. стр. 485–486).

Дремлющая мысль сектантов разбужена новейшими книжками Толстого и сочинением Хельчицкого – «Сеть веры». В таких селах среди молокан происходит глубокое социальное брожение, будущность которого определить трудно. Вот что пишет, напр., о. К-в о пахатно-угловских сектантах: *молокане относятся к Царю и властям двусмысленно.*

С одной стороны они исполняют все гражданские законы, признают суд, присягу, отбывают воинскую повинность. Но всё это делают только для того, чтобы скрыть своё внутреннее убеждение. *По своему же внутреннему убеждению сектанты настроены враждебно ко всему этому.* Не хорошо, – говорят они среди наших простых мужиков, – поступают цари, когда поднимают войну, только кровь человеческую даром проливают.

Войны совсем не должно быть, ибо Сам И. Христос дал нам это понять в следующих словах к ап. Петру: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечем погибнут» (Мф.26:52). Значит, если война не законна, то не должно отбывать и воинской повинности. Не должно быть, говорят молокане, и власти, ибо власть есть насилие. Первоначально в Церкви Христовой были все равны; тогда не было начальников. В подтверждение этого они ссылаются на слова И. Христа (Мф.20:25–26).

Далее. Не должно, по мнению молокан, быть и царю, ибо в 1-й кн. царств сказано: «не понравилось слово сие Самуилу, когда евреи сказали: дай нам царя, чтобы он судил нас»...

О ново-гаретовских молоканах, тоже познакомившихся с сочинениями гр. Толстого, сообщаются новые тревожные подробности.

Эти сектанты не довольны существующим порядком престолонаследия, указывают при этом на Саула, Давида и др., избранных народом по воле Бога. Нужно повиноваться Царю, нужно платить подати, потому что этого нельзя избежать; но каждый из сектантов не преминет сказать своему соседу что земля не царем создана, а Богом. Бог же отдал её первому человеку или всему роду человеческому для совместного пользования (Быт.1:28–29). Только по злобе людской назначенный Богом порядок изменился, и ныне пользуются землею одни господа, а все другие смотрят на землю из чужих рук. «Это не страсть? хворостинки в лесу срубить нельзя... Это, вишь, скажет барин, не твоё, а моё!... Разве для одних господ Бог сотворил землю, луга, леса, и реки? а если это сотворено для всего рода человеческого, то когда же господам-то одним отдал это Бог».

Вот куда шагнула взбудораженная социальными бреднями книжек гр. Толстого мысль спокойно почивавших на букве Писания молокан. Выводы, думаем, излишни. Не даром раздавленный поездом ж. д. в Лондоне известный анархист Степняк, разбирая Толстовское «Царствие Божие», в одном из своих летучих листков выразил большие надежды и радость,

что Л.Н. «оставляет-де в покое Бога и Церковь, а принимается за власть и государство?»»

* * *

Французская газета «Temps» сообщает новые, прискорбные для гр. Толстого, но поучительные для его поклонников, сведения о *горьких плодах* лжеучения толстовства: устроенное по теории яснополянского реформатора в Канаде из несчастных духобор «Царствие Божие» потерпело жестокое крушение. Русские духоборы, поселившиеся на северо-западе Канады, сообщает «Temps», возмутились против того, что они называют «тиранией канадских законов». Духоборы протестуют главным образом против законов, касающихся брака, развода, земельного владения. Они заявляют кроме того, что канадские законы противны их религиозным принципам. Все компромиссы, предложенные канадскими властями, отвергнуты духоборами, которые обращаются теперь к нациям всего мира с просьбой дать им убежище и возможность избавиться *от тирании канадских законов*.

Но едва-ли где толстовцы и духоборы найдут для себя на грешной земле созданной их больной фантазией обетованный рай.

В. Скворцов

Из миссионерской полемики

**Харитонов Т.С. Разговор православного с
молоканином о св. крещении, о храме и о св. иконах
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 401–411**

Молоканин. – Здравствуй, духовный о Христе брат. Давно уже хотелось мне побеседовать с тобою о вере, и так как ты никогда еще не отказывал мне в своих наставлениях, то я надеюсь, что и на этот раз разрешишь мои недоумения в духе кротости и любви.

Православный. – Я рад, брат, что ты не только не уклоняешься от бесед о вере, как делают некоторые из твоих единомышленников, но и сам просишь наставления. Посему, по слову Писания: обличай премудра и возлюбит тя (Притч.9:9), я готов исполнить твоё желание и прежде всего по мере сил своих постараюсь доказать тебе, что вы, молокане, неправильно отвергаете св. крещение и пренебрегаете храмами Божиими.

Итак, скажи мне: веруешь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия?

Молоканин. – Да, я верую, что Господь Иисус Христос есть мой Испытатель, и что Он страдал и умер на кресте нашего ради спасения.

Православный. – Если ты, брат, действительно веруешь в Иисуса Христа и желаешь получить спасение, то ты должен принять и святое крещение, ибо Сам Господь сказал: Кто будет веровать и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет (Мк.16:16). Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф.28:19).

Молоканин. – Господь, действительно, посылал Своих учеников научить все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Но только здесь говорится не о чувственном крещении водою, а о крещении духовном, мысленном. Крестится же духовно тот, кто не только читает Слово Божие, но и понимает его.

Православный. – Ты не прав, брат. Скажи мне, какое крещение, по твоему мнению, принял Господь Иисус Христос от Иоанна Крестителя во Иордане? – водное или иное какое?

Молоканин. – Не буду спорить, что Господь Иисус Христос принял от Иоанна крещение водное. Это ясно видно из св. Евангелия, в котором говорится: тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него... И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды (Мф.3:13, 16).

Православный. – Итак, ты признаешь, что Господь Иисус Христос принял от Иоанна водное крещение. Поэтому и мы должны, по примеру Спасителя, креститься водой, ибо Господь, приняв крещение во Иордане от Иоанна, нам оставил образ, да последуем стопам Его (1Пет.3:21).

Молоканин. – Я не согласен с тобою, брат. Крещение водное Иоанново, имело место во времена подзаконные. Ныне же, во времена благодати, оно не нужно, так как заменено «духовным крещением», о котором предсказал и сам Иоанн Креститель: я вас крещу в воде, в покаяние; но Идущий за мною, сильнее меня. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем (Мф.3:11). О том, что Иисус Христос будет крестить водою, Иоанн не сказал ничего.

Православный. – Я вижу, добрый человек, что ты неправильно понял указанные слова Иоанна Крестителя... Выслушай же меня. – Крещение Иоанново было только подготовительным, без дарования благодати Духа Святого, и совершалось одною чувственною, стихийною водою. Это было «крещение покаяния» (Мф.3:11). О Христе же Предтеча сказал, что Он будет крестить не только водою, но и Духом Святым. Таким образом крещение Христово тем и превосходит крещение Иоанново, что с погружением в воду в нём соединяется и дарование Духа Святого. Пославый мя крестити водою, – сказал Иоанн, – Той ми рече: над Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Нём, Той есть крестяй Духом Святым (Ин.1:31, 33).

Молоканин. – Отсюда я еще не вижу ясно, чтобы Иисус Христос заповедал крестить, и апостолы действительно крестили водою.

Православный. –Если ты хочешь иметь более ясное свидетельство о том, что Спаситель заповедал совершать водное крещение, а не одно лишь «духовное», как вы мудрствуете, – то прочти Евангелие от Ин.3:5. Господь сказал пришедшему к нему Никодиму: Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие: рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от Духа дух есть. «Рождение водою и духом» и есть крещение, в котором подается благодатное очищение не только душе, но и телу человека.

Молоканин. – Правда, Христос говорил о рождении, т. е. о крещении водою и Духом; но под «водою» следует разуметь не воду чувственную, а воду духовную, т. е. научение вере. Кто научен Слову Божию и уверовал во Христа Спасителя, тот уже крестился «водою и Духом». Ты сам знаешь, что в Евангелии нигде не сказано, что апостолы были крещены водою чувственною, но Спаситель ясно предсказал пред вознесением Своим на небо, что они будут крещены только Духом Святым. Вот как сказано в книге Деяний святых апостолов: Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым не по мнозех сих днех (Деян.1:5).

Православный. – Если «крещение водою», по твоему мнению, есть «научение вере», то как ты понимаешь слова Евангелия: Сам Иисус не крестил, а ученики. Его (Ин.4:2)? Должно ли это понимать в том смысле, что Спаситель не «крестил», т. е. «не учил никого вере?» Надеюсь, ты и сам видишь, к каким нелепым и богохульным выводам приходишь со своими мудрованиями!

Молоканин. – Я не признаю 4-го стиха 2 главы подлинным, так как он стоит в скобках, а читаю только 1 и 3 стихи: Когда узнал Иисус о дошедшем до фарисеев слухе, что Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн (ст. 1), то оставил Иудею (ст. 3). Здесь прямо сказано, что Иисусе крестил, т. е. учил народ вере. Если же читать и слова, стоящие в скобках (ст. 2), то выйдет противоречие, будто Иисус Христос и «крестил», и «не крестил».

Православный. – Твоё невежество доводит тебя, брат до страшного греха. Ты готов уже отвергнуть Слово Божие, только

потому, что оно не оправдывает твоего лжеучения и недоступно для твоего понимания. Обратись к славянскому или греческому чтению, – там ты увидишь слова эти без скобок: Егда убо разуме Иисус, яко услышаша фарисее, яко Иисус множайшия ученики творит и крестит, неже Иоанн: Иисус же сам не крестяше, но ученицы Его: остави Иудею и иде паки в Галилею (ст. 1–3). Это значит, что, хотя Сам Господь и не крестил никого (водою), но повелел совершать это священное действие Своим апостолам, как и ныне совершают это преемники их, пастыри Церкви Христовой, по данной им от Бога благодати. Хотя крещение совершали святые апостолы, но они делали это во имя Господа Иисуса Христа, Его силою и властью. Господь «крестил» через Своих учеников, хотя Сам и «не совершал действия крещения». Надеюсь, ты видишь теперь, что в Слове Божием нет противоречий. Скобки же поставлены для того, чтобы облегчить тебе понимание, и ты сам виноват, что они послужили тебе камнем преткновения... Не прав ты и в том, будто святые апостолы не принимали водного крещения. Крещение водою они удостоились принять от Иоанна Крестителя; по вознесении же Спасителя на небо, им уже не было нужды вновь принимать водное крещение, а потребно было в восполнение крещения Иоаннова получить Духа Святого. И Апостолы, действительно, получили Его в день Пятидесятницы.

Молоканин. – Готов сознаться, что согрешил пред Богом, дерзнув отвергать Слова Его. Но мне желательно видеть прямое указание Слова Божия на то, что апостолы крестили других не только «учением», но и «водою».

Православный. – Я мог бы привести тебе много примеров из Слова Божия, из которых видно что Апостолы крестили водою. Но думаю, что достаточно и одного, самого ясного. Читал ли ты в книге Деяний св. апостолов о крещении ап. Филиппом евнуха царицы Ефиопской? Вот что повествуется об этом в гл. 8 книги Деяний. – По повелению Божию, св. ап. Филипп отправился из Самарии на дорогу, ведущую в Газу, и здесь встретил мужа Ефиоплянина, вельможу царицы Ефиопской, который, сидя на колеснице, читал книгу Исаии

пророка. Филипп, по его просьбе, вошёл в колесницу и благовествовал ему о Христе. Между тем, продолжая путь, они приехали к воде и евнух сказал: вот вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух, и крестил его. Когда же вышли из воды, то Дух Святой сошел на евнуха (Деян.8:36–39). – Так поступали и другие святые апостолы. Когда Корнилий сотник и весь дом его уверовали в Господа Иисуса Христа и, по особому устроению Божию, получили дар Духа Святого, то апостол Петр сказал: Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа? И велел им креститься во имя Господа Иисуса (Деян.10:47, 48). Если бы апостол Петр был одних мыслей с вашими молоканскими стариками, то он не только не крестил бы никого, но и сам удержал бы от этого желавших креститься. Как ты полагаешь, – кто прав, святые ли апостолы Христовы, которые считали необходимым крестить водою уверовавших в Господа Иисуса, или же старики ваши, отвергающие св. крещение?

Молоканин. – Как можно помыслить, чтобы св. апостолы могли ошибаться в этом! Они научены Самим Господом... Но я все-таки не уразумеваю того, будто бы крещение безусловно необходимо. Вот и св. Филипп не сказал евнуху, что он «должен» непременно креститься, а только – «можно»; и ап. Петр о Корнилий сотнике и его доме сказал так: «Кто может запретить креститься»... Значит, им можно было и не креститься.

Православный. – Что креститься необходимо безусловно, это мы уже видели из слов Самого Спасителя: Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет (Мк.16:16). Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие (Ин.3:5). Святые апостолы не могли учить иначе, в противность словам Самого Господа, и ты неправильно понял сказанное апостолом Филиппом и апостолом Петром, Филипп сказал каженику: Если веруешь от всего сердца, то можно (тебе креститься), желая этими словами

показать, что крещение невозможно без веры, а не то, будто бы оно не обязательно для верующего. Святой же Петр не только «не запрещал» креститься Корнилию и дому его, но прямо велел им креститься, как сказано в 48 ст.

Молоканин. – Я все-таки думаю, что крещение не обязательно и не важно, и это на основании слов апостола Павла к Коринфянам: Христос послал меня не крестить, а благовестить (1Кор.1:17). Что ты можешь возразить против этого ясного свидетельства самого апостола Павла?

Православный. – Не думай, брат, что ты нашел твердую опору для своего лжеучения в словах св. апостола. В том и беда ваша, что вы, сектанты, часто читая Слово Божие, превращаете его к собственной своей гибели (2Пет.3:16); останавливая своё внимание на немногих излюбленных местах, вы толкуете их по-своему, неправильно, без всякой связи с предыдущими и последующими стихами. Оттого вы и впадаете так часто в противоречие со Словом Божиим и даже с примером Самого Господа и Его святых апостолов. Прочти внимательно всю главу 1 первого послания к Коринфянам, а не один только 17 стих, и ты увидишь, что апостол, как сам он говорит, крестил Стефанов дом (ст. 16), крестил Криспа и Гаия (ст. 14).

Молоканин. – Да, апостол крестил Криспа и Гаия и Стефанов дом; а больше никого не крестил (ст. 14): сам отказался, потому что не считал крещение необходимым. Благодарю Бога, – говорит, – что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия... ибо Христос послал меня не крестить, а благовестить.

Православный. – Ну, это же твоё собственное измышление, Словом Божиим не оправдываемое. Ап. Павел не крестил в Коринфе никого, кроме указанных лиц, не потому, что крещение считал ненужным, а потому только, что не полагал в этом главной своей обязанности, так как крещение могли совершать поставляемые им во всех церквях пресвитеры. Благовествовать труднее, чем совершать крещение, и апостол считает это главной своей обязанностью, возложенную на него Богом. Но мы знаем, что он не отказывался и сам совершать крещение, когда никто, кроме него, не мог этого сделать. Так, он крестил

Лидию и темничных стражей (Деян. гл. 16). Видишь ли теперь, что указанный тобою стих нисколько не оправдывает вашего лжеучения?

Молоканин. – Ну, а что ты скажешь о другом, более сильном возражении против вашего, православного, учения. Вот, ап. Петр прямо говорит, что нас спасает не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести (1Пет.3:21). Поэтому мы, «духовные христиане», правы, отвергая крещение водою, как плотское, и принимая крещение духовное.

Прав о славный. – Опять вы берете эти слова отрывочно, без связи, а потому и не поняли, что они нисколько не говорят против водного крещения. В 1Пет.3:17–21 апостол Петр вспоминает о потопе, во время которого спаслось от воды в ковчеге только праведное семейство Ноя, и уподобляет этому событию спасение верующих крещением: Так и нас ныне подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа. Отсюда видно, что апостол в спасении семейства Ноева от потопа усматривает образ спасения верующих чрез водное крещение, которое, хотя и совершается в вещественной стихии, т. е. воде, но не есть простое омытие плоти, а нечто более важное, – обещание Богу доброй совести – и при том спасает, т. е. простирает своё благодатное, спасительное действие не только на тело, но и на душу, – на всего человека. Ясно ли теперь тебе, что св. Апостол говорит не об ином каком-либо «духовном» крещении, а именно о водном? Крещение водою есть, вместе с тем, и крещение духовное, ибо в нём чрез видимое вещество, воду, подается невидимая благодать Божия, освящающая душу и тело человека.

Молоканин. – Теперь я вижу, что неправильно понимал указанные слова апостола...

Православный. – В таком случае, ты должен теперь признать, что вы, молокане, поступаете несогласно со Словом Божиим, отвергая св. крещение. Итак, если ты не хочешь гибели душе своей, то прими св. крещение и будь добрым сыном святой православной Церкви. Сам Господь Иисус

Христос сказал: Кто будет веровать и крестится, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет (Мк.16:16).

Молоканин. – Нет, брат, я не могу присоединиться к вашей Церкви. Хотя в вопросе о крещении ты и убедил меня, я не столько понимаю, сколько чувствую, что правда на вашей православной стороне, но есть еще немало вещей у вас, православных, которые, как мне кажется, противны Слову Божию. Наши старики говорят, что Богу надо служить «духом и истиною»; а вы, православные, как иудеи, рабы закона, молитесь в храмах рукотворенных. Вот почему мы, «духовные христиане», и не хотим с вами соединяться.

Православный. – Ты, друже, берешь вопрос весьма сложный и обширный – подробно его нам сегодня не разобрать, если хочешь беседовать сегодня же, то будем кратки, коснемся только существенных сторон этого вопроса. Господь Иисус Христос в беседе с самарянкой действительно сказал: Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники поклонятся Отцу в духе и истине, ибо таковых поклонников Отец ищет себе (Ин.4:21–23). Слова эти направлены против иудеев и самарян, которые, имея два храма, одни – в Иерусалиме, другие – у себя, в Самарии, на горе Гаризине, – спорили между собою, который из этих двух храмов есть законное место совершения Богослужения. Отцы наши поклонялись на этой горе, – говорит самарянка Спасителю, – а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме (ст. 26). В ответ на это Спаситель предсказывает, что Его последователи будут поклоняться Отцу в духе и истине не в одном каком-либо городе или храме, а на всяком месте. И действительно, когда вера Христова распространилась по всей вселенной и принята была целыми народами, то везде, во всех концах земли, возникли храмы Божии; и теперь, на всяком месте «поклоняются Богу духом и истиною» и везде приносится бескровная жертва Тела и Крови Христовых. Видишь ли, что Спаситель указанными словами не осуждал и не мог осуждать их, ибо и Сам Он, и святые Апостолы Его, как тебе известно, посещали храм

Иерусалимский для молитвы и поклонения Богу. Однажды Господь Иисус Христос, изгнав из храма производивших в нём беспорядок иудеев, сказал им: Написано: дом Мой дом молитвы наречется; вы же сделали его вертепом разбойников (Мф.21:17). Итак, храм, по слову Господню, есть «дом Божий», «дом молитвы».

Молоканин. – Если храмы суть «дома Божии», то почему же апостол Павел сказал, что Бог не в рукотворенных храмах живет (Деян.17:24)?

Православный. Бог вездесущ, и, по выражению Соломона, даже небо, и небо небесе не довлеют Ему (3Цар.8:27), тем паче храм, созданный руками людей... Но, по милости Своей и снисхождению к людям, Господь благоволит посещать особенную Своею благодатию храмы, которые верующие посвящают Его святому имени и предназначают для молитвы; и храмы эти становятся местами особенного присутствия Божия, «домами Божиими». Клянущийся храмом, – сказал Спаситель, – клянется им и Живущим в нём (Мф.23:21). Хотя Бог везде, и на всяком месте владычества Его можно благословлять Его святое имя (Пс.102:22), но в храмах особенно угодно Ему принимать молитвы верных. Господь сказал Соломону, создавшему храм: Освятих храм сей, егоже создал еси, еже положить имя Моё тамо во веки: и будут очи Мои ту и сердце Моё во вся дни (3Цар.9:3).

Молоканин. – Это сказано о ветхозаветном храме. Ныне же, во времена нового завета, нет нужды в храмах рукотворенных.

Православный. – Так думаете вы, молокане; но не так мыслили святые апостолы, которые и во времена нового завета, по воскресении и вознесении Спасителя на небо, посещали храм Иерусалимский, молились в нём. Читай Об этом в 3 гл. книги Деяний: Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы, девятый (Деян.3:1).

Молоканин. – Мы, может быть, и согласились бы молиться в храмах; но нас смущает обилие икон, которыми вы, православные, украшаете свои храмы и, что всего хуже, кланяетесь им и тем нарушаете вторую заповедь, воспрещающую идолопоклонство.

Православный. – Вторая заповедь воспрещает поклоняться и служить бездушным истуканам, – кумирам. Мы же, православные, служим Господу и почитаем святые иконы, на которых изображен Сам Вседержитель Господь Саваоф, Единородный Сын Божий Господь наш Иисус Христос, Пречистая Его Мать и святые ангелы и угодники Божии. Чрез эти изображения Господь силен подавать Свою спасительную благодать всем, с верою взирающим на них. Святые не краски и доски, но свят и досточтим лик, изображенный на них. Почитая образ Господень, мы, православные, воздаем честь Первообразу, к Нему возносим ум свой и Его духовно созерцаем.

Молоканин. – Бог есть чистейший Дух. Как же можно изобразить Его красками?!

Православный. – Как же, спрошу и я тебя, – Господу Богу угодно было явить Себя св. пророку Даниилу во образе «Ветхаго денми»? Зрях, дондеже престолы поставишася, и Ветхий денми седе, и одежда Его бела, аки снег, и власы главы Его, аки волна чиста (Дан.7:9). И Сын Божий не явил ли Себя в образе человека, облеченного плотью? Известно, что и св. ангелы по воле Божией являлись в человеческом образе.

Молоканин. – Я думаю, что можно еще допустить поклонение пред изображением Спасителя; но поклоняться иконам ангелов и угодников Божиих, значит поклоняться изображениям тварей. Это уже противно второй заповеди...

Православный. – Поклоняясь иконам Пречистой Матери Божией, св. угодников и ангелов, мы воздаем им не то поклонение, которое подобает Единому Богу, во Святой Троице славимому; не боготворим их, но лишь оказываем то почитание, какое подобает лицам, прославленным благодатию Божией. Следовательно и честь, воздаваемая им, относится к Самому Богу, дивному во святых Своих; а такую честь мы не только можем, но и должны воздавать угодникам Божиим. Сама Мать Божия предсказала о Себе: се отныне ублажат Мя вси роди (Лк.1:48). Пред ангелами Божиими падали ниц Иисус Навин и св. пророк Даниил (Нав.5:14; Дан.10:15). Сам Моисей, который принял заповеди Закона Божия на горе Синае, получил

повеление от Бога сделать два литых изображения херувимов и поставить их над ковчегом, а также выткать изображение херувимов на завесе, отделявшей святилище от Святого Святых (Исх.25:18–20; 26:1). Иудеи поклонялись пред ними и не считали это преступлением против второй заповеди: Внидем в селение Его, – говорит Псалмопевец, – поклонимся на место, идеже стоясте нозе Его (Пс.131:7). Итак Самому Господу угодно, чтобы верующие воздавали поклонение изображениям святых Его ангелов. Да будет же в этом, как и во всем, Его святая воля! Аминь.

Новоприсоединенный из молоканства крест. г. Тифлиса
Тимофей Сергеев Харитонов

Миссионерство, секты и раскол. (хроника)

**Орлов А. Из миссионерских итогов прошлого года.
Общий взгляд на состояние рационалистического
сектантства. Штунда, молоканство // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 3. С. 412–421**

Энергичная деятельность пастырей и миссионеров, направленная к религиозному просвещению народа и к противодействию расколо-сектантской пропаганде, вызывает сильное оживление в среде раскола и сектантства. Раскольнические и сектантские вожди всеми силами стремятся к объединению различных своих общин и толков, чтобы сплоченною массою противостать православной Церкви, и употребляют все возможные для них меры к ограждению темного раскольнического и сектантского царства от вторжения в него света православия. В мире сектантства, особого внимания попрежнему заслуживает штунда. Штунда быстро усиливается и растет не только на счет православия и разного рода сект, но даже и на счет раскола, проникая из мест своего прежнего развития всё в новые и новые места. В тех епархиях, где не так давно еще (в 1896–7 годах) замечались только единичные случаи появления штунды, в настоящее время образовались уже большие и прочно организованные штундистские общины. В Черниговской епархии, где по словам отчета епархиального братства, штунда – явление новорожденное, она однако уже успела свить себе прочное гнездо. В уездном городе Конотопе в настоящее время существует уже довольно большая штундистская община, тесно сплотившаяся около своего вожака А-я Н-на Хоменко. На первых порах конотопские штундисты, чувствуя свою слабость, прикрывались лицемерным исполнением православных обрядов: присылали к священнику своих новорожденных детей для совершения над ними таинства крещения; если случалось, что дети умирали, то приглашали священников для отпевания их; за последнее-же время они уже открыто заявили о себе. В августе 1899 г. к священнику явились два представителя общины и объяснили, что теперь уже они больше не намерены

крестить своих детей в православной Церкви, так как крещения не признают, а если раньше и допускали совершение его над ними, то только лицемеря, теперь-же решили оставить это лицемерие. После этого конотопские штундисты открыто и фанатично повели пропаганду, так что лжеучение их проникло уже и в некоторые соседние с Конотопом селения. Единичные случаи появления штунды замечаются уже и в других уездах Черниговской епархии. Причем в с. Куликове, Черниговского уезда, штунда нашла для себя уже подготовленную почву; семена вольномыслия и отрицательного отношения к вере и Церкви довольно давно были посеяны здесь учителем и учительницами местной земской школы. И в настоящее время, по словам противосектантского миссионера о. Яворского, главной действующей пружиной сектантского движения в с. Куликовке является также местный земской учитель, открыто проводящий в народ атеистические и материалистические идеи; средством для этого служат спевки с хором, организованным им из взрослых жителей с. Куликовки, так что спевки эти по справедливости могут быть названы уроками сектантства (Черниг. Еп. Вед. № 6).

Сильно преуспевает штунда и в губерниях Орловской, Смоленской, Московской, Нижегородской, Пензенской. Занесенная в Орловскую епархию из Закавказья в конце 80-х годов, она здесь успела уже пустить глубокие корни. В деревне Глыбочке, Трубчевского уезда, в настоящее время существует уже большая и правильно организованная штундистская община во главе с лже-епископом Василием Тимошенковым. Относясь к православной Церкви с фанатичною ненавистью, проявляемую часто в явном неуважении к православным святыням, святотатстве и богохульстве, местные штундисты дерзко и открыто ведут пропаганду своего лжеучения среди православного населения, причем главным средством для этого служат их молитвенные собрания. Считая себя святыми, живущими по закону Божию, они не считают обязательными для себя какие-бы то ни было человеческие законы, поэтому на требования полиции – прекратить молитвенные собрания, отвечают отказом, а в случае принуждения угрожают

кровопролитием. Когда однажды помощник волостного старшины явился во время собрания в дом лже-епископа Василия Тимошенкова и, объявив ему решение волостного суда о наказании его 14-дневным арестом за побои своей православной жены, хотел привести в исполнение это решение, – вся штундистская братия, по инициативе хозяина, поднялась на защиту своего лже-епископа. Схватив кто топор, кто лопату и т. п., штундисты, с криком «бей жидов», бросились на православных, собравшихся в это время около дома, и только энергичные меры полиции предупредили кровопролитие.

В Нижегородской епархии штунда свила себе прочное гнездо в деревне Горках, Васильского уезда, и отсюда энергично сеет свои заблуждения в среде окрестных православных жителей. В основу своей пропагаторской деятельности местные штундисты полагают следующее изречение из первого соборного послания апостола Иоанна Богослова: «кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце своё, как пребывает в том любовь Божия? (1Ин.3:19)». Под нуждою здесь они понимают неверие и незнание слова Божия, чем, по их мнению, страдают православные. Штундисты, по заповеди апостола, будто бы должны удовлетворять этой нужде православных, т. е. внушать им свои заблуждения. В своей пропагаторской деятельности здешние штундисты пользуются материальной поддержкою пашковцев, с которыми имеют тесное общение (Нижегор. Еп. Вед. № 13).

На Пензенскую епархию, в которой в 1895 году замечались только отдельные случаи появления штунды, в настоящее время, по словам местных Еп. Вед., надвигается целая гроза штундизма из соседних губерний и особенно с юга, куда пензенские крестьяне в большом количестве уходят на летние заработки. Особенно благоприятною почвою для распространения штунды в Пензенской епархии является старое разлагающееся молоканство, на счет которого пока главным образом и растет здесь она (Пенз. Еп. Вед.).

Проникла штунда и далеко на восток. В Оренбургской епархии она растет и множится, между прочим, путем

переселений сюда сектантов из южных губерний. И здесь, как в Пензенской епархии, самую благоприятную почву для штунды представляет молоканство, среди последователей которого штундисты ведут усиленную и небезуспешную пропаганду (Оренб. Еп. Вед.).

Быстро распространяясь и возрастая на счет православия и молоканства, штунда за последнее время пользуется большим успехом и среди раскола. В некоторых, напр., селениях Донской епархии первыми и фанатичными пропагандистами штундизма являются в настоящее время бывшие раскольники (хутор Пирожковский, станица Камышовская, хутор Плетнево-Ширяйский); есть здесь даже целая громадная штундистская община,¹⁸² большинство членов которой – бывшие последователи раскола.

Средство и способ распространения штундизма разнообразны. Главнейшие из них: проповеди разъездных штундистских миссионеров, распространение ими в народе подпольных сектантских изданий и особенно молитвенные собрания, совершенно открыто устраиваемые штундистами за последнее время и охотно посещаемые православными. И сами штундисты смотрят на молитвенные собрания, как на главнейшее средство объединения членов секты и распространения своего лжеучения, поэтому очень заботятся о благоустройстве этих собраний и особенно об улучшении общего пения на них, как главной приманки для православных; для этого они не щадят средств. Например, штундисты хутора Козинки, Донской епархии, приобрели фисгармонию и содержали у себя целый год учительницу, которая учила их пению, перелагала на ноты их «Духовные стихи» и организовала у них прекрасный хор. – Не малое значение в деле распространения штунды имеет и материальная помощь, оказываемая штундистами своим новосовращенным и нуждающимся «братьям». Эта материальная взаимопомощь у штундистов не носит характера частной и случайной благотворительности; она правильно организована и очень напоминает собою кагальную взаимопомощь у евреев. В Донской, напр., епархии все крупнейшие штундистские общины

ежегодно в определенное время (преимущественно пред Рождеством и Пасхой) получают от «неизвестных благодетелей» довольно большие суммы денег для раздачи беднейшим членам общин и для оказания пособия совращаемым православным. В пользовании материальными средствами для дела пропаганды штундисты доходят иногда до открытой торговли и, не стесняясь, покупают совесть бедняков, пользуясь их затруднительным положением. Так, напр., православные арендующие земли у известных богачей М-евых, руководителей донских штундистов, или поступающие к ним в работники, почти поголовно переходят в штунду, так как это – единственный способ избавиться от всевозможных притеснений, причиняемых им хозяевами-штундистами.

В местах своего прежнего развития штунда переживает процесс полного разложения. Произвол, лежащий в основе религиозных воззрений штундистов, приводит их с одной стороны к полному религиозному индифферентизму, с другой – к дроблению все на новые и новые секты и толки, часто до крайности противоположные. Штундисты Херсонской еп., по свидетельству миссионерского отчета, в настоящее время отрицают не только внешнюю сторону православия, но и внутреннюю, догматическую; св. Писание для них потеряло уже свой божественный авторитет и вовсе неубедительно. «Я бью себя словом Божиим, говорит на беседе штундист с. Сухого-Еланца – Черный, мучаю своё сердце, но вижу, что библия баламутит». Некоторые из штундистов дер. Основы отрицают не только божество И. Христа и Его воскресение из мертвых, на даже и бытие Бога. Штундист Хмарский, на вопрос миссионера: почему он оставил православие? – спокойно отвечал: «потому, что никакого Бога нет. Все ученые говорят, что Бога нет, да и я так думаю, ибо – кто Его видел?» Результатом отсутствия устойчивости в религиозных воззрениях штундистов являются постоянные споры их по вопросам религиозно-нравственной жизни, разногласия и разделения на враждебные партии. Тогда как одни остаются при прежних религиозных убеждениях, другие отвергают все штундовые обряды: преломление хлеба, брак, крещение взрослых водою. Одни празднуют воскресенье,

другие приводят учение об обязательном праздновании субботы, третьи склонны праздновать и субботу, и воскресенье; некоторые-же, боясь ошибиться, не празднуют ни того, ни другого дня (Херс. Еп. Вед). Среди Киевских, штундистов с новою силою в острой и опасной форме начинает развиваться психопатическое малеванское движение. У донских штундистов идут горячие споры по вопросу о крещении. Некоторые из них, признав необходимым крещение младенцев, с настойчивостью начали проводить это учение среди своих собратий, чем произвели большое волнение и вызвали целую бурю споров и разногласий в местных общинах. Но, несмотря на все эти разногласия и религиозные споры, штундисты тесно сплочены в одно целое общею им фанатичною ненавистью к православной Церкви; все эти самые разнообразные толки и партии представляют одну правильно организованную армию, дружно и энергично ведущую пропаганду своих лжеучений. Поэтому факт разложения штунды не должен успокаивающе действовать на православных борцов-пастырей и миссионеров; тем более, что, распадаясь, штунда не уничтожается, а нарождает новые, более фанатичные, чем сама, и дикие секты, каковы, например, малеванщина и штундо-хлыстовство. Если-же некоторые штундисты, видя новые заблуждения своей секты, задумываются над ложным своим положением и оставляют штунду, то они не присоединяются к православной Церкви. Из них и под влиянием их создается класс людей, пропитанных духом вольнодумства и протеста против всего современного церковного и государственного строя и представляющих самую благоприятную почву для развития всевозможных лжеучений. Этим и объясняется быстрый рост новых сект, возникающих в местах прежнего развития штунды.

Социальные и противогосударственные тенденции в штунде таятся с прежней силой и высказываются дерзко и открыто. Штундисты, напр., Бобриковой слободы, Донской епархии, даже на сельских сходах позволяли себе проповедовать, что царь существует лишь для того, чтобы обирать народ. «Попы поддерживают царя, а царь их: – рука руку моет». Один из штундистов этой слободы, Степан О-ков, вызванный на допрос

к полицейскому чиновнику, дерзко заявил, что для него, святого человека, закон не обязателен, и что, если он явился на допрос, то вовсе не закону подчиняясь, а уступая насилию. Отвергая войну, штундисты не ограничиваются одной устной проповедью о незаконности военной службы; вожаки их пишут в этом смысле целые послания к «братьям», находящимся в полках. Одно из таких посланий, писанное вожаком штундистов х. Козинки, Донской епархии, попало в руки полиции. Вот какие наставления даются в нём солдатам-штундистам: не убивай на войне, – это запрещено словом Божиим: «Не убей», «любите врагов ваших». Не нужно повиноваться власти, повелевающей убивать, – такая власть не от Бога, а от диавола, который есть человекоубийца... Вследствие такого направления штундизма, религиозные вопросы в нём отступают постепенно на задний план. Во многих местах штундисты совершенно не желают в настоящее время слушать миссионерские беседы и увещания; если же и вступают в собеседование, то скорее бывают склонны беседовать о предметах, не имеющих никакого отношения к религии. «Зачем нам беседовать о том, что уже потеряло свой интерес», говорил руководитель упомянутой козинской общины штундистов А-кин миссионеру, приглашавшему его побеседовать о том или другом вопросе веры, – «давайте лучше почитаем, что пишет о нас передовая пресса». И он, перебивая миссионера, начал читать выдержки из «Вестника Европы» и «Недели». Сообразно с этим меняется постепенно и характер молитвенных собраний штундистов; в некоторых, напр., штундистских общинах Донской епархии на этих собраниях очень мало уделяется времени чтению свящ. Писания и молитве, а главным образом ведутся беседы социально-политического содержания и читаются сочинения противорелигиозного и противогосударственного характера. Среди штундистов в настоящее время в большом количестве обращаются печатные и рукописные сочинения самого возмутительного содержания, направленного против современного церковного и государственного строя России (Астр. Еп. Вед., Киевск. Еп. Вед.). Нравственный уровень штундистов, по свидетельству миссионерских отчетов, невысок.

Свобода половых отношений, отсутствие супружеской верности, вражда не только к православным, но и к своим единоверцам, и другие пороки суть обычные явления в современных штундистских общинах. Правда, штундисты общин, возникших недавно, под влиянием одушевляющего их фанатизма, на первых порах стремятся к улучшению нравственной жизни, что и выражается в оставлении ими пьянства, сквернословия, табакокурения. Но эти показные добродетели штундистов не в состоянии скрыть их вражды и фарисейской гордости в отношении к православным, их грубости, своеволия, неповиновения властям, ханжества и лицемерия.

Разложение одряхлевшего молоканства идет быстрыми шагами. Недовольство сложившимися устоями жизни и искание лучшего вызывает среди молокан постоянные волнения, религиозные споры и распадение всё на новые и новые толки, — одни идут в штунду, другие усваивают мистические бредни хлыстов, третьи увлекаются жидовством, иные подпадают влиянию толстовства, многие же становятся совершенно индифферентными в деле религии. Особенно заметно это в таких крупных центрах молоканства, как, напр., сл. Астраханка и Нововасильевка, Таврической епархии, где насчитывается до пяти сектантских толков, выродившихся из молоканства. По дикости своих религиозных воззрений, особенно обращает на себя внимание толк прыгунский, представляющий какую-то смесь христианства с жидовством. Прыгуны признают 6 христианских праздников, но имеют и 4 еврейских, празднуемых по лунному счислению (Тавр. Еп. Вед.). В Астраханской епархии большим успехом среди молокан пользуется жидовство. Усиление секты жидовствующих на счет молоканства, по наблюдениям местных миссионеров, является крайне нежелательным в церковном и гражданском отношении. Пересаживая в русскую народность еврейские верования, мораль и все надежды, даже манеру и одежду, секта эта до того уродует русского человека и вытравливает в нём всё национальное, что некоторые из сектантов отказываются от своего русского происхождения и производят своих предков от жидов. Все надежды этих сектантов в жидовстве; они слили

свою судьбу с судьбою жидов. Русский народ и царь – их злейшие враги, с истреблением которых настанет день свободы и счастья Израиля. Христианство для них – то же язычество, и к нему они относятся с фанатической ненавистью (Отчет Астрах. Епарх. Кирилло-Мефодиевск. братства). Распадение молоканства сильно сказывается на молодежи. По словам Таврического епарх. миссионера, старики молокане жалуются, что молодежь их родителем не повинует, своевольничает, нравственностью не отличается. Винные лавки в Астраханке и Нововасильевке, селениях со сплошным почти сектантским населением, торгуют больше, чем на 20000 р. каждая. По данным медицинской статистики, развивается, особенно в Нововасильевке, скверная болезнь. Как у земского начальника, так и у следователя всегда масса судебно-уголовных молоканских дел. Лжесвидетельство на суде среди молокан вещь обыкновенная, так что сами молокане сознаются в отсутствии у них всякой гарантии того, что свидетель дает на суде показания по совести. Невысок и уровень религиозных знаний среди местных молокан. Епарх. миссионер, посетивший в с. Астраханке земскую молоканскую школу, принужден был констатировать факт полного религиозного невежества учеников. Из 60 учеников младшего отделения только трое прочли молитву Господню, и только двое могли правильно ответить на вопрос: сколько Богов? В старшем-же отделении хорошо знали про Пушкина, Суворова и проч., а о земной жизни Спасителя, о св. апостолах ничего (Таврич. Еп. Вед.). В местностях со сплошным православным населением небольшие молоканские общины, распадаясь, начинают постепенно подпадать влиянию православия. Таковы, напр., молоканские общины сел Богородского и Юрина, Нижегородской епархии. Здесь в молоканах не замечается уже прежнего сектантского фанатизма и нетерпимости; они охотно отдают своих детей в школы, где, обучаясь вместе с православными Закону Божию, школьники молокане постепенно усвоят православное учение и предпочитают его молоканству. Юринские-же молокане настолько сблизились с православием, что принимают от православной Церкви даже таинства крещения, миропомазания

и брака. Умерших также хоронят в православной Церкви по её обряду, и с особою торжественностью. Многие из Юринских молокан усердно посещают православное богослужение и даже участвуют в чтении и пении на клиросе (Нижег. Еп. Вед.). Но в отдаленной Сибирской глуши молоканство сохранилось еще в своей первобытной целости. Здесь молокане проявляют свой прежний фанатизм и ненависть к православию и к православным, прежнюю энергию и дерзость в пропаганде своего лжеучения. В некоторых селениях Томской епархии молоканские общины многочисленностью своих членов, их сплоченностью и единодушием, представляют такую силу, с которой православным приходится серьезно считаться. Так, напр., когда в селении Яшегуле, Барнаульского уезда, молокане превосходили православных числом голосов, последним нельзя было показаться на общем сходе, вследствие насмешек и разных кощунственных выходок против дорогих сердцу православного простолюдина святынь. Да и теперь, когда православных стало в обществе столько-же, сколько и молокан, первым все же живется нелегко. Забрав в свои руки власть, при помощи писаря-молоканина, молокане каждым удобным случаем пользуются во вред православным. Чтобы сохранить за собой численное превосходство, они отказывают православным переселенцам в приеме в своё общество, своих же единоверцев вызывают к себе на жительство как из России, так и из различных мест Сибири. Вот пример насмешек молокан над православными святынями. В том-же Ашегуле во время крестного хода (в день Св. Троицы) молокане говорили православным: «вот идут ваши идолы, вам нужно взять бубен, скрипку или гармонию и встретить их... прежде пред ними плясали, – попляшите и вы». И православные в смущении. «Нам уже стыдно ходить по деревне с иконами, говорили они миссионеру, насмешки – везде насмешки..., нас всякая думка берет, как на духу вам говорим; они (молокане) люди грамотные, а мы нет, мы в сомнении, голова наша разваливается: не знаем, кто прав – они или мы... у нас и руки опускаются, а по деревне идет разврат». В пропаганде своего лжеучения молокане не останавливаются и пред насилием,

особенно в отношении к православным девушкам, попадающим в замужество к ним в село. Они систематически преследуют их насмешками. Особенно нетерпимо относятся молокане к иконам, которыми православные родители благословляют дочерей на брак. Некоторое время православная отстаивает икону, но потом, не будучи в состоянии выносить кощунства молокан и притеснений, она снимает икону и прячет в сундук. Но и этим путем не всегда удается уберечь святыню от кощунства сектантов. В отсутствие невестки, а то и при ней, муж или кто-либо из его родни вскрывают силой сундук, с ругательствами извлекают икону, рубят её, бросают в огонь или дают детям вместо игрушки. Привычка и время доканчивают начатое молоканами дело, и православная женщина постепенно, может быть, сама того не замечая, делается молоканкой. – В своей ненависти к православию здешние молокане доходят до того, что даже на публичных беседах не стесняются всенародно поносить православные святыни. Во время беседы миссионера в поселке Новопокровке (Барнаульского-же уезда), один из молоканских начетников Костин громко кричал народу: «кто поклоняется рукотворенному – анафема; будьте прокляты, кто поклоняется рукотворенному, вместе со своим рукотворенным (Томск. Еп. Вед.)».

Не чужды молоканам и социальные тенденции. Среди них не редкость встретить в настоящее время различные рукописные сочинения, направленные против современного государственного и общественного строя. Не редкость услышать среди них такого рода рассуждения, что власти не нужны, а всё должно быть так, как в первобытной Церкви, когда все были равны и не было нахальников; что богатства должны быть в общем владении, так как Бог создал землю всему роду человеческому для совместного пользования, и только по злобе людской назначенный Богом порядок изменился. В с. Трофимовщине, Пензенской епархии, молокане от этих рассуждений перешли уже к делу. Здесь во главе молоканской общины стоял крестьянин Курзов, человек богатый и не щадящий средств для распространения и поддержания молоканства. Молоканская братия жила всецело на счет

Курзова. Так продолжалось не один год. Но вот одному из братии пришла мысль, – на каком это основании Курзов единолично распоряжается своим капиталом, почему он не передает его в общее пользование всей общины, – ведь все они братья во Христе и все равны? Мысль эта очень понравилась всей общине; но прежде чем объявить об этом Курзову, решили поступить так: помолиться с вечера Богу, почитать св. Писание и, если на утро никто не откажется от этой мысли, то считать её внушением Духа Святого. На другой день никто, понятно, не отказался от мысли воспользоваться курзовскими капиталами. Но Курзов, которому молоканская братия объявила о своём решении, не признал этого решения внушением Духа Святого, не внял он и угрозам братьев – «предать его сатане», а бесцеремонно выгнал всех их вон из своего дома.

А. Орлов

Григорьев М. Современный раскол. Раскол Орловской и Тамбовской епархий в 1898–1899 гг. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 421–425

Общее число раскольников в той и другой епархии. Разделение их на секты. Внутренняя жизнь раскольниковских сект. Нестроения и вражда в раскольнич. общинах. Появление новых еретических лжеучений. Деятели и столпы раскола и их деятельность. Роль и значение «херувимок», или «монашек», в жизни безпоповщины. Отношения раскольников к православию.

Общая численность раскольников-старообрядцев в Орловской епархии в 1899 году простиралась до 7737 душ обоего пола, в Тамбовской-же – до 8500 душ.

Все почти раскольники как Орловской, так и Тамбовской епархии принадлежат к следующим согласиям: новопоморскому, федосеевскому, филипповскому, беглопоповскому и австрийскому. Кроме того, в Темниковском и Шацком уездах, Тамбовской епархии, встречаются еще в небольших количествах последователи «Спасова согласия», или «нетовцы», а в Спасском уезде – «середники», названные так потому, что празднуют воскресный день в нашу среду.

Внутренняя жизнь раскольничьих сект в религиозно-нравственном и бытовом отношении по прежнему представляет очень мрачную картину вследствие общего падения нравов. В особенно мрачном виде является религиозно-нравственное состояние федосеевцев, так-как большинство из них, будучи не в силах выполнить бракоборных правил своего согласия, живет чисто животной жизнью, без всякого удовлетворения своих религиозных потребностей. Новопоморцы – самая распространенная секта в Орловской епархии обнаруживает свою жизненность не только в упорном до фанатизма отстаивании своих заблуждений, но и в пропаганде своего лжеучения среди членов православной Церкви. Так, новопоморцы нередко совращают в раскол православных девушек посредством вступления с ними в брак по обрядам своего толка; вошедши в раскольническую семью,

православные девушки, под влиянием старших членов семьи мужа, постепенно охлаждаются к православной Церкви и усваивают раскольнические взгляды и убеждения. Филипповцы той же епархии, по заявлениям миссионеров, широко поставили тайную пропаганду своего лжеучения и для соращения в свою секту не гнушаются никакими средствами: убеждениями, угрозами, денежными подкупками и материальными пособиями; сманивают к себе бесприютных стариков, старух, вдов и детей; нередко им удается перекрещивать даже умирающих, причем последние тут-же в кадушке иногда и умирают.

В Тамбовской епархии пропаганда раскола значительно слабее, а главное – неумолима: «уличить раскольников в пропаганде, как свидетельствуют священники приходов, зараженных расколом, нет почти никакой возможности», – с такой осторожностью и хитростью они обделывают это преступное дело.

Фанатизм и невежество раскольников Орловской епархии служат также причиной того, что все их согласия и толки находятся в постоянной непримиримой вражде между собою. С особенною силою эта вражда сказывается в согласии филипповцев, сначала расколовшемся на два толка: гуляевцев и ситниковцев, которые в свою очередь разделились еще на два толка: осьмокрещенцев и пятокрещенцев, или базинцев и кривошеинцев. По учению Базина, в настоящем – восьмом веке должно быть и восьмое крещение; совершаемо оно должно быть безсвященнословными лицами, так как церковь с полнотою иерархии и тайн и, в частности, с таинством крещения, совершаемым иерархическими лицами, должна была существовать только до восьмого века. Но Кривошеин и многие его последователи признали такое учение Базина еретическим и отделились от него. Попытки примирения не привели ни к чему, и вражда между базинцами и кривошеинцами продолжается по прежнему. Попытки примирения их остаются безрезультатными.

На почве такой вражды между различными согласиями и толками и религиозного невежества, общего всем почти раскольникам, вполне возможным оказалось появление среди раскольников Тамбовской епархии нового лжеучения,

ниспровергающего самые основы Христовой веры. Здесь, в с. Матызлях, Темниковского уезда, появился лжеучитель, который отрицает действительность воплощения Спасителя. Он учит, что Христос Спаситель воплотился не чувственным образом, а «привидением, мечтательно», и таким образом проповедует древнюю ересь докетизма, с которой боролся еще св. Иоанн Богослов.

Пропаганда раскола и фанатическая преданность раскольников своим лжеучениям не имели-бы твердых устоев, если бы во главе раскольников не стояли некоторые наиболее энергичные, деятельные и влиятельные люди – расколоводители и столпы разных согласий. Особенно ретивую деятельность на пользу раскола заявляют себя в Орловской епархии новопоморские наставники – кр. Ал. Ф. Пахомов и кр. Ст. Ан. Шмуров и филипповский лжеучитель кр. С. Н. Кривошеин. Пахомов – человек, до фанатизма преданный расколу, со своими деятельными помощниками – кр. Максимом Грязновым, Никифором Разговоровым и Наумом Варнаковым обучают детей своих односельчан грамоте, конечно, в духе раскола, всячески противодействуют устройству в их деревнях школ, заботятся о благоуукрашении своего молитвенного дома, возбуждают ходатайство об отведении для своих единоверцев особого кладбища и получают разрешение на это и пр. Другой раскольнический деятель кр. села Лужков, Дмитровского уезда, Шмуров, для возбуждения религиозного фанатизма среди своих единоверцев устраивает торжественные служения в своей моленной, на которые собираются старообрядцы из всех окрестных деревень, во главе с их благословенными отцами. Самое богослужение в это время совершается особенно продолжительно – почти всю ночь, причем растворяются окна молельни, откуда слышится, на соблазн православным, протяжное заунывное пение. По окончании богослужения у Шмурова бывает совет с раскольниками по разным текущим вопросам, причем главное и окончательное решение их предоставляется, конечно, самому Шмурову. Этот-же вожак раскола не останавливается и перед явным оказательством своей веры. Так, напр., 19 мая 1899 года Шмуров торжественно

совершил крестный ход на огороды и там, в присутствии православных, отслужил молебен «на засев конопли».

Главный руководитель филипповцев Кривошеин также нисколько не стесняется публично оказывать своё лжеучение и даже явно совращать православных в раскол. С этими целями он, вместе со своим помощником кр. Павлом Шкутовым, разъезжает по всем селам и деревням Орловской епархии, где имеются их последователи, и везде собирает своих единоверцев, особенно нетвердых в вере, читает им Писание и толкует по своему разумению; вместе с тем он не оставляет в покое и те православные селения, где находит удобную почву для своей пропаганды, распространяя там своё душепагубное учение.

На ряду с местными деятелями раскола на пользу его работают и многие приобретшие широкую известность столпы «древнего благочестия» из других местностей. К таким-же ярым пропагандистам и столпам раскола следует причислить Тульского начетчика Батова, имеющего огромное влияние на раскольников города Кром и снабжающего всех вообще новопоморцев Орловской епархии своими подпольными изданиями, затем – начетчика из села Поньрей, Курской губ., Самохвалова и Надежина из Нижнего Новгорода, к которым раскольники безпоповцы Орловской епархии обращаются во всех наиболее важных сомнительных случаях и советами и указаниями которых руководятся в своей жизни.

С таким-же авторитетом власти и влияния в раскольнических общинах, в частности в Федосеевщине, являются так назыв. «херувимки» или «монашки». Это – девицы из местных крестьянок, воспитываемые в преданности безпоповщинскому расколу и в частности в духе фанатичной преданности своему согласию на Преображенском безпоповщинском кладбище в Москве.

Здесь эти девицы дают фиктивный обет безбрачия и делаются чрез то «херувимками» и «монашками», предварительно пройдя чрез горнило раскольничьего воспитания и усвоив немудрую науку церковного чтения, письма и пения. Возвратясь на родину, эти воспитанницу

Преображенского кладбища играют здесь видную, можно даже сказать, исключительную роль в делах внутреннего управления Федосеевской секты: они следят за направлением отдельных семей и лиц, руководят воспитанием детей своих единоверцев, отправляют у них богослужение и требы, налагают епитимии, разрешают недоумения.

Вместе с тем эти ставленницы Преображенского кладбища всячески стараются противодействовать успехам православия. С особенным искусством и энергией они влияют, во вред православию, на тех, кто возымеет намерение присоединиться к св. Церкви; в этом случае, чтоб только отвратить от этого намерения, они пускают в ход всякие средства: и увещания, и угрозы, и всевозможные обещания, и награды...

Что касается отношений раскольников к прав. Церкви, то как в Орловской, так и в Тамбовской епархии отношения эти в разных местностях и у разных согласий до противоположности различны. Так, в то время как филипповцы Орловской епархии проявляют постоянную ненависть и фанатизм в своих отношениях к Правосл. Церкви и её духовенству, — последователи австрийского согласия в отношениях к православию по внешности нисколько не походят на раскольников: они посещают правосл. храм, принимают священника в свои дома, подходят к нему под благословение и о своей принадлежности к расколу никогда открыто не заявляют.

Но с другой стороны отношения некоторых беглопоповцев Малархангельского уезда (Орлов. еп.) к Церкви и её служителям отличаются какой-то раздвоенностью: раскольники обращаются к приходскому священнику для совершения крещения, брака и погребения; таин-же покаяния и причащения, а также священнического благословения от него не принимают и его самого с крестом и св. водою в свои дома не пускают. Не только отношения различных раскольнич. сект к прав. Церкви разнообразны, часто и отношения одной и той же секты в разных местностях совершенно различны. Так, напр., филипповцы, которые в общем относятся весьма нетерпимо к православию, в деревне Красовке, Кромского уезда, напротив,

очень мирно уживаются с православными, а своё уважение к прав. храму простирают до того, что жертвуют для него свой труд: так, они, наравне с православными, обрабатывали землю у гр. Рибопьера за материал, предназначенный для церковной ограды. Такие-же не установившиеся, или, вернее, колеблющиеся под влиянием миссии, отношения раскола к православию наблюдаются и в Тамбовской епархии, где по местам раскольники заявляют себя весьма фанатичными и нетерпимыми, по местам же – более мягкими и уступчивыми.

М. Григорьев

**Из жизни инославия и из мира заграничного
сектантства // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3.
С. 426–437**

Протестанты в Шотландии. Соединение Свободной и Соединенной Пресвитерианской Церквей. Ислам в Африке (Petit Journal). Приемы мусульманских миссионеров; доктрина Ислама; реальная основа его успехов в Африке. – Армия Спасения. Новый метод спасения (Evening News, Buffalo). – Буддисты и китайская война. Манифест японских буддистов (Heraldo de Madrid). Массонство в Англии и Германии. Религиозное и политическое значение масонства.

«Не смотря на дождливое утро на рыночной площади Поверли было около шести тысяч зрителей, расположившихся на нарочно устроенных сиденьях. Собралась эта масса посмотреть интересное и диловинное зрелище.

Тысячная процессия людей, одетых по случаю дождя почти сплошь в черные макинтоши, с распушенными зонтиками, имела вид гигантских похорон.

Во главе процессии два предводителя дружелюбно держали друг друга за руки, когда им были поднесены букеты. Это уже напоминало свадьбу».

В таком тоне – с обычным английским юмором описывалась в газетах церемония, не так давно состоявшаяся в Эдинбурге.

Но для участников её она имела глубоко-знаменательное значение. Не смотря на дождь, они стояли с непокрытыми головами и с большим одушевлением в полнейшей гармонии, пели всей массой гимн, последний стих которого постоянно повторялся: In unity to dwell «жить в единении». Два предводителя жали друг другу руку и торжественно произносили свои обеты. Затем все направились на «соединенное» заседание, где произнесена была приличествующая случаю речь.

Так состоялась церемония «соединения церквей», или, точнее, двух протестантских общин.

Одна из этих общин, Соединенная пресвитерианская Церковь (United Presbyterian Church, или, сокращенно, одни заглавные буквы U. P. Church, почему англичане называют её «эп-чёрч», содержит в себе древнейшие элементы шотландского раскола. Своё существование она начала 187 лет назад. Имевшая вначале около 2,000 членов, в день соединения её со Свободной Церковью Шотландии она насчитывала их уже около 200,000. Доход её (исключительно из добровольных пожертвований) возрос теперь уже до 4 миллионов рублей. Она называется Соединенною потому, что составлена из разных сект, из коих каждая имеет свою историю и своих мучеников за пресвитерианскую веру. Она включает в себе остатки Камеронской (Gameronian от имени основателя) секты, церкви отступления (Secession Church), церкви освобождения (Relief Church) и соединенной изначальной церкви отступления (United Original Secession Church), известной в народе под именем «Auld Lights». Принцип, связывающий все эти секты в одной Соединенной пресвитерианской церкви есть принцип свободы, – убеждение, что церковь не должна составлять часть государства и должна поддерживаться добровольными приношениями верующих.

«Свободная церковь Шотландии» имеет более краткую историю, которая, однако, возбуждает в каждом пресвитерьянце трепет восторга. Свободная церковь Шотландии (Free Church of Scotland) образовалась из-за конфликта с правительством по вопросу о патронатстве. Утром 18-го мая 1843 года в Холируде на приеме (levee) у лорда Высокого комиссионера (High Commissioner) оборвался со стены портрет Уильяма III-го. Кто-то сказал: «идет революция». Спустя какой-либо час стоявшие перед дверью Ассамблеи (Синода) увидели пред собою седую голову Чальмэрсса, а за ним сотни духовных лиц (их было 474). Они оставили собрание и шли в неизвестное будущее. Лорд Джемсидор сидел в своей библиотеке, когда внезапный посетитель ворвался к нему с криком: «их ушло более четырехсот!» Плохой судья, критик и клерикал, но с душой, открытой на всякое благородное дело, лорд вскочил с места и воскликнул в ответ: «я горжусь моей страной. Где могло произойти подобное?».

Дальнейшая жизнь Чальмэрсa († 1847) показала, что его мечты о Свободной церкви, далеко не оправдались, «Хотя мы и оставляем государство, но мы не отрицаем принципа связи с ним. Мы разрываем испорченную связь, но были бы рады вернуться к новой, чистой». Государственная церковь Шотландии давно уже упорядочила и очистила свои отношения к государственной власти в том смысле, какой разумел Чальмэрс; но состоявшееся прошлого 18-го октября соединение Свободной церкви произошло не с государственной церковью, а с общиной, самое существование которой основано было на отрицании возможности какого-либо союза церкви и государства. Некогда писал Джон Уэсли: всякий, кто последует моим советам, никогда не будет отделяться от государственной церкви. А теперь? «Свободная» церковь признается, что не связана словами своих основателей. Она отвергает эти слова. Подымающийся прилив смывает неровности на песке, – как бы глубоки они ни были, – и пора уже перестать думать, что заветы сектантских вожаков остаются неизменными, как бы громогласно они не произносились. Хороший урок из всего этого можно вывести для наших раскольников и вообще для всех, кто думает достичь идеала путем разделения. Прежде чем решиться на отступление, нужно бы размыслить над историей Свободной шотландской церкви. В 1843 году многие думали о тех «жалких» людях, которые остались сидеть в ассамблее 18-го мая, оставленные цветом и солью шотландского духовенства. Пригвожденные упреком в пристрастии к «египетским мясам», они не дожили, чтобы видеть плоды работы своих надломленных сил. Но ныне, процветая, государственная церковь Шотландии (Church of Scotland) с благодарностью вспоминает о них.

Состоявшееся соединение свободной и соединенной пресвитерианской церковью обязано во многом энергии и решимости принципа Рейни. Если бы он избрал не духовную, а политическую карьеру, то парламент сделал бы в нём огромное приобретение. Если бы принципал Рейни сидел на первой скамье, когда её оставил покойный Гладстон, он, может быть, вел бы теперь объединенную либеральную партию,

вместо того чтобы вести объединенные им пресвитерианские общины. Дело об унии между Свободной и Соединенной пресвитерьянской церквами тянется уже давно: Рейни является единственным в живых из членов комитета 1863 года, рассматривавшего это дело. В последние пять лет оно было dokonчено исключительно трудами одного Рейни. Он же руководил, последней ассамблеей Свободной церкви прошлого 17-го октября (ст. ст.). С замечательным искусством, судя по репортерским донесениям, он отпарировал возражения. Его противниками оказались очень немногие. Люди без веса и выдающихся способностей, они слабо защищали своё положение, которое Свободная церковь актом унии отныне объявляет недостижимым идеалом. Их оказалось 27 против 643-х. Но их поражение еще не значит, что в будущем всё пойдет хорошо в объединившихся общинах. Насколько церковь имеет права на церковную собственность, если она вступает в союз с общиной, которая не признает её принципов, вот вопрос, по которому мнения канонистов уже разделились, и который, может быть, будет еще разбираться в гражданских шотландских судах. Последнее слово еще не сказано, и те которые не согласились с принципалом Рейни, поступили так, отстаивая принцип возможности союза с государством. Они отказались следовать за человеком, который утверждает, что государство не должно иметь в виду церковных интересов, и что религия не должна приниматься в расчет и поддерживаться «гражданским магистратом».

Уния до сих пор не удавалась вследствие оппозиции приверженцев принципа государственной церкви. Ныне эта уния состоялась потому, что Свободная церковь поступилась этим принципом. Ясно, какая из соединившихся сторон выиграла и какая потеряла.

* * *

Несколько времени тому назад в лондонских газетах появилось известие, что турецкий султан выразил намерение, в качестве калифа правоверных, послать в Южную Африку эмиссаров с повелением объявить от его имени туземцам, исповедующим мусульманскую религию, приказ строго

соблюдать нейтралитет в англо-бурской войне. Благодаря вмешательству британского посланника султан, однако, решил отказаться от этого намерения.

Намерение султана управлять сообразно со своими политическими целями африканскими мусульманами и то значение, которое придали этому намерению англичане, несомненно свидетельствует о крупных завоеваниях, сделанных в Африке проповедью Ислама.

И в самом деле: из 200 приблизительно миллионов туземцев арабского и негрского племени, населяющих Африку, около , т. е. 80.000.000 исповедуют мусульманство.

С такую силою нельзя не считаться в политическом и в религиозном отношении.

Исследуя способы, которыми мусульманство приобретает у африканских фетишистов свои беспримерные успехи, невольно поражаешься их простотою. Пропаганда новой религии совершается, не привлекая на себя внимания, не возбуждая ни шума, ни разговоров, – её едва замечают.

Ислам не посылает в страны идолопоклонников «миссионеров», которые бы старались *явным образом* обратить как можно большее количество язычников в свою религию в самое короткое время. Миссионеры ислама – это разведчики, путешественники и купцы, распространяющие свою веру, так сказать, на ходу, торгуя и странствуя по языческим областям. Занимаясь объяснением правил новой веры как-бы между делом, они не вызывают к себе между туземцами того недоверия, какое неизбежно появилось-бы, если бы они не скрывали своей главной цели.

Купец, являющийся к ним, живет так же, как они сами, не проявляет никаких намерений навязать им свои верования и поэтому не возбуждает ни подозрений, ни недружелюбия. Он благоразумно с терпением ожидает того времени, когда известность его, как человека мудрого, знающего и справедливого укрепит настолько, что к нему начнут являться за советами. Он ждет, когда туземцы сами придут к нему за советом относительно фетиша, которому они поклоняются, и попросят просветить их своей мудростью и ведением.

Первобытные расы – те же дети. Они отвертываются от того, что им предлагают, и страстно добиваются того, в чём им, по-видимому, отказывают.

Таким образом дело прозелитизма завязывается, не нося на себе каиновой печати насилия или навязывания, и затем преуспевает тем лучше и быстрее, что эмиссары Ислама отличаются большей ловкостью к приноравливанию их веры к нравам и характеру населения.

Они всячески избегают возбуждения подозрительности у своих неофитов, примиряя предписания мусульманской религии с обычаями среды, в которой им приходится действовать. Так, напр., они согласуют (как это делается ими и в Китае) праздники, установленные фетишистским ритуалом, с праздниками их собственной религии. Они совершают также все обрядности своих новых религиозных сограждан, насколько они не противоречат самым основаниям Корана.

Для начала, мечети, воздвигаемые ими, делаются очень скромными по сравнению с алтарями, пред которыми язычники совершают свои церемонии.

В заключение они учреждают школы, которые довершают дело обращения туземцев к правоверию, сплетая учение Корана с общими идеями населения.

Одним словом, мусульманские эмиссары пользуются в деле обращения неверных как раз теми самыми приемами, которые с немалым успехом употреблялись и дальше употребляются иезуитами на востоке, напр., в Китае и Японии.

Но, само собою разумеется, главная суть огромных успехов мусульманства среди варварских племен Африки заключается не столько в методе проповеди, сколько в крайней упрощенности проповедуемого учения: «Нет Бога, кроме Бога, и Магомет – его пророк». Неофиту нужно только уверовать в эти два короткие предложения, и он становится мусульманином.

Вся же обрядовая сторона ислама сокращается для нужд африканской проповеди до 3 требований: 1) соблюдение молитв, обязательных в определенные часы, 2) соблюдение поста во время месяца Рамадана, 3) паломничество в Мекку хоть раз в жизни, если только это возможно.

Кроме ясности и простоты основного догмата мусульманства и упрощенности обрядовой стороны религии – самый дух ислама как нельзя более подходит к многострадальной черной расе. Слово *ислам* по-арабски значит *предание себя воле Божией* (ресигнация). И на самом деле основной смысл учения Магомета заключается именно в безусловном отречении от собственной воли и придании себя воле божественной. Вытекающий отсюда стоический фатализм влечет за собою безграничное подчинение власти духовной или правительственной, – как раз то, к чему безжалостная история уже воспитала туземцев африканского материка. Что касается до 48 правил веры, из которых состоит догма ислама, то эта несвязная амальгама схоластических, метафизических и теософических изречений, вообще говоря, совершенно неизвестна африканским неопфитам, которые к тому-же едва-ли бы в ней что-либо поняли.

Христианство, проповедуя милосердие и любовь, на деле как бы по какому-то проклятию неизменно сопровождается в Африке кровью, массовыми истреблениями людей и фактическим беспощадным порабощением. Ислам-же, допуская рабство вообще, – рабство неверных, – не знает рабства *мусульманина мусульманину*, и это не только на словах, но и на деле. Таким образом, негр, становясь магометанином как бы приобщается в своих собственных глазах, к высшему разряду людей, где все равны, где нет разделения на наследственных рабов и господ. В то время как в христианских частях Африки негр до сих пор не выходит из положения худшего вьючной скотины, в областях магометанского просвещения он может возвыситься до какого угодно высокого положения в зависимости от своих способностей и удачи. Таким образом, Ислам является для чернокожего человека не только отвлеченною доктриной, но и практическим учением, всесторонне устраивающим его жизнь в духе патриархальной свободы, патриархального равенства и патриархально-религиозного братства.

В этом и заключается *реальная* основа успехов Ислама и полного неуспеха миссионеров протестантов, баптистов,

методистов, англикан, католиков, королевско-прусских евангелистов и проч. и проч. и проч. Но на это обстоятельство миссионеры закрывают глаза (Petit Journal).

* * *

Г. Мак-Интайр, бригадный генерал Армии в Буффало (в Америке), сообщает о новом предприятии, которое может иметь немалый успех. «Мы запаслись, – говорит он, – магазином, лошадью и телегой для собирания изношенного платья, изломанной мебели, разбитой посуды и проч., которые сострадательные люди расположены отдать нам. Всё собранное таким образом мы будем свозить в наш магазин, найдем бедных людей, чтобы починить, вычистить и подновить эти вещи, и вообще сделать их годными к употреблению. Затем мы будем продавать их бедным по самым низким ценам. Само собой разумеется, что мы не будем извлекать из этой торговли каких-либо барышей, а постараемся выручить лишь столько, чтоб покрыть наши издержки по приведению нашего товара в пригодное состояние» (Evening News, Buffalo).

* * *

В Англии и Америке большим успехом пользуется пьеса «Нью-Йоркская красавица». – Героиней этой пьесы является Виолетта Грей, девушка – сальвационистка, обладающая – в изображении известной артистки Эдны Мей – всеми лучшими дарами природы. Она младенчески-чиста, симпатична, скромна и в тоже время одарена обаятельной наружностью. Благодаря всему этому, сальвационистская героиня на сцене производит глубокое впечатление, какого никогда не оказывали дамы-сальвационистки в действительной жизни.

Распорядители бостонского отдела Армии Спасения оказались людьми сообразительными и решительными. Намек, который дала им со сцены Эдна Мей, изобразившая девушку-сальвационистку такой, какой она должна быть, не пропал для них даром. Вымысел поэта они решили перенести в действительную жизнь. И это было для них, тем легче, что популярная пьеса сделала девушку-сальвационистку популярной и симпатичной во всех слоях общества.

Бостонские сальвационисты принялись за дело немедленно. Они обшарили весь город и все пригороды. И труды их не пропали даром: в их ряды стало столько новых прекрасных и милых девушек, сколько можно было завоевать.

В небольшом городке Лоренс жила красавица с чудными серыми глазами и каштановыми волосами. Имя её было Нэлли Тэльмедж. Сальвационисты подслушали, как она поет под звон своей гитары. И вот прежде, чем прошел день, она сдалась им безусловно, «с оружием и багажом», и представила в их распоряжение свой голос и своё искусство. За ней последовала её приятельница Минна Смит, маленькая, изящная белокурая красавица, которая играла на тамбурине раньше еще, чем научилась ходить.

Из Беверлея явились сестры Мур, Берта и Мабель, высокие, царственного вида девушки, обладавшие превосходными, обработанными голосами, привыкшие петь в салонах и пользовавшиеся за свой талант заслуженным успехом.

В Ньютоне в музыкальный корпус Армии зачислились Эллис и Лимиан Миллер, одна с волосами цвета воронова крыла, другая – словно сошедшая с одной из картин Тициана.

Седьмою была Марта Эштон, красота которой ничего не теряла даже от сурового квакерского наряда. Небесная синева её глаз очаровывала и из-под широких полей скромной и некрасивой форменной сальвационистской шляпы капора.

Крестовый поход этого отряда красавиц имел поразительный успех. В грязных глухих переулках, куда являлись они, бросали всё – даже выпивку и карты, – чтобы послушать музыкальные чарующие голоса, исходящие из уст, «каждый дюйм которых очарование».

Сюда же, к этим милым музыкальным воительницам, присоединилась Хильда Гансен, самая привлекательная и самая милая из них.

Она совсем не знала о «Нью-Йоркской красавице» и, однако, походила на неё, как оригинал на портрет. У неё был такой же нежный, детский взор, такие же серые глаза, скромные, немного печальные и удивительно симпатичные. Её

продолговатое лицо также обрамлено ореолом мягких темных локонов, скромно зачесанных со лба назад, – прическа, на которую может решиться в Америке только действительно прекрасная женщина.

И вот, с этой чудной девушкой произошло в действительной жизни как раз то, что с «Нью-Йоркской красавицей» на подмостках сцены.

В один из тех вечеров, когда она вместе со своими сестрами по Армии пела и молилась в одном из притонов грешников, она встретила некоего Фрэнка Роллинса. Он был молод, беззаботен, весел и отдавался игре и вину, не обременяя себя думами о греховности такого рода занятий.

Когда музыкальная фаланга выстроилась перед ним в игорном доме, он на мгновение оцепенел. Под квакерскими шляпами сальвационисток он привык встречать исхудалые лица, поблекшие глаза, седые волосы, заостренные подбородки, крепко сжатые тонкие бескровные губы. Он совсем не был приготовлен к тому, чтобы у проповедниц спасения увидеть сверкающие зубы, розовые щеки, выющиеся локоны и блистающие глаза.

Молитвенная же музыка их свежих юных голосов сказала его сердцу больше, нежели все молитвы, которые он до сей поры когда-либо слышал в своей жизни.

Фрэнк Роллинс стоял, как очарованный, – воплощение юного энтузиазма и счастья. Он был высок ростом, с широкой грудью, у него была свободная, независимая осанка, благородные очертания головы и открытые честные глаза. Он смотрел во все глаза, – и сам привлекал всеобщее внимание.

Его взор встретился, наконец, с парюю серых глаз, ясных, как воды чистого источника, скромных и в то же время блистающих разумом.

«Кто это?» – спросил он одного из соседей, столь-же пораженного видом фаланги юных воительниц. В этот вечер он впервые услышал её имя – Хильда Ганзен.

Ему не стоило большого труда заговорить с ней, потому что она была здесь именно для того, чтобы спрашивать и давать ответы.

Её красота и обаяние сделали то, что жизнь её представлялась ему чем-то великим и совершенным.

Когда он говорил с ней, смотря в её невинные глаза и слушая чистые звуки её музыкального голоса, ему казалось, что в жизни возможна только одна дорога – та, которую избрала она.

И он со всей искренностью сказал ей об этом.

А она, слушая его, поверила ему и полюбила его, и они решили подождать, когда он получит звание мастера на заводе, где он работал, а затем обвенчаться и вместе, рука об руку, ходить и призывать людей к спасению.

Хильда Гансен была пламенной воительницей спасения, и даже удовольствие быть вместе со своим возлюбленным не удерживало её от исполнения принятой на себя обязанности. Поэтому она продолжала ходить со своими сестрами-воительницами, разыскивая и поражая грех, и оставляя Френка, с которым она обручилась, его собственным занятиям.

Она верила, что он уже не будет более посещать тех мест, в одном из которых она впервые встретила его, где мужчины собираются, чтоб пить и играть. И он сам верил этому.

Но прошла неделя, прошла другая, третья, – и он почувствовал, что ему надо повидать своих приятелей.

Он отправился к ним в один из таких вечеров, когда Хильда должна была быть на службе в Армии.

Он сел с своими приятелями, Франк Роллинс – выпил один другой, стакан вина, а затем – само собой ясно – и совсем вернулся к старой веселой жизни однако тайно от своей невесты.

И вот однажды Хильда Гансен, во время своих обходов, нашла его буйствующим в игорном доме.

Детски-невинные глаза Хильды изменились в одно мгновение и засверкали негодованием, а затем она разразилась бурным потоком слез.

* * *

Японские буддисты рассылают духовным лицам всех вероисповеданий во все концы мира окружное послание, напоминающее по своему духу первые века христианства.

В послании советуется отречение от того чувства ненависти, во имя которого и китайцам, и миссионерам причинено столько страданий и совершено столько ужасов; надлежит платить добром за зло и просить небо, чтобы оно благословило все народы.

«Пусть христианские правительства, – продолжает манифест, – одни настаивают на мщении и контрибуции; буддисты, со своей стороны, отказываются участвовать в этом; пусть это – плохая политика, но за то хорошая религия».

В заключение манифест убеждает миссионеров различных вероисповеданий, чтобы по крайней мере хоть они воздержались от политики мести и отказались от всяких действий; которые можно было бы истолковать, как поддержку тому ненормальному порядку вещей, который установился ныне в небесной Империи (Héraldo de Madrid).

Язычники, напоминающие пасторам, проповедникам и епископам христианских вероисповеданий о любви к врагам и о милосердии – зрелище высокой поучительности.

* * *

Масонство, правильно организованное в Англии и Германии, составляет громадную тайную общественную силу. Поразительно, но совершенно верно, что во главе английских масонов стоит король Эдуард VII, а во главе германских – император германский. Общество масонов основано в Англии протестантскими общественными деятелями для подпольной борьбы с католичеством. То, что у католиков иезуитское братство, у протестантов – масонство. И то, и другое следуют основному правилу: цель оправдывает средства. Главная же цель обоих основать свою власть не только на религиозно-церковной, но даже на политической и социальной почве. У масонов так же, как и у иезуитов, требуется слепая покорность всех членов высшему начальству, которое одно знает основные тайны общества и цель, к которой оно направляет свои силы.

Масоны между собой называются братьями и, когда пишут друг другу, употребляют сокращение этого слова в виде латинской буквы F с тремя точками в виде треугольника, F .

Масон так же, как и иезуит, передавший тайны общества непосвященному, подвергается смертной казни.

В Пруссии и в Англии масонство имеет религиозно-протестантский характер, стоит в связи с законной правительственной властью, которая им управляет. Фридрих III тоже был главою немецкого масонства. Вследствие религиозно-протестантского характера английских и германских лож (масонство разделено на ложи, соответствующие нашим приходам, которыми управляют «мастера»). Долго не хотели допускать евреев в число масонов, но теперь евреи занимают почти главное место в ложах. Вследствие этого масоны крепко защищают еврейское и протестантское священство, хотя себя называют антиклерикалами, а нападают только на католическую и, насколько это им возможно, на православную Церковь.

С политической точки зрения масонские ложи тоже проповедуют английские идеалы, а именно – торжество либерализма, парламентаризма и отчаянную борьбу против самодержавия. Масонские ложи приготовили все революции, которые в Европе заменили абсолютизм конституционализмом. Напротив, согласно английским социальным понятиям, масоны, хотя иногда выражают демократические взгляды, но поддерживают капитализм против земледелия и социализма.

Отдельные ложи масонские стоят под контролем главных центральных лож, которые существуют в каждом государстве, где есть достаточное число масонов. Центральные ложи имеются в Англии, в Германии, во Франции, Италии, Испании и Австро-Венгрии. Все же ложи соединены всемирным масонским комитетом, главным мастером которого состоит в настоящее время итальянский еврей, близкий друг Криспи.

Сила масонства состоит в том, что оно есть тайное общество, и что мудрено принимать меры против действий его членов. Часто о разных политических деятелях узнается, что они масоны только после того, как они уже причинили весь вред, который в состоянии были сделать, злоупотребляя своим положением.

Тайная мистическая связь, соединяющая Вильгельма II и Эдуарда VII, дает особое значение дружбе этих монархов, имеющих торжественные религиозно-политические идеалы. Об Эдуарде VII стало известно, что он масон, из английской газеты «Sketch», которая в своей хвалебной статье по поводу его вступления на престол открыла его масонский характер и, чтобы отклонить всякое сомнение в правдивости этого известия, приложила снимок с его портрета в одежде масонского «великого мастера» который ниже мы и помещаем (см. стр. 437 – эл. р.).

А вот какую в присутствии лордов и членов палаты общин король Эдуард, присягу произнес пред прочтением своей тронной речи:

«Я, Эдуард, свидетельствую и заявляю торжественно и искренно пред Богом, что верю, что в таинстве причащения нет никакого претворения хлеба и вина в Кровь и Тело Христово, во время или после освящения кем бы то ни было, и что призывание или поклонение Деве Марии, или всякому другому святому, и жертвоприношение во время литургии, как они совершаются в римской церкви, суть суеверие и идолослужение. И я исповедаю, свидетельствую и утверждаю, что даю это заявление во всех его частях в простом и обычном значении слов, мне прочитанных, как их понимают английские протестанты, без всякого уклонения, обиняков и мысленного ограничения слов и помимо данного мне с этой целью уже раньше разрешения папою или другою властью или каким бы то ни было другим лицом и не думая, чтобы я мог оправдаться пред Богом и людьми или получить отпущение за то, что дал это заявление или часть этого заявления, хотя бы папа или всякое другое лицо или общественная власть разрешили меня от него или уничтожили его, или объявили его несуществующим, от начала да конца».

Текст декларации глубоко оскорбил не одних английских католиков, но и всех истинно-верующих христиан, так как он наполнен кощунственными и богохульными, с точки зрения догматов вселенской Церкви, заблуждениями.

А верования наших штундистов так сходны с королевской декларацией! Вот откуда источник мудрости у наших

отщепенцев, – вот почему их и тянет на запад.

Библиография

**Э. О. Летопись духовной печати по вопросам
миссии и расколо-сектантства // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 3. С. 438–444**

Из миссионерских итогов прошлого века; характеристика настоящего времени. – Значение Церкви в жизни христианина («Странник» за янв., февр.). – Из переписки Н. Ив. Субботина с архим. Павлом. – О мнимых «мелочах» церковной жизни (Вера и Церковь» за янв.).

Само собой понятно, что ни один журнал со специальными задачами и целями, как бы широка ни была его программа и обширен круг его сотрудников, не может на своих страницах дать место всему, что пишется и печатается по предмету его программы. В таком положении находится и наш журнал «Миссион. Обзорение». Но, с другой стороны, читателям всякого журнала, так равно и нашего, не имеющим средств и времени для чтения других журналов, желательно знать, что пишется и печатается помимо помещающегося на страницах читаемого ими журнала. В удовлетворение этого естественного и законного желания читателей мы на страницах «Мисс. Обозр.» будем время от времени сообщать им о статьях, с изложением их содержания, печатающихся в духовных журналах и заслуживающих, по своему содержанию и характеру внимания органа миссии.

Первые номера духовных журналов за 1901 г. дают достаточно интересных для пастырей и миссионеров статей. Особенно таковыми отличаются журналы не-академические – «Странник», «Вера и Церковь» и «Душеполезное Чтение». С некоторыми из статей первых двух журналов мы и познакомим наших читателей.

В «Страннике», за февраль, автор отдела «Внутреннее церковное обозрение» подводя итоги прошлому веку, касается и состояния расколо-сектантства в 19 столетии. Характеристика веку с этой стороны, хотя и кратко, но точно и верно сделана автором. «Унаследованное от XVIII в. свободомыслие и легкомысленное отношение наших светских высших кругов к

родной своей вере у нас скоро сменилось, особенно под влиянием отечественной войны, другой крайностью. Мистицизм и масонство, искусственно привившись к этим кругам, способствовали тому, что православная Россия скоро сделалась как бы притоном для всех западноевропейских религиозных сект. Дело доходило до открытого гонения на слово Божие, которое православная Церковь желала преподать своим чадам на удобопонятном русском языке... Но хлынувшая волна сектантства была отражена... В новое царствование свободное существование религиозного сектантства в России было признано несоответствующим действующим в государстве законам. Правительственный надзор над сектами и подчинение их существующим и вновь установленным законам о них наложили довольно прочную узду на религиозное своеволие и произвольномыслие... Окончательного уничтожения этой волны сектантства, конечно, не последовало... И когда в 60-х годах нашими свободомыслящими людьми была развита с поразительною откровенностью и настойчиво стала проводиться в русскую жизнь мысль чуть не о полной разнузданности человеческой мысли, эта исчезнувшая волна стала собираться снова и увеличиваться. Непрочно стоявшие сыны православной Церкви не могли устоять против её ударов и начали падать в бездну религиозного сектантства... После злосчастного события 1-го марта 1881 г. у нас стали приниматься более или менее энергичные и целесообразные средства к отражению всех чуждых и несродных нам волн..., и есть надежда, что эти волны, постепенно отражаемые, с течением времени совершенно рассеются и исчезнут с великого житейского моря русского государства». Основание для своей надежды автор видит в том факте, что яснополянский «мудрец», так недавно владевший умами русских, за последнее время всё более и более теряет круг своих легковых последователей, разочаровывающихся в его «непогрешимости».

Особенного внимания заслуживает помещенное начало в том же журнале за январь-февраль большого, по-видимому, исследования г. Кремлевского, под заглавием: «*Значение Церкви в жизни христианина*».

Как бы в введении автор устанавливает понятие о Церкви. Указав на многие понятия, соединяющиеся с именем Церковь, автор выводит, что, «говоря о Церкви православной, мы разумеем именно Церковь земную, т. е. всех живущих на земле исповедников православной веры». Эта-то Церковь есть посредница и орудие спасения нашего. Но, «если Церковь, как земное общество верующих, есть посредница спасения, без которой никто не может спастись, то кого же она спасает? Самое себя? Но в таком случае она является в одно и тоже время и орудием спасения и объектом, т. е. общество верующих в целом его виде одновременно есть и средство, чрез которое действует Господь, и предмет, на который Он действует чрез это средство. Явная несообразность». Эту несообразность автор упраздняет положением, что «православная Церковь есть не просто общество спасаемых, в настоящее время живущих на земле, но есть такое общество, которое имеет самую чистую, органическую связь со всем прошлым христианской истории, со всем тем, чем жили и дорожили верующие всех протекших веков... Здесь в этом общении с христианской историей или со *всею* православною Церковью и заключается средство нашего спасения. Не общение с небесною Церковью, как таковою, спасает нас, а общение с тем духом, которым жила и дышала эта Церковь, когда она была *земною*»... Выражается это общение, по автору, в содержании веры древних времен и в участии в формах жизни древней Церкви, т. е. в пастырстве, в таинствах, в богослужении и обрядах. Но истинное общение с нею чрез посредство божественной благодати. После этого ясно, что задачей нашего автора является – выяснить самую необходимость для христианина принадлежать к церковному единству. Выяснить это он хочет сначала отрицательным путем, – чрез разрешение и устранение тех возражений, которые выставляются против Церкви, против необходимости и полезности принадлежать к ней. Первее всего автор считается с возражениями, идущими от гр. Л.Н. Толстого.

По мнению Л.Н. Толстого, Церковь своим учением о будущем блаженстве, о благодати приучает человека лениться и не заботиться об исправлении настоящей *худой* жизни на жизнь

христианскую, и только разум может быть достаточным руководителем в христианской жизни. Опровергая Толстого, наш автор старается доказать два положения: 1) что наш разум не согласен безусловно с христианской истиной и 2) недостаточно силен в борьбе с соблазнами и страстями. Разум наш слишком субъективен, а поэтому, смотря потому, как сложилась жизнь человека, на что он обратил внимание, какие укрепились в нём привычки, соответственно этому человек признает за благо то или другое, и разум оправдывает именно это личное благо. У одних он оправдывает стоицизм, у других эпикуреизм, у третьих ницшеанство и т. д. А насколько силен разум в борьбе со страстями, это всякий знает, кто наблюдал над состоянием своих аффектов. И такое бессилие разума не временное явление: сильнее, чем теперь, он не был, да и с развитием прогресса, как показывает жизнь, нисколько не увеличивается его моральная сила. «Лень к нравственному, любовь к плотскому и самоугождение, падшее состояние, грех... есть сама природа человека. Поэтому мало разъяснить человеку, что он идет ложным путем, и показать другой истинный путь; мало доказать ему всю ненормальность и глупость его жизни и указать лучшую, разумную жизнь. Нужно уничтожить в человеке весь грех и сделать его безгрешным... надо *снова родить* его. Вот почему *возрождение* Спаситель поставил непременно условием вступления в царство Божие».

Второе возражение против необходимости принадлежать к Церкви, как посреднице спасения, автор находит в учении протестантов о спасении верою. Не входя в подробное обсуждение этого протестантского учения, автор останавливается на разъяснении того, что 1) оправдание необходимо отличать от спасения, а 2) спасение нельзя мыслить, как *actus dei forensis* (внешний оправдывающий акт). Мы не будем следить, как автор раскрывает и обосновывает свои мысли: нового он ничего не сообщает. Скажем лишь, что изобличение протестантского учения у него дается сжатое, ясное и содержательное, так что прочитать его статью не бесполезно.

В том же «Страннике» помещена статья Б. Титлинова «Времена упадка и подъема в религии и нравственности». В ней автор, далеко не всегда без больших натяжек, старается историческим путем установить, что времена упадка и подъема в религии и нравственности чередуются между собой, так что за временем упадка, как его реакция естественная, наступает время подъема в религии и наоборот. Насколько верны эти суждения автора, оставляем их на суд читателей. Мы же приведем его заключение о настоящем времени. Отметив, что шестидесятые и семидесятые годы были временем самого сильного распространения материализма и антихристианского духа в нашем (т. е. на Западе и у нас в России) обществе, автор продолжает: «для поверхностного взгляда кажется, что направление умов не изменилось и в настоящее время по сравнению с шестидесятыми годами. Но более внимательное наблюдение над умственной жизнью современности показывает другое. С половины восьмидесятых годов всё яснее и яснее обнаруживается поворот от прежнего материалистического мирозерцания к мирозерцанию религиозному. Религиозное чувство всё более и более пробуждается в обществе, и религиозные потребности возрастают с интенсивностью, напоминающею переходную эпоху от язычества к христианству. Прежние антирелигиозные устои жизни колеблются, жажда веры, стремление к таинственному и сверхъестественному усиливается с каждым днем как в европейском, так и в нашем обществе, а вместе просыпается интерес к метафизическим вопросам. Снова выступают на сцену, как и восемнадцать веков тому назад, учения Персии, Халдеи и Египта, магия, оккультизм, теософия, а отдаленный буддизм находит много прозелитов и поклонников. У нас такую же роль играют вновь возникшие учения Толстого, Пашкова и т. п. религиозных сектаторов, произведения которых кажутся теперь каким-то откровением тем самым людям, которые еще недавно только скептически усмехались, когда им говорили о вопросах религии»... Но «увидит ли мир тот истинный золотой век, который соединит вместе в единое гармоническое целое религию, науку и культуру, или же религиозное чувство человечества будет искать

ложного исхода в мистицизме, теософии и буддизме и т. п.?»
Ответа на это автор ждет от XX века.

* * *

В журнале «Вера и Церковь» заслуживает внимания интересная переписка проф. Н. Ив. Субботина с достопамятным покойным архим. Павлом Прусским. Переписка эта, начавшаяся еще в 1867 г., отчасти уже напечатана в «Брат. Слове», именно переписка за первые одиннадцать лет (с конца 1867 г. по 1879 г.), и в 1896 г. издана отдельной книгой под заглавием: «Ко дню первого годичного поминовения в Бозе почившего архимандрита Павла». Теперь проф. Субботин надумал напечатать в журнале «Вера и Церковь» и остальную свою переписку с архим. Павлом под заглавием: «Пятнадцать лет служения Церкви борьбою с расколом». Письма печатаются полностью, и как Субботина к архим. Павлу, так и этого к нему. В этой переписке, как бывшей между друзьями, много прямо не касающегося раскола, а относящегося к их личным делам и отношениям. Мы поэтому передадим из неё лишь то, что имеет отношение к миссии и к расколу, и что узнаем из переписки только за 1879 г.

Вот что рассказывает архим. Павел о начале хлопот Мойноских раскольников пред Св. Синодом о Единоверии у них. Приехавшие 24 мая в Москву казаки некрасовцы из Турции, из Майноса, двое – в качестве уполномоченных от общества – просить Св. Синод о даровании им священника на правила Единоверия, один, как избранный ими во священника, по ходатайству архим. Павла, 28-го представлялись митрополиту Макарию и просили его взять на себя ходатайство пред Св. Синодом об удовлетворении их просьбы. Владыко не отказался, принял поданное архим. Павлом ходатайственное за них пред Св. Синодом прошение и обнадежил их. В прошении изложены следующие проекты:

- 1) Присоединение их должно быть на правилах Единоверия.
- 2) Избранного ими посвятить во священника по старопечатному Чиновнику.
- 3) Новопоставленного обучать в нашем Никольском монастыре отправлению церковных служб.

4) Новопоставленного уполномочить грамотою присоединить майносцев к Церкви и совершать в Майносе богослужение и таинства.

5) Снабдить его св. миром и древним антимином для освящения находящейся в Майносе часовни в церковь.

6) Принадлежать майносским единоверцам к московской митрополии.

Но в Синоде дело майносцев встретило затруднения. Тогда в них приняли участие московские единоверцы, и один из них, главный попечитель Троицкой церкви в Москве, с благословения митрополита, решил ехать в Петербург просить Т. И. Филиппова ходатайствовать о майносах пред патриархом Константинопольским.

Сообщается в переписке, между прочим, один характерный фактик, выставляющий в настоящем свете фанатизм и нетерпимость раскольников и покойного лжеепископа Антония Шутова. Присоединился к церкви некто П. Т. Юдин. И Антоний, желая за это наказать его, шлет к неким Мусориным, у которых служил сын Юдина – Андрей, приказ, чтобы они отказали Андрею от должности, а потом сам лично, при свидании с Мусориными, решительно заявляет им, что если и молодой Юдин последует примеру отца, т. е. если присоединится к Церкви, то чтобы непременно отставили его от должности приказчика в их лавке. Послушный Антонию, один из Мусориных призывает Андрея и строго ему объявляет, что, если перейдет он в Церковь, то «того же дня ступай» туда-то (выругался).

Много интересного сообщается в переписке касательно Братства м. Петра, издания подлинника «Деяний соборов 1666 и 1667 г.», вопросов Егора Антонова к раскольнич. собору и т. под. Вся же переписка весьма важна для характеристики архим. Павла, – этой замечательно светлой, благородной и верующей личности.

Заслуживает внимания другая статья того же журнала «Вера и Церковь», под заглавием «Мнимые «мелочи» церковной жизни». Под этими мнимыми «мелочами» автор понимает церковно-обрядовую сторону нашей духовной и церковной жизни, которая у нас – и у мирян, и у духовенства – находится

не в надлежащем уважении, а иногда даже и в пренебрежении и искажении. Вооружаясь против такого отношения к ней, автор старается доказать, что в этих «мелочах», если не с особою силою, то с рельефностью, выпуклостью, живостью проявляется церковность или нецерковность религиозно-нравственной жизни общества и отдельных верующих, и что проявляющаяся в разного рода священнодействиях и обрядах Церкви её благодатно-освящающая сила имеет такое же животворящее значение, как и хранимая Церковью истина Христова учения. Виноваты в таком пренебрежительном отношении к церковно-обрядовой стороне, – по словам одного старца, сельского иерея, с которым наш автор имел рассуждение по данному вопросу, – священники – эти духовные руководители и просветители народа. «Всегда-ли мы, вопрошает этот почтенный иерей, совершаем все указываемые церковным уставом чинопоследования, когда нужно, и, если пасомые наши забывают о них, напоминаем-ли мы им об этих опущениях? Как и совершаем-то мы эти чинопоследования, когда случится? Не мы-ли своим небрежным чтением и пением богослужебных молитв и песнопений, особенно в так называемых требах, лишаем своих прихожан знания и разумного понимания их и даем повод смотреть на них механически, как на какие-то магические действия, которые имеют значение помимо их внутреннего смысла и вне живого к ним отношения верующей душой? А что они, прихожане наши, так именно, как на «мелочные» обряды, не имеющие никакого не только благодатного воздействующего значения, а и религиозно-нравственного смысла, смотрят на все почти церковно-богослужебные чинопоследования, – этого ни скрывать, ни отрицать нельзя». Некоторыми примерами почтенный иерей подтверждает эту свою мысль. За духовенством виноваты и все, «мнящие себя просвещенными христианами»; и только «в деревне такой, которая подальше от города и поменьше имеет с ним связей, церковная обрядность совершается с большей истовостью и даже с большим пониманием её смысла и значения, чем в городе». Дальнейшее изложение статьи представляет целый ряд картинных сопоставлений, или вернее,

противопоставлений деревни и народа простого городу и интеллигенции, со стороны их отношения к церковным обрядам и чинопоследованиям. Сопоставление сделано весьма интересно и поучительно.

Э. О.

Леонович М. Семья Православного Христианина. – Сборник религиозно-назидательных статей, очерков и рассказов для чтения в храме, семье и школе. Составил священник А.В. Рождественский. – Издание журнала «С.-Петербургский Духовный Вестник». Цена 1 р. 25 к. С.-Петербург. 1900 г. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 445

Нельзя не подивиться трудолюбию и предприимчивости свящ. А. В. Рождественского, выпустившего в свет целых шесть сборников в нынешнем году. Компилятивный характер подобных работ не лишает их ценности и значения, хотя, конечно, значение это чисто практическое. Потребность в подобного рода изданиях в настоящее время чувствуется более, чем когда-либо. Повсюду священники ведут внебогослужебные собеседования, учителя устраивают в школах народные чтения, в самом народе с распространением грамотности усиливается спрос на простые и поучительные книжки. Дать пригодный материал «для чтения в храме, семье и школе» – такова цель настоящего издания. Она, как видим, вполне отвечает современным потребностям духовенства, школы и народа.

Да и по самому содержанию сборник «Семья Православного Христианина» представляет собою весьма своевременное и полезное издание. Расшатанность семейной жизни, ненормальное отношение между членами семьи, развратная жизнь многих, грубость семейных нравов в народе – всё это жгучие вопросы современности. Судебная хроника и художественная литература дают нам яркие образы крайней ненормальности и испорченности этой основной ячейки общественной жизни. В сборнике Рождественского весьма полно и разнообразно рисуется идеал семейной жизни.

Начиная с того, что и в «семье можно спастись» в целом ряде умело подобранных рассказов, статей и стихотворений, составитель изображает, каковы должны быть отношения между супругами, между родителями и детьми братьями и сестрами

отчимами, мачехами, пасынками и падчерицами, хозяевами и прислугами; два небольших отдела посвящены вдовам и сиротам и содержат в себе поучительные рассказы о сиротской доле и наставления самим этим несчастным людям и об отношении к ним.

С внешней стороны издан сборник весьма опрятно, на хорошей бумаге, печать крупная и отчетливая.

Изложение везде простое, ясное и литературное. Ценность сборника увеличивают поучения святоотеческие и примеры из церковной истории и житий святых. Цена 1 р. 25 к. для такой объемистой книги (869 стр.) совсем не дорогая.

М. Леонович

**Светлый Христов Праздник Пасха. Новое (5)
издание И.В. Преображенского // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 3. С. 446**

«В пятый раз издает, вернее сказать, дарит нам означенный пасхальный сборник г. Преображенский. И в какой бы раз ни издавал он эту прекрасную книжку, нельзя умолчать о каждом новом её появлении в свет. В наше время распространения массы спекулятивных, мишурных и вредно-тенденциозных изданий дешевых книжек, такое выдающееся высокими своими достоинствами издание, как пасхальный сборник г. Преображенского, составляет чрезвычайно отрадное явление, приносит большую общественную пользу... Оно питает и развивает крепкое религиозное чувство не только учащих детей, для которых книга главным образом предназначена, но вполне удовлетворяет просветительным потребностям и взрослых читателей». Ев. В. (см. «Ю. Край» 1900 г. № 6632).

Книга **одобрена** разными министерствами и ведомствами и в многочисленных отзывах печати.

Ныне сборник г. Пр-га (*украшенный двенадцатью рисунками*) вышел уже **седьмым** изданием. Это издание добавлено статьею: **«Страстная и Пасхальная недели в Москве в 1900 году»**. (С рисунками: **1. Кремлевский дворец и общий вид кремлевских зданий; 2. Высочайший выход с Красного крыльца и 3. Выход Их Величеств из Троице-Сергиева собора**).

Цена книги остается прежняя – 50 к. в прочн. и изящн. переп., а для церк.-приход. и др. низших народных школ – 35 к. На перес. заказн. – 25 к. Веленевый экз. на 25 дороже. Мелочь можно почт. марками в заказн. письме.

Главн. склад книги у издателя: СПб. Звенигородская. 12.

Объявление о др. изданиях И. В. Преображенского и условиях их выписки см. в № 1-м «Церк. Ведом.» за с. г.

Новые издания Священника С. Брояковского // Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 446

Сборник поучений на все воскресные и праздничные дни. Цена 1 руб. 25 коп. с пересылкою.

Почения кратки, содержательны, просты, общедоступны и назидательны.

Книги для школ, народного чтения и войск:

Хлеб жизни. Сборник поучительных чтений. Назидательная книга для чтения в христианской семье и школе. Цена 1 руб. 25 коп. с пересылкою.

Очерки и рассказы из истории первенствующей Хриот. Церкви. Цена 20 к. без перес.

Чудотворный Козельщинский Образ Божией Матери. Цена 15 к. без пер.

Загробное состояние умерших. Цена 7 к. без перес.

Благодатная сила св. елеосвящен. Цена 3 к. без перес.

Отзывы печати: Книжки свящ. **С. Брояковского** весьма занимательны, назидательны и полезны для чтения всем любителям религиозно-нравств. и поучительного чтения... Они способны заинтересовать и даже увлечь всякого, и образованного и малограмотного читателя, благодаря живости и картинности изложения, легкому слогу и литературному языку... Поэтому желательно самое широкое распространение, подобного рода книжек и брошюр и среди интеллигентного класса, а также среди народа, войск и учеников народных школ (Смотр. «Церк. приход. школа», «Богослов. Библиогр. Листок»).

Школам, братствам, войскам, попечительствам о народной трезвости, книжным складам и магазинам, и другим лицам и учреждениям, выписывающим партиями, уступка соответственно количеству требуемых экземпляров.

Выписывать на наличные и с наложенным платежом по адресу: Попельная, Киев. губ., Свящ. Серапиону Брояковскому.

Скворцов В. М. Миссионерский Вестник //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 447–450

Новый епископ-миссионер. 25 февраля совершена Божественная хиротония ректора С.-Петербургской духовной академии, архим. Сергия Старгородского во епископа Нарвского, викария Спб. митрополии.

Предшествующее служение нового епископа посвящено было миссионерству на дальнем востоке – в Японии и богословской науке в академии. Таким образом миссия отечественной Церкви в лице нового епископа Сергия приобрела высокопросвещенного архипастыря, опытно изведавшего всю важность, а вместе и тяжесть миссионерского подвига

Переход в Православие. Возвращение славян-католиков и униатов в православие, как сообщает загребская газета *Србобран*, с каждым днем усиливается в Австро-Венгрии. На днях, перед праздниками, в Венгрию вернулось в православие около сотни поуниаченных буковинских Русинов. Также и в Сантове, в нижней Венгрии, сербы-католики и в Горице (в Австрии) Словенцы-католики торжественно отрекаются от католичества и возвращаются в славянскую прадедовскую православную веру. «Итак, заключает газета, истина воскресает, и скоро услышим, что по всему Банату тамошние сербы-католики (так называемые шокацы) перейдут в православие.

В общине Сачам, в Марамурешском комитете, в Венгрии, заявили желание принять православие 100 униатских румынских семейств.

Обряды востока. В «Богословском Вестнике» за прошлый год (кн. 7–8) напечатана статья проф. А. П. Лебедева «Религиозная жизнь и нравы греко-восточных христиан», в которой он указывает некоторые отличия богослужения греческого, особенно интересные для читателя русского. Из всех таинств наиболее обращают на себя внимание особенности совершения таинства покаяния. Как показывают данные последних пяти столетий, вплоть до конца истекающего XIX

столетия, восточные патриархи усвояют себе право раздавать народу разрешительные грамоты от грехов, и вроде тех индульгенций, какие известны в римской Церкви. Затем в покаянной дисциплине греков есть особый обряд отлучения от Церкви тяжких грешников и снятия этого отлучения; отлучению подвергаются лжесвидетели, грабители, оскорбители общественной нравственности, – в случаях их нераскаянности; формула отлучения очень суровая и даже жестокая; следствием отлучения греки признают неразложимость трупа по смерти отлученного; чтобы убедиться, превратился-ли труп в прах, покойника чрез несколько лет вырывают из земли; обряд снятия отлучения бывает во время нарочитой литургии, совершаемой почти всегда архиереем, на которой дважды с великим умилением читаются особые молитвы: потребность снять отлучение вызывается желанием не только доставить мир душе почившего грешника, но избавить и живых людей от вредоносных последствий, какими по отношению к ним, по мнению греков, обнаруживает себя неразложившийся труп; видимым доказательством действительности этого акта, по уверению греческих писателей, бывает разложение трупа. Таинство брака на Востоке совершается иногда архиереями, не исключая самих патриархов; венцы брачащиеся готовят себе сами из живых или искусственных цветов, а также покупают в магазинах; считается позволительным венчать браки и в посты, кроме св. Четыредесятницы. При погребении умерших берутся из Церквей хоругви, кресты, иконы; музыка почти необходима при погребении всякого довольно знатного человека; если погребение совершается на общем кладбище, то одежда на умершем изрезывается на части вся, в предосторожность от похитителей; бедные хоронятся без гробов; женщины прощаются с умершим в доме и ни в Церкви, ни при могилах не бывают; существует обычай также при жизни заказывать по себе сорокоуст и другой обычай выкапывать из земли кости покойника для помещения их в усыпальнице: при совершении панихиды кости обмываются водою и вином, слагаются в небольшой ящик и вносятся в Церковь, где служитя заупокойная литургия и великая панихида, после чего

кости относятся в усыпальницу, т. е. в особое здание при Церкви, с большой ямой посередине для костей людей бедных и с полками по бокам для костей людей богатых. Чин освящения воды в день Богоявления представляет особенность в том, что в конце священнодействия священнодействующий архиерей или священник бросает крест в воду, – в море или в реку; совсем нагие мужчины бросаются в воду, чтобы достать крест; кто в этом первый успеет, тот получит право ходить с этим крестом по домам целый день для сбора подаяний в свою пользу. Вообще рассматриваемый очерк, как со стороны своего предмета, так и со стороны материала, довольно нескучного, представляет для читателя не малый интерес.

– **Волчья мораль.** Из всех научных открытий XIX века едва-ли какое-нибудь произвело такое громадное впечатление на умы, как теория Дарвина о подборе и о переживании более сильных. Слабым, больным, немощным, бедным, казалось, нет больше мест на свете. Им, воспрянувшим около 2,000 лет тому назад, говорили: вы не можете жить, вы должны погибнуть! И на место христианской морали ставилась волчья мораль поедания слабого сильным. Только лет 10–15 тому назад теория Дарвина начала подвергаться пересмотру. Вместе с возрождением интереса к нравственным вопросам стало выясняться, что Дарвиновская теория подбора не может быть применима к этике и что волчьей моралью общество существовать не может.

Разбирая в своих «Научных письмах» идеи девятнадцатого века о жизни, г. Эльпе подробно останавливается на противоречиях, вытекающих из применения к жизни теории победы сильного над слабым.

«Человечество, говорит г. Эльпе, для прогресса которого требуется вырвать из груди сердце и заместить его камнем, не стоит того, чтобы о нём заботиться, работать, ибо оно грозит, путем подбора, переродиться в такого кровожадного зверя, какого не создавало еще природа. Наука, которая смотрит на человечество, как на авгиевы конюшни, а на его прогресс, как на отбор породистых и жирных свиней, имеет все основания на внимание этих милых созданий и никакого на внимание

человека. Истины такой науки обязательны для скотного двора, но никак не для человеческой истории».

И вот потому-то чрезмерное увлечение этими ложными истинами имело такое вредное влияние.

«Подумайте, продолжает г. Эльпе, какое впечатление должно было произвести это великое открытие «науки» на человечество, добрая половина которого и без того достаточно хорошо уже обросла шерстью, а ей-то именно от имени «науки» говорят: «не стесняйтесь, господа приспособленные, не стесняйтесь ложным гуманизмом: чем длиннее будут ваши руки, тем лучше для человеческого прогресса».

Только к концу XIX века теория Дарвина в приложении к общественным идеалам потеряла кредит.

«Задача человечества, как и задача всякой жизни в основе своей, – думают теперь люди, – есть взаимопомощь, взаимоподдержание, а не взаимоистребление. Сильному дана сила не для того только, чтобы заботиться о самом себе, но чтобы идти на помощь, на защиту слабого. Если бы более сильные клетки организма не поддерживали более слабых, более нежных, организм не мог-бы просуществовать и одного дня. Можно-ли в таком случае требовать много от общественного организма. И здесь сильный должен идти на помощь слабому, и только тогда слабый может окрепнуть».

Вот к чему должно стремиться человечество, а ни как не к выключению слабых путем переживания сильных!»

Счет раскольников за служение литургии. Раскольники нередко высказывают укоризны на православных священников, что они со своих прихожан за требы берут деньги и ставят в пример своих лже-иереев и наставников, которые будто бы ничего не просят при исполнении своих обязанностей и трудятся только Бога ради. Насколько это справедливо, можно видеть из помещаемого ниже письма одного раскольникового лже-попа к своему прихожанину. Орфография же этого письма показывает и степень просвещенности этого пастыря.

«Достопочтеннейший Благодетель Антон Тарасович. Извещаю вас что вы мне вручили денег 45 руб. й прошу

разъяснить Это за сколько обедень я вйжу йзваших Слов что вы хотите дать за 40-к обедень 50 р. ноя Это Служить немогу потому что мне каждая обеденья Стоит 1 р. 25 к. хотя Сами возьмите щеты и кладите $\frac{3}{4}$ чет. ф. Свечь 60 к. дьячку 50 к. мукй на 10 к. вйна церковнаго на 15 к. выходить 1 р. 25 к. кроме трудов А наши труды каждые суткй 10 часов моления вы Спросите Якова Алексанровйча или натальй глактйонович. поскольку платят за литурьгие я Сколько неслужу меньше 4-рех руб, никто не платять прошу напйшите отъвет Сколько у вас усерьдие от служить Литурьгий й сколько думаете заних заплатит то я буду знать А 50-ть руб. за 40-к обедень нельзя и думать вы посоветуйтесь Схорошими Людъмй во ожидании от- вас от вета. Свящ. Иереи О. Ияков Й Ба-в».

Миссионерские новости. Нам сообщают из Тамбова, что епархиальный противосектантский миссионер г. Сокологорский оставляет миссионерскую службу, перемещаясь в министерство просвещения.

Редактор-издатель В.М. Скворцов

Письмо в Редакцию

**Ботта А. Как организовать снабжение храмов
Божиих чистым лампадным маслом? //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 3. С. 451–454

Наилучшим лампадным маслом считается масло *деревянное*, называемое так потому, что добывается из плодов масличного (оливкового) дерева, в отличие от других растительных масел, каковы: льняное, конопляное, подсолнечное, сурепное, горчичное, кокосовое, пальмовое, хлопковое, кукурузное, сезамское и пр., извлекаемых из плодов и семян или зерен однолетних растений.

Область культуры оливы сравнительно невелика, так как это нежное растение требует особенно благоприятных климатических и почвенных условий для успешного произрастания. Масличное дерево процветает преимущественно на берегах Средиземного моря.

Урожай маслины значительно колеблется, что влияет на количество масла, появляющегося на рынке, и на цену его.

Эти обстоятельства, вместе с жаждою наживы, побуждают недобросовестных торговцев и преимущественно спекулянтов-перекупщиков прибегать к подмешиванию в чистое оливковое масло не только других масел низшего качества и неочищенных, но и керосину.

Такие подмеси сообщают маслу дурные свойства, каковы: образование значительных осадков при отстое, нагар на фитиле, треск при горении, зловоние и копоть. От последней чернеют и портятся живопись икон и позолота в украшениях храмов, не говоря о заражении в них воздуха. Образование же осадков, негодных для питания пламени лампад, дает ощутительный убыток, доходящий до 10 процентов.

Но кроме приведенных недостатков фальсифицированного масла, оно прямо невыгодно, так как оно сгорает быстрее чистого масла, благодаря примеси веществ, содержащих легко-воспламеняемые тела, а потому в одинаковый срок горения такого масла требуется значительно более, чем масла чистого, а при, одинаковой цене обоих продуктов. Это делает чистое

масло более выгодным. При этом следует отметить, что чистое масло горит более ярким и ровным пламенем.

Необходимо знать, каким путем деревянное масло доходит с места производства до лампад в русских православных церквях и благочестивых домах.

Производимое в Италии, Южной Франции, Испании. Греции и на северном побережье Африки, оно отправляется в места потребления по большей части в неочищенном виде, давая при отстое значительные негодные осадки и издавая при горении тяжелый смрадный запах и производя сильную копоть. Существует лишь немного заводов для сложной и тщательной операции очищения этого сырого материала, операции, которая устраняет названные недостатки и приводит масло в состояние прозрачное и свободное от всяких осадков. В Испании и Греции таких заводов нет.

В Россию попадает масло почищенное, и неочищенное.

В торговых городах оно скупается оптовыми торговцами-спекулянтами, которые перепродают его менее крупными количествами внутрь страны, где партии вновь дробятся, доходя в конце концов до мелочных лавок. Во время этих переходов из рук в руки и из посуды в посуду масло подвергается таким превращениям, от которых становится вполне неузнаваемым, хотя тщательно украшается клеймом «Галлипольского» (по городу Галлиполи в провинции Пульи, древней Апулии, в Южной Италии), издавна стяжавшего себе славу.

Несмотря на то, что оливковое масло проходит чрез руки целого ряда спекулянтов-торговцев, и каждому из них оставляет известную пользу, такое масло продается церквям и публике не только не дороже, но иногда и дешевле, чем покупается оптовыми покупателями от заграничных купцов, что служит явным и неоспоримым доказательством примеси к нему негодных веществ.

Не мудрено, что потребители остаются недовольны таким маслом, и что постоянно раздаются жалобы на полную почти невозможность даже в больших городах приобретать масло хорошего качества.

Что же можно сделать для того, чтобы дать возможность храмам и населению теплится перед иконами лампы с чистым, традиционным деревянным маслом, или «елеем», добываемым из маслины, оливы, вместо разных суррогатов скверных, вредных и убыточных?

Ответом на этот вопрос могут служить меры, принятые духовным ведомством относительно восковых свеч, коих не только продажу, но и самое производство признано было необходимым передать в руки духовного ведомства для прекращения возмутительной их фальсификации.

Но дело в том, что воск продукт туземный, маслина в России не произрастает. А потому о производстве масла самим ведомством и вообще в России не может быть и речи. А потому необходимо, и к этому по нашему глубокому убеждению представляется полная возможность, скажем более, необходимость, чтобы духовенство взяло в свои руки *приобретение* масла из *первых* и *надежных* рук и обставило сбыт его такими условиями, которые служили бы ручательством за его доброкачественность, оставляя в пользу потребителей, т. е. православных церквей, или ведомства духовного, те выгоды, которые ныне совершенно напрасно остаются в руках бесчисленных, ненужных и вредных посредников-спекулянтов.

Казалось бы, что конторы епархиальных свечных заводов представляют из себя для этого вполне готовую организацию. Они могли бы получать необходимое для церквей и населения количество масла непосредственно от самих производителей и снабжать им потребителей теми же путями, которые уже проложены для восковых свеч, и тем содействовать удовлетворению одной из настоятельнейших нужд православного населения.

Осуществить этот, столь важный в церковно-общественном быту православной России проект задался счастливою мыслью торговый дом Иосиф Пиньэне и сыновья в Генуе, ведущий с давних времен хлебную торговлю с Россией чрез товарища своего Ростовского-на-Дону 1-ой гильдии купца А.Ф. Ботта,¹⁸³ который, вместе с тем состоит ныне и представителем фирмы по всей России. Завод очищает ежегодно в своих заводах около

200,000 пуд. деревянного масла исключительно для экспорта в Южную Америку и с прошлого года в Россию. Заводы фирмы помещаются: главные в Самньердарене (близь Генуя), где производятся и другие масла: сезамское, сурепное и льняное в большом количестве; – меньший в самой Генуе, в здании Порто-франко, где исключительно очищается деревянное масло, приобретаемое фирмой в Греции, Испании и вообще заграницей, и находящиеся по этому во ведении таможни до вывоза оных опять за границу же в очищенном виде.

Наш проект уже встретил благосклонное внимание и одобрение архипастырей нескольких епархий, особенно южных губерний, где вся торговля деревянным маслом, а следовательно и снабжение храмов находится в руках евреев перекупщиков.

Доводя настоящим письмом до сведения интересующихся настоящим вопросом, мы покорнейше просим Епархиальные управления, свечные заводы и братства обращаться к нам с требованием образцов нашего продукта, который высылается бесплатно, и с выяснением подробных условий о цене и поставке нами для епархий масла по адресу: в г. Ростов-на-Дону, А.Ф. Ботта.

К изложенному долгом считаем присовокупить, что чистота и полная доброкачественность поставляемого нами продукта гарантируется вполне солидными условиями.

А. Ботта

Апрель

«Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» Ин.20:21.

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева» Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии моей» Рим.9:1–3.

**Раскол и сектантство. По Всеподданнейшему отчету
г. Обер-Прокурора Св. Синода за 1898 г. //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 455–472

Устойчивость раскола и её причины. Русский раскол старообрядчества, имея крепкие корни в историческом прошлом и в предрассудках невежества, доселе характеризуется своим узким верованием в силу обряда и невежественным фанатизмом, доселе силен своею сплоченностью и имеет значительное число последователей.

Наибольшая устойчивость раскола замечается в тех селениях, где раскольники или обладают в значительной мере капиталами, что дает им возможность выбирать на общественные должности своих же раскольников и при содействии власти держать массу раскольническую в полном повиновении и не допускать до перехода в православие лиц, даже убежденных в святости православной Церкви, или же там, где они живут отдельными от православных сплоченными селениями. В подобных местах ненависть раскольников к православной Церкви и её последователям доходит иногда до фанатизма. Проезжему и прохожему православному не дадут здесь кружки воды напиться, не дозволяют даже из колодца лошадей напоить, чтобы «еретик» не осквернил посуды или колодца. Здешняя молодежь, побывавшая на военной службе и на заработках, немедленно по возвращении очищается от «омирщения» и затем подлежит строгому надзору, не занесли ли эти люди чего-либо никонианского, и при этом те из них, в которых замечено будет расположение к православию, жестоко преследуются родными и односельчанами. Выдать в замужество за православного или даже и за раскольника, но подозреваемого в сочувствии к православию, среди раскольников не допускается.

Устойчивости раскола в значительной степени, по свидетельству преосвященного Донского, способствует также существующая в нём организация управления его религиозными делами, а именно общинный строй этого управления, при котором каждый член раскольнической общины имеет право голоса при обсуждении касающихся общины религиозных

вопросов. За отсутствием твердой объединяющей власти в расколе, община сама избирает и своею властью, по своему усмотрению, устраняет лжеепископов, лжесвященников, уставщиков и наставников. Эти руководители раскольнической массы, будучи вполне и во всём зависимы от избравшей их общины, чтобы долее продержаться на своих выгодных, часто дающих возможность приобретать значительные материальные средства, местах, во всём стараются угождать раскольникам: они беспрепятственно венчают несовершеннолетних, устраивают желающим легкий и скорый развод и пр.

Раскольнические моленные, монастыри и скиты. Удовлетворение духовно-нравственных своих потребностей раскольники находят в приспособленных для этой цели моленных, монастырях и скитах. Раскольнические моленные во многих местах представляют великое препятствие в деле духовно-нравственного воздействия на раскол со стороны православной Церкви. Замечается, что раскольники, довольствующиеся домашнею молитвою, менее фанатичны, податливее на убеждение и скорее присоединяются к православной Церкви. Наоборот, в местах, где раскольники имеют моленные, раскол отличается особенною дерзостью и упорством. Однако число раскольнических моленных не только не уменьшается, но всё увеличивается. Так, напр., число моленных в Нижегородской епархии достигло в 1898 году 184, из коих только 12 разрешены подлежащим начальством. В Вятской епархии разрешенных моленных 5, а неразрешенных до 60; при незначительном сравнительно количестве раскольников в Вологодской губернии – 7841 человек – имеются 23 раскольнические моленные, – все без разрешений правительства, и, кроме того, в 19 домах бывают для общественной молитвы собрания раскольников. Число раскольнических моленных стало увеличиваться особенно после решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената по делу Сорокина о том, что на устройство общественного богомоления в частном доме разрешения не требуется. С того времени раскольники не только усердно поддерживают существующие молельни, но начали в некоторых местах открывать домашние моленные, имеющие связь с жилыми избами, целыми десятками. Судебные же власти, к которым епархиальное начальство обращается за содействием, в виду приведенного решения Правительствующего Сената, не находят оснований к преследованию лиц, открывающих моленные, «по отсутствию состава преступления».

Существуют в разных местах и притом в довольно значительном количестве незаконно-устроенные раскольнические монастыри. Население их состоит по большей части из людей бывалых и искусных в расколе. Поселившись в монастыре или ските, они нередко становятся предметом особого внимания и уважения мирян-раскольников. Эти последние тщательно охраняют от властей их пребывание, раздают им подаяния и благоговейно внимают их рассказам, наставлениям и советам. До какой степени доходит иногда фанатизм разных сект и толков, находящих себе приют в этих скитах, показала история заживо-схоронивших себя в земле представителей раскольнического монашества и раскольников мирян, подробно изложенная во всеподданнейшем отчете за 1897 год.

Раскольническая литература. В последнее время сильное развитие получила раскольническая литература. Ныне сочинения этого рода можно встретить почти в каждом доме. Главным предметом этих сочинений служит исполненная ненависти и не пренебрегающая ложью и клеветой полемика с православною Церковью. Православная Церковь обвиняется во всяких ересьях, и подвергаются резкой брани и осуждению постановления Церкви и отношение её к раскольникам. Таким крайне отрицательным направлением в особенности отличаются новейшие подпольные и заграничные сочинения, каковы, напр.: «Современные вопросы», «Разбор ответов на 105 вопросов», «Исторические исследования», «Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества» и др. Все подобные сочинения – печатные и не печатные, литографированные, гектографированные и рукописные – с увлечением читаются раскольниками и, воспитывая в них фанатизм, приносят большой вред православию. К сожалению, находятся люди из так называемого образованного общества, которые из целей противоцерковных или противоправительственных содействуют этой литературе или в ней участвуют. Вся означенная письменность раскольническая, имея одну цель – воспитать в раскольнической среде фанатизм и нетерпимость к православной Церкви, не только не просвещает, а, наоборот, всё более и более удаляет раскольников от истины и усиливает заблуждение.

IV

Австрийская секта. Из всех раскольнических сект наиболее вредною и опасною для Церкви православной следует, без сомнения, признать австрийскую секту. Внешнее сходство австрийщины с православною Церковью – в иерархическом строе, устройстве молитвенных домов, порядке богослужения – сообщает ей устойчивость и дает ей возможность и силу распространяться на счет не только последователей других раскольнических сект и толков, но и младенчаствующих в вере православных, не могущих, за этим внешним сходством с истинною Церковью усмотреть внутреннюю несостоятельность австрийщины, догматическую и каноническую незаконность её лжесвященства. Главными пропагандистами секты поповцев, приемлющих австрийское лжесвященство, являются прежде всего их лжеархиереи и лжепопы, число которых с каждым годом все увеличивается. Лжеепископы австрийские, проживающие в Нижегородской губернии (в числе 5), окружают себя своего рода братией, члены которой составляют рукописания на защиту раскола, готовят апологетов раскола – ругателей Церкви православной, в качестве миссионеров раскола разъезжают по епархии. Принадлежащие к австрийской секте раскольники Черниговской губернии, задавшиеся целью объединить все другие раскольнические толки, размножают число специальных расколо-пропагандистов, определяя их для большей легкости и удобства пропаганды на должности при молельнях, открывают новые штаты причтов в беглопоповских центрах, обеспечивая новооткрытые причты средствами из особо учрежденного для этой цели раскольнического фонда; с тою же целью (сращения) лжеепископ их совершает поездки в беглопоповщинские центры, где и отправляет торжественные лжеархиерейские служения. Всё это, в особенности же торжественные служения лжеепископов и лжепопов в богато украшенных моленных с находящимися в них алтарями, престолами, жертвенниками, в одеждах, присвоенных

православной иерархии, при полном освещении, с хором певчих, с хорошо подобранными голосами служащих, – производит сильное впечатление на безпоповцев, в среде которых появилось уже движение в смысле перехода их в австрийщину. Ныне раскол австрийской секты поднял голову еще выше прежнего. В Москве, – этом центре австрийского раскола, выбран новый лжеепископ Иустин Картушин, – Донской вдовый казак, посвященный в лжеархиерея целым сонмом раскольнических лжеепископов в октябре 1898 г. Картушин, самовольно назвавший себя «великим господином Иоанном, архиепископом Московским и всея России», с первых же дней своего владычества проявил весьма энергичную деятельность. Прежде всего он привел в исполнение предположенное московскими раскольниками еще до его избрания дело увеличения лжеепископских кафедр; и так в конце 1898 года были открыты кафедры смоленского, калужского и коломенского лжеархиереев, а также намечены были к открытию и некоторые другие кафедры. Он увеличил, затем, штат лжепопов, причем, убедившись при первом же знакомстве с подчиненными ему лжепопами в крайнем их невежестве и даже безграмотстве, стал от кандидатов на поповские места требовать известной подготовки. Далее, для решения раскольнических церковно-иерархических дел, Картушин стал периодически созывать в Москву поместные соборы раскольнических лжеархиереев.¹⁸⁴ Между тем известно, что подобные раскольнические съезды, ставшие, вопреки существующему запрещению их, явлением обычным в раскольническом мире, служат одним из главных средств к укоренению раскола и распространению его лжеучений. Наконец, на хуторе Калач, Донской области, получено было от Картушина нечто вроде окружного послания христианам «древляго благочестия» с увещаниями и назиданиями раскольникам и вместе со строгим запрещением им всяких сношений и всякого общения с православными: ни пить, ни есть с ними, ни молиться, ни ходить к ним на собеседования о вере. По поводу этих распоряжений на одном из хуторов уже возникал недоуменный вопрос о том, можно или нет обучать

детей в открытой в том хуторе школе грамоты, и местный лжепоп разрешил недоумение так: «вы слышали, что пишет владыка, и как строго запрещает всякие сношения с иноверными, – так и должны поступать». Вследствие такого разъяснения раскольники почти всех своих детей разобрали из школы грамоты и открыли свою негласную школу.

За всем тем не подлежит никакому сомнению всеобщее ослабление и постепенное разложение старообрядческого раскола в России. Так и должно быть, ибо главная причина поддержания и усиления раскола есть невежество и недостаток просвещения. В этом отношении, в течение минувшей четверти века, произошли перемены ощутительные, с умножением просветительных средств и с оживлением учительной и миссионерской деятельности духовенства. Смею свидетельствовать, что она возрастает, по мере того как ослабляется исключительная, в прежнее время, деятельность гражданских властей в преследовании раскола. Могущественными средствами церковной деятельности служили и служат следующие.

1) Распространение и усовершенствование церковно-приходских школ. В основании раскольничьих убеждений во всяком случае – искание Церкви и любовь к Церкви, хотя и под покровом невежественных понятий о Церкви, предрассудков и заблуждений. Не будучи вообще врагом образования, раскол понимает его не иначе, как в непременной связи с Церковью и в смысле церковном. Посему там, где школа благоустроена и действует в церковном духе, раскольники предпочитают посылать туда детей своих, а не в школы других наименований. Но это совершается лишь постепенно, мало-помалу и по местам. Сначала относятся к школе с недоверием, но, когда видят, что школа эта ведет к истовому и благолепному богослужению, что дети поют и читают в церкви так, как раскольникам нравится, и что благоразумный священник или учитель ведет её в духе любви и снисхождения, – школа пополняется детьми раскольников, чему видим ныне уже много примеров. Так возрастает мало-помалу, в духе мира, новое поколение. Вот почему, опасаясь школы Московской, лжеиерарх

раскола издает своей пастве строгие запрещения не посылать детей в православную школу.

2. Немало приносят пользы всенародные беседы и состязания православных миссионеров с раскольничьими начетчиками, когда ведутся со знанием дела и терпением. Народ так живо интересуется предметами церковного верования, что собирается тысячами на эти беседы, длящиеся нередко по 15 и 18 часов без перерыва. Но для того, чтобы это средство было действенно, недостаточно одной академической учености: необходимо твердое знание старых книг и сочинений, служащих непререкаемым авторитетом у раскольников, и буквальное знание Св. Писания и особливо чтимых отеческих писаний; необходимо знать, какие вопросы церковного устройства волнуют в расколе душу народную, и обладать искусством дать вовремя ответ на лукавые вопросы и возражения расколоучителей. Этим искусством обладают в особенности простые люди, сами вышедшие из раскола, изучившие близко всю его аргументацию и опытные в диалектике состязаний с расколом на языке близком и понятном народу. Такие борцы всегда выходят из борьбы победителями в виду многочисленного собрания, и результатом подобных бесед нередко бывают массовые присоединения к единоверию. Притом масса слушателей, внимательно присутствующая на этих беседах, утверждаясь в истинных о Церкви понятиях и научаясь давать отпор раскольничьим изветам и увещаниям, тем самым ограждается от соблазна раскольничьей пропаганды.

3. Весьма важно усиливающееся стремление к единоверию. Этот благодетельный путь к единению церковному, указанный еще сто лет тому назад церковною и гражданскою властью, был с тех пор открыт, но им и не хотели, и не всегда умели пользоваться. Присоединения к единоверию были по большей части лишь формальные, так что под наружным прикрытием единоверия население нередко оставалось в расколе, и этому способствовало назначение в единоверческие приходы священников, вовсе незнакомых со старым обрядом и с обычаями населения. Так распространялось и между церковными властями недоуменное или сомнительное

отношение к единоверию, которое многие смешивали с расколом, тогда как по существу своему единоверие тождественно с православием, отличаясь только внешними особенностями обряда в богослужении и обычае. Лишь в последнее время разъяснилось это понятие о разумности и плодотворности уступок старообрядчеству в несущественном для того, чтобы сохранилось существенное в церковном единении веры под единою иерархическою церковною властью. Вместе с тем оживилось дело единоверия, при воздействии на раскол миссионерских бесед с народом, и усилились переходы из раскола в единоверие с образованием единоверческих приходов и назначением в оные священников преимущественно из обратившихся учителей, опытных в старом обряде и усердных к обычному в нём служению, чтению и пению. Таким путем единоверие успело уже проникнуть в места, в недавнее время еще косневшие в расколе и вовсе недоступные миссионерской деятельности, как, например, в область Уральского, Терского и Кубанского казачества. Остаются покуда нетронутыми еще многие места севера и отдаленной Сибири; но в этом великом деле, требующем много искусных, преданных и нередко самоотверженных деятелей, необходимо лишь мало-помалу, соображаясь с конечными силами и способами, предоставить времени дальнейшие успехи, лишь бы не ослабевала ревность и не изменялось общее его направление.

V. Рационалистическое сектантство

Усиленная пропаганда новейшего рационалистического сектантства. В мире новейшего сектантства, главным образом в штунде, повсюду замечалось возбужденное и тревожное настроение, доходившее местами, как, напр., в юго-западном крае, до острого брожения, выражавшегося в необыкновенной дерзости сектантов в отношении к православному населению, особенно же к духовенству, полиции и вообще должностным лицам, – в намеренном глумлении отщепенцев над святынями православия и открытой пропаганде своего лжеучения как в православном населении, так и в среде старого сектантства.

Сектанты демонстративно устраивали воспрещенные Высочайше утвержденным мнением Комитета Министров 1894 г. многолюдные общинные богомоленные собрания, привлекая на них и православных людей. На требования полиции – прекратить незаконные собрания – штундисты отвечали систематическим ослушанием, грубостями и даже насилиями, упорно заявляя, что они не желают подчиняться требованиям местной власти, так как уверены в издании нового закона в пользу свободы их штундовой веры, что у них в самой столице много братьев и сильная поддержка. От посещения пастырских и миссионерских собеседований штундисты упорно уклоняются; из народных школ своих детей стараются брать тотчас же после выучки первоначальной грамоте, устраняя тем доброе православно-просветительное влияние школы на молодое поколение секты. Агитационный дух современной штунды вызвал у сектантов стремление к кляузам и сутяжничеству, выражающимся в подаче жалоб, заявлений и прошений в разные правительственные учреждения, в скитании по судам. Дух живой веры, нравственная чистота заметно падают в среде новейшего сектантства; заблудших по чисто религиозной пытливости насчитывается ныне незначительное число.

Оценивая настоящее брожение среди штундистов, миссионерские отчеты епархиальных начальств приходят к

единодушному заключению, что сектантским движением начинают руководить далеко не религиозные мотивы, а другие, направляемые извне, причины.

Сюда прежде всего нужно отнести проникновение в народно-сектантскую среду идей социально-нигилистического направления и проповеди так называемого «Толстовства», лжеучение которого характеризуется вредным противохристианским догматизмом и противогосударственными воззрениями.

Пропаганда этих ложных идей и воззрений идет в среде народного сектантства на почве сближения интеллигентных последователей этих лжеучений с главарями штундовой секты, а также при посредстве подпольных рукописных и печатных заграничных изданий, в которых интеллигентные сектанты стремятся систематизировать и обосновать религиозно-социальные воззрения штунды, в духе и направлении зловредном как для господствующей Церкви, так и для государственной власти. Так, усиливается обращение среди южно-русских штундистов и у столичных пашковцев крайне вредных тетрадок и печатных заграничных листов, с катехизическим изложением лживых религиозно-политических толстовско-духоборческих воззрений. Систематическая агитация интеллигентных руководителей народного сектантства особенно усиленно действовала во время всероссийской переписи и немало способствовала возбуждению умов среди темной, сбитой с толку сектантской массы.

В числе других причин, порождающих в среде народного сектантства брожение, миссионерские отчеты указывают также и на агитацию в пользу мнимо-угнетенных сектантов со стороны некоторой, именующей себя либеральной, части нашего общества, в последнее время особенно покровительствующей сектантам, поддерживающей с ними и личные, и письменные сношения и тем самым сильно питающей в них уверенность в даровании будто бы полной свободы их лжеучению. Эта агитация перешла и в печать, в которой в 1898 году появилось множество статей в поддержку раскола и сект и в порицание наших миссий, и потому неудивительно, что и сектанты

усиленно следят за литературными течениями в их пользу. Почти все эти статьи однако принадлежат авторам несерьезным, не имеющим ясного понятия ни о Церкви, ни о существе сектантских верований. Заграничные немцы-баптисты, также как и ранее, продолжали поддерживать деятельные сношения с русской штундой, заботы их были направлены не только к широкому распространению среди народа массы направленных против православия брошюр и листов, но они еще содержали на определенном жалованье многих пропагандистов сектантства, в Гамбургской баптистской семинарии готовили специально проповедников штундо-баптизма, а путем заграничной печати и лживых известий о преследованиях и казнях производится давление на общественное мнение в пользу сектантов. В 1898 году в Лондоне на средства сектанта-толстовца, помещика Воронежской губернии, Владимира Черткова, открыта типография и издается газетка «Братский листок», переименованный затем в «Листки свободного слова». Издание это исключительно занимается русским сектантством и наветами на православную Церковь и правительственную власть. В составлении этих сектантских листов принимает, к прискорбию, деятельное участие известный наш писатель гр. Лев Толстой, возглавляющий каждый выпуск своей резкой критикой учение о жизни православной Церкви, а равно и действий русских властей. Издателями упомянутых листов были разосланы главарям штундовых общин вопросные листки о положении русских сектантов в Церкви и государстве, ответы последних и служат главным источником сообщаемых в листках лживых и пристрастных сведений о русском сектантстве. Наконец, бывший в Сентябре 1898 года в Одессе съезд миссионеров Херсонской епархии и нескольких миссионеров соседних епархий обратил внимание и на следующие обстоятельства, способствовавшие распространению и укреплению новейшего рационалистического сектантства и собственно самого опаснейшего и вреднейшего из его видов – штундизма.

Закон 4 Июля 1894 года о признании секты штундистов «более вредною с воспрещением штундистам общественных молитвенных собраний» оказал, как это видно из миссионерских отчетов, в высшей степени благотворное влияние как на православных, так и на сектантов. Православные, смущенные широким распространением из года в год штундового лжеучения и открытого на собраниях секты оскорбления религиозных чувств православного народа, теперь успокоились, увидев, что не только духовенство, но и само правительство оберегает их от пропаганды вредного сектантского лжеучения, признавая последнее «вредным и опасным в церковном и государственном отношениях», перестали верить распространяемым штундистами заведомо ложным слухам, что правительство сочувствует сектантам, и стали относиться всюду с недоверием к сектантской пропаганде. Штундисты же, вследствие опасения ответственности пред законом, прекратили было устраивать свои общественные молитвенные собрания, служившие всегда, с самого начала появления штунды, главным орудием пропаганды лжеучения этой секты, начали терять свой прежний, поддерживаемый этими собраниями фанатизм, что облегчило воздействие миссии Церкви на колеблющихся и отпавших, из которых многие стали возвращаться в лоно православия. Заметив такие результаты воздействия на штундистов закона о них 1894 г., враги православия приняли все меры к тому, чтобы этот благодетельный закон потерял, в практическом своём применении, всякое значение и силу, в чём, к сожалению, они и успели. – Сперва в заграничному штундовом журнале «Беседа», издававшемся сначала в Стокгольме под редакцией бывшей классной надзирательницы Тифлисского института Елисаветы Кирхнер, а после – в Лондоне и, наконец, в Браиле, в Румынии, под редакцией технолога Ивана Проханова, – а потом в некоторой части сочувствующей штунде интеллигенции и, наконец, более выдающимися вожаками секты настойчиво стала проводиться между сектантами мысль, чтобы штундисты при всех неофициальных и в особенности официальных случаях всегда именовали себя баптистами, секта коих законом 27

Марта 1879 признана «дозволенною», с дарованием баптистам права свободного отправления богослужения и права иметь пресвитеров. Хотя, как из буквального текста означенного закона, так и из суждений, происходивших при рассмотрении в Государственном Совете представления по сему предмету Министерства Внутренних Дел, видно, что закон этот имеет в виду собственно немецких баптистов (секту, выродившуюся из протестантизма), и что под действие его подходят только лица, на законном основании принадлежащие к этой секте, т. е. родившиеся в баптизме или перешедшие в него с соблюдением установленного законом порядка из лютеранства или иных неправославных исповеданий, и что посему с этой сектой не следует отождествлять ни одну из существующих в России сект, образовавшихся из русских людей, тем не менее русские штундисты вняли советам своих покровителей и, дабы воспользоваться льготами закона 1879 г., стали всюду, где им было нужно, называть себя баптистами. С особенною настойчивостью такое стремление штундистов отождествлять себя с баптистами проявилось во время всероссийской народной переписи. В последнее же время повсеместно замечается, что штундисты всякий раз, когда их привлекают к судебной ответственности за устройство запрещенных собраний, отрицают свою принадлежность к секте штунд, именуя себя баптистами. В доказательство справедливости своего заявления они весьма часто представляют в судах взятые с этою целью из мещанских управ, сельских волостей или полицейских управлений паспорта, свидетельства, или удостоверения, в которых, в графе: «какого вероисповедания», — всегда произвольно обозначается: «баптист, или вероисповедания евангелическо-баптистского». Вводимые этим в заблуждение, судебные власти в некоторых местах стали оправдывать штундистов от обвинения в устройстве молитвенных собраний, считая их баптистами. Подобные судебные оправдания штундистов, на первых порах единичные, с 1897 года стали встречаться в судебной практике все чаще и чаще. На благоприятный исход производящихся о них в судах дел, по мнению Херсонского съезда миссионеров, оказали,

между прочим, влияние и два кассационные решения Правительствующего Сената по делу Донских штундистов Александрова и Крюкова и крестьянина Оберемка, оправданных в нарушении закона о воспрещении штундистских собраний. – Решения эти были истолкованы сектантами в смысле признания высшим правительственным учреждением за штундою прав немецкого баптизма по устройению собраний и, будучи во множестве распространены, в копиях, среди штундистов, произвели и производят в умах их большую смуту.

Неудивительно, после всего вышесказанного, что сектанты, по отзывам миссионеров, подняли голову и сделались положительно неузнаваемы. Во многих местах они совершенно открыто стали совершать молитвенные собрания и усилили свой прозелитизм, стараясь при всяком удобном случае посеять в православном крестьянине недоверие к святой православной Церкви и чистоте её вероучения и весьма хитро организовав для целей пропаганды миссию, с определенным жалованием миссионерам. Результаты этой пропаганды, разумеется, бывают самые печальные для православия: по свидетельству преосвященного Херсонского, в каком только приходе появятся два-три штундиста, положение прихода быстро меняется: к прихожанам тотчас же прививается грубость, самомнение, критическое отношение ко всему церковному, холодность к богослужению и самой вере. Но что особенно печально – штундизм начинает появляться и множиться в новых для него районах.

Так, пропаганда штунды проникла в Москву, где совершаются уже и правильно организованные молитвенные собрания, при чем последователями штунды являются не только простые ремесленники, но и люди полуинтеллигентные из служащих в управлениях железных дорог, в банках и конторах, а также приказчики торговых заведений. Руководительство пропагандою лжеучения новой для Москвы секты находилось в руках одной довольно начитанной женщины, поддерживавшей деятельные сношения с другими очагами русской штунды и с заграничными миссионерскими

центрами, снабжавшими московских сектантов своими изданиями.

Штунда успела оказать своё влияние и на общину столичных пашковцев, большинство членов которой приняли учение штунды о перекрещивании взрослых и некрещении детей и таким образом вошли в тесный союз с южно-русской штундою. В 1898 году получены сведения от Орловского епархиального начальства о появлении весьма сходного со штундою лжеучения в селе Супоневе, Брянского уезда, куда сектантство занесено одним из местных крестьян, совратившимся в секту во время пребывания его на юге России.

Штундистская пропаганда нашла себе распространение и в Рязанской губернии. Центром её сделалась деревня Луховицы, Зарайского уезда. Штундисты свободно распространяют здесь свои книги и брошюры, устраивают открытые собеседования и успешно вербуют в свои ряды не только проживающих в районе Луховицкой волости молокан, но и православных.

Пропаганда штунды появилась, далее, в Смоленской губернии; пропагандистами оказались здесь два крестьянина Юхновского уезда, усвоившие штундовое учение на работах.

По донесению преосвященного Владивостокского, в конце 1898 года штундисты обнаружены в селах Ивановке, Тарасовке и Ширяевой, Южно-Уссурийского округа, Приморской области. Они, в числе других переселенцев, прибыли из Европейской России и на новом месте своего жительства не только открыто заявили о своём заблуждении, но и стараются путем совращения увлечь в него своих односельчан.

Теми же переселенцами из Европейской России занесена штунда и в Омскую епархию. Во главе здешних штундистов стоит переселившийся из Самарской губернии крестьянин, открыто устраивающий во многих поселениях штундовые собрания и при посредстве их укрепляющий и распространяющий это опасное сектантство в Омской епархии.

Так штунда расставляет свои сети по самым отдаленным концам России и, под видом легкости получения спасения чрез горение к Богу одним духом, уловляет в пучину рационализма весьма многих православных. В то же время штунда настойчиво

стремится объединить в себе всё новейшее сектантство. Особенно усиленно и успешно штундисты ведут пропаганду среди молокан. В секте последних в последние годы заметно брожение, обнаруживающееся в недовольстве сложившимся порядком жизни и в искании лучшего. Штундисты воспользовались таким настроением и, проникая в местности, населенные молоканами, начали находить в этой секте прозелитов, передавая им свою нетерпимость. Миссионерские отчеты высказывают убеждение, что в дальнейшей своей жизни молоканство неминуемо перейдет в штундизм: к этому приведет его и сравнительная близость их в главных пунктах их учения и страсть прозелитизма у штундистов вместе с одряхлелостью собственно молоканства.

Штунда является особенно страшной и грозной силой потому, что мысль современных штундистов, всё более и более расширяя область своего отрицания, принимает направление, крайне опасное для социально-политического строя нашего отечества. Очень верную характеристику современных штундистов дают два епархиальных миссионера – Екатеринославский и Херсонский, много потрудившиеся в деле борьбы с штундою и хорошо знакомые с современным её состоянием. «Современный штундист, по словам Екатеринославского миссионера, много говорит о своей любви ко Христу и усердно читает Евангелие, но он любит Христа, не как Бога Искупителя, но как социально-политического деятеля; он любит не Евангельского Христа, а «своего», которого создало его воображение под влиянием впечатлений материальной жизни. В Евангелии современный штундист ищет не правил нравственной жизни, не «глаголов жизни вечной», но оснований для своих свободолюбивых стремлений в области общественной и социально-экономической жизни». В чём заключаются эти свободолюбивые стремления сектантов? Свобода, к которой стремятся штундисты, есть свобода от всех обязанностей, налагаемых на каждого русского человека, как гражданина своего отечества, свобода от всех обязанностей православного христианина, требуемых Церковью (у сектантов не нужно ни постов, ни посещения храма Божия, ни исполнения

обрядов церковных), – словом, свобода, льстящая одной лишь чувственной стороне человека и посему привлекающая многих. – В подтверждение приведенной характеристики современного штундизма, первый из означенных миссионеров ссылается на свою беседу с двумя штундистами, из которых один сказал миссионеру: «мы не желаем идти за вами; мы не любим вашего Христа; мы с вашим Христом меняли людей на собак, а мы с нашим Христом желаем быть свободными», а другой заявил: «освободились от панов, освободимся и от попов». Доказательством справедливости того же взгляда на современную штунду, как на движение не только религиозное, но и общественно-политическое, может служить и то, что, наприм., некоторые из штундистов Харьковской губернии совершенно перестают интересоваться религией; не имеют ни молитвенных собраний, ни песнопений, ни каких-либо вообще богослужебных действий. Собираясь же, они ведут уже исключительно беседы об общественно-политических вопросах, читают книги противорелигиозного и противогосударственного содержания. Между ними обращаются сочинения самого возмутительного содержания, направленного против веры, Церкви и государственного порядка. Свои социалистические взгляды сектанты часто, не стесняясь, высказывают и в беседах с миссионерами. Но иногда они от слов переходят и к делу, что, по свидетельству преосвященного Херсонского, подтвердило их участие в тайном движении среди рабочих города Николаева, образовавших так называемый «союз русских социал-демократов», открытый полицией при содействии одного возвратившегося в православие бывшего штундиста.

Штунда находит благоприятную для себя почву там, где, при скоплении населения (как, например, в новых группах переселенцев) нет православных храмов со школами и постоянного богослужения. К сожалению, удовлетворить этой существенной нужде повсюду не позволяет недостаток материальных средств, которые, по обширности русских пустынь, потребовались бы в громадном количестве, так что этот недостаток может быть восполняем лишь постепенно и мало-помалу. Усилившееся в последнее время промышленное

движение повело к учреждению во многих местах заводов, привлекающих к работе нередко многотысячную массу рабочего населения, которая остается без церкви и богослужения, – чем и пользуются проникающие в рабочую среду проповедники штунды. К сожалению, руководство новым заводским делом находится часто в руках иностранцев и иноверцев, совершенно равнодушных к удовлетворению духовных потребностей рабочего населения.

Таким образом, современная штунда грозит православной Церкви и государству нарождением страшного типа людей без веры, без любви к Церкви и отечеству.

Покровский В. Борьба Церкви Христовой с врагами её. Внешние враги // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 473–479

История христианства есть история непрерывной борьбы его с враждебными ему учениями. Она есть фактическое оправдание пророческих слов старца Симеона, когда, объятый священным вдохновением, он, держа на руках сорокадневного Богомладенца, воскликнул в храме: «се лежит Сей на падение и на восстание многих во Израиле и в предмет пререканий» (Лк.2:34). Такое воинствование, предреченное старцем Симеоном, было и по существу дела необходимым. Христианство по своему духу и характеру расходилось со всеми древними дохристианскими религиозными воззрениями и провозгласило такие принципы, которых не знал древний мир, и которые шли вразрез с его исконными воззрениями и установившимися обычаями. Кроме того, христианство постоянно заявляло себя религией универсальной и единственно-истинной, имеющей заменить все существовавшие до него религии. Конечно, старые религии, старые нравы и обычаи древнего мира не могли помириться с тем, что христианство не только отнимает у них силу и значение, приобретенные ими в течение стольких веков, но и совсем прекращает их существование. Должна была начаться жестокая борьба, которая решила бы вопрос: должен-ли восторжествовать новый – христианский порядок вещей, и древний мир сойти со сцены, или должно опять господствовать древнее религиозное мировоззрение, а христианство – уничтожиться?

Первыми в защиту древнего порядка вещей и против христианства выступили иудеи. Да это и понятно. Иудеи смотрели на все религии свысока, придавали значение только своему закону, своей религии и горделиво верили в её вечное существование и господственное положение среди всех других религий, как религии избранного народа Божия. И вдруг какое-то христианство тот самый закон, в котором иудеи видел

единственное средство для спасения, объявило ненужным, необязательным не только для обращенных язычников, но и для природных иудеев и таким образом показало всем и всюду, что историческая миссия иудейства кончилась, что с пришествием Христа оно должно уступить своё место христианству. При таких обстоятельствах иудеи, конечно, сделались первыми и самыми фанатическими врагами христианства и старались вредить ему, где и как только можно: «они, говорит апостол, убили и Господа Иисуса, и пророков, и нас (апостолов) изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, препятствуют нам говорить язычникам, чтобы не спаслись» (1Фес.2:15–16). Ненависть иудеев простиралась не на одних только апостолов, но и на всех последователей Христа. Первый христианский мученик, запечатлевший своею кровью истину евангельской проповеди, – Стефан, пал жертвою иудейской злобы (Деян. 8). Церковь сохранила нам в своих преданиях память о многих мучениках, погибших в Сирии, Африке и других странах, где евреи были главными виновниками гонений.¹⁸⁵ Кроме интриг и насилий, кроме борьбы посредством грубой физической силы, иудеи боролись против христианства и путем научным: вступали в прения с христианами, всячески старались доказать им истинность иудейства и превосходство его пред христианством и, таким образом, стремились привлечь последователей Христа на свою сторону. Сам Спаситель неоднократно вынужден был вступать в прения с представителями иудейства и разоблачать их заблуждения, как относительно христианства, так и самого иудейского законничества.¹⁸⁶ Первые последователи Христа так часто встречались с назойливым желанием иудеев поспорить о достоинстве их закона, что не только сами старались избегать этого, как дела совершенно бесполезного (при известном упорстве иудеев – Лк.16:19–31), но и учеников своих и вообще всех верных убеждали к тому же: «глупых состязаний, – говорит апостол Павел своему ученику Титу, – и родословий, и споров, и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны».¹⁸⁷ Ревность иудеев о своём законе не оставалась без добрых результатов для них и была весьма опасна для христиан: не только в самые первые времена христианства, но и в

последующие иудейские законники очень часто смущали немощных христиан и увлекали их своими воззрениями. В своём «Слове первом против иудеев» Златоуст прямо говорит, что поводом к написанию им «восьми слов против иудеев» послужило то обстоятельство, что многие христиане или по старой привычке, или по неразумению и увлечению, принимали участие в совершающихся местными иудеями праздниках и постах, посещали синагоги и т. д. Увлечение иудейством было настолько сильно, что святитель называет его болезнью «гораздо более тяжкой и опасной», чем само Евномиянство, которое, как известно, одно время чуть не заполнило весь восток.¹⁸⁸

Борьба христианских апологетов против иудейства вращается главным образом около того вопроса, исполнились ли на Иисусе Христе мессианские чаяния, в Нём-ли воплотилось второе Лицо Божества для спасения падшего человечества, и, следовательно, кончилась, или еще нет, историческая миссия иудейства? К разрешению этого вопроса, конечно, в положительном смысле апологеты шли с разных точек зрения: одни – с исторической, раскрывая, что иудейский Закон был применен исключительно к иудеям, да и при том лишь к тем, которые жили в самой Иудее,¹⁸⁹ другие – с догматической точки зрения, доказывая, что новый завет как в догматическом, так и в обрядовом отношении, есть в полном, точнейшем смысле продолжение и исполнение ветхого;¹⁹⁰ третьи, наконец, – с практической, – посредством доказательств, взятых из жизни и действительности, раскрывая, что тяжелое политическое состояние иудеев, лишение свободы и благодатное их обеднение красноречиво говорят о том, что Господь гневается на них за их убийство Мессии.¹⁹¹

Почти одновременно с иудейством и, может быть, не без содействия его (Деян.14:2 и 5, 19 и др.) выступил на борьбу с христианством другой заклятый враг его, – язычество. Да этого и нужно было ожидать. Язычники были искренно убеждены, что величие, слава, словом, всё их благосостояние всецело зависит от могущества их богов, которые посылают им всё это потому, что они глубоко почитают их и усердно исполняют их волю. А

тут является христианство, которое начинает богохульно отрицать языческих богов и культы их. Как же язычники могли иначе отнестись к нему, как не с полной враждебностью? Смотреть на него равнодушно, а тем более поощрять его – значит прямо оказать полное непочтение к своим богам и, следовательно, заслужить от них справедливый гнев и достойную кару.¹⁹² И вот на защиту язычества и против христианства выступили языческие ученые всевозможных школ и направлений: «и нечестивый эпикуреизм, и гордый неоплатонизм, и бесстрастный стоицизм, и восточная теософия и, наконец, мистический александрийский пантеизм, каждый со своей точки зрения».¹⁹³ Языческие ученые вели двоякую борьбу против христианства: прежде всего, боролись отрицательно, непрямо, стараясь, при помощи аллегорического метода, оправдать язычество, утончить и одухотворить его религиозные представления, вложивши в них философский смысл, с другой стороны, они вступали и в открытую борьбу: изучали источники христианской религии и основные догматы её, старались доказать их ненаучность и противоречивость, их слабость перед языческим учением и т. д. Сообразно с этими двоякого рода нападениями язычества на христианство, и апологеты христианские употребляли все усилия, чтобы доказать, с одной стороны, что христианство не только не включает в себе внутренних противоречий, но и отвечает глубочайшим потребностям человеческого духа и стоит неизмеримо выше всех других религиозных доктрин;¹⁹⁴ с другой, – что политеизм, как в своей первобытной форме, так и одухотворенный философско-аллегорическим толкованием его и, наконец, санкционированный авторитетом оракулов, совершенно несостоятелен, как ложь в самой сущности своей.¹⁹⁵

Иудейство и язычество тем опаснее были для христианства, что они часто заключали между собой союз для борьбы против общего своего врага – христианской религии: «Иудейство, – пишет Василий В., – враждует с язычеством, а то и другое враждует с христианством, как египтяне и ассирияне были врагами и друг другу, и Израилю, как в пороке находим, что трусость и дерзость противоположны и одна другой, и

мужеству».¹⁹⁶ При этом язычество нередко брало иудейство под своё ученое покровительство. Известный, например, злейший враг христианства Юлиан Отступник старался доказать, что иудейство несравненно выше христианской религии и почти солидарно с язычеством: иудеи, как и язычники, по теории Юлиана, имели все роды жертв, наблюдали авгурии и ауспиции, занимались астрологией и даже в нравственном законе отступали от язычников только первой и третьей заповедью. Правда, евреи почитали своего Бога единым Творцом и Промыслителем мира, но это было частным заблуждением невежественных еврейских ученых¹⁹⁷ и т. д.

На почве язычества и иудейства вырос новый враг христианства – неверие. Представителями неверия на почве язычества являются эпикурейство и отчасти стоицизм. Эпикурейская философия учит, что человек есть случайное произведение тех же атомов, из которых слепой случай произвел мир. Весь смысл жизни человеческой заключается в здешней, настоящей жизни, так что о том, что ожидает человека после этой жизни, не может быть никакой речи. Выходя из таких основных положений, эпикурейство отвергало, конечно, всё духовное, высшее и небесное, проповедовало исключительно одно наслаждение жизнью и в умение наслаждаться ею полагало всю мудрость человеческую.¹⁹⁸ Почти тождественна в основных своих взглядах с эпикурейством философия стоиков, которые, проповедуя строгость жизни, равнодушие и презрение ко всем её случайностям, заставляли искать успокоения и блаженства в размышлении о неизбежности всего совершающегося в силу неизменных законов природы, в углублении человека внутрь себя и в сознании собственной внутренней жизни и силы. О божественном и небесном у стоиков, как и эпикурейцев, не было и речи. «Стоики, – говорит Григорий Нисский, – держатся той мысли, что Божество вещественно. Эпикурейцам кажется, что нет ничего высшего над составом и порядком существ, но всё проносится случайно, без всякого промысления о том, что делается, и, чтобы короче выразить их заблуждение, скажем, что догматы их клонятся к безбожию».¹⁹⁹ Если иногда эпикурейцы и стоики и упоминали о

богах, то не потому, что признавали их бытие, а просто, чтобы не раздражать своим открытым неверием фанатичных язычников: «Эпикур, думая, что нет богов, – пишет Лактанций, – упоминал однако о них во избежание общественной к себе ненависти и, таким образом, хотя устами, признавал богов, но на самом деле отвергал их».²⁰⁰

Пересаженное с языческой почвы на иудейскую, неверие явилось там в виде саддукейства. Саддукеи – это люди, усвоившие себе греческое образование, смотревшие на всё с философской точки зрения, между прочим и на религию. Они стремились к рационалистическому пониманию закона Моисеева, поэтому отвергали устные предания, не придавали большого значения обрядам, наконец, дошли до отрицания бессмертия души, воскресения мертвых, бытия мира духовного и вообще всего божественного и небесного. Держась таких взглядов, они не стремились ни к чему духовному, а всецело были преданы земному, наслаждениям и удовольствиям здешней жизни, почему и назывались нередко прямо иудейскими эпикурейцами. Неверие, в лице эпикурейства и саддукейства, было одним из сильных и самых ранних врагов христианства. Сам Спаситель и апостолы часто вооружались против него.²⁰¹ Так как неверие отрицало, как уже было сказано, бытие Бога, бессмертие души и вообще всё небесное и божественное, то апологеты христианские и старались доказать атеистам, с одной стороны, что, если нет, как они утверждают, Бога, то во всяком случае, нельзя не допустить некоторой силы высочайше-разумной, превышей всего мира и управляющей им; с другой, – что человек есть не только чувственное, телесное существо, как они признают, но и духовное, что он имеет разумную духовную душу. «Если собеседование идет с атеистом, – читаем мы у Григория Нисского, – то ему прежде всего должно доказать, что в мире и над миром есть, по крайней мере, сила и она превышает всего».²⁰² А св. Афанасий пишет: «для людей простых нужно вкратце доказать и то, что всякий человек имеет душу и душу разумную; потому что иные, особливо еретики, отрицают и сие, полагая, что человек есть не более, как видимый образ тела».²⁰³

В. Покровский
(Продолжение следует).

Попов Н. Антикано́нический характер австрийской иерархии²⁰⁴ // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 480–492

Чувствуя всю силу церковных правил, обличающих совершенный м. Амвросием самовольный, без ведома к. патриарха, переход в Белую Криницу, апологеты Белокриницкой иерархии стараются подыскать такие церковные правила и такие исторические примеры, при помощи коих иерархия Белокриницкая в лице своего основателя оправдывалась бы канонически и исторически. Обратим внимание на главные и потому заслуживающие внимания попытки оправдания самовольного перехода м. Амвросия в Б. Криницу.

Говорят, что апостольские правила *не запрещают переходит безместному епископу на свободную кафедру*, что и было будто бы при переходе м. Амвросия в Белую Криницу: м. Амвросий был безместным епископом, а Белокриницкая кафедра – свободною.

Против данного возражения нужно сказать, что правила церковные запрещают самовольный переход епископа с одной кафедры на другую даже в том случае, когда на свободную кафедру переходит безместный епископ. Антиохийского собора правило 16: *«Аще который епископ, не имеющий епархии, вторгнется в Церковь, не имеющую епископа и восхитив престол её без совершенного собора: таковой да будет отвержен, хотя бы его избрал весь народ, который он себе восхитил. Совершенный же собор есть тот, на котором присутствует и митрополит»*.²⁰⁵

По поводу сего правила один из беглопоповцев совершенно справедливо обращается к австрийцам со следующими трогательными словами: «Прислушайтесь, говорит он, белокриницкая братия, прислушайтесь слухом разума, а паче слухом сердца, – сердца, внимающего древней вселенской Церкви: не явно-ли есть, яко всеу трудистася, зиждуще свою отдельную Церковь; еще в 341 году от Рождества Христова, еще за 1505 лет до вашего Белокриницкого собора ваше самоизвольное избрание себе Амвросия в архипастыри уже

было отвержено святыми отцами, рекшими: «таковой да будет извержен».²⁰⁶

Итак, как видим, 16 правило Антиохийского собора ясно требует, чтобы переход праздного епископа на праздную епископию совершался не иначе, как с дозволения собора епископов. Амвросий же занял епископскую кафедру Белой Криницы тайно, не только без ведома и разрешения собора епископов, но даже без ведома своего ближайшего начальника – к. патриарха; следовательно, его переход в Белую Криницу должен быть назван незаконным, тайным бегством в чужую, никем не порученную ему епархию, за каковое действие он по правилу должен быть «извержен».

Амвросий, говорят защитники австрийской иерархии, согласно правилам церковным, не только мог, но и должен был перейти из греческой Церкви в Белую Криницу, ибо, по правилам церковным, *всякий клирик обязан оставить своего еретического епископа*, а константинопольский патриарх, а с ним и вся греческая Церковь находились будто бы в момент Амвросиева перехода в Белую Криницу в ереси. Таким образом Амвросий, переходя из Константинополя в Белую Криницу, переходил, по мнению защитников австрийского священства, от ереси в православие, что правилами церковными не только не запрещается, но даже похваляется. В доказательство справедливости данного положения, ссылаются на 15 правило второ-первого собора, которое в старопечатной кормчей читается так: *«Аще неции отступят от некоего епископа, не греховнаго ради извета, но за ересь его, от собора или от святых отец не ведому сущу, таковии чести и приятия достойни суть, яко правовернии»*. – Если даже согласиться, что Амвросий действительно ушел в Белую Криницу, «зазрев» к. патриарха в ереси, то и в таком случае правило не оправдывает, а только более обличает Амвросия. Приведем 15 правило второ-первого собора по полному переводу, так как славянский текст старопечатной кормчей, как сокращение полного текста правил, имеет очень важный пропуск, что дает право раскольникам извращать истинный смысл правила в свою пользу. В полном переводе правило читается так: *«Что*

определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое и наипаче приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит дерзнет отступить от общения со своим патриархом и не будет возносить имя его, по определенному и установленному чину, в Божественном таинодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его, учинит раскол: таковому собор определил быти чужду всякого священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии. Впрочем сие определено о тех, кои под предлогом некоторых обвинений отступают от своих предстоятелей и творят расколы и расторгают единство Церкви. Ибо отделяющиеся от общения с предстоятелем ради некие ереси, осужденные святыми соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно и учит юной открыто в Церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения, не только не подлежат положенной правилами епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо осудили не епископов, но лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство Церкви, но потщались охранить Церковь от расколов и разделений».²⁰⁷

Действительно, правило повелевает всем без различия верующим отделяться от своего предстоятеля, проповедующего еретическое учение, и отделяющихся считает достойными «чести, подобающей православным»; но отделяться от еретического предстоятеля правило позволяет под тем неизменным условием, если ересь, в открытом и всенародном проповедовании которой будет обличен предстоятель, будет осуждена соборами или святыми отцами. При таком понимании правила понятно, почему им повелевается удаляться от еретического предстоятеля: те члены Церкви, которые стали бы иметь общение с лицом, держащимся ереси, осужденной соборами и святыми отцами, оказались бы по тому самому соучастниками в ереси, людьми, разделяющими еретическое учение своего предстоятеля. И вот, чтобы удержать верующих христиан в недрах православной Церкви, правило не только не

порицает удаляющихся от еретического предстоятеля, но даже называет таких достойными «чести, подобающей православным». Но так понимаемое правило нисколько не доказывает того, что нужно защитникам Белокриницкого священства: Амвросий, переходя из Константинополя в Белую Криницу, не считал своего патриарха еретиком, от которого, по 15 правилу второ-первого собора, следует непременно удаляться; также не указал м. Амвросий за к. патриархом ни одной ереси, осужденной соборами или святыми отцами, да и указать таковой не мог. В ответ на приглашение патриарха, возвратиться в Константинополь, Амвросий, как на единственное основание своего позорного бегства в Белую Криницу, указывал на то, что будто бы патриарх несправедливо препятствовал ему снова занять какую-либо свободную кафедру, вследствие чего он, Амвросий, не желая уподобиться «светильнику, находящемуся под спудом, ушел к неимущим пастыря старообрядцам Белой Криницы. Ту же причину выставлял Амвросий в своём ответе австрийским властям, когда последние, по настоянию русского правительства, потребовали от Амвросия объяснения по делу перехода его в Белую Криницу. В оправдание своего удаления от к. патриарха Амвросий указывал в своём ответе на то, что «он (патриарх) не обратил очей своих на него определить по увольнении от боснийской митрополии, по крайней мере, в меньшую некую епархию».²⁰⁸ Несомненно, Амвросий был непоколебимо убежден в православии к. патриарха и после перехода своего в раскол; в этом можно убедиться из свидетельств лиц, близко знавших м. Амвросия. Так, напр., один из них – некто Геннадий, положительно утверждает, что «патриарха своего (м. Амвросий), хотя ради немощных не поминал на ектеньях, но, говорят, на проскомидии сам всегда часть вынимал (за патриарха), когда служил сам, так как он патриарха греческого признавал за православного».²⁰⁹ Отметим дальнейшее несоответствие смысла соборного правила с тем, что допущено было м. Амвросием при переходе в Белую Криницу. Правило повелевает принимать отступившего за ересь от своего епископа, как правоверного, т. е. без всякого чиноприема; а старообрядцы

приняли м. Амвросия, как еретика, вторым чином. Этим они ясно показали, что не Амвросий своего патриарха, а они, старообрядцы, Амвросия почитали за еретика. Значит, нечего и говорить о правоверности Амвросия с точки зрения принимавших его раскольников. По всему этому апологеты австрийского священства не имеют достаточного права приводить в свою пользу 15 правило второ-первого собора, между тем как того же собора правило 13 говорит прямо в осуждение их иерархии. *«Вселукавый посеял, говорится в этом правиле, в Церкви Христовой семена еретических плевел и, видя, яко те мечем Духа посекаются из корени, вступив на другой путь козней, покушается безумием раскольников рассекать тело Христово, но и сей его навет совершенно воспрещая, св. собор определил ныне: аще который пресвитер или диакон, по некоторым обвинениям, зазрев своего епископа прежде соборного исследования и рассмотрения и совершенного осуждения его, дерзнет отступить от общения с ним и не будет возносить имя его в священных молитвах на литургиях по церковному преданию, таковой да подвергнется извержению и да лишится всякия священнической чести. Ибо поставленный в чин пресвитера и восхищающий себе суд, митрополитам предоставленный, и прежде суда, сам собою осуждати своего отца и епископа усиливающийся, не достоин ни чести, ниже наименования пресвитера. Последующие же таковому, аще суть некие от священных, такожде да лишени будут своя чести: аще же монахи или миряне, да отлучатся вовсе от Церкви, доколе не отвергнут сообщения с раскольниками и не обратятся к своему епископу».*²¹⁰ Действительно, Амвросий «зазрел» своего патриарха в несправедливом якобы отношении к себе, но, не дожидаясь «соборного рассмотрения и совершенного осуждения» патриарха, оставил православную Церковь, чем произвел в Церкви Христовой великий соблазн и смуту, за что, по суду правила, подлежит извержению из сана.

В доказательство того, что все действия Амвросия в Белой Кринице были действительны, а, следовательно, и что вся происшедшая от него иерархия есть иерархия истинная,

защитники Белокриницкого священства указывают еще на то, что *Амвросий не был запрещен в священнослужении патриархом²¹¹* и даже имел от последнего грамоту, в силу которой ему, бывшему без епархии, разрешалось отслужить одну заупокойную литургию по своей родственнице. – Но последнее обстоятельство, т. е. разрешение патриарха отслужить одну литургию, служит скорее к осуждению действий Амвросия в Белой Кринице, чем к их оправданию; если Амвросий не мог без особого на то разрешения к. патриарха отслужить даже одной литургии, то тем более не мог он без разрешения того же патриарха совершать в не принадлежащей ему епископии всех приличествующих архиерейскому сану священнодействий, что именно и было им допущено в Белой Кринице. Этот же случай обращения Амвросия к патриарху с просьбой о дозволении ему совершить одну литургию служит неопровержимым свидетельством того, что Амвросий ясно сознавал то положение, в котором он находился по удалении с Босносараевской кафедры; он отлично сознавал, что без позволения своего патриарха, он не мог отправлять обязанностей, связанных с архиерейским саном; это сознание служит для него, осмелившегося самовольно не только удалиться от своего патриарха, но и отправлять в чуждой епархии все архиерейские обязанности, только к тягчайшему осуждению.

Должно заметить далее, что вопрос о том, был ли запрещен Амвросий в священнослужении до перехода в Белую Криницу, или нет, представляет особую важность только для старообрядцев австрийского толка. Это обстоятельство в их глазах было так важно, что даже и после принятия Амвросия в Белую Криницу, для разрешения сего вопроса австрийцы посылали две специальные делегации в Константинополь и успокоились только тогда, когда получили от Константинопольского патриарха категорическое заявление, что до перехода в Белую Криницу Амвросий никем из патриархов не был запрещен. Но с православной точки зрения вопрос этот, запрещенным или не запрещенным перешел Амвросий в Белую Криницу, не имеет того значения, какое желают приписать ему

апологеты австрийского священства. Независимо от такого или иного решения сего вопроса, в виду тех антиканонических действий, которые допущены были при переходе в раскол, м. Амвросий сам отлучил себя от Церкви, в силу чего все действия его в Б. Кринице должны считаться недействительными. Не иного мнения держится об Амвросии и совершенных им действиях и константинопольский патриарх, мнение которого, как ближайшего начальника бывшего «босносараевского митрополита Амвросия», должно быть для нас особенно важно. В ответе на предложенный депутатами австрийского согласия вопрос об Амвросии к. патриарх, перечислив антиканонические действия, допущенные Амвросием при переходе в Белую Криницу, заключает: *«из вышеизложенного следует, что бывший Амвросий, ради противоканонических его действий должен быть признаваем самоотлученным, совершенные же им хиротонии и священнодействия потому самому должны считаться недействительными»*.²¹²

Защитники австрийской иерархии, продолжая оправдывать переход Амвросия без всякого на то соизволения к. патриарха в Белую Криницу, говорят, будто бы *история знает несколько таких случаев*, когда еретические епископы одним лишь сознанием своих заблуждений исправляли самих себя, т. е. принимали православное учение, и затем *самовольно* будто бы занимали свободные епископские кафедры. Указывают при этом на Агапита и Кирилла иерусалимского, самовольно будто бы занявших епископские кафедры после отречения от ересей. Агапит, как видно из истории Сократа,²¹³ был сначала последователем македонского вероисповедания, но затем, сознав своё заблуждение, стал проповедовать «единосущие», т. е. православное учение; сделавшись же православным, он занял епископскую кафедру в Синнаде (во Фригии), где прежде епископом был Феодосий. Такова история перехода Агапита из ереси в православие и поступления его на епископскую кафедру. Но во всей той истории об Агапите не говорится того, что хотели бы видеть в ней старообрядцы, т. е. что будто бы он самовольно занял кафедру в Синнаде. Историк Сократ повествует, что Агапит занял кафедру с благословения к.

патриарха Аттика. «Аттик Агапиту написал, чтобы он управлял епископией», – повествует историк Сократ.²¹⁴ Что же касается Кирилла иерусалимского,²¹⁵ который сам будто бы занял кафедру после того, как был низложен арианами, то нужно заметить, что, хотя он разделял некоторое время еретическое учение, но всё же не отделялся формально от православной Церкви, всегда считался её членом, следовательно о каком-то присоединении к православной Церкви не может быть и речи. Мало вероятно также и то, что он занял кафедру епископскую без дозволения высшей церковной власти. Историк Созомен повествует только, что «при Феодосии Кирилл снова вступил на прежнюю кафедру».²¹⁶

Если, как мы видели, одно самовольное удаление м. Амвросия от к. патриарха, ни в какой ереси не обличенного, удаление хотя-бы то в свободную епархию, настолько противоканонично, что совершивший сие подлежит извержению из сана, то тяжесть совершенного Амвросием преступления увеличивается еще более от того, что Амвросий перешел не в православную Церковь, а в раскол, – в общество, канонически отлученное от православной Церкви. Правда, старообрядцы говорят, что Амвросий бежал от ереси к истинной Церкви, но такое утверждение их совершенно голословно, потому что, если обратим внимание на существенные свойства истинной Церкви Христовой, то увидим, что истинной Церкви Христовой общество старообрядцев Белой Криницы до перехода к ним Амвросия (равно как и после) не составляло, ибо не имело епископа – главного члена Церкви Христовой.²¹⁷

Нам нужно рассмотреть: 1) какой суд изрекают правила церковные на то общество, которое окормляется беглыми попами, каковым было общество Белой Криницы в момент перехода в него м. Амвросия, и 2) как церковные правила относятся к тем лицам православной Церкви, которые входят в общение с подобным обществом.

Мы уже видели, что правила запрещают низшим членам клира делать что-либо без согласия высших. Апостольское правило 39: *«Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены люди Господни, и он*

воздаст ответ о душах их». Лаодикийского собора правило 57: «Не подобает в малых градах и селах поставляли епископов, но периодевтов, а поставленным уже прежде ничего не творити без воли епископа града. Такожде и пресвитерам ничего не творити без воли епископа». «Подобен есть согрешению не рукоположене действующаго, говорится в Номоканоне (л. 57 об.), и иже без повеления и заповеди святительския действует; несть слово рещи о осуждении сицевых: сие бо дело горше есть и самых тех нечестивых бесов, во ангела светла точию преобразующихся, но не сущих». 43 правило Карфагенского собора запрещает пресвитеру без воли своего епископа вязать и разрешать грехи: «Кающимся время покаяния по различию грехов, да назначается судом епископов; пресвитер же без воли епископа не разрешает кающегося, разве во время надлежащая нужды, в отсутствии епископа».²¹⁸

Определяя строгое подчинение низших членов церковной иерархии высшим, церковные правила только узаконяют то, чему учила в лице своих предстоятелей Церковь Христова с самых первых времен христианства. Так, св. Игнатий Богоносец в послании к Смирнянам пишет: без епископа никто не делай ничего, касающегося Церкви. Только ту евхаристию должно почитать несомненною, которая совершена епископом или тем, кому он позволит. Где будет епископ, там должен быть и народ, так как, где Иисус Христос, там и католическая Церковь. Не позволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви, напротив, что одобрит он, то и Богу приятно, чтобы всякое дело было прочно и твердо.²¹⁹ Тертуллиан говорит: «право исполнять его (таинство крещения) принадлежит прежде всего первосвященнику, то есть епископу. Совершать его могут также священники и диаконы, но не без дозволения епископа, дабы сохранить уважение к Церкви в её начальнике и соблюсти мир чрез сию подчиненность».²²⁰

Строго запрещая пресвитерам совершать что-либо без воли епископа, правила тем строже запрещают пресвитеру удаляться от своего епископа и устроить свой алтарь. Апостольское правило 31: «Аще который пресвитер, презрев собственного

епископа, отдельно собрания творити будет, и алтарь иной водрузит, не обличив судом епископа ни в чем противном благочестию и правде: да будет извержен, яко любоначальный. Ибо есть похититель власти. Такожде извержени да будут и прочие из клира, к нему приложившиеся. Миряне же да будут отлучены от общения Церковного. И сие да будет по едином, и втором, и третьем увещании от епископа». Антиохийского собора правило 5: «Аще который пресвитер, или диакон, презрев своею епископа, отлучит сам себя от Церкви и начнет творити особые собрания и поставит жертвенник, а, призываемый епископом, не покорится, и, быв призываем единожды и дважды, не послушается: таковой да будет совершенно извержен из своею чина и отнюдь не может до служения допущен быти, ниже паки восприяти прежнюю свою честь. Аще же упорен будет возмущая Церковь, и восстанет против неё: то, яко мятежник, да будет укрощаем внешнею властью».²²¹ Посему Новат и Маркион за то, что без ведома своих епископов воздвигли алтари и приносили жертвы – первый в Риме, а последний в Арлесе, были осуждены своими епископами, как раскольники.²²² Такому же осуждению подлежат беглые попы Белой Криницы, устроившие без всякого на то архиерейского разрешения алтари в Белой Кринице; таких лиц св. Ириней называет «людьми подозрительными, еретиками и злонамеренными отступниками, горделивыми, самолюбивыми»...²²³ Итак, беглые попы Белой Криницы были в полном смысле слова раскольниками, отделившимися от православной Церкви, порвавшими с нею связь..., и, как таковые, по смыслу вышеприведенных правил подлежат извержению из священного сана. Паству, окормляемую сими беглыми попами, составляли, очевидно, не чада Церкви Христовой, а чада дерзко и безумно порвавшие связь со своею Матерью-Церковью и самовольно обрекшие себя на вечную гибель вне единоспасающей Церкви Христовой. Действительно, паству сию составляли, как мы знаем, старообрядцы, осужденные в лице своих предков собором 1666–1667 гг., как раскольники. Вот каково было то общество, в

которое бежал м. Амвросий; с подобным обществом правила церковные запрещают иметь какие бы то ни было сношения. Апостольское правило 11: *«Аще кто, принадлежа к клиру, с изверженным от клира помолится, да будет извержен и сам»*. Антиохийского собора правило 2: *«Да не будет же позволено имети общение с отлученным от общения, ниже сходиться в дом и молиться с находящимся вне общения церковного: чуждающихся собраний одной Церкви не принимати и в другой Церкви. Аще же кто из епископов, или пресвитеров, или диаконов или кто-либо из клира окажется сообщаемым с отлученным от общения, да будет и сам вне общения церковного, яко производящий замешательство в чине церковном»*.²²⁴ В силу этих правил м. Амвросий, вступивший в общение с отлученными от Церкви, сам подлежит отлучению от соборной и апостольской Церкви; а так как Амвросий не внял гласу сих правил и сделался основателем целой иерархии Белокриницкой, то очевидно, что эта последняя может быть названа только иерархией незаконною, самочинною, самозванною...

Свящ. Н. Попов

(Продолжение будет).

Стеллецкий Н. Болгарская ересь богомилов и влияние её на возникновение русских религиозных сект. (Опыт исторического объяснения происхождения русского сектантства) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 493–506

Религиозные секты начались у нас очень давно, еще в древней России; гораздо более они развились в новой России и продолжают развиваться до последнего времени. Сектантство весьма прискорбное явление в религиозной жизни нашего народа, так как оно, отторгая русских людей от православной Церкви, нередко увлекает их в дебри лжеучения, которое, будучи пагубно с точки зрения высшего духовного блага их, является небезопасным и в отношении социальной жизни общества. Чтобы понять всю силу и опасность религиозных сект для русского народа, полезно найти их историческое начало, поставить их в связь с другими сектами, волновавшими древнюю христианскую Церковь. Всякое жизненно-историческое явление, повторяющееся чрез ряд веков в различных видоизменениях его, представляется нам в надлежащем свете, когда мы находим первое историческое зарождение его. Это замечание всю свою силу имеет и в отношении к религиозному сектантству, существующему в России с первых веков христианства и до настоящего времени. Только при вышеуказанном условии мы можем правильно понять сущность и характер того в высшей степени печального в жизни русского народа явления, которое известно под именем сектантства.

В основе всякого религиозного сектантства лежит ложное стремление – устроить самостоятельную религиозную жизнь независимо от Церкви. Это стремление в особенности бывает тогда, когда болезненно возбужденная религиозная мысль старается выработать и, действительно, вырабатывает своё собственное своеобразное учение, усвояемое затем целую группу христиан, которые под знаменем его образуют своё отдельное от остальной Церкви *сектантское* общество. Но такое религиозное своемыслие в первые века русской Церкви

еще не в пору было для тогдашних русских людей, при крайней скудости у них каких-либо определенных религиозных воззрений.²²⁵ Старое язычество, от которого русские перешли в христианство, и остатки которого держались в народе и по принятии христианской веры, было слишком бедно и неразвито, чтобы дать опору для таких воззрений. Характеристическою особенностью религиозного состояния русского народа в первые времена по принятии христианства было то простое механическое смешение новой веры со старою, которое называется *двоеверием*. Оно состояло в одновременном почитании христианского Бога и божеств языческой старины, в одновременном исполнении христианской и прежней языческой обрядности. Многие, по старой привычке, после молитвы в христианском храме, ходили молиться «в рощение», под овины, к воде, где – думали они – жили их прежние боги, сходились на языческие игрища²²⁶ и проч., или, строя христианские церкви, старались сохранять рядом с ними, у алтаря церковного «камень да березу».²²⁷ Не забыты были еще и древние мифы; в «Слове о полку Игореве» называются ветры Стрибожьими внуками, русский народ – внуком Дажбога, Баян – внуком Волоса, – говорится о Хорсе, которому прерыскивал путь волкодлак Всеслав, князь полоцкий, и о мифической силе явлений природы, к которым плачущая Ярославна обращается, как к божествам, с жалобным воззванием: «почто, господине»... Сам летописец разделяет народную веру в приметы, заговоры и знамения; постоянно приписывает силам природы таинственное значение. Даже некоторые из пастырей Церкви далеко не чужды были двоеверия, так что, если встречаются у них погрешности в религиозном отношении, то это были остатки языческого суеверия, а не самостоятельные произведения сектантского своемыслия, в ту пору еще непосильного для них. Известное слово Христолюбца и ревнителя по правой вере, обличая в двоеверии не только *невежей* – народ, но и *вежей* – попов, говорит, что «попове и книжницы – одни, видя деяния злая и слыша с них, не хотят учить», другие поощряют их, третьи же сами приобщаются им и едят моленное (языческое) брашно».²²⁸ Это-то именно двоеверие, а не сектантство, было неизбежным

спутником религиозного развития русских христиан в первые века нашей истории.

Впрочем, упоминаются *еретики* и в первые века русского христианства. Под этим именем в древних памятниках нашей истории известны так называемые *волхвы*, иначе кудесники, волшебники, чародеи, ведуны. Но то были не еретики или сектанты, а учителя старшего язычества, выдававшие себя за посланников подземных, земных и поднебесных богов, с которыми, по словам их, они близко знали. Выступая на защиту падающего язычества, волхвы приписывали себе силу предсказывать будущее, отвращать *болезни и другие бедствия* посредством тайных, им одним известных, искусств и творить различные чудеса с помощью богов; вследствие чего занимались гаданием, составляли амулеты и проч. Родом они были финны и славяне и выступали со своею проповедью на границах финских и славянских поселений, как-то в Ростове, Белоозере. Новгороде, но заходили и в Киев.

Чтобы успешнее поддержать в народе свой авторитет, волхвы большею частью восставали по случаю какого-либо необычайного физического явления на небе или на земле.²²⁹ Всего чаще они возмущали народ во время общественных бедствий, и при этом всегда объясняли физические причины бедствий по своим темным языческим представлениям, признавая, напр., причиною их женщин *да старую чадь*. Поборники христианской истины, усмиряя бунтующий по наущению волхвов народ, противопоставляли, со своей стороны, языческому учению волхвов христианское учение о высшей небесной силе в появлении общественных бедствий о высшей нравственной цели их.²³⁰

Волхвы пытались было даже определенно формулировать своё учение в параллель с учением христианским, из которого им удавалось кое-что подслушать. Так в 1071 году, по случаю неурожая и голода, волхвы восстали в ярославской и ростовской области и начали высказывать свой суеверный взгляд на причины постоянного бедствия. Когда они схвачены были, по повелению воеводы Яна, и приведены к нему на Белоозеро, тут у них завязался с Яном спор о причине голода, о

сотворении человека и о составе телесной и духовной природы. «Ян, по словам летописи, спросил волхвов»: «зачем вы погубили столько людей?» Волхвы отвечали: «те люди держат плодородие: если мы всех их перебьем, то будет обилие: хочешь, перед тобою мы вынем из них жито или рыбу?» Ян начал опровергать их суеверное убеждение относительно неурожая тем, что неестественно быть житю в человеке, в составе человеческой природы, и физически невозможно, чтобы он скрывал его в себе. «Бог, говорил воевода, сотворил человека от земли, составил его из костей, жил и крови, нет в нём ничего, и он не знает ничего, а один Бог знает», т. е. почему бывает неурожай и голод. На это волхвы возразили: «а знаете ли вы, как человек сотворен!» «Как?» спросил Ян. «Бог мылся в мовнице, отвечали волхвы, вспотел, отерся ветошью и бросил её с неба на землю: тут поднялся спор у сатаны с Богом, – кому из них сотворить человека; и сотворил диавол человека, Бог душу в него вложил; потому, если умрет какой человек, тело идет в землю, а душа к Богу». Ян спросил их: «а какому вы Богу веруете?» – Антихристу, отвечали они. «А где он?» спросил Ян. «Сидит в бездне», отвечали волхвы. Ян на это сказал им: «какой то Бог, сидит в бездне, то бес, а Бог на небеси, сидит на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом; а тот из ангелов свержен, которого вы называете антихристом, за гордость свержен с неба и сидит в бездне, как вы сами говорите».²³¹

Под тем же 1071 годом летописец рассказывает об одном двоеверном новгородце, который, пришедши однажды к чудскому кудеснику для волхвования, спросил его: «какие ваши Боги? где живут?» Волхв отвечал: «в безднах: суть же образом черны, крылаты, с хвостами, поднимаются и под небо слушать ваших богов; ваши боги – ангелы на небе; если кто умрет из ваших людей, то возносится на небо; а если кто из наших умирает, то уносится к нашим богам в бездну».²³²

Волхв, явившийся в Новгороде при князе Глебе, отстаивая старые языческие начала, открыто хулил христианство и даже выдавал себя за бога.²³³ Это показывает в новгородском волхве явного врага христианской веры и обнаруживает в его

веровании естественную религию, совершенно противоположную христианству. Тоже самое можно и должно сказать и о веровании других волхвов.

Проповедь волхвов была успешна. Им удавалось собирать вокруг себя немало последователей. Так, на Белоозере шайка, следовавшая за волхвами, состояла из 300 человек. Белоозерцы доносили Яну на злодеяния волхвов, и между тем не захотели выдать ему злодеев. Такое упорство показывает, что волхвы были дороги белоозерцам, если не всем, то, по крайней мере, большинству. В Новгороде, при князе Глебе, появление волхва вызвало замысел убить епископа Феодора, и когда он вышел к народу в священном облачении и с крестом и сказал: «кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, а кто верит кресту, да идет за ним — епископом», — то на стороне последнего стали только князь с боярами, а все остальные пошли за волхвом. Впрочем, народная толпа тотчас разошлась, как только ретивый князь внезапно в виду народа рассек волхва своим топором. А на Белоозере такая-же толпа сама убила волхвов и повесила на дубе. В Киеве, где христианство было тверже, чем где-либо в России, волхв, нашедший себе слушателей *в невегласех*, т. е. в немногих простецах, совсем не имел успеха в народной массе, насмешливо говорившей о нём: «бес тобою играет на пагубу», и в одну ночь он пропал без вести.²³⁴ В 1227 году, новгородцы, без всякого следствия, сожгли у себя на Ярославовом дворе четырех волхвов, по подозрению в чародействе.

Всё это показывает, как мало способно было русское язычество к какой-либо деятельной самозащите, а, следовательно, и к саморазвитию на почве христианства; оно было не в состоянии переработать христианского учения по-своему, — в духе, напр., языческих ересей (гностицизм), бывших в древней вселенской Церкви. Если так, то, значит, в первые века русского христианства не было необходимых условий для самостоятельного возникновения у нас религиозного сектантства. Напротив, у тогдашних русских христиан, по крайней мере, в лучшей части их, преобладало чувство неизмеримого превосходства новой веры над старым

язычеством и вообще над всякой другой религией. И однако-же религиозные секты, как сказано, начались у нас очень давно, еще в древней России. Откуда же и как они возникли? Где их историческое начало? И с какими другими сектами или ересями древней христианской Церкви их можно поставить в генетическую связь? Посильным ответом на эти вопросы может послужит предлагаемый трактат о болгарской ереси богомилов, в своё время распространившейся в России и повлиявшей на образование в ней религиозного сектантства.

Ересь *богомилов*, получившая название от своего основателя, попа Богомила (иначе еще Иеремии),²³⁵ появилась в IX или X столетии в единоплеменной нам Болгарии, где в то время только начиналось христианство. Здесь она в виде многочисленной и весьма вредной секты просуществовала до конца XVIII века и истреблена была уже фанариотами, игу которых болгарская Церковь подпала в 1776 году.²³⁶ Эта ересь или секта не представляет собою чего-нибудь нового в церковной истории: произошла она из смешения павликианских воззрений²³⁷ с мессалианскими. Павликиане, отвергавшие церковную иерархию, установленный раз навсегда порядок богослужения, не признававшие таинств и принимавшие два самостоятельных начала – доброе и злое, – были очень многочисленны еще в азиатской Армении, откуда император Иоанн Цимисхий решился выселить их силою в Европу, где они, по мнению его, не могли уже быть так опасны для Византийской империи, как вдали от столицы. Павликиане поселены были именно на границе Болгарии, во Фракии, в Филиппополе и его окрестностях; при этом Цимисхий имел в виду противопоставить силу павликиан новопокоренным болгарам, нападавшим пред тем на Константинополь. Из Фракии павликиане не замедлили распространиться по соседней Болгарии.²³⁸ Около того же времени переселены были во Фракию изгнанные из Азии мессалиане, известные иначе под именем евхитов (εὐχίται) которые отрицали почти всякое значение за Церковью, как необходимою посредницею в деле спасения человека, и иночество с его суровыми подвигами признавали единственно-богоугодным образом жизни.²³⁹ Учение тех и других еретиков проникло в юную еще тогда Болгарию, и таким образом здесь образовалась ересь или секта богомилов.²⁴⁰ Она соединяла в себе дуализм, общий павликианам, с крайним, противным духу православной Церкви, аскетизмом мессалиан.

Не сохранилось ни одного древнего вероучительного сочинения богомилов. Есть два древних полемических сочинения против богомилов, по которым можно ознакомиться и с их вероучением. Первое принадлежит известному болгарскому пресвитеру Козьме, современнику особенно сильного распространения богомильской ереси в Болгарии при царе Петре I Симеоновиче (927–967 г.).²⁴¹ Второе составлено греческим писателем Евфимием Зигабеном, современником императора Алексея Комнена и открытия богомильства в самом Константинополе. Зигабен имел под руками следственное дело о богомилах и в своём произведении – Πανοπλία δογματικῆ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, т. е. Догматическое всеоружие православной веры, – специально говорит о богомилах во второй части в титуле 23-м.²⁴²

Богомилы, как и более древние павликиане, – дуалисты. Как и у павликиан, у богомилов два бога – добрый и злой, и два от них происшедших мира – духовный и материальный. Злой бог не существовал от вечности, как у павликиан, а был первородным сыном верховного Бога-Отца, восседавшим одесную Его, как у евхитов; он назывался Сатанаилом. Поставленный во главе духовного мира, Сатанаил или мощный дух (πνεῦμα δεινόν) возгордился своим достоинством и силою, возмутился против Отца и, увлекши на свою сторону подчиненных духов, вместе с ними был низвержен с высоты небесной. Из соревнования Богу, Сатанаил создал второе небо, вторую землю, именно нашу землю и избрал её в жилище себе и соучастникам своего падения. Он пытался было создать и человека, и создал из смеси различной материи тело, но не мог дать ему жизни и души; просил о том Бога, и Бог вдунул в тело человека дыхание жизни. Пообещавши прежде разделить с Отцом власть над новосозданным человеком, Сатанаил потом раскаялся в своём обещании, захотел безраздельно владеть человеком и отвлечь его от небесного Отца. Чтобы для этой цели приобрести себе, как можно более людей, он вошел в змия, прельстил к грехопадению Еву, «срастлившеся блудом», следствием чего-было рождение Каина и Коломены, от которых и произошел род человеческий. Сатанаил причинял людям

всякое зло; навел потоп, рассеял людей по лицу земли, дал, чрез Моисея закон на погибель им, как говорит Апостол: «греха неведех разве законом» и проч. Наконец Бог, сжалился над душою, которую он вдохнул в человека, отрыгнул от сердца Своего божественное слово, другого сына. То был великого совета Ангел, – архангел Михаил, ибо Он есть начальник добрых ангелов, – Иисус, ибо Он врачует всякую болезнь и язву, – Христос, ибо помазан был плотью, по видимому вещественною, а на самом деле невещественною, «снятою свыше, втекшею десным ухом в Деву и таким образом истекшею», так что св. Дева совсем не ощутила Его в себе, а обрела Его просто лежащим младенцем, повитым в яслях. Страдания, распятие, смерть, погребение и воскресение Христа были призрачны. Видимо совершивши Своё служение на земле, Иисус Христос победил Сатанаила, заключил его в бездну, отнял от его ангельского имени священное окончание – *ил* (оставив его не иначе именоваться, как *сатана*) и присоединил его к своему первоначальному имени *Миха*, взошел на небо и, севши одесную Отца на место сверженного Сатанаила, разрешился паки в Отца, во чреве которого изначала был заключен, а с Ним возвратился на небо и Дух Святой, вместе с Ним исшедший от Отца и успевший родить духовно Иуду предателя и 12 апостолов.

Признавая всё внешнее, земное нечистым, богопротивным, богомилы не хотели верить чудесам, которые Иисус Христос совершал над телом и над видимою природою. Сказания о чудесах Его они понимали приточно, духовно. Так, напр., пять хлебов, которыми Христос наплат 5,000 народа, суть не что иное, как четыре Евангелия и пятый Апостол.

В силу того же начала богомилы чуждались брака и употребления вина и мяса, а некоторые из них допускали даже оскотление. Воспреещалось им всякое убийство – даже животных, кроме змей – животных сатанинских; отсюда – отрицание войны и всякой самозащиты.

Представляя все действие Иисуса Христа только духовным, богомилы считали Церковь, существовавшую в Византийской империи, чем-то средним между ветхозаветным иудейством и

истинною внутреннюю Церковь, к которой думали принадлежать сами; отвергали все таинства церковные. Крещение водою, говорили они, есть крещение Иоанново; крещение Христово – духовное и состояло в воздержании, молитвах и песнопениях, после чего на крещаемого возлагали руки и Евангелие Иоанна; к крещению допускались только взрослые, крещенных младенцев гнушались. Литургии – св. Евхаристии (комканья),²⁴³ по словам их, Иисус Христос совсем не учреждал. Хлеб приобщения есть молитва «Отче наш»; чаша приобщения – завет, упоминаемый в Евангелии; тайная вечеря не что иное, как приобщение обоих.

После этого неудивительно, если почитание икон казалось богомилам идолопоклонством. По этому поводу Козьма пресвитер говорит: «Слышавше апостола Павла о кумирех рекша: «не подобает нам повинутися злату или серебру сотворену хитростию человеческою», еретицы (богомилы) мнят то о иконах речено, да от того словесе обретше си вину, не кланяются едине иконам, но страха деля человека и в церковь ходят и крест и икону целуют, якоже нам поведают, иже от них обратишася на нашу истинную веру, глаголюще: яко вся си творим человек деля, а не по сердцу (т. е. всё это делаем ради людей, а не чистосердечно), втайне же скрываем свою веру». Крест Христов они называли «убийцею Спасовым» (Евфимий Зигабен) или виселицей.²⁴⁴ Об этом орудии нашего спасения вот что они «блзнящися» говорили: «Како ся ему есть кланяться? Сына бо Божия жидове на нем распяша, да вражда есть паче Богу крест: темже ненавидети его свояси (т. е. своих последователей) учат, а не кланяться, сице глаголюще: аще бо кто царева сына убил крестом древом, может ли древо то любо быти царю? такожи крест Богу. Не по своей воли распята мнят Господа, ни за спасение человеческо; но по нужде». В мощах святых, по мнению богомилов, действуют бесы и потому чудеса, совершаемые у св. мощей, они называли демонскою «прелестию». Храмы, по их словам, жилища злых духов, сообщников того сатаны, которого Христос приходил связать. Молились богомилы много (по четыре раза днем и ночью), но не хотели знать никаких молитв церковных, кроме молитвы

Господней. Не наблюдали они ни Господских праздников, ни памяти св. мучеников и отцов; поносили церковную иерархию, обзывая православных священников «слепыми фарисеями и саддукеями», которых, по их мнению, должно бояться и избегать (Евфимий Зигабен). Так как Иисуса Христа не признавали действительно и в собственном смысле воплотившимся от Девы Марии, то не чтили и сию последнюю.

Богомилы отвергали книги Моисея и все остальные книги ветхого завета, кроме Псалтири и 16 пророков, и принимали весь новый завет, только навязывая ему свой особый и нелепый смысл. Наряду с общехристианским каноном у них в большом употреблении были апокрифические сказания и нелепые писания, ими составленные или, по крайней мере, переделанные ими и отредактированные.²⁴⁵ Из этих писаний с вероятностью им можно приписать следующие: «О древе крестном», «О злых женах», «О происхождении винокурения от беса», сказание, что «древо познания добра и зла было виноградное дерево, и что Адам и Ева упились соком его», «Слово св. Апостолов Петра и Андрея, Матфея, Руфа и Александра», «Слово о Иисусе Христе Господе Нашем», или «О прении Господа с диаволом» и другие.²⁴⁶

Следуя своему самообольщенному стремлению к мнимоевангельской жизни, богомилы впоследствии выработали своеобразную и широкоразвитую организацию внутреннего религиозного быта, несмотря на то, что они в первое время своего существования горячо восставали против подобной же организации православной Церкви. В половине XII века богомилы уже разделились на отдельные религиозные общины, и в каждой такой общине был учитель или епископ и при нём 12 апостолов. Остальные верующие тоже назывались священниками; в их присутствии сектанты сами себя исповедовали и сами себе прощали грехи, и это делали не только мужчины, но и женщины (Козьма пресвитер).

Ересь богомилов в X–XI веках получила в Болгарии весьма широкое распространение, чему благоприятствовало тогдашнее мрачное политическое положение этой страны. Пятидесятилетние непрерывные войны с Византией за

независимость, войны, исполненные самых потрясающих эпизодов, способны были пошатнуть и спутать религиозно-нравственные понятия болгарского народа, еще недостаточно окрепшего в новопринятой вере христианской, и подготовить богатую почву для укоренения богомильской ереси. Церковные нестроения, вызванные политическим состоянием страны, представляли самую грустную картину внутренней жизни народа. Те, кому по праву принадлежало дело церковного учительства, в небрежении оставляли своё дело. И это было вполне естественно при том порядке вещей, когда, по словам Козьмы пресвитера, блюстителями евангельского закона были ставимы многожды *по мзде* люди грубые и неведущие закона. Подобные «пастухи словесных овец, конечно, старались только взимать млеко и волну от стада, об овцах же не пеклись». Неудивительно, что, при подобных нестроениях церковной жизни, сектанты взяли в свои руки дело религиозного учительства, и секта широко распространилась.

Самое направление и приемы сектантской пропаганды содействовали успехам секты богомилов. Для впечатлительных душ, лишенных пастырского назидания, не было ничего легче, как увлечься проповедью мессалианствующих ересеучителей, суровых аскетов, вечно молящихся, постоянно в руку державших Евангелие и думавших жить по его заповедям: не живем рече по закону Мойсиину, но по Апостольску, ни Давида и Пророк послушаем, но самого Евангелия (Козьма пресвитер). Вот это-то мнимо-евангельская праведность неофициальных-непризванных учителей, в противоположность не-евангельской жизни законных пастырей, и располагала народ прельщаться еретическим учением богомилов. «Мнози, говорит Козьма о своих соотечественниках, мняще я (т. е. сектантских главарей) правоверны суца и мощны направити на спасение, приближаются к ним и вопрошают их о спасении души; они же подобны волку, хотящу ягня взяти, сперва поглумляются въздыхающе и со смирением отвещевают... и где узрят человека проста суца и груба, туже сеют плевелы учения своего».

Не менее сильно увлекало богомилство болгарский народ своею социально-революционной проповедью, выступая, по-видимому, в роли защитника народной свободы. По словам Козьмы пресвитера, еретики «учат свояси неповиноватися властем своим, хуляще богатия, царь ненавидят, ругаются старейшинам, укоряют боляры, мерзки Богу мнят работающия царю и всякому рабу не велят работати господину своему».

В XI–XIII веках из Болгарии богомилство проникло в соседние страны: в Сербию, Боснию, в пределы Византийской империи (не исключая самой столицы – Константинополя, где оно императором Алексеем Комненом открыто было посредством известной, мало достойной царя, хитрости,²⁴⁷ а в XIV веке оно встречается уже на Афоне. С Балканского полуострова богомилская ересь, перешла на запад и в XII–XIII в. распространилась в Италии, Франции и в других странах Европы. Несмотря на жестокие преследования со стороны различных правительств, «зло ереси богомилов, по словам Зигабена, еще с большею силою разливалось по всем городам и областям и по всем странам», «Страх гонений» от «властей земных» не ослаблял ереси, а еще увеличивал ревность ересеучителей и влияние их проповеди. Принужденные в тайне скрывать свою веру и лицемерить во время гонений, еретики тем с большим упорством старались отстаивать свои мнения, когда приходилось защищать их открыто: «скорее скота накажеша, говорит Козьма, неже еретика. И якоже в мрамор стреляй, не точию не прострелишь его, но и отскочивши стрела зади стоящаго ударит, тако и учай еретика не точию не научит его, но и некоего от худоумных развратит». Гонения, воздвигаемые правительствами против богомилов, окружая их в глазах народа ореолом мученичества, только содействовали распространению ереси. По этому поводу Козьма пресвитер говорит: «мнози мнят я (т. е. еретиков) за правду страждущих и хотяще нечто благо восприяти от Бога за узы». И не только невежественная народная масса заражалась учением богомилов, но и «правовверные попы» (Козьма) и даже православные епископы.²⁴⁸

(Продолжение будет).

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Н-в. М. Еще по поводу доклада в Философском обществе о гр. Л.Н. Толстом // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 507–518

Итак сказали Ему: *что нам делать, чтобы творить дела Божии?* Иисус оказал им в ответ: *вот, дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал* (Ин.6:28–29).

...Без меня не можете делать ничего (Ин.15:5).

Многие обольстители пришли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть *обольститель и антихрист* (2Ин.1:7).

Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине (1Ин.1:6).

Чтение г. Мережковского в Петербургском философском обществе о Л. Н. Толстом и его религиозно-философских воззрениях выдвинуло на газетные столбцы, важнейшие вопросы веры, мысли и жизни.

В чём сущность христианства? В каком отношении стоит оно к эллинизму? Что такое с точки зрения христианства учение Толстого? Приложимо ли к Толстому название «христианина»? Возможно ли творить волю Отца Небесного, отрицая догматические положения Церкви? Эти и многие другие вопросы взволновали значительную часть нашего общества. Конечно, вполне удовлетворительного ответа на них трудно ожидать от кратких газетных статей. Истинно интересующиеся названными вопросами могут обратиться к крупным и серьезным трудам, имеющимся в нашей богословской литературе, каковы: «Духовные основы жизни» Влад. Соловьева, «Оправдание добра» его-же, «Апология христианства» Лютардта, «Учение о нравственности» Мартенсена, творения еп. Феофана, Учение о спасении архимандрита (ныне епископа Сергия) и др. Я с своей стороны хочу поделиться с читателями одним, недавно мной прочитанным, письмом бывшего толстовца, который отвечает на запрос своей родственницы, сельской учительницы. О письме этом я невольно вспоминаю, читая заметки г.г. Розанова и

Мережковского, напечатанные (16 и 20 февраля) в «Нов. Вр.», и отчет о заседании философского общества, помещенный в «России» (8 февраля).

Письмо, на мой взгляд, интересно в 2-х отношениях. С одной стороны, оно вводит читателя в круг духовных интересов некоторой части нашей молодежи, показывая то, в какой форме предстают её сознанию известные вопросы, с другой – дает решения этих вопросов, как эти решения складываются не в ученой голове богослова, а в обыденном, так сказать, самосознании христианина.

С разрешения автора и его корреспондентов, я привожу письмо целиком, так как почти всё там сказанное имеет прямое и косвенное отношение к вопросам, возбужденным рефератом г. Мережковского.

«С радостью прочитал твоё милое правдивое письма и с радостью отвечаю на него. Буду держаться порядка, в каком ты предлагаешь вопросы и высказываешь недоумения. Ты говоришь, что «всё это так хорошо и высоко, но вместе с тем почти недоступно». Дальше ты определяешь это «всё». «Мне кажется», пишешь ты, «что заставить сердце любить нельзя; нужен какой-нибудь толчок, который заставил бы изменить многое в сознании и устремиться к Богу. Пока гром не грянет, ведь мы не перекрестимся».

Я совершенно согласен с тобою, что заставить сердце любить нельзя, и что «самое великое и нужное в мире» недоступно тому, кто думает сам заставить, сам достичь. Согласен и с твоей мыслью о толчке и громе: нужен толчок, нужен гром для тех, кто с детства не привык слышать гласа Божьего.

Итак, непонятым кажется для человека требование любить, когда «не любит». Но Тот, Кто требует от нас любви, очень хорошо знает немощь сердца человеческого. И зная её, тем не менее требует любви от него! Требуется потому, что может и хочет дать эту любовь человеку, но... при условии обращения к Нему. Он говорит: «без Меня не можете делать ничего» (Ин.15:5), и точно, все дела, без Него творимые, суть, по прекрасному выражению гр. М. М. Сперанского, «прах ветром

взметаем». И если человек истинно жаждет получить «самое великое» и нужное, то что мешает ему просить этого у Того, Кто, Сам будучи воплощенной Любовью, обещал потребное всем с верою приходящим к Нему? «Что убо, чесо ради не хочешь приити ко Мне? Приступить ли не смеешь? К кому удобнейший приступ? Просить ли опасaeшься? Кому Я просящему с верою отказал? Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы».

Почему же труждающиеся и обремененные не все приходят к Обещавшему мир и покой душам их? Главных причин я вижу две. Одна отчасти намечена тобою, а другую укажу я. Указанная тобою (но не выясненная) состоит в том, что люди не слышат грома, не чувствуют толчков. Ты-то, следственно, думаешь, что толчков и грома нет хотя бы, напр., в твоей жизни или в жизни тех лиц, которые привлекают тебя, т. е. таких толчков и такого грома, которые бы настойчиво призывали к Богу. Я же думаю, что такие толчки и гром есть, но люди не слышат их и не слышат не потому, что они слабы, а потому, что сами люди залезли в мрачное подземелье и не хотят выйти оттуда, чтобы услышать гром, слышимый явственно стоящими под открытым небом.

Причина эта освещается чуть не в каждой главе Евангелия, когда мы присутствуем при встрече Иисуса Христа с иудеями. Не смотря на разительные примеры гнева Божия, приводимые Спасителем, иудеи не вразумляются и остаются глухими к призыву Того, Кто пришел именно с тем, чтобы стать громоотводом для всякого прибегающего к Нему. Они не слышали грома при падении башни, не чувствовали толчков при виде бесноватых, не становились в тупик перед вожделениями в членах их, перед злыми (эгоистичными) помышлениями сердца, не приходили в сокрушение в своей отчужденности от Отца Светов. Имея уши, не слышали; имея очи, не видели, ибо огрубело сердце их. К таковым Господь обращался со след. приблизительно словами: «все вы, жестоковыйные, погибнете, если не покаетесь, не обратитесь ко Мне, чтобы Я исцелил вас».

Вероятно, мысль твоя невольно переносится к тем людям добрым, хорошим, хотя и безрелигиозным, о которых ты

упоминаешь дальше в своём письме, и ты готова обидеться за них при предположении, что я отношу слова Спасителя и к ним. Но об этом после, а сейчас я укажу другую причину, почему люди не идут на голос Призывающего. Причина эта, неразрывно связанная с первой (хоть и не всегда связь эта бросается в глаза), – гордость, страсть, часто не замечаемые вследствие её способности скрывать свою сущность под благообразной личиной. Я сказал, что гордость неразрывно связана с огрубелостью сердца, но должен ограничить эту мысль или, лучше сказать, определить несколько понятие огрубелости. Я разумею под ним в данном случае равнодушие к нравственным противоречиям собственной жизни, отсутствие той нравственной чуткости, которая искренно следует и нелицемерно отмечает эти противоречия. То же значение я придаю и слову жестоковейность (хотя последнее заключает в себе и еще нечто). Таким образом, люди огрубелые нравственно могут быть не чужды так называемой полезной деятельности и некоторых даже добрых чувств сострадания, доброты и проч. Но присутствие этих чувств далеко не делает человека человеком христианином. (Эти чувства мы находим и у животных).

Так вот как понимаемая огрубелость стоит в связи с гордостью, питаюсь ею и сама давая ей пищу. Я лично не знаю ни одного неверующего или индифферентиста (носящего ярлык христианский), в котором бы не было или сердечной огрубелости в указанном смысле, или гордыни (ума – по преимуществу). Скажу даже, что в большинстве случаев совмещаются в человеке оба эти греха, хотя в разной степени и в разных видах. И для меня это не только не удивительно, но, наоборот, странным было бы встретить иное в таких людях.

Итак, огрубелость скрывает от человека то внутреннее раздвоение, свойственное *всякому*, которое с необычайной яркостью изобразил великий Павел в 7-й гл. послания к Рим. (особ. в ст. Рим.7:14–23). Не поленись внимательно прочитать эту удивительную по глубине и важнейшую по значению (впрочем и всё у этого величайшего из великих людей удивительно глубоко и значительно) главу и подумай над ней...

Весьма возможно (и это нередко бывает), что человек с огрубелым сердцем и видит внутреннее противоречие в своей душе, но он не мучится этим, не ищет с тоской и болью примирения противоборствующих начал, а скорее старается всяческой суетой (иногда очень благовидной) заглушить голос совести (тут возможны, разумеется, различные с внешней стороны исходы, но ни один из них не разрешает нравственной задачи, а лишь отстраняет её). Если к этому присоединяется дух самомнения, то петля затянута так крепко, что только сильный удар может обратить человека на правый путь. Если бы совесть и обличила внутреннюю слабость, проистекающую от разлада 2-х начал, то гордость помешала бы издать спасительный крик: «Бедный человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:24). Спасительный, – ибо *ощущение* (сознание) нищеты духовной есть *первый, необходимый* шаг к спасающей от тьмы греха и приводящей к свету Христовой любви – вере. Кто *сердцем ощутил* своё убожество, свою слепоту духовную, своё бессилие – и *не перестал искать*, тот, при указании на Иисуса Назарея, должен воскликнуть, подобно Вартимею (Мк.10:46–47): «Иисус, сын Давидов! помилуй мя». А этот крик сердца никогда не оставался и не остается не услышанным по непреложному слову Самого Господа (оправданному *опытом* тысяч людей): «приходящего ко Мне не изгоню вон». И чем глубже человек почувствует свою греховную немощь, тем искреннее и сильнее возопиет он в молитве к Спасителю мира и тем больший получит плод, ибо «кому много прощаемся (а сила прощения чувствуется соответственно силе ощущаемой виновности), тот много любит» (Лк. VII). И таковой от полноты сердца промолвит: «Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим.7:25). А это уже голос любви к Богу и Христу Его, т. е. *начало* любви Христовой. Возлюбив же Спасителя за спасение (опытом оказанное), которое добыто ценою крестных страданий совершенного Праведника, мы соблюдаем и заповеди Его (Ин.14:15). Ибо это есть любовь к Богу (т. е. в этом выражается она), чтобы мы соблюдали заповеди Его. И заповеди Его не тяжки (1Ин.5:3). *Ибо* всякий рожденный от Бога (кто рожден от Бога, ясно до некоторой степени из

предыдущего), побеждает мир (похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую) (1Ин.2:16); и сия победа, победившая мир, есть *вера* наша.

Но вера, побеждающая мир, действующая любовью (Гал.5:5), доступна сердцу, действительно доверившемуся Господу без расчета и соображений нашего плотского мудрования. Вера спасает и побеждает, когда она – точно вера, а не утилитарная выкладка. Она требует настроения, противоположного тому, которое выражается в догмате мира: «лучше синицу в руки, чем журавля в небе». Она говорит: «выпусти синицу (отвергни пресмыкающийся по земле рационализм) и получишь журавля (силу связующую тебя с небом, низводящую в твоё сердце дары мира горнего). О вере нельзя так рассуждать, как рассуждаешь ты, говоря о вышеупомянутых людях: «может быть, если произойдет необходимый нравственный толчок, они приобретут и твердую веру». Ты говоришь о вере, как о недурном костюме, который, может быть, приобретут и без того красивые, статные люди. А если не приобретут, то не беда: они и без того хороши...

Никогда живая вера не приобретается подобно одежде, которая, надеваясь на человека, лишь прибавляет ему нечто.

Вера *существенно* изменяет уверовавшего, как рождение физическое изменяет жизнь утробного младенца. Вводя в иной, новый мир, она создает иные, новые условия существования. Мы можем думать о нашем существовании в утробе матери, лишь как о чём-то имеющем очень слабую связь с теперешней нашей жизнью: там всё другое – и среда, и способ питания, и иные жизненные отправления. То же отношение создается и у уверовавшего (сознательной, *живой* верой) к периоду его жизни, когда он жил всем, только не верой. И как бы с точки зрения земной морали ни был хорош человек, он – грешник перед Богом и нуждается в искуплении, а последнее усвоится только верой в Искупителя... Как иудеи, так и эллины – все под грехом. Как написано: нет разумевающего; *никто не ищет Бога*; все совратились с пути, до одного не годны; они не знают пути мира, *нет страха Божия* пред глазами их... Все согрешили и лишены славы Божией».

Повторяю: всякий перешедший от неверия (или «безверной веры» Иудеи) к живой вере, не может смотреть на своё прошлое иначе, как на что-то ему чуждое, на себя, как на другого почти человека; высокое стало низким, низкое высоким; тьма сменилась светом. Поучительные в этом отношении мысли ты найдешь в сочинении Друммонда: «Естественный закон в духовном мире».

Всем вышесказанным я ответил тебе, пожалуй, и на вопрос, «спасутся или погибнут, если не уверуют, те «добрые люди, которые привлекают тебя?»» Остановлюсь, впрочем, на этих словах твоих.

Прежде всего, что такое спасение? Спасение противопоставляется гибели. Какая же гибель грозит нам? От какой беды нужно спастись?

Бедя наша – потеря чрез грех жизни вечной, состоящей, по слову Иисуса Христа, в познании Единого Истинного Бога и посланного Им Сына Его (Ин.17:3). При этом разумеется не теоретическое знание богослова, а *внутреннее соединение души с Троицей Богом*, творящим Себе обитель, зачинающим и рождающим нового человека в смиренно преданном Ему сердце. Лишение этого живого *ощущаемого* общения есть смерть, гибель души. От *этой гибели* и надлежит спастись человеку.

Итак, если царство Божие (царство небесное, спасение, жизнь вечная) в *личном общении* человеческой души с Господом (непосредственно – и с Ним же во святых Его, ибо Он почивает в них), то при чем тут *самодельная* нравственность, причем добродетель, отрешенное от главной задачи богообщения?

На возможное с твоей стороны возражение, что за *добродетель* дана будет и благодать Духа Св., приведу тебе несколько строк из писаний глубокомысленнейшего христианского философа-подвижника, – Св. Исаака Сириянина. «Пока не смирится человек, не получает наград за своё делание. *Награда* дается не за *делание*, но за смирение. Кто оскорбляет последнее, тот теряет первую... Воздаяние (благодать Св. Духа) бывает не добродетели и не труду ради её, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено (а

при автономической нравственности, при делании «во имя своё», оно неизбежно отсутствует), то первые будут напрасны»...

В ведении, неразворенном верою в Бога и надеждою на Него, – надмение и гордыня, потому что *всякое доброе дело присвояет оно (ведение) себе, а не Богу приписывает*.

Вера же дела свои вменяет благодати, потому и не может превозноситься, как написано: *вся могу о укрепляющем мя Христе (Флп.4:13)* и еще: *не аз же, но благодать Божия, яже со мною (1Кор.15:10)*.

Итак, очевидно, что *без веры невозможно угодить Богу (Евр.11)*, а, следовательно, и войти в рай сладости, иначе – спастись.

Один, правда, вопрос можно еще поставить: «все-ли не внидут, кои здесь не познали Бога Живаго и Христа Его?» На это, – я думаю, а утверждать не смею, – можно ответить так: если неверие их обуславливалось не их нравственными недостатками, а неведением, то возможно, что и по ту сторону гроба они придут к Спасителю мира, ибо Господь и находящимся в темнице духам, сошедши, проповедал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению (*1Пет.3:19–20*). Придут, может быть, но все же *не помимо Его* спасутся, ибо *Он и есть единая Истина, единая Жизнь и единый Путь*; нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы спастись (*Деян.4:12*). Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось *всякое колено небесных, земных и преисподних (Флп.2:9–10)*.

И тут, надо думать, немалая разница будет между язычником, ложно (*по неведению*)²⁴⁹ верующим, и грубым материалистом (Сократом и Штраусом – *sit venia verbo!*) Одни, тосковавшие на земле по неведомой отчизне и обращавшиеся к «неведомому Богу» с мольбой (смысл которой мог быть: ими же веши судьбами, спаси мя), окажутся способными смиренно воззвать: Господи, помилуй нас, а другие, закореневшие в отрицании Бога, сделавшие из неверия религию, – очерствеют в сердце и пребудут упорными...

Приведу тебе два места из св. Писания, проливающие свет на занимающий нас вопрос.

1) Раб же тот, который знал волю господина своего и не был готов и не делал по воле его, бит будет много.

А который *не знал* и сделал достойное наказания, *бит будет меньше*²⁵⁰ (Лк.12:47–48).

2) Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут, а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся (потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники, не имеющие закона, *по природе законное делают*, то, не имея закона, они сами себе закон. Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах: о чём свидетельствует совесть их, и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую) в день когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков *чрез Иисуса Христа* (Рим.2:12–16).

Хотел этим ограничиться, но не могу удержаться, чтобы не указать еще на следующие слова Иисуса Христа. Обрати на них особенное внимание.

Его спрашивают: «что нам *делать*, чтобы *творить дела Божия?*» И он говорит в ответ: «вот *дело Божие*», чтобы вы *веровали* в Того, Кого Он послал» (Ин.6:28–29).

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий *верующий* в Него *не погиб*, но имел жизнь вечную.

Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был *чрез Него*.

Верующий в Него не судится, а *неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия*.

Я мог бы привести еще не одно место из св. Писания во свидетельство той истины, что без веры невозможно угодить Богу и «наследовать жизнь вечную». Но... вдумайся пока хотя только в эти немногие места Писания; если ты *серьезно* произносишь слова «спасение» «гибель», то едва ли сердце твоё не смутится перед такими приговорами, вышедшими из уст Того, Кто или лжец, или Богочеловек.

Из этих мест одно только – из послания к Римлянам (в связи с другим, приведенным ниже) подаст надежду на спасение, – и то *не неверующих*, а язычников, для коих «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы», так что они *безответны* (в случае неверия).

Но этой веры в Бога, познаваемого из природы и нравственного самосознания (было достаточно, *пока не явился Он во плоти, и мы*, коим проповедал Иисус Христос «пришедший во плоти» – *не окажемся ли безответными* в день суда, если не уверуем в Него?

Но, если бы даже мы и подобрали немало свидетельству св. Писания в пользу неверующих «добрых» людей и постарались бы вывести заключение, что неверие на земле не подвергается строгому осуждению на небе, – что из этого?

Ведь если спасение и жизнь вечная *в примирении и живом общении с Богом*, то рано или поздно нужно же будет человеку для избежания вечной смерти обратиться к источнику жизни! И если он *не хотел* обратиться здесь, почему он *захочет* этого там? Или он тогда *вынужден* будет новою средою сделать это? В таком случае обращение к Богу не окажется радостью, ибо оно не будет свободным. Чтобы общение с Богом было блаженством, нужно *любить* Бога, а без *любви самая близость к Нему вызывала бы только нравственное страдание*.

И это весьма недобрый признак, что люди так старательно оберегают неверие, выступая защитниками атеистов или индифферентистов, о которых изрек Господь: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты *тепл*, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Откр.3:15–16.)

И замечательно, что предлагают им свои адвокатские услуги на судилище *Христовом!!*

Зачем и говорить о таких вещах, как спасение, гибель, суд, ад, рай и проч., когда так не хочется приходить к Богу и Христу Его, без которых ведь не имеют никакого смысла все эти – спасение, рай и проч.? И понятия-то эти можно уразуметь только при свете Богооткровенной истины; без неё они плоды

фантазии или беспочвенного умствования по методу: всяк молодец на свой образец...

Отделившись от безусловной, вековой истины хранимой Церковью (1Тим.3:15), мы впадаем в хаос совершенно произвольных построений нашего жалкого плотского ума, к которым применима поговорка: о вкусах не спорят.

И, разумеется, на твой вопрос: «можно ли быть такой?» – Я отвечу: «нет нельзя». Ибо быть такою значит жить во тьме. Это было бы простительно, если бы всюду была тьма, но, с тех пор как свет Истинный осветил землю так ярко в лице Господа, пребывать вне этого света значит пребывать во грехе. «Если бы я не пришел, и не говорил им, то не имели бы греха, а *теперь не имеют извинения в грехе своем*». «И Он (Утешитель), пришедши, обличит мир о грехе... *что не веруют в Меня*» (Ин.15:22 и 16:8–9). «Какою же мне быть?» спросишь, может быть, ты. На это отвечу словами великого апостола языков, обращенными к христианам города Филипп: «в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе». Какие это чувствования, узнаешь, или, вернее, будешь постепенно узнавать, если и умом, и сердцем уйдешь в книгу благовестия Христова и жизнь свою теснейшим образом соединишь с жизнью Вселенского Училища, основанного для просвещения людей Истиною – Господом нашим Иисусом Христом.

– Недостаток свободного времени не раз заставлял меня отрываться от письма и откладывать его в сторону. А потому не взыщи, когда наткнешься на отсутствие внешней связи в изложении мыслей, во внутренней теснейшей взаимозависимости которых ты убедишься, если не согласишься серьезно подумать.

От всей души желаю тебе – одного твердо: вступить на путь Христов и вести борозду, не оборачиваясь назад. Будет это тогда, когда в радостном и скорбном сокрушении ты сможешь воззвать к Источнику жизни чудными словами Антиоха: Господи, просвети ум мой светом разума святого Евангелия Твоего, душу любовью креста Твоего, сердце чистотою словесе Твоего, тело моё Твоею страстию бесстрашною, мысль мою Твоим смирением сохрани».

Я считал себя не в праве что-либо исправлять в этом письме и делать какие-либо дополнения. Оно имеет своё значение и в том неисправленном виде, в каком предложено вниманию читателя. От себя же позволю сделать некоторое напоминание читателям и участникам дебатов о христианстве и Толстом. Тем, кои во имя *правой веры* обличают неправоверующих или неверующих делателей и деятелей полезно вспомнить укоризненное слово апостола языков, обращенное к правоверным иудеям, слово – увы! так идущее и к нам – православным христианам: «Вот ты называешься иудеем и успокаиваешь себя законом и хвалишься Богом и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона, и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины.

Как же ты, уча другого, не учишь себя самого?

Проповедуя не красть, крадешь? говоря: не прелюбодействуй, прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь?

Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников» (Рим.2:17–24).

А те, кто во имя *правой жизни* (доброделания) укоряют правоверных в неделании и защищают неверных, восхваляя добродетель их, возмещающую будто бы отсутствие веры, – пусть вспомнят предостерегающее слово апостола любви...

«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они: потому что много лжепророков появилось в мире.

Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога.

А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет, и теперь есть уже в мире (1Ин.4:1–3)».

М. Н-в.

Бронницкий С. Разговоры среди друзей по поводу романа «Воскресение» Л.Н. Толстого.²⁵¹ (Картинка с натуры) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 519–532

Господа! мне кажется, на основании некоторых фактов, нельзя не согласиться с Игнатием Ивановичем, что действие гражданских законов и помощь правительства бывают иногда необходимы и в высшей степени плодотворны, заговорила одна из курсисток и тотчас-же, поднявшись, начала шагать по комнате (заложив руки на спину): Толстой, видимо, вдается в крайность, утверждая, что будто все распоряжения, исходящие сверху, не способствуют прогрессу, пока не пробудится сознание в массе. Позвольте! – повышая тон и волнуясь, говорила ученая барышня – ведь эта масса была безличная; над ней тяготел дикий произвол помещика, человека, которому бы никогда не пришла мысль освободить мужика (конечно, единичные случаи ничего не доказывают в данном вопросе), если бы благотельные реформы Александра II-го не положили предела распространению зла. С другой стороны, те же реформы или распоряжения, исходящие сверху, положили и начало развития самознания народа.

– Подобных примеров вы встретите немало в истории нашего отечества, сказал Игнатий Иванович, и самый выдающийся из них, по моему мнению, – это дело распространения христианства в России, виновником которого (т. е. распространения) является личность любимого народом князя Владимира. А вместе с христианством, как известно, началось у нас и просвещение, началась христианская культура, задержанная, правда, надолго впоследствии татарским игом.

– Но зато были другие личности из среды правителей, заметил бледнолицый господин, которые положили начало крепостничеству, которые ввели кнут, тайную канцелярию с знаменитым «словом и делом», учредили опричнину и проч. и проч. Неужели это, по вашему, всё от Бога: «сущие же власти от Бога учены суть», как говорится в катехизисе, – и кончено.

– И все-таки ваши доводы ничего не говорят против тех законов и лиц правящих, действия которых направлены на борьбу со злом, – против законов, которые проникнуты духом милосердия и справедливости, которые поэтому носят на себе печать Божией благодати и премудрости. Вы собственно можете рассуждать лишь о злых поступках человека или о том законе, который обходит без объяснения Толстой, – о законе зла. Закон этот («живущий в удах человека, и противоборствующий закону добра») в разнообразнейших проявлениях тяготеет над миром, заграждая для него свет правды; он вносит нестроения не только в общественную жизнь, но и в природу.

Благодаря злу, несомненно, и в истории нашего отечества попадают темные страницы. Мы, например, пережили междоусобицу князей и татарщину, видели крамолы и разбойнические набеги Разиных и Пугачевых, – всё было очень мрачное, ужасное, и однако всё, при помощи Божией, миновало. И миновало потому, что русский народ в его лучших представителях по преимуществу глубоко-религиозен: он твердо верит в правду и в вечные законы Божии, которых никакая сила вражия не одолеет.

– Интересно знать, что вы понимаете под вечными законами, Игнатий Иванович? спросил Владимир Николаевич.

– То, что составляет основу истинного прогресса жизни.

– Понятие довольно неопределенное, зависящее от различных точек зрения на прогресс или эволюцию. Так, например, сущность прогресса природы ученые приписывают закону сохранения энергии в ней, – в жизни людей Толстой, положим, признает любовь.

– Господа! дело не в названиях, вмешалась снова курсистка, – нужно только знать, существует ли эволюция, прогресс в жизни, или это просто выдумка ученых людей и мудрецов мира сего?

– Без сомнения! без сомнения! слышалось несколько голосов, – прогресс – это истина.

– Ну, тогда из-за чего же спорить, т. е. для чего касаться столь туманных вопросов, как бытие, сущность и т. п.

Достаточно быть уверенному в движении жизни вперед, к лучшему, остальное неважно.

– Извините, Ручицкая, дайте всё же выяснить Игнатию Ивановичу, сказал юный студент.

Девушка пожала плечами и смерила молодого человека недовольным взглядом.

– Хотя особых пояснений к речи Игнатия Ивановича и не надо, возразил бледнолицый субъект, я, например, отлично понял его, какое он значение приписывает так называемым общечеловеческим законам, которые он, как вы слышали, разделяет на два вида – низшие и высшие. Низшие законы, относящиеся к области права, имеют целью оградить общественный порядок жизни от влияния зла с внешней стороны. Законы высшей категории, коренящиеся в духовном сознании и нравственном чувстве человека, т. е. в его совести и разуме, уничтожают зло в самом корне, так сказать, лишают его жизнеспособности. Но при этом весь строй нашей жизни безусловно должен иметь опору только в откровении. Человек, полагаясь исключительно на личный свой разум, на совесть и на волю, как думает Толстой и многие с ним, и вообще пользуясь абсолютной автономией, не может достигнуть ни охранения устоев жизни, ни их изменения и усовершенствования, не рискуя впасть в анархию.

Говорят, что религия по существу всегда консервативна. Да, по существу своих догматов, как Богооткровенных истин, это так. Но в задерживании роста жизни нисколько не виновата, – виноваты сами люди с их извращенной греховной волей, с их затемненным сознанием, которые уж действительно чрезвычайно медленно двигаются в своём нравственном усовершенствовании. Религия уже указала идеал безусловного усовершенствования по подобию Бога и в лице Христа Его (будьте совершенны, якоже Отец ваш небесный), люди меряют свой духовный рост по внешним преобразованиям жизни, по успехам научных открытий и т. д. Религия учит, что счастье не в этих внешних богатствах, а в том, что освобождает нас от исключительной привязанности к ним и часто придает красоту самой культуре (в том, в чём наиболее послужило христианство

поворотным пунктом в истории цивилизации). Какие же признаки христианского влияния на цивилизацию? спросят нас, – скажу, что когда говорят о гуманных законах и гуманных правителях, то я вижу в этом влияние христианства; когда раздаются голоса в пользу просвещения, смягчающего нравы людей и сближающего нас друг с другом, независимо от занимаемых нами разных общественных положений, я вижу в этом опять действие христианства; когда мало-помалу падают кастовые и сословные предрассудки, и когда люди друг друга признают за братьев, то в сердцах таких людей, можно сказать, осязательно веет благодать Христова, и, наконец, когда смягчаются фанатизм и ненависть друг к другу из-за религиозных убеждений, то все и заблуждающиеся, и не заблуждающиеся искренно стремятся к истине, которая, по слову Христа, освободит и объединит нас: но более же всего, когда наши сердца будут согреты любовью, когда вера украсится плодами добродетели, – тогда только, по свидетельству ап. Иоанна, мы будем пребывать в Боге и Бог в нас; ибо Бог, – любовь. Любовь же, как говорит другой ап. Павел, – никогда не умирает. Всё же остальное – преходяще, даже знание (многоученость) упразднится.

Но когда всё это будет, – когда водворится царствие Божие на земле? когда и судьи, и тюрьмы, и многие другие законные учреждения окажутся лишними и совершенно упразднятся? когда все люди перекуют мечи на плуги, и мир, возвещенный ангелами вифлеемским пастухам, водворится среди народов? Тогда, отвечает слово Божие, когда люди будут жить по заповедям Христовым. Для Толстого и некоторых сектантов подобные «времена уже близки». Но в действительности «мир еще во зле лежит». Закон Христов реет где-то еще высоко над миром. До сих пор мы не перестаем нарушать его. До сих пор Церковь Христова непрестанно возносит свои молитвы к Богу о том, чтобы законы имели силу, правители – мудрость и нелицеприятие, и чтобы Дух Божий почил над всеми людьми.

Таковы факты и противоречия действительной жизни. Поэтому весьма интересно проследить, как решает Толстой данные противоречия жизни в своём новом романе, –

собственно проследить за действиями его главного героя кн. Нехлюдова, которого автор сделал последователем своей теории жизни...

На некоторое время серьезные разговоры прекратились. Был подан чай, и большая часть компании, для отдыха и разнообразия, перекидывались шутками, остротами, смехом, слышался снова звук гитары и виолончели; кто-то стал петь; ему подтягивали сдержанно женские голоса. Черный угрюмый господин и его сосед собрались уходить, под предлогом, что им сегодня нужно быть в театре. Игнатий Иванович с налитым стаканом чая подошел к учителю, который сейчас же начал что-то ему горячо объяснять. Бледнолицый господин сосредоточенно шуршал листами лежащей пред ним книги, отпивая небольшими глотками чай из стакана. Владимир Николаевич и курсистка хозяйничали, т. е. предлагали чаю тем, у кого не было, и по числу гостей вели подсчет налитым стаканам.

– Для меня, «благодетельный перелом» с Нехлюдовым в означенном толстовском направлении неясен начал опять Игнатий Иванович. Я готов допустить, что обвинение Масловой, имевшей такое огромное влияние на Нехлюдова, было ошибкой суда, ошибкой гг. присяжных, у которых на этот раз произошло какое-то странное потемнение здравого смысла. Кстати о суде присяжных. Этот новый суд, в противоположность прежней процедуре судов, – суд «скорый, милостивый и для всех равный», – эта одна из великих реформ Александра II, – к общему удивлению, Толстым не пощажена; над ней он поставил крест в лице бывшего присяжного, кн. Нехлюдова, который, конечно, совершил глупость на суде. И странно! эта нехлюдовская глупость будто бы должна открыть всем глаза на то, что суды не слепы. Из того, что в судах совершаются ошибки, из того, что в тюрьмах и на каторге преступники не исправляются, а еще развращаются, – из всего этого нет оснований в принципе отвергать установленные меры борьбы с преступностью. Логически мы можем заключать только то, что данные меры несовершенны, не достигают желаемой цели и потому требуют того или другого изменения. А если Нехлюдов,

напротив, пришел к безусловному отрицанию и судов, и тюрем и притом так скоро и легко, – мы усматриваем в его душевном кризисе что-то не своё, а деланное, именно то, что желает навязать ему автор в угоду своей тенденции, нисколько не справляясь с психикой своего героя. К тому же Нехлюдов, как характеризует его автор, вполне заурядная личность. Он был совершенно непроницаем для тех вопросов жизни, которые у нас называются роковыми, – «не верил ни в Бога, ни в добро», а жил, как все люди его круга, «в недостойных развлечениях и распутстве». Тем более, следовательно, для нас становится загадочным поворот Нехлюдова к толстовству. Правда, в лучшие годы своей молодости Нехлюдов изредка почитывал разные книжки, увлекался, например, Спенсером, – его социальной статикой, а впоследствии теорией Г. Джорджа; но ведь эти теории, по моему, ничего общего с толстовством не имеют.

Очевидно, во всей истории Нехлюдова совершилась такая же случайность, как случайна была встреча Нехлюдова с обманутой им девушкой, случайна ошибка суда, и много других случайностей и непонятных явлений в жизни, которые автор как бы нарочно подчеркивает, приводят многих Нехлюдовых к толстовству, или к благодетельному возрождению для новой жизни, где нет ни судов, ни тюрем, ни даже никаких общественных союзов, а безусловная свобода личности, безусловное усовершенствование, одним словом безусловный индивидуализм, каковой между прочим проповедуется и в теории Ницше.

– В самом деле, господа, Игнатий Иванович прав, говоря, что под влиянием разных случайностей в голове Нехлюдова быстро созрела анархическая идея, в полном смысле этого слова, заметил Аким Михайлович, ведь Нехлюдов отрицает не одни суды, – он вообще отрицает службу, будет ли то государственная, или общественная. Кто, наоборот, службу эту считает священным для себя долгом, кто желал бы посвятить свои знания и таланты на пользу общую в роли государственного или общественного деятеля, тот, по мнению Толстого, диктующего за спиной Нехлюдова, глубоко

ошибается, а подобным честным деятелям в конце концов придется всё же разочароваться. Уж на что, кажись, благие порывы были в душе молодого Селенина, этого «прекрасного сына, верного товарища, правдивого, честного, о обязанности судьи, где он думал принести пользу, обычная, с расчетом, женитьба, – заглушили в нём эти порывы, умертвили в нём живой дух». В этом же духе отрицания относится Толстой и ко всякого рода другой деятельности, связанной вообще и с долгом службы. Так, например, он вышучивает либералов за их увлечения земством, народным образованием. Нехлюдов даже не удостоивает ответом того генерала, который вздумал было убеждать его в том, что «царю нужны честные люди и отечеству». «Ну, если бы я, говорил генерал, и все так, как вы, не служили бы, кто же бы остался? Мы вот осуждаем порядки, а сами не хотим помогать правительству».

Этот аргумент старого служаки, при всей его простоте, по моему мнению, всё же заслуживает серьезного обсуждения, если бы его предложили сейчас нам, – сказал Аким Михайлович.

– Извольте, я пожалуй отвечу на вашу мысль, – первым вызвался опять бледнолицый господин. Вы, конечно, сторонник службы в духе Селениных, сторонник партии наших либералов. Толстой, вы видите, не разделяет этих взглядов и не потому, что всё «обстоит благополучно», а потому, что всё обстоит скверно. Толстой в настоящее время занят единственной мыслью, как бы исправить эту скверноту нашей жизни. И после долгих обдумываний и опытов личной жизни *убедился*, что никакая служба, никакие внешние преобразовательные меры не улучшат жизни, пока каждый из нас не уверует в себя, в свои собственные силы, в свой разум и совесть. Не думайте, чтобы Толстой до всего этого дошел, по какой-то, как вы сейчас назвали, роковой случайности.

Нет, ходом естественных событий, он является реакцией того прогрессивного направления интеллигентного общества, которое было воспитано в духе реформ, в которых видело сущность прогресса. Это было время такое, когда и Христа принимали только за социалиста, а Его царство Божие

понималось, как всемирная реформа социального строя на правах экономического равенства. Таковы в общем идеалы рассматриваемого времени, которыми когда-то увлекался и Толстой, воспитанный в духе тех же реформ: веривший в братство, в экономический или материалистический прогресс, в науку. Что же, спрашивается, заставило Толстого повернуть с данного пути, разочароваться в старой вере? Мне кажется, то же, что и многих других из интеллигентных людей, – то, что и «возрожденная св. Русь» предъявила массу неразрешимых жизненных проблем, что человеческие страдания, которые он видел в дореформенное время, остались во всей силе и теперь.

Вот эти ненужные человеческие страдания Толстой между прочим и описывает в своём романе. С этой целью он и посылает своего героя в самые, что называется, глубины человеческой скорби и почти одним взмахом пера возрождает его из эгоиста, разжиревшего буржуа – в сочувствующего и сострадательного толстовца. Хотя, впрочем, Нехлюдов не совсем уж загрубелый эгоист, – ведь и он частью принадлежал к обществу «прогрессистов», которые, как я сказал, симпатизировали разным преобразовательным начинаниям, защищали земства, гласность, суд присяжных и т. п. Может быть, и не глубока была в нём эта вера, но он всё же жил ею, как большинство людей его круга, не желающих прослыть «отсталыми». Он жил, как мы видим, до тех пор, пока сам не попал в присяжные, пока роковая встреча с Масловой не произвела в нём душевного кризиса. Такого толчка Нехлюдову, по моему мнению, было совершенно достаточно для того, чтобы понять своё ложное положение, занимаемое в жизни, и чтобы видеть тот самообман, в котором пребывает общество, думая с помощью разных паллиативов облегчить положение страждущего люда. Интересно по этому поводу послушать беседу Нехлюдова с зятем, относительно хотя судов. Разговор, читаем мы в романе, начался со злобы дня. Речь шла о дуэлистах.

– Что бы сделал суд (с дуэлистами)? спросил Нехлюдов.

– Приговорил бы одного из двух дуэлистов, как обыкновенных убийц, к каторжным работам.

У Нехлюдова опять похолодели руки, и он горячо заговорил.

– Ну что же бы было? спросил он.

– Было бы справедливо.

Точно как будто справедливость составляет цель деятельности суда (курс. наш), – сказал Нехлюдов.

– Что же другое?

– *Поддержание сословных интересов*. Суд, по моему, есть только орудие для поддержания порядка вещей, выгодного нашему сословию.

– Это совершенно новый взгляд, со спокойной улыбкой сказал Игнатий Никифорович. – Обыкновенно суду приписывается несколько другое значение.

– «Да именно, новая точка зрения, – отделилось вдруг два-три голоса из компании, – мы думали, что в правоте, милости и т. п. должна быть цель наших судов, – по Толстому оказывается, что суды имеют свою исключительную цель – цель поддержания сословных интересов. «То есть, как же это так выходит?» – подумает читатель. «А очень просто, отвечает Толстой, суды «казнят» тех, которые стоят выше общественного уровня и хотят поднять его». Да ведь таких идейных преступников немного, которые, если согласиться с вами, угрожают подорвать сословные интересы, – скажет читатель, – большинство крадут, убивают без всякой идеи, не причиняя ни малейшего вреда сословности: кроме вреда той темной массе, из которой они вышли и где совершают свои преступления. Последних опять «казнить» суд, чем и выражает своё беспристрастие, свою законную правду.

– Нет, не казнить нужно этих несчастных людей, сказал бледнолицый господин, – а просвещать, – нужно просветить массу, чтобы предупредить преступления.

– Это *ваше* мнение? – Но не забывайте, что Толстой не разделяет таких мнений: ко всяким преобразованиям, в том числе и тюрем, он относится отрицательно. «Нельзя исправить недостатки судов, возвышая голос, говорил Нехлюдов», – читаем в романе.

– Так что-ж? надо убивать или, как один государственный человек предлагал, выкалывать глаза?

– *Да это было бы жестоко, но целесообразно.* То же, что теперь делается, и жестоко, и не целесообразно.

– Позвольте однако заметить, – сказал Игнатий Иванович, – если цель судов – поддержание сословных интересов, и если судами последние, действительно, поддерживаются, то цель достигнута. Толстому здесь не мешало бы сделать оговорку, что он думает по поводу целесообразности вообще и в частности судов.

– Толстой не делает оговорки потому, конечно, – сказал бледнолицый господин, – что он ведь не философский трактат пишет, а роман; с другой стороны, слово «целесообразность» понятно всякому непредубежденному читателю.

– Например, вы как его поняли?

– По моему, целесообразно то, что справедливо, к чему и должны стремиться «судьи праведные». Исходя из этого положения, нельзя не согласиться с Толстым, что поступок прокурора, который «всеми силами старался обвинить несчастного мальчика», был в высшей степени несправедлив.

– А милосердие судов вы не исключаете из законов? спросил Игнатий Иванович.

– Нет.

– В таком случае, к какому разряду «целесообразностей» должны быть отнесены действия старых прокуроров, которые подобных преступников осуждали бы на казнь? Я хочу сказать, где больше справедливости, – на стороне-ли старых судов, которые, не входя в детальные обследования преступлений, часто казнили совершенно невинных людей, или на стороне новых, которые, как известно, принимают во внимание все мельчайшие условия жизни преступников, как-то: среду, наследственность и тому подобные данные, могущие облегчить тяжесть наказания.

– К сожалению, я опять принужден повторить вслед за Нехлюдовым, что на стороне первых больше справедливости и даже на стороне средневековых судей, которые, сознавая своё бессилие добиться правды, поручали тяжущихся «суду

Божьему». Несправедливость современных судов тем особенно преступна, что мы действительно знакомы со всевозможными высокими теориями справедливости и милости, о чём древние не имели понятия, – мы знакомы, но не делаем по теории, не приближаемся нисколько к идеалу справедливости. Мы все знаем, например, что общество, среда, в которой мы живем, семья, которая нас воспитывает, есть для каждого из нас в своём роде деспот. Общество родит преступления и преступников, среда наиболее опасна для таких лиц, кои слабы духом, не окрепли в добре, как тот мальчик, которого «посадили в тюрьму», которого «судили, как опасное существо, от которого надо оградить общество». В самом деле, какой величайший абсурд, и каким горьким для нас укором служат подобные рассуждения Нехлюдова; «они опасны, говорит он, а мы не опасны». Мы, мнимо-добродетельные, обеспеченные люди, доведшие молодого человека до воровства, – мы, конечно, в тысячу раз опаснее несчастного мальчугана. Уж если во имя справедливости должно наказывать за преступления, то, по крайней мере, не детей; а взрослых, идущих без нужды на преступления.

Бледнолицый господин был в сильном волнении; лицо его пылало ярким румянцем, но он сдерживал себя; везде говорил, не повышая тона.

– Извините, но я опять ни Толстого, ни вас не пойму, – против чего или против кого вы ратуете? Против-ли существующих законов судопроизводства, охраняющих общество от порочных членов, или против самих судей, против, наконец, аристократов этого общества, из которых каждый будто бы, если верить Толстому, «распутник и обманщик»?

– Само собою разумеется, против судей, создавших никому не нужные законы для увеличения человеческих страданий.

– Что касается судей, то с некоторыми оговорками еще можно согласиться, но о законах речь другая. Законы, как мы уж раньше говорили, имеют целью оградить общество от влияния зла; законами осуждаются и наказываются человеческие пороки и преступления, и главным образом законами нравственными.

Решая практически вопрос, Толстой, противореча себе, принужден был сказать, что данные законы жизни как-бы опередили действия людей. Например, с точки зрения законов суды считаются «важным священным делом», – религия учит, что судьи, облеченные властью судить, получили эту власть от Бога и потому должны судить «по всей правде», без лицеприятия, по идеалу Высшей Правды. На судах установлена клятва, или присяга, в силу опять важности вручаемого дела, в силу того, что все участвующие здесь это дело делают пред Лицом Невидимого Судии, Которому они впоследствии должны отдать отчет – в клевете, в небрежности, в особенности в обвинении невинного.

Толстой, как известно, клятвы не признает, считает её противохристианским действием, ссылаясь на слова Христа «не клянитесь всяко». Насколько это верно истолковывает Толстой вместе с другими сектами эти слова Спасителя, – вопрос требует особого обсуждения, что уклонило бы нас от главной темы беседы, хотя, впрочем, попутно замечу, что клятва на суде допущена только потому, что люди способны погрешать в правде. В обыкновенных, житейских мелочах у нас, напр., сказать «невинную ложь» не считается грехом, у многих входит даже это в привычку, точно также за ничто идет дать слово и не сдержать.

И вот пока эта «невинная» ложь касается лично только нас, то, разумеется, мы бываем ответственны за неё только пред голосом своей совести; но в делах общественных, явных, внутренние веления совести оказываются недостаточны, – нужны внешние воздействия на неё со стороны религии в виде клятвы. Бесспорно, клятва для людей, неверующих в неё, пожалуй, недействительна, но она имеет страшную силу в глазах верующего. Такой человек может простить себе ложь в обыденной жизни, но тут, на судах, пред Лицом Бога, он непременно скажет правду.²⁵² Вот цель клятвы на судах. И однако из романа мы видим, что даже присяжные, – этот голос общественной совести, – для которых дух закона, казалось бы, должен быть выше всяких формальностей, и те совершенно индифферентно отнеслись как к клятве, так и к участи

подсудимой, несмотря на то, что председатель не раз напоминал им (соблюдая, конечно, формальности дела) о том, чтобы они приговор свой о виновности или невинности подсудимой составили «разумно», по совести. «Председатель, говорит автор, нашел нужным еще сказать несколько слов о важности того права, которое дано присяжным, и о том, как они *должны со вниманием и осторожностью пользоваться этим правом и не злоупотреблять им*, о том, что они *принимали присягу*, что они – *совесть общества*, и что тайна совещательной комнаты *должна быть священна* и т. д.».

Председатель этим напоминанием о совести и клятве, высказывает, между прочим, такую мысль, что человеческое правосудие имеет силу лишь при свете правды Божией, действующей на нашу совесть, на наше незатемненное сознание.

В противном случае закон обращается в мертвую букву. Но где же она – эта возвеличиваемая Толстым совесть наша? Где «разумность», стремящаяся к правде? Молчит и то, и другое у людей, собравшихся судить по правде, и потому-то совершилась роковая ошибка суда, которой бы не должно быть, если бы люди судили по совести. Спрашивается, кто-ж виноват – суд, закон, как идея правосудия, или людская совесть, затемненный разум судей, неверующих ни в важность закона, ни в важность клятвы на суде?

– Я бы сказал опять, – продолжал бледнолицый господин, что виноваты люди, но это было бы не совсем верно, виноваты здесь, т. е. во всех наших роковых ошибках, главным образом нелепые условия жизни, на почве которых и плодятся те «ужасные» преступники, вроде, напр., Масловой или несчастного паренька, попавшегося с коврами, а равно и судьи, продавшие свою совесть за животные блага, за власть, комфорт и проч. «Ясно, говорит Толстой, для того, чтобы не было таких мальчиков, нужно постараться уничтожить те условия, при которых образуются такие несчастные существа». А уничтожить данные условия жизни иначе нельзя, как только если мы не будем принимать участия во всех государственных и общественных учреждениях, которые мы считаем «важными и

хорошими», проще сказать, когда мы не будем служить. Это, по моему, будет одним из сильных толчков к прогрессу. Освободите себя от разных пут, налагаемых на нас государством, тяжесть которых мы начинаем уже чувствовать, и жизнь пойдет по своему естественному руслу развития.

– Против ваших оптимистических воззрений с Толстым я должен сказать следующее: для людей со слабой совестью и со смутным понятием о «смысле жизни» отказ от службы не будет иметь существенного значения, не улучшит их самих; скорее можно предполагать, что такие люди создадут новые условия жизни, несравненно тяжелее настоящих. В самом деле, если согласиться с вами, что тот или другой строй жизни создается людьми, без участия промыслительной деятельности Творца, и создается он, по-видимому, людьми властолюбивыми в своекорыстных расчетах, само собою понятно, если в них эта страсть в корне не уничтожится, склонность к греху будет тяготеть, – то откуда же они возьмут производительную силу добра, чтобы водворить свободные братские взаимоотношения?

С. Бронницкий

Ивановский Н. Ив. Впечатления в православном храме до обращения и по обращении в православие. (Рассказ обратившейся Елизаветы Беляковой) // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 533–535

Воспитанная в расколе, я не могла видеть устройства православных храмов, а знала про это только из книг. Иногда случалось, впрочем, проходить мимо церквей, но, проходя, я не обращала на них внимания, считая это величайшим грехом. Хотя вздохнешь, бывало, о том, что здесь должно было бы быть, и, смотря в сторону, с чувством сожаления положишь на себя крестное знамение.

Около двух лет назад я, еще бывши в расколе, совершенно случайно попала в церковь св. Макария в Адмиралтейской слободе г. Казани, по следующему обстоятельству. В этом храме 9-го ноября открылась беседа со старообрядцами. Я жила тогда недалеко от церкви, в квартире матери, и мне сильно захотелось быть на беседе. Получив разрешение от своей старшей и наставника,²⁵³ в следующее воскресенье, 16-го числа, мы и пошли туда с матерью, в два часа дня. День был относительно теплый и пасмурный, повсюду блестел толстым слоем свежий снежок.

Храм св. Макария стоит на конце большой улицы. Из решетчатой железной ограды его выходят двое главных ворот: одни в улицу, другие в проулок. К храму пристроена небольшая паперть с лестницей, ведущей к внутренним стеклянным дверям храма.

Когда мы вошли в церковь, было очень много народу, и беседа уже началась. Сначала я еще не могла сообразить внутреннего устройства храма и прежде всего стада примечать, что со всех стен, даже и сверху, смотрят на меня Божественные образы, да так грозно, – мне показалось, – что я пришла в ужас. «Неужели это самое антихристово капище», думала я. «Так вот она, – мерзость запустения где! А ведь как пленительно блестит!» Тут припомнился мне певаемый нами куплет:

«С виду много блеску, славы
И наружной красоты,
А посмотришь на уставы,
Все фальшивые цветы».

Между тем до моего слуха долетели слова миссионера, говорившего как раз в это время о четвероконечном и восьмиконечном кресте. Я начала вслушиваться; но так как мне было далеко и ничего не видно, то раздевшись и оставив свою мать позади я пробралась сквозь толпу вперед, а там кто-то подставил мне под ноги скамеечку. Долго я так стояла и слушала, наконец, вышла из терпения и, забыв строгий приказ молчать, начала говорить. Беседа, конечно, завязалась и окончилась в 6 часов вечера.²⁵⁴

После этого я еще бывала раза три или четыре также на беседах и постепенно всматривалась в устройство храма. Но сколько раз я в него приходила до присоединения, всегда испытывала то гнетущее душевное состояние и невероятный страх, какой переживала и в первый раз.

24 декабря 1897 года я присоединилась к православной Церкви трудами профессора Николая Ивановича Ивановского, который на первое время приютил даже меня в своей семье и постоянно наставлял в истинах православия, разрешая многие мои, по временам возникавшие, сомнения.

По присоединении я опять приезжаю на беседу в ту же Макарьевскую церковь уже из города, – и что же? Совсем другое чувство охватило меня при входе в неё. Теперь все лики Божественных образов так кротко смотрели на меня и с такою любовью, что вот еще секунда..., и они заговорят со мною!!... Нет слов к выражению того духовно-светло-радостного чувства, которыми была исполнена в те счастливые минуты моя душа. Я так сильно была тогда тронута, что не могла удержаться во время молитвы от слез.

В конце беседы я сказала экспромтом коротенькую речь,²⁵⁵ которая как-бы невольно вылилась из сердца так что и крестный, помню, прослезился, и многие из публики тоже плакали.

Вот как сильно может влиять святая Церковь на своих искренне преданных ей чад. Как нежно любящая мать, согревает она их своею благодатию, которую получила на век от Христа-Спасителя.

Итак, храм св. Макария настолько крепко запечатлелся в моей памяти, что никогда, надеюсь, не изгладится, а молитвы преподобного отца укрепят меня пребыть в св. Церкви неизменно, до конца моей жизни.

Профессор Н. Ив. Ивановский

Из миссионерской полемики

**О. К. Московские собеседования со старообрядцами
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 536–544**

Собеседование 7-е (10 декабря). Законность бывшего при п. Никоне книжного исправления

Известно, что старообрядцы считают книжное исправление делом незаконным по следующим соображениям: 1) книги были уже до п. Никона исправлены, 2) Никон будто бы ввел новшества в вере и 3) своим исправлением причинил досаждение древним чудотворцам, спасавшимся по сим книгам. Правда ли это? – реферат о. Кавчанкина является ответом на поставленный вопрос.

«Правда, что книги правилась и ранее, начиная с Максима Грека, и при первых пяти патриархах, но правилась неудовлетворительно, за что говорит уже самый способ исправления: оно велось не от лица собора, а от лица патриархов, последние вели дело не сами лично, а при помощи справщиков, частью малограмотных, в основу исправления полагали текст только славянских книг и рукописей, притом не древнего происхождения. В силу указанных обстоятельств в исправленных книгах встречаются: неверные мысли, неточные выражения, различие в обрядах, богослужебных действиях и даже в совершении самых Таинств. Отсюда недостаточность бывшего ранее книжного исправления и необходимость продолжения его, о чём смиренно заявляли в предисловиях и послесловиях к книгам и сами справщики; на ту же необходимость указывали и патриархи (Иосиф). Сказанное служит достаточным оправданием Никона. У него было и другое побуждение к книжному исправлению: образовавшееся различие в чинах и обрядах нашей Церкви с греческою могло повести к недоразумениям и неудовольствиям; чтобы предупредить и устранить это нежелательное явление, необходимо было в чинах и обрядах восстановить согласие посредством исправления наших богослужебных книг. Что последние были действительно попорчены, – в этом Никон убедился во время пересмотра патриаршей библиотеки, когда в найденной им грамоте об учреждении в России патриаршества и

на саккосе встретил в Символе веры одно только слово «Верую».

Никаких новшеств Никон не ввел, ибо книжное исправление касалось не существа веры, а лишь чинов и обрядов, где изменение возможно. Единственной его целью было восстановить указанное согласие, и избранный им путь был единственно верным: исправление велось по древним харатейным и греческим источникам сведущими учеными справщиками московскими и южно-русскими во главе с Епифанием Славинецким; дело велось не от лица Никона, а от лица собора (1654 г.) и восточных святителей (с 1656 г.); новоисправленные книги просматривались на соборах (1666–67 г.). Отсюда, странно думать, что Никон мог ввести какие-нибудь новшества в вере.

Неверно, наконец, и третье возражение старообрядцев против исправления книг, – якобы Никон этим причинил досаждение древнерусским чудотворцам. Тогда пришлось бы отвергнуть и то исправление, которое было до патриарха Никона, тем более, что оно шло путем не совсем правильным.

Таким образом, существование отмеченных недостатков в наших книгах, разногласие наших чинов и обрядов с чинами и обрядами греческой Церкви ясно говорят о необходимости книжного исправления; согласие царя, соборов и святителей восточных, исправление по древним харатейным источникам – ясно говорят, что путь, избранный Никоном, был вполне законным. Отсюда, все возражения старообрядцев никакой силы не имеют и иметь не могут».

Предметом устного собеседования был разбор возражения, поставленного старообрядцем *Федором Онисимовым*. «Исправление, – говорил он, – вещь законная, если есть ошибки. Вы, о. референт, сказали, но не указали и не доказали, что книги правились по древним и харатейным, а это было бы весьма важно, потому что некоторые утверждают (Сильвестр Медведев), будто бы книги правились по присланным к нам из Венеции. Ну, да об этом после. Теперь книги прошли горнило искушений. Чисты ли они? Если чисты, то объясните следующее место из молитвы, читаемой вами при заклинании гадов и т. п. и

напечатанной в требнике: «Еще закликаю вы великим именем, иже на камени написанном и не могущим понести, но разседшимся, яко воск от лица огня». Имя предполагает лицо; ранее говорилось о 3-х Лицах Св. Троицы, – здесь, значит, разумеется 4-е? Что это за имя, где была написано и когда это было? Уверяю вас, в наших книгах этого темного и непонятного места нет.

В объяснение этого места о. *Орфанитский* прочитал следующее место из книги «Жезл»: «Аще бо и не имамы вести, где и когда бысть сие, обаче занеже св. Трифон сие глаголет (выражение находится в закликательной молитве муч. Трифона), достойно есть веровати ему, яко не ложь есть: можаше бо или сам видети сие дело, или преданием написанным от древних прияти; имамы в послании св. Иуды апостола, яко арх. Михаил беседоваше с диаволом о телеси Моисееве; чесо обаче не обретаем во всем ветхом завете... Не ино же есть имя великое – токмо имя Божие... О сем имени великом и вящая содеваются» (Вып. Озерского ч. 2-я, 269). О. *прот. Виноградов* присовокупил сюда следующее: «мы, встречая непонятные выражения, принимаем их, как принимает св. Церковь. Важен дух молитвы. Что непонятные выражения есть, – мы не спорим: прочитайте «любити убо нам», или место из 16 псалма: «насытишася сынов», или «да воскреснет Бог», – и вы много найдете там непонятного. Всё это будет исправлено, когда придет очередь. Нам важна вера, ибо по этой вере всё подается». В заключение о. *В. Соболев* сказал: «Отец, Сын и Св. Дух – великие имена. Мы знаем, что имя Христа имеет чудодейственную силу: «именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы; змия возьмут, аще и что смертное испиют, не вредит»... Имя же это и Христос, и Спаситель, и Иисус, и Сын Божий! Что же удивительного, если от написания сего великого имени мог раздробиться камень, когда мы знаем, что наша вера, ничтожная, как зерно горчичное, может передвигать горы?! Заклучим же нашу беседу следующими словами хвалитной стихиры: «Дивное имя Твое, Иисусе Спасе наш, Ангели поют на небеси, и мы грешнии на земли бренными устами воспеваем, его же ради помилуй нас». Этим кончилось собеседование. Со

своей стороны считаем не лишним прибавить, что возражение Онисимова тогда бы только имело силу против законности книжного исправления, когда бы было доказано, что непонятное выражение «о великом имени» внесено патриархом Никоном. Доказать же этого нельзя по той простой причине, что оно существовало задолго до него.

Собеседование 8-е (14 января 1901 г.). О каноническом достоинстве Стоглавого собора

Настоящее собеседование было первым в наступившем столетии, посему о. прот. К. И. Богоявленский в заключение к объяснению Евангелия высказал следующие пожелания: «пусть в новом столетии уничтожится та рознь, которая в минувшем разделяла православных и старообрядцев; пусть этот зал (собеседований) посещают не книжники только и совопросники, желающие отличиться искусством речи и уловить в слове, а и любители и искатели истины; пусть все, кто чем может, способствуют раскрытию и насаждению этой истины, дабы опять водворился мир, нарушенный раздорниками».

Реферат, за болезнью о. В. Металлова, был прочитан о. С. Марковым. Сущность его такова.

Постановления Стоглавого собора, бывшего при м. Макарии и царе Иване Васильевиче Грозном (1557 г.), пользуются среди старообрядцев завидным уважением и полным доверием... Еще Никита Пустосвят в вопросе о двуперстии ссылаясь на эти постановления, а по словам Соловецкой челобитной, Стоглавый собор – «освященный и боговдохновенный, опирающийся на священное Предание». Совершенно иначе взглянул на него собор 1667 г., каноническое достоинство которого, нужно заметить, не подлежит никакому сомнению. По словам последнего, постановления Стоглавого собора «во свидетельство да не приемлются; от безрассудных клятв его все разрешаются; собор тот – не собор и клятвы его – не клятвы, ибо м. Макарий и бывшие с ним действовали неразумно». Такое отрицательное отношение собора 1667 г. к Стоглавому собору вполне справедливо и законно. В самом деле, другое отношение, особенно в настоящее время, невозможно уже потому, что подлинных актов его мы не имеем; до нас дошли только списки, притом сомнительной достоверности. В последних обращает на себя внимание отсутствие подписей присутствовавших на соборе иерархов. Для объяснения этого факта возможны два предположения: а)

иерархов на соборе совсем не было, или б) они не сочувствовали постановлениям его, а посему и подписом своим их не утвердили. Возможная вещь, что оба предположения вероятны; второе оправдывается следующим еще обстоятельством: Стоглавый собор утвердил сугубую аллилуию, между тем м. Макарий, который почитается за председателя этого собора, в своих Четь-Минеях ясно высказывается за трегубую, – неудивительно, если он не утвердил своей подписью то, с чем не соглашался.²⁵⁶

Да если бы указанные предположения оказались и ошибочными, т. е. на соборе и иерархи были, и подписи их остались, то и тогда постановления Стоглава не могут иметь силы и значения, потому что собор состоялся без ведома константинопольского патриарха, епархией которого была Россия. Это особенно важно в виду того, что Стоглав брался за решение таких вопросов, которые имеют вселенское значение, – в опрос о крестном знамении, о количестве просфор для проскомидии и др.

Самые постановления Стоглава не выдерживают критики. Так, утверждая двуперстие, собор говорит: «если кто не крестится и не благословляет двумя перстами, как и Христос, и как святые отцы сказали, да будет проклят», – между тем ни откуда неизвестно, чтобы Христос крестился или благословлял двумя перстами; на св. отцов собор только сослался, но ни одного из них не указал, да и не мог указать, потому что говорил явно несообразную вещь.

Утверждая сугубую аллилуию, собор сослался на Ефросиново житие, – литературный памятник темного происхождения и сомнительной достоверности.

Запрещая брадобритие, собор сослался на апостольское правило и 11 пр. 6-го вс. с., – но среди апостольских мы не находим ни одного, имеющего отношение к рассматриваемому предмету». ²⁵⁷ 11-е же пр. Трулльского собора говорит совсем не о брадобритии. ²⁵⁸

Высказанные соображения заставляют серьезно задуматься и искренне усомниться в каноническом значении Стоглавого собора. Составитель Поморских ответов делает последнюю

попытку поддержать пошатнувшийся авторитет Стоглава. Он говорит, что на нём присутствовали великие архиереи и великие чудотворцы, которыми была украшена тогда российская Церковь, и из которых многие прославились в нетленных мощах и чудесах. Против этого нужно заметить, что, не смотря на такое блестящее количество, среди присутствовавших все-таки не было представителя Киевской митрополии, это – во-первых, и во-вторых: в решении вопросов веры имеют главное значение и полное применение слова апостола о различных дарованиях Святого Духа и замечание к ним Максима Грека, что всякое дело требует особого дара.

О. Мина. – Последовали-ли первые пять патриархов русских определениям собора, т. е. признавали его или нет? Не желает-ли кто из старообрядцев ответить на этот вопрос?

Дегтярев (старообр., после непродолжительного общего молчания). – Никто не желает? Позвольте, о. Мина, мне сказать несколько слов! Референт бегло очертил значение, цель и предмет Стоглавого собора; между прочим он сказал, что постановления Стоглавого собора не согласны с древними харатейными книгами, и что собор нарушил единение с Константинопольским патриархом, – но ведь единение нарушалось и ранее, хотя бы при избрании и рукоположении м. Иллариона.

О. Марков. – Там нарушенное единение восстанавливалось, и патриархи особыми грамотами выражали после своё согласие на избрание; постановления же Стоглавого собора остались не утвержденными.

О. Мина. – Запрещая брадобритие, собор сослался на апостольское правило, –покажите это правило! (*Дегтерев*, прерывая; надо говорить не «апостольское», а «так называемое апостольское»). Сослался он еще на 11-е 6-го вс. с., но оно говорит совсем не о брадобритии!

Старообрядец. – В толковании Аристина на 95-е пр. брадобритие называется ересью. Может быть, до Иосифовской кормчей это 95-е пр. было 11-м.

О. Мина. – Ничего подобного мы не видали, хотя в руках у нас были кормчие очень древнего происхождения.

Иван Петров (стар.). – Я не застал начала. В газетах читал, что сегодня собеседование о канонич. значении Стоглавого собора. Прежде всего я должен сказать: всякая ложь от дьявола, посему, мы-ли скажем ложь, вы-ли, – скажем от дьявола. В чём согрешил Стоглавый собор против православной веры?

О. Мина. – Ни в чём.

Иван Петров. – Признаете законодательную власть его, или нет?

О. Мина. – Для вас постановления его обязательны; только вы не следуете им; так, Стоглавый собор запрещает вдовых священников, а у вас они есть; Стоглав запрещает брадобритие, а у вас стригут, о запрещении чего и напоминало братство Духовному Совету.

Иван Петров. – У вас о том же напоминал патр. Адриан всей русской Церкви.

О. Мина. – Стало быть, вы постановления Стоглава не следуете, да и первые 5 патриархов тоже не следовали.

Иван Петров. – Православные видят в Стоглавом соборе самого злейшего врага своего, потому что он уложил не то, что им нужно. Я же скажу, если Стоглав последовал прежде бывшим соборам, то он свят.

О. Марков. – А последовал-ли он? 29-е пр. Лаодик. с. говорит: «не подобает христианом иудействовати и в субботу праздновати, но делати им в сей день», а Стоглавый собор в главе: «Как подобает православным праздновати св. ап. Петра и Павла?» заповедует праздновать и субботу, и неделю, – значит, противоречив собору Лаодикийскому.

Иван Петров. – Он не узаконяет, а только говорит о том, как было в древности.

О. прот. Виноградов. – Вот святая Библия, против неё никто ничего не может сказать. Здесь, в 20-й главе книги «Исход» мы найдем повествование о том, как Господь в 50-й день исхода евреев из Египта на горе Синае, среди грома и молнии дал народу 10 заповедей, долженствовавших стать законом их жизни и деятельности; 4-я из них повелевает работать 6 дней. Стоглавый с., ссылаясь на правило ап. Петра и

Павла, заповедует работать 5 дней, – было-ли такое правило? Вряд, ибо апостолы не могли учить противно Слову Божию. Посему-то и нельзя признавать за Стоглавым с. непогрешимость, и на книгу «Стоглав» мы справедливо смотрим, только как на исторический памятник половины XVI в. Правда, бывают на него и ссылки, но они всегда нуждаются в рассмотрении.

Таким образом, вопрос о каноническом значении Стоглавого собора был решен отрицательно; иного решения и ожидать было нельзя. Несогласие его с прежде бывшими соборами и древне-харазейными книгами вполне понятно: Стоглавый собор, занятый между прочим исправлением богослужения, имел в виду установить единообразие в совершении последнего, но в подробное исследование подлинной древности и вселенской правильности того или другого богослужебного действия он не входил. Посему там, где требовалось установить порядок и единообразие, собор подробен: так, в 9-й главе он помещает полное входное чинопоследование для священника и диакона, вероятно, более употребительное в его время; в главе 19-й последование венчания таких браков, в которых одно из брачующихся лиц было вдовствующим; в главе 7-й – обширное рассуждение о времени совершения литургии в Москве и подробно определяет часы её на каждый день. Но там, где обряд церковный требовал более точного исследования подлинной древности, где необходимы были справки с книгами и обычаями древними, – там собор только указывал недостатки, но не исправлял, а если и исправлял, то не ручаясь за достоверность исправления; таковы исправления возгласов и ектений, помещенные в главе 9-й и снабженные советом: «да поищите в достоверных преводах, яко да глаголется еще»; сам собор, следовательно, не ручался за верность предлагаемого чтения. Отсюда понятно и то, почему постановления Стоглавого собора с самых первых пор не получили значения обязательного для русской Церкви.

Так, сугубая аллилуия не утверждалась в России, нужно полагать, долгое время после собора. По крайней мере, в первопечатных книгах до самого патриаршества Иосифа ни разу

не встречается наставление: «аллилуиа – дважды», и ни разу не напечатано: «аллилуиа, аллилуия, слава Тебе, Боже!», а всегда: «аллилуиа – трижды», или: «аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа», или просто: «аллилуиа». Только уже в Иосифовских книгах, и то не во всех, начинают встречаться прямые указания на сугубое аллилуиа в том виде, как встречается, напр., в служебниках и часословах 1648 г. – 52 гл. «аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе Боже!».

О. К.

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника)

**А. О. Из миссионерских итогов прошлого 1900 г.
Мистическое сектантство // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 4. С. 545–550**

Хлыстовство продолжает расти и умножаться; его руководители всевозможными способами, тайно и явно, пропагандируют своё лжеучение среди православных (Херсонск., Тавр., Ставропольск. Еп. Вед.). В некоторых местах, правда, оно как бы слабеет и доживает, по-видимому, последние дни; зато в других – живет полною жизнью и проявляет такую энергию в пропаганде своего лжеучения, что является более опасным для православия, чем все другие секты. Таким опасным злом является хлыстовство в Воронежской епархии, где оно имеется в различных видах и с разными наименованиями: «хлыстов», «аттитуев», «богомилов», «босовиков», «сухой любви», «стригунов», «шалопутов» и пр. По наблюдениям местного епархиального миссионера, наибольшая опасность для православия здесь грозит именно со стороны этих сектантов, на которых поэтому и должно быть обращено особое внимание приходских пастырей. – Источником своего вероучения все хлысты признают непосредственное озарение от Св. Духа и поэтому совершенно отрицают значение не только св. Предания, но и св. Писания ветхого и нового завета. Евангелие, «по их мнению, имело значение только во времена апостолов, в настоящее-же время гораздо большее значение имеют их хлыстовские пророчества. Если и пользуются хлысты Евангелием, то исключительно только в целях пропаганды. Поэтому положительное учение их не отличается устойчивостью и видоизменяется в каждом корабле по произволу вожаков, прикрывающихся мнимым озарением Св. Духа. Учение о перевоплощениях Божества, о даре пророчества, о духовной любви, культ радений, соединенных с развратом, – общи всем хлыстам. Но нет и двух общин, в которых бы это общее положительное учение не разнообразилось различными частностями. В некоторых, напр., кораблях дар пророчества усваивается известному кругу лиц,

представляющих целую иерархическую лестницу, – пророков, апостолов, евангелистов, «колоколов» и пр. (Воронежск. еп.); в других – такой иерархии не существует; «благодать» может находить на каждого и, что бы ни говорил в это время человек, все слова его принимаются, как наставления свыше (Донская еп.). В одних кораблях радения совершаются по известной установленной форме, в других без соблюдения каких бы то ни было форм, по личному произволу участвующих. В одних кораблях разврат, как результат учения о духовной любви, проявляется в свальном грехе после радений, в других – в мене жен, в сожитии с несколькими духовными женами и пр. Неодинаково проявляют хлысты и своё отрицательное отношение к православной Церкви, её обрядам и таинствам; тогда как одни прикрываясь маской лицемерного исполнения всех предписаний Церкви, в то же время в высшей степени кощунственно относятся к её святыням, другие открытым отвержением всей внешности и обрядности православной Церкви, дерзко-похулительным отношением к её святыням нисколько не уступают сектантам, рационалистам и даже, подобно этим последним, с отрицания обрядовой старины православия обычно начинают пропаганду своего лжеучения среди православных. Так, напр., хлысты Мартиновского Хутора, Донской епархии, Маркины, переходя из дому в дом с проповедью своего учения, не только ругали иконы и крест неприличными словами, как это установлено судебным следствием, но даже позволяли себе плевать на них.

В нравственном отношении хлысты стоят гораздо ниже других сектантов: скрытность, лукавство, лицемерие, корыстолюбие и поголовный разврат характеризуют хлыстов всех местностей. Разврат они не только оправдывают с точки зрения религии, но возводят его даже на степень какого-то высокого нравственного подвига. Один обратившийся в православие хлыст (казак мартиновского хутора, Донской еп., Катаврасов) говорил, что хлысты, развратничая с чужими женами и видя разврат своих с посторонними мужчинами, обыкновенно говорят: «это крест, который нам определено нести». Но как ни дико, как ни сумасбродно хлыстовское учение,

оно распространяется успешно. Одних влечет в хлыстовщину богатство хлыстов, других – их мнимое благочестие, а третьих просто-таки разнузданность половых отношений в хлыстовстве и хлыстовский разврат. К тому-же пропаганду своего учения хлысты ведут очень искусно и настойчиво, не щадя для этого средств. Так, наприим., одна из пропагандисток хлыстовства Орловской еп., крестьянка Стрельникова, обладающая довольно большими средствами, для большего успеха пропаганды прибегла к следующему средству. На своём участке земли, находящемся в 4-х верстах от приходского храма и еще дальше от других селений, она, с разрешения епархиального начальства, построила на свои средства церковь; прикрываясь благочестивым намерением – открыть при ней монашескую общину, набрала к себе детей и девушек-сирот и деятельно повела пропаганду хлыстовства. Только случайно были открыты её преступные цели, и вовремя была остановлена пропагаторская деятельность (Орловск. Еп. Вед.). В Таврической епархии хлысты свою пропаганду начинают обычно призывом к трезвости, воздержанию от мясной пищи и этим привлекают многих даже людей благочестивых, но мистически настроенных (Тавр. Еп. Вед.). У Донских хлыстов одним из главных средств пропаганды являются, между прочим, их молитвенные собрания. Собрания эти устраиваются открыто и не отличают обычную недоступность хлыстовских собраний. Напротив, здешние хлысты назойливо зазывают православных на свои молитвенные собрания.²⁵⁹ Здесь, после чтения Евангелия и толкования его в хлыстовском смысле, поются обычно хлыстовские песни и происходят пляски и пророчества; на эти последние хлысты главным образом и рассчитывают в своём стремлении повлиять на православных. Когда невежественный простолюдин, попавший на такое собрание, с удивлением и страхом смотрит на странные действия, производимые хлыстовскими пророками, и поражается их бессмысленными речами, хлысты поясняют ему: «это Дух действует в нём. У нас действия Его явны; в вашей-же (православной) Церкви мы действий Духа не видим, значит, в ней нет Его».

Скопчество наиболее развивается в Орловской епархии. Число зараженных здесь скопчеством приходов доходит до 49-ти; в них в настоящее время скопцов насчитывается до 216 душ мужеского пола и до 600 – женского. Отличительную черту скопцов составляет страшная скрытность, «лишающая пастырей возможности следить за ними и оказывать на них должное воздействие». Даже на исповеди они с клятвами уверяют священников в своей непричастности к скопчеству. Раденья скопческие обыкновенно происходят по ночам и оберегаются так ревностно, что о них ничего не известно православным. Некоторые же скопцы, боясь быть застигнутыми посторонними лицами, летом собираются иногда на радения в поле. – Большинство членов секты составляют женщины, – мужчин мало, но и те, и другие девствуют или вдовствуют; брачных среди скопцов очень мало. Таким образом секта скопцов не может размножаться путем естественного прироста, а только – путем пропаганды. И действительно, скопцы энергично ведут пропаганду, при каждом удобном случае осуждая православных и их Церковь, указывая на превосходство и святость своей жизни и склоняя их к переходу, если не в физическое, то в духовное скопчество. Но главным образом в секту скопцов переходят вдовы и девицы, потерявшие надежду на выход замуж по бедности, физическим недостаткам и преклонности лет. Кроме этого, скопчихи очень часто берут к себе на воспитание детей своих бедных православных родственников и соседей, подкидышей из воспитательного дома. Нередко удается скопцам совращать в свою секту членов православной Церкви во время их тяжелой болезни, пред смертью (Отчет Орлов. Епарх. Брат.).

Из новых сект особенно много деятельности проявила секта «*нововеров*», или *еноховцев*, недавно появившаяся в Астраханской епархии. Толчком к сильному движению в ней послужило освобождение, в начале 1899 г., из заключения её пяти мнимых великих пророков. На освобождение сектанты посмотрели, как на признание правоты их учения и с новою силою и уверенностью в безнаказанности повели свою пропаганду. Исступленные, они бегали по домам своих родных

и знакомых, призывая их верить в мнимых Илию, Еноха и Иоанна Богослова и отречься от антихриста и его Церкви, причем о Государе рассыпали безумные речи. Исступленная проповедь многих так возбудила, что они с полным убеждением, даже в церквях, возвещали о царствующем антихристе, указывая на свою безнаказанность, как на доказательство истинности своей проповеди, и всех убеждали, что на страстной седмице всем необходимо собраться в новый Сион, чтобы принять причащение от Илии и Еноха и вознестись в сретение Господу. Между тем в новом Сионе (на Киляковых Хуторах) лихорадочно готовились к великому дню: купили лампад, приобрели на престольные крест и Евангелие, шальями убрали столы. В четверг все направились с пожитками в Сион, намереваясь провести здесь Пасху, но полиция предложила им убраться в места своего жительства. Через две недели, распродав имущество, оставив сундуки и дома распертыми, бросив даже грудных детей на произвол судьбы, одевшись в белые одежды, они отправились в Царицын с целью дожить здесь до кончины мира; к 1 мая их набралось здесь до ста человек. Но кончины мира они, конечно, не дождались, Илию и Еноха не видели, а только подверглись гнусному обману со стороны своих вожаков, которые под предлогом грядущего суда Божия отобрали у них все деньги. Волнение улеглось, когда, по распоряжению Министра Внутренних Дел, главные зачинщики этого движения административным порядком были высланы в Привислянский край.

Но между высланными и оставшимися началась живая переписка. Зажигательные письма вожаков вновь будят в оставшихся фанатизм и стремление к пропаганде, так что и теперь эта секта угрожает опасностью православному населению. Исступленные фанатики своими воплями о появлении антихриста в простых доверчивых людях возбуждают панику, во время которой здравый разум и здравая вера перестают управлять человеком (Отчет. Астрах. Епарх. Брат.).

В Прибалтийском крае, существуют целые общества людей, не имеющих ни своего определенного вероучения, ни

укоренившихся обрядов, ни правильной внутренней организации. Это – так называемые «вольноверцы», или последователи «свободной веры», в народе известные обыкновенно под именем «чтецов». Вольность их веры проявляется в том, что они чуть-ли не ежечасно меняют свои религиозные убеждения. Например, в начале своей проповеди чтец уверяет слушателей в бесполезности крещения детей, а в конце утверждает совершенно противоположное. Не чужды эти сектанты и мистических бредней. Под влиянием экстатических речей проповедников, на их собраниях часто происходит так называемое «духовное пробуждение», обнаруживающееся в том, что «избранник» Божий внезапно приходит в необыкновенный экстаз и сильным криком возвещает всем присутствующим о своём пробуждении и начинает вещать о своей святости, а остальных обличать во грехах и рассыпать проклятия направо и налево. Попробуй прийти в их собрание новое лицо, его тотчас обступят пять-шесть таких «пробудившихся» и начнут обличать, упрекать, усовещивать. – Противоположность «пробудившимся обличителям» составляют «пробудившиеся плаксы», которые постоянно жалуются на свою греховность, со слезами на глазах исповедуют пред собранием тяжкие преступления свои и просят всех молиться о них.

Каждый из «духовно-пробудившихся» может обращаться к собранию с речью, может проповедовать. Такая свобода в собраниях «вольноверцев» весьма привлекательна для простого народа; поэтому число последователей вольной веры с каждым годом возрастает (Рижск. Епарх. Вед.).

Уже из этих кратких сведений о «вольноверцах» можно видеть, что они представляют самую благоприятную почву для развития всевозможных сектантских бредней. Стоит только явиться стойкому и энергичному пропагандисту, – и здесь быстро сформируется самая дикая и изуверная секта.

А. О.

О состоянии сектантства и деятельности миссии в Киевской епархии за 1899–1900 г. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 550–556

К 1-му января 1899 года в Киевской епархии сектантов состояло 4213 душ. За 1899 и половину 1900 года воссоединились с православною Церковью 143 души, отпало 354 души, и по 1 января 1900 года сектантов числилось, по официальным данным, 4388 душ.

Числовое соотношение между различными фракциями киевских сектантов против 1889 года остается прежнее, лишь на несколько душ изменивших в пользу штундо-малеванцев за счет штундо-баптистов. Но штундисты, по прежнему, являются главною – и по числу (около $\frac{3}{4}$ всех сектантов), и по значению – фракцией киевских сектантов. За ними идут штундо-малеванцы (около $\frac{1}{4}$ всех сектантов). На долю штундо-толстовства по прежнему приходится лишь несколько душ.

«Мы – баптисты» – вот тот ключ, который прошел по рядам всех русских штундистов, оживил и закрепил их строй и направление. И этим мы обязаны особой постановке судебных разбирательств по делам штундистов.

Желание во чтобы-то ни стало добиться прав на открытое существование, на право пропаганды и общественных собраний, занимает теперь все помыслы штундистов и отодвинуло на задний план вопросы о празднований субботы, о сущности «преломления», о продолжительности приготовления для крещения, последние два года сильно волновавшие киевских штундистов и разделявшие их на враждебные партии. Штундисты теперь стали специалистами по другой – юридической части. Специально-юридический журнал «Право», в котором помещаются кассационные решения Сената, приобрел среди киевских штундистов неожиданных подписчиков, а номера еврейского пошиба «Киевской Газеты», которая охотно печатает всё то, что является язвою для православных людей, находятся в кармане чуть не у каждого штундиста.

На ряду с таким юридическим направлением младоштундизма, за истекшие 1899–1900 годы замечалось и другое, мистическое. В среду штундистов стали проникать идеи хлыстовства, и малеванские пророки произвели среди штундистов сильное волнение. Даже в г. Киеве, этом по преимуществу «практическом» центре штундистов, один из малеванских проповедников имел большой успех. Чтобы послушать его, прошлую зимою в доме одного состоятельного штундиста Ш-ого собиралось несколько раз громадное число штундистов. Проповедник долго морочил их своими аллегорическими бреднями и многих соблазнил. Самое большое произвели волнение и имели успех хлыстовские бредни малеванцев в Каневском уезде, где прежде совсем не было малеванцев, а одни штундисты. На молитвенных собраниях штундистов здесь происходят чисто-хлыстовские радения с истерикой, скачками и гнусными деяниями до свального греха включительно.

Самым боевым пунктом штундистов по-прежнему остается г. Киев; их насчитывается до 300 душ. Кроме Шулявки и Демиевки, штундисты не в малом количестве живут в Лыбедском и Плосском участках, на Куреневке и Зверинце. Собрания совершаются открыто, и полиция, поставленная в самое неловкое положение оправданием штундистов за собрания на судах, оставила собрания их в покое и даже охраняет их покой и ненарушимость со стороны православных ревнителей, чему был пример в г. Киеве. Пропаганда штундизма идет усиленно и успешно. Был случай, что под влиянием г. Р., интеллигентного вожака киевских штундистов, служившего корректором в одной из типографий, совращены были все наборщики этой типографии. Пропаганда штундизма в Киеве теперь силится выйти из прежней своей среды – простого народа, и охватить полуинтеллигентный класс лавочников, приказчиков, наборщиков, писарей и т. п. Говорят, что на собраниях у штундистов, куда не допускаются нежеланные для них гости, бывают даже военные, студенты, гимназисты. Пропагандисты штундизма набросились на подрастающее поколение и силятся соблазнить «малых сих», будучи сильны не

проповедуемыми истинами, а глумлением и издевательствами над православием.

Нынешней весной штундисты стали делать набеги даже на монастырские дворы, для уловления православных богомольцев. В Киево-Печерской Лавре было обнаружено несколько случаев открытой пропаганды штундизма среди богомольцев и так как сторожа и привратники лаврские несильны в различении, а тем более обличении штундовых проповедников, то Свято-Владимирское братство ревнителей православия командировало туда с этой целью на весеннее и летнее время своего книгоношу.

За Киевом идут села и деревни, и из них Бородянка и Германовка – Киевского у., Ольшаница – Васильковского у., Виноград – Звенигородского, Богуслав – Каневского, Керданы – Таращанского, Топиловка и Ребедайловка – Чигиринского являются местами большого оживления штундизма. В 1899 г. в Германовке штундизм увеличился в своей численности вдвое против предшествовавшего года и отличался особенно настойчивою пропагандою своего лжеучения, так что отсюда сектантское брожение коснулось и других, соседних с Германовкою, мест. Дерзость сектантов, в виду полной безнаказанности их на судах, дошла до того, что, когда сельские власти препятствуют их ночным собраниям, они открыто нападают на полицию с кольями и угрожают им ножами.

В селе Керданах, Таращанского уезда, в 1899 году также заметно было оживление и числовое приращение штундистов: совратилось 18 душ, включая в это число детей. Впрочем, всё это количество вновь совращенных – рецидивисты.

Пропаганда и устроение собраний совершалось и в Керданах открыто и безбоязненно. Один из штундистов даже открыл в своём доме школу, где обучал детей чтению и пению и, конечно, на ряду с этим, сектантству. На такое оживление штундизма в Керданах имело влияние отсутствие в течение целого года местного приходского священника.

Совершенно новым пунктом появления младоштундизма является Бердичевский уезд и в нём село Быстрик и город Бердичев. В селе Быстрике штундизм появился еще в декабре

1896 года в лице крестьянина того же села Пимена Ивасюка, человека бездомного, ведущего скитальческую жизнь. Заразился он штундизмом в с. Малой Половецкой, Васильковского у. В Быстрике он совратил в младоштундизм 14 душ в то время, когда по суду был водворен на жительство в 1898 году. В 1899 году он, вместе с другим бродячим штундистом – Митрофаном Мудриком, стал распространять среди младоштундистов уже чисто хлыстовские бредни и произвел то мистическое движение в Каневском уезде, о котором мы говорили выше. По отношению к совращенным Ивасюком крестьянам села Быстрика были приняты довольно своевременно миссионерские меры; целый ряд увещаний и бесед епархиального и окружного миссионера и местного священника, а также посещение Быстрика и энергичная назидательная проповедь преосвященнейшего Сергия, епископа Уманского, успокоили и вразумили сектантов. В апреле 1900 года священник села Быстрика донес епархиальному начальству, что за исключением одной женщины все штундисты Быстрика присоединены им к православной Церкви. Тем не менее, положение дел в Быстрике нельзя считать безопасным до тех пор, пока возможно появление Ивасюка в родном селе.

В Бердичеве, на бердичевском вокзале, существует община штундистов, именующих себя баптистами, с зимы прошлого года. Молитвенные собрания штундистов бывают то в сторожевой будке линейного сторожа Бесядынского, в полуверсте от вокзала, то в казенных квартирах служащих на вокзале. Во главе общины стоят сторожа: Бесядынский, судившийся окружным судом в г. Балте за пропаганду и отбывший, по решению суда, трехмесячное тюремное заключение, мастер Мирончук и унтер-офицер Бердичевской военной мукомольни Андрейченко. Организаторами штундовой общины является здесь миссионер из Вильны некто Леон Неломов и жена его Мария – личности невыясненные. Последняя, будто бы, заведовала в Бердичеве складом книг св. Писания и тайно руководила общиной. К величайшему сожалению, до сих пор местным духовенством не принято никаких мер для противодействия сектантству, а меры

епархиальной миссии, по некоторым неблагоприятным для миссии обстоятельствам, и не могут быть применены...

В селениях: Чаплынка, Боярка, Каменный Брод, Жашков, Скибин, Житники, – этих знаменитых некогда и силою, и численностью своих членов очагах пггундизма, штунда теперь ничем не проявляет жизненности своих начал.

Штундисты, оставив вопросы догматики и права, ударились в заботы о земном благополучии и в приобретение «от мамоны неправды». Один из частных, много лет ведущий дела крестьян в местности, где сильно развит штундизм, говорил нам: «теперь и говорить нельзя о «жидовских процентах»: они истинное благодеяние сравнительно со штундовыми» и привел несколько случаев из своей практики, которые указывают, что рост ссуд, оказываемых богачами-штундистами православным крестьянам, восходил до 500 и свыше процентов.

Общее внимание духовенства и миссии, как и администрации Киевской губернии занимало за истекший 1899 и начало 1900 года оживление малеванщины, произведенное крестьянином с. Вербова – Сквирского у., Иваном Лисенком, о чём подробно говорилось уже на страницах «Миссионерского Обозрения».²⁶⁰

Штундо-толстовцы Киевской епархии приобрели за это время несколько последователей в Кишинцах, Подобной и Дзенгелевке – Уманского уезда. Рационализм этих сектантов далеко шагнул за пределы штундизма. На беседах в с. Кишинцах, веденных епархиальным миссионером в Великом посту, сектанты свободно и откровенно заявляли о естественном рождении Господа Иисуса Христа, о недостоверности многих мест Евангелия и всего Апостола, о Льве Николаевиче, как «старшем брате и учителе жизни», и о том, что «истинной жизни» можно научиться и из «газет»... Беседу они вели с удивительной дерзостью и развязностью, а когда один из них, после беседы, поблагодарил миссионера и поцеловал руку священника, они с бранью отогнали его от себя.

В с. Дзенгелевке имел место возмутительный случай. Один из сектантов изъявил желание отговориться. Священника предупреждали, что желание сектанта лицемерно, что он

готовит кощунственную выходку, но священник не имел ни основания, так как сектант исповедался, ни права отказать сектанту в причастии. Пред самым причастием священник обратился к народу с проповедью о важности сего таинства и о страшном грехе недостойно приемлющих его. Сектант с грубою руганью и криком бросился на священника, силясь вырвать у него Св. Тайны. Его удалось с трудом лишь остановить. Сектанта предали суду, но суд отпустил его на свободу, и православный народ дивится новому порядку вещей и смущается...

Что же делала миссия? Общей формой миссионерской деятельности служили по прежнему публичные и частные беседы с сектантами епархиальных и окружных миссионеров. В Киеве за это дело взялось еще в 1897 году, с благословения почившего владыки, высокопреосвященного митрополита Иоанникия, и под руководством и при ближайшем участии преосвященного епископа Сергия, киевское Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви. Обществу удалось организовать собеседования в самых широких размерах и при самой благоприятной обстановке в зале народных чтений, и целым сотням людей, желающих послушать собеседования, приходилось отказывать за недостатком места в этом, рассчитанном почти на 1000 человек, помещении. Штундисты г. Киева всегда являлись на собеседования в полном составе и охотно, на перебой, вступали в беседу. Но, к сожалению, успех этих собеседований, глубокое впечатление на слушателей речей преосвященного Сергия и обнаружение полной несостоятельности религиозных воззрений штундистов, заставили сектантов отнестись к беседам подозрительно, и, в конце концов, они не являлись на беседу, предварительно допустив 22 Ноября 1900 г. выходку недостойную. Когда по поднятому вопросу о первом христианском храме епископ взял книгу проповедей Филарета митрополита Московского и по ней прочел его мнение о том, что Сионская горница, в которой собирались апостолы, была первым христианским храмом, штундист Раевский громко заявил: «вы нагло извращаете св.

Писание!» Содрогнулось от такого тяжкого оскорбления сердце православных слушателей, слышались громкие крики негодования и угрозы, и только громкий призыв преосвященного к миру, снисхождению и прощению, остановил народное возмущение. На следующую беседу о кресте Христовом и крестном знамении штундисты уже не явились, заявив чрез своих уполномоченных, что они решили не приходить на дальнейшие собеседования, на которых будто бы им не дают права и свободы голоса, и где их будто бы подвергают оскорблениям. «Убежали вы от креста Христова», – таков смысл ответа им епископа. Киевское Общество решило всё же продолжать чтения в миссионерском духе и направлении.

По сообщениям окружных миссионеров, отношение к собеседованиям сектантов в разных местностях различно. Тогда как в одних местностях сектанты смотрят на собеседования, как на средство узнать истину, под влиянием их становятся менее фанатичны и постепенно сближаются с православною Церковью, в других они нетерпимо относятся к собеседованиям – или вовсе не посещают их, или, если посещают, то ведут себя неблагопристойно, стараясь шумом и возбуждением не относящихся к делу вопросов мешать правильному ходу собеседований.

Приходская миссия Киевской епархии и в истекшем году не стояла на высоте своего призвания и далеко не удовлетворяла требованиям, предъявляемым к ней всё более и более возрастающим брожением сектантства в епархии. По весям и градам Киевской губернии, в приходах, зараженных штундою, есть еще пастыри, которые или неспособны, или не настолько проникнуты важностью и необходимостью миссионерского служения, насколько бы это требовалось нынешним состоянием сектантства вообще, а киевского в особенности. Приходская миссия совсем почти не подготовила ратоборцев из мирян и не имеет сотрудников из местных ревнителей православия. Из окружных или благочиннических миссионеров только немногие несут свои обязанности *de facto*, – деятельность окружной миссии доселе еще не инструктирована, и отношения её к приходской и епархиальной

миссиям не определены и не упорядочены. В деле борьбы с киевским сектантством затерялся тот центр, который бы дал уверенность делу и сообщал энергию деятелям.

Этот печальный факт констатирован, между прочим, и на состоявшихся летом нынешнего года уездных миссионерских съездах по Сквирскому, Васильковскому и Уманскому уездам. Поэтому, как отмечено уже было на страницах «Миссионерского Обозрения», в высшей степени отрадным событием является назначение на кафедру Киевской митрополии высокопреосвященного Феогноста, который во всех местах своего архипастырского служения особым попечением окружал дело миссии и настолько овладел этим делом, что оно в его руках сделалось образцом миссионерских мероприятий для деятелей миссии других епархий.

Плотников К. Олонецкие миссионерские курсы // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 556–562

Недолго управлял Олонецкой епархией преосвященнейший Назарий, но много сделал для блага Олонецкой церкви и в частности для местной миссии, которая им возрождена, усилена в составе, одушевлена и организована. Миссия была для досточтимого святителя любимым детищем. По представлению преосвященного, указом Св. Синода, от 14 апреля 1898 г. за № 2025, состав Олонецкой миссии значительно увеличен: учреждена должность епархиального миссионера, двух окружных (4-го и 5-го) миссионеров и двух помощников миссионера, так что всё число главных деятелей Олонецкой миссии доведено до 8 человек. Учреждены епархиальные миссионерские съезды, которых состоялось два. На съездах же, как знают читатели из нашей корреспонденции, разрешено и разъяснено много вопросов, важных не только для местной епархии, но и вообще для миссии. Достаточно упомянуть о выработке первого опыта миссионерской инструкции для приходского пастыря, на которую «Мисс. Обозр.» обратило такое серьезное внимание в январской книжке. В заботах о миссии архипастырь ясно сознавал недостаточность наличных миссионерских сил при громадном пространстве Олонецкой епархии (130719 кв. вер.) и неудобствах путей сообщения. Поэтому на первом же съезде миссионеров был им предложен на обсуждение вопрос об устройстве миссионерской школы. Но так как организация её сопряжена с большими расходами, а средств в епархии нет, то оо. миссионеры в своём постановлении выражали желание устраивать кратковременные миссионерские курсы для крестьян, не моложе 18 лет, окончивших курс в народных школах. Однако преосвященнейший Назарий не удовлетворился этим решением и на полях приписал: «Возобновить этот вопрос в начале будущего года». Согласно такому желанию Архипастыря, в следующем году на втором миссионерском съезде вопрос этот снова был подвергнут обсуждению и решен так: «В виду того,

что на чрезвычайном собрании Училищного при Св. Синоде Совета постановлено объединить миссионерские школы с церковными, открытие особой миссионерской школы в нашей епархии пока преждевременно. Но, так как деятелей Олонецкой миссии и в настоящем её составе недостаточно для борьбы с расколом, то желательно время от времени устраивать миссионерские курсы в гг. Петрозаводске и Каргополе. На эти курсы приглашать окончивших курс в народных школах и грамотных ревнителей православия не моложе 18 лет. За отсутствием специальных средств на этот предмет, съезд оо. миссионеров находит необходимым просить помощи у Главного Совета и отделений Александро-Свирского Братства и ходатайствовать пред Его Преосвященством о привлечении к участию в содержании курсов (деньгами и натурой) состоятельные монастыри епархии». Это постановление преосвященным было утверждено. Однако духовная консистория, в которую были переданы постановления съезда для приведения в исполнение, начала рассматривать их и даже перерешать некоторые, уже утвержденные Его Преосвященством, постановления съезда, причем относительно устройства миссионерских курсов сделала такое заключение: «постановление касательно устройства миссионерских курсов, как более сложное и к тому же требующее для своего приведения в исполнение обстоятельных предварительных данных, пока принять к сведению, поручив епархиальному миссионеру для приведения в исполнение сего постановления войти, когда это потребует, (?) с особым обстоятельным рапортом к Его Преосвященству». Ясно, что бумажная логика консистории не могла переубедить ревностного архипастыря и миссионера, и владыка не стал дожидаться этого обстоятельного рапорта, а сам дал предложение, в котором поручил епархиальному миссионеру собрать чрез окружных миссионеров и их помощников сведения о лицах, желающих прослушать миссионерские курсы, и о более удобном месте времени для их устройства. Из собранных таким путем сведений выяснилось, что в г. Петрозаводске устраивать миссионерские курсы не для кого (желающих оказалось 2–3

человека), в Каргополе же – можно, так как в том краю прибыть на курсы (сроком на 1–2 недели) изъявили желание 38 человек.

Но где взять средства, чтобы просодержать такое количество слушателей в течение двух-трех недель, и где найти помещение? Обратились к Александрo-Свирскому Братству, – и оно ассигновало из своих скудных средств 100 руб., а затем стали просить помощи у Каргопольского отделения Братства, которое также откликнулось: ассигновало 50 руб. Место для курсов Преосвященный указал в бедном, захудалом Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре, дабы он хотя своими стенами послужил на пользу епархии. После этого мною была составлена программа, указаны помощники для преподавания на курсах и назначено время (с 5 по 26 Октября), а преосвященный утвердил всё это и возложил хозяйственную часть на настоятеля указанного монастыря иеромонаха Германа.

К 6 Октября собралось 13 слушателей, и в этот день служением молебна открыты были курсы. В последующее время число слушателей возросло до 20.²⁶¹ В числе их были 2 дьякона, 2 девицы (одна 18 лет, а другая – 25), полицейский урядник, а остальные – крестьяне в возрасте от 21 до 76 лет. Занятия происходили в трапезе утром с 9 до 12½ –1 час. по полуд., а вечером, с – 4 до 6 и даже до 7 час. Время у курсистов распределялось так: утром чай, с 9 до 12½ –1 час. три урока с переменами в 10–15 м., сразу после уроков обед, около 3 час. вечерний чай, с 4 до 6–7 час. уроки (от 1 до 3-х), сразу после них ужин, а затем отдых. Впрочем, свободное от занятий время у курсистов не пропадало даром: в это время они обсуждали сведения, сообщенные им на уроках, читали старопечатные книги и противораскольнические сочинения, готовились к церковным службам, в которых принимали живое участие чтением и пением, и пели разные церковные песнопения. Пред началом утренних и вечерних занятий пелась молитва «Царю небесный», а по окончании их – «Достойно есть»... Самые занятия распределялись между епархиальным миссионером, свящ. К. Плотниковым, миссионером Каргопольско-Пудожского

округа, свящ. И. Дроздиным и помощником миссионера того же округа, свящ. А. Здравомысловым, по взаимному согласию.

Руководством для наставников курсов служили книги свящ. К. Плотникова «История русского раскола, известного под именем старообрядчества», изд. 3-е, и «Руководство по обличению русского раскола», изд. 4-е и 5-е, а курсистам было выдано на руки «Краткое руководство к собеседованию со старообрядцами» прот. о. Кашменского. Желая поделиться сведениями о ходе занятий на Олонецких миссионерских курсах, которые представляют собою одну из немногих и до последнего времени редких вообще попыток в этом роде, мы подробно изложим, что и как делалось на этих курсах. О. Дроздин и Здравомыслов сообщили сведения:

Понятие о русском расколе; вред раскола для Церкви и государства и необходимость борьбы с ним; время и повод к появлению раскола (1-й урок 6 Окт.). Неисправность церковно-богослужебных книг, причины её. Попытки к исправлению книг в XIV ст.; исправление древле-письменных церк.-богослуж. книг пр. Максимом Греком (2-й ур.). Меры к исправлению книг, указанные Стоглавым собором; книгопечатание исправление книг архим. Дионисием с сотрудниками (3-й ур.). Исправление церковно-богослужебных книг при патр. Филарете, Иоасафе и Иосифе, результаты этого исправления (1-й ур, 7 Октября). Биография патр. Никона и влияние его на церковные дела в сане митрополита новгородского. Посещение России восточными святителями. Посольство Арсения Суханова на Восток. Вступление Никона на патриаршество и первые его распоряжения; враги патр. Никона (2-й ур.). Собор 1654 г.; собрание в Москву древних славянских и греческих книг; грамота патр. Паисия (3-й ур).

8-го Октября прибыл на курсы епархиальный миссионер. С его приездом центр тяжести был перенесен на обличение раскола, и самые занятия стали происходить не только утром, но и вечером. Вот те предметы, о которых сообщены сведения на курсах с 9 по 20 Октября, как это значится в журнале занятий с курсистами (привожу буквально, не изменяя ничего).

9 Октября. 1-й ур. Вступительная речь епархиального миссионера о высоте и важности миссионерского дела и необходимости участия в нём мирян. Предмет и задача обличения раскола. О старопечатных книгах (как следует относиться к этим книгам и какие из них более полезны и употребительны в борьбе с расколом). Сведения о большом катехизисе. 2-й ур. Соборы 1655 и 1656 гг., содержание Скрижали 1656 г. 3-й ур. Удаление патр. Никона с патриаршего престола. Возвращение в Москву расколоучителей, их устная и письменная проповедь и последствия этой проповеди. Вечерние занятия. 1-й ур. Повторение сведений о Б. катехизисе, понятие о Мал. катехизисе и Кирилловой книге. 2-й ур. Понятие о книгах: О вере, Кормчей, Маргарите и Златоусте. 3-й ур. Значение вопроса о Церкви Христовой; понятие о Церкви Христовой; существенные принадлежности её; вечное и неизменяемое существование Церкви в данном ей от Христа Спасителя устройстве.

10 Октября. Утренние занятия. Ур. 1-й. Разбор оснований, приводимых безпоповцами в защиту своего безпоповщинского общества, как истинной Церкви. 2-й ур. О таинстве крещения (против безпоповцев). 3-й ур. Соборы 1666 и 1667 гг.; о клятвах собора 1666–1667 гг. Вечерние занятия. О таинстве покаяния (против безпоповцев).

11 Октября. Утренние занятия. 1-й ур. Отношения раскольников к постановлениям соборов 1666 и 1667 гг., взгляд их на православную Церковь, принявшую новоисправленные книги и обряды. Справедливо ли Церковь называет именуемых старообрядцев раскольниками? Жизнь раскольников после отделения от Церкви. Разделение раскола на безпоповщину и поповщину. Общие начала безпоповщины. 2-й ур. Таинство св. причащения: установление этого таинства, необходимость и вечность его и разбор некоторых возражений старообрядцев против необходимости причащения. 3-й ур. Разбор возражений против вечности св. причащения и существование его во времена антихриста. Вечерние занятия. 1-й ур. Разбор некоторых раскольнических возражений против священников, как духовных отцов (Златоустник лл. 142 и 145). Повторение

пройденного. 2-й ур. О вечности таинства священства и существовании его при антихристе.

12 Октября. Утренние занятия. 1-й ур. Толки поморский и филипповский (исторические сведения об образовании их и особенности учения того и другого толка). 2-й ур. Пророки Енох и Илия, как предтечи второго пришествия Христова на землю, имеющие явиться в своё время самолично и чувственно. 3-й ур. Разбор раскольнических возражений против личного явления на землю прор. Еноха и Илии пред вторым пришествием Христовым. Вечерние занятия. Разбор недоумения курсистов относительно общения с неверными в молитве, пище и питии.

13-го Октября. Утренние занятия. 1-й ур. Страннический толк. Краткий обзор мероприятий церковной и гражданской власти против раскола. 2-й ур. Определение понятия «антихрист» и лицо последнего антихриста. 3-й ур. Разбор раскольнических возражений о лице последнего антихриста и время явления его. Вечерние занятия. Признаки царствования антихриста (народ, к которому придет антихрист, учение его, печать и чудеса).

14 Октября. В этот день, по случаю тезоименитства преосвященнейшего епископа Назария, участники курсов присутствовали за литургией, а по окончании её оо. миссионерами и настоятелем обители отслужен молебен св. муч. Назарию. После молебна занятия шли в обычном порядке. 1-й ур. О единоверии. 2-й ур. Бедственное состояние мира и рода человеческого при антихристе и продолжительность царствования последнего. 3-й ур. Разбор возражений раскольников против кратковременного царствования антихриста.

15 Октября. (Воскресенье). В этот день оо. миссионерами в сослужении о. настоятеля монастыря и прибывшего на курсы свящ. В. Петропавловского отслужена литургия в монастырском храме. За литургией, как и накануне за всеобщим бдением, священные песнопения и чтения – шестопсалмия, кафизм, канона, часов и апостола исполнены были курсистами, а во время причастия епархиальным миссионером было сказано

поучение о пользе и необходимости чтения священных книг, особенно Евангелия, как источника христианского вероучения.

16 Октября. Утренние занятия. 1-й ур. Понятие о догмате, ереси и расколе. 2-й ур. Понятие об обряде, отличие его от догмата и об изменяемости обряда. 3-й ур. О мнимых изменениях в Символе веры. Вечерние занятия. Об имени Христа Спасителя; решение возражений против начертания Иисус и чтение 8-го члена Символа веры.

17 Октября. В этот день участники курсов сначала помолились в монастырском храме Господу Богу по случаю чудесного избавления царской семьи от смертной опасности при крушении поезда в 1888 г., а затем принялись за занятия. 1-й ур. Перстосложение – не догмат, а обряд. Правильность и древность троеперстия. 2-й ур. Свидетельства об употреблении троеперстия в русской Церкви до п. Никона и разбор возражений против правильности и древности троеперстия. 3-й ур. Об именованном перстосложении. Вечерние занятия. 1-й ур. Понятие о двуперстии; дозволенность его к употреблению и разбор Феодоритова слова. 2-й ур. Разбор сказания о Мелетии.

18 Октября. Утренние занятия. 1-й ур. Разбор изречения Петра Дамаскина, слова пр. Максима Грека и прения Панагииота с Азимитом. 2-й ур. Разбор постановления Стоглавого собора о перстосложении. 3-й ур. Разбор свидетельств старопечатных книг, приводимых раскольниками в пользу правильности и древности двуперстия. Вечерние занятия. 1-й ур. О четвероконечном кресте. 2-й ур. О том же (оконч.) и о печати на просфорах.

19 Октября. Утренние занятия. 1-й ур. О трикратном аллилуиа с возгласением слава Тебе, Боже. 2-й ур. О молитве Иисусовой и о хождении посолонь. 3-й ур. О количестве просфор на проскомидии и чтении молитвы «Богородице Дево». Вечерние занятия. 1-й ур. О клятве собора 1656 г. и о порицаниях на именуемые старые обряды. 2-й ур. О мнимых изменениях в молитвенных выражениях в тексте священных книг: «во плоти пришедша», «Душе истины», «тельца» (в 50 пс.) и пасхальном тропаре.

20 Октября. Пред началом занятий была отсужена панихида по в Бозе почившем Государе Императоре Александре III, а затем дано три урока. 1-й ур. О клятвах собора 1667 г. 2-й ур. О недостатках в религиозно-нравственной жизни пастырей и мирян: о небрежном изображении на себе крестного знамения, нарушении постов и курении табаку. 3-й ур. Заключительная беседа с курсистами.

Указанные сведения сообщались в форме живых рассказов и бесед, при чем места из старопечатных книг прочитывались самими курсистами, свидетельства из слова Божия, а равно и классические места из святоотеческих писаний и старопечатных книг заучивались наизусть, всё неясное, непонятное обязательно объяснялось. На уроках непременно присутствовали все миссионеры, и, когда один из них давал урок, другие внимательно следили за ходом урока, подыскивали места в старопечатных книгах, показывали их курсистам, иногда разъясняли непонятное, – вообще принимали самое живое участие в уроке. Курсисты тоже не ограничивались слушанием сообщаемых им сведений, но задавали вопросы, вставляли свои замечания, приводили иногда целые тирады из старопечатных книг в подтверждение того или другого православного учения, поясняли друг другу сказанное миссионером и т. д. Поэтому уроки проходили живо, незаметно, – никто не справлялся с часами. Этим общим интересом курсистов и можно объяснить, почему, не смотря на ежедневные 6–7-часовые занятия, непривычку к ним и преклонный возраст некоторых курсистов, ни в ком из них не замечалось и тени утомления или рассеянности. Мало того, некоторые из них, явившись на курсы, прямо заявляли, что по своим домашним обстоятельствам могут послушать дня два-три; между тем после пробыли до конца курсов.

Закреты курсы 21 числа. В этот день, после литургии и молебствия в монастырском храме, оо. миссионеры в церковных облачениях со св. крестом и Евангелием, при пении тропаря: «Пречистому Твоему образу»..., прошли в трапезу, где происходили занятия, и отслужили благодарственный молебен. По окончании молебна, каждым из миссионеров было сказано

курсистам напутственное слово и розданы брошюры, пожертвованные местным благочинным, свящ. В. Преображенским.²⁶² Курсисты со слезами на глазах благодарили оо. миссионеров за труды по обучению их и во всеуслышание обещались, «сколько сил хватит», постоять за правую веру и св. Церковь. Так закончились первые в нашей епархии миссионерские курсы. Какую пользу принесут они олонецкой миссии, покажет будущее. Во всяком случае количественно силы миссии увеличились. Каждый из курсистов при случае может сказать слово в защиту св. православной Церкви; к нему, как поучившемуся у самих миссионеров и видевшему множество старинных книг, могут отнестись с большим доверием лица, колеблющиеся в православии. Защитники раскола уже сознают надвигающуюся на них в лице курсистов опасность и не скрывают своей вражды к ним. На публичной беседе 22 Октября, впервые открытой в г. Каргополе, один из заправил раскола с особенною яростью набрасывался на курсистов и кричал: «а! и ты – ученик ихний! нет, погоди, ты еще мало учен!» и т. п. Сами курсисты сжились с миссионерами, чувствуют себя ближе к ним и потому охотнее придут на беседу и в случае нужды обратятся за советом. Близость эта уже замечена была при закрытии курсов: сколько раз приходили они прощаться! Девушки кланялись в ноги, благодаря за научение, а мужчины прямо говорили, что им жаль и уйти. Действительно, они насилу разошлись 23 числа. Кроме того, за время прожитое на курсах, курсисты близко познакомились друг с другом и потому могут сходиться и сообща заграждать уста хульникам святой Церкви.

Наконец, наш опыт, быть может, вызовет подражание и в других епархиях. В самом деле, если уж мы в своей бедной Олонии с какими-нибудь 150 руб. могли устроить и провести миссионерские курсы, то в епархиях богатых средствами, осуществление идеи об устройстве курсов миссионерских может быть достигнуто легче, было бы только желание, а среди мирян всегда найдутся люди, ревнующие о святой Церкви и жаждущие света знания для успешной миссионерской борьбы с тьмою раскола.

Олонецкий епархиальный миссионер свящ. *К. Плотников*

Из жизни инославия и из мира заграничного сектантства

Римская Церковь в XIX в. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 563–571

Кончилось XIX столетие, начался новый век, и во всех областях жизни подводят итоги за истекшее время.

Подведение таких итогов в отношении римской Церкви принял на себя о. Джемс Форбс, из ордена Иисусова.

Итоги эти настолько поучительны не только в религиозном отношении, но и в специально-миссионерском, что мы не можем не остановиться на труде названного автора. «Стала-ли римско-католическая Церковь сильнее или слабее за последние сто лет?» – вот вопрос, который ставил себе автор и на который дает такой ответ: «В XIX столетии, как и во все предыдущие эпохи, жизнь католической Церкви была по обыкновению сплошной и упорной битвой; и эта борьба, как это бывает всегда, обнаружила не мало недостатков, ошибок и промахов римской Церкви. Но в этом нет ничего удивительного, ибо Церковь состоит из людей, многие из которых слабы, близоруки, ослеплены старостью; героизм-же – всегда редкое явление. Но общие результаты этой долгой борьбы можно назвать изумительными, даже чудесными, и XIX-й век был для католической Церкви блестящим фазисом обновления и преуспевания». Что же сделано римской Церковью в XIX столетии?

На заре минувшего века, как и на его закате, мы видим папу пленником. Пий VI умирает в 1799 году в Валенсе, в пленении; Лев XIII ныне – «Ватиканский пленник».

Но, при внешнем сходстве положений, какая неизмеримая разница в действительности! Папа Пий VI умирает в полном одиночестве, покинув Церкви Франции, Италии, Германии и Австрии в полном разгроме, раздираемые ересями: галликанством, янсенизмом, иозефизмом. Между тем папа Лев XIII, авторитет которого в глазах католиков после Ватиканского собора (установившего папскую непогрешимость) выше каких бы то ни было сомнений, видит у ног своих эти ереси, бывшие факелом раздора в течение всего 18 столетия, издыхающими; а

Церкви Франции, Италии, Германии и Австрии, еще столь недавно казавшиеся неизлечимо больными, – ныне обновились, объединились и более преданы св. престолу, чем когда-либо. Если папа не всегда может рассчитывать на правителей, то взамен того он без опасений может опереться на верных пасомого им стада. Но насколько положение папы изменилось даже и в глазах правительств, видно из того, что при папском дворе аккредитованы официальные представители не только католических стран, но даже Голландии, Пруссии и России, о чём предместники Льва XIII не могли никогда даже мечтать; папа, в свою очередь, имеет *in partibus infidelium* в Константинополе, в Вашингтоне и английской Индии постоянных апостолических легатов, предшественников настоящим нунциев.

Наконец, к папе обращаются даже за посредничеством в международных недоразумениях, что ранее было совсем немыслимо.

Это, столь явно усилившееся, значение папского престола является результатом напряженного труда и могущественной организации, с настойчивостью и удачей преследующей свои цели неуклонно, в продолжение многих лет, без шума, в тиши и мраке.

Переходя к рассмотрению судеб самой римской Церкви, автор замечает, что она «к началу XIX в. оставалась неизменной в своей доктрине, святой в своей морали и обильной выдающимися людьми и святыми, так что в этом отношении она, каковы бы ни были её темные пятна, выше всякого сравнения».

Почти все папы этой эпохи были великими святителями и правителями, и имена Бенедикта XIII, Климента XII, Бенедикта XIV, Климента XIII и Пия VI затмевают собою, по мнению автора, блеск имен самых выдающихся европейских государей.

Старые, неиссыхающие корни Церквей Франции и Италии продолжают приносить «изысканные и редкие плоды» – истинных святых, как св. Франциск, св. Лигуори и блаженный Реалино в Неаполе; блаженный Бальдинуччи во Флоренции; св.

Павел де-ла Круа в Риме; св. Бенедикт Лабр во Франции и Луиза де-Франс в Париже.

Но весь этот блеск величия и святости не спасли Церкви от внутреннего раздора, почти разложения. Вся католическая Европа была к концу XVIII ст. пропитана тем утонченным протестантизмом, который назывался то галликанством, то янсенизмом, то, наконец, иозефизмом. Радикальный иллюминат Вейсхаупт основывает в это время франкмасонства, куда вступают даже немецкие епископы; с другой стороны, рационалистическая и демагогическая философия кружит головы королям, королевам, принцам и министрам. И вот, благодаря всему этому, вольтерианцы и янсенисты вырывают у папы Климента XIV буллу об уничтожении иезуитского ордена (Compagnie de Jésus), – армии, состоявшей из 22.000 воинов, из которых 5000 миссионерствовали среди неверных.

Непогрешимый иерарх, подняв руку на эту воинственную компанию, едва не сокрушил, если верить о. Форбсу, самой Церкви: «зачахли миссии в Бразилии, Мексике, Парагвае, Канаде, Индостане и Китае. Обнаружился полный недостаток в священниках. Конгрегация пропаганды веры была дезорганизована, семинарии начали закрываться, монастыри, бывшие некогда рассадниками апостолов, обратились в руины. Началось настоящее всемирное землетрясение, грозившее смести Церковь с лица земли. И когда после всех этих ужасов вновь занялась заря, то папа Пий VII, подобно пророку Иезекиилю, увидел вокруг себя, насколько хватал глаз, беспредельную пустыню, усеянную иссохшими костями. «И эта картина – не плод фантазии, – прибавляет о. Форбс, – но строгая истина».

Таким образом, разгадка всех тех грозных событий, которые на рубеже 18 и 19 столетия потрясли весь гражданский и политический строй Европы до самых его сокровенных фибр, найдена. Закрылся, по проискам сатаны орден иезуитов, – эта ось мира, – и Церковь пала, мир вышел из своей колеи. Очевидно, что о. Д. Форбс прежде всего иезуит и только потом католик. Он без колебания развенчивает главу Церкви от

ореола непогрешимости, раз только папа занес свою руку на духовных сынов Игнатия Лойолы.

Но вот Пий VII восстановил орден иезуитов, новая жизнь повеяла над католическим миром. Положение Церкви во Франции упрочилось благодаря конкордату; вместо отживших религиозных орденов возникли новые, юные конгрегации, – новые богатые рассадники апостолов: отцы Искупления (редемптористы), о. о. Страстей Господних (пассионисты), о. о. Св. Духа, о. о. Св. Девы Марии (маристы), бельцы св. Девы «о. о. пикпусисты», – и Господь, видя отступничество королей, этих прирожденных патронов миссионерства, чтобы вознаградить Церковь и не допустить её оскудения, призвал к жизни «народный обол», насчет которого конгрегация пропаганды издержала на своё дело в течение 60 лет 300 миллионов. Церковь, таким образом, вновь стала способной к великим задачам и предприятиям, а глава её убедился, что нет для неё надежд вне ордена иезуитов и его принципов.

Восстановление знаменитого ордена и обновление Церкви повлекло за собою новый пышный расцвет миссионерства во всех концах мира.

Индостан от Афганистана до пределов Китая, с его 287.000.000 жителей, перешел во владение Англии, и под кровом абсолютной свободы вероисповеданий, которая внушена ослепленным отщепенцам от истинной Церкви Самим Провидением, водворилась Церковь римско-католическая со своей иерархией, школами и университетами, усердно посещаемыми молодыми браминами.

Как только католическая наука проникла в недра касты браминов, ведущей за собой весь индостанский мир, обращения умножились, и числа католиков с 475.000 в 1800 году поднялось до 2.000.000 в 1900; число же миссионеров за этот же период времени с 22 возросло до 2.000, и в Индостане учреждено постоянное апостолическое легатство.

Индокитай в XIX ст. стал французским владением, и число католиков с 320.000 в 1800 году возросло до 700.000 в 1900 г., т. е. возрастание числа католиков не обогнало естественного увеличения населения.

В Австралии, по словам автора, в 1800 г. не было ни одного священника и ни одного католика, в 1900 же году католиков насчитывается около миллиона.

В Океании и в меланезийских областях автор насчитывает свыше 5½ миллионов католиков, в Китае – миллион.

«Но как ни изумительны эти успехи, они ничто по сравнению с тем, что сделано в Африке», – говорит автор.

«Африка уже разделена Римом, в качестве страны уже покоренной, на апостолические викариаты», прибавляет он.

Но что-же на самом-то деле достигнуто Римом в Африке? На это отвечает нам апостолический викарий сенегальских миссий, монсиньор Булеон, по-видимому, не принадлежащий к собратьям о. Форбса по ордену: «Ислам, недавно писал он, из Африки вздымается, как потоп. И, если не последует непосредственного вмешательства Самого Господа, ислам затопит нас». И вот, перед этими-то блистательными успехами меркнет всё, – тоже блистательное, – достигнутое там Римом!

В южной Америке автор насчитывает более 40.000.000 католиков. При этом надо заметить, что «южно-американские Церкви пробудились от долгого сна в 1832 г., когда иезуиты возвратились в Парагвай и в 1842 г., когда они явились в Мексику, Чили, Колумбию, Эквадор и Бразилию.

Очевидно, что, по мнению автора, католическая Церковь сама по себе не имеет никакой внутренней живой силы и быстро погибла-бы, если бы её не спасли от такой участи иезуиты.

В Сев. Америке в 1800 г. был всего только один епископ, 30 священников и 30.000 католиков. Теперь там 92 епископа, из которых 12 – в сане архиепископов, 9.000 священников и 10.000.000 католиков. Эта «невероятная разница» между началом и концом века так поражает автора, что он не считает нужным объяснить, что увеличение числа католиков в С. Америке было результатом не прозелитизма, а того обстоятельства, что в Америку в течение XIX столетия переселилось свыше 10.000.000 католиков из Европы (ирландцы, итальянцы, южные немцы, португальцы, поляки).

В Канаде в начале истекшего столетия было 63.000 католиков, теперь там 2.000.000, и «в 2000-м году будет

20.000,000».

В самой Англии с Шотландией число католиков с 120,000 человек возросло до 2.000,000, причем, нет ни одного знатного семейства, в числе членов которого не насчитывалось-бы одного-двух католиков.

В Германии в 1800 году насчитывалось 6.000.000 католиков, «управлявшихся епископами янсенистами, иозефитами, нередко иллюминатами и даже франкмасонами». Католическая Германия в настоящее время представляет собою компактную массу из 18 миллионов верных, руководимых в религиозном отношении образцовыми епископами, которые почти все вышли из германской коллегии в Риме, а в политическом – партией центра, являющейся самой крупной и влиятельной силой в Германском рейхстаге.

Перечисляя прочие государства Европы, автор всюду видит ту же картину: всюду число верных возросло за истекшее столетие вдвое, втрое, в 4, в 5, в сто раз.

«Медленно, но неуклонно, – говорит автор, – католицизм рассеивает вокруг себя тучи, нагнанные ненавистью и предрассудками, и является ныне пред населением востока, как единственная Церковь, обладающая неизменностью учения, силой дисциплины и истинным милосердием». Куба, Филиппины и Китай, прибавим со своей стороны, в самое недавнее время получили незабываемые доказательства этого «истинного милосердия».

По воле Провидения, Англия распространяет свои владения на весь мир и всюду устанавливает полную, безграничную свободу веры. Под покровом этой свободы католицизм устанавливает *свои* учреждения и таким образом протестантская Англия является могущественным деятелем на пользу римской Церкви. С другой стороны, не менее чудесным представляется и то обстоятельство, что главным рассадником миссионеров является Франция, та Франция, правительства которой и большая часть населения всегда относились к церкви более или менее враждебно. Из 13,300 действующих католических миссионеров-священников 11,500 доставлены

Францией, а из 42.000 миссионерок-женщин 35,000 – французки.

Остановливаясь на этом факте, автор приходит к заключению, «что Господь сотворил для Церкви Своей великие дела; и всё указывает, что апостольство Церкви примет отныне размеры, неведомые для минувших времен». Церкви остается теперь, главным образом, достичь того, чтобы чудовищные суммы, которые тратятся теперь на протестантскую и методистскую пропаганду, – поистине королевский бюджет, – попали в руки римской Церкви. Тогда-то уразумеют народы слово пророка: *In fines orbis terrarum exivit sous eorum!* (до предела круга земного достиг голос их)».

Итак, католическое миссионерство в настоящее время почти исключительно лежит на плечах Франции. На это верные римской курии французы могут с горечью заметить. «Да, мы обращаем к истинной вере других; но сами-то мы явно идем к гибели!»

Автор отвечает на такие сетования следующим образом. «Прежде всего, – говорит он, – а priori невероятно, чтобы католическая Франция, несущая Свет Евангелия другим нациям, могла скоро погибнуть. Хотя Господь Бог и может обойтись без того или другого народа, как и без того или другого отдельного лица, но в настоящее время некому заменить Франции в её провиденциальной роли, ибо она является почти единственным рассадником миссионеров и миссионерок, – следовательно, она не погибнет. И эта миссия, будучи её славой, в то же время является талисманом её собственного спасения.

Таким образом, гибель Франции отсрочена единственно потому, что всемогущий Господь не имеет пока еще кому передать её миссионерской роли! О. Джемс Форбс смотрит на христианского Бога за-панибрата, – как какой-нибудь чуваш на своего самодельного фетиша. С одной стороны Господь Бог всемогущ, а с другой он все-таки не может обойтись без Франции, – и только благодаря такому безвыходному для Господа положению, гибель Франции отложена на неопределенный срок, вероятно до того обетованного часа, когда римской Церкви удастся, наконец, наложить свою руку на

«чудовищные суммы, идущие теперь на методистскую и протестантскую пропаганду».

«Без сомнения, – продолжает автор, – на горизонте есть черные точки: никто из тех, кто любит Францию, не может без живого беспокойства смотреть на то, что рабочие классы удаляются от Церкви и *в массе* подают голос против неё.

Но это тревожное явление не может приводить нас в отчаяние, пока не доказано, что оно неизлечимо; а это не только не доказано, но совсем напротив, и мы с удовольствием повторяем здесь слова Льва XIII: «Ни одна из нравственных болезней, которыми страдает Франция, не является болезнью смертельной; все они излечимы».

Во многих местах Франции народ отрекся от истинной Церкви и стал ей враждебен, это ясно. Но что сделано, чтобы предотвратить это отступничество или вновь приобрести для Церкви отпавших?

Издержали-ли на народ хоть четвертую долю тех сумм, которые нередко расточаются на высшие и средние классы?

Эти последние, если брать вещи в общем, едва возвращают посев. Почему не испробовать обратиться к рабочим классам? Когда пожелали иметь (на всякий случай) в своём распоряжении сухопутных и морских офицеров, – их приобрели; их приобрели, воспитав их. Точно также, когда сочли нужным иметь христиан в среде инженеров, медиков, судей и адвокатов, то было достигнуто и это. В тот день, когда серьезно будет признано нужным иметь христиан в среде избранных рабочих, мастеров, надсмотрщиков, они явятся; для этого придется только взять на себя труд воспитать их с малых лет.

Мы не теряли нашего времени напрасно, обращаясь к образованным классам. После 50-летней работы «свободные» коллегии процветают и стоят выше правительственных. Поэтому всюду в высших слоях общества находятся тысячи верующих католиков, преданных Церкви. И результаты были бы еще более внушительны, если бы было обращено более решительное внимание на «высокую коммерцию» (*haut commerce*) и крупную промышленность. Тем не менее уже сотни фабрик

преобразованы их патронами по христианскому типу, и это не только на севере, но и в Реймсе, Марселе, Лионе и на западе».

Стоит остановиться на минуту на откровениях автора.

Читая приведенные строки, невольно спрашиваешь себя, да с кем же мы имеем дело – с проповедниками слова Божия, обращаемого открыто, при сиянии дня, ко всему миру, или же с политическими заговорщиками, ведущими тайную пропаганду среди тех общественных кругов, при помощи которых во Франции легче всего захватить в свои руки государственную власть?

Откровенный и не возбуждающий никаких сомнений ответ на этот вопрос дает нам о. Д. Форбс. Если бы римскую Церковь интересовала только проповедь слова Божия, то ни малейших препятствий для этого во Франции не встретилось бы, и Евангелие проповедовалось бы среди тех, для кого оно принесено на землю, безвозбранно. Но римскую Церковь эта проповедь сама по себе интересовала в столь малой степени, что она, не смотря на свою изумительную энергию и настоящую армию своих служителей черного и белого чина, допустила, по словам своего апологета о. Фарбса, «массовое отступничество простого народа». Объяснение такого явления заключается в традиционном приеме римской Церкви воздействовать на массы не непосредственно силою учения, а через посредство светской власти и тех мероприятий, которые находятся в распоряжении последней – до тюрем и костров включительно.

Поучительно также знать, что значит, по мнению о. Форбса, «преобразование промышленности по христианскому типу».

Хозяева фабрик и заводов, отдавшие себя руководительству иезуитов, требуют от рабочих и их семейств обязательного исполнения всех обрядов римской Церкви, а особенно исповеди. Католическая исповедь, не имеющая ничего общего с исповедью у других ветвей христианской Церкви, является одним из самых могущественных орудий, посредством которого патеры господствуют над своей паствой, особенно над женской половиной её. Там, где она существует, центр тяжести семейной жизни от домашнего очага переносится в исповедальню. Благодаря исповедальне, патеры становятся

«руководителями совести», употребляя это руководство в стиле иезуитской морали и пользуясь им для преследования единственной цели – «для вящей славы» римской Церкви. Воздействуя на женскую половину паствы, они, чрез посредство её, вынуждают мужчин к денежным жертвам в пользу римского престола и к подаче голосов на городских, земских и государственных выборах, в пользу указываемых ими лиц. Этим объясняется, между прочим, то непостижимое на первый взгляд явление, что во Франции даже в сенаторы иногда избираются люди, избличенные в лжесвидетельстве на суде, – что, согласно иезуитской морали, является не преступлением, если оно совершено так или иначе на пользу римской Церкви, а подвигом.

Тех из рабочих, которые отказываются подчиниться таким требованиям и обращать свою семейную жизнь в игралище «руководителей совести» их жен, хозяева выгоняют на улицу. Это и называется «реформированием промышленности по христианскому типу».

«Католическая партия пока еще не объединилась, – продолжает автор, – но во всяком случае она уже существует, чего совсем не было с 1800 по 1845 году.

Во Франции, как это разумеется само собой, всегда были и есть верующие католики, которые отказываются отождествлять земные интересы римского престола с вечными интересами вселенской Церкви. Они-то и вносят во французский католический мир то разъединение, которое оплакивает автор, но которое в действительности свидетельствует, что католицизм еще не совсем выродился в иезуитизм.

«Но как ни велики успехи римской Церкви в среде высших и средних классов Франции, «грудь её разъедается ужасающей язвой – отступничеством от церкви народных классов. Зло это приняло такие размеры, что есть отчего прийти в отчаяние», – говорит Д. Форбс.

В заключение автор переходит, как того и следовало ожидать, к судьбе католицизма в России. «Русская схизма, – говорит он, – поклялась покончить с католицизмом в Польше. Но ныне Польша насчитывает 6.214.500 католиков и только

398.000 схизматиков, по большей части не польского происхождения, при чем в селах 100%, а в городах 95% строго исполняют религиозные обряды. Таким образом, схизма потерпела полное крушение».

Когда русская схизма клялась покончить с католицизмом, правдивый историк не сообщает. Очевидно, сила его воображения к концу его труда истощилась.

Сокрушив «русскую схизму», автор прибавляет: «Государи, восстававшие против папы, погибли внезапным и жалким образом, и их ужасный жребий служит комментарием к известному изречению Тьера: *Qui mange du pape en meurt* (Кто вкусит от папы – умрет).

Эта откровенная угроза обращает нас к тем временам, когда католицизм, пользуясь человеческим безумием, подвигал руку фанатиков на цареубийство, когда принятие причастия из рук папы грозило отравой. О. Форбс полагает, очевидно, что времена эти еще не прошли, и напоминает государям о возможности «внезапного жалкого конца», если они не склонят выи своей перед папством, не останавливавшимся перед ускорением «жалкого конца» непокорных, если это почиталось нужным для вящей славы римской Церкви.

Мы видим, что у о. Форбса нет недостатка ни в откровенности, ни в смелости. И недавние события в «рассаднике католических миссионеров» удостоверяют, что эти угрозы врагам папства «внезапным жалким концом» – не пустая похвальба, а серьезное предостережение, с которым следует считаться.

Библиография

**Виноградов А. Священник Евгений Ландышев.
Сборник простонародных внебогослужебных
бесед, поучений и воскресных чтений в школах.
Вып. 1. Шадринск. 1900 г. in 8° 48 стр. ц. 40 коп. //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 4 С. 572–573**

Названный сборник бесед представляет плод проповеднической деятельности о. Ландышева и издан им с целью восполнить замеченный им пробел в нашей проповеднической литературе. «Необработанного материала для внебогослужебных бесед и воскресных чтений в школах очень много, говорит он, систематических же, готовых для бесед и чтений сборников – у нас почти, что нет... В виду сего я и приступил к изданию своих бесед, которыми каждый священник или учитель может пользоваться без подготовки». Беседы и проповеди о. Ландышева были напечатаны на страницах некоторых духовных журналов (Воскр. День, Воскр. Чт., Паст. Собеседн.) и это обстоятельство служит для автора достаточным ручательством за полезность и практичность его творений. Впрочем одной этой поруки не находит о. Ландышев достаточной для себя в деле продолжения издания своих проповедей: продолжение последует лишь тогда, говорит он, «если в распространении этого первого выпуска я встречу сочувствие власти и духовенства».

Что же можно сказать об этом первом выпуске, чего можно ожидать по нему от полного сборника? Посмотрим. Пред нами небольшая брошюрка в 48 стр., содержащая 6 внебогослужебных бесед и чтений и 3 кратких поучения. Кроме первой беседы, составленной на тему: «не отказывайся жертвовать на храм Божий», – все поучения и чтения написаны на некоторые праздничные и один воскресный (поуч. в нед. по Рожд.) дни. Как внебогослужебные, так и церковные проповеди построены по такому типу: рассказ воспоминаемого события – рассказ большею частью обстоятельный, с объяснениями, и назидание, вытекающее из этого рассказа. Передавая события из священной новозаветной истории, автор широко пользуется и

преданиями церковными (напр. о Пресвятой Богородице, о Симеоне Богоприимце); подтверждая свои выводы и назидания, – приводит факты из жизни прославленных Церковью святых и из современной жизни людской, как примерами, пользуется рассказами, рассеянными по разным изданиям русской литературы. – Выводы из рассказов и поучений делаются о. Ландышевым довольно практические, близкие интересам и нуждам народа: так событие Сретения Господня старцем Симеоном дает автору повод говорить о мирной, безмятежной кончине человека; вход Господа в Иерусалим, Воскрешение Лазаря заставляют, раскрыв истину всеобщего воскрешения, подтверждать её примерами явления умерших; избиение вифлеемских младенцев – служит мотивом к поучению о добром обращении с детьми.

Речь автора простая, без всяких претензий на ораторское красноречие, а потому и удобопонятная для всякого. Чувство меры, ясное сознание цели, которой должен служить собираемый в проповеди материал, – заметны везде.

Бесспорно, сборник проповедей о. Ландышева содержит черты, могущие возбудить сочувствие к себе. Но не трудно предвидеть, что такое сочувствие легко может оказаться лишь платоническим. С одной стороны, не без крайности взгляд о. Ландышева на всю существующую у нас многочисленную проповедническую литературу, будто среди неё *почти что нет готовых для бесед и чтений сборников*, так что и сборник о. Ландышева не новое слово; а с другой стороны – цена данного 1-го выпуска довольно высока: 48 стр. – 9 проповедей – 40 коп. Невольно напрашивается сравнение этого сборника – хотя бы с изданием Спб. Братства Пресвятой Богородицы «Внебогослужебные беседы пастыря с пасомыми». Каждый из 11 выпусков этих бесед содержит более, чем по 250 стр., и стоит только по 50 коп.

Священник А. Виноградов

Виноградов А. Протоиерей Знаменский. В. Учение о богослужении православной Церкви. Изд. 2-е исправленное. Симферополь. 1899 г. 123 стр. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 573–574

Книжка о. Знаменского, носящая указанное заглавие, содержит в себе, во-первых, выяснение и решение общих вопросов касательно богослужения христианского (понятие, происхождение, цель, виды, совершители его, церковные одежды, сосуды и т. п.), во-вторых, объяснительное изложение самых чинопоследований богослужения: а) общественного – с отдельным обозначением богослужебных особенностей разных праздников и постов и – в) частного.

Предметный распорядок книги – естественный и столь обычный, что особых замечаний не требует. Указать можно разве то, что в изложении частного богослужения автор почему-то выделяет в особые рубрики лишь чинопоследования над умершими, молебные пения и водоосвящения, а все прочие виды частного богослужения объединяет в небольшой главе под заглавием «Дополнительные замечания».

Содержанием своим книга о. Знаменского дает достаточный материал для элементарного уразумения, а *отчасти и пастырского* разъяснения церковного богослужения, причем материал этот изложен компактно, без излишних пространностей. В тексте введены многие церковные песнопения и молитвословия с переводами и объяснениями.

Но, не умаляя указанных достоинств труда о. протоиерея, не можем не отметить некоторых недосмотров и неправильностей в рассматриваемой книге. Так проскользнула, напр., корректурная, очевидно, неисправность в чине погребения, где возглас священника по заупокойной ектеньи читается: *Яко Ты еси освящение...* – вместо воскресение (III стр.). По местам встречаются не вполне отчетливые объяснения автора. Так, на стр. 71, в описании богослужебных, особенностей малых, средних и великих праздников не обозначено различия в богослужении малых праздников,

отмеченных в типиконе красною и черною дугою с тремя точками. Общие отличия этих праздников перечислены, но которые из них связаны с каждым знаком – не упомянуто (71 стр.) Читая это место, можно подумать, что в церковном уставе оба знака малых праздников употребляются безразлично.

В объяснении слов: «Господи спаси благочестивыя и услыши ны» допущена уже прямо неправильная мысль. По автору, в этих словах «содержится моление, чтобы Господь спас, не осудил *благочестивых, т. е. православных*, которые осмеливаются вместе с ангелами петь Ему трисвятую песнь» (53 стр.).

Мысль эта не оригинальна и не одним о. Знаменским высказана, но тем не менее она не верна. Ведь если благочестивые – это православные, то к кому-же причисляет себя диакон, возглашающий эти слова, к кому относится: «и услыши *ны*»? Очевидно, автор не знаком с историей этого возглашения на литургии и не знает, что благочестивые – это «Благочестивейшия» Особы Царствующего Дома. В Церкви константинопольской данное возглашение возносилось от лица духовенства как-бы в ответ на поминовение патриарха и духовных лиц со стороны императора.

Священник А. Виноградов

Чельцов М., Субботин Н.И. проф. Мысли и заметки по вопросам о расколе. М. 1901 г. 63 стр. ц. 50 коп. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 575–577

Субботин Н. Ив., оставивши издание «Братского Слова», не прекратил, к радости искренних его почитателей, литературной работы и издания своих литературных трудов. Эти он продолжает печатать исключительно в московских журналах – Душеполезном Чтении, Вере и Церкви и Русском Вестнике, а некоторые – издавать отдельно. Так, им совершенно недавно переиздана брошюра «Раскольничий лжеучитель Швецов пред судом одного из своих собственных епископов» (М. 1899 г.); в прошлом году обнародовал «обличение еретичеств Арсения Швецова, именуемого епископа старообрядцев, составленное Механиковым, по благословению Иоанна Картушина». Сейчас пред нами новая его брошюра с вышевыписанным заглавием. Изданное в этой брошюре печаталось автором в 1900 году в Душеполезном Чтении.

В *первой* главе этой последней брошюры автор рассуждает о том, «что нужно ослабить и даже уничтожить раскол». К рассуждению этому автор вынуждается заявлением известного о. Пафнутия, бывшего раскольничьего епископа, сказавшего одному «русскому», что «дайте раскольнику в руки грамматику, и раскол не существует». Это мнение Пафнутия у нас очень распространено, особенно среди светских писателей, трактующих о расколе. Субботин, однако, вполне справедливо почитает его неверным. Он указывает, с одной стороны, между прочим, на самого Пафнутия и на архим. Павла прусского, не знавших грамматики и тем не менее познавших ложь раскола и истину православия, и с другой – на братьев Денисовых, Швецова и на многих питомцев Швецова – новейших раскольничьих писателей, изучивших не одну даже грамматику и однако твердо пребывающих в расколе. По мнению Субботина, «не в грамматике дело, а в том, что на внутренних очах старообрядца, на уме его и сердце, лежит покрывало, которое не дает ему видеть, понять и почувствовать, что

любимые им книги ясно обличают неправду раскола и зовут его к Церкви» (стр. 5). Поэтому для прекращения раскола необходимо содействие благодати Божьей, для привлечения которой раскольникам нужно отложить их гордость с сопутствующим ей невежеством. Православные же радетели о спасении старообрядцев могут только располагать их к восприятию этой благодати Божией, – располагать чрез раскрытие им истины православия и неправды раскола на устных беседах и посредством печатного слова.

Вторая глава разъясняет, – «православны-ли и единомысленны-ли в вере духовные вожди старообрядцев, их пастыри и архипастыри?» В ней автор, представивши справку о появлении и распространении чрез Швецова еретического учения о подлетном рождении Сына Божия и исхождении Св. Духа от Бога Отца, излагает содержание написанного в изобличение еретичества Швецова, по поручению Иоанна Картушина, В. Механиковым, сочинения под заглавием: «Защита Белокриницкого устава пред судом православия», в коем Швецов признается проповедующим арианство и разные иные ереси. Здесь же излагается содержание ответа Швецова «Исповедание веры», где Швецов «предает проклятию и анафеме» тех, кто мудрствует не так, как он, т. е. Механикова и самого Картушина.

Третья и четвертая главы раскрывают, «какое понятие о расколе, его характере и отношениях к православной Церкви дает внешняя раскольническая литература?» Указавши, что если в XVIII столетии громадное большинство раскольнических сочинений и притом самых видных из них принадлежало безпоповцам, а теперь поповцам австрийского согласия, окружникам, преимущественно «братчикам», т. е. членам старообрядческого «Братства св. Креста», автор переходит к изложению и характеристике одного сочинения, написанного Иоанном Картушиным еще в бытность его простым казаком Дона. Заинтересовался этим сочинением наш автору не в виду достоинств его, а в виду авторитетности и высоты положения в расколе автора его. Сочинение написано Картушиным в ответ на пять вопросов к нему одного безпоповца, написано очень

безграмотно, несвязно; ответа на запрос безпоповца в нём никакого не дается; автор в нём является обыкновенным поповцем старого закала, крепко преданным расколу и упорно защищающим его. – Что касается характера, приемов и способов литературного писательства нынешних апологетов раскола, то г. Субботин находит у них а) непризнание авторитета за старопечатными книгами, б) стремление пользоваться, чем только возможно, из сочинений светских и духовных писателей из «никониан» и даже из книг католических и протестантских, в) склад речи, или язык, ими усвоенный, – мало чем отличающийся от современного литературного языка, г) ловко составленные софизмы и д) озлобление и дерзкую брань на православную Церковь и её защитников.

Таково содержание интересной книжки проф. Субботина. Если в первой её главе автор посвящает читателей в его «мысли» о расколе, как плод его долголетнего знакомства с ним, то в последних трех главах он знакомит нас с современным нам расколом, с некоторыми движениями и явлениями его внутренней жизни. Книжка его поэтому имеет немалое значение для интересующихся расколом и прочтется ими с большим интересом. Издана книжка очень тщательно, чисто и, можно даже сказать, изящно.

М. Чельцов

**А. Ф. «Можно-ли воевать?» – С присоединением
статьи Л.Н. Толстого о приближении конца войны.
(Издание Ф.А. Семенова). С.-Петербург. 1901 г. Ц. 40
коп. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 577–
578**

Вопрос о войне является одним из популярнейших и животрепещущих вопросов нашей современности. Ему посвящено много книг и много страниц в светских и богословских журналах как за границей, так и в России. В нашей богословской литературе среди большого числа произведений, касающихся этого вопроса, мы имеем немало весьма обстоятельных статей, вполне ясно и логически раскрывающих несостоятельность некоторых современных толкований о войне и об отношении к вопросу о ней христианского вероучения. Само собою разумеется, что наиболее важный – в культурном, политическом или религиозном отношении – вопрос требует и наиболее осторожного обращения с собой, и, по нашему мнению, гораздо вреднее для общества неумелая защита какой-либо истины, чем самое ожесточенное нападение на неё. К числу произведений, содержащих подобную неумелую защиту истины, нужно отнести и анонимную брошюру «Можно ли воевать?» – Главную отличительную черту этого произведения анонимного автора составляет полное отсутствие логики, с которым может соперничать только разве полное же отсутствие в нём грамматики. Оно представляет ряд мудрствований автора, менее всего касающихся самого вопроса о войне, неумелых и неуместных ссылок и заимствований из Прудона, «Недели», В. С. Соловьева, Юлия Цезаря, Хомякова... И в этих излияниях автора, перемежающихся с надерганными у разных писателей цитатами, нет возможности найти какую-либо руководящую нить. В какой-то непонятной суматохе снуют перед читателем, как и перед самим автором, – Платон, Фенелон, Л. Н. Толстой, Прудон, Тацит, Наполеон, Ламартин, И. Аксаков, Девора и Варак...

В одном месте своей брошюры автор вопрошает: «Как же Евангелие смотрит на войну?» Отвечая на этот вопрос, автор в подтверждение правильности своих соображений ссылается на авторитет... Гегеля и Ницше, Далее, на вопрос: «запрещает ли хотя косвенно Евангелие войну?» – он дает такой ответ: «война *запрещается* не буквою Евангелия, а духом его», а тут же решительно, без всяких пояснений, высказывает: «Христианство, *не затрагивая* вопросов внешней общественной жизни народов, поступает весьма разумно и осмотнительно, если можно так выразиться» (6). Как примирить эти «запрещается» и «не затрагивая», и давно ли буква Евангелия стала противопоставляться духу его?

Или вот еще перл эрудиции и мудрования нашего автора. Натолковавшись вдоволь о взглядах Прудона и, по-видимому, вполне соглашаясь с ним, автор на стр. 32 говорит: «Теперь следует остановиться на взглядах на войну психолога Вундта и наших русских славянофилах (славянофилов?)... Конечно, Вильгельм Вундт, считая войну лучшим воспитательным средством в отношении гражданского чувства долга, подобно Прудону, *пересаливает*, а также, слишком идеализируя войну, *очень возлагает* на неё, подобно Прудону, большие задачи воспитательные; *едва-ли можно сомневаться в том, что у нас не имеется* других, кроме войны, вспомогательных средств в деле нравственного и политического воспитания народа. Однако мнение Вундта, как и Прудона, хотя и страдают крайностями, но тем не менее – это зрелые суждения, *имеющие своё нравственное значение*» (32–33). На стр. 48 читаем: «Большая часть причин отказов первых христиан от военной службы покрыта мраком неизвестности, и, когда Ориген в сочинении против Цельса запрещает всякое кровопролитие между людьми, то он имеет в виду *не войну и военную службу, а военное дело в языческих государствах*».

Словом, избранный автором животрепещущий вопрос о войне оказался выше понимания автора, а потому предостерегаем читателей журнала от покупки и чтения его брошюры.

А. Ф.

Леонович М. Книги по борьбе с пьянством //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 4. С. 578–581

[1]) **Алкоголизм и питейное дело.** Проф. психиатрии И. А. Сикорского. Киев. 1897. Цена 50 к.

2) **Отчего гибнут люди?** Сборник бесед и поучений против пьянства. Спб. 1900. Цена 25 коп., стр. 242

3) **Пора опомниться.** Сборник бесед, проповедей и поучений против пьянства Вып. 1. Спб. 1900, стр. 224. Цена 25 коп.

4) **Азбука трезвости.** Сборник религиозно-назидательных статей, рассказов и стихотворений о вреде пьянства и пользе трезвости. Свящ. А. Рождественский. Ц. 50 к. Спб. 1900 г.

5) **Жертвы пьянства.** Свящ. А. Рождественский. Спб. 1900 г., стр. 404. Ц. 30 коп.

6) **Беседа старого я юного трезвенника** о погибельном пьянстве и о пользе трезвости. Свящ. А. В. Рождественский. Спб. 1900 Г., стр. 38. Ц. 5 коп.

Борьба с пьянством есть одна из важнейших общественных задач нашего времени. «К числу самых крупных зол текущего столетия по справедливости должен быть причислен алкоголизм. Значение этого зла старались определить сравнением его с давними общеизвестными бичами человечества, именно, голодом, эпидемиями, преступлениями, пожарами и войнами. По всестороннем обсуждении оказалось, что алкоголизм не только превосходит каждое из означенных бедствий порознь, но по своим ужасам превосходит их все, вместе взятые». Так пишет об алкоголизме авторитетный профессор Сикорский, интересная брошюра которого посвящена научному исследованию губительного действия алкоголизма и указанию важнейших мер против него. При помощи статистики почтенный психиатр показывает, что «влияние алкоголя особенно заметно на возрастании числа тяжелых преступлений» (стр. 6), что «приблизительно пятая и даже четвертая часть всех случаев помешательства обязана своим происхождением алкоголю» (стр. 7), что «около половины

всех случаев идиотизма в Париже стоит в зависимости от пьянства» (9 стр.). Но особенную опасность представляет высокая цифра алкоголиков-женщин. В алкоголизме русской женщины болезненная наследственность найдет себе торный путь к вырождению русского народа!

Широкое распространение пьянства, ужасные бедствия, которые оно причиняет человечеству и особенно русскому народу, давно уже побудила общества и правительства выступить на борьбу с алкоголизмом. Меры против него могут быть подразделены на 3 категории: 1) народные, 2) государственные и 3) общественные. Рассматривая меры народные, проф. Сикорский с грустью отмечает, как министерство финансов затормозило народное движение против пьянства, поддерживаемое духовенством, в начале 60 годов. Он отмечает любопытный факт, что «наши сектанты (штундисты и малеванцы) пользуются народным движением против пьянства и своей горячей борьбой с пьянством и успехами снискивают себе более всего прозелитов». Характерно то, что «они не отделяют народных пороков, особенно пьянства, от принадлежности к православной Церкви и вследствие того ставят в вину Церкви её воображаемую неспособность бороться с пьянством. Таким образом, негодование, направленное собственно против пьянства переносится на деле и на православную Церковь. Поистине, это самое печальное *aberratio delicti*, какое может дать жизнь. Нам случалось даже слышать выражение глубоко-трагического колебания и нравственной беспомощности у новых сектантов: им казалось, что никто не мог избавить их от пьянства – ни царь, ни духовенство, – и что им не оставалось другого исхода, как переменить веру. Требовался полный, окончательный разрыв с пьющими людьми. Такой тяжкой ценой народ ищет завоевать себе свободу от вина!» – Государственные меры выразились в крупной реформе, предпринятой нашим министерством финансов в казенной монополии спирта. Эта монополия, хотя и уничтожила старые кабаки, но вынесла пьянство на улицы, в семьи и трактиры. Нужны новые ограничительные меры. Но и эти меры могут только ослабить

пьянство. Искоренить его можно только при дружной совместной работе народа, государства и общества. В последнюю рубрику мер проф. Сикорский относит общества трезвости, земскую медицину и духовенство. Это, действительно, важнейшие факторы в борьбе с пьянством. Но этого мало. Зло страшно велико, пьянство глубоко въелось в нравы и обычаи. К борьбе с ним нужно привлечь всех. «Всякий должен везде говорить о вреде, который приносит водка, и стараться склонить как можно больше членов в общество и, если имеет влияние, то остановить увещаниями» (Бес. старого и юного трезвенника – 88 стр.). Но не всякий имеет достаточный опыт, не всякий располагает сильными аргументами и фактическими данными, чтобы убедить пьяницу в губительности его порока или растолковать простому народу пользу трезвости. Вот почему нельзя не приветствовать появления таких полезных изданий, как вышеупомянутые сборники поучений, статей, бесед и стихотворений о вреде пьянства и о пользе трезвости. Они содержат в себе богатый, умело подобранный материал в весьма простом и ясном, часто художественном изложении. Здесь найдут для себя весьма полезное подспорье в борьбе с народным пьянством и сельские священники, и учителя народных школ, и всякий, кто хочет послужить делу «нервно-психического» и нравственного оздоровления русского народа и, прежде всего, самого себя. Безусловный вред пьянства и польза трезвости здесь раскрыты весьма полно, ясно и убедительно со всех сторон и в различных отношениях, – в материальном, нравственном, общественном, религиозном. В сборниках «Отчего гибнут люди?» и «Пора опомниться!» читатель может найти богатый проповеднический материал о пьянстве. Здесь собраны лучшие беседы, поучения и проповеди против пьянства – различных отечественных проповедников, среди которых стоит высокочтимое имя о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского). Более разнообразный материал собран в «Азбуке трезвости». Она разделяется на три части. В первой части помещены некоторые святоотеческие поучения против пьянства, таковы – классическая беседа св. Василия Великого «на упивающихся», беседа «о вреде пьянства» пр. Кирилла

Философа; несколько бесед архиепископа Евсевия, св. Иоанна Златоуста и несколько статей и проповедей русских авторов. Часть II начинается призывом к трезвости (из народного циркуляра американцев), весьма логично и отдельно убеждающим всех воздерживаться от пагубных напитков и склонять к тому же других. В ряде следующих статей подробно разбираются следующие вопросы: как действует водка на человека, на желудок, на сердце, как люди делаются пьяницами? и т. п. Часть III состоит из маленьких рассказов и стихотворений, посвященных тому же «всероссийскому горю».

Сборник «Жертвы пьянства» почти весь беллетристического содержания. Среди массы мелких рассказов встречаются рассказы наших лучших писателей А. Чехова, Гл. Успенского и др. Рассказы читаются с большим интересом, Написаны жизненно и красиво. «Беседа старого и юного трезвенника о погибельном пьянстве и о пользе трезвости», принадлежащая перу того же свящ. А. Рождественского, составлена на основании брошюры английской писательницы E. Forster. «A. B. C. of Temperance», книги Прейса «Путь к трезвости» и Ярышкина «Царство зла» и «Трезвое слово». Здесь можно найти исторические справки о трезвенниках и о погибших от пьянства. Весьма убедительно и в простом, ясном изложении разбираются доводы, которыми обычно оправдывают употребление спиртных напитков (на работе, на холоде, с горя, в гостях).

Таково в общем содержание названных книг. Уже из этого краткого обзора можно видеть, как умело составлены эти сборники и как пригодны для борцов против пьянства. Изданы все перечисленные в заголовке книги прекрасно, особенно если иметь в виду их весьма дешевую цену. Смело можем рекомендовать их духовенству, учителям, для приобретения в школьные библиотеки, народные читальни и тому подобные учреждения.

М. Леонович

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 4. С. 582–598**

Назначение нового министра народного просвещения

Высочайший рескрипт, данный на имя члена государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Ванновского.

Петр Семенович. Правильное устройство народного образования составляло всегда одну из главных забот русских государей, твердо, но постепенно стремившихся к усовершенствованию в соответствии с основными началами русской жизни и потребностями времени. Опыт последних лет указал однако на столь существенные недостатки нашего учебного строя, что Я признаю благовременным безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению.

Высоко ценя вашу государственную опытность и просвещенный ум, Я избрал вас в сотрудники Себе в деле обновления и устройства русской школы и, призывая вас на особо важную ныне должность министра народного просвещения, твердо уверен, что вы строго и неуклонно будете идти к намеченной Мною цели и в дело воспитания русского юношества внесете умудренный опытом разум и сердечное о нём попечение.

Да благословит Господь Наши труды; да помогут Нам в них родители и семьи, ближайшим образом обязанные пещись о своих детях, и тогда скоро наступит время, когда Я и со Мною весь народ будем с гордостью и утешением видеть в молодом поколении твердую и верную надежду Отечества и стойкую опору его в будущем.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Искренно уважающий вас» «НИКОЛАЙ»

Царское село. 25-го марта 1901 года.

Высочайший рескрипт, коим призван маститый государственный деятель генерал-адъютант Ванновский «на особо важную ныне должность министра народного просвещения», не смотря на свою краткость, заключает в себе

глубокую программу будущей деятельности в этой преимущественной области народной жизни и государственного строения, которая называется воспитанием юношества.

Государь Император, упоминая об очень «существенных недостатках нашего «учебного строя» изволит признавать «благовременным безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению».

Вновь назначенного министра Государь Император именует Своим сотрудником «в деле обновления и устройства русской школы» и призывает благословение Божие на труды Свои и Своего помощника, ожидая, что родители и семьи помогут в этих трудах. При самодеятельности родителей «скоро – по Высочайшему слову – наступит время, когда молодое поколение станет «твердой и верной надеждой отечества и стойкой опорой его в будущем»».

Таким образом: 1) не соображениями отдельных мыслителей, а самую Монаршею мудростью признаны существенные недостатки русского учебного строя, 2) решено недостатки эти теперь же устранить, для чего и вносится в учебное дело не только умудренный опытом разум, но и сердечное попечение о русском юношестве маститого государственного мужа, и 3) родители и семьи призываются к деятельной, совместной со школою, работе на пользу молодого поколения.

Таким образом кладется конец всему тому, что в школе было формальным, чиновничьим, буквоедным и канцелярским. Решено не домыслами теории, а опытом мудрости, не холодным разумом только, но и попечительным сердцем ведать дело воспитания.

Призванный в ближайшие Царевы помощники, генерал-адъютант Ванновский был уже однажды – в смутную годину – поставляем во главе важного ведомства – военного. Ныне ему, почти в 80 лет, предстоит стать во главе переустройства дела важнейшего значения.

Да пошлет ему Господь сил исполнить предначертания Государевы, осуществить горячую надежду, главную мечту

Русского Царя и русского народа: да истина жизни царствует в школе.

Школа есть жизненный питомник будущих граждан, будущих борцов общественной и государственной жизни. В школе должны развиваться все свойства, все силы будущего гражданина.

С гордостью и утешением уповает взглянуть Царь вместе со Своим народом на молодое поколение, когда будут устранены «существенные недостатки учебного строя».

В праве же и каждый из нас уповать, как говорит «Свет», что скоро увидим мы «с гордостью и утешением» всё мертвящее изгнанным из школы и школу обращенной из места испытания в дом воспитания, из чуждого, холодного учреждения в родной, любимый дом.

Будущее принадлежит подрастающему поколению, для будущего работает настоящее.

Молодость хороша именно тем, что она свежа и сильна. Велик грех направляющих свежесть и силу эти в сторону зла. Велика заслуга того, кто сумеет дать древу юности расти полным ростом, кто ему скажет: «развивайся, крепни и зрей!»

К толстовскому вопросу

Письмо графини С.А. Толстой, к митрополиту Антонию

Ваше высокопреосвященство.

Прочитав вчера в газетах жестокое распоряжение Синода об отлучении от Церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидав в числе подписей пастырей Церкви и вашу подпись, я не могла остаться к этому вполне равнодушна. Горестному негодованию моему нет пределов. И не с точки зрения того, что от этой бумаги погибнет духовно муж мой: это не дело людей, а дело Божье. Жизнь души человеческой, с религиозной точки зрения, никому, кроме Бога, неведома и, к счастью, не подвластна. Но с точки зрения той Церкви, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, – которая создана Христом для благословения именем Божиим всех значительнейших моментов человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских... – которая громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех, – с этой точки зрения для меня непостижимо распоряжение Синода.

Оно вызовет не сочувствие (разве только «Моск. Ведомостей»), а негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъятия, и им не будет конца от всего мира.

Не могу упомянуть еще о горе, испытанном мною от той бессмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретном распоряжении Синода священникам не отпевать в церкви Льва Николаевича, в случае его смерти.

Кого же хотят наказывать? – умершего, не чувствующего уже ничего человека, или окружающих его, верующих и близких ему людей? Если это угроза, то кому и чему?

Неужели для того, чтобы отпевать моего мужа и молиться за него в церкви, я не найду – или такого порядочного священника, который не побоится людей перед настоящим

Богом любви, или непорядочного, которого я подкуплю большими деньгами для этой цели?

Но мне этого и не нужно. Для меня Церковь есть понятие отвлеченное, и служителями её я признаю только тех, кто истинно понимает значение Церкви.

Если же признать Церковью людей, дерзающих своей злобой нарушать высший закон – любовь Христа, то давно бы все мы, истинно верующие и посещающие церковь, ушли бы от неё.

И виновны в грешных отступлениях от Церкви не заблудившиеся люди, а те, которые гордо признали себя во главе её и, вместо любви, смирения и всепрощения, стали духовными палачами тех, кого вернее простит Бог за их смиренную, полную отречения от земных благ, любви и помощи людям жизнь, хотя и вне Церкви, чем носящих бриллиантовые митры и звезды, но карающих и отлучающих от Церкви пастырей её.

Опровергнуть мои слова лицемерными доводами – легко. Но глубокое понимание истины и настоящих намерений людей – никого не обманет.

Графиня *София Толстая*
26-го февраля 1901 года.

Ответ митрополита Антония

Милостивая государыня, Графиня София Андреевна.

Не то жестоко, что сделал Синод, объявив об отпадении от Церкви вашего мужа, а жестоко то, что сам он с собой сделал, отрекшись от веры в Иисуса Христа, Сына Бога живаго, Исккупителя и Спасителя нашего. На это-то отречение и следовало давно излиться вашему горестному негодованию. И не от клочка, конечно, печатной бумаги гибнет муж ваш, а от того, что отвратился от Источника жизни вечной. Для христианина немыслима жизнь без Христа, по словам Которого, «верующий в Него имеет жизнь вечную и переходит от смерти в жизнь, а неверующий не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём» (Ин.3:15, 16, 36; 5:24), и потому об отрекающемся от Христа одно только и можно сказать, что он перешел от жизни в смерть. В этом и состоит гибель вашего мужа, но в этой гибели повинен только он сам один, а не кто-либо другой.

Из верующих во Христа состоит Церковь, к которой вы себя считаете принадлежащей, и для верующих, для членов своих Церковь эта благословляет именем Божиим все значительнейшие моменты человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских, но никогда не делает она этого и не может делать для неверующих, для язычников, для хулящих имя Божие, для отрекшихся от неё и не желающих получать от неё ни молитв, ни благословений, и вообще для всех тех, которые не суть члены её. И потому с точки зрения этой Церкви распоряжение Синода вполне постижимо, понятно и ясно, как Божий день. И закон любви и всепрощения этим ничуть не нарушается. Любовь Божия бесконечна, но и она прощает не всех и не за всё. Хула на Духа Святого не прощается ни в сей, ни в будущей жизни (Мф.12:32). Господь всегда ищет человека Своею любовью, но человек иногда не хочет идти на встречу этой любви, и бежит от Лица Божия, а потому и погибает. Христос молился на кресте за врагов Своих, но и Он в Своей первосвященнической молитве изрек горькое для любви Его слово, что погиб сын погибельный

(Ин.17:12). О вашем муже, пока жив он, нельзя еще сказать, что он погиб, но совершенная правда сказана о нём, что он от Церкви отпал и не состоит её членом, пока не покается и не воссоединится с нею.

В своём послании, говоря об этом, Синод засвидетельствовал лишь существующий факт, и потому негодовать на него могут только те, которые не понимают, что творят. Вы получаете выражения сочувствия от всего мира. Не удивляюсь сему, но думаю, что утешаться вам тут нечем. Есть слава человеческая и есть слава Божия. «Слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет её опал, но слово Господне пребывает во век» (1Пет.1:24, 25).

Когда в прошлом году газеты разнесли весть о болезни графа, то для священнослужителей во всей силе встал вопрос: следует ли его, отпавшего от веры и Церкви, удостаивать христианского погребения и молитв? Последовали обращения к Синоду, и он в руководство священнослужителям секретно дал и мог дать только один ответ: не следует, если умрет, не восстановив своего общения с Церковью. Никому тут никакой угрозы нет, и иного ответа быть не могло. И я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь, даже непорядочный, священник, который бы решился совершить над графом христианское погребение, а если бы и совершил, то такое погребение над неверующим было бы преступной профанацией священного обряда. Да и зачем творить насилие над мужем вашим? Ведь, без сомнения, он сам не желает совершения над ним христианского погребения?

Раз вы – живой человек, хотите считать себя членом Церкви, и она действительно есть союз живых разумных существ во имя Бога живого, то уж падает само собою ваше заявление, что Церковь для вас есть понятие отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей Церкви в злобе и нарушении высшего закона любви, Христом заповеданной. В Синодальном акте нарушения этого закона нет. Это, напротив, есть акт любви, акт призыва мужа вашего к возврату в Церковь и верующих к молитве о нём.

Пастырей Церкви поставляет Господь, а не сами они гордо, как вы говорите, признали себя во главе её. Носят они бриллиантовые митры и звезды, но это в их служении совсем не существенное. Оставались они пастырями, одеваясь и в рубище, гонимые и преследуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и в рубище пришлось им опять одеться, как бы их ни хулили и какими бы презрительными словами ни обзывали.

В заключение прошу прощения, что не сразу ответил. Я ожидал, пока пройдет первый, острый порыв вашего огорчения.

Благослови вас Господь и храни, и графа – мужа вашего – помилуй!

Антоний, митрополит с.-петербургский

1901, марта 16.

Знаменательное письмо

На телеграмму, посланную ректором Киевской духовной академии от имени академии обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, после благодарственной молитвы по получении вести об избавлении его от грозившей ему опасности, К. П. Победоносцев отвечал следующим письмом на имя ректора академии:

«Сердечно благодарю ваше преосвященство и академию за доброе сочувствие, встретившее молитвою весть о бывшем на меня покушении. Слава Богу – жив еще: «Не умру, но жив буду и повем дела Господни!» А вам да поможет Бог уберечь вверенное вам юношество от губельной заразы, от лжи и обольщения».

* * *

С.-Петербургская судебная палата, по особому присутствию с участием сословных представителей, рассмотрев в судебном заседании, 27-го сего марта, в порядке, установленном ст. 201¹ уст. угол. суд. дело о сыне титулярного советника Николае Константинове Лаговском, обвиняемом в предумышленном покушении на убийство обер-прокурора Святейшего Синода определила: подсудимого Николая Лаговского, на основании статей: 9, 1454, 19 степ. 2, 114 и 19 степ. 6 улож. о наказ. лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы на шесть лет, с последствиями по ст. 25 того же уложения.

Самарские архипастыри в их отношении к миссионерству

Постоянным читателям «Миссионер. Обозрения» хорошо известна живая попечительность Самарского преосвященного Гурия об успехах миссионерства и его многие плодотворные распоряжения по вопросам борьбы с расколо-сектантством.

Новую заслугою этого энергичного, чуткого к церковно-миссионерским запросам и нуждах нашего времени архипастыря, – пред миссией, отечественной Церкви, является исходатайствованное им открытие в Самарской епархии викариатской епископской кафедры и назначение на эту новую кафедру единоверческого архимандрита о. Тихона. Обстоятельство это и само по себе значительно, но в тоже время новый епископ стяжал себе в летописях современной миссии почтенную известность по своим приемам и способам борьбы с лжеучениями раскола и сект миссионера.

Но прежде, чем говорить о новом Самарском епископе-миссионере, мы долгом считаем ближе познакомить читателей с первоархипастырем Самарским преосвященнейшим Гурием, помещая здесь его портрет (см. стр. 589 и 591 – эл. р.).

В высшей степени поучительными представляются биографические сведения о новом Самарском архипастыре-миссионере.

Архимандрит Тихон, – в мире Иван Иванович Оболенский, – сын священника Тамбовской губ. По окончании 5 кл. Тамбовской духовной семинарии, Иван Оболенский поступил в Казанский Императорский Университет; по окончании в нём курса нынешний епископ Тихон прослужил городским врачом в г. Елатье, Тамб. губ.

Промыслу Божию угодно было вернуть врача Оболенского на тот путь, по которому он шел до поступления в университет, т. е. к духовному званию. Проводя дни и ночи у постели больных, он научился любить людей – скорбящих... Здесь же научился верить в могущественное действие благодати Божией в таинствах св. Церкви, ибо был неоднократно свидетелем

поразительной и чудесной помощи Божией тяжелым и безнадежно больным; у постели-же больных он научился любить и уважать пастырей православной Церкви... Здесь же он познал всю пустоту и тщету мирской жизни, и постепенно Господь влек его к тому, от чего он бежал, т. е. к жизни духовной, к отрешению от мира... И вот, он решился принять монашество, чтобы быть врачом не только телесным, но и духовным, для чего и оставил службу в Елатье. Провожая своего любимого, уважаемого врача, городская дума выразила ему благодарность за девятилетнюю почти безмездную практику.

В 1890 г. он поступил вольнослушателем в С.-Петербургскую духовную академию, где в феврале месяце ректором академии, ныне высокопреосвященным митрополитом С.-Петербургским Антонием пострижен был в монашество с именем Тихона, вскоре рукоположен в иеродиакона, а затем и иеромонаха.

Пробыв 2 года в академии, иеромонах Тихон, желая учить и лечить духовные и телесные немощи, оставил академию и командирован был исправлять обязанности священника в с. Верхвины, Ново-Ладожского уезда, С.-Петербургской губернии, где неустанно проповедовал слово Божие среди раскольнического, населения, делясь из своего скудного жалованья (он получал 10 р. в месяц) с бедными, неимущими, помогая, как врач, страждущим и советом, и бесплатными лекарствами, и лечением. Здесь он близко сошелся с простым народом... Вникая в его нужды, приобрел всеобщую любовь не только православных, но и раскольников, которых нередко выручал в великой нужде. Так, однажды преосвященный Герман (покойный председатель Училищного Совета при Св. Синоде) пожертвовал 100 рублей на нужды, и о. Тихон внес эти деньги в уплату податей за беднейших раскольников. Последние не знали, чем и отблагодарить своего благодетеля... Провожая, раскольничьи вожак (12 человек) всю ночь провели с ним в беседе и расставались с ним, как со своим близким, родным человеком.

В 1891 г. иеромонах Тихон назначен был настоятелем Спасо-Преображенского единоверческого монастыря. Самарской губ., Николаевского уезда, с возведением в сан архимандрита.

Здесь началась широкая, плодотворная беспримерная, по своим методам и приемам миссионерская деятельность архимандрита Тихона среди окружающего раскольнического населения. Спасо-Преображенский монастырь преобразован в единоверческий из древнего раскольнического монастыря; в царствование Николая I, по своему положению среди сел с многочисленным раскольническим населением (по знаменитой в истории раскола реке Иргизу), он естественно должен был иметь важное миссионерское значение; но до назначения настоятелем этого монастыря архимандрита Тихона монастырь вовсе не имел такого значения; прежние настоятели мало вникали в это дело и даже не довольно ему сочувствовали. С назначением архимандрита Тихона, истинное назначение монастыря с каждым годом всё более и более проявлялось. О. архимандрит скоро оценил, какую пользу, может, оказать его монастырь для епархии в миссионерском отношении.

Благоустроив внутреннюю и внешнюю жизнь монастыря, и пользуясь его средствами, о. архимандрит прежде всего устроил в стенах монастыря церковную (2-х классную) школу для мальчиков с общежитием при ней (учащиеся все и живут в монастыре), с миссионерским отделением.

По окончании курса в школе и после 2–3-х летней практики в этой-же школе и под руководством специального миссионера лучшие из учеников-послушников выходят учителями, псаломщиками и миссионерами-священниками в единоверческих приходах. Из монастырской школы вышло более 10 человек достойных и ревностных помощников епархиальному миссионеру в борьбе с расколом. В настоящее время в школе обучается более 70 человек.

Главное внимание в школе обращается на Закон Божий, воспитательную часть и миссионерское дело, а также преподаются и медицинские сведения. В центре раскола Николаевского уезда; именно, в д. Преображенке о.

архимандритом частью на свои, частью на монастырские средства выстроена церковь-школа, стоимостью в 15000 рублей, к которой определен во священника ученик о. Тихона – правоспособный миссионер.

За устройство церкви-школы в 1899 г. строитель был удостоен благодарности от Государя Императора. Значительные средства монастыря дали возможность архимандриту Тихону в широких размерах развить и дело благотворительности по отношению к бедному раскольничьему населению, окружающему монастырь, что так размягчало загорбелое сердце закоренелой раскольничьей массы.

Снабжая бедняков-раскольников хлебом и дровами (в голодные годы монастырь не только кормил, но и платил за беднейших подати), о. архимандрит не отпускал их из монастыря без слова назидания. Нередко, по его предложению, раскольники ходили в древний монастырский храм, дорогой им по воспоминаниям, где им показывали, в обличение их лжемудрований и в наставление, древнейшие книги, говоря, что всё это опять будет их родным, если они воссоединятся с православною Церковью... И многие внимали и внимают его словам, оставляя пагубный раскол. Благодаря исключительно его влиянию, громадная раскольничья деревня «Пузаниха» стала «Преображенной».

Будучи до принятия монашества врачом, о. архимандрит открыл при монастыре приемный покой с бесплатным лечением. Бывали дни, когда в монастырь обращались за медицинской помощью до 300 человек в день; в год же обращаются до 5000 человек. За бесплатную медицинскую помощь и даровые лекарства монастырю выражена благодарность от Самарской губернской земской управы. Кроме того, монастырь участвовал и участвует своею посильною помощью при устройстве храмов и миссионерских церковно-приходских школ, в особенности в единовещеских приходах.

При содействии о. архимандрита Тихона устроены единовещеские приходы: в Богородском, Преображенке, Кушуме, Озинках и др., за что неоднократно Св. Синодом преподавалось благословение. По несколько раз в году о. арх.

Тихоном совершались миссионерские объезды по селам с раскольническим населением для бесед с этими последними – и для совершения богослужений по старым обрядам. Поездки эти предпринимались со своими певчими (до 40 человек), на своих лошадях, при своём содержании. При этих поездках бывали присоединения к св. Церкви и иногда в довольно значительном числе. Так, в селе Озинках присоединено 65 человек, во главе с австрийским лжепопом, в Богородском 60 человек, во главе с двумя начетчиками. Вообще монастырь Спасо-Преображенский при о. архимандрите Тихоне являлся попечителем и кормильцем бедных, врачом болящих, питателем алчущих хлебом, как телесным, так и духовным, т. е. словом Божиим.

Для характеристики нового архипастыря-миссионера, предоброго и искусного во врачевании духовных и телесных немощей, приведем выдержку из его речи, где находим поучительное и знаменательное засвидетельствование того факта, что истинная наука естествознания и честные её служители не находятся в противоречии с верою. Вот что говорил еп. Тихон.

«Избранием св. Синода и изволением Благодетельнейшего Государя, Императора Николая Александровича, Господь ныне призывает меня к высшему служению в Церкви Христовой в сане епископа. Никогда в жизни своей не помышлял я о сем. Совсем другую дорогу избрал я себе. Будучи по происхождению сыном священника, я бежал из духовного звания... И, увлекаясь духом времени и примером других, я оставил семинарию и поступил в университет. Здесь я со всем жаром увлекся изучением положительных наук и в особенности медициною. Я желал быть полезным человечеству, врачуя болящих. В то время к стыду нашему, все, даже и духовные, увлекались светским образованием. Вот и я вслед за другими повернул от востока к западу, – от солнца к луне, – от слова Божия к слову человеческому, которое известно под именем *науки*. Занятия мои шли успешно. В 1880 году я кончил курс.

По выходе из университета с великою горячностью приступил я к делу своему, проводя дни и ночи у постели

больных.

Лет девять я шел по этому крестному пути – любви к ближнему... И в конце концов эта дорога вывела меня на торный путь любви к Богу (Мк.12:33), Господу Иисусу Христу, этому Милосердному Самарянину, подъявшему на рамена Своя страждущего человека, *впавшего в разбойники* (Лк.10:30), покрытого ранами и язвами своих страстей и пороков.

Здесь, у постели больного, я научился любить людей скорбящих более, нежели веселящихся, – более уважать страдания людские, нежели суету мирскую.

Здесь я увидел людей и жизнь в своём настоящем виде, без ходуль, без лицемерия, а такими, какие они есть на самом деле. Скучно мне было в обществе веселых людей; не верил я в прочность веселия: ибо знал, что завтра же этот смех может обратиться в плач... Да и теперь там, за стенами веселого дома, а, может, быть, и в нём самом, где-нибудь в уголке, приютились: и страдания, и муки, и печаль, и слезы...

Далее, изучая причины болезней, я на практике убедился в справедливости словес св. Писания, что людские страдания и даже самая смерть зависят от греха: *оброцы бо греха, – смерть...* (Рим.6:23); и – что медицина и слово Божие сходятся между собою, и, научая, высказывают одну и ту же мысль, только лишь разными словами: медицина говорит: не вреди, а св. Писание: не греши. Я понял, что врачи не только должны лечить, но и учить, как вести правильную, т. е. законную жизнь, дабы избежать вреда от беззакония. Наконец, при постели больного я научился верить в могущественное действие благодати Божией в таинствах св. Церкви, ибо был свидетелем и очевидцем поразительной и чудесной помощи Божией тяжелым и безнадежным больным. Многие больные, приговоренные врачами к смерти, после исповеди и причастия Св. Таин и соборования, неожиданно для врачей вдруг поправлялись и совершенно выздоравливали.

Тяжело и прискорбно видеть, что теперь в обществе укрепилась ложная и весьма вредная мысль, что соборование есть приготовление к смерти... Не к смерти, а к жизни и исцелению болящего. *И воздвигнет его Господь: а аще грехи*

сотворил есть, отпустятся ему (Иак.5:15), говорит апостол Иаков.

Я, как врач, на опыте увидел, как великая целительная сила в таинствах св. Церкви подается даже и там, где наука и врачи совершенно бессильны, где они потеряли всякую надежду. Мне и тогда, как врачу, было прискорбно видеть и знать, какое множество больных лишается благодатной помощи лишь только потому, что с молоком матери усвоили себе ложный страх к таинствам св. Церкви!

Виденное мною всё более и более приближало меня к Церкви Божией.

Вот я и сам усиленно стал предлагать своим больным, кроме лечения, прибегать еще и к таинствам Церкви Христовой и в особенности в начале болезни.

И вот, теперь, в эту торжественную минуту, пред лицом всевидящего Бога свидетельствую, что не было ни одного случая, когда бы больные, прибегнувши с верою к благодатной помощи св. Церкви, не получили облегчения: всегда, решительно всегда замечалось облегчение, и очень часто наступало быстрое выздоровление. Таким образом я, при постели больного, научился верить в могущественную, благодатную помощь в таинствах св. Церкви и любить и уважать пастырей её.

Как-бы Сам Господь десницею Своею, самым течением моей жизни вел меня к тому, от чего я бежал, т. е. к духовному званию. И вот перст Божий указывает мне *путь, в оньже пойду (Пс.142:8).*

И я 11 лет тому назад, т. е. в 1890 г. принял монашество в С.-Петербургской д. академии и в этом-же году был рукоположен во иеромонаха. Таким образом исполнилось моё, в то время заветное, желание; достиг я, чего хотел, т. е. мог лечить и учить народ и пользоваться его благодатию в таинствах св. Церкви. В 1891 г. Св. Синод послал меня работать и трудиться на Иргизе среди так называемых старообрядцев... И за всё сие время я весьма привык к народу: жил его нуждами и заботами, горем и печальми, врачевал его болезни, помогал ему в недостатках и беседовал с ним об истинах учения Церкви

Христовой и находил великое утешение и отраду в самом деле своём, большего я не искал, к большему не стремился... И Бог мне свидетель, боялся и страшился, как бы что не оторвало меня от дела моего... Но Господь судил иначе. Ибо *«от Господа стопы человека исправляются»* (Пс.36:23).

Трудно было святительское служение в то время, когда сплочалась Русь святая, когда внешние враги отовсюду нападали на неё... Но теперь оно еще труднее, когда они стараются подорвать семью, государство, веру в Бога и Церковь святую.

Помимо открытых противников есть еще более опасные враги из своих, которые идут вместе, якобы под одним знаменем, но тянут в другую сторону, ибо смотрят с другой точки зрения и не хотят *плени́ть разума своего в послушание веры...* И, ратуя против Церкви Христовой, думают *«службу приносить Богу»* (Ин.16:2)».

Да поможет вседействующая благодать Божия новому архипастырю совершить все благие упования его на пользу миссии отечественной Церкви.

О смутных событиях нашего времени

На смутные события последнего времени начинают отзываться своим авторитетным словом наши преосвященнейшие архипастыри и пастыри.

Преосвященный Николай, епископ Таврический, в речи, сказанной пред молебном по случаю избавления от покушения на жизнь Обер-Прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, так отзывается о наших современных напастях. Еще не смолкли в ушах наших отзвуки от выстрела, направленного в Министра Народного Просвещения, Н. П. Боголепова, – еще не высохли слезы на глазах у сослуживцев и почитателей этого благороднейшего и преданнейшего слуги Государева, – как вот опять раздаются выстрелы, и направляется смертоносное оружие в другого человека, – одного из лучших сынов России, воспитателя и учителя Царей, – Обер-Прокурора Св. Синода, К. П. Победоносцева... И вот опять вся благомыслящая Россия потрясена, – и опять невольно возникает недоуменный вопрос: *что сие хочет быти?*

Скажут: да это безумцы сделали; зачем связывать всё это с чем-то особенным!... Так! Но почему же эти безумцы направили свои выстрелы не в себя и не в подобных себе безумцев, а в людей разумнейших, – в людей избраннейших?! Зачем им было ехать из провинции в столицу – и выбирать именно этих людей?! – Ясно – если они делали выбор, то действовали уже не безумно, а сознательно, направляемые злою волею...

И сколько таких явлений теперь!... Жизнь стала просто в полушку... Живет – живет себе человек, и вдруг – трах! – и пулю в лоб! А то глядишь, ни с того, ни с сего, – трах – и пустил пулю другому!! Прежде как будто так не было, – по крайней мере наши деды и прадеды этого не знавали!

От чего же люди стали так легкомысленно смотреть и на свою, и на чужую жизнь, почему стали учащаться и в нашем отечестве такие события, каких прежде или вовсе не знавали, или какие были редчайшею редкостью?!

Ходить за объяснением далеко незачем: *вера оскудела у нас, – страх Божий стал иссякать в сердцах людей!* А это всё от того, что и сами мы за собой плохо смотрим, да и детей своих воспитываем не лучше...

Прежде руководились правилом Премудрого, что *начало премудрости, или что тоже благочестия, есть страх Божий, – что страх Господень отрешит грехи (Прем.1:11–21), – что воспитывать следует одних милостью с рассмотрением, а других страхом, исхищаяще от огня (Иуд.1:22–23)*, а теперь всё это забыли, изменили, переиначили... Вместо страха Божия и церковности – придумали какие-то другие системы воспитания, расшатывающие авторитеты, ослабляющие всякие узы, размягчающие, а то и просто – развращающие нрав юношеский... Дисциплины нет почти никакой – ни умственной, ни нравственной, – ни в слове, ни в деле... Теперь, если воспитатель или учитель чуть поставил мальчику – лентяю и шалопаю – единицей меньше, то из этого раздувается целое событие, поднимается шум и треск и в семье, и в печати, что учителя и воспитатели – жестоки, тираны, не умеют воспитывать и пр. и пр., – забывая, однако же, что все эти речи выслушивают те, чьего слуха они и не должны бы были касаться...

Прежде читали Евангелие Иисуса Христа и его клали в основу воспитания и всего уклада жизни; а теперь зачитываются до одурения «евангелием» графа Толстого и его безбожными и анархическими сочинениями; прежде считали св. Церковь матерью-воспитательницей, а теперь взамен Церкви выдвигают театр и всякого рода забавы и развлечения... Удивляться ли после этого, что молодежь, воспитанная в таких началах, и Бога не боится, и людей не стыдится?! – Не прошло еще и трех недель, как Петербург, Москва, Киев, Харьков, Одесса и другие города были свидетелями этой крайней распущенности нашей молодежи!... Слыханное ли когда дело, чтобы люди врывались в храм Божий, в шапках, с папиросами в зубах, чтобы останавливали служение, били сторожа церковного, приглашавшего к порядку, и толкали

священнослужителя с амвона? – А ведь всё это было, и не где-нибудь в захолустье, а в столице, в Казанском соборе!...

Или вот еще другое явление: высшее священноначалие Церкви русской отлучает от общения врага Церкви и государства, – безбожника и анархиста *Толстого*... Кажется бы, радоваться такому решительному действию иерархии, полагающей конец соблазну и претыканию для многих чад своих; но что же мы видим и слышим?! Являются люди, которые, в осуждение Церкви, открыто посылают адреса и телеграммы отлученному, – прилагаясь сим самым, торжественно, к делам неплодным тьмы сего кощунника?!

Удивляться ли, после этого, тому, что так потрясло всех нас вчера и несколько недель ранее?!

Что же: так всему этому и надлежит быть?! О, да не будет...

Всем нам, – и отцам, и матерям, и начальствующим, и подчиненным, и пастырям, и учителям, – всем, всем надлежит встать на защиту истинных начал нашего Отечества, – православия, самодержавия и народности, – и всем и всячески бороться с этим злом, так позорящем наше отечество!... Будем помнить, что Господь никогда поругаем не бывает, и что Он наказует за нечестие и народы так же, как отдельных людей, – посылая на них всякого рода бедствия (Евр.10:31; 12:29)...

Маститый архипастырь, харьковский высокопреосвященный Амвросий также посвятил печальным явлениям нашей современности и в частности толстовскому религиозно-социальному движению своё вещее слово, с которым познакомим в следующей книжке. Умную, правдивую характеристику смутных событий нашего времени находим также и в слове Владикавказского протоиерея Беляева.

Старообрядческая «академия»

В г. Царицыне, по словам «Царицынского Вестника», существует старообрядческая школа, содержащаяся на счет нескольких купцов-богачей. На стенах помещения развешены картины и карты, по содержанию которых можно судить, что преподается в училище. На одной красуется «Антихрист», в рост человека, с дубинкой в руке; рядом карта, на которой изображено «океан-море», а над ним огромное солнце, поддерживаемое ангелами. Объяснительный текст гласит, что солнце Сотворено Божиим повелением, имеет на себе одежду и венец царский, и «когда выйдет на запад», ангелы совлекут с него одежду и венец и положат на престоле Господнем. На одной картине изображен «страшный суд», на другой... «война буров», попавшая неведомо какими путями в этот мир.

Миссионерские новости

В Екатеринбургской епархии состоит вакантное место помощника миссионера противомусульманского стана в с. Верхне-Апостольском, Шадрин. у. Жалование 600 руб. в год.

Заккрытие раскольничьих кладбищ

По постановлению духовной консистории, курганским уездным исправником было закрыто в числе других кладбище при деревне М. на том основании, что оно устроено без разрешения надлежащей власти не вблизи православных приходских кладбищ. В жалобе правительствующему сенату доказывалось, что означенное кладбище основано более 100 лет, и на открытие оно имело разрешение подлежащей власти, которое сгорело во время пожара в 1885 г., а потому закрытию не подлежало. Произведенным осмотром кладбища установлено, что оно основано около 150 лет назад, расположена в 82 саж. от селения и в 2½ верстах от православного кладбища. Степень переполнения кладбища точно выяснить не представлялось возможности по причине больших снегов, по внешнему же виду осматривавшие кладбище заключили, что в нём есть еще для могил достаточно места. Врачебное отделение высказалось, что кладбище, при дер. Можборной, как отстоящее от жилищ на расстоянии менее 250 с., не может быть допущено к открытию.

Правительствующий сенат, признав принесенную жалобу не подлежащею рассмотрению за пропуском срока и обратившись затем к обсуждению обжалованного постановления, в порядке надзора, нашел: 1) что, согласно неоднократным разъяснениям сената, ст. 49 Уст. пред. прест. относится лишь до кладбищ, вновь устраиваемых, но ни в каком случае не обуславливает закрытия издавна существующих кладбищ, каковые могут быть закрыты лишь по признании дальнейшего их существования вредным в санитарном отношении, и 2) что раскольническое кладбище при деревне М. открыто более 100 лет назад, и из имеющихся в деле сведений не усматривается, что дальнейшее существование названного кладбища представляется вредным в санитарном отношении. — Посему правительствующий сенат нашел обжалованное постановление неправильным.

Май

«Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» [Ин.20:21](#).

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева» [Мф.10:6](#).

«Скорбь ми есть велия по братии моей» [Рим.9:1–3](#).

**Раскол и сектантство. По Всеподданнейшему отчету
г. Обер-Прокурора Св. Синода за 1898 г.²⁶³ //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 599–607

*Деятельность противораскольнической и
противосектантской миссии в 1898 г.*

Деятельность миссии в 1898 году отличалась большим напряжением сил и подъемом энергии её деятелей. Особенно утешительным является усиление забот епархиальных начальств об учреждении миссий там, где их доселе не существовало, об открытии новых миссионерских вакансий, а равно и об изыскании средств и мер к лучшему обеспечению миссионерствующих пастырей Церкви и самих миссионеров. Новые епархиальные миссии в истекшем 1898 году учреждены в С.-Петербургской епархии и Грузинском Экзархате, в Кишиневской, Олонецкой, Тамбовской и Забайкальской епархиях. Новые вакансии открыты: в С.-Петербургской (две), в Киевской (третьего епархиального противосектантского миссионера), Черниговской (противосектантского), Тамбовской (второго противосектантского), Херсонской (противораскольнического), Олонецкой (епархиального противораскольнического), Вятской (противораскольнического при Сарапульском викариатстве), Рязанской. Независимо от сего, во многих епархиях открыто по несколько вакансий окружных миссионеров, например, в Рязанской, Тамбовской, Херсонской. В приходском духовенстве и в учащемся духовном юношестве заметно пробуждается дух любви к миссионерству и разумение высоты и важности этого служения в Церкви, – интерес и потребность к изучению сектоведения. Никогда ранее миссия не имела в рядах своих столько новых деятелей из состава академических воспитанников, как в истекшем году. В 1898 году, по заявлению представителей духовенства, открыты «особые миссионерские отделы» при Епархиальных Ведомостях (Екатеринославских, Томских и Херсонских) и вообще оживилась миссионерская литература о местном расколо-сектантстве. Главным же печатным органом внутренней миссии,

отвечающим миссионерским запросам приходского духовенства, был, по прежнему, издающийся в С.-Петербурге журнал «Миссионерское Обозрение», посвященный всестороннему исследованию и обличению русского рационалистического и мистического сектантства, а также расколо-старообрядчества. К числу знаменательных в жизни миссии событий отчетного года следует отнести также умножение весьма полезных для успеха миссии миссионерских съездов. В течение 1898 г. состоялись епархиальные миссионерские съезды в епархиях: Тамбовской, Рязанской, Томской, Олонецкой, Киевской, Херсонской и Харьковской. В этом же году сделан был в Одессе первый опыт «Областного миссионерского съезда», участие в котором приняли миссионеры южных губерний. На заседаниях этого съезда было рассмотрено много весьма важных вопросов миссионерского характера: обсуждались лучшие планы и методы бесед с сектантами, изъяснялись трудные для толкования приводимые во время миссионерских бесед места св. Писания, решались недоуменные вопросы миссионерской практики; особенное внимание обращено на предохранительные меры, ограждающие православное население от увлечения лжеучением сектантов, на внебогослужебные беседы, религиозные чтения, на устройство церковных библиотек, на привлечение лучших сил приходов к борьбе с сектантством чрез образование из них приходских братств с миссионерским характером, обществ трезвости и т. п., затем обсуждался вопрос о том, в чём должно выразиться участие церковно-приходских школ в деле миссии, обращено было, далее, внимание на затруднительное в материальном отношении положение священников в приходах, зараженных сектантством, при чем съезд пришел к мысли об устройстве особого миссионерского фонда, предназначенного на дела миссии. Наконец, одно из заседаний съезда посвящено было решению весьма важного церковно-государственного вопроса об отношении русской штунды к немецкой секте баптистов (по поводу вышеприведенного кассационного решения Правительствующего Сената). Высшая церковная власть признала нужным внести чрезвычайно важные для

миссионерства школьно-миссионерские вопросы в программу совещаний состоявшегося в Августе 1898 года чрезвычайного собрания Училищного Совета при Святейшем Синоде. Собрание это, на основании бывших на нём рассуждений, пришло к следующим главнейшим выводам: 1) церковная школа, в виду своего высокого и незаменимого значения в деле борьбы с лжеучениями раскола и сектантства, а также с ложью иноверия, – должна быть поставлена в местах распространения сих лжеучений в ближайшее соответствие в учебно-воспитательном отношении с задачами миссионерства; 2) в свою очередь школы миссионерские всех типов и наименований должны быть объединены в управлении с церковно-приходскими школами под общим ведением епархиальных училищных советов, с допущением в учебных курсах таковых школ некоторых отступлений, вызываемых задачами миссии; 3) для наилучшего достижения упомянутыми школами миссионерских задач представляется весьма желательным объединение и живое взаимодействие как деятелей школы, так и миссии, в общем деле попечения об охранении подрастающих поколений православного населения от приращения к ним лжеучений и о просвещении светом истины детей заблудших, а для сего, во 1-х, желательно назначение в члены епархиальных училищных советов и отделений – епархиальных и уездных миссионеров или же других миссионерских деятелей епархии, по назначению епархиальных преосвященных; во 2-х, желательно, чтобы наблюдатели в свою очередь являлись деятельными пособниками епархиальной миссии, по крайней мере, в отношении особого внимания к улучшению школьного дела в местах зараженных расколо-сектантством и иноверием. 4) Выражено желание, чтобы на усиление содержания миссионерских школ в епархиях уделяемы были особые средства из сумм местных миссионерских комитетов и других источников. Библиотеки в школах, имеющих миссионерское значение, должны быть снабжены потребными для задач миссии книгами апологетического и миссионерского содержания. При школах в районах расколо-сектантского и иноверного населения обязательно должны быть заводимы праздничные

чтения и беседы, имеющие целью утверждение народа в основных истинах веры и охранение от заблуждений существующего в данной местности расколо-сектантского толка. Ничем так сильно не может быть ослаблен раскол, как именно миссионерским воздействием на молодое расколо-сектантское поколение, на тех, которым принадлежит будущность и которые со временем станут отцами новых будущих поколений. Освобожденные с малых лет из-под влияния раскольнических лжеучителей, привыкшие в школе к миролюбию и дружелюбному отношению к православию, дети-сектанты и раскольники и в зрелом возрасте будут чужды того фанатизма, которым ныне так усердно родители стараются вооружать своих детей против православия, и с которым всего труднее бороться. Со временем они передадут такое же доброе настроение своим детям, – а это самый надежный и верный путь к соединению раскола с православием.

С Божиею помощью миссионерское дело в епархиях возрастает. Наша внутренняя миссия, а также церковная школа, недавно еще вызванные к жизни, явились верными союзниками и помощниками Церкви и её служителей, облегчая труды пастырей Церкви в борьбе с тьмою и враждою раскольнического и сектантского невежества и заблуждения, и разделяя учительскую миссию пастыря Церкви по просвещению подрастающего поколения в духе строгой церковности. Ревностные и самоотверженные труды приходского духовенства и деятелей миссии и церковной школы, по вразумлению заблудших, и ныне сопровождающиеся не только единичными, но по местам и массовыми их обращениями в лоно православной Церкви, в будущем принесут еще больший плод и ускорят наступление того вожделенного времени, когда отягченные вековым сном темного невежества и упорного предубеждения очи наших старообрядцев, наконец, раскроются, и немеркнущий свет православной истины победить тьму сектантского заблуждения.

Мистическое сектантство

Преосвященный Херсонский, в отчете о состоянии управляемой им епархии за 1898 год, сообщает следующие сведения о проживающих в Херсонской епархии хлыстах.

Хлыстовство в Херсонской епархии. Хлыстовщина, центром которой служит город Николаев, появилась в Херсонской епархии сравнительно недавно, но в 1898 году число её последователей простиралось уже до 1000 человек. В последнее время хлыстовщина распространяется даже на счет штунды, так как иные штундисты прямо перешли в хлыстовщину, а иные, и таких большинство, усвоили себе культ хлыстовских пророчеств и радений, но не отвергли и вероучения штунды, образовав, так сказать, промежуточную секту между штундою и хлыстовщиною, нечто вроде штундохлыстов. Пропаганда хлыстами ведется очень искусно, со свойственною её последователям хитростью и осторожностью. В последнее время хлысты стали вести пропаганду, *принимая на себя внешний вид юродивых*. Прикрываясь мнимым подвигом юродства, они производят не малый соблазн среди простодушных православных людей. Замечаются по местам и случаи совращения, напр., в Полтавке, Катериновском приселке, Ананьевского уезда, в селе Троицком, Одесского уезда; есть сведения о совращениях в хлыстовщину в самой Одессе; без сомнения, также есть совращения в Николаеве и других местах Херсонского уезда, но узнать об этом подробно чрезвычайно трудно, вследствие лицемерия и скрытности сектантов. Одному из миссионеров удалось пробраться в Николаеве в хлыстовский «корабль» и видеть всё безобразие их сумасбродных «радений». На беседе в Николаеве, веденной в присутствии множества народа, епархиальный миссионер обратился к вожаку хлыстов с вопросом, происходят ли во время собраний его последователей радения с плясками, верчением, пророчествами и пр.? – Не узнавший миссионера сектант, крестясь, ответил: «крестом свидетельствую, что ничего этого у нас нет. Мало-ли чего народ по злобе не скажет: не

пьем, не курим, – вот мы и хлысты». – «Но, ведь, много и православных, которые не курят, не пьют и не крадут, однако никто не называет их хлыстами. Притом о ваших радениях говорят люди, заслуживающие полного доверия», сказал миссионер. «Я уже старик», возразил на это заявление миссионера сектант, «одною ногою в гробу стою. Вот святая икона, пред нею я свидетельствую, что никаких радений у нас нет». С этими словами сектант вторично перекрестился. Когда же епархиальный миссионер обличил его во лжи, как очевидец радений в его доме, сектант, не смущаясь, перешел к продолжению беседы. Бесстыдство и ложь у хлыстов поразительны, почему и вести с ними беседы чрезвычайно затруднительно.

Главным источником своего вероучения хлысты признают непосредственное озарение их Святым Духом, открывающим на их радениях волю Свою. Церковь, св. таинства, священство, всё это отрицается хлыстами, хотя последние лицемерно и исполняют точно все предписания Церкви. Отрицается некоторыми из них даже загробная жизнь. «Вы говорите, обратился один хлыст к миссионеру, что будет загробная жизнь? и что там будет блаженство? Так купите его у меня, – я вам его продам». «Ад и рай, говорил тот-же хлыст, находятся в сей жизни на земле. После смерти ничего не будет, никакого воскресения мертвых не будет, как не было и воскресения Христова. Воскресение Христа Спасителя нужно понимать так, что Он перестал грешить. Кто перестал грешить, тот и воскрес». Есть среди херсонских хлыстов почитаемые ими пророками, пророчицами, апостолами, крестителями, богородицами и т. д., встречаются и примеры самообожания. Так, в деревне Михайло-Заводском хлыст Стрижак, прежде называвшийся пророком, объявил себя богом, а некоего Скалыгу своим апостолом, предтечей, в «богородицу» взял себе жену Скалыги и стал жить с нею блудно. «Я не скрываю, сказал он на публичной беседе миссионеру, своего сожительства с женою Скалыги, а вы разве не творите того же со своими женами; только вы по закону, а мы по Христовой любви. Замечательно, что, когда Скалыга отдавал свою жену Стрижаку в

«богородицы», то созвал всю деревню на «духовный брак», который сопровождался верчением и прыганием до изнеможения, так что «молодых» после этого брака отправили в больницу, а потом в Херсон в дом сумасшедших, откуда, впрочем, скоро выпустили. Мена женами, блудное сожительство и разврат освящаются самым культом херсонских хлыстов. Есть среди них, хотя не у всех и редко, несомненные факты свального греха.

Казалось-бы, что на православных все неистовства хлыстов должны действовать отталкивающим образом. Но на самом деле не всегда бывает так. Среди православных находятся даже лица, оставляющие православие для этой нелепой секты. Самое вероятное из приводимых объяснений этого явления то, что хлыстовство привлекает православных верою в живых богов, в легкость общения со христами, возможность самим стать пророками и получить духа, привлекает, следовательно, именно эта таинственная, мистическая сторона хлыстовского учения. Если прибавить к этому большое искусство, хитрость и осторожность, с которою хлысты ведут свою пропаганду, то понятно будет, почему по местам случаи совращения достигают и довольно значительной цифры. В Смоленской губернии одна женщина начинает собирать около себя крестьянских девиц и, под предлогом пения церковных песнопений, устроить молитвенные собрания. Собрания эти нравятся и мало-помалу, кроме церковных песнопений, начинают на них петься какие-то псалмы, а спустя некоторое время, участницы собраний начинают уже проповедовать, что никогда не нужно есть мяса, девицам выходить замуж и пр. Вскоре в это общество певчих стали поступать и лица совершенно не умеющие петь, и дух сектантства их стал мало-помалу обнаруживаться. К счастью для местности, где начались эти собрания, приходский священник обратил внимание на вновь образующееся общество, словом увещания и обличения подействовал на певчих и предупредил тем самым появление и развитие в его приходе хлыстовства.

Секта Подгорного. В пределах Харьковской епархии недавно возникла и уже получила довольно значительное

развитие, очень сходная с хлыстовством новая мистическая секта, образованная крестьянином Ахтырского уезда Василием Подгорным.

Названный крестьянин произведенным, по поручению Харьковского епархиального начальства, следствием был изобличен в крайне предосудительных поступках: под личиною внешнего благочестия, он распространял в среде темных и легковверных людей лжеучение, подрывающее коренные основы семейной жизни, уважение к святой Церкви, её священнодействиям, таинствам и к совершителям их – православным пастырям; вместе с тем сам он вел жизнь безнравственную, погрязая в необузданно-грубом чувственном разврате, для каковой цели собирал женщин и девиц в общежитие под предлогом богохульных целей и пользуясь их доверием, растлевал и насиловал их, не стесняясь никаким возрастом. Святейший Синод, на усмотрение которого представлено было преосвященным Харьковским следственное производство о крестьянине Подгорном, признал оставление последнего на свободе, в пределах Харьковской епархии, вредным и определил поместить Подгорного, в видах пресечения дальнейшего соблазна и в ограждение добрых нравов местного населения, в арестантское отделение Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, впредь до усмотрения его раскаяния и исправления. На приведение сего определения в исполнение, по всеподданнейшему моему докладу, в 17 день Октября 1892 года, и последовало Высочайшее в Бозе почившего Родителя Вашего Императорского Величества, Государя Императора Александра Александровича соизволение. Однако, крестьянин Василий Подгорный, после удаления его с родины, не раскаялся в своих заблуждениях, но продолжает и доныне оказывать вредное влияние как на существующих уж в довольно значительном количестве своих последователей, так и на православных. По имеющимся официальным сведениям, последнее нашло себе новых последователей даже в пределах Курской епархии. Главнейшим средством для пропаганды Подгорным его лжеучения служила его переписка, в которой он поддерживал в

своих последователях надежду на скорое возвращение своё из ссылки, обещался молиться за них, гонимых, называя их своими детьми и чадами, и поучал их, как нужно жить. Посредниками же в передаче писем и наставлений Подгорного его последователями были жена и две его дочери, нанимавшие в городе Суздале просторную квартиру вблизи женского Покровского монастыря. Эта квартира служила также и приютом для приезжающих из разных мест в Суздаль на поклонение Подгорному его последователей и почитателей. Увеличиваясь всё более, благодаря указанным способам пропаганды, общество последователей Подгорного успело уже сложиться в вполне определенную и довольно прочно организованную секту. Тщательные наблюдения над нею дали возможность установить тот факт, что учение этой повой секты представляется возмутительным культом разврата. Растление девиц и беспрекословное совокупление женщин с разными мужчинами составляет одну из главных сторон этого учения; ни одна женщина, по этому учению, не должна соблюдать себя в целомудрии, чтобы не возгордиться, а должна позволять пользоваться собою всякому мужчине, хотя бы даже калеке; в этом её послушание, без которого спасение невозможно. На брак последователи Подгорного смотрят, как на что-то позорное и нечистое. Такое лжеучение тем более опасно для православия, что, подобно хлыстовству, оно прикрывается почти монастырскою, строго православною религиозно-обрядовою своею стороною. Все последователи Подгорного усердно посещают церковь, во все посты бывают у исповеди и св. Причастия, приглашают священнослужителей для отправления в своих домах молебствий, совершают путешествия к святым местам и проч. Крайне соблазнительный характер учения секты Подгорного, губительные последствия, коими сопровождается распространение последней для жизни семейной и общественной, малодоступность для постороннего и общественного наблюдения за нею, благодаря показной набожности её последователей, а посему и легкость совращения в неё православного населения – всё это делает названную секту весьма вредною.

Покровский В. Борьба церкви Христовой с врагами её.²⁶⁴ Внутренние враги // Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 608–619

Иудейство с язычеством и выросшее на их почве неверие суть внешние враги христианства. Гораздо тяжелее для христианской религии враги внутренние, которые, как говорит апостол, «от нас вышли, но не были нашими» (1Ин.2:19). Вот что пишет о них св. Василий Великий: «терпеть что-нибудь от явного врага, как ни было бы это болезненно, сносно еще некоторым образом для страждущего, как и написано: «аще бы враг поносил ми, претерпел бых убо» (Пс.54:13). Но испытывать сколько-нибудь вреда от человека единоплеменного и близкого – это совершенно несносно, в этом ничем невозможно утешиться».²⁶⁵ Все внутренние враги христианства, или еретики христианские, разделяются на две группы: одни из них искажают всю христианскую религию с её вероучением и нравоучением, противопоставляя ей целое враждебное мировоззрение, другие воюют только против одного или нескольких основных догматов христианских, противопоставляя им своё заблуждение, касающееся лишь одного или нескольких существенно-важных пунктов христианской веры и нравственности. К первой группе принадлежат еретики, так называемые иудействующие, язычествующие и занимающие среднее положение между теми и другими. Сущность учения еретиков иудействующих, во всех их подразделениях, состоит в том, что они старались слить христианство с иудейством и даже с подчинением первого последнему.²⁶⁶ В то время, как иудействующие преследовали эту цель, язычествующие еретики стремились объединить христианство с язычеством, с языческой религией и философией.²⁶⁷ Средину между иудействующими и язычествующими еретиками составляют те лжеучителя, которые старались слить христианство как с иудейством, так и с язычеством, выбирая отовсюду то, что казалось им более истинным.²⁶⁸ Хотя еретики иудействующие, язычествующие и занимающие среднее положение между теми

и другими выходили из разных точек зрения и стремились к различным целям (одни – объединить христианство с иудейством, другие – слить его с язычеством, третьи – соединить его и с тем, и другим), тем не менее христианской религии они приносили в существе дела один и тот же вред, – искажали все основные пункты христианского вероучения и нравоучения: не признавали Иисуса Христа Сыном Божиим, отвергали Его воплощение и Мессианское значение, проповедовали разнузданность нравов и т. д.²⁶⁹ Вооружаясь против этих врагов, христианские апологеты старались, прежде всего и больше всего доказать Божественное достоинство Сына Божия и действительность Его воплощения для спасения падшего человечества, как такие основные краеугольные истины, на которых зиждется всё здание христианской религии, а потом касались и других, более частных и менее важных истин, искажаемых еретиками.²⁷⁰

Если упомянутые нами внутренние враги вооружались против всего христианства, против вероучения и нравоучения его, противопоставляя им своё целое мировоззрение, то другие еретики старались поколебать отдельные истины христианской религии. Этому нападению врагов подвергались сначала самые основные и существенные догматы христианства (учение о Св. Троице, о Лице И. Христа и т. п.), а потом постепенно и частнейшие христианские истины. В борьбе с такого рода врагами христианские апологеты, обыкновенно, стремились доказать, что та или другая истина, искажаемая или совсем отвергаемая еретиками, стоит в тесной связи с другими основными истинами христианства, и, следовательно, для противников остается одно из двух: или отказаться от своего заблуждения, или, оставаясь верными ему, постепенно исказить или отвергнуть многие другие христианские истины. Вооружаясь, например, против арианства, св. Афанасий так раскрывает его несостоятельность. Если бы Арий был прав, то троичный Бог не был бы вечным: к единому изначала Богу присоединились потом Сын и Св. Дух. Далее, так как эта Троица создавалась из не сущего, то кто может поручиться, что дальнейшего приращения никогда не будет? Не только Троица

уничтожается Арианами, но и Божество Отца становится сомнительным. Он не всегда был Отцом, что-то случилось с Ним во времени, не от века носит Он в Себе Слово, свет и мудрость. Арианство уничтожает и искупление людей Христом: если Слово изменяемо, как утверждают ариане, то как оно может открывать нам неизменного Отца и приводить нас в общение с самим Богом и т. д. и т. д.²⁷¹

Как для политического общества страшны не столько враги внешние, сколько внутренние, производящие в нём мятежи и междоусобия, так и для общества христианского самыми опасными и жестокими врагами бывают еретики, воспитанные в его благословенных недрах и потом поднявшие руку на собственную мать свою. Выходя из самого христианского общества, они действуют обыкновенно под именем святой Церкви и под знаменем Христа, действуют под маскою верных и потому, несомненно, имеют особый успех среди немощных чад Церкви. «Кто, – говорит Василий Великий, – облекся в овчью кожу, показывает наружность приветливую и кроткую, внутренно же терзает нещадно стадо Христово и, поскольку от нас вышел, удобно сообщает повреждение простодушным, те тяжки для нас, и от них трудно остережться».²⁷² А у св. Афанасия читаем: «Каждая ересь, имея отцом промышления искони совратившегося и сделавшегося человекоубийцею и лжецом диавола и стыдись произнести ненавистное его имя, притворно принимает на себя прекрасное и превысшее всего Спасителево имя, собирает изречения Писаний, произносит слова, утаивает же истинный смысл и, наконец, прикрыв какою-то лестью своё, изобретенное ею, промышление, сама делается человекоубийцею введенных в заблуждение».²⁷³ Вот почему этот святитель дает всем верным такое предостережение от еретиков: «Хотя пишут вам изречения Писаний, не потерпите написавших, хотя произнесут православные учения, не внимайте говорящим так, потому что говорят не по правильному смыслу, но, как бы овчею одеждою облакаясь словами, мудрствуют внутренно, подобно ересеначальнику – диаволу. Ибо и он говорил словами изречений, но заставлен умолкнуть Спасителем».²⁷⁴ Деятельность еретиков тем еще опаснее, что

они, как обладавшие некогда истиной, а потом покинувшие её, вооружаются против неё с особенным упорством и ожесточением, употребляя все усилия к тому, чтобы свет отвергаемой ими истины как-нибудь и откуда-нибудь не проник в их душу или в души тех, которых они стараются соблазнить. Вот что, например, пишет св. Афанасий на счет арианства: «Во всём обличаемые и, как оказывается, лишённые всякого смысла, они, ариане, не стыдятся, но, как описываемая в эллинских баснях гидра, когда умерщвляли у неё прежних змей, порождала новых и упорно противилась умерщвляющему, противопоставляя вновь порождаемых змей, – так и сии богоборцы и богоненавистные, подобно гидрам, в душе смертельно поражаемые во всём, что выставляют в свою защиту, изобретают себе новые иудейские буии вопросы и, как бы враждуя против истины, вымышляют новое, чтобы только во всём показать себя христорборцами. И после столь многих обличений, при которых и сам их отец – диавол обратился бы вспять, они снова ропщут, вымышляя в ухищренном сердце своём, и одним шепчут, другим, как комары, жужжать, говоря: «положим, что так толкуете вы это и преодолеваете умозаключениями и доводами, но должно сказать, что по хотению и изволению произошёл Сын от Отца. И, ограждая себя Божиим хотением и изволением, обольщают сих многих».²⁷⁵ Само собой понятно после всего этого, насколько энергична должна быть здесь деятельность апологета!

На основании слова Божия и святоотеческих творений мы раскрыли, с кем христианский апологет должен иметь и имел дело. При этом попутно указали кратко предмет его деятельности и даже коснулись отчасти самых приемов защиты христианской истины против тех или других врагов. Теперь сам собой является вопрос, насколько интересно, полезно и нужно всё это для современного апологета? Так как сообщенные нами сведения говорят об апологетическом деле в первые времена христианства, то не относятся ли они всецело к давнопрошедшему времени и только к нему? По-видимому, на поставленный нами вопрос можно дать только один ответ, и ответ очень определенный: все сведения, характеризующие

первые времена христианской эры, могут интересовать современного апологета, только как всякая археологическая редкость, но быть существенно-полезными, существенно важными они не могут по той простой причине, что первые времена христианства отделяются от нас чуть не целыми двумя тысячелетиями, и за этот период времени прошли пред Христовой Церковью столь многочисленные и разнообразные враги, что современные противники её совсем не могут походить на своих старейших собратьев по оружию.

Но такое заключение было бы очень и очень поспешным. Постараемся подробнее и обстоятельнее раскрыть это.

Многие новейшие антирелигиозные и антихристианские мировоззрения, с которыми борются современные защитники Христовой Церкви, если не во всех, то во многих отношениях имеют, при всём своём различии, немалое сходство с теми заблуждениями, против которых вели борьбу и древние апологеты, и которые блестяще были опровергнуты ими, так что современные враги христианства в существе дела суть те же самые, которые были и во времена святоотеческие, только они явились теперь, если так можно выразиться, в иных костюмах и под другой маской. И, во-первых, жив и силен исконный злейший враг христианства – иудейство. Иудеи в настоящее время ведут против христианства прежде всего отрицательную борьбу, выдвигая усердно вперед, часто в очень увеличенном и прямо ложном виде, лучшие стороны ветхого завета и намеренно, самым недобросовестным образом, стушевывая, замалчивая о многом из нового завета. «Евреи, говорит профессор протоиерей Малов, считают своего религиозного законодателя Моисея высшим и превосходнейшим из всех пророков, а его законы вечными и неизменными. Возвышая Моисея, евреи стараются унижить Мессию. Они в учебных руководствах почти опускают учение о Мессии, не говорят, какие о Нём пророчества находятся в Библии, и вообще затемняют библейское учение о Мессии понятиями или талмудическими, или самоумышленными».²⁷⁶ Кроме этой, так сказать, подпольной, отрицательной борьбы современное иудейство и открыто выступает против христианства: старается

доказать несостоятельность христианской религии, её полную слабость пред абсолютно-истинной ветхозаветной религией и, таким образом, стремится привлечь себе прозелитов даже из среды самих христиан. Уже тот факт, что евреи нашего времени задаются проектами об основании специальных обществ для соращения христиан в иудейство, служит знамением времени и говорит весьма красноречиво о том, какую силу представляет из себя современное иудейство, и какого опасного врага имеет в нём христианство».²⁷⁷

Если жив и силен первый враг христианства, то еще более живуч и опасен для Христовой Церкви её другой исконный противник – язычество. В то время, как иудейство только задается широкими планами покорить христиан под иго ветхозаветного законничества, язычество уже успешно вербует себе прозелитов среди христианского общества. По свидетельству Жуля Буа, в современном Париже существуют и люцифериане, и последователи культа Изиды, и поклонники Юпитера, и служители Меркурия, Минервы и т. д.²⁷⁸ И такие изменники Христа, перешедшие в паганизм, встречаются в настоящее время, конечно, не в одном Париже: они существуют во всей западной Европе и Америке, а, может быть, готовы появиться и у нас. «Да это и понятно, потому что наша литература, говорит знаменитый Прессенсэ, часто бывает проникнута такими началами, которые явно или тайно враждебны началам христианским. Древняя языческая идея, натурализм Цельса и Порфирия, смешанный с восточным пантеизмом, снова сделался жив и силен. Те же системы, на которые отвечали древние апологеты, воскресают в новом виде, особенно же древний материализм... Борьба христианства с язычеством существует и теперь и притом еще в больших размерах»...²⁷⁹

А раз так, раз в настоящее время живы и сильны иудейство и язычество, эти два старейшие и злейшие враги христианства, часто заключавшие союз между собою для общей, более успешной борьбы с Христовой Церковью, – то, конечно, живо и их исчадие, из недр их вышедшее и ими взлелеянное – это неверие. Современное неверие с небывалою еще доселе

смелостью утверждает, что оно только держит в руках знамя истинно-научного прогресса, чтоб в его пользу говорят будто бы и несомненные выводы самых точных наук (естествознание), и лучшие философские системы, и новейшее либеральное богословие. «Борьба неверия и веры, – говорит Христюб,²⁸⁰ – в наше время приводит умы к тому пункту, где предстает решительный вопрос: должно-ли христианство оставаться впредь быть основанием и нормой культуры, как оно было ими доселе, или его нужно бросить в качестве изжившегося, отсталого учения, уже более негодного для нашего прогрессивного времени».

Мы указали трех врагов христианства, которые ведут жестокую борьбу с ним с самых первых времен христианской эры. Все эти противники суть внешние враги Христовой Церкви, которые не от ней вышли и никогда не были её. Если теперь мы рассмотрим в современных внутренних врагов Христовой Церкви, которые, хотя тоже не были её, но, по крайней мере, от ней вышли, то и среди них найдем многих, нам уже знакомых, давнишних противников христианской истины. Так, и в настоящее время есть еретики, которые искажают всё христианство с его вероучением и нравоучением, объединяя его то с иудейством, то с язычеством (в широком смысле этого слова), то с тем и с другим сразу. О существовании в современном христианском обществе таких врагов Церкви красноречиво говорит такой печальный факт, совершившийся на наших глазах, как пресловутый парламент религий, состоявшийся пять лет тому назад в Чикаго, во время Колумбийской выставки. На этом конгрессе представители христианства, магометанства, иудейства и язычества горячо обсуждали вопрос о том, как из ныне существующих религий во всех их подразделениях составить такую уравнительную религиозную систему, в которой отличительные особенности христианства были бы настолько сглажены и «подчищены», чтобы под ней свободно могли подписать своё «аминь» и христианин, и магометанин, и последователь иудаизма, и поклонник паганизма во всех его видах и формах.²⁸¹ Если представители христианства считают возможным и нужным

принимать деятельное участие в подобного рода пресловутом конгрессе, то это значит, что вопрос о нивелировке христианства с другими религиями сильно занимает умы и волнует сердца современного христианского общества или, по крайней мере, значительной части его. Других объяснений этому, позорному для современного христианина, факту нет и не может быть. А о чём свидетельствуют нынешние хлыстовство, скопчество и тому подобные богомерзкие секты, представляющие собой ничто иное, как грубое смешение христианства с язычеством?

Теперь нам остается сказать про тех злополучных чад современной Христовой Церкви, которые намеренно или ненамеренно заблуждаются в той или другой отдельной христианской истине или нескольких пунктах христианского вероучения и нравоучения и поэтому становятся в ряды врагов христианства. Не перечисляя их точно, не задаваясь подробной характеристикой каждого типа их, можно сказать, что если не все они, то весьма многие из них повторяют по большей части те же ошибки, какие делали их давнишние единомышленники, их старейшие собратья по оружию, только повторяют, конечно, на разные лады, с различными вариациями. Возьмем, например, такое ложное понимание некоторых христианских догматов, какое дает нам современное католичество. В основе его лежит то древнее пелагианское лжеучение, сущность которого кратко бл. Августин формулирует так: «так как Адам чрез своё грехопадение нимало не повредил своей природы, и, следовательно, потомки его рождаются без всякой естественной порчи и прародительского греха, то и они могут одними естественными своими силами достигнуть нравственного совершенства и не нуждаются для сего в сверхъестественной Божией помощи и силе».²⁸² Выходя из этого основного пункта учения Пелагия, католичество развивает его последовательно, делает все дальнейшие, логически-неизбежные, выводы из него и таким путем создает свои догматы: о сверхдолжных заслугах, об индульгенциях и т. д. Итак, современное католичество в своём зародыше, в основных своих пунктах, тождественных с пелагианством и с логической неизбежностью вытекающих из него, уже давно существовало,

уже давно было блестяще опровергнуто апологетами святоотеческой эпохи, с бл. Августином во главе, и торжественно осуждено святою Церковью еще в пятом веке, на третьем вселенском соборе 431-го года.²⁸³ Возьмем другой пример, именно, модные отечественные заблуждения в виде молоканства, штунды и тому подобных рационалистических сект. Все они вышли из протестантизма и питаются им, а оно в свою очередь имеет свой первоисточник в тех древних лжеучениях, которые избличены были еще апостолом Павлом в его первом послании к Коринфской пастве, а потом многими апологетами святоотеческой эпохи.

Мы указали врагов Христовой Церкви первых времен христианской эры и настоящего времени. Если когда, то именно теперь можно сказать вместе с Екклесиастом: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: смотри, вот это новое; но это уже было в веках, бывших прежде нас» (Еккл.1:9–10). А если так, если нет ничего нового под бледным солнцем нашего столетия, и новейшие враги христианства при всём своём различии весьма сходны в большинстве случаев с теми противниками, с которыми боролись древние апологеты, и которые были поражены ими на всех позициях, – то само собою понятно, как велико должно быть значение святоотеческой апологетической литературы для настоящего времени, как тщательно должен изучать её современный апологет, как часто прибегать к ней!

При основательном знакомстве со святоотеческими апологетическими трудами современный защитник христианской истины, прежде всего, скорее может определить сущность того или другого современного заблуждения, легче может узнать физиономию своего противника, который, как часто бывает, издавна уже существовал и только явился теперь под другой маской или в новом костюме. А зная хорошо своего врага, современный апологет всегда может из той же святоотеческой апологетической сокровищницы воспользоваться не только отдельными приемами защиты, но и целыми методами исследования и даже в некоторых случаях известной долей

содержания. Наконец, только обстоятельное знакомство со святоотеческой апологетической литературой даст возможность современному защитнику христианской истины, хоть отчасти, усвоить тот великий, присущий исключительно апологетам святоотеческой эпохи, дух, который, состоя из гармонического сочетания, с одной стороны, самоотверженной любви и пламенной ревности, с другой – изумительной мудрости и величайшей кротости, всегда сообщал святоотеческой апологетической деятельности ту обстоятельность, силу и действенность, о которых современному апологету приходится только с благоговением думать, которыми он может теперь восторгаться, и возможное воплощение которых в своей деятельности он должен поставить девизом своей жизни. Вот что говорит об этом наш отечественный богослов-апологет, покойный профессор С.-Петербургской Духовной Академии Н.П. Рождественский.²⁸⁴ «Борьба древних христианских апологетов не принадлежит исключительно прошедшему, но имеет большое значение и для настоящего. Считается до сих пор ознакомление с военной тактикой Цезаря одним из лучших средств военного образования, хотя образ ведения войны вообще и средства нападения и защиты совершенно изменились со времен этого великого римлянина; считается доселе ознакомление с римским правом одним из лучших средств к выработке научного юридического такта при юридическом образовании, хотя непосредственного практического приложения к частным явлениям жизни римское законодательство не может иметь ни в одном из современных государств. И современный богослов-апологет многому может научиться у знаменитых древних апологетов христианства, особенно же той пламенной ревности, той прямоте, непоколебимой твердости, с какими они защищали христианство, защищали в то время, когда против него направлены были все враждебные силы. Немалому может научиться у них современный богослов и относительно самого способа защиты веры и даже многих отдельных приемов, которыми они пользовались при своих доказательствах... По своему плодотворному влиянию на развитие христианской апологетической письменности древние апологии не имеют

равных себе трудов во всей последующей обширной богословско-апологетической литературе, накопавшейся в течение более тысячелетнего периода времени. В продолжение всех средних веков не было создано ничего не только высшего и лучшего, но даже одинакового по своему достоинству с этими великими творениями древней Церкви, возникшими на поле брани её с ожесточенными врагами христианства. Как победные знамена древней Церкви над врагами Христовой истины, они одушевляли к борьбе за эту истину лучших её защитников во все последующие времена и отнюдь не утратили своего значения и для современной апологетики!»

Свящ. Вл. Покровский

**Кальнев М. Заграничная (украинофильская) печать
о графе Л.Н. Толстом // Миссионерское обозрение
1901 г. № 5. С. 620–629**

Распространяя среди народа и в особенности среди сектантов свой «Катехизис Братства Иисуса», Л. Толстой и его сподвижники, очевидно, стремятся не к одной пропаганде своего антихристианского учения; главная цель в этом случае у них иная: слить все враждебные друг другу секты в одно, объединить их, сгладив иногда незначительные в их вероучениях разногласия, чтобы таким путем создать более прочную, враждебную Церкви, силу. В этом случае особенное внимание графа было обращено на наш штундизм, как секту не только более отрицательного направления, но и отличающуюся особым духом прозелитизма. Попытка не новая. Гораздо раньше Л. Толстого, как это видно, напр., из протоколов конференций штундистов и переписки их вожаков, этою мыслью всецело был занят Пашков, продолжающий и до сих пор безрезультатно добиваться среди штундистов осуществления своего давнего желания. Таковую же неудачу пока терпит у них и Л. Толстой. Правда, среди младоштундистов идеи Толстого имеют успех, но в общем не особенно значительный: слишком грубое отрицание толстовством христианства вяло прививается даже к этой, так далеко удалившейся от Церкви, секте. Эта неудача Л. Толстого не могла не быть замеченной сочувствующею нашим сектантам заграничною печатью, в особенности украинофильского направления, со взглядом которой на отношение штундистов к гр. Толстому я и намерен познакомить читателей «Мисс. Обозр.».

Вопросом этим занялись многие органы заграничной периодической печати, но более обстоятельно он рассмотрен в двух брошюрах, изданных на галицко-русском языке. Одна из них, изданная американской польско-униатской газетой «Свобода», носит название: «Про водступников вод российского православия и их преследования» (Про отступников от российского православия и их преследования),²⁸⁵ другая, – изданная анонимным автором во Львове, носит название: «Українські Баптисти».

В первой брошюре не безынтересен для нас взгляд автора по вопросу о причинах вообще вторжения русской интеллигенции в простой сектантствующий наш народ. Этот взгляд (несколько односторонний) высказан автором в статье: «Вплыв интеллигенции на водступнитство». Привожу его в русском переводе.

«Российская интеллигенция в большей своей части вопросами веры, православной или какой иной, до недавнего времени совсем не занималась; такие речи очень мало её занимали (рекомендация не лестная!). В виду этого, хотя русская интеллигенция была близка к народу и рада была бы помочь ему освободиться от того ярма (т. е. православия), в каком он находился, да и теперь находится, даже готова была не одним пожертвовать для него,²⁸⁶ однако она не принимала никакого участия в распространении «отступничества», так как, по её мысли, оно было неподвижным («непоступовым»). Сочувствие интеллигенции народу было, правда, искреннее, но оно не опиралось на знание его жизни, его мировоззрения («свитогляду»). По этой причине люди одного и того же народа не знали себя, а в одних и тех же вопросах, как, напр., в вопросах веры, имели совершенно различные понятия. Причиною этого было великое различие в образовании интеллигенции и простого народа, а также разделение между ними, сделанное крепостничеством, которое совершенно уничтожено в России в 1861 году.

Недаром, поэтому, славные писатели, как Федор Достоевский и другие, а позже граф Лев Толстой, призывали русскую интеллигенцию к тому, чтобы она старалась ближе узнать народ, его мировоззрение и характер.

Когда же было уничтожено в России крепостное право, и большое множество народа вздохнуло свободно, то, разумеется, миллионы освобожденных начали больше мыслить, чем прежде, и, главным образом, об истинах религиозных. Штунда и другие учения, основанием которых служит свободное толкование и разумение св. Писания, начали шириться и развиваться. Отсюда вышло, что, когда интеллигенция начала обращать внимание на народные идеалы, то наткнулась там на

прогрессивные тенденции в религии. Поэтому неудивительно, что с того времени многие интеллигенты, даже из наивысше образованных и высокопоставленных, начали горячо интересоваться новым религиозным народным движением, а некоторые, как полковник Пашков, граф Лев Толстой, князь Хилков и другие, стали во главе некоторых сект и основали целые их общества в разных концах России, так что, можем сказать, сектантство в России теперь имеет между образованными людьми не только лиц сочувствующих, но даже своих последователей и членов».

Итак, вот историческая причина, по мысли автора брошюры «Про водступников вод российского православия и их преследования», почему раньше русская интеллигенция «не брала они майже жадной участи в розвою водступнитства в народи», и почему теперь «стали горяче интересуватись новым религиозным рухом народным Пашков, Л. Толстой, князь Дмытро Хилков и славный маляр Н. Гай».²⁸⁷

Сектантское движение среди русской интеллигенции, по мнению автора упомянутой американской брошюры, более всего обязано появлению «Катехизиса Братства Иисуса» Льва Толстого, в пропагаторских целях воспользовавшегося внешнею формою катехизиса митрополита Филарета, труд которого православным людям был «дуже досыть знаный». По словам автора брошюры, хотя «Катехизис Братства Иисуса» «есть выклад науки самого графа Л. Толстого, однако був сектантами дуже радо читанный».

Последнее замечание совершенно справедливое. При появлении «Катехизиса» Л. Толстого и распространении подпольным путем других антихристианских его произведений наши сектанты вообще, а штундисты в особенности, набросились на них с необыкновенною жадностью и буквально зачитывались ими, в простоте ума своего, видя в отрицательных сочинениях гр. Толстого чуть-ли не новое откровение. Имя Толстого не сходило с уст сектантов, и на беседах с ними часто можно было слышать такие доводы: «що вы говорите нам, колы таки люды, як грап Товстый, сего не признают!» «Вы так учите, а от такой разумный чоловік, як Товстый, учить совсим иначе!» Увлечение штундистов Толстым еще лет 5 тому назад было довольно сильное; до этого времени они очень чутко прислушивались ко всему, что выходило из-под его пера, вступали с ним и с его последователями в живую переписку, ездили для личного свидания с графом в Ясную Поляну.

Анонимный автор львовской брошюры «Українськи Баптисти» описывает со слов побывавшего у Толстого штундиста довольно интересную беседу с графом сектантов. Из этого рассказа видно, чему Толстой поучал наших штундистов, и как последние отнеслись к его антихристианскому учению. Привожу в переводе этот рассказ целиком.

«1893 года автор и его товарищи отправились из Тулы в Ясную Поляну, имение гр. Толстого, что лежит в 12 верстах от

Тулы. Дорогою расспрашивали встречавшихся поселян, что за человек граф, и получили ответ: «Да он добрый пан; когда был голодный год, он помогал мужикам – кому дровами, кому хлебом».

– А какие наставления он вам говорил?

– Да где же их запомнить!...

Село Ясная Поляна ничем не отличается от других сел с *убогими, покривившимися хатами*; в стороне от него белый старосветский *панский дом с верандою*;²⁸⁸ на той веранде встретил гостей сам хозяин, гр. Толстой. Он был одет в простую полотняную одежду, и ничто, кроме походки, не напоминало о его барском происхождении. Толстой попросил гостей в парк, и там во время прогулки между ними начался разговор, который передается здесь в форме диалога.

Мы. Мы бы хотели поговорить с вами о Христе.

Толстой. Это как же о Христе? Один английский писатель говорит: «Кто любит христианство больше истины, тот будет любить свою Церковь или секту больше людей и кончит тем, что будет любить себя больше других». Ведь лучше любить не личность Христа, а истину. Для меня совсем не интересно,²⁸⁹ кто был Христос, да о Нём ничего достоверного и неизвестно. Жил Он в убожестве, умер на кресте. Какое может иметь значение Его биография, Его личность? Для меня важно не то, как Он жил, а то, чему Он учил;²⁹⁰ ибо только в Его учении я могу найти истину.

Мы. Однако Христос сказал: «Я есмь истина»; Его жизнь – живой образ истины. Из этого видна Его божественность.

Толстой. Откуда я могу знать о Его божественности? Ведь это – сказка, придуманная людьми. Зачем идолопоклонством пред Христом я буду затемнять своё мировоззрение. Ведь всё так просто. Христос такой же человек, как и мы с вами; жил, учил, показал истину и умер. Теперь задача каждого человека – осуществить в жизни эту истину.

Мы. Однако, не признавая божественности Христа, вы логически должны отбросить и учение об искуплении.

Толстой. Да я и не понимаю этого учения.²⁹¹ Это сказка, которая встречается еще у индусов о Бrame, и у нас она

выдумана для того, чтобы всё зло мира свалить на одного человека. Религия начинается с того, что человек задает себе вопрос: откуда началась его жизнь и чем она окончится. Для него становится ясным, что никто не произошел сам собою из ничего, а что каждый получил бытие от бытия какого-то Существа, называемого Богом. Для него нужно жить и познавать Его, а чтобы Его познать, нужно стремиться к истине. Я надеюсь, что со временем достигну истины.²⁹²

Мы. Если так, то вам всё равно, что христианство, что буддизм, что...

Толстой. Да в том и радость моя, что я нахожу одинаковую истину в основании религий всех народов. Я признаю три миросозерцания: языческое, буддийское и христианское.

Мы. Неужели вы думаете, что человек может дойти до истины своими натуральными силами?

Толстой. Это не интересный вопрос; главное то, что идеал истины есть, и есть возможность достигать его; эта возможность – разум. Как я могу признать за правду то, что когда-то слышался голос с неба, когда я знаю, что голос есть движение духа, производимое голосовыми связками (и только?!), а как я могу представить себе рот в воздухе? Как я могу признать за истину, что Христос летел на небо, когда я знаю, что вверху нет никакой тверди, а есть бесконечное пространство. Как я могу признать за правду то, что противно моему разуму?

Мы. Если избрать мерою истины разум, то придется немало исключить из нов. завета.

Толстой. Да я так и советую молодым людям: если вы хотите познать истину, то возьмите Евангелие и два карандаша – черный и синий. Черным зачеркните всё, что вам кажется написанным самими апостолами от себя, а синим все, чего вы не понимаете, да и читайте по белому: тогда вы приобретете себе верное и чистое понятие о Христовой истине. Каждому человеку доступна эта работа.²⁹³

Мы. Вы, конечно, не признаете учения о Церкви?

Толстой. По моей мысли, Церковь – не христианское учреждение. Не всё, что писали апостолы, принадлежит Христу. Я думаю, что историю христианства надо представлять в виде

конуса, который расширяется от прежнего времени к нашему. Ведь недаром минули для нас времена св. отцов, Лютера, Паскаля и др. Вам же стыдно, если вы хуже разумеете Христа, чем ап. Павел... В конце, если отнять от ап. Павла все его чудеса, то пред нами и будет сама истина Христова.

Мы. Как вы смотрите на религиозные компромиссы?

Толстой. Это всё равно, как если бы христианин времен римских гонений согласился бросить щепоть ладану на жертвенник императора. Я очень сожалею, что у нас, в «русской» державе, нет свободы печати, слова и совести. Тогда можно бы много сделать. Можно, например, было бы показать, что Евангелия не принадлежат их авторам.²⁹⁴

Мы. Думаете-ли вы, что христиане должны пропагандировать свои убеждения?

Толстой. Да что же я делаю, как не пропагандирую свои убеждения вот уже 15 лет, ходя по этим аллеям.

Далее разговор наш перешел на более конкретную почву. На вопрос о штунде Толстой сказал, что староштундисты пришли к прежнему культу – к организационной форме и умерщвлению духа, а в младоштундистах он видит очень хорошие задатки. Потом Толстой дал для чтения своим гостям своё новое произведение «Царство Божие внутри вас» (тогда еще в рукописи). Какое оно произвело на них впечатление, – не сказано.

Этим окончилось свидание штундистов с Толстым. Интересно, конечно, знать, какое вынесли сектанты общее впечатление из беседы с Толстым, развивавшим пред ними свои антихристианские идеи? Вынесли самое невыгодное для него впечатление, поскольку это касается его религиозного учения. Вот какими довольно меткими словами характеризует автор брошюры «Українськи Баптисти» общий вывод, сделанный посетившими Толстого штундистами, о нем самом и об его лжеучении.

«Толстой произвел на своих слушателей впечатление доброго и сердечного человека, «але все-таки графа»... В конце они говорят, что в Толстом «свитить свитло розуму, а все-таки його обгортає нич стоицизму и духовной гордоци» и

обращаются ко всем братьям по вере, чтобы они в молитвах своих хоть иногда вспоминали «сего Корнилия, ща мае ще почуты «слова, котрими вин спасеться». «Дивно, замечает автор брошюры, як, справди, стоить гр. Толстой на середине дороги!»

Итак, я сказал, что ранее увлечение штундистов идеями гр. Толстого было довольно большое. Да это и естественно: штундистов на первых порах подкупало в учении Толстого общее их учению резкое, грубоотрицательное его отношение к Церкви православной; ведь в этом сходятся и примиряются все многочисленные враги её, как бы ни были противоположны друг другу их религиозные учения. Но с течением времени это увлечение по вопросам религиозной догмы сектантов, твердо покоящихся на букве Евангелия, проходило: более благоразумные из них не могли не заметить, куда их ведет лжеучение Толстого, не могли не понять, что оно отнимает у них Христа и вместо Него ставит самого Толстого с его антихристианским учением. Толстой теряет у многих штундистов своё обаяние.

Но, спрашивается, неужели лжеучение гр. Толстого, всевозможными путями так обильно распространявшееся среди русского народа вообще и сектантов в особенности, совершенно не оставило никаких следов в религиозном и социальном мировоззрении наших штундистов? В решении этого интересного для сектоведения вопроса необходимо прислушаться не только к голосам штундистов, часто высказывающих свои взгляды на те или иные вопросы веры и жизни, но и к мнению о Толстом и его учении объединяющего штундистов их печатного заграничного органа «Беседы», издававшегося сперва в Петербурге, потом в Стокгольме и, наконец, в Лондоне.

Многие из штундистов, можно сказать, огромное большинство, знакомые с религиозным мировоззрением Л. Толстого, готовы видеть в нём антихриста; его крайне-отрицательное учение далеко оттолкнуло от себя наших сектантов, в большинстве своём все-таки желающих основать своё учение и жизнь на св. Писании; вот почему религиозное учение гр. Толстого сектанты считают прямо «безумием» – и это не только рядовые члены штундизма, но и его представители.

Сама «Беседа» неоднократно высказывала на своих страницах отсутствие всякой солидарности с Толстым, заявляя, что штундисты «не имеют с ним ничего общего». Вот почему и автор заграничной брошюры «Українськи Баптисти» говорит: «Толстой и его учение вспоминаются постоянно (раз-у-раз) в «Беседе» и далеко не всегда с симпатией».

Правда, среди штундистов попадаются последователи Толстого, но массовые увлечения редки; при этом необходимо заметить, что раз проникает в сектантскую среду учение Толстого, то оно приводит неразвитых и слепых его последователей к самому крайнему атеизму, приводит прямо к религиозно-нравственному озверению человека; я уверен, что, если бы граф встретил указанные плоды своего лжеучения, он сам содрогнулся при виде духовно искалеченных им меньших братьев.

Итак относительно *религиозных* идей гр. Толстого можно утверждать, что пропаганда их среди штундистов особенного успеха не имела. Но нельзя то же самое сказать относительно *социально-коммунистического его учения*, которое, пришлось как нельзя более по вкусу разнузданного мужика – штундиста. На основании личного широкого опыта и знакомства с внутреннею жизнью штундизма я прихожу к тому несомненному убеждению, что с каждым годом увеличивающееся среди них развитие социально-коммунистических идей более всего обязано проникновением в сектантскую среду социального учения Толстого: учение о непротавлении злу и вытекающие из этого учения отрицания войны, присяги, уплаты податей и проч., всё это навеяно сектантам более всего учением гр. Толстого. На это есть некоторые указания и в цитированной нами львовской брошюре «Українськи Баптисти», где автор её говорит между прочим следующее о направлении «Беседы»: «Главное влияние (толстовства на штундизм) все-таки то, что, «непротавление злу» берет пока что перевес над другими догматами в «Беседе»».

Действительно, если религиозное учение Л. Толстого не имело успеха среди штундистов, то зато социально-коммунистические его идеи привились к ним очень скоро и

прочно; чем дальше, тем они более развиваются, угрожая штундизму со временем выродиться из секты религиозной в социально-политическую. Индифферентные к вопросам веры современные штундисты ни о чём не беседуют теперь так охотно, как о неравенстве имуществ и состояний, о незаконности податей и переделе земли, о всенародном избрании лиц начальствующих и даже высшей правительственной власти. Прежде подобные явления среди штундистов были гораздо реже, теперь же, под влиянием, без сомнения, больше всего учения Толстого, они повторяются всё чаще и чаще, наводя всех близко знакомых с внутреннею жизнью штундизма на грустные думы о его будущем.

Вот в чём выразилось влияние учения гр. Толстого на последователей штундизма; с результатами этого влияния придется в будущем иметь дело не одной Церкви, но и государственной власти, которая при выработке мероприятий относительно штундизма не должна забывать причинившее ей немало забот антигосударственное движение духоборцев, тоже вызванное влиянием на них социального учения Толстого. На смену эпопеи духоборческой легко может явиться штундистская эпопея...

М. Кальнев

**Дородницын А. Пиэтизм как секта. («Der Pietismus und die herrnhutische Brüdergemeinde» Ew. Dresbach)
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 630–641**

Около конца XVII века как в лютеранской, так и в реформатской церквях в Германии возникло движение, названное пиэтизмом, поставившее себе целью сердечное благочестие и деятельное христианство в противоположность окаменевшей церковности. В центре этого движения в лютеранстве стоят Шпенер (ум. 1705 г.) и А. Г. Франке (ум. 1727 г.), в реформатстве – Жан-де-Лабоди (Jean de Labadie, ум. 1674 г.) и Теодор Ундерейк (Undereuk, ум. 1693 г.).

Реформатский пиэтизм старше лютеранского. Известно, что реформатская Церковь издавна удержала за мирянами право участия в совершении богослужения. Благодаря тем продолжительным и кровавым преследованиям, которым подвергались реформаты, у них всё более и более исчезало различие между духовенством и мирянами: при общей нужде все сознавали себя братьями. Часто не доставало проповедников с богословским образованием. В таких случаях реформаты пользовались услугами какого-нибудь вдохновенного мирянина. Задолго до «collegia pietatis» Шпенера на нижнем Рейне и в смежных Нидерландах мы находим частные назидательные собрания. Упомянутый Лабоди, родившийся в Бурге (Bourg) в юж. Франции в 1610 г., даровитый и пламенный католический проповедник, собиравший с 1664 г. своих прихожан на особые молитвенные собрания, перешедший в 1650 г. в реформатскую Церковь, с большою решительностью действовал в целях распространения пиэтистического благочестия в Германии. Вместе с ним действовал Ундерейк, пастор в Мюльгейме (Рур, Кассель и Бремен). Были и другие единомышленники, как, например, Иодок фон Лодейштейн (Jodocus von Lodeistein, 1620–77), проповедник в Утрехте и автор распространенной Готф. Арнольдом прекрасной песни: «Heiliger Jesu, Heiligensquelle» (Св. Иисус, Источник освящения), а также благочестивый стихотворец Иоахим Неандер,

проповедник в Бремене (1680). В 1674–79 гг. Неандер был ректором в Дюссельдорфе, где он, вопреки запрещению тамошней пресвитерии, учредил религиозные собрания и удалился от церкви и Евхаристии. Пресвитерия отрешила его от должности, так как такой род собраний угрожал умножением и без того уже многочисленных враждебных Церкви лабадистов. Неандер отказался от своей должности, и был возвращен на ректорскую должность. Вместе с Неандером должен быть упомянут Фр. Ад. Лампе (Lampe), пастор в Вэзе (Weeze), Дуйсбурге и Бремене и профессор утрехтский (ум. 1729 г.). Но преимущественно пред прочими имя поборника вне церковных «часов благоговения» (Andachtssunde) заслужил благочестивый мистик и замечательный стихотворец Г. Терштэген (Tersteegen, ум. 1769 г.). К Церкви он относился равнодушно, даже недоверчиво и явно удалялся от общественного богослужения и св. Евхаристии. Его влияние было особенно сильно в южной Германии. Благодаря этим и подобным деятелям, в реформатской Церкви и до настоящего времени продолжает существовать склонность к церковному сепаратизму. Преимущественные же заслуги в этом отношении принадлежат лютеранскому пиетизму, главных деятелей которого мы уже назвали. Филипп Яков Шпенер из Раапольшвейлера в Эльзасе, родился 13 января 1635 г. Он был сын графского управителя (гофмейстера). В 1666–86 г. он был сеньором духовенства во Франкфурте на Майне, затем главным придворным проповедником (Oberhofprediger) в Дрездене, откуда в 1691 г. был удален за свою решительную строгость по отношению к пастве, после чего был пробстом при Церкви св. Николая в Берлине, где и умер 5 февр. 1705 г. Итак, хотя Шпенер всем сердцем был предан своей Церкви, однако он был убежден, что она при своём правоверии закопала свои дарования, и потому имеется настоятельная необходимость в реформации, в смысле действительного благочестия членов в Церкви. Сам он сделал значительный шаг к осуществлению этой реформации – именно изданием своего сочинения «Pia desideria» и учреждением частных религиозных собраний для оживления христианского благочестия. Эти собрания или «collegia pietatis»,

состоявшие сначала из бесед о назидательных сочинениях, а с 1675 г. – о св. Писании, – начались в 1670 г. в доме самого Шпенера. Они нашли подражателей и имели следствием то, что противники начали говорить об основании новой религии, о лабадистском сепаратизме и квакерском мечтательстве в самой Церкви, и участники этих *collegia pietatis* были названы новым сектантским именем «Пиетистов», т. е. – святош-ханжей. Впоследствии же пиетисты присвоили себе это имя, данное в насмешку, в качестве почетного, что и высказано в одной их песне: «Was ist ein Pietist? der Gottes Wort studiert und nach demselben auch ein heilig Leben führt». (Что такое пиетист? тот, кто изучает Божие слово и ведет по нему святую жизнь). В 1675 г. Шпенер написал своё, хотя и малое, но глубоко прочувствованное сочинение: «*Pia desideria*», или сердечное желание богоугодного исправления истинной евангелической Церкви, вместе с направленными туда (к этой цели) христианскими предложениями, сначала – как вступление к книге проповедей Арндта, а в 1673 г. отдельно напечатанное на латинском языке. Это сочинение было толчком к сильному движению. Начиная словами пр. Иеремии: «О, как много вод на главе моей», – автор выставляет бедственное положение Церкви и указывает шесть целительных средств к её исправлению: 1) Усиленное распространение слова Божия и частных собраний, в целях основательного изучения св. Писания. При этом он указывает, как было бы полезно, если бы на этих собраниях вместе с общественным богослужением имел место взаимный обмен мыслей о религиозных предметах. 2) Установление всеобщего священства (1Пет.2:9), участие мирян в проповеди для назидания других. По его мнению, должны быть основаны «небольшие церкви в Церкви» (*Kirchlein in der Kirche*), которые не стояли бы, как противоположные по отношению к Церкви, но были бы закваской для остальной массы в целях возбуждения к новой жизни всех членов посредством научения и увещания. 3) Распространение той истины, что одного знания в христианстве недостаточно, необходимы и дела. 4) Правильное обращение с заблуждающимися и неверующими, и не только убеждение, но и

исправление противника. 5) Изучение богословия, имеющее на первых порах своим предметом благочестивую жизнь. 6) Другой род проповеди, причем должна быть указана важность внутреннего христианства и его обнаружения в добрых плодах. – Что касается таинств, то Шпенер каждому христианину дает право их отправления, особенно при нуждах в крещении. Относительно же Евхаристии он советует воздерживаться от этого обычая, так как, при отсутствии проповедника, нуждающийся в утешении может удовольствоваться верою. Во всем Шпенер был и оставался преданным Церкви. Он прямо предостерегал от обособления от Церкви, которое он считал преступным, но он не мог предотвратить его, – страшные призраки поднимались над его головой. Под его влиянием, приват-доцент Абг. Гер. Франке (Francke), Поль Антон (Paul Anton) и Иог. Касп. Шаде (Ioh. Kasp. Schade) основали в 1686 г. в Лейпциге так называемую «collegia philobiblica» в целях назидательного изъяснения св. Писания. Но на них было наложено запрещение, и три друга, направление которых было обозначено, как *пиэтизм*, или *лицемерное благочестие*, должны были покинуть Лейпциг, чем было положено начало продолжительным пиэтистическим спорам. И чем более пиэтизм – произнесение молитв, открытое исповедание грехов и другие благочестивые упражнения – принимал характер догмы, тем более он терял первоначальную красоту и сердечность, так что Цинцендорф мог с правом сказать:

Ein einzig Volk auf Erden«Единственный народ на земле
Will mir anstößig werdenкажется мне непривлекательным и
Und ist mir ärgerlich: Dieввозбуждает во мне досаду: это те
miserablen Christen Dieнесчастливые христиане, которые
kein Mensch Pietistenименуют себя пиетистами и которых
Betitelt, als sie selberни один человек не называет этим
sich». именем».

В Вюртемберге благочестивое направление уже на первых порах нашло готовую почву, когда Шпенер находился в доверчивых отношениях с тамошнюю Церковью. Когда в 1717 г. Франке предпринял путешествие по стране, он везде был приветствуем подобно триумфатору, и герцог доставил

господину профессору и его обществу содержание и подводы от одной границы до другой. При таких обстоятельствах неудивительно, что пиэтизм распространился здесь быстро; в городах и деревнях учреждались собрания, и милостивый закон 1743 г. не положил никаких препятствий на пути пиэтизма. В настоящее время Вюртембергские пиэтисты делятся на три главных класса: на *старых* пиэтистов, *Михелианцев* (Michelianer) и *Прегицеруанцев* (Pregizerianer). Первая группа весьма многочисленна; её учение – церковное, она принимает участие в общественном богослужении и вместе с тем имеет свои особые собрания. *Михелианцы*, последователи Михаила Гана (Michael Hahn, ум. 1819 г.), отличаются пристрастием к святости, учат об общности имуществ, требуют покаянной борьбы и держат себя недружелюбно по отношению к Церкви. Прямую противоположность им во многих отношениях представляют собою Прегицеруанцы, последователи: Гейтербахского пастора М. Прегизера (M. Pregizer, ум. 1824 г.); благодати крещения и оправданию они придают такую важность, что для достижения блаженства не считают нужным строгое стремление к святости и покаяние. Они приветствуют друг друга словом «мир», их настроение веселость, почему они и называются *блаженными* (hochselige). Как в Вюртемберге, так и во всей Германии пиэтизм скоро нашел себе последователей. Известно, что имя «пиэтист» в лютеранстве сделалось столь употребительным, что им обозначается всё, что является более, чем обыкновенным благочестием и тем или иным образом относится равнодушно к Церкви. Это движение оказало большую услугу пришедшим из других государств сектантам, например, методистам и баптистам, благодаря пунктам соприкосновения с этими последними. – Укажем вкратце на отдельные отпрыски пиэтизма. Прежде всего должно упомянуть известную своим культам разврата *Бутлярскую группу* (Buttlarshe Rotte). Ева фон-Бутляр (Eva von Buttlar) родилась в 1670 г. в Эшwege (Eschwege) в Гессене. Уже на 17 г. она вышла замуж за французского беглеца Везия (Wesias), гофмейстера и танцмейстера. Светская придворная дама, и в то же время развратная женщина, она была в 1697 г. в Готе увлечена

распространявшимся там пиэтистским движением и в качестве «Сестры во Христе» выступила на молитвенных собраниях. Благодаря этому она была удалена от двора, – после чего возвратилась на родину, где основала в разных местах собрания и имела такой успех, что в 1702 г. могла учредить в Аллендорфе, в Гессене, особое общество под именем «Христианско-филадельфического союза» («Christlich-philadelphische Sozietät»), которого она была руководительницей и центром. Это общество пришло к нелепой мысли, что брак греховен: чувственная похоть должна быть умерщвляема неестественным и беспорядочным духовно-плотским сожитием. Отсюда возник ужасный разврат, повторившийся в 1750 г. в Брюссельской и Гонедорфской сектах и около 1840 г. у муккернцев в Кенигсберге. Ева утверждала, что если благословляемый рукою священника брак есть «привилегированное распутство», то связь с нею, как святою, непричастна никакой греховной похоти и дает право на полную святость. Таким сатанинским рассуждением, отличаясь притом же привлекательною наружностью, – она очаровала всё своё общество, состоявшее из 30–40 человек, и с каждым мужчиною жила без зазрения совести в диком распутстве. Женский персонал общества искусным образом был лишаем способности чадородия посредством «раздавливания яичника», что, между прочим, не предотвращало внебрачных рождений. Изгнанный, спустя шесть недель из Аллендорфа, союз перешел в Виттгенштейншен. Здесь их безнравственная жизнь была узнана ближе, и главные члены были заключены в тюрьму в Лаасфе и обвинены в богохульстве, распутстве, нарушении супружеской верности и кровосмешении. Но заключенные напоили стражу и убежали. В Кельне они перешли в католичество, – в надежде освободиться от дальнейших преследований. Союз водворился в Люде (Lude) при Пирмонте, где снова ожил с прежними свойствами. Религиозное мечтательство дошло до безумия: Ева была названа «райскою дверью» («Die Thur zum Paradiese»), сошедшею с неба премудростью, или «Софией», и прямо почиталась, как «св. дух». Один из членов секты, по имени Виктор, был объявлен «богом-отцом», другой – Аппенфеллер –

«богом-сыном», чтобы представить, таким образом, *во плоти пришедшую божественную Троицу*. Сектанты смотрели на своё общество, как на *церковь святых*, призванную овладеть всем миром. Но вскоре после появления их в Люде они были арестованы (22 Февр. 1706 г.) и заключены под стражу в замок Дрингенберг. Результатом назначенного над ними судебного следствия было то, что члены секты частью были приговорены к смертной казни, частью к наказанию розгами и пожизненному изгнанию. Ева со свойственной ей ловкостью, умела отделяться от всех вообще наказаний посредством бегства. Пред судом она объяснила, что *пиэтизм лишил её разума*. В продолжение года после этого она продолжала свою соблазнительную деятельность.

Совершенно подобным же путем шла в своей деятельности и *Борделюмская группа* (Bordelumsche Rotte), основанная кандидатом Бэром (Bär) в Борделюме около Фленсбурга в 1739 г. Эти святоши, при своём разврате, дошли до того, что отменили воскресенье, как день покоя, – так как, по их мнению, праведный не связан никаким законом. Подобное же имело место у *Брюггельнцев* в Бернском кантоне в 1748 г. Тоже самое у *Сионитов* в Эльберфельде и Ронсдорфе. Илия Эллер (Eller), сын земледельца из Ронсдорфа, женился на богатой вдове Болькгауз (Volkhaus) из Эльберфельда, у которой он служил в качестве фабричного мастера. Эллер, будучи на 20 лет моложе 45-летней Болькгауз, уже давно находился в сношениях с пиэтистами, которых в Эльберфельде было много. Теперь же (в 1726 г.), сделавшись богатым человеком, он начал созывать в свой дом пиэтистов, в числе которых был пастор Шлейермахер, – дед знаменитого Фридриха Шлейермахера, – на совокупные молитвенные собрания с *вином и чаем*. Он всё более и более принимал вид святоши и его начали считать пророком. Между пиэтистами, которые собирались у него, находилась молодая и красивая дочь булочника Анна ван-Бухель, и так как вечерние собрания открывались и заключались поцелуем любви, то между Эллером и Анною незаметно возникли греховные отношения. Госпожа Эллер не могла более терпеть: она обозвала Анну лицемерною распутною девкою, укорила своего

мужа в неверности и угрожала изгнать собрания из своего дома, так как, благодаря им, у ней расхищалось имущество и нарушался домашний мир. Естественно, что это не понравилось друзьям собрания. Они – во главе с Эллером – набросились на его жену, бранили и оскорбляли её, пока не довели до обморока, и заперли подобно пленнице. Бедная женщина, как только пришла в сознание, стала кричать и шуметь, но когда на её зов никто не поспешил для её освобождения, она громко начала проклинать в отчаянии самое себя, свою судьбу и сектантов. Эллер же объявил свою жену безумною, и Анна на вечернем собрании сказала, что Бог открыл ей, что старая Эллер одержима злым духом и скоро отправится к дьяволу, – чему все поверили. И действительно, спустя полгода несчастная умерла жертвою ежедневных оскорблений.

Вскоре после этого Эллер женился на Анне, которая среди её приверженцев почиталась пророчицей. Эллер пророчествовал, что, на основании Откр.3:1–8, *Сардийская* т. е. господствующая Церковь прекратит своё существование в 1729 г., чтобы уступить место истинной – *Филадельфийской* церкви. Здесь нужно заметить, что в тогдaшнее время, именно, среди пиетистов много говорили о «Филадельфии». Доктор Горх (Horch) в распространенной мистической Марбургской библии в 1712 г. (начало Филадельфийской Церкви), основываясь на Откр.11:4, относил к 1735 г.; он вычислял: $3\frac{1}{2}$ умноженное на 360 лет (после разрушения Зап.-Римского государства) = $3\frac{1}{2} \times 360 + 475 = 1735$. Другие мечтатели думали, что «жена, облеченная в солнце» (Откр.12:1), т. е. истинная Церковь, только в 1736 г. прекратит своё вдовство и сочетается с Агнцем. Такие же фантазии занимали Эллера вместе с Анной. Последняя объявила в собрании, что она и её муж происходят из рода Давидова и имеют от Бога поручение основать на земле Сионское царство. Поэтому, она получила имя «*Materi Сиона*» (Zionsmutter), Эллер же – «*отца Сиона*» (Zionsvater). Она пророчествовала, что от них родится спаситель, царь нового царства. – Мы зашли бы слишком далеко, если бы стали приводить здесь все «откровения» мечтательницы; они изложены в «Пастушеской Сумке» («Hirtentasche») – сочинении,

сохраняемом приверженцами Эллера и Анны в качестве заповедной тайны. – Когда же, наконец, Анна на самом деле очутилась в ожидавшемся интересном положении, между верующими начались ликования: на виновницу радости сыпались подарки и лстивые речи, все старались приобрести расположение сподобившейся милости свыше – родить вторично спасителя. Но увы! вместо сына родилась дочь! Какое разочарование! Но Эллер не потерялся. – «Новое царство, – утешал он, – не может еще начаться, так как доверие к нему и к *Матери Сиона* со стороны собрания не утвердилось еще в достаточной степени; нужно твердо верить, что Писание исполнится». И вот, в 1733 г., Анна снова зачала и родила сына. Он был назван при крещении Вениамином – по Пс.67:28.

Мечтатели в высшей степени надеялись, что он исполнит то, что написано во Пс.2:19; – Эллер уверял, что он не отец дитяти, но что Бог родил его, по Евр. IX, – и ему верили. Не довольствуясь своими последователями в Эльберфельде, он посылал апостолов, которые должны были приобрести ему новых последователей как в остальной Германии, так и вне её. Но опять случилось неприятное событие: маленький Вениамин умер на первом году. Но отец постарался успокоить своих последователей словами Откр.12:5: «восхищено было дитя её к Богу и престолу Его» и послания к Евр.10:37: «ибо еще немного, очень немного, грядущий придет и не умедлит».

В 1737 г. Эллер переселился со своими последователями из Эльберфельда, – «Содома и Гоморры», – в Ронсдорф, и только теперь секта была узнана ближе. На новом месте скоро возникло 50 новых домов, на собранные капиталы был выстроен храм, в который был приглашен пастор Шлейермахер из Эльберфельда. Эллер был в одно и тоже время бюргмейстером и верховным епископом. Он распоряжался в «Новом Иерусалиме» по своему произволу. – При крещениях и свадьбах, которые совершались с его позволения, он любил устраивать роскошные и непристойные пирушки. Таковой разврат он считал за данное ему Евангелием преимущество и столь же мало греховным, как и связь Авраама с Агарью. Когда же после внезапной и загадочной смерти Анны (в 1744 г.),

Эллер самого себя выдал за ожидаемого Спасителя, у пастора Шлейермахера, который до сих пор на все невероятные измышления смотрел как на дело Божие, открылись наконец глаза. Он пытался отклонить сердца последователей от обольстителя, но, благодаря этому, должен был, для спасения своей жизни, убежать в Нидерланды. Его место заступил проповедник Руденгауз из Ратингена. Эллер умер 16 мая 1750 г.; пастор Вюльфинг, его верный сотоварищ в Ронсдорфе, проповедовал с кафедры, что Эллер, подобно Илии, взят на небо. С Эллером секта потеряла главную свою опору, и, когда впоследствии Ронсдорфское общество получило разумных и честных проповедников, следы ложного пророка со временем исчезли. Но воспоминание о нём и о *Матери Сиона* живо в нём еще до сих пор. Из приведенного рассказа видно, до какой степени низости можно дойти под покровом благочестия. Плотские грехи между сектантами – уже издавна не редкость. Чем более пиэтизм заботится о воздержании от чувственности, независимо от Евангелия, тем ближе лежит опасность нравственного падения. В примерах из ближайшего к нам времени нет недостатка. – Мы только бегло коснемся *Молящихся Детей* (die batenden Kinder) в Шлезвиге и *Инспиратов* (Inspirierten) – в Веттерау. Первые в возрасте от 4 до 14 лет собирались около 1707 г. в поле для усердного пения и молитвы. Собираясь сотнями, они составляли один круг, падали на колени и с воздетыми руками громко молились. Движение распространялось по всей стране. Напрасно ратовали против них с кафедр. Так как наказания только усиливали энтузиазм детей, то им уступлена была особая Церковь для их богослужения, после чего явление скоро прекратилось. Для пиэтистов это было небесным знамением, а для других привидением ада. Графский дом Заин-Виттгенштейн-Берлебург давал прибежище всем преследуемым религиозным мечтателям. Мы назовем имена только следующих лиц: Диппель (Dippel), Гауг, Марсай (Marsay), Эдельманн, Гохманн, Грубер и Рокк. Из этого кружка распространилась в народе вся масса сектантских сочинений, а главным образом так называемая Берлебургская Библия (1726–1742 гг.), сильно

восстававшая против Церкви и духовенства. В 1714 г. пришли в Веттерау изгнанные из Галле, происшедшие от преследуемых во Франции реформатов, инспираты (Inspirierten), нашедшие для себя важное орудие в лице находившегося здесь Грубера, отставного пастора Вюртембергского и Рокка. Начали ревностно основываться молитвенные общества (Gebetsgemeinschaften), учреждались великие вечера любви и, при помощи *путешествующих братьев* (ecclesia ambulatoria), проповедовались *чистые истины Евангелия*, слышались жалобы на испорченную Церковь и её служителей, призывы к покаянию, обетам и к учреждению небольших инспиратских общин. В 1730 г. Цинцендорф присоединился к этим людям. Но первоначальное дружество скоро сменилось неприязнью: Цинцендорф объявил Рокка «лживым пророком», Рокк в свою очередь обругал Гернгутера новым «вавилонским кропателем» (Babelsflicker). В 1841 г. множество инспиратов переселилось в Америку, где они между своими последователями продолжали сеять свои мечтания, доходившие до общения имуществ.

Сущность пиэтизма, как вероучения, в общем состоит в следующем: в центре всей системы пиэтизма стоит вопрос о возрождении.

Возрождение происходит при помощи слова Божия, при помощи духовно-телесной покаянной борьбы и проистекающего отсюда проникновения божественною милостью (Gnadendurchbruch). Что оно (возрождение) действительно происходит, в этом сердце ясно уверяется очевидным обещанием Божиим. Отсюда – совершенно, как у методистов – стремление к моменту, когда душа достигает милости от Бога. Оправдание может достигаться только непорочным образом жизни, вера должна быть живою. Светские развлечения и удовольствия, – в роде танцев, театра, карточной игры, вместе со смехом, гуляньем, курением табаку и вообще так называемые *adiaphora* отвергаются, как греховные, препятствующие освящению. Возрожденный в этой жизни уже не причастен греху и может в совершенстве выполнить божественный закон. Если он нечаянно совершает грех, – то последний ему не вредит, так как его ежедневно очищает кровь

Христова. Относительно Церкви и проповеднического сана пиэтизм учит что Церковь давно уже перестала питать верующих и заботиться о них, что общество верующих составляет Церковь, и частные молитвенные собрания служат лучшим выражением жизни Церкви. Проповедником может и должен быть тот, кто на себе самом испытал целительную силу Евангелия и, следовательно, возрожден. Пред страшным судом, который, вероятно, скоро наступит, произойдет значительное обращение в пиэтизм иудеев и язычников, причем начнется тысячелетнее господство пиэтистов.

То обстоятельство, что со времени своего возникновения пиэтизм стремится к так называемому живому христианству, имеет своё законное основание. К этому времени на западе вера сделалась исключительно делом памяти, покаяние свелось к формальной исповеди с преувеличенными надеждами на силу разрешительной молитвы. В Церкви господствовали бесконечные споры относительно истинного учения, занимаясь буквой Евангелия, забывая главное – христианский образ жизни. Народу, мало-помалу, наскучили состязания, которые нередко велись с кафедр. Он начал избегать общественного богослужения и впал в индифферентизм и нравственную распущенность. Послышались голоса, высказывавшиеся за необходимость оживления Церкви, и притом всё громче и настойчивее: Шпенер со своими *pia desideria* был не один, то было время *pia desideria*, время справедливых благочестивых желаний, но, – что обыкновенно бывает в подобных случаях – последователи Шпенера и Франке переступили отчасти первоначальные намерения, они заняли враждебное положение по отношению к Церкви и сделали, в конце концов, пионерами рационализма. Как они думали и думают о Церкви и духовенстве, – можно заключить из известного стихотворения пиэтистического происхождения:

«Grosz ist der Betrug in alien, «Велик обман во всём, За это
Drum wird Baben schrecklich fallen ужасным образом погибнет
Denn das Sundenmasz ist voll DasBавилон, Так как исполнилась
die Hur bezahlen soll». мера прегрешений».

А. Дородницын

**Чередников И. Раскольничья безпоповская секта
«Коликовцев»²⁹⁵ // Миссионерское обозрение 1901 г.
№ 5. С. 642–647**

Между различными сектами нашего Черниговского «Стародубья», существует безпоповский толк, совершенно несогласный с другими безпоповскими сектами, именуемый «Коликовщиной».

Основание «Коликовщине» положено в 1871 году в посаде Клинцах мещанином соседнего посада Ардони Иваном Григорьевичем Крюковым; название-же своё этот толк получил по имени первого принявшего учение Крюкова, мещанина п. Клинцов, некоего Ив. Ив. Немчинова, уличное прозвание которому было «Колик».

Принадлежа к секте беглопоповцев, Ив. Гр. Крюков усомнился в истинности и правильности своего упования. Для него, как он говорил, казалось странным, что беглопоповцы, заирая православную Церковь и не подчиняясь её авторитету, все-таки не могут обойтись без спасительного её священства и принимают бегствующих от неё иереев; эти же не для спасения и освящения их идут к бегствующим, но как «рабы непотребнии» и «татие». И вот он оставляет беглопоповщину и становится безпоповцем. Перейдя в безпоповщину, Крюков, однако, не пристал ни к одному из безпоповщинских толков, так как он никак не мог примириться с тем фактом, чтобы несвященные лица могли совершать такие действия, как крестить, принимать на покаяние и проч... О белокрыницком же священстве он не хотел даже и слушать. Поэтому Крюков остановился лишь на отрицательной стороне учения безпоповцев, на мнении, что теперь духовно царствует антихрист, что благочестие пало, как в Греческой, так и в Русской Церквях, – в Греческой – со времени порабощения греков турками, а в Русской – со времени унии в Киевской Церкви и от лет Никона патриарха в Московской, и что теперь можно обходиться совершенно без таинств. И вновь приходящих в секту, по его мнению, не должно ни перекрещивать, ни венчать, ни принимать на покаяние, всем же

вообще должно лишь довольствоваться одной общей молитвой; отверг он и всякое старейшинство у себя в секте. Первым, принявшим учение Крюкова, был его же собрат по беглопоповству, Ив. Ив. Немчинов – «Колик» и его два сына Семен и Иван. Усердно принялись Крюков с товарищами распространять своё учение; но проповедь их была пока тщетна. Все относились к ним с презрением и с нескрываемыми насмешками. Особенно доставалось Крюкову от безпоповцев других толков.

Видя неудачу в насаждении новой безпоповщины, Немчиновы первые поняли, что без материальной помощи проповедь их будет бесплодна. А так как свои средства их были ограничены, то и стали они подыскивать такого человека, который мог бы, с переходом к ним, дать новому учению материальную поддержку.

В это время проживал в Клинцах бездетный богатый старик некто Авдий Царапкин, принадлежавший к секте белокриницких. Имея хорошую торговлю и порядочное состояние, Царапкин отличался особенною благотворительностью. Ворота его дома приветливо были открыты неимущим. Всякий бедняк мог всегда найти у него и пищу, и одежду. И вот на этого-то старика раскольника и пал выбор Немчиновых. Крюков стал очень часто бывать у Авдия и скоро сладко-льстивыми словами своими успел склонить безграмотного старика к переходу в безпоповщину новой фабрикации. Но, чтобы удержать состояние Царапкина в своих руках, Крюков и К° стали напевать старику, что помогать лишь можно единомышленникам по вере, как и Христос сказал Хананеянке: «не добро отнять хлеб от чад и дати его псам»!! И вот в один день пришедшие за обычной помощью к Авдию были крайне удивлены, найдя ворота дома на запоре, а еще больше были поражены, когда узнали, что Авдий перешел в «Коликову веру», как народная молва успела уже окрестить убеждения Крюкова и К°. Крюков безвыходно стал находиться при старике Царапкине, услаждая его ядом своего лжеучения, а Немчинов получил свободный доступ к его капиталам, которыми и пользовался свободно, якобы на дела помощи и благотворительности своей собратии. К чести, однако,

Крюкова надо отнести то, что он не воспользовался Царапкинским состоянием в свою пользу, как сделали Немчиновы, которые мало того, что бесконтрольно пользовались деньгами старика, но, чтобы не допустить перехода капиталов к дальним родственникам Авдия, Бог весть какими судьбами, успели достигнуть того, что старик Царапкин еще при жизни завещал всё своё состояние Немчиновым. Имея в руках деньги, «Коликовцы» успешнее повели дело. Сначала бездомные старики и старухи, соблазняясь щедрыми подачками из Авдиевских капиталов, приняли Коликову веру, а за ними и некоторые семейные. С этого времени и первенствующая роль от Крюкова переходит уже к Немчиновым, как лицам, которые дают материальную помощь собратьям по вере. В доме Немчиновых стали собираться «Коликовцы» на молитву, где служили: вечерню, часы и утреню, а также молебны. В виду того, что случаи перехода к их секте стали часты, потребовалось установить некоторый чин принятия. Вновь поступающий обязан был в течении 40 дней нести строгий пост со слезами и известным количеством – от 100 до 200 поклонов, затем дать клятвенное обещание в искренности перехода, в несообщении с еретиками, и даже с родными, которых он должен проклясть, как живых, так и умерших, и в строгом хранении интересов и тайн общества. Был предложен вскоре особый чин при крещении родившихся, именно: новорожденному отец нарекает имя восьмым днем и несет за него по силе 40 дней правила, но с сокрушением сердечным и «слезами». В основание таковому своему мудрованию, отвергшему даже трехкратное водное погружение, Крюков привел слова св. Иоанна Златоуста из толкового Евангелия на крещение Господне: «шестое крещение покаянием и слезами, яже воистину болезненно» (толк. Еванг., лист 474 и 475).

Так как в секте были уже и такие, которые желали вступить в брак, то и для них Крюков изобрел чин их брачного сопряжения. Опираясь на слова Большого Катехизиса: «брачующие сами себе тайну действуют» (Большой Кат. лист 392), «коликовцы», желающие вступить в брачное сожителство, сначала благословляются иконой от своих родителей, затем

поют «каноны» Спасу Всемиловитому да Пречистой и святым. После сего жених громогласно читает, если, конечно, он грамотный, в противном случае читает сват, по Большому Катехизису «о шестой тайне, сиречь обраче законном». Когда же доходит до слов: «по сем брачующие сами себе тайну действуют, глаголюще», обращается к невесте и говорит ей словами Катехизиса: «аз тя посягаю в жену мою» и при этом дает ей кольцо своё, а невеста отвечает ему словами же Б. Катехизиса: «аз же тебя посягаю в мужа моего» и дает ему своё кольцо; и затем заканчивается чтение о шестой тайне (Б. Катехизис, лист 391). Если за неграмотного жениха читает кто из сектантов, то слов «аз тя посягаю»... не произносит, а произносит их сам жених и невеста. Каются «коликовцы», как большинство безпоповцев, пред образом и епитимью налагают сами себе, сообразно грехам, приводя для своего оправдания слова того же Б. Катехизиса: «сокрушение сердца или печаль душевная о гресех, имиже, к Богу прогневавше обращаемся и оных грехов лишаемся, хотящи исправитися». (Большой Катех., лист 389 обор.).

Над умершим читается псалтирь и поется канон за «единоумершего».

«Коликовцы», наконец, совершенно упразднили в своей секте всякое главенство. Ни отцов, ни уставщиков у них нет. Править службу, крестить, венчать, хоронить всякий имел право; и на общих молениях службу правят те из них, у кого грамота «острей».

Семь лет продолжалось внутреннее спокойствие «коликовщины». Но вот И. Г. Крюков остановился на 29 слове Никона Черниговца, у которого сказано: «что это (совершать службы церковные) достоин творити чтецам и певцам», а «Церковный чин поставляет чтеца и певца» (Ник. Черн. Лист 208 обор.) и усомнился в своей правоте. Свои сомнения Крюков предложил «собору», как громко стали они называть свои сходы. «Собор» выслушал все доводы Крюкова и, по его же предложению, постановил прекратить служение вечерни, утрени и часов, а довольствоваться лишь келейной молитвой и псалмами. Такое нововведение в секте больше всех

пришлось по вкусу самим Немчиновым. Занятие их (они резники скота и торговцы мясом) требовали того, чтобы они в праздники присутствовали не на общих молениях, а на торгу.

Но насколько это постановление давало свободу Немчиновым для торговых целей, настолько оно не удовлетворяло душевных потребностей остальных сектантов. Согласившиеся оставить общие моления стали скучать без службы, домашняя же – всех не удовлетворяла. Послышались жалобы на Крюкова, который уже и сам стал сознавать, что без службы скучно и, наконец, предложил делать по-старому. Немчиновы-же в силу-ли личных интересов, или лишь отстаивая своё самолюбие, не соглашались с Крюковым, за которого было большинство. Произошли жаркие споры. Крюков уже *от писания* стал доказывать, что служба нужна, ибо и спастись невозможно без неё. Но на стороне Немчиновых был капитал, и мнение их восторжествовало. Дабы же прекратить возникшие споры, Немчиновы не стали пускать Крюкова на «соборы» и заявили, что он может часто менять свои убеждения и всё доказывать от Божественного «писания», а потому-де не стоит уже принимать его в общение, дабы он не смущал «верных». Но Крюков не унимался, силою врывался и доказывал своё мнение; тогда уж все сектанты, под влиянием Немчиновых, навсегда изгнали его из своей среды. А чтобы окончательно утвердить отстоянное мнение, Немчиновы собрали «большой собор», т. е. всех сектантов, и соборне, опираясь на 6-е правило гангрского собора (!?), постановили: *«а еще кто будет молиться по часовнику и часослову, да будет проклят»*. После такого постановления уже и сам Крюков не пожелал иметь общения с «Коликовцами»!! А чтобы народ не волновался из-за общей службы, Немчиновы допустили служить иногда «канон». В праздничные же дни постановили собираться для поучения в слове Божиим. Эти собрания стали происходить таким образом. Когда все сектанты соберутся, «кладется начал» и все рассаживаются по лавкам, один из более грамотных сектантов раскрывает книгу или Ефрема Сирина об антихристе, или из Соборника, или житие пустынного отца, т. е. более или

менее для себя подходящее, и читает собравшимся, поясняя читаемое своими собственными комментариями.

Отделившись от «Коликовцев», Крюков не порвал однако связи с ними. Он принялся писать им увещательные писания, но на все его доводы «Коликовцы» глухи и вербуют всё больше и больше своих последователей; они назначили премию за переход в «Коликовщину» в размере 25–30 рублей, благо одна из Николаевских купчих перешла к ним и обеспечила солидным капиталом. Теперь во главе «Коликовщины» стали еще новые заправилы – Карташевы и Третьяковы и уже с помощью Николаевского капитала вербуют своих последователей. Отверженный же всеми И. Г. Крюков не пожелал пристать ни к одному толку и на вопрос: «Ну, как же вы теперь, Иван Григорьевич, спасаетесь?», отвечает: – «Я, говорит, теперь как Ной праведный после потопа, ищу истину и правую Церковь; найду её и пойду».

Интересно видеть этого Ноя праведного, когда он ведет беседу: раскольники всех толков нападают на него и какими-какими именами они не называют его, особенно белокриницкие, которым он сильнейший враг. К Церкви же православной он относится хорошо и всегда о ней беседует охотно. Немчиновы же, – ревностные не по разуму, дерзкие и грубые, – они, как лютые волки, изрыгают хулы и брань на св. Церковь, таинства и её служителей. Впрочем, один из Немчиновых – Семен понес достойную кару; за дерзкую хулу на св. Церковь, по приговору окружного суда, послан в Сибирь.

В настоящее время секта «коликовцев» имеет в Клинцах до 200 последователей и пустила свои зловредные корни и по другим посадам²⁹⁶ и даже в другие губернии. Молитвенного дома она не имеет, а по-прежнему собирается в доме Немчиновых.

Псаломщик-учитель *Иван Чередников*

Из миссионерских летописей, дневников и записок

**Иванов А. и Православный. Открытые письма
графу и графине Толстым // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 5. С. 648–659**

Граф Лев Николаевич!

Известный вам, бывший студент Московского университета и горячий последователь вашего учения, Михаил Аркадиевич Сопочко просил меня переслать вам давно составленную им, а ныне пересмотренную и переделанную мною книжку «Плоды учения гр. Л.Н. Толстого». Исполняя его желание, я со своей стороны просил бы вас, граф, не бросать её, не прочитавши. Книжка дышит искренностью и представляет, к счастью и радости верующего христианина, не единственный пример обращения от полнейшего неверия к самой искренней вере. Современное неверие, полнейшее отрицание христианства обыкновенно представляется болезнью неизлечимую, грехом, для которого невозможно раскаяние, который потому и должно отнести к тем грехам против Духа Святого, о которых читаем мы в Евангелии. Но вот, Слава Богу, и хулящих Духа Святого сам Дух Св. не лишает своей благодати, лишь только душа хулителя хоть немного дрогнет в сторону раскаяния. Так именно и случилось с Михаилом Аркадиевичем, так случается и не с ним одним. М. А. натура цельная, искренняя, которая неспособна двоиться или оглядываться назад, не любит лицемерить, рисоваться, останавливаться на полдороге. Раньше он был увлечен вашим учением, – и не теоретически, не на словах, а всею убежденною душою, всею жизнью, и был «толстовцем» больше, чем вы сам, Л.Н. Толстой. Возвратившись в христианство (несомненно, по особому сверхъестественному действию Св. Духа), он и тут не остановился на полдороге: Дух Св. влечет его к христианскому аскетизму. Что будет далее, – одному Богу известно. Но во всяком случае вы ошибетесь, если назовете теперешнее его состояние увлечением, которое так же может пройти, как прошло его прежнее отрицательное, толстовское настроение. Я не буду говорить о силе благодати Духа Св., под влиянием которой он находится теперь.

Сверхъестественному вы не поверите. Так вот вам естественное: он испытал теперь и то и другое, – и полное отрицание веры до грубейшего материализма, и полное проникновение верою до самоотречения, Христа ради славного аскетизма; после испытания первого он выбрал последнее, – выбор был вполне свободный, сознательный, – возвращение опять к отрицанию невозможно. –Ах, если бы и вашего сердца коснулась благодать Духа Св. «поне на старость». Что мудреного? Милость Божия к человеку велика и неисповедима. Об вас, чтобы Господь призвал вас к раскаянию, к истинной православной вере, я знаю, многие молят Господа, М. А. тоже молится. Молюсь и я, – не хочу скрывать. Вы когда-то, лет 15 или 20 назад, послушались меня – прочитали Догматическое Богословие Макария и Филарета. Но вместо того, чтобы научиться и убедиться в православной вере христианской, почувствовали в себе потребность написать критику, опровержение на православное богословие (как жаль, что вы не сообщили мне тогда своего произведения, которое появлением своим обязано было отчасти мне. Я бы не оставил без ответа вашей «критики»). Тогда я еще не знал вас; из вашего двукратного собеседования со мною в моём доме, кое о чём я догадывался, но это было далеко не то, чем вы оказали себя позднее и особенно в последнее время. Вы тогда интересовались русскими аскетами, выражали намерение изучать их жизнь, приглашали даже меня издавать вместе с вами для народа сказания о них. Скорблю, что тогда я не знал, да и вы, кажется, не знали о преосвященном Феофане. Вот с кем вам следовало-бы тогда побеседовать, (а не с митрополитом М.). А вот и теперь как хорошо бы вам побеседовать с о. Иоанном Кронштадтским. Может быть его сильное, благодатное слово благотворно подействовало бы на вас. Я слышал, вы болеете, и от того, конечно, не можете побывать у о. Иоанна. Скажите, я написал бы ему, и он, может быть, сам к вам приехал бы. Вероятно, вы, не смотря на старость, всё же обращаетесь к врачам, чтобы полечили вашу болезнь. Не может быть, чтобы, не, смотря на застарелость ваших убеждений, вы не чувствовали болезненного состояния

вашей души, безотрадности этих убеждений, страха загробной участи. Как хотите, но в вашем теперешнем, положении, если бы не мешали гордость и упорство, следовало бы обратиться к такому духовному врачу, как о. Иоанн. Не думаю чтобы вы, польщенные вниманием к вам чуть не всего образованного мира, устыдились пред этим миром своего поступка: что, мол, скажет весь свет, – Лев Толстой позвал к себе о. Иоанна Кронштадтского...

Прежде чем кончить письмо, позвольте напомнить еще одно обстоятельство. Вспомнилось мне то время, когда вы охотно беседовали с покойным преосвященным Никандром, просили у него посвящения в стихарь и разрешения говорить поучения с церковного амвона. Преосвященный не решился удовлетворить ваше (конечно, не шуточное) желание, может быть, чуя недобрые зачатки в ваших убеждениях. После, когда стали ясно обнаруживаться ваши недобрые убеждения, покойный ужасно скорбел о том, что вы умрете, не раскаявшись, и что ему пришлось бы не разрешить похоронить вас по-христиански (он даже выражал желание умереть раньше вас; Бог исполнил его желание). Моё напоминание не отразится ли в душе вашей скорбными воспоминаниями об этой в высшей степени симпатичной личности... Когда я только что хотел закончить это письмо, пришло газетное сообщение о всенародном объявлении от Свят. Синода об отлучении вас от святой христианской Церкви. Страшно это, но это неизбежно. Это является удовлетворением общего, всенародного, никем не скрываемого желания. Давно уже слышится в обществе и даже в народе: что смотрит Правительство, как эта терпит и молчит Синод? Некоторые пока успокаивались на том, что всё ваше антихристианское и антиправительственное учение подходит под все анафемы недели православия. Но не трогательно ли то, что как в неделю православия, так и в синодальной грамоте всё оканчивается молитвою об обращении и раскаянии анафематствуемых, доколе они живы. Не того же ли ждет Сам Господь Бог, дарующий вам долголетнюю жизнь, делящий вашу жизнь, не смотря на смертельные ваши болезни?

Граф! Неужели вы твердо и ясно убеждены, что *там* ничего не будет? Нет, в этом никто не может быть убежден и этого никто не может доказать. Вы скажете, что и доказать никто не может, что там будет суд, и так далее. Ну, и остановитесь на том пока, что ни того, ни другого доказать нельзя. Но ведь что-нибудь одно должно случиться: или ничего, или всё. А что, если всё – и суд, и мука вечная? Можно ли оставаться бессмысленно равнодушным перед этим последним вопросом? – Граф! отбросьте вашу сатанинскую гордость («гордость всяку отложше и удобь-обстоятельный грех»), что-то в роде мании величия. Знаете ли? Ваше теперешнее (сомнительное, впрочем) величие тотчас после вашей смерти покроется позором, а потом вскоре совершенным забвением, и разве только историческим воспоминанием, какое заслужил себе Арий и подобные еретики, да еще церковным напоминанием в неделю православия, да и то без воспоминания имени вашего. Но действительным величием покрылось бы ваше имя за одно ваше подобно Савлову раскаяние, за публичное ваше осуждение всех ваших богоборных и противонациональных и противоправительственных сочинений. По этим сочинениям вы хуже разбойника (читайте басню Крылова). Но вы сделаете много добра всему русскому народу, а, может быть, и всему свету, если окончите свою жизнь так же, как окончил свою разбойник, распятый вместе со Спасителем нашим на кресте.

Граф! Много я вам наговорил такого, что, может быть, неприятно для вас. Но в моём доброжелательстве к вам прошу не сомневаться. А еще просил бы я вас об одном, не прошу вас отвечать подробно на моё письмо, но прошу написать мне два-три слова о том, что вы прочитали моё письмо.

Протоиерей Александр Иванов

Мой адрес: Тула. Протоиерею Александру Никаноровичу Иванову.

Милостивейшая Государыня, графиня Софья Андреевна!

Сегодня²⁹⁷ в вагоне железной дороги один мальчик-гимназист любезно предложил мне прочитать копию с письма вашего К. П. Победоносцеву, по поводу отлучения вашего мужа от общения с православною Церковью. Если письмо,

адресованное на имя г. Обер-Прокурора Св. Синода в копии свободно ходит по рукам, то ясно, что оно – открытое письмо, и на него вправе каждый читатель откликнуться. Позвольте же и мне, как одному из таких читателей, высказать откровенно то, что думаю я – и. надеюсь – не один, а все мы, православные русские люди, верные заветам своей матери Церкви.

Простите, графиня, что письмо ваше производит первое же впечатление очень невыгодное. Видно, что вы писали его под живым впечатлением прочитанного в газетах определения Св. Синода и не имели времени лучше обдумать то, что пишете. Иначе вы были бы осторожнее. Вы пишете:

«К. П-ч, вы не могли, конечно, думать, что, прочитав сегодня в газетах жестокое распоряжение Синода с подписями пастырей Церкви об отлучении мужа моего графа Л.Н. Толстого, я останусь вполне к этому равнодушна. Горестному негодованию моему нет пределов»...

Но позвольте, графиня: что такое случилось? Разве вы до сегодня, до дня этого опубликования синодального определения, вовсе не знали, чему учит, что пишет и печатает за границей ваш супруг? Ведь он ниспровергает все догматы православной Церкви, ругается над самыми священными предметами веры православной, ужасно кощунствует над святейшим таинством Божественного Причащения, не говоря уже о других святынях, – прямо говорит, что после земной жизни его ничто не ожидает, кроме уничтожения, следовательно отвергает будущую жизнь, что всякая вера есть глупость, а в вере православной одно лицемерие, корысть попов и слабоумие тех, кто им верит, что вера православная есть ложь и обман, что Церкви никакой нет, и все верующие глупцы. Ужели вы, графиня, ничего этого не знали, не читали и не подозревали? Скажите же, положа руку на сердце: что осталось после всего этого общего между вашим мужем и православною Церковью? Не отлучил ли он сам себя раньше всякого отлучения от Церкви? Почему же он *может* всячески поносить Церковь, издеваться над нею и её святынями, кощунствовать, оскорблять совесть верующих и смущать их своим лжеучением, а Церковь, в лице своих архипастырей, которые обязаны

охранять своё стадо от волков, не *может* сказать спокойно своим верным чадам: берегитесь Толстого, он сам себя отлучил от Церкви, он её поносит, он богохульствует и страшно грешит пред Богом грехом хулы на Духа Святого. Полагаем, что ни вы, ни сам граф, супруг ваш, не согласились бы признать за ним такое исключительное право на всякое отрицание, на поношение Церкви, лишив права поносимую им Церковь сказать просто своим чадам: он вышел из послушания мне, не слушайте его... Ведь это значило бы признать графа безгрешнее самого папы римского. Итак, скоро ли, долго ли, надобно было ожидать, что православная Церковь подаст наконец голос по поводу тех хулений, какие распространяет о ней граф Толстой. Это её право, её святая обязанность. Если это кажется для вас неожиданным, то приходится только удивляться вашей недалёковидности. И негодовать на то, что Церковь спокойно, в духе любви, сделала предостережение своим чадам от заблуждений, какие распространяет ваш муж, что она открыто объявила, пред целым светом, что он прервал с нею всякое общение, что *поэтому* и она не считает его своим членом, что она приглашает всех верующих даже к молитве, чтобы Господь вразумил вашего мужа – негодовать на это... простите: по меньшей мере непонятно...

«И не с точки зрения того, пишете вы дальше, что от этого погибает духовно мой муж. Это не дело людей, а дело Божие»...

Что погибает человек – это не дело Божие, а дело сатаны, графиня. Бог не хочет даже смерти грешника, не только его гибели. Не хочет Он гибели и вашего мужа, но помните: Бог никого и насильно не спасает. Аще не покаетесь, вси погибнете, гласит Его святая правда.

Но простите, графиня, один вопрос: как вы веруете? Веруете ли во всей полноте Святому Евангелию и всему, что заключено в слове Божиим? Ведь если вы держитесь на священное Писание тех воззрений, какие проповедует ваш муж, то бесполезно и говорить с вами на этой почве. Но тогда – о какой же «духовной гибели» вы говорите? Ведь «дух» может не погибнуть только в «жизни будущего века», в которую мы веруем, а ваш муж не верует: так или иначе, но, по его

воззрению, дух исчезает в момент смерти как пар, как дым, – воззрение не новое: его держались безбожники еще во времена Царя Соломона.

«С религиозной точки зрения той Церкви, пишете вы, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, которая создана Христом для благословения именем Божиим всех значительнейших моментов человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей; которая громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех»...

Простите, графиня, здесь остановлюсь. Несколько строк дальше вы говорите: «Для меня Церковь есть понятие отвлеченное». Как же это? Вы, значит, принадлежите к «отвлеченному понятию»? Каким же это образом «отвлеченное понятие» именем Божиим благословляет все важнейшие моменты человеческой жизни? Каким образом «отвлеченное понятие» «должно громко провозглашать закон любви, всепрощения, любви к врагам, ненавидящим нас, молиться за всех»? «Отвлеченное понятие» должно «молиться за всех»?!... Не отрицайтесь, графиня, это ведь ваши собственные слова. Вы говорите, что Церковь, к которой вы принадлежите, должна молиться за врагов, и вы же говорите, что для вас «Церковь есть отвлеченное понятие»... Видимо, вы спутались: для нас Церковь есть общество верующих, соединенных единством веры, таинств и священноначалия, или иерархии. Так, Церковь *может* молиться за врагов и приглашает в послании Св. Синода к молитве за вашего мужа. А «отвлеченное понятие», как угодно, не может молиться ни за кого...

«С этой точки зрения, говорите вы, для меня непостижимо распоряжение Синода».

Не распоряжение, графиня, а *простое* заявление Синода, что ваш муж перестал быть православным христианином.

«Оно вызовет, продолжаете вы, не сочувствие, а негодование в людях (каких это людях? православных или ни во что не верующих?) и большую любовь и сочувствие к Льву Николаевичу. Уже мы получаем (это в первый же день, как только вы прочитали послание и пишете *тотчас* это письмо? –

Позвольте сомневаться) такие изъятия, и им не будет конца со всех сторон мира».

Всё это может быть. Может быть, что вам и будут присылать такие «изъятия» со всех концов мира. Мы живем в такой век, когда тайна беззакония делается, когда «отступление», предсказанное апостолом Павлом, идет быстрыми шагами. Что мудреного, если все сии отступники выражают вам «сочувствие и любовь»? И особенно это понятно, если «сочувствие» идет со стороны наших полуобразованных интеллигентов, людей, давно оторвавшихся от Церкви, и еще более понятно, если от людей, живущих в «разных странах мира»: известно, что живущие в «разных странах мира» большею частью люди неправославные, для которых православная Церковь ничто... Ведь всё это представители мира, Христу враждебного, мира, который Христа ненавидит (Ин.15:18).

Дальше вы пишете: «Не могу не упомянуть еще о том горе, испытанном мною от той бессмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно – о секретном распоряжении Синода священникам не отпевать в церкви Льва Николаевича в случае его смерти. Кого хотят наказать? Умершего, не чувствующего уже ничего человека, или окружающих его верующих, близких ему людей? Если распоряжение Синода угроза, то кому и чему?»

Но позвольте, графиня: душа-то умершего будет что-нибудь чувствовать и сознавать, или нет? О ней-то вы забыли или, как сам супруг ваш, не верите в загробную жизнь? Но тогда о чём же вы хлопочете? О чём беспокоитесь?

Ведь если дух вашего супруга исчезнет вместе с последним его дыханием, и там, за гробом, ничего не будет, то какой же смысл будет иметь молитва о нём? Вот это и будет с *вашей* точки зрения полная «бессмыслица». Ведь если говорить о молитве за умершего, то можно говорить только с нашей, а не с вашей точки зрения. С нашей точки зрения это, конечно, угроза, и угроза страшная: душа отшедшего сама себе помочь не может, и если есть какая надежда на спасение, то надежда на молитвы Церкви. Но сии молитвы помогают только той душе, которая веровала в сей жизни в силу сих молитв, а ваш муж не

верует: для него они бесполезны. Да и желает ли он их? Нет сомнения, что не желает, а в таком случае надгробное пение над вашим мужем было бы с его точки зрения *насилием*, а с *нашей* – кощунством...

«Неужели вы думаете, пишете вы, если я захочу отпевать моего мужа после его смерти и молиться за него в церкви, я не найду или такого порядочного священника, который бы не побоялся людей пред настоящим Богом любви (ведайте, графиня: никакой, «порядочный» священник не послушался бы вас больше, чем Христа, Который сказал апостолам и всем Его, преемникам: *слушай вас мене слушает, и отменяя вас Мене отменяется* (Лк.10:16), или непорядочного, которого я купила бы большими деньгами для этой цели?»

И не стыдно вам, графиня, говорить это?... Ужели вы могли бы верить искренно такой «купленной» молитве?...

«Но этого мне не нужно, говорите вы. Для меня Церковь есть понятие отвлеченное и служителями её (отвлеченного-то понятия?) я признаю только тех, кто истинно понимает значение Церкви (понятия отвлеченного?) Если же признать Церковью людей, дерзающих разрушать своею злобою высший закон любви Христа»...

Остановитесь, графиня. Во-первых, помните, если когда-нибудь вы учили наш катехизис, что Церковь не есть только люди, но собрание верующих во Христа, соединенных единством веры, таинствами и иерархией, а, во-вторых, что за странные понятия! Эти люди, о которых вы говорите, то есть члены нашего Святейшего Синода, приглашают молиться за вашего мужа; ну какая же тут злоба? Ведь, наконец, надо же вам и совести послушать!...

«То давно бы все мы, истинно верующие (так ли, графиня: *истинно* ли вы веруете?), посещающие церковь (давно ли вы были в церкви?), ушли от неё. И виноваты в грешных отступлениях от церкви не заблудившиеся люди, а те, которые гордо признали себя во главе её».

Всякий православный хорошо знает, что это ложь и клевета на наших пастырей и архипастырей. Всякий знает, что они, избранные законным образом на своё служение, восприимлют

от Духа Святого благодатную власть вязать и решить в таинстве священства. Конечно, для вашего мужа, а если вы с ним согласны, то и для вас, нет такого таинства, но для нас, православных, оно есть, и наши пастыри и архипастыри не самолично, не гордо, как вы выражаетесь, взяли на себя тяжелое бремя архипастырского служения, а за святое послушание.

«...и вместо любви и смирения и всепрощения стали духовными палачами»...

Но позвольте: вы всё говорите о любви, смирении и всепрощении, а совсем забываете, что Бог любви есть вместе и Бог отмщений? Забываете, что на Страшном суде Своем речет Господь Иисус Христос таким хулителям, как ваш муж, если он не покается, *идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его?* И Бог не все и всем прощает, а только кающимся.

«...стали палачами тех, кого скорее простит Бог, пишете вы, за их чистую, смиренную (ох – так ли? *смиренную ли?*) полную любви и помощи ближним жизнь, хотя и вне Церкви»...

Сомнительно, графиня, простит ли... По крайней мере, Христос Спаситель ясно говорит в Евангелии: «кто Церкви не слушает, тот пусть будет для тебя как язычник и мытарь... Слушающий вас (апостолов и их преемников) Мене слушает, и отметающийся вас Мене отчается». Стало быть, вне Церкви, вне послушания пастырям Церкви нет и общения со Христом, нет и спасения.

«...чем носящим бриллиантовые митры и звезды»...

Не хорошо, графиня, упрекать людей в том, в чём лично они нимало не повинны. Ведь эти митры и звезды, не современными пастырями измышлены и на себя навешаны, ведь это дар любви и уважения, принесенный их сану во времена давно минувшие, когда таких, как муж ваш, мыслителей не было... Да и не в митрах и звездах суть. Наши пастыри и без этого останутся преемниками апостолов, носителями ключей царства небесного...

«Но карающих и отлучающих от Церкви пастырей её»...

Нет надобности повторять: кто отлучил вашего мужа от Церкви: пастыри ли Церкви, или он сам? Пастыри только установили факт его самовольного отлучения от Церкви.

Вы заключаете своё письмо так: «отвергнуть мои слова лицемерными доводами легко, но глубокое понимание истины и настоящих намерений людей никого не обманет».

Графиня! Есть мера всему. Миллионы православных верующих глубоко оскорблены в своих чувствах вашим мужем. Их совесть, их нравственное чувство требовало, чтобы представители Церкви сказали, наконец, своё веское для них слово... Это слово, слава Богу, сказано. Верующее сердце вздохнуло свободно. Церковь более не считает своим членом человека, который доселе смущал совесть верующих. Сыны Церкви теперь могут спокойно сказать: мало ли было еретиков и в древние времена? Гр. Толстой – один от них. И ничего он нового не говорит, чего не говорили бы древние ересиархи. Он сочинил своё собственное евангелие, он не хочет знать Евангелия, Церковью от апостолов принятого, он на самих апостолов, например, на св. Павла, возводит обвинение, будто сей апостол, величайший из апостолов, искажил учение Христово... Поэтому он сам себя подвел под ту грозную анафему, которую можете прочесть в послании апостола Павла к Галатам, в первой главе. Подумайте, графиня, и о своём положении. Совершенно напрасно пытаетесь вы стать на почву христианских воззрений, защищая своего мужа. Он перестал быть христианином. Если вы с ним единомысленны, то и вы подлежите тому же осуждению. Да сохранит вас Бог от сего ужасного осуждения. Бог поругаем не бывает. Хула на Духа Святого, упорное сопротивление истине, грех против Церкви, которой Христос вручил Свою власть вязать и решить, не простится... Следуя заповеди Церкви, выраженной в послании нашего Святейшего Правительствующего Синода, мы молимся о вразумлении несчастного, обуреваемого духом гордыни, раба Льва, молимся и о вас, графиня, да просветит вас Господь, да познаете всю глубину той бездны, которая открыта пред вами, если вы разделяете ложные мудрования вашего супруга. Оставьте мечту, будто можно еще говорить о «христианстве»

вашего супруга. Он перестал быть христианином. Если хотите остаться сами христианкой, то примите со смирением определение Синода и присоединитесь к нам в молитвах за вашего несчастного, хотя для всех нас дорогого, мужа...

Православный

**Сопоцько М. На собрании у штундовых прыгунов с.
Дешек Киевской губернии // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 5. С. 660–667**

Вскоре после нового года ввечеру зашел ко мне некто торговец тулупами и предложил сопровождать меня на сектантское собрание прыгунов, которое должно было состояться в с. Дешках, ночью. Я воспользовался этим предложением.

Часов в 11 ночи вместе с 2 сектантами мы пришли в избу одного крестьянина села Дешек, до которого ходьбы часа 1½ от Богуслава; я снял очки, чтобы не обращать на себя внимания; когда мы вошли, было несколько женщин и мужчин; горело «светло» (лампа), но, остерегаясь полиции, сектанты тщательно занавешивали окна. Между двумя присутствующими шел какой-то таинственный разговор о бывших *видениях*. Мало-помалу появлялись как-то, точно из-под земли, сектанты – как будто слетались какие-то ночные птицы: совы, филины, сычи, нетопыри. Я считаю это впечатление очень верным. Если св. Давид говорит: «бдех и бых, яко птица особающаяся на zde» или: «бых, яко ночный вран на нырищи», то вполне справедливо сравнить пробирающихся на недозволенные ночные сборища сектантов с ночными птицами. Наконец, столь же таинственно-бесшумно явился и главный вожак, который тотчас и начал «радение». Надо сказать, что каждый входивший целовался со всеми ранее пришедшими, поочередно обходя всех. Целовались и женщины с мужчинами. Я от целования с женщинами уклонился, а с сектантами мужчинами поцеловался, желая этим подчеркнуть перед сектантами *неприличие* и *греховность* целования с сестрами, чем могла возбуждаться *нечистая похоть*, о чем под конец собрания мною и было сказано сектантам без обиняков, в тоне обличения апостольского. Началось «радение» словами вожака, словами загадочными: «вы не смотрите на меня, на плоть мою, а на слова мои. Не смотрите на плоть: я не прост человек. Я *страшен*». Сразу было понятно, что взбалмошный стариченко

корчил из себя *живого бога*, а все собравшиеся простецы верят в божественность старикашки. Это главное убеждение, которое у меня тотчас составилось уже вначале, когда этот вожак обходил, целуясь со всеми; мой спутник, торговец тулупами, уклонился от поцелуя с ним; уклонился, кажется, и я, но потом, когда вожак говорил о духовном значении братского целования, я встал и поцеловал вождя. Делал я это по особому побуждению: мне хотелось *ощутить*, нет ли чего *особенного* (страстного и греховного) в этих поцелуях; мои подозрения оправдались. Я знаю нескольких архиереев православных, которые имеют обычаем приветствовать христианским св. лобзанием посетителей, когда я сравнивал ощущения тех и этих поцелуев, то контраст был ясный; те поцелуи были братские, поцелуи смирения и любви Христовой, любви бесстрастной, ограждаемой *внутреннею молитвою*. Поцелуй вождя точно *вонзился* в мои губы, был какой-то горячечный, воспаленный, страстный, *греховный*. Одними этими поцелуями сердце может растлиться, поэтому я не советую братьям-миссионерам повторять мой опыт, разве только людям *женатым* и ради проверки моих ощущений, мне кажется, что поцелуи – это одно из средств втягивать в секту и погибель, ибо поцелуи с женщинами и девицами есть просто действие сладострастия, к которому столь склонна падшая душа человеческая.

Уже в самом начале «радения» другой старик (не вожак) стал издавать такие звуки, как будто кто его под бок шилом укалывал: вскрикнет глухо и вздохнет. Другой мой сосед тоже вздрагивал и бормотал. Вдруг я заметил на «грубе» (печке-лежанке) женщину, выделявшую странные жесты и выверты руками, в роде всплескиваний и судорог. То водворялось вдруг молчание: чего-то ждали, как бы *нашествия духа*. Я внутренне творил усиленно и напряженно молитву Иисусову – прося Господа охранять мои *ум и сердце* от влияния этого *сатанинского сборища*. Меня предупреждали, чтобы я страху не поддавался, ибо – мол – «бывают страхи». Но я знал силу и смысл изречения: «тамо убояшеся страха, идеже не бе страх», знал ободряющее действие Иисусовой молитвы, поэтому страх мною не владел. Я часто *мысленно* (духом) *крестил над*

головой вожака. Он это, очевидно, почувствовал или, лучше сказать, почувствовал дух его, давно отпавший от благодати. Вожак говорил: «ну, вот я говорил, что ничего не выйдет», намекая на присутствие людей, непосвященных в таинства веры. А я себе всё продолжал крестить вожака мысленно (невидимо) крестом животворящим, вредя его бесовским тайнодействиям. Женщина, кривлявшаяся на печке, слезла оттуда и у всех в виду начала выделять сладострастнейшие действия: двигая руками к грудям и от грудей, как бы кого обнимая и похотливо привлекая. Движения ускорялись, похожи были на ручную гимнастику, потом стали судорожны, конвульсивны. Раздалось пение *псалмов*, в коих особенно эффектно звучали слова: «*страшная труба*», то есть труба, воскрешающая мертвых на суд Божий. Под звуки пения женщина бесновалась сильнее, нещадно трепля себя в груди, вся разгоревшаяся, точно пьяная. Вожак стоял посреди хаты в живописной мечтательной, молитвенной позе. Женщина вдруг воскликнула: «отец позволяет плясать» и пустилась крутиться вокруг вожака, вся разожжённая каким-то нечистым духом. После того все стали на колени и началась *молитвенная суматоха*, другого названия подыскать невозможно более меткого: каждый вопиял к Богу особо и все разом. Раздавалось хлипанье, видно было воздеяние рук и особенно фальшиво раздавались голоса баб-танцовщиц; мой сосед, ставший со всеми на колени, вдруг был как-бы осенен духом и разразился чрезвычайною белибердою, которая разумеется сектантами как *дар языков*. «Абдол, сир, фу, мла, конал, сеир, чика, яото, мала, чедум, эхир, буал, струф, хошим». Вот какой хаос слов вылетал из уст этого больного человека. Было-бы очень и очень смешно, если бы всё это не было столь грустно и погибельно. Ясно можно было понимать и видеть обольщение дьявола; разумеется, что «живи уловлены» эти простецы в «свою его волю» и болеют каким-то тяжким недугом духовным. Я прикоснулся к телу мужика, охваченного духом словоизвержения, духом бессмыслицы, и почувствовал, что под куртку всё тело его дрожит мелкою судорожною дрожью. Психиатр предписал бы немедленное лечение водою или электричеством. А я, в

качестве врача духовного, посоветовал бы прибегнуть к таинствам исповеди и причастия, строго воспретив участие в душепагубных радениях. Наконец я не вытерпел всей этой бессмыслицы и, воспользовавшись затишьем, начал обличение речью, в которой стыдил присутствующих за их бесчинство, судороги и отпадение от св. Церкви. Я подошел к вожаку в упор и внезапно *с верой*, перекрестил его животворящим крестом. Вожак прикинулся, что креста не боится, но явно для всех его покорило коробом, и злость разлилась по лицу его. Тут случилась безмолвная сцена: все меня обступали как-то угрожающе, и, если бы я говорил несмело, то меня могли бы побить. Вожак кидал в лицо мне тексты, опровергать которые здесь было излишне: не таково было настроение слушателей.

Громко я сказал о том, как меня пять лет назад чудно св. тайны уврачевали от бесчисленных недугов. Вожак метался с лицом, побелевшим от злости, и тут проговорился весьма характерно:

«Я эти тайны твои 30 лет принимал, а только теперь не буду». Эти слова очень характерны. Поистине необходимо озаботиться по всей России о наилучшем ограждении *Святыни Божественного Брашна*, раздаваемого без внимания к душевным состояниям грешников. Приобщаясь *недостойно*, многие могут через одно это подпадать особенному влиянию от духов нечистых, увлекающих таких причастников во тьму штундизма; ибо, по неложному слову апостола, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем; от того многие из нас немощны и больны и немало умирают (1Кор.11:29–30). Необходимо непреложную эту истину внедрять в умы и сердца православных людей, проповедуя и убеждая, что поистине достоин св. тайн только тот, кто, исповедав грехи, начинает жизнь *подвижническую* (хотя бы и в мире) *по духу и смыслу* Евангелия и учения св. Церкви. Необходимо всегласно объявлять, что, по *точному смыслу* Мф.25:31–46, даже *не делавшие* добра будут низвергнуты в геенское пламя; следовательно, блудникам, пьяницам, обидчикам, злоречивым, мстительным, *если они не оставляют пороков*, приобщение св. тайн может быть в суд и осуждение. А

какой соблазн, когда священник приобщает известных всем явных и нераскаянных беззаконников!

Лица у «прыгунов» – истощенные, покрытые какою-то могильною бледностью: особенно жалок вид юношей, по виду похожих на *онанистов* (я подозреваю этот недуг у прыгунов). Лица танцовщиц-баб горят, как охваченные пламенем. Вожак неоднократно с дерзостью и ненавистью говорил о «попивской Церкви».

Ушел я с собрания часа в 2 или 3 ночи.

Слышал я, что последствием моих обличений было расстройство прыгунской общины, из которой некоторые, устыдившись беснования языка, плясок, судорог и прочей чертовщины, переметнулись к *штундистам*.

Когда начетчик, став на колени, с хныканьем истерически творил молитву, не скажу, чтобы позволительно было *смеяться* постороннему: слишком ясно слышен был стон и вопль плененной отцом лжи и мучимой диаволом души. Я полагаю, что молитвенные импровизации штундовых вожаков только *этим* и могут быть заразительны, что в них сказывается общая всем собравшимся *тоска и мука* душ, отпавших от благодати и терзаемых диаволом.

Когда окончились речи и молитвенные импровизации сидевших за столом вожаков, встал я и, получив позволение, начал говорить приблизительно следующее:

«Любезные братья и сестрицы о Господе! В ваших речах вижу некоторые верования, какие и нами православными христианами содержатся. Вот вы Иисуса Христа почитаете Господом Богом; также и мы почитаем Его Истинным Богом и Творцом всего видимого и невидимого («имже вся быша»). Вот вы высказали убеждение, что суд Божий *весьма страшный* в своё время совершится; верую в это и я, так что желал бы достойно подготовиться к сему грозному событию. Вот вы святую Библию почитаете и часто её читаете; также и я сию священную книгу считаю достойною всякого самого усиленного внимания и частого прочтения. Вот вы почитаете грехом сквернословие, блуд, пьянство, курение табака, сребролюбие; также и я всё это считаю мерзостью и грехом. Вы молитесь

Господу, – и я молюсь Ему. Вот сколько у нас общего; почему же мы, братья, сторонимся друг друга, и у вас свои собрания молитвенные, а у нас своё богослужение? Отчего вы не почитаете Животворящего Креста Господня, который Господь освятил Своею пречистою Кровью, а также прикосновением к древу Крестному всего Своего святого Тела, которое пострадало, неисповедимо возлежа на кресте? Отчего вы гнушаетесь священниками, которые, хотя и должны быть по жизни, *как ангелы*, но не могут быть без слабостей, недостатков, грехов, и даже пороков, ибо священники те же люди, как и мы? Отчего вы удаляетесь святых храмов, как будто не замечая, что у нас в храмах читается громко и Евангелие, и апостольские послания, и паремии из ветхозаветных книг? Ах! дорогие братья! зачем, зачем вы отшатнулись от Христовой Церкви, которая худому не только не учит, но учит всему хорошему, доброму и святому.

Если священники наши худы, то за это они сами ответят и будут строго наказаны Богом, если не покаются. Вы не почитаете святых икон, перед коими мы преклоняемся, но неужели лучше преклонять колена перед столом и стеною, как это делаете вы? Неужто стол и стена преимуществуют перед святой иконой, на которой написуются или лики Господа Иисуса, Богородицы, святых его, или события евангельские священные, напр., хождение Господа по водам или тайная вечеря. Да вот когда евангелист рассказывает о буре и хождении по волновавшейся воде апостола Петра, то ведь это *картина*, написанная словами. Значит, и вы, когда читаете об этом в Евангелии, то в *воображении* имеете ту самую *икону* (изображение), какую мы имеем в храмах...

Братия! истинно говорю вам, не можете вы спастись через свои самовольные собрания и через толкования слова Божия вкривь и вкось».

В заключение я сказал сектантам, что я готов служить своим разумением вечной Христовой истины, которая воздвиглась во мне после многих скорбей, страданий, заблуждений, падений, исканий. «Когда бы вы ни позвали меня в свои собрания, я охотно приду и побеседую в духе мира,

кротости и любви, при помощи благодати Св. Духа», сказал я. Едва я окончил своё слово, мне разом было предложено несколько вопросов о почитании св. икон. Один рыжебородый, коренастый сектант, в тоне сарказма, спросил меня о заушении Ария святителем Николаем. Я ответил так: Бог всех существ кротчайший и всех тварей смиреннейший, однако и Бог бьет больно кощунников и богохульников. Корея, Дафана и Авирона за их дерзость и непослушание, оказанное св. пророку Моисею, Бог живых низвел во ад сквозь рассевшуюся землю; содомлян и гоморрян Бог истребил за блуд и нечестие огнем; Ананию и Сапфиру за сребролюбие и обман Бог поразил смертью. Если Бог строго наказует за грехи, то что же ужасного в том, что Николай угодник ревнуя поревновал по Господе и заушил всескверного Ария, бесстыдно хулившего сына Божия. Арий не пощечины стоил, а самой геенны огненной, куда Бог его и низвел, расторгнув Арию чрево. Ведь геенны достоин даже тот, кто брату «уроде» скажет, насколько же более достоин тот, кто сына Божия хулил.

Уходя с собрания я предложил приходить ко мне всем, кто бы во мне нужду возымел, и просил звать меня на собрания. На многих лицах я заметил большой живой интерес к моей речи, а на лице одного старика в очках, наоборот, ясно можно было прочесть чисто дьявольское неудовольствие и злость. Мне чувствовалось, что в мире бесов поднялась тревога велия и вопль мног, но что лучи света истинной живой веры коснулись очага заразы душепагубной. Ласково мы расстались, в надежде скоро видеться и беседовать снова.

Не могу не упомянуть, что с полмесяца спустя я одного из импровизаторов сего собрания застиг среди улицы за делом, вовсе не соответствующим званию проповедника слова Божия: штундист сей на улице ругал *матерными словами* какую-то бабу, шедшую по направлению с. Щупиков, куда я шел, направляясь к о. Александру. Я остановил ругателя, выразительно в упор поглядел в глаза сквернобаю и сказал, что велик грех сквернословия, особенно уличного. Отсюда видно, что и у мнимоправедных штундистов дело не сообразуется со словами не менее, чем у грешников православных.

Первое посещение штундовой сходки весьма ободрительно повлияло на дух мой, склонный к малодушию, лени и унынию. Я понял, как важно трезвое, спокойное, согретое человеколюбием слово православного миссионера в атмосфере, насыщенной миазмами лжемудрований, самоуверенности и невежества. Я лицом к лицу убедился, что штундисты – *люди-братья*, заблудшие овцы, которых, с помощью Божиею при ревности и усердии еще *возможно вернуть в лоно святой единоспасительной Церкви* и под крылья Орла Небесного, Духа Святого. Толцуйте да почаще и посильнее, миссионеры-братья и миссионеры-отцы, в двери сердец сектантов, толцуйте словом истины, словом Божиим, и отворятся сии двери, по обещанию во всех своих заветах неложного Господа, «сейте разумное, доброе, вечное, сейте, – спасибо вам скажет сердечное русский народ».

Михаил Сопоцько

Со скрижалей сердца

Являеми, яко написано не чернилами, но *на скрижалях сердца* плотяных (2Кор.3:13)

**Скворцов В. На первую годовщину смерти
Царственной Инокини // Миссионерское обозрение
1901 г. № 5. С. 668–697**

Любовь наших добрых читателей да простит нам досадный перерыв в наших обычных беседах – «со скрижалей сердца». «Не еже бо хощу, – творю»... Служебный недосуг, вызвавший долгосрочные выезды (в Рязань и Калугу, где и пишу эти строки), лишив нас возможности пристально взяться «за авторское перо», и заставляет ограничиваться одним лишь «редакторским карандашом»... Мы не только чувствуем, но и переживаем огорчение и своё, и наших читателей, что приходится молчать в такое чреватое время, когда так много для сердечных бесед животрепещущих тем и вопросов в нашей церковно-общественной современности...

Обещаясь недостающее ныне наше слово восполнить в следующих за сим выпусках «Миссионерского Обозрения», – в настоящий раз мы надумались заполнить *наш* отдел «со скрижалей сердца». – «Воспоминаниями» любящего, преданного сердца о почившей Царственной Инокине Анастасии, Великой Княгине Александре Петровне, Августейшей строительнице Киевского женского Покровского монастыря, тем более, что 13 истекшего апреля исполнилась первая годовщина со дня смерти этой особенной, воистину великой не княгини только, но женщины нашего дряблого времени... «Воспоминания» принадлежат келейной послушнице почившей Великой Княгини, молодой девушке, ныне инокине, умной, наблюдательной, получившей образование и пользовавшейся неограниченным доверием покойной Княгини-инокини.

«Воспоминания» составлены автором-инокиней наскоро, сейчас же, под впечатлением смерти Великой Княгини, для *народного* нашего иллюстрированного издания предпринятого в память глубокочтимой нами Царственной Инокини и в пользу осиротевшей её Покровской обители. На безыскусственном, простом фоне описания обыденной жизни и деятельности почившей «матушки Великой Княгини» образ высокого

христианского подвижничества Княгини-инокини обрисовывается в такой пленительной, величавой духовной красоте, что не веришь, чтобы почившая жила и действовала в наше грешное время, а не в давно прошедшие древлеблагочестивые века св. Руси.

Читая «Воспоминания» и при этом взирая мысленно на этот столь близкий по времени и знакомый величавый образ, не знаешь, чему более удивляться, поразительной твердости характера, глубине христианской мудрости, взглядов и принципов, силе веры, смирению, самоотвержению, подвигам деятельной любви и добродетелей?... Да, только одно православие может воспитывать и пересоздавать человеческую немощь в меру столь зрелого возраста о Христе Иисусе!

В Бозе почившая Княгиня-инокиня являет собою глубоко-поучительный образец не для одних верующих, но и для великих отщепенцев нашего смутного времени, а потому нижепомещаемые «Воспоминания» имеют своё глубокое миссионерское значение и, надеемся, прочтутся с духовною пользою.

По общему убеждению Киевлян, в истории основания Покровской женской обители важное значение имеет чудо милости Божией, явленной в Бозе почившей Августейшей строительнице, в исцелении её от тяжкого недуга, которым Великая Княгиня была одержима почти 10 лет. В Киев Великая Княгиня Александра Петровна прибыла в 1881 г. недвижимой, и в течение нескольких лет, до самого переезда своего в новостроящуюся тогда обитель, её всегда видели лежащею на одре болезни или совершающую передвижение из одной комнаты в другую, а также в парк или сад дворцов при посредстве особо приспособленного ручного экипажика. Таким же способом в глубокую ночь Августейшая строительница тихо, ни для кого не видимо переехала, в предшестве фамильных св. икон и в сопровождении первых насельниц монастыря, в новостроящуюся Покровскую обитель. Сюда её тянула какая-то, ведомая только ей одной, сила. Великая Княгиня переехала в неотстроенное и, казалось, опасное для здоровья помещение, но вот здесь-то вскоре Её Высочество и получила возможность

сначала вставать и ступать на ноги, а потом и ходить... Об этом знаменательном в её жизни событии Великая Княгиня делилась подробностями лишь с немногими из избранных, а потому мы начнем помещаемые здесь *«воспоминания келейной Её Высочества послушницы»* с этого именно события. 13 февраля 1900 г., по окончании литургии, матушка за чаем вспомнула о том, как она получила исцеление от иконы Царицы Небесной Почаевской, которую её Августейший отец получил в дар от Почаевской Лавры со следующими словами: «Не было случая чтобы Царица Небесная не исцелила прибегающих с верою к Её иконе». «И как я, – говорила Её Высочество, – тогда без веры взирала на эту святыню, то и не могла получить исцеления, а вот, когда Господь привел устроить монастырь с больницей для страждущих, освятить в одно время костыли в киевских пещерах препод. Агапита (которые, к сожалению, оказались коротки), я с верою воззрела на икону Царицы Небесной Почаевской и помолилась такою молитвою: «Матерь Божия, Царица Небесная! воздвигни меня от одра болезни и сподоби меня служить Твоему Пресвятому имени до последнего моего издыхания!» И тогда постепенно опираясь на бока кушетки, с помощью прислужницы, спустила ноги и впервые могла, после многих лет, стать на ноги... Несколько дней я скрывала свою радость, а потом поведала свою тайну игуменье Неофите и матери Каллисфении.

Тут же Её Высочество вспоминала, как она в Петербурге была выброшена взбесившимися лошадьми из экипажа и вследствие испуга и ушиба шейной позвоночной кости, вскоре заболела и пролежала 9 лет; как она в начале болезни плавала по морям (1880 г. 25 ноября отъезд; возвращение из дальнего плавания – 1881 г. 7-го июля) как стояла у подножия св. горы Афона и там в беседе со старцами афонскими находила большое утешение: «Я, как пчела, в моей жизни собирала и слагала в моём сердце то, что мне нужно было, и среди мирской жизни всегда жила своею духовною, внутреннею». Рассказывала, как она, поселившись в Киеве 1881 г. после плавания, прикованная к постели, находила единственное внутреннее радование от непрерывного чтения Иисусовой

молитвы и чтения псалтири, который Великая Княгиня именovala «источник вечного радования». Ибо, – говорила, – испытала внутренним опытом своей жизни, что во время страданий телесных и душевных Иисусова молитва и чтение псалтири дают покой душевный и неизъяснимую радость. Рассказывала, как в тиши болезненного одиночества зрела мысль об устройстве общины. Когда скончался её Августейший брат, и был наложен по нём при дворе Её Высочества траур на год, то она, пользуясь этим случаем, не сняла его с себя и девушек и постепенно готовилась к устройству обители, не смотря на несочувствие окружавших её. Вспоминая об основании и устройстве обители, почившая светлейшая строительница всегда глубоко благодарила за помощь и сочувствие этому св. предприятию В. К. С-ра. Её Высочество вспоминала о предсказании Феофана Затворника о её монастыре: «будут пчелки да еще какая матка».

В 1889 г., переселившись из Липок в свой монастырь, она писала своему супругу о желании облечься в форму сестер. Великий Князь великодушно в трогательных словах телеграммы согласился на это. Милостивое дал соизволение на принятие иночества и Император Александр III. Облекшись в иноческую одежду 3-го ноября того же года, В. К. приняла тайное пострижение от афонского иеромонаха с именем Анастасии. Кто совершал постриг, об этом Её Высочество никогда никому не говорила. С тех пор Великая Княгиня повела жизнь свою согласно иноческим обетам: она неутомимо проводила время в слушании длинного богослужения (тогда совершались в обители нашей отдельно от вечерни и утрени ровно в 12 часов ночи полунощницы). Сама Великая Княгиня читала нередко в церкви шестопсалмие, читала также и за общей трапезой; во всё входила, лично установила тесное духовное общение с сестрами. Еще недавно, 12-го февраля 1900 г., почившая матушка Великая Княгиня со слезами умиления вспоминала о строгих началах, положенных в основу жизни обители, о необходимости единокровия, о горении к Богу, доверии сестер к ней; радовалась, говоря о дисциплине, и вспоминала, что даже во время бывшего у нас пожара служение не прекратилось, и

сестры, нося воду, успевали делать метание... Рыдая вспоминала матушка, с каким трудом созидался юный монастырь, как новая обитель подпала опеке особой комиссии, потребовавшей высылку принятых Её Высочеством сверх установленной нормы сестер, что доставило её милосердому материнскому сердцу беспредельное горе; не надеясь пережить этих страданий своих, матушка тогда же приказала сделать себе гроб, который хранился ею до самой её смерти; в нём и положено тело почившей матушки Великой Княгини. Проходила инокиня Великая Княгиня и послушание, собственноручно записывая имена богомольцев в монастырский синодик на поминовение за упокой и о здравии, с любовью выслушивала заявления о душевных нуждах народа и телесных немощах, так что врачевала она народ духовно и телесно, везде раздавала листки, книжки; выписывала больным богомольцам бесплатно лекарства, снабжала нуждающихся необходимым, а сколько таковых бывает среди тысяч киевских пилигримов! Матушка Великая Княгиня постоянно находилась среди народа, так как каждый день за поздней и ранней литургиями, вечерней и всенощной она неопустительно присутствовала в храме; Великая Княгиня и в свою келью брала народ, если требовалось осмотреть больного или выслушать богомольца наедине. Утренний чай Её Высочества могла пить только после 12 ч. дня.

Такое строгое подвижничество, деятельное благочестие Княгини-инокини продолжалось до появления у неё страшной болезни – рака – вызвавшей в 1892 г. 12-го мая операцию, которая совершена была в большом корпусе. После этого недуга высшие духовные лица и врачи настояли на изменении строгого режима жизни Княгини и на перемене пищи.

В том же году врачи настояли, чтобы Её Высочество поехала за границу на о. Корфу.

По возвращении из заграничного путешествия, в воспоминание благополучно перенесенной операции, Её Высочество стала расширять больницу, лично наблюдала за всеми постройками и перестройками. Сама следила за устройством обстановки больницы, где всё до – малейшей вещи и гвоздя – всё по её указанию куплено, сделано и вбито. Лично

следила Августейшая строительница и за всеми монастырскими послушаниями: она бывала и на кухне, и в просфорне, и в погребах, – учила делать квас, солить огурцы, мариновать; в то же время записывала приходящих в бесплатной лечебнице, ассистировала при операциях хирургам. Выходила Её Высочество на послушание из кельи очень рано – часов в 5–6 – прямо в больницу, где слушала богослужение; сюда приносили ей чай и завтрак, здесь работала она на пользу страждущих и возвращалась в келью в 5 или 6 час. обедать. Так протекала жизнь до 1894 г. 4 августа, когда пришлось снова ей повторить операцию рака и совершить поездку за границу (в 1895 г.) – в Ниццу.

Матушка Великая Княгиня рассказывала, что она с молодых лет очень любила больничное дело и еще знаменитому проф. Боткину ассистировала и даже хлороформировала. Покровской общине, говорила она, отдала самые лучшие годы своей жизни: там также Её Высочество принимала живое личное участие в подаваемой помощи больным, – писала рецепты, бывала при операциях, писала больным письма и проч.

10-го января 1900 г., когда матушка получила Альбом Покровской общины, прослезившись, сказала: «вы мои дети, а сестры Покровской общины мои падчерицы; если бы они послушали моего голоса, то, быть может, и там был бы монастырь, но, если Богу угодно, то со временем он будет, ибо Покровская община основана была мной совершенно в монашеском духе и направлении».

Возвратившись из-заграницы, в 1896 г. в марте месяце, Её Высочество поселилась в одной из больничных палат, совсем оставив великокняжеские монастырские покои; здесь она зажила жизнью, равную с больными, всецело отдавши себя на служение страждущему ближнему; жизнь пошла еще более подвижническая, многотрудная: ежедневно Великая Княгиня выслушивала краткие больничные богослужения – (в 6 ч. веч. и 6 ч. утра), регистрировала больных, сама всех поступающих на первых порах мыла, лечила, делала перевязки и накладывала повязи, руководила низшим больничным персоналом сестер-сиделок, тогда еще совершенно незнакомых с больничным

делом и почти безграмотных. – «Учености вашей не нужно», говорила она, – «и никто не требует, – нужно святое слепое послушание с молитвой на устах, иначе труд ваш пропал. Руководитесь идеей милосердия, имейте чувство долга. Всё можно, если захотеть. Иметь силу воли ничего нет невозможного.

Будьте послушны врачам, мы слабые исполнительницы воли врачей, внушала матушка старшим сестрам. Я первая. Смекайте, когда говорят врачи, я тоже безграмотна, но кое-что смекаю, потому что думаю и слушаю, что умные люди говорят. В жизни иногда полезно казаться дураком, знать свой шесток. Я преклоняюсь перед людьми науки, хотя я почитаю прежде религию, – воспитание, а затем уже образование, без религии и воспитания презираю науку, ибо что может быть противнее ученого дурака! Монаху нужно только три слова: «простите, благословите и спаси Господи».

Монах должен быть всегда жизнерадостен, бодр, делать всё с любовью. Величайшая отрада жить в общежитии, быть монахом.

Верх всякой радости есть любовь, которая, по апостолу, создает, а разум кичит».

Дверь была для всех открыта. Часто восклицала матушка: Если бы можно было, я бы обняла весь мир любовью, и что может быть сладостнее, как прощать обиды, благотворить врагам. Хотя я не имею врагов, ибо враги суть друзья наши, они никогда нам не могут причинить больше зла чем добра, а для себя самих они причиняют вред.

Иногда говорила: «что может быть противнее человеческой славы? вслед за похвалой непременно следует порицание».

Лучше побольше есть, спать; только никого не осуждать, «Даждь ми, Господи, зрети моя согрешения и не осуждати брата моего».

Однажды, глядя на сестер, говорила с любовью: мои монашки не так уж плохи, люблю их. Как я счастлива, что они могут служить болящим. Дорогое монашество! всё более и более люблю его, и как я счастлива, и как Господь утешил меня! – Гуляя по монастырю и любясь им, матушка говаривала:

Монастырь мой не так уж плох, а вслед сейчас говорит: не грех ли мне восхищаться? не Навуходоносор-ли я?

Благодарю Тебя, Господи, моя больница не так уж плоха, в ней есть храм, где больные могут получать врачевство духовное... Меня больные терпят и, кажется, любят, говорила матушка, когда видела на лицах больных отражение чувства благодарности, кажется, мои дорогие больные меня выносят.

При поступлении в больницу больному первый вопрос был: когда говел? Метод лечения у матушки был направлять страждущего к вере и надежде прежде всего на Небесного Врача. Великая Княгиня всегда новому больному предлагала исповедаться, приобщиться, а если нужно, и собороваться, а потом уже направляла к земному врачу на операцию. Всякий больной, при поступлении в больницу записывался матушкой и поминался на проскомидии до выписки из больницы; сиделкам приказывалось, сидя у больной, умственно молиться о ней. Сама матушка Великая Княгиня поминала у себя на правиле тяжелых больных, как, например, больную по фамилии Чепель с громадной опухолью живота, которой нельзя было спасти жизнь оперативным способом, и она доживала остаток дней своих у нас в больнице, так сильно страдая, что даже поворотить её было нельзя, – зловоние от этой больной было такое, что даже не сидели сестры больничные, а приглашались матушкой на смену сестры и не больничные. Сама же Матушка Великая Княгиня постоянно заходила к Чепель, днем приготовляла питье или изощрялась в выборе пищи, ночью приходила сменить сестру, чтобы дать вздохнуть свежим воздухом; сама матушка, по обыкновению, прибаюкивала её, положив руку на плечо или голову. Однажды вдруг Чепель обратила глаза на матушку и говорит: «одчипись вид мене, мини и так важко» (тяжело). С этих пор матушка еще больше стала угождать больной. Моя милая Чепель, говорила Великая Княгиня, единственный человек, который был откровенен и бесцеремонен со мной. Эту больную она до самой смерти лелеяла, читала ей отходную, закрыла глаза, хотя это она делала всегда сама всем умирающим в её больнице, поминала матушка Чепель часто даже со слезами до дня болезни на своём правиле.

«Люблю народ, люблю изучать его нравы и быт, люблю жить одною жизнью с ним, преимущественно люблю рабочий народ, и сколько поучительного», – не раз так говаривала почившая Великая Княгиня.

На вопрос матушки одной крестьянке, чем больна и как больна, та ответила «что поделаете, надо терпеть Божию ласку». Великая Княгиня часто об этом случае вспоминала и говорила сестрам: «подумайте, какая безропотная покорность воле Божией; сколько поучительного в этих словах; эта простая женщина понимает, что всякая болезнь или скорбь не есть кара Божия, как многие понимают, а именно ласка Божия, ибо, любя, Господь посещает нас».

Это выражение простой крестьянки Её Высочество так полюбила, что всегда вспоминала при своих страданиях, а страдала, жестоко страдала матушка часто: она говорила, что головные боли её так сильны, что она могла бы кричать; она испытывала попеременно нервные боли в ногах, или в одной руке или виске. Подергивания ног в большей или меньшей степени настолько бывали сильны, что, садясь отдохнуть, она должна была класть пресс на ноги, чтобы можно было уснуть. Являлись часто и желудочные боли спазматического свойства, которые при грелках уменьшались, или моментально, как заболели, так и прекращались. В конце 97 г. эти страдания перешли в тупые боли и почти постоянные.

При всех своих страданиях, матушка, рыдая, взывала одно: благодарю Тебя, Господи! или пела «о, Боже, спасение мое!» Иногда страдания были так сильны, что можно было опасаться за её жизнь, но вдруг, если Её Высочеству приходилось с кем-нибудь сейчас беседовать, то она являлась вся сияющая и говорила, что она совсем здорова, или: если был звонок от больного, то она, бывало, не смотря на все страдания, спешит на зов.

Несмотря на неустанные услуги больным днем, матушка Великая Княгиня счастлива была считать себя дежурной ночью. Бывало выходит она к дежурной сестре, дает ей свой платок и усаживает в кресло, со словами: «надо дежурить разумно, спать так, чтобы слышать звонок больного. Сестра засыпала и тут-то

удовольствию Её Величества не было конца: одному больному она несет рюмочку портвейна, другому – рому с чаем, третьему *sacharim album* в виде снотворного, а около более всех страдающего садится и как ребенка убаюкивает, пока больная не уснет. – Нужно видеть было сияющее лицо матушки, когда она у дежурных, как милости, просила помочь им или заменить их ночью.

В кельи Великой Княгини стоял шкаф, в котором всегда были лакомства для больных; вина для них и стеклянная посуда, которую она, после употребления больными, всегда сама мыла. Успокоивши больных, матушка садилась спать; было большою редкостью, когда матушка ложилась спать; бывало, склонит голову на круглый столик, который близко стоял, и спит, подушки никогда не употребляла. Постель состояла из одного простого бумажного одеяла, которым покрывала кушетку, обитую кожей, и большого теплого платка на голове. Начинала и кончала сон чтением псалтири сидя.

Говорила матушка: нужно уметь жить, носить в себе счастье, чтобы других делать счастливыми. Нужно держаться за идею. Другой на моём месте, считал бы себя самым несчастным человеком, а между тем сколько счастья и блага в нашем деле служения Церкви, народу и страждущей братий: если один стакан воды приемлется Господом, а у нас сколько случаев служить Христу чрез болящих.

Многие больные, не подлежащие операции, поступивши в больницу, поговевут, отмоются, откормятся, увидят ласку матушки, – падая в ноги, рыдают, благодарят, просят выписаться из больницы, ибо им уже не требуется совершенно врачебная помощь, зачем даром занимать место, нужное другим настоящим больным.

Матушка, как чадолюбивая мать, дает, бывало, крестик больной, осеняя её со словами: «Владычице благослови вразуми, направь рабу твою». Обыкновенно, если есть нужда, дает денег на дорогу и приказывает, в случае надобности, приходить опять. Я нисколько, говорила она, не чувствую, что больные, побывав в нашей больнице, были бы чужие для меня, мне очень жаль их. Все больные, уходя из больницы, буквально

плачут, благодаря, а она, бывало, говорит сестрам: «удивительно добрые больные наши: того-ли мы заслуживаем, за наши грубости и невниманье к ним? а они такого хорошего мнения о нас; подумайте хорошенько, – краска белая, да чтоб мы не были черны»...

Возвращаясь после сего к себе в келью, взирая на икону, матушка молилась: «благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоил меня служить болящим. Прости меня, я могла бы больше добра сделать».

Бывало, обращаясь ко мне, спрашивает: «скажи мне, что я такое? мешок денег, за который должна отдать ответ пред Богом, так ли распределила. О, сколько бы я должна еще делать добра!!!»...

Садилась Матушка обедать до 1899 г. в 5 ч. вечера, всегда обыкновенно усталая, измученная после операций, иногда даже не переодеваясь, с окровавленным рукавом или полкой больничного белого халата, составлявшего обычный её костюм; дверь не позволяла закрывать, и, если слышен был звонок или стоны от рвоты оперированного после хлороформа, матушка сейчас же бросала обед и выходила к больному, сама подавала судки или таз для рвоты. Если больничная сестра неловко держала голову, она нервно замечала: «бесчеловечные, вы не знаете, что значит рвота после операции, какие страшные бывают страдания под ложечкой, или что терпит больной после перевязок при вытирании раны шариками!? Чтобы чувствовать всё это и сострадать людям, нужно побывать в той же шкуре, а я всё это испытала». Матушка садилась у больного, пока он не успокоится; на просьбу кончать обед она, бывало, отвечала: «где же христианская любовь к страждущему? Я буду жрать, тогда как другой так страдает, и я могу хотя несколько облегчить его страдания!...». Наконец садилась кончать обед, но тут тоже приходилось ей много раз вставать к телефону, справляясь или осведомляясь в лечебнице, довольны ли врачи завтраком, как больные кушали, не желает ли кто чего-нибудь особенного... Обед кончался раздачею своего обеда и ужина дежурным и старшим. По окончании обеда матушка Великая Княгиня опять шла осматривать больных, обещаясь потом отдохнуть, но так

долго простаивала и заговаривалась с больными, что возвращалась в кабинет через час и больше, и садилась отдыхать со своей псалтирью... Но прежде чем сесть, нужно было снять сапоги; усталые ноги от постоянной ходьбы страшно отекали, часто они были воспалены, в особенности левая нога имела воспаление совершенно рожистого свойства и покрыта была варикозными венами. Матушка бинтовала ноги мокрыми крахмальными бинтами и находила, что ей от этого легче, или же, ложась, окунала их в воду 27°, затем пудрила ноги и успокаивалась, хотя подергивания в большей или меньшей степени всегда продолжались. Молилась матушка иконе, которой благословляла больных, и со словами: «в руце Твои предаю дух мой» засыпала; при этом всегда и днем, и ночью, отходя ко сну, она просила Бога со слезами: «недаждь ми уснути в смерть без покаяния»...

Уже, бывало, спит и вдруг спросит: «А что если я уже не встану?... всё может быть в мои годы и с моею полнотою... Где мой крест?» Снова помолится, поцелует святыню и поставит в изголовье и успокоится; при этом еще строго приказывает разбудить её, если больной будет чувствовать себя очень плохо, или кто приедет или вообще, что бы ни случилось. Дверь она приказывала вставлять открытой. «Меня шум несколько не беспокоит, меня будит тишина», – говорила Великая Княгиня, и действительно, матушка так привыкла к шуму, что когда тихо, она сейчас и просыпается и спрашивает: что случилось? часа полтора или 2 после обеда был у неё единственный крепкий сон. Вечером, часов около 8, она обыкновенно обходила больных, собирала сведения о температуре, готовила врачам доклад о состоянии здоровья больных, подводила итоги, сколько всех больных во всех отделениях больницы, сколько прибыло, выписалось, умерло, перешло из одного отделения в другое, какие были операции, температуры. Прежде писала и свои наблюдения о больных.

Тут же являлась больничная экономка, у которой Её Высочество справлялась о запасах провизии, хороша ли была пища и т. д. В это же время делала доклад благочинная монастыря, всё ли обстоит благополучно по монастырю.

Нередко являлась тогда же и матушка игуменья для советов по делам обители. На ночь справлялась по телефону еще раз о состоянии здоровья терапевтических, хронических больных и о больных в бараках.

Если главный врач не был в продолжении дня в больнице, то ему она делала доклад по телефону... На все распоряжения врачей, обыкновенно, отвечала: «благословите».

«Удивляются», говорит, «что я даю себе труд ежедневно выписывать меню, не сделав расписания: я не терплю ничего делать по шаблону; всякий казенный порядок наводит мертвечину и скуку. Пишу то, что сама хочу есть; соображаюсь со своим приходом и расходом, с желудками моих сестер. Для меня большое наслаждение кормить. Я настоящая Марфа, – всю жизнь люблю кормить, вообще жить для других. Мне, главное, чтобы все были благодушны, довольны и счастливы. Нет выше для меня счастья, как доставлять людям счастье!»

Ужинала матушка в 12 ч. ночи и позже, так что прямо после ужина приходилось петь: «Се жених грядет в полунощи», вообще она всегда пела в 12 ч. эту чудную священную песнь и со слезами вспоминала, как в первые годы основания обители совершались в монастыре её полунощницы, хотя и сознавала, что служба эта изнурительна была для молодых послушниц, но не могла забыть той духовной радости, с которой она совершала в единодушии сестер этот свой подвиг.

Прежде чем отойти ко сну, Великая Княгиня выходила с ладаном и свечей в руках в палаты, окуривала больных и больницу, читала своё краткое правило, затем молилась «по *наитию*», как она выражалась. Это было вседушевное благодарение Господа о многом... Тут же она молилась о царском доме, митрополитах, епископах, игуменьях, о сестрах, врачах, о болящих и служащих, также и о упокоении всех тех, кого она знала. В последнее время, поминая об упокоении умерших, она говорила: «Мертвые точно тянут меня к себе, – не могу перестать поминать их, все давно умершие так и воскресают в памяти моей». – Поминование иногда длилось больше правила.

В конце всего правила она обязательно читала 3 раза: «Кресту Твоему поклоняемся», «Всё упование мое на Тя возлагаю», «Не имамы иные помощи», тропарь и молитву Ангелу Хранителю... Ежедневно последний год читала матушка после обеда «размышления христианина на каждый день об Ангеле Хранителе». Читала также матушка тропарь Агапиту врачу, пр. Пантелеймону. Призывала в молитве Царицу Александру, преп. Анастасию. Вслед затем, осеняя себя и кругом крестным знамением, произносила троекратно: «Да сокрушатся под образом знамения Креста Твоего вся сопротивныя силы». Еще стояла... плакала, молчала с устремленными глазами на св. образа, тут часто, часто лились градом слезы, и вся матушка переходила в духовное благодатное настроение. Наконец, еще благодарила Бога, часто, часто говорила, вот надо принять за правило – никогда ничего не просить, а благодарить Бога, и Господь всё Сам даст, потому что мы не знаем, на пользу ли просим»...

Садилась на кушетку и со словами: «в руке Твои предаю дух мой» засыпала около 2-х ч., иногда и в час ночи. Если раньше садилась, то сон начинала чтением псалтири.

Ночью матушка Великая Княгиня обязательно, если и не дежурила, то несколько раз выходила к больным, читала псалтирь и засыпала. До 1899 г. просыпалась рано – в 4 часа, писала меню, если с вечера не успевала этого сделать, писала письма, которыми очень любила заниматься именно в ночное время. Утром всегда неопустительно слушала литургию и обходила больных, смотрела завтрак.

Часто утром, просыпаясь, говорила: «у меня пробка выскочила из головы». Это означало, что Её Высочество осенила какая-то новая мысль или инициатива, – тогда она брала бумагу и карандаш и писала или чертила план здания, перестройки или пристройки, которые очень любила. «Люблю всё делать по наитию», говаривала она. Однако всякое творчество, всякий успех или удачу матушка не приписывала себе, а кому-нибудь другому: «главное быть и не существовать», – «спаси Господи такого-то, или такую-то, по их мысли создано так-то или то-то». А между тем новое

предприятие по существу было творчеством самой Августейшей строительницы. Любила матушка разом принимать доклад от 2-х или же 3-х лиц, заставляла читать, а в это время сама писала и рассуждала... *На высказываемое удивление*, она обыкновенно отвечала: «я еще не дошла до такой глупости, чтобы, делая одно, забывать другое».

Всё новейшее по медицине всегда знала раньше всех: «надо клевать что новенькое», говорила матушка, просматривая новые журналы. Рассуждая с Н, часто подшучивала над наукой, говоря, что наука не всё, и нужно преклоняться не перед делом разума, а пред Богом, первоисточником всякой премудрости. Встретивши однажды в монастыре пьяную женщину с улицы Глубочицы, которая кланялась в ноги Великой Княгине и очень красноречиво в простых выражениях благодарила Её Высочество за то, что она тут при св. обители устроила бесплатную лечебницу, где могут получать лекарство бедные люди, колодезь, откуда берут бедняки воду для питья; женщина благодарила как бы от лица всех жителей Глубочицы.

Матушка пожурила ораторшу за то, что была навеселе, а мне сказала: «Я, недостойнейшая женщина, пользуюсь таким хорошим мнением людей... Пьяные бывают очень умны, сердечны, думаю, в молитве покаянной и Богу приятны. Богу гораздо приятнее смиренный грешник, нежели гордый праведник. Я недостойна этой женщины, хотя у неё есть порок, но кто без порока?»

Всякий вновь поступающий больной её очень интересовал. Она любила на первых же порах разгадать его, прежде чем он мог знать, с кем говорит. «Может быть, вы очень важны... учены, простите, если вам будет что не так, мы дуры, неучены, всё говорим и делаем с плеча... Ничего, вы привыкнете у нас – полюбите нас, говаривала матушка интеллигентным больным... А когда говели? и т. д. Больные, часто не зная, с кем имеют дело, отвечали, как понимали себя.

Матушка не любила потворствовать и делать различие, но иногда уступала или летам больной, или её психике.

Если такой больной казалось неприятно садиться за стол со всеми простыми, матушка подходила к такой и говорила ласково: «мы дорогая, лечим не сословия, а болезни, – люди все те же. Если не можете так, то выпишитесь»... Тут только больная узнавала, что это сама матушка Великая Княгиня и извинялась, была готова на всё. Завтра же капризная или чопорная интеллигентная больная читала больным простецам, шутила, сидела, словом, примыкала к больничному семейству и на всегда становилась «*наша дорогая больная*». Видя это, матушка уходила себе в келью и говорила: «Благодарю Тебя, Господи, больница моя имеет семейный и воспитательный характер: всех равняет, избавляет от болезненного я, никого не стесняет. Простота, свобода, доверие, а главное храм Божий, вот что лечит людей!»

Маленьких детей, которые находились в больнице при больных матерях, большею частью сама матушка мыла, свивала, качала, держала, если мать после операции не могла встать; детей, которым делали операцию, она брала с люлькой в свою келью, ставила у своей кушетки, ночью качала и следила, чтобы ребенок не повредил раны и не испортил перевязки.

Такая многотрудная, самоотверженная, на пользу страждущих и св. нашей обители, бесценная жизнь Её Высочества продолжалась до 20 апреля 1899 г., пока матушка не получила легкого нервного удара, без потери сознания и кровоизлияния в мозг.²⁹⁸

Профессор Сикорский и другие врачи настояли на временном полном отдыхе, почему Великая Княгиня скоро и уехала на загородную дачу близь Киева. Отдохнула там матушка, но осталась под влиянием той мысли, что удар есть предвестник смерти и не замедлит повториться; при этом желудочные страдания, которые прежде были как будто спазматического характера, теперь перешли в постоянно ноющие боли в одном месте, усиливающиеся при малейшей неосторожности в пище и иногда и без пищи. Матушка хорошо знала, что это есть развивающийся рак желудка.

По приезде с дачи, матушка поселилась в нижнем отделении больницы в маленькой келье, с окошечком в Церковь. Находясь под влиянием постоянной опасности, скорой смерти, Её Высочество проводила теперь время уже больше в приготовлении себя к переходу в вечность и участвовала во всех делах и продолжала присутствовать при операциях, но видимо было, что главная её забота сосредоточивалась на жизни духовной, – и на нравственном усовершенствовании любимой её обители. Она теперь следила до мельчайшей подробности за всем в жизни обители, – как за внутренним её строем, так и наружным. Избрала и представила к постригу в монашество целый штат сестер из больничных послушниц, так что во главе каждого отделения больницы теперь стояли монахини.

Зорко следила за исполнением церковного устава, вследствие чего 14-го февраля 1900 г. написала духовенству воззвание о строгом соблюдении устава.²⁹⁹ Её Высочество не выносила неблагоговейного служения и стояния в храме. С наслаждением она выслушивала уже не краткие, но длинные больничные богослужения.

Каждое воскресенье читался для матушки акафист Живоносному Гробу, припевы коего она очень любила петь сама, и акафист Неопалимой Купине. Сколько слез... Сколько умиления! Служение кончается. Она говорит: «Служение было так прекрасно, что мне жаль расстаться, я с наслаждением желала бы еще слушать. Всю жизнь моё утешение главное храм Божий. Я избалована благоговейным дворцовым богослужением. Мои милые слепые, как они услаждают меня. По настоящему, они духовнозрячие, а мы слепотствующие, и духовенство у нас хорошее, да и всё очень хороши, только я дурная женщина».

Обыкновенно, матушка церковную службу слушала из своей кельи, стоя или сидя у окна, прорезанного в алтарь, выходила же в церковь при пении уже причастна или перед пением «Отче наш» на ектении. Однажды простая женщина с переломом руки сделала Великой Княгине замечание: «Ты бы,

матушка, уж лучше людей не соблазняла, коли приходишь только на один конец; право, не хорошо смотреть!...».

Матушка с любовью просила у неё прощения и говорила потом: «нужно полагать, что я во многом служу соблазном. Какая дивная, умная женщина».

Часто и не во время церковных служб можно было видеть матушку в её любимом молитвенном «куточке» (уголке), у алтарного оконца, стоя или сидя, или же на кушетке, где находился пюпитр с псалтирью, – с устремленными на иконы глазами, из которых лились потоки слез, молча... наконец, слышишь: «Благодарю, Тебя, Боже! Милый Бог, как Ты балуешь меня, послал такую счастливую старость! Как бы я желала весь мир обнять любовью. Желала бы, чтобы моя обитель, которую я так люблю, поняла меня и была бы внутренне еще более красива, чем наружно!... И тут же, бывало, прибавит: «боюсь, не грех ли мне, что я так восхищаюсь своею обителью?... Там хорошо... но, Бог мой, как я хочу еще пожить здесь!»...

Во всё время больничной жизни лично для себя почившая Великая Княгиня не желала услуг и всячески ограничивала их. Сама участвовала в уборке кельи: сама стирала пыль с своих книг, угольника, аналая, который накрывался «хусточкой» (платком) с крестом посередине из белой тесьмы. На аналое под первой полкой лежала её мантия, без которой Великая Княгиня никогда не ездила.

Входя в келью, Великая Княгиня имела обыкновение путь пред собою всегда ограждать крестным знаменiem, в последнее время стала приветствовать словами: «Христос Воскресе!» Если замечала, что нет креста над дверью, то моментально приказывала прибить. Во всем всегда везде Божий крест любила.

Часто матушка восклицала: гроб – не весь смерти, – гроб есть *воскресное село*.

В кельи матушки всегда имелся весь столярный простой набор, пилки, молотки, стамески, гвозди, которые она сама прибавала и с восторгом давала, кому требовалось.

Всякий служитель больничный или столяр во всякое время мог прийти и попросить: «благословите, матушка, мне нужна

пила, или молоток». Матушка с любовью сама выносила и давала ему.

Чайную посуду после себя всегда мыла сама: воду теплую для умывания также сама брала в кувшин, после своего туалета все убирала сама, вытирала и приводила в порядок.

Единственная услуга – это обуть сапоги, ибо ноги всегда очень пухли; наклоняться же опасно было по полноте; одеваться матушка не могла сама лишь после операции, а то никогда не позволяла келейной делать ей никаких услуг. «Не думайте, – говорила она, – что только теперь я так, – я всегда любила, еще и жила во дворце, всё себе делать сама, – я с детства работница, а не белоручка, и только в болезни принимаю услуги». Когда приносила сестра обед и ставила на стол, то матушка начинала укорять себя: «Бедные сестры для меня трудятся, – какой соблазн для всех!» Обед и ужин, как сказано выше, почти весь рассылся на сестер больницы.

Если приносили лишнее кушанье, матушка требовала, чтобы было только то, что в «святой братской трапезной». В последний год матушка обедала уже не в 5 ч. вечера, а в одно время с сестрами – в 12 ч. дня. После обеда два часа слушала чтение, иногда засыпала сидя. Затем приезжал врач, и она с ним осматривала больных, исправляла свои келейные дела, пила чай и готовилась к слушанию служения, которое начиналось в 5 ч. вечера.

Ночи проводила в молитве еще более пристальной, чем когда-нибудь, – горячо, со слезами; главное её прошение, «чтобы любовь, мир, единение душ тесно, нелицемерно скрепила бы всех о Христе сестер».

Желудочные страдания переходили часто в невыносимые боли, пищу принимать наша бесценная кормилица страдальца могла только с величайшею осторожностью и не в большом количестве. Матушка убавилась за год весом на целый пуд, похудела и часто говорила: «умру голодною смертью... Благодарю Тебя, Господи! Но позволь пожить еще, я хочу устроить скит, усовершенствовать мою дорогую обитель и многое другое»...

Не смотря на свои страдания, она становилась всё более и более, по-видимому, духовно-радостною, счастливою, и благодушною, сама не раз выражалась: «Страдая телесно, я, удивительно, блаженствую духовно!»

По мере частого упражнения в молитве, расположение её к ней было так велико, что она молитвенный подвиг называла отдыхом: «Мне нужно отдохнуть», это значит – молиться. И действительно, после молитвы она – вся сияющая, бодрая, точно освеженная; в особенности, если увидеть утром рано её лицо, то можно было прийти в изумление. Что с ней? сидит... книга перед ней... Сама – вся благодать, тихо поет, или глядит в книгу молча, – можно было догадаться, что в тиши келейного безмолвия она вполне духовно напилась и насладились чтением своего любимого псалтиря. На вопрос: отчего она так бодра и точно не существовало ночи, когда в это время так трудно проснуться и встать, – она загадочно посмотрит и, улыбаясь, ответит: Даяй милость молящемуся...

Однажды спрашивала преосв. епископа Сергия: не грех ли мне всегда говорить «Христос воскрес»? Не грех-ли мне каждую субботу приобщаться Святых Таин?

Стоя в церкви во время приобщения Святых Таин, нередко говорила: «всякий раз, когда вижу приобщающихся, меня влечет к Св. Тайнам, и я могла бы рыдать, отчего я не приобщаюсь».

Следила за собою до такой степени, что уже трудно было рассуждать о чем-нибудь, всё казалось осуждением; обличит ли сестру, чтобы исправить, беседует ли с посетителем, всякий раз, входя в келью, говорит: «Вот и осудила опять! Дажь ми зрети моя прегрешения и т. д.». Наконец, после беседы с преосв. епископом Сергием в одно время она говорит: «Преосв. – спаси его Господи! – разграничил осуждение от рассуждения, сказал коротко и ясно: осуждение порок, а рассуждение добродетель, – теперь остается только следить, чтобы не перейти границу. Теперь, по его разрешению, матушка приобщалась Святых Таин каждую субботу, а когда слегла, то каждый день.

25 марта Её Высочество, как бы прощаясь с дорогими ей больничными учреждениями, посетила все палаты и бараки.

26 марта она поехала, чтобы посетить больную жену генерала Косича, которую очень уважала. Возвратившись, не чувствовала никакой перемены в состоянии своего здоровья, – немного обедала, пила кофе, слушала вечернее богослужение и села писать. Около 8 ч. вечера вдруг почувствовала тошноту, просила не больше 3 кап. гофманских. Через 5 минут хлынула масса рвоты, темного цвета, видна была уже разложившаяся кровь и жилочки свежей, с небольшим количеством примеси пищи. После чего она сказала: «чувствую такое облегчение, про которое давно забыла, хотя наступила большая сразу слабость. Обыкновенный её пульс – 82 после рвоты показывал 62. Ночью спала, но очень часто просыпалась, видно, что она очень была взволнована.

В 6 часов утра было испражнение в довольно большом количестве, чистою темною, чуть не черною, тягучею, как клей, кровью, – чрез несколько минут еще и еще, и так чистой крови вышло около 3-х фунтов.

Она торопила узнать, что показало исследование? Её успокоили. Врачи предложили покой. Вечером она однако встала, последовал глубокий обморок, во время которого она крикнула: мантию.

В этот день, ранее обморока, Её Высочество навестил профессор Сикорский, чему она была очень рада.

28-го врачи советовали Августейшей больной покойное лежание на спине, глотание маленькими кусочками льда, лед на живот. – Дня через три назначили питание, меньше чайной ложки холодное молоко, мороженое и, наконец, рыбное желе; но больная принимала очень мало, в виду не прекращавшейся тошноты. Внутрь лекарство не пожелала принимать.

Но матушка поддерживала жизнь тела пищей духовной: ежедневное приобщение Св. Таин, совершение таинства Елеосвящения, беседы с духовником своим и епископом Сергием, общие благожелания и благословения, молитвы, любовь и ласка её Августейших детей, здесь присутствовавших, св. крещенская вода, в маленькой дозе принимаемая внутрь, окропление, ежеминутное её утешение от чтимой её иконы и креста, – вот что длило её жизнь.

До последней минуты жизни матушка не теряла чувства боли и потери сознания; когда окончательно не могла говорить и рукой двигать, то одним пальцем, еле шевеля, указывала, что крестится, или чтобы крестили её...

Предавши свой дух и любимую обитель свою воле Божией, окружаемая горячей любовью, заботливостью и лаской своих Августейших детей, ежедневно напутствуемая приобщением Святых Таин, ободренная благословением и молитвами духовника, с твердою верою и надеждою на милость Божию, тихо и мирно почила о Господе наша великая всеобщая мать, оставив обители самый лучший залог своей любви, – *это любовь к монашеству до последней минуты своей жизни.*

В последние дни своей страдальческой жизни, не смотря на тяжесть болезни, матушка читала, пока могла сама, а то приказывала читать 3 молитвы: «Святый Боже», «Господи, да будет воля Твоя» и молитву её духовника «Господи сил с нами буди». Наконец, когда язык совершенно пересох, горло болело, и она сильно ослабела, то боялась, чтобы не остаться без молитвы и делала громадные усилия, чтобы напоминать о молитве: «Да будет воля Твоя».

Часто лицо её вдруг становится спокойно, светло, в высшей степени благодатно, и она, чтобы ободрить, произнесет с трудом: «мне гораздо лучше».

Присутствие дорогих родных видимо облегчало её страдания: «Благодарю Тебя, Господи; я счастливейшая в мире женщина: всё, чего хочу, Бог дает мне».

В Вербное воскресение всенощное служение Августейшие дети слушали тут, у неё на глазах, в кельи, в Великий четверг получен крест, как не может быть более кстати, с Афона, который матушка заказывала для больничной церкви. Их Высочества этот 3-х-аршинный крест внесли на своих плечах в келью матушки и дали приложиться, затем водрузили на таком месте, чтобы она могла взирать на него. Боже! кто может постичь, что чувствовало её материнское сердце, взирая на крест, на детей, на такое стечение обстоятельств. По её желанию, вся Августейшая родная семья вместе с болящею матерью приобщалась тут Св. Таин. При обнесении плащаницы

в великую пятницу последняя принесена была в келью и наклонена над одром болящей, благоговейно облобызавшей святыню. Во время воскресной заутрени распоряжались крестными ходами и, от имени Августейшей матушки, Их Высочества принесли в трапезную сестрам радостное «Христос Воскресе».

О всём дети делали доклад болящей, как всё вышло в высшей степени хорошо и торжественно.

Не было границ радости матушки.

Всё это длило её жизнь. Взирая на икону, она осеняла себя крестным знамением.

В это предсмертное, страдальческое время Господь утешил её: всегда лишенная всего, нудящая себя добровольно, ради Царствия Небесного, она теперь, страдая, блаженствовала.

Уснет, или забудется, вдруг спросит, где дети? – Тут, в больнице. Страдальчески улыбнется, и уснет и сколько блаженства в этой св. улыбке.

В кельи Её Высочества есть Евангелие с подчеркнутыми синим и красным карандашом текстами, а также памятка со священными изречениями, собственноручно записанными Её Высочеством, на которых она желала остановить свой взор и сестер, как на путеводные звезды. Вот эти изречения:

От многих моих грехов немотствует тело, немотствует и душа моя. К Тебе прибегаю, благодатней, надежда ненадежных. Ты ми помози!

Бог же, богат сый в милости, за премногую любовь Свою, еюже возлюби нас.

Благодатию есте спасени.

Не от дел, да никтоже похвалится.

Меч духовный, иже есть глагол Божий.

Внемлите себе: аще согрешит к тебе брат твой, вразуми его, и аще покается, остави ему, и аще седмицею на день согрешит к тебе, и седмижды на день обратится, глаголя: каюся, остави ему.

В молитве терпите, бодрствуйте в ней с благодарением.

В терпении вашем стяжите души ваша.

Мужайтесь и да крепится сердце ваше, вси уповающие на Господа.

Гроб не смертная весь, гроб воскресное село.

Дерево, из которого сделан твой крест, выросло на почве твоего сердца.

Яко же тело без души мертво есть, тако и вера без дел мертва есть.

Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Аще Господь восхощет и живи будем, сотворим сие и иное.

Иже бо вознесется, смирится и смиряйся вознесется.

Разум убо кичит, а любы созидает.

В скорби призвал Мя еси и избавлю тя.

Тем же, братия моя возлюбленная, тверды бывайте, непоступны, избыточествуяще в деле Господни, всегда ведяще, яко труд ваш несть тощ пред Господом.

Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь.

Вся вам любовью да бывают.

Многими содержим напастьми, к Тебе прибегаю, спасения иский, о Мати Слова и Дево: от тяжких и лютых мя спаси.

Аще хвалится ми подобает о немощи моей, похваляюся.

О себе же не похваляюся, токмо о немощах моих, сила бо моя в немощах совершается.

Тем же благоволю в немощах, в досаждениях, в бедах, во изгнании, в теснотах по Христе; егда бо немощствую, тогда силен есмь.

Аз язвы Господа моего на теле моём ношу.

Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них-же несть спасения.

Молитесь, да не внидите в напасть.

Довлеет дневи злоба его.

Удержи язык твой от зла и устне твои, еже не глаголати лъсти.

Блажен муж, емуже не вменит Господь греха, ниже есть во устнех его лесь.

В моих записях сохранились следующие незабвенные наставления Её Высочества, которыми я закончу мои воспоминания.

12 февраля 1897 г. за обедом матушка Великая Княгиня изволила преподать такое наставление: «Всё всем, себе ничего».

Живые четки: «всякий шаг, всякое действие, всё, – что мы исполняем, за святое послушание; если в душе не творим непрестанно Иисусову молитву, то послушайте, наше не приемлется Господом, ибо И. молитва есть величайшее орудие от всякого зла».

22 февраля 1897 г. матушка так меня поучала, по её выражению, в застольной беседе:

«Жить упованием. Созерцать Господа. Непрестанно укорять себя. Обличать свои проступки. Быть слепым к падению ближнего. Жить для других, любить страждущих. Непрестанно хранить Иисусову молитву. Казаться не постящимся. Непрестанно плакать о гресех своих.

«О себе же нужно помышлять всегда так: к молитве, ленива, не терпелива в страданиях, жестока в обращении, пустословлю языком, обуреваема праздными помыслами, строга в суждении о других, слаба к самой себе, сонлива, ленива, сластолюбива, – се аз».

«Скорби суть сокровенная милость Божия».

1899 г. 1 февраля, во время поминальной трапезы по Р. Б. Е. С., матушка Великая Княгиня преподавала присутствовавшим сестрам такое незабвенное наставление по случаю предстоящего великого поста.

«Нет выше наслаждения для христианина, как вечно молиться за врагов, ненавидящих и творящих нам напасть?»

Всегда должно просить прощения с сокрушенным сердцем у Всемилосердного Господа и всей св. братии и просить об одном у Всеблаготворного Промыслителя, дабы любовь, мир, единение душ тесно, нелицемерно скрепила бы всех о Христе сестер. Я, недостойнейшая раба, тайно кланяюсь и с безграничною любовью прошу у всей братии прощения и у каждой сестры в частности, присновининоватая и грешная А.».

13 марта 1899 г., матушка внушала больничным сестрам всякое благословение, приказание и указание её и гг. врачей

исполнять моментально, неотлагательно, бодро, энергично, – сие душеспасительно и богоприятно.

26 апреля 1899 г. матушка изволила высказать такое наставление:

«Любы созидает, разум кичит».

«Главнейшая сила и залог успеха всякого общежития есть любовь, мир и единомыслие».

«При встречах сестры с сестрою обязательно творить малое метание в знак смирения, сокрушения, и желания просить прощения».

«Жизнь в общежитии есть непрестанное о Господе радование».

«Что может быть радостнее жития во св. обители».

«Любовь, при исполнении возложенного послушания, дает силу и бодрость духа, если хранить при этом в сердце молитву Иисусову».

«Великое утешение просить прощение, ибо человек всегда чувствует свою виновность».

«Просить прощение и сознавать свою греховность – дает отраду и покой душевный».

Во время своих страданий, в назидание кухонной сестре Анне, пришедшей проститься 4-го апреля 1900 г., матушка преподавала такое наставление: «Передай всем сестрам, своим сотрудницам: кушанья всегда готовить с молитвой Иисусовой, все окропляя водой Крещенской, помнить, что никакая работа без молитвы не приемлется Господом, лучше тогда в мир идите, если не будите исполнять (иноческих обычаев). Помните мою заповедь! – Вы не знаете, как Ефрем Сирийский воспевает труд и пот кухонных сестер».

Глядя на молодых послушниц, Её Высочество со слезами говорила:

«Какое широкое поле – монастырь, сколько можно посеять добра на юных душах сестер, которые добровольно идут и отдают свою свободу и молодую жизнь, и какая великая ответственность пред Богом тех, кому они вверены! Монастыри без просвещения – это рабство. Монастырь есть духовная лечебница, и потому я не признаю слова «выгнать», должно

стараться укрывать; выгнать просто, но кто будет отвечать за последствия его пред судом Божиим, как не вожди! Нужно уметь людей применять к делу, нужно жить с ними одною жизнью, знать каждого душу, чтобы соответственно укрывать».

В. Скворцов

Из миссионерской полемики

Боголюбов Д. Мои первые беседы с сектантами // Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 698–710

Почти семь лет служу я в должности епархиального миссионера. Много радостей и скорбей пережил я за это время. Но начало службы припоминается мне особенно часто. Это было золотое время в моей жизни. Я только что вышел из академии. Миссионерскую службу избрал я, как лучший путь жизненный. На этом пути я надеялся встретить подлинное дело, надеясь увидеть *живых* людей и с ними мечтал повести *живую* борьбу за Церковь против современных её врагов. – Я воображал себя тогда, каким-то носителем света. Народ, казалось мне, погрязает в невежестве. Среди него появляются, как грибы, разные секты. В числе причин, порождающих это зло, тьма народная занимает видное место. Против этой тьмы я и думал вести борьбу, насколько хватит моих сил. К этой борьбе я готовился с восторгом, с молитвою. Я буквально целые дни просиживал с Библией. Соображал, всё, что можно сказать в защиту Церкви против различных сектантов. Во время уединенных прогулок громко говорил проповеди, воображая пред собой слушателей. Я ждал, как праздника, начала своего миссионерствования.

Этот праздник наступил для меня в октябре 1894 года. Помню, с каким волнением, страхом и надеждами в первый раз завязывал я свои дорожные вещи. Я чувствовал, что миссионерство для меня – темный лес, что я отправляюсь в какую-то неизвестную землю. Но я крепко надеялся на помощь Божию. Я молился о том, чтобы Бог послал мне больше терпения, любознательности, беспристрастия и желания поработать во славу Церкви Божией. Всё остальное, думалось мне, придет само собой.

С таким настроением выехал я из Тамбова. Лил непрерывно дождь; была грязь, ветер. Езда плохая. Тройка лошадей еле тащила нас с моим спутником и помощником, иеромонахом Серафимом. Естественно, на душе было тяжело, тоскливо. Наша тоска усиливалась еще от того, что на первых порах мы никак не могли найти сектантов. Объяснялось это тем,

что оба мы не знали епархии; проводники же наши только путали нас, а не руководили нами, как бы следовало ожидать. К тому же официальные названия сел и сведения о сектантах не совпадали с таковыми же народными названиями и сведениями. Вследствие этого с нами происходили грустные приключения.

Положим, по статистике значилось в селе Н. З. 60 душ молокан. Едем в это село. Подъезжая, спрашиваем:

– Это и есть Н.–З.?

– Да.

– А где здесь живет батюшка?

Указывают: «Эна... около церкви...».

Направляемся, куда проводник ткнул пальцем. Стоят рядом два хороших дома. О. Серафим сидит в бричке, а я иду расследовать почву. Вхожу в кухню одного дома. Через дверь виднеются стриженные интеллигенты.

– Ба! доносится до моих ушей. Кого-то принесло к лам. Должно быть сборщики-монахи. Много их ныне шляется...

Чувствую, что такие богохульные речи невозможны в доме правого батюшки, – и кидаюсь вон. Иду во двор рядом. После долгой возни с собакой достигаю до батюшкиных покоев. Радуюсь, что вождельный отдых близко, и что гостеприимства матушки вполне вознаградит нас за скитанье. Начинается церемония знакомства с батюшкой, – и вот мы в теплой, уютной комнате. Завязываем приятный разговор. И что же? С первых слов узнал, что село, куда мы заехали, точно Н. З., но здесь нет ни одного сектанта... Оказывается, до них надобно ехать еще верст 25, в село с тем же именем, а надвигался вечер, и лил дождь, как из ведра.

Повисли наши буйные головы. Куда деваться? – Чтобы успокоить нас, батюшка предложил нам – «пока что» – закусить, «чем Бог послал», а там переменить маршрут.

– У нас вот под боком целая уйма сектантов! говорил батюшка.

Слава Богу: значит мы всё же при конце своих скитаний. Засели за чай; напились, наелись и поехали, по указанию

батюшки, в Т-о, в самом благодушном настроении. Нас не пугал уже ливший дождь...

Т-о, куда нас наладили из Н. З., утопало в болотах. Тройка лошадей едва тащила «тарантас». Всюду грязь и выбоины. На дороге – ни души... Насилу мы дотащились до батюшки. Он, по-видимому, страшно изумился, когда я назвал ему свой чин миссионера. Однако пригласил снять мокрую чуйку и проходить в неизбежный зал. Не дожидаясь расспросов, батюшка прямо отрезал нам, что мы ошиблись и не туда заехали. У него в приходе не значится *ни одного* сектанта.

– Как? – завопил я, – да нам соседний батюшка сказал, что здесь «целая уйма» сектантов!...

– Нет, он ошибся, – спокойно и улыбаясь добивал нас новый мучитель. Здесь, правда, много раскольников; но – согласитесь – это не то же, что сектанты!...

Я, конечно, охотно согласился с ним, но понять не мог этой ограниченности и узости кругозора, которым меня поражали сельские обыватели. – Как, в самом деле, священнику не знать, что находится рядом с ним, – какое село – православное-ли, раскольникое или сектантское? Ведь это значит быть ужасным пошехонцем – в миссионерском, разумеется, деле.

Понятно, какое настроение охватило и меня, и благодушнейшего о. Серафима. Более мы не могли ручаться, что и на завтра нас не ожидает та же «калгата», как говорят тамбовцы. Но Т-ский батюшка успокоил нас и сказал, что в 20 верстах от него живут уже *подлинные* сектанты – и даже целым гнездом...

Мы поверили, успокоились и заночевали в Т-ке. Вечер прошел у нас отлично. Всё время мы с пользой для себя беседовали о состоянии Церкви Божией по селам, о характере расколо-сектантства и о нашей миссии. Батюшка попался нам умный, наблюдательный и понимающий в миссионерстве. Он советовал нам не предаваться радужным надеждам на нашу поездку. Он знал народ, видел его распущенность, у многих склонность часто по материальным расчетам изменять религии своих отцов, а потому, естественно, придавал миссионерской проповеди значение лишь *относительное*. В свою очередь мы

платили собеседнику восторженной настроенностью. В итоге мы полюбили друг друга и окрепли в миссионерском настроении.

На следующий день, под благочестивые рассказы о Серафима о святых местах и тамошних обитателях, мы добрались до 3-ки. Это была первая сектантская деревня, какую мы встретили. Мы въехали в неё под предводительством приходского о. диакона. День был воскресный. Народ толпился на улицах. Скоро узнали, что мы – «миссионеры», и нас окружила толпа парней. Один мужик, подвыпивший, взялся проводить нас «на квартиру». Добрались до этой «квартиры», бросили там вещи и, вооружившись Библией, пошли искать собеседников.

Подходим к дому одной молоканки. Она издали завидела нас и поджидала у двери.

– Здравствуй, тетушка! сказал я.

– Здравствуйте.

– Пустите нас побеседовать к себе в дом?

– Нет... Нечего нам с вами беседовать... Мы и так знаем закон. А Царь одинаково любит всех – что вас, что нас...

– Это так, сказал я. Да мало-ли законов-то? Вы проповедуете один, мы другой, а штундисты – третий. Надобно разобраться в них, чтобы не ошибиться... Что ты больно ожесточилась? Ведь мы не с водкой идем к тебе, а со Словом Божиим...

– Нет, как хотите, я не пущу. У меня и так много раз колотили окна, продавливали пол и нашумливали с этими беседами... Ступайте, куда знаете, я не пущу...

Что тут оставалось делать? Я еще пробовал уговорить бабу – не пускает. Очевидно, это своего рода тактика у здешних молокан.

Идем дальше. У избы стоит пресвитер молоканский. Просился к этому в гости – не принимает.

– Спасибо, говорит, вам за честь, что считаете меня человеком, а пустить в дом – не пущу. У меня больно тесно...

Боже мой! Неужели у нас не состоится моя первая, *пробная* беседа? Ужели везде люди таковы? Куда же после того я поеду?...

За несколько минут я пережил столько терзаний, что не могу о них без волнения вспомнить и теперь. В страхе, понятном смущении и беспомощности оглянулся я кругом. Одни стоят серьезные, другие недоумевают вместе со мной, а иные прямо зубоскалят. Это – сектанты. Один из таких особенно остановил на себе моё внимание.

– Ты какого упования брат? спросил я его.

– Христианского.

– Грамотен ты?

– Нет, я плотяный!..

А, подумал я: это непременно сектант.

– Как же говоришь ты, друг плотяный... Разве человек состоит из одной плоти? Ведь у животных и то есть душа в крови; а ты – человек и, стало быть, существо не только плотяное, но и *духовно-разумное*, образ Божий носишь... Уж говори, брат лучше *духовно-плотяный*. Тогда будет смысл, а эту уловку брось. Мы и так не думаем, что ты составлен из *грамоты*, бумаги...

– Затем я взял под руку этого улыбающегося казуиста и сказал ему:

– Послушай, братец, пойдем в твою хату! Там мы побеседуем с тобой о наших упованиях. Посмотришь, за нами сейчас же двинется толпа...

И мы пошли. Народ, точно, загудел за нами. Скоро маленький домик штундиста наполнился битком. Беседовали мы главным образом о *святости Церкви Христовой*. Этот-то вопрос, в своё время, крайне занимал тамбовских штундистов. Они любили говорить о нём. Они с восторгом толковали об искуплении Христовом и о том, что Господом мы все призваны к святости...

Бедные книжники! Они воображали, что православная Церковь не верует и не учит об искуплении Христовом. В этом заблуждении утверждались они через то, что православные смиренно называли себя грешниками.

Мне приходилось, на первых порах, усиленно доказывать, что искупление Христово принимаем и мы, и без веры в искупление не именовались бы православными христианами.

Но вот в чём вопрос: после искупления-то и призвания нашего в Церковь сохраняемся-ли мы без греха Господом? – Если же мы *безгрешные*, по мнению сектантов, то как понять 1Ин.1:8, 10; Иак.3:2?

На этом вопросе я настойчиво держал штундистов.

Более упорные из них твердили лишь одно: – христиане в посланиях апостольских именуются «святыми»; значит, они – без греха...

Я возражал: слово «святой» не значит «безгрешный». «Святой» христианин, т. е. *освященный*, призванный в святую Церковь (1Кор.1:2). А безгрешным в Писании называется *один* Бог (Откр.15:4). На каком же основании сектанты называют себя *безгрешными*?

Ни в то время, ни после, на этот вопрос я не получал от штундистов даже сравнительно разумного ответа.

Потом я продолжал: – если все христиане с грехами, с пороками, – то как они могут составить из себя *непорочную* Церковь?

3-цы усиленно мне читали из Еф.5:25–27. Я соглашался, что Господь создал Церковь, чтобы она была *святою* и *непорочною*. Но непорочность-то Церкви зависит не от нашей безгрешности, а от святости Господней и благодати Его, живущей в Церкви. На земле Церковь никогда не будет состоять из одних чистых людей (Мф.13:24, 25, 41 и др.). Церковь, т. е. собрание христиан, будет непорочною по *составу своих членов* лишь в *небесном Царстве Божиим* (Откр.14:4, 5). До тех же пор она, как невод, закинутый в море, будет тащить на небесный берег, и хороших и дурных рыб (Мф.13:47–49). – Если не так, спрашивал я сектантов, покажите, когда Церковь, при апостолах, состояла из одних праведников.

Разумеется, и на этот вопрос сектанты не могли сказать что-нибудь дельного. Ссылка на Откр.3:7–12 ничего не доказывает: филиладельфийская Церковь ублажается за свою веру и терпение, но не сказано, чтобы она состояла из *безгрешных* людей. Она, эта Церковь, лишь *чище* других, *лучше* их, но не безгрешна...

Свою беседу с З-цами я закончил победно. Они даже не очень противились мне. Притом я говорил с ними мягко, нежно. Ведь это в жизни моей была *первая* беседа с штундистами! Я еще не знал их лукавства и всё объяснял в хорошую сторону. Потому был ласков, внимателен. Это хорошо влияло на толпу слушателей. Один из них под конец сказал мне:

– Вот ты силой вколачиваешь в нас святое учение... Если-б «тахта» учил нас батюшка, разве бы кто пошел в штундисты?...

Я поспешил замять неприятное направление беседы, особенно жалея тут же сидевшего батюшку; пообещал с жалобщиком поговорить наедине, – и у нас опять всё пошло гладко...

Оглянувшись я – вижу: напротив меня, за спиной, стоит молоканский пресвитер, а подле меня сидит та самая баба, к которой мы напрасно просились в дом.

– А, тетушка!... Не вытерпела, пришла-таки к нам, сказал я. А нас не пустила... Ну, что же – правда, мы перебили здесь окна, продавили пол и на шумели? Ты видишь, – всё цело. Беседовали мы любовно, мирно. Говорили всё «по-хорошему» о св. Писании, о спасении в Церкви. А ты нас не приняла, – нас, которые шли к тебе в образе странников, с словами любви и мира на устах?... Грех тебе за это будет! Ведь и у тебя мы стали бы не о демоне разговаривать...

Последние слова мои как будто разбудили бабу от оцепенения. Доселе она, видимо, стыдилась своего поступка и молчала. Тут – она словно прорвалась и вскрикнула:

– Ну, вот и пропала твоя беседа! И ей стало даже весело.

– Как пропала? Спыхватился я.

– Да, знамо, пропала... Зачем ты эдак-то нечистого вспомянул.

– Тетушка! Надобно же как-нибудь назвать его? Ведь я не для ругани упомянул его, а к примеру, чтобы показать, что мы говорили все о святом... Поверь мне, что именно затем я назвал его.

Эти слова успокоили бабу, но я понял, что поступил опрометчиво. Я не знал народных требований от проповедников

Слова Божия, а потому, не стесняясь, говорил, что находил полезным...

Я дал себе слово впредь, по возможности, быть осмотнительней. Мне невольно приходили на память слова апостола: *«Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые»*... (Еф.5:15).

Пропели мы всем собранием «Достойно есть»... и стали мирно расходиться по домам.

На другой день долго мы ждали собеседников. Нам приходилось скучать в избе. Шел мелкий, осенний дождь, дул сырой, пронзительный ветер. Народ, попрятавшись по овинам, молотил хлеб. Нужно было платить подати. Все находились в унынии: дождь мешал молотьбе. – Только к вечеру стали являться слушатели и собеседники. Батюшка возбужденно заметил им:

– Что вы целый день заставляете себя ждать? Куда ни толкни вас, – нигде вы не годитесь. Задумали мы купить колокол. Сделали раскладку по душам, – и тут за вами недоимка. Люди!

Едва успел батюшка закончить своё обличение, – из толпы слушателей выдвинулся один крестьянин, – человек благообразный и с умным лицом. Этот человек, как мне шепнули, склонен был к штунде. Он шумливо заговорил:

– Эх, папаша! стыдно вам корить нас такими пустяками. Колокол... Да зачем он нужен нам? Это нашим предкам-дуракам без него нельзя было обойтись. Они были невежды, не знали грамоты. Поедет мужик с сохой в поле. Глянь, слышался удар в большой колокол. «Эй, Ванька! Знать, ныне праздник... Бросай соху»... и оба скакали в церковь. А мы и так знаем, когда праздник, когда нет...

Эти слова умного мужика произвели впечатление. Батюшка сидел, уповательно поглядывая на меня. Мне приходилось отвечать. И я сказал: ты слишком грубо, брат, выражаешься, будто колокола нужны только дуракам. Это заносчиво, но не верно. Из Слова Божия мы усматриваем, что Бог умным людям дал заповедь собраться в священные собрания (Лев.23:2; Евр.10:25). Видим, что у евреев вообще имели религиозное значение трубы, в которые играли при богослужениях (Напр., Нав.6:5–7). Эти трубы у христиан заменились колоколами. Посредством звона нам дают знать не только то, что сегодня, положим, праздник: звонят и не в праздники. Колокольным благовестом христиане извещаются о начале богослужения; а

это важно и для грамотных людей. Не кричать же нам, в самом деле, с колокольной и не зазывать всех словами: «Эй, люди, сходитесь! сейчас начнется богослужение!...». Есть большие села, где никакой голос не долетит от церкви до конца села.

Звонят у нас и среди богослужения. Этим дают знать народу, что совершается в храме особенно важное священнодействие, как за литургией. И радуется сердце православного, когда он слышит торжественный церковный звон, как на Пасху. Даже на душе тогда становится веселее!...

Мужики, улыбаясь, сказали:

Разве мы против колоколов? Без них, правда, обойтись трудно. Только батюшка напрасно колет нас колоколом. Будут деньги, – и мы заплатим, что следует...

Народ всё подходил. Изба переполнилась слушателями, пришел молоканский пресвитер. С довольством он поздоровался с нами и встал около стола. Я обратился к нему с вопросом:

– Тебя, Павел Иванович, люди зовут пресвитером. Правда ли это?

– Да, в своей церкви я за пресвитера, – спокойно ответил Павел Иванович.

– Кто же дал тебе право пресвитерствовать? Продолжал я свой вопрос.

– Вестимо, церковь, т. е. верующие собратья.

– Откуда же видно, чтобы братия могли сами ставить себе пресвитеров?

– Что вы Писания что ли не знаете? тоном обиженного человека заговорил со мною Павел Иванович. Почитайте Деян. 6 гл. и вы увидите, как люди выбирали себе предстоятелей,

– В 6 гл. Деяний говорится о выборе диаконов, а не предстоятелей. Диаконы никогда не считались в совершенно устроенной Церкви Христовой предстоятелями. Но дело не в этом: что же следует из 6 гл. Деяний.

– То, что в пресвитеры или диаконы надо поступать по выбору верующих, а не получать этих лиц готовыми из губернских городов, по назначению архиереев.

– Допустим, что верующие должны выбирать себе пресвитеров, – хотя в слове Божиим повеление поставить по всем городам пресвитеров дается прямо преемникам апостольским – епископам (Тит.1:5), и ничего не говорится про избрание *всею Церковью* себе *председателей* (1Тим.5:17, 22). Но могут-ли миряне *поставлять* своих избранников на служение? Ведь в 6 гл. Деяний мы читаем: людей, выбранных в диаконы, христиане *«поставили пред апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки»* (Деян.6:6). Итак, апостолы, а не простые верующие могут ставить диаконов и пресвитеров (См. Деян.14:23; 1Тим.4:14, 16, 5:22 и др.). Как же в вашем обществе *вся Церковь* поставляет себе предстоятелей?

– Да так, как написано: *«выберите из среды себя»*... (Деян.6:3), – мы и выбираем.

– Выбирать на службу и утверждать кого-либо на этой службе – не одно и то же. Положим, вы *выбрали* себе старшину. Будет-ли ваш избранник старшиной без земского начальника?

В народе зашумели: «нет! Знамо, нет!..».

– Вот то-то и есть. А вы говорите, – простые миряне сами могут ставить себе пресвитеров и диаконов...

Павел Иванович переминался с ноги на ногу. Очевидно, он соображал ответ. Потом с какою-то рассеянной улыбкой заметил:

– Вы, православные, цепляетесь за апостолов. Далеко вам до них! То были носители Духа Божия. Чрез их руково^зложение давался Дух Святой. Теперь этой силы у православных архиереев мы не видим. Значит, можно обойтись и без рукоположения...

Я ответил:

– Смешиваешь ты, друг, две разные вещи: дар чудес и благодать священства. Дар чудес и после апостолов, в Церкви, правда, *сократился, но не прекратился*. Сколько в числе наших архипастырей было чудотворцев! Однако, несмотря на сокращение чудодейственной силы в Церкви, апостол своим преемникам никого не велит ставить в пресвитеры без руково^зложения. Он пишет Тимофею, *про чудодейственную*

силу которого в Писании ничего не говорится, – заметьте это! – «рук ни на кого не возлагай поспешно...» (1Тим.5:22).

– Здесь вовсе не про священство речь, а про суд. Апостол не велит Тимофею скоро и строго судить христиан, а вы вон куда тяните!...

И Павел Иванович весело рассмеялся.

Я возразил:

– Напрасно ты так думаешь, Павел Иванович! Прочти первое же посл. 1Тим.4:14, – и ты убедишься в своей ошибке. Там мы читаем: *«не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано по пророчеству с возложением рук священства»*... Видишь, – дар священства апостол раздавал чрез *руководствование*. А что мы замечаем у апостолов, – тому должны подражать (Флп.3:17).

Если же у нас, как ты говоришь, присылают пастырей из губернских городов, а не от сохи берут их, – то это потому, что поставление пастырей, в согласии с апостольскими правилами, у нас производится епископом, по указу Его Императорского Величества. Значит, при избрании пастырей, миряне у нас не устраняются, а только толпу людскую, с её пристрастием и криком, заменяет священная воля Государя. Государь – Отец всем нам и обо всех заботится. Он велит и в пастыри ставить людей образованных, благонадежных, – из тех юношей, которые к священству готовятся в особых училищах. Вот почему нам пастырей чаще всего присылают из городов. – Ты же, друг, взят хоть от сохи, да в пресвитеры поставлен не преемниками апостолов, а простыми мирянами и без правильного руководства... Это – не порядок. Убеждаемся, что ты не пресвитер, а самозванец, наскочивший на седалище пастырское...

– Пастырь у нас один – Христос; все же мы братья...

– Да, у молокан нет пастырей. Но, очевидно, им и Христос – не пастырь. Если же Он был бы для них пастырем, – они слушались бы голоса Его. А от имени Христа апостол пишет христианам: *«пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых»*... (1Пет.5:1). Ясно отсюда,

что в истинной Церкви Христовой должны быть пастыри. Их нет лишь в еретических обществах...

Павел Иванович стоял, понурясь, и твердил лишь одно: у разных людей – разные обычаи. У нас – свои; у турок – свои. Мы – без руково~~з~~ложения преемственного. Это – обряд лишний...

– Неправда. Я уже доказывал, что без руково~~з~~ложения апостолы никого не ставили в пресвитеры... Значит, рукоположение – не обряд, а дело *таинственное, благодатное* (1Тим.5:14) и необходимое для получающих священные степени. С другой стороны, если вы, молокане, будете гоняться за турками, то вы все евангелие бросите. Турки – нам не указ, а апостолы. Апостолы же велят все делать «*благообразно и по чину*» (1Кор.14:40). В частности, без руково~~з~~ложения правильного апостолы не велят христианам принимать пресвитеров. Убойся же, Павел Иванович, суда Божия! Вспомни про Корея, Дафана и Авирона. За дерзкую попытку присвоить себе не принадлежащее им священство они погибли ужасной смертью (Чис. 16 гл.). Смотри, брат, чтобы и тебя не поглотила земля за святотатство!...

Павел Иванович презрительно махнул рукой.

– Про какое-то священство толкуете... Разве в новом завете есть священство? – А еще судом Божиим страшите!...

– Не я страшаю, а Слово Божие... Что же касается священства, то оно есть и в новом завете. Прежде всего Сам Христос называется *священником* (Евр.7:11–17). У Него есть и «*священство непреходящее*» (Евр.7:24). Это священство от имени Христа передавал своим сотрудникам апостол Павел (1Тим.4:14). От сотрудников же апостольских священство Христово в нашей Церкви дошло и до нас... Итак, не признавая священства Христова, ты, брат, заблуждаешься, не зная Писаний, ни силы Божией...

Павел Иванович окончательно иссяк. Он сильно пропотел и поминутно утирал лицо своё. Православные весело острили над ним.

– Выдь на двор. Остынешь!... Шептали они ему.

– И книжен же, разбойник! – прямо со смехом сказал один православный начетчик.

Я установил тишину в избе и сделал вывод из бывшей беседы с Павлом Ивановичем. Я сказал: без Церкви Христовой спастись нельзя (Мф.18:17). Церковь же Божия должна быть устроена *«благообразно и по чину»* (1Кор.14:40). В этой Церкви необходимо быть епископам, пресвитерам и диаконам, правильно поставленным. *Таких* людей у молокан нет; следовательно, у них нет и Церкви, а без Церкви они не могут устроить своего спасения. Поэтому необходимо всем православным остерегаться молокан и не сообщаться с ними в делах веры (2Ин.1:10–11)...

На этом мы закончили беседу. Хозяин дома попросил позволения попеть для назидания братии. Мы с радостью дали позволение. Запели дружно, выразительно, с вдохновением, мужскими и женскими голосами. Пели «Милосердия двери отверзи нам», «Не имамамы иные помощи», «Под твою милость», «Отче наш». Народ с умилением слушал. Никому не хотелось уходить. Сердце моё радовалось. С большим волнением, на прощанье, стал я излагать содержание православной веры по нашему Символу. Я просил всех не колебаться ни направо, ни налево, – и мы разошлись, восторженные, довольные...

Я в первый раз в жизни испытал радость евангельского благовестника. Мне нипочем были усталость, – томление, какое нас мучило на протяжении всего дня. Я сознавал, что отныне начинается для меня новая жизнь. Мне придется не сухие речи держать пред тоскующими учениками и не мертвые выкладки производить над цифрами. Я говорил о Царстве Божием, о праведной жизни, о единении христиан в Церкви Божией. Меня слушали с напряженным вниманием. Как свято это внимание и сколько знаний, любви к делу, терпению и духовной восторженности требует оно от миссионера!

Я дал себе обет неленостно проповедовать Слово Божие, и самый путь миссионерский после того показался мне уже по опыту невыразимо прекрасным...

Д. Боголюбов

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника)

Кальнев М. Херсонская епархиальная миссия среди сектантов за 1900 год // Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 711–717

В настоящее время в Херсонской епархии существует следующего рода сектантство: штундисты (числом около 5½ тысяч), хлысты (до 500 человек), штундо-хлысты (137 человек), пашковцы (45 человек) и скопцы (29 человек).

Прежде чем говорить о деятельности миссионеров и пастырей, направленной к подавлению развития сектантства, необходимо упомянуть о тех неблагоприятных условиях, какие в минувшем году особенно тормозили дело нашей миссии.

Первое из них это – необыкновенно усилившаяся пропаганда сектантства, ведшаяся не только местными его вожаками, но направленная на нашу епархию из соседних губерний и даже из-за границы. Вожак всех сект, как мы уже видели, напрягли все усилия к уловлению в свои сети православных, и если не все секты успели на вербовать себе новых последователей из их среды, то этому, конечно, более всего воспрепятствовала наша специальная и приходская миссия.

Второе очень серьезное неблагоприятное условие для нашей миссии в минувшем году это – двухлетний неурожай в нашей губернии, по местам выразившийся в голодовке населения. Под влиянием этой беды народ нравственно огрубел и ожесточился в иных местах до того, что трудно вести беседу с самими православными: «что нам толковать о слове Божием, – говорили в некоторых местах, – когда есть нечего! Вы бы, г. миссионер, лучше похлопотали, чтобы нам хлеба скорее земство выдало!» Штундисты очень удачно воспользовались бедствием народа: посыпались пожертвования со стороны наших и чужих сектантов, посылавших для сбора пожертвований в урожайные губернии (с этой, напр., целью «диакон» любомирских штундистов Рак полтора месяца был на Кавказе), пошли пожертвования и из штундистской «Союзной

кассы», стали сектанты буквально покупать совращения православных в их секту.

«Во многих зараженных штундою местах, пишет миссионер о. Купчевский, совращенные православные – представители местного пролетариата. В хороший год и то им приходится зарабатывать хлеб у местных односельчан, часто и у штундистов, а теперь они совсем без хлеба и топлива; неудивительно, что под влиянием голода и холода они переходят в штунду: они готовы перейти в какую угодно веру, лишь бы быть сытыми и согретыми».

«В Златоустовском приходе, пишет миссионер г. Белов, штундисты недавно совратили одну женщину, Акилину Фоменкову, набрав ей на платье материи. Когда Фоменкова вошла в новом подаренном платье в собрание штундистов, то, по словам учителя земской школы, упала на колени и со словами: «о, теперь я узнала, где истинный Бог!» – стала целоваться со всеми сектантами. Жена училищного сторожа, слушавшая наш разговор с учителем о Фоменковой, сказала: «да, нужно туда идти, потому что там помогают».

В минувшем году я посетил с священником о. Васильченко совратившуюся в немецкой колонии Гофнунгсталь семью Н. Бондаренко. После долгих наших увещаний жена его Мария высказалась прямо: «что вы ни говорите, а, видно, немецкая вера лучше нашей: посмотрите, как мы бедны, а немцы как богаты; видно, Бог их любит!» Нет сомнения, что эта бедная семья совращена немцами, от которых в материальном отношении она всецело зависит.

Очень прискорбно поэтому, что в такое тяжелое для народа время бывший съезд благочинных Херсонской епархии сократил средства Свято-Андреевского Братства, лишив его возможности оказывать материальную помощь там, где она могла бы не только спасти людей от нужды, но и от совращений.

Третье неблагоприятное условие для миссии в минувшем году – было отсутствие окружных миссионеров в трех более зараженных уездах: Ананьевском, Одесском и Тираспольском. Таким образом в то время, когда сектантская миссия особенно

усилилась, наша была значительно ослаблена, что не могло не отразиться на общем её успехе.

Четвертым и, думаю, самым главным тормозом миссии служило холодное, безучастное отношение к ней многих священников зараженных приходов. Истина известная, что и у самого бдительного пастыря могут быть совращения, но замечательно, что огромное большинство совращений в минувшем году падает на приходы, где священники ровно ничего не делают, в смысле участия в деле миссии, считая его для себя необязательным. Равнодушие некоторых пастырей к делу миссии поразительное: они не только сами не защищают своих пасомых от духовных волков, но не дают знать вовремя о пропаганде или совращениях и миссионерам. В одном, напр., приходе Одесского уезда в минувшем году совратилось 62 души. Очевидно, подобное массовое совращение подготовлялось временем, сразу оно не могло произойти, не могло, след., и не быть заранее замеченным пастырем. Какие же предохранительные меры были последним приняты? Ровно никаких.³⁰⁰ После массового отпадения пастырь ограничился *тремя за весь год* чтениями для народа общеназидательного содержания, как это видно и из его богослужебно-проповеднического журнала. Об опасном положении прихода миссионерам дано знать уже тогда; когда совершилось движение в штунду. В этом злосчастном приходе проведено миссионерами 17 бесед, но вряд ли они поправят теперь дело.

Есть священники, намеренно скрывающие появление в их приходах штундистов. Как будто их долго можно скрывать! Был в минувшем году и случай намеренного противодействия со стороны священника окружному миссионеру в ведении им бесед, который, по мнению священника, не ведущего бесед с сектантами, напрасно-де ездит и беспокоит его и приход. Правда, подобные случаи редки, но что касается безучастного отношения к делу миссии, то в этом виновны многие пастыри, и пробудить их от бездеятельности и сна может лишь твердая рука епархиальной власти.

Не смотря на столь серьезные обстоятельства, препятствовавшие делу миссии, она велась и в отчетном году

не хуже, чем в предшествовавшем ему. В минувшем году миссионерами проведено 380 бесед с лишним.

Кроме того, миссионером о. Михайловским сделано 2, а мною 7 судебных экспертиз.

Деятельность миссионеров в отчетном году приносила добрые плоды: во многих местах после бесед миссионеров колеблющиеся в вере православные укреплялись в ней, публично заявляя миссионерам, что только благодаря беседам их они остались в православии; многие же из заблудших после миссионерских бесед заявляли о своём желании оставить сектантство и, действительно, были присоединены к Церкви. Благотворное действие оказывала проповедь миссионеров в особенности в тех приходах, где начиналось сектантское брожение; во многих местах последнее было приостановлено, именно благодаря лишь специальной миссии, почему следует пастырям вовремя приглашать миссионеров в приходы, где появляется сектантство.

Труды миссионеров разделяли и пастыри зараженных приходов, правда, далеко не все, однако уже есть много священников, трудящихся в деле миссии, сознающих, что это дело – их прямая и священная обязанность, что миссионеры являются в их приходы, только как временные им помощники в трудной борьбе с сектантством. Могу подтвердить, что где пастыри разделяли труды миссионеров, где те и другие прилагали единоклубные усилия к вразумлению заблудших, там миссия почти всегда достигала своей цели.

В минувшем году проявили особенное усердие к делу миссии следующие священники: благочинный о. Манжелей, о. Ф. Кирика, о. А. Трехбратский, о. Димитриу, о. А. Зеленкевич, о. С. Глядкоцкий, о. Гр. Феодоров, о. Филиппович, о. О. Шамановский, о. Е. Швачко и некоторые другие. Должно также отметить труды по ведению бесед в м. Глодосах: в этих беседах по-прежнему принимали участие: благочинный о. Фащевский, свящ. о. Линский и учителя второклассной школы – Крыжановский и Чернов.

Из мероприятий епархиальной власти в борьбе с сектантством в отчетном году необходимо упомянуть

следующие.

В виду поступления на службу новых миссионеров, в сентябре месяце, с разрешения и благословения высокопреосвященного Иустина состоялся годичный съезд миссионеров, на котором ими выработаны планы и методы бесед о крещении, о священстве, о св. Причащении и о почитании креста. На этом же съезде миссионеры и некоторые прибывшие священники были мною ознакомлены со способом ведения судебной экспертизы по штундистским делам. Таким образом на этом съезде миссионеры сами учились делу миссии, что, без сомнения, принесет им пользу и, пополнив их миссионерские знания, облегчит их труд.

По примеру прежних лет, во многих благочиниях состоялись благочиннические миссионерские съезды, большею частью руководимые миссионерами. Из постановлений таких съездов обращают на себя внимание постановления съездов Новгородковского и Севериновского благочиний. Первый постановил образовать из нескольких священников «миссионерскую комиссию» для ведения бесед с сектантами. Были избраны члены этой комиссии, но замечательно, что, как жалуется местный благочинный, *никто из пастырей зараженных приходов не пожелал ни разу пригласить к себе членов комиссии для бесед с сектантами.* Более удачно, по моему мнению, постановление Севериновского съезда о назначении в каждом благочинии благочиннического миссионера; в практическом отношении это – и проще, и удобнее. Осуществление этой меры, рекомендованной епархиальной властью всем благочиниям, желательно было бы видеть в настоящем году.

Необходимо также отметить организованное мною, с разрешения высокопреосвященного Иустина, паломничество жителей местечка Валегоцуловой, в числе которых были и недавно обращенные из штунды к православию, к святыням Киева и Чернигова. Оно укрепило в вере как присоединенных, так и вообще всех православных жителей названного места и окружающих его сел.

Отрадно отметить, что в минувшем году многие земские начальники, понимающие весь великий вред сектантства, оказали немалую услугу делу миссии, облегчая её вразумлением заблудших, открытием в зараженных местах школ и проч. Из них я мог бы указать на Ив. Ив. Антоновича, М. Г. Емельянова, В. А. Кубаркина и в особенности на Н. Ф. Долинского, искренно радующегося успехам миссии, почти всегда посещающего миссионерские беседы и своим авторитетным, разумным словом убеждения помогающего их успеху.

Каковы-же общие результаты противосектантской миссии за истекший 1900-й год?

Если бы не массовое совращение в Златоустовом Поле (62 человека), общий результат миссии за истекший год был бы прекрасен, теперь-же он, к глубокому сожалению, посредственный, скажу, даже плохой, не смотря на то, что число присоединений было гораздо больше, чем в 1899 году.

Выше я упомянул, что число совращенных в штунду в минувшем году достигло 107 человек, присоединено же из штунды к православию 134 человека; в хлыстовщину совратилось 7 человек, а из неё никто не присоединился к православию; в штундо-хлыстовщину совратился 1 человек, присоединилось из этой секты 7 человек. Таким образом общее число присоединенных превышает число совращенных на 16 человек; число, конечно, малое, если взять во внимание затраченные силы и средства, но, если взять во внимание вышеуказанные неблагоприятные для миссии условия, то и за этот результат мы должны радоваться и благодарить Бога, ибо можно было ожидать еще худшего.

У меня теперь есть надежда, что первый год нового столетия будет для нашей миссии более счастливым, но для этого необходимо устранить или хотя ослабить те причины, какие тормозили дело миссии в минувшем году.

Прежде всего необходимо всем взяться за работу с сознанием всей важности и святости миссионерского труда, преследующего спасение душ братьев наших; необходимо и пора, наконец, пастырям сознать, что дело миссии – прямая их

обязанность, что прежде всего они должны будут ответить пред Богом за пропавших своих овец (Иер.23:1–2; Иез.34:1–10).

Затем, сектантской пропаганде, особенно тайной, необходимо противопоставить пастырскую бдительность, чтобы вовремя пресечь пропаганду шатающихся всюду лжеучителей. Это легче всего сделать с помощью лучших прихожан, образовав из них *приходские миссионерские братства*, что давно уже рекомендовано духовенству, но что введено только в нескольких приходах епархии, о чём не позаботились и окружные миссионеры в их приходах.

Тяжелые последствия неурожайных двух годов еще долго будут давать себя чувствовать народу, след., еще долго будут давать возможность сектантам совращать православных оказанием им помощи во время крайней нужды. Пусть последнюю пастыри постараются устранить, хотя несколько ослабить с помощью тех-же братств и вообще с помощью лучших своих прихожан: каждый приход не без добрых людей, могущих прийти на помощь беднякам. Не странно ли, в самом деле, слышать, что в одном месте совратили бедняка, дав ему мешок муки, в другом – немного денег или топлива; не ужасно ли подумать, что из-за одежды женщина принуждена оставить родную веру и идти в штунду! Неужели всего этого нельзя было предотвратить? Конечно, можно, если бы пастыри знали бедняков и, став во главе приходской взаимопомощи и благотворительности, – вовремя помогли им. К сожалению, во многих зараженных местах этого не было сделано, и сектанты не преминули воспользоваться тяжелыми обстоятельствами народа в целях своей пропаганды.

Особенное внимание на сектантов должны обратить священники тех приходов, где появились новые совращения: пожар легче тушить вначале, чем после, когда он разгорится в большое пламя. На такие места должны обратить внимание и окружные миссионеры, чтобы вовремя оказать священникам помощь в их борьбе с сектантством.

Свои отзывы о действиях за отчетный год я хотел бы закончить словом ободрения для пастырей, не ведущих бесед с сектантами по малодушию, по робости духа. Из миссионерских

отчетов и своих личных наблюдений я узнал, что многие, особенно молодые, священники, получившие даже богословское образование, не могут начать бесед с сектантами, боясь потерпеть от них поражение вследствие неожиданно поставленных ими вопросов; они боятся уронить этим свой авторитет в глазах прихожан и поднять сектантов. Пусть такие священники знают, что нет и не может быть такого миссионера, который не терпел бы неудач в первоначальных своих беседах, что ни один профессор богословия без практического опыта не проведет, не говоря хорошо, а даже сносно первых противосектантских бесед: приобретение богословских и других теоретических знаний – одно дело, а практическое их приложение – другое. Тот не ошибается, кто ничего не делает. Трудом постепенно можно достигнуть многого: я мог бы указать многих священников, которые, начав под моим руководством вести беседы с различного вида сектантами, теперь сами прекрасно их ведут; иные из этих пастырей не получили специального богословского образования, а стоят с честью на страже православия, достойным образом оберегают своих овец и приводят в ограду Церкви овец и «иног двора».

Пастырям нужно бояться не врагов Церкви, а малодушия в её защите от них; нужно им помнить о почивающей на них благодати священства, помогающей им нести ответственный пастырский и в частности миссионерский труд. На первых порах этот труд будет тяжел, он будет совершаться со слезами, но потом принесет делу миссии пользу, а душе – величайшее утешение, как говорит Псалмопевец: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои» (Пс.125:5–6).

В следующей статье мы скажем о состоянии и движении сектантства в нашей епархии за истекший год.

М. Кальнев

**А. О. Из миссионерских итогов прошлого 1900 г.
Раскол старообрядства: поповцы австрийского
согласия, беглопоповцы, безпоповцы //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 718–729

В мире старообрядческого раскола особенно сильным стремлением к пропаганде и напряженным развитием в этом направлении своей деятельности по прежнему заявили себя *раскольники австрийского согласия*. Австрийское согласие в отношении к другим раскольничьим толкам и даже в отношении к православной Церкви занимает также воинствующее положение, как штундизм в отношении к другим рационалистическим сектам. Австрийские же владыки задумали соединить воедино всех именуемых старообрядцев, чтобы все они были австрийского согласия; тогда, по мнению их, можно будет добиться, от правительства признания законности австрийской иерархии (Астрах. еп. вед.). Эти пропагаторские стремления «австрийцев» замечаются во всех более или менее крупных центрах раскола, причем в ролях миссионеров являются, главным образом, окружнические деятели. В Черниговской епархии этой деятельности посвящают все свои силы известные пропагандисты братья Мельниковы с отцом своим Новозыбковским попом Ефимом. Этот последний стоит во главе раскольнического движения в сторону окружников: он постоянно разъезжает по всем посадам с целью укрепления раскола и воодушевления своих единомышленников, – попов и начетчиков, – на борьбу с господствующей Церковью. Братья Мельниковы со своею дружиною, кроме обычной устной пропаганды, усердно ведут пропаганду литературную, путем распространения по всем посадам подпольных и заграничных раскольнических изданий, которые с наслаждением читаются раскольниками в домах, на собраниях и даже в моленных.

Фанатичная и упорная деятельность Мельниковых и их сотрудников не остается бесплодною. Окружническая партия заметно растет и ширится на счет беглопоповцев, отчасти – безпоповцев и даже противокружников. Беглопоповские

центры слабеют. Так, напр., беглопоповщинский центр пос. Лужки имеет в настоящее время уже двух белокриницких попов и беглопоповцы десятками переходят в раскол австрийский. Для большего успеха пропаганды среди Лужковских беглопоповцев Новозыбковский окружнический лже-епископ Сильвестр рукоположил в попы для посада Лужков одного из мельниковских сотрудников. Послал туда на постоянное жительство своего ставленника и противоокружнический лже-епископ Михаил. В посаде Климове целая беглопоповщинская община колеблется и близка к принятию белокриницкого священства. Даже центр противоокружнической партии посада Добрянка значительно поколебался под влиянием пропаганды Мельниковых (Черниг. еп. вед. № 2).

В Оренбургской епархии известный лжеепископ Швецов, разъезжая в сопровождении своих миссионеров, собирал народ на беседы, распространял брошюры своего издания, устраивал общины своего согласия, поставлял в них своих лжесвященников (Оренб. еп. вед. № 10).

Во Владимирской епархии к окружникам принадлежат выдающиеся капиталисты каковы, напр., Савва Морозов и Матвей Кузнецов; владея громадными фабриками в селах Орехове и Дулеве и держа в экономической зависимости всё окрестное население, они всё своё влияние употребляют на поддержание и усиление раскола. Раскольники на их фабриках получают лучшие места и больше жалования, на их средства во многих местах епархии содержатся богатые моленные с целыми штатами лжепопов, от них-же получают подачки и пропагандисты раскола. Кроме этих капиталистов, громадную поддержку секте окружников оказывают и их выдающиеся поставники и особенно лжеепископ Швецов, который, будучи родом из Владимирской епархии, до сего времени продолжает навещать свою родину. В каждый свой приезд сюда он привозит с собою массу разных подпольных печатных и гектографированных раскольнических книг и брошюр, которые и распространяет во множестве среди раскольников. Местные начетчики находятся в постоянных личных и письменных сношениях с ним и, получая от него подпольные издания, не

стесняются даже открыто пользоваться ими на публичных беседах с православными миссионерами. И здесь окружники употребляют все усилия к тому, чтобы привлечь противоокружников в свою секту, но все их попытке в этом отношении остаются пока тщетны, несмотря на то, что противоокружники не имеют ни видных капиталистов-покровителей, ни выдающихся лжепопов и начетчиков и живут разбросанно среди православных и раскольников других толков. (Владимир. еп. вед.).

В Вятской епархии, по словам одного из местных миссионеров, каждый последователь австрийщины есть апологет и пропагандист своего лжеучения. В семейном-ли кругу, в гостях-ли, в дороге или на работе, – везде любимый разговор о вере, о преимуществах австрийщины пред православием. Заправители австрийщины, живущие в Москве и Нижнем Новгороде, не жалеют средств на усиление этой пропаганды в пределах Вятской епархии, они в изобилии высылают сюда сочинения известных раскольниковых авторов: Швецова, Перетрухина, Механикова, Бриллиантова, Усова, а местные пропагандисты усердно распространяют их в народе. Правда, и здесь в австрийщине между окружниками и противоокружниками происходят постоянные раздоры, и те и другие живут в непримиримой вражде между собою, лжепопы их и лжеепископы не только друг за друга не молятся, а даже друг друга публично проклинают. Но этим только отчасти парализуется успех их пропаганды (Вятские еп. вед.).

Дает знать о себе раскол австрийского согласия и в отдаленной Сибири. И здесь, по наблюдению миссионеров, он отличается особенною стойкостью, жизненностью, стремлением к пропаганде, к объединению разрозненных раскольниковых толков и к созданию крупных и прочных центров.

В Томской епархии главари раскола, – лжевладыка Томский Феодосий и известный деятель австрийского согласия лжеархимандрит Феофилакт, – проживают в монастыре, давно уже существующем в тайге на реке Юксе, в 80 верстах от Томска. Феофилакт вместе с известным в австрийщине начетчиком и писателем Страховым, служащим специальным

миссионером при лжеепископской кафедре, деятельно занимаются пропагандой, для чего разъезжают по епархии, посещают различные раскольничьи общины, снабжают их утварью, книжками, иконами. Особенным успехом пользуется их пропаганда среди последователей стариковщины. Нередко стариковцы, мучимые сомнениями, являются за разрешением их даже к православным священникам. «Скажите вы нам, Бога ради, что это за австрийская иерархия такая, – все её хвалят. Мы думаем, что Бог услышал нашу мольбу, сжалился над нашим несчастным положением и посылает нам теперь ту истинную иерархию, о которой мы плакали и которую искали». Без сомнения, такое тревожное состояние их не в далеком будущем разрешится переходом в австрийщину, тем более, что Томская стариковщина теперь не имеет у себя ни одного наставника, способного разобраться в вопросах веры, так как главнейший наставник её Иван Иванов уже перешел в австрийщину. Так как австрийские попы Томской епархии – люди некнижные и совершенно неспособные ни к пропаганде своих верований, ни к защите их, то здешние австрийцы окружники, по примеру и совету своих единоверцев в России, с которыми они поддерживают постоянные сношения, решили иметь у себя для этой цели на жаловании особых миссионеров. Миссионеры эти уже появились и действуют. Это – некие Барышников и Федосеев, выдающие себя за учеников Швецова. Под видом торговцев они ездят по епархии, укрепляют своих, пытаются, где можно, совратить православных. Не обходится без них и ни одна более или менее важная публичная беседа с православными миссионерами, где они наглыми и бессовестными приемами собеседования всегда показывают себя достойными учениками Швецова (Том. еп. вед.).

Кроме миссионеров пропагандистов одним из главных средств пропаганды в руках австрийцев является их богослужение. «Ты, брат, приди и посмотри нашу службу, – говорят они обычно совращаемым, – увидав, никогда не расстанешься; всё у нас хорошо и чинно, у вас же в безпоповщине и беглопоповщине ничего этого нет». И действительно, наименование епископа, священника, диакона,

служение в облачениях, устройство церквей и монастырей, сходных с православными, – всё это служит приманкою не только для раскольников, но и для православных, особенно там, где нет православного храма и благоговейного богослужения. Поэтому-то раскольничьи лжевладыки и стараются обставлять возможным благолепием и торжественностью своё богослужение. Они не жалеют денег на покупку богатых священнических и архиерейских облачений, усердно заботятся о внутреннем украшении молелен, снабжают всем необходимым для богослужения – дорогими сосудами, богослужебными книгами и пр. Но весь этот религиозный маскарад устраивается только для обольщения простой, темной массы, которая по невежеству своему охотно отдает себя руководству устроенного обманном образом лжесвященства; а какую цену всему этому придают сами лжепопы, это можно видеть, напр., из следующего факта, передаваемого одним из вятских миссионеров. Ему однажды один из лжепопов показал свою дарохранильницу, которая оказалась ничем иным, как жестяною коробкою весьма сомнительного происхождения. В дароносице нашлась чайная ложка и «запасные дары», завернутые в промасленную бумагу, перевязанную мочалом. Прежде, чем раскрыть бумагу, лжепоп надел поручи. Чрез дырявую бумагу крошки «даров» сыпались на стол. Показав «дары», он снова завязал их, положив дароносицу в дорожный чемодан и толкнул его под лавку. Пришедшая хозяйка смела крохи на пол и постлала на стол скатерть. Так раскольнические лжепопы обращаются со своими святынями даже на глазах у православного миссионера (Вят. еп. вед.).

Беглопоповщина, сильная еще в некоторых епархиях, в других – в настоящее время вымирает и переживает последние дни. Так, напр., во Владимирской епархии беглопоповцы встречаются лишь единицами в Гороховецком и Меленковском уездах и видных представителей не имеют (Владимир. еп. вед.). В Вятской епархии беглопоповщина представляет также жалкие остатки старинного поповского раскола. Беглых попов здесь нет, и беглопоповцы, за неимением их, управляются стариками и уставщиками и с внешней стороны ничем не

отличаются от безпоповцев, – они только по принципу беглопоповцы (Вят. еп. вед.). Сильна еще беглопоповщина в таких центрах раскола, как Черниговская и Донская епархии. Во многих посадах Черниговской епархии беглопоповцы представляют преобладающий элемент раскольнического населения. Во главе беглопоповцев стоит беглый поп Илья, проживающий обычно в пос. Лужках и отсюда делающий разъезды по епархии для удовлетворения религиозных нужд пасомых. Посад Лужки является еще настолько видным беглопоповщинским центром, что сюда приезжают беглопоповцы из разных мест России для причащения от попа Илии. Даже энергичная окружническая пропаганда встречает здесь в лице беглопоповцев сильное противодействие, так что если бывают случаи перехода беглопоповцев в австрийский раскол, то нередки случаи и перехода австрийцев в беглопоповщину (Черн. еп. вед.).

Безпоповщина, сильная количеством своих последователей, в высшей степени ослабляется внутренними раздорами и дроблением на секты и мелкие толки. От неодинакового решения возбуждаемых самым строем её обрядовой жизни вопросов о средствах спасения в мнимоантихристово время, она с каждым годом дробится всё на новые и новые толки, последователи которых не имеют между собою религиозного общения, считая друг друга за еретиков. С одной стороны, вследствие этих постоянных внутренних смут и раздоров, с другой – вследствие резкого отклонения по своему внешнему виду от строя Церкви Христовой и по невежеству своих лучших членов, безпоповщина представляет самую благоприятную почву для пропаганды австрийского лжеучения. Управляющие безпоповцами наставники, уставщики и начетчики, будучи в большинстве случаев людьми невежественными, безнравственными и своекорыстными, не пользуются авторитетом у своих пасомых; эти последние не только относятся к ним с недоверием, но даже открыто глумятся над ними; наставники-же, чтобы удержать недовольных, идут на разного рода казуистические уступки, чем еще более роняют свой авторитет. Вот один из фактов,

иллюстрирующих это: попечитель безпоповщинской моленной д. Корчиной, Томской епархии Евфимий Третьяков, вздумав вступить во второй брак с женщиной, оставившей своего первого мужа, обратился к наставнику Булыгину с просьбою свести их. Наставник отказался сводить этот брак, как незаконный. Тогда Третьяков обратился к двум другим начетчикам, которые «свели» за одно ведро пива и «венчали пьяные». Булыгин, не зная о случившемся, пришел к Третьякову в дом и начал увещевать его, что он делает нехорошо и зазорно: «христианскому браку должно совершаться молитвословием, а вас кто же благословлял?» Рассерженный Третьяков не вытерпел строгого увещания и сказал: «есть вашего брата, – сведут, только пивом напой». И наставник, хотя наложил на него епитимью, но не развел их, рассуждая, что если развести, они поедут в церковь и обвенчаются, тогда погибнут две души христианские; ради великого греха отступления попустил малый (Томские еп. вед.). Не помогают и «духовные казнения», которым подвергают наставники своих непослушных духовных чад; соборы же, устраиваемые для суда над ними, оканчиваются обычно взаимной перебранкой и вызывают еще большие раздоры и неурядицы. Так, например, поморцами Бийского и Змеиногорского уездов, Томской епархии, был созван собор для суда над неким Рехтиным, обвинявшимся в том, что он зазрел поморское крещение, принял новое от какого-то неизвестного учителя и начал принимать к себе поморцев, хотя уже крещеных, чрез новое перекрещивание. Для суда над ним был приглашен известный Терентий Худошин, который и прибыл на собор с помощником своим Черчимцевым. Но Рехтин пригласил защитником себе не менее известного поморского начетчика Токарева из Нижнего Новгорода. Собор кончился перебранкой главнейших представителей той и другой стороны, а местным поморцам пришлось только пожалеть о понесенных затратах на вызов дорогих гостей (Томские еп. вед.). Не помогают и «послания» московских заправил раскола, к которым нередко обращаются безпоповщинские наставники за помощью для поддержания своего авторитета. Когда, например, Карповскими поморцами, Томской епархии, было получено из

Москвы такое послание, с предписанием «почитать и слушать своего наставника Феодотия», и прочитано на «соборе», то один из присутствовавших Трофим Худяков заявил: «почему же наш Феодотий поступает не так, как бы следовало наставнику: за всякую потребу ему кланяться нужно, а он всё над нами ломается? В послании пишут нам, – продолжал он, – чтобы православным иконам не кланяться, и на это я не могу решиться, потому что мы кланяемся не доскам, краскам или меди, а тому, чей лик изображен на иконе. Судите, как знаете, а я, если придется бывать у православных, буду кланяться их иконам». Феодотий должен был поступиться престижем своей власти и мог только обескураженно заметить: «всяк Еремей про себя разумеет, что с тобой поделаешь, когда ты не слушаешь отеческого послания» (Томские еп. вед.). Но эти постоянные раздоры по вопросам внутренней жизни не мешают раскольникам дружно соединяться между собою и общими силами ратовать против православной Церкви. Для этого они составляют соборы, на которых решают вопросы о лучших способах пропаганды и ведения бесед с никонианскими миссионерами, здесь же менее опытные начетчики учатся у более опытных; для этой цели нередко начетчики одной местности предпринимают поездки к более опытным начетчикам других, часто очень отдаленных местностей. На одном, например, из соборов в центре донской безпоповщины, между прочим, было постановлено послать начетчиков Лебедева и Пятибрatова к опытным и начитанным людям, – к Батову в Тулу и Надеждину в Нижний Новгород, чтобы они поучились у них, как защищать своё любимое старообрядчество. Постановление собора было исполнено. Лебедев и Пятибратов ездили к указанным начетчикам, многому у них научились, привезли от них много подпольных брошюр, направленных против православия, и теперь с этими брошюрами в руках они являются на беседы и вычитывают из них свидетельства в защиту своего лжеучения (Донские еп. вед.). Из безпоповцев наибольшей сплоченностью и энергией в пропаганде своего лжеучения отличаются поморцы. Пропаганда в большинстве случаев ведется тайно и осторожно. Постоялые дворы,

мукомольные мельницы, содержимые раскольниками, куда во множестве съезжается простой люд, являются одним из удобнейших и наиболее излюбленных мест раскольнической пропаганды.

И в истекшем году в жизни всех вообще раскольников по-прежнему замечалась крайняя обособленность и отчужденность от православных и всего православного. Фанатическая ненависть к православию характеризует всех раскольников.

Насколько велика обособленность раскольников от всего православного, можно видеть, напр., из следующего факта. На помощь пострадавшим от неурожая в 1898 г. явилось «Общество Красного Креста». Организовав столовые и пункты для бесплатной раздачи хлеба нуждающимся, «Общество» заведование и тем и другим во многих местах поручило сельскому духовенству. Но раскольники не только сами отказались от помощи «Общества», но и православных склоняли к такому отказу, распуская слух, что «Общество Красного Креста» есть учреждение антихристово, заведывающие столовыми суть слуга его, и что обращаться к ним за помощью – значит заранее готовить себе гибель. Так, напр., было в Вольском уезде, Саратовской губернии. «Печать это! Печать антихристовая!» вопили раскольники села Алая, тыча пальцем в красный крест на бумагах «общества» (Сарат. еп. вед.). Святыни православные для грубых и закоренелых раскольников служат предметом постоянного глумления и кощунства. Раскольник-фанатик, проезжая или проходя мимо православного храма, со злобой отвернется от него, или даже плюнет в его сторону; св. причастие для него – змеиный яд, освященная погружением Св. Креста вода – вода нечистая, оскверненная, которую можно пить только на гибель себе (Томские еп. вед.). При такой фанатической ненависти ко всему православному, раскольники проявляют в отношении к православным крайнюю нетерпимость. Особенно заметно это в тех местностях, где раскол занимает господствующее положение по своей численности и влиянию на дела общественные. В таких местностях положение православных невыносимо. Здесь в своих религиозных правах и в

удовлетворении самых законных требований своего религиозного чувства стеснены не раскольники, на что обыкновенно несправедливо жалуются они, а православные. Волостные и сельские власти из раскольников, всячески притесняя православных, открыто говорят, что пока власть в их руках, – всё можно сделать. Много интересных в этом отношении фактов было сообщено участниками первого миссионерского съезда в Томск. епар. Так, некоторые православные, проживающие в раскольнических деревнях, не решаются и до сих пор пригласить в своё селение священника со св. иконами, хотя и желали-бы этого, опасаясь возбудить против себя раскольников. Православные деревни Шарчиной, испросив себе разрешение на постройку церкви, освятили под неё место, огородили его и поставили крест с кружкой для пожертвований. Раскольники разнесли ограду, разбили кружку, а на месте, предназначенном для православной церкви, выстроил себе дом и поселился раскольник. Когда те же Шарчинские православные посеяли общими силами несколько десятин хлеба, предназначая выручку от него на постройку церкви, раскольники испортили посевы (Томские еп. вед.). С развитием переселенческого движения в Сибирь, раскольники, опасаясь наплыва в свои селения православных и желая оградить себя от этого нежелательного для них элемента, или вовсе не принимают к себе переселенцев, или принимают только тех, которые дают подписку впредь ничем не касаться к православному священнику и детей своих крестить стариками. Кроме таких подписок, от вновь принятых переселенцев раскольники требуют иногда особых удостоверений их прежних обществ о том, что «они с попами не знаются». И удостоверения эти чисто официального характера даются. Вот одно из таких удостоверений, представленное переселенцем принятым в Тумановское общество Томской епархии. «Удостоверение Мироновского сельского общества Макаровской волости, Пермской губ., Шадринского уезда, 1895 г. Марта 26 дня. Дано сие удостоверение нашему односельцу Демиду Булыгину в том, что он, Булыгин, с попами не знается, а живет по старообрядческому закону, в чём и подписуемся». Следуют

подписи и печать сельского старосты. Принимая в своё общество только дающих подписки «не знаясь с никонианством», раскольники, наоборот, всеми зависящими от них мерами преследуют и гонят от себя всякого, заявившего своё сочувствие к православию. Средством для этого у них являются общественные повинности и поборы. Не успеет православный новосел оглянуться на новом месте, как его уже облагают непомерными поборами или выбирают на какую-либо службу на полгода; остается одно из двух – или бежать от непосильных повинностей и умирать с голоду, или идти в раскол... (Томские еп. вед.). Там, где православные превосходят раскольников численностью, раскол или бежит в глухие места, где это возможно, как, напр. в Сибири, или-же совершенно замыкается в себе, чуждаясь всего иноверного. Раскольнические невежественные старики, наставники и попы всеми мерами стараются поддерживать эту отчужденность в своих пасомых, опасаясь влияния на них православия. Всякое применение живой мысли, пытливость ума строго ими преследуется. «Старые книги» и самодельные «цветники», исполненные хулы на православную Церковь, должны удовлетворять все умственные запросы раскольника; книг никонианских не только не следует читать, но даже грешно и касаться их; от миссионеров и священников нужно бегать, как от слуг антихриста... Поэтому неудивительно, что раскол в своей массе и до настоящего времени представляет темное, мрачное царство. Религиозное понятие, взгляды и убеждения большинства раскольников показывают, что это не блюстители истинного староверия, а какие-то суеверы, полумеры, или совсем потерявшие веру люди. Дальше внешности в деле религии раскольник не идет. Содержи старую веру, перебирай в руках лестовку, да читай молитву Иисусову – и получишь спасение. В молитве самое главное – была бы лестовка в руках, да не просчитаться «бобками». Без лестовки не может быть истинной молитвы, потому что каждую молитву нужно читать столько раз, сколько положено, чтобы не задолжать Богу. (Вятские еп. вед. Томские еп. вед.). Преклонение пред внешностью и буквой, при полном игнорировании внутреннего

настроения, приводит раскольника к самым диким выводам. Он убежден, что Бог преклоняется на милость не силой покаянного чувства, сердечностью и теплотой молитвы, а количеством молитвенных слов, поклонов и лестовок, что, поэтому, для Бога безразлично, чьими устами эти молитвенные слова произносятся и кем поклоны полагаются, важно только, – за кого всё это делается. Отсюда – повсеместно распространенный среди раскольников обычай откупаться от епитимий и нанимать за себя других для выполнения религиозных подвигов (Томские еп. вед., Оренбургские еп. вед.). До чего доходит формализм раскольников в деле религии, можно видеть из следующего сообщения одного из Донских миссионеров о том, как совершается запись и разрешение грехов у беглопоповцев. Беглопоповец, желающий получить загробную блаженную жизнь, обязан непременно, хотя раз в жизни, записать все свои вольные и невольные грехи и отправить их на разрешение к попу. Если почему-либо грехи не были разрешены просителю при его жизни, они должны быть разрешены ему после смерти иначе душа его погибнет (Донские еп. вед.).

При таком обрядоверии и механическом взгляде на дело спасения, раскольники или совершенно не знают основных истин христианства, или же представляют их в крайне извращенном виде. Не могут ничего дать им в этом отношении и их невежественные руководители, питающие их, вместо здравого учения, различного рода небылицами и вымыслами досужей фантазии. Поэтому неудивительно, что за последнее время все чаще и чаще приходится слышать о возникновении в расколе новых сект и толков с самыми дикими религиозными воззрениями и понятиями. Напр., один из руководителей Донской безпоповщины, некто Карасев, недавно стал проповедовать учение, запрещающее делать из всякого рода кирпичей здания – и покупать всякого рода новоусовершенствованные земледельческие орудия, особенно косилки и сеялки. Запрещение строить из кирпичей землянки Карасев находит в следующих словах библии: «и болезненну тем (израильтянам) жизнь твориху (египтяне) в делах жестоких,

брением и плинфоделанием» (Исх.1:14). Отсюда Карасев делает тот вывод, что делать кирпичные землянки или даже просто мазанки и жить в них – значит принимать ересь египетскую. Относительно косилок он усматривает явное предсказание в Апокалипсисе, где слова: «и от дыма изведоша пружи на землю» (Откр.9:3–10) толкует в смысле появления косилок, выработанных в кузнечном горне; а выражение: «дана бысть им область, якоже имут область скорпии земнии», по его мнению, указывает на продолжительность летней работы косилок, равняющейся жизни комаров и других, появляющихся летом, насекомых; слова: «и речено бысть, да не вредят травы земныя, ни всякаго злака» значат, что сам Бог запрещает косить что-либо косилками; «и уподобление пругов уподобно конем, уготованным на брань» это – косилки, запряженные лошадьми; «и на лицах их яко венцы» – кругообразно устроенные махи; «и лица их яко лица человека» – сиденья, приделанные на косилках, с точки зрения Карасева, похожие на человеческие лица; «и имеяху власи женския» – бичевочки на сноповязалках для вязания снопов; «зубы же, яко зубы львовы» – резцы, приделанные к косам жнеек.

Истолковав подобным образом или вернее – извратив истинный смысл указанных строк из священной книги Откровения, Карасев взял топор и, изрубив махи своей косилки, продал таковую за бесценок (Донские еп. вед.).

Заснувшее на букве самосознание раскольника непременно влечет за собой холодность к вере, религиозный индифферентизм и даже неверие. Переход раскола с почвы старообрядчества на почву отрицания в настоящее время, по наблюдениям миссионеров, явление не редкое. Отцы отрицали, как пишет о расколе один из миссионеров Вятской еп., св. причащение, а дети отрицают и крещение. Отцы говорили, что священства и таинств взять негде, а дети говорят: и без них можно спастись – одною верою. Отцы говорили: нового письма иконы худы, а дети говорят и совсем икон не нужно – ни старых, ни новых (Вятские еп. вед.). Многие из раскольников начинают говорить: я сам себе церковь, другие проповедуют, что добрыми делами можно спастись во всякой вере, даже вне христианства

(Томские еп. вед.). Рационализм среди раскольников, особенно безпоповцев, начинает уже формироваться в более или менее определенные секты, – каковы, напр. в Вятской еп. «Никаноровцы», отрицающие всё, кроме Евангелия, пред которым и совершают молитву без всяких наружных действий; «Колногоровцы», сливающие Лица Св. Троицы в одно Лицо И. Христа и отвергающие почитание свят. икон и молитвенное призывание ангелов и св. угодников (Вят. еп. вед.). Таковы-же «немоляки» Томской епархии, проповедующие о спасении одной только верой и надеждой, без всяких внешних средств (Томские еп. вед.). Не высока и нравственность раскольников. Носить одежду установленного образца и покроя, подстригать известным образом волосы на голове, растить бороду, не пить чаю, не курить табаку, «соблюдать чашку», посты – вот чем исчерпывается раскольническая мораль. Незаконные-же сожителства, свобода половых отношений, доходящая до открытой мены жен, не только терпимы в расколе, но находят даже и религиозное оправдание. Поэтому разврат широко распространен в расколе, даже дряхлые старики не стыдятся с похвальбой рассказывать о своих развратных похождениях (Томские еп. вед., Вятские еп. вед.). Такова та тьма глубокого невежества, которая до сих пор еще плотною стеною облегает раскол, которую так ревниво оберегают вожаки раскола, руководствующиеся в своей деятельности побуждениями наживы и власти и совершенно равнодушные к истине. Как пробудить эту невежественную массу от её умственной спячки и заставить её сознательно относиться к своей вере, как рассеять окружающую её беспросветную тьму, – об этом поговорим в другой раз.

А. О.

Библиография

Э. О. Летопись светской печати по вопросам миссии и расколо-сектантства. Новый литературный тип интеллигента-безпоповца; его упреки по адресу православной интеллигенции. Есть-ли интерес и потребности в вере у этой? Примеры //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 730–735

Новый почетный академик, П.Д. Боборыкин, известный, как внимательный наблюдатель текущей жизни со всеми её веяниями и течениями и отражитель её в своих романах, в последнее время начинает в своих беллетристических произведениях не мало уделять места вопросам веры и церкви. Это ясный знак, что вопросами этими интересуется наше общество, а излагаемые им рассуждения суть лишь воспроизведения действительности. В напечатанной им повести «Однокурсники» («Вест. Евр.», Янв.–Февр.) выведен один интеллигентный раскольник-старообрядец, «столовер», как любит его называть автор. «Столовер» этот очень характерный тип старообрядчествующего интеллигента, какой народился у нас в последнее время. Познакомиться с этим типом читателям нашим не безынтересно.

Авив Щелоков, так именовался наш старовер-интеллигент, по родителям своим принадлежал к федосеевцам, и отец звал мать его до самой её смерти «посестрием», потому что брака, как таинства, не принимал. Еще гимназистом Авив стал сам себе «сочинять веру», а студентом любил говорить на тему «свободы совести». На бесцеремонные вопросы товарищей, какой он веры, он отвечал им: «я хлыст» или: «я перекувылданец» и объяснял недоумевающим, что такое согласие водилось еще не так давно, в Заволожье, повыше Нижнего. Как старовер, Авив был убежденный, но изувером не был; и его «столоверство» было очень широкое. Будучи по своей вероисповедной части настоящим «начетчиком», он не забывал греческого языка и новый завет читал каждый день в оригинале, а Апокалипсис знал чуть не наизусть. Любил читать

и по-русски, и на двух иностранных языках философские книжки. Посещал театр и рассуждал о декадентстве в литературе. Особенно он любил развивать идею, что главная порча нашей интеллигенции – дипломы и права по службе, чего совсем бы не нужно. Тогда была бы свободная наука, как свободна должна быть и Церковь, отделенная от государственной власти. В силу последнего мнения, он последователей господствующей Церкви называл «государственниками». Сам он «прав» никаких не имел, ибо вышел с третьего курса университета и остался купцом, каким был и отец его, торговавший ситцем.

Занявшись торговым делом, Авив не оставлял занятий над выработкой своего религиозного «credo». Наоборот, он постарался изложить его в особой даже тетрадке для более отчетливой формулировки его для себя. С некоторыми пунктами из этого «credo» автор знакомит нас.

«На женщину, любовь, брак, – словом на всё, что по модному называется «феминизмом», Щелоков смотрел по своему и в этом «пункте» особенно доволен тем, что ему, по его положению «столовера», не признающего возможности в настоящее время брака, как таинства, не обязательно налагать на себя супружеские узы. Для него и законная жена будет только «посестра», подруга, в крайнем случае мать его детей – и только. Никаких особых прав она на его личность, на его душу, на весь его нравственный обиход, не должна иметь. Как Авив Щелоков, как человек с образованием и с мыслящей головой, – он не считал всего этого вредом для общественного уклада; но это дает ему свободу, какой не имеют «церковные» ни в господствующей Церкви, ни в каком другом терпимом исповедании, и за это он благодарит судьбу... Ни за что, ни из-за какой писаной красавицы он не променяет веры и не пойдет в церковники. За веру он отдаст голову на отсечение, и не из фанатизма, а потому, что он выше всего ставил свою религиозную свободу. – Положим, его «согласие» только терпится; но, «пребывая» в нём, он – вольный казак, нет никакого «казенного» начальства над его совестью. Он «сам себе папа», и сам может, когда приспееет время, стать больше,

чем простым начетчиком, а если на то пошло, то и вероучителем. Пустой, суетной «истовости» он в себе не видит. Но не может он и оставаться всё в тех же взглядах, верованиях и упованиях, какие переданы ему от «стариков». Он куда больше ушел и вот уже третий год работает над своим собственным «credo». То, что можно было, по его разумению, согласить в философии и науке с Откровением, он согласил; но и без него над этим работали умы «почище» его. У него – даже скромная задача: показать своим одноверцам новые исходы, открыть пред ними более широкие горизонты, воздержаться от мертвечины, буквоедства или дремучего изуверского мракобесия».

Таков современный тип интеллигентного раскольника-безпоповца. С одной стороны тип этот заслуживает сочувствия, именно: представитель его – Авив Щелоков не только не стесняется исповедовать открыто своё религиозное «credo», – он даже негодует, что наша православная интеллигенция слишком равнодушна к вопросам веры вообще и своей Церкви в особенности. Вот его на этот счет рассуждения:

«Я, – говорил Щелоков своему «однокурснику» студенту, – до сих пор изумляюсь тому равнодушию, с каким вы, интеллигенты, принадлежащие к господствующему исповеданию, трактуете всё, что составляет суть духовной жизни Целого народа... Положим, ты (т. е. однокурсник его) и сотни других, прошедших чрез университетское учение, воображаете себя свободными мыслителями. Но это не резон! ты все-таки член господствующей Церкви. На тебя, прямо или косвенно, падает ответственность... Для вас говорить о вопросах веры, о других исповеданиях, о том, как насилуется совесть сотен тысяч, – праздные, почти неприличные для передового человека вопросы... За всё время, как я вращаюсь среди интеллигенции, я не помню ни одного горячего разговора на эти темы... у самой что ни на есть развитой молодежи. А разве это фасон?... Небось, собери здесь дюжину однокурсников, брось им какую-нибудь фразу, что автор «Капитала» ошибается в том-то и в том-то. И сейчас дым коромыслом поднимется. А тут духовная жажда целого народа –

и хоть бы нуль внимания»... На замечание своего православного однокурсника, что «к религиозным движениям последних годов есть интерес в хорошей читающей публике», Щелоков отвечает: «так... от нечего делать! или из общего свободомыслия; но потребности настоящей, как в том же простом народе – нет! А без Бога – быть нельзя. Я тебе не говорю – без какого. Но без того, что означается словом religio, вселенской, общемировой связи, – жить людям, причисляющим себя к избранному меньшинству, – нельзя»...

Этот Авив Щелоков, убежденный в своем «столоверстве» и им отчасти даже и рисующийся, по нашему мнению, сильно преувеличивает свой приговор на счет отсутствия интереса, потребности настоящей к вопросам религии у нашей интеллигентной молодежи. Что интерес есть, это нам приходилось несколько раз в наших «Летописях» отмечать, да и сам Авив признает его. Но что есть и насущная потребность в вере, это показывает тот же Боборыкин в другой своей повести «Жестокие» («Рус. Мысль», Янв.). Собравшаяся молодежь, по описанию Боборыкина в этой повести, слушает чтение тирады из «церковного римского». В вызванном ею разговоре один из собравшихся высказывает следующие, вполне справедливые, слова: «Разве все не мечутся кругом... в агонии душевной тоске чего-то ищут, мечутся, изнывают под бременем своей безграничной свободы? Да, алчут! Хоть какой-нибудь идол, фетиш, божественный луч или сатанинская чара... Но дайте нам верить»... «Алчут все – это верно» невольно и неожиданно для себя согласилась одна из присутствовавших, совсем не желавшая даже и слушать чтение тирады из «церковного римского». Да, сильная алчба этой веры охватила в последнее время нашу интеллигенцию; если бы её не было, не росло бы так быстро и наше сектантство.

Что же для нас особенно интересно, – это то, что даже и те из интеллигенции, которые почитаются «неверами», в глубине их души, может быть, бессознательно, но носят потребность к вере, содержат религию. Только эта внутренняя сторона их жизни духовной лежит где-то далеко, спит; и требуется толчок, чтобы проявиться ей и загореться сильным пламенем. Та же

светская литература дает нам наглядный и характерный для этого пример. Некто – в молодости порядочный кутила и богохульник – после одного случая радикально изменил и жизнь свою, и воззрения: стал убежденно религиозным и ригористически благочестивым человеком. Он однажды в бурную погоду тонул в Каме. «И вот, рассказывает он, иду я ко дну и думаю: главное, надо дыхание удержать, чтобы не захлебнуться, и чувствую я, что сил моих уже нет... И вижу я, что какой-то святой угодник стоит подле меня и говорит так строго и сурово: «А веришь-ли ты, что Бог везде существует?...» И думаю я, как мне сказать... Сказать верю?... Значит, я солгу; сказать: не верю... так тут мне и капут... И так я не дал ответа. Ну, думаю, будь, что будет, а будет то, что Бог даст... И как только я это подумал, т. е., будь то, что Бог даст, – как вдруг точно кто меня изо всей силы толкнул в левый бок, и я точно проснулся...». И он, действительно, оказался на сухом месте (Вест. Евр., Февр.). Конечно, это бессознательная галлюцинация под влиянием смертного страха; но именно такое содержание она приняла в виду таившейся в душе его сильной потребности в вере живой. И много у нас таких отрицателей, крестящихся невольно при всяком неожиданном стуке на потолке, при темноте в дальнем углу.

Нельзя, конечно, отрицать, что Авив Щелоков будет целостнее со стороны внутреннего его содержания, чем наши верующие и интересующиеся вопросами веры интеллигенты. С этой стороны он вполне заслуживает симпатии. Но и в нём нельзя не отметить недовольства верованиями «стариков» и желания выработать своё «credo» с согласованием в нём философии и науки с Откровением и верую «стариков», т. е. того, что характеризует между прочим и нашу интеллигенцию, ищущую и алчущую веры. У нашей только интеллигенции перевес берет не Откровение, а рассудок при согласовании науки с Откровениями. Любопытный пример тому представляет Суворин, издатель «Нового Вр.», в одном его маленьком письме... «Я плохой христианин, пишет он, а, может быть, даже и совсем не христианин. Я думаю, что лучше всего это известно Богу, в которого я верую. Я должен вам сказать, что

бесконечность вселенной я себе представить не могу. Я думаю, что где-то есть конец, далеко-далеко, за звездами, и там Бог, не сила, не математический закон, а Бог, всемогущее существо. Если я, смертный, могу теперь говорить через телефон с Парижем; если электричество дает мне возможность сноситься с отдаленными людьми, то Богу легко читать в моём сердце, легко видеть меня и вас и знать наши дела и помышления. Это чересчур просто, не богословски, не философски, быть может, иначе я себе не могу представить Бога.

Думаешь о смерти, думаешь и о душе.

Когда моя душа дойдет до Бога? Пойдет-ли она со скоростью света, она будет идти миллионы лет, она увидит чудеса всего мира, она приблизится к планетам, к кометам, к звездам, она пролетит мимо громадных огненных светил, она пролетит мимо планет, населенных странными, но прекрасными существами, ибо всё Божье создание прекрасно, и душа, освобожденная от тела, получит способность понимать и Бога, и его творение лучше чем тогда, когда она в теле» (№ 8980).

К такому антропоморфизму в представлении о Боге и душе привело г. Суворина желание не отстать от науки, мыслить согласно требованиям её представителей, чтоб не почитаться от других «буквоедом» в писании. Раскольники-интеллигенты пока не дошли до таких Суворинских тонкостей. Жаль только, что не они только, но и рядовая их братия, сельчане-раскольники, начинают входить в сношения с нашими сектантами; так, в конце прошлого года сообщалось в газетах, что раскольники некоторых местностей (теперь не помню – каких) сильно интересуются Л. Толстым и его учением, что некоторые даже предпринимали паломничество к нему в Ясную Поляну и любезно беседовали с ним по некоторым вопросам веры (Неделя, № 43). Такие беседы очень легко могут довести наших. обрядоверов до отрицания не только обрядов, но даже и догматов.

С таковыми типами православных и раскольников интеллигентов познакомила нас текущая светская литература. Нельзя скрыть, чтобы симпатии читателей были на стороне первых...

Э. О.

**Булгаков Н. Протоколы Миссионерских Комитетов
Екатеринославской епархии о собеседованиях с
местными сектантами. Издание Екатеринославского
Епархиального Миссионерского Комитета.
Екатеринослав. Выпуск 1-й 1900 г. Выпуск 2-й 1899 г.
// Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 735–738**

Противосектантская миссия в Екатеринославской епархии имеет прочную и определенную организацию, благодаря неустанным заботам о ней местного архипастыря, преосвященнейшего епископа Симеона. Восьмой параграф «Правил об устройстве миссий и о способе действий миссионеров»..., изданных Св. Синодом от 25-го мая 1888 г. за № 1116, в Екатеринославской епархии не является мертвой буквой; нет, он здесь имеет строгое жизненное приложение сообразно местным потребностям. При особой напряженности рационалистического и мистического сектантства в Екатеринославской епархии её приходским пастырям особенно приходится памятовать слова апостола о всеоружии Божиим, которым можно отразить все козни диавола (Еф.6:11–17). Для большей успешности церковно-приходской миссии из священников приходов, зараженных сектантством, или же находящихся в соседстве с такими приходами, образованы миссионерские кружки (комитеты), заключающие в себе не менее трех членов; кроме лиц, облеченных в священный сан, в состав миссионерских кружков входят и светские люди, имеющие достаточные богословские познания для борьбы с заблуждающимися (напр., учителя церковно-приходских школ). Таким образом, миссионерские комитеты Екатеринославской епархии представляют из себя небольшие духовно-воинствующие отряды, ведущие систематически дело «духовной брани» в районах, населенных сектантами. Ближайшим руководителем и непосредственным вождем «миссионерствующей братии» является А. Я. Дородницын, стяжавший себе почетную известность в истории нашей

внутренней миссии, как миссионер – писатель и практик. Миссионерские комитеты проводят не менее одной публичной беседы в месяц с иномыслящими своего района; на этих беседах присутствуют все члены комитета. Отчеты об этих беседах или протоколы они представляют в Епархиальный миссионерский комитет, организованный при духовной семинарии г. Екатеринослава; последний комитет объединяет собою действия комитетов, устроенных в епархии; живою душою комитета является всё тот же епархиальный миссионер.

Такова в общих чертах постановка миссии в Екатеринославской епархии, где приходские пастыри не фиктивно, а самым делом принимают участие в многотрудной работе по вразумлению отступников от православной Церкви. Естественно поэтому, какой интерес должны представлять протоколы, описывающие их собеседования с местными сектантами, и нельзя не выразить глубокого удовольствия по поводу появления их в печати. Благодаря опять-таки высокому покровительству, оказываемому епархиальной миссии со стороны преосвященнейшего Симеона, была образована специальная редакционная комиссия из членов Епархиального миссионерского комитета, во главе которой стоит г. Дородницын, для приготовления к печати протоколов о собеседованиях с сектантами, а затем особой резолюцией Его Преосвященства ассигнована потребная денежная сумма на издание этих протоколов. Редакционной комиссией издано в свет пока два выпуска, в которых рассмотрены (в 32-х протоколах) более или менее подробно следующие истины, пререкаемые нашими сектантами и раскольниками: об источниках православно-христианского вероучения (три протокола), о пребывании и действии Св. Духа в Церкви Христовой (два протокола), об оправдании и освящении человека, о первородном грехе, о крещении младенцев (два протокола), о таинстве священства и перстосложений для крестного знамения (против раскольников), о богоучрежденности церковной иерархии, о таинстве причащения (два протокола), о таинстве покаяния (два протокола), о недозволительности и вреде сектантских религиозных собраний,

о состоянии душ после смерти, о почитании св. креста (два протокола), о почитании властей, о неядении мяса и непитии вина (против шалопутов), о таинстве брака (против них же), о почитании и молитвенном призывании святых, о молитвах за умерших (два протокола), об иконопочитании (два протокола), о Церкви Христовой и её свойствах (три протокола), о таинствах (против хлыстов). Издание в свет этих протоколов несомненно еще более оживит и благотворным образом воздействует на тружеников-миссионеров Екатеринославской епархии. В предисловии к изданию совершенно справедливо замечается, что «с этого времени деятельность миссионерских комитетов получает печатную гласность и, как таковая, может сделаться предметом суждений печати и общества; а потому нужно быть осторожным, чтобы не подвергнуться справедливым нареканиям».

Не с целью нарекания, а в видах благожелательных, мы со своей стороны позволим сделать следующие замечания. Судя по изданным протоколам, некоторые миссионерские комитеты дают не совсем удачную, на наш взгляд, постановку своим собеседованиям с иномыслящими. После изложения православного учения об известной догматической истине, пререкаемой сектантами, очередной о. собеседник или же председатель комитета предлагает присутствующим сектантам сделать возражения по поводу прочитанного (Вып. 1, стр. 20, 72, 94. – Вып. 2, стр. 37, 51, 90, 134). При таком порядке вещей сектант оказывается в весьма благоприятном для него положении *нападающего*, а православный пастырь в роли защищающегося; между тем такая постановка совсем не соответствует достоинству законного учителя Церкви Христовой, который словом Божиим призван не только с кротостью наставлять противников, но и обличать их строго (2Тим.2:25, Тит.1:13). Слово пастыря Церкви должно быть со властью (Мф.7:28), а потому он и не может ронять своего достоинства, дозволяя невежде-сектанту публично, так сказать, экзаменовывать себя и порицать православную веру, проповедником которой он является. Предоставляя затем сектанту с самого начала беседы ставить вопросы,

православный собеседник находится постоянно в опасности уклониться в сторону от главного предмета речи. Высокопоучительный образец публичной беседы мы имеем в речах Господа, обращенных к Иову: *кто сей, омрачающий*, – говорит Господь в начале своей первой речи, – *Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мне (Иов.38:2–3)*. Эти величественные слова Вседержителя должны всегда служить миссионеру путеводною звездой в его беседах с сектантами: последние должны отвечать и защищать своё упование, а миссионер должен требовать у неправомыслящих отчеты и объяснения в их заблуждениях. Еще менее удачно предлагать сектантам излагать на публичной беседе свои взгляды на ту или другую православную истину, не признаваемую ими (Вып. 2, стр. 51). Получив на это право, ловкий начетчик-штундист своею одностороннею начитанностью может всегда произвести соблазнительное впечатление на слушающих простецов из православных. Говорим это, как очевидцы. Пастырь Церкви, приступающий к публичной беседе с иномыслящими, обязан хорошо знать их заблуждения о том предмете, о котором думает в данную минуту вести с ними речь; сведения же о сектантском вероучении удобнее всего почерпать при частных келейных беседах с заблуждающимися. Публичная беседа в этом отношении мало пригодна.

С внешней стороны протоколы изданы вообще хорошо. Составителям протоколов следует только заботиться о более тщательной цитации библейских текстов; особенно много ошибок против этой цитации мы встретили, напр., в протоколах № 3, № 4, № 11 первого выпуска. Если это опечатки, то их следовало бы отметить в надлежащем месте.

Н. Булгаков

С-в П. Страстная и Великая седмица. Евангельская история и богослужения каждого её дня. Сочинение протоиерея А.И. Никольского. Издание четвертое. Киев. 1900 г. Цена 50 коп. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 5. С. 738–739

Книга с таким заглавием открыто не преследует никаких миссионерских целей – ни опровержения сектантских заблуждений, ни ограждения от них православных читателей; тем не менее в деле борьбы с сектантством такая книга может оказаться гораздо полезнее многих изданий специально-противосектантского характера. Такое значение её для интересов дела внутренней миссии обусловливается не только предметом её, но и её выдающимися достоинствами.

Содержание книги о. прот. Никольского указывается в самом заглавии её. В начале книги автор кратко уясняет высокое религиозно и нравственно-воспитательное значение страстной и великой седмицы в годичном круге церковных богослужений; и затем автор обращается к раскрытию религиозно-воспитательного значения каждого дня сей седмицы, – с каковою целью он предварительно излагает историю евангельских событий, усвояемых Церковью каждому дню страстной седмицы для прославления, и, наряду с этой историей, изъясняет порядок и особенности церковного богослужения каждого дня. Евангельскую историю каждого дня страстной седмицы автор передает полно и в хронологическом порядке событий евангельских; а в передаче истории о. Никольский держится прямого и непосредственного смысла евангельского повествования, для чего нередко излагает историю словами Евангелия-же. Полно автор воспроизводит и содержание каждодневных богослужений страстной седмицы: из богатой сокровищницы церковно-богослужебных последований этой седмицы он износит самое существенное, что способно привлечь внимание верующей души к богослужебной книге, которая (нельзя не сознаться в этом!) для большинства православных мирян до сих пор является малопонятной и

малоизвестной. О. протоиерей Никольский поставил задачей своей книге дать назидательное чтение читателям, без различия их в возрасте и умственном развитии, и достигает этой цели успешно: он пишет весьма ясно и просто: книга его может быть легко понята от начала до конца самым простым читателем; излагает автор содержание своего труда очень живо и интересно, и потому книга его нисколько не утомляет внимания читателя.

В виду указанных достоинств издания мы не можем не рекомендовать сочинения о. протоиерея А.И. Никольского вниманию православных пастырей, особенно же тех, кому настоит нужда позаботиться об ограждении своих приходов от заражения сектантскими лжеучениями. Давая «Страстную и Великую седмицу» – о. Никольского прихожанам, пастырь Церкви может быть вполне уверен, что эта книга охотно будет прочтена ими, достаточно понята и даст им совершенно правильное представление о том высоком предмете, о котором трактуется в книге. К этому нужно присоединить еще и то, что серьезный тон искреннего одушевления и благочестия, коим проникнуто изложение рассматриваемой книги – «Страстной и Великой седмицы», невольно возбуждает и в читателе чувства уважения и благоговения к тому предмету, о коем говорится в книге о. протоиерея Никольского. Понятно отсюда, какое значение может иметь сочинение о. Никольского в деле ограждения православной паствы от заражения сектантскими заблуждениями, которые, как известно, особенно успешно распространяются именно на почве религиозного невежества и равнодушно холодного отношения к предметам веры. Вообще же со стороны содержания и со стороны изложения рассматриваемая книга о. протоиерея Никольского заслуживает полного внимания всех любителей духовного и душеполезного чтения.

Настоящее 4-е издание сочинения прот. А.И. Никольского «Страстная и Великая седмица» составляет перепечатку 3-го издания этой книги (Киев, 1898 г.), которое, согласно определениям: 1) Училищного Совета при Святейшем Синоде (от 26 января – 1-го февраля 1899-го года), и 2) Особого отдела

Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения (уведомление от 17 июня 1899 г. № 14494) дозволено к обращению в библиотеках церковно-приходских школ, в учительских библиотеках всех низших училищ Министерства Народного Просвещения и в бесплатных народных читальнях и библиотеках. Названные учреждения при выписке книги от издателя А.И. Никольского (Киев, Левашевская ул., № 12) пользуются уступкой в 40% с объявленной цены её, т. е. могут покупать книгу вместо 50 коп. за 30 коп.

П. С-в.

**Виноградов А., Георгиевский В. Святой
благодарный великий князь Андрей Боголюбский
СПБ. 1900 г. ц. 40 к. // Миссионерское обозрение 1901
г. № 5. С. 739**

Благодарный великий князь Андрей Боголюбский – это один из тех святых русской Церкви, относительно которых возникают в полемике с сектантами и даже иногда в сознании и верующих людей сомнения и недоумения, как дескать попал во святые этот князь, с именем которого история связывает многие кровавые и мрачные свои страницы.

Книжка г. Георгиевского, заглавие которой выписано нами, как тщательный и добросовестный труд археолога-любителя, может дать солидное выяснение и успокоение подобных недоумений колеблющейся веры. Вот почему на страницах миссионерского органа отмечаем мы второе издание этой книжки. Из-под пера автора встает пред читателем величественный образ святого Андрея Боголюбского – «первого собирателя Руси, первого могущественного князя её, провозгласившего идею сильной и мудрой власти краеугольным камнем, при созидании и укреплении Руси, и первого мученика этой идеи, запечатлевшего её своею кровью (95 стр.). В жизни своей, как человек и как сын своего века, св. Андрей, конечно, не был чужд и некоторых недостатков, но при всём том жизнь этого князя-мученика представляет нам жизнь великой и сильной души, движимой добрыми, высокими мотивами. Характерно выразился о князе Андрее летописец: «Бог дал ему так пожить, говорит он, чтобы он мог не только жизнью свою душу спасти, но и кровью своею мученическою омыть свои прегрешения» (36 стр.). За такую-то жизнь он и в сонме святых, за то и Господь прославляет нетлением его тело.

Книжка г. Георгиевского издана хорошо, снабжена рисунками и – при ясности и задушевности речи автора – представляет интересное и занимательное чтение. Ученым комитетом Министерства Народного Просвещения она допущена в ученические, старшего возраста, библиотеки

средних учебных заведений. Цена очень доступная. Желаем успеха и этому второму изданию.

Свящ. Аркадий Виноградов

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 5. С. 740–746**

Приказ старшего Флагмана Черноморской флотской дивизии по поводу распространения в войсках штунды

В командах некоторых экипажей стали появляться нижние чины, зараженные лжеучениями так называемых штундистов.

Из показаний этих зараженных оказывается, между прочим: 1) что св. иконы и св. таинства они отвергают; 2) в церковь Божию не ходят, признавая в ней простой дом; 3) отказываются знаменать себя крестным знамением, так как-де о том не сказано в Евангелии; 4) от присяги же, данной ими на верную, самоотверженную службу Государю, они-де освобождены Самим Иисусом Христом!!!...

Вот какие кощунственные, какие пагубные для души мысли внушены простым, добрым доселе людям этими преступными лжеучителями! И мало ли еще погибельных лжеучений они внушают слушателям, которые идут к ним, не послушав объяснений в своём непонимании от Богом указанного им отца духовного – священника, не заглянув к нему, не спросив объяснений его!!!...

Более тысячи лет стоит наша Русская земля и под кровом святой Церкви православной выросла в обширное и могучее государство; сколько племен и народов вошло в его состав и нашло в нём их благополучие, так как ни в одной стране мира Божия инородцы не пользуются такими правами и льготами, как именно у нас, в России, ибо нашему Самодержавному Государю-Отцу все жители данного Ему Богом царства – одинаково дорогие ему дети, и о каждом из них печалуетса Его любящее сердце. Зато и все мы, православные чада Его, горячо любим Его и с радостью отдаем Ему нашу жизнь до последней капли крови, по первому же Его слову, почитая в Нём Помазанника Божия, верного сына Церкви православной, единой хранительницы на земле благодатных средств для спасения душ человеческих.

В такой-то сердечной любви Царя с народом, непрестанными с незапамятных времен молитвами всей св.

Церкви и святых угодников Божиих, стала и окрепла наша Русь православная, на удивление и зависть всем остальным странам, в которых нет такого единения Царя с народом, нет и любви в народах ко св. Церкви, какая живет на Руси и спасает верных сынов своих.

А где завелась зависть, там является и зложелательство. Зачем Россия такая могучая, так верна своей Церкви, так любит своего Царя, так беспредельно послушна Ему? Надо ослабить её единство, а для этого лучший путь – ввести смуту в умы, смутить и верующую совесть православных И вот – явились эти смутьяны. С видом благочестивых, с Евангелием в руках, они повели свою темную работу для отрывания людей от Церкви, толкуя им Евангелие на свой лад и научая их, этих несчастных, самым разуметь читаемое в нём, как Бог на душу положит. Но мы, православные, знаем и веруем, что полное, спасительное разумение Евангельских истин вверено Господом Богом только Церкви Его, Им основанной, и что самочинное толкование их влечет людей лишь к заблуждениям и к пагубе; ведь и скопческая ересь вычитала для себя закон уродования своего тела из того же Евангелия. По этому-то всякий верующий православный, читая священное Писание и впавший в недоумение от прочитанного, должен искать пояснения непонятого им у своего отца духовного, благодатного священнослужителя Церкви Божией, а не у первого встречного и, спаси Бог, не у навязывающего ему своё разумение и толкование тайком, на тайных собраниях и беседах. Правда Божия света не боится; тайные собрания вообще, а по делам веры и религии в особенности – собрания нечестивые, какой бы благочестивый вид не принимал на себя тамошний лжеучитель: ведь и сатана может принять на себя вид светлого Ангела. Поэтому-то и сказано – «блажен муж, иже не идет на совет нечестивых».

Бойтесь тайных, самозванных учителей, этих волков в овечьей шкуре, проповедующих *под видом добра* – только смуту в умах и в совести, особенно любезную всяким чужим завистникам силе и могуществу нашего отечества. Не только не ходите сами на тайные сборища, не только удерживайте

ближних от посещения их, но и указывайте властям на места таких сборищ и на самих устроителей, как на зловреднейших смутьянов.

Будем служить Государю нашему честно и нелицемерно, как служили отцы, деды и прадеды наши, оставаясь всегда и неизменно добрыми воинами православными, любящими сынами Церкви Божией, и только в ней искать спасительного разумения и научения.

Приказ этот раздать, по экземпляру на человека, всем нижним чинам христианских исповеданий Черноморской флотской дивизии.

Февраля 24 дня 1901.

Вице-адмирал Гильтебрандт

Старообрядческое дело

13-го апреля особым присутствием Киевской судебной палаты слушалось дело старообрядца Василия Мельникова, обвинявшегося по 181 ст. ул. о нак. Дело это уже разбиралось в стародубском окружном суде. Обстоятельства дела таковы:

30-го марта 1897 года, при обыске в квартире Мельникова, найдены были четыре экземпляра газеты «Слово Правды», издаваемой в Румынии, в гор. Браиле, старообрядческим братством. Газета эта посвящена защите старообрядчества, и во главе её стоит брат обвиняемого, Федор Мельников. Задержанные издания переданы были на рассмотрение духовной власти, которая признала, что в статьях этой газеты содержится порицание православной веры, например, в статьях по поводу обретения нетленных мощей святителя черниговского Феодосия. При производстве дознания задержаны были письма на имя Василия Мельникова, в которых старообрядцы различных местностей Пермской и Вятской губерний просили им выслать «Слово Правды», прилагая при письмах подписную плату. При переписке некоторые из старообрядцев употребляли особые знаки, которые, однако, были дешифрованы, благодаря ключу, неизвестно кем доставленному прокуратуре при анонимном письме. Как выяснилось затем, на «Слово Правды» существовала тайная подписка, причем объявления о ней рассылались в закрытых конвертах в разные местности России. На основании вердикта присяжных заседателей, Мельников был приговорен к ссылке в менее отдаленные места Сибири.

На приговор этот Мельников подал в Сенат кассационную жалобу, в которой доказывал, что к деянию его не применима 181 ст. Ул. о наказ. В статьях «Слова Правды», по мнению кассатора, нет поношения православия (?), а есть только критика церковных порядков и установлений, вполне допускаемая и в цензурной печати (?). Кассатор доказывает это сравнением инкриминируемых статей с сочинениями известного русского канониста проф. Суворова и со статьями, которые

были помещены в «Русском Труде». Кроме того, для применения ст. 181 Ул. о наказ. необходимо, по мнению кассатора, намерение произвести соблазн и колебание веры. Такое намерение может существовать только в том случае, когда порицание православия производится в присутствии православных и имеет в виду поколебать уважение православных к Церкви. А так как «Слово Правды» распространялось среди старообрядцев, то в деянии Мельникова нет признака ст. 181 Ул. о наказ., и его можно привлекать только по 1022 ст. Ул. о наказ., т. е. за ввоз в Россию книг без рассмотрения цензуры. Во всяком же случае, по мнению кассатора, дело это, по точному смыслу ст. 1213³ уст. уголовн. судопр., подлежит рассмотрению судебной палаты, а не окружного суда с участием присяжных заседателей.

Жалоба Мельникова слушалась в уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената, который определил: вердикт присяжных заседателей и определение киевской судебной палаты о предании Мельникова суду, за нарушением ст. 1213³ Уст. угол. судопр., отменить.

Таким образом дело перешло в киевскую судебную палату и слушалось 13-го апреля в заседании особого присутствия палаты с участием сословных представителей, при закрытых дверях.

Резолюцией палаты Мельников, как сообщают киевские газеты, приговорен к заключению в исправительном арестантском отделении сроком на три года и три месяца. Вместе с тем объявлено постановление палаты о взятии Мельникова под стражу в предупреждение возможности уклонения от исполнения наказания, причем меру эту разрешено заменить внесением залога в сумме 5,000 руб.

Фонограф на службе у раскольников

Было время, когда старообрядцы, по великому своему фанатизму, все изобретения науки считали произведением вражьи́м.

Самовар для них был змием шипящим, железную дорогу принимали за апокалипсического зверя.

Ныне же мы видим другое.

Ныне раскольничьи вожди додумались до того, что стали применять научные изобретения для целей пропаганды, целей самозащиты своей смущающейся совести и для увековечения памяти своих знаменитых апологетов раскола. В конце февраля был в Стародубье пресловутый защитник раскола, Швецовский секретарь и ученик, И. Усов.³⁰¹ Цель его поездок по слободам, как он выражается, миссионерская: «Я-де, говорит, уже 9 месяцев нахожусь в поезде и неоднократно вступал в собеседования с гг. миссионерами». Конечно, насколько верно то, что Усов вступал в собеседования с оо. миссионерами, это Бог весть; но что он посланный агент от Швецова, для зондирования почвы в Стародубье, по вопросу о еретичестве Швецова и для примирения с стариком – умирающим Сильвестром, это факт. Попутно, конечно, дана ему инструкция утверждения колеблющихся умов. И с чем же, вы думаете, разъезжает г. Усов?... Разъезжает он с «фонографом»!... И не подумайте, что его он попутно купил в своей поездке, нет! Посредством фонографа Эдисона раскольничий апологет демонстрирует пред слушателями составленную беседу г. Бриллиантова якобы с православным о. миссионером, речь Феодора Мельникова пред окружным судом и много другого, служащего для поднятия духа старообрядчества, вроде увещания самого Швецова.

Интересно видеть этого феномена расхаживающим в длиннополом, «по пятам бьющем», кафтане с фонографом под рукой, по домам раскольничьих лжепопов и уставщиков!

Таким образом «бесовское изобретение» Эдисона послужило в руках раскольничьих руководителей оружием для

укрепления их пропагандических лжеучений и бранной хулы или наглой клеветы на Церковь. Ну, что бы сказали старики-раскольники, видевшие в самоваре «шипучего змия», услышав машину, говорящую человеческим голосом? Воистину последнее время, воскликнул бы он!...

Ключ к раскольничьему шифру

Многим из тружеников по делу миссии наверно приходилось слышать разговоры, которые ведут иногда между собою раскольники на каком-то особом, непонятном и странном наречии, на котором ведут и переписку все почти раскольничьи деятели.

Я знаю, что большинство из нашей семьи читателей «Миссионерского Обозрения» знает ключ к этому раскольничьему шифру, но все-таки хочу им поделиться, быть может. кто из читателей и не знаком с ним.

У меня под руками письмо одного из раскольников, в котором он пишет так:

«Ущецорсяю шал, гко шсацыто шилсап иф ролтшы». Сейчас же видно, что в сих шифрованных словах гласные все на месте, как и полугласные, что на самом деле и так. Составитель этого раскольничьего ключа остановился только лишь на одних согласных, из коих выбросил (Ө и V) фиту и ижицу, остальные же двадцать расположил так чтобы одна могла заменять другую, т. е. таким образом:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н

щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п

Теперь так, гласные и полугласные (которые иногда и отсутствуют) должны занимать соответствующие им места, а согласные переменяются, напр., если Вам нужна буква В, Вы заменяете её соответствующей в нижнем ряду Ш, Т заменяете К и т. д., т. е. нижняя заменяет верхнюю и наоборот.

Прост и незамысловат сей шифр, но раскольники все пользуются им издавна.

Мне приходилось говорить с некоторыми из них и они приписывают изобретение его иконописцам.

Ив. Чередников

Христианская мысль в Англии и Америке

Всем хорошо известно, что развитие сектантства нигде не идет так быстро, как в англо-саксонских странах. Главной причиной сектантства является, разумеется, индивидуализм этой расы, ставящей выше всего в мире личную свободу. Церковь, единая и целостная, возможна только там, где церковный общественный принцип поставлен выше принципа личного, где отдельная личность приносит свои интересы в жертву интересам целого. Этого-то именно и нет в англо-саксонской расе. Личность там выше всего. Церковь рушится и секты размножаются, как грибы после дождя.

Это ненормальное положение озабочивает тех из англичан, которые еще не утратили способности понимать важность церковного принципа. В Лондоне в 1881 году создано общество «объединения христиан всех наименований». Членами этого общества числятся епископы лондонский, оксфордский и калькутский и много выдающихся церковных деятелей Англии, между которыми находим автора «Жизни Христа», диакона Фаррара. В выпущенном недавно сборнике этого общества епископ оксфордский говорит о будущем христианства в англо-саксонских странах.

«Во всём, решительно во всём я вижу приближение великого дня. Когда наступит этот день, никто сказать не может, но настанет время, когда все говорящие по-английски христиане объединятся в одном исповедании веры; догматические особенности, разделяющие нас теперь, перестанут быть преградой для взаимного общения. Люди сознают, что они дети одного Отца – Бога и что они – братья во Христе. Не догматические подразделения, а чувства сыновнего благоговения и братской любви объединят нас в одном символе веры».

Тенденция, проведенная здесь, ясна. Англо-саксонская раса утомилась религиозным индивидуализмом и культом эмансипированной мысли. Чувствуется потребность в национальном культе, в Церкви в истинном значении этого

слова. Той-же тенденцией проникнута наделавшая шума проповедь известного в Лондоне церковного оратора, dr. И. Д. Макклюра. Dr. Макклюр сказал, между прочим, что XIX столетие не было веком веры. Век веры еще впереди, может быть, таким веком будет начинающееся XX столетие; возрождение религиозности будет эпохой возрождения христианства. Пунктом всеобщего объединения явится «великая центральная истина смерти Иисуса Христа за всех людей». Нужно, чтобы все люди утвердились в вере в тайну искупления, тогда все религиозные несогласия и споры утратят важность. Человечество объединится в величайшем из верований, в вере спасения людей Богом чрез Христа.

Всё это симптомы возрождения церковной мысли. Индивидуализм отживает свой век в религии.

Самоизувечение

Старобельск, Харьковской губ. В Старобельскую земскую больницу явился из Беловодска крестьянин Иван Плотников, лет 29, с отрубленной кистью левой руки.

Плотников, вычитав в священных книгах, что если глаз соблазняет человека, то его надо вынуть, а если рука, то её надо отторгнуть, понял это буквально, и четырьмя ударами топора отсек себе левую руку.

– А вона, бисова, нехай так не робе, – отвечал он спрашивавшим его о причине.

Выдержав спокойно перевязку в приемном покое, Плотников прошел пешком 15 верст до больницы уездного города, куда он был отослан с сотским по распоряжению станового пристава.

Миссионерские новости

– Оренбургский епархиальный миссионер М.И. Головкин, более 10 лет потрудившийся для духовного просвещения Оренбургского края и стяжавший себе почтенную известность, переходит на службу епарх. миссионером в Симбирскую епархию.

– Киевский епархиальный миссионер С.М. Потехин принимает священный сан с определением к одной из градских церквей.

Июнь

«Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» [Ин.20:21](#).

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева» [Мф.10:6](#).

«Скорбь ми есть велия по братии моей» [Рим.9:1–3](#).

**Кутепов Н. Общие замечания о собеседованиях
православного миссионера с хлыстами //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 747–759

Секта хлыстов, как принадлежащая к разряду тайных, мистических сект, старается скрывать правила своего учения от лиц, не содержащих её ереси. До известного времени, в первые годы своего пребывания в секте, хлысты стараются в глазах православных и особенно духовенства казаться усердными исполнителями обрядов и уставов православной Церкви. Если приходский православный священник или миссионер попросит хлыста объяснить ему или слушателям, как он понимает о втором Лице Св. Троицы, Сыне Божиим, Христе Спасителе, то хлыст обычно отвечает: я понимаю о Христе так же, как и вы, то есть, как учит православная Церковь, как учит слово Божие. Если дальше миссионер обращается к текстам св. Писания, свидетельствующим о Божественном достоинстве Христа Спасителя, о Его равенстве с Богом Отцом по Божеским свойствам, о Его предвечном рождении по Божеству от Бога Отца, о Его воплощении во времени, о Его рождении по плоти от Пресвятой Девы Марии по наитию Св. Духа, – то обычно и на все эти тексты св. Писания и устные разъяснения на них хлыст отвечает: да, да, и я так верую и понимаю. Ответы и заявления сектантом делаются так твердо и решительно, что неопытный собеседник может успокоиться, поверить словам хлыста и подумать, что простой, малограмотный православный люд мог по недоразумению, напрасно заклеить его собеседника кличкой сектанта, на самом же деле его собеседник православный по своим верованиям. Заявления относительно религиозно-нравственной благонадежности и православного образа мыслей и верований известного, как впоследствии иногда выясняется, уже давно пребывающего в секте и фанатичного хлыста иногда приходится выслушивать даже от самого православного духовенства, которое свои заявления подтверждает разными рассказами из своих встреч с лицами, заподозриваемыми в хлыстовстве, рассказами о их

внимательном и почтительном отношении к священнику, об отзывчивости на предложения и просьбы духовенства, об усердном посещении храмового богослужения и проч. Таким образом первое затруднение, с которым встречается миссионер в беседах с хлыстами, это необычайная скрытность их относительно своих сектантских верований. Эта скрытность составляет почти обычную всем хлыстам характеристическую черту их религиозно-нравственного воззрения.

Но бывают, хотя сравнительно и редко, и такие случаи в хлыстовщине, что, с одной стороны, сектантское самомнение, сознание своего, хотя и мнимого, духовно-нравственного совершенства и превосходства пред членами православной Церкви, с другой стороны, внешнее давление на сектантов со стороны православных, выражающееся в настойчивом и постоянном высказывании подозрений, иногда доходящих до открытой вражды и побоев, вынуждают хлыстов открыто высказывать свою холодность, равнодушие и даже враждебность к православию и принадлежности к секте. Но и на этой ступени своего развития хлыстовство продолжает быть очень скрытным, когда вопрос касается выяснения правил его учения. Миссионер решает, во что бы то ни стало вызвать хлыста на собеседование, предлагает ему известные вопросы, настаивает на ответе на эти вопросы, много раз повторяет их, отстраняет, как не относящиеся к делу, уклончивые ответы, силою логики вынуждает прямо и ясно ответить на поставленный вопрос: да или нет. Хлыст, скрывающий своё отпадение от православия, отвечает: я православный; я не знаю, что вам отвечать; вы мне не верите, не верите моим словам; я должен молчать и только слушать вас. Хлыст же, уже не скрывающий своего отпадения от православной Церкви и не принимающий её таинств, на вопросы миссионера, поставленные, так сказать, ребром и силою логики вынужденный к известному определенному ответу, в таких случаях говорит: тайну нельзя поведать врагам; вы сами поете в церкви: «тайно образующе»; в Писании сказано: не пометайте бисера пред свиньями. Вы желаете без труда узнать, это было бы очень легко. По переводу на простой и удобопонятный язык

это означает: поступите в нашу секту и тогда узнаете наше учение.

Второе затруднение, с которым миссионер встречается при собеседовании с хлыстами, заключается в отсутствии для православной миссии твердых и непререкаемых оснований, которыми православный миссионер мог бы пользоваться для обличения неправоты хлыстовского учения. Хлысты при своих радениях хотя иногда и читают св. Писание, но отвергают исторический смысл библейских и евангельских повествований, объясняя всю историческую часть Библии в смысле притчи, иносказания, аллегории. Праматерь Ева, например, по хлыстовскому толкованию, плоть; искушитель, змий – плотское вожделение; манна – слово Божие, изрекаемое хлыстовскими лжехристами и пророками; рождество Христово – обнаружение в хлысте дара пророчества; чудо хождения по водам означает жизнь с умением избегать её соблазнов и проч.

И за нравственным учением евангельским хлысты признают такое же или даже еще меньшее значение, чем какое православная Церковь признает за Моисеевым, или ветхозаветным законом. Учение каждого современного Христа выше Евангелия. Христос евангельский дал закон для своего времени. А для настоящего времени дают свой закон современные христы и пророки по внушению и озарению от Св. Духа. Поэтому хлысты Библию, ветхий и новый завет, не считают за неизменное Божественное Откровение, данное от Бога людям один раз навсегда для указания пути ко спасению.

Уставы православной Церкви суть сени и прообразы, которые имеют значение только для несовершенных, непостигших самой истины, а когда человек узнает самую истину, – учение настоящего, современного Христа, то для него уставы православной Церкви уже не нужны для спасения. Откровения и проповеди настоящего, живого Христа настолько выше и совершеннее евангельского учения, насколько живые божественные слова выше мертвых строк Писания. В одной хлыстовской песне поется:

Кто знает грамоту
И кто эту книгу библию прочтет,

Тот с ума сойдет.

Господь Саваоф ничего не читает,

Ангелы небесные ничего не читают,

Все святые, праведные пророки и апостолы
ничего не читали и не читают.

Если же хлысты отличаются большою скрытностью в объяснении своих религиозных убеждений и с редким искусством лицемерно выдавать себя по верованиям священнику и миссионеру за православных, а вместе и за главными источниками христианского учения – св. Писанием и св. Преданием – не признают боговдохновенности, неизменной и вечной истинности, толкуя как некоторые слова, так и целые отделы, взятые из св. Писания и св. Предания, в смысле своеобразных и совершенно произвольных притч и аллегорий, то вопрос о православно-миссионерском воздействии на хлыстов, их обличении и вразумлении представляется весьма трудным в смысле успешного разрешения его. Хотя и вообще дело внутренней миссии в русской православной Церкви представляется недавним, и в нём мало выяснены даже и некоторые существенные и основные вопросы, но тем не менее, как по обличению раскола мнимых старообрядцев, так и по обличению еретиков рационалистов есть, хотя и далеко небогатая, литература, в которой указываются различные приемы и известные методы, опробованные в смысле своей пригодности и несомненной пользы для православия, но вопрос о православно-миссионерском воздействии на хлыстов представляется совершенно в ином положении.

Дело собеседований с хлыстами до настоящего времени в печати представляется совершенно невыясненным и даже неизвестным. При таком положении вопроса относительно православной миссии среди хлыстов возможно указать только частные, отдельные опыты собеседований с хлыстами, относительно которых еще нельзя сказать чего-либо вполне определенного, положительно, окончательного и решительного в смысле их полной целесообразности, удобоприменимости во всех случаях воздействия на сектантов и всегдашней

пригодности в деле защиты православия и разоблачения душепагубности хлыстовства.

Приехавши в известный приход и собравши от священника или местных ревнителей православия мирян некоторые сведения о местных проявлениях хлыстовства, я, если мой приезд совпадал с воскресным или праздничным днем, в храме, после богослужения, приглашал всех послушать религиозную беседу в известное время и место. Иногда внешнюю помощь для оповещения жителей о беседе оказывала местная полиция. Хлысты почти всегда по первому зову являлись к слушанию беседы, вероятно, предполагая этим скрыть свою принадлежность к секте.

Наперед зная, что хлысты в православную беседу не вступают, я обычно обращался со своею речью к православным слушателям. А так как главным, основным и средоточным пунктом хлыстовского учения служит вопрос о перевоплощении Христа Спасителя, то я обычно всегда с этого вопроса и начинал свою беседу. В этих беседах я, на основании текстов св. Писания, старался раскрывать православное учение о том, 1) что второе Лицо Св. Троицы, Сын Божий, воплотившийся Богочеловек, Христос, есть один Спаситель всех людей (1Тим.2:5–6, 4:10; 1Ин.4:14), один наш верховный Учитель (Мф.23:8), один Основатель христианского благочестия (1Кор.3:11) и одно о Нём благовествование, проповеданное боговдохновенными апостолами, запечатлевшими свою проповедь чудесами, своею мученическою кровию; другого Евангелия нет и не может быть (Гал.1:8–9). Искупление человеческого рода от греха, проклятия и вечной смерти, совершенное Христом Спасителем однажды, простирается на все времена (Евр.9:26–28) и на всех людей (1Тим.2:5–6). Его страдания и смерть совершенно достаточны для удовлетворения правды Божией за грехи человеческого рода (Рим.5:13–19). Второе Лицо Св. Троицы, Сын Божий воплотился один раз, почему Он называется едиnorodным и по предвечному рождению от Бога Отца и временному рождению от Девы Марии (Ин.1:14; Гал.4:4). Во второй раз Он явится на землю со Своим воскресшим и прославленным телом не для

искупления человеческого рода от грехов, а для суда над людьми, требования от них отчета, как они воспользовались благодатными дарами, подаваемыми христианину в таинствах для преуспевания в исполнении Его учения, и как они веровали этому учению. Второе явление Христа во плоти на землю и по самым обстоятельствам, при которых оно будет, совершенно отлично от первого (Мф.24:27; 1Сол.4:15–18). Христос вчера, и ныне, и во веки остается одним и тем же (Евр.13:8). Перевоплощение Христа Спасителя евангельского в других людей, или появление Христа на земле во второй, третий и последующие разы в образе человеческом, подобно первому разу, по свидетельству Христа (Мф.24:4–5, 23–26) и апостолов (1Кор.8:6; 2Кор.5:16; Откр.1:11, 17:2, 8, 21:6, 22:13, 16; Ис.41:4, 48:12), невозможно.

После разбора хлыстовского учения о перевоплощении Христа я переходил к разбору их учения о *Пресвятой Деве Марии*, доказывая, что она была и будет только одна (Мф.1:18, 25; Быт.4:1, 17, 25, 8:7, 14; Пс.71), что рождение Пресвятою Девею Богочеловека есть *великая благочестия тайна* (1Тим.3:16), непонятная даже для самих ангелов (1Пет.1:12). Почему Пресвятая Богородица сама пророчествовала о себе: *отныне будут ублажать меня все роды* (Лк.1:48).

По вопросу хлыстовского учения о *пророках и пророчицах* я доказывал, что они не имеют существенных признаков истинных пророков. Христос Спаситель предсказал, что Дух Святой будет только раскрывать, уяснять Его учение. Он (Дух Св.), сказал Христос Спаситель, *Меня прославит, потому что от Моего учения возьмет и что услышит возвестит* (Ин.15:26, 16:13–14). А между тем учение хлыстовских пророков и пророчиц не только не согласно, но даже и прямо противно учению Христа Спасителя и апостолов. При этом я указывал на некоторые пророчества (известные на месте, где производилась беседа) и заповеди хлыстовских пророков и сопоставлял их с пророчествами и заповедями св. Писания. Пророчества истинных пророков всегда сбывались и это служило главным признаком боговдохновенности пророков (Втор.18:21–22; Иер.28:9). Истинных пророков Бог слушает (3Цар. 18 гл.). А если

некоторые библейские пророчества, впрочем весьма немногие, не исполнялись, как, например, пророчество Илии о бедствиях над домом царя Ахава (3Цар.21:21–29), пророчество Исаии о смерти царя Езекии (Ис.38:1–9), пророчество Ионы о городе Ниневии (Ион.3:4), то на это Богом чрез пророков были указаны и основания. А предсказания хлыстовских пророков вообще не сбываются. При этом указывал на известные в местах производства мною бесед пророчества хлыстовских пророков. У истинных пророков духи пророческие послушны пророкам (1Кор.14:32), пророческое вдохновение не насилует личной воли пророка, как это видно на примере Ионы, думавшего не исполнить воли Божией и бежавшего в Фарсис (Ион.1:1–3). А хлыстовские пророки в большинстве случаев пророчествуют лишь тогда, когда на радениях своих, после различных кружений и вздрагиваний, дойдут до бессознательного состояния, когда они не могут владеть собою. У истинных пророков дар пророчества часто соединялся с даром говорения на разных языках (1Кор. 14 гл.), а у хлыстовских пророков никогда этого не бывает. Апостол Павел пишет, что когда истинные пророки пророчествуют в известном собрании людей, и войдет в это собрание кто-либо из неверных, то он, слыша обличения и видя обнаружение тайн своего сердца (4Цар.5:25–27; Деян.5:1–10), кланяется Богу и верует Ему (1Кор.14:24–25). А когда православным приходилось являться в хлыстовские собрания, то с православными никогда этого не случалось. Примеры для объяснения этого брались из местной жизни известного прихода. Истинные пророки, не носившие звания иерархических степеней, не совершали священнодействий, присвоенных иерархическим лицам; а хлыстовские пророки разрешают грехи на исповеди, совершают хлыстовские браки, словом являются совершителями таинств, чего не дерзали брать на себя даже ангелы (Деян. 10 гл.),

Дальше я делал разбор хлыстовского учения о церковном браке, который они считают препятствием делу спасения человека. По этому вопросу я старался раскрыть мысль о благословении Божиим брачной жизни еще в раю (Быт.1:27–28, 2:18, 21, 23). Что Бог и после того благословлял брачную жизнь,

об этом свидетельствует жизнь праведников Авраама, Моисея, Давида и др., живших в браке, имевших детей и сподоблявшихся особых милостей от Бога. Своё благословение к праведникам Бог выражал в умножении их потомства (Пс.127:3). Ветхозаветные люди безчадие считали признаком многогрешности и просили Бога снять с них это поношение, как, например, родители судии Самсона (Суд.13 гл.), пророка Самуила (1Цар.1 гл.) и Иоанна Предтечи (Лк.1 гл.). Христос Спаситель Своё благословение к брачной жизни выразил Своим посещением брачного торжества в Кане Галилейской, где совершил первое чудо (Ин.2:1–11), то же благоволение Христа к брачной жизни можно усматривать и из притчи Христа о званых на брачную вечерю (Мф.22:4–5). Христос назвал брак сочетанием от Бога (Мф.19:6). Апостол Павел говорит, что Господь запретил жене разводиться с мужем (1Кор.7:10), говорит, что жена спасется чрез чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием (1Тим.2:15), называет брак честным ложем, нескверным (Евр.13:4). Брак не препятствует известным достойным по вере и жизни лицам быть совершителями таинств. Примером тому служат апостолы, избранные Самим Христом для своего высокого служения (Мф.8:14; Деян.21:8–9). Церковный историк Евсевий передает свидетельство Климента Александрийского о том, что апостолы Петр и Филипп рождали детей. Филипп выдал замуж дочерей. Апостол Павел имел жену, которую не водил за собою для удобства в исполнении своего апостольского служения (Церк. ист., кн. 4, гл. 30).

Хлыстовский духовный брак есть дело богопротивное. Уподобление хлыстовских духовных жен Пресвятой Богородице есть тяжкий грех кощунства и богохульства (Мф.1:18, 25). Духовницы, или духовные жены хлыстовские, суть блудницы, осужденные пророком Моисеем (Исх.20:14), Христом Спасителем (Мф.5:28) и апостолом Павлом (1Кор.6:9–10, 5:9–11). Свальный грех, который допускается у хлыстов при их радениях, они не могут оправдывать примерами супружеских сношений праведного Лота со своими дочерьми (Быт.19:30–38) и примерами многоженства у патриархов Авраама (Быт. 16 гл.),

Иакова (Быт. 29 гл.), и царей Давида (2Цар.5:13), Соломона (3Цар.11:3) и других ветхозаветных праведников. Христос Спаситель дал другой закон о брачной жизни (Мф. 19 гл.; 1Кор.7:10,39). Считая законный брак грехом, хлысты в подтверждение этой мысли указывают на то, что будто Бог изгнал из рая Адама и Еву за плотский грех. Но заповедь о не вкушении плодов от древа познания добра и зла не может быть названа запрещением касаться жены с плотским вожделением, так как древо познания добра и зла сотворено раньше сотворения Евы (Быт.2:9,17). Хлысты говорят еще, что Бог наказал людей потопом за брак (Мф.24:36–39,42). Но если потоп был наказанием за брачное сожитие, то почему же Бог спас от потопа праведного Ноя с женою и трех его сыновей с их женами (Быт.7:7; 1Пет.3:20). Хлысты говорят еще, что праведники должны уподобляться малым детям, не знающим стыда. Христос сказал: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство небесное* (Мф.18:3). Дети не знают стыда, не разбирают полов, мальчики играют с девочками. Против этого я объяснял хлыстам, что Бог всегда охранял в людях чувство стыда, как чувство свидетельствующее о нравственности человека. И первосозданной чете Бог сотворил одежды и одел их (Быт.3:21), дабы не насилдовалось у них чувство стыда. Притом же апостол Павел говорит, что христиане младенцами должны быть только на злое, а по уму должны быть совершеннолетними (1Кор.14:20). Что чувство стыда составляет доброе нравственное качество людей и благословляется Богом, это можно видеть и из того, что Бог, наказывая людей за их грехи, наказание своё проявлял между прочим и в том, что они лишались возможности охранять своё чувство стыда (Ис.3:17; Иер.13:26; Иез.16:33; Наум.3:5). Хлысты говорят, что люди могут рождаться и без плотского соития (Ин.1:13), духовно. Но Христос Спаситель заповедал рождать духовно, или крещением, только рожденных по плоти, а иначе некого было бы и крестить, или рождать духовно. Отрицание законного церковного брака хлысты не могут оправдывать и словами апостола Павла: *время уже коротко, так что имеющие жен*

должны быть как не имеющие (1Кор.7:29). Этими словами апостол Павел приглашает всех христиан к духовной бдительности над собою и воздержанию. Короткое время, о котором говорит апостол, относится ко второму пришествию Христа, которое близко для всех нас по мере приближения к смерти. Но в этих словах нет и тени основания к отрицанию законного брака.

Дальше я переходил к разбору хлыстовского учения об отношениях детей к плотским родителям. Хлысты, отрицая законный церковный брак, говорят, что дети, рожденные от этих браков, не должны почитать своих родителей, так как последние рожают их от греха (Пс.50:7). Нужно, говорят хлысты, почитать духовных родителей, рожающих нас словом учения (Мф.10:35–37; Лк.12:51–53). Это учение хлыстов согласно с поступком Хама, за который Ной проклял Ханаана (Быт.9:20–27), противно пятой заповеди (Исх.20:12), словам пророка Исаии (Ис.45:10–11) и учению Христа Спасителя (Мф.15:1–9).

По вопросу о воскресении мертвых и будущем суде над людьми по воскресении наших тел я тоже раскрывал на основании св. Писания православное учение о сем в противоположность хлыстовскому учению. Хлысты учат, что тело умершего человека никогда не воскреснет; оно истлеет и только. А душа истинного хлыста, после его смерти, становится ангелом, душа же самого грешного человека, после смерти, становится дьяволом. Души прочих людей, смотря по своей греховности, переселяются или в человека, или в животного, дабы путем такого переселения очиститься от грехов. Под воскресением же из мертвых, о котором читаем в св. Писании и символе веры, говорят хлысты, нужно разумеать веру в хлыстовское учение, принятие его, вступление в их секту. Я на беседах раскрывал мысль, что учение хлыстов совершенно произвольно, не имеет никаких оснований в св. Писании, да и не оправдывается внутренним опытом, наблюдением человека над самим собою. Если бы душа человека странствовала, переселялась из одного человека в другого, тогда она должна бы была помнить хоть что-либо из своей прежней жизни. Между тем история всего человечества не дает ни одного опыта к

подтверждению хлыстовской мысли. А св. Писание прямо свидетельствует, что при кончине настоящего видимого мира все прежде умершие люди со своими телами воскреснут. Потом оставшиеся в живых до второго пришествия Христа на землю вместе с ними восхищены будут на облаках, в сретение на воздухе Господу, Который при гласе архангела и трубе Божией сойдет с неба (1Сол.4:16–17). Что вера во Христа не одно и тоже с воскресением, это ясно видно из следующих мест св. Писания: Ин.6:40; Мф.27:52–53; Евр.11:35. Лазарь, брат Марфы и Марии, несомненно веровал во Христа, почему Христос и любил его (Ин.11:3), а между тем он потом умер, и его Христос воскресил из мертвых (Ин.11 гл.). Утверждающих, что воскресение мертвых уже было, апостол Павел прямо называет отступниками от веры и разрушителями её (2Тим.2:18). Христос Спаситель сказал, что после воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят (Мф.22:30; Лк.20:34–35). А между тем в секте хлыстов, по учению их, заключаются браки.

Хлысты своё учение *о воспрещении употреблять в пищу мясо и вино* основывают частью на своём учении о душепереселении, а частью на св. Писании. Душа грешного человека по разлучении с телом, по учению хлыстов, переселяется в животных, дабы пребыванием в этих телах загладить грехи своей прежней жизни. Чем тяжелее были сделаны человеком грехи, тем в более нечистое животное посылается душа человека по различии с телом. И вот хлысты на беседах иногда говорят: у нас душа не налегает есть мясо животных, бывших живых существ. Действительно, если думать, что в теле животного находится душа какого-либо человека, то чувству нравственному противно употребление мяса этого животного. А из св. Писания в основание своего учения о воспрещении мясной пищи и вина хлысты указывают на пророка Даниила и трех отроков, которые в плену вавилонском питались только растительной пищей, отказывались от употребления мяса и вина от царского стола, и оказались и по телу здоровее, и по уму много выше своих сверстников-вавилонян, питавшихся со стола царского мясом и вином (Дан.1 гл.). Указывают на благочестивых иудеев

Елеазара (2Макк.6:18–19), семь братьев маккавейских и их мать, принявших мученический венец за отказ вкусить свиного мяса (2Макк.7:20–41 и еще [Иоил.1:1–5](#); [1Кор.8:13, 5:11](#); [Еф.5:18](#)). В опровержение хлыстовского учения я указывал слушателям на пример патриарха Авраама, который угощал явившихся к нему трех странников мясной пищей ([Быт.18:8](#)). Запрещенной Богом пищи и Авраам не предложил бы странникам, и они не вкусили бы её, так как в образе этих странников были Сам Господь и с Ним два ангела. В пустыне Бог посылал евреям перепелов в пищу ([Чис. 11](#) гл.). Пророка Илию у потока Хорафа Бог питал чрез воронов хлебом и мясом ([3Цар.17:6](#)). Ни апостольский собор ([Деян.15:28–29](#)), ни апостол Павел ([1Кор.10:25–27](#)) не воспретили верным есть мясо, а последний воспрещающих употреблять его в пищу назвал людьми, сожженными совестью, внимающими учениям бесовским ([1Тим.4:1–5](#)). Умеренное употребление вина тоже не воспрещено св. Писанием. Христос Спаситель Сам был на браке в Кане Галилейской, где пили вино, и чудесным образом претворил воду в вино, дабы не было в нём недостатка при браке ([Ин. 2](#) гл.). Апостол Павел, советовал своему ученику Тимофею умеренное употребление вина ([1Тим.4:1–5](#)).

Затем я делал замечание *об обрядах хлыстовских*, что к совершению их нет оснований и примеров в св. Писании. Христос Спаситель при молитве преклонял колена ([Лк.22:41](#)), падал ниц лицом на землю ([Мф.26:39](#); [Мк.14:35](#)), возводил очи к небу ([Ин.17:1](#)). Апостол Павел советует христианам при молитве воздевать руки к небу ([1Тим.2:8](#)) и хвалить крест ([Гал.6:14](#)). Хлысты говорят, что они при своих радениях махают руками и скачут, по примеру пророка Давида, воспеваемого в церковной песне: «Богоотец убо Давид»... Но из ветхозаветных обрядов только те можно совершать христианам, которые не отменены или подтверждены примерами в новозаветной Церкви ([Гал.1:8](#)). Но в новозаветной Церкви мы нигде ни у Христа Спасителя, ни у апостолов не видим этого обряда. Лобзание, которое делается у хлыстов при их радениях, не похоже на святое лобзание, о коем говорит апостол Павел ([1Кор.16:20](#)). Святое лобзание – апостольское совершается в православной

Церкви в праздник Пасхи, в прощенный день пред Великим постом, пред исповедью. У хлыстов, как свидетельствует опыт, лобзание бывает любодейное, осужденное Христом Спасителем (Мф.5:28).

В заключение своих бесед с хлыстами я обычно говорил о греховности и душепагубности *лжи*, которую хлысты обычно практикуют в своих отношениях к православной Церкви: презирая все её установления, таинства, верования, выдают себя православному духовенству и народу за православных чад Церкви. Ложью и обманом диавол лишил наших прародителей райского блаженства и навлек на них смерть телесную (Быт.3:1–19). Ложь была запрещена пророком Моисеем (Исх.20:15) и премудрым Соломоном (Притч.19:5, 9; 12:22). А Христос Спаситель диавола назвал отцом лжи (Ин.3:19–21, 10:1–2). Заповедь хлыстовская о том, чтобы тайны их учения не открывать лицам, не принадлежащим к их секте, свидетельствует о неправоте хлыстовского учения (Мф.5:14–15). Еще праведный Товит сказал: *тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально* (Тов.12:11). И Христос Спаситель повелел апостолам проповедовать Евангелие открыто всем народам до скончания века (Мф.28:19–20, 24:14). А обращаясь затем к православным, я предостерегал их удаляться от сектантских собраний (Пс.1:1–2; 1Кор.15:33; 2Ин.1:10, 11).³⁰²

Весь этот разбор хлыстовского учения при собрании слушателей приходилось делать по большей части монологом. Иногда православные слушатели бесед, понаслышке от хлыстов, высказывали некоторые положения их учения. Хлысты в большинстве случаев при этом отказывались от своего учения, говоря, что православные несправедливо, по нерасположению к ним, приписывают им то, чего они на самом деле будто бы не содержат. И только сравнительно очень редко хлысты вступали в открытую беседу со мной.

Миссионер протоиерей Н. Кутепов

**Потехин С. Нравственно-христианская точка зрения
на сектантство и на отпадения от Церкви³⁰³ //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 760–769

Как же относиться к тем из членов Церкви, которые смущают нас и соблазняют своим поведением? Апостол отвечает: с полною любовью к ним, с готовностью и старанием исправить их зависящими от нас мерами и средствами, но отнюдь не нарушая церковного общения с ними в вере, учении, благодати таинств, священноначалии, отнюдь не нарушая общения с ними во всём том, что соединяет христиан в одну Церковь, в одно Тело Христово. *«Умоляю вас, братие, – писал апостол к ефесянам, – поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранить единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны в одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми и чрез всех и во всех нас (Еф.4:1–6)».* *«Будем держаться исповедания упования неуклонно, – увещевал апостол христиан из евреев, – и не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай, но будем увещевать друг друга и тем более, чем более усматриваете приближение дня суда и воздаяния (Евр.10:23–25)».* *«Дополните мою радость, – писал апостол к филиппийцам, – имейте одни мысли, будьте единомышленны и единомысленны, ничего не делайте по любопрению или по тщеславию (Флп.2:2–3)».* *«Будьте единомысленны, мирны, – завещевал апостол и коринфянам, – и Бог любви и мира будет со всеми вами (2Кор.13:11)».*

Еще вопрос: как же быть в том случае, когда соблазнительная жизнь одних членов Церкви может сама по себе грозить нравственному благосостоянию других, когда она, как гнилой воздух, может заразить и здоровых членов Церкви. Не может ли, хоть в этом случае, чувство самосохранения и нравственной безопасности быть благословной причиной

отделения от Церкви? Апостол как бы предусматривает этот вопрос и указывает, как на единственное средство самосохранения, на прекращение всех житейских отношений с порочными членами Церкви, заповедуя *«не сообщаться с теми, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником: с таковыми даже не есть вместе (1Кор.5:11)»*. В делах же церковных, в делах веры, учения, таинств и священноначалия, это общение должно быть даже усилено в заботах о менее благородных и слабых членах Тела Христова, как мы уже видели из наставления апостола коринфянам, ибо для этих членов Церкви Христовой *«много может усиленная молитва праведного»*, как говорит другой апостол (Иак.5:16). До тех пор, пока сама Церковь не объявит, по данному Ей от Господа праву и известным способом, кого-либо из членов Её *«язычником и мытарем» (Мф.18:17)*, т. е., пока кого не анафематствует, до тех пор никто из христиан не имеет права нарушить церковного единения с порочными Церкви, без опасения в самом себе убить, извратить жизнь христианскую.

Итак, нет никаких благословных мотивов к сектантскому отделению от Церкви. Есть только низкие и своекорыстные мотивы, порожденные слабоумием и слабоволием. Но эти эгоистические мотивы отделения от Церкви суть только первый шаг сектантства к своему нравственному вырождению и разложению, только начало извращения христианской нравственности. Весь дальнейший путь сектантства есть нравственное прозябание на почве личных и суеверных попыток создать христиански нравственную жизнь помимо Церкви, вне тех богатых сокровищ вселенского разума, которым владеет Церковь Христова, и выйдя из той стройной и живоносной организации, которую представляет собою Церковь Христова, живое Тело Христа. Как всякий живой организм, Церковь растет, по слову Писания, *«возрастом Божиим» (Кол.2:19)*, проявляя в своих догматических, канонических, богослужебных, дисциплинарных, педагогических определениях и уставах величайшее *«богатство премудрости и разума Божия»*.

Догматические определения вселенских отцов и учителей Церкви возводят христиан на высочайшую, доступную для человека степень боговедения; канонические требования Церкви упорядочивают многосложный организм Церкви в стройное и закономерное в своей жизни Тело Христово; богослужебные уставы дают христианам возможность и научают их возвышеннейшим формам богопочтения, дисциплина церковная помогает достигнуть каждому христианину *«меры возраста Христова»* (Еф.4:13).

Церковь, в своей исторической жизни, достигает величайшего христианского прогресса, величайшей христианской культуры, и всё это сектанты обращают в ничто и, отделяясь от Церкви, рушат все эти догматы, каноны, уставы, дисциплину церковную, разрушают все эти «взаимоскрепляющие связи» и закономерную жизнь христианскую, которые, по апостолу, служат для христианского нравственного совершенствования (Еф.4:16). На место вселенского разума Церкви сектанты ставят свой младенческий разум, своё непосредственное чувство. И в нравственно-христианской жизни сектантов происходит то, что происходит с отрицанием науки в области естествознания, с отрицанием искусства – в области эстетической, с отрицанием власти и общественных учреждений – в области государственной. Наступает мрачное царство суеверия, беззакония, личного произвола и рабства, царство греха и нравственной смерти.

Правда, отрицая вселенский разум Церкви, сектанты как будто оставляют для руководства в своей нравственной жизни Слово Божие, Евангелие. Но и здесь они явно совершают подлог и подмен. Наблюдение над всеми существовавшими в истории и существующими сектами показывает, что при всем уважении сектантов к Евангелию, они не Евангелие берут в основание своей жизни и веры, а свои собственные воззрения и Евангелием лишь прикрывают эти воззрения. Для этого они изобретают всевозможные толкования Евангелия и даже не стесняются изменением и извращением евангельского текста, лишь бы можно было подогнать его к своим собственным воззрениям. На Евангелие одинаково ссылаются все самые

безумные и друг другу противоречащие секты, и все они одинаково занимаются подтасовкою и изменением евангельского текста, выдавая своё искаженное евангелие за единственно истинное, вероятно, в том же самом смысле, как и себя за единственно истинных христиан. Так поступали и поступают еретики всех времен и народов, от Маркиона древности до графа Толстого и господина Пашкова наших дней. Везде и всегда на рационализм и мистицизм сектантства набрасывается евангельский покров собственного изделия!...

Есть еще причина, и самая важная, нравственного вырождения и нравственного одичания сектантства. Это утрата сектантами той благодати Св. Духа, которая подает нам в таинствах Церкви *«вся божественныя силы, яже к животу и благочестию»* (2Пет.1:3), силы, присущие Церкви, как Телу Христову. Для христианина не может быть сомнения, что мы, как говорит св. апостол, *«благодатию спасемся»* (Деян.15:11), и все наши добрые христианские дела – плод этой благодати. Одно знание евангельских требований еще не заставит человека взять их за правило своей жизни; одна совесть только может укорить за зло и похвалить за добро, но не побудит наперед к добру; одно желание, хотя бы и искреннее, добра еще не даст силы для осуществления этого добра. Знание, совесть и желание добра только тогда могут иметь значение для нравственной жизни человека, когда их свяжет в одну силу благодать Божия, одна лишь делающая природу человека христианскою посредством таинств Церкви: крещения, или рождения свыше, причастия Тела и Крови Христовых, исповеди, брака и т. д. Если даже допустить в сектантах самое глубокое знание Евангелия, самую чистую совесть и самое горячее желание добра, то все-таки за ними останется грехом поврежденная природа человеческая, лишенная благодати Св. Духа, которая в таинстве Церкви *«немощное врачует и оскудевающее восполняет»*, и которая подает в таинствах Церкви величайшее вдохновение добра, связывающее все силы и способности души в одну силу христианскую. У сектантов нет святых таинств, подающих *«от Божественной силы Господа Иисуса Христа всё потребное для жизни и благочестия»* тем,

кто принял *«равно с апостолами драгоценную веру по правде Бога и Спасителя Нашего Иисуса Христа» (2Пет.1:1–3)*. Нет таинств, нет, следовательно, жизни христианской, нет, следовательно, благочестия христианского.

Конечно, возможно чрезвычайное осенение благодати Божией, возможен чрезвычайный, не чрез таинства Церкви, призыв к Божественному служению, возможно чрезвычайное подаяние Божественных даров. Но можно ли христианам обольщаться надеждою на это чрезвычайное излияние благодати Божией, можно ли дерзостно взывать к Богу о подаянии чрезвычайных даров Божиих, отвергая ту благодать и не пользуясь теми дарами Божиими, которые находятся для всех в избытке в Церкви Христовой? Не есть-ли это обманчивая мечта и кощунственная дерзость?! Секты есть общество безблагодатных христиан, и пусть не обольщаются сектанты и не успокаивают себя словами Спасителя: *«где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их» (Мф.18:20)»*. Сектанты думают, что, называясь именем Христовым и выставляя на своём деле разрушения Церкви Христовой знамя Христова, они со Христом и, следовательно, с благодатию Его. В один миг, как обольстительную мечту и ложь, это успокоение сектантов разрушают следующие слова Спасителя: *«Не всякий говорящий Мне: Господи, Господи, войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи, Господи, не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда Я объявлю им: Я никогда не знал вас: отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф.7:21–23)*. Мало называться именем Христовым и принимать вид дела Христова. Нужно жить по Христу, по тому образу, который Он дал нам, жить в Теле Его, быть членом Церкви, и тогда можно иметь благодать, и принести плод, и войти в жизнь вечную.

Но мы уже внутренне слышим возражение против нашего рассуждения и разъяснения слова Божия о сектантстве, как причине нравственного бесплодия, одичания и смерти христиан, отделяющихся от Церкви. Это возражение мы читаем на страницах газет и журналов, слышим его в разговорах нашей

интеллигенции, замечаем в поступках и отношениях к сектантам соприкасающихся с ними лиц. Везде слышится мнение о возвышающейся будто бы над православными людьми нравственности сектантов, везде замечается сочувствие к их трезвой будто бы жизни, к отсутствию у них ссор и разбоев, к их честности, общинной сплоченности и взаимопомощи, и часто это сочувствие к сектантам переносится на самое сектантство, как на источник сектантской нравственности. Но здесь, во всём этом возражении, в этих мнениях о сектантах, в этом сочувствии к ним и заключении о самом сектантстве больше незнания истинного положения дел, больше поверхностного знакомства с сектантством, больше непонимания существа христианской нравственности, больше недоразумения и недомыслия, чем истины и правды. Все толки о нравственности сектантов исходят из обширного лагеря не сочувствующих Церкви лиц или холодно равнодушных к ней, в то время как верные сыны Церкви Христовой молчат об истинных язвах сектантства. И обнаруживается только одна, благоприятная для сектантов, сторона их жизни. Но если хотите узнать истину о нравственности сектантской, войдите в сектантскую семью, понаблюдайте отношение сектантов к православной крестьянской общине, вникните в содержание и характер их пропаганды, загляните в судебную хронику, познакомьтесь с ученым изучением сектантства специалистами, и вам сразу представится обратная картина так называемой сектантской нравственности, от созерцания которой вам станет жутко и горестно, если вы любите русскую семью, если любите наши русские учреждения, св. Церковь, государство, весь наш простой кроткий и добрый народ. В эту семью и в этот народ сектантство вносит идеи совершенно дикой, противной Христу и Христову учению, своей рационалистической и мистической нравственности.

Мы не скрываем, впрочем, того, что первые поколения сектантов, действительно, отличаются от массы православных видимою трезвостью, воздержностью от ссор и ругательств, честностью обязательств и взаимопомощью. Но такая нравственность первых поколений сектантов весьма легко

объяснима. При зарождении секты все силы сектантов сосредоточиваются на одной цели, на одном желании – утвердить и распространить существование своей секты и до тех пор, пока, хотя отчасти, они не достигают этой цели, им не приходится тратить свои силы в слабостях людских: в пьянстве, ссорах и ругательствах, в борьбе за житейские выгоды и т. п. Это, во-первых. Во-вторых, все сектанты и всегда начинают своё дело разрушения Церкви Христовой с осуждения и издевательств над больными, слабыми и порочными членами её. Разрушить всю Церковь, во всем её составе, в её вере, учении, таинствах и священноначалии, сектанты не могут, ибо этого не могут сделать все силы адовы (Мф.16:18), но предать разрушению отдельные части её, отторгнуть от Церкви Христовой её слабые члены можно, и сектантство, принимающее личину правды и добра, идет верным этому путем. Апостол Павел говорит по этому поводу: *не удивительно, что лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид апостолов Христовых, потому что сам сатана принимает вид ангела света* (2Кор.11:13,14). И как могут сектанты поражать больных, порочных и слабых членов Церкви, если не будут удерживаться сами от обыкновенных слабостей человеческих? Здесь дело не в религии, не в нравственной правде, а в средствах борьбы, дело – в борьбе за существование секты. Когда секта утвердится и распространится, при втором или третьем поколении сектантов, обычные слабости и пороки людские: пьянство, ссоры, блуд, лихоимство и т. п. быстро проникают в среду сектантов и принимают какой-то особенно гнусный, противоестественный характер, становятся тайными, скрытными, и только стоустая молва вынаруживает эти язвы сектантства.

В чувстве глубокого преклонения пред воздействующею в членах Церкви благодатию Божиею, мы не можем не объяснить добропорядочную жизнь многих из первого поколения сектантов, отступивших от Церкви по недоразумению и без злобности, еще и тем, что они, до своего отпадения от Церкви, были добрыми членами Тела Христова, были здоровыми ветвями на Божественной виноградной лозе. Отнятая от дерева

ветвь еще некоторое время зеленеет и вдали от дерева может показаться даже чрезвычайно зелёной, но она скоро поблекнет, завянет и засохнет: отнятый от живого организма член тела некоторое время еще кажется живым, еще сочтется живительной кровью, но дальше все-таки – гниение, и смрад, и разложение.

Но недоразумение в похвалах сектантской нравственной жизни еще этим не ограничивается. Дело в том, что нравственность первых поколений сектантов не включает в себе тех признаков, которыми должна характеризоваться нравственность христиан в отличие от нравственности общечеловеческой, от нравственности иудеев, магометан и язычников. Воздержание от пьянства, ссор и ругательств, честность, взаимопомощь и т. п. нравственные качества одинаково присущи как христианам, так и иноверцам, и даже у последних эти качества больше развиты, чем у многих, к сожалению, христианских народов. Христианство же требует от своих последователей, на ряду с этою общечеловеческою нравственностью, еще высших подвигов правды и добра. Нравственность или праведность христианская должна быть выше обыкновенной нравственности общечеловеческой. *«Если праведность ваша, – говорил Господь Иисус Христос, не превзойдет нравственности книжников и фарисеев, то вы не войдете в царство небесное (Мф.5:20)»*. Эта христианская праведность должна дойти до подвигов самоотвержения, а самоотвержение сектантство отрицает по самому существу своему. С самоотвержением для Бога и в пользу ближних никогда не помирится и никогда не оправдает его сектантский рационализм, ибо рационализм требует для всего рассудочности и одного лишь разумного расчета. Не помирится с самоотвержением для Бога и ближних и сектантский мистицизм, всё заключающий и выше всего ставящий своё личное внутреннее чувство. Вот почему все сектанты всегда отрицают те требования христианства, которые взывают к самоотвержению для Бога и ближних, например: повиноваться властям не из-за страха и выгоды, а потому что *«Божии бо слуги (Рим.13:14)»*, исполнять долг свой не пред очима только, но как *«исполняя волю Божию (Еф.6:6)»*, любить ближних своих

до готовности душу свою положить за них, творить милостыню безразлично к лицу просящему, ради лишь одного Христа и без всякого расчета и рассуждения, сохранять супружеский союз не для самоуслаждения только, а в образ союза Христа с Церковью, исполнять подвиги поста, не как гигиенически полезного упражнения, но как подвиг умерщвления плоти и т. д. Всё то, что предлагает Церковь для исполнения этих евангельских требований: присягу Царю и отечеству, войну с врагами нашей родины и для защиты угнетаемых, церковную милостыню, время поста, нерасторжимость брачного союза и т. д., – всё это сектанты отвергают, не находя разумных оснований для этих требований, или ставя в противоречие с ними своё внутреннее, религиозное, будто бы, чувство. Во всех подвигах нравственности там, где чувство любви, сродное всем людям, должно перейти у христиан в готовность самоотречения для Бога и ближних, там разум и чувство сектанта ставят для него непроходимую границу в виде вопросов: зачем и почему, и отрицают покорность зову Христову. Замечательно при этом, что сектанты и не требуют от своих последователей высшей христианской нравственности, не требуют того, что называется «святостью». Заповедь Христа: *«будьте совершенны, как Сам Отец ваш небесный совершен есть (Мф.5:48)»* они понимают довольно низменно, как низменна и вся их нравственность, сводящаяся, по учению всех русских сектантов, от графа Толстого до наших крестьян-штундистов, к тройному правилу: табаку не курить, вина не пить, на войну не ходить. Во всей их нравственности нет и признаков Божественного вдохновения, свободных и безмерных порывов любви к добру, и ненависти, противления злу... Какую ни возьмите сторону сектантской жизни, там только кажущаяся сила, кажущееся вдохновение. Более всего кажется сильным и более всего обращает наше скорбное внимание сектантство со стороны своего стремления к распространению секты. Но здесь оно обнаруживает в действительности одно лишь своё нравственное бессилие. Для многих русских сект, напр., государственные законы создали такое положение, что пропаганда и внешнее оказательство сектантства воспрещается. И вот пропаганда сектантства

прячется «в потаенных местах (Мф.24:26)», и пропагандисты бегут при виде стража закона, а привлеченные к законной ответственности, они скрывают своё действительное веро и нравоучение, выдавая чужое за своё и прикрываясь даже чужим наименованием, как, напр., наши штундисты, выдающие своё учение за немецкий баптизм. Где же здесь то бесстрастное исповедание веры, которого требует Христос от Своих последователей (Мф.8:38)? Где та честность веры и убеждений, которая не прибегает к хитрости и лжи даже пред врагами своими, даже пред страхом наказаний? Не так распространялось христианство святыми проповедниками Церкви Христовой, истинной носительницы и выразительницы христианской силы и нравственности. И недаром сектанты не признают святых, ни проповедников, ни мучеников, ни святителей, ни прочих святых Божиих, т. е. не признают возможности и необходимости осуществления в полной мере заповедей Господа Иисуса Христа и полного освящения христиан благодатию Божиею. На протяжении всей девятнадцативековой истории христианства, сектантство поэтому и не дало святых миру, а это говорит за их нравственную мертвенность, бесплодность.

«Берегитесь лжепророков, – заключим мы словами Спасителя, – которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри волки хищные; по плодам узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые... Итак по плодам их узнаете их (Мф.7:15–20)»

Епархиальный миссионер С. Потехин

Попов Н. Антикано́нический характер австрийской иерархии.³⁰⁴ Чиноприем, совершенный над Амвросием в Белой Кринице // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 770–781

Исторический обзор различных способов чиноприятия приходящих к православной Церкви неправославных христиан. Как понимать 8 правило 1 Вселенского собора? Возможно-ли клириков, принятых в Церковь чрез миропомазание, оставлять в сущем сани? Принятие *митрополита* Амвросия беглым попом Иеронимом с канонической точки зрения.

По прибытии в Белую Криницу, Амвросий не сразу принял звание митрополита всех «древлеправославных» христиан. Будучи, по понятию старообрядцев, еретиком, он не иначе мог вступить в общество «древлеправославных» христиан Белой Криницы, как предварительно «исправив себя», т. е. допустив совершить над собою известный чиноприем. Так действительно и случилось: Амвросий принят был в Белой Кринице, как еретик второго чина, а самый чиноприем состоял в том, что принимавший Амвросия беглый поп Иероним сначала исповедал переходившего в раскол Амвросия, а затем помазал его миром (таким образом Амвросий был принят в раскол, как еретик второго чина, но с сохранением своей епископской степени); после такой «исправы» Амвросий стал именоваться митрополитом Белой Криницы и всех древлеправославных христиан.

Как же смотреть на чиноприем, совершенный над Амвросием в Белой Кринице? Не противоречит-ли он церковным правилам, учению св. отцов и учителей Церкви, и если противоречит, то в чём именно?

Обращаясь к истории первых времен христианства, мы видим, что способы, которыми принимались в православную Церковь клирики отделившихся от Церкви обществ, в различное и даже в одно и тоже время были неодинаковы. Церковь поступала то с большею, то с меньшею строгостью по отношению к отступникам православия, возвращавшимся в лоно истинной Церкви Христовой, и потому применяла к таковым то один, то другой чиноприем. Нетрудно исторически проследить причины, обуславливавшие столь мудрый и

благопопечительный образ действий Церкви по отношению к своим отступникам. В первые 3 века христианства, когда появлявшиеся ереси в высшей степени были опасны для юной, немногочисленной своими членами Церкви, последняя очень строго относилась к клирикам еретическим и не иначе принимала их, как чрез повторение над ними крещения, а следовательно и хиротонии. Апостольское правило 68. *«Аще кто епископ, или пресвитер, или диакон приемлет от кого-либо второе рукоположение: да будет извержен от священного чина и он, и рукоположивший, разве аще достоверно будет известно, что он от еретиков имеет рукоположение. Ибо крещенным или рукоположенным от таковых ни верными, ни служителями Церкви быти невозможно»*. Таким образом это правило не признает не только хиротонии, но и крещения в еретических обществах, а 62 апостольское правило повелевает принимать в качестве простых мирян даже тех клириков, которые были рукоположены в православной Церкви, но потом убежали к еретикам по страху. *«Аще кто из клира, говорит правило, устращася человека, иудея, или эллина, или еретика, отречется от имени Христова: да будет отвержен от Церкви, аще же отречется от имени служителя Церкви: да будет извержен из клира. Аще покается, да будет принят, яко мирянин»*.³⁰⁵ Так строго Церковь относилась к еретикам и перешедшим из православия в ересь, очевидно, с тою целью, чтобы, показав отсутствие в еретических обществах благодатных даров, преподаваемых в таинствах церковных, воспрепятствовать чрез то уклонению чад своих в ереси. Такое же строгое отношение к клирикам еретическим, а равно и раскольническим видим в первые 3 века христианства и в карфагенской Церкви. Не признав действительными рукоположения, совершенные в раскольнических обществах, Церковь карфагенская на соборе 255 года постановила принимать в качестве простых мирян не только рукоположенных еретиками и раскольниками, но даже тех, которые рукоположены были в православной Церкви, но затем перешли в ересь или раскол. Такое строгое отношение карфагенской Церкви к клирикам неправославных обществ

имеет для себя объяснение в том обстоятельстве, что появившийся в 3 веке раскол Новата и Фелициссима очень скоро распространился по всему северу Африки и тем представлял большую опасность для всей карфагенской Церкви. Собор Карфагенский вышеозначенным постановлением желал оградить чад Церкви карфагенской от пагубных раскольнических лжеучений. В то же время св. Киприан, епископ карфагенский, желая предотвратить своих пасомых от опасности увлечения в сети раскола, в своих сочинениях против раскольников с особой настойчивостью проводил ту мысль, что Церковь Христова, имеющая все богодарованные, благодатные средства, может быть только едина, и что где нет истинной Церкви Христовой (т. е. в обществах еретиков и раскольников), там нет и не может быть благодатных даров, источником коих служат таинства. «Крестить и даровать отпущение грехов, говорит св. Киприан, могут лишь предстоятели Церкви, утверждающиеся на евангельском законе и Господнем поставлении, а вне Церкви ничто не может быть связано, ни разрешено, так как нет там никого, кто мог бы вязать и решить».³⁰⁶

В 4 веке церковная практика относительно принятия в православие неправославных клириков изменяется. На востоке, где раскол не грозил такой большой опасностью Церкви, как на западе, повелено было 8 правилом 1 Вселенского собора принимать в Церковь раскольнических клириков чрез одно возложение рук, т. е. с сохранением степеней священства, полученных в расколе, между тем на западе, где раскол угрожал в 4 и 5 веках такую же опасностью Церкви, как и в 3 веке, на соборе римском в 5 веке постановлено было принимать раскольнических клириков – донатистов в качестве простых мирян. Впрочем, эта практика не была на Западе повсеместною; в карфагенской Церкви на 5 карфагенском соборе 19 правилом определено было принимать клириков-донатистов с сохранением их степеней священства, что было сделано, как замечает правило, «по нужде» и «ради мира и пользы Церкви». Изменялись способы принятия в Церковь неправославных клириков, смотря по обстоятельствам, и в

последующее время. Так, несториан по 65 правилу Трулльского собора следовало принимать чрез одно покаяние, между тем патриарший константинопольский собор 1301 года определил иной способ принятия означенных еретиков; именно, когда Феогност, епископ Сарайский предложил вопрос о том: «приходящих от несториан яковитов как надлежит крестить?» – собор отвечал: «подобает ему (обращающемуся) прокляти свою веру и учителя свои, и помазанный миром да причтется к правой и благочестивой вере».³⁰⁷ Следовательно, собор постановил принимать приходящих от несториан не чрез одно покаяние, а и чрез миропомазание, т. е. не третьим чином, как постановлено на Трулльском соборе, а вторым. Почему же? Потому, вероятно, что в 18 веке несториане оказывали большое влияние на православных и постоянно увлекали их в сети своего лжеучения, что особенно замечалось во внутренних странах Азии, где несториане имели своих епископов и даже митрополитов; вследствие этого снисходительный образ принятия несториан, определенный на Трулльском соборе, казался отцам Константинопольского собора 1301 года неудобоприемлемым в видах общего блага Церкви. Строгость правила относительно принятия несториан должна была предупредить переход православных в несторианскую ересь.

Итак, мы видим, что в различное и даже в одно и то же время неодинаковы были способы принятия в православную Церковь неправославных клириков, причем Церковь в целях мудрой благопопечительности о своих и заблудших чадах пользовалась то одним, то другим чиноприемом.

Св. Василий Великий всех отступников от православной Церкви разделяет на три вида, откуда выводит три способа приходящих в Церковь неправославных христиан. «Древние, – говорит св. отец, – *иное нарекли ересью, иное расколом, а иное самочинным сборищем*». Посему «от начала бывшими отцами угодно было крещение еретиков совсем отменить, крещение раскольников, яко еще не чуждых Церкви, приимати: а находящихся в самочинных общесборищах исправляти приличным покаянием и обращением и так присоединяти к Церкви».³⁰⁸ Три способа принятия приходящих от еретиков и

раскольников существуют и в настоящее время в православной Церкви. Миряне и клирики еретические и раскольнические принимаются или чрез крещение – первый чин (следовательно над клириками с повторением хиротонии), согласно 68 и 62 апостольским правилам, или чрез миропомазание – второй чин, согласно 7 правилу 2 Вселенского собора, 7 – Лаодикийского и др., или чрез покаяние или простое возложение рук – третий чин, согласно 8 правилу 1 Вселенского собора.

Рассмотрим теперь тот чиноприем, посредством которого раскольники приняли в своё общество м. Амвросия.

Защитники австрийской иерархии говорят, что Амвросий принят был в Белой Кринице законно, согласно церковным правилам, и в доказательство сего ссылаются на 8 правило 1 Вселенского собора и толкование Аристина на это правило. 8 правило 1 Вселенского собора читается так: *«О именовавших некогда самих себя чистыми, но присоединяющихся к кафелической и Апостольской Церкви, благоугодно святому великому собору, да, по возложении на них рук, пребывают они в клире; прежде же всего надлежит им письменно исповедати, яко прилепятся и последовати будут определениям кафелическия и Апостольския Церкви; то есть, будут в общении церковном и с двоеженцами, и с падшими во время гонения, для которых и время покаяния установлено, и срок прощения назначен. Надобно, чтобы они во всём последовали определениям кафелической Церкви. Итак, где, или в селах, или во градах, все обретающиеся в клире окажутся рукоположенными из них одних: да будут в том же чине. Аще же там, где есть епископ кафелической Церкви, некоторые из них приступят к Церкви, явно есть, яко епископ православной Церкви будет иметь епископское достоинство, а именующийся епископом у так называемых чистых пресвитерскую честь имети будет; разве заблагорассудит местный епископ, чтобы и тот участвовал в чести имени епископа. Аще же то ему не угодно будет, то для видимого сопричисления такового к клиру, изобретет для нею место или хорепископа, или пресвитера: да не будет двух епископов во граде».*³⁰⁹ Толкование Аристина: «таковии (т. е. чистии), аще

приступят к святей соборней и Апостольстей Церкви, и исповедят двоеженца приимати на общение, и не хулити второго брака, и согрешающим и кающимся прощати грехи: и просто рещи, всем церковным последующе повелением, свою ересь прокленше и иные вся, прияти да будут, и токмо святым миром помажутся; аще же неции от них суть епископы, паки в своём чину да пребывают». «Мы, говорит по поводу 8 правила 1 Вселенского собора О. Швецов, сравнивали заблуждение ваших (т. е. православных) иерархов с заблуждением новацианских епископов, посему и хиротонию греко-российской Церкви признаем точно такую же, какую признавал первый Вселенский собор хиротонию новациан»,³¹⁰ считая же толкование Аристина на 8 правило 1 Вселенского собора не только разъяснением, но и дополнением сего правила, равно как считая таким же дополнением 8 правила 1 Вселенского собора 7 правило 2 Вселенского собора и 95-е 6-го, последователи австрийского согласия говорят, что, согласно 7 правилу 2 Вселенского собора и 95 – шестого, Амвросий принят в Белой Кринице чрез миропомазание, а согласно 8 правилу 1 Вселенского собора, тот же Амвросий оставлен в сущем сани.

Чтобы определить, соответствует-ли смыслу церковных канонов подобного рода чиноприем, мы должны решить следующие 2 вопроса: 1) повелевает-ли 8 правило 1 Вселенского собора принимать новацианских клириков в сущем сани, без повторения над ними хиротонии и 2) если повелевает, то допустимо ли с канонической точки зрения лиц иерархических, принятых третьим чином, миропомазывать, как сделали старообрядцы Белой Криницы при приеме Амвросия в своё общество.

«Благоугодно святому великому собору, да, по возложении на них рук, пребывают в клире» (ὡστε χειροθετούμενους αὐτοὺς, μένειν οὕτως ἐν τῇ κλήρῳ) – говорится о клириках-донатистах в 8 правиле 1 Вселенского собора. Что, спрашивается, нужно разуместь здесь под выражением «χειροθετούμενους», простое ли возложение рук, или новое рукоположение, совершавшееся над вступавшими в Церковь новацианскими клириками, – иными словами: вторым или третьим чином повелевает правило

принимать раскольников новацианских клириков? На этот вопрос наши толкователи этого правила отвечают неодинаково. Одни из них склонны видеть в означенном правиле указание на новую хиротонию, которая якобы совершалась над новацианскими клириками при вступлении их в православную Церковь. Другие видят в правиле указание на простое возложение рук, совершавшееся над новацианскими клириками при переходе их в Церковь. Первого мнения держится известный расколовед проф. Н. И. Субботин. «Если слова «по возложении на них рук», говорит он, сопоставить со сказанным в известном послании константинопольского собора к Макарию Антиохийскому, то их гораздо удобнее понимать в смысле нового рукоположения в священную степень.³¹¹

Такое же мнение разделяет и другой не менее известный расколовед и противораскольниковый полемист проф. Н. И. Ивановский.

По нашему мнению, говорит он, выражение отцов собора... «по возложении на них рук» нужно понимать буквально, т. е. в смысле повторения таинства священства». «Вселенская Церковь, продолжает Н. И. Ивановский, принимала новациан вторым чином с повторением хиротонии над теми из них, которые и в отделении от Церкви имели духовный сан».³¹² При таком толковании правила легко можно примирить с ним толкование Аристина, трактующее о том, что новацианских клириков, по возложении рук, помазывали миром. В таком случае, далее, 8 правило 1 Вселенского собора не стоит в прямом противоречии с 7 правилом 2 Вселенского собора и 95 – 6-го Вселенского собора, которые повелевают принимать новациан чрез миропомазание. И при таком понимании раскольники в оправдание чиноприема м. Амвросия нисколько не могут ссылаться на 8 правило. Но при всём том есть такие положительные данные, которые непреодолимо заставляют вместе с проф. И. Бердниковым, Арх. Павлом Прусским и мног. другими предположить, что 8 правило 1 Вселенского собора повелевает принимать новацианских клириков чрез простое возложение рук, т. е. без нового рукоположения. Прежде всего употребленное в правиле выражение относительно принятия

неправославных клириков χειροθετούμενους, от глагола χειροθετεῖν, откуда существительное – χειροθεσία, дает нам достаточное основание утверждать, что в правиле идет речь о простом возложении рук; а не о новой хиротонии. Правда, термин χειροθεσία употребляется иногда в церковных правилах в смысле рукоположения в священные степени – в значении χειροτονία (Неокесар. соб. пр. 9, толкования Зонары и Вальсамона на 13 пр. Карф. собора), но большую часть термином χειροθεσία правила обозначают то возложение рук, которое употреблялось при поставлении на церковные должности низших членов клира, – чтецов и певцов, что видно между прочим из толкования Зонары, который, объясняя 2 правило 4 Вселенского собора, говорит: «Одни (клирики) рукополагаются (χειροτονοῦνται), как, напр., епископы, пресвитеры, диаконы и иподиаконы, а другие только запечатлеваются (σφραγίζονται) при том и с возложением рук (χειροθεσία), как, напр., чтецы и певцы и подобные сим».³¹³ Этот же термин χειροθεσία употреблялся для обозначения способа принятия в церковное общество кающихся грешников, как это видно из апостольских постановлений (кн. II, 42 стр. 1841 г.).

В доказательство того, что новацианские клирики принимались по 8 правилу 1 Вселенского собора, без нового рукоположения, можно привести и следующее соображение. Если бы новацианские клирики принимались в Церковь с повторением над ними хиротонии, то непонятно было бы то предпочтение, которое оказывало правило православному епископу пред епископом, присоединившимся к Церкви из новациан (новацианский епископ мог участвовать «в чести имени епископа» в том только случае, если бы того пожелал православный епископ града, в противном случае епископу из новациан правило позволяет иметь только «пресвитерскую честь»). Новая хиротония сглаживала бы всякое различие между тем и другим епископом и предпочтение одного епископа пред другим не могло бы иметь никакого смысла. Между тем новацианские клирики после присоединения к православной Церкви занимали низшее сравнительно с православными клириками положение, – подобно лицам находящимся в

заштате. При том же предположении, что новацианские клирики по переходе в православную Церковь оставались в прежних степенях священства, такое предпочтение одних клириков пред другими объясняется легко: предпочтением сим давалось понять, что неправославные клирики, как получившие хиротонию *в неправославных, раскольнических обществах*, по тому самому должны и по переходе в православную Церковь занимать в церковной иерархии низшие места сравнительно с православными клириками, получившими хиротонию *в православной Церкви*. Фактическим подтверждением справедливости данного объяснения может служить дело Мелетия, разбиравшееся на том же первом Вселенском соборе, о чём сохранилось свидетельство у историка Созомена. «Когда, повествует он, исследованы были события, происшедшие в Египте под влиянием Мелетия, тогда собор присудил ему самому жить в Лине, нося только имя епископа, и впредь не рукополагати ни в городе, ни в селе. А тем, которые уже поставлены им, предписал иметь общение и совершать литургии, но относительно степеней чести занимать второе место после клириков в каждой Церкви и приходе, вступать также на места умерших, если по определению народа окажутся достойными того и будут утверждены епископом александрийской Церкви. Собор признал это справедливым, размыслив об опрометчивости и поспешности Мелетия и единомысленников в деле рукоположения».³¹⁴ Согласно сему определению собора, поставленные Мелетием должны были занимать в клире второе место, после православных клириков по причине «опрометчивости и поспешности Мелетия и его единомысленников в деле рукоположения». С равным правом мог тот же 1 Вселенский собор поставить новацианских клириков по переходе их в православную Церковь ниже православных клириков, дабы тем показать «опрометчивость» Новата, совершившего преступное отделение от Вселенской Церкви.

Толкователи правил – Вальсамон и Зонара также говорят о сохранении хиротонии за новацианскими клириками. Так, Вальсамон в толковании 8 правила 1 Вселенского собора

замечает: «правило говорит, что, если, кто из них (новациан) с чистым раскаянием оставит прежнее зло и обяжется сохранять догматы кафолической Церкви, тот должен быть принят. И если это – клирики, то они должны непременно сохранять свои степени, ибо погрешают не в отношении к вере, а осуждаются за братоненавидение». «Если они (новациане), говорит Зонара, рукоположены в епископов, пресвитеров, или диаконов: то присоединяемые из них к Церкви остаются в клире, в своих степенях, если в церквах, в которых рукоположены они, нет других. Как они погрешают не уклонениями от веры, а недопущением покаяния для падших и обращающихся: то поэтому собор принял и рукоположения их и определил, чтобы они оставались в их степенях, если не будет епископа в кафолической Церкви того града».³¹⁵ Бл. Иероним в разговоре против луцифериан писал: «Никейский собор принял всех еретиков, исключая учеников Павла Самосатского. И что всего важнее, епископу новациан, если он обратится, присудил сохранять степень иерея».³¹⁶ Последнее замечание Иеронима ясно указывает на то, что, по его мнению, новацианские епископы принимались в Церковь без новой хиротонии. Руфин, перечисляя определения 1-го Никейского собора, сущность 8 правила собора передает в следующих словах: «клириков кафаров, в случае, если они с покаянием обращаются к Церкви, по исповедании церковных догматов, принимать в их сане».³¹⁷ В пользу защищаемого нами толкования правила высказались и отцы 7-го Вселенского собора. Когда было прочитано на этом соборе 8 правило 1 Вселенского собора, патриарх Тарасий сказал: *«а как надобно понимать слово: рукоположение? Почтеннейшие иноки сказали: «Владыка! Просим наставить нас». Святейший патриарх Тарасий сказал: «слово рукоположение может быть здесь сказано просто о благословении, а не о хиротонии»»*.³¹⁸ И собор согласился с мнением своего председателя.

Западные канонисты также согласуются с данным пониманием правила. Так, Беверегий в своих «Annotationes» говорит по поводу 8 правила 1 Вселенского собора. «Здесь говорится о хиротонии, полученной новацианами в их секте при

вступлении в клир, а не той, посредством которой их нужно, будто бы, принимать в православную Церковь. Мысль правила та, что в случае обращения новациан к православной Церкви они должны сохранить за собою и в обществе православных те же степени клира, какие они получили прежде у новациан».³¹⁹ Другой западный канонист – кардинал Питра относит темное место правила (о хиротонии новациан) к хиротонии, полученной у новациан, а не к повторительной хиротонии у православных. Кардинал Питра советует переводить темное места правила так: *placuit magnae synodo, eos, jam ordinatos sic manere, id est, sic ut sunt ordinati*, т. е. угодно великому собору, чтобы уже посвященные оставались так, то есть, как они посвящены.³²⁰

Наконец, в XIX столетии Русский Святейший Синод в своём ответе к вселенскому патриарху по поводу возбужденного последним вопроса о способе принятия в греческую Церковь болгарских клириков писал: «катары, или чистые, были раскольники, последователи римского пресвитера Новата. Они составляли своё, отдельное от православной Церкви общество и имели свою иерархию. Между тем Вселенский собор – (разумеется первый) определил: рукоположенных в их раскольнических обществах на какую-либо церковную степень оставлять, по присоединении их к Церкви, в том же чине».³²¹

После всех сих соображений и доводов не может, кажется, быть сомнения в том: 1) что 8 правило 1 Вселенского собора повелевает новацианских клириков принимать в сущем сане и 2) что старообрядцы, принявшие м. Амвросия в своё общество в сущем сане, поступили отчасти согласно 8 правилу 1 Вселенского собора, так как им повелевается принимать неправославных клириков в сущем сане. Но чрез такое выяснение самый чиноприем м. Амвросия нисколько не оправдывается.

Н. Попов

**Лже-Толстой (The Wrong Tolstoi)³²² // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 6. С. 782–792**

Русская церковная власть признала и установила наконец факт, который вот уже едва не четверть столетия очевиден был для всего образованного мира, – совершенный разлад между учением Церкви и учением Толстого. Св. Синод подтвердил отлучение от Церкви графа, который давным-давно уже тем и занимается, что сам себя отлучает от Церкви.

Толстой и ученики его отвергают «бессмысленный и безнравственный» догмат искупления, вместе с учением о личности Божества, о Божестве Христа, о будущей жизни, обо всём, на чём основана Церковь со всем своим богослужением и обрядом. Казалось бы поэтому, что они должны равнодушно встретить громы церковного осуждения; казалось бы, какое может быть негодование учеников за то, что Церковь отказывает учителю в утешениях религии, которые он столько лет уже отвергает, провозглашая, что они суть ложь и насилие. И что-ж? не удивительно-ли, что теперь они призывают весь цивилизованный мир разделить с ними вопль горького негодования на клерикальную тиранию.

В виду такой странной непоследовательности стоит вдуматься в психологию *этой странной кучки энтузиастов* при свете того социального и религиозного учения, которое они исповедуют.

Из среды полуобразованной, с тех пор как в неё проникли серьезные мысли, выродилось новое общество людей, исполненных благородных, но не глубоких стремлений, ожидающее и требующее осуществления мира и счастья на земле. Эти люди требуют немедленных, решительных для того мер: ученые не дают им желанного ответа; тогда они ищут себе *пророка*. И вот, когда этот пророк проповедует им, что врачи их ничего не понимают в лечении болезней, что их священники и правители употребляют власть свою и разум только для своей личной выгоды, – они принимают пророка с восторгом, – точно он сказал им больше, чем сами они знали и думали, – и

становятся ново-христианами, теософами, толстовцами или чем-нибудь в этом роде.

Находя, что все ученые и философы не в силах решить неразрешимые вопросы жизни, они обратились за верным решением их к «людям, которые *не обременены знанием*».

И вот *такая-то публика отверзла уши на проповедь Толстого*. И он стал учить, что всякие доктора, законоведы, духовные, государственные люди, ученые, философы, – все либо безумцы, либо обманщики и шарлатаны, и что мир должен отбросить всю свою цивилизацию, знание, искусство, таланты, верования, законы, армии, флоты и всё социальное устройство. Очевидно, что такое слово должно показаться дико образованным членам общества, так как все они – суть доктора, законоведы, государственные люди, духовные, военные, ученые, землевладельцы и т. под. Сверх того есть еще более важная причина, почему людям разумным и образованным неубедительно благовестие Толстого: причина та, что *это благовестие во всех частях своих состоит в противоречии не только с разумом и опытом, но и само с собою* а такая несостоятельная мысль, хотя может быть свойственна частному рассуждению отдельного лица, но уже никак не свойственна философии. Частная мысль может еще колебаться по расположению духа, – но истина должна быть всегда верна самой себе.

Но несостоятельность мысли ничего не значит для энтузиаста. Этой обширной и всё возрастающей дружине энтузиастов свойственны всякие противоречия верований, свойственно даже верить в сознательную для них самих ложь. Однако люди эти нередко орудуют общественным мнением, – они создают репутации: одних покрывают позором, других венчают славою, – они накапливают массу горячего материала, от которого может загораться и серьезная часть общества.

Делу Толстого эти люди нанесли большой вред, потому что мнимого, лже-Толстого поставили они каким-то идолом в музей славы, а настоящего, подлинного Толстого укрыли, поставив в тень. Я говорю не о литераторе Толстом, который имеет прочную репутацию в мнении всех разумных людей; говорю о

раздвоенном Толстом последнего времени: один настоящий, добрый человек, хозяин Ясной Поляны; другой, *лже-Толстой*, без устали пишущий книги и памфлеты, в которых *подвергает брани и позору все лучшие достояния ума и труда человеческого*.

Эта двойственность – тяжкое испытание и для самого Толстого, и для учеников его. Лже-Толстой написал большую книгу в доказательство того, что он тот же, что и настоящий Толстой. В этой книге стремится он возвести противоречие бытия своего в религиозный догмат, который можно назвать *параллелограммом нравственных сил*. Ученики его выставляют этот догмат, как основание для суждений о Толстом, в оправдание очевидных противоречий между словами его и делами.

Лже-Толстой пишет памфлеты в доказательство того, что человек должен отрешиться от всякой собственности, не знать жены и детей; и в то же время настоящий Толстой живет со своим семейством на всех удобствах жизни, в поместье Тульской губернии.

И вот чем объясняет себя: «Он желал (говорит один из его хвалителей, М-р Эльмер Мод) действовать в полном согласии со своим учением, но не мог этого исполнить. Не мог, например, отрешиться от своей собственности, не раздражая жены и детей своих, – пожалуй, в таком случае они обратились бы к властям с просьбою воздержать его. Это очень смущало Толстого; но он почувствовал, что, нанося вред, не может сделать добра. Никакое решительное действие (наприм., раздать всё бедным) не могло бы служить ему оправданием, – ибо возбудило бы горькое чувство гнева в сердцах самых близких людей. И так пришлось ему передать всю остальную собственность жене и семейству и продолжать жить по-прежнему в хорошем доме с прислугою, с кротостью вынося упреки в «непоследовательности» и удовольствоваться тем, что, в дополнение к литературному труду, занимается ручной работой и живет по возможности просто и воздержно».

Трудно, стало быть, оказывается «сделать добро, не причиняя вреда, не производя горького гнева в сердцах близких

людей». Это «маленькое» затруднение естественно является, когда человек, особенно еще женатый, вздумает приводить в исполнение систему жизни, основанную на нищете и безбрачии. И вот Толстовцы обыкновенно раздражаются, когда слышат упреки учителю их в непоследовательности: в этом раздражении несомненно есть личное чувство, потому что все они, поклоняясь системе, не исполняют её, – едва найдется один такой верный в тысячах поклонников Толстого, рассеянных по всему свету. И эта черта особенно характерна в религии воинствующей, которая вопит на весь свет, что все прочие религии суть не что иное, как ложь, изобретаемая лишь для оправдания развратной жизни их последователей.

И разумеется трудно, очень трудно исполнение. Тяжкое дело для человека презирающего и отвергающего покровительство закона – жить на своём поместье (такое Толстой, вероятно, предполагает у каждого из учеников своих) и кормиться без всякой купли и продажи, трудом рук своих, когда еще притом со всех сторон бродят толпы христиан голодных. Мы читали недавно отчеты одной общины действительных Толстовцев: такова община жителей Никобарских островов, которые, конечно, не слыхивали о Толстом. Вот как живут они: «нет у них ни одного человека, кто бы имел власть. Совершенное отсутствие подчинения – самая явственная черта социального их быта. В селах нет никакого старшины. Мужья не имеют никакой власти над женами, родители над детьми, – всякий человек сам по себе ни от кого не зависит. Никто не работает, да и нет нужды работать. Всякий находит всё, что нужно, у своего жилища. Словом, во всём остальном они исполняют в точности учение Толстого: никакой дисциплины, никакого подчинения. Они обладают такою цельностью убеждения, какой не может похвалиться ни сам Толстой, ни ученики его; они одни, можно сказать, живут в таких условиях быта, в каких может осуществиться политическая экономия Толстого: «нет борьбы за существование, – всё, что нужно для жизни, готово – у ворот». Более того и Толстой не требует. Если бы когда-нибудь обезумел весь мир и стал бы применять Толстовскую теорию правления, населению пришлось бы

бежать из Англии, Франции, Германии, России, – бежать куда-нибудь на черноземные места или на острова Никобарские.

Положим, что всё это – личные заблуждения: мудрейший из философов может заблуждаться. Но лже-Толстой опирается на авторитет Иисуса Христа, чтобы оправдать своё учение, чтобы подкрепить авторитетом недостаток разумных оснований. Где бы ему уловить столько учеников, если бы он не ссылался на Евангелие.

Как бы ему укрыться от критики, когда бы он не настроил себе крепостей из библейского текста. И вот, надобно посмотреть, на чём эти крепости держатся, и эти связи, которыми силится он укрепить и привести к единству своё философское учение, можно ли признать верными и подлинными.

Подлинный, настоящий Толстой как будто верует в Бога, подобно всем христианам.

«По моему мнению (говорит он в сентябрьском письме 1900 года), мало сказать, что Бог есть любовь, Бог есть слово, разум. Любовью и разумом мы познаем Бога; но идея Божества не только не тождественна с этими понятиями, но они столь различествуют с идеей о Боге, как понятие глаза или зрения различествует с понятием света».

Но другой Толстой, оборотный, в основной схеме своего учения, пленяющей восторженных его последователей, прямо отождествляет Бога с понятием Логоса или Разума; а Бога, как существо, признает ложью, изобретенною паразитами религии.

«Начало всех вещей было Разум (Логос), и Разум (Логос) был Бог». Таков созданный Толстым фальшивой перевод текста Ин.1:1 (см. Толстого – согласование Евангелий, Русское издание, т. 1, стр. 19 и 23). – «Свет явился, переводит Толстой, – в особом роде (ἦλθε εἰς τὰ ἴδια: Ин.1:11) и особый род его не принял». А буквальный перевод с греческого таков: «пришел к своим и свои его не приняли». Но Толстой, начавший учиться греческому языку в сорокалетнем возрасте, не признает родов в грамматике. «Τὰ ἴδια», говорит он, означает нечто отдельное, индивидуальное, очевидно, противопоставляемое миру вообще.

Свет был во всём мире, и в особом роде, и потому к слову ἰδιος – особый, отдельный, я прибавляю слово «род, народ». Казалось бы, что сочетание существительного мужского рода с прилагательным среднего рода есть операция, совершенно неизвестная грамматике наших школ и университетов.

Тут не одна только игра грамматических фантазий – тут самые корни Толстовства.

Подлинный Толстой, добродушный хозяин Ясной Поляны, знает, что все мы несовершенные существа, большею частью, подобно ему, добродушные люди, кое-как умея работающие над задачами социальной жизни, под кровом Высшего Промысла, от Коего чаем наконец воздаяния в лучшем мире.

«Убеждаюсь более и более (говорит он в октябрьском письме 1900 г. См. в листке свободного слова Черткова) в нереальности того мира, в коем мы живем. Не скажу, чтоб это был сон, но это лишь одно из бесчисленных проявлений жизни».

Но философия лже-Толстого отвергает чаяние будущей лучшей жизни. Для лже-Толстого мир осеняет не благой промысл, но злой рок, в союзе с паразитами жизни. Жизнь есть борьба зла с разумом. Бог – не Правитель вселенной, но простой здравый смысл, слабый пособник человеку против преобладающей силы зла. Это нечто в роде мрачного буддизма, смягчаемого фантазией. Будущая жизнь, – тоже изобретение паразитов, одуряющий напиток для рабочего класса людей.

Лже-Толстой, вынуждаясь искать себе опоры в Евангелии, прибегает к тактике самого странного свойства для устранения из Евангелия всяких обетований будущей жизни.

В Евангелии от Мф.19:28 Иисус Христос говорит: «вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых».

«Этот стих я опускаю, – говорит Толстой, – так как не имеет никакого определенного значения... Он или ничего не означает, или звучит насмешкой, иронией».

У Мк.10:30 Иисус говорит: «получит сторицею ныне, и в век грядущий (ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ) живот вечный». «Ἐρχομαι, – говорит Толстой (разумеется совсем неверно) значит

«преходить», и, стало быть, ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ значит: в веке ныне *преходящем*, стадо быть, в *этой*, в здешней жизни». Это утверждает Толстой, не взирая на бессмыслие превращения вечной жизни в переходящий временный век.

Не стоит труда следить, стих за стихом, толкования Толстого в его изложении Евангелия. Любопытствующие могут сами рассудить об их достоинстве.

Составив какую ни есть систему своего учения, Толстой, казалось бы, должен, если верит в неё, и жить так, как верит. Он объявил, что всякое правительство, всякий закон, всякая собственность – зло: следовало бы и отвергнуть всякие удобства жизни, на этом зле основанные. Попутно отвергает он решительно и табак, и алкоголь, и мясо. Но жизнь все-таки его пересилила. Свояк его рассказывает, что когда он обработал свою схему единственно возможного счастья, то не только не ощутил себя счастливым, но почувствовал угнетение духа. Жене и детям и на мысль не приходило отказаться от владения Ясною Поляной и добывать себе хлеб полевою работой. Затем стали одолевать его посетители. Дерулед явился и стал склонять его на сторону реванша; стали приезжать романтические дамы (тип, коего он не выносит) – с тем, чтоб у него «учиться жить»; появлялись и дамы практического свойства, угрожая застрелиться, если не спасет их, дав тысячу рублей. Лже-Толстой говорит, что когда люди просят денег, то ради любви к ним не следует давать, а разве только из учтивости; и он же говорит, что когда люди крадут вещи, стало быть, вещи им нужны и, стало быть, они имеют право взять их. Однако из рассказа выходит, что когда такие дамы являлись, подлинный Толстой выходил из себя, а графиня выживала их из дому. Сшил Толстой пару сапог, – дело, по-видимому, полезное, – и стало ему тошно, когда узнал, что один из его поклонников хранит у себя эти сапоги в стеклянном ковчеге. Правительство относилось к нему очень добродушно и снисходительно; но дело требует порядка, и раз как-то Толстой был вызван в суд свидетелем по делу. Девушка Серон, жившая гувернанткой в Ясной Поляне, рассказывает, что Толстой явился в суд в тулупе, выложил на стол сверток рублей, сказав: «вы не можете меня принудить принять присягу, – вот вам мой штраф», и вышел вон.

Эта же девушка рассказывает, что жалость было смотреть на бедного пророка, когда он пытался бросить куренье.

«Он ходил из угла в угол, точно не находил себе места. То зажжет папироску и бросит её, то пробует вдыхать дым, когда закурят другие. Напоследок все-таки не в силах был совсем бросить привычку, – ведь это успокаивало ему нервы. Напрасно люди думают, будто Толстой аскет в строгом смысле слова».

Лже-Толстой говорит, что литература – порочное дело; а подлинный Толстой точно одержим зудом писательства и не отходит от письменного стола. Один из его портретов работы Репина изображает его, окруженного косами и граблями, как он сидит в неловкой позе на табурете, в своём тулупе, у стола, – и перед ним два серебряных подсвечника. После обеда, говорит девица Серон, он прохаживается по лесу с топориком. И она сама, аматерка Толстовства, описывает с улыбкой, как он возвращается с прогулки по полям, довольный, принося с собой навозный запах. – «Я помираю, говорит, со смеху, на него глядя». – И еще, – не взирая на свои убеждения, не чуждается он и велосипеда и даже присоединяется к молодежи в презренной и безнравственной игре в лаун-теннис.

Вообще, нарадоваться можно на эту мирную картину, – как хозяин Ясной Поляны по-человечески живет у себя в большом доме, в своём тулупе, с графией, занимаясь игрою в толстовство.

Похоже на идиллию, когда смотришь на подлинного Толстого. Но идиллия исчезает, когда является лже-Толстой – сочинитель книг. В своей книге «царство Божие внутри вас есть» он выводит курьезную теорему «Параллелограмма нравственных сил», усиливаясь доказать, что изобретение и потом нарушение неестественных правил жизни составляет самую сущность философского христианства.

«Люди, называющие мою систему непрактичною, (говорит Толстой), совершенно правы, если смотрят на черты совершенства, указанные в учении Христа, как на правила подлежащие для каждого из нас к исполнению, подобно тому, как по закону общества обязателен, например, платеж податей... Совершенство, черты коего пред очами христиан, бесконечно, никто не может достичь его, и Христос имеет это в виду: но Он знает, что стремление к полному и бесконечному

совершенству составляет и приумножает счастье человека... Христос учит не ангелов, но людей, живущих животной жизнью, и к животной силе движения Христос как бы прилагает другую силу, именно сознание Божественного совершенства, и таким образом *направляет это движение жизни по равнодействующей двух сил...* Сила животная всегда одна и та же и находится вне власти человека... Божественное совершенство есть асимптот человеческой жизни, к которому она постоянно приближается, но коего может достигнуть только в вечности». ³²³

Такое учение довольно легко применить каждому человеку в своей жизни. Отречься от собственности и семьи – и жить с женой и детьми в комфортабельном поместье – дело верного себе христианского философа...

Но применять такое учение к общественной жизни – дело тяжкое. Какую результативу, равнодействующую дает нам этот параллелограмм – хоть бы в военном деле? Отречемся от войны – и что же? Будем сражаться вилами? Или, наприм., этот параллелограмм – к какой приведет нас сделке между уничтожением судов и нашей порочною склонностью к правосудию? Разве к закону Линча?

И вот еще неразрешимый вопрос, если, тот же параллелограмм нам не разрешит его. Если все люди станут (как учить Толстой) воздерживаться от произведения на свет детей, – что станет с родом человеческим?

Противоречие Толстого с самим собой явственно обнаружится, если сопоставим рядом два его рассуждения об обязанности женщин. В эпилоге Крейцеровой сонаты они явно обрекаются на постоянное девство.

«Христианин не может смотреть на плотское совокупление иначе, как на грех, как сказано у Мф.5:25... и вследствие того должен неизменно избегать брака».

Вот одно суждение. Другое находим в сочинении Толстого: «Что нам делать?»

«Как сказано в Библии, мужу и жене дан каждому свой закон: мужу –закон труда, жене закон деторождения... Тот и другой закон – неизменный... и нарушение его неминуемо

наказывается смертью... Если вы верные матери, сколько бы ни было у вас детей, двое-ли или двадцать, – не можете сказать: довольно... Не можете вы заботу о кормлении их и нянчении слагать с себя и поручать другой матери... потому, что этот труд есть жизнь ваша, и стало быть, чем больше у вас этого труда, тем жизнь ваша полнее будет и счастливее».

И так, очевидно, Толстой обращает нас к параллелограмму сил для продолжения нашего рода.

Учение Толстого содержится во множестве книг и памфлетов: и нет возможности перечислить в кратком очерке все черты его непоследовательности и всю массу противоречий, поглощаемых его учениками; но и по приведенным примерам можно судить о широте умственной их восприимчивости. Читатель может и теперь составить себе понятие об умственном настроении тех, кои признают всё учение Церкви беззаконным и нечестивым обманом – и в то же время негодуют на жестокость Св. Синода, когда он устраняет Толстого от всякого участия в этом нечестивом учении.

Толстого можно назвать колеблющимся пророком: он не останавливается ни на положительном утверждении, ни на решительном отрицании, но говорит: «это верно... по крайней мере, это может быть верно... но нет, в сущности я уверен, что это неверно». – А ученики, воспринимая такие слова, твердят от себя такое верование: «Мы уверены, что это верно, что это может быть верно и что в сущности все-таки неверно».

Итак мы, не будучи Толстовцами, можем, пожалуй, спросить: в самом деле этот добродушный хозяин Ясной Поляны, он-то сам в правду ли Толстовец?

Из миссионерских запросов

Чельцов М. Какое значение имеют раскольничьи браки, не записанные в полицейские книги? // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 793–796

В газете «Право» мы нашли нижеследующее, заслуживающее полного внимания и обсуждения, сообщение.

«Вдова Бородулина, лично за себя и как опекуна малолетнего сына Евграфа, предъявила иск в Ковенском окружном суде к Семену Бородулину, прося признать истцов наследниками, по закону к имуществу, оставшемуся после смерти мужа первой и отца последнего, раскольника, ковенского купца Парамона Бородулина. Окружной суд в этом иске отказал.

Виленская судебная палата нашла, что по разъяснению Касс. Деп. запись в метрической книге брака раскольников (1093 ст. IX т. Св. Закон. прилож.) вовсе не является актом, знаменующим самое совершение союза, а составляет лишь регистрацию существующего согласия двух лиц на соединение для супружеского сожития и служит только способом для установления законности сего союза. Ни по форме своей, ни по сущности её содержания (1093 ст. IX т. прилож.) запись в метрич. книге не может быть приравниваема или уподобляема тем гражданским бракам, которые допускаются законодательствами западной Европы и служат там основанием брачного союза, так как такой формы брака наш закон для русских подданных не допускает, и наше законодательство всегда признавало брачный союз – союзом по преимуществу духовным. Принадлежность Бородулиной, урожденной Виноградовой-Никитиной, и ныне умершего Парамона Бородулина к незапрещенному расколу представляется совершенно бесспорным между сторонами. Показаниями допрошенных свидетелей установлено совершение бракосочетания между Бородулиными в старообрядческом моленном доме в с. Глубокий Ров, Сувалкской губ., что усматривается также из представленной выписи из книг старообрядческого наставника о записи бракосочетания,

совершенного в старообрядческом приходе означенного селения между Бородулиными 20 окт. 1891 г. Равным образом свидетельскими показаниями подтверждено рождение от этого брака сына Евграфа 6-го окт. 1892 г., а также отсутствие между супругами Б. родства и других препятствий к законному сопряжению их браком, по обряду их вероучения. Кроме сего, законность совершения брака Б. в религиозном отношении, по обряду раскольнического вероучения, вполне подтверждается представленными к делу тремя письмами ответчика Семена Б. к ныне умершему брату его. В этих письмах нельзя не видеть вне судебного признания законного брака Б. со стороны ответчика. Если запись в метрич. книге брака и рождения раскольников не является актом, знаменующим самое совершение брачного союза, но составляет только регистрацию существующего согласия двух лиц на соединение для супружества, то признание противной стороны законности брака, по обряду раскольничьего вероучения, не требует уже других доказательств совершения этого брака (480 ст. уст. гр. суд.), которым могла бы служить, единственно запись в метрических книгах полицейского управления. Но в этом отношении со стороны супругов Б. принимались меры к регистрации как брака, так и рождения сына Евграфа, которые не достигли своей цели, по причинам от них не зависевшим, вследствие того, что установленные законом 19 апр. 1874 г. книги для раскольников были заброшены в Ковенском гор. полиц. управлении.

По изложенным основаниям палата удовлетворила исковые требования.

В касс. жалобе на это решение Семен Б. утверждает, что решение палаты не согласно с 78 ст. X т. ч. 1 и 1093 ст. Св. Зак., по силе коих браки раскольников приобретают в гражданском отношении силу и последствия законного «брака в том лишь случае, когда браки эти записаны в установленные для сего особые метрич. книги, с соблюдением правил, изложенных в приложении к 1098 ст. 14 т. Св. Зак., и самое существование брака раскольников считается доказанным лишь со дня записи его в метрической книге, причем закон этот не только не требует, чтобы записи в метрической книге такого брака

предшествовало самое событие этого брака, совершение его по обрядам веры брачующихся. но вовсе не упоминает даже о необходимости совершения духовного брака. Правительствующий Сенат оставил жалобу Семена Б. без последствий». («Право» 1901 г. № 16. Судебные отчеты).

Правительствующий Сенат, оставив жалобу Семена Бородулина без последствий, тем самым признал справедливыми рассуждения Виленской судебной палаты о раскольническом браке и о значении для его законности записи в метрические книги. Это признание имеет важное принципиальное значение.

1) Отказываясь приравнять запись раскольничьих браков в метрические книги к гражданским бракам, допущенным западноевропейским законодательством, Правительствующий Сенат опровергает распространенное в литературе мнение, что у нас существует гражданский брак, хотя только для раскольников, и предрешает результат ученого спора, веденного лет пять тому назад по данному вопросу между профессорами академий – Казанской – Бердниковым и Московской – Заозерским.

2) Не принимая во внимание 78 ст. X т., ч. 1 Св. Зак., Сенат сильно ослабил значение записи в метрические книги. По этой статье силу и последствия законного брака раскольничьи браки приобретают в гражданском отношении чрез записание в метрич. книги; почему и существование брака раскольников считается доказанным лишь со дня записи в книги. Теперь запись в метрические книги теряет своё громадное в жизни раскольников значение.

3) Теперь устанавливается законным раскольничий брак в силу чисто религиозных его оснований: в виду того, что а) супруги были раскольники, б) бракосочетание было совершено в молитвенном раскольничьем доме, в) записано старообрядческим молитвенником в книге записей бракосочетаний, каковых (книг и записей), к слову сказать, никакой закон не признает, г) свидетельские показания (три письма Семена Б.) удостоверили действительность и законность брака раскольничьего.

4) Отсюда, как вывод, следует, что самое совершение раскольничьего брака по раскольничьим обрядам делает этот брак законным. Вывод этот совершенно противоречит закону 19 апр. 1874 г.; но он дается всею мотивировкою Виленской судебной палаты в пользу признания законным пред судом брачного соприжения супругов Б. Правда, в конце этой мотивировки указывается и на то, что супруги Б. хотели, но только по причинам, от них независимым, не могли записать своего брака в метрич. книги; но указание это дается уже в конце, как бы мимоходом и между прочим, – так, что ясно, что значение для признания за законное сожителство Б. приписывается не этой невозможности записать брак, а другим обстоятельствам.

5) Для миссии такое решение Сената не важно; для неё важен другой, необходимо вытекающий из данного случая и решения Сената, вывод. Раз Сенат совершение брака по раскольничьим обрядам старается приравнять к обстоятельству, дающему этому браку силу законного брака, то он должен признать за нерасторжимые сожителства всех раскольничьих супругов, а расторжения их, часто наблюдаемые у безпоповцев, должен карать.

Вообще нужно сказать, что данное решение Правительствующего Сената весьма характерно и важно; на него следовало бы обратить внимание и не одним миссионерам.

М. Чельцов

Из миссионерских дневников, летописей и записок

Новая исповедь графа Л.Н. Толстого //
Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 797–835

I. Несколько предварительных замечаний

Толстовский вопрос, выдвинутый известным постановлением Св. Синода, от 22 февраля, засвидетельствовавшим во всеобщее сведение факт отпадения графа Льва Николаевича Толстого от православной Церкви, – разрастается в целую эпопею... Казалось бы, что ясный, мирный, молитвенно-сострадающий духовным немощам заблудшего этот церковный акт, преследовавший одну только нравственную цель и не имевший никаких юридических последствий, никак не должен бы создавать почвы для злобы и агитации, выносящей вопрос этот на площадь, призывающей толпу непризванных судей врываться в дело столь интимной душевной жизни человека, как религиозные верования и догматы Церкви. Но на деле выходит иначе.

Послание Св. Синода оказалось знаменем пререкаемым, – мечом, разделившим всё наше мыслящее, так называемое интеллигентное общество на два несогласных между «собою в убеждениях и взглядах лагеря. Люди церковные, или, по крайней мере, понимающие церковную точку зрения, конечно, не затруднились признать в этом постановлении акт вполне обоснованный и в данном случае неизбежный. Но за то люди либерального и антицерковного лагеря, наоборот, до крайности возмутились, озлобились на Церковь и иерархию правящую и не находят возможности ни понять синодального постановления, ни примириться с ним.

Не смотря на всёуспокаивающее время, «разжжение страстей» продолжается. В домашний спор ввязалась пресса всех западноевропейских стран, которая посвятила и посвящает доселе массу статей «толстовскому делу», с самыми превратными толками по адресу православия, хотя появились и трезвые голоса со справедливыми суждениями о лжи толстовской веры и философии. Такова, напр., выше помещенная у нас статья английского писателя, под заглавием: «Лже-Толстой».

Вина в такой недостойной агитации против справедливого акта иерархии отечественной Церкви, цинично доселе хулимой печальным героем толстовской эпопеи, ложится всею своею тяжестью на совесть самих графа и графини Толстых.

Всем ныне известное письмо графини Толстой было первым призывом к этой агитации. Препроводив письмо это трем митрополитам и г. Обер-Прокурору Св. Синода, графиня Толстая пустила его в то же время и в обращение «на улицу»... Но этого мало: графиня поспешила свой протест распространить за границей, послав его тотчас же всем иностранным друзьям графа, с просьбою перевести письмо и напечатать и непременно *в самых распространенных изданиях*... Пред нами лежит 13 № (за март) женевского листка «Свободная Мысль», издаваемого толстовцем, эмигрантом г. Бирюковым, где на 125 стр. находим письмо графини Толстой такого содержания.

...«Посылаю вам определение Синода об отлучении от Церкви Льва Николаевича и моё письмо, написанное и посланное уже Победоносцеву и трем митрополитам. Очень прошу вас перевести его на французский язык и как можно скорее отдать в самые распространенные периодические издания за границей. Мы все очень взволнованы и негодуем. Большое утешение находим в сочувствии людей, посещающих нас. Получаем телеграммы, письма, поздравления, адреса с многими подписями, даже корзины с живыми цветами...».

Комментарии излишни!... Прекрасный ответ митрополита Антония положил конец увлечениям людей общества этим, по существу, малозначащим документом.

Тогда выступает сам Лев Николаевич с протестом против постановления Синода, в форме «ответа». В столичных газетах мельком появлялись упоминания об этом новом документе, а отдельные его мысли услужливые друзья ухищрялись перетащить и на столбцы газет. Так, в «Новом Времени» как-то сообщалось, что-де гр. Толстой в одном из своих последних писем категорически утверждает, что от Бога и христианства он никогда не отрекался и не отречется. Естественно, такие слухи не могли не волновать интересующихся борьбой Толстых с

отечественною Церковью и желающих знать истинную правду в этом споре. Ответное письмо графа на синодальное постановление пошло тем же путем, как и письмо графини, – «на улицу – по рукам», а вместе оно и за границей давно появилось в печати. Но, по наведенным нами справкам, Л. Н. почему-то этого своего ответа не послал ни митрополитам, ни Обер-Прокурору Св. Синода, как это сделала со своим протестом супруга графа и куда-бы, кажется, лежала прямая дорога и его протесту против синодального определения.

Документ этот является «новою исповедью» гр. Толстого. Подпольным путем широко проникши из-за границы в русскую читающую публику, «ответ» графа производит общее впечатление на всех далеко не в его пользу. Не только на истинно-верующих людей, но даже на сектантов исповедь Льва Николаевича, наполненная голословными, горделивыми утверждениями и беззастенчивым кощунством, фанатическою, болезненно нетерпимостью и грубою бранью, на Христа и на самые священные верования вселенского и русского православия, – производит удручающее, отталкивающее впечатление. Даже слепые почитатели яснополянского лжеучителя готовы не верить, чтобы автором этого «ответа» был сам Лев Николаевич и возражают: «да не подвох-ли это клерикалов, желающих во что бы то ни стало оправдать свой поступок против великого писателя земли русской?»

Находя в некоторых положениях новой исповеди графа противоречия с прежними его утверждениями, мы и сами усомнились было на счет подлинности происхождения этого документа и могли предполагать, не принадлежит-ли сочинительство «ответа» услужливым друзьям. Ведь одно время ходили же по рукам и были напечатаны за границей письма гр. Толстого, от которых он потом отказывался.

Поэтому, убедившись в возможности напечатания ответа Льва Николаевича Толстого на постановление Св. Синода на страницах «Миссионерского Обозрения», редакция наша предварительно сочла долгом и убедиться в несомненной принадлежности графу этого важного документа.³²⁴

Цель напечатания нами ответа, с одной стороны, та, чтобы люди, до сих пор сомневающиеся, могли фактически убедиться, насколько Св. Синод был справедлив в своём определении еретического, нехристианского лжемудрования гр. Толстого и в непризнании графа более принадлежащим к православной Церкви; а с другой стороны – та, чтобы иметь возможность исправить некоторые неверности, неясности и исторические неточности, так или иначе вкравшиеся в «ответ» графа, потому что эти неточности, написанные пером такого известного писателя и таким уверенным тоном, распространяясь в обществе, могут ввести в новые заблуждения людей, незнакомых с действительным положением вещей. Печатаю ниже (подлинный и полный) текст «ответа» гр. Толстого и помещая затем вызванные новою исповедью Льва Николаевича несколько мыслей и чувств: а) православного епископа, б) бывшего толстовца (кандидата московского университета и педагога) и в) православного «мирянина»³²⁵, – мы, со своей стороны, считаем нужным здесь лишь кратко обратить внимание читателей на некоторые пункты «ответа» гр. Толстого.

Граф Толстой в первых строках своего ответа незавидную дает характеристику своим единомышленникам, как людям сомнительного с ним единомыслия, т. е. не понимающим его учения. Это замечание характерно для суждения о толстовцах и поучительно для тех, кто мнят себя последователями гр. Толстого...

Странно далее встречать у графа Толстого, всегда и во всём презирающего, как зло, закон и основанную на нём всякую организацию и форму, возражение о том, что постановление Св. Синода о нём *незаконно* и не удовлетворяет *правилам*... И затем совершенно *неправдиво* его заявление, что будто бы со стороны Церкви не было *никаких* попыток к его вразумлению. Прежде всего о законе и правилах. Что здесь имеет в виду гр. Толстой – не соблюденное якобы в отношении его? Увещание чрез благочинного, привод в консисторию или посылку в монастырь, подобно молоканам и штундистам? Но не он ли сам и так недавно ратовал против применения к сектантам подобных форм и правил? Не одною мерою измеряет граф одни

и те же явления, раз дело касается собственной его персоны... А если уж говорить о законе, то мало-ли сколько статей его не применено к яснополянскому лжеучителю, для которого поистине закон не писан. Не подлежит сомнению, что постановление церковной власти о графе Толстом точно сообразовано с основным законом Церкви Христовой, преподанным Самим её Основателем (Мф.18:15–18): «если брат твой согрешит, пойди и обличи его наедине; если не послушает возьми одного или двух или трех свидетелей; если не послушает и их, скажи Церкви, а если Церковь не послушает, то да будет тебе, как язычник и мытарь». А также в апостольских правилах (Тим.3:10–16): «еретика человека после первого и второго вразумления отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи *самоосужден*». Ап. Павел не только еретика, но грешника (кровосмесника) отлучил, «в изнеможение плоти, да дух спасется». Таким образом Церковь законное право отлучения имеет от Христа и апостолов. Последующие церковные каноны только подтверждают это право, разъясняют практику и обставляют его известной обрядностью. И в древней Церкви отлучали от единомыслия с верными чадами как на соборах, так и простыми письменными свидетельствами предстоятелей Церквей.

Не понимаем, как мог сказать граф в своём «ответе», что будто бы не было никаких попыток к его вразумлению?! Что это, – измена старческой памяти? В опровержение этой неправды графа мы сошлемся на документальные данные и на живых свидетелей этих попыток. Тульский протоиерей о. Иванов и в «Миссионер. Обзрении» (май месяц), и подробнее в местных епархиальных ведомостях (№ 8 за 15 апр.) сообщает о беседах, направленных к вразумлению графа, еще покойного тульского архиепископа Никандра, который, в отчаянии от ожесточения графа, молил Бога, чтобы ему умереть раньше Льва Николаевича и не быть свидетелем его нехристианской кончины. Беседовал устно и посылал Льву Николаевичу несколько писем увещательных, оставленных без ответа, и этот маститый, просвещенный пастырь – о. Иванов. Известно, что, по распоряжению местного епископа, к графу для собеседования и

обличения его суемудрия ездили в Ясную Поляну покойный о. ректор Тульской семинарии Романов и преподаватель догматического богословия. Ныне имеется письмо одного из именитых дворян, соседа Толстых по имению, который, будучи возмущен этим неправдивым заявлением «ответа», свидетельствует, что он сам лично слышал от Льва Николаевича недовольство на то, что тюремный священник, по приказу архиерея, надоедает («всё таскается») ему, графу, своими беседами.

Один из тульских священников и сам писал нам в редакцию о своих посещениях графа и о многократных беседах с Львом Николаевичем, в которых последний являлся не раз безответным против правды евангельской.

Высокопреосвященный Никанор, архиепископ херсонский, первый «поведал Церкви» публично, с кафедры храма, о еретических мудрованиях графа Толстого, которые предал в одной из проповедей, как иерарх, публичному церковному осуждению. В прошлом году, при постигшей графа тяжелой болезни, высокопреосвященный Владимир, митрополит московский, в своих отеческих заботах о спасении души знаменитого русского писателя, поручал вновь сделать увещание графу чрез протоиерея о. С-ва, бывшего законоучителя детей графа. Последний трижды был в доме графа для увещательной беседы, но Л. Н. под разными предлогами (нездоровья, срочной правки корректуры «Воскресения»...) уклонился от свидания и бесед с почтенным пастырем; граф очень рассердился, когда узнал, что о. С. послан к нему иерархом. В первые два посещения с о. С. беседовала о графе супруга его, графиня Софья Андреевна, и обещала даже, по совету о. С-ва, пригласить к графу о. Иоанна Кронштадтского, а в последний раз и она не вышла к увещателю. Не говорим о частных попытках к увещанию графа, предпринимавшихся духовными лицами, посещавшими графа (напр., мы знаем, что беседовал с Львом Николаевичем архимандрит Антоний, ныне епископ уфимский), и мирянами (напр., из бывших его единомышленников С-ко), не говорим о литературном изобличении заблуждений графа. Авторы

обязательно присылали Льву Николаевичу свои труды, направленные против его мудрований, но оказывается, что книги эти граф и не разрезывал. Разве всё это не попытки?

Такова истинная правда о «попытках».

Неосновательно далее Лев Николаевич называет послание *произвольным* за то, что-де его одного обвиняют в неверии, когда таких, как он, много, «почти всё образованное общество»... В обвинение «почти всего образованного общества» много сказано. Но дело не в этом. История показывает, что у всех еретиков всегда были последователи, но Церковь на соборах своих отлучала только *ересиархов* и осуждала их лжеучение. Так поступлено и с Толстым.

Очевидную неправду утверждает граф, заявляя, что будто бы учение его мало распространено, и людей, разделяющих его взгляды, не наберется *сотни*. А 7 т. духобор-толстовцев, гибнущих теперь в Канаде, разве граф не считает ныне уже своими? А сотни мужиков-павловцев, совращенных кн. Хилковым, другом и учеником гр. Толстого? А воронежские последователи В. Г. Черткова? А сколько ныне в числе штундистов и молокан разделяющих учение Толстого, граф не знает разве? А этот, по словам самого же графа, «почти весь образованный мир»? Нет, не сотни, а тысячи последователей у гр. Толстого!...

При общей характеристике постановления граф считает его «очень нехорошим», «клеветой», «несправедливым»... Но, когда ниже говорит о каждом отдельно выставленном против него Св. Синодом обвинении, он решительно во всём сознается, – что он так именно и верует и мыслит, и тем подтверждает безусловную справедливость постановления.

С удивительным для просвещенного графа цинизмом и легкомыслием, как не выражаются и мужики-сектанты, рассуждает гр. Толстой о молитвословиях нашего требника, обрядах и таинствах, которыми Церковь, как любящая мать, сопровождает всю нашу жизнь, – называя всё это ни более, ни менее, как *колдовством*. Нужно-ли возражать, когда всякий простолудин знает, что молитва и колдовство – два дела

разных, – одно есть служение Богу, другое совершается во имя и силою дьявола, отца лжи.

Толстой в требнике нашел тысячи заклинаний, а на самом деле там только и есть одно заклинание против «духа нечиста» (дьявола). Плохо же читал и понял Лев Николаевич требник...

Тело наше – храм Бога живаго, а по Толстому, оно ненужная, противная вещь (дрянь!)... Здесь также спор излишен. Но нельзя обойти без замечания того жалкого фарисейства, с каким защищает себя граф в том, что будто бы он никогда *не заботился о распространении своего учения*, что писал он свои богохульные произведения будто бы *для себя* только и никогда их *сам не печатал* (графиня печатала?), но лишь не скрывал своих сочинений от желавших познакомиться с ними. Нам софизм этот сейчас напомнил печальную историю с изданием скверного политического памфлета Толстого («Николай Палкин») одним пламенным его последователем. Допрошенный властью по поводу происхождения этого рассказа, Лев Николаевич точь-в-точь дал вот такое же софистическое показание, говоря, что-де он написал этот памфлет для себя, ради шутки, после обеда, и оставил на столе, а молодому человеку рассказ понравился, и тот его издал. Скрывать-де не в его, графа, принципах, противиться изданию – тоже против его правил. Так появился «Николай Палкин». Дело кончилось для графа-то благополучно, – он остался спокойным в Ясной Поляне, а молодой человек попал под надзор, тяготевший над ним около 10 лет; перепуганная этим инцидентом графиня вдобавок с тех пор крепко затворила для этого поклонника двери своего дома. Такова история, известная нам документально. Комментарии и здесь излишни... На этом мы и ограничим пока наши замечания; читатели сами оценят лживость и противоречивость учения о безличном Боге толстовском, логическую путаницу в отрицании рая и ада и признании возмездия, в отрицании таинств и в признании смысла крещения для взрослых и брака по существу, в учении об елеосвящении, которое граф не обинуясь называет «колдовством», но о котором свидетельствует апостол, что они «мазаху маслом многия недужныя», – значит, колдовством еще

занимались и апостолы, научившие этому и ненавистных графу наших «попов»!...

В заключение еще два кратких замечания. Граф Толстой в своем *credo*, между прочим, говорит: «Я верю в то, что Он (Бог) во мне и я в Нём». Но знает ли яснополянский сочинитель новой мнимо-христианской «религии разума», что ведь это старый тезис хлыстовского мистицизма? Впрочем, хлыстовские делегаты бывали у графа, как он и сам об этом говорил недавно посетившему его в Москве одному собеседнику-богослову.

Чем-то болезненным веет от горделивого заявления графа в его «ответе»: «я не говорю, чтобы *моя* (курсив везде наш) вера была *одна на все времена истинна*, но я не вижу другой, – *более простой, ясной* и отвечающей *всем* требованиям моего разума и сердца»... А упомянутому собеседнику Лев Николаевич прямо заявил, что если бы разрешили ему напечатать все его сочинения о религии, то от православия в короткое время остались бы одни клочья. И это говорил лжеучитель Толстой пресерьезно... Что это – *mania grandiosa*?...

Да, и у великих людей от великого до смешного и нелепого один шаг. Но перейдем к самому ответу. Вот его подлинный текст.

В. Скворцов

II. Ответ на постановление Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма

He who begins by loving Christianity better than truth, very soon proceeds to love his own church or sect better than Christianity and ends in loving himself better than all.

Coleridge

Я не хотел сначала отвечать на постановление обо мне Синода, но постановление это вызвало очень много писем, в которых неизвестные мне корреспонденты – одни бранят меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие увещевают меня поверить в то, во что я не переставал верить, и третьи выражают со мной единомыслие, которое в действительности едва-ли существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить и на самое постановление, указав на то, что в нём несправедливо, и на обращение ко мне моих неизвестных корреспондентов.

Постановление Синода вообще имеет много недостатков. Оно незаконно, или умышленно-двусмысленно, оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно-двусмысленно потому, что если оно хочет быть отлучением от Церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение; если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в Церковь и её догматы, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно случилось, потому что оно так и было понято. Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах, и книгах.

Оно неосновательно потому, что главным поводом своего появления выставляется большое распространение моего совращающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление Синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из полученных мною писем.

Оно содержит в себе явную неправду, так как в нём сказано, что со стороны Церкви были сделаны относительно меня не увенчавшиеся успехом попытки вразумления. Ничего подобного никогда не было.

Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нём заключаются заведомо несправедливые, клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и не рассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь, как собака... анафема ты, старый черт... будь проклят!!» – пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: «Если правительство не уберет тебя, мы сами заставим тебя замолчать». Письмо кончается проклятиями. «Чтобы уничтожить прохвоста тебя», пишет четвертый, – «у меня найдутся средства»..., – следуют неприличные ругательства. Признаки такого же озлобления я, после постановления Синода, замечаю и при встречах с некоторыми людьми. В самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по площади, слышал слова: «вот дьявол в образе человека», и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили, как избили несколько лет тому назад человека у Пантелеймоновской часовни.

Так что постановление Синода вообще очень нехорошо. То же, что люди, подписавшие его, так уверены в своей правоте, что молятся о том, чтобы Бог сделал меня для моего блага таким же, каковы они, не делает его лучше.

Это так вообще; в частности же постановление это несправедливо в следующем; в постановлении сказано: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, Церкви православной».

То, что я отрекся от Церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо.

Но отрекся я от неё не потому, что я восстал на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить Ему. Прежде, чем отречься от Церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усомнившись в правоте Церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение Церкви; теоретически я перечитал всё, что мог, об учении Церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие, практически же строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям Церкви, соблюдая все посты и все церковные службы. И я убедился, что учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения.

Стоит только почитать требник, проследить за теми обрядами, которые, не переставая, совершаются духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды ничто иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни. Для того, чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно уметь помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов; для того, чтобы родильница перестала быть нечистой, нужно произнести известные заклинания; чтобы был успех в деле или

спокойное житье в новом доме, для того, чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того, чтобы излечиться от болезни, для того, чтобы облегчилось положение умершего на том свете, для всего этого и тысячи других обстоятельств есть известные заклинания, которые в известном месте, за известные приношения произносятся священником.

Я действительно отрекся от Церкви, перестал исполнять её обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мертвое моё тело убрали бы поскорее, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым.

То же, что сказано, что я «посвятил свою литературную деятельность и данный мне от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви» и т. д., и что я «в своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых мною, так же как и учениками моими по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, проповедую с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской»..., – то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространении своего учения.

Правда, я сам для себя выразил в сочинениях своё понимание учения Христа и не скрывал эти сочинения от людей, желавших с ними познакомиться, но никогда сам не печатал их; говорил же людям о том, как я понимаю учение Христа, только тогда, когда меня об этом спрашивали.

Таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если у меня были, мои книги.

Потом сказано, что я «отвергаю Бога во Святой Троице, славимого Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Иисуса Христа, Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицаю бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы». То, что я отвергаю непонятную Троицу, и басню о падении первого

человека, историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо. Бога же Духа, Бога – любовь, единого Бога – начало всего не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении.

Еще сказано: «не признает загробной жизни и мздовоздаяния». Если разумеют жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая – постоянного блаженства, – совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни, но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда признаю до такой степени, что стоя, по своим годам, на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, т. е. рождения к новой жизни, и верю, что всякий добрый поступок увеличивает благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его.

Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, несоответствующим понятию о Боге и христианскому учению колдовством и кроме того, нарушением, самых прямых указаний Евангелия...³²⁶

Так вот что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне Синода. Я действительно не верю в то, во что они говорят, что верят. Но я верю во многое, во что они хотят уверить, что я не верю.

Верю я в следующее: верю в Бога, Которого понимаю, как Дух, как Любовь, как начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нём. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, Которого понимать Богом и Которому молиться – считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека в исполнении воли Бога, воля же Его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви

ведет отдельного человека в жизни этой к всё большему и большему благу, даст после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем более всего другого содействует установлению в мире царства Божия, т. е. такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для преуспевания в любви есть только одно средство: молитва, – не молитва общественная, в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф.6:5–13), а молитва, образец которой дан нам Христом, уединенная, состоящая в восстановлении и укреплении в своём сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли Бога.

Оскорбляют, огорчают или соблазняют кого-либо, мешают чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои верования, – я так же мало могу их изменить, как своё тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как я верю, готовясь идти к Тому Богу, от Которого изошел. Я не говорю, чтобы моя вера была одна несомненно на все время истинна, – но я не вижу другой – более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчас же приму её, потому что Богу ничего, кроме истины, не нужно. Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями только что вышел, я никак уже не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла.

«Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою Церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (своё спокойствие) больше всего на свете», сказал Кольридж.

Я шел обратным путем. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия; потом полюбил христианство более своей Церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство и в той мере, в какой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти.

Лев Толстой
4 апреля 1901 г. Москва.

III. Мысли православного епископа по прочтении новой исповеди графа Л. Толстого

Итак, после этой новой исповеди можно ли назвать гр. Толстого принадлежащим к православной Церкви и верующим по православному? Если у кого-либо до сих пор возможны были в этом сомнения и колебания, то теперь все эти сомнения рассеиваются. Гр. Толстой не только сознательно и последовательно отвергает самые основные догматы христианства, не только отрицает и хулит православную Церковь и её таинства, и всю церковную жизнь и практику представляет каким-то сцеплением лжи, обмана и грубого суеверия, но и сознательно бросил Церковь, завещав своим близким ни напутствовать, ни хоронить его по православному (нежелание быть погребенным по православному, как известно, предполагал в нём и Владыка-Митрополит Петербургский в ответе своём на письмо графини). Относительно отпадения графа от Церкви, т. о., не может быть двух мнений, и сам граф признает это. Мы скажем более, имел ли даже право Св. Синод, зная об учении гр. Толстого и зная, что это учение известно всему миру и привлекает к себе, если не последователей, то всеобщее внимание, имел ли право Св. Синод оставаться к этому равнодушным и предоставлять верным сынам Церкви соблазняться этим равнодушием и терять веру в Церковь? Имел ли право Св. Синод допустить, чтобы над графом, лицом всемирно известным, совершен был по смерти православный обряд погребения, к злорадному посмеянию всех врагов Церкви и к соблазну и недоумению всех верующих? Повторяем, относительно этого не может быть различных мнений. Св. Синод, издав своё постановление, не только воспользовался своим неотъемлемым и вполне естественным правом, но и исполнил неременную свою обязанность, от исполнения которой он никак не мог уклониться. Дай только Бог, чтобы и впредь наша родная Церковь также безбоязненно и твердо пред лицом всего мира произносила своё исповедание, исповедала веру в себя и своё Божественное призвание.

Соглашаясь с основной мыслью постановления, что он отпал от Церкви, граф Толстой возражает против уместности такого постановления и против некоторых его частных утверждений и мыслей. Прежде всего ему кажется несправедливым отлучать именно его, тогда как многие и в разговорах, и в письмах, и в печати высказывают своё неверие, и никто их не объявляет отпавшими от Церкви. И как бы предвидя возражение, что его, гр. Толстого, всемирно известного писателя, к слову которого прислушиваются все, сочинения которого переводятся на все языки почти в момент их появления на русском языке, нельзя же сравнивать с мелкими литературными и просто словесными сошками, граф прибавляет, что его последователей мало, что распространение его писаний ничтожно. С этим нельзя согласиться. Если мало настоящих, искренних последователей Толстого, то учение его, по крайней мере в его основных положениях, известно всюду, где только известно имя Толстого, а это имя известно всему читающему миру. Если у нас в России не знает этого имени неграмотный народ, то ведь такое положение вещей не может продлиться в вечность. Будет время, когда все будут грамотны, необходимо и это иметь в виду и будущих оградить от соблазна. Эта-то особенная известность имени гр. Толстого и была причиной, почему Церковь, уже давно не пользовавшаяся своим правом отлучения, на этот раз решилась прибегнуть к нему. Такова практика Церкви со времени её основания. Снисходя к немощам человеческим, Церковь произносила анафему только в крайних случаях, когда соблазн был чрезвычайным, и когда не было надежды исправить человека иными средствами. Действуя таким образом Церковь поступала вполне основательно и последовательно. Она всегда помнила, что конечная участь человека зависит «не от клочка писанной или печатной бумаги», не от самого церковного отлучения, а от того внутреннего отступления людей от Источника жизни и истины, о котором церковное отлучение только свидетельствует. Поэтому, если бы, по нерадению ли предстоятелей церковных, по их ли излишней снисходительности, какой-нибудь зараженный член и остался в обществе верующих, от

невидимого суда Божия он укрыться не может и святости церковного тела не повредит. А с другой стороны, анафема никогда, по существу своему, не была орудием кары, как бы некоторым отмщением грешнику за совершенный грех. «Мне отмщение, Аз воздам», говорит Господь, и Церковь, более чем кто-либо, помнит эти слова. Церковная анафема, поэтому, всегда имела в виду или исправление грешника, или, если этого нельзя ожидать, то служила оповещением церковного общества о появившемся заблуждении, с целью ограждения неопытных, и вместе с тем была исповеданием церковной веры. Поэтому-то Церковь и употребляла это средство только в исключительных случаях, а такой исключительный случай и явился теперь.

Граф находит неуместный синодальное постановление потому еще, что оно может оказаться подстрекательством к дурным поступкам и мыслям, чего ему приходилось видеть примеры. Всё сказанное выше может служить ответом и на это недоумение. «Если, скажем словами самого гр. Толстого, чувашин мажет своего идола сметаной или сечет его, я могу не оскорблять его верования и равнодушно пройти мимо, потому что он делает это во имя чуждого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священо». И Церковь, конечно, прошла бы мимо графа, если бы его проповедь не касалась самого дорогого церковного достояния, если бы не имела целью подкопать самое священное сокровище Церкви. Теперь же Церковь должна была оградить это сокровище и вместе те тысячи и миллионы её чад, которым угрожало лишение его. Пусть этот шаг Церкви «оскорбляет, огорчает или соблазняет кого-либо, мешает чему-нибудь и кому-нибудь, или не нравится», пусть некоторые ревностные, но не рассуждающие члены Церкви в этом шаге найдут повод к непохвальным выходкам, Церковь о всём этом может пожалеть, но поступить, ради этих возможных выходов, иначе не может, как не поступил бы иначе и сам граф, если бы находился в подобном положении.

Далее, граф называет постановление «тем, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нём заключаются заведомо несправедливые, клонящиеся к его

вреда утверждения». Примером таких утверждений служит, может быть, то, что Св. Синод приписывает графу фанатическую ревность о распространении его учения. «Это, говорит Л. Н., несправедливо. Я никогда не заботился о распространении своего учения». Читателю такое заявление Л. Н., конечно, может показаться весьма странным, как-бы софизмом. Он же знал, что его сочинения, особенно в последнее время, все до единой строки будут напечатаны и разойдутся в тысячах экземпляров? Как же он может думать, что он не виноват в распространении своего лжеучения? Св. Синод, говоря о том, что гр. Толстой с ревностью фанатика уже много лет не перестает проповедовать ниспровержение всех догматов православной Церкви, конечно, говорил о всей литературной деятельности графа, совсем не касаясь того, сам ли Л. Н. ходил в народ и проповедовал, сам ли отсылал в типографию свои рукописи или это делали за него его друзья и почитатели. Кто подносит человеку яд, конечно, виноват; но еще более виноват тот, кто этот яд составил, зная, что он будет поднесен. Вообще, этот пункт в письме гр. Толстого представляется странным и порождает недоумение.

Не менее странным является и тот пункт, где граф совершенно недвусмысленно обвиняет Св. Синод в сознательной и намеренной лжи, «в явной неправде». Это – относительно «не увенчавшихся успехом попыток увещания». «Ничего подобного (не обвиняясь утверждает граф) никогда не было». Тут какое-то трудно понятное недоразумение. К Л. Н. приходили священники и говорили с ним о вере. Некоторые из этих священников приходили к нему говорить о вере совсем не по собственному почину, а были нарочно для этой цели посылаемы епархиальным начальством. Граф с этими священниками говорил, делился потом со своими знакомыми и посетителями впечатлениями от этих бесед. Граф знал, что эти священники посланы к нему от архиереев (напр., тульского), и своим знакомым потом признавался, что беседы священника ему нравятся, только неприятно знать, что священника прислал архиерей для его увещания (говорим это на основании действительных событий). Как же после этого граф утверждает, что со стороны Церкви не было попыток увещания, и что Св.

Синод говорит «явную неправду», упоминая об этих попытках? Отвечать на обвинение во лжи таким же обвинением мы не думаем, а только утверждаем, что граф Л. Н., во имя истины, сам должен печатно оговориться или же дать своему утверждению какой-нибудь не прямой смысл. Может быть, он подумал, что Св. Синод говорит о попытках непосредственно самого Св. Синода. Может быть, он думал, что местный архиерей послал к нему священника независимо от Синода. Во всяком случае, оговориться необходимо, иначе на доброе имя писателя ложится странная и ни для кого не желательная тень.

Граф утверждает, что оставил он Церковь только после того, как теоретически и практически изучил и испробовал церковное учение, после того, как прочитал всю богословскую литературу и более года следовал предписаниям Церкви, соблюдая посты и пр. Всё это, по словам графа, только усилило его сомнения и укрепило его разочарование в церковном христианстве. – Факт, конечно, весьма печальный, но, к сожалению, не единственный и даже не редкий, и происходит он не от ложности церковного учения, не от ложности церковной жизни, а от душевного расположения и настроения того, кто к этому учению и в особенности к этой жизни приступает. Психологию итого особенного отношения к Церкви и её таинствам прекрасно изобразил сам же гр. Л. Н. Толстой в своём романе «Анна Каренина», именно там, где описывается молебен у постели умирающего Николая Левина. Этот давнишний невер, живший вдали от Церкви, по своим законам и пр., пред смертью вдруг решает служить молебен, думая, что у него вдруг откуда-то появится в душе вера, и эта вера исцелит его от чахотки. Он тупо и бессмысленно смотрит на икону, усиленно крестится, старается разгорячить себя, но, конечно, ничего из этого не получается: после молебна он со злостью велит убрать икону, разочаровавшись в её чудодейственности. Это тот грубый духовный материализм, ужасающий пример которого представил Л. Н. в «Воскресении», думая, что передает учение Церкви. Человек не хочет понять, что дело спасения совершается путем долгого нравственного развития, что общения с Богом можно достигнуть только в святости.

Человеку хочется вдруг посредством каких-либо внешних приемов очутиться на вершине духовного развития и вкушать всех плодов его. Таинства для него представляются какими-то лекарствами, он готовится сейчас же ощущать их действие внутри себя. Тоже самое и с остальными церковными установлениями. Конечно, никаких немедленных следствий принятия таинств и исполнения церковных предписаний человек не замечает, а не замечает потому, что нравственное развитие духовное, для которого установлены таинства и в пределах которого они действуют, для человека представляется безразличным и неинтересным, он ищет только плодов этого развития, представляющихся для него приятными. Результатом этого неправильного отношения к духовной жизни (неправильного потому, что корень всякого греха и зла – самолюбие здесь не только не отрицается, но служит главным двигателем) получается у некоторых самообман, то, что на монашеском языке называется *прелестью*, когда человек начинает посредством каких-нибудь искусственных приемов разжигать своё воображение, горячить чувство, принимая это искусственное и телесное разгорячение за действие благодати и в конце доходит до галлюцинаций. Натуры же более критического ума, или более мирские обыкновенно успевают видеть, что никаких непосредственных полутелесных, полудуховных изменений в их природе от таинств не происходит, и начинают утверждать, что никакого действия от таинств и нет, что молитва не помогает, что, наконец, всё учение Церкви сплошной обман. Л. Н., к сожалению, пошел тем же путем. Ему, гениальному писателю и художнику, конечно, трудно было смириться пред чьим бы то ни было авторитетом. Решаясь испробовать церковный путь, он захотел в то же время и наблюдать, как на него будет действовать это новое средство, и, конечно, его средство и этот путь скоро ему надоели, ощутительных последствий в себе граф не замечал и... обвинил во всём этом не себя, а Церковь и её таинства. Но Церковь и таинства спасительны не в виде лекарств, а под условием внутреннего самоотречения, распятия своей самости, жертвы собой Богу. Так понимает себя Церковь, так понимают свою

жизнь и все православные подвижники, так понимает отношения к таинствам и наш простой народ, везде и всюду, где только ему представляется повод и возможность выразить в словах и в действиях это своё понимание. И, конечно, наши священники и простые люди придут в ужас, прочитав в «Воскресении», как граф понимает таинство причащения; им никогда и в голову не придет самая возможность понимать таинство так грубо, материалистически, с такими вопиющими подробностями.

Еще одно замечание. В конце своего письма Л. Н. утверждает, что изменить свои мысли он может, если ему представят другое, более истинное понимание жизни, но возвратиться в Церковь он не может, «как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла». Много правды в этом пророчестве, и правды самой грустной, трагической. По этому поводу мне вспоминаются слова авторитетного обличителя гр. Толстого, преосвященного Антония, епископа уфимского (кажется, еще не попавшие в печать). Преосв. как-то высказался, что гр. Толстой, как мыслитель, должен обратиться, потому что его жизнепонимание, всё его моральное учение требует христианских, православных посылок; но, прибавил владыка, едва-ли граф обратится, как человек. И действительно, граф утверждает, что он верует в Бога-Духа, Бога-любовь, и думает, что это соединение нескольких названий вполне выражает его веру. Но что такое Бог-любовь, если в то же время Он не личность? Имеет ли эта любовь вечное, премирное значение, значение непреложного и всеобщего закона мировой жизни, если нет Бога в Троице, в которой любовь эта вечно действительна, вечно осуществляется? Не заимствует ли Л. Н. термин от веры, им осмеянной и оставленной? Точно также и относительно бессмертия и мздовоздаяния. Если нет личного, вполне определенного и сознаваемого бессмертия, тогда нет, конечно, и никакой загробной участи, нет никакого воздаяния, потому что природа всегда себе равна, она не умирает и в общей сумме своей никогда не изменяется. Кто же будет переживать и сознавать или, по крайней мере, служить объектом ожидаемого графом мздовоздаяния и бессмертия?

Опять Л. Н., отрицая церковные понятия о бессмертии и мздовоздаянии, влагает в эти слова однако тот смысл, сопровождает их теми чувствами, какими эти слова сопровождаются только в церковном понимании, и какие (чувства) не могут иметь места, если брать слова в их безличном смысле, как их в теории (но не на практике) понимает гр. Толстой. Получается довольно странное положение: человек любит, молится, почитает что-то, весь смысл своей жизни полагает в том, чтобы исполнять волю кого-то – и в то же время упорно твердит, что этот кто-то или что-то совсем не имеет ни воли, ни сознания, что, следов.. ни почитать, ни любить его нельзя и, конечно, на любовь и правду его рассчитывать также нельзя. Помнится, В. С. Соловьев весьма зло осмеял такую странную религиозность и жизнь по вере: молиться предмету и просить помощи от предмета, который заведомо ничего ни сделать, ни даже услышать не может. Если признается возможность и необходимость молитвы, если основа жизни – любовь и Бог, если человек должен исполнить волю Его, тогда этот Бог – личный и живой, именно Тот Бог, в Которого верует и Которого проповедует православная Церковь, и Которого граф теоретически отрицает. Моральное учение графа, т. о., должно бы привести его к Церкви, но вот можно ли надеяться на то, чтобы так это и случилось в действительности? Святитель Тихон Задонский однажды думал о том, как может пастырь спастись, когда всё время он должен думать о спасении других. И вот он видит сон. Представляется ему, что он поднимается на высокую гору, поднимается с трудом и усилиями, совершенно один. Но вот является кто-то, начинает ему помогать, потом подбегает еще человек, и еще, и еще, пока наконец не собирается около него целая толпа людей; все они поддерживают его, помогают идти, почти несут вверх, и он уже не чувствует прежней усталости и труда. Так ученики помогают учителю восходить все далее и далее к совершенству, укрепляют его в данном направлении. То же и с графом может быть, только в обратном направлении. Те же ученики, которых он увлек за собой из Церкви, теперь послужат для него величайшей помехой к обращению и

покаянию. Ему обратиться теперь труднее, чем кому бы то ни было. Но покуда он здесь, с нами, покуда не пробил для него час явиться пред престолом нашего Судии, до тех пор мы еще можем надеяться на милость Божию и можем молиться, и усердно молиться, да помилует и да обратит Господь раба Своего, и да дарует нам опять вместе с ним единым сердцем и едиными усты восхвалять Его святое Имя.

Сергий, Епископ Ямбургский

23 мая 1901 г. С.-Петербург.

IV. Открытое письмо графу Толстому от бывшего его единомышленника, по поводу ответа на постановление Святейшего Синода

С того времени, как мы разошлись с вами, Лев Николаевич, т. е. с тех пор, как я стал православным, а этому есть уже лет 8–9, я ни разу не разговаривал с вами о том, что так важно для нас обоих. Иногда меня очень тянуло написать вам, но краткое размышление приводило меня к сознанию, что делать этого не нужно, что из этого никакого толку не выйдет ни для вас, ни для меня. Теперь я берусь за перо под впечатлением только что прочитанного мною вашего ответа на постановление Синода от 20–22 февраля. Ничего нового для себя я не встретил в вашем ответе, тем не менее почувствовалась потребность сказать вам несколько слов по поводу этой свежей вашей исповеди.

Мне, как бывшему вашему единомышленнику, интересны, главным образом, те основные моменты христианского учения, на которых держится, с которыми связано наше теперешнее разногласие. На них я и хотел бы остановиться несколько подробнее, мимоходом лишь ответив на прочие (и даже не на все) пункты вашего писания.

Другие, может быть, откликнутся на ваше обвинение в неканоничности опубликованного синодального постановления... Я, со своей стороны, понимаю его, как констатирование уже совершившегося факта вашего отпадения от Церкви, о каковом отпадении Синод и объявляет чадам Церкви, чтобы предостеречь их относительно вашего учения. Думаю, что оно имело в виду и вас, надеясь вызвать вас на серьезный пересмотр ваших взглядов на христианство... Побуждало Синод к этому акту, нужно полагать, и желание открыто и во всеуслышание заявить об основных истинах веры христианской в то время, когда в обществе существует так много до противоположности несходных воззрений на сущность Христова учения.

Вы называете это постановление *произвольным*, потому что оно обвиняет вас одного в том, в чём подлежат обвинению

многие. Отчасти вы правы, но только *отчасти*, потому что никто из той интеллигенции, на которую вы указываете, не вступал в *такую* вражду с Церковью и её учением, как вы. Непризнание чего-либо, даже отрицание, – это не то, что *ожесточенная борьба*, да еще *неразборчивая в средствах*. В объяснение и оправдание последнего замечания приведу вам слова человека, в терпимости и высокой порядочности которого вы едва-ли осмелитесь сомневаться. Когда я зимой 1900 года спросил покойного Владимира Сергеевича Соловьева, почему он, умышленно избегавший раньше полемики с вами, выступил так энергично против вас в своих «Трех разговорах под пальмами», он отвечал: «меня возмутили кощунства «Воскресения»».

Добавлю еще, что истинно верующие люди едва-ли могут иметь что-либо против отлучения от Церкви и всех тех, кто заявил бы себя солидарным с вами. По моему убеждению, удерживать их формально в Церкви, когда они реально находятся вне её, – нецелесообразно и недостойно православия.

Вы называете постановление *неосновательным*, так как людей единомысленных с вами всего какая-нибудь сотня, т. е. вовсе не так много, как утверждает постановление. Не стоит ли это ваше заявление в противоречии с предыдущим замечанием, что почти все образованные люди разделяют с вами то безверие, в котором обвиняет вас Синод? Вы скажете, может быть, что эти интеллигенты солидарны с вами только в вашем отрицании церковного учения? Но ведь это-то отрицание главным образом и имеет в виду Синод, а не те положительные стороны вашей философии, в которой вы насчитываете так мало единомышленников.

О «явной неправде» постановления ничего не смею сказать и оставляю этот вопрос на совести вашей и тех, кто, по вашим словам, допустил эту неправду.

Что касается клеветы, которую вы усматриваете в постановлении, то я её ни в чём не вижу, ибо не вижу «заведомо несправедливых утверждений касательно вас, клонящихся к вашему вреду».

Не могу согласиться с вами и в том, что оно есть подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

В доказательство последнего вашего положения вы приводите выдержки из нескольких писем, полученных вами после отлучения. Я согласен с вами, что письма эти не хороши, что они слишком отзывают тем Илииным духом, который не одобрил Спаситель в сынах Зеведеевых, выразивших желание свести огонь с неба на оскорбивших Учителя самарян: «Не знаете, какого вы духа», – сказал ученикам Христос.

Не знают Христова духа и авторы этих писем. Но при чем тут постановление Синода? Вы с большей основательностью могли бы упрекнуть приходских пастырей в нерадении к духовному устройению словесных овец, обнаруживающих волчьи зубы. Вы скажете, может быть: Синод должен был предвидеть это.

Пусть так, но нельзя было этого предупредить. Не публиковать постановления, – возразите вы. Но ведь в таком случае придется совсем сложить руки, так как почти всякое постановление может быть нелепо понято и дурно принято невежеством и нерассудительностью. Лучшим подтверждением этого служит ваше учение: припомните, какой вид оно принимало, проходя чрез разнокалиберные головы и сердца последователей ваших?! Вам это известно, конечно, лучше, чем мне, – а и мне хорошо известно...

Чтобы не тревожить теней прошлого, укажу вам на вашу недавнюю сравнительно вещицу с невинным и даже христианским заглавием – «Не убий», которая *некоторыми* лицами была понята совсем не так, как вы, надо думать, желали, судя по заглавию, – и правду сказать, Лев Николаевич, не без основания *на этот раз*, ибо только слова говорили «не убий», а дух брошюры питал то чувство, которое св. Иоанн Богослов называет *человекоубийственным*.

Далее вы признаетесь, что вы отреклись от православной Церкви, но не потому, что восстали на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желали служить Ему.

Не знаю, умышленно ли вы опустили слова «и на Христа Его», упомянутые в Синодальном постановлении и однажды

приведенные вами... Их нельзя опускать. Церковь православная (и не только православная) теснейшим образом связана с Христом. И для всякого мало-мальски мыслящего (равно как и для не мыслящего, а одной детскою верою ходящего) православного отречение от Церкви есть и отречение от Христа (и восстание на Отца Его), ибо Христос есть Глава Церкви, Церковь же Тело Его. На *Сего-то* Христа вы, действительно, восстали, что и сами признаете спустя несколько строк. Служить же вы хотите не Ему и не Тому Отцу Его (Господу), Которого знает и признает вселенское христианство, начиная от православного и католика и кончая лютеранином, штундистом и пашковцем, а какому-то неведомому безличному *началу*, столь чуждому душе человеческой, что она не может прибегать к нему ни в скорбные, ни в радостные минуты бытия своего.

Не буду касаться ваших замечаний о том, *как вы исследовали учение Церкви*, а равно и достоинств ваших богословских трудов. Об этом довольно писалось за последние 10–15 лет. Позволю, впрочем, себе сказать несколько слов. Можно пожалеть, что вам пришлось знакомиться с христианским богословием по руководству м. Макария. Может быть, приобщение на первых порах к более жизненной и животворящей мысли богословов-подвижников раскрыло бы вам глубочайшую связь между христианским вероучением и нравственностью, а главное, ввело бы вас в сферу внутреннего духовного опыта, *при котором только* и можно непоколебимо верить в догмат и сознательно его исповедовать.

Далее вы говорите о церковных обрядах, о некоторых догматических верованиях и таинствах. Всё это вам представляется ложью, кощунством, колдовством, обманом. Не входя в подробности, которыми, повторяю, достаточно занималась духовная литература последних лет, разбирая ваши произведения, я остановлюсь на некоторых *общих* соображениях.

В одной из глав вашей критики догматического богословия вы, говоря о Церкви, выражаетесь приблизительно так: «При слове «Церковь» я ничего другого не могу представить, как

несколько тысяч длинноволосых невежественных людей, которые находятся в рабской зависимости от нескольких десятков таких же длинноволосых людей»... Я не опровергаю этого больше чем наивного определения Церкви, ибо знаю, что опровержение бесполезно, так как определение это вытекло не из логики, а из непосредственного восприятия вами фактов текущей церковной действительности. Пусть будет по-вашему, пусть понятие о Церкви сводится к понятию о духовенстве, и пусть всё это духовенство будет сплошь невежественно и корыстно, пусть оно из самых низменных мотивов поддерживает церковное учение... Пусть будет по вашему, но ведь должны же вы были задуматься над вопросом: когда возникло это учение?

Ведь не нынешними же, по вашему предвзятому представлению, «невеждами и корыстолюбцами» установлены таинства, даны догматические определения, введены богослужебные обряды... Ведь о важнейшем таинстве, вызывающем самые яростные нападки с вашей стороны, мы узнаем еще в новом завете. Обращаю ваше внимание на слова ап. Павла (Посл. к Кор.), который, очевидно, понимал слова Спасителя о Теле и Крови так, как понимаем мы – православные. Что он придавал *таинственное* (в нашем православном смысле) значение священной трапезе, это видно из того, что в зависимость от недостойного вкушения оной ставил болезни и даже смерть верующих.

Не в Евангелии ли Христос исповедается Богом?

Не в посланиях ли апостольских искупление является краеугольным камнем учения?

Не ближайшие ли ученики Спасителя (и сам апостол любви) посещают Иерусалимский храм для молитвы?

Не в первые ли века (II и III) развивается богослужебный чин христианский?

Не поддерживают ли всё это и не полагают ли жизнь свою за то, что вы обругиваете, как ложь, колдовство и обман, ученики Христовы и ученики Его учеников?

Лев Николаевич! Вы говорите, что любите истину больше всего на свете. Докажите же это на деле: отрешитесь на самое короткое время от вашего обычного отношения к сущим

церковникам и, забыв их, перенеситесь мысленно в первые века христианства.

Неужели вы дерзнете упрекнуть в невежестве, сребролюбии, недобросовестности те сотни, тысячи христианских подвижников, из которых одни вызывали восторг и удивление своими добродетелями даже во враждебно настроенных к христианству язычниках, другие проявили глубочайшую мудрость в своих философских и богословских трудах? Вспомните Поликарпа, Иустина Философа, Антония и Макария Великих, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Блаж. Августина, Оригена Адамантового... Чем объясняете вы *в них* и в тысячах им подобных самоотверженных служителей истины – эту верность церковному учению и именно той его стороне, которую вы не хотите назвать даже заблуждением, а непременно ложью и обманом? Любовь к истине, которую вы, не колеблясь, признаете в себе, требует, чтобы вы подыскивали другое объяснение для возникновения тех верований, которые вы клеймите позорным именем колдовства, лжи и бессмыслицы...

Несколько лет тому назад, в первый период своего обращения к Церкви, я прочитал в «Вестнике Европы» прекрасные статьи проф. Герье о Франциске Ассизском и Екатерине Сиенской. Статьи эти драгоценны тем, что в них мы находим беспристрастное и в то же время глубоко-продуманное изложение фактов внешней и внутренней жизни названных католических святых, фактов тщательно проверенных и пропущенных чрез горнило строгой исторической критики. В обоих житиях (да позволено будет назвать так эти чудные монографии!), особенно в житии Екатерины (которую, кстати сказать, св. Димитрий Ростовский именует блаженною в церковном значении этого слова) – с удивительной яркостью выступают личные отношения души человеческой ко Христу. Все изумительные явления *нравственной* жизни Екатерины, поражавшие своей необычайностью и покорявшие своей силой даже людей к ней враждебно настроенных, оказываются теснейшим образом связанными с личным её отношением к Живому Христу Господу. Зависимость эта сказывается так ярко,

так непрекаемо, что некоторые неверующие, но не ожесточенные против Церкви люди в недоумении потупляли очи при чтении этого произведения ученого автора и – задумывались.

Так вот, когда я по прочтении названных статей попал в один московский кружок молодежи, состоящий из лиц, вам (а раньше и мне) очень близких, и заговорил с недавними своими единомышленниками о центральном пункте христианства – Самом Богочеловеке и о необходимости для христианина живого, ощущаемого общения с Ним, причем сослался (по малости собственного духовного опыта) на житие Екатерины, то встретил решительный и единодушный отпор: для слушателей казалось нелепостью общение с «мертвецом, давно сгнившим». Самосознание Екатерины и ей подобных лиц, опирающихся в своей нравственной жизни на Христа распятого и *воскресшего*, представлялось *самообманом*. У меня осталось впечатление, что это – ваша мысль, Л. Н-ч. Да и трудно, правду сказать, найти третье объяснение, если не принимать того, которое предлагают люди, свидетельствующие о живом союзе своём с Воскресшим.

Но любовь к истине позволит-ли остановиться и на теории самообмана? Не придется ли тогда признать, что наилучшие движения души человеческой и высочайшие акты воли порождены были самообманом, т. е. в сущности неправдой?! Или, может быть, самообман состоял не в том, что люди мечтой своего воображения умножили в себе добродетель, а в том, что эту собственную, самодельную, так сказать, добродетель мысленно связывали, без всякой нужды и выгоды для добродетели, со своим фантастическим верованием в «Воскресшего Мертвеца», питающего Своею плотью и кровью?

Но тут является новое затруднение. Как объяснить себе, что на расстоянии стольких веков люди различных национальностей, различного образования, пола, возраста, общественного положения подпадают такому *странному* обольщению, усваивают, *очевидно, ненужное* и столь несвойственное «здравому смыслу» верование? Удивительно, что и развитие так называемого положительного знания не

освободило людей от этого исторического, из века в век переходящего кошмара: Паскаль, Гладстон, наш Владимир Соловьев – тому живые примеры... Знаменательно также, что тончайшие психологи оказываются в списке этих, по-вашему, безумцев, последователей Назарейской ереси. Чего стоит один Исаак Сирин, столько же превосходящий вас (даже вас, говорю без всякой иронии) глубиной психологического анализа, сколько и высотой своего истинно духовного настроения?! Ведь если есть действительная психология, так главным образом (если не исключительно) у тех подвижников христианства, которые утверждались на камне «безумного» вероучения Церкви. Неужели эти сердцеведцы не могли разобраться в такой *очевидной*, по вашим словам, лжи? Странно, больше того, – непостижимо это эпидемическое ослепление, идущее из рода в род в стольких народах...

Миную ваши обычные упреки по адресу Церкви за искажение ею учения Христа о судах, войнах и др. родах насилия. Прочтите, если вы не читали, «Три разговора» Владимира Соловьева: там сказано об этом много такого, что должно бы, кажется, заставить вас задуматься...

Перехожу к вашему заключительному *profession de foi*. Несколько раз перечитывал я этот краткий символ вашей веры и каждый раз неизменно испытывал одно и то же тоскливое, гнетущее чувство. Слова все хорошие: Бог, Дух, любовь, правда, молитва, а в душе пустота получается по прочтении их. Не чувствуется в них жизни, влияния Духа Божия... И Бог, и Дух, и любовь, и правда – всё как-то мертво, холодно, рассудочно. Невольно вспоминается ваш перевод 1 гл. Евангелия от Иоанна, где вы глубокое, могучее «В начале бе Слово и Слово бе к Богу и Бог бе Слово» заменили жалким «в начале было разумение, разумение стало вместо Бога, разумение стало Бог». Лев Николаевич, какой же это Бог – разумение?! Ведь попросту сказать, ваш Бог есть только ваша *идея*, которую вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая её со стороны на сторону в течение 2 десятилетий. Вы никак не можете выйти из заколдованного круга собственного «я». Даже в молитве, этом высочайшем душевном акте, неложно связующем христианина с

Богом и раздвигающем границы человеческого «я» до бесконечности Божией, вы остаетесь одиноки – с одним собой, в одном себе. Ваша молитва (по вашему-же признанию) есть лишь усилие и усиление вашего сознания, а не действительная беседа души человеческой с живым Богом, она есть искусственный психический акт выдвигания перед сознанием известной идеи, а не приобщение к живому, приснотекущему Источнику благодати, орошающему иссохшую землю сердца нашего. Вера ваша такая же отвлеченная, рассудочная и мертвая, как и вера тех ортодоксов, которые ограничиваются философским признанием догмы, забывая, что истина познается не логическими рассуждениями, а всею целостью нашего нравственного существа, требующего для приобщения к истине *определенного* религиозного подвига. Как они, так и вы мало понимаете, что вера (с характером которой в теснейшей связи стоит и характер молитвы, этого, так сказать, барометра духовной жизни) есть нечто более глубокое, сильное и действенное, чем обычный акт сознания или некоторая идейная настроенность.

Есть вера от слуха ([Рим.10:17](#)) и есть вера уповаемых извещение ([Евр.11:1](#)).

Вот эта-то вера, *осуществляющая* ожидаемое и этим дающая непоколебимую уверенность в невидимом, – и чужда вам, ибо дается она только Богочеловеком Христом, чрез Кого *единственно* мы получаем, еще живя на земле, сей доступ к Небесному Отцу и к дарам Его милости.

Отметая Христа Искупителя, вы неизбежно лишаете вашу душу Его благодатного воздействия, а потому не имеете того духовного опыта, который, когда вы говорите о добродетелях, помог бы вам отличить любовь Христову от естественной благонастроенности, благодатную кротость от самообладания (или природной тихости), смирение от снисходительности, мудрое во Христе терпение от бесплодного самоистязания. Потому-то вы и не понимаете великого значения веры в Христа распятого и воскресшего, необходимости её для *истинного* возрождения человека, ибо самое возрождение вам неведомо...

У вас, как это ни странно многим слышать, нет мерил для оценки и определения важнейших нравственных переживаний души человеческой, – переживаний, доступных самым простым и некнижным людям, о которых апостол сказал, что Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал, чтобы посрамить сильное, для того, добавляет апостол, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом. Да, как ни бессмысленно это на иной взгляд, но духовное ведение, доступное Павлу Препростому (IV в.), не дано Льву Мудрому, святилище тайн Христовых, открытое для первого, закрыто перед вторым...

Эпиграфом с эпилогом своей статьи вы избрали слова Кольриджа, – слова настолько значительные, что их нельзя пройти молчанием. В них, мне кажется, до некоторой степени заключается разгадка того недоразумения, которое существует между вами и Церковью.

«Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою Церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете».

Не знаю, с которого конца подойти к этому афоризму: почти каждое слово требует комментария.

Начну, пожалуй, с фактической проверки данного положения.

Вот перед нами апостол Павел, особенно, помнится, нелюбимый вами за мнимое искажение учения Христова, больше других апостолов потрудившийся над устройением Церкви.

Чем же он кончил? Тем, что полюбил себя (свое спокойствие) больше всего на свете?! Заклятый враг истины не позволит себе сказать этого о нём, величайшем, по справедливому выражению Фаррара, из великих людей, вся жизнь которого со времени обращения его ко Христу была сплошным мученическим подвигом, и в любящем сердце которого не тесно было многим народам.

Вспомните и весь сонм апостольский... Вспомните ближайших учеников Христа – Петра и Иоанна,

единомысленные послания которых с искаженным, как и у Павла, учением Христовым перед нашими глазами... Чем кончают они? Изгнанием, мученичеством.

Оставляю в стороне период гонений, когда так мало помышляли о покое, а так много проливали крови за воскресшего Христа и Церковь Его Святую, и опять напоминаю вам о подвижниках пустынь – Антонии, Макарии, Исааке (и других, имже нет числа), об отцах и учителях Церкви – Златоусте, Василии, Григории, Августине, о более близких к нам Сергии Радонежском, Стефане Пермском, св. Филиппе, Тихоне Задонском... Не знаю, как вы, Лев Николаевич, а я очень желал бы любить своё спокойствие *так*, как любили своё эти рабы Христовы и служители Церкви. Уверен, что и Господь такому моему спокойствию порадовался бы.

Очевидно, мысль, которую вы хотели выразить или подтвердить словами Кольриджа, не оправдывается фактами. И не оправдывается потому, что понятия тут перепутаны, сдвинуты со своих основ, поставлены в взаимную связь по случайным, а не по существенным признакам. Вы отделяете истину от христианства, хотя в последних строках и заявляете, что *до сих пор* истина совпадает для вас с христианством, как вы его понимаете.

Для тех же великих и святых людей, о которых я только что говорил, и жизнь которых представляет такое блестящее опровержение афоризма Кольриджа, истина *безусловно* совпадает с христианством, для них *Христос* есть Истина *абсолютная*, ибо в Нём, по слову апостола, обитает полнота Божества телесно (Кол.2:9).

Мало того, для них и Церковь была неразрывно связана с истиной, что видно из слов того же апостола, называющего Церковь столпом и утверждением истины (1Тим.3:15). Верование ап. Павла было верованием и прочих апостолов, «самовидцев Слова», о чём свидетельствуют их писания, этот, кстати сказать, *единственный документ*, знакомящий нас с учением Христовым. Веру апостолов разделяли и их ученики; эту же веру приняли и исповедовали и христиане последующих веков. Итак, вы видите, что все эти люди любили христианство

и Церковь, как *истину*, т. е. истина совпадала для них с христианством, как они понимали его: иначе сказать, они никак не менее вас были правы перед истиной, а если посмотреть на *жизнь* их, то, несомненно, окажется, что даже превосходили вас любовью к ней...

Неосновательно разъединив истину, христианство и Церковь, речение Кольриджа так же неосновательно смешивает Церковь с сектой. Для Кольриджа такое смешение естественно: он не знал Церкви, а видел секты, именующие себя Церквами: свои выводы из наблюдений над сектами он перенес на Церковь. Между тем многое, что приложимо к секте, вовсе не приложимо к Церкви.

Впрочем я не стану безусловно оспаривать мысли, выраженной в словах Кольриджа. Возможно, – и, к сожалению, нередко случается, – что люди, принадлежащие к Церкви, уподобляются сектантам по своему душевному устройению. Разумею тех, кто вступает в Церковь, ища в покорном послушании ей, как *внешнему авторитету*, ленивого покоя для своей истомленной головы. При таком отношении к Церкви движение вперед по пути усвоения истины прекращается, вера и любовь иссякают, в душе рождается сектантское самодовольство с неизбежными спутниками: фанатизмом и нетерпимостью.

Но эти случаи, мало ли их будет, или много, не изменяют *существа* дела, не опровергают истинности христианства и Церкви (хотя и вносят соблазн в многие людские души), подобно тому, как превалирующее количество эгоистов в мире не подрывает в глазах разумного человека правды нравственного закона (хотя и порождает в иных сердцах сомнение в силе его).

На ваше последнее признание, что вы радостно и спокойно приближаетесь к смерти, – ничего не скажу. Будущее, неизвестное и вам, и мне, скажет своё слово о вашем спокойствии и вашей радости...

Простите, если чем нечаянно обидел вас, Л. Н-ч. Говорю «нечаянно», потому что во всё время писанья не замечал в себе ничего к вам враждебного. Напротив, с первых страниц моего

письма всплыли из далекого прошлого наши дружеские отношения, и образ их не покидает меня доселе. Мне грустно, что их нет теперь и не может быть, пока между нами стоит Он, Господь мой и Бог мой, молитву к Кому вы считаете кощунством, и Кому я молюсь ежедневно, а стараюсь молиться непрестанно. Молюсь и о вас и о близких ваших с тех пор, как, разойдясь с вами, я после долгих блужданий по путям сектантства вернулся в лоно Церкви Христовой.

Для всех нас «время близко», а для вас, говоря по человеческому рассуждению, – и очень близко... Но я не теряю окончательной надежды, что вам, которому так хорошо знакомо слово евангелиста Иоанна, что «всякий, не делающий правды, не есть от Бога» (1Ин.3:10), откроется истинный смысл и другого слова того же апостола любви, что «не есть от Бога и всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти»; тогда, может быть, в последние минуты вашего земного странствия, Образ Воскресшего зажжется ярким пламенем в душе вашей, и вы, выйдя из мрака в «чудный свет» Его, подобно блаженному Августину, если не воскликнете, то в тайне сердца вашего изречете: *Sero te amavi, pulchritudo tam antiqua et tam nova, sero te amavi!*

М. А. Н–в

Вышний-Волочек. Тверской губ.

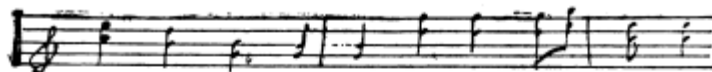
29 мая 1901 г.

От редакции. В предупреждение редакций журналов и газет, которые пожелали бы перепечатать настоящую нашу статью «Новая исповедь гр. Л. Толстого», считаем долгом объяснить, что напечатание «ответа» гр. Л. Толстого на постановление о нём Св. Синода от 22 февраля нам разрешено под непременным условием разбора этого «ответа», с православной точки зрения, каковой разбор и предлагается в настоящей статье.

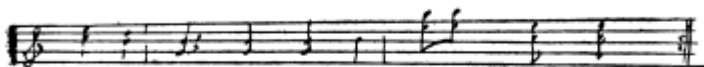
Никольский Н. Как поются хлыстовские распевцы // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 836

Какъ поются хлыстовскіе распѣвцы.

№ 1.

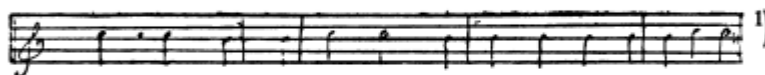

Дай к нам Го спо ди І и су Хри ста
Пре свя та я Ма ти Бо го ро ди ца.
На тво ей зем лѣ... и т. д.

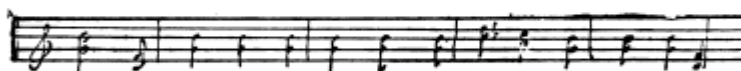
Дай к нам Сы на, Бо же, по ми луй насъ
На ша Ма туш ка по мо щ ни ца.

№ 2.

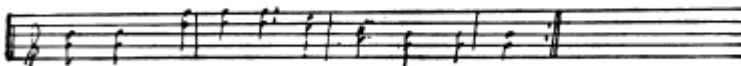

Во стра нѣ лю ди нѣ, въ го ро дѣ Е ру са ли мѣ...

№ 3.

Съ вы со ты бы ло да ле ко отъ жи ва Бо га про

ро ка сто ялъ ан гелъ, возврѣ Бо га... и т. д.

Онъ и громко воскричалъ,
Добрую душу научалъ.
Душа плачетъ, слезами льется,
Всѣ трудовъ царствія не добьется.
Стала душа съ плотью спорить;
Сталь Господь престоль строить.
Гдѣ ни съѣдемся, ни сойдемся,
Мы роднею назовемся.
Въ соборъ-церковь зайдемъ,
Въ сердцахъ свѣчи зажжемъ.

Станемъ Богу молиться:
До насъ Господь умилился,
Наша любовь Бога катаетъ,
Свои книги раскладаетъ.
Мы прочтемъ книгу святую,
Побьемъ плоть свою слѣпую,
Распростоемъ свое сердце
Жити Святому Духу.
Слава тебѣ.

Н. Никольскій.

¹⁾ Пѣніе этого стиха похоже на чтеніе апостола. Поетъ старикъ ровнымъ голосомъ.

Н. Никольскій

Из миссионерской полемики

**А-зов И. Из беседы с штундо-баптистами и
молоканами о свящ. Писании и свящ. Предании //**
Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 837–848

Праздник... Обедня в П-ском храме давно отошла... День клонился к вечеру... Бом!... Бом!... вдруг разнеслись по селу звуки церковного колокола, сзывая народ к беседе... И по селу потянулись длинные вереницы крестьян, направляясь к храму, где скоро собралось много народу: пришли православные, отчасти уже знакомые со мной по залитургийной проповеди; пришли в большом числе и сектанты, – миссионер был новый, и всем «любопытно было послушать».

Общим хором пропели молитву и, после взаимного приветствия с праздником, началась беседа.

Миссионер. Первые христиане каждый день и особенно в праздники и дни воскресные собирались в храм, где «единодушно пребывали в молитвах, прославляя и благословляя Бога». По их стопам шли наши предки: связанные единством веры и любви, они также собирались все в храм для молитвы, особенно в дни воскресные и праздники. Казалось бы, что и нам так следовало поступать. Но на деле мы видим иное. Сегодня у нас праздник. Правда, все вы чтите его, что видно и по вашей праздничной одежде, но нет у вас «единодушия», как было то у первых христиан и ваших дедов. Одни из вас, следуя примеру древних христиан и своих отцов, пошли для молитвы в храм Божий; другие же, увлекшись вымыслом человеческим, пренебрегли церковь Божию и собрались не только для молитвы, но даже для совершения якобы вечери Господней в простых избах, в которых едят и пьют, а нередко творят и непотребства!... Прежде все вы говорили одно, и не было среди вас разномыслии, а теперь появились разделения, вражды и распри! Откуда всё это?... Не от вожделений ли ваших, воюющих в членах ваших?³²⁷ Не оттого ли, что некоторые из вас, вопреки словам апостола: «не многие делайтесь учителями...»,³²⁸ возжелали учительства, но, уча, уклонились в пустословие, не разумея ни того, о чём говорят, ни того, что

утверждают?³²⁹ Не оттого ли, что многие увлеклись философией лжеучителей и, увлекшись, в своём ожесточении дошли до того, что ослепили глаза свои, окаменели сердце своё, так что, хотя и учатся, но никогда не дойдут до познания истины?!³³⁰

На этом речь мою прервал один из наиболее горячих штундистов.

Григорий. «Познание и ученость тут ни при чем, да и учиться тут нечему. Писание говорит: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых»... Вера нужна во Христа и только! И по Писанию: «верующий в Него не постыдится.., и всякий, кто призовет имя Господне, спасется», а вы на ученость налегаете!...

Миссионер. Да, «без веры невозможно угодить Богу»... Но я спрошу тебя: «как веровать в Того, о Ком не слыхали?» Ведь прежде чем верить, необходимо принять научение, без которого нет и веры. Вспомни, как ап. Филипп, услышав, что евнух читает из пр. Исаии, спросил его: «разумеешь ли, что читаешь?» А евнух отвечал: «как могу разуметь, если кто не наставит меня?» Тогда Филипп *научил* его, и евнух поверил, крестился и спасся. Посему-то св. Писание говорит: «вера от слышания (т. е. научения), а слышание от слова Божия» (Рим.10:17); так что без научения нет веры, а без слова Божия нет научения. И выходит, что для спасения прежде всего необходимо слышать *слово Божие*, т. е. всё то, чему учил нас Иисус Христос словом и делом Своим.

Григорий. Вот мы и слушаем слово Божие и, испытывая Писание, доброго держимся.

Миссионер. Хорошо делаете, что слушаете слово Божие. Но я спрошу вас: *всё ли слово Божие* вы слушаете? Вы указываете на св. Писание, и мы приемлем его, но всё ли учение Иисуса Христа записано в священных книгах нового завета?

Аникитов. Да! оно всё записано в священных книгах нового завета апостолами и евангелистами, и по ним мы спасаемся.

Миссионер. Так в своё время думал и евнух. Он также имел записанное слово Божие и читал его с доброй целью – спастись по нему. Но оказалось, что заблудился: там, где св. Писание

говорило об Иисусе Христе, он толковал о пр. Исаии или о ком-либо другом!... Почему-же? Да потому, что, не слыша всего слова Божия, он не мог правильно понять и записанной части его и, только когда ап. Филипп научил его, он прозрел и уверовал.

Аникитов. То было в своё время, когда еще не было новозаветного Писания; а теперь мы спасаемся новым заветом, который весь записан.

Миссионер. Значит, ты признаешь, что в ветхом завете всё слово Божие не было записано, что евреи спасались и незаписанным словом Божиим, хранящимся в устной передаче его от предков к потомкам (Быт.18:19; Исх.10:2; Втор.32:7; Сир.8:11, 12; Пс.77:3, 7), и что лица, учившие еврейский народ, на основании незаписанного слова Божия толковали записанное, и только тогда народ понимал прочитанное (Неем.8:7–8)?...

Аникитов. Да, в ветхом завете так было, а в новом всё учение Иисуса Христа записано.

Миссионер. Хорошо. Итак, мы признали, что в ветхом завете часть слова Божия была записана, а часть сохранилась в свящ. Предании, и что евреи руководились в деле своего спасения и тем, и другим.

Теперь перейдем к новому завету. Всё ли новозаветное слово Божие записано евангелистами и апостолами? Если окажется, что не всё, то, следовательно, нам также нужно знать и незаписанное в новозаветном Писании слово Божие, чтобы правильно понимать записанное.

Аникитов. По нашему, всё записано. Да и ев. Лука говорит: «написал я о *всём*, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который вознесся (Деян.1:1–2). Значит, в свящ. Писании записаны все дела и учение Иисуса Христа.

Миссионер. Нет! Ты неправильно понимаешь слова ев. Луки. Он говорит не о *всём* св. Писании, а только о *своём* Евангелии...

Аникитов. Всё равно, – пусть о своём Евангелии.

Миссионер. Если же Лука в своём Евангелии записал о всех делах и учении Иисуса Христа, то я спрошу вас, к чему вам

прочие Евангелия? Ведь вы не довольствуетесь одним Евангелием Луки, а принимаете еще три и, что самое главное, находите в них, особенно у ев. Иоанна, многое из дел и учения Иисуса Христа, не записанное ев. Лукою! Далее, к чему вам и «благовестие, которое слышал ап. Иоанн лично от Иисуса Христа и возвестил» христианам в своих посланиях к ним (1Ин.1:5)? Но и это послание вы принимаете, потому что записанного в нём не находите во всех четырех Евангелиях, а не только у ев. Луки! Следовательно, ев. Лука записал в своём Евангелии не о всех делах и не о всём учении Иисуса Христа. Да и сам он не говорит этого. Смысл же приведенных вами слов его иной. Известно, что евангелист Лука не был очевидцем и слушателем Иисуса Христа, а писал о Его делах и учении со слов «очевидцев и слушателей Слова», т. е. со слов апостолов Христовых; посему, если ев. Лука говорит, что «написал о всём, что Иисус делал и чему учил»..., то это не значит, что записал о всех вообще делах и учении Иисуса, которых он лично не видел и не слышал, а только о тех, о которых слышал из уст апостолов Христовых или сам лично, или слышали о том, а частью и записали, другие.

Но о всех ли делах и о всём ли учении Иисуса Христа апостолы сообщили ев. Луке и другим, – об этом сам ев. Лука не пишет.

Из сличения же всех Евангелий мы видим, что Лука не записал много важного из дел и учения Иисуса Христа. Значит, или не о всём сообщили ему и многим апостолы Христовы, или многие из переданного им многое забыли. Когда же другой евангелист, очевидец и служитель Слова – Иоанн Богослов – записывал в своём Евангелии о делах и учении Иисуса, причем по преимуществу о тех, которых не записали другие евангелисты, то и он в заключении своего Евангелия говорит: «многое и другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин.21:25). Как же вы говорите, что ев. Лука один записал все дела и всё учение Иисуса Христа?

Аникитов. Пусть будет по-вашему. Пусть ев. Лука и другие евангелисты не всё записали, но во всём новозаветном Писании

мы находим всё учение Иисуса Христа.

Миссионер. Так ли. Всё ли из незаписанного в Евангелиях записано в прочих священ. книгах нового завета? На это я отвечу вам словами ев. Иоанна: «если писать о том, что сотворил Иисус, подробно, то и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин.21:25).

Аникитов. Что вы ссылаетесь всё на Иоанна? Он говорит, что всех чудес, сотворенных Христом, нельзя записать, – читайте по 20 гл. 80 ст.; учение же Иисуса Христа всё записано в новозаветном Писании. Нам же чудеса и не нужны: они не для верующих, а для неверующих, как говорят Христос и ап. Павел: «иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости,» потому что «если не увидят знамений и чудес, не уверуют» (1Кор.1:22; Ин.4:48). Мы же веруем во Христа, и нам нужно знать только учение Его, чтобы жить по нему...

Миссионер. Правда, «блажени не видевшие (чудес) и уверовавшие» во Христа. Но ты ошибаешься, думая, что только чудеса Иисуса Христа не все записаны; ты забываешь дальнейшие слова того же евангелиста: «многое и другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин.21:25). Здесь уже речь не об одних чудесах, а о всём, что сотворил Иисус, т. е. и о том, чему учил.

Аникитов. По нашему, здесь тоже о чудесах говорится.

Миссионер. Нет! Под словом: «сотворил» (Ин.21:25). нельзя разумеать только чудеса, сотворенные Христом, ибо Иисус Христос, по св. Писанию, пришел на землю сотворить: «волю... дела... заповеди... слова Божии» (Ин.3:34, 4:34, 14:31), а чудесами лишь подтверждал, что «творит волю не Свою, а пославшего Его Бога Отца». Посему и в молитве Своей к Отцу Христос сказал: «Я совершил (т. е. сотворил – ср. Ин.4:34) дело, которое Ты поручил Мне исполнить... слова, которые Ты дал Мне, Я передал им»... (Ин.17:4–8). Значит, по ев. Иоанну, невозможно записать не только всех чудес, но и всех вообще дел и всего учения Иисуса Христа. Поэтому ев. Иоанн, как и ап. Павел (2Кор.2:17, 3:1–2), не только не задавался целью записать всё учение Иисуса Христа, но даже предпочитал

устное научение письменному и дополнял им записанное (2Ин.1:12). Теперь я спрошу вас: все-ли слова Божии передал Иисус Христос ученикам Своим до вознесения Своего на небо?

Григорий. Конечно, все. Апостолам оставалось только хранить их и возвещать другим, как повелел Сам Господь, говоря: «идите, научите все народы... уча их соблюдать всё, что Я повелел вам» (Мф.28:19–20). Если Христос говорит: «Всё повелел вам», то и мы должны так понимать. И в молитве Своей к Отцу Христос прямо сказал: «слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли» (Ин.17:8); стало быть, Христос еще на земле передал ученикам Своим все слова Божии, а вы еще чего-то ищете!

Миссионер. А вспомни, как Иисус Христос пред Своими страданиями сказал Своим ученикам: «еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить».

Когда же придет Дух Истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам... *От Моего* возьмет и возвестит вам (Ин.16:12–14). Видишь, как ясно Христос говорит, что Сам Он не все слова Божии возвестит апостолам, а что дело Его докончит Дух Святой, Который возьмет от Христа еще не переданные апостолам слова Божии и возвестит им. Посему апостолы и не выходили на всемирную проповедь до Пятидесятницы, когда получили от Св. Духа напоминание всего, сказанного уже Христом, и научение всему, еще не полученному лично от Иисуса Христа (см. Ин.14:24–26, 16:18). Итак, Сам лично Иисус Христос не все слова Божии передал апостолам, а многое возвестил им чрез Св. Духа после вознесения Своего – в день Пятидесятницы.

Аникитов. Пусть будет по-вашему, об этом спорить не будем. Но к чему вы далее речь клоните?

Миссионер. Теперь я спрошу вас: все ли слова Божии, возвещенные апостолам *Духом Святым*, записаны в апостольских письменах?

Аникитов. Думаем, что все записаны. Сам ап. Павел говорит: «я не пропустил ничего полезного, о чём вам не проповедовал-бы и чему не учил-бы вас... я не упустил

возвещать вам всю волю Божию» (Деян.20:20–27). Значит, вся воля Божия записана апостолами.

Миссионер. Правда, ап. Павел возвестил ефесянам всю волю Божию; но кто же записал слова апостола? Ведь сам ап. Павел возвещал им «всенародно и по домам», т. е. устно; он не писал, а «три года день и ночь неустанно со слезами учил»... Нельзя-же думать, что вся воля Божия была записана ап. Павлом в послании к ефесянам, так как слишком мало оно, да и прочие Писания тогда были бы излишни. Ясно, что возвещенное ап. Павлом всё слово Божие хранилось в памяти ефесян, которые в свою очередь не записывали его, а в устном слове передавали другим. Посему я опять прошу вас доказать св. Писанием, что все слова Божии, возвещенные чрез Духа Святого, записаны апостолами, как вы то утверждаете.

Аникитов. Пусть не все слова Божии записаны в св. Писании. Но мы верим, что *самое главное*, необходимое для нашего спасения, записано, и мы спасаемся, испытывая одно св. Писание. Сам Христос говорит: «исследуйте *Писание*, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную» (Ин.5:39), и ап. Павел пишет Тимофею: «ты из детства знаешь свящ. Писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса» (2Тим.3:15–16), и еще римлянам: «всё, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из *Писаний* сохраняли надежду» (Рим.15:4). Значит, можно спастись и одним св. Писанием. Предание же Христос осудил, – читайте Марка 7-ю гл., а апостол заповедал: «не мудрствуйте сверх того, что написано» (1Кор.4:6), вот мы и не мудрствуем, а обращаемся только к св. Писанию, как «к светильнику, сияющему в темном месте»...

Миссионер. Ты согласился со мной, что не все слова Божии записаны в св. Писании, и утверждаешь, что для спасения достаточно записанного. Но вспомни, ты раньше сказал, что если докажем, что не всё учение Иисуса Христа записано, то должны будем признать, что и нам, как евреям, нужно незаписанное слово Божие для правильного истолкования и понимания записанного; теперь же отказываешься от своих прежних слов и утверждаешь, что для спасения достаточно и

записанных слов Божиих, а незаписанные излишни, при этом ссылаешься на Иисуса Христа и апостолов, а между тем Иисус Христос и апостолы говорят лишь о записанном *ветхозаветном* слове Божиим (Ин.5:39; Рим.15:4; 2Тим.3:15–16), вовсе не касаясь вопросов: *достаточно* ли одного св. Писания для спасения и *как исследовать* его, чтобы познать истину. Мы же знаем, что в ветхом завете «исследовали св. Писание» (Ин.5:39) при обязательном руководстве св. Преданием (Неем.8:7–8; Иуд.1:9–14).

Но ни Иисус Христос, ни Его апостолы, передав миру все слова Божии не говорят, что для спасения достаточно принять и исполнить только те из них, которые записаны, так как Христос Сам ничего не писал о Своих делах и учении, а апостолы записали только часть Слов Божиих, по особым нуждам своей паствы, когда лично не могли преподать ей наставлений по некоторым истинам веры. Но записывая часть дел и учения Иисуса Христа, апостолы вовсе не имели в виду выбрать только спасительные Слова Божии, и отвергнуть другие, как излишние или маловажные в деле нашего спасения.

Нигде в св. Писании не говорится, что спасительно только записанное слово Божие, а незаписанное излишне.

Аникитов. Мы не говорим, что незаписанные слова Божии не спасительны или запрещены, а только мы спастись можем и одними записанными.

Миссионер. Тогда я спрошу вас, где Христос или апостолы говорят, что мы можем спастись, приняв и исполнив часть переданных нам слов Божиих?

Аникитов. Прямо этого не указано в св. Писании, но думать так можно. Ев. Иоанн пишет: «сие написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин.20:31). Стало быть, можно спастись и одним записанным словом Божиим, не зная хранящегося в свящ. Предании.

Миссионер. Но так говорит ев. Иоанн не о всём св. Писании, а лишь о своём Евангелии, значит, по-вашему, возможно спастись и одним Евангелием Иоанна! К чему же тогда прочие свящ. Писания?

Христос Спаситель повелевает верующим принимать и исполнять не часть, а всё Его учение. «Если пребудете во Мне говорит Он, и слова Мои в вас пребудут...; если заповеди Мои соблюдете, как я соблюл заповеди Отца Моего..., то пребудете в любви Моей... отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судию себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его..., ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец... и кто от Бога, тот слушает слова Божии» (Ин.15:7–10, 12:48–50, 8:47).

Не ясно ли отсюда, что Христос повелевает нам хранить всё, что Он сказал, если желаем пребыть в Его любви. Посему-то Он, заботясь о нашем спасении чрез сохранение у нас всех слов Божиих, сказал апостолам: «Я умолю Отца – и даст вам Духа Истины..., Который намучит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам..., и будущее возвестит вам» (Ин.14:17–26, 16:13) и пред вознесением Своим на небо повелел им: «идите (разумеется, после научения от Св. Духа, бывшего в день 50-цы), научите все народы..., уча их соблюдать всё, что Я повелел вам», и только поверивший и принявший всё спасен будет (Мф.28:19–20; Мк.16:16). Так, по заповеди Христа, апостолы и поступали: они «возвещали всю волю Божию» (Деян.20:27) и убеждали верующих «исполнять всё, чему они научились, что приняли и слышали и видели в них» (Флп.4:9). Вслед за апостолами и св. Церковь православная учит, что для спасения необходимо принять всё слово Божие, как записанное апостолами в св. Писании, так и переданное ими устно (2Ин.1:12; 3Ин.1:14), посеянное в сердцах и памяти верующих (Лк.8:11–12; 1Кор.11:2; 2Кор.2:17, 3:1–3; Деян.20:31–35; 1Сол.4:9). И только тот дойдет до истинного познания, кто «помнит всё апостольское и держит предания их так, как они передали», т. е. «или словом, или посланием» (1Кор.11:2; 2Сол.2:15; 1Сол.2:13).

Аникитов. Хорошо, мы признаем, что не все слова Божии записаны в св. Писании, и что незаписанные в нём также спасительны; пусть даже без незаписанных апостолами слов

Божиих и спасение невозможно, но вот в чём главный вопрос: откуда мы можем знать, и где найти то, что передали апостолы устно?

Миссионер. Вспомни, откуда ев. Лука, лично не слышавший Иисуса Христа, знал о Его делах и учении? Со слов других лиц, и притом не только со слов апостолов Христовых, но и со слов тех, которые сами не видели Иисуса Христа, а в свою очередь слышали о Нём от других. Следовательно, слово Божие хранится не только в св. Писании, но, как говорят Христос и апостолы, еще в сердцах, умах, памяти верующих (Лк.8:11–12; 9:44; 2Кор.3:2–3; Деян.20:31–35; 2Пет.1:15) и передается ими другим «устами к устам» (2Ин.1:12).

Архипов (старик-молочанин). Но, ведь, прошло 1900 лет, как Христос предал миру слова Божии, и неужели с тех пор они не могли, переходя из уст в уста, затеряться или, по крайней мере, исказиться? Апостол Павел пишет, что еще при нем «многие повреждали слово Божие» (2Кор.2:17)?

Миссионер. Я спрошу тебя, разве те же люди не могли извратить и записанного апостолами; даже более, разве не могли они под их именем издать свои писания? Кто из нас был очевидцем того, какие книги написали апостолы и что в них написали? Известно, что были целые книги, ложно приписываемые апостолам. Неужели ради опасения принять ложное писание за апостольское, не принимать всех вообще писаний, именуемых апостольскими? Нет, нужно не отвергать, а только исследовать, как то делал и ев. Лука, чтобы писания и предания, именуемые апостольскими, были действительно апостольскими, а не вымыслом человеческим. Вы спросите: как же знать, что известное писание или предание заключает в себе проповеданное апостолами слово Божие?

Аникитов. Вот это-то и желательно нам знать.

Миссионер. Я спрошу вас: от кого ефесяне и критяне должны были, по оставлении их апостолом, получать «образцы здравых слов Господа» (1Тим.6:3; 2Тим.1:13)? Не от пастырей ли своих: Тимофея и Тита?

Аникитов. Да, это верно!

Миссионер. Теперь припомните заповедь апостола Павла Тимофею, «что ты слышал от меня (заметьте: «слышал», и не говорит: «что я написал тебе») при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2Тим.2:2). Видите, как ясно апостол Павел указывает на истинных пастырей Церкви Христовой, как на верных хранителей предания апостольского. Они, по примеру ев. Луки, отличают истинно-апостольское слово от лжеапостольского; они же, по примеру апостола Филиппа, научают и правильному пониманию слов Божиих, ибо на сие послал их Сам Христос, говоря: идите, «научите»... А чтобы пастыри Церкви Христовой не забыли слов Божиих и правильно разумели их, для этого Христос послал им Св. Духа. «Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (Ин.14:26), сказал Христос ученикам Своим и их преемникам – пастырям Церкви, вовсе не упоминая о св. Писаниях. И вот, охраняемая Св. Духом Церковь Христова в лице своих пастыреучителей и хранит в целостности и неповрежденности все слова Божии, – письменно переданные ей апостолами и возвещенные устным словом; посему-то «Церковь, по апостолу, есть столп и утверждение истины» (1Тим.3:15). К ней-то и должен обращаться каждый, желающий слышать все слова Божии.

Церковь же, не хранящая всего учения Иисуса Христа, а только часть, не есть Церковь Христова, и нет в ней Утешителя – Духа Святого, научающего всему и напоминающего о всех словах Божиих, и принадлежащий к сей Церкви лжехристовой никогда не дойдет до истинной веры, ибо вера, по апостолу, от слышания, а слышание от слова Божия; там же, где нет всего слова Божия, нет и полного, истинного слышания и полной, истинной веры.

Архипов. Так-то оно так..., да только больно мы побаиваемся, как-бы нам вместо слова Божия да не принять вымысел человеческий.

Миссионер. Но я уже сказал вам, что та же боязнь применима и к св. Писанию, ибо откуда, как не из Предания, знаем мы, что принятые нами священные книги действительно

написаны апостолами Христовыми. Откуда знаем, что нужно праздновать воскресный день? Из св. Предания – и вы верите ему, – почему же в остальном не хотите поверить?

Аникитов. Поверим, если оно не идет в разрез св. Писанию.

Миссионер. Св. Предание не может противоречить св. Писанию, ибо оно также есть слово Божие, а Бог «верен Себе». Оно дополняет и разъясняет св. Писание. В нём мы находим как разъяснение «неудобовразумительного» в писаниях апостолов, так и много незаписанных апостолами слов Божиих, говорящих о неизвестных вам и поэтому отвергаемых вами истинах веры, без которых нет и спасения.

Отвергнув незаписанное слово Божие, вы от собственного разума толкуете и дополняете св. Писание, забывая, что в нём есть «нечто неудобовразумительное», чего «разрешить самому собой нельзя», и для познания чего требуется наставление от пастыреучителей Церкви Христовой, поставленных для сего Самим Духом Святым.

Итак, братия, мы видим, что штундо-баптисты и молоканы не имеют всего слова Божия, а следовательно, нет у них и того научения, от которого, по апостолу, происходит истина, вера и спасительное призывание Господа, Посему, св. Церковь православная и убеждает вас удаляться от упорных и окаменевших своё сердце лжеучителей, а заблудшего или желающего познать истину вразумлять учением св. Церкви православной, ибо апостол говорит: «обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак.5:20).

И. А-зов

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника)

Кальнев М. Сектантство Херсонской губернии // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 849–857

В настоящей хронике «Мисс. Обозр.» мы опишем состояние сектантства в Херсонской епархии в конце истекшего столетия, причем обратим особенное внимание на настоящее положение штундизма на родине его, где эта секта за тридцать с небольшим лет значительно изменила своё религиозно-нравственное учение, распавшись уже на несколько толков, совершенно противоположных и даже враждебных друг другу.

Штундисты Херсонской епархии разделяются на 3 группы: на староштундистов, новоштундистов и штундистов-субботников. Наибольшее число староштундистов отличается от новоштундистов одним лишь допущением в своей общине крещения детей, каковое совершают их «пресвитеры»; иногда же староштундисты приносят крестить своих детей к православным священникам; новоштундисты, представляющие огромное большинство, крещение детей совершенно отвергают; небольшое пока число штундистов-субботников отвергают празднование воскресного дня и почитают субботу, а в нескольких местах, под влиянием евреев, перестали есть свинину. В этом и вся разница в названных толках местного штундизма, почему, говоря о его религиозно-нравственном состоянии и пропаганде, я буду иметь в виду вообще весь штундизм нашей епархии, насчитывающий у себя до 5½ тысяч последователей.

В религиозном состоянии штундистов Херсонской епархии в отчетном году замечались те же явления, что и в предшествовавшем ему: это – постоянное стремление не только к отрицанию православия, но по местам – даже христианства. Во многих местах епархии, индифферентные к вопросам веры, штундисты всё больше и ближе приходят к чисто-атеистическим идеям, что подтверждается как моими личными наблюдениями, так и наблюдениями окружающих миссионеров и приходских священников.

«Штундисты, пишет миссионер о. Делинский, не производят впечатления убежденных искателей истины; напротив, они совершенно апатично и индифферентно относятся к предметам собеседования. Штунда, заключающая в себе массу противоречий и непостоянства в своих положениях, почти совершенно спутала религиозные понятия и представления у её последователей, и ни один из них не знает определенно, чем спасается человек – верою или делами, или тем и другим вместе, не знает ни значения, ни силы таинств. Вот почему в каких-нибудь 2–3 пунктах сектантства штундисты уже разнятся между собою: одни – субботники, другие – воскресники, одни крестят детей, другие отвергают необходимость их крещения и т. п.».

В последнее время среди штундистов появляется немало людей, порывающих религиозную связь с прежними единоверцами и идущих в своих религиозных представлениях очень далеко в сторону атеизма. По моему мнению, это самый опасный для народа элемент в современном штундизме. «Солдат Кондрат Магар, некогда верный сын петроостровской штунды, по словам миссионера о. Соколовского, завел сношения с сектантами Киевской губ. и там набрался идей, – что Бога нет, что Бог – это вся природа, Сын Божий был простой человек, пожалуй, пророк; всё Евангелие «от палитур до палитур» нужно понимать духовно; отсюда у Магара отвержение всякой обрядности, даже штундовой, как-то: крещения водою взрослых, «преломления» и брака».

К большому сожалению, подобными атеистическими идеями заражается и молодежь штундистская, с увлечением набрасывающаяся на чтение всего, что подпольным путем печатается и распространяется врагами христианства вообще и православия в частности.

Миссионер Белов приводит в своём отчете печальный пример вышеуказанного явления среди штундистов. В дер. Анастасиевке миссионеру пришлось посетить дом штундиста Никиты Безобразова. «На этой беседе, пишет г. Белов, особенно поразил нас сын Никиты, парень лет 20-ти. Желая поговорить с ним, я спросил его: был ли он на моих беседах?

– Не был, ответил парень, да и нечего ходить на них: этим беседам конца нет. Вы будете утверждать одно, другой ученый – другое, и так без конца. Каждая секта себя оправдывает, а в сущности правды нет нигде».

Подобные случаи неверия среди штундистов теперь уже нередки; они являются прямым результатом протестантствующей мысли штундизма, отвергнувшего авторитет Церкви и вместо него поставившего личный произвол в толковании св. Писания.

Неудивительно поэтому, что и нравственная жизнь штундистов, кичившихся прежде своею показною святостью чем дальше, тем больше падает; множество всевозможного рода преступлений и случаев нарушения нравственности в их общине нагляднее всего говорит о нравственном саморазложении штундизма. Из многочисленных примеров приведу несколько. В д. Доброй Надежде миссионер не был принят штундистом Кравченко в его дом по случаю рождения его дочерью, девицею, незаконного ребенка. В Адриановском приходе такой же грех случился со штундисткой-вдовой. Недавно, как доносит священник с. Исаевки, о. Зеленкевич, среди штундистов хутора Светоч (название хутора дано самим помещиком, поселившим в нём штундистов) произошло огромное побоище, причиной чему было кровосмешение штундиста Д. П-вки с родною сестрою жены своей, девицею М. Ч-к, дочерью вожака местных штундистов. Вообще случаев незаконного сожительства среди штундистов теперь много.

В д. Александровке, того же прихода, штундисты К. и С. Щ-вы уличены в краже лошадей и других воровствах. В г. Николаеве дочь умершего от пьянства штундиста Миронова сидит за воровство в тюрьме, а зять за воровство же со взломом в арестантских ротах.

По сообщению священника с. Коммиссаровки, благоприятному настроению православных, в смысле укрепления их в вере православной и отсутствия увлечения штундизмом, много способствует безнравственность местных штундистов: так, один из них – Ив. Ворона заражен пороком пьянства, часто доводящим его до грубого цинизма; другой – Гр.

Глущенко осужден в минувшем году одесским окружным судом за разбой, а взрослый сын его уличен в воровстве; А. Черненко пьянствует. Вообще теперь нередко миссионеры видят штундистов, являющихся и на беседы в пьяном виде. Я сам несколько раз лично наблюдал это явление, испытывая от пьяных моих собеседников-сектантов самые грубые дерзости и оскорбления.

«Пороки и преступления, говорит миссионер о. Запольский, между сектантами являются всевозможные, и в этом отношении они нисколько не отличаются от прочего грешного человечества. Есть между ними пьяницы, есть развратники, есть между ними и обманы, и воровства, и многое множество других пороков и недостатков».

Всё это, однако, не мешает самообольщению и лицемерию штундистов считать себя святыми, а всех православных погибшими грешниками.

Неохотно вступающие в беседы по вопросам веры, наши штундисты готовы с удовольствием сколько угодно говорить по вопросам о неравенстве богатств и состояний, о равном разделе имущества, переделе земли и проч.

«Многие из штундистов, пишет миссионер о. Запольский, почти не интересуются своею верою: «что, говорят они, вы про закон нам толкуете, вы денег дайте нам, а закон мы и сами найдем!» «Что это за Церковь, – кричит на публичной беседе свящ. Купчевского штундист х. Зеленого, Сасовского прихода, Ваганько, – вот в первые времена была Церковь, так Церковь: там всё было общее. А у вас что? Один имеет тысячу десятин, а другой ничего, возмущается Ваганько, намекая на имение одесского городского головы г. Зеленого».

О подобных желаниях штундистов миссионерам приходится слышать часто. Но желания сектантов идут гораздо дальше. Во время, напр., беседы миссионера Белова, в г. Березовке бывшие штундисты Шаблевский и Деич открыто заявили, что бывший их учитель, вожак местной штунды Гаврющенко, убеждая их перейти в штундизм, между прочим высказался: «если бы все так уверовали, как баптисты, можно и Царя переменять через каждые три года, как старосту»...

Удивительно ли после этого, что возмутительные по содержанию анархические письма распространяются именно в местностях, наиболее зараженных штундою. Так, в ноябре месяце отчетного года посланы были из Одессы литографированные письма на имя старшин Ней-Фридентальской, Курисо-покровской и Рарбахской волостей, направленные против личности Государя Николая II. В этих письмах анонимный автор, толкуя излюбленную штундистами 13 главу Откровения, сказав о мнимых гонениях в России на христиан, читающих слово Божие, старается убедить читателя, что Император Николай II – антихрист, а. о. Иоанн Сергиев – его лжепророк.

Думаю, что к подобным публично высказываемым штундистами коммунистическим принципам и распространению среди народа вредных социалистических идей нужно чутко прислушиваться не одним миссионерам, а и всем, дорожающим спокойствием народа и государства. Все эти бродячие среди штундистов социально-коммунистические бредни являются тревожными признаками, наводящими на грустные, беспокойные думы о будущем нашего штундизма...

В силу одного уже отрицательного отношения штундизма к православию, он вносит в православную среду яд сомнения, колебания и индифферентизма к вере. В некоторых зараженных приходах, особенно где пастыри не на высоте своего служения, миссионер гораздо хуже себя чувствует в беседе с православными, чем с сектантами. Едва начнется беседа, как православные буквально забросают миссионера обвинениями и злословиями на приходского священника; затем, под влиянием раздражения начинается открытое отрицание истин самого православия. Положение миссионера очень нехорошее: в беседах с сектантами он по крайней мере знает, что защищает православие от врагов его, а здесь он должен защищать православие и пастыря от самих православных. Без сомнения, главная причина такого явления кроется в тлетворном влиянии на православных штундизма, но, нужно сказать правду, часто в этом виноваты и сами пастыри. Некоторые священники зараженных приходов жалуются на усиливающееся среди

православных охлаждение к посещению храма Божия, на частые случаи небытия у исповеди и св. Причастия и объясняют эти печальные явления в приходской жизни главным образом дурным влиянием на православных со стороны штундистов.

Деморализующее, в религиозном отношении, влияние штундистов на православных может происходить от одного совместного жительства тех и других, но оно еще более усиливается от постоянной, намеренной пропаганды сектантства среди православного населения. В минувшем году пропаганда штундизма велась так усиленно, как это не замечалось уже много лет тому назад. Еще в начале отчетного года всюду замечалась необыкновенно энергичная пропаганда местных вожаков штунды, рыскавших везде по селам и хуторам с целью совращений, устраивавших во многих местах открытые собрания, на которых произносились самые зажигательные речи против православия. Земские начальники высказывали неоднократно мне удивление той дерзости и нахальству, с какими держали себя на суде сектанты, привлекаемые к ответственности за пропаганду. Не оставили своим вниманием нашу епархию и вожаки штунды других губерний; так, напр., в минувшем году посетил с целью пропаганды места, зараженные штундистами-субботниками, «пресвитер» их, живущий в Евпатории, Яков Мамалыга; шли в минувшем году большие и частые пожертвования штундистам оттуда же, из Евпатории, от некоего Дымина; не упустил случая подогреть фанатизм штундистов Любомирки и Елисаветграда вызванный ими в качестве эксперта на суде проповедник штунды в Таврической губ., Митрофан Черемисьев; приезжал, говорят, тайком из той же губернии известный миссионер штунды Балихин, а из Бессрабской губ. какой-то немец адвентист, фамилии которого мне не удалось установить. Словом, в минувшем году со всех сторон была направлена самая усиленная пропаганда среди православного населения Херсонской губ., и, к несчастью, результаты её велики. В прошлогоднем своём отчете я их предвидел, когда писал, что в 1900 году «нужно опасаться большой пропаганды сектантства и значительных совращений». Действительно, мои опасения оправдались: в 1899 году

совратилось в штунду 38 человек, а в отчетном – 117. О причинах столь большого числа совращений мною будет сказано ниже, при рассмотрении деятельности приходской и специальной миссий.

Хлысты. Хлыстов в епархии до 500 душ обоего пола. Источники христианского учения хлысты отвергают: так, напр., хлыстовский Христос, Стрижак, заявил на беседе, что библии ему не нужно: «вона мини надоила, обрыдла». Шаповал, ученик Стрижака, называет слово Божие «тьмой, буквой мертвящей». Более распространенное у наших хлыстов представление о Боге следующее: Бога нет вовсе, как нет добрых и злых духов вне тела человеческого, ибо их никто не видел. Человек может быть и Богом, и ангелом, и дьяволом, смотря по степени своего нравственного совершенства. Николаевский вожак хлыстов, Баканов, на тайном радении у которого я был лично, отрицает тайну воплощения Сына Божия.

А вот и хлыстовская теория о происхождении человека. Нужно заметить, что вообще среди хлыстов бродят отголоски учения полигенистов, как преадамистов, так и коадамистов. Интересна по своей наивности теория хлыста Шаповала, По его учению, до Адама и Евы Бог сотворил червячков, которые превратились в людей и жили 120 веков (12000 лет); когда они вымерли, тогда Бог создал Адама и Еву. На вопрос миссионера, откуда Шаповал об этом узнал, сектант твердил одно: «это дело наше, нам открыто, а вы не поймете; это дело наше!»

«Религиозно-нравственное состояние хлыстов, говорит в своём отчете миссионер о. Запольский, представляет разнообразные картины. Безнравственная жизнь хлыстов общеизвестна; она у них со всеми видами нечестивых дел. Лжехристы, богородицы, апостолы, ангелы, пророки – всё это у них есть; ночные пляски, танцы, радения – всё это, со всеми незаконными половыми сношениями у них совершается. Полицией арестовано много белых рубах и «архангельских крыльев» (платков), в которых и с которыми сектанты совершают свои радения, со всеми признаками скверных дел. При всех видах гнусности этой секты приверженцы её крайне упорны в своих заблуждениях».

Безнравственная жизнь хлыстов всем известна: открытая мена женами, незаконные сожительства и разврат царят во всех их кораблях; всё это происходит у них открыто, с наглым цинизмом. Мною подмечено очень интересное явление в жизни наших хлыстов. Известно, что у нас очень редко можно встретить крестьянскую семью, в которой не было бы детей; почти ежегодно-то в той, то в другой семье мужика появляются дети. Между тем в довольно многочисленных общинах хлыстов (в общине с. Троицкого 127 человек, г. Николаева – до 100 чел., м. Широкого – 147 чел.) *в минувшем году не было ни одного рождения!* Из представленных посемейных списков хлыстов видно, что *большая половина* их семейств вовсе не имеет детей.

Пропаганда хлыстовщины ведется подпольными путями, как среди православных, так и штундистов. Особенно выдаются в этом отношении бродячие пропагаторы Марк Бондаренко и Мих. Музинский. Первый путешествует круглый год по всему Елисаветградскому уезду, второй в окрестных селах г. Николаева; был он несколько раз и у одесских штундистов, но они скоро его выгнали от себя. Всех совратившихся в отчетном году из православия в хлыстовство 7 человек.

Штундо-хлысты. Совратившиеся из хлыстовщины в штундизм или обратно образуют из себя новый вид сектантства – штундо-хлыстовство. Всех штундо-хлыстов в отчетном году было в епархии 137 человек. Из штундизма эти сектанты удерживают всё отрицательное его учение, а из хлыстовства – культ радений. Своё вероучение штундо-хлысты исповедуют открыто, чем отличаются от обыкновенных хлыстов. Догматическое учение штундо-хлыстов почти то же, что и хлыстов, хотя часто переходит в открытый грубый атеизм. Что касается их нравственного учения, то оно вполне хлыстовское, почему и у них тот же, что и у хлыстов, разврат, но разврат, так сказать, публичный, признаваемый вполне законным и естественным. На вопрос, напр., миссионера о. Михайловского, обратившегося к вдове штундо-хлыстовке Кошевой, отчего она, проповедница жизни по духу, творит дела плоти, родив в незаконной связи ребенка, упомянутый Шаповал публично

сказал, что она родила от Св. Духа, чем, конечно, вызвал бурю негодования со стороны присутствовавших слушателей.

Свою пропаганду штундо-хлысты ведут открыто и довольно энергично, но, благодаря крайне отрицательному своему учению, особенного успеха среди православных не имеют: за весь минувший год совратилась в эту секту только одна женщина.

Скопцы. Скопцы, по добытым официальным сведениям, существуют в 4 местах Херсонской губ.: в Николаеве (2), в Херсоне (2), в Злынке (9) и в с. Слободзее (16); всего 29 человек.

Пропаганды скопцы никакой не ведут; ходят в Церковь, бывают у исповеди и св. Причастия, но в то же время не оставляют и своих радений. Ни совращений в скопчество, ни присоединений из него в православие в отчетном году не было.

Пашковцы. По официальным сведениям, секта пашковцев существует в одном г. Николаеве в числе 45 человек обоого пола; по частным же слухам, требующим, впрочем, проверки, есть пашковцы и в Одессе, в числе более 10 человек.

Сходясь во всём с отрицательным учением штундистов, пашковцы разногласят с ними в вопросах о допущении к «преломлению» крещенных в детстве и об оправдании грешника одною верою, без участия добрых дел, не имеющих, по мнению пашковцев, никакого значения в деле оправдания человека-грешника. Девиз пашковцев: «веруй – и ты спасен» понимается ими в самом прямом, узком смысле. По учению николаевских пашковцев, человек вследствие грехопадения утратил своё блаженство; Иисус Христос, пострадав за греховное человечество, раз и навсегда возвратил ему утраченное блаженство, для получения которого нужна одна лишь вера в искупительные заслуги Христа. Наши дела ничего не значат: человек спасается одною верою; вот почему пашковцы убеждены, что они уже теперь окончательно спасены, никто их уже не похитит из рук Иисуса: они уже возлюбленные Его дети, и потому суда никакого над ними не будет, по слову Спасителя: «верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти к жизни» (Ин.5:24).

Отличаясь необыкновенным фанатизмом, пашковцы более других сектантов заняты пропагандой своего лжеучения и ведут её не без успеха среди штундистов, которых и совратили в минувшем году 28 душ. Есть основание поэтому предполагать, что со временем пашковщина поглотит весь штундизм в г. Николаеве, почему эта секта, как дальше стоящая от православия, нуждается в особенном внимании пастырей и миссионеров, – тем более, что пропаганда этой секты ведется с необыкновенной энергией, свойственной вообще всем неофитам-сектантам. Есть случаи пропаганды её даже путем насилия; так, жена пашковца Зен-го под большим секретом созналась миссионерам, что её муж бьет её за нежелание согласиться с его лжеучением.

В минувшем году николаевские пашковцы поддерживали сношения с петербургскими; в декабре же месяце к ним прибыл из-за границы для укрепления в вере болгарско-подданный Андрей Стефанович. Уволенный из Одесской семинарии, а потом из местного юнкерского училища, Андрей Стефанович принял протестантство и болгарское подданство и, поселившись в Болгарии, дослужился до чина офицера; но за пропаганду был уволен из войск. Сдав экзамен на звание «проповедника», Стефанович предался пропаганде так называемого евангелического учения, с каковой целью прибыл в Россию. Здесь он побывал в Петербурге, Харькове, Киеве, в Таврической губ., а в декабре прибыл в Николаев; 14-го числа было устроено в честь его собрание у пашковцев, но дальнейшая пропаганда Стефановича была прекращена мерами полиции. Выдавая себя за офицера болгарской армии, путешествующего для излечения больных нервов, Стефанович прибыл из Николаева в Одессу, откуда в январе уехал в Варну. Скоро его снова ждут здесь, в Одессе. – Среди православных пропаганда пашковцев не имела успеха.

М. Кальнев

**Из жизни инославия и из мира заграничного
сектантства // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6.
С. 858–863**

Восстание русских духоборов против канадской «тирании». – Самоуправство врачей верою в аптеке. – Фальшивый отзыв английской газеты о русских евангелических сектах. – Как относятся республиканские власти Франции к убеждениям «непротивленцев-антимилитаристов». – Религиозные суеверия о крови. – Западные учения об изуверстве русских хлыстов. – Секта верующих братьев.

Восстание против канадской «тирании»

Под таким заглавием в лондонской газете «Daily News» помещена корреспонденция из Монреаля от 13-го Марта сего года.

Русские духоборы, которым Канадское федеральное правительство помогло с большими издержками поселиться в северо-западных штатах страны, отказались признавать некоторые из местных законов. После многих совещаний между канадскими властями и духоборами дело разрешилось тем, что духоборы обратились ко всем народам с воззванием, в котором просят дать им убежище, куда они могли бы удалиться от того, что они называют «тиранией канадских законов». Препятствием к спокойной жизни духоборов являются законы земельные, законы о браке, разводе и метрических записях. Духоборы говорят, что они предпочитают общую собственность частной, и всякие законы, которые препятствуют этому, они считают непримиримыми с их религиозными воззрениями.

Так как духоборы не внемлют никаким советам и не соглашаются ни на какие компромиссы, то результатов этого столкновения русского упорства с английской настойчивостью все ожидают с большим интересом.

* * *

«Христианские ученые» или «врачеватели верою» объявили войну аптекарям.

Несколько времени тому назад мисс Дауи, «врачевательница верою» в Чикаго, явилась в сопровождении отряда дам в аптеки и начала разбивать аптекарские склянки под тем уважительным предлогом, что лекарство – дело рук дьявольских, и что спасает только вера.

Любопытнее всего, что полиция присутствовала при подвигах мисс Дауи, не вмешиваясь в частные дела горожан. Само собой разумеется, что суматоха при этом была немалая.

* * *

Как образец той лжи и неправды, какую пишут заграницей о наших русских сектах, на основании клеветнических доносов наших интеллигентных отщепенцев от Церкви и сектофилов-либералов, приводим из газеты «New-York Tribune» описание русского сектантского движения.

«Каждый немало слышал о штундистах, шалопутах, духоборах и других диссидентах евангелического типа, в общем весьма близких к квакерству.

Эти почтенные люди, являющиеся лучшими (?) представителями русской расы, подвергались и доньше подвергаются самым возмутительным преследованиям. Их бьют, бросают в тюрьмы, подвергают систематически голоданию, бесчеловечно мучат, изгоняют, женщин же подвергают самому позорному (?) и скотскому (?) обращению. Не смотря на всё это, герои-мужчины (?) и героини-женщины (!) начисто отказывают *в покорности* правительственным чиновникам и официальному духовенству, которых они считают грешниками.

Движение породило тысячи (?) способных и пламенных апостолов, которые, благодаря системе административной ссылки, рассеиваются по всей империи. Миллионы равнодушных людей, с которыми дотоле чиновники и духовенство обращались, как со стадом баранов, обратились в рассуждающих людей с чувством собственного достоинства и решимостью бороться со злом.

Кроме того, подъем диссидентского духа свидетельствуется возрастающим прозелитизмом, причем некоторые секты, напр., в Томской губернии, учредили собственные миссионерские

рассаdники. Они строят новые часовни и печатают полемические книги. Движение распространилось даже и в высшие слои общества, о чём свидетельствуют имена Черткова, Бирюкова, Трегубова, Проханова, Пашкова, кн. Хилкова, д-ра Волькенштейна и др. В лице гр. Л. Толстого движение приобрело могучего пророка.

Сектантство владеет своею собственною свободою печатью; Чертков в Пурлейге (в Эссексе, Англия) издает отдельные книги и брошюры, а в Швеции выходит периодический журнал «Беседа».

Движение успело возбудить внимание и деятельное сочувствие всего света, которое проявилось в виде крупной денежной помощи, высланной «Обществом друзей» на выселение из России духоборов, а также значительных денежных сумм, препровожденных из Англии в пользу гонимых штундистов. Правда, выселение духоборов можно рассматривать, как победу царского правительства, которое избавилось, наконец, от тысяч мужественных людей, умевших крепко держаться за свои убеждения.

Но страна, бесспорно, очень много потеряла от выселения таких граждан». ³³¹

В сообщении этом есть и поучительные для русской власти откровения.

* * *

По словам «Figaro», в Америке существует религиозная секта, которая истолковывает буквально евангельскую заповедь «не убий», и поэтому члены этой секты не берут в руки никакого оружия.

К этой секте принадлежал между другими молодой француз, по имени Готодье. Когда он достиг призывного возраста, то, чтобы заявить о своём подчинении законам своей страны, он явился во Францию. Здесь он был зачислен 26 августа 1895 г. в 102-й пехотный полк.

Явившись в полк, он объявил, что готов исполнить свой гражданский долг в какой угодно форме и делать всякую работу, какую только ему поручат; но он решительным образом

отказался взять в руки своё ружье, ибо, – говорил он, – его религия и совесть воспрепятствуют ему это.

В виду отказа от повиновения начальству, настаивавшему, чтобы Готодье взял ружье, он был предан военному суду и приговорен к двухлетнему тюремному заключению.

Когда он отбыл срок своего наказания, то его препроводили в 40-й пехотный полк в Ниме для продолжения службы.

Как и раньше, Готодье опять отказался взять ружье в руки. Его вновь предали военному суду и 25 февраля 1899 во второй раз приговорили к тюремному заключению на два года.

Он вторично начал отбывать своё наказание. Тогда, наконец, дело это дошло, благодаря одному из друзей Готодье, до сведения «Французской лиги для защиты прав человека и гражданина», и она приняла в судьбе этой жертвы непреклонных религиозных убеждений деятельное участие.

Благодаря ходатайству известного Трарие, военный министр генерал Андре помиловал «баптиста» Готодье и приказал зачислить его в одно из отделений Главного штаба.

Орган французских генералов-католиков «Парижские Отголоски» (L'Écho de Paris), обсуждая этот случай, вспоминает о русских духоборах и прибавляет, что «военная служба есть суровая необходимость», пред которою должны умолкнуть все мелочные сомнения совести и религии, ибо «господство их – увы! – относится к области мечты». «Как бы ни думать о случае Готодье, какие бы личные симпатии ни внушал он, тем не менее случай этот является отвратительным примером», – так заключает газета свою заметку.

* * *

Доктор Н. L. Strack, профессор Берлинского университета, выпустил недавно исследование «О крови в религиях», содержание которого мы вкратце приводим ниже.

В древности и в средние века многие народы пили человеческую кровь, чтобы закрепить и освятить договоры о дружбе или союзе. Таковы были обычаи у Скифов, Мидян, Лидийцев, Армян и Иберийцев. Открывали вену, вытекающую кровью наполняли чашу и из неё выпивали кровь, или же высасывали кровь прямо из раны.

Во время торжественного приема Генриха (впоследствии ставшего королем Франции под именем Генриха III), избранного в 1573 г. королем Польши, один из вельмож пронзил себе кисть руки ударом сабли и, собрав кровь в пригоршню, выпил её, клянясь, что готов вновь пролить за короля свою кровь во всякое время.

Кровь у некоторых народов считалась за лекарство. Плиний рассказывает, что «эпилептики пили кровь гладиаторов, так что последние служили как бы живыми чашками». Особенно разнообразные свойства народный предрассудок приписывал менструальной крови. Хильдегарда, аббатиса одного из монастырей близ Бингена, советует в своей книге XII века (самой древней из монашеских медицинских книг) принимать ванны из менструальной крови. Иные пили её или заставляли пить, с целью увеличить любовную энергию, а также для излечения от бешенства, язвы, оспы и проказы. В старых медицинских книгах говорится, что дистиллированная кровь мальчика «хороша при всех болезнях мозга, памяти и ума, изгоняет всякую сердечную отраву, излечивает всякие виды болезней легких, очищает кровь лучше, чем всякие другие лекарства». Людовик XI, король Франции, «пил кровь, которую выпускали для него из детей, в надежде, что такое питье излечит остроту его собственной крови и восстановит его прежнюю силу». Кровь казненных и самоубийц считалась еще более действительным средством, чем менструальная кровь. Чтобы набрать этой крови, народ толпился около эшафотов. Суеверие, выразившееся в многочисленных пословицах, внушало, что кровь казненных, повешенных и даже столбы и гвозди эшафота и веревки, на которые попали брызги этой крови, приносят счастье тому, кто владеет такими драгоценностями.

В корне всех этих жестоких обычаев лежала двоякого рода идея. Прежде всего фанатики были убеждены, что человеческие тело и кровь, принесенные в жертву богам и тем освященные, обладают чудесным свойством восстановления физических и моральных сил. С другой стороны, они полагали, что люди обязаны перед богами не только исправлением, но и

искуплением своих прегрешений, другими словами, воздаянием зла за зло.

Некоторые христианские секты – или, лучше сказать, отщепенцы от христианства – вносили этот кровавый мистицизм даже в таинство Евхаристии.

Епифаний говорит: «Гностики пожирают менструальную кровь, говоря: «это кровь Христова!» Иногда они производят у своих жен выкидыш, берут зародыш и смешивают его с медом, перцем и имбирем. Во время своих молитвенных собраний они макают в эту массу палец и вкушают. И это они считают за настоящую пасхальную вечерю».

Рассказы Епифания подтверждаются известным гностическим сочинением Pistis Sophia, а также Климентом Александрийским, Иринеем и Оригеном.

С другой стороны, все пенитенциалы римской и других Церквей, начиная с 600-го и по 1000-й год налагают различные кары на тех, кто следует обычаю употребления менструальной крови.

Кровавые обычаи сохранились также и в некоторых русских актах. В 1879 году в одесском суде разбиралось одно дело о бичевании, одно дело о распятии и одно дело об изувечении. Некоторые хлысты, по уверению Леруа-Болье, иногда употребляют тело и кровь новорожденного вместо причастного хлеба и вина. «Новорожденный должен быть первенцем, родившимся от девушки, избранной в богородицы при соблюдении особых торжественных экстатико-эротических обрядов. Если родится не мальчик, а девочка, она также становится в своё время святой девой. Если же родится мальчик (христосик, как называют хлысты), то его закалывают на 8-й день после рождения. Затем готовят причастный хлеб из смеси муки, меду, крови и сердца ребенка. Это называется «причаститься крови агнца». Другие, как утверждают, приобщаются свежей, еще, горячей крови своего «христосика».³³² Известный ученый А. Гакстхаузен в своём сочинении «Очерки внутреннего положения России» описывает другой способ причастия у хлыстов, бичевателей и скопцов: уговорив посредством различных обещаний 15-ти-летнюю

девушку, её сажают в ванну с теплой водой и вырезают у неё левую грудь. Затем, отрезанную часть тела разрезают на блюде на мелкие кусочки, которые и служат для причастия присутствующих. Затем девушку вынимают из ванны и полагают на воздвигнутый рядом алтарь. При этом вся община выполняет вокруг неё дикую, безумную пляску и поет духовные стихи.

* * *

Среди немцев и латышей сильно распространяется секта «верующих братьев» (Glaubensbrüder). Члены этой секты собираются каждый вечер в доме одного из своих собратий, где обмениваются своими мыслями и молятся. Во время чтения молитв, братья, лежа на земле, испускают раздирающие душу вопли и рыдания. У «верующих» постоянно печальный вид; у многих, особенно у женщин, благодаря постоянным слезам, глаза красны и больны, так что для избежания слепоты приходится прибегать к врачебной помощи. «Верующие братья» – настоящие ходячие трупы; они мало говорят, особенно с неверующими. Благодаря постоянному нервному возбуждению, многие женщины доходят до слабоумия; они бросают всякую работу и только без перерыва молятся. *Deutsche Warte*.

Библиография

Э. О. Летопись духовной печати по вопросам миссии и расколо-сектантства // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 864–868

Задачи и цель миссионерства; призвание и подготовка миссионеров. Значение «Увещания» м. Платона (Правосл. Собесед., январь-март). О единоверии в Майносе. Взгляд архим. Павла на преподавание науки о расколе в дух. семинариях и на значение для миссии распространения противораскольничьих брошюр (Вера и Церковь, март-апр.).

Вопрос о миссии и миссионерствовании, о призвании, подготовке и о служении миссионеров у нас, в нашей миссионерской литературе, почти совершенно не затронут еще. Поэтому с большим удовольствием остановились мы на исследовании иеромонаха Дионисия, печатающемся в «Православном Собеседнике» под заглавием: *«Идеалы, православно-русского инородческого миссионерства»*. Хотя автор говорит исключительно только об инородческом миссионерствовании, но естественно вынуждается обсуждать и общие вопросы, касающиеся миссии; да и обсуждение вопросов, относящихся к инородческому миссионерству, у автора очень интересно, почему ознакомиться с его суждениями не бесполезно.

Автор начинает с того, что устанавливает взгляд на характер и направление дела миссии: инородческая миссия, по нему, есть миссия *духовная* (курсив везде автора). Она имеет в виду духовную жизнь инородца-язычника, его духовное просвещение и совершенствование. Отсюда и цель её – *просветить* темных язычников чрез возвещение им истины спасения во Христе Иисусе и *спасти* их заблудшие души. Для осуществления такой высокой цели наша инородческая миссия пользовалась и доселе пользуется такими же высокими и чисто духовными средствами. По заповеди Спасителя, она старается всегда *убедить* язычника войти в Церковь, а для этого старается возбудить в нём самом, внутри его, «брань» с его же собственной злой волей и привести его к сознанию своего

самообольщения, своих заблуждений, дабы он принял предлагаемую истину не под давлением внешнего авторитета, а прямо по внутренней необходимости принять её. Отсюда – личная благочестивая жизнь миссионеров, их слезы об «окаменении» людских сердец, их любовь, вразумления, увещания, смиренная проповедь и т. под. – вот средство миссионеров. Поэтому инородческая миссия не была никогда и не может быть миссией ни полемической, ни даже культурной. Создаваемые ею церкви всегда были национальными, как, напр., в Японии; а «культивирование» в смысле влияния на перемену или переход язычников из их прежнего, так называемого дикого состояния в нынешнее наше европейское миссионеры находили даже делом вредным. Не должна миссия задаваться целями «обрусения» инородцев: это унижает православное христианство, которое само по себе есть бесценное сокровище, а не средство к достижению побочных целей, и порождает религиозный фанатизм, полнейшую религиозную нетерпимость, порицание и отрицание всего «нерусского», «неправославного». Но если православная миссия всего «не духовного» в своих целях чужда, то западные миссии преследуют только эти побочные цели. Это автор доказывает рассмотрением мнений, взглядов и теорий о миссионерстве, какие существуют у нас и на западе.

Во второй главе своего труда автор говорит «об избрании миссионерского служения и о приготовлении к нему». Благовестническое служение, по автору, есть дело особенного призвания Божия; и из жизни великих благовестников русской Церкви он выводит, что их благовестническое служение не было делом только их произвольного желания, а являлось прежде всего непосредственным устроением Божиим. Когда наступает время «спасения» какой-либо страны, тогда Господь «призывает» для неё и просветителей. Там же, где не было Божьего соизволения, усилия человеческие ничего не достигали. Так, напр., все желания и усилия нашего духовного и светского правительства (в начале XVIII века) учредить в Пекине епископию для успешного распространения в Китае православной веры не осуществились... *Призвание* наших

благовестников совершалось иногда очень ясным образом чрез какое-нибудь *непосредственное* указание Божие; иногда *посредственно*, напр., различными обстоятельствами жизни их или окружающих их близких людей; а иногда чрез чувство ими какого-то *внутреннего непонятного*, но непреодолимого стремления к благовестнической деятельности. Но дабы не счесть ложного призвания за истинное и самообольщение за божественное влечение, автор указывает два характерных свойства истинного призвания: первое – отсутствие в душе призываемого всякой самонадеянности, тщеславия, кичливости, горделивого представления о себе, о своих силах и будущих успехах, второе – властность призвания, так что человек не может противостоять этому внутреннему влечению. Видит автор или, по крайней мере, заставляет видеть призвание и в тех случаях, когда на миссионерское служение идут по назначению от высшего начальства: в подобных случаях назначения нужно видеть указующий перст промысла Божия и нужно принимать такие назначения с полным смирением послушанием и готовностью трудиться...

Призывались же к миссионерскому служению только те, вся предыдущая жизнь которых, по устроению Божию, была для них *приготовлением* к этому подвигу. Приготовление это, с одной стороны, состояло главным образом в духовном саморазвитии, в воспитании душевной настроенности, или же прохождении ими тяжелой жизненной школы всяких невзгод, лишений и других скорбей и испытаний. С другой стороны, приготовление к миссионерству состояло у многих миссионеров в богословском образовании вообще и специально миссионерском в частности: если не все миссионеры получили предварительно лингвистическую, этнографическую и полемическую подготовку, за то все они на месте служения очень усердно занимались изучением языка, быта и пр. инородцев. Указанием на необходимость существования для настоящего времени образовательно-миссионерских заведений и историей развития их до организации в 1897 году миссионерских курсов в Казани включительно автор заканчивает пока своё исследование.

Отличительную черту исследования иер. Дионисия, составляющую неоспоримое достоинство его, представляет то, что все суждения, мысли, положения и выводы автор делает из житий, биографических очерков, трудов и сочинений известных русских миссионеров. Получается, таким образом, то, что как бы эти деятели-благовестники сами поучают нас, а автор только систематизирует их мысли или только выражает их.

В февральской книжке того же журнала помещена статья В. Нечаева: *«Увещание» Платона, митрополита Московского, как предвестник «единоверия»*. Какое значение придает автор «увещанию» как предвестнику единоверия, это видно из первых же строк его статьи. «Не столько «мнения», положенные м. Платоном на старообрядческом прошении, сколько «увещание» дает Платону первое место в истории единоверия». Тем же приговором и заканчивается статья. «Действительное разрешение старого обряда и выразившееся в единоверии стремление раскола к Церкви как массовое явление стало возможным только во второй половине XVIII в. «Увещание» не мало помогло этому наклону старообрядства в сторону православия. Оно не только выдвигало на вид вечную заботу св. Церкви о воссоединении «оторванных от ризы Христовой», но и могло наметить путь, которым сжившийся со старым обрядом раскольник пришел бы к церковной ограде»... Оба эти факта – издание «увещания» и учреждение единоверия – разделенные 35-летним периодом времени, стоят рядом по их логической связи. Вычитанная между строками (в увещании) мысль перешла в идею «согласия» и воплотилась в «единоверие». В доказательство этой всей основной мысли автор анализирует содержание увещания и сопоставляет его с прежде его изданными полемическими против раскола сочинениями.

В журнале *«Вера и Церковь»* продолжается печатанием переписка проф. Субботина с архим. Павлом; в книжках за февраль-март напечатана переписка за 1880 год. Из неё мы узнаем об окончании хлопот мойновских старообрядцев касательно учреждения у них единоверия (см. Мис. Об. за март, стр. 442). Неудовлетворенные от русского Синода в их просьбах

во время поездки в Петербург, казаки-мойноscopy возвратились домой и там добились от Константинопольского патриарха письма к митрополиту С-Петербургскому Исидору, в котором патриарх просит русский Св. Синод удовлетворить желание мойноscopy. Просьба патриарха и желание мойноscopy, чтобы всё просимое ими было исполнено в Москве, – были уважены. Избранный мойноscopyами к ним во священника, на правах единоверия, некий Иван Васильев в июне и был рукоположен викарием Московским, преосвященным Алексием, как весьма опытным в исполнении единоверческих обрядов. Этим и закончилось дело об единоверии за границей...

Небезынтересное сообщается и из истории выработки программы учения о русском расколе старообрядства для преподавания в духовных семинариях. Нужда в преподавании этой науки сильно ощущалась еще в семидесятых годах, а потому в некоторых семинариях преподавание её к 80-му году было уже введено; теперь же решено было ввести во всех семинариях. Требовалось поэтому позаботиться о выработке одной определенной программы. Дело это и было поручено молодому кандидату Московской Академии, преподавателю учения о расколе в Саратовской семинарии, Х. К. Максимову, ныне священнику в Москве. От кого исходило это поручение – от Субботина-ли только, или от властей, – из переписки ничего не видно. Г. Максимов, составив программу, один экземпляр её послал митрополиту Московскому Макарию и по одному Субботину и архим. Павлу. По поводу программы этой архим. Павел высказал следующие весьма небезынтересные замечания: «О истории раскола моё мнение таково, что она в связи с полемикой нужна; но думается: не широко-ли она изложена?... думается мне, что историческую часть нужно преподавать как можно сжатее, – об иных предметах, которые не особенно важны и нужны, только упомянуть, а о нужных и важных распространиться. – В исторической же части, говоря о мерах против раскола, принятых п. Никоном и после соловецкого и стрелецкого бунтов – правительством, не нужно-ли объяснить, что они соответствовали духу того времени? Иначе, при современных взглядах и понятиях, они могут

произвести неблагоприятное впечатление на ученика, а впоследствии и на его действия по миссионерству. И в полемической части не нужно ли различать предметы на степени их важности? Есть предметы, о которых следует говорить подробно и совсем тщанием. Таковы именно те, которые служат общим у всех раскольников основанием для отделения от Церкви, как, напр., имя Иисус, троеперстие и т. д. С такою же полнотою должно быть указано на неимение у раскольников епископства, причастия св. тайн, и под. – При том же за расколом нужно следить постоянно, знать и обличать словом истины не только прежние его кривосказания, но и вновь изобретаемые»... (Не мешало бы составителям наших размножившихся «руководств» по учению о расколе обратить внимание на некоторые из замечаний арх. Павла!). М. Макарий отнесся сочувственно к программе г. Максимова и поручил г. Субботину составить проект представления в Синод об открытии пока хоть только в Московской семинарии кафедры учения о расколе старообрядчества.

Еще и в настоящее время не всеми признана вся польза от распространения среди православных и раскольников печатных книг и брошюр: по крайней мере епархиальные братства и начальства и теперь сильно скупятся расходовать на это дело свои суммы. Поэтому не можем не привести по сему вопросу суждения того же архим. Павла. «О делах Братства одно скажу: нужно печатать и печатать книги. Это самая полезная мера для ослабления раскола, и теперь самое на то время, потому что есть в расколе охотники читать, а чтение принесет свою пользу. Такое время не нужно упускать. Расколу было время пользоваться невежеством, которое есть его почва; а нам нужно пользоваться временем, когда явились и в расколе желающие читать, и надо распространять книги?» Далее архим. Павел приводит несколько примеров из последних к тому времени дней, как раскольники убедились в истине православной Церкви чрез чтение братских книжек. Если двадцать лет тому назад самый лучший у нас знаток раскола и условий успешного миссионерствования среди них признавал такое существенное значение за распространением книжек, то теперь-то не

удесятерилась-ли потребность в этом?... А между тем как мы все еще скупы на это распространение...

Э. О.

Булгаков Н. О присяге. Составил А. Завьялов. Спб. 1901 г. Стр. 1–100. Цена 50 коп. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 869–872

В своём исследовании г. Завьялов не задается специальными полемическими целями опровергнуть возражения отрицателей присяги, которые восстают против неё по разным побуждениям; «ни в богословской, ни в юридической литературе, – говорит он в предисловии, – мы не встретили ни одного такого исследования, которое заключало бы вполне законченное изложение положительного учения о присяге». Автор восполняет этот пробел настоящим трудом, приводя в нём к возможному единству существующие в разных источниках действующего права отдельные существенные части учения о присяге.

Под именем присяги разумеется торжественная, совершаемая по установленному обряду, клятва в удостоверение справедливости показаний, или искренности обещаний. Так как в присяге благоговейно призывается имя Божие в удостоверение человеческого слова, то присяга относится к формам христианского внешнего богопочтения. Каждому отдельному человеку присуща вера в Промысл Божий, хранящий и направляющий все благие действия разумных существ; эта же вера естественно составляет душу истинного христианского государства. А так как душа человеческая, согласно древнему святоотеческому изречению, по природе христианка, то обращение к суду Божию (клятве) для разрешения таких дел, которые трудно было решить обычными человеческими судебными средствами, есть явление, восходящее к незапамятным временам древности. Необходимость помощи Божией в суде человеческом всегда сознавалась христианскими государствами и в законодательстве всех европейских народов присяга занимает определенное, точно обозначенное место. Русское государство также принимает присягу и дает соответствующее место этому институту в своём законодательстве. Исходя из этих общих

положений г. Завьялов трактует о присяге с трех сторон: с догматической, исторической и юридической. К каким же выводам приходит автор в своём исследовании о присяге? По его мнению, невозможное учение о клятве не может служить основанием к допущению или запрещению присяги, совершаемой по закону в определенных случаях; но поскольку требования публичного права должны быть в согласии с началами высшей христианской нравственности, присяга не противоречит новозаветному учению; основания законной клятвы или присяги даны в богодухновенном писании Ветхого Завета, поучению коего присяга есть особый вид богопочтения и богослужения (стр. 20, 83).

С этим тезисом почтенного автора, однако, не совсем можно согласиться: в вопросе о присяге по учению Нового Завета он рассуждает как строгий юрист, требующий непременно определенной буквы закона, чтобы признать за тем или другим фактом право на существование. Правда, в новозаветных писаниях нет прямой заповеди клясться именем Божиим, как это мы находим в Ветхом Завете (Втор.6:13, 10:20). Однако отсутствие здесь положительного повеления о клятве вполне заменяется теми свидетельствами Нового Завета, из коих видно, что клятва в важных случаях была освящена примером Самого Господа Иисуса Христа, ангелов и апостолов (собственно апостола Павла). И сам автор, описав ночной суд над Господом Иисусом Христом, признает в заключение, что «осудивший клятву произвольную, необязательную, предметную, Иисус Христос примером и словом Своим освятил присягу законную» (стр. 17–18). Апостол языков, требовавший от христиан подражать ему, апостолу как он подражает Христу (1Кор.4:16, 11:1), неоднократно в своих посланиях призывает Господа Бога в свидетели своих слов (2Кор.1:23; Гал.1:20; 1Фес.2:5 и друг.). Справедливость требует сказать, что апостол не употребляет в своих писаниях обычной клятвенно-присяжной формулы; «клянусь Всемогущим Богом», – но здесь дело не в словах и не в форме, а в мысли, выражаемой этими словами. Если присяга по своему существу есть ни что иное, как призывание имени Божия в удостоверение истинности своих

слов, то вполне безразлично будет сказать: «клянусь Богом» или же «свидетель мне Бог», «Бога призываю в свидетели» и т. п.; существо мысли от этого не изменится. Те же послания ап. Павла показывают, что клятва употреблялась и христианами его времени (Евр.6:16; 1Тим.1:10). Видимое дело, что Основатель благодатного царства на земле, Господь Иисус Христос, и Его ближайшие ученики смотрели на обряд клятвы, как на учреждение Божие, тем самым для всех обязательное и потому не нуждавшееся в каких-либо новых подтвердительных заповедях. Так всегда смотрела и смотрит на присягу православная Церковь, еще в детстве научая своих верных сынов «в важных и необходимых случаях, по требованию законной власти, употреблять клятву или присягу с благоговением и твердым намерением не изменять ей».

В истории русского права понятие о присяге выработалось под влиянием древнерусского язычества, которое держалось в народе после крещения Руси, христианского учения и греко-римского права. С принятием христианства древняя языческая *рота* стала называться при употреблении в общезжитии божбою, а в официальном языке верою и крестным целованием, сменившимся в XVII в. польским словом «присяга», которое раньше было обозначением идольского капища (стр. 39). Затем известные исторические условия образования русского государства и обстоятельства его внешней судьбы породили идею государственной присяги, верноподданнической и служебной. История сохранила присягу народа даже семибоярщине. Вообще сознание необходимости и важности верноподданнической присяги совершенно ясно выразилось в смутную эпоху русской истории конца XVI и начала XVII в. Михаил Феодорович и Алексей Михайлович узаконили обычай этой присяги, как священный обычай, долженствующий сопровождать восшествие на престол нового государя, а также присоединение или покорение новых народов; служение царю, начальнику Божию, должно было предваряться призыванием особенной помощи Божией и священным обрядам (стр. 42 и дал.). Таким образом, в русском праве древнего периода присяга получила определенное выражение в виде особого

богослужебного чина, отправляемого при восшествии на престол нового государя (для всего народа), при определении на службу отдельных лиц и в некоторые моменты судебных дел; в каждом из чинов был свиток уверения и клятвенное обещание для присягающих. Г. Завьялов приводит в своей книге три таких чина присяги по старопечатной книге, хранящейся в синодальном архиве (стр. 46–60).

Петру Великому принадлежит редакционное исправление клятвенного обещания (в генеральном регламенте 1720 г.), а Императору Александру II последний наиболее целесообразный закон об употреблении присяги в судебных делах (в Судебных Уставах 1864 г.). Петровская формула присяги остается доньше и в Судебных Уставах, она только сокращена по предложению Св. Синода (стр. 63–65, 76 и дал.). Будущему церковному законодательству о присяге предстоит исправление пережившей 180 лет присяжной формулы, согласно последовавшему за это время изменению языка и уяснению религиозного и юридического значения присяги. При этом восстановление чина присяги времен царя Алексея Михайловича едва-ли возможно, а сохраняющееся доселе в гражданском процессе увещание пред присягою по его крайней неудобовразумительности подлежит, по-видимому, совершенному изъятию (стр. 84).

Таковы положения, к которым приходит почтенный автор в своём исследовании о присяге. Книга его написана спокойным, даже более того, строго бесстрастным языком историка-юриста. От неё веет духом опытной юридической работы, автор которой основательно постиг смысл и историю законов, касающихся изучаемого вопроса; шесть приложений, помещенных в конце книги (стр. 87–100), сообщают труду г. Завьялова своеобразную наглядность.

Новое издание это представляет живой интерес и для миссионерства, так как вопрос о клятве или присяге, отрицаемый последователями рационалистических сект, представляется одним из самых боевых в полемике и в основательном исследовании нашего автора миссионеры найдут для себя много полезного.

Н. Булгаков

Свящ. Н., Лисицын М. Обзор духовно-музыкальной литературы. 110 авторов, около 1500 произведений. Цена 1 р 25 коп. с пересыл. 1 р. 45 к. Спб. 1901 год // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 872–873

С особенным удовольствием отмечаем появление в нашей духовно-музыкальной литературе настоящей книжки свящ. Лисицына. Она является удовлетворением одной из насущных и давно назревших потребностей людей искренно преданных и занимающихся делом церковного пения. Духовно-музыкальная литература растет из года в год. Разобраться в ней учителям и регентам очень трудно по двум причинам: во-первых, громадное большинство не может иметь непосредственного представления в этой области обо всём выходящем из печати и существующем в продаже и, таким образом, следить за развитием духовно-музыкальной литературы; во-вторых, потому, что это же большинство не обладает ни достаточными теоретическими знаниями, ни практикою, чтобы правильно судить о выходящих духовно-музыкальных произведениях. Для таких лиц настоящая книжка Лисицына является незаменимою и может служить настольною.

В настоящий «Обзор» не вошли только сочинение старых композиторов – Бортнянского, Березовского, Давыдова и друг., а также сочинения, на половину наполненные теорией музыки, таковы, напр.: «Азбука хорового пения» г. Смоленского. Но помимо этого в нём рассмотрены все новейшие русские духовные композиторы и в кратких, но существенных чертах разобраны все их произведения, как заслуживающие полного внимания, так даже и не представляющие другого интереса, кроме полноты обзора. Изложение снабжено разного рода примечаниями теоретического и исторического характера, а пред началом обзора большинства авторов сделан общий взгляд на их произведения и на место, занимаемое ими в нашей литературе. Кроме того, свящ. Лисицын, очевидно, сам имевший большую практику по управлению хорами, всюду делает практические замечания: какие пьесы пригодны для

хоров слабых и малых, какие для сильных и больших, какие для хоров средней силы и проч., и соответственно этому, для удобства справок, отмечает рассматриваемые произведения особыми знаками: крестом, звездочкою и двумя звездочками.

Принимая во внимание огромный и весьма полезный труд, потребовавший, несомненно, нескольких лет, чтобы добросовестно разобраться в материале около 1.500 произведений, – изящество издания и невысокую цену настоящего нового издания, нельзя не изъявить полной признательности почтенному автору, а его книге пожелать быстрого и обширного распространения.

Получать можно у автора: Спб., 12 рота, № 36.

Свящ. Н., Лисицын М. Христианское воспитание в семье и школе. Спб. 1901 г. Ц. 50 коп. с перес. 60 к. // Миссионерское обозрение 1901 г. № 6. С. 873

Вопрос о воспитании в настоящее время один из самых жгучих вопросов. Обществом создано, что недостаточно только обучать, но нужно и воспитывать, т. е. образовать цельного человека. С этой-то точки зрения автор и смотрит на дело воспитания; он доказывает, что воспитание есть развитие в человеке образа Божия, или богодарованных способностей – ума, воли и чувства в связи с телом, как орудием духа. Автор не ограничивается одной постановкой этого вопроса, но уделяет много внимания психологической стороне дела.

Пред глазами читателя проходит постепенная и очень живая, благодаря фактическому освещению, картина развития психической жизни ребенка, и при этом указано, как и на какой стадии влиять на ту или другую сторону душевной жизни дитяти. Автор подробно рассматривает вопрос о физическом воспитании, которое почти игнорируется в наших школах. Вообще книжка, в живом изложении, дает много мыслей по воспитательным вопросам, а также и по вопросам обучения (Закону Божию, русскому языку, истории, об экзаменах и т. д.)

Издана книжка очень изящно. Получать можно во всех лучших книжных магазинах Спб. и у автора (Спб. 12 рота № 36).

Н.

**Миссионерский Вестник // Миссионерское
обозрение 1901 г. № 6. С. 874–882**

Руководственная по миссионерству епископская резолюция

На одном из рапортов местного миссионера преосвященный Николай епископ таврический положил резолюцию, которая поучительна и для всякого пастыря-миссионера.

«И у нас – вот, в Симферополе, объявились *штундисты!* Говорят, – и даже наши школьники мне сообщали, – что они очень хулят Пресв. Богородицу и догматы православной веры! – Полагаю, что спорить с ними о всякой частности в вероисповедании сразу не должно; надобно на первый раз поставить только правильную точку зрения на православную Церковь во всей её совокупности, на пространстве почти двухтысячелетнего существования. В сем случае полезно указать на *всегдашнее присутствие в ней благодати Христовой*, выражающееся в чудесах, являемых как от *мощей* св. угодников Божиих, так и от *икон*, и особенно Богородичных, – подобно тому, как во времена св. апостолов «от головотяжей и убрусцев» Ап. Павла *исцелялись недужные, и злые духи исходили из людей* (Деян.19:11–13). – Установив эту точку зрения – с указанием чудес в недавнее время от иконы Божией Матери в Козельщине и *мощей* св. Феодосия в Чернигове, можно перейти к тому, что в других неправославных церквях и обществах сего не наблюдается. Если же штундисты считают себя носителями истинной веры, то пусть докажут эту веру чудесами подобно тому, как была доказана православная вера. – Затем, не *оправдываться пред ними*, а от них потребовать оправдания своей секты – *во-первых, словом Божиим*, а затем *и делами*, подобно тому, как Христос Спаситель оправдывал Своё учение пред фарисеями и лицемерами (Ин.10:25–28). После же всего этого можно вступать в рассмотрение их заблуждений при свете Божественного Откровения и вести дело без гнева и раздражения, а в духе христианской благоснисходительности и братской во Христе любви. Не смущаться тем, если сразу нельзя ответить на предлагаемый ответ, а вместо этого сказать:

«в следующий раз ответим на это, надобно справиться, чтобы ответить точнее».

Всему же духовенству г. Симферополя собраться под председательством кафедрального протоиерея, по его указанию, – для обсуждения, – где и как устроить публичные огласительные беседы с сектантами, помимо семинарских».

Присоединение к православию

26 Марта, в Великий понедельник в Свято-Троицкой единоверческой церкви г. Екатеринбурга было совершено присоединение чрез таинство св. миропомазания к святой соборной и апостольской Церкви, на правилах единоверия, крестьянина Камышловского уезда, Рамыльской волости, д. Рамыла, Тимофея Кириллова Владимирова. Новоприсоединенный – человек весьма влиятельный в своей местности. Он служит волостным старшиною; состоял начетчиком, имел у себя в доме моленную, в которую собирались для молитвы его однодеревенцы. Взрослые дети Владимирова ранее его присоединились к единоверию. Свою моленную со всеми иконами и книгами он отдает Рамыльскому единоверческому обществу. Архипастырем дано благословение местному священнику освятить моленную в часовню.

Сыновний привет молокан-сектантов православному архиерею

Известный архип.-мисс. Америки, еп. таврический Николай в день св. Пасхи получил от представителя общества сектантов села Астраханки, Бердянского уезда, З. Д. Захарова телеграмму такого содержания: «Христос воскрес! Ваше истинно христианское к нам отношение воодушевляет нас и дает нам смиренное дерзновение мысленно лобызать Ваши любезные уста и поздравить Вас с торжественным праздником Светлого Христова Воскресения. Смирненно молим Господа, чтобы Он укреплял Вас Своею благодатию и обновлял Ваши силы в славу Своего святого имени на благо вверенной Вам епархии и наше. По поручению нашей общины и от себя *Зиновий Захаров*».

На это приветствие Владыка со своей стороны ответил: «Сокологорное, Зиновию Захарову. Вас и всю братию вашу благодарю за привет и благожелание. Христос Спаситель Своею благодатию да утвердит всех вас в единомыслии со вселенскою Церковью. Воистину воскрес». *Епископ Николай*

Desideria по адресу казанских миссионерских курсов. (Письмо в редакцию)

Пред нами только что полученная мартовская книжка «Правосл. Собеседника», в которой мы находим статью иеромонаха Дионисия: «Идеалы православно-русского инородческого миссионерства». – В этой статье мы находим историю казанских миссионерских курсов и описание современного их состояния, – этого «единственного миссионерского заведения» (стр. 347). Судя по этой журнальной заметке, миссионерские курсы в Казани, на которых слушатели проводят прежде всего чисто церковную жизнь под руководством и ближайшим надзором архимандрита и иеромонаха, – учреждение с совершенно исключительным внутренним строем. Где теперь можно найти, чтобы ученики духовно-учебного заведения способны были отправлять «торжественные и умилительные службы, по уставу лучших наших пустыней?» Несомненно, при такой постановке воспитательного дела на курсах можно ожидать от них успеха – и дай им Бог этого успеха!

Нас интересует другой вопрос и вот именно какой. Казанские курсы, судя по статье о. иеромонаха, имеют две группы: татарскую и монгольскую (с. 343). Эти группы сходятся вместе на уроках свящ. Писания, богословской энциклопедии (?), практического богословия и церковной истории (с. 347), т. е. на 18 недельных уроках; остальные уроки каждая группа учеников – слушателей курсов имеет свои специальные. Татарская группа слушает: историю и обличение мухаммеданства, этнографию поволжских и заволжских инородцев, историю распространения между ними христианства и арабский и татарский языки. Предметы второй группы: история и обличение ламайства, этнография сибирских инородцев, история распространения христианства между ними и монгольский язык.

Такова в общих чертах программа преподавания на казанских миссионерских курсах.

И да простят нам составители устава курсов; мы, живя вдалеке от Казани и будучи на противораскольничьем и противосектантском съезде миссионеров в 1897 году, вполне ожидали, что в Казани, чуть не центре раскола, на миссионерских курсах сообщаются хотя самые отрывочные, краткие сведения по расколоведению. Если же доверить статье «Правосл. Собеседника», то казанские миссионерские курсы, – будучи единственным учебным «образовательно-миссионерским» заведением, в то же время – единственное учебное заведение без курса раскола. Автор названной нами статьи, критикуя устав курсов, сожалеет, что на них не преподается медицина (с. 348), но ведь и упущение расколоведения, а в нынешнее время и сектоведение, – упущение немаловажное! Где нет на св. Руси последователей раскола, а ныне сектантства? Спрашивается, где же бы наиболее организовать группу расколо-сектоведения как не при казанских курсах? Или более того – расколо-сектоведение и обличение должно бы быть в числе общеобязательных предметов наравне с «богословской энциклопедией», – наукой малопонятной для нас, по своей особой терминологии.

В настоящее время изданы последовательно два циркулярные указа Св. Синода (по поводу постановления всероссийского миссион. съезда 1897 г.) о введении, хотя в самой небольшой степени, курса расколообличения даже в церковно-приходских школах. Повторяем, – весьма бы желательно было введение этого курса и в этом единственном специально-миссионерском учебном заведении, иначе курсы всегда будут представляться незаконченным и, если угодно, непопулярным миссионерским заведением, каковая репутация за ними укоренилась издавна на стороне.

И вообще из критики разбираемой статьи о казанских миссионерских курсах можно заключить, что их устав требует еще и еще изменений и дополнений, начиная хотя бы с того, напр., чтобы двухгодичный курс обучения на курсах заменен был трехгодичным и даже четырехгодичным и введение в курс новой группы слушателей, изучающих только внутреннюю миссию и противорасколо-сектантскую полемику. На самом

деле, возможно ли помириться с тем, что наша столь бедная и нуждающаяся в борцах внутренняя миссия не имеет своего миссионерского училища? – Неужели могут быть какие-либо серьезные препятствия к тому, чтобы казанские курсы приютили противорасколо-сектантское отделение в своих стенах? – Очень бы хотелось выслушать мнение лиц, ближе нас стоящих к этому учреждению, по этому поводу, и если существуют препятствия осуществить наши пожелания, то следует подумать, как их устранить?... А наши пожелания, кажется, не только своевременны, но и составляют давно назревшую нужду.

Ревнитель

Чудо милости Божией от св. Даров

Граф Толстой в своём вышеприведенном «ответе» неистово глумится над святейшим таинством св. Причащения, а вот князь Мещерский свидетельствует в «Гражданине» о следующем поразительном чуде. Недавно в нашем грешном Петербурге совершилось чудесное проявление Божественной благодати в доме одного моего знакомого. У них гостила приезжая из провинции старушка, вдруг после инфлюэнцы пораженная параличом гортани. Положение сразу стало угрожающим, ибо больная ничего не могла глотать: ни пищи, ни лекарств. Все усилия и средства лучших врачей и хирургов оказывались напрасными, и больную ожидало изнурение от голода и жажды. В этом состоянии больная пожелала приобщиться св. Таин. Прибыл к ней со святыми Дарами молодой священник. Когда он прибыл, окружавшие больную предупредили его, что больная ничего глотать не может, и высказали опасение, что и св. Причастие она не будет в состоянии принять. Священник на это ответил, что телесная и врачебная научная помощь не его дело, – его дело воззвавшую к Богу с верою – с верою причастить, и, приступив к таинству причащения, священник подошел к больной, прочел молитву Причастницы, и лжицу с Телом и Кровью Христовыми преподнес к жадно ожидавшим их устам больной. Немыслимо описать волнение, охватившее присутствующих в эту страшно великую минуту вопроса: что будет?... Больная открыла уста, священник вложил в них причастие – и больная проглотила св. Дары... Это был первый глоток после недель болезни; затем священник дал ей теплоту, она проглотила её тоже, и яркий свет душевного блаженства озарил как бы солнечным светом её лицо; слезы благодарности к Богу полились из её глаз и во всей комнате, где так давно царила тьма бессилия науки и ожидание смерти, – стало светло от совершившегося чуда веры!

Когда, после ухода Божьего врача, явились врачи науки, разумеется, они это чудо объяснили реакцией от сильного нервного возбуждения и придали ему временное значение... Но

к вечеру больная проглотила молоко, проглотила бульон, а теперь, три недели спустя, уже ест твердую пищу и поправляется...

Разговор священника со старообрядцем о литерах, пишемых на иконах Божией Матери

Не так давно ко мне зашел для духовной беседы: один из местных старообрядцев. Помолившись на св. иконы, старообрядец обратил внимание на одну из них, – икону Черниговской Божией Матери, – и пожелал узнать, может быть, испытывая меня, как называется этот образ. Удовлетворив его любопытству, я, со своей стороны, обратил внимание старообрядца на начертанные по сторонам лика Богоматери литеры **Мр** **Θυ** и спросил его, что означают, по его мнению, эти литеры. Старообрядец, не задумываясь, как по заученному, отвечал: «*Мария родила фарисеев учителя*».

– А мы, православные, сказал я, понимаем эти литеры несколько иначе: по нашему, они просто означают: «*Матерь Божия*».

– Коротко и благочестно, возразил старообрядец, «но что-то я не понимаю, как это четыре буквы означают два слова». Тогда я обратил внимание старообрядца на титла, стоящие над каждою парюю букв, и указал ему на случаи сокращения посредством титл славянских слов; в частности указал на имя Христос, которое тоже сокращается только в две буквы **Х҃**.

– Да, сказал старообрядец, мы, действительно, читаем эти две буквы за слово Христос, а потому можно бы и Мр. прочитать за слово Матерь. Но как быть с остальными буквами? Ведь таких букв совсем нет в слове Бог или Божий».

– Это верно, сказал я. Но потолкуем немножко. Скажите, откуда мы приняли веру Христову?

– Из Греции.

– А св. иконы Спасителя и Божией Матери?

– Конечно, также из Греции.

– А надписи на иконах греки делали на каком языке?

– Ясно, что по-гречески.

– Значит, и объяснения Мр Θυ нужно искать в том, что значат эти слова по-гречески. Не так ли?

– Чего бы лучше? Но я греческий-то язык и не знаю.

– Ну, так поверь мне; я обманывать не стану, а греческий-то язык я изучал. По-гречески, мать – *Μητηρ*, Бог – *Θεος*, а если по-славянски нужно сказать Бога, то по-гречески будет *Θεу*. Оба эти слова на иконе сокращены в четыре буквы – так: **Μηρ Θε**. Теперь читай эти четыре буквы, полностью, без сокращения, как читают слова под титлом. Что выйдет?

– «Мать Бога».

– «Ну, а разве это не то же, что Мать Божия?»

– «Так-то так, но ведь не погрешительно и наше понимание».

– «Погрешительно-ли ваше понимание, судите сами, почтеннейший. По вашему пониманию выходит, что Христос был учителем *только фарисеев*. А разве это так? Из Евангелия мы подлинно знаем, что фарисеи считали себя праведниками, а Христос говорил о Себе, что Он пришел «не праведников, а грешников призвать к покаянию». И о фарисеях он однажды прямо сказал: «оставьте их. Они слепые вожди слепых». За Христом всегда следовали толпы народа, и Он *учил всех*, не различая ни званий, ни состояний. Да и апостолам своим Он заповедовал научить *вся языки*, проповедовать Евангелие *всей твари*. Не погрешительно ли после этого считать и называть Христа Спасителя учителем *только фарисеев*? Кроме того, укажите мне хотя бы одно место в Евангелии, где бы слово *фарисей* писалось с буквы *Θ*, т. е. *ϑарисеи*, напротив, оно везде начинается с буквы *Φ*, – *φарисеи*.

– Вот, спасибо, отец, что научил. Мы ведь люди невысокого ума, греческого языка не изучали, а веруем, как наставили нас наши отцы и деды. Так закончил эту беседу старообрядец.

(Е. В.)

Печальное увлечение интеллигентов

В «Гражданине» помещена следующая заметка об увлечениях современных «интеллигентов». «С изумлением, которое, вероятно, разделят многие порядочные люди, пришлось прочитать в «Русских Ведомостях» совсем невероятное сообщение из Киева. В нём сказано, что киевляне послали графу Льву Николаевичу Толстому телеграмму следующего текста: *«Лев Николаевич! Мы, киевляне, шлем вам, величайшему и благороднейшему писателю наших дней, выражения горячей радости по поводу вашего выздоровления и надеемся, что высшая справедливость сохранит вашу жизнь еще долгие годы на благо страдающим ближним и на служение чистым идеалам любви, правды, истины и свободы»*. Затем газета прибавляет, что телеграмма эта собрала около 1000 подписей, которые будут посланы почтой. Итак, киевляне надеются, что высшая справедливость сохранит жизнь графа Толстого. Почти тысячелетие назад Киев сделался купелью крещения России в православную христианскую веру... Теперь, как видно из телеграммы 1000 киевлян, Киев провозглашает нового бога, в отмену старого, и придумал ему название: «высшей справедливости». Интересно было бы узнать, графу Толстому будет ли приятнее отдать свои дни под охрану высшей справедливости, чем под охрану христианского Бога? Интересно было бы тоже узнать, кто это тысяча подписавшихся под телеграммой, возвещающею о новом киевском боге. Вероятно, почтенное большинство евреи...

Волк в ошейнике. (Новая басня)

О толстом волке мой рассказ.
Забрался старый волк в овчарню как-то раз
(Само собой, вперед одев овечью шкуру)
И стал овец манить
Вон из овчарни уходить:
Овчарня де грязна,
Овчарня-де тесна,
И в овцах пастухи свою лишь пользу видят,
А если есть нужда, так каждую обидят;
В лесу же, на полях куда вольнее жить –
Так надобно туда, конечно, уходить!
Искусны серого слова!
Глядь, овцы по одной уходят со двора.
Однако пастухи не спят,
О сером друге говорят,
Как прекратить в овчарне им заразу
Чего же тут мудрить, прогнать бы волка сразу –
Ань серый не дремал
И страху пастухам нагнал:
Боятся сунуться, боятся волчьей мести
(Тот волк же был в особой чести)
И вот, и потому
Решили пастухи одеть ему
Ошейник с надписью, что это волк.
Тихохонько одели... ждут, какой тут будет толк.
Но, Боже мой,
Подняли шум какой!
Все волки пастухов чуть-чуть не разорвали
И грязью закидали;
Кричат: насилье и позор!
Вот ваш каков пастуший приговор,
Вот кротость какова! А нас еще винули,
Что мы всегда жестоки были!
И кто бы это снес –

Прия́тель матерой, *как грязный пес*,
По вашей милости ошейник носит!
Да нет, наш толстый волк пардону не попросит;
Коль надобно, ошейник разорвет
И к вам в овчарню вновь придет.
Здесь басня кончена. Слова нравоученья:
Где менее суда, там больше осужденья.
П—.

Опровержение

В газетах появилось неверное сообщение, что будто бы настоящим летом имеет состояться в Петербурге всероссийский миссионерский съезд. Судя по полученным нами запросам, сообщение это ввело многих деятелей миссии в заблуждение, а потому спешим опровергнуть это известие, как ни на чем не основанное.

Миссионерские новости

Оренбургская духовная Консистория сообщает нам, что в настоящее время в Оренбургской епархии состоит вакантной должностью епархиального миссионера.

В Оренбургской епархии миссионер несет обязанности противораскольничьей и противосектантской миссии. В вознаграждение за труды и в возмещение расходов по поездкам по обширной области миссионеру положено 3 т. руб.

— 5 июня открывают заседания епархиального миссионерского съезда в г. Витебске. Съезд продолжится несколько дней. К участию приглашено до 30 священников и миссионеров местной епархии. Заседания продолжатся несколько дней.

— На 16 сентября назначено открытие областного миссионерского съезда в г. Орле. Кроме местных деятелей миссии к участию приглашаются епархиальные миссионеры ближайших епархий, а для руководства съездом в качестве специалистов преосвященный пригласил редактора нашего журнала В. М. Скворцова и профессора Н. И. Ивановского. Съезд продолжится две недели.

Примечания

¹ - По расколу можем указать на «Дополнительные сведения по Закону Божию (для начальных народных школ), составленные по программе, утвержденной св. Синодом, для школ Олонецк. епарх.)» епарх. миссионер. свящ. К Плотниковым. Дополнительные уроки Закона Божия по расколу С.-Петербургского епарх. миссионера М. Чельцова. По сектантству – Записка «О миссионерском характере ц. пр. школы среди сектантского населения и примерное распределение программ Закона Божия». Полтав. епарх. наблюд. свящ. И. Ольшевского.

² - См. выше § 4, п. б.

³ - Желательно, чтобы недостающее в этой Памятке практические деятели миссии, чрез сообщение своих соображений в редакцию, дополнили и несовершенное исправили.

⁴ - Публичная лекция, произнесенная в одном из собраний для интеллигентного круга слушателей Киевского Религиозно-просветительного общества.

⁵ - Правосл. Обозрение 1868 г., 38 стр. «австрийском священстве» Н. Ивановского.

⁶ - Русский Вестник 1864 г. Май, стр. 11.

⁷ - Белая Криница – небольшое старообрядч. селение в пределах Австрии, в которое поповцам позволено было Австр. Императором поселить буд. «древлепр.» архиерея.

⁸ - Что на переход Амвросия в Белую Криницу имела сильное влияние просьба сына его Георгия, видно из следующего письма сего последнего. «Много и много крат мой покойный родитель меня бранил за это дело, сиречь за эту липованскую православия, и сказал мне покойный: да я буду от Бога наказан за это дело, понеже он не хотел приитить на липованскую ересь, ежели я не был добрый залипован». Письмо от 22 Ноября 1864 г. (Переписка раск. деятелей вып.1:233).

⁹ - Депутаты Белокриницкого монастыря со своей стороны дали след. обязательства по отношению к м. Амвросию: «Его Высокопреосвященство будет жить в Белой Кринице, в нашем монастыре на всём монастырском содержании; сверх же того монастырь обязуется давать Его Высокопреосвященству жалование в каждый год 500 червонцев австрийского золота, пока он жив будет, с тем, чтобы исполнять ему всё по правилам св. отец согласно монастырского устава без нарушений» (История Белокр. священства Н. И. Субботина Братское Слово 1886 г., т. 1, стр. 286).

¹⁰ - Есть известия, что, с появлением в расколе австрийского священства, целые приходы православных переходили в раскол. См. Бр. Сл. 1886 г., т. 1, 682 стр. Е. А-в «несколько воспоминаний о том, как на моих глазах распространился раскол». Ср. Бр. Сл. 1892 г., т. 11, 142 стр.

¹¹ - Бр. Слово 1891 г., стр. 33. Предисловие книги Перетрухина «Меч».

¹² - Церковные Ведомости № 3, 1900 г. О стремлении руководителей австрийской секты образовать независимую от правительственной власти раскольническую «Церковь» чит. в «Циркуляре Министра Внутренних дел губернаторам» от 30 Апреля 1900 года.

¹³ - Фаррар. Первые дни христианства. Спб. 1888 г., т. 1, стр. 542 в переводе А. П. Лопухина.

¹⁴ - Иванов-Платонов. О западных вероисповеданиях. Москва. 1887 г., стр. 91.

¹⁵ - История религий и тайных религиозных обществ. Спб. 1871 г., т. 5, стр. 83.

¹⁶ - Штолль. Мифы классич. древности. Т. 1. 2 е изд. Москва. 1877 г., стр. 96–97.

¹⁷ - βαπτίζω – крещу, погружаю; баптисты – крещеные христиане (die getaufte Christen), как они сами себя называют.

¹⁸ - Rohnert «Kirche Kirchen und Secten» Leipzig 1881 j. 129 S. Vgl. Dresbach. «Die protestantischen Secten der Gegenwart». Barmen 1888 j. 149 s. Stark «Bilder aus der Reformationsgeschichte». Leipzig, 1869 j. 15 s.

- ¹⁹ - Cramp. «Geschichte der Baptisten von der Gründung der ersten christlichen Gemeinde bis «zum Schlus. des 18 Jahrhunderts». Aus dem Englischen. Hamburg. 1873 j. 287 s.
- ²⁰ - Cramp. 264, 279 s.
- ²¹ - Cramp. 261.
- ²² - Ibidem 324.
- ²³ - «Baptismus». Evang. Luther. Kirchen-Zeitung. 1888 j. 976 s.
- ²⁴ - Робертсон. «История Церкви». Пер. Лопухина. II т., 997 стр.
- ²⁵ - Cramp. «Geschichte der Baptisten». 553 s.
- ²⁶ - Cramp. 552, 575.
- ²⁷ - Cramp. 664.
- ²⁸ - Редерер. «Вильям Карей». Православ. Благовестник 1893 г., № 1, стр. 31.
- ²⁹ - В 1876 г. в одной Англии, не считая Шотландии, было 2671 община с 265.727 членами. Missionsblatt getaufter Christen 1878 j. 97 s. В 1894 г. 353.067 членов. Vedder. Geschichte der «Baptisten» Hamburg. 1896 j, в конце таблица.
- ³⁰ - Schnidler: «Leben u. Wirken von C. H. Spurgeon. Hamburg. 1892 j.
- ³¹ - Cramp. 537.
- ³² - Cramp. «Geschichte der Baptisten». 601 s.
- ³³ - Missionsblatt getaufter Christen. 1878 j. 87 s.
- ³⁴ - Мак-Гахан. «О поступательном движении православия в Америке», Русское Обозрение. 1895 г. Сентябрь, 203 стр.
- ³⁵ - Vedder. «Geschichte der Baptisten». Таблица в конце.
- ³⁶ - Православный Благовестник. 1893 г. № 6, стр. 16.
- ³⁷ - Allgemeine Evangel. Luther. Kirchen-Zeitung 1887 j. 902 s.
- ³⁸ - Dresbach. «Die protestantischen secten», 151–152 s.
- ³⁹ - «Секты и вероучения в Соедин. Штатах Северной Америки. Спб. 1896 г., 13 стр.
- ⁴⁰ - Dresbach 151 s.

⁴¹ - Allgemeine Evangel. Luther. Kirchen-Zeitung 1887 j. 1107, 1135 s.

⁴² - О них можно прочитать в статье «Прав. Собес.» за ноябрь месяц «Появление бегунства в Казани». Наше редакционное примечание.

⁴³ - Прекрасный совет для всех и для обратившейся, о чём православная Церковь всегда внушает. Примеч. редактора.

⁴⁴ - Этот принцип бегуны не только перекрещенные, но и «жиловые» проводят в самых широких размерах; обратившейся же советую забыть его. Редактор.

⁴⁵ - Настоящий рассказ представляет ученическую работу по Словесности, на тему: «Самый радостный день в моём детстве», – исправленную стилистически преподавателем. Прим. Ред.

⁴⁶ - Последние строки заимствованы нами, по желанию рассказчицы, из письма её к нам, от 8 ноября. Ред.

⁴⁷ - До появления Марковского толка в Мелекесе почти не было раскольников, теперь же их официально насчитывается до 2 т., а в действительности гораздо больше.

⁴⁸ - Это, положим, много сказано, но не будем спорить пока с автором. Ред.

⁴⁹ - Дегтерев действительно плохой старообрядец: – некоторые старопечатные книги он считает сборниками южно-русских басен, в полемике на них никогда не ссылается, рассуждает более от разума и на основании сочинений Т. И. Филиппова, В. С. Соловьева и т. п. По его словам, он принадлежит к австрийцам-окружникам.

⁵⁰ - Из сборника бесед Екатеринославских миссионеров.

⁵¹ - Моск. Вед.

⁵² - Воронежские, Донские, Орловские, Оренбургские Еп. Вед.

⁵³ - Из официального источника.

⁵⁴ - Сборн. сочин. проф. Казан. Д. Академии Н. Ивановского. Том I, стр. 417–419. Миссион. Обзор. Феврал. 1899 г. Стр. 278–279.

⁵⁵ - Миссионер. Сборн. № 1-й, 1893 г.

⁵⁶ - Ин.6:44.

⁵⁷ - 1Кор.3:7.

⁵⁸ - Лк.19:5.

⁵⁹ - Мф.13:30–39.

⁶⁰ - 2Тим.4:3.

⁶¹ - 1Кор.9:16.

⁶² - Тит.1:9–10.

⁶³ - 2Тим.4:5.

⁶⁴ - В Симбирской епархии на содержание миссии расходуется 250 р. из сумм Св. Синода и около 250 руб. из средств епархии.

⁶⁵ - Ежегодное среднее число обращений в той же губернии немногим более 250 душ в год.

⁶⁶ - Н. К. Соколов. Из лекций по церковному праву, вып. 1, стр. 3, 7–8.

⁶⁷ - Деяния всел. соборов изд. в р. пер. т. 7, вт. изд., 302–303 стр.

⁶⁸ - Достойно примечания то, что Спаситель, посылая своих учеников на всемирную проповедь, прежде сказал: «аз посылаю вы» (Ин.20:21), а затем уже преподал им власть совершать таинство покаяния, сказав: «примите Дух свят: имже отпустите грехи, отпустятся им; имже держите, держатся» (Ин.20:22–23), чем ясно указал на то, что отправление важнейшей обязанности пастырского служения – совершение св. таинств – должно находиться в непосредственной зависимости от факта посланничества пастыря на это дело, так что, если пастырь Церкви ни кем не уполномочен на дело своего служения, то по тому самому он не имеет никакого права на совершение таинств церковных, равно как не имеет права и проповедовать, согласно слову Апостола Павла: «како проповедят, аще не послани будут» (Рим.10:15).

⁶⁹ - Послание 2 к Магнезианом. Русский перевод; «посему, как Господь без Отца по своему единению с Ним, ничего не делает ни Сам Собою, ни чрез апостолов: так и вы ничего не

делайте без епископа и пресвитеров» (Писания мужей апостольских изд. в р. переводе. Преображенского, посл. Игнатия Богоносца к Магnezийцам, гл. VII).

⁷⁰ - Книга правил 1839 г., 17 и 16 стр.

⁷¹ - Там же стр. 12, 39–40, 168–169.

⁷² - Συνοδικόν bive Pandectae canonum. Beveregii. Oxonii. 1662. t. Secundum Annotationes p. 81.

⁷³ - Apud Athanasium apol. 2.

⁷⁴ - Euseb. de vita Const. 1, 3, с. 61.

⁷⁵ - Книга правил 16 стр. По поводу сего правила Беверений замечает. «Когда епископ Антиохийский намеревался на острове Кипре совершать посвящения и приобретать авторитет, то Реджио (Rheginus) от имени остальных епископов острова принес челобитную третьему вселенскому собору – в то время знаменитому Ефесскому, что епископ Антиохийский поступил при этом вопреки правил апостольских и постановлений святейшего собора Никейского».

⁷⁶ - Книга правил, стр. 176, 172–173.

⁷⁷ - Правила св. пом. соборов с толкованиями вып. 1, стр. 178. «Рукополагаяй вне своего предела с рукоположенным да извержется по тридесят пятому св. апостол правилу». Большой требник гл. 108. из Номоканона.

⁷⁸ - Братское Слово. 1897 г., т. 2, 483 стр.

⁷⁹ - Книга правил, 176 стр.

⁸⁰ - Зонара в толковании сего правила говорит: «если же есть, говорит, кто-нибудь настолько безумный, или дерзновенный, что и после сего правила осмелится перейти из одного города в другой и возомнит приносить в этом извинение, т. е. защищаться и отклоняти от себя обвинение... настаивая на том, что он получил послание от городского народа, призывающее его на сию епископию, то явно, что он успел убедить некоторых немногих, чтобы они составили скопище в Церкви, желая иметь его епископом; а их он нанял и подкупил, чтобы они просили его, давши им деньги, которые в правиле поименованы воздаянием и ценою» (Правило св. пом. соборов с толкованиями, вып. 1, стр. 288–289).

- ⁸¹ - Книга правил 15 стр.
- ⁸² - Athanas., ad ubique orthodox., t. 1, стр. 943.
- ⁸³ - Правило св. пом. соборов с толкованиями, вып. 2, стр. 682–683, 415.
- ⁸⁴ - Tertull. apol. с. 39.
- ⁸⁵ - Ambros. de dignit. Sacerdot. с. 5.
- ⁸⁶ - Книга правил 15 стр., и изд. 1877 г., стр. 642–643.
- ⁸⁷ - Книга правил 439 стр.
- ⁸⁸ - Село Рассказово – верстах в 25 от Тамбова по большой дороге на Пензу – известно своими фабриками, посему многолюдное – до 16 тыс. жит.; здесь большие гнезда разных сект и хлыстовщины.
- ⁸⁹ - Эти показания даны на произведенном в 1896 году духовным следователем дознания, по поводу жалобы крестьян на «постников»-хлыстов, поданной ими Тамбовскому Преосвященному 9 Апр. 1896 г.
- ⁹⁰ - Употребление церковных песнопений и чтение Библии введено хлыстовским новатором Аввакумом Копыловым с противоцерковным, но тщательно скрываемым смыслом.
- ⁹¹ - По словам одного «постника» это для того, чтобы «посторонние окон не разбили».
- ⁹² - Выражения: «рай»... «бог»... «молись богу в землю» – относятся к «богу и раю земным», о которых скажем ниже.
- ⁹³ - Из показаний бывшего хлыста, три раза посетившего собрания постников. Когда на третий раз «постники» на вечернем собрании хотели показать ему еще что-то, то главный между ними, ныне умерший, Матвей Таксов сказал: в алтарь его нельзя водить, пущай в колокольне постоит?... Так и не проник он в «алтарь постников».
- ⁹⁴ - Что это за «рай» можно отчасти судить по показаниям крестьян села Перевоза об «Анисьином рае». Для приема приезжающих и приходящих на поклонение хлыстов, известная хлыстовская «богородица» Анисья Копылова устроила в своем доме «рай», который был ни что иное, как отгороженная в её избе особая комната – спальня, разукрашенная и усыпанная

цветами, нарочито привезенными из Москвы... Не о таком-ли «рае» постники поют: «садик, мой сад, украшенный рай»?...

⁹⁵ - Такие же фотографические карточки всех членов известного корабля и для той же цели имеет и кормщик хлыстовского корабля в селе Рассказове... Портрет простреливается в знак того, что изображенное на нём лицо должно умереть, как выдающее тайны хлыстов и в селе Рассказове, действительно, были загадочные убийства лиц, намеревающихся бросить хлыстов и выдать их тайны...

⁹⁶ - До сих пор что-то не слышно, есть-ли в Перевозе «наследница» Анисьи Копыловой, или по прежнему Перевозские хлысты «поклоняются карточке её»?... Быть может, так неожиданно рухнувшие надежды их на «повенчание» Наташи (Мисс. Обзор. 1900 г. Янв. «Тамб. хлысты» стр. 50) заставили их быть осмотнительней и еще более скрытней?!!

⁹⁷ - Ныне в Тамб. епархии есть хлысты, которые не причащаются лет десять сряду... открыто заявляют на беседах миссионеру, что они не знают: «сколько Христов было: один, или четыре, пять» (Лызовский «постник» Степан Факсов)... отвергают священство... даяние за требы...

⁹⁸ - Эта любовь «по духу» известна у Лызовских крестьян под именем «свального греха», творимого «постниками» в конце собраний, около полуночи, когда вдруг огни гаснут, и так молчание впотьмах длится около часу.

⁹⁹ - В селе Сатино два хлыста отказались прийти на похороны своего отца, называя его своим «врагом» за то, что «он родил их».

¹⁰⁰ - Правда, циркулярным указом Св. Синода по поводу деяний 3-го Всеросс. мисс. съезда в Казани предоставлено приходским священникам право «не допускать опознанных хлыстов к приобщению Св. Таин», – но сила сего права в корне подорвана оговоркой: «пока они по исповедании своих грехов не произнесут вслух народу отречения от всех хлыстовских заблуждений и не дадут обещания до конца жизни твердо содержать учение православной Церкви»... Во-первых, ни один хлыст не признает себя хлыстом, во-вторых, в случае упреков

его в принадлежности к хлыстовству он всегда готов отречься от хлыстовства и дать пожизненное обещание твердо содержать учение правосл. Церкви... и всё же останется хлыстом!... Но об этом подробнее поговорим в другой раз.

¹⁰¹ - Почему-же он доселе не просил содействия епархиального начальства, а полагался всецело на свои силы?

¹⁰² - Где же раньше был местный пастырь, когда хлысты совратили не два, а до 18 семейств?!!

¹⁰³ - Этим дознанием мы воспользовались для более правильного решения вопроса: принадлежат-ли Лызовские постники к секте и к какой именно?

¹⁰⁴ - Крайне сожалеем, что книга эта, поступившая в 1898 г. в братскую библиотеку, доселе не сделалась достоянием печати в целях научных; при всём желании мы не могли добыть её и воспользоваться ею для еще более полной обрисовки Лызовских «постников».

¹⁰⁵ - Но тогда крестьянам пришлось-бы писать доносы на очень многих, так как кто-же из «живущих лучше» раздает по сей причине деньги «на чаек?!» Видно, если и просил кто «на чаек», так по другой причине, ясно указанной в прошении крестьян...

¹⁰⁶ - Но откуда Тарасов узнал всё то, что он написал в свою книгу?!! Эти слова не только не оправдывают его, но, напротив, доказывают, что он «еще холостым» заразился «постничеством», женился на «постнице» и доселе пребывает «постником» вместе с женой своей!...

¹⁰⁷ - Вернее спрятана... А ведь ненужные вещи, которых «смысла не понимаешь», не хранят десятки лет!...

¹⁰⁸ - Очень просто: «кто чего ищет, то и найдет», тем более и Ермолай служил в работниках у Михаила Тарасова, и ему не безызвестны были сокровища хозяина...

¹⁰⁹ - Не логично!... Книжка, как вещественное доказательство, сама по себе ободрила крестьян, независимо от Ермолая озлобленных на «постников» и искавших только удобного случая для жалобы... Ну, а лучшего случая не дождешься, а накипело на сердце изрядно!...

¹¹⁰ - Для убеждения в этом достаточно просмотреть протоколы раскольнических съездов и отчеты штундовых конференций; раскольники и сектанты всех почти видов имеют постоянные сношения со своими единомышленниками в других губерниях. Постановка дела пропаганды лжеучений во многих расколо-сектантских общинах такова, что кое чему и нам, православным миссионерам, полезно было бы поучиться и у врагов православия (особенно у штунды).

¹¹¹ - В миниатюре такие учреждения существуют уже в Воронежской епархии и двухлетний опыт доказал полную целесообразность в полезность их. Так, при местном Братстве учреждена особая «Библиотечная Комиссия», принявшая на себя надзор за состоянием миссионерских библиотек в епархии, рекомендацию и подбор наиболее полезных для целей борьбы с местным расколо-сектантством изданий, а равно и непосредственные сношения с авторами этих изданий и книгопродавческими фирмами (для удешевления книг и брошюр при массовой выписке их всей епархии). При Комиссии образован склад миссионерских изданий. Кроме того, при Братстве организовано «Общество интересующихся делом миссии людей», которые выразили желание содействовать его успехам личным участием в составлении брошюр и листовок полемического характера, специально рассчитанных на удовлетворение местных епархиальных нужд.

¹¹² - К сожалению миссионеры до сих пор не имеют не только никаких прав государственной службы, но даже и права на пенсию, в виду этого вопрос об обеспечении их, в случае потери здоровья и сил, приобретает немаловажное значение.

¹¹³ - В Воронежской епархии подобный миссионерский фонд существует с 1898 года. Цель, ради которой он учрежден, – поддержка окружной и приходской миссии, бесплатное снабжение полезных для миссии людей книгами и брошюрами, распространение в народе полезных миссионерских изданий, путем бесплатной раздачи их и т. п. Средства этого фонда образуются из ежегодных взносов по одному рублю с каждого штата духовенства епархии.

¹¹⁴ - «Мис. Обозр.» янв., 80–84 стр.

- ¹¹⁵ - «Миссионер. Обзор.» Январь 118–126.
- ¹¹⁶ - Школьно-миссионерские вопросы на первом чрезвычайном собрании Училищного Совета при Св. Синоде. «Миссионерское Обзор.» 1898 г. октябрь.
- ¹¹⁷ - Статья эта была приведена у нас в декабрьской кн. в дневнике редактора «Со скрижалями сердца».
- ¹¹⁸ - Моск. Вед.
- ¹¹⁹ - См. соч. проф. Иванюкова «Падение крепостного права»; стр. 9.
- ¹²⁰ - Знаменский П.В. Руководство к рус. ц. истории 1888 г. Кз., стр. 137.
- ¹²¹ - Мисс. Обзор. январь, стр. 58–64.
- ¹²² - Continental Society for promoting the Gospel, как и многие английские миссионерские и библейские общества, не имело конфессионального характера. В состав его входили члены, принадлежавшие к различным исповеданиям. Lehman «Geschichte der deutschen Baptisten». Hamburg 1796 j. 24 s.
- ¹²³ - «I. G. Oncken.» Wahrheitszeuge 1893 j. № 34, 267 s. vlg. «Nekrolog». Jahresbericht Theologischer von Lipsius. 1984 j. 382 s.
- ¹²⁴ - Dresbach 153 s.
- ¹²⁵ - «Европейский баптизм». Киевская старина 1884 г. Декабрь. 645 стр.
- ¹²⁶ - Вероизложение немецких баптистов предполагает членов, удерживающих меннонитские особенности.
- ¹²⁷ - «Европейский баптизм». Киевская Старина 1884 г. Декабрь, 646 стр.
- ¹²⁸ - Dresbach 153 s.
- ¹²⁹ - Missionsblatt 1878 j. 134 s.
- ¹³⁰ - Dresbach 153 s.
- ¹³¹ - Arnold. «Der Baptismus». Leipzig 1887 j. 9 s.
- ¹³² - Missionsblatt 1878 j. 177 s.
- ¹³³ - Hausfreund 1894 j. 68 s.
- ¹³⁴ - В 1877 г. их насчитывалось 24.033. Missionsblatt 1878 j. 177 s.; в 1884 г. 33.483. Allgem. Evang. K. Zeitung 1886 j. 618 s.

¹³⁵ - «Glaubensbekenntnis und Verfassung der Gemeinden getaufter Christen, gewöhnlich Baptisten genannt». Siebente Auflage. Hamburg 1884 j.

¹³⁶ - Artikel I. Wir glauben, dass die heiligen Schriften... die allein wahre göttliche Offenbarung an das Menschengeschlecht ausmachen und die alleinige Regel und Richtschnur des Glaubens und Lebenswandels sein müssen. 3–4 s.

¹³⁷ - Art. III. Durch List des Satans sündigte der Mensch, fiel von Gott ab, verlor das Ebenbild seines Schöpfers, und geriet alsbald nach Leib und Seele in den Zustand des Todes. Da nun alle Menschen aus dem Samen Adams entsprossen, so dass sie in Sünden empfanden und geboren, Kinder des Zorns sind, gänzlich untüchtig und unlustig zu allem Guten, aber fähig und geneigt zu allen Rosen. 6–7 s.

¹³⁸ - Art. IV. ...Wir glauben, dass diese ewige vollgültige Erlösung des Sohnes Gottes die alleinige Ursache unsrer seligkeit ist. 8–12 s.

¹³⁹ - ... So wurden die Personen aus dem verloren Menschengeschlechte, denen die Erlösung wirklich im Laufe der Zeiten zugeeignet werden sollte, auch vom Vater erwählt, ihre Namen im Himmel angeschrieben, sie selbst den Händen des Erlösers übergeben, als sein Volk... Diesen Personen wurde das ewige Leben in Christo bescheiden, und zugleich wurden alle Mittel verordnet, die sie zum Glauben an Christum bringen sollten, zur Heiligkeit und end lich zur ewigen Seligkeit. Solcher Ratschluss Gottes ist unveränderlich und ewig festgestellt, so dass diejenigen, welche er betrifft, die Auserwählten, den Händen Christi nicht enttriften werden können. 12–15 s.

¹⁴⁰ - Art. VI. 16–17 s.

¹⁴¹ - Art. VII Der Weg des Heils ist der, dass der Mensch durch das Wort Gottes, welches lebendig und Kräftig ist, aus seinem tiefen Sündenschlafe erweckt wird... Er empfängt durch den Glauben an Ihn (Christ) die Vergebung seiner Sünden und das Zeugnis in seinem Herzen, dass er ein Kind Gottes und ein Erbe des ewigen Lebens ist Diese grosse Umwandlung in dem Herzen und in

Erkenntnis des Sünders ist ausschliesslich das Werk des Heiligen Geistes. 17–19 s.

¹⁴² - VIII. ... Die Taufe ist eine Erstlingsfrucht des Glaubens und der Liebe zu Christo, der Eintritt in den Gehorsam gegen den Herrn und in Seine Gemeinde. Sie ist die feierliche Erklärung, das Bekenntnis des Sünders... nie Taufe ist aber auch die feierliche Erklärung und Versicherung Gottes an den gläubigen Täufling, dass er versenkt sei in Christum Jesu und also mit Ihm gestorben, begraben und auferstanden. Die Taufe soll das Bewusstsein Seiner Errettung und Seligkeit in dem Täufling bestimmter und kräftiger hervorrufen und solches will Gott wirken durch eine Versicherung mit dem Heiligen Geiste, doch nur da, wo er zuvor durch diesen Geist den wahren seligmachenden Glauben an den Sohn Gottes, an die Kraft seines Todes und seiner Auferstehung, hervorgebracht hat. 20–24 s.

¹⁴³ - IX. Diese... gnadenvolle Stiftung... besteht darin, dass von dem dazu in der Gemeinde Verordneten, unter Aussprechung der Einsetzungsworte und nach feierlichem Dankgebet, Brot gebrochen und dieses dann, sowie nach her auch Wein aus dem Kelche, von den Mitgliedern der Gemeinde genossen wird... Wir glauben, dass in diesen heiligen Zeichen Christus seinen Leib und sein Blut den Gläubigen auf eine geistliche Weise zu geniessen gibt. 25–27 s.

¹⁴⁴ - X. 27–38.

¹⁴⁵ - XI. 39–42 s.

¹⁴⁶ - XII. 42–48 s.

¹⁴⁷ - XIII. 49–51 s.

¹⁴⁸ - ... Wir halten uns verpflichtet allen ihren Gesetzen unbedingten Gehorsam zu leisten, wenn diese die freie Ausübung der Pflichten unsers christlichen Glaubens nicht beschränken. Wir halten, dass der Eid – rechtmässig gefordert und geleistet, nur ein Gebet aussergewöhnlicher form sei... halten uns deshalb verpflichtet, wenn wir dazu von der Obrigkeit aufgefordert werden, Kriegsdienste zu leisten. Doch können wir uns auch herzlich mit solchen vereinigen, die rücksichtlich des Eides und des Kriegsdienstes unsre Überzeugung nicht theilen. Wir sehen uns

durch unsren Glauben nicht behindert, ein obrigkeitliches Amt zu bekleiden. 51–54 s.

¹⁴⁹ - XV. Art. 55–59 s.

¹⁵⁰ - «Русские баптисты». Христ. Чтение 1881 г. 1 т., 728–744 стр.

¹⁵¹ - «Вероучение малорусских штундистов». Киев. 1883 г.

¹⁵² - «Baptismus». Allgem. Evang. K. Zeitung. 1888 j. 979 s.

¹⁵³ - «Vereinigte Gemeinde der getaufter Christen in Deutschland, Dänemark, Holland, Schweiz, Polen, Russland, Türkei und Afrika». Dresbach 153 s.

¹⁵⁴ - Missionsblatt 1877 j. № 10.

¹⁵⁵ - Rohnert 135 s.

¹⁵⁶ - «Европейский баптизм». Киевская Старина. 1884 г. Декабрь, 647 стр.

¹⁵⁷ - Dresbach 153 s. В 1895 г. 7 окргов. Vedder. «Geschichte der Baptisten». В конце Uebersicht der Bundes-Statistik der deutschen Baptisten. 1895 j.

¹⁵⁸ - В органе немецких баптистов Missionsblatt то в дело встречаются предложения пресвитерам и миссионерам от имени комитетов поторопиться с высылкою отчетов.

¹⁵⁹ - Missionsblatt. 1878 j. № 12, 228–232 s.

¹⁶⁰ - Allgem. Evang. Luther. K. Zeitung. 1886 j. 618 s.

¹⁶¹ - «Necrolog». Jahesbericht Theologischer v. Lipsius. 1884 j. 382 s.

¹⁶² - Lehman. «Geschichte der deutschen Baptisten». Hamburg. 1896 j. 63–64 s.

¹⁶³ - Lehman. 13 s.

¹⁶⁴ - Missionsblatt 1877 j. 45 s.

¹⁶⁵ - Allgem. Evang. K. Zeitung. 1887 j. 176 s.

¹⁶⁶ - Missionsblatt 1877 j. 45 s.

¹⁶⁷ - Cramp. 672 s.

¹⁶⁸ - Missionsblatt. 1877 j. 16 s.

¹⁶⁹ - Missionsblatt. 1877 j. 3 s.

¹⁷⁰ - Более других известные самозванцы, называвшие себя Петром III, были следующие пять: Донской казачий офицер Пугачев, солдат Кремнев, казак Богомолов, отставной казак Ханин и крестьянин Иов Мосякин. Смотри Библиот. для чтения, Октябрь 1861 года, стр. 26-я.

¹⁷¹ - Учреждению, поставившему своею задачею борьбу с расколо-сектантством путем духовно-просветительных мер, более соответствует название братства, чем общества, как яснее выражающее идею христианской любви, которая должна быть положена в основу деятельности этого учреждения. Автор.

¹⁷² - Строгие староверы не носят фуражек, называя их антихристовой шапкой с железным носом (козырек).

¹⁷³ - В будничные дни монахи обыкновенно носят короткие мантии, а в торжественные праздники они надевают очень длинные.

¹⁷⁴ - У старообрядцев, в скитах, а часто и в молитвенных домах, за неимением грамотных мужиков, бабы, или старые девки кадят иконы, читают Евангелие, а также «измирщившимся» читают и «прощение», пренебрегая учением Св. Апостола Павла, который сказал: «Жена в церкви да не учит». В древних старопечатных книгах нет слов, которые в этом прощении напечатаны курсивом; старообрядцы сами по своему произволу их прибавили, не считая себя ответственными пред Св. Отцами в прибавлении и убавлении, а сами на миссионерских беседах только и защищаются словами: «Аще кто йоту едину прибавит или убавит, анафема да будет».

¹⁷⁵ - Отдельный стол поставлен, скорее всего, не как почетному гостю, а как никонианину, с которыми раскольникам запрещается иметь общение в еде. Ред.

¹⁷⁶ - В местности, известной под названием: «Веселые горы».

¹⁷⁷ - Старообрядческие монахи и даже некоторые особенно набожные миряне к каждому почти слову для вящей набожности и смирения прибавляют: «Прости Христа-ради».

¹⁷⁸ - Журн. «Жизнь» 1900 г., февр.

¹⁷⁹ - Христос – Виновник бытия мира.

¹⁸⁰ - С другой стороны, братство и равенство нисколько не исключают ни идеи государства, ни общества, так как осуществление первого зависит от сердечных движений, а не от форм жизни.

¹⁸¹ - В Римской церкви отлучения совершаются весьма нередко и всегда в грозной форме. Для образца, как папа Римский поступает в подобных случаях, приведем помещенную в феврале истекшего года в бельгийской газете «Massager de Bruxelle» буллу папы Льва XIII об отлучении некоего Леона Таксила. «Во имя всемогущего Бога Отца, Сына и Святого Духа, священного Писания, святой и беспорочной Девы Марии, Матери Бога, во имя всех славных добродетелью ангелов, архангелов, престолов, могуществ, херувимов, серафимов, во имя патриархов, пророков, евангелистов, святых преподобных, мучеников и исповедников и всех прочих спасенных Господом, Мы провозглашаем, что отлучаем от церкви и анафематствуем того злодея, который именуется Леоном Таксиль, и изгоняем его от дверей Святой Божией церкви. И Бог Отец, который сотворил мир, его проклинает, и Бог-Сын, который пострадал за людей, его проклинает, и Святой Дух, который возродил людей крещением, его проклинает, и святая вера, которой искупил нас Христос, его проклинает. И Святая Дева, Матерь Божия, его проклинает, и святой Михаил, ходатай душ – его проклинает. И небо, и земля, и всё, что на них заключается святого – его проклинает. Да будет он проклят всюду, где бы он ни находился: в доме, в поле, на большой дороге, на лестнице, в пустыне и даже на пороге церкви. Да будет проклят он в жизни и в час смерти. Да будет проклят он во всех делах его, когда он пьет, когда он ест, когда он алкает и жаждет, когда он постится, когда он спит, или когда бодрствует, когда гуляет, или когда отдыхает, когда он сидит, или лежит, когда раненый, он истекает кровью. Да будет проклят он во всех частях своего тела – внутренних и внешних. Да будет проклят волос его и мозг его, мозжечок его, виски его, лоб его, уши его, брови его, глаза, его, щеки его, нос его, кисти рук и руки его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудок его, внутренность его, поясница его, пах его с прилегающими частями бедра его, колени его, ноги его, ногти

его. Да будет он проклят во всех суставах членов его. Чтобы болезни грызли его от макушки головы до подошвы ног. Чтобы Христос, Сын Бога живого, проклял его всем своим могуществом и величием. И чтобы небо и все живые силы обратились на него, чтобы проклинать до тех пор, пока не даст он нам открытого покаяния. Аминь. Да будет так, да будет так. Аминь».

¹⁸² - Община эта, находящаяся в хуторе бывшей Козинке, Ростовского округа, является главным распорядительным центром и рассадником штунды для всей Донской области.

¹⁸³ - Бывшего нашего вице-консула в Риме и Генуе, человека пользующегося почтенною известностью. Ред.

¹⁸⁴ - Раскольнические соборы приносят великий вред не только Церкви, но и государству, что можно видеть, напр., из приводимого в отчете преосвященного Полоцкого свидетельства одного из миссионеров о том, что на состоявшемся 3 декабря 1898 г. раскольническом соборе в дер. Войнове, Режицкого уезда, постановлена не молиться за Царя, как неверного. Полицией, предупрежденною миссионером относительно этого собора, в ночное время в местной моленной арестована старопечатная богослужебная книга раскольников, в которой слова молитвы за Царя были заклеены бумагой.

¹⁸⁵ - Евсевия Памф. Церк. Ист., т. I, кн. II, гл. 23; кн. IV, гл. 17–18 и др., рус. пер. С-Петербург. 1858 г.

¹⁸⁶ - Мк.10:2–12, 7:1–16; Мф.16:6 и 12, 23:13–15 и др.

¹⁸⁷ - Тит.3:9; ср. 1Тим.4:7; Гал.1:13–14; Рим.2:17–21; Деян.6:8–10, 14:45 и 50 и др.

¹⁸⁸ - «Слово первое против иудеев» т. I, кн. 2, стр. 636–637. С-Петербург. 1895 г.

¹⁸⁹ - Евсевия Кесар. Demonstr. Ev. 1. 1, с. 2. In patr. curs. compl. t. 22, p. 28 sqq. См. П. И. Цветкова «Обзор апологет. трудов восточных отцов Церкви в IV и V вв.» Приб. к Твор. Св. Отцов 1872 г., ч. XXV, стр. 354–359.

¹⁹⁰ - Кирилла Александр. Contr. Iul. VIII–IX, p. 256 sqq. Ed. Лив. См. Цветкова. Цит. статья в Приб. к Твор. Св. Отцов 1872 г. ч. XXV, стр. 715–721.

¹⁹¹ - И. Златоуст «Против иудеев» т. I, кн. 2, стр. 669–731. С.-Петербург 1895.

¹⁹² - Бл. Августина: «О граде Божиим» кн. 1–5. Рус. пер. т. III, стр. 1–296, Киев 1880 г.

¹⁹³ - Pressensé «Histoire des premiers siècles de l'Église chrétienne» II, 2, 77 р. См. Реверсова: «Очерк запад. апологет. литературы II, III вв.». Прав. Соб. 1891 г., ч. III, стр. 335.

¹⁹⁴ - См. Лактанция: «Божеств. наст.» кн. 5, гл. II–III. Рус. пер. Карнеева, ч. I. Ср. Афанасия «Слово о воплощении Бога Слова». Рус. пер. т. I, стр. 79–161 и др. Москва. 1851 г.

¹⁹⁵ - См. св. Афанасия: «Слово на язычников» т. I. Рус. пер. стр. 5–79, ср. бл. Августина: «О граде Божиим» кн. VI–X, рус. пер. т. III и др. Киев. 1880–1882 г.

¹⁹⁶ - Т. IV стр. 347. Рус. пер. Сергиев Посад. 1892.

¹⁹⁷ - Кирилл Александр. Contr. Iul. praef. VII, 208–222; III, 96; IX, 306; X, 356, 358; V, 152. Patr. curs. compl., см. у Красина. «Твор. бл. Августина: «De civitate Dei», как апология христианства»... стр. 100.

¹⁹⁸ - Лактанций. «Божеств. наст.» кн. 3, гл. XVII, стр. 220–227. Рус. пер. Карнеева, ср. И. Златоуста толк. по Деян., бес. 38, стр. 155. Рус. пер. С.-Петербург 1856.

¹⁹⁹ - Т. IV, стр. 379, ср. 207–209. Рус. пер. Москва. 1862 г., ср. бл. Августина т. IV, стр. 11–12. Рус. пер. Киев. 1882 г.

²⁰⁰ - О гневе Божиим гл. IV, стр. 2–14 Рус. пер. Карнеева. С.-Петербург. 1848.

²⁰¹ - Мф.22:23–33, 16:6 и 12; Деян.17:18–19; 1Кор.15:12–58; 2Кор. XV? 13; –5:21 и др.

²⁰² - Т. IV, стр. 2. Рус. пер. Ср. Афанасия т. I, стр. 81–83; Рус. пер. Москва. 1851 г. Лактанция «О гневе Божиим». Рус. пер. ч. II, стр. 225–231. С.-Петербург. 1848 г.

²⁰³ - Т. I, стр. 50–51; ср. бл. Августина т. II, стр. 299–418. – Рус. пер. Киев. 1880, бл. Феодорита т. II, стр. 37–39. Москва. 1859.

²⁰⁴ - См. «Мис. Обозр.» февраль, стр. 177–189.

²⁰⁵ - Книга правил 174 стр. «Заметь из настоящего правила, говорит Вальсамон, что предоставлять праздному епископу право священнодействовать в праздной Церкви и восседать ему и на самом престоле её дозволяется по соборному усмотрению; ибо я многократно слышал, что для этого нужно и императорское повеление. – А иной спросит: как должно разуметь выражение: «быть отверженным, т. е. восхитившему Церковь?» Некоторые говорили, что это должно понимать в смысле отлучения; а мне кажется, в смысле извержения, на основании правил, в которых говорится, что рукополагающие вне своей епархии подлежат извержению. Ибо, если извергается совершивший что-либо архиерейское к оскорблению местного архиерея, то гораздо более должен быть наказан сделавший что-либо таковое к оскорблению совершенного собора» (Правила св. пом. соб. с толк., вып. 1, стр. 184–185). «Настоящее правило определяет, говорил Аристин, чтобы праздный епископ в праздную Церковь был назначаем совершенным собором, когда присутствует на нём и епископ митрополии; но не сам по себе восхочет престол, хотя бы всем народом был понуждаем, если не хочет быть отверженным» (Правила св. пом. соб. с толк., вып. 1, 183 стр.).

²⁰⁶ - «Русская старина» 1894 г., 195 стр., слова составителя тетради «Замечания и соображения, служащие к опровержению Деян. Белокр. монастыря в каноническом смысле власти лжеепископов».

²⁰⁷ - Книга правил, 189–190 стр.

²⁰⁸ - Обличение ответов, данных раскольниками в защиту австр. священства. Игумена Парфения, стр. 55.

²⁰⁹ - «Московские Епархиальные Ведомости» 1873 г., № 24, стр. 242. См. брошюру Иер. Филарета. «Был ли и остался ли предан старообрядчеству м. Амвросий».

²¹⁰ - Книга правил, 178 стр.

²¹¹ - «Братское слово» 1892 г., т. I, 811 стр.

²¹² - «Братское слово» 1892 г., т. I, 811 стр.

²¹³ - История Сократа, 7 кн., 3 гл.

²¹⁴ - История Сократа, 7 кн., 3 гл.

²¹⁵ - Церк. история Созомена, кн. 4, гл. 25; Бароний 321 г.

²¹⁶ - Церк. история Созомена, кн. 4, гл. 30.

²¹⁷ - Как известно, у старообрядцев не было в продолжении 180 л. епископа (кроме случайных «епископов», появлявшихся в старообрядческом мире мимолетно). Между тем епископ, как главный член Церкви Христовой непременно должен существовать в истинной Церкви Христовой; посему то общество, которое не имеет этого главного члена Церкви, не может быть истинной Церковью Христовой. Приведем в подтверждение сего некоторые святоотеческие мнения. Афанасий Великий писал к Драконтию, пытавшему уклониться от епископства: «если бы все имели ту же мысль, то как сделался бы ты христианином без епископов? И если возымеют такую мысль те, которые будут после нас, то возможно-ли стоять Церкви» (ч. 1, 394–395 стр.). Св. И. Златоуст говорит: «Церковь без епископа быти не может» (Маргар., гл. 54). По учению Игнатия Богоносца, «без епископа сущие не земледелие Христово, но семя вражие, и кто без епископа что-либо творит, те служат и угождают диаволу» (Макар. Миняя, Ноябрь, л. 631). Священномученик Киприан говорит: «Церковь установлена на епископах... кто не с епископом, тот и не в Церкви» (27 и 69 письма). «Не имущим архиерея, говорит Мефодий, патриарх Царя-Града, не дается Дух Святый, якоже веруем; и егда то не имут, его же не прияша таковым образом, како инем подадут знамения на духовныя службы» (Тактикон, слово 23, л. 141 об.). Утверждаясь на сих-то святоотеческих мнениях восточные патриархи в своём «Исповедании» о чрезвычайной важности епископского звания в Церкви говорят так: «Звание епископа так необходимо в Церкви, что без него ни Церковь Церковью, ни христианин христианином не только быть, но и называться не может. Ибо епископ, как преемник апостольский, возложением рук и призыванием Св. Духа получив преемственно данную ему от Бога власть решить и вязать, есть живой образ Бога на земле и, по священнодействующей силе Духа Святого, обильный источник всех таинств Вселенской Церкви, которыми приобретается спасение. Мы полагаем, столько же необходим для Церкви, сколько дыхание для человека и солнце для мира»

(Патр. Грам., член 10). «Кроме епископа, говорит Симеон Солунский, ниже жертва, ниже иерей, ниже миро святое, ниже убо христиане, и христовы чрез того (т. е. епископа) все тайны» (Сим. Сол., кн. 13, гл. 77).

²¹⁸ - Книга правил, стр. 17, 189, 222. Аристин в толковании последнего правила замечает: «принявшие от Бога власть вязать и решить, должны определять епитимьи, смотря по качеству грехов и обращению согрешившего. А пресвитер без воли епископа не может ни увеличивать, ни уменьшать их, ни разрешать кающихся, и удостаивать их божественных тайн, хотя бы епископ находился и в отсутствии». Правила св. пом. соборов с толк., вып. 2, 504 стр.

²¹⁹ - Послание к Смирнянам, гл. 8, «Христ. Чт.», 1828 г., XXXII.

²²⁰ - Творения Тертуллиана, ч. 2, гл. 17.

²²¹ - Книга правил, стр. 15, 169–170.

²²² - «Когда он (Новациан) прислал к нам в Африку послов, говорит св. Киприан Карфагенский, желая быть допущенным в общение с нами; то от многочисленного собора бывших здесь священников ему было объявлено, что он, отделившись от нас, не может ни с кем из нас иметь общения, – так как дерзнул воздвигнуть нечестивый алтарь, основать лживую кафедру и, вопреки истинного священника, приносить святотатственные жертвы тогда, как по воле Божией и по избранию клира и народа был поставлен в Кафедральной церкви епископом Корнелием» (Творения свящennomуч. Киприана, еп. Карф., письмо к Стефану о Маркиане Арелатском, приставшем к Новациану).

²²³ - Книга 4 против ересей, гл. 26.

²²⁴ - Книга правил, стр. 11, 168.

²²⁵ - В повести о печерском Псковском монастыре, о печерской чудотворной иконе Богоматери, писанной во второй половине XVI века, епископ Псковский Геннадий так характеризует веру наших предков: «людие же прости поселяне на Господа Бога надежду возлагающе и на Пресвятую Богородицу... ово просто со вздыханием сердца, тайно в себе,

горе ум простирающе: прости человецы, не умеюще писания, еже навыкли звати исперва, егда крести великий Владимир в Херсуне, тогда бывшии с ним самовидцы народи, и корсунский глагол по-гречески навыкоша звати: кирие лиейсон, по-словенски же: Господи помилуй: прости человецы, мужи и жены, и инии прости людие всяк возраст, последствующе сему в себе тайно, елико чего кто умеюще, молящися глаголют». Сборник Соловец. библ. № 857, л. 151 об.

²²⁶ - Полн. собр. русск. летописей, т. I, стр. 73.

²²⁷ - «На Белоозере жили люди неверные, гласит одно древнее сказание, да как учили креститься и веру христианскую познавать, и они поставили церковь, а не ведают, котораго святого нареци; а на утро собрались, да и пошли церковь свящати, и как пришли к церкви, аже в речки под церковию стоит челнок, а в челноку стулец, а на стульце икона Василий Великий, и они икону взяли в церковь, и нарекли церковь во имя Василия Великаго... И они церковь святили, да учили обедню пети, да как начали Евангелие чести, и грянуло не по обычаю, кабы страшный великий гром грянул, и вси людие уполонились, ино в прежнее место туто было молебище идольское за олтарем, береза да камень, и ту березу вырвало, и камень взяло из земли, да снесло в Шексну и потопило» (Сборн. Соловец. библ., № 925, л.117:118).

²²⁸ - Летописи русск. литер. и древн. Тихонравова, т. IV, отд. 3, стр. 89, 101. Прав. Собесед. 1861 г., т. I, стр. 269–277.

²²⁹ - Полн. собр. русск. лет., т. I, стр. 92.

²³⁰ - Там же, стр. 63, 64.

²³¹ - Полн. собр. русск. лет., т. I, стр. 75, 76.

²³² - Там же, стр. 77.

²³³ - Там же, стр. 77, 78.

²³⁴ - Полн. собр. русск. лет., т. I, стр. 75.

²³⁵ - Греческие писатели, а вслед за ними и Западные производят еще это название от слов Бог милуй или Богу – милый, и выходит, таким образом, что богомилы претендовали на наименование себя богоугодными, благочестивыми, «истинными христианами». В этом именно смысле первый

обличитель богомильской ереси Козьма, пресвитер болгарский, говорит, что «поп по имени Богумил, а по истине речи, Богу не мил, первее нача учить ересь в земле Болгарстей» (Прав. Собеседник 1864 г., т. IV, стр. 481).

²³⁶ - Христ. Чтение 1870 г., № 3, стр. 432.

²³⁷ - Павликианство в свою очередь было ничем иным, как видоизменением манихейства, древнейшей из христианских ересей востока, образовавшейся из смешения христианских понятий с учением Зороастра.

²³⁸ - Zonar. I. XVIII, p. 209. ср. Гильфердинг. «Письма об истории сербов и болгар» II, 121 в «Русской беседе» 1859 г., IV.

²³⁹ - Psellus. De operatione daemonum, 1838 г., Nurenberg ed. Boissonade, p. 3, 5. etc. Cerdenius Hist. I, 514 sqq.

²⁴⁰ - Анна Комнен, «Alexias», ed Paris 1651 г., XIV, 451.

²⁴¹ - «Беседа Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь Богумилу» напечатано в «Прав. Собеседнике» 1864 г. кн. IV–VIII.

²⁴² - Сочинение это отдельно издано Гизелером в 1842 году в Геттингене под заглавием: Euthymii Sigabeni Narratio de Bogomilis seu Panopliae titul 23.

²⁴³ - Вероятно, от испорченного латинского слова communicatio – общение.

²⁴⁴ - Евфимий Зигабен в Victoria de Messalianorum secta ap. Tollii, 120.

²⁴⁵ - Евфимий Зигабен в Victoria de Messalianorum secta ap. Tollie. p. 116. Собираением этих сказаний и разных живых молитв среди богомилов особенно известен болгарский поп Иеремия. В одном списке апокрифических книг, между прочим, сказано: «канунов много живых и молитвы составлены живыя от трясовицы, Еремее попа болгарскаго басни», «Прав. Собеседник» 1861 г., ч. I, стр. 280.

²⁴⁶ - Брокгауз, Энциклоп. Словарь, т. IV, 1891 г.; «Богомилы» Васильева.

²⁴⁷ - Анна Комнен Alexias XV, 390.

²⁴⁸ - Напр. Леонтий Бальбийский, Климент Сасимский и др. – Алляций, De eccl. Orien et Occiden. consen. p. 637–678.

²⁴⁹ - Если неведение проистекало не из греха человека.

²⁵⁰ - Бит, хотя и не знал, ибо в неведении виноват бывает и сам человек.

²⁵¹ - См. «Мисс. Обзор.» Март, стр. 371–381.

²⁵² - В судейских хрониках зачастую бывает, что показания свидетелей на предварительных следствиях совершенно расходятся с показаниями тех же свидетелей, данными под присягой.

²⁵³ - В это время, обнаруженная полицией, обратившаяся была на поруках, оставаясь по убеждениям бегункой, только отступницею. Ред.

²⁵⁴ - Эту беседу вел бывший студент академии Шлеев, теперь единоверческий священник, после которой он и бывшие с ним студенты и сообщили нам о какой-то молодой собеседнице – якобы гимназистке. См. собран. наших сочинений т. I.

²⁵⁵ - См. в «Сборнике» наших сочинений, в кратком воспроизведении.

²⁵⁶ - Эта мысль подтверждается еще и тем, что в дошедших до нас наказах, которыми митрополит уведомлял подведомственные ему Церкви о соборных определениях, он, перечисляя всё положенное на соборе, ни в одном не упоминает об «аллилуиа».

²⁵⁷ - Правила о бранобритии, приводимого старыми кормчими под именем апостольского, не было ни в греческой Церкви, ни в древнерусской. В первый раз оно встречается в сводной кормчей м. Макария, составленной не ранее 30-х годов XVI стол.

²⁵⁸ - Происхождение правила о бранобритии, ложно приписанного 6-му вс. собору, таково: около XIV стол. появилось у нас переводное сочинение Никиты Стифата об опресноках, направленное против заблуждения римской Церкви и оканчивавшееся 11-м пр. 6-го вс. с., запрещающим опресноки. Русский переводчик или позднейшие переписчики, почитавшие и бранобритие ересью латинскою, присоединили статью: «что же о пострижении браны»..., дополнив её указанием на мнимое

происхождение брадобрития от Кавалина. Дальнейшие составители и переписчики сборников и кормчих, внося в свои рукописи эту статью, надписывали: «11-е пр. 6-го вс. с.», опустив действительные слова этого правила, говорившие только об опресноках.

²⁵⁹ - Это установлено судебным следствием.

²⁶⁰ - См. «Мисс. Обзор.» 1900 г. Октябрь и Ноябрь.

²⁶¹ - Приходили на курсы и лица сторонние, как из г. Каргополя, так и соседних приходов; некоторые из них были по несколько раз и слушали с полным вниманием.

²⁶² - Кроме того, на следующий день курсисты получили по несколько брошюр от помош. миссионера, свящ. А. Здравомыслова, и имеют получить по 1 экз. «Выписки» Озерского от Преосвященного Назария, 5 человек по 1 экз. «Истории и руководства по обличению рус. раскола» моего сочинения и 7 чел. по 1 экз. «Краткого руководства к познанию правоты св. Церкви» архим. Павла – от меня.

²⁶³ - См. «Мисс. Обзор.» Апрель, стр. 455–472.

²⁶⁴ - См. «Мисс. Обзор.» Апрель, стр. 473–479.

²⁶⁵ - Т. VII, стр. 254 рус. пер. Москва. 1848 г.

²⁶⁶ - Деян.14:1–29; Флп.3:2–3, ср. И. Златоуста у Еп. Феофана в толк. на Флп.3:2. Ср. его же т. 1, кн. 2 стр. 636. С.-Петербург. 1895 г.

²⁶⁷ - Василия В. т. I, стр. 27–29 рус. пер. Москва, 1845. Бл. Феодорита т. VI, стр. 3, 7, 18–24 рус. пер. Москва. 1859.

²⁶⁸ - Кол.2:8–16, 2, 3, ср. И. Злат. и бл. Феодорита у Еп. Феоф. в толк. на Кол.2:18.

²⁶⁹ - 1Ин.2:22, 4:9 и 15; 2Пет.2:1; 2Тим.2:17–18 и др.

²⁷⁰ - 1Ин.5:5, 10, 13 и 20, 4:2–3, 2:22; ср. Св. Афанасия т. I, стр. 79–161 рус. пер. Москва. 1851 г. Василия В. т. VII, стр. 241–242 рус. пер. Москва. 1848 г. Бл. Феодорита, т. VI, стр. 26–34; рус. пер. Москва. 1859 г.

²⁷¹ - «На ариан слово первое» т. II, стр. 180–192 и след. рус. пер. Москва. 1852. Ср. «Пять слов о Богословии» Григория Богослова т. III, стр. 5–133 рус. пер. Москва. 1844 и др.

- ²⁷² - Василия В. т. VII, стр. 247, рус. пер. Москва. 1848.
- ²⁷³ - Т. I, стр. 405, рус. пер. Москва. 1851 г.
- ²⁷⁴ - Ibid. стр. 412.
- ²⁷⁵ - Т. II, стр. 463 «Слово на ариан третье» рус. пер. Москва. 1852.
- ²⁷⁶ - «О превосходстве Моисея пред всеми пророками». Библейско-экзегетическое исследование против евреев. Правосл. Собесед. 1884 г., март, апрель, стр. 392.
- ²⁷⁷ - Например, еврей Освальд Симон предлагал первое такое общество открыть в Англии, а Саймон проектировал распространить открытую проповедь иудейства по всем христианским государствам, где евреи эмансипированы. См. «Новое Время» 1897 г. 13 января и 11-го февраля. Ср. Миссион. Обзор. 1897 г. март-апрель кн. 2, стр. 151–154. «Об отмене в новом завете обрядов ветхозаветных». Святоотеческие наставления уклоняющимся в иудейство. Доц. Киев. Дух. Акад. В. Рыбинского.
- ²⁷⁸ - «Вера и Церковь» 1899 г., кн. I-ая, стр. 81–83.
- ²⁷⁹ - См. К. Скворцова: «Философия отцов и учителей Церкви». Киев. 1868 г., стр. 363.
- ²⁸⁰ - Christlieb: «Moderne Zweifel am christl. Glauben. 615. Ср. Правосл. Обзор. 1881 г., т. I, стр. 35.
- ²⁸¹ - Проф. В. А. Соколов: «Парламент религий в Чикаго». 1894 г., стр. 76, 85, 86 и др.
- ²⁸² - Бл. Августин: «De gratia Christi» с. III, п. 5; XXVI, п. 27; XXIX, 30. Ср. его же: «De gest. Pelagii» с. X, п. 22. «Contra duas epist. Pelagii». IV, 5. См. Архиеп. Макария: «Правосл. Догм. Богословие» т. II, стр. 252–254. Спб. 1868.
- ²⁸³ - См. Е. Смирнова «История христ. Церкви», стр. 250–254. Спб. 1889 г.
- ²⁸⁴ - «Христианская апологетика» т. I, стр. 33–34, 36. С.-Петербург. 1883 г. Ср. Христианское Чтение. 1886 г., ч. I. «Апологетическая деятельность древней Церкви» стр. 421–426.
- ²⁸⁵ - О фантастических описаниях в этой брошюре мнимых преследований наших сектантов я поговорю в отдельной статье.

286 - Это та интеллигенция, которая вопросами веры «совсем не занималась»? Очевидно, автор заговорился...

287 - Умерший художник Н. Ге.

288 - Отчего бы гр. Толстому, проповеднику коммуны, не пустить в свой «панский дом с верандой» кого-либо из мужиков, а самому не перейти в его «убогую, покривившуюся хату»?... Странное противоречие между учением графа об «опрощении» и его барской жизнью!...

289 - «Не интересно!» Что это? нечеловеческая гордость или графское недомыслие? Ведь само учение Христа потому и ценно для нас, потому и «действительно», что оно не явилось в мир, как отвлеченная доктрина, как прекрасная, но неосуществимая мечта, а потому, что оно нашло себе реальное осуществление, живое воплощение в самой жизни Богочеловека, – в противном случае Его учение в глазах извращенного, слабого в своих силах человечества было бы утопией. Но Христос в Своем учении не только явил миру истину, а доказал возможность осуществления Своего учения в человечестве Своею жизнью и смертью.

290 - Какое может иметь значение солнце? Неважно, существует оно или нет; хотя бы и совсем его не было, лишь бы я пользовался его теплотой и светом его лучей, – так можно рассуждать по-толстовски... «Лишь были-б желуди: ведь я от них жирею». – «Неблагодарная»!

291 - Совершенно справедливое признание...

292 - Когда бы Бог дал: давно пора!

293 - Да, работа очень легкая: её и дети могут сделать. Но при таком субъективном критицизме будет столько определений истины, сколько самих критиков; у кого же из них будет не кажущаяся истина, а истина Христова?...

294 - Научное достоинство толстовской критики евангельского текста уже многим известно... Прежде, чем браться ему за это дело, не мешало бы на старости лет нанять себе репетитора по греческому языку, хотя гимназиста или семинариста, а то граф совсем уж плох в знании греческого языка. См. «О Евангельских чудесах» (Против рационалистов и

в частности против учения гр. Льва Толстого). Доцента Д. Богдашевского; «Мисс. Обзор.» 1900 г., декабрь; также сочинения проф. Гусева.

²⁹⁵ - Описанные автором «коликовцы», без сомнения, принадлежат к секте нетовцев и скорее всего к той их части, которая именуется «неприемлющими водного крещения». Ред.

²⁹⁶ - Последователи «Коликовщины» имеются в следующих посадах: Новозыбкове, Злынке, Климовой, Ардони и друг.

²⁹⁷ - Письмо это написано и послано граф. Толстой ранее известного ответа высокопреосвященнейшего Антония, митрополита С.-Петербургского. Разбираемое автором письмо графини очевидно адресовано было на имя г. Обер-Прокурора Св. Синода.

²⁹⁸ - Удар случился во время утреннего туалета, после чего до самой смерти она в страхе переодевалась, читала сама и приказывала читать Иисусову молитву.

²⁹⁹ - Вот это воззвание в Бозе почившей строительницы нашей св. обители. Святые отцы! Земно вам кланяюсь, прошу у вас прощения и благословения и прошу ваших св. молитв, когда вы предстоите пред престолом Всевышнего Бога! Смирнейше молю вас, держите высоко знамя вашего священного сана и будьте блюстителями строгого неуклонного устава св. Церкви. Держитесь св. типикона, не пророните ни единого слова и строго требуйте, чтобы чтецы и св. лик истово исполняли всё указанное во св. уставе. Ничего не пропускать, не спешить, править служение неуклонно по уставу. Всечестная наша мать игуменья Каллисфения опытная чтица и ею поставленная уставщица и регентша рясофорная послушница мать Мария, несомненно, будут споспешествовать строгому и стройному исполнению св. церковью устава. Святые обители суть хранители древнего устава и наша юная обитель была основана, дабы идти твердою тропею по уставу св. Феодора Студита. Вы, отцы святые, своим примером воодушевите всех сестер идти твердо и неуклонно по узкому пути, ведущему нас, немощных, в царствие небесное. Смирнейше прошу ваших сугубых снятых молитв. Строительница Киевского Покровского

женского общежительного монастыря послушница грешная Александра. 14-го февраля 1900 года.

³⁰⁰ - Интересно бы знать ближе таковых пастырей, а равно и то возмездие, которому подвергаются подобные губители душ христианских. Ред.

³⁰¹ - В Клинцы приехал 25 февраля.

³⁰² - Разбор хлыстовского учения о Церкви, таинствах, почитании св. ангелов и человеков, св. креста, иконы и мощей сделаны мною в особых брошюрах, направленных к обличению всех вообще мнимодуховных христиан, как рационалистов, так и мистиков разных наименований, а потому здесь я не касаюсь этих вопросов.

³⁰³ - См. «Миссион. Обзор.» март 1901 г.

³⁰⁴ - См. «Мисс. Обзор.» Апрель.

³⁰⁵ - Книга правил стр. 24, 23.

³⁰⁶ - *Epistola ad Jubaianum*.

³⁰⁷ - Труды К. Д. Академии 1864 г., 328 стр. В некоторых местах Армян в данное время даже перекрещивали. «Арменов в соборных церквах, рекше в патриархиях, святым миром помазоваху; а в других церквах, в одно и тоже время, арменов совершенно крещаху» (Тимоф. пресвитера о приходящих от ересей, Кормчая, л. 636).

³⁰⁸ - Книга правил, 342–343 стр.

³⁰⁹ - Книга правил, 36–37 стр.

³¹⁰ - «Братское Слово», 1894 г., т. II, 583 стр.

³¹¹ - Братское слово 1894 г., т. II, 583 стр.

³¹² - «Церковные Вестник», 1886 г., № 6.

³¹³ - Правила св. пом. соборов с толкованиями, вып. 2, стр. 32.

³¹⁴ - Церковная история Созомена, гл. 24.

³¹⁵ - Правила св. всел. и пом. соборов с толк., вып. 2, стр. 34, 32.

³¹⁶ - Творения Иеронима, т. IV, 94.

³¹⁷ - *Beveregii*. II «*Annotationes*» p. 67.

³¹⁸ - Деяния всел. соборов, изд. в р. переводе, 2 изд., вып. 7, стр. 48.

³¹⁹ - Beveregii. Pandectae canonum. t. secundus. Annotationes p. 67.

³²⁰ - Pitra. Juris ecclesiae Graecorum historia et monumenta. t. 1, Romae 1864, p. 438.

³²¹ - Теплов. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. Спб. 1889 г., 185–189 стр. Профессор Павлов также признает, что «клириков раскольнической секты «чистых» 1 всел. собор судил принимать, как клириков». – Богосл. В. 1900 г., май, стр. 13.

³²² - Под таким заглавием в майской кн. известного лондонского журнала «Monthly Review» (Месячное Обозрение) появилась достойная серьезного внимания и полная глубокого интереса для русских читателей статья, принадлежащая перу писателя г. Кальдерона. Печатаем её с только что вышедшей в свет брошюры синодального издания, под заглавием: «Правда о графе Льве Толстом». Может быть этот трезвый, спокойный голос, идущий со стороны просвещенного Запада, будет убедительнее для «разъярившихся» и совсем потерявших после послания Св. Синода голову поклонников «великого писателя земли русской». Ред.

³²³ - Равнодействующею, результатомю в механике называется сила, соединяющая в себе совокупное действие двух или более сил действующих в разном направлении. Асимптот значит: линия, которая, усиленно приближаясь к кривой и простираясь хотя бы до бесконечности, никогда не может с нею встретиться.

³²⁴ - 20 мая заведующий нашей редакцией обратился к Толстому со следующей телеграммой с оплаченным ответом. «Ясенки. Графу Толстому. Желательно убедиться, действительно ли писали вы, Лев Николаевич, ответ на постановление Св. Синода об отлучении вас от Церкви, помеченный 4 апреля. Почитатели опасаются, не подвох ли это клерикалов или услужливых друзей. Отзовитесь. 23 мая

получена в редакции телеграмма от графа такого содержания: «Ответ написан мною. Жалею, не мог напечатать. Толстой».

³²⁵ - Поправка: на стр. 800 на строке 17 снизу ошибочно напечатано «и в) письмо мирянина», – последнее в этой книжке не могло пойти. Ред.

³²⁶ - Мы здесь прекращаем перепечатывание первой, отрицательной по содержанию и апологетической по целям, части новой исповеди-«ответа» гр. Л. Н. Толстого, так, как далее, на протяжении целых ста строк (нашего шрифта), идут фразы пустые по существу и по бездоказательности, но тяжкие по производимому ими на читателя впечатлению, – полные грубого кощунства и пошлого издевательства над самыми дорогими, священными предметами веры не только православных русских людей, но и всякого христианина, – каковы, например, таинства христианской веры и Церкви, иконы, богослужение, молитвословия. Толстой негодует на всё это, как «на средства», употребляемые иерархией для «гипнотизации простого народа и детей»... Во всей опускаемой нами святотатственной тираде «ответа», так похожей на безумный, кощунственный бред озлобленных фанатиков из наших грубых сектантов, – нет ни одной оригинальной мысли, против сказанного выше, по поводу «заклинаний требника», ни одной новой фразы против напечатанного графом 20 лет назад в его легкомысленной бранчивой «Критике православного Богословия»... Мы отказываемся от своего напечатанного выше (стр. 800) слова (поместить на страницах «Мисс. Обзор.» полностью «ответ» гр. Л. Н. Толстого) из уважения к религиозному чувству наших читателей, так беспощадно оскорбляемому во всём «ответе», а наипаче здесь – в самых священных тайниках верующего сердца, а равно и из опасения быть невольными виновниками в возбуждении, – а по выражению графа, «в подстрекательстве» к недобрым чувствам – законного негодования со стороны поборников Илииной ревности по вере, в отношении «великого» писателя, как ругателя Церкви, которому, по нынешнему душевному состоянию и старческому возрасту, так дорог должен быть покой... Тем более, что желающие ознакомиться в полности с

этим документом, легко могут это сделать, так как «ответ» широко распространен среди читающей публики теми путями и средствами, к каким вот уже в течение многих лет граф и графиня Толстые неизменно прибегают, т. е. в России – чрез гектограф и «ремингтон» почитателей, а за границей – чрез издательство гг. Елпидина и Бирюкова в Женеве и В. Г. Черткова в Лондоне. Как ни странно, но тот факт, что гр. Толстой, оспаривая в настоящем документе справедливость обвинения его Св. Синодом в распространении им «с ревностью фанатика» своих богоборных сочинений, в то же время послал «ответ» к заграничным друзьям, с просьбою скорее перевести на все языки его протест против «насилия Синода» и издать «ответ» в самых распространенных органах и в отдельных листках. Что давно и сделано друзьями. В Берлине в любом киоске «ответ» продается по ½ к. за экземпляр. А что означает заявление графа в телеграмме к на тему заведующему редакцией: «жалею, что не мог напечатать»? Или: почему граф, «невинно осужденный» Синодом, не прислал своего протеста самому Святейшему Синоду, или его первоприсутствующему, или обер-прокурору? В опускаемых нами строках вместе с хулой на Духа Святого, таинственно, но реально действующего и соприсущего в христианских таинствах Церкви, Толстой возводит явную клевету на учительство церковное, говоря: «Если когда какой человек попытается напомнить людям, что не в молебствиях, обеднях, свечах, иконах учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, – то поднимается негодование тех, которым выгоден этот обман веры», т. е. иерархии, которая будто бы противному учит в церквях и печатает в книгах и газетах. Но кто же этому поверит, и чем докажет граф Толстой, что наши церковные проповедники учат иначе? Пусть-ка почитает граф получше святоотеческую литературу и познакомится с апологетикой отечественных авторов, хотя бы лично известного ему епископа уфимского Антония, и тогда убедится, что здесь говорит или грубое невежество графа, или клевета на Церковь и её служителей, уподобляемых Толстым «душевным разбойникам». Не мог Лев Николаевич не сознавать,

что он сорвался со своего якоря молчания (ведь доселе граф никогда никому не возражал) и «зарвался», выступая с таким нехристианским по тону и облыжным по содержанию протестом против принятой Св. Синодом справедливой меры, представляя её «злом и неправдой»... Протестом этим фактически и для всех очевидно яснополянский учитель стал в противоречие с основным догматом своей философии о непротивлении, а потому в конце отрицательной (ругательной) части своего profession – Лев Николаевич пытается оправдаться (пред последователями) в том, почему он собственными руками так потряс свои основы. «Если чувашин мажет своего идола сметаной и сечет его, я могу не оскорблять его верования и равнодушно пройти мимо, потому что он делает это во имя чуждого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священо; но когда люди своим суеверием, как бы их много ни было, как бы старо ни было их суеверие и как бы могущественны они ни были, – во имя того Бога, Которым я живу, и того учения Христа, которое дало мне жизнь и может дать её всем людям, – проповедуют грубое колдовство, – я не могу этого видеть спокойно». Но – позвольте, разве не чужд наш православно-христианский Живой Бог, во Святой Троице славимый, пантеисту Толстому, поклоняющемуся безличному богу? И что яснополянскому лжеучителю до Христа, нашего Исккупителя и Спасителя, и до Его Божественного учения и наших таинств, раз, по понятиям графа, – Он не Богочеловек? Тут только новый прием фарисейской самозащиты... Ред.

327 - Иак.4:1.

328 - Иак.3:1.

329 - 1Тим.1:7.

330 - 2Тим.3:7.

331 - Истинное положение дела наши читатели могут узнать из брошюры г. Тверского «Духоборческая эпопея». Ред.

332 - Леруа-Болье, сообщающий эти сведения об обычаях хлыстов, передает их, разумеется, со слов русских писателей об этой секте. Сведения эти, действительно, даже открыто нашими учеными передавались в их исследованиях хлыстовщины, но,

как известно, оказались не твердо обоснованными и скорее сомнительными. Перепечатка же их в сочинениях западных писателей показывает, что за нами, русскими писателями, следят за границей, и что, следовательно, нам нужно быть осторожными в наших суждениях и сообщениях, чтобы не дать иностранцам повода говорить неправду о русских людях. Ред.